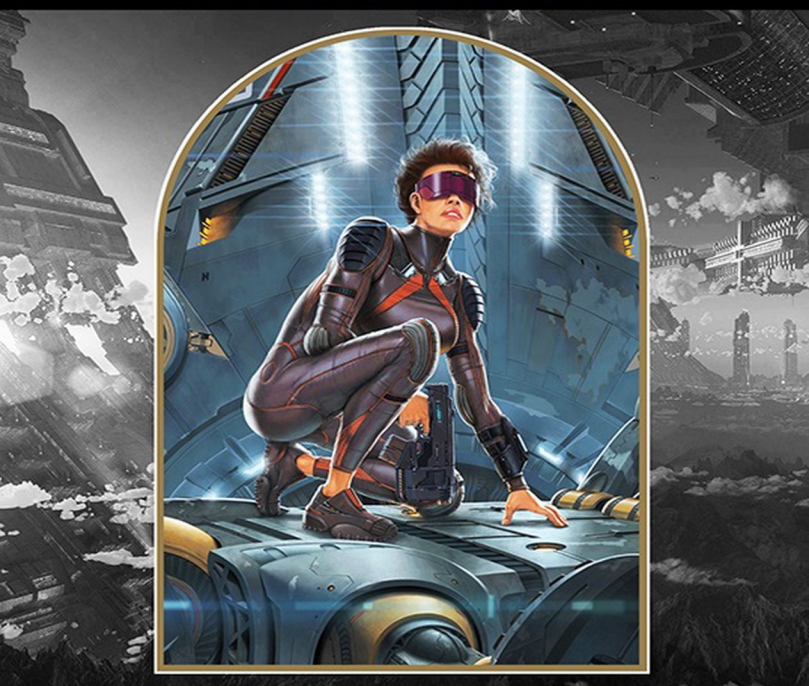
Брюс
СТЕРЛИНГ



Чаттануга

Чаттануга

Брюс Стерлинг, Сандра Макдональд

Аннотация
Стерлинг Брюс. Чаттануга
Стерлинг Брюс. Старомодное будущее
- Манеки-Неко
- Жирный пузырь удачи
- Последний шакальчик
- Священная корова
- Глубокий Эдди
- Велосипедный мастер
- Такламакан

Пик Вечного Света
Зенитный угол
- ПРОЛОГ
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8

ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
Распад
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.

Аннотация

Брюс Стерлинг. Чаттануга
Содержание:
Брюс Стерлинг: Старомодное будущее
Брюс Стерлинг: Пик Вечного Света
Брюс Стерлинг: Зенитный угол
Брюс Стерлинг: Распад

Стерлинг Брюс.
Чаттануга

Стерлинг Брюс
Старомодное будущее

Манеки-Неко

- Нет, я больше так не могу! - простонал брат.

Цуоши Шимизу, лежа на футоне, задумчиво поглядел на экран пасокона. Несчастное лицо его старшего брата изрядно раскраснелось и лоснилось от пота.

- Это всего лишь карьера, - напомнил Цуоши, садясь и расправляя смятую пижаму. - Не стоит принимать слишком близко к сердцу.

- Вечные сверхурочные, - пьяным голосом забубнил брат. - Корпоративные вечеринки! - Он звонил из какого-то бара в квартале Сибуйя; на заднем плане суровая деловая дама средних лет фальшиво пела караоке. - И еще эти проклятые экзамены. Программы повышения квалификации менеджеров. Тесты на профпригодность. У меня просто нет времени на жизнь!

Цуоши сочувственно хмыкнул. Он не был в восторге от этих ночных звонков, но полагал, что обязан выслушивать сетования брата; который был весьма достойным человеком, прежде чем окончил элитарные курсы при Университете Васеда, получил место в крупной корпорации и обзавелся профессиональными амбициями.

- У меня язва желудка, - пожаловался брат. - И болит спина. Я катастрофически седею! Нет, они меня уволят, это точно. Как бы человек ни вкалывал, каким бы ни был лояльным, большим компаниям нынче наплевать на своих служащих. И ты еще спрашиваешь, почему я пью?!

- Тебе надо жениться, - посоветовал Цуоши.

- Не могу найти "половину". Женщины никогда меня не понимали. - Брат пожал плечами. - Послушай, Цуоши, я в полном отчаянии, ситуация на рынке сбыта просто катастрофическая, Я почти не могу дышать! Да, надо все изменить, и я подумываю о том, чтобы принять обет... Нет, серьезно! Я мечтаю отречься от этого ужасного мира!

Цуоши встревожился не на шутку:

- Сколько ты выпил?

Лицо брата резко заполнило экран.

- Хочу в монастырь, там тихо и спокойно! Читаешь вслух сутры, размышляешь о смысле жизни... Правила строгие, но разумные. Да, когда-то таким был и наш японский бизнес, в старые добрые времена!

Цуоши скептически хмыкнул.

- На той неделе я навестил одно заведение... Монастырь на горе Эсо, признался брат. - Тамошние монахи хорошо понимают проблемы таких,

как я, и оберегают нас от современной жизни. Ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни факсов, ни сверхурочных, ни производственных совещаний... Совсем-совсем ничего. Кругом лишь мир, покой, красота - и никаких изменений. Настоящий рай!

- Мой старший брат, - сказал Цуоши, - у тебя отроду не было ни малейшей склонности к религии. Ты не отшельник, а заведующий сектором крупной экспортно-импортной компании.

- Ну... Возможно, ты прав: религия меня не спасет. Я подумывал сбежать в Америку; в конце концов, там тоже ничего не происходит.

- Это уже лучше, - улыбнулся Цуоши. - Отличное место для каникул - ты заслужил отдых. Американцы очень милы и дружелюбны с тех пор, как там запретили оружие.

- Но я не смогу... - захныкал брат. - Я такого не вынесу! Как можно бросить все, что знаешь, и отдать себя на милость незнакомцев?

- Ничего страшного, поверь моему опыту, - ободрил его Цуоши. - Почему бы не попробовать? - Жена Цуоши беспокойно зашевелилась на соседнем футоне, и он понизил голос:

- Прости, но на сегодня все. Непременно позвони, когда примешь какое-то решение.

- Отцу ничего не говори! - забеспокоился брат. - Старик и так волнуется.

- Не скажу, - пообещал Цуоши, прерывая контакт, и экран потемнел.

Его жена, на восьмом месяце беременности, тяжело перекатилась на бок.

- Это снова твой брат? - спросила она.

- Да, его только что продвинули по службе. Больше обязанностей, больше ответственности. Брат как раз отмечает это дело с сотрудниками.

- Приятно слышать, - тактично сказала жена.

***

Цуоши встал поздно. В конце концов, он был сам себе хозяин и трудился тогда, когда удобно. Он занимался тем, что переводил старые видеозаписи на новейшие высокотехнологичные носители, а эта работа, если делать ее как следует, нуждается в глазомере истинного мастера. Молва об искусстве апгрейдера видеоформатов Цуоши Шимизу расползлась по Сети, и он брал столько заказов, сколько мог и хотел.

В десять утра явился почтальон. Цуоши пришлось прервать завтрак из похлебки мисо с сырым яйцом, чтобы расписаться за доставку очередного заказа: магнитные ленты двадцатого

века с аналоговым сигналом. С той же почтой пришла корзиночка свежей клубники и пикули в маринаде домашнего изготовления.

- Огурчики! - счастливо вздохнула жена. - Люди так добры ко мне с тех пор, как я жду ребенка.

- Кто их прислал, как ты думаешь?

- Не знаю. Кто-нибудь из Сети.

Цуоши загрузил свой медиатор, почистил сверхпроводящие головки и проверил старые ленты. Магнитный слой сильно осыпался и частично утратил полярность.

Включив фрактальный генератор деталей и стабилизатор изображения, Цуоши приступил к работе с чередующимися алгоритмами. Когда он закончит, новые цифровые копии будут выглядеть гораздо четче, яснее и композиционно интереснее, чем примитивные оригиналы в свои лучшие дни.

Цуоши любил свою работу. Довольно часто ему попадались отрывки видеозаписей, обладающих определенной архивной ценностью, и тогда он передавал изображения в Сеть. По-настоящему крупные базы данных, с целыми армиями поисковых машин, индексаторов и каталогов, имели весьма обширные интересы. Они никогда не платили за новую информацию, ибо Глобальная

Информационная Сеть не являлась коммерческим предприятием. Однако сетевые машины были чрезвычайно вежливы и придерживались строжайшего сетевого этикета. Они отвечали услугой на услугу, а поскольку имели невероятно обширную память, ни одно доброе дело не оставалось без вознаграждения.

После ленча жена Цуоши отправилась за покупками.

Специальная служба доставила посылку из-за океана: премиленькие младенческие одежки из Дарвина, Австралия.

Желтенькие, как солнышко. Любимый цвет его жены.

Наконец Цуоши покончил с первой лентой и перевел ее на новый кристаллический диск. Пора было прогуляться. Он спустился вниз на лифте, зашел в кофейню на углу, заказал двойной мокко-капучино со льдом и расплатился льготной карточкой.

Когда он допил свою чашку, зазвонил поккекон. Цуоши вынул его из кармана и ответил на вызов.

- Возьми то же самое с собой, - сказала машина.

- Ладно, - отозвался Цуоши и отключился. Он купил еще чашку кофе, накрыл ее крышкой и

вышел на улицу.

На скамейке рядом с его домом сидел мужчина в деловом костюме. Костюм был дорогой, но выглядел так, словно в нем спали. Мужчина был небрит, с красными опухшими глазами и тихо покачивался взад-вперед, держась руками за голову. Поккекон снова зазвонил.

- Кофе для него? - спросил Цуоши.

- Конечно, - последовал ответ. - Его это взбодрит.

Цуоши подошел к несчастному бизнесмену, и тот, нервно вздрогнув, взглянул на незнакомца глазами побитой собаки.

- Что?..

- Возьмите, - сказал Цуоши, вручая ему чашку. - Прекрасный двойной мокко-капучино со льдом.

Мужчина снял крышку, с недоверием понюхал и поднял изумленные глаза:

- Но это же.., мой любимый кофе! Кто вы?

Цуоши поднял кисть, сложив пальцы в кошачью лапку, но бизнесмену этот жест явно не был знаком, и тогда он просто пожал плечами:

- Какая разница? Иногда человеку очень нужен кофе.

Теперь он у вас есть.

- Но... - Бизнесмен отхлебнул из чашки и неожи-

данно улыбнулся. Великолепно! Спасибо, большое спасибо!

- Пустяки, - сказал Цуоши и пошел домой.

Жена вернулась из магазина, купив себе новую обувь.

Во второй половине беременности бедняжка сильно отяжелела, у нее постоянно отекали ноги. Вздохнув, она села на кушетку и принялась рассматривать свои ступни в желтых лодочках.

- Ортопедическая обувь такая дорогая, - пожаловалась она. - Надеюсь, эти туфли выглядят не слишком безобразно?

- Ну что ты, дорогая, они тебе очень идут, - дипломатично ответил Цуоши.

Он познакомился со своей женой в видеомагазине - она только что расплатилась кредитной картой за диск примитивных черно-белых американских анимаций 1950-х.

Поккекон велел ему немедля подойти к женщине и завести беседу о коте Феликсе, мультяшном любимце Цуоши и первой звезде древних ТВ-комиксов.

Сам он никогда бы не рискнул подойти к такой красивой девушке, но Сеть знает всех наперечет, ей виднее. И Цуоши обнаружил, что красавица вовсе не прочь обсудить с ним общее пристрастие

к реликвиям.

Они пообедали вместе. И снова встретились через неделю. Ночь перед Рождеством они провели в отеле для влюбленных. У парочки оказалось много общего.

Она вошла в его жизнь как подарок из магического мешка кота Феликса, и за это Цуоши был навечно благодарен Сети. Теперь он был женат, собирался стать отцом и твердо стоял на ногах. Словом, жизнь сулила ему скромные радости.

- Тебе пора постричься, милый, - сказала ему жена.

- Да, конечно.

Она достала из сумки подарочную коробочку.

- Почему бы тебе не сходить в отель Дарума? Там неплохая парикмахерская, а заодно передашь от меня вот эту вещь.

Жена открыла деревянную коробку, и Цуоши увидел в белом гнездышке из пенопласта керамическую фигурку кота с широкой улыбкой и воздетой лапой, призывающей удачу.

- Как, опять манеки-неко? По-моему, у тебя их более чем достаточно. Даже на нижнем белье!

- Это подарок. Для кого-то в отеле Дарума.

- Да?

- Какая-то женщина протянула мне эту вещицу

в обувном магазине. Похожа на американку и совсем не говорит по-японски. Но какие у нее туфли... Просто заглядение!

- Если Сеть поручила этого кота тебе, дорогая, ты сама должна отнести его, верно?

- Милый, - вздохнула жена. - У меня ужасно болят ноги, и тебе все равно надо привести в порядок волосы, а мне еще и ужин готовить, и кроме того, это не такой уж хороший манеки-неко, а просто дешевый сувенир для туристов. Неужели тебе трудно?

- Ничуть, - сказал Цуоши - Только пересылай подсказки со своего поккекона на мой, а я погляжу, что можно будет сделать.

- Я знала, что ты согласишься, - улыбнулась она. - Ты всегда такой добрый.

***

Цуоши положил манеки-неко в карман и ушел. Он ничего не имел против просьбы жены, ведь многие капризы беременной гораздо труднее выполнять в их крошечной квартирке на шесть татами. Супруги были довольны кварталом и соседями, однако надеялись найти квартиру побольше еще до рождения ребенка. Возможно, даже с маленькой студией, где Цуоши мог бы

расположиться со своей аппаратурой. Найти приличное жилье в Токио очень трудно, но он уже замолвил словечко Сети, и друзья, с которыми Цуоши даже не был знаком, изо дня в день занимались этой сложной проблемой. Рано или поздно наверняка подвернется что-нибудь подходящее, если он будет пунктуально выполнять все поручения Сети.

Сперва он зашел в местный салон пачинко и выиграл у автомата пол-литра пива и проездной. Пиво он выпил, взял проездной и отправился на вокзал, где сел на электричку.

Выйдя на станции Эбису, Цуоши достал поккекон и вызвал на экран уличную карту Токио. Путь его пролегал мимо заведении с заманчивыми названиями "Шоколадный суп", "Те лесная свежесть" и "Аладцин-Май-Тай Траттория". В отеле Дарума он нашел парикмахерскую, которая именовалась "Всепланетный облик Дарума".

- Что мы можем для вас сделать? - спросила дама-администратор - Думаю, мне надо побриться и постричься, - сказал Цуоши.

- Вам назначено?

- К сожалению, нет, - извинился он, складывая пальцы в знак кота.

Женщина ответила быстрой серией резких дви-

жений пальцев, из которых Цуоши не опознал ни одного. Дама была явно из другой части Сети,
- Ничего страшного, - добродушно улыбнулась она. - Наоко с удовольствием вас обслужит.

Наоко аккуратно подбривала ему виски, когда зазвонил поккекон.

- Зайди в дамскую комнату на четвертом этаже, - велел он Цуоши.

- Прошу прощения, но я не могу. Это Цуоши Шимизу, а не Аи Шимизу. К тому же меня как раз постригают.

- О, я понимаю, - откликнулась машина. - Рекалибровка. - И отключилась.

Наоко закончила стрижку. Это была хорошая работа, Цуоши выглядел намного лучше. Человеку не следует забывать о своей внешности, даже если он не сидит часами в конторе. Его поккекон снова зазвонил.

- Да? - отозвался Цуоши.

- Лавровишневый лосьон после бритья. Возьми его с собой.

- Хорошо, - ответил Цуоши и обратился к Наоко:

- У вас есть лавровишневый лосьон?

- Странно, что вы об этом спросили, - сказала девушка. - Он давно вышел из моды, но у нас

случайно сохранилась пара флаконов.

Цуоши приобрел один и вышел из парикмахерской. Ничего не произошло, поэтому он купил журнал комиксов и уселся ждать в вестибюле. Наконец к нему приблизился лохматый блондин в шортах, сандалиях и ослепительно яркой гавайке. На плече иностранца висела камера в чехле, в руке он держал старомодный поккекон. На вид ему казалось лет шестьдесят, и это был очень, очень высокий мужчина.

Он что-то сказал по-английски своему поккекону.

- Прошу прощения, - перевел тот на японский. - У вас случайно не найдется бутылочки лавровишневого лосьона после бритья?

- Найдется, - сказал Цуоши и достал флакон. - Возьмите, пожалуйста.

- Благодарение небесам! - воскликнул иностранец, а его поккекон поспешно перевел. - Я спрашивал у всех подряд в вестибюле. Извините, что опоздал.

- Не беда, я не тороплюсь, - улыбнулся Цуоши. - Какой у вас интересный поккекон.

- Полно вам, - сказал иностранец. - Я знаю, что он старый и давно вышел из моды. Но я как раз планировал купить себе новый у вас в Токио.

Говорят, их продают корзинами на рынке Акиабара.

- Верно. Какой программой перевода вы пользуетесь?

Ваш поккекон вещает, как уроженец Осаки.

- Да что вы говорите? - забеспокоился турист. - И это раздражает жителей Токио?

- Ну, я не хотел бы жаловаться, но... Послушайте, я могу скопировать для вас совершенно новый бесплатный транслятор.

- Это было бы чудесно!

Они нажали кнопки поккеконов и обменялись визитками через Сеть. Изучив электронную карточку иностранна, Цуоши узнал, что мистер Циммерман проживает в Новой Зеландии. Затем он активировал программу трансферта информации, и его мощный поккекон начал вводить новый транслятор в старую машину Циммермана.

Тут в вестибюль вошел огромный американец в черных очках и глухом плотном костюме; было видно, что он безумно страдает от жары. Мышцы американца распирали одежду, как у штангиста. Вслед за атлетом появилась миниатюрная японка с атташе-кейсом. На женщине красовались зеркальные солнечные очки, броский темно-го-

лубой костюм и шляпка в тон, но вид у нее был какой-то загнанныш.

Атлет остановился у дверей и внимательно проследил за тем, как вносят чемоданы. Женщина стремительно подошла к регистрационной стойке и принялась нервно задавать клерку бесчисленные вопросы.

- Я страстный поклонник машинного перевода, - поведал Цуоши высокому новозеландцу. - Думаю, компьютеры делают великое дело, помогая людям понять друг друга.

- Не могу не согласиться, - кивнул мистер Циммерман. - Помню, когда я впервые приехал в Японию много лет назад, у меня не было ничего, кроме бумажного разговорника. И вот я вхожу в бар и... - Внезапно он замолчал, уставившись на экран поккекона. - Прошу прощения! Тут мне говорят, что я должен немедленно подняться в свой номер.

- Я могу пойти с вами, пока транслятор не загрузится полностью, предложил Цуоши.

- Большое спасибо!

Они вместе вошли в лифт, и Циммерман нажал на кнопку четвертого этажа.

- Так вот, я зашел в этот бар на Роппонджи поздно ночью, потому что очень устал и надеялся

перекусить.

- И что?

- Эта женщина... Ну, она слонялась в баре для иностранцев поздней ночью, и была, скажем так, не вполне одета, и совсем не казалась хоть немного лучше, чем выглядит, и...

- Да, я вас понимаю.

- А меню, которое мне дали, было целиком на канджи, или катакане, или романджи, или как это у вас называется, поэтому я достал свой разговорник и попытался расшифровать загадочные идеограммы, однако... - Лифт остановился, двери открылись, и они вышли в холл четвертого этажа. - Словом, кончилось тем, что я ткнул пальцем в первую строчку меню и сказал этой даме...

Циммерман опять замолк, поглядев на экран поккекона.

- Кажется, что-то случилось... Минуточку!

Он внимательно изучил инструкции, вынул из кармана шортов флакон и открутил колпачок. Потом встал на цыпочки и, воздев очень длинную руку, вылил лавровишневый лосьон в вентиляционную решетку, расположенную под самым потолком.

Дело было сделано. Новозеландец аккуратно закрутил колпачок, сунул пустую бутылочку

в карман и поглядел на экран покеккона. Нахмурился и как следует встряхнул его, но на экране ничего не изменилось. Очевидно, новый транслятор Цуоши перегрузил слабенькую операционную систему Циммермана, и поккекон безнадежно завис.

Циммерман произнес несколько непонятных английских выражений, потом улыбнулся и с извиняющимся видом развел руками. Кивнув на прощание, он вошел в свой ломер и закрыл дверь.

Японка и ее дюжий американский спутник вышли из лифта. Мужчина оглядел Цуоши твердым взглядом. Женщина достала из сумочки электронную карту и открыла дверь номера, руки ее при этом заметно дрожали.

Поккекон Цуоши зазвонил.

- Уходи отсюда, - сказала машина. - Спустись в вестибюль по лестнице и войди в лифт вместе с рассыльным.

Цуоши поспешно спустился вниз и увидел, как мальчик в униформе закатывает в лифт тележку с багажом взволнованной японки. Он аккуратно протиснулся мимо металлических колес тележки и встал у задней стенки кабины.

- Вам какой этаж, сэр? - спросил мальчик, - Вось-

мой, - ответил Цуоши наобум.

Рассыльный нажал на кнопки и замер лицом к двери, руки в белых перчатках по швам. Поккекон молча выбросил на экран строчку текста: положи коробочку в голубую дорожную сумку.

Голубая сумка с молнией лежала на самом верху. Ему хватило пары секунд, чтобы приоткрыть молнию, сунуть внутрь манеки-неко и снова закрыть. Мальчик ничего не заметил и выкатил тележку на четвертом этаже. Цуоши вышел на восьмом, чувствуя себя немного глупо. Он побродил по холлу, нашел укромный уголок за автоматом, торгующим прохладительными напитками, и позвонил жене.

- Ну как дела, дорогая?

- Ничего, - ответила жена и улыбнулась. - Ты прекрасно выглядишь! Ну-ка покажи, как тебя подстригли сзади.

Цуоши послушно направил экран поккекона на свой затылок.

- Отличная работа, - заключила жена с глубоким удовлетворением. Надеюсь, ты собираешься домой?

- Гм. В этом отеле творится нечто странное, - сказал Цуоши. - Возможно, я немного задержусь.

Она немного нахмурилась;

- Только не опаздывай к ужину! У нас сегодня бонито.

***

Цуоши вошел в лифт, чтобы спуститься в вестибюль, но кабина остановилась на четвертом этаже, и в нее ввалился дюжий американец. Из носа у атлета текло, а из глаз струились слезы.

- С вами все в порядке?

- Не понимаю по-японски! - прорычал атлет.

Как только закрылись двери, мобильник американца с треском ожил, испустив отчаянный женский вопль, за которым последовал бурный поток английских слов. Мужчина, громко выругавшись, ударил волосатым кулаком по кнопке "стоп". Кабина со скрежетом остановилась, и зазвенел тревожный звонок.

Атлет раздвинул створки двери голыми руками, вскарабкался на пол четвертого этажа и кинулся назад. Лифт негодующе зажужжал, двери лихорадочно задергались. Цуоши поспешно выбрался из сломанной кабины и секунду колебался, глядя вслед убегающему. Потом вытащил поккекон, загрузил японско-английский транслятор и решительно последовал за ним.

Дверь номера оказалась открытой.

- Эй? - воззвал Цуоши и, не дождавшись ответа, испробовал свой поккекон:

- Могу я чем-нибудь помочь?

Женщина сидела на кровати. Она только что обнаружила коробочку с манеки-неко и с ужасом взирала на крошечного кота.

- Кто вы такой? - спросила она на ломаном японском.

Цуоши наконец сообразил, что это американка японского происхождения. Ему редко приходилось встречать японцев из Америки, но те всегда вызывали у него тревожное чувство. Внешне они выглядели как нормальные люди, но вели себя ужасно эксцентрично.

- Всего лишь друг, который проходил мимо, - ответил он. - Чем могу помочь?

- Хватай его, Митч! - закричала женщина по-английски. Атлет выскочил в холл и ухватил Цуоши за запястья.

Пальцы - будто стальные наручники. Цуоши нажал кнопку тревоги на своем поккеконе.

- Забери у него компьютер, - распорядилась женщина.

Митч выхватил поккекон и бросил его на кровать. Потом сноровисто обыскал пленника и, не найдя оружия, толкнул его в кресло. Женщина

снова перешла на японский.

- Ты, сидеть здесь! Не двигаться!

Она приступила к исследованию бумажника Цуоши.

- Прошу прощения? - изумился задержанный, скосив глаза на лежащий на кровати поккекон. Тот исправно посылал сигналы бедствия в Сеть, и по его экрану молчаливо бежали красные тревожные строчки. Женщина заговорила по-английски, и поккекон послушно перевел:

- Митч, немедленно вызови местную полицию.

Атлет разразился громовым чихом, и до Цуоши наконец дошло, что весь номер пропах лавровишней.

- Я не могу вызвать полицию. Я не говорю по-японски, - буркнул Митч и снова отчаянно чихнул.

- О'кей, я сама вызову копов. Надень на парня наручники. А потом спустись вниз и купи себе в аптечке каких-нибудь антигистаминов, ради Христа.

Митч достал из кармана пиджака рулончик пластилитовых наручников и примотал правое запястье Цуоши к изголовью кровати. Из другого кармана он извлек носовой платок, вытер слезы и трубно высморкался.

- По-моему, мне лучше остаться с вами. Кот в багаже.

Значит, сетевым преступникам уже известно, что мы в Японии. Вам грозит опасность.

- Ты, конечно, мой телохранитель, Митч, но в данный момент ни на что не годен.

- Этого не должно было случиться, - с обидой сказал атлет, яростно почесывая шею. - Прежде моя аллергия никогда не мешала работе.

- Запри дверь снаружи, а я подопру ее креслом. Ступай и позаботься о себе.

Митч ушел. Женщина забаррикадировала дверь и связалась с администрацией отеля через прикроватный пасокон.

- Говорит Луиза Хашимото из номера 434, Тут у меня гангстер, информационный преступник. Вызовите токийскую полицию и скажите, чтобы приехали люди из отдела организованной преступности... Что? Да, именно так. И поднимите на ноги всю вашу службу безопасности, здесь может произойти все что угодно. Советую поторопиться.

Она резко прервала контакт. Цуоши взирал на нее в глубоком изумлении.

- Зачем вы это делаете? Что все это означает?

- Итак, ты называешь себя Цуоши Шимизу,

- сказала женщина, разглядывая его кредитные карточки. Она села в ногах кровати и уставилась ему в лицо. Ты что-то вроде якудзы, верно?

- По-моему, вы совершаете большую ошибку, - заметил Цуоши.

Луиза сурово нахмурилась.

- Послушайте, мистер Шимизу, вы имеете дело не с каким-нибудь там янки на отдыхе. Я Луиза Хашимото, помощник федерального прокурора из Провиденса, Род-Айленд, США. - Она продемонстрировала ему магнитную идентификационную карточку с золотым официальным гербом.

- Приятно познакомиться с представителем американского правительства, любезно сказал Цуоши, ухитрившись слегка поклониться. - Я бы пожал вам руку, но моя привязана.

- Прекратите изображать святую невинность! Я уже видела вас здесь, на четвертом этаже, и в вестибюле тоже.

Откуда вам известно, что у моего телохранителя жестокая аллергия на лавровишню? Вы наверняка взломали его медицинское досье.

- Кто, я? Какая чушь!

- С тех пор как я напала на след ваших сетевых бандитов, все факты складываются в колоссальный преступный заговор, - сказала она. - Я

арестовала компьютерного пирата в Провиденсе. Как выяснилось, он свободно распоряжался мощным сетевым сервером и целой кучей бесплатных поисковых машин с искусственным интеллектом. Мы посадили мерзавца под замок, мы арестовали все его машины, интеллекты, индексаторы, каталоги... И в тот же вечер появились коты!

- Коты?

Луиза кончиками пальцев приподняла манеки-неко, словно бы это был живой электрический угорь.

- Эти маленькие коты, ваше японское вуду. Манекинеко, я не ошибаюсь? Они стали появляться везде, куда бы я ни пошла. Фарфоровый кот в моей сумочке. Три глиняных кота в моем рабочем кабинете. Куча котов во всех витринах антикварных лавок Провиденса. Радио в моем автомобиле принялось мяукать!

- Вы уничтожили часть Сети? - едва проговорил потрясенный Цуоши. - Вы арестовали поисковые машины?

Какой ужас! Как же вы могли совершить такое бесчеловечное деяние?

- Ты имеешь наглость возмущаться? А моя машина, выходит, не в счет? Луиза раздраженно

потрясла толстым, неуклюжим американским поккеконом. - Как только я сошла с самолета в Нарита, ПЦА был атакован. Тысячи и тысячи посланий, одно за другим, и все с картинками котов. Я не могу связаться даже с собственным офисом!

Мой ПЦА совершенно бесполезен!

- Что такое ПЦА?

- Персональный Цифровой Ассистент, производство Силиконовой долины.

- С таким имечком... Неудивительно, что наши поккеконы не желают с ним разговаривать.

Луиза сверкнула глазами.

- Да, это так, умник. Давай шути! Дошутишься. Ты уличен в злонамеренной информационной атаке на официального представителя правительства США! - Она перевела дух и осмотрела Цуоши с головы до ног. - А знаешь, Шимизу, ты совсем не похож на итальянских гангстеров и мафиози, с которыми мне приходится иметь дело в Провиденсе.

- Потому что я не гангстер. В жизни своей никому не причинил вреда.

- Да ну? - ухмыльнулась Луиза. - Послушай, приятель, я знаю о людишках твоего сорта гораздо больше, чем ты думаешь. Я давно вас изучаю. У нас, компьютерных копов, есть для вас

специальное название... Цифровые панархии! Сегментированные, полицефальные, интегрированные сети влияния! Как насчет БЕСПЛАТНЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ, которые ты все время получаешь? - Она уличающе ткнула в него пальцем. - Разве ты когда-нибудь платишь налоги с этих подарков? Ха! Разве ты декларируешь их как свой доход? А эта бесплатная доставка из зарубежных стран? Домашнее печенье, огурчики, помидорчики! Дармовые ручки, карандаши, старые велосипеды! А как насчет извещений о срочных грошовых распродажах?.. Ты злостный неплательщик налогов, живущий на доходы с незаконных трансакций!

Цуоши озадаченно моргнул.

- Послушайте, я ничего не понимаю в таких вещах. Я просто живу своей жизнью.

- Дело в том, что ваш подарочный экономический хаос подрывает законную, одобренную государством, регулируемую экономику!

- Возможно, все дело в том, - мягко возразил Цуоши, - что наша экономика гораздо лучше вашей.

- Кто это сказал? - фыркнула она. - С какой стати ты так думаешь?

- Потому что мы гораздо счастливее вас. Что может быть плохого в человеческой доброте?

Что плохого в подарках? Новогодние подарки... Подарки к празднику весны... К началу учебного года и к его концу... Свадебные подарки... Подарки на день рождения... И юбилейные... Все люди любят подарки.

- Но не так, как вы, японцы. Вы на них просто помешаны.

- Что это за общество, если в нем отрицают добровольные дары? Не считаться с нормальными человеческими чувствами... Да это просто варварство.

- По-твоему, я варвар? - ощетинилась Луиза.

- Не хочу показаться невежливым, - заметил Цуоши, - но вы привязали меня к своей кровати.

Она скрестила руки на груди.

- Еще не то будет, когда тебя заберет полиция.

- Боюсь, нам придется долго ждать, - заметил Цуоши. - В Японии полицейские не торопятся. Мне очень жаль, но в нашей стране гораздо меньше преступлений, чем у вас, и японская полиция немного расслабилась.

Тут зазвонил пасокон, Луиза приняла вызов. Это была жена Цуоши.

- Могу я поговорить с Цуоши Шимизу?

- Я здесь, дорогая! - поспешно воскликнул супруг. - Она меня похитила! И привязала к кро-

вати!

- Привязала к своей кровати? - Глаза его жены стали совсем круглыми. Ну нет, это уже слишком! Я вызываю полицию!

Луиза быстро отключила пасокон.

- Я никого не похищала! Просто задержала до прибытия местной полиции, которая тебя арестует.

- Арестует? А за что, собственно?

Луиза на несколько секунд задумалась.

- За умышленное отравление моего телохранителя путем залива в вентилятор лавровишневой настойки.

- Но в этом нет ничего противозаконного, разве не так?

Пасокон снова зазвонил, и на экране появился ослепительно белый кот с огромными, сияющими, неземными глазами.

- Отпусти его, - распорядился он.

Луиза, взвизгнув, выдернула вилку пасокона из розетки, и через полсекунды весь свет в номере погас.

- Инфраструктурная атака! - еще громче завизжала она и быстро залезла под кровать. В комнате было темно и очень тихо. Кондиционер тоже отключился.

- Думаю, вы можете выйти, - сказал наконец Цуоши. - Это всего лишь короткое замыкание.

- Это не замыкание, - упрямо пробормотала Луиза.

Она медленно выползла из-под кровати и села на матрас.

Странным образом в темноте у них возникли почти товарищеские чувства.

- Я очень хорошо знаю, что это такое, - тихо сказала женщина. - Меня атакуют. Не было ни минуты покоя с тех пор, как я арестовала тот сегмент Сети. Со мной постоянно что-то случается. Куча неприятностей. Но ничего нельзя доказать - ни малейшего свидетельства, которое можно предъявить суду. - Она тяжело вздохнула. - Если я сажусь на стул, кто-то уже оставил на сиденье жевательную резинку. Мне приносят бесплатную пиццу, и всегда с такой начинкой, какую я терпеть не могу. Маленькие дети плюют в мою сторону на улице, старухи в инвалидных колясках преграждают дорогу, когда я тороплюсь.

В ванной внезапно включился душ, сам по себе. Луиза вздрогнула, но ничего не сказала. Постепенно темная, душная комната стала наполняться горячим паром.

- В туалетах не спускается вода, - всхлипнула

женщина. - Мои письма теряют на почте. Если я прохожу мимо автомобиля, срабатывает противоугонная система, и все окружающие начинают пялиться на меня. Мелочи, всегда только мелочи, но они никогда не прекращаются. Я столкнулась с чем-то ужасно большим и очень-очень терпеливым, и оно все про меня знает. Оно распоряжается миллионами рук и ног. И все эти руки и ноги принадлежат людям!

В холле послышался какой-то шум, отдаленные голоса, бессвязные крики. Внезапно кресло полетело на пол, и дверь с треском распахнулась. В комнату, споткнувшись на пороге, влетел Митч, теряя черные очки, и растянулся на полу.

Следом ввалились два охранника из отеля и набросились на него. Митч, невнятно ругаясь, энергично отбивался руками и ногами, в драке оба охранника потеряли фуражки.

Наконец один из них крепко ухватил противника за ноги, а другой, крякнув, успокоил его резиновой дубинкой.

Пыхтя и отдуваясь, они вытащили телохранителя в коридор. Темная комната настолько наполнилась паром, что в спешке стражи порядка даже не заметили Цуоши с Луизой. Женщина уставилась на сломанную дверь.

- Бог ты мой, почему? Что он им сделал?

Цуоши в замешательстве поскреб в затылке:

- Должно быть, небольшое взаимонепонимание?

- Бедный Митч! В аэропорту у него отобрали оружие. С его паспортом была бездна технических проблем. С тех пор как Митч связался со мной, ему ни в чем не было удачи...

Тут кто-то громко постучал в окно. Луиза съежилась в ужасе, но взяла себя в руки и мужественно раздвинула глухие портьеры. Комнату залил яркий солнечный свет.

За окном висела люлька, спущенная с крыши отеля.

Два мойщика окон в серых форменных комбинезонах весело помахали руками, складывая пальцы кошачьей лапкой. С ними был еще один человек, оказавшийся старшим братом Цуоши.

Один из мойщиков открыл окно универсальным ключом, и брат неловко забрался в комнату. Выпрямившись, он аккуратно одернул костюм и поправил галстук.

- Это мой брат, - представил его Цуоши.

- Что вы здесь делаете? - холодно осведомилась Луиза.

- Ну, в ситуациях с заложниками всегда при-

глашают родственников, охотно разъяснил тот. - Полиция доставила меня на вертолете прямо на крышу отеля. - Он с интересом осмотрел Луизу с ног до головы. - Мисс Хашимото, у вас едва осталось время на побег.

- Что?!

- Взгляните на улицу, - сказал брат. - Видите их?

Люди толпами прибывают со всех концов города. Продавцы лапши с самоходными ларьками, рассыльные велосипедисты, мотокурьеры, почтальоны на пикапах, подростки на скейтбордах...

- О нет! - громко взвизгнула Луиза, взглянув в окно. - Ужасная, неуправляемая толпа! Они меня окружили! Я пропала!

- Пока еще нет, - сказал брат. - В окно и на платформу. У вас есть шанс, Луиза, не упустите его. Я знаю одно местечко в горах, священное место, где нет компьютеров, телефонов и прочего безобразия. Подлинный рай для таких, как вы и я...

Луиза с надеждой вцепилась в пиджак бизнесмена.

- Могу ли я вам доверять?

- Посмотрите мне в глаза. Разве вы не видите? Да, вы можете мне довериться, Луиза, - кивнул он, - ведь у нас так много общего.

Они решительно вылезли в окно. Луиза крепко ухватилась за руку старшего брата Цуоши, ветер развевал ее темные волосы. Люлька со скрипом пошла наверх и пропала из виду.

Цуоши встал из кресла и протянул левую руку. Кончиками пальцев ему удалось подцепить свой поккекон. Он подтащил его поближе, схватил и прижал к груди. Потом снова сел в кресло и принялся терпеливо ждать, когда кто-нибудь придет сюда, чтобы вернуть ему свободу.

Жирный пузырь удачи

Руди Рюкер и Брюс Стерлинг

Перевод с английского М. Левина

Орущая металлическая медуза тащила длинные невидимые щупальца по акру сухого бетона аэропорта Сан-Хосе.

Или так казалось Тагу - Тагу Мезолье, окосевшему от математики программисту и фанату аквариумов. Он работал над выведением искусственной медузы, и почти все казалось ему похожим на медузу, даже самолеты. Сейчас он стоял у выдачи багажа, встречая техасского миллиардера Ревела Пуллена.

Потребовался потоп телефонных звонков, факсов и электронной почты, чтобы выманить техасского затворника из его мерзких, пропитанных нефтью полей, но Таг заманил Ревела Пуллена на вторую личную встречу в Калифорнии. Наконец-то дело шло к тому, что новаторские хайтековские исследования Тага превратятся в полномасштабное производство. И перспектива успеха была сладка.

Впервые Таг встретился с Ревелом в Монтерее два месяца назад, на весеннем симпозиуме ГСИППВ АСМ, то есть Группы Специальных Интересов по Подземным и Подводным Вычислениям Ассоциации Счетных Машин.

На симпозиум Таг приехал с кое-как сляпанной презентацией искусственной медузы. Привез он с собой пятьсот экземпляров отпечатанной на принтере брошюры на глянцевой бумаге: "Искусственная медуза - ваш путь в постиндустриальную глобальную конкуренцию!" Но когда наступило время доклада Тага, пятнадцатитерабайтная демоверсия искусственной медузы грохнулась так отвратно, что пришлось даже перезагружать машину - дешевый индонезийский клон лэптопа "Сан", который Таг таскал с собой для презентаций. В резерве у него были слайды, но тут же, конечно, заело проектор. А хуже всего единственный работающий прототип искусственной медузы лопнул по дороге в Монтерей. И после доклада Таг в красном тумане стыда смыл обрывки разлагающегося желе в унитаз конференц-центра.

А оттуда направился в коктейль-холл, и там трепливый молодой Пуллен его высмотрел, выпил с ним пару стаканов и даже оплатил счет

- бумажник у Тага спер накануне ночью из номера пожилой красавец рассыльный.

Поскольку темой Тага была желеобразная медуза, грубый Пуллен решил, что забавно будет выпить по паре желе с текилой. Слизистая крепкая заправка вместе с громогласными шутками, бахвальством и хвастливыми обещаниями Ревела облегчили боль позора от выступления.

На следующий день Таг и Ревел вместе позавтракали, и Ревел выписал Тагу приличный чек на предварительные расходы. Таг должен был вывести искусственную медузу, способную к подводной разведке нефти.

Писать прикладные программы - это еще ничего, но бурение нефти, на вкус Тага, было занятием аналоговым и несколько вульгарным, зато деньги - деньги имели вполне реальный вид. Единственное, что мешало иметь дело с Ревелом, это была его одержимость какой-то новой и очень неприятной органической слизью, которая недавно запечатала старейшую из фамильных скважин. И грубоватый техасец все время снова и снова уводил разговор от медузы к этой древней подземной слизи.

Устроившись сейчас на капоте дорогой спортивной "Аниматы" с переделанным двигателем,

Таг ждал Ревела. У Тага были курчавые темные волосы и розовые щеки. Одет он был в шорты, спортивную рубашку, сандалии и носки с ромбическими узорами и был похож на развращенного английского школьника. "Анимату" он купил на деньги, которые откладывал на дом, когда понял, что никогда, никогда не накопит на дом в Калифорнии. Облокотившись на ветровое стекло, Таг разглядывал садящиеся самолеты и представлял себе медузу, плывущую в небесно-голубом море.

Дома у него были полные аквариумы медуз: один - с плоскими лунообразными медузами, у каждой четыре беловатых круга половых органов, другой - с прозрачными медузами-колоколами из зарослей морской травы бухты Монтерей, большой аквариум со жгучими медузами, обладательницами длинных бахромчатых ротовых рук и похожих на плети пурпурных щупальцев со стрекательными клетками, аквариум поменьше с похожими на мухоморы пятнистыми медузами из озера Медуз в Палау, и специальный аквариум гребенчатых медуз с волочащимися реснитчатыми щупальцами, и аквариум японских зонтичных медуз, и много еще.

Рядом с арсеналом аквариумов находился большой цветной экран рабочей станции. Таг не был

биологом; под очарование медуз он попал, когда работал над математическими алгоритмами для создания клеточных моделей вихревых слоев. Для математического глаза Тага медуза давала идеальное соотношение между кривизной и кручением, точно как вихревой пласт, только медуза компенсировала динамическое напряжение и осмотическое давление. Настоящая медуза была свилеватее эмуляций Тага. И Таг стал преданным адептом изучения кишечнополостных.

Подражая природе до самых основ, он нашел способ развивать и совершенствовать свою модель вихревых пластов с помощью генетического программирования. Алгоритмы искусственных медуз, созданные Тагом, конкурировали между собой, мутировали, воспроизводились и умирали в виртуальной реальности экрана цвета морской воды. По мере улучшения алгоритмов экран рабочей станции превращался в аквариум виртуальных медуз, графического представления уравнений Тага; алгоритмы выходили на предел вычислительных мощностей компьютера и медленно пульсировали в тусклом свечении компьютерной имитации.

Живые медузы в аквариумах с настоящей морской водой задавали объективные стан-

дарты, которых пытались достичь программы Тага. Каждый час, каждую минуту видеокамеры таращились в освещенные прожекторами аквариумы, безустанно анализируя движения медуз и передавая данные в рабочую станцию.

Последним, коронным этапом исследований Тага был его рукотворный прорыв. Теоретические уравнения стали реальными пьезопластиковыми конструкциями - мягкими, водянистыми, желеобразными роботами-медузами из реального пластика в реальном мире. Эти модели были созданы с помощью скрещенной пары лазерных лучей для спекания - то есть соединения без сплавления - желательных форм в матрице пьезопластиковых микробусин.

Спеченные микробусинки вели себя как массы клеток: каждая из них могла сжиматься или расширяться в ответ на тонкие вибрационные сигналы, и каждая микробусинка могла передавать информацию своим соседкам.

Законченная искусственная медуза оказалась гибким маленьким зонтиком, колыхавшимся медленными волнами возбуждения и торможения. Лучшая пластиковая медуза Тага могла сохранять активность до трех недель.

Следующим требованием Тага к своему созда-

нию было "коронное приложение", как называли его гуру-программисты. И казалось, что он уже держит это приложение в руках, учитывая его последние эксперименты по приданию медузе чувствительности к химическим ароматам и сигналам. Таг убедил Ревела - и сам наполовину поверил, - что искусственных медуз можно будет снабдить чипами, подающими радиосигнал, и выпустить на морское дно. Они смогут вынюхивать выходы нефти на океанское ложе и углубляться в эти колодцы. Если так получится, то искусственные медузы совершат революцию в подводных разработках нефти.

Единственным, с точки зрения Тага, недостатком было то, что подводное бурение есть мерзкое преступление против волшебной среды, где живут настоящие медузы. Но эти планы готовы были привлечь техасские капиталы, достаточно капиталов, чтобы продолжать исследования еще год.

А может, за этот год Таг найдет более экологически безопасное приложение и сумеет отцепиться от этого техасского психа.

Легок на помине. Ревел Пуллен прошествовал из выхода в белой робе нефтяника: фланелевая рубашка и комбинезон из чертовой кожи типа "а ну-ка, разорви". Рубашка была от Нейман-Мар-

куса, а комбинезон отглажен, но и та, и другой были вроде бы естественно заляпаны техасской свежей грязью.

Таг спрыгнул с капота и приподнялся на цыпочки помахать, намеренно подчеркивая женственность жеста, чтобы подергать нервы техасца. И ножку приподнял назад, как Мэрилин Монро в "Неудачниках".

Абсолютно не смутившись, Ревел Пуллен свернул в сторону Тага, косолапо шагая в башмаках змеиной кожи. Ревел был шалопай племянник в знаменитой фирме-миллиардере "Пуллен Бразерс" из Амарилло. Клан Пулленов состоял из отчаянных биржевых игроков и "зеленых шантажистов" - они скупали акции какой-нибудь компании, а затем предлагали их самой компании по заоблачной цене, угрожая в противном случае захватить над ней контроль.

Однажды они попытались загнать в угол весь мировой рынок молибдена.

Ревел, наименее предсказуемый член своего клана, отвечал за самые сомнительные инвестиции "Пуллен Бразерс": становящиеся убыточными нефтяные скважины, которые когда-то привели семью Пуллен к процветанию - начиная со знаменитой скважины Дитери Гашер,

пробуренной еще в 1892 году возле Спиндлтопа в Техасе.

Пунктиком Ревела было честолюбивое желание стать магнатом в хайтек-промышленности. Вот почему он посещал компьютерные семинары вроде ГСИППВ, вопреки исключительному своему невежеству во всем, что касалось движения байтов и пикселей.

Ревел был готов сунуть большие деньги в любую сексуально привлекательную дыру технических начинаний Силиконовой долины. Особенно если такое начинание обещало чем-то помочь коллапсирующему нефтяному бизнесу семьи и (что по-прежнему ставило Тага в тупик) найти применение некоей странной прозрачной жидкости, которую буровики Ревела стали недавно выкачивать из скважины Дитери.

- Привет, ну и жара! - протянул Ревел, перекидывая полиэфирно-джинсовую сумку с плеча на плечо. Плечи были узкие. - Ты молодец, что меня встретил, Таг.

Таг, расплываясь в улыбке, высвободил пальцы из настойчивого пожатия Ревела и показал на свою "Анимату";

- Ну, Ревел? Готов начинать бизнес? Я решил, что мы должны назвать его "Ктенофора инкорпо-

рейтед". Ктенофора - это такая гермафродитная медуза, у которой гребнеобразные пищевые органы фильтруют океанские воды, ее еще называют "гребешковая медуза". Как ты думаешь" пойдет такое имя нашей компании? Гребем доллары из мощного моря экономики!

- Не так громко! - напомнил Ревел, оглядываясь вокруг пародийным жестом уличного мошенника. - Как знает всякий уважающий себя промышленный шпион, я сюда приехал в отпуск.

Он закинул сумку на заднее сиденье, потом выпрямился и полез в глубокий карман своих мешковатых непробиваемых штанов.

Оттуда техасец вытащил аптечный флакон, наполненный прозрачным вязким желе, и сунул согретый в паху пузырек в неохотную ладонь Тага с настойчивостью торговца наркотиками:

- Я хочу, чтобы ты это держал у себя, Таг. Просто на всякий случай, знаешь.., если со мной что-нибудь случится.

Ревел завертел маленькой головой, параноидально оглядываясь, и Таг вспомнил, когда последний раз был в аэропорту Сан-Хосе: встречал отца, впавшего в такой маразм, что задницу вытирал пальцами, а пальцы - об стены. Дядя Тага

погрузил брата в самолет и отправил племяннику, как багаж. Таг его засунул в местный дом престарелых, и там папаша помер этим летом.

Жизнь полна печали, и Таг давал ей ускользнуть сквозь пальцы. Он гей, которого никто не любит и которому никогда не будет опять тридцать лет, и вот сейчас приходится ублажать денежного психа из Техаса. Ублажать Таг не слишком хорошо умел.

- У тебя действительно есть враги? - спросил Таг. - Или ты просто так думаешь? А я должен думать, что у тебя они есть? И волноваться по этому поводу?

- В этом нашем плане есть деньги - настоящие хрустики, - мрачно похвастался Ревел, забираясь на пассажирское сиденье. Он помолчал, ожидая, чтобы Таг взялся за руль и закрыл дверцу водителя. - А волноваться нам надо только об одном, - продолжал он, когда Таг наконец сел, - чтобы не просочилось наружу. Экология, блин. Ты никому не говорил, что я тебе писал?

- Нет, конечно! - отрезал Таг. - Тот дешевый открытый ключ, которым ты шифруешь, половину твоих сообщений перепахал. И вообще, чего ты так волнуешься? Кому какое дело до слизи из выработанной нефтяной скважины, хоть ты ее и

называешь Уршляйм. Это по-немецки, что ли?

- Тс-с-с! - прошипел Ревел.

Таг включил мотор и прогазовал, пустив голубоватое облако выхлопных газов. Автомобиль качнулся, поехал и " влился в бесконечный калифорнийский поток машин.

Ревел несколько раз оглянулся, удостоверяясь, что за ними нет слежки.

- Да, я ее назвал Уршляйм, - наконец сказал он напыщенно. - Я даже запатентовал это имя как товарный знак.

Старые немецкие профессора чего-то стоили. Ур - означает "первичная", шляйм - "слизь". Вся жизнь произошла из Уршляйма, исходной слизи! Первичная слизь из внутренних глубин планеты! Тебе когда-нибудь случалось раскусить зеленый миндаль, Таг? Прямо с дерева? Там сначала зеленый пух, тоненькая оболочка, а внутри - прозрачная густая слизь. Вот точно так устроена и наша планета.

Почти весь Уршляйм еще течет в самой глубине и выступает оттуда. Он только ждет, пока его выкачает какой-нибудь умный мальчик и использует его коммерческий потенциал. Уршляйм - это сама жизнь.

- Просто грандиозно, - будничным голосом ото-

звался Таг.

- Грандиозно! - передразнил Ревел. - Дружище, это единственное спасение техасского нефтяного бизнеса! Черт побери, если мы, техасцы, бросим бурить нефть, придется нам торговать вразнос чипами и софтом, как этим нытикам-слабакам с Тихоокеанского побережья! И ты меня не знаешь, если думаешь, что я сдам нефтяной бизнес без боя!

- Да ладно, ладно, я же не спорю, - примирительно произнес Таг. - Не забудь, мои медузы тебе помогут искать нефть.

Всегда было заметно, когда Ревел входил в нелинейный режим - его техасский акцент становился сильнее, и свой любимый нефтяной бизнес он начинал называть "нафтяной". Но что это за история с Уршляймом?

Таг одной рукой поднял пузырек с прозрачной жидкостью и стал разглядывать, не отрывая второй от руля. Вещество было тиксотропным - то есть гель при встряхивании превращался в жидкость. Можно было перевернуть пузырек, и Уршляйм оставался в верхнем конце, но если чуть встряхнуть, состояние слизи менялось, и она перетекала в другой конец, как внезапно хлынувший из бутылки кетчуп. Однородный,

прозрачный кетчуп. Сопли.

- Скважина Дитери прямо сейчас выдает Уршляйм! - сообщил Ревел, надевая на веснушчатый нос итальянские очки от солнца. Все равно выглядел он не старше двадцати пяти лет. - У меня в сумке баллон с ним на три галлона.

Один из моих буровиков говорит, что это новый вид нефти глубокого залегания, а другой утверждает, что это просто вода, зараженная бактериями. Но я лично согласен со старым герром доктором, профессором фон Штоффманом. Мы попали на клеточную жидкость самой материземли: недифференцированная живая ткань, Таг, первичная слизь.

Уршляйм!

- И что вы сделали, чтобы она пошла наверх? - спросил Таг, стараясь сдержать смех.

Ревел закинул голову назад и провозгласил:

- Слушай, если ОПЕК хоть краем уха услышит про нашу новую технологию... Ты думаешь, у меня нет врагов, парень? А шейхи? - Ревел постучал костяшками пальцев по боковому стеклу. - Да и Дядя Сэм на нас навалится, если узнает, что мы модифицируем гены и засеваем выработанные нефтяные ложа измененными бактериями! Они проедают смолу и парафин, меняют вязкость

нефти, открывают поры в камне и насыщают все метаном... Старуха Дитери уже никогда бы не выбила клапан и не зафонтанировала, но мы ее зарядили новым, экстраактивным штаммом. И что пошло фонтаном? Уршляйм?

Ревел поглядел на Тага поверх модельных очков и решил, что собеседник достоин доверия.

- Таг, но это еще только полдела. Ты подожди, я тебе еще расскажу, что мы с этой штукой стали делать, когда добыли.

Тагу уже надоело. Пустой треп этого болтуна никак не поможет Тагу продавать медуз.

- А что ты думаешь о той искусственной медузе, что я тебе послал?

Ревел нахмурился:

- Ну, поначалу она выглядела ничего себе. Размером со сдутый футбольный мяч. Я ее пустил к себе в бассейн, она там плавала, вроде как подергивалась и пульсировала примерно дня два. Ты вроде говорил, что эта штука должна жить неделями? Сорок восемь часов - и ее не стало. Растворилась, я думаю. Хлор пластик разъел или что-то вроде этого.

- Быть не может, - твердо возразил Таг. - Наверняка уплыла в щель у тебя в бассейне. Эта модель не могла продержаться меньше трех

недель! Мой лучший прототип. Хемотактическая искусственная медуза, построенная для входа в подводные скважины и поиска пути к нефтяным ложам внизу.

- Бассейн у меня не в лучшем состоянии, - великодушно согласился Ревел. - Так что действительно твоя медуза могла пролезть в щель - и пока. Но если это твое приложение поиска нефти хоть сколько-нибудь работает-, она должна была бы вернуться с какими-то полезными геологическими данными. А она не вернулась. Так что глянув правде в глаза, Таг: растворилась эта штука.

Таг не собирался сдаваться:

- Моя медуза не послала наверх информации, потому что я не вложил в нее чип трассера. И если уж ты решил так грубо говорить, то я тебе могу сказать, что не считаю поиск нефти таким уж почтенным применением. Если честно, то уж лучше бы водный департамент Калифорнии использовал моих медуз для поиска течи в ирригационных каналах и канализации.

Ревел зевнул, глубже уходя в пассажирское сиденье.

- Очень гражданственно с вашей стороны, доктор Мезолья. А для меня вся вода Калифорнии десяти центов не стоит.

Таг гнул свое:

- Или чтобы мои медузы исследовали загрязненные колодцы здесь, в Силиконовой долине. Если пустить искусственную медузу в колодец и дать ей пульсировать вниз неделю-другую, она отфильтрует даже следовые загрязнения! Отличный пиаровский ход - выставить напоказ антиполлюционный аспект работы. Вспомни историю своей семьи - неплохо было бы выглядеть хорошо в глазах ребят из Защиты Окружающей Среды. Если подать правильно, можно даже получить федеральный грант на разработку.

- Не знаю, омбре, - буркнул Ревел. - Как-то это неспортивно - вынимать деньги из федералов... - Он мрачно смотрел на роскошную экзотику за окном, толстые укутанные юкки и апельсиновые деревья. - Да, здесь у вас все зелено.

- Да, - равнодушно бросил Таг, - слава богу, перерыв в засухе. В Калифорнии очень пригодились бы медузы, умеющие искать утечку воды.

- Вода здесь ни при чем, - возразил Ревел. - Важен углекислый газ. Два миллиона лет копившаяся нефть вся сгорела до углекислого газа и вылетела в атмосферу меньше чем за сто лет. Растительная жизнь просто обезумела.

Ты посмотри - вся эта растительность вдоль

дороги выросла из автомобильных выхлопов! Подумать только.

По выражению радости на лице Ревела видно было, что ему эта мысль весьма приятна.

- Дело в том, что если проследить историю углерода в этих дурацких деревьях.., он же всего сотню лет назад лежал на глубине нескольких миль в первобытных кишках Земли! А так как мы, чтобы жить, едим растения, то же самое верно и про людей! Наше мясо, мозг и кровь построены из сгоревшей сырой нефти! Таг, мы все - создания, Уршляйма. Вся жизнь произошла из первичной слизи.

- Ерунда! - горячо возразил Таг, съезжая на дорогу в Лос-Перрос, тот анклав массива Силиконовой долины, где жил он сам. - Один атом углерода ничем от другого не отличается. И если мы говорим об искусственной жизни, то даже не нужен "атом". Это может быть байт информации, микробусина пьезопластика. Не важно, откуда взялся материал - важно, как он себя ведет.

- Вот тут мы с тобой и расходимся, друг. - Машина ехала по главному шоссе Лос-Перрос, и Ревел глазел на вызывающе одетых женщин. - Врубись, Таг: благодаря нефти куча атомов углерода в этом твоем яппи-поселке пришла из Техаса. Хочешь

не хочешь, а большая часть современной жизни - в основе своей техасская.

- Довольно мерзкая новость, Ревел, - улыбнулся Таг.

Он с визгом шин прошел последний поворот, въехал на дорожку и остановился возле гниющего и пораженного грибком крыльца пригородного дома, который снимал за абсурдно высокую цену. Арендная плата его просто убивала. С тех пор как любовник бросил его на прошлое Рождество, Таг все собирался переехать в дом поменьше, но почему-то в глубине души жила надежда, что, если оставить дом за собой, придет к нему симпатичный сильный мужчина и поселится вместе с ним.

В соседнем доме богатая самоанская семья перекидывалась водяными мячами и ревела от смеха. Шипели на барбекю ароматные куски соевого мяса. В доме самоанцев жил большой зеленый попугай по кличке Тоатоа. В ясные дни вроде сегодняшнего Тоатоа вопил на крыше дома. У него был большой желтый клюв и пристрастие к хрящам каракатиц и тыквенным семечкам.

- Классно, - одобрил Ревел, оглядывая потрескавшиеся от землетрясений стены и облупившийся потолок. - Я боялся, что непросто будет найти

место для экспериментов. Но раз ты снимаешь эту помойку под мастерскую, проблем не будет.

- Я здесь живу, - с достоинством ответил Таг. - По стандартам Калифорнии это очень хороший дом.

- Тогда неудивительно, что ты хочешь основать компанию! - Ревел поднялся по ступенькам на крыльцо и вытащил из сумки баллон высокого давления длиной в ярд. - Есть у тебя садовый шланг? И воронка?

Таг принес кусок шланга, предусмотрительно выбрав обгоревший в нескольких местах при последних травяных пожарах на холме. Ревел достал щегольской карманный нож из своих неразрываемых штанов и отрезал от шланга три фута. Потом он ловко приделал к концу шланга жестяную воронку и затрубил в нее.

Потом Ревел отбросил этот импровизированный горн в сторону и взялся за цилиндр:

- Лохань у тебя найдется?

- Без проблем.

Таг вошел в дом и вынес большой пластиковый кулер для пикников.

Ревел открыл краник баллона и стал выливать его содержимое в кулер. Черный кончик медленно эякулировал густым прозрачным гелем, как силиконовой замазкой. Пинта за пинтой гель

стекал в белую зернистую внутренность кулера с верхней крышкой. От вещества шла сернистая вонь горелой резины, которая у Тага ассоциировалась с Гавайями - по необходимости коротким пребыванием на огнедышащих склонах Килауа.

Таг из предусмотрительности отошел в сторону и встал с наветренной стороны от кулера.

- Насколько глубоко пришлось добывать этот образец?

- Глубоко? - захохотал Ревел. - Док, эта штука прорвала предохранительные клапаны на старухе Дитери и расплескала буровой раствор на пять ближайших графств. Получился старый добрый фонтан. А оно все перло, заливая почву.., этак, знаешь, спазматически. Кончилось тем, что образовалось озеро выше крыш грузовиков.

- Господи, а что дальше было? - спросил Таг.

- Что-то испарилось, что-то впиталось в подпочвенные слои. Исчезло. Первый образец, который я взял, был из чьей-то "тойоты". Хорошо еще, что задний борт у нее был поднят, иначе все бы вытекло.

Ревел вытащил носовой платок, смахнул "пот со лба, но говорить не перестал:

- Конечно, когда мы починили буровую, тогда начали качать всерьез. У нас, Пулленов, есть

хранилище в Накогдочесе, пара футбольных полей с резервуарами. Не использовалось со времен эмбарго ОПЕК в семидесятых, и резервуары забросили. Но сейчас каждый из них помечен товарным знаком "Уршляйм" Ревела Пуллена.

Он глянул на солнце чуть диковатыми глазами и снова вытер лоб.

- У тебя в этой помойке пиво есть?

- Найдется, Ревел.

Таг пошел на кухню и вынес на крыльцо две бутылки "Этна эль".

Ревел жадно выпил, потом показал на свой импровизированный духовой инструмент:

- Если эта штука не будет работать, ты подумаешь, что У меня крыша съехала. - Сдвинув итальянские очки на макушку узкой и коротко стриженной головы, он ухмыльнулся. - Но если она будет работать, старик, тогда ты подумаешь, что крыша съехала у тебя.

Ревел макнул края воронки в неподвижную, но ароматную массу. Повертел ее, осторожно поднял и дунул.

Длинный ромбовидный пузырь появился на конце горна.

- Вот это да, наливается, как воздушный шар! - сказал пораженный Таг. Ничего себе вязкость!

Ревел усмехнулся шире, держа предмет на расстоянии вытянутой руки:

- Дальше еще интереснее.

Таг Мезолья в удивлении смотрел, как прозрачный пузырь Уршляйма медленно стал покрываться рябью и ямочками. Длинная двойная морщина залегла в тугой внешней мембране желатиновой сферы, окружила ее, как шов на огромном бейсбольном мяче.

Потом пузырь с плюхающим звуком отделился от жестяных краев горна и стал плавать в воздухе. Вдоль шва появился ряд ресничек, и плавающее в воздухе желе стало шевелить ими, продвигаясь вперед.

- Уршляйм! - завопил Ревел.

- Господи Иисусе! - ахнул Таг, не в силах отвести глаз.

Воздушное желе все еще менялось у него на глазах, выращивая набор внутренних мембран, коробясь, пульсируя и покрываясь рябью, выбирая себе более точную форму, как будто компьютерная графическая программа вырисовывает лучистый образ в изящное изображение реальности.

Потом пузырь подхватило потоком воздуха. Он тяжело стукнулся в карниз дома, отпрыгнул и

поплыл над крышей в небо.

- Едва могу поверить, - сказал Таг, все еще глядя вверх. - Спонтанное нарушение симметрии! Самозапускающаяся система реакции и диффузии! Эта твоя слизь - потрясающая среда с развивающимся поведением. Ревел!

И эта спонтанная фрактализация структур.., ты можешь это повторить?

- Сколько захочешь раз, - ответил Ревел. - С тем количеством Уршляйма, что у нас есть. Правда, если делать это в помещении, то малость пахнет.

- Но это потрясающе странно, - выдохнул Таг. - Эта слизь из твоей нефтяной скважины создает из себя медузоподобные формы - совсем как я строю медузы из пластика.

- Я думаю, здесь какой-то морфологический резонанс, - кивнул Ревел. Эта первичная слизь так давно была заключена в земле, что ей не терпится превратиться во что-то живое и органическое. Вроде тех жуть до чего странных бактерий и червей, что вырастают в глубоких подводных выходах.

- То есть вокруг подводных выходов. Ревел?

- Нет, Таг, прямо в них. Вот это до большинства людей не доходит.

- Ладно, бог с ним. Дай-ка я тоже попробую вы-

дуть медузу из Уршляйма.

Таг сунул край воронки в кулер и выдул шарик из Уршляйма сам. Сфера стала рябить изнутри, как и прежняя, с теми же ямочками и точно такой же вычурной двойной морщиной. У Тага вдруг возникло ощущение deja vu. Да, он эту форму видел на экране своего компьютера.

Пузырь стал уплывать прочь, но экономный Ревел бросился вперед и полоснул складным ножиком несколько раз, пока пузырь не лопнул прозрачными соплями, заляпав Тагу руки и ноги. Магический гель покалывал кожу. Таг опасливо подумал, не попала бы слизь в кровяное русло. Ревел отскреб то, что попало на доски крыльца, и сложил обратно в кулер.

- И что ты думаешь? - спросил Ревел.

- Я потрясен, - ответил Таг, покачивая головой. - Твои медузы из Уршляйма так похожи на те, что я строил у себя в лаборатории... Давай зайдем. Я тебе покажу моих медуз, и обдумаем это дело.

Ревел настоял, чтобы кулер с Уршляймом внесли в дом вместе с пустым баллоном. Он даже заставил Тага накрыть кулер и баллон одеялом - "на случай, если кто-нибудь придет".

Аквариумы Тага с медузами заполняли всю комнату, создавая величественное, зеленое, буль-

кающее зрелище. Аквариумная была в начале восьмидесятых видеоигровой комнатой, когда строитель дома, создатель компьютерных стрелялок, укрепил пол и установил две дюжины массивных аркадных консолей. Это тоже пригодилось, поскольку аквариумы Тага создавали серьезную конструкционную нагрузку и намного превышали по весу остальное имущество владельца - кроме разве что кровати с водяным матрацем, оставленную бывшим любовником. Аквариумы Таг покупал сам на распродаже конфиската одного наркоторговца из Окленда, который в них держал косяки пираний.

Ревел молча брел по рядам аквариумов с медузами. Подсвеченные зеленоватым сиянием прожекторов, списанных одной развалившейся хеви метал группой, медузы представали во всей красе. Задняя подсветка открывала все их тайны, скрытые внутренние закругления с немигающей, можно сказать, порнографической ясностью.

Подводные следящие элементы и корм для медуз фирмы "Пурина" стоили больше еженедельного бакалейного счета самого Тага, но питание медуз значило для него больше собственной еды, здоровья, денег, даже любви. Долгие тайные часы проводил он перед плавно вращающимися рес-

нитчатыми дивами, глядя, как вылавливают они креветок с бездумным, рефлекторным изяществом, как поглощает свою пищу в молчаливом экстазе ядовитая слизь. Живая, переваривающая слизь, тайной алхимией биологии превращенная в пульсирующую стеклянистую плоть.

Бывший любовник Тага сильно потешался над его одержимостью этим гелем, особенно если учесть его другие жалобы на многочисленные иные недостатки Тага, но сам Таг считал, что любовник сбежал от глубокого чувства соперничества, а не просто от неприятной ему органики. Перед приездом Ревела Тагу стоило немалых трудов и чистящих средств стереть со стекол отпечатки собственного носа.

- Можешь отличить настоящих от тех, что я создал с нуля? - торжествующе спросил Таг.

- Я пас, - честно признался Ревел. - Отличное шоу, Таг. И если ты сможешь научить этих тварей каким-нибудь фокусам, тогда у нас неплохой будет бизнес.

Джинсовая грудь Ревела зазвенела. Он полез за пазуху комбинезона, вытащил сотовый телефон размером с пачку сигарет и включил.

- Пуллен слушает! Что? Да. Да, конечно. О'кей, до встречи.

Он захлопнул телефон и убрал его.

- Посетитель, - объявил он. - Я нанял бизнес-консультанта.

Таг нахмурился.

- Вообще-то это мой дядя придумал, - пожал плечами Ревел. - Обычная у Пулленов процедура перед тем, как по-настоящему вложить деньги в новое дело. У нас лучшие консультанты по всему компьютерному бизнесу.

- Да? А кто?

- Фирма "Эдна Сидни". Она футуролог, пишет колоссальные статьи по высоким финансовым технологиям, и ребята в костюмах-тройках к ней очень прислушиваются.

- Какая-то незнакомая женщина заявится сюда и будет решать, стоит ли финансирования моя "Ктенофора"? - Голос Тага задрожал напряженно. - Мне это не нравится, Ревел.

- Ты просто держись так, будто знаешь, что делаешь, и она выдаст моему дяде Донни Рею справку о здоровье на нас обоих. Это просто формальность. Ревел деланно засмеялся. - Мой дядя любит осторожничать. Из тех мужиков, что к ремню обязательно наденут еще и подтяжки. У него полно частных детективов на жалованье. Вообще-то старик просто старается, чтобы я не

влип. Так что ты не волнуйся, Таг.

Снова зазвонил телефон, на этот раз из кармана на заду.

- Пуллен слушает! Что? Да, я знаю, что его дом не слишком хорошо выглядит, но адрес правильный. Да, сейчас мы вам откроем. - Ревел сунул телефон в карман и повернулся к Тагу. - Пойди открой дверь, а я еще раз проверю, что нашего кулера с Уршляймом не видно.

Почти тут же зазвонил дверной звонок. Таг открыл женщине в синих джинсах, кроссовках и бесформенном джерсовом свитере. Она засовывала сотовый телефон в нейлоновую сумочку.

- Здравствуйте, вы доктор Мезолья?

- Да, я Таг Мезолья.

- Эдна Сидни, фирма "Эдна Сидни и партнеры".

Таг пожал грациозную руку Эдны с синеватыми костяшками пальцев. У Эдны был острый подбородок, выпирающий большой лоб и выражение необычайного, почти сверхъестественного интеллекта в темных пуговках глаз.

Поверх чуть тронутых сединой каштановых волос сидела аккуратная шапочка. Как будто электронный эльф выпрыгнул целиком из мозга Томаса Эдисона.

Пока она здоровалась с Ревелом, Таг вытащил

из бумажника визитную карточку и всунул ей в руку. Эдна Сидни отпарировала карточкой из своей сумки, с адресами в Вашингтоне, Праге и Чикаго.

- Не хотите выпить? - бормотал Таг. - Таблетку? Водички ананасно-манговой?

Эдна Сидни попросила джолт-колу, потом аккуратно направила обоих мужчин в медузную. Таг пустился в пространные объяснения, размахивая руками, а она внимательно слушала.

А Тага подхватило вдохновение. Слова перли из него, как Уршляйм из бака. Никогда раньше ему не попадался человек, который мог бы понять его быстрый-быстрый лепет на техническом жаргоне. Но Эдна Сидни не только понимала его сбивчивую речь, но иногда притопывала ножкой и один раз вежливо подавила зевок.

- Несколько видов искусственной жизни мне приходилось встречать, признала Эдна, когда поток вербальной эктоплазмы Тага стал иссякать. - Всех тех ребят из Санта-Фе я знала до того, как они обрушили фьючерсную биржу и попали в Ливенвортскую тюрьму. И я бы не советовала выходить на программный рынок с новыми генетическими алгоритмами. Вас же не прельщает судьба Билла Гейтса?

Ревел фыркнул:

- Гейтса? Да я такого бы злейшему врагу не пожелал.

Подумать только, этого задохлика сравнивали с Рокфеллером! Рокфеллер, черт побери, был нефтяником, целая семья была Рокфеллеров. Да будь Гейтс того же класса, сейчас бы по всем штатам было полно детишек по имени Гейтс.

- Я не собираюсь выпускать на рынок алгоритмы, - сказал Таг консультанту. - Это будет коммерческая тайна, а продавать я собираюсь самих медуз-симулякров. "Ктенофора инк." - это производственное, главным образом, предприятие.

- А угроза обратного инжиниринга? - спросила Эдна. - Если кто-то по медузам восстановит ваши алгоритмы?

- У нас фора в восемнадцать месяцев, - хвастливо заявил Ревел. - В таких делах она стоит восемнадцати лет в иной области! К тому же у нас будут ингредиенты, которые чертовски тяжело будет скопировать.

- В области создания искусственных медуз мало было, так сказать, непрерывных исследований, - поддержал Таг. - У нас будет колоссальное преимущество в опытно-конструкторских работах.

Эдна поджала губы:

- Так, этот вопрос подводит нас к маркетингу. Как вы собираетесь распространять и рекламировать свои изделия?

- Насчет рекламы мы обратимся к "КОМДЕКС", "Искусственной жизни", "Биоярмарке", "МОНДО-3000", - заверил ее Ревел. - И вот что еще: мы сможем поставлять медуз по пулленовским нефтепроводам в любую точку Северной Америки без затрат! Вот что значит простота распространения и правильное использование готовой инфраструктуры!

Получить наших медуз будет так же просто, как загрузить программу из Интернета!

- Звучит действительно новаторски, - согласилась Эдна. - Так, теперь давайте к сути дела: какое будет коронное применение этих робомедуз?

Таг и Ревел переглянулись, - Наше конкретное применение весьма конфиденциально, - опасливо произнес Таг.

- Может, ты нам предложишь парочку применений, Эдна? - спросил Ревел, складывая руки на груди своего непробиваемого комбинезона. - Давай отрабатывай свои двадцать тысяч баксов в час.

- Гм-м, - сказала Эдна. Лоб ее нахмурился, она

села на подлокотник кресла возле экрана, глаза ее устремились вдаль. - Медуза. Промышленная медуза...

На глубоко задумавшемся лице Эдны Сидни играл зеленоватый переливающийся свет аквариумов. Медузы продолжали свои молчаливые, вечные пульсации, волны мышечных сокращений гуляли по их телам от центра к краю колокола.

- Применение в домашнем хозяйстве, - сказала Эдна через минуту. Заполнить их щелоком и смывкой и запускать в раковины и трубы. Пусть устраняют засоры.

- Минутку, - с готовностью отозвался Таг, схватил механический карандаш и стал что-то черкать на обороте неоплаченного счета.

- Усилить ферментацию в канализационных отстойниках, зарядив медуз бактериями разложения и запустив в отстойники. В городскую канализацию их можно посылать тысячами.

- Отвратительно, - сказал Таг.

- Микрохирургия закупоренных артерий. Медленно,. пульсируя, убирать бляшки, а в желудочковых клапанах пусть они разрушаются, чтобы не было сердечного приступа.

- Понадобится одобрение Главного хирурга

США, - предупредил Ревел. - На это годы могут уйти.

- Использование для скота вы сможете сделать через полтора года, сказала Эдна. - Так было с рекомбинантной ДНК.

- Отставить, - возразил Ревел. - Все знают, что в торговле скотом у Пулленов приличный пай.

- Если сможете сделать "португальского солдата" или какой-нибудь другой токсически опасный гель, - предложила Эдна, - то несколько тысяч медуз запускаются вблизи пляжей Хилтона или Пуэрто. Когда туристический бизнес рухнет, выкупаете всю недвижимость вдоль берега, и это действительно будет куш. - Она помолчала. - Конечно, это будет незаконно.

- Верно, - кивнул Таг, черкая карандашом. - Хотя мои пластиковые медузы не жалят. Думаю, мы сможем встроить в них мешочки с токсинами.

- К тому же это будет неэтично. И не правильно.

- Да, да, мы поняли, - успокоил ее Ревел. - Еще что-нибудь?

- Эти медузы размножаются? - спросила она.

- Нет, - ответил Таг. - То есть не сами по себе. Не размножаются и не едят. Но я могу их сделать сколько угодно по любой спецификации.

- Так что они не по-настоящему живые? Они не развиваются? Это не искусственная жизнь третьего типа?

- Алгоритм их поведения я разработал в компьютерных имитациях, но сами по себе они - стерильные роботы с лучшими моими встроенными алгоритмами, быстро залопотал Таг. - Это медузы-андроиды, выполняющие мои программы. То есть не андроиды, а колентероиды - подобные кишечнополостным.

- Что ж, это даже неплохо, что они не размножаются, - целомудренно произнесла Эдна. - Какого размера они могут быть?

- Ну, сейчас - не больше баскетбольного мяча. Лазеры, которыми я их спекаю, имеют ограниченную мощность. - Таг не стал упоминать, что лазеры одолжил без спросу в лаборатории университета Сан-Хосе - приятель посодействовал. - В принципе их можно делать очень большими.

- То есть сейчас они слишком маленькие, чтобы в них жить, - задумчиво заключила Эдна.

Ревел улыбнулся:

- В них жить? Ну у тебя и фантазия, Эдна.

- За это мне платят, - ответила она строго, посмотрела на экран компьютера Тага с сочным цветом фона, переливающимся от небесной си-

невы до морской зелени, где стайка жгучих медуз бодро прокладывала себе путь в виртуальном пространстве. - Какие генетические операции у тебя используются для выработки алгоритма?

- Обычные Холландовские. Пропорциональное размножение, скрещивание, мутация и инверсия.

- Чикагская группа по искусственной жизни на той неделе нашла новую схемосенситивную операцию, - сказала Эдна. - Предварительные испытания показывают сорокапроцентное ускорение поиска устойчивых образцов.

- Ух ты! Мне это было бы очень кстати, - сказал Таг. - Хотел бы я иметь эту операцию.

Эдна нацарапала адрес файла и сайта на визитной карточке Тага и отдала ему, а потом глянула на свои наручные часики.

- Дядя Ревела оплатил мне полный час работы плюс дорога. Раскошелитесь на новый задаток или будем заканчивать?

- Гм, спасибо большое, - скромно сказал Ревел, - но вряд ли мы наскребем на задаток.

Эдна медленно кивнула, потом приложила палец к острому подбородку.

- Мне только что пришло в голову использовать ваших медуз в плавательных бассейнах отелей.

Если они не жалят, то с ними можно играть, как с пляжными мячиками, они будут фильтровать воду, убирать полипы и искать трещины. Бассейны в отелях Калифорнии я просто терпеть не могу. Всегда там вокруг сидят заморенные диетой крашеные блондинки и пьют "Маргариту" из химикалиев с непроизносимыми названиями. Не стоит ли нам поговорить еще?

- Если тебе не нравится твой бассейн, можешь макнуться в какой-нибудь из аквариумов Тага, - ответил Ревел, глядя на собственные часы.

- Да ты что, Ревел! - поспешно возразил Таг. - Получишь хороший удар от жгучей медузы, и сердце остановится.

- А есть у вас лицензия на эти ядовитые создания? - холодно спросила Эдна.

Таг, изображая смущение, покрутил локон на лбу.

- Знаете ли, мисс Сидни, любительское медузоводство - в этой области очень слабо разработаны правила.

Эдна резко встала и подняла сумочку.

- Время наше кончается, так что давайте сухой остаток, - сказала она. Такого психованного плана я еще в жизни не видела. Но я позвоню дяде Ревела и дам добро, как только попаду в воздушное

пространство Иллинойса.

Рисковые чудаки вроде вас и делают эту отрасль великой, а семья Пуллен вполне может себе позволить вас поддержать. Я за вас болею, ребята. И если вам когда-нибудь понадобится по дешевке программист из Казахстана, киньте мне мэйл.

- Спасибо, Эдна, - ответил Ревел.

- Да. - поддержал Таг. - Спасибо за все удачные идеи.

Он проводил ее до дверей.

- Она не слишком нас ободрила, - сказал он, когда она вышла. - А идеи у нее дурацкие по сравнению с нашими. Набивать моих медуз щелоком? Совать в канализационные отстойники и артерии коров? Заряжать ядом, чтобы они жалили семейства отдыхающих? - Он откинул голову назад и заходил по комнате, пародируя Эдну визгливым фальцетом:

- Это не искусственная жизнь третьего типа? О боже мой, как я ненавижу этих отощавших блондинок!

- Послушай, Таг, если эта Эдна несколько, гак сказать, недоошеломлена, то это потому, что я ей не все сказал! - заговорил Ревел. - Секрет фирмы это секрет фирмы, а она посторонняя. У этой девчонки мозгов хватит на десятерых, но даже

Эдна Сидни не удержится от некоторых намеков в этих своих газетках...

Ревел присвистнул, радуясь собственной гениальности.

У Тага вдруг глаза полезли на лоб в катастрофическом понимании.

- Понял, Ревел! Я все понял! Ты когда увидел эту летающую слизь Уршляйм - до того, как запустил мою медузу в бассейн, или после?

- После, земляк. Выдувать пузыри Уршляйма я только на той неделе додумался - был пьян и хотел посмешить одну бабенку. А этого тающего недоноска-медузу ты мне прислал полных шесть недель назад.

- Этот "тающий недоносок-медуза" нашел выход через щель в твоем бассейне и дальше по сланцевому ложу в скважину Дитери! - возбужденно воскликнул Таг. - Вот оно, Ревел! Мои уравнения попали прямо в твою слизь!

- Твои программы - в моей первичной слизи? - медленно повторил Ревел. И как это могло случиться?

- Математика порождает оптимальную форму. Ревел! - не остывал Таг. Вот почему она проникает всюду. Но иногда нужно порождающее уравнение, семя. Вот если вода остывает, ей

хочется замерзнуть, и замерзает она в форме математической решетки. Но если у тебя есть даже очень холодная вода в гладком сосуде, она может не знать, как ей застыть - пока в нее не попадет, например, снежинка. Короче говоря, математические формации моих спеченных медуз представляют собой низкоэнергетическую фазу пространственной конфигурации, которая стабильно атграктивна для динамики Уршляйма.

- Слишком для меня простые слова, - сказал Ревел. - Давай проверим, прав ли ты. Что, если бросить твою медузу в кулер с моей слизью?

- Отличная мысль, - похвалил Таг.

Ему приятно было видеть, как Ревел всей душой отдается научному методу. И они направились к аквариумам.

Таг приставил лестницу с ярко-красными наклейками, предупреждающими о судебном преследовании за незаконное использование, и длинным аквариумным сачком достал свою лучшую искусственную медузу - всю в сиреневых полосах, пьезопластиковую жгучую медузу, которую он сегодня только изготовил, самодельную Chrysaora quinquecirrha.

Ревел вместе с Тагом вышли в гостиную с игриво пульсирующей на тонком плетении сачка

медузой.

- Отойди-ка, - предупредил Таг и плюхнул медузу в четырехдюймовый слой Уршляйма, оставшийся в кулере.

Слизь возмущенно рванулась вверх от прикосновения маленькой искусственной медузы. Снова Ревел вдул в вязкую массу малость горячего техасского воздуха, только на этот раз масса поднялась вся, все пять литров, образовав плавающую в воздухе жгучую медузу размером с большую собаку.

Ревел заорал. Уршляйм поплыл по комнате, и белые ротовые руки колыхались, как шлейф невесты.

- Ух ты! Вот это да! - вопил Ревел. - Эта совсем не такая, как Уршляйм раньше выдавал. Такое люди будут покупать просто ради потехи! Эдна права. Это будет колоссальная игрушка для бассейна или, черт побери, простая наземная игрушка, если она не будет улетать.

- Игрушка? - спросил Таг. - Думаешь, мы должны начать с применения для развлечений? Ревел, мне это по Душе. Отдых дает положительную энергию. И в игровом бизнесе куча денег крутится.

- Во как! - закричал Ревел, подпрыгивая козли-

ком. - В жмурки!

- Берегись, Ревел!

Качающаяся бахрома медузы величиной с собаку вдруг захлестнула ногу Ревела. Он завопил от неожиданности и споткнулся, пятясь, о пуф.

- Таг, отцепи от меня эту дрянь! - крикнул Ревел, а тем временем толстый жгут желе обернулся вокруг его лодыжки, а вся желатиновая масса зловеще нависла над лицом. Таг в озарении открыл дверь, ведущую на крыльцо.

Желе, подхваченное дуновением воздуха, отпустило Ревела, выплыло в двери и полетело над дощатой верандой.

Так видел, как эта огромная медуза безмятежно опустилась на соседский двор. Самоанцы, занятые пивом и тофу, ее не заметили.

Но Тоатоа, попугай, спикировав с крыши, начал описывать круги вокруг гигантской морской медузы. На миг радужно-зеленая птица зависла вневременной красотой возле прозрачного студня, и тут ее поймала метнувшаяся ротовая рука. Внутри колокола медузы вспыхнуло зеленое трепетание, но попугай клювом и когтями проложил себе путь к свободе. Медуза чуть потеряла высоту, но тут же заделала пробоины и снова начала подниматься. Скоро она превратилась в далекую

сверкающую точку в синем небе Калифорнии. Мокрый Тоатоа отчаянно каркал с конька крыши, хлопая крыльями, чтобы их обсушить.

- Вау! - произнес Таг. - Хотел бы я это увидеть снова - на цифровом видео! - Тут он хлопнул себя по лбу ладонью. - Но у нас же ничего не осталось для испытаний! Погоди - есть еще капелька во флаконе. - Он выхватил пузырек из кармана и посмотрел на него в раздумье. - Можно сюда вложить колокол крошечной медузы монтерей и вставить нанофоны для отлавливания фононной пульсации. Да, можно даже создать примерную карту бассейнов хаотической атграктации Уршляйма...

Ревел громко зевнул и с хрустом потянулся:

- Просто захватывающая перспектива, док. Лучше отвези меня в мой мотель, я позвоню на Дитери, и тебе доставят еще Уршляйма завтра, скажем, к шести утра. А через два дня я тебе куда больше могу прислать. Вагон.

Таг снял Ревелу номер в "Лос-Перрос" - захудалом мотеле с домиками сухой штукатурки. Таг сообщил Ревелу, когда его туда отвез, что именно в этом мотеле провели первую брачную ночь Джо Ди Маджио и Мэрилин Монро.

Опасаясь, что у Тага самого есть романтические

побуждения, Ревел нахмурился и буркнул:

- Теперь я знаю, почему этот штат называют шоколадным. Из-за любителей шоколадного цеха.

- Расслабься, - сказал Таг. - Я знаю, что ты не гей.

И вообще ты не мой тип. Слишком ты молод. Мне нужен мужик постарше, настоящий мужик, который будет меня лелеять и обо мне заботиться. Мне хочется уткнуться ему в плечо и ощущать в тишине ночи объятие его мощных рук.

Наверное, пиво ударило Тагу в голову. Или так на него подействовал Уршляйм. Как бы там ни было, он эти откровения произносил без смущения.

- До завтра, старик, - сказал Ревел, закрывая за собой дверь.

Он нашел телефон и позвонил Хоссу Дженкинсу, начальнику скважины Дитери:

- Хосс, это я, Ревел Пуллен. Можешь мне прислать с нарочным еще один баллон того студня?

- Ни фига себе студень, Ревел! Он тут вылетает из скважины вот такими шарами! Не надо было тебе туда пускать эти бактерии, расщепляющие гены.

- Я тебе уже говорил, Хосс, это не бактерии, это первичная слизь!

- Тут мало кто с тобой согласен, Ревел. А если это какая-то чума нефтяных скважин? И она начнет расползаться?

- Ближе к делу, Хосс. Кто-нибудь эти воздушные шары видел?

- Пока нет.

- Ладно, ты просто не подпускай людей к нашей территории. А ребятам скажи, чтобы не стеснялись стрелять в воздух - мы на своей земле имеем право.

- Не знаю, сколько времени мы еще сможем сохранить секрет.

- Хосс, нам нужно время попытаться найти способ наварить на этом баксы. Если я смогу подать Уршляйм как надо, нароарад будет видеть, как он прет из Дитери. Строго между нами: я здесь с тем самым типом, который может сообразить, как это сделать. Не то чтобы он вполне нормальный, скорее ни то, ни это. Зовут его Таг Мезолья. И вроде бы мы надыбали что-то крупное. Так что посылай баллон студня на адрес Мезольи, и прошло. Вот тебе адрес, и вот еще его телефон и мой телефон в мотеле, пока я здесь. И вот что, Хосс: давай сделаем три баллона, того же размера, что ты мне вчера накачивал. Ага. Постарайся их доставить завтра к шести утра. Да, еще начни подбирать

маршрут по трубопроводу Пулленов от нашего хранилища в Накогдочесе и до Монтерея.

- Который Монтерей: в Калифорнии или в Мексике?

- В Калифорнии. Удобное место и не на виду. Нам понадобится такое тихое место для следующего этапа, который я задумал. Тут, в Силиконовой долине, слишком много профессиональных носов, сующихся в чужой бизнес, со сканирующими сотовыми телефонами и прочей ерундой.

Наш разговор ты получаешь зашифрованным, Хосс?

- А как же, босс. Поставил чип на максимум шифрования.

- Ну, это я на всякий случай спросил. Стараюсь быть осторожным, Хосс. Как дядя Донни Рей.

Хосс смешливо фыркнул, и Ревел вернулся к теме:

- В общем, нужно место уединенное, но все же удобное. С достаточным количеством помещений, но малость запущенное, чтобы побольше снять квадратных футов подешевле и чтобы отцы города не слишком много задавали ненужных вопросов. Попроси Люси, пусть подыщет мне в Монтерее что-нибудь такое.

- В Техасе таких городов сотни!

- Да, но я хочу это все проделать здесь. Тут, понимаешь, дело касается индустрии программирования, так что надо его делать в Калифорнии.

***

Ревел проснулся около семи, разбуженный ревом утреннего часа пик. Позавтракал он в калифорнийской кофейне, которая называлась "Южная кухня", но подавала булочки с апельсиновой цедрой и ломтики киви с яичницей. За завтраком Ревел позвонил в Техас и выяснил, что его помощница Люси нашла заброшенное нефтехранилище возле бывшей военной базы, загрязнившей местность к северу от Монтерея. Оно принадлежало Феликсу Кинонесу, главному здесь поставщику топлива. В сдаваемую недвижимость на личной земле Кинонеса включался большой гараж. То есть обстановка почти идеальная.

- Снимай, Люси, - распорядился Ревел, прихлебывая кофе. - И факсом отошли Кинонесу два экземпляра контракта, чтобы мы с ним могли подписать оба прямо у него сегодня же. Меня туда отвезет этот друг, Таг Мезолья, скажем, в два часа дня. Так и забей. Так, а Хосс нашел трубопровод? Нашел? Прямо к резервуарам Кинонеса?

Милая, ты прелесть. Да, тут еще одно. Составь учредительные документы на компанию под названием "Ктенофора инк.", зарегистрируй и запатентуй название как товарный знак. По буквам: К-Т-Е-Н-О-Ф-О-Р-А. Что значит? Это такой вид морфодитной медузы. Что? Вставлять ли имя Мезольи в мои учредительные бумаги? Люси, ты смеешься? Хочешь вывести из себя старину Ревела? Так, а теперь закажи мне и Мезолье номер в какой-нибудь гостинице Монтерея и туда мне пришлешь бумаги факсом. Спасибо, лапонька. Ну, пока.

Молниеносная деятельность наполняла Ревела радостью. Оживленно размахивая руками, он зашагал вверх к дому Тага, который находился всего в паре кварталов. Воздух был прозрачен и прохладен, солнце низким ярким диском висело в чистейшем небе. Порхали птички - воробьи, малиновки, колибри и на удивление большие калифорнийские сойки. Вдалеке брехала собака, экзотические цветы и листья покачивались в утреннем ветерке.

Ближе к дому Тага стал слышен неумолчный скрежет самоанского попугая, а свернув за угол, Ревел увидел нечто действительно странное. Будто пространство рябило над домом Тага - ко-

лышущийся голубоватый блеск искривленного воздуха.

И посреди этой сверкающей ряби метался яростный Тоатоа. Косяк мелких летучих медуз кружил над домом Тага, то улетая от попугая, то гоняясь за ним, а попугай без всякого успеха их бешено прокалывал. Ревел завопил на облако медуз, но что толку? Можно точно так же вопить на вулкан или на платежную ведомость.

К облегчению Ревела, попугай полетел к дому с поломанным хвостовым пером, а медузы за ним не погнались.

Да, но не уловили ли теперь эти воздушные колокола струю запаха от тела Ревела? Они как-то жутковато собиралась в кружащую по спирали стаю. Ревел поспешил взбежать по ступеням и войти в дом, миновав три баллона Уршляйма, лежащие рядом с дверью.

В доме Тага воняло подземной серой. В воздухе носились медузы всех видов - колокола, пятнистые медузы и даже несколько гигантских сифонофор, всех размеров, и самые маленькие пульсировали куда быстрее больших. Будто детки на празднике выпустили кучу воздушных шаров.

Заигрался Таг с Уршляймом.

- Эй, Таг! - позвал Ревел, отшвыривая от лица медузу. - Что тут творится? Это не опасно?

Из-за угла появился Таг - в длинном светлом парике, с раскрасневшимися щеками, с ярко накрашенными губами. Синие глаза блестели, и одет он был в прилегающее шелковое платье.

- Праздник медузы. Ревел!

Здоровенная сифонофора, похожая на мохнатую ленту слизи, поплыла, постукиваясь о потолок, к Ревелу, и грива ее или там ротовые руки беззвучно пощелкивали.

- Эй, убери ее!

- Да не волнуйся ты так, - сказал Таг. - И не гони ветер, они от воздушных потоков возбуждаются. Если боишься, давай в мою комнату, а я пока переоденусь во что-нибудь более скромное.

Ревел сел в кресло в углу спальни Тага, и тут же вернулся хозяин в шортах и сандалиях.

- Я так завелся, когда прибыла утром вся эта слизь, что даже принарядился, как на выход, - сознался Таг. - Последние часа два я танцевал со своими уравнениями.

Похоже, для размера медузы нет предела. Медузу из Уршляйма можно сделать величиной со что хочешь!

Ревел неуверенно носкреб щеку:

- А больше ты ничего про них не придумал, Таг? Я тебе еще не говорил, но в Дитери происходит спонтанный вылет воздушных медуз. Ты понимаешь, я ума не приложу, как они могут летать. Ты еще это не сообразил?

- Ну, как ты, я полагаю, знаешь, - начал Таг, подавшись к зеркалу, чтобы снять помаду, - в науке медузы называются coelenterate. Это в переводе с латыни означает "кишечнополостные". Обычная медуза имеет орган, называемый coelenteron, который похож на пустой мешок внутри тела. Причина, что Уршляймовые медузы летают, заключается в том, что Уршляйм как-то наполняет колентероны - можешь себе представить? - гелием! Самым благородным из естественных газов! Обычно он просачивается из шахт или нефтяных скважин!

Таг завопил от восторга, виляя задом, и сдернул с себя парик.

Ревел, разозлившись, вскочил на ноги:

- Таг, я рад, что тебе весело, но веселье - это еще не бизнес. Мы теперь занимаемся торговлей, док, а торговцы говорят, что на пустом грузовике бизнеса не сделаешь. Нам нужны медузы - всех видов, всех размеров. Ты всерьез решил открыть лавочку?

- Ты о чем?

- О построении производства, малыш! Я тут звякнул своему человеку Хоссу Дженкинсу, и мы готовимся начать перекачку Уршляйма по трубе около полудня по нашему времени. Это если ты достаточно мужчина, чтобы управлять делом на этом конце трубы, в Калифорнии.

- Слушай, что за спешка? - возразил Таг, стирая краску с ресниц. - Есть у меня кое-какие расчеты и бизнес-планы для завода, но...

Ревел поморщился и хлопнул по испачканной студнем штанине:

- Где ты был последние пятьдесят лет, Таг? Мы живем в двадцать первом веке. Ты слышал о том, что такое своевременный выпуск изделия? Да в Сингапуре или на Тайване уже бы создали шесть виртуальных корпораций и выбросили бы товар на мировой рынок вчера!

- Я же не могу управлять большим заводом из дому! - защищался Таг, оглядываясь. - Даже лазерные спекатели у меня вроде, ну, одолженные в университете. А нам нужны лазеры, чтобы создавать пластиковых медуз, из которых вырастут потом большие.

- Куплю я тебе лазеры, Таг. Дай мне только номера деталей по каталогу.

- Но.., но нужны работники! Люди на телефоне, грузчики... - Таг замолчал на миг. - Хотя, если подумать, на телефонные звонки можно посадить простую имитационную программу Тьюринга. И я знаю, где можно взять промышленных роботов для погрузки-разгрузки.

- Вот теперь ты говоришь по делу! - кивнул Ревел. - Пошли наверх!

- А здание для завода? - крикнул Таг ему вслед. - В моем несчастном домишке нам не развернуться. Нам нужны производственные площади, и бак для хранения Уршляйма рядом со станцией трубопровода. Нужна хорошая связь с Интернетом, свой сайт и...

- И это должно быть где-то поблизости и не на виду у всех, - закончил Ревел, поворачиваясь у конца лестницы и широко ухмыляясь. - Вот такое место я сегодня утром и арендовал!

- Да ты что? И где?

- В Монтерее. Ты меня туда отвезешь. - Ревел оглядел гостиную, рассматривая причудливый узор летающих повсюду медуз. - Только до отъезда, предупредил он, - лучше закрой дверцу своей печки. Тут уже косячок мелких медуз вылетел в трубу. Они пристают к попугаю твоих соседей.

- Ой! - вскрикнул Таг и захлопнул дверцу. Тут его

мазнула ротовыми руками большая сифонофора. Таг не стал отбиваться, а расслабил руки и начал ритмично горбиться - как медуза. Сифонофора вскоре утратила интерес и поплыла прочь. - Вот так это делается, - объявил Таг. - Просто изображаешь из себя медузу!

- Тебе это проще, чем мне, - отпарировал Ревел, поднимая с пола пластиковую лунообразную медузу. - Давай прихватим пару этих субчиков в Монтерей. Используем их как семена. Можем получить целый бак этих лунообразных, несколько гребешковых, бак жгучих медуз, вот этих больших болванов... - Он показал на сифонофору.

- Без проблем. Повезем всех моих пластиковых малышек и выясним, из каких получаются лучшие Уршляймовые игрушки.

В багажник "аниматы" постелили пластик, загрузили пластиковых медуз в контейнерах с морской водой и отправились в Монтерей.

Всю дорогу по хайвею Ревел болтал по своему сотовому, приводя в движение шестерни и колеса: клиентов семьи Пуллен, поставщиков, рассыльных в Далласе, Хьюстоне, Сан-Антонио - и даже несколько звонков было в Джакарту и Макао.

Нефтехранилище Кинонеса располагалось сра-

зу к северу за Монтереем, прижатое к границам бывшего форта Орд. Армия, пока занимала эти однообразные дюны, так тщательно испоганила почву, что земля официально считалась не подлежащей использованию. Закрыли базу в девяностых годах двадцатого столетия, и с тех пор она служила защищенной свалкой для накопления опасных отходов. Самодеятельным туристам полагалось надевать респираторы и одноразовые пластиковые бахилы.

Таг свернул на ответвление, обходящее свалку. Внутри среди дюн раскинулись широкие поля брюссельской капусты и артишоков, и на одном из них, подобно прилетевшим НЛО, стояли шесть больших серебристых резервуаров.

- Здесь, Таг, - сказал Ревел, убирая сотовый телефон. - Родной дом компании "Ктенофора инкопорейтед".

Подъехав ближе, компаньоны увидели здоровенные резервуары, исчерканные граффити и испещренные ржавчиной. Среди граффити были совсем психоделические, но в основном попадались ацтекские иероглифы переписок молодежных банд насчет красного и синего, юга и севера, номера 13 и 14 и так далее. Дискутируемые вопросы становились все более абстрактными.

Между резервуарами и дорогой расположилась обширная стоянка с гравийным покрытием, сквозь которое пробивался чертополох. По одну сторону стоянки находился действительно огромный гараж из стали и бетона, размером с самолетный ангар. На стене ярко-синим, розовым и желтым было написано: "Кинонес моторотив. Макс никс - мы все починим!"

- Здесь паркуйся, Таг, - велел Ревел. - Сейчас появится мистер Кинонес и передаст нам ключи.

- И как ты успел оформить аренду?

- А что я, по-твоему, делал по телефону, док? Пиццу заказывал?

Они вылезли из машины и погрузились в пугающую, внезапную тишину, в ясный калифорнийский воздух. Вдалеке послышались выхлопы мотора, потом они стали ближе. Ревел подошел к ближайшему нефтяному резервуару и стал его рассматривать. Мотор визуализировался в виде обшарпанного многоцветного пикапа, за рулем которого сидел сурового вида пожилой человек с седой головой и пышными усами.

- Привет! - крикнул Таг, тут же на месте влюбившись.

- Добрый день, - ответил мужчина, выходя из пикапа. - Я Феликс Кинонес.

Он протянул руку, и Таг с удовольствием за нее ухватился.

- А я Таг Мезолья, - сказал он. - Я занимаюсь научной частью, а вот этот мой партнер. Ревел Пуллен, занимается бизнесом. Насколько я понимаю, мы снимаем у вас территорию?

- Мне тоже так кажется, - произнес Кинонес, скаля крепкие зубы в ослепительной улыбке.

Он выпустил руку Тага и посмотрел на него задумчиво.

Двусмысленно. Может быть, Тагу есть на что надеяться?

Тут подошел Ревел:

- Кинонес? Я Ревел Пуллен, здравствуйте. Вы привезли контракт, который вам прислала Люси? Муй буэно, друг мои. Давайте подпишем на капоте вашей машины - как в Техасе!

По завершении церемонии Кинонес протянул ключи:

- Вот этот от гаража, этот от замка на вентиле трубопровода, а эти для запоров резервуаров. Пришлось запереть, чтобы детишки не лазили.

- По рисункам видно, что они вас доставали, - сказал Ревел, рассматривая разрисованные нефтяные танки. - Но больше меня беспокоит ржавчина. Коррозия.

- Эти резервуары уже много лет не используются и стоят пустые, заверил Кинонес. - Но ведь вы не собираетесь их заполнять? Я объяснил вашей помощнице, что лицензия на работу с опасными веществами была отозвана в тот день, когда закрылась база форта Орд.

- Я именно что собираюсь их заполнять, - ответил Ревел, - а иначе за каким бы чертом я стал их снимать? Но материал не будет опасным.

- Свекольным сахаром занимаетесь? - поинтересовался Кинонес.

- Ладно, Феликс, какая вам разница, что я туда залью?

Лучше покажите мне, где здесь что, чтобы я не запутался в ваших трубопроводах и вентилях. - Он протянул Тагу ключ от гаража со словами:

- А ты, док, осмотри здание, пока Феликс мне покажет свою систему.

- Спасибо, Ревел. Только, Феликс, пока вы с ним не ушли, покажите мне, как работает замок гаража. Не хотелось бы мне случайно включить сигнал тревоги.

Ревел с неодобрением смотрел, как Таг идет с Феликсом к гаражу, не умолкая ни на секунду.

- Вы, наверное, очень успешный бизнесмен, Феликс, - щебетал Таг, пока Кинонес с лицом,

похожим на дубленую кожу, возился с ржавым замком. В поисках темы разговора он посмотрел на вылинявшую вывеску. - "Моторотив" отличное слово.

- Один метис придумал, который у меня работал, - благодушно бросил Кинонес. - А вот ты знаешь, что значит "Макс никс - мы все починим"?

- Честно говоря, нет.

- Мой старик был в шестидесятых в армии, стоял в Германии. Конечно, в моторизованном дивизионе, и это у них девиз был такой. "Макс никс" - это по-немецки вроде "чепуха, не бери в голову".

- А как будет "макс никс" по-испански? - спросил Таг. - Я без ума от испанского языка.

- No problema, - усмехнулся Феликс.

Таг чувствовал, что между ними образовался приятный резонанс. Замок гаража со скрежетом открылся, и Феликс распахнул дверь, пропуская Тага внутрь.

- Свет здесь, - сообщил Феликс, хлопнув по линейке выключателей.

Пустой гараж был похож на огромный сарай для слонов - тридцать ремонтных боксов с каждой стороны, подобно стойлам, и в каждый мог бы

въехать большой зеленый армейский грузовик.

- Эй, Кинонес! - донесся голос Ревела. - Мы что, весь день собираемся возиться?

- Огромное спасибо, Феликс, - сказал Таг, протягивая руку мужественному красавцу для очередного рукопожатия. - Я был бы счастлив снова с тобой увидеться.

- Может, так и будет, - тихо ответил Феликс. - Я не женат.

- Как хорошо! - выдохнул Таг.

Их взгляды встретились. No problema.

В тот же день Таг и Ревел остановились в номере на втором этаже прибрежного мотеля в Монтерее. Таг вылил в гостиничные ведра для льда своих медуз из багажника.

Ревел снова переключился в режим страшно делового человека с сотовым телефоном, требования его становились все неожиданнее и грандиознее с каждым пропущенным стаканчиком "Джентльмена Джека".

В три часа ночи Таг свалился на кровать, и последнее, что он помнил, был скрип белого порошка Ревела на стекле гостиничного столика. Он хотел, чтобы ему приснились объятия Феликса Кинонеса, но вместо этого он опять увидел сон об отладке алгоритмов медуз. И проснулся в

тяжелейшем похмелье.

***

Какое бы вещество ни вдыхал Ревел - а очень вряд ли это было что-то столь банальное, как обычный кокаин, - наутро на нем это никак видимо не сказалось. Он заказал в номер весьма плотный завтрак.

Пока Ревел щедро вознаграждал рассыльного и наливал калифорнийское шампанское в стаканы для апельсинового сока, Таг вылез на балкон. Воздух Монтерея был пропитан вонью гниющих водорослей. Огромные белоснежные чайки парили и кружились в восходящих потоках у стен мотеля. Вдали, на севере, цепочка калифорнийских тюленей растянулась на скалистой гряде, как коричневые слизняки на изломанном бетоне. К югу тянулась Кэннери-Роу - улица заглохших консервных заводов. Некоторые из них переоборудовали под лавочки и дискотеки для туристов, другие стояли пустые, почти развалившиеся.

Таг вдыхал морской воздух, пока сжимавший виски обруч не ослаб. Мир был ярок, хаотичен и прекрасен. Таг вернулся в комнату, заглотил стакан шампанского и три раза набрал яичницы на вилку.

- Ну, Ревел, - сказал он наконец, - я должен признать, что ты молодец. "Кинонес моторотив" - идеальное место во всех отношениях.

- Так я на Монтерей положил глаз, еще когда мы впервые встретились на симпозиуме ГСИППВ, - сознался Ревел, закидывая ногу на стол. - Сразу прикипел к этому месту. Этот город в моем стиле. - Скрестив на тощей груди руки в тонких перчатках душителя, молодой нефтяник выглядел так, будто был в мире с собой, почти в философском настроении. - Ты читал Джона Стейнбека, Таг?

- Стейнбека?

- Ага, романист двадцатого века. Нобелевский лауреат.

- Я никогда не сказал бы, что ты читаешь романы, Ревел.

- На Стейнбека я набрел, когда впервые попал в Монтерей. И я его большой фан с тех пор. Великий писатель.

Он написал серию книг именно здесь, на Кэннери-Роу. Ты не читал? Она о тех пьяницах и шлюхах, что жили здесь вокруг на холмах, - интересный, скажу я тебе, народ, а герой там - тот мужик, который у них вроде наставника.

Он ихтиолог и делает подпольные аборты, но не ради денег, а просто потому, что дело проис-

ходит в сороковых годах прошлого века, а он сам здорово любит секс. Аборты он делает, потому что ему образование позволяет. Понимал ешь, Таг, в те времена Кэннери-Роу действительно чертову уйму рыбы консервировала! Сардину. Но сардина исчезла к пятидесятому году. Какая-то экологическая катастрофа, и сардина ушла и не вернулась до сих пор. - Ревел засмеялся. - И ты знаешь, что теперь в этом городе продают?

Стейнбека.

- Да, знаю, - ответил Таг. - Это у них называется постмодернистско-культурно-музейно-туристская экономика.

- Ага. Теперь на Кэннери-Роу по банкам раскладывают Стейнбека. Романы Стейнбека, и ленты с дерьмовыми экранизациями, и пивные дружки с мордой Стейнбека, и цепочка для ключей со Стейнбеком, и наклейки со Стейнбеком на бампер.., а из-под прилавка - надувные любовные куклы Стейнбека, и надувной автор "Гроздьев гнева" может быть подвергнут любым неназываемым посмертным извращениям.

- Насчет кукол ты шутишь?

- А вот черта с два. Я думаю, нам надо купить одну такую, надуть и бросить в кулер с Уршляймом. И получится большой Стейнбек из студня,

сечешь? Может, даже говорить будет! Скажем, нобелевскую речь произнесет. Только если ты попробуешь пожать ему руку, она отвалится, слизистая, и поплывет по комнате, пока не наткнется на бумагу. И тут же начнет сиквелы писать.

- Слушай, Ревел, какую ты дрянь нюхал вчера?

- Куча цифр и букв, старик. Похоже, что их меняют каждый раз, когда я это покупаю.

Таг застонал, как от физической боли.

- То есть ты так забалдел, что даже не можешь вспомнить?

Ревел, выдернутый из мечтательных размышлений, нахмурился.

- Не делай из меня неандертальца, Таг. Эта штука - последнее слово рынка. И ты бы не так изумился, если бы случилось тебе побывать в совещательных комнатах компаний из списка "Форчун-500". Разумные наркотики! - Ревел закашлялся и засмеялся снова. - Самое тут крутое, что если они хоть слегка на тебя действуют, ты просто обязан их принимать, иначе твой японский директор просто вышибет тебя на улицу!

- Не пора ли глотнуть свежего воздуху. Ревел?

- В самую точку, омбре. Надо устроиться как следует в хранилище Кинонеса - на нас движется Ниагара Уршляйма. - Ревел глянул на часы.

Точнее говоря, она покатится через два часа. Так что поехали и будем смотреть, как заполняются резервуары.

- А если какой-нибудь из них лопнет?

- Тогда мы его больше использовать не будем.

Когда Таг и Ревел подъехали к "Кинонес моторотив", их ждали контейнеры с только что доставленным оборудованием. Таг завелся, как ребенок в рождественское утро.

- Смотри, Ревел, вот эти два ящика - промышленные роботы, этот вот суперкомпьютер, а этот - устройство для лазерного спекания.

- Ага, - отозвался Ревел. - А вот барабан с теми пьезопластиковыми головками, а это набор титанопластовых пластин для баков с твоими медузами. Начинай все это запускать, док, а я еще раз проверю вентили.

Первыми Таг распаковал роботов. Они были построены в виде приземистых гуманоидов, и к каждому был приложен интерфейс телеуправления, похожий на шлем виртуальной реальности. Надо было надеть шлем и смотреть глазами робота, тем временем проговаривая задание, которое он должен исполнить. В данном случае задание состояло в построении бака для медуз путем выстилания ям гаража титанопластиком

- и заполнения их водой.

Конечно, управление у роботов оказалось хитрее, чем рассчитывал Таг, но через час один уже пошел выполнять задачу, как "Ученик чародея". Тогда Таг включил второго робота и с его помощью принес и установил новый компьютер и сборочный лазерный аппарат для спекания. Потом загрузил программу из первого робота во второго, и этот второй тоже пошел превращать гаражные ямы в аквариумы.

Таг настроил новый компьютер и удаленно вошел на свою рабочую станцию в Лос-Перросе. Через десять минут он вытащил копии всех необходимых программ, и призрачные медузы замелькали на экране нового компьютера. Таг вышел посмотреть на роботов. Они уже сделали пять аквариумов, и в ямы хлестала вода из отводов, которые расторопные роботы успели отвести от водопровода "Кинонее моторотив".

Таг открыл багажник своей машины и начал вынимать искусственных медуз и запускать их в новые аквариумы.

Тем временем Ревел обходил большие резервуары, ползал по ним, как голодная муха по свежему мясу. Заметив Тага, он издал приветственный вопль и помахал рукой с крыши резервуара.

- Скоро придет слизь! - заорал Ревел.

Таг помахал в ответ и вернулся к компьютеру.

Проверив почту, Таг увидел, что пришла наконец монография о кишечнополостных, касающаяся того вида ктенофор, который ему больше всего хотелось воспроизвести: корсет Венеры, или cestus veneris, - гребешковая медуза из Средиземного моря, похожая на широкий конический ремень, покрытый ресничками. Корсет Венеры был настоящей ктенофорой, и процеживающие воду реснички рассеивали солнечный свет, создавая дивные радуги. Забавно было бы надеть такой пояс к парадному платью. Компания "Ктенофора" сможет выпускать не только игрушки, но и модные аксессуары! Улыбаясь этой мысли, Таг начал перечносить данные из монографии в программу проектировки.

Рев Уршляйма, текущего по трубопроводу, напоминал шум поезда подземки. Приняв его сначала за землетрясение, Таг выскочил наружу и столкнулся с сияющим Ревелом.

- Вот она плывет, напарник!

Ближайший резервуар гулко грохнул и затрясся, когда в него хлынула слизь.

- Пока что все в порядке! - заметил Ревел.

Второй и третий резервуары тоже заполнились

без происшествий, но на четвертом при заполнении стал открываться длинный вертикальный шов. Носящийся вокруг как нажравшийся денатурата работяга, Ревел дернул вентили и направил поток Уршляйма из резервуара четыре в резервуары пять и шесть, которые аккуратно приняли весь остаток.

Когда рев и грохот доставки затихли, металл резервуара номер четыре издал предсмертный вопль и развалился сверху донизу. Стенки развернулись, падая наружу, отрываясь от тяжелой верхней крышки, а она пролетела двадцать ярдов вперед как игрушечная летающая тарелка.

На сухую, заросшую сорняками почву хранилища выплеснулся акр с лишним слизи. Тысячи галлонов блестящего Уршляйма взгромоздились прозрачным крахмальным пудингом.

Таг бросился в сторону разлития, опасаясь за Ревела.

Но нет. Ревел вот он, стоит рядом в безопасности, как торжествующий таракан.

- Эй, Таг! - крикнул он. - Иди-ка посмотри!

Таг продолжал бежать, и Ревел поймал его у края разлива Уршляйма.

- Точно как разлив возле Дитери! - воскликнул Ревел - Но ты увидишь, пролить Уршляйм на

землю - это ерунда. Готов ты начать выполнять заказы, Таг?

Голос его звучал быстро и пискляво, как у какого-нибудь неуязвимого персонажа из мультфильма.

- А эта штука теплая, - сказал Таг и наклонился пощупать огромный, до колен толщиной, пирог из Уршляйма.

И у него тоже голос стал высоким и писклявым. Кое-где в толще слизи образовывались крупные пузыри газа и лопались на поверхности, как в дрожжевом тесте. Только этот газ был гелием, вот почему голоса такие писклявые. И...

- Я только что понял, как Уршляйм делает гелий! - пискнул Таг. Холодный синтез! Побежали быстрее в гараж, Ревел, и выясним, не подцепили ли мы лучевую болезнь. Быстрее, я не шучу!

В гараже они долго пытались отдышаться.

- При чем тут лучевая болезнь? - задыхаясь, произнес наконец Ревел.

- Я думаю, что твой Уршляйм сливает атомы водорода и получает гелий, сказал Таг. - В зависимости от деталей процесса это может привести к чему угодно - от слабого разогрева вещества до гибели всего населения графства.

- Ну, возле Дитери пока еще никто не погиб,

- фыркнул Ревел. - И я вспоминаю, что один мой техник проверил первую партию счетчиком Гейгера. Активности нет, Таг, Откуда бы ей взяться? Мы же собирались из этого игрушки делать?

- Игрушки? У тебя уже есть заказы?

- Есть один друг, у которого сеть магазинчиков в графстве Орандж, и он хочет десять тысяч медуз на продажу в качестве плавающих игрушек. Всех размеров и форм. Я ему сказал, что пошлю по трубопроводу в его склад завтра рано утром. Он взял наше объявление из завтрашних газет.

- О небо! - воскликнул Таг. - И как мы это устроим?

- Я так понял, что тебе нужен только Уршляйм по ведру за раз и макнуть туда твою медузу. Эти ур-сопли сразу ухватят всю твою математику и начнут вести себя как медуза. Продаем слизистых медуз, а пластиковых сохраняем на семена снова и снова.

- И это к завтрашнему утру мы должны сделать десять тысяч раз?

- А ты научи этой работе твоих чертовых роботов!

И как раз тут показался на своем пикапе Феликс Кинонес, желая выяснить, что пролилось из резервуара номер четыре. Ревел на него бурчал,

пока тот не уехал, но Таг успел назначить с ним на вечер свидание.

- Черт побери, Таг! - возмутился Ревел. - За каким дьяволом тебе понадобилось ужинать с этим стариком? От всей души надеюсь, что это не...

- Послушай, - пропел Таг. - Любовь, что имя свое не смеет произнести! Может, мне стоит на этот раз изготовить пояс Венеры. Все там языки проглотят, как такое увидят.

Пояс Венеры - это такая ктенофора из Средиземного моря.

Если я смогу сделать что-то хоть похожее на настоящее, то их мы продадим двадцать тысяч твоему другу из Оранджа.

Ревел угрюмо кивнул:

- Пошли тогда в этот гараж, и вперед за работу, мальчик.

Они попытались заставить роботов помогать изготавливать медуз, но машины оказались слишком медленными и неуклюжими. Пришлось Тагу и Ревелу делать медуз самим - зачерпывать Уршляйм, оживлять его волшебным прикосновением пластиковой медузы и закидывать готовую медузу в аквариум. Сверху аквариумы пришлось закрыть сетками, чтобы медузы не разлетелись. Вскоре сетки стали выпирать наверх под напо-

ром кишечнополостных.

Когда наступило время ужина, Таг, к неудовольствию Ревела, извинился, что должен уходить на свидание с Феликсом Кинонесом.

- А я вот буду работать! - орал Ревел. - К бизнесу относиться надо серьезно, Таг!

- Я тебя сменю после полуночи.

- Ладно! - Ревел вытащил пакет белого порошка и щедро его вдохнул. - Я всю ночь могу проработать, корова ты ленивая!

- Не переработай. Ревел. Если сегодня не закончим с этими медузами, можем начать с утра пораньше. Сколько их у нас сейчас?

- Я насчитал где-то тысячи три, - ответил Ревел. - Чертовски тормозные эти роботы.

- Ладно, я заеду потом отвезти тебя в гостиницу. Ты ничего сумасшедшего только не учуди, пока меня не будет.

- Псих из нас двоих ты, Таг!

Ужин с Феликсом Кинонесом прошел очень удачно, хотя Таг и не успел сделать себе пояс Венеры. После еды поехали к Феликсу домой и там познакомились поближе. Удовлетворенный Таг провалился в сон, и когда он вернулся в нефтехранилище к Ревелу, уже намечался рассвет.

С юга тянуло холодным ветерком, и бледнею-

щая луна низко повисла на западе над морем, клочья тумана плыли, к северу по ее диску. Огромные резервуары, полные Уршляйма, потрескивали и дрожали. Таг открыл дверь гаража и увидел, что внутри полно Уршляймовых медуз. Свалившись в углу от усталости, скалился довольный Ревел. Из пяти импровизированных труб рядом с ним потоком лились свежайшие Уршляймовые медузы, как мыльные пузыри из волшебной трубки. То и дело какой-нибудь пузырь так раздувался, что не мог вылететь, и тогда один из двух роботов выходил вперед и его выдергивал.

- Хватит, Таг, как ты думаешь? - спросил Ревел. - А то я со счета сбился.

Таг быстро оценил объем гаража, поделил на объем воздушной медузы и принял цифру в двести тысяч.

- Да, Ревел, я уверен, что их более чем хватит. Прекрати процесс. А как ты обошел необходимость макать в слизь пластиковую медузу?

- Головой работать надо, - наставительно сказал Ревел, засовывая в нос очередную понюшку белого порошка. - Как свидание?

- Отлично, - отозвался Таг, протискиваясь мимо Ревела, чтобы закрыть вентили пяти труб.

- Может, даже что-то получится более серьезное. Слава богу, что гараж не деревянный, а то бы эти медузы сорвали крышу. И как ты собираешься их гнать по трубопроводу в графство Орандж?

- Роботы мне соорудили коллектор вон там, - показал Ревел на далекий потолок. - Ты думаешь, их пора отправлять? Можно!

Ревел перебросил большой выключатель, который роботы вделали в стену. Заработал мощный насос.

- Это хорошо. Ревел, давай гнать отсюда медуз. Но ты мне все еще не рассказал, как они у тебя пошли готовыми, без обмакивания пластиковой медузы. Как ты это сделал?

- А ну тебя! Я по твоей физиономии вижу, что ты уже знаешь ответ! ощетинился Ревел. - Хочешь услышать?

Ладно. Я пошел и сунул в каждый резервуар по одной из твоих драгоценных медуз. То же самое, что в Дитери. Как только весь резервуар получает твою придурочную математику, вылетающие куски естественно складываются в медуз. В резервуаре номер один у нас жгучие медузы, лунообразные - в резервуаре номер два, эти пятнистые - в третьем, колокольные - в пятом, а ктенофоры - в шестом.

Гребешковые медузы. Резервуар номер четыре, как ты помнишь, лопнул.

- Лопнул, - тихо сказал Таг. Скрежет металла снаружи перекрывал шум ветра и щелчки насоса, засасывавшего медузы из гаража в трубу, ведущую в графство Орандж. - Лопнул.

С поля, где стояли резервуары, донесся мощный грохот.

Таг помог потерявшему ориентировку Ревелу вылезти на дорожку перед гаражом. Резервуара номер шесть не было, и веретенообразная гребешковая медуза размером с дирижабль прыгала по склону артишоковой плантации к северу от хранилища. Огромная, живая форма, блестящая в косом лунном свете. Прозрачная плоть светилась от холодного термоядерного синтеза.

- И остальные резервуары тоже полопаются. Ревел, - тихо сказал Таг. По одному. От гелия.

- А красиво будут смотреться эти гигантские медузы, когда солнце взойдет, - сказал Ревел, щурясь, чтобы разглядеть часы. - Отличная реклама для компании "Ктенофора". Я тебе говорил, что уже послал документы на регистрацию?

- Нет, - ответил Таг. - Разве там не нужна моя подпись?

- А зачем, старик? - удивился Ревел. - Уршляйм

мой, и компания тоже моя. Ты у меня будешь на зарплате, как главный научный специалист!

- Черт побери, Ревел, ты меня за фраера держишь? Я хотел акции, и ты это знаешь!

Сзади подбрела темная фигура и стальной лапой похлопала Ревела по плечу. Промышленный робот принес ему сотовый телефон.

- Вам звонят, мистер Пуллен, из графства Орандж. Вы отложили телефон, когда поглощали наркотическое вещество.

- Занят, занят! - отмахнулся Ревел. - Хотят, наверное, перевести плату за нашу поставку. Таг, дружище, бизнес есть бизнес. И чтобы не было неприятных чувств, я тебе твою годовую зарплату выплачу авансом! Завтра же.

Ревел протянул руку за телефоном, и тут очередной здоровенный металлический резервуар лопнул, выпустив гигантскую грибообразную пятнистую медузу. На фоне бледнеющего востока это было невероятное зрелище. Ветер погнал вибрирующую громадину к северу, а огромные щетинистые щупальца цеплялись упрямо за землю. Тагу на миг пожелалось, чтобы Ревел вопил не в телефон, а зажатый в щупальцах медузы.

- Потеряли? - заверещал Ревел. - Что значит - потеряли? Мы вам их отправили, и вы нам бабки

должны. Крышу склада сорвало? А я здесь при чем? Да, мы послали немного сверх заказа. Да, двадцать к одному. Мы решили, что у вас большой спрос. Так что, поэтому мы виноваты?

Да поцелуйте вы меня - знаете куда?

Он резко захлопнул телефон и нахмурился.

- Так все медузы в графстве Орандж улетели? - спокойно спросил Таг. Кажется, Ревел, это не на пользу компании "Ктенофора", как ты думаешь? Тяжеловато тебе будет управлять ею в одиночку.

Тут с ревом лопнул резервуар номер три, как разбитое изнутри яйцо, и лунообразная медуза размером с ледяной каток вылетела на свободу, вспыхнув в первых лучах солнца. Вдали завыли сирены.

Один за другим полопались два оставшихся резервуара, выпустив колокольчатую медузу и огромную жгучую медузу. Дуновением утреннего ветерка жгучую медузу поднесло к Тагу и Ревелу. Техасец, вместо того чтобы отпрянуть, бросился на нее с бешеным ревом.

Таг всего на миг промедлил, глядя на Ревела, а огромная медуза хлестнула двумя повисшими ротовыми руками и ухватила их обоих. Чуть сильнее раздув здоровенное нутро, тварь поднялась на несколько сотен футов и поплыла вдоль

шоссе номер один в сторону Сан-Франциско.

Раскачиваясь и цепляясь, Таг и Ревел сумели найти что-то вроде насеста в переплетенных щупальцах под зонтом колокола. От физических усилий и утренней свежести у Ревела вроде бы прояснилось в голове.

- Повезло нам, что они не жалят, правда, док? Должен отдать тебе справедливость. Как, ничего себе поездочка?

Лучи утреннего солнца играли и переливались в прозрачных тканях наполненной гелием медузы.

- Интересно, не получится ли ею управлять? - спросил Таг, шаря в свисающей бахроме медузы. - Классно было бы вот так спланировать на лужайку Грисси-Филд возле самого моста Золотых Ворот.

- Уж если кто и может ею править, Таг, то это ты.

Вспомнив все, что знал о хаотической аттракции медузы, Таг действительно смог подрегулировать пульсации огромного колокола так, что медуза повисла над огромным газоном Грисси-Филд у входа в залив Сан-Франциско, сперва пролетев низко-низко над холмистыми улицами города.

Снизу собирались тысячные толпы, махая приветственно руками.

Таг и Ревел спускались на медузе все ниже и ниже, а вокруг жужжала стая телевизионных вертолетов. Предвидя потоп заказов на продукцию "Ктенофоры", Ревел позвонил Дженкинсу справиться о запасах Уршляйма.

- У нас этого студня больше, чем нефти. Ревел! - заорал Хосс. - Он прет из всех наших скважин и вообще из всех скважин по всему Техасу. Оказывается, ничего примитивного в твоей слизи и нет, это просто смесь тех генораскалывающих бактерий, о которых я тебе всю дорогу твердил. Эти вредители повылетали из воздушных медуз и сожрали всю нефть, до которой могли дотянуться!

- Ладно, продолжай качать студень! У нас тут глобальный рынок! Слышь, Хосс, мы нашли холодный термоядерный синтез! И это еще только полдела!

- Очень надеюсь, что ты прав. Ревел! Потому что похоже на то, что весь нефтяной бизнес в Техасе улетел с воздушными медузами. Дядя Донни Рей много о чем хочет тебя спросить. Ревел! Надеюсь, у тебя найдутся ответы.

- И еще какие! - рявкнул Ревел. - Я всю жизнь ждал подобного шанса! Мы со стариной Тагом

- пионеры коренной постиндустриальной революции, а кому не нравится, может вставать в очередь на биржу труда вместе этими дубарями из Ай-Би-Эм!

Ревел защелкнул телефон.

- И что он тебе сказал, Ревел? - спросил Таг.

- Вся техасская нефть превратилась в Уршляйм, - ответил Ревел. - И только мы знаем, что с ним делать. Давай посадим эту штуку и начнем заниматься делом.

Огромная медуза тяжело повисла, рябя под ветром от суетливых вертолетов. Таг не пошевелился.

- Никаких "мы", пока ты продолжаешь пороть свою фигню насчет зарплаты, - сказал он со злостью. - Если ты хочешь, чтобы я влез в твою авантюру и тоже рисковал, то делиться будем пятьдесят на пятьдесят. Я хочу быть полноправным совладельцем и членом совета директоров! Все пополам!

- Я подумаю, - уклончиво ответил Ревел.

- Так думай быстрее. - Таг посмотрел вниз, на толпу. - Посмотри вон на них. Ты же на самом деле ни черта не знаешь, как мы сюда попали и что тут делаем. И что ты им скажешь? Здесь, на воздушном шаре, все хорошо, но вечно нам тут

не просидеть. Раньше или позже придется спуститься на землю и посмотреть в глаза людям.

Он потянулся к щупальцам гигантской медузы, подергал.

И снова опаленная солнцем земля пошла вверх. Пестрые вертолеты внизу брызнули в стороны в фирменной сан-францисской смеси чувств - ужаса и восторга.

- И что ты скажешь людям, когда я опущу нас на землю? - требовательно спросил Таг.

- Я? - удивленно отозвался Ревел. - Ты же у нас ведущий ученый! И тебе полагается объясняться. Скорми им сколько-нибудь математики. Уравнения хаоса, прочая ерунда. Не важно, что они не поймут. "Плохой рекламы не бывает", Таг. Так говорил П.Т. Барнум.

- П.Т. Барнум не занимался искусственной жизнью, Ревел.

- Еще как занимался, - возразил Ревел, пока гигантская медуза опускалась на землю. - Ладно, черт с ним, если ты останешься со мной и возьмешь на себя разговоры, я тебя беру в долю. Пятьдесят на пятьдесят.

Таг и Ревел спрыгнули с медузы и стали пожимать руки под огнем фотовспышек.

Последний шакальчик

Перевод с английского: А Комаринец

- Ненавижу Сибелиуса, - заявил русский мафиозо.

- Это финский национализм, - ответил ему Легги Старлитц.

- Поэтому-то я и ненавижу Сибелиуса. - Русского звали Булат Р. Хохлов. Когда-то он был офицером КГБ, отвечал за связи с военно-воздушными силами Афганистана.

Как и многие ветераны афганской войны, Хохлов после развала Союза ушел в организованную преступность.

Старлитц профессиональным взглядом дилера осмотрел оттиск CD-диска и пластмассовые навески.

- Европейцы, уж конечно, делают вид, что им нравится эта классика, сказал он. - Почти как поп, но реальный продукт не продаст. - Он вернул диск в стойку. Уличный прилавок был снабжен хитро выверенной приманкой для туристов. Старлитц оглядел стеклянные клипсы и деревянные украшения, потом внимательно вперился в набор

непристойных открыток.

- Здесь не Европы, - фыркнул Хохлов. - Это царистское Великое Герцогство с претензиями на буржуазность.

Старлитц пощупал сувенирную фуфайку из искусственного хлопка с комичным красноносым оленем на переду.

Под зверушкой красовалась сложная надпись на финноугорском - языке, зараженном умлаутами.

- Это Финляндия, ас. Европейский союз.

Хохлов был обмундирован в совершенстве: в льняной костюм-тройку и щеголеватый соломенный канотье. Жизнь в новой России пошла ему на пользу.

- По крайней мере Финляндия не вошла в НАТО.

- Да ладно тебе, Польша в него уже вошла. Смирись.

Они отошли к следующему столику, за которым орудовал миловидный финн в цветастой летней блузе и резиновых тапках. Старлитц примерил солнечные очки с вертящейся стойки. На пробу огляделся вокруг. Рынок. Картофель. Укроп. Морковка и лук. Корзинки с клубникой. Цветы и флаги. Оранжевые тенты над деревянными при-

лавками турок и цыган. Лосося здесь продавали прямо с палуб вонючих рыбацких лодчонок.

Хохлов вздохнул:

- Леха, ты не видишь исторической перспективы. - Он вытащил "данхилл" из красной квадратной пачки.

Подле него немедленно возник один из двух телохранителей Хохлова, своевременно щелкнув "зиппой".

- У тебя нет правильного чувства культуры, - настаивал Хохлов, вдохнул дыма и раскатисто закашлялся. Телохранитель убрал зажигалку в карман пиджака с эмблемой "Чикаго буллс" и безмолвно удалился, мягко ступая в чистеньких "адидасах".

Старлитц, который пытался бросить курить, стрельнул У Хохлова сигарету, которую был вынужден прикуривать сам. Потом он заплатил за очки, отделив лососевого цвета полтинник от толстой пачки финских марок.

Хохлов ностальгически помедлил у Царицына Обелиска, воинственного монумента, увешанного гирляндами аристократических фетишей Романовых, отлитых в бронзе. Хохлов, чьи политические симпатии склонялись к правым из "Памяти" с налетом панславянской мистики, с

неподдельным удовольствием похлопал гранитное основание памятника. Потом устремил взор на Эспланаду:

- Ратуша Хельсинки?

Старлитц поправил солнечные очки. Когда он, сидя в подавало в Токио, организовывал эту часть сделки, ему и в голову не пришло, что в Финляндии может быть столько света.

- Действительно ратуша.

Хохлов повернулся поглядеть на забрызганную солнцем Балтику:

- Как по-твоему, сможешь попасть в это здание с проходящего катера?

- Ты имеешь в виду лично меня? Даже не думай.

- Я имею в виду человека в наемном быстроходном катере, вооруженного ручным бронетанковым минометом со склада Красной Армии. Абстрактно говоря.

- Все в наши дни возможно.

- Ночью, - не унимался Хохлов. - Предрассветный рейд городских коммандос! Умно спланированный. Точно исполненный. Жесткая оперативная точность!

- В Финляндии лето, - сказал Старлитц. - Солнце не сядет здесь еще несколько месяцев.

Хохлов, вырванный из своих грез, нахмурился:

- Не имеет значения. В любом случае я не тебя имел в виду как агента.

Они, гуляя, побрели дальше. Финн за ближайшим столиком торговал большими расфуфыренными ондатровыми шапками. Ни один местный такого не купит, поскольку шапки были именно тем типом псевдоаутентичных культурных реликтов, какие фигурируют только в ориентированной на туристов экономике. Бизнес финна, однако, процветал. Он ловко проводил "Мастеркарде" и "визы" обгорелых датчан и немцев в прорезь ручного мобильного устройства, считывающего кредитные карточки.

- Наш человек прибудет завтра на копенгагенском пароме, - объявил Хохлов.

- Ты уже встречал этого типа раньше? - спросил Старлитц. - Когда-нибудь вел с ним настоящие дела?

Хохлов двинулся бочком, швырнув тлеющий окурок "данхилла" на серую брусчатку мостовой.

- Сам я с ним никогда не сталкивался. Мой босс знал его в семидесятых. Мой босс курировал его через КГБ в Восточном Берлине. Тогда его взвали Раф. Раф Шакал.

Старлитц поскреб коротко стриженную тыкво-

образную голову:

- Я слышал о Карлосе Шакале.

- Нет, нет, - обиженно возразил Хохлов. - Карлос ушел на покой. Он в Хартуме. А этот - Раф. Совсем другой человек.

- Откуда он?

- Из Аргентины. Или из Италии. Он когда-то перевозил оружие между людьми Тупамаро и Красными бригадами. Мы думаем, что на деле он аргентинец, но родился в Италии.

- КГБ его завербовал, и ты даже не знаешь, кто он по национальности?

Хохлов нахмурился:

- Мы его не вербовали! КГБ не вербовал никого из семидесятников! Баадер-Майнхоф, палестинцы... Они всегда приходили прямо к нам! - Он с сожалением вздохнул. - Уизермены - как мне хотелось познакомиться с наркоманом-хиппи революционером из уизерменов! Но даже когда они собирались взрывать Банк Америка, янки и тогда отказались говорить с настоящими коммунистами!

- А старик, должно быть, уже в летах.

- Да что ты! Он совсем еще живчик и очень обаятелен."

По-настоящему опасные люди всегда очаро-

вашки. Это помогает им выжить.

- И я за выживание, - задумчиво произнес Старлитц.

- Тогда можешь взять у него несколько уроков обаяния, Леха. Во-первых, они тебе не помешают, а во-вторых, ты - наш связной.

***

Раф Шакал проделал путь через Балтику в опечатанном "фиате". Это был желтый двухдверный автомобиль с датскими номерами. Его водителю, финке, было, наверно, лет двадцать. Крашеные черные волосы были переплетены длинными хвостами растрепанного зеленого шнура. Одета она была в красную блузку, обрезанные джинсы и полосатые хлопковые носки.

Старлитц забрался на сиденье слева, хлопнул дверью и улыбнулся. Девчонка вся вспотела от жары, страха и нервного напряжения. В ушах у нее красовалась батарея пирсинга. Татуированная волчья голова на ключице вынюхивала что-то в основании ее шеи.

Старлитц извернулся, поворачиваясь к заднему сиденью. Городской герилла вдавился в сиденье "фиата" - дремал, был под кайфом или, может, помер. Раф был облачен в хлопковый пиджак,

просторные "ливайсы" и "рейн бэнсы". Кроссовки он снял и спал, подтянув на сиденье ноги в мятых горчично-желтых носках.

- Как наш старик? - спросил Старлитц, поправляя ремень безопасности.

- На паромах его укачивает. - Девчонка двинула по Эспланаде. - Мы отвезем его на явку. - Она бросила на него косой взгляд подведенных черным глаз. - Вы нашли надежную явку?

- Конечно, место должно подойти. - Его порадовало, что она настолько хорошо говорит по-английски. После четырех лет за стойкой бара в Роппонги сама мысль о том, что придется переключиться с японского на финский, приводила его в ужас. - Как вас называть?

- А как вам сказали меня называть?

- Никаких инструкций.

Костяшки девчонки на рулевом колесе побелели.

- Вас не проинформировали о моей роли в этой операции?

- С чего бы это?

- Раф теперь наш агент, - ответила девчонка. - Он не ваш агент. Наши операции совпадают - но только потому, что наши интересы совпадают. Раф принадлежит к моему Движению. Он не

принадлежит никакой фракции русских.

Старлитц извернулся на сиденье и поглядел на спящего террориста. И позавидовал глубокому чувству умиротворенности этого человека. Из-за "рейн бэнсов" трудно было судить наверняка, но пятно пота на лбу придавало Рафу впечатление неподдельной расслабленности и уверенности в себе. Старлитц подумал над последним замечанием девчонки. Он понятия не имел, с чего это финка-студентка предъявляет претензии на пятидесятилетнего ветерана городской гериллы.

- Почему вы так говорите? - наконец спросил он, Обычно это был безопасный и полезный вопрос.

Девчонка глянула в зеркальце заднего вида. Они проезжали залитый солнцем парк с бронзовыми статуями развязных финских поэтов и угрюмых финских драматургов.

За угол она повернула с визгом тормозов.

- Поскольку вам нужно имя, зовите меня Айно.

- Идет. Я Легги.., или Леха.., или Регги. - Его в последнее время то и дело звали "Регги". - Явка в Ипсаллане. Вы знаете этот район? - Старлитц вытащил из кармана рубашки ламинированную туристическую карту. - Поезжайте по Маннерхейнеминтиэ до железнодорожной станции.

- Вы не русский, - заключила Айно.

- Нет.

- Вы из Организации?

- Я забыл, что следует сделать, чтобы официально вступить в русскую мафию, но по сути нет.

Легги нащупал рычаг под креслом и немного откинулся назад, стараясь не толкнуть спящего террориста.

- Вы уверены, что хотите это слышать?

- Конечно, хочу. Поскольку мы работаем вместе.

- О'кей. Пусть будет по-вашему. Дело обстоит так. Я в Токио работал на японскую женскую металлическую группу. Девицы поднялись на самый верх и купили дискотеку в центре Роппонги. Я управлял заведением... Помимо того, что лабали музыку, эти металлистки имели еще одно дельце на стороне. Памятные вещи. Узко нацеленный рынок на тинейджеров. Фэнзины, цепочки для ключей, футболки, си-ди-ромы... Куча денег!

Айно остановилась на красный свет. Вымощенный брусчаткой переход заполнила масса потных, ослепленных солнцем пешеходов-финнов.

- Ладно, после того, как я раскрутил им рынок тинейджеров, я нашел еще одну золотую жилу. Смешные зверьки. "Фруфики". Последний писк в

Японии. Тапки с фруфиками, карамельки-фруфики, содовая, рюкзаки, бэджи, коробки для ленча... Фруфики - что называется "кавай".

Айно тронулась с места. Они проехали бронзового финского генерала верхом на боевом коне. Этот генерал терпел при жизни поражение за поражением, но выглядел так, словно побеждать его еще раз возни больше, чем оно того стоит.

- Что такое "кавай"?

Старлитц поскреб щетину на подбородке.

- "Очаровашка" не совсем точно передает смысл. Может быть, "прелестный". Крутые деньги с такой прелести.

Вся хохма в том, что фруфики происходят из Финляндии.

- Я финка. Но ни о чем под названием "фруфики" не знаю.

- Есть такие детские книжки. Их писала старая финская дама. За кухонным столом. Детские сказки с картинками, написаны в сороковых и пятидесятых годах. Разумеется, сегодня они были переведены на пленки, анимацию на кассеты "нинтендо", и все такое...

Айно подняла брови:

- Вы имеете в виду флюювинов? Маленьких синих зверушек с головами как подушки?

- А, выходит, вы их знаете?

- Моя мама читала мне "Флюювинов"! С чего вдруг японцам понадобились флюювины?

" - Ну, соль заключается в следующем. Эта старая дама живет на уединенном острове. Посреди Балтийского моря.

Чертова глухомань. Старушка так и не вышла замуж. Ни менеджера. Ни агента. И по всей видимости, ни цента не получает с этой японской раскрутки. Вероятно, давно уже впала в маразм. Так вот, план был таков: я лечу в Финляндию. На острова. Разыскиваю там ее. Заключаю сделку.

Получаю ее подпись. А потом мы подаем в суд.

- Не понимаю.

- Она живет на Аландских островах. Эти острова критически важны для ваших людей, и для Организации тоже.

Так как, видите тут общее совпадение интересов?

Айно встряхнула переплетенными зеленым косами.

- У нас серьезные политические и экономические интересы на Аландских островах. Флюювины - глупые книжки для детей.

- Что такое "серьезный"? Я говорю о пластмассовых фигурках! Мультяшных стаканчиках для

питья! Заглавных песнях в детских передачах. Когда нечто подобное выходит на свет, это крутой источник дохода. Заводы в Шенцене гудят день и ночь. Ящики товара в низовые магазины в пассажах. Вам известно, что "Изюм Калифорнии" стоит больше всего урожая калифорнийского изюма? Это достоверный факт!

Айно мрачно покосилась на него:

- Ненавижу изюм. Калифорнийцы используют рабский труд и пестициды. Изюм - просто гадкие дохлые виноградины.

- Я в порядке, но мы говорим о Японии, - настаивал на своем Старлитц. На душу населения выше, чем "Марин Каунти"! Рубль теперь в унитазе, а иена-то - в небесах. Мы шантажом получаем отступного в иенах, отмываем его в рублях и всю статью доходов вчистую снимаем с баланса. Серьезнее только раковая опухоль.

- Я вам не верю. - Айно понизила голос:

- Зачем вы рассказываете мне столь ужасную ложь? Это очень глупое прикрытие для международного шпиона!

- Сами напросились, - пожал плечами Старлитц.

***

Они разыскали явочную квартиру в Ипсиллане. Это оказался двухквартирный дом. Вторую его половину занимала пара доверчивых финских яппи с распорядком дня трудоголиков. Старлитц предъявил ключи. Айно зашла, с параноидальным тщанием проверила все до одной комнаты и окна, потом вернулась к "фиату" и разбудила Рафа.

Пошатываясь, тот, только войдя в квартиру, побрел в ванную. Первым делом он смачно сблевал в унитаз, потом открыл душ. Айно внесла пару раздутых нейлоновых голубых спортивных сумок. Телефона в квартире не было, но люди Хохлова заботливо оставили на туалете в спальне мобильник с клонированным чипом.

Старлитц, который был уже на явке раньше, забрал из кухонного шкафа свой лаптоп. Это былая японская переносная машина с клавиатурой размером с клюшку для гольфа, сложной, путаной кутерьмой ASCII, канжи, катакана, хирагана и загадочными функциональными клавишами. В нем также имелся сотовый модем.

Старлитц вошел в Интернет через провайдера в Хельсинки и зашел на сайт группы металлисток

в Токио. Ничего особого там не происходило. Сачихо снова появлялась на телевидении в желтых ток-шоу. Хуки занялась съемкой фильма. Ако заняла студию, готовя соло-альбом. Сайоко беременна. Снова.

Старлитц просмотрел почту и нашел новый спутниковый джипег-файл с информацией о застройке участков на территории Боснии. Босния начинала все больше интересовать Старлитца. Он там еще не был, но чувствовал, как соблазн перебраться туда все растет и растет. Японская тусовка почитай что выработана. Как только афера с земельными участками лопнула, токийские улицы лишились былого раздолья, а теперь еще высокая только что иена стремительно валилась вниз, догоняя валюты гейджин. Но все идет к тому, что Босния в середине девяностых пойдет на подъем. Не Босния сама по себе (если ты, конечно, не наемник или сумасшедший), но лежащие вокруг нее зоны безопасности, где начинали уже обосновываться торговцы наркотиками и оружием: Словения, Болгария, Македония, Албания, Практически всякая организация, какая могла бы привлечь внимание Старлитца, так или иначе была завязана на Боснию. ООН. США. НАТО. Европейский союз. Русская разведка, русская

мафия (тут взаимное переплетение и взаимозависимость управления). Немцы. Турки. Греки. Ндрангеты.

Камморцы. Израильтяне. Иранцы. Мусульманское братство.

Огромная стая наемников. Здесь даже имелась сербская фолк-металл тусовка, где сербские девчонки, подхихикивая, из кожи вон лезли, на радость улюлюкающей аудитории военных преступников. Приятно смотреть, как раз за разом все усложняется ситуация в Югославии. Вполне подходящие для него угодья.

Из ванной появился Раф. Он успел побриться, а редеющие мокрые волосы завязал в хвост. Одет он был в джинсы, на талии террориста образовались уже жировые складки, но волосатые плечи оставались по-прежнему мускулистыми.

Раф расстегнул молнию одной из спортивных сумок, вытащил и натянул на себя мешковатую черную футболку.

Старлитц отключился от Интернета.

- Никогда драмамин не помогает. - Раф зевнул. - Извини.

- Нет проблем, Раф.

Раф оглядел квартиру. Зрачки его темных глаз съежились в две точки.

- А девчонка где?

Старлитц пожал плечами:

- Может, вышла приволочь еды из китайской закусочной Раф отыскал свои очки и пачку "галлуаз". Вполне возможно, что он был итальянец. Достоверно, если судить по акценту.

- Чехол автомобиля, - произнес Раф. - Поможешь?

Они притащили из багажника "фиата" в дом большой брезентовый сверток. Раф ловко развернул его и разложил содержимое свертка на прохладном линолеуме кухоньки.

Винтовки. Пистолеты. Амуниция. Гранаты. Пластилин.

Запал. Детонатор. Старлитц поглядел на весь этот арсенал скептически. Экипировка выглядела устаревшей.

Раф споро собрал смазанный АК-47. Выглядел автомат так, словно несколько лет был прикопан в чьем-то саду, но прикопан человеком, знающим, как правильно закапывать оружие. Раф вставил на место изогнутый магазин и любовно похлопал по потускневшему деревянному прикладу.

- Видел когда-нибудь "пэнкор отбойный молоток"? - спросил Старлитц. Современный

помповый боевой обрез, целиком и полностью пластмассовый, обманчиво безобидный дизайн.

Раф кивнул:

- Да, я хожу на шоу для профи. Но знаешь ли - с практической точки зрения, - надо показывать людям, что можешь их убить.

- Да? Зачем?

- Всем знаком классический силуэт АК-47. Покажи гражданским АК, - Раф умело угрожающе повел автоматом, - и они бросаются на пол. А приди вы с вашим современным пластиковым автообрезом, они решат, что это пылесос.

- В чем-то ты прав.

Раф поднял увешанный бомбами патронташ цвета хаки:

- Видишь эти лимонки? У подобных гранат убойная сила небольшая, да и радиус действия тоже, но они выглядят как настоящие гранаты. Как ты сказал тебя зовут, друг?

- Старлитц.

- Так вот. Старлетка, приходишь ты с этими лимонками у пояса в банк или в вестибюль отеля, и тебе даже в дело пускать их не придется. Потому что все знают, что такое лимонка. Разумеется, если надо взорвать гранату, никто и никогда эти дурацкие лимонки не взрывает. Тут понадобятся

винтовочные BG-15 с реактивным зарядом.

Старлитц принялся разглядывать поцарапанные и засаленные винтовочные гранаты. Цилиндрические стволы со взрывчаткой весьма напоминали сварочное оборудование, единственным отличием на первый взгляд была карандашная военная надпись кириллицей.

- Эти вот ведь уже давно в употреблении?

- Баски на них молятся. Они просто колдовство творят против бронированных лимузинов.

- Баски. Я слышал, язык у них даже более странный, чем у финнов.

- У тебя ствол при себе, Старлетка?

- Не сейчас.

- Возьми себе какой поменьше, - расщедрился Раф. - Скажем, вот этот девятимиллиметровый "Макаров". Отличное оружие в рукопашной. Марочная чешская амуниция.

Большая убойная сила.

- Может, потом, - отозвался Старлитц. - Я, возможно, позаимствую у тебя дольку пластилина. Если ты не против.

Раф улыбнулся:

- Зачем?

- С тех пор как Гавел позакрывал заводы, найти хороший "семтекс" непросто, - уныло ответил

Старлитц. - Мне он, возможно, понадобиться, потому что... У меня есть личная проблемка с видеокамерами.

- Возьми сигарету, - сочувственно сказал Раф, встряхивая пачку. - Вижу, тебе надо покурить.

- Спасибо. - Старлитц закурил "галлуаз". - Видеокамеры теперь повсюду. В банках.., в отелях.., в универсамах.., в кассах.., в полицейских машинах... Господи, как же я ненавижу видео. Всегда его ненавидел. А теперь оно и впрямь действует мне на нервы.

- Всеохватывающее наблюдение, - отозвался Раф. - Всеобщий Спектакль.

Старлитц выдохнул дым и хмыкнул.

- Нам следует получше это обсудить, - пристально поглядел на него Раф. - Работа на Революцию требует серьезного теоретического обоснования. Тогда инстинктивное пролетарское недовольство может вылиться в последовательное революционное противодействие.

Он принялся распиливать запакованный брикет "семтекса" ножом для масла из кухонного ящика.

Старлитц разломал пластиковую взрывчатку на кусочки, которые затем распихал по обвисшим карманам.

Дверь открылась - это вернулась Айно. И не одна: ее спутником оказался высоченный и призрачно-бледный финн с огромной и похожей на ком сахарной ваты пурпурной шевелюрой. Одет он был в ковбойку с перламутровыми пуговицами и кожаные джинсы. Над верхней губой свисало большое золотое кольцо, вставленное в носовую перегородку.

- Кто это? - улыбнулся Раф, быстрым движением засовывая "Макаров" за пояс джинсов у себя за спиной.

- Это Ээро, - объяснила Айно. - Пишет программы.

Для Движения.

Уставившись в пол, Ээро застенчиво пожал плечами.

- Есть полно хакеров покруче меня. - Глаза его внезапно расширились. Ух ты! Клевые пушки!

- Это наша явка, - сказал Раф.

Ээро кивнул и нервно потеребил кольцо кончиком языка.

- Ээро поспешил приехать, чтобы мы могли сразу же приступить к делу, объявила Айно. Она поглядела на блестящий от смазки арсенал с легким пренебрежением - так иногда смотрят на большой сервиз малопривлекательного свадеб-

ного фарфора. - Ну так и где деньги?

Старлитц переглянулся с Рафом.

- Думаю, Раф пытался сказать, - мягко пояснил Старлитц, - что обычно знакомых на явку не приводят. На явочных квартирах спят, отсиживаются и хранят оружие;

Знакомых и связников встречают за городом или в общественных местах. Это принятые правила подпольных операций.

- Ээро в порядке! - оскорбление ответила Айно. - Мы можем ему доверять. Ээро с моего курса по социологии.

- Я уверен, что Ээро в порядке, - безмятежно отозвался Раф.

- Он принес сотовый телефон, - сказал Старлитц, поглядев на футляр на кожаном ремне с металлическими заклепками на Ээро. - Полиция и спецагенты способны отслеживать передвижения людей по мобильным телефонам.

- Все в порядке, - галантно улыбнулся Раф. - Ээро твой друг, дорогая, так что мы ему доверяем. В следующий раз мы будем несколько осторожнее в методах. Идет? - Раф рассудительно развел руками. - Товарищ Ээро, поскольку ты здесь, возьми себе какую-нибудь малость. Возьми гранату.

- Можно? - переспросил Ээро с глуповато-за-

стенчивой улыбкой. Он попытался - без особого успеха запихнуть лимонку в карман узких кожаных джинсов.

- Где деньги? - повторила свой вопрос Айно.

Раф мягко покачал головой:

- Я уверен, мистер Старлетка не столь беспечен, чтобы принести такую сумму наличными на первую нашу встречу.

- Наличные в тайнике. Это стандартный метод передачи. Тем самым, если вы под наблюдением, спецслужбы не могут выйти на ваших связников.

- Тактическое обучение в старом добром Университете Патриса Лумумбы, весело вставил Раф. - Ты выпускник, Старлетка?

- Не-а. Никогда не был любителем студенческой жизни. Но русская мафия по уши в питомцах Лумумбы.

- Я понимаю подобную тактику денежных переводов, - пробормотал Ээро, покачивая лимонку в костлявых пальцах. - Это как анонимный переадресовщик на Интернет-сайте. Снимает ответственность.

- Деньги в американских долларах? - спросила Айно.

Раф поджал губы:

- Мы не принимаем так называемые доллары, происходящие из России, помнишь? Слишком много свежих чернил.

- Деньги в иенах, - сказал Старлитц. - Три миллиона двести тысяч в долларах.

- Двести тысяч? - просветлел лицом Раф.

- Когда заключали сделку, договаривались о трех, но с тех пор иена еще поднялась. Считайте, что это небольшой подарок от наших связников в Токио. Не отмывайте все в одном месте.

- Хорошие новости. - Айно с нежностью улыбнулась.

Старлитц повернулся к Ээро:

- Достаточно, чтобы вы с друзьями могли обосноваться на Аландских островах с завязанными в сеть "санами"?

Ээро моргнул:

- Компьютеры доехали благополучно. Никаких проблем в Америке с ограничениями на вывоз компьютеров.

Мы могли бы перевезти американские компьютеры прямо в Россию, если бы пожелали.

- Молодцы. Какие-нибудь проблемы с получением шифровок?

Свободной рукой Ээро покрутил пурпурный локон:

- Голландцы проявили полное понимание.

- Тогда как насчет снятия здания под банк на Аландах?

- Здание мы купили. Даже деньги еще остались. Это был консервный завод, Балтийское море протащили плавной сетью, поэтому... - Ээро пожал костлявыми плечами. - По соседству турецкий ресторанчик. Так что программисты питаются пловом и шашлыками. Финские программисты.., мы все любим плов.

- Плов! - с энтузиазмом воскликнул Раф, сам - воплощенное веселье. Хорошего плова я не ел с самого Бейрута.

Старлитц прищурился:

- А как насчет персонала? Есть проблемы?

Ээро кивнул:

- Конечно, хотелось бы, чтоб на запуске было больше народу. Технический запуск всегда требует людей. И все же у нас достаточно финских хакеров, чтобы загрузить вашу банковскую систему и управлять ею. Мы по большей части все очень молодые, но если русские профессора математики могут входить из Ленинграда - простите, Петербурга, - то и у нас, думаю, больших проблем не будет. Русские математики, они все безработные - к несчастью для них. Но они отличные

программисты, с прекрасными навыками. Единственная проблема с нашими юными хакерами из Финляндии... - Ээро рассеянно переложил гранату из руки в руку. - Ну, мы все так взволнованы первым настоящим отмыванием денег через Интернет. Мы очень старались не проговориться, никому не рассказывать о том, что делаем, но... Ну, мы очень гордимся своей работой.

- Скажи своим мышь-жокеям, чтоб еще немного помалкивали о своих достижениях, - сказал ему Старлитц.

- На деле уже слишком поздно, - кротко отозвался Ээро.

- Господи помилуй, и скольких, черт побери, знакомых твои финские ковбои посвятили в наши дела? - Старлитц нахмурился.

- Сколько человек читают alt-эхи? - вопросом на вопрос ответил Ээро. У меня нет данных, но есть alt-hack, alt-260, alt.smash.the.state, alt.fan.blacknet... Много.

- Ладно. - Старлитц провел рукой по голове. Как большинство Интернет-провалов, ситуация была уже свершившимся фактом. - О'кей, такое развитие событий все круто меняет. Айно, ты была совершенно права, что привела его прямо сюда. К чертям требуемый протокол. Нам нужно

запустить банк как можно скорее.

- Ничего плохого в паблисити нет, - внес свою лепту Раф. - Нам нужна паблисити, чтобы привлечь бизнесменов.

- Бизнесменов будет в достатке, - отозвался Старлитц. - Русская мафия уже держит крупнейшую отмывку денег со времен Второй мировой войны. Все, кто связан с оружием и наркотиками, обивают им пороги. Черная электронная наличность - существенный компонент возникающей глобальной системы. Дело в том, что у нас тут очень узкое окно. Если наша небольшая компания намерена что-то получить с этого расклада, нам надо быть готовыми со своей уже функционирующей скромной "онлайн прачечной" как раз в тот момент, когда она потребуется системе. И до того, как это сообразят все остальные.

- Паблисити жизненно важна! - настаивал Раф. - Паблисити наш кислород! С такой крупной заварухой, как эта, нам просто необходимо попасть во все заголовки. Лейла Халид всегда говорила: "Мир должен услышать наш голос".

Айно моргнула:

- Лейла Халид еще жива?

- Да здравствует Лейла! - воскликнул Раф. - Лейла Халид чудесная женщина. Она ведет соци-

альную работу в Дамаске среди сирот Интифады. Скоро ее введут в правительство Палестины.

- Лейла Халид, - задумчиво повторила Айно. - Я так завидую ее историческому опыту. Есть что-то правдивое, физическое и здоровое в угоне самолетов.

Ээро, похоже, никак не мог найти в своем прикиде, куда запихать гранату. Наконец он грациозно опустил ее на кухонный стол и уставился на нее с мрачным уважением.

- Еще вопросы есть? - спросил Раф Старлитца.

- Сколько угодно, - отозвался тот. - Организация поставила прикормленных профессоров математики решать технические проблемы. Я полагаю, русские с математикой справятся - русские всегда в ней преуспевали. Но отмывание денег черного рынка он-лайн - это операция по коммерческому обслуживанию клиентов. Обслуживание клиентов определенно не самая сильная сторона русских.

- Ну и?..

- Не можем мы торчать в ожидании, пока нам дадут добро путаники из Москвы. Чтобы наш план сработал, нам надо добить все поскорей и тут же вывести систему в онлайн. Нам нужны скорые результаты.

- Тогда ты вышел на нужного человека, - деловито ответил Раф. - Я всегда специализировался на скорых результатах. - Он пожал Ээро руку. - Ты очень нам помог, Ээро. Приятно было с тобой познакомиться. Наслаждайся пребыванием на островах. Мы ждем дальнейших конструктивных контактов. Viva la revolucion digitale! [Да здравствует цифровая революция! (исп.)] До свиданья и удачи.

- У вас еще нет для нас больших денег? - спросил Ээро.

- Ждать осталось недолго, - ответил ему Старлитц.

- Могу я получить денег на такси?

Старлитц дал ему стомарковую банкноту Жана Сибелиуса.

- Ух ты, - выдал Ээро с меланхоличной улыбкой. Убрав банкноту в карман ковбойки, он удалился.

Старлитц проводил хакера до двери и оглядел улицу, по которой засеменил прочь мертвецки бледный финн. Он даже не удивился, увидев двух телохранителей Хохлова, неумело прячущихся возле наемного белого "херца", припаркованного чуть дальше у обочины. Предположительно, они передавали сигналы от потайных подслушивающих устройств, какими русские наверняка в

избытке напичкали явочную квартиру Рафа.

Ээро проплыл мимо русских мафиози с рассеянностью хакеровского эгоцентризма. Старлитц решил, что парнишка любопытный экземпляр. В Японии было полно крутых готов, но вампирские детишки в черном никогда не спаривались с популяцией японских хакеров. Однако здесь, в Финляндии, похоронного вида, с поставленными гелем прическами фанаты "Кьюр" встречались по всей палитре общества: среди автомехаников, обслуги гостиниц, развозчиков пиццы, правительственных клерков и прочих трудяг всех мастей.

Вернувшись, Старлитц обнаружил, что Раф разыскивает по кухонным шкафам кофе.

- Айно, давай рассмотрим политическую ситуацию.

Айно послушно присела на кухонный табурет из березы.

- Аланды - цепь островов в Ботническом заливе между Финляндией и Швецией. Архипелаг включает в себя Аланд, Фегле, Кекар, Соттунгу, Кумлинге и Бренде.

- Ну да, ну да, о'кей, - хмыкнул Старлитц.

- Крупнейший город - Мариэхамм с населением десять тысяч жителей. - Она помолчала. - Там и

будет создан автономный цифровой банк.

- Пока все отлично.

- На Аландских островах проживает двадцать пять тысяч человек, в основном рыбаки и фермеры, но тридцать процентов населения заняты на обслуживании туризма. Они управляют мелкими казино и магазинчиками дьюти-фри.

Аландские острова пользуются популярностью как место поездок на выходной день с континентальной Европы.

Старлитц кивнул. Он видел окончательный список потенциальных стран-кандидатур на место русского офшорного банка. Аланды были из них самыми привлекательными.

Айно села прямее.

- Население - автохонное, язык - шведский. В 1920 году против собственной воли и против народного массового плебисцита острова передали Финляндии по соглашению, одобренному ныне не существующей Лигой Наций. На деле эти угнетенные люди - не финны и не шведы. Они аландцы.

- Национальное освобождение островов будет проходить по двум фронтам. Раф ловко поставил кофейник на конфорку. - Во-первых, Фронт освобождения Аландских островов, который, по

сути, моя операция. Второй фронт - люди Айно из университета, "Антиимпериалистические Ячейки Суоми", поставившие себе целью покончить с постыдной несправедливостью финского империализма. Внезапное начало вооруженной борьбы и кампания террора спровоцируют внутренний кризис в Финляндии. Самым простым и очевидным решением будет дать Аландским островам автономию.

Поскольку до островов всего несколько часов морем из Петербурга, это развяжет руки Организации для ведения банковских операций.

- Ты деловой парень, Раф.

- Я слишком долго почивал на лаврах, - отозвался тот, тщательно споласкивая новенькие кофейные кружки. - У нас теперь обновленная Европа. Множество фантастических возможностей.

- Как скажешь. А эти деревенщины действительно хотят независимости? У них, кажется, и так все в порядке.

Раф, удивленный таким вопросом, улыбнулся.

- Еще много чего надо сделать для поднятия революционного самосознания на Аландах, - нахмурилась Айно. - Но мы из "Антиимпериалистических Ячеек Суоми" найдем ресурсы, чтобы проводить политическую работу. Победа будет

за нами, поскольку финское либерально-фашистское государство не в силах будет обуздать плененный народ. А если оно все же пойдет на это, - она горько улыбнулась, - это только продемонстрирует шаткость нынешнего финского режима и его элементарную несостоятельность как европейского государства.

- Кто у нас есть на месте на Аландах, кто бы говорил на местном садистском варианте шведского? Так, на случай, если нам это потребуется, скажем, предъявить претензию по телефону или еще что?

- У нас там есть три человека, - отозвался Раф. - Новый премьер, новый министр иностранных дел и, конечно, новый министр экономики, кто будет облегчать расчистку дороги для русских операций. Они - теневой кабинет Аландской республики.

- Три человека?

- Это ж полно людей! Там всего населения-то двадцать пять тысяч. Если наши прогнозы верны, то офшорный банк отмоет двадцать пять миллионов долларов за первые же полгода! Эти острова - всего лишь камешки. Это картошка с рыбой и казино для немцев. Местных в расчет можно не брать. Мафия и ее друзья могут скупить

их на корню.

- Они важны, - вмешалась Айно. - Они важны для Движения.

- Ну разумеется.

- Аландцы заслуживают собственного государства. Если они его не заслуживают, то и мы, финны, не заслуживаем своего. Финнов всего только пять миллионов.

- Мы всегда пасуем перед политическим принципом, - снисходительно ответил на это Раф и протянул ей полную до краев кружку. - Пей свой кофе. Тебе надо идти на работу.

Айно удивленно поглядела на часы:

- Ах да.

- Порезать гашиш на порции по грамму? Или возьмешь с собой брикет?

Она моргнула.

- Тебе не обязательно его резать, Раффи. Его могут нарезать в баре.

Раф открыл одну из спортивных сумок и протянул ей толстый кирпич гашиша, аккуратно упакованного в копенгагенскую газету.

- Ты работаешь в баре? Хорошее прикрытие, - сказал Старлитц. - Что это за гаш?

- Кое-что совсем новое для Европы, - сказал Раф. - Азербайджанский.

- Гаш из бывшего Союза не слишком-то хорош, - шмыгнула носом Айно. Там не знают, как его правильно собирать и обрабатывать... Мне не нравится продавать гашиш. Но если ты продаешь людям наркотики, они тебя уважают. Не станут, к примеру, говорить о тебе, если явятся полицейские. Ненавижу полицию. Копы - фашисты и палачи. Стрелять их надо. Тебе машина нужна, Раф?

- Бери.

Прихватив сумочку, Айно покинула явочную квартиру.

- Интересная девушка, - во внезапной пустой тишине прокомментировал Старлитц. - Никогда прежде не слышал о финских террористических группировках. Немцы, французы, ирландцы, баски, хорваты, итальянцы - это да.

Но о финнах впервые слышу.

- Они в своем захолустье несколько отстали от остальной Европы. Она из новой породы. Очень храбрая. Очень решительная. Быть террористкой непросто. - Раф осторожно подсластил свой кофе. - Женщинам никогда не воздают по заслугам. Женщины похищают министров, женщины взрывают поезда женщины вообще очень хороши в деле. Но никто не называет их

"вооруженными революционерами". Они всегда - как там пишут в прессе? - "не адаптированные к обществу невротички". Или безобразные ожесточившиеся лесбиянки с эдиповым комплексом. Или симпатичные юные инженю, которых соблазнил и промыл им мозги не подходящий для них мужчина. - Он фыркнул.

- Почему ты так говоришь? - поинтересовался Старлитц.

- Я человек своего поколения. - Раф отхлебнул кофе. - Некогда я был не столь продвинут в феминистских настроениях. Это общение с Ульрикой так возвысило мое сознание.

Я говорю об Ульрике Майнхоф. Удивительная девушка. Талантливая журналистка. Умница. Красноречивая. Не знающая жалости. К тому же красавица. Но Баадер и та вторая - как там ее звали? - они ужасно с ней обращались. Всегда кричали на нее на явке, называли бесхребетной интеллектуалкой, избалованным дитя буржуазии и так далее. Бог мой, разве все мы не избалованные дети буржуазии? Если б буржуазия не напортачила с нами, разве стали бы мы убивать буржуа?

Судя по звукам с улицы, подъехала машина. Мотор смолк, хлопнули дверцы.

Старлитц подошел к окну и выглянул в щель жалюзи.

- Это наши соседи-яппи. Похоже, они приехали раньше обычного.

- Надо пойти представится, - заявил Раф и принялся причесываться.

- Ох, да погоди чесаться - парень-то и впрямь живет по соседству, а вот девица нет. У него совсем другая женщина.

- Подружка? - заинтересовался Раф.

- Ну, во всяком случае, намного его моложе. В парике, тесные брючки и красные лодочки на высоком каблуке.

Открылась и хлопнула дверь соседней квартиры, потом заиграл стереомагнитофон - крутили жаркую кубинскую румбу.

- Золотой шанс. - Раф отставил кружку с недопитым кофе. - Давай представимся сейчас, назовемся новыми соседями. Он будет очень смущен. Никогда на нас даже не взглянет. Не станет задавать никаких вопросов. А также будет держать подальше от нас свою супругу.

- Хорошая тактика.

- Вот именно. Предоставь говорить мне. - Раф направился к двери.

- У тебя все еще "Макаров" за поясом, приятель.

- Ах да. Извини. - Раф швырнул пистолет на лоснящуюся финскую кушетку.

Раф толкнул было дверь на улицу, но тут же ловко отступил внутрь квартиры и вновь захлопнул дверь.

- На улице белая наемная машина.

- Ну и?..

- Внутри двое.

- И?..

- Кто-то только что их пристрелил.

Старлитц бросился к окну. На тротуаре сгрудилось человек шесть. Двое из них только что убили телохранителей Хохлова, внезапно выпустив через поднятые стекла обоймы из пистолетов с глушителями.

Четверо направлялись через улицу к их дому. Одеты они были в джинсы, кроссовки и, несмотря на жару, блейзеры от Джорджио Армани. Двое держали изящные маленькие видеокамеры. И все были при пушках.

- Сионисты, - объявил Раф.

Деловито, но без спешки он вернулся к арсеналу на полу кухоньки, забросил на плечо "Калашников", подтянул поближе вторую штурмовую винтовку и стал на колени позади стены кухоньки, что дало ему свободную линию обстрела

входной двери.

Старлитц быстро взвесил различные возможности - и решил остаться наблюдать у окна.

С решимостью столь же стремительной, сколь и смертельной, группа уничтожения промаршировала к соседней квартире. Под ударами ног слетела с петель дверь. Послышались краткие вопли удивления и приглушенное бормотание очередей. Очередь из "узи" прошила общую стену между квартирами, так что пули засели в полу гостиной явки.

Раф поднялся на ноги, пухлое его личико было воплощением ликования. Он поднес палец к губам.

Протопали вверх-вниз по лестницам соседней квартиры быстрые шаги. Хлопанье дверей, визг открываемых ящиков. Звяканье телефона, сброшенного с прикроватной тумбочки. Три минуты спустя группа уничтожения покинула квартиру.

Раф поспешно подбежал к окну и скорчился под подоконником. Из своей спортивной сумки он выхватил маленький "никои" и отщелкал целую пленку снимков, чтобы запечатлеть отход группы.

- Такое искушение их перестрелять, - сказал он, поддергивая ремень штурмовой винтовки, - но

так даже лучше. Это очень смешно.

- Это ведь был Моссад, так?

- Ага. Они приняли соседа за меня.

- У них, наверное, было описание тебя и девушки. И они знают, что ты в Финляндии, приятель. Не слишком хорошие новости.

- Давай позвоним, сдадим их. Полиция Хельсинки их, возможно, зацапает. Просто чудесно получится. Где сотовый?

- Послушай, нам только что невероятно повезло. Нам лучше уходить.

- Мне всегда везет. У нас полно времени. - Раф со вздохом оглядел свой арсенал. - Жаль оставлять эти стволы, но у нас нет машины, чтобы их везти. Давай перед уходом перенесем все в соседнюю квартиру! Это даст нам хорошие отзывы в прессе.

***

Старлитц встретился с Хохловым в два утра. Полночное солнце оставило обреченные на провал попытки закатиться и теперь вновь поднималось во всем сверкающем великолепии. Старлитц с Хохловым шагали по призрачно опустелым улицам Хельсинки, неподалеку от "Арктики"; где Хохлов снимал роскошный люкс.

Как и большинство европейских столиц, Хельсинки был совсем молодой город. Большая его часть отстраивалась с начала века, и множество кварталов сровняли с землей русские бомбардировки в сороковых. Тем не менее улицы у набережной походили на подмостки для Крысолова из Гамельна - сплошь медные фронтоны крыш, освинцованное стекло и затейливые башенки.

- Мне не хватает мальчиков, - ворчал Хохлов. - Зачем им понадобилось убирать моих мальчиков? Сволочи пустоголовые.

- В Израиле сейчас полно русских евреев. Русская мафия там очень в моде. Может, это нам дают понять, что о нас знают.

- Нет. Они просто разучились делать свое дело. Решили, что мои мальчики охраняют Рафа. Решили, что этот несчастный жирный финн и есть Раф. Раф заставляет их нервничать. Он у них в списке на уничтожение с самой Мюнхенской олимпиады.

- Как они узнали, что Раф здесь?

- Через хакеров в банке. Те слишком много болтают. Трое наших вкладчиков - крупные израильские торговцы оружием.

Хохлов устал. Он всю ночь провел на телефоне,

объясняя, что и как произошло, встревоженной клике бывших чекистов, а ныне миллионеров в Петербурге.

- Поскольку все вышло наружу, нам нужно запускать банк немедля, ас.

- - А то я не знаю. - Вынув из стальной коробочки розовую таблетку, Хохлов проглотил ее на ходу. - Верхние эшелоны Организации просто без ума от идеи черной электронной наличности, но они старомодны и склонны к скептицизму. Они говорят, им нужны скорые результаты, а сами при этом ставят мне палки в колеса при финансировании.

- А я и не думал никогда, что номенклатура за нас постоит, - отозвался Старлитц. - Это ж все, как один, бюрократы из бывшего КГБ, движутся как улитки. Если японское дельце сработает, капитал у нас будет, не беспокойся. Ты сказал, они ждут результатов? Каких именно результатов?

- Нашего золотого мальчика ты уже видел. Что ты о нем думаешь? Только откровенно.

- Думаю, без него нам было бы лучше. - Старлитц тщательно взвешивал слова. - Для такой гастроли он нам не нужен. Для этого он излишне квалифицирован.

- А ведь он крут, правда? Настоящий профи. И

всегда удачлив. Удача в нашем деле лучше, чем умение.

- Послушай, Булат Романович. Мы с тобой давно знакомы, и говорить я буду начистоту. Этот парень не подходит для такой работы. Отмывание налички на Аландах - деловое предприятие, мы пытаемся пробиться в структуру международных потоков наличности. Это - инфобан. Сейчас девяностые годы. Это - выше границ. Запуск такого банка - дело рискованное, ну и что с того? Все, что связано с инфобаном, связано с риском. Это глобальное предприятие, здесь порядок. А вот этот мужик далеко не глобальный бизнесмен.

Ты когда-то оплачивал его и снабжал оружием. Уверен, он тогда походил на какого-нибудь поэта-революционера из хиппи а-ля Че Гевара, восставшего против капиталистического общества. Но этот парень нам не в плюс.

- Ты думаешь, он не в себе? Психопат? В этом все дело?

- Послушай, все это только слова. Он не сумасшедший. Он то, что он есть. Он шакал. Он питается мертвечиной, оставленной более крупными хищниками и агентами спецслужб, иногда он убивает кроликов. Обычных людей он держит за овец. Он помешался на обществе потребления.

С него станется взорвать наших потенциальных клиентов и посмеяться над этим. Этот мужик нигилист, С полквартала Хохлов шел в молчании, сгорбив плечи, обтянутые льняным пиджаком.

- А знаешь что? - внезапно сказал он. - Мир совершенно сошел с ума. Я раньше летал на "МиГах" Советского Союза. Я сбросил сотни бомб на мусульман, а за это получал медали. Платили нормально. Я уже восемь лет не совершал боевых вылетов. Но как же я любил ту свою жизнь!

Она мне подходила, правда подходила. Мне ее что ни день не хватает.

Старлитц промолчал.

- Теперь мы называем себя Россия. Как будто нам это поможет. Мы не можем себя прокормить. Не можем обеспечить себя жильем. Не можем даже вывести ораву паршивых чеченцев. В точности так же, как с этими чертовыми финнами! Мы восемьдесят лет ими владели. А потом финны обнаглели. Так что мы ввели танки, и эти сукины дети разбежались в темноте по своим лесам и сугробам и оттуда надрали нам задницы! Даже после того, как мы наконец раздавили их и отобрали у них лучшую часть страны, они просто дали нам сдачи! А теперь, прошло всего пятьдесят лет, и Российская Федерация должна Финляндии

миллиард долларов. Финнов-то всего-навсего пять миллионов!

Моя страна должна каждому финну по двести долларов!

- Таков марксизм, ас.

Они еще помолчали.

- Мы покончили с марксизмом, - сказал Хохлов, оживая понемногу под действием таблетки. - Сейчас все по-другому. На сей раз русское безумие настолько велико и злобно, чтобы захватить весь мир. Основательная, всеобъемлющая, учрежденческая коррупция. Сверху донизу. Никаких сдерживающих факторов. Новая разновидность абсолютной коррупции, которая готова продать все что угодно: тела наших женщин, будущее наших детей. Все, что хранится в наших музеях и в наших церквах. Все пойдет за деньги: золото, нефть, оружие, наркотики, ядерные боеголовки. Мы продадим почву, и леса, и русское небо. Мы продадим наши души и души наших соседей.

Они миновали причудливый разноцветный фасад финско-мексиканского ресторана.

- Послушай, ас, - сказал наконец Старлитц. - Если все дело в русской душе, то этот парень не поможет вам снова подняться. Большой ошибкой было вытаскивать его на свет божий из нафта-

лина. Тебе следовало бы оставить его дремать в каком-нибудь баре в Багдаде под звуки Би Джи с виниловой пластинки. Не знаю, что ты теперь будешь с ним делать. Можешь попытаться подкупить его каким-нибудь крупным выкупом за похищение и надеяться, что он напьется так, что не сможет передвигаться. Но не думаю, что он ради тебя на такое пойдет. Подкуп только льстит его самолюбию.

- Ладно, - отозвался Хохлов. - Согласен. Он слишком опасен, и за ним тянется слишком большой хвост прошлых дел. После переворота мы его убьем. Хотя бы этот долг я должен вернуть Илье и Льву.

- Похвальное чувство, но теперь для чувств уже, поздновато, ас. Тебе следовало бы покончить с ним, когда мы знали, где он остановился.

Издалека докатился глухой тяжелый хлопок.

Русский склонил голову набок:

- Это что, минометный огонь?

- Может, бомба в автомобиле?

В голубой и светлой дали начал подниматься грязный дым.

***

Раф утверждал, что провалившаяся операция израильтян - двенадцатое покушение на его жизнь. Это, возможно, несколько приукрашивало правду. И это был всего лишь второй раз, когда группа уничтожения Моссада застрелила не того человека в нейтральной Скандинавской стране.

Русские не спешили безвозвратно связывать себя с проектом. Семьдесят лет тоталитарного режима развили у них колоссальную склонность к проволочкам, демагогии и надувательству. Раф же, напротив, упивался тем, что мог предоставить скорые результаты.

Если уж на то пошло, его кампания по освобождению Аландских островов натолкнулась на ряд тактических препятствий. Потеря первой явки стоила ему большей части любимых своих стволов. Группа Моссада избежала ареста сбитой с толку финской полицией. Взрыв машины у офиса "Финн Эйр" стоил Рафу желтого "фиата".

"Антиимпериалистические Ячейки Суоми" превзошли самих себя в расписывании стен радикалистскими политическими граффито, но их самодельные бензиновые бомбы, взорванные у полицейского участка в Йивэскилэ, нанесли

лишь незначительный урон зданию. Редактор проправительственной хельсинкской газеты пережил выстрел в коленную чашечку и, вероятно, скоро вновь станет на ноги.

Тем не менее инициатива ветерана и его боевой задор произвели на петербургских спонсоров Рафа из бывшего КГБ немалое впечатление. Они перевели еще часть денег.

С пополненной присланными мафией евро-иенами казной Раф развернулся вовсю. Он выписал шесть наемников-янки из малоизвестной, но склонной к крайнему насилию подпольной группе американских правых анархистов. Благодаря снисходительным проверкам на европейских границах и крайней занятости американских табачных инспекторов-ниндзя, эти торговцы оружием внаглую привезли Рафу самые последние сливки из смертоносного арсенала НАТО.

Под началом Рафа были также десять русских головорезов, Это были закаленные в боях наемники, представители крупного контингента в тридцать тысяч профессионалов из бывших военных, охранявших русских банкиров.

Русских банкиров, не вошедших в мафию, как голубей, отстреливали дельцы черного рынка. Русские банкиры, вошедшие в мафию, убивали

друг друга. А телохранители этих банкиров просто наслаждались ремеслом подрывников.

Будучи телохранителями, они, разумеется, были непревзойденными убийцами.

Эти опасные шайки вооруженных иноземных агитаторов были бы почти бесполезны в Финляндии, не прикрывай их местные жители. Раф бросил на этот фронт "Антиимпериалистические Ячейки Суоми". Движение "Антиимпериалистические Ячейки Суоми" состояло из сплоченного ядра пятерых студентов и нестойкой группы юных сочувствующих, которые под давлением готовы будут, вероятно, предоставить помощь и убежище. Имелся у "Ячеек" и идеологический гуру, радикальный финский националист, профессор и поэт, который на деле понятия не имел, что породило его учение в среде постмодернистской молодежи его народа.

В общем и целом у Рафа оказалось около двадцати человек, готовых по его указанию пустить в ход стволы и бомбы.

Человеку непосвященному это могло бы показаться не особенно внушительной силой. Однако по общепринятым стандартам европейского терроризма дела Рафа шли великолепно. Националистические движения, такие как ЭТА, ИРА и

ООП, разумеется, были несколько больше - благодаря обширной общей массе озлобленных и угнетенных, но Шакал Раф был существом иной породы: истинный международный революционер, свободный художник с десятком паспортов.

Его Фронт освобождения Аландских островов был большим.

Он был больше немецкой группы Баадер-Майнхоф. Он был больше французской "Аксьон Директ". Он был почти так же многочислен, как японская Красная Армия, но мог похвастаться значительно лучшим финансированием. Группа такого масштаба способна изменить историю. Гораздо меньших размеров заговор умертвил Абрахама Линкольна.

***

Старлитц слушал международное "Радио Финляндия" на короткой волне. Трудно было найти приличное освещение на английском развернутой АИЯС кампании террора.

Несмотря на беззаветную службу в контингенте синих шлемов ООН, у нейтральной Финляндии мало было друзей за рубежом. Внутренние неурядицы в нейтральной стране не вызывают особого интереса по всему миру.

Ситуация, вероятно, теперь измениться, поскольку Раф привлек специалистов извне. Раф читал своему новому пополнению из Америки пространную лекцию по теории и практике взрывания ацетилетовых бомб.

При посредничестве группы студентов-активистов Айно сняла центр прикладного искусства, существующий на дотации от государства. Стены убежища террористов были увешаны фантастическими мохнатыми коврами, увесистыми ручными пилами, полками с мылом на сосновой смоле и жутковатым финским стеклом.

Айно уже выслушала свое о самодельных подрывных зарядах, и потому ее поставили часовой. Она сидела у окна второго этажа, выходившего на подъездную дорожку, балансируя на коленях чудовищное финское ружье для охоты на лося. Девушка просматривала стопку англоязычных книг о флюювинах, какие Старлитц закупил в книжном магазине в Хельсинки. Хельсинки мог похвастаться книжными магазинами площадью в половину авиационного ангара. С книгами в этой стране обычно коротали долгие темные ночи.

- Сколько она их написала? - спросила Айно.

- Двадцать пять. Лучше всего продаются "Фру-

фики отправляются в плаванье" и "Фруфи-папа и Грибные тигры".

- По-английски они кажутся еще более странными.

Странно, что она так печется об этих маленьких синих существах. Она так за них душой болеет, а ведь их и на свете" то не существует. - Айно перелистнула несколько страниц. - Смотри, здесь флюювины проходят через огненные туманы на высоких ходулях. Хорошая картинка. Погляди!

А вот еще и пещерный житель, который ходит с губной гармошкой и все время жалуется.

- Это, наверное, Неркулен Спеффи.

- Неркулен Спеффи. - Айно нахмурилась. - Это не настоящее финское имя. И не шведское. И даже на Аландских островах так не говорят.

Старлитц выключил радио, которое подробно перечисляло продукты сельского хозяйства Финляндии.

- Она выдумала Спеффи, вот и все. Неркулен Спеффи просто родился в ее седой головке. Но товары с изображением Неркулена Спеффи продаются в Хоккайдо вдвое быстрее.

Айно прошуршала страницами книги.

- И я могла бы написать такую книгу. Она ее написала полвека назад. Когда она ее писала и

рисовала к ней картинки, лет ей было столько же, сколько мне сейчас. Я сама такое смогла бы.

- Почему ты так говоришь?

Айно подняла голову:

- Потому, что я могла бы, я знаю, что могла бы. Я умею рисовать. И я всегда рассказываю всякие байки выпивохам в баре. Однажды я нарисовала плакат для рок-группы.

- Молодчина. Как насчет того, чтобы поехать вместе со мной и обняться со старой дамой? Мне нужен переводчик с финского, а если он будет еще и бывший фэн фруфиков, так совсем хорошо. Кроме того, она могла бы дать тебе пару дельных советов в отношении детской литературы.

Айно поглядела на него удивленно.

- Что вы такое говорите? - Она нахмурилась. - Я солдат революции. Вам следует уважать мои политические убеждения. Вы не говорили бы так со мной, если б я была двадцатилетним парнем.

- Будь ты двадцатилетним парнем, ты бы, черт побери, оплевала Неркулена Спеффи.

- Нет, не оплевала бы.

- Оплевала б, оплевала. Эти юнцы солдаты - дешевка. Они ж, черт побери, товар широкого потребления. Кому они нужны? Но молодая поклонница фруфиков может быть очень ценным

козырем в рискованных переговорах по заключению контракта.

- Вы все еще мне лжете. Хватит лгать. Меня вам не одурачить.

- Послушай, - вздохнул Старлитц, - это правда. Попытайся во всем разобраться. Ты думаешь, что Аландские острова очень важны, так? Настолько важны, чтобы ради них взрывать поезда? Так вот, Неркулен Спеффи - самое важное, что когда-либо вышло с Аландских островов. Фруфики - единственный продукт Аландов, такой нигде больше не достать. Двадцать пять тысяч рыбаков в Балтийском море потрясающе потрудились, чтобы произвести на свет мировой хит вроде Неркулена Спеффи. Будь Аланды Ямайкой, он стал бы Бобом Марли.

В комнату вошел один из новых рекрутов Рафа - при бороде и накачанной мускулатуре, - лет, наверное, тридцати. На нем была футболка с флагом конфедератов, а в набедренной кобуре поблескивал автоматический кольт.

- Эй, - прогнусавил он, - вы по-английски говорите?

- Ага, - помычал в ответ Старлитц.

- Где нужник?

Старлитц указал.

Американец двинулся было в указанном направлении, но остановился:

- Слушай, беби, дамское у тебя ружьишко. Только скажи, и я дам тебе что посерьезнее.

Айно промолчала, только крепче сжала полированный приклад орехового дерева.

Американец ухмыльнулся Старлитцу:

- Что, по-английски не говорит, а? Выходит, она русская? Я слышал, в этой операции у нас полно русских девок. Надо же. Чего только не делает доллар в наши дни. - Он потер руки.

- Поссе Комитатус? - рискнул предположить Старлитц.

- Ну уж нет. Мы не ополчение... Эти ополченцы, они все аж вспотели от страха перед черными вертолетами ООН и Новым Мировым Порядком... Что за чушь! Мы-то знаем, что такое Новый Мировой Порядок. У нас есть, связи. Мы уж окажемся в кабинах этих чертовых черных вертолетов.

Плечом к плечу с Иванами на сей раз!

***

В Финляндии самая дорогая выпивка в мире. Это установка социал-демократии Финляндии, неотъемлемая часть самой низкой в мире детской смертности. Тем не менее финны поистине

поразительные дебоширы. Крохотный бар "Касармикату" был до отказа забит финнами, методично переходящими от скромной погруженности в себя к ничем не остановимой, с биением в грудь браваде. Над батареей блестящих бутылок водки и коскенкорвы лаял телевизор, передавая новости Балтийского региона. Очередной парламентский кризис в Москве. Разъяренный русский депутат в синем виниловом пиджаке и футболке с эмблемой "Мегадеф" бил кулаком по кафедре.

Японский финансист отставил стакан с яблочным соком и поправил солнечные очки:

- Святой Учитель не одобряет опьянения. Алкоголь затуманивает разум и перекрывает ток ки.

- Поверить не могу, нам попался японец, который отказывается выпить по заключении сделки, - пожаловался по-русски Хохлов.

Японский денежный мешок по-русски не говорил и русской речи не понимал. Все, трое прикорнули в самом темном углу хельсинкского бара.

- У нашего главного вкладчика, - сказал по-русски Старлитц, - серьезный приступ увлечения Дальневосточным Нью-эйждем. Эти приверженцы Высшей правды совершенно спятили. При этом они богаче Креза.

Старлитц молча поднял в честь денежного мешка рюмку финской водки на клюкве. Он убедил их вкладчика, что эта сокрушительная настойка просто клюквенный сок.

Старлитц перешел на беглый уличный японский:

- Хохлов-сан говорит мне, что весьма восхищается вашей электрической камилавкой. Он сам хочет попробовать носить такую. Он ищет пользы для здоровья и усиления душевного мира.

- Саааааа... - парировал господин Иноуэ, похлопав себя по пластифицированной макушке бритой головы. - Электростабилизаторы нервной системы Святого Учителя. Вскоре они пойдут в массовое производство в нашем оплоте на Фуджи.

- У вас ведь есть детские версии этого прибора? - спросил Старлитц.

- Разумеется, у Святого Учителя много детей.

- Ну и вы когда-нибудь задумывались, скажем, о массовой коммерческой версии этих штучек? Скажем, с лицензированным персонажем из мультфильма?

Господин Иноуэ моргнул:

- Мне дали понять, что партнеры господина Хохлова могут поставить нам военные вертолеты?

- Этот сукин сын снова завел волынку о верто-

летах, - объяснил по-русски Старлитц.

Хохлов хмыкнул:

- Скажи ему, есть скидка на боевые танки Т-72. Двести миллионов иен каждый. Но только для него. Без перепродажи.

После долгих переговоров с мистером Иноуэ Старлитц по-русски сказал:

- Его танки не интересуют. Он хочет минимум шесть "МиГ-17" с распылителями отравляющих газов. А также нескольких ветеранов из разведчиков спецназа, чтобы те тренировали отряд дзюдоистов-коммандос их культа на священном острове Ишигакиджима.

- Ветеранов спецназа? Идет. Их у нас полно. Скажи ему, ему придется сделать им визы и выложить солидные денежки. Эти черные береты не какие-нибудь средние головорезы.

Старлитц снова посовещался.

- Он хочет знать, известно ли тебе что-нибудь о методе лазерной абляции при обогащении урана.

- Нет. И я сыт по горло этим вопросом.

- Он хочет знать, заинтересует ли тебя, если он скажет, что такое проделывают в "Мицубиши Хеви Индастриз".

- Скажи ему, я ценю наводку на шпионаж в

атомной промышленности, застонал Хохлов, - но эта ерунда вышла из моды вместе с Клаусом Фуксом и Розенбергами.

Старлитц вздохнул:

- Давай дадим Иноуэ-сан сохранить лицо. Булат Романович. Святой Учитель предсказывает на 1997-й конец света. Если подыграем чокнутым мифам культа об апокалипсисе, сможем держать у себя их вклады до самой зимы девяносто шестого.

- Зачем нам вообще этот псих с пластмассовой головой? - вспылил Хохлов. - Он бесчестный эксплуататор доверчивых масс. Он заправляет компаниями-пустышками в России и через них вербует русских простофиль в свой нелепый культ. Мы нужны ему больше, чем он нам, Он далеко от дома. Надави на него.

- Послушай, ас. Нам нужны вклады культа, потому что нам нужно, чтобы разница между курсами иены и прочей валюты покрывала поток черного капитала. Кроме того, я в этом деле отвечаю за связь с Токио! Согласен, на территории России мафия может переломать ему ноги, но дома в Японии его дружки строят огромные бункеры из нержавейки, полные гигантских микроволновок.

- Знаешь ли, и моей доверчивости есть предел, - раздраженно отозвался Хохлов. - Пивоварни ботулизма? Заводы по производству нервно-паралитического газа? Сотни облапошенных нью-эйдж роботов паяют компьютерные чипы для полуслепого учителя-преступника в белой пижаме? Это полный абсурд, такому место в фильмах о Джеймсе Бонде. Пожалуйста, сообщи этому клоуну, что он имеет дело с профессионалами из реальной жизни.

Старлитц поманил к себе официанта:

- Счет, пожалуйста.

- Вот, прошу вас, - сказала Айно. - Желаю вам и вашим иностранным друзьям приятного отдыха в гостеприимном Хельсинки.

***

После взрыва дискотеки в Хельсинки Раф перенес свои операции на сами Аландские острова. Усердные юнцы из АИЯС нашли ему еще одно логово уединенную усадьбу с сауной в густых лесах на острове Кекар. Этот роскошный курорт принадлежал шведской оружейной корпорации, которая некогда принимала там представителей министерства обороны различных стран третьего мира. Простота поездок на Аланды на

выходные обеспечивала секретность и позволяла избежать потенциального политического конфуза на шведской территории. Эта шведская компания переживала тяжелые времена вследствие массивных русских продаж вооружения по заниженным ценам. Они были более чем счастливы сдать свой курорт обеспеченной и формально зарегистрированной компании Хохлова.

- Не можем же мы все быть аскетами-ленинцами, - весело объявил Раф. Можно быть революционером и в приличных ботинках.

- Приличные ботинки - это сейчас многое в Росси значит, - согласился Старлитц.

Раф откинулся на спинку лакированного ротангового кресла. Центральный офис курорта с его витражными окнами и маниакально глянцевой мебелью от Альвара Аалто, казалось, вполне его устраивал.

- Мы достигли деликатной стадии революционного процесса, - сказал Раф, скрещивая под головой руки. - Нам нужна интеграция двойной ударной силы в единый фронт освобождения.

- Ты хочешь сказать, познакомить янки с русскими ребятами?

- Да. И что может быть для этого лучшей нейтральной территорией, чем традиционная

финская сауна? - Раф улыбнулся. - Попаримся, мужики! Скрывать нечего! Никакой одежды. Никаких пушек! Сплошь свежий чистый пар. Полно выпивки. А поскольку мальчики тренировались до упаду, я приготовил им отличный сюрприз.

- Женщины.

Раф хмыкнул:

- Они ведь солдаты, знаешь ли. - Подавшись вперед, он оперся о стол. Ты осматривал этот курорт? Нельзя обманывать определенные ожидания.

Старлитц осматривал и саму сауну, и прилегающие помещения, и территорию вокруг. Шлюх кругом было больше, чем бронебойных снарядов в корпорации "Бофорс".

Участок был частный и очень дорогой. Перевороты успешно зачинали и в менее вероятных местах.

Старлитц кивнул:

- Смысл понятен. Знаешь, у меня сегодня деловая встреча со старой дамой. Ты нарочно все так организовал, чтобы я пропустил веселье.

Раф помедлил, задумавшись:

- Ты ведь не сердишься на меня, правда, Старлитц?

- Почему ты спрашиваешь, Раф?

- К чему на меня сердиться? Я даю тебе на время

Айно.

Разве тебе этого мало? Я не обязан был давать тебе переводчика для твоих афер. Я доверяю тебе, ты окажешься совсем один в маленькой лодке с моим любимым лейтенантом. Тебе следует благодарить меня.

Старлитц уставился на него во все глаза.

- Да уж, ты слишком добр ко мне.

- Присмотри за Айно. Моему шакальчику в последнее время приходилось нелегко. Я знаю, ты по-доброму к ней относишься. Поскольку приложил столько трудов, чтобы поговорить с ней у меня за спиной.

- Нет, давай сегодня я оставлю ее с тобой, - предложил Старлитц. Посмотрим, что сделают твои двадцать голых пьяных мужиков с тяжеловооруженной студенткой с факультета поэзии.

Раф вздохнул с наигранным поражением:

- Старлитц, ты не умеешь врать с той же легкостью, как делают это по-настоящему жадные люди.

- Спасибо, что ты это заметил, приятель.

- Конечно, я хочу, чтобы ты на время увез отсюда Айно.

Она молода и может неверно все истолковать. Поговорим откровенно. Эти люди, которых я нам

купил.., это грубые мужики, которые убивают и умирают за плату. Им надо давать награду и наказания такие, какие им понятны. Они шлюхи со стволами.

- Я всегда счастливее всего, когда знаю самое худшее, Раф. Худшего ты мне пока не сказал.

- С чего это я должен исповедоваться тебе? Ты мне секретов не доверяешь. - Раф толкнул через стол пепельницу. - Выкури сигарету.

Старлитц взял "галлуаз".

Эффектным жестом Раф дал ему прикурить, потом закурил сам.

- Ты много говоришь, Старлитц, - сказал он. - Ты хорошо торгуешься, заключаешь удачные сделки. Но о себе ты не говоришь никогда. Все, что я о тебе узнал, я выяснил через Других людей. - Раф кашлянул. - К примеру, я знаю, что у тебя есть дочь. Дочь, которой ты никогда не видел.

- Ну да, конечно.

- Я видел твою дочь. У меня есть фотографии. Она на тебя не похожа. Она привлекательная и симпатичная.

- У тебя есть снимки, приятель? - Старлитц выпрямился в кресле. Видео?

- Да, у меня есть фотографии. У меня есть даже больше. У меня есть контакты в Америке, люди,

которые знают, где живет твоя дочь. Она живет у тех странных женщин на Западном побережье...

- Ну да, признаю, они довольно странные, но, видишь ли, постатомная семья, и все такое, - выдавил, помолчав, Старлитц.

- Тебе бы хотелось познакомиться с дочерью? Я мог бы выкрасть ее и доставить к тебе сюда, на Аланды. Это проще простого.

- Соглашение не так уж и плохо, пока остается в силе.

Мне позволяют посылать ей детские книжки...

Раф закинул на стол ноги в носках.

- Может, тебе надо осесть, Старлитц. Когда мужчина вступает в определенный возраст, ему приходится жить той жизнью, какую он себе выбрал. Возьмем, к примеру, меня.

В основе своей я человек семейный.

- Ух ты.

- Вот именно. Я уже двадцать лет как женат. Моя жена во французской тюрьме. Ее схватили в семьдесят восьмом.

- Долгий срок.

- У меня двое детей. Один от моей жены, другой от девушки из Бейрута. Люди думают, что у Рафа Шакала не может быть семейной жизни. Они не считаются с моими мечтами. Ты знаешь, что я

занимался журналистикой? Я даже стихи писал. Стихи на итальянском и на арабском.

- Ну надо же.

- Вот-вот. Скажу больше, поскольку это между нами и нет никаких русских на курорте, кто установил бы всякие надоедливые жучки... Интуиция мне подсказывает, что ты хороший человек, Старлитц. Мы с тобой оба постмодернистские мужчины мира сего. Мы видели, как разваливается на части империя. Это, знаешь ли, не имеет никакого отношения к старому глупому Карлу Марксу.

- Может, и так, приятель.

- Мы видели девяностые за работой. Развал - это заразно. Теперь он повсюду. Он вышел из-под контроля, как СПИД. Ты когда-нибудь встречал ливанского военачальника, который стал бы местным диктатором? Джамблатта, может быть? Берри? Отличные ребята. Мужи - как львы.

- Никогда знаком не был.

- Это прекрасная жизнь - стать диктатором. Вот что случается с террористами, когда они взрослеют.

Старлитц кивнул. Опасно, очень опасно, что Раф так озабочен его добрым о себе мнением, но он ничего не мог с собой поделать, ему это

льстило.

- Захватываешь укромный уголок, - объяснял Раф. - Растишь коноплю или мак. Покупаешь оружие. Это как маленькое государство, но тебе не нужны ни юристы, ни бюрократы, ни рекламщики, никакие глупые ублюдки в костюмах. У тебя есть стволы, и у тебя есть власть. Ты говоришь людям, что сделать, и они бегут и делают. Возможно, такое и не может длиться вечно. Но пока оно длится, это рай на земле.

- Это хорошо, Раф. Вот, теперь ты со мной откровенен.

Я это ценю, правда ценю.

- В прессе твердят, мне, мол, нравится убивать людей.

Ну конечно, мне нравится убивать людей! Это привносит в жизнь героизм. Если б убийства не щекотали нервы, никто не стал бы покупать билеты на фильм, где людей убивают.

Но если б я хотел убивать, я поехал бы в Чечню, в Грузию, в Абхазию, наконец. Не в том соль. Любой идиот может стать военачальником в зоне военных действий. Соль в том, чтобы стать военачальником там, где люди жирные, размякшие и богатые! Военачальником надо становиться у самых границ разваливающейся империи. Это

наилучшее место! Знаю, у меня были в прошлом мелкие недостатки. Но девяностые - это шестидесятые наоборот. На сей раз я намерен выиграть и это выигранное удержать! Я намерен захватить эти островки. Я введу военное положение и стану править собственным указом.

- А как насчет временного правительства из трех человек?

- Я решил, что эти мальчики ненадежны. Мне не понравилось то, как они обо мне проговорились. Так что я сокращу процесс и выдам очень скорые и убедительные результаты. Я захвачу в заложники двадцать пять тысяч человек.

- Как тебе это удастся?

- Как? Заявив, что у меня есть русская ядерная боеголовка малой мощности, которой, кстати, у меня на деле нет. Но кто решится назвать это блефом? Я Раф Шакал! Я знаменитый Раф! Все знают, что я на такое способен.

- Ядерная боеголовка малой мощности, да? Похоже, старые сценарии террора и впрямь хороши...

- Конечно, такой боеголовки у меня нет. Но у меня есть десять килограммов дешевого радиоактивного цезия.

Когда они пролетят над островами со счетчи-

ками Гейгера, или какое еще дурацкое ученое устройство используют сейчас группы захвата, - показания будут выглядеть вполне убедительно. Финны не посмеют устроить у себя второй Чернобыль. Они с последнего еще до сих пор в темноте светятся. Так что, согласись, я вполне умерен в своих запросах. Я прошу только несколько островков и несколько тысяч человек. Я буду соблюдать требуемые формальности, если они мне позволят. Я выпущу милый флаг и немного монеты.

Старлитц потер подбородок:

- Вот эта монета, похоже, будет особенно интересной, учитывая наше дельце с электронным банком.

Раф выдвинул ящик стола и достал оттуда стакан для виски и беспошлинную бутылку финской настойки на морошке. Выпивка на Аландах была на порядок дешевле, чем в Финляндии.

- Сингапур всего лишь крохотный островок. - Раф прищурился, плеснул себе настойки. - Никто не жалуется на то, что у Сингапура есть ядерное оружие.

- Впервые слышу, приятель.

- Разумеется, оно у них есть! Уже пятнадцать лет. Уран они купили в Южной Африке еще во

времена апартеида, когда бурам отчаянно требовались деньги. А ядерные заряды построили сами. Сингапур вполне способен потратить столько трудов. Но они все там трудоголики.

- Что ж, логично. - Старлитц помедлил. - Я все еще осваиваюсь с твоим предложением. А как с планами на будущее, Раф? Предположим, ты получишь то, что требуешь, и каким-то образом удержишь острова. Что тогда? Что, по-твоему, будет через десять лет?

- Мне всегда задавали этот вопрос. - Раф отхлебнул настойки. - Хочешь морошковой? Крохотные золотые ягодки финской тундры, и я не перестаю удивляться, какие они сладкие.

- Нет, спасибо, но пей, не смотри на меня, приятель.

- В прошлом меня не раз спрашивали, в основном переговорщики, желающие освободить заложников, со временем разговоры приедались, и мы иногда переходили на философию... - Раф аккуратно навернул крышку на бутылку настойки. - Они мне говорили: "Раф, что такого в этой твоей Революции? Какой мир ты пытаешься нам построить?" У меня было много времени подумать над этим вопросом.

- И?..

- Ты когда-нибудь слышал, как Джимми Хендрикс исполняет "Усеянный звездами флаг"?

Старлитц моргнул:

- Ты что, шутишь? Эта песня и по сей день продает крупные партии из вчерашних каталогов.

- В следующий раз послушай по-настоящему эту композицию. Попытайся представить себе страну, где эта музыка действительно была бы национальным гимном. Не диковиной, не пустой мечтой, не модой, не пародией, не протестом против какой-то там войны, не для молодых янки, укурившихся на дурацком флэту в пригороде Нью-Йорка, где эта песня была бы социальной реальностью. Вот как я хочу, чтобы жили люди. Люди - они овцы, у них духу не хватает жить такой жизнью. Если у меня будет шанс, я моту заставить их так жить.

***

Старлитц любил быстроходные моторки. Управлять ими почти так же легко и приятно, как вести машину. Агенты Рафа украли такую моторку в Копенгагене и на большой скорости привели через Балтийское море. Поскольку это было судно, каким традиционно пользовались умники, ввозящие контрабандные наркотики,

датские полицейские просто решат, что его украли наркодельцы. И не слишком ошибутся.

Старлитц изучил морскую карту.

- Я сегодня застрелила полицейского, - сказала Айно.

- Почему ты так говоришь? - Старлитц поднял на нее взгляд.

- Я насмерть застрелила полицейского. Это был констебль в Мариэхамме. Я зашла в его офис. Сказала ему, что кто-то украл запаску из моей машины. Я отвела его за офис, чтобы показать ему машину. Я открыла багажник, а когда он наклонился посмотреть, где запаска, я выстрелила в него. Трижды. Нет, четыре раза. Он упал прямо в багажник. Я затолкала его ноги внутрь и захлопнула крышку. А потом я уехала с трупом.

Старлитц очень тщательно сложил морскую карту.

- Ты позвонила и взяла это на себя?

- Нет. Раф сказал, что копу лучше исчезнуть. Мы скажем, что он переметнулся на сторону финнов и прихватил с собой секретные папки полиции. Это будет удачно для пропаганды.

- Ты что, действительно пристрелила мужика? Где тело?

- Здесь, на моторке.

- Стань за штурвал.

Выйдя из кабины, Старлитц заглянул в стеклопластиковый трюм. Там лежал мужчина в униформе - с виду мертвец.

Старлитц повернулся к девушке:

- Раф отправил тебя прикончить его одной?

- Нет, - гордо ответила Айно, - он послал со мной Матти и Йорму, но я приказала им стоять на стреме снаружи. - Она помедлила. - Люди лгут, говоря, что убивать трудно. Убивать очень просто. Три движения пальцем. Или четыре. Представляешь себе, как это делаешь, планируешь, как будешь это делать, а потом просто делаешь. И вот - готово.

- Как ты планируешь обойтись с вещественным доказательством в трюме?

- Мы обмотаем труп цепями, какие я купила в скобяной лавке, а потом выбросим в море где-нибудь на полпути к острову вашей старой дамы. Вот, возьмите штурвал.

Старлитц вернулся к управлению моторкой. Айно выволокла из трюма мертвого полицейского. Труп весил намного больше, чем она сама, но Айно была девушка сильная и решительная и лишь временами брезгливая. Она методично обмотала тело тяжелыми стальными цепями,

которые при этом покорно звенели, временами звон сменялся щелчком дешевых замков.

Старлитц наблюдал за происходящим, искоса присматривая за приборами:

- Это была идея Рафа послать со мной на переговоры труп?

Айно поглядела на него серьезно:

- Это единственная лодка, какая у нас есть. Мне пришлось воспользоваться ею. Захватывать паромы пока рано.

- Раф любит показывать, что говорит серьезно.

- Это я показываю, что мои намерения серьезны. Это я убила полицейского. Я положила его в моторку. Он - агент оккупационных властей в униформе угнетателей. Он законная мишень. - Айно со вздохом отбросила косы назад. - Относитесь ко мне серьезно, мистер Старлитц. Я молодая женщина, я одеваюсь как пани потому, что мне того хочется, и, возможно, я слишком много читаю книг. Но я действительно имею в виду то, что говорю. Я верю в наше дело. Я происхожу из маленькой, никому не известной страны, и моя группа маленькая, никому не известная группа. Но это не важно, поскольку мы отдаем себя борьбе. Мы действительно вооруженная ударная сила революции. Я собираюсь свалить правительство

здесь и захватить эту страну. Сегодня я убила угнетателя. Это долг вооруженного революционера, - Итак, вы возьмете эти острова силой. А потом что?

- Потом мы избавимся от этих этнических аландцев.

Они будут сами по себе, нам они ни к чему. После этого мы, финны, сможем быть действительно финнами. Мы станем настоящим финским народом по настоящим аутентичным финским законам.

- А что тогда?

- Тогда мы займем финноугорские земли, украденные у нас русскими! Мы сможем отобрать у них Карелию. И Коми.

И Ханты-Мансийск. - Айно сердито глянула на Старлитца. - Вы даже не слышали никогда об этих местах. Не слышали? Для нас они священны. Они - в "Калевале". Но вы, вы никогда даже не слышали о них...

- А что случится потом?

Она пожала плечами:

- Разве это моя проблема? Я никогда не увижу воплощения этой мечты. Думаю, копы убьют меня гораздо раньше, Как по-вашему?

- Думаю, нас ждут щекотливые переговоры по

книжному контракту.

- Хватит беспокоиться. Вы слишком много беспокоитесь о банальных вещах.

Она методично навернула еще одну петлю из цепи на тело, потом перебросила мертвого полицейского за борт.

Лицом вниз труп заколыхался в кильватере моторки, потом медленно исчез под водой из виду.

Айно перегнулась через стеклопластиковый планшир и помыла руки в проносящейся мимо морской воде.

- Только говорите с ней помедленнее, - сказала она. - Старая дама пишет по-шведски, вы это знали? Я все о ней выяснила. Шведский - ее родной язык. Но говорят, по-фински она говорит очень хорошо. Для аландки.

***

Старлитц пристал к небольшому деревянному причалу.

Весь островок, одетый в темный, склизкий от водорослей гранит, был размером не более двадцати акров. Старая дама жила здесь со своим еще более старым и немощным братом. Оба они родились на острове и изначально жили здесь с родителями, но отец умер в 1950-м, а мать - в

1968-м.

Единственным способом попасть на остров оставались катер или моторка. Здесь не было ни телефона, ни электричества, ни канализации. Дом старой дамы оказался двухэтажным каменным особняком под крутой черепичной крышей, на лужайке перед ним помещался каменный колодец, а чуть подальше и сбоку прикорнул деревянный сарай. Свесы крыши были резные и расписаны красным и желтым.

Вокруг бродили куры и пара мелких приземистых островных овец. На деревянной стреле для подъема тяжестей красовался самодельный маяк с незажженной летом масляной лампой. И кругом множество чаек.

Старлитц громко окликнул хозяев с причала, что показалось ему наиболее вежливым приветствием, но из дома ему не ответили. Поэтому им с Айно пришлось протащиться по камням и газону, разыскать входную дверь и постучать в нее. Никакого ответа.

Старлитц толкнул изъеденную солью дверь. Она была не заперта. Окна стояли открытые настежь, и по гостиной гулял морской бриз. Здесь были сотни книг на шведском и финском, трепещущие на ветру листы бумаги и несколько

весело маразматических картин маслом. Несколько вполне приличных бронзовых статуэток и вставленные в рамки финские театральные афиши тридцатых годов. Заводящаяся ручкой "викторола".

Отрыв дверь шкафа, Старлитц поглядел на одежду для непогоды - штормовки и сапоги.

- Знаешь что? Наша старая дама - настоящая каланча.

Она просто викинг, черт побери.

Он прошел из гостиной в рабочую комнату. Нашел там деревянный секретер и отличное, обитое бархатом кресло.

Словари, шведская энциклопедия. Несколько основательно зачитанных путеводителей и коллекция фотографий с видами Балтики и Северного моря.

- Ничего тут нет, - пробормотал он.

- Что вы ищете? - поинтересовалась из гостиной Айно.

- Не знаю точно. Что-нибудь, что бы объяснило, что произошло.

- Тут записка! - позвала его Айно.

Старлитц вернулся в гостиную. Взял из ее рук записку, написанную каллиграфическим почерком на линованном листе из блокнота с

изображением Неркулена Спеффи.

"Дорогой мистер Старлитц. Прошу извинить мое отсутствие. Я уехала в Хельсинки, чтобы дать показания. Я еду в Парламент Суоми по зову гражданского долга, который давно не дает мне покоя. Сожалею, что вынужденно не смогла принять вас, и надеюсь побеседовать с вами о моих многочисленных читателях в Токио в другой, более счастливый для всех нас день. Прошу, простите меня, что вам пришлось грести столько миль и вы меня не застали. Пожалуйста, выпейте чаю с печеньем, в кухне все приготовлено. До свидания!"

- Она уехала в Хельсинки, - сказал Старлитц.

- Она никогда больше не путешествует. Я очень удивлена. - Айно нахмурилась. - Она сэкономила бы нам массу трудов, если б у нее был сотовый телефон.

- Зачем она им понадобилась в Хельсинки?

- Ну, думаю, ее заставили туда поехать. Местные аландцы. Властные структуры местных коллаборационистов.

- Какая от нее, по-твоему, может быть польза? Она вне политики.

- Это правда, но ею тут очень гордятся. В конце концов, детскую больницу - Детскую больницу

Флюювинов на острове Фегле - это ведь она построила.

- Да?

- И парк на Соттунге. А на Брэде - Парк Флюювинов и Игровую площадку Большого Фестиваля Флюювинов. Она все это построила. Она никогда не оставляет себе денег.

Все отдает. В основном Флюювинскому фонду педиатрических болезней.

Сняв солнечные очки, Старлитц отер лоб:

- Ты, случайно, не знаешь, к каким именно педиатрическим заболеваниям у нее особый интерес?

- Никогда не понимала подобного поведения, - сказала Айно. - Правда, правда. Наверное, это какое-то психическое заболевание. Бездетная старая дева в рамках не - справедливого социального порядка... Лишенная здорового секса или выхода своим эмоциям... Живущая отшельницей все эти годы среди глупых книг и картин... Ничего удивительного, что она сошла с ума.

- Ладно, возвращаемся, - отозвался Старлитц. - С меня довольно.

- Раф и Старлитц брели по лесу, хлопая медлительную и крупную скандинавскую мошку.

- Я думал, у нас уговор, - сказал Раф. Издалека

доносился приглушенный хор скотских воплей из сауны. - Я просил тебя не привозить ее сюда.

- Она твоя лейтенант, Раф. Ты с ней и разбирайся.

- Мог бы быть потактичнее. Придумать какую-нибудь уловку или обходной маневр.

- Не хотелось быть выброшенным за борт моторки. - Старлитц потер укус на шее. - У меня очень серьезная закавыка в переговорах, приятель. Объект снялся с лагеря, и надолго, а окно у меня очень узкое. Мы ж здесь говорим о японской массовой поп-культуре. Цикл производствапотребления у японцев сверхбыстрый. Потребительская мода у них сходит за четыре недели. В лучшем случае. Никто не говорил, что фруфики смогут долговременно продавать продукт, как это было с покемонами или телепузиками.

- Я понимаю, какие у тебя финансовые сложности с японскими спонсорами. Если б ты был немного терпеливее. Мы можем принять меры. Мы можем произвести перемены. Если придется, Аландская республика национализирует литературную продукцию.

- Слушай, весь смысл операции - подать в суд на тех ребят в Японии, которые уже сейчас ее обирают. Нам нужно на бумаге иметь что-то,

что выглядело бы достаточно серьезно, чтобы выдержать исследование и наподдать им под зад в Гаагском суде. Если собираешься заламывать кому-то руки из-за такого туманного вздора, как интеллектуальная собственность, нужно иметь что-то сверхмощное, иначе они не пойдут на попятный.

- Теперь ты меня пугаешь. Тебе надо бы попариться в сауне. Расслабиться. Там видак смотрят.

- Фильмы прямо в этом чертовом пару, Раф?

Раф кивнул:

- Это особые фильмы.

- Ненавижу, черт побери, видеосъемки.

- Это боснийские фильмы.

- Правда?

- Такие достать непросто. Из лагерей.

- Ты крутишь наемникам фильмы со зверствами?

Раф развел руками.

- Добро пожаловать в Европу двадцать первого века! - выкрикнул он пустому берегу. - Новенькие с иголочки европейские режимы апартеида! Где банды военных преступников похищают и систематически насилуют женщин других этнических групп. При свете софитов и при работающих ручных видеокамерах!

- Подобные слухи я слышал, - медленно произнес Старлитц. - Однако в них довольно трудно поверить.

- Пойди в сауну, приятель, и этим фильмам ты поверишь. Просто невероятно, и тем не менее чистая правда.

Голая реальность, черт побери. Особой радости они тебе, возможно, не доставят, но эту видеодокументацию стоит посмотреть. Следует свыкнуться с подобными методами для того, чтобы понять современное политическое развитие. Эти фильмы - как сырое мясо.

- Должно быть, подделка, приятель.

Раф покачал головой:

- Европейцы всегда так говорят. Они всегда игнорируют слухи. А о зверствах узнают для себя пять лет спустя после событий. Тогда они ведут себя так, словно крайне шокированы и озабочены случившимся. Эти видеофильмы существуют, друг мой. У меня они есть, И у меня есть даже больше. Я заполучил женщин.

- Шутишь?

- Я купил женщин. Выменял их по бартеру за пару стингеров. Пятнадцать насильно увезенных босниек. Мне привезли их сюда в опечатанных грузовых фурах. Я потратил уйму труда на их

перевозку.

- Белое рабство, приятель?

- Плевать мне на цвет кожи. Не я же их поработил. Я - тот, кто спас им жизнь. Полно было других девушек, кто оказался более упрям или, кто знает, может, не такие хорошенькие. Все они теперь - трупы в канаве с пулями в затылке.

Эти женщины все сделают ради выживания. Хорошо бы, у меня их было больше пятнадцати, но я только-только разворачиваюсь. - Раф улыбнулся. Пятнадцать человеческих душ! Я спас пятнадцать человек! Тебе известно, что это больше, чем я убил своими руками за всю свою жизнь?

- Что ты намерен делать с этими женщинами?

- Прежде всего они будут развлекать мои верные войска. Для того мне и нужны были женщины, что навело меня на мысль привезти босниек. Признаю: труд в секс-индустрии тяжел. Но под моим присмотрам их хотя бы после самого акта не пристрелят.

Раф прошел по каменистому берегу к краю курортного причала. Это был неплохой причал и к тому же прекрасно оснащенный. К обитому резиной бортику была пришвартована одинокая стеклопластиковая моторка, но здесь мог бы при-

швартоваться и средних размеров крейсер.

- Женщины будут мне благодарны. Вот так, мы признаем, что они существуют! У них не было даже документов, не было имен. И мир полон подобных им людей. После десяти лет гражданской войны в Югославии рабов и рабынь открыто продают в Судан. Курдов травят газами, как вредителей, в Ираке и стреляют без предупреждения в Турции. Сингалезцы убивают тамилов. Нельзя забывать о Восточном Тиморе. По всей планете потихоньку исчезают небольшие группы населения. По всему миру группки людишек прячутся испуганно, не имея ни документов, ни юридического статуса... Поистине безгосударственные люди мира. Мои люди. Но тут, на богатых северных островках, тысячам из них найдется место.

- Это серьезное и новое затруднение в операции, приятель. Ты обговорил это с Петербургом?

- Это новшество не требует обсуждений, - надменно ответил Раф. - Это нравственное решение. Людей не должны убивать на погромах скоты, которые ненавидят их лишь за то, что они отличаются от них. Как революционный идеалист, я отказываюсь мириться с такими зверствами. Угнетенные нуждаются в великом вожде. В провидце. В спасителе. Во мне.

- По твоим словам выходит - культ личности.

Взметнув длинный хайер, Раф горестно покачал головой:

- Ну да, полагаю, ты бы предпочел, чтобы все они потихоньку погибли! Как все и каждый в современном мире, кто никогда и пальцем не шевельнет, чтобы им помочь!

- А что, если местные возмутятся?

- Я дам иностранцам гражданство. Их голоса тогда перевесят голоса местных. Я буду диктатором, пришедшим к власти по праву, волеизъявлением большинства - ну не чудесно ли это? Я установлю постмодернистскую статую Свободы, которая осветит мир ради теснящихся масс. Свою, а не ту лицемерную ханжу, что стоит на Гудзоне. Беженцы - это не вредители, даже если богачи презирают их. Они - лишенные дома человеческие существа, у которых нет места, чтобы сомкнуть ряды. Пусть они сплотятся здесь вокруг меня! К тому времени, когда я отойду от власти - через много лет, когда я буду совсем седым и старым, - они будут творить великие дела на этих северных островках.

***

Проститутки прибыли на рыболовецком траулере. С виду они очень походили на обычных проституток из самой быстро растущей в мире экономики проституции России. Они вполне могли сойти за женщин из стран Балтии. Во всяком случае, внешне они были славянки. С борта траулера они спустились потрепанные качкой, но, похоже, преисполненные решимости. Не паникующие, не ошеломленные, не раздавленные ужасом. Просто группа из пятнадцати более или менее молодых женщин в микроюбках и спандексе, которым предстоит тяжкий труд заниматься сексом с незнакомыми людьми.

Старлитц был вовсе не удивлен, увидев, что проституток пасет Хохлов. Хохлова сопровождали два новеньких телохранителя. В силу необходимости число людей, посвященных в тайну местонахождения Рафа, было очень невелико.

- Ненавижу работу сутенера, - простонал Хохлов. На борту траулера он пил. - В такие дни я точно знаю, что стал преступником.

- Раф сказал, эти девушки - рабская рабочая сила из Боснии. Какая тут сенсация?

Хохлов даже вздрогнул от удивления:

- Что ты имеешь в виду? За кого ты меня принимаешь? Это эстонские шлюхи. Я сам привез их из Таллинна.

Старлитц внимательно наблюдал за тем, как телохранители гонят своих подопечных в сторону улюлюкающих скотов в сауне.

- Но, судя по речи, говорят они на сербо-хорватском, ас.

- Ерунда. Это эстонский. Не делай вид, что понимаешь эстонский. Никто не понимает этой финноугорской тарабарщины.

- Раф уверял меня, что эти женщины боснийки. Сказал, что купил их и собирается при себе оставить. Зачем ему говорить такое?

- Раф над тобой подшутил.

- Что ты имеешь в виду этим "подшутил"? Он говорил, они жертвы гулага насильников! Ничего в этом нет смешного. Просто никак не выставить такое смешным.

Хохлов воззрился на Старлитца в скорбном удивлении:

- Леха, почему ты хочешь, чтобы гулаги были "смешными"? Гулаги - это не смешно. Погромы - это не смешно. Война - это не смешно. Изнасилование - это совсем не смешно. Человеческая жизнь, знаешь ли, очень трудна.

Мужчины и женщины действительно страдают в этом мире.

- Это я знаю, приятель.

Хохлов оглядел его с головы до ног, потом медленно покачал головой:

- Нет, Леха, ты этого не знаешь. Ты не можешь этого знать так, как знает это русский.

Старлитц задумался. Это казалось неизбежной и неотвратимой правдой.

- Ты спросил этих девушек, из Боснии ли они?

- С чего мне их об этом спрашивать? Ты знаешь официальное отношение Кремля к конфликту в Югославии.

Ельцин говорит, что наши братья, православные славяне, не способны на подобные преступления. А рассказы о насилии в лагерях - паникерская клевета, распространяемая католиками" хорватами и боснийскими мусульманами. Расслабься, Леха. Все женщины, кого я привез, - эстонские профессионалки. Даю тебе слово.

- Раф только что дал мне свое слово, что все обстоит иначе.

Хохлов поглядел ему в глаза:

- Леха, кому ты веришь? Какому-то хиппи-террористу - или бывалому закаленному офицеру КГБ, который на хорошем счету в русской ма-

фии?

Старлитц поглядел на усыпанный цветами аландский луг:

- Ладно, Булат Романович... Я тут было.., я действительно подумывал.., ну знаешь, может, мне следует что-то предпринять... Ладно, не важно. Теперь к делу. Наша операция с банком разваливается на части.

Хохлов был неподдельно поражен.

- О чем ты говоришь? Ты это не всерьез. Все у нас идет отлично, в Петербурге нас любят.

- Я имею в виду, что старую даму нельзя купить. Она просто вне досягаемости. Сделка провалена, ас. Не знаю, как и когда выдохся драйв, когда мы потеряли темп, но, уж поверь, запах гнили я чую. Эту ситуацию не вытянуть, приятель. Думаю, настало время нам с тобой к чертям отсюда убираться.

- Ты не смог провести свою рекламную сделку? Очень жаль, Леха. Но это не важно. Я уверен, мы сможем отыскать другую схему добывания капитала, такую же дешевую и быструю. Всегда остаются "наркотики и оружие".

- Нет, сам расклад тут смердит. Это затея с видео меня на это навела. Булат, я когда-нибудь говорил тебе о том факте, что я лично никогда не

появлюсь на видео?

- То есть как, Леха?

- По крайней мере раньше так было. Если б на меня тогда, в восьмидесятые, направили видеокамеру, она бы треснула или раскололась или плата бы сгорела. Меня просто нельзя заснять на видеопленку.

Медленно-медленно Хохлов вынул из внутреннего кармана пиджака серебряную фляжку. Он сделал долгий задумчивый глоток, потом скривился, лицо у него дернулось.

Наконец взгляд его с усталой неторопливостью сосредоточился на Старлитце.

- Прошу прощения. Не мог бы ты это повторить?

- Все дело в видео. Вот почему я и занялся он-лайн бизнесом. Первоначально я был самым что ни на есть обычным агентом, образцовым "никем". Но это видеонаблюдение начало серьезно действовать мне на нервы.

Я не мог даже дойти до забегаловки на углу за пачкой сигарет, чтоб не забили тревогу с полдюжины, черт бы их побрал, камер. Но потом я обнаружил он-лайн анонимность. Он-лайн шифрование. Он-лайн псевдонимы.

Лично мне это действительно было на руку.

Теперь у меня появился способ оставаться в подполье, оставаться совершенно никому не известным, даже если за мной наблюдали и отслеживали двадцать четыре часа в сутки. Я нашел способ быть самим собой.

- Леха, ты что, пьян?

- Нет. Слушай внимательно, ас. Я все начистоту выкладываю.

- Тебя что, Раф чем-нибудь напоил?

- Конечно. Мы кофе пили.

- Леха, ты на наркотиках. У тебя есть ствол? Отдай его мне немедленно.

- Раф роздал все пушки детишкам из АИЯС. Они придерживают оружие, пока наемники не протрезвеют. Простая мера предосторожности.

- Может, ты еще не акклиматизировался. Трудно спать, если солнце никогда не садится. Тебе следует прилечь.

- Послушай, ас. Я не какой-то там паршивый слабак, который не знает, когда он на кислоте. Правила обычных людей просто ко мне неприменимы, вот и все. Я не обычный мужик. Я - Легги Старлитц, я - очень, очень странный парень. Вот почему я обычно оказываюсь в подобных ситуациях. - Старлитц провел ладонью по потному скальпу. - Помнишь ту мафиозную цыпочку, ка-

кую ты закадрил в Азербайджане?

Хохлов помедлил, чтобы порыться в памяти.

- Ты имеешь в виду милую и очаровательную Тамару Ахмедовну?

- Ее самую. Жену секретаря обкома. Я был откровенен с Тамарой ровно в такой же ситуации. Я ей прямо сказал, что ее мирок разваливается на части. Я не мог сказать ей почему, я просто знал. В то время она мне тоже не поверила. Точно так же, как ты не веришь мне сейчас. Знаешь, где сейчас Тамара Ахмедовна? Торгует подержанными автомашинами в Лос-Анджелесе.

Хохлов побледнел.

- Ладно, - сказал он и выхватил из внутреннего кармана пиджака сотовый телефон. - Не говори мне ничего больше. Понимаю, у тебя дурные предчувствия. Дай мне сделать пару звонков.

- Хочешь телефон Тамары?

- Нет. Не уходи. И не сделай ничего опрометчивого.

Все, о чем я прошу, просто дай мне кое с кем связаться.

Хохлов начал торопливо набирать цифры.

Старлитц прошел мимо сауны. Четверо расчувствовавшихся пьяных в чем мать родила выскочили из домика и побрели шатаясь по

тропке перед ним. Их бледные потные шкуры были улеплены мятыми березовыми листьями от финских веников. С экстатическим уханьем двусмысленной боли они бросились в холодное море.

Где-то внутри товарищи по Новому Мировому Порядку распевали "Старое доброе время" ["Auld Lang Syne" - песня, которой по традиции заканчивается встреча друзей, собрание и т.п. - Примеч. пер.]. Русские никак не могли попасть в такт.

***

Раф с наслаждением дремал на криволинейном диване от Аалто, когда его разбудили Хохлов и Старлитц.

- Нас предали, - объявил Хохлов.

- Да? - сонно переспросил Раф. - Где? Кто предатель?

- К несчастью, вышестоящие.

Раф, протирая глаза, задумался:

- Почему ты так говоришь?

- Им очень понравилась наша идея, - сказал Хохлов. - А потому они ее у нас украли.

- Интеллектуальное пиратство, приятель, - пояснил Старлитц. - Дрянной у нас мирок.

- С Аландами покончено, - продолжал Хохлов.

- Высшие круги Организации решили, что мы проявляем слишком много инициативы. Они желают пожестче контролировать такую роскошную идею. Наши финские хакеры попрыгали за борт и перешли к ним. Они перемаршрутизировали все "саны" на Калининград.

- А где это, Калининград? - спросил Раф.

- Это дурацкий клочок России по ту сторону всех трех независимых балтийских государств, - с готовностью объяснил Старлитц. - Они говорят, что превратят Калининград в новый русский Гонконг. Старый Гонконг вот-вот сожрут и переварят китайцы, так что мафия решила, что пора России породить свой собственный. Они превратят этот крохотный аванпост в Балтийскую беспошлинную зону, она же европейское буферное микрогосударство. Нашим финским хакеришкам они платят втрое против нашего плюс авиабилет.

- Всемирный банк помогает им кредитами на развитие, - вмешался Хохлов. - Всемирный банк просто без ума от их идеи с Калининградом.

- Плюс Европейский союз, приятель. Европейцам только и подавай что беспошлинные зоны.

- И финны тоже, - сказал Хохлов. - Вот что самое худшее. Финны нас продали. Россия раньше

должна была по две сотни долларов на каждого финна. В обмен на списание с долга каких-то дрянных пятидесяти миллионов долларов мои боссы всех нас сдали финнам. Они рассказали финнам о наших планах, и они продали нас, как если б мы были какой-нибудь паршивой танковой дивизией. Финская группа уничтожения уже вылетела прямо сюда, чтобы нас прикончить.

Круглое мясистое лицо Рафа потемнело от ярости.

- Так, значит, вы предали нас. Хохлов?

- Это мои боссы пустили нас под откос, - стойко ответил Хохлов. - По сути, я вычищен. Меня вышибли из Организации. Наша идея понравилась им гораздо больше, чем им нравился я. Так что я буду пущен в расход. Я труп, Раф повернулся к Старлитцу:

- За это мне придется пристрелить Булата Романовича. Ты, надеюсь, это понимаешь? "

- А у тебя что, есть пушка, приятель? - вопросительно поднял брови Старлитц.

- Оружие у Айно. - Спрыгнув с дивана, Раф бросился вон из комнаты отдыха.

Хохлов и Старлитц поспешно последовали за ним.

- Ты позволишь ему застрелить меня? - краем

рта спросил Хохлов, Послушай, парень выполнил свои обязательства. Он всегда выполнял свое вовремя и по инструкции.

Айно они застали в подвале одну. При ней было старое ружье для охоты на лосей.

- Где арсенал? - потребовал Раф.

- Я приказала Матти и Йорме увезти все оружие с этого участка. Твои наемники - ужасающие скоты, Раф.

- Ну конечно, они скоты, - отозвался террорист. - Вот почему они идут за Шакалом. Одолжи мне на минуту ружье, дорогая. Мне нужно пристрелить этого русского.

Айно загнала в казенник патрон размером с большой палец и встала:

- Это мое любимое ружье. Я никому его не отдам.

- Тогда пристрели его сама, - сказал Раф, ловко отступая на полшага. Его мафиози сорвали программу Движения. Они предали нас финским угнетателям.

- С материка летит полиция, - вмешался Старлитц. - Все кончено. Пора разбегаться, девочка. Пора убираться отсюда.

Айно не обратила на него ни малейшего внимания.

- Я же говорила тебе, что русским нельзя доверять, - сказала она Рафу. Она побелела как полотно, но держала себя в руках. - Какое отношение к Финляндии имеют эти американские наемники? Мы б легко со всем справились, если б не твои амбиции.

- Человеку нужна мечта, - объяснил Раф. - Каждому нужна великая мечта.

Айно навела ружье в грудь Хохлову.

- Пристрелить вас? - запинаясь, спросила она его по-русски.

- Я не полицейский, - с готовностью предложил Хохлов.

Айно задумалась, однако ружье не шевельнулось.

- Что вы сделаете, если я вас не застрелю?

- Понятия не имею, - удивленно отозвался Хохлов. - Ты что планируешь делать, Раф?

- Я? - переспросил террорист. - Ну, я бы мог убить тебя голыми руками. - Он поднял пухлые, с ямочками ладошки в позу карате.

- Ну да, очень тебе это поможет против вертолета с озлобленной финской группой уничтожения, - отозвался Старлитц.

Раф расправил плечи:

- Как бы мне хотелось с оружием в руках защи-

щать эту землю и погибнуть на ней! Насмерть сразиться с финскими угнетателями! Однако, к несчастью, у меня нет арсенала.

- Спасайся, Раф, - сказала Айно.

- Что ты такое говоришь, дорогая? - спросил Раф.

- Беги, Раффи. Спасай вою жизнь. Я останусь здесь с твоими дурацкими шлюхами и твоими пьяными голыми неудачниками, а когда появятся полицаи, вот тут я их пострелляю.

- Не слишком мудрый ход, если собираешься выжить, - сказал ей Старлитц.

- Почему я должна бежать, как вы? Мне что, позволить моей революции рухнуть от первого же толчка властей? Даже без толики сопротивления? Это мое священное дело!

- Послушай, ты всего лишь одна маленькая девочка, - взялся увещевать ее Старлитц.

- Ну и что? Они переловят всех этих глупых шлюх, мужчин и женщин, пока те будут валяться в пьяном ступоре. Полицаи наденут на них наручники, тем все и кончится. Но не на меня. Я буду сражаться. Я буду стрелять.

Может, меня убьют, может, меня схватят живьем. Тогда мне просто придется жить в маленьком каменном домике. Совсем одной. Долгое,

долгое время. Но я этого не боюсь! У меня есть мои убеждения. Я была права! Я не боюсь.

- Знаете, - весело сказал Хохлов, - если мы возьмем моторку, через три часа мы можем быть уже у побережья Дании.

Водяная пыль летела им в лицо, и Аландские острова таяли вдали.

- Надеюсь, в Дании нам не слишком часто придется проходить через паспортный контроль, - озабоченно сказал Хохлов.

- Паспорта не проблема, - отозвался Раф. - Не для меня. И не для моих друзей.

- Куда мы направляемся? - спросил Хохлов.

- Ну, возможно, затея с аландским офшорным банком была несколько преждевременна, - раздумчиво произнес Раф. - Я провидец. Я всегда на двадцать лет опережаю время - но сейчас, возможно, всего на двадцать минут. - Раф вздохнул. - Чудесная девушка эта Айно! Она так мне напомнила.., ну, столько было чудесных девушек... Но мне следует пожертвовать моей привычкой ударяться в поэтические мечты! В этот трагический момент мы должны перегруппироваться, мы должны обеими ногами твердо стоять на земле. Ты со мной согласен, Хохлов? Нам следует отправиться в единственное место действия в

Европе, которое гарантирует прибыть.

- В бывшую Югославию? - с готовностью спросил Хохлов. - Говорят, из Белграда можно бесплатно позвонить по телефону куда угодно во всем мире. Используя валюту, которой больше и не существует-то вовсе!

- Там очевидный потенциал, - продолжал Раф. - Разумеется, это требует дельцов, умеющих приземляться на ноги и сухими выходить из воды. Людей действия. Лучших на своей стезе.

- Босния-Герцеговина, - выдохнул Хохлов, поднимая раскрасневшееся лицо к новому, без устали поднимающемуся солнцу. - Новый фронир! Что скажешь, Старлитц?

- Думаю, я какое-то время просто пооколачиваюсь тут и там, - отозвался тот и зажал себе нос большим и указательным пальцами.

Внезапно и без дальнейших слов он перевалился спиной за борт в темную воду Балтики. Через несколько кратких мгновений он уже исчез из виду.

Священная корова

Перевод с английского М. Левина

Он проснулся в темноте под мерный стук рельсов. Широкие незнакомые ландшафты, огромные, как детские сны, рокотали позади его отражения в стекле вагона.

Джеки пригладил спутанные волосы, неловко потянулся, вытер усы и подоткнул железнодорожное одеяло под шелк пижамных штанов. Через пролет от него, растянувшись в креслах, тяжелым сном спали двое членов его команды: звукооператор Кумар и кинооператор Джимми Сурай. У Сурая была заткнута за ухо незажженная сигарета, тонкая золотая цепочка на шее повисла под неудобным углом.

Прима группы, Лакшми Малини по прозвищу Искорка, пришла по проходу, бледная, покачиваясь, завернутая в сувенирный плед, как в сари.

- Проснулся, Джеки?

- Ага, деточка. Вроде бы.

- - Так он тебя разбудил, да? - объявила она, хватаясь за его кресло. Вот тот жуткий удар, да? Этот дурацкий крен, прах его побери. Нас чуть с

рельсов не скинуло.

- Ты бы села. Искорка, - предложил он запоздало.

- Десятки погибших, да? - сказала она, садясь. - Звезды, режиссер, съемочная группа погибла в дурацком трагическом инциденте на дурацких английских железных дорогах. Я уже вижу заголовки в этой дурацкой "Стардаст".

Джеки потрепал ее по пухлой руке, нашарил свой саквояж, достал портсигар и закурил. Газировка попросила затянуться и вернула сигарету ему. Вообще-то она не курила.

Плохо для голоса, и для танцев тоже дыхание сбивает. Но после двух месяцев в Британии она у всех стала стрелять затяжки.

- Нам не грозит гибель в поезде, - сказал ей Джеки с улыбкой. - Мы киношники, лапонька, и нам суждена иная смерть. Налоговики нас задушат., Джеки смотрел, как за окном грохочет старая железнодорожная платформа в призрачном сиянии тумана. Пара англичан, закутанных до самых глаз, сидела на чемоданах с непроницаемостью сфинксов. Джеки они понравились.

Местный колорит. Отличная атмосфера.

Искорка не унималась:

- И ты думаешь, Джеки, это мы хорошо при-

думали?

Он пожал плечами:

- Жутки старые железные дороги, милая, но они, англичане, очень медленно воспринимают жизнь.

Она затрясла головой:

- Джеки, эта страна...

- Ну-ну, - сказал он, приглаживая волосы. - Зато здесь до смешного все дешево. Четыре пленки в коробке по цене одной натурной съемки в Бомбее.

- А Лондон мне понравился, - смело заявила Искорка. - И Глазго тоже. Чертовски холодно, но не так уж плохо. Но Болтон? В этом дурацком Болтоне никто не снимает фильмов!

- Бизнес, лапонька, - сказал он. - Необходимость снижения производственных издержек. Количество рупий на метр снятого материала...

- Джеки! - перебила она.

Он хмыкнул.

- Ты мне лапшу на уши вешаешь, лапонька.

Он покачал головой:

- Верно, девонька. Джеки Амар никогда не экономил на своих сотрудниках. Пойди поспи, красавица. Чтобы завтра быть красавицей.

***

Джеки своим фильмам названий не давал - перестал после первых пятидесяти. В бомбейской студии сидела для этой цели целая орава негров-писателей, держа под рукой словарь рифм языка хинди. Джеки учитывал свои кинематографические шедевры по номерам и кратким пересказам в блокноте искусственной кожи, с золотым обрезом и вынимающимися страницами.

Фильм "Джеки Амар Продакшн № 127" был его первой картиной в веселой старой Англии. Номер 127 снимался на складе в Тутинд-Беке, и на несколько часов еще арендовали лондонский Тауэр. Фильм был приключения-детектив-комедия о паре неудачливых эмигрантов (Радж Ханна и Рам Ханна), которые придумали план, как выкрасть алмаз "Кох-и-нур" из сокровищницы Короны Англии. Почти все время братья Ханна были пьяны. Искорка, снимаясь в паре танцевальных номеров, в сценах объятий возмущенно жаловалась, что от них разит скотчем. Джеки отправил близнецов обратно в Бомбей.

Номер 128 был первым, где звездой стала открытая Джеки английская инженю, Бетти Чалмерс. Она пришла по объявлению, приглашавшему

английских девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, с примесью индийской крови и определенными выдающимися телесными параметрами. Бетти играла экзотическую англо-азиатскую любовницу доблестного индийского военного атташе (Бобби Дензонгпа), который разрушает заговор японской якудзы - они хотят взорвать лондонский Тауэр. (От фильма № 127 остался приличный нащелканный в Тауэре метраж.) Местные актеры (они говорили по-английски, перевод на хинди субтитрами) играли недотеп-комиков из Скотланд-Ярда. В последней части Бетти красиво погибала, пронзенная отравленным дротиком ниндзя из духовой трубки - сразу после финального танцевального номера. Ее последние слова, произнесенные на хинди через пень-колоду, отдублировали в бомбейской студии.

События, которые заставили группу покинуть Лондон, приняли вид безукоризненно одетого и полностью лишенного юмора чиновника из индийского посольства. У этого чиновника имелись весьма неприятные вопросы к некоему Джаваду Амару, он же Джеки, по поводу недоимок подоходного налога на сумму шесть миллионов четыреста тридцать пять тысяч рупий.

Смена места съемок на Шотландию заметно затруднила юридическое преследование Джеки, но № 129 родился в разгар хаоса. Ветеран-звукооператор Васант Кумар, он же Винни, после переезда из Лондона был никакой, и музыкальное сопровождение фильма № 129 было создано за час приятелем Бетти из Манчестера - лохматым, длинным и тощим, как пугало, юным созданием по фамилии Смит, Этот Смит, владелец сляпанного на живую нитку портативного микшера, склеенного скочем, выдал до смерти оглушительный грохот синтезированных таблов и цифровых перекошенных ситаров.

Джеки в полном отчаянии оставил саундтрек в том виде, в котором его записал Смит, потому что этот жуткий шум вроде укладывался в сюжет, а юный Смит работал из процента - то есть вполне мог остаться на нулях. Западные исторические фильмы были в Бомбее в моде - или были когда-то, в сорок восьмом, - и Джеки за одну лихорадочную ночь на кофе и таблетках нацарапал сценарий. Нищий ирландский актер сыграл главную роль - Джона Фитцджеральда Кеннеди, а Бетти Чалмерс - горничную из Белого дома, которая влюбилась в мужественного молодого президента и стала первой женщиной, облетевшей Луну по орбите.

Старый контрагент из Казахстана снабдил Джеки кое-каким советским еще киноматериалом на тему космоса, плюс кадры охваченных энтузиазмом толп двадцатого века. Искорка танцевала в скафандре.

Несколько устыженный таким эксцессом - весь фильм он снял, проспав за четыре дня всего пять часов, - Джеки постарался вложить все свое умение в № 130, любовную драму из иностранной жизни. Бобби Дензонгпа играл главную роль - индийского инженера, разочаровавшегося в любви. Он бежит на край света от своего прошлого и становится владельцем сомнительной гостиницы в Глазго. По необходимости фильм снимался в той самой гостинице, где жила группа, а статистами были недоумевающие, но полные энтузиазма служащие. Искорка играла танцовщицу-эмигрантку из кабаре, с которой у Бобби завязывается любовная интрига. В финале Искорка умирает, но сначала заставляет циничное сердце Бобби оттаять, а его владельца - вернуться в Индию. Классический слезливый фильм, и, как думал сам Джеки, единственный из четырех, который мог бы принести кучу денег.

Сюжет фильма № 131, пятого британского фильма, был неясен еще самому Джеки. Когда

неприятности с налогами достали его и в Шотландии, он ткнул пальцем в расписание поездов, и так был выбран Болтон.

***

Это оказался холодный и мрачный городишко, с населением где-то тысяч в шестьдесят англичан, и все они занимались сносом покинутых пригородов и перекраской наново центра города, построенного в девятнадцатом веке.

Такова уж туристская индустрия современной Англии. Весь современный бизнес в Болтоне находился в руках японцев, арабов и сикхов.

Ласковое слово, сказанное начальнику станции, позволило поставить вагоны на тихий запасной путь и погрузить оборудование в небольшую флотилию английских велорикш. Щедрое предложение заплатить рупиями помогло найти вполне приличную гостиницу. Начинал накрапывать дождь.

Джеки в этот день тупо сидел в вестибюле и листал рекламные туристские брошюры, присматривая места для съемок. Группа пила дешевое английское пиво и ворчала.

Оператор Сурай жаловался на несколько жалких часов бледного и зимнего европейского света.

Помощники осветителя боялись задохнуться под мощными шерстяными одеялами, постеленными в номерах. Звукооператор Кумар громко и напряженно строил догадки на тему о "пастушьем пироге" гостиницы и - хуже того - "жабе в дыре". Бобби Дензонгпа и Бетти Чалмерс смылись на дискотеку, никому ничего не сказав.

Джеки кивал, сочувствовал, поддакивал, гладил по головкам, обещал чего ни попадя. В десять он позвонил в студию в Бомбей. Фильм № 127 был признан коммерчески безнадежным и сразу направлен на видео. Номер 128 передублировали на тамильский, и он помирал медленной смертью, объезжая южные деревни. Вахшани, он же "Золотце", о Джеки уже спрашивал. В той среде, где вращался Джеки, если Золотце о ком-то спрашивал, это ему процветания не предвещало.

Джеки оставил в студии телефон гостиницы, и ночью, когда он сосал скверное шампанское и пересматривал сюжеты за последние десять лет в поисках вдохновения, ему позвонили. Звонил его сын, Салим, старший из пяти детей и единственный ребенок от первой жены.

- Как ты узнал номер? - спросил Джеки.

- Один друг дал, - ответил Салим. - Па, слушай, мне нужна твоя помощь.

Голос доносился мерзко шипящий, искаженный подводными кабелями дальней связи.

- Что на этот раз?

- Ты знаешь Золотце Вахшани? Крупная киношишка в Бомбее?

- Я его знаю, - признал Джеки.

- Его брат только что назначен главой государственного бюро воздухоплавания.

- Понимаешь, я знаю его не слишком хорошо.

- Это очень важное дело, па. У меня есть новости из отличного источника в закулисных кругах. Бюджет бюро воздухоплавания на следующей сессии Конгресса будет утроен. Страна ответит на вызов японцев в космосе.

- Какой вызов? Несколько погодных спутников?

Салим терпеливо вздохнул;

- Па, сейчас уже пятидесятые. История на марше, нация встает на крыло.

- И что она там будет делать? - спросил Джеки.

- Американцы достигли Луны восемьдесят лет назад.

- Я это знаю. И что?

- Они ее запакостили, - объявил Салим. - На всей нашей Луне они устроили свалку поломанных машин. И даже автомобиль там оказался. И мяч

для гольфа. - Салим понизил голос:

- Па, и даже моча и кал. Каловые массы американцев в холоде и вакууме Луны продержатся десять миллионов лет - это если Луна не будет ритуально очищена.

- Боже всемогущий, опять ты общался с этими сумасшедшими фундаменталистами, - произнес Джеки. - Я же тебя предупреждал не соваться в политику. Там только жулики и факиры.

Шипящий телефон испустил довольный смешок.

- Папуля-джи, ты теряешь культурную аутентичность!

У тебя отравление Западом, а мы живем в современности.

Если японцы первыми доберутся до Луны, они же ее всю к чертям покроют торговыми рядами.

- И флаг в руки этим японцам.

- Они уже владеют большей частью Китая, - со странным нажимом сказал Салим. - Постоянная экспансия - без устали, без пощады. И очень умелая.

- Ну-ну, - отозвался Джеки. - А мы сами? Индийская армия в Лаосе, в Тибете, в Шри-Ланке.

- Если мы хотим, чтобы мир уважал наши священные культурные ценности, то мы должны

утвердить себя в царстве земном...

Джеки поежился, поправил шелковую ночную рубашку.

- Сын, послушай меня. Это не реальная политика, это чушь из кино. Дурной сон. Посмотри на русских, на американцев, если хочешь знать, куда тебя приведет тяга к Луне. Они едят мякину и спят на соломе.

- Так ты не знаешь Золотце Вахшани, па?

- Я его не люблю.

- Я только спросил, - мрачно буркнул Салим и помолчал. - Па?

- Что?

- Есть причина, по которой Отдел Гражданских Расследований хочет описать твой дом?

Джеки похолодел.

- Это ошибка, сын. Путаница.

- Ты влип, папуля-джи? Я бы мог тут подергать за пару ниточек, ведущих наверх...

- Нет-нет, - быстро ответил Джеки. - Слушай, телефон чертовски шумит потом созвонимся. Салим.

Он повесил трубку.

Напряженные полчаса с сигаретами и сценарием результата не дали. В конце концов Джеки затянул халат поясом, надел теплые тапочки и

ночной колпак и постучал в дверь Искорки.

- Джеки! - сказала она, открывая двери. Мокрые волосы она обернула полотенцем. Горячий воздух вылетел в прохладный коридор. - Лапуля, я по телефону говорю. По международному.

- С кем? - спросил он.

- С мужем.

Джеки кивнул:

- И как там Виджай?

Газировка скривилась:

- Господи, я с ним сто лет как развелась! У меня теперь муж Далип, Далип Сабнис, ты что, забыл? Честно, Джеки, ты иногда совершенно не от мира сего.

- Извини. Мои лучшие пожелания Далипу.

Он сел в кресло и стал листать бомбейский журнал фэнов Искорки, а она тем временем ворковала по телефону.

Наконец она повесила трубку и вздохнула:

- Ох, как я по нему скучаю. Что-то стряслось, да?

- Мой старший мальчик только что мне сказал, что я утратил культурную аутентичность.

Она сорвала с головы полотенце и уперлась кулаками в бока:

- Ох уж эта теперешняя молодежь! Чего они от

нас хотят?

- Хотят настоящей Индии, - сказал Джеки. - Но мы все сто битых лет подряд смотрели голливудские фильмы... у нас не осталось прежней души, понимать надо. - Он вздохнул. - Остались кусочки и обломки. Мы, индийцы, мозаичные люди, вот кто мы. Из цитат и римейков. Лоскутьев и лохмотьев.

Искорка лакированным пальчиком похлопала себя по губам:

- У тебя сценарий не ладится.

Он мрачно проигнорировал.

- Освобождение наступило уже черт знает как давно, но мы все еще одержимы этой дурацкой Британией. Посмотри на эту ихнюю страну - это же музей! А мы - мы еще хуже. Мы - раненая цивилизация. Найпаул был прав.

И Рушди был прав!

- Слишком много работаешь, - сказала Искорка. - Помнишь тот исторический фильм, что мы снимали про Луну, да? Так это было глупее не придумаешь, лапонька.

Этот музыкантик из Манчестера, Смит, да? Который даже по-английски не говорит, блин. Я ни фига не понимаю, что он лопочет.

- Деточка, это английский и есть. Мы в Англии.

Так они на своем родном говорят.

- Подумаешь! - бросила Газировка. - У нас по-английски говорят пятьсот миллионов! А у них сколько осталось?

Джеки засмеялся:

- Они учатся. Учатся говорить правильнее, как мы. - Он широко зевнул. Черт, до чего тут жарко, Искорка.

Приятно. Совсем как дома.

- И эта еще девчушка, Бетти Чалмерс, да? Когда она пытается говорить на хинди, я от смеха лопаюсь. - Газировка помолчала. - Но умненькая и лакомый кусочек. Далеко пойдет. Ты с ней спал?

- Один только раз, - снова зевнул Джеки. - Приятная девочка. Но очень английская.

- А она вовсе американка! - торжествующе заявила Газировка. - Индианка чероки из Тулзы, штат Оклахома, США. Ты в объявлении написал "индийская кровь", а она подумала - "индейская".

- Ч-черт! - сказал Джеки. - Нет, правда?

- Вот те крест, правда, Джеки.

- Блин.., и в камере она отлично смотрится. Ты никому не говори.

Искорка пожала плечами - слишком, быть может, небрежно.

- Забавно, как они все пытаются на нас похо-

дить.

- Печально для них, - заметил Джеки. - Экзистенциальная трагедия.

- Я не про то, лапонька. Я про то, что для нашей домашней публики это будет действительно в кайф. Хохотать будут, кататься по проходу, хлопать себя по коленкам! Может получиться хороший фильм, Джеки. Насчет того, какие англичане смешные. Как они теряют аутентичность - как мы.

- Черт побери! - восхитился Джеки.

- Римейк "Парам Дхарама" или "Гаммат Джаммата", только смешной - из-за английских актеров, да?

- В "Гаммат Джаммате" есть классные танцевальные номера.

Искорка довольно улыбнулась.

Голова Джеки озарилась вдохновенной мыслью.

- Можно сделать! Да, мы это сделаем! Черт, мы на этом состояние наживем! - Джеки сложил ладони перед грудью и наклонил голову:

- Мисс Малини, вы - потрясающий соратник.

Она сделала "намаете":

- Рада служить, сахиб.

Он встал с кресла:

- Пойду прямо сейчас этим займусь.

Плавным и быстрым движением она встала у него на пути:

- Нет-нет-нет! Не сегодня.

- Почему?

- Хватит с тебя красных таблеточек.

Он скривился.

- Ты от них когда-нибудь лопнешь, Джеки-джи. Ты уже при каждом хлопке хлопушки подпрыгиваешь, как чертик из табакерки. Думаешь, я не вижу?

Он поморщился:

- Ты даже не знаешь, какие у группы трудности. Нам до зарезу нужен хит, и не сегодня, а вчера.

- Денежные трудности? И что? Не сегодня, босс, сегодня ни за что. Ты единственный режиссер, знающий мои лучшие ракурсы. И ты думаешь, я хочу остаться без режиссера посреди этого болота? - Она нежно взяла его за руку. - Остынь, да? Успокойся: Развлекись чем-нибудь. Тут же твоя старая подруга. Искорка, да? Смотри, Джеки-джи - Искорка.

Она выгнулась, положив руку на бедро, и одарила Джеки лучшим из своих взглядов искоса.

Джеки был тронут и отправился с ней в постель. Она прижала его к простыням, крепко

поцеловала и положила его руки себе на груди, а покрывало натянула на плечи.

- Легко и приятно, да? Чуть понежимся, дай я сама все сделаю.

Она оседлала бедра Джеки, опустилась, чуть поиграла в танце мускулов, потом остановилась и стала пощипывать и царапать ему грудь с автоматизмом ведического искусства.

- Ты иногда такой бываешь забавный, миленький. Лишенный аутентичности. Я умею танцевать на барабане, умею вертеть задом и животом, и ты думаешь, я не умею вилять шеей, как натиамская танцовщица? Смотри, как я это делаю.

- Прекрати! - попросил он. - Смейся до, смейся после, но не в процессе.

- Ладно, милый, ничего смешного, только быстро и сладко.

Она стала над ним работать и через две божественные минуты выжала его как губку.

- Ну вот, - объявила она. - Готово. Тебе лучше?

- О господи, и еще как!

- Полностью лишенный аутентичности, ты все равно чувствуешь себя хорошо?

- Только потому еще и жив род человеческий.

- Ну вот и ладно, - сказала она. - А теперь, деточ-

ка, спокойной ночи и сладких снов.

***

Джеки с удовольствием поглощал плотный, хотя и несколько безвкусный завтрак из копченой рыбы и яичницы, когда вошел Джимми Сурай.

- Слушай, Босс, там Смит... - сказал Джеки. - Мы никак не можем его заставить заткнуть этот дурацкий ящик.

Джеки вздохнул, доел свой завтрак, смахнул крошки с губ и вышел в вестибюль. Вокруг низкого столика сидели в мягких креслах Смит, Бетти Чалмерс и Бобби Дензонгпа, и с ними - незнакомый мужчина. Молодой японец.

- Смити, будь человеком, отключи это, - попросил Джеки. - Будто с десятка котов сдирают шкуру заживо.

- Я просто демо прогнал для этого мистера Большая Иена, - буркнул про себя Смит и с неуклюжей грацией стал выключать машину. Эта сложная процедура включала щелканье тумблерами, верчение ручек и жужжание дисководов.

Японец - длинноволосый изящный юноша в овчинном пиджаке, вельветовом берете и джинсах - встал с кресла, четко поклонился и протянул Джеки визитную карточку. Джеки прочел. Япо-

нец оказался представителем кинокомпании - "Кинема Джанпо". Фамилия его была Байшо.

Джеки сделал "намаете":

- Счастлив познакомиться, мистер Байшо.

У Байшо был несколько настороженный вид.

- Наш босс говорит, что рад познакомиться, - повторил Смит.

- Хай, - несколько напряженно ответил Байшо.

- Мы встретили Байшо-сан вчера на дискотеке, - сообщила Бетти Чалмерс.

Байшо, садясь в кресло так же прямо, как стоял, разразился чередой иностранных звуков.

- Байшо говорит, что он большой фэн английской танцевальной музыки, промямлил Смит. - Он здесь искал подходящий танцзал. С его точки зрения подходящий. Веста Тилли, тара-ра-бумбия, - такая ему нужна фигня.

- Ага, - сказал Джеки. - Вы немного говорите по-английски, мистер Байшо?

Байшо вежливо улыбнулся и ответил длинной фразой, сопровождаемой оживленной жестикуляцией.

- Еще он ищет первые издания Ноэла Коварда и Дж. Б. Пристли, объяснила Бетти. - Это его любимые английские писатели. И босс - то есть Джеки - мистер Байшо действительно говорит

по-английски. То есть если прислушаться, то все гласные и согласные присутствуют. Честно.

- Уж получше тебя, - буркнул почти про себя Смит.

- Я слыхал про Ноэла Коварда, - сказал Джеки. - Очень остроумный драматург этот Ковард.

Байшо вежливо выждал, пока губы Джеки остановятся, и снова пустился в свое длинное повествование.

- Он говорит, что рад нас здесь встретить, потому что сам тоже выехал на натурные, - перевела Бетти. - "Кинема Джанпо" - его компания - снимает в Шотландии римейк "Кровавого трона". Ему было.., как это.., поручено найти соответствующие места в Болтоне.

- Да? - спросил Джеки.

- Он говорит, что местные англичане ему не хотят помогать, потому что у них насчет здешних мест есть суеверия. - Бетти улыбнулась:

- А у тебя, Смити? Ты не суеверен?

- Не-а, - ответил Смит, закуривая сигарету.

- И он хочет, чтобы мы ему помогли? - спросил Джеки.

Бетти снова улыбнулась:

- Эти японцы - просто грузовики с наличностью.

- Если вы не хотите, я могу позвать своих ребят из Манчестера, - сказал Смит, задетый позорным подозрением. - Они этого чертова Болтона не стремаются.

- А что такое в Болтоне? - спросил Джеки.

- Ты не знаешь? - удивилась Бетти. - В общем-то ничего особенного. То есть город сам - ничего особенного, но тут самая большая братская могила во всей Англии.

- Больше миллиона, - буркнул Смит. - Из Манчестера, из Лондона отовсюду их возили поездами во время чумы.

- А, - сказал Джеки.

- Больше миллиона в одной могиле, - сказал Смит, устраиваясь в кресле поудобнее, и пустил колечко дыма. - Дед мой любил рассказывать. Гордился этим Болтоном, дескать, настоящее гражданское правление в чрезвычайный период, нормальное поддержание порядка, без всяких там солдат... И каждого мертвяка метили своим номером, даже баб и детишек. А в других местах - это позже было - Просто копали яму и бульдозером туда сгребали всех.

- Дух, - громко сказал Байшо, как можно тщательнее произнося звуки. Истинный дух кинематографа в городе Болтоне.

Джеки невольно ощутил пробежавший по спине холодок и сел.

- Неперспективно. Так мы это назовем.

- Это было пятьдесят лет назад, - заявил скучающий Смит. - За тридцать лет до моего рождения. Или твоего, Бетти, да? Губчатая энцефалопатия. Коровье бешенство.

И что? Болезнь не вернулась, это была случайная вспышка, Несчастный случай дурацкого индустриального двадцатого столетия.

- Ты же знаешь, что я не боюсь, - сказала Бетти, улыбаясь самой ослепительной своей улыбкой. - Я даже несколько раз ела говядину. В ней больше нет вирионов. То есть эту болезнь, скрейпи, уничтожили много лет назад.

Поубивали всех овец, всех коров, у которых могла быть инфекция. И теперь ее вполне можно есть - говядину.

- Мы в Японии потеряли много людей, - медленно выговорил Байшо. Туристы, которые были есть.., ели английскую говядину, пребывая в Европе. Многих из нас спасли торговые потирания.., трения. Старые торговые барьеры. Фермеры Японии.

Он улыбнулся.

Смит загасил сигарету:

- Тоже случай. Вашему праотцу крупно повезло, Байшо-сан.

- Повезло? - вдруг вмешался Бобби Дензонгпа. Темные газельи его глаза покраснели с похмелья. - Ага, повезло! Тут овцов скармливали коровам! А Господь сотворил коров не для пожирания овцов! А плоть Матери Коровы не нам жрать...

- Бобби! - предостерегающе произнес Джеки.

Бобби раздраженно пожал плечами:

- Но это ж правда, босс? Они из мерзких овцов, из отходов бойни добывали белок на корм скоту, и эту мерзость скармливали своим английским коровам. И годами они творили такое непотребство, даже когда коровы стали беситься и умирать у них на глазах! Они знали, что рискуют, но гнули свое, потому что так выходило дешевле! Преступление против природы, и оно было наказано как надо.

- Хватит! - жестко сказал Джеки. - Мы в этой стране гости. Индия тоже много своих граждан потеряла в этой трагедии, как тебе известно.

- Подумаешь, мусульмане! - буркнул Бобби будто про себя, встал и вышел, покачиваясь.

Джеки сердито глядел ему вслед - чтобы остальные видели.

- Да ерунда, - нарушил неловкое молчание

Смит. - Он закоренелый азиатский расист, этот ваш кинозвездюк, но мы к таким привыкли. - Он пожал плечами. - Это была просто - ну, чума, сами знаете, про нее в школе рассказывают, как Англия была когда-то в самом деле высший класс, а теперь пшик, тень чего-то... Уже надоело, к черту, про это слышать. Это же было пятьдесят долгих лет назад. - Смит фыркнул. - А я вовсе не тень Битлов или этих гребаных секс-пистолз. Я работающий, профессиональный современный английский музыкант, и у меня бумага есть от союза, где так и написано.

- Ты настоящий и хороший музыкант, Смити, - сказала Бетти. Она несколько побледнела. - Англия снова становится сильной. Нет, серьезно.

- Пойми, подруга, мы никуда не возвращаемся, - с напором продолжал Смит. - Мы живем здесь и сейчас и зарабатываем на эту дурацкую жизнь. Это ведь жизнь, да?

Жизнь, мать ее, продолжается. - Смит встал, взял свою деку, поскреб лохматую голову. - Ладно, мне работать надо, Джеки. Кстати, босс, найдется у тебя пять фунтов? Мне кое-куда позвонить надо.

Джеки покопался в бумажнике и протянул банкноту местной валюты.

***

У Байшо в группе было пять японцев. И даже с помощью группы Джеки почти весь вечер ушел, чтобы выкосить толстые коричневые стебли бурьяна на старом чумном кладбище Болтона. Каждые примерно полметра стоял маркер, отмечающий мертвеца. Пятьдесят лет назад в землю вбили гранитные столбики, а потом стесали чем-то вроде металлической пилы. На плоской верхушке вырезали полустертые теперь имена и даты и компьютерные номера удостоверений.

Джеки думал, что кладбище, наверное, тянется где-то на километр. Во все стороны расстилалась бугристая английская земля, из нее торчали зацепившиеся толстыми корнями приземистые дубы и ясени, странно голые, как все европейские деревья зимой.

Ничего такого особенного не было на этом месте. Оно было совершенно прозаическим, как запущенный парк в заштатном городишке, и никак не лезло в образ трагедии. Джеки был ребенком, когда разразилась чума скрейпи, но он помнил, как сидел в жаркой бомбейской темноте, глядя в непонимании на кричащие ролики новостей, непонятные картинки. Конечно, они были

цветные, но его детская память сохранила их черно-белыми, зернистыми. Застеленные койки в больничных лагерях Европы, бредущие белые люди в одинаковых одеждах, изможденные и дрожащие, черпающие благотворительную похлебку ложками, зажатыми в высохших руках. Чума скрейпи развивалась в людях чертовски медленно, но ни один из заболевших не выжил.

Сначала возникали медленные мучительные головные боли и неодолимое чувство усталости. Потом спотыкающаяся, шаркающая походка, когда отказывали нервы ног.

Поражение ширилось и уходило глубже в мозг, мышцы слабели и атрофировались, наступала смертельная психотическая апатия. В этих старых кинороликах западная цивилизация смотрела в индийский объектив с недоуменным слабоумием, и миллионы отказывались признавать, что умирают просто потому, что ели корову.

Как это называлось? - попытался вспомнить Джеки.

Бифбургеры? Нет, гамбургеры. Девяносто процентов населения Британии, тридцать - Западной Европы, двадцать процентов реактивносамолетной Америки погибли страшной смертью. Из-за

гамбургеров.

Постановочная группа Байшо изо всех сил старалась создать на этом месте ужаса подходящую атмосферу. Японцы тянули по скошенной траве длинные нити белой паутины из какого-то аэрозоля и ставили осветительную аппаратуру со светофильтрами. Съемка будет ночной, и скоро приедут экспрессом Макбет с Макдуфом.

Бетти вывела Джеки из раздумий:

- Байшо-сан хотел бы знать, что ты думаешь.

- Мое профессиональное мнение о постановке сцены как ветерана индийского кино? - спросил Джеки.

- Именно, босс.

Джеки не собирался выдавать свои профессиональные секреты, но не смог удержаться от искушения переплюнуть японцев.

- Генератор ветра, - бросил он. - Тут генератор ветра нужен. Пусть он оставит несколько стеблей повыше, под деревом где-нибудь. У нас в Болтоне есть пятьдесят кило блестящей пыли. Даем ему, если он готов платить, запускать в ветрогенератор эту пыль по горсточке, и получится классный эффект. Жуть будет, как в аду.

Бетти передала его совет. Байшо кивнул, обдумал идею и тронул машинку у себя на поясе.

Открыв футляр, он стал нажимать кнопочки.

Джеки подошел ближе.

- Что это у него? Телефон?

- Ага, - сказала Бетти. - Он должен утрясти этот план с начальством.

- Здесь же нет телефонных кабелей, - удивился Джеки.

- Хайтек. У них спутниковая связь.

- Черт побери, - сказал Джеки. - А я тут предлагаю техническую помощь. Этим чертовым японцам, да?

Бетти посмотрела на него долгим взглядом:

- У тебя над ними численное превосходство восемь к одному. Пусть японцы тебя не беспокоят.

- А я и не беспокоюсь, - ответил Джеки. - Я человек толерантный, лапуля. Очень светский, не религиозный. Но я думаю, что скажет моя студия, когда узнает, что я преломлял хлеб с конкурентами моей страны. В бомбейских желтых листках это не будет хорошо выглядеть.

Бетти молчала. Солнце садилось за груду облаков.

- Вы, азиаты, короли мира, - сказала она наконец. - Вы богаты, вся власть у вас, и все деньги тоже. Нам нужна ваша помощь, Джеки, и мы не хотим, чтобы вы воевали друг с другом.

- Политика? - удивился Джеки. - Ну, понимаешь... жизнь такова, какова она есть... - Он помолчал. - Бетти, послушай старого умного Джеки. В Бомбее не жалуют актрис, которые лезут в политику. Это тебе не Тулза, штат Оклахома. Ты поосторожнее.

Она медленно повернулась к нему, широко раскрыв глаза:

- Ты не говорил, что возьмешь меня в Бомбей, Джеки.

- В общем, может так, выйти, - ответил он неуверенно.

- Мне бы хотелось, - сказала она мечтательно. - Центр мира. - Бетти взяла себя за руки выше локтей, поежилась. - Холодает. Пойду возьму свитер.

Прибыли актеры в моторном трехколесном кебе, японцы стали одевать их в сценические доспехи. Макдуф для разминки сделал несколько движений кендо.

Джеки подошел к мистеру Байшо:

- Не позволите ли вы мне позвонить по вашему телефону?

- Извините? - не понял Байшо."

Джеки показал жестами.

- Бомбей, - сказал он, написал номер на страничке блокнота и показал Байшо.

- А! - закивал Байшо. - Вакаримасита.

Он набрал номер, что-то быстро сказал по-японски и подал прибор Джеки.

Раздалось быстрое чириканье цифровых сигналов, Джеки, перейдя на хинди, пробился через цепочку секретарей.

- Золотце?

- Джеки-джи! А я тут тебя обыскался.

- Да, я слышал. - Джеки помолчал. - Ты фильмы видел?

Золотце Вахшани хмыкнул, вызвав резкое цифровое эхо.

- Первые два. Метраж снимал в Блайти, да? Ничего особенного.

- Ну и?.. - спросил Джеки.

- Третий. Тот, где девушка-полукровка и Луна. И саундтрек.

- Помню, Золотце.

Золотце заговорил медленно и злорадно:

- Вот он - особенный. Да, Джеки. Это бомба. Это суперхит! Джеки, шампанское и гирлянды цветов. Класс.

Мега.

- То есть тебе понравилась Луна? - спросил огорошенный Джеки.

- Я в нее влюбился. Во всю эту чушь.

- Я слыхал про назначение твоего брата. Золотце. Мои поздравления.

Золотце тихо засмеялся:

- Блин, Джеки, ты уже четвертый сегодня. Тот Вахшани из воздухоплавания мне ни фига не брат. Братец мой - строитель, занимается дурацкими подрядами и строит дурацкие дома. А тот - какой-то яйцеголовый, из ученых. Нет, насчет Луны это потрясающая глупость, такого никогда не будет. - Он посмеялся еще, потом понизил голос. - А четвертый твой фильм, Джеки, - говно. В этом сезоне бабьи слезы на рынке затоварены, дурак ты. Присылай на следующий раз чего-нибудь посмешнее. Комедию с танцами.

- Будет сделано.

- Девчонка эта, Бетти, - спросил Золотце. - Нравится ей работать?

- Да.

- И девка компанейская?

- Можно и так сказать.

- Я хочу видеть эту Бетти. Отправь ее мне ближайшим поездом. Нет, аэропланом, черт с ней, с ценой. И того типа, что делал саундтрек. Мои детишки от этой дурацкой музыки балдеют. А если детишки балдеют, значит, тут деньгами пахнет.

- Мне они оба нужны. Золотце. На следующий

фильм.

Они у меня, знаешь, на контракте.

Золотце помолчал. Джеки ждал ответа.

- У тебя там неприятности были с налогами, Джеки?

Так я это дело готов уладить на раз. Немедленно. И лично.

Джеки выпустил задержанное дыхание.

- Можешь считать, что они уже летят. Золотце.

- Тогда и с налогами у тебя все путем. Нормальный ты мужик, Джеки.

Цифровой щелчок, и телефон заглох.

Вспыхнули юпитеры японской группы, облив стоящего посреди кладбища Джеки фосфоресцирующим сиянием.

- Черт побери! - выдохнул Джеки, подбросив телефон в воздух и хлопнув в ладоши. - Ребята, празднуем!

Колоссальный праздник сегодня для всех, Джеки Амар угощает! - Он испустил громкий вопль. - И кто сегодня не будет пить и плясать, тот мне не друг. Всех зову, всех! Господи, до чего хороша жизнь!

Глубокий Эдди

Перевод с английского: А. Комаринец

- Цигаретты? - вежливо осведомился господин с континента, сидевший в соседнем коконе.

- Что в них? - глубокомысленно ответил вопросом на вопрос Глубокий Эдди.

Седовласый господин услужливо забормотал: что-то многосложное и из области немецкой клинической медицины. Программа-переводчик Эдди тут же накрылась.

Эдди вежливо отказался. Господин извлек "цигаретту" из пачки, вывернул мундштук и запыхтел. Пахнуло резким ароматом, словно в кофе ударила молния.

Европейский господин быстро повеселел. Шелчком открыв электроблокнот с лентой онлайн новостей, он пробежался по клавишам меню и принялся внимательно изучать немецкий бизнес-зин.

Глубокий Эдди вырубил переводчика, щелкнул спецификом и просканировал соседа. Господин скачивал в мировую сеть свою бизнес-биографию. Звали его Петер Либлинг. Уроженец

Бремена, девяносто лет, менеджер среднего звена в европейской фирме, занимающейся пиломатериалами. Хобби - триктрак и собирание антикварных телефонных карточек. Что-то уж слишком молодо выглядит для своих девяноста. Наверняка у него полно диковинных и любопытных медицинских синдромов.

Герр Либлинг поднял взгляд, явно выведенный из себя компьютерным вниманием Эдди. Эдди опустил специфик, давая окулярам упасть себе на грудь и повиснуть на цепочке. Привычный жест, Эдди часто к нему прибегал - мол, "прости, не собирался пялиться, приятель". Большинство людей относились к спецификам с подозрением. Большинство понятия не имело об огромных возможностях программного обеспечения спецификации информации. Большинство до сих пор спецификами не пользовалось. Короче говоря, большинство попросту неудачники.

Эдди выпрямился в своем небесно-голубом коконе и стал смотреть из окна лайнера. Чаттануга, штат Теннеси.

Ярко-белые керамические башни управления полетами.

Вдалеке - винного цвета офисные кварталы и миллион темно-зеленых деревьев. Эдди снова

поднял специфик, чтобы поглядеть, как, беззвучно стартуя, уходит на запад азиатский лайнер. Из дальних турбин вырывались в инфракрасном турбулентные потоки. Эдди был без ума от инфракрасного видения. Глубокий и беззвучный магический водоворот невидимого жара, дыхание промышленности.

Люди недооценивают Чаттанугу, думал Эдди с гордостью местного уроженца. В Чаттануге - высокий процент вложений на душу населения в программы спецификации. Если уж на то пошло, Чаттануга была на третьем месте в НАФТА.

Номер Первый - Сан-Хосе, Калифорния (разумеется), а номером Вторым шел Мэдисон, штат Висконсин.

На службе своей эхи Эдди уже съездил в оба эти города-конкурента, чтобы обменяться программками, разрекламировать, продавать кой-какую информацию и тщательно изучить местную тусовку. Собрать сведения на конкурентов. Короче, повынюхивать, что там к чему, чтоб не играть словами.

Последней деловой поездкой Эдди были пять пьяных дней на развеселом конвенте по программам спецификации в Куидад-Хуарец, Чихуахуа. Эдди пока еще не понял сам для себя, почему

это Куидад-Хуарец, в прошлом прескучный фабричный городок на берегу Рио-Гранде, вдруг так помешался на спецификах. Даже детишки здесь имели свои примочки, в ярких пятнах и крапинках пластиковые одноразовые пузыри с жалкими парой десятков мегов. Специфики висели на груди у старушек, едва ковыляющих по улицам. Специфики были встроены в шлемы охранников и постовых. И повсюду афиши и объявления, каких без специфика и не прочесть вовсе.

И тысячи дельцов в пиджаках с кондиционерами и пятьюдесятью терабайтами, примостившимися на переносице.

Куидад-Хуарец задыхался в тисках самой что ни на есть настоящей специфик-мании. Может, все дело в литии в тамошней воде?

Сегодня долг звал Эдди в Европу, а точнее, в Дюссельдорф. Долгу не было нужды громко кричать, чтобы привлечь внимание Эдди. Достаточно было малейшего шепота, чтобы заставить Глубокого Эдди покинуть насиженное гнездо, дом, где он все еще жил с родителями Бобом и Лайзой.

На сей раз шепотом долга оказались несколько специфик-писем и бандероль от президента местного отделения.

"Долг перед сетью; репутация нашей группы

зависит от тебя, Эдди. Доставка. Не посрами нас; доставь пакет во что бы то ни стало. И поглядывай в специфик - дело может оказаться опасным". Что с того? Опасность и Эдди Друзья до гроба. Закидываться текилой и эфедрином в нос в переулке в Мехико, когда на тебе пара очков с компьютерными примочками стоимостью дороже автомобиля - вот это опасно. Большинство побоится сотворить такое. Большинство не в состоянии справиться с собственными страхами. Большинство слишком боится жить.

Это будет первой взрослой поездкой Эдди в Европу. В возрасте девяти лет он ездил с Бобом и Эдди в Мадрид на конвент "Размышление Сексуальности", но все его воспоминания о той поездке сводились к скучному уик-энду с плохим теликом и невнятной, приправленной помидорами едой. А вот Дюссельдорф обещал настоящее приключение.

Такая поездка, вероятно, даже стоит того, чтобы встать в четверть восьмого утра.

Эдди промокнул воспаленные веки платочком, смоченным в физрастворе. От специфика у Эдди, похоже, развивался первостатейный ожог; или, может, все дело просто в бессоннице. Он допоздна и решительно неудовлетворительно засиделся

со своей нынешней девчонкой Джалией. Он пригласил ее в надежде на "прощание героя", толсто намекая на то, что его могут избить или даже убить зловещие умники сетевого европейского подполья.

А вместо продолжительных и заботливых резвых шалостей получил четырехчасовую серьезную лекцию на тему эмоционального центра бытия Джалии: коллекционирования японского стекла.

Его лайнер мягко оторвался со взлетной полосы Чаттануги. И Эдди пронзило внезапным, инстинктивным сознанием того, что Джалия, по сути, контрпродуктивна. Джалия просто ему не подходит. Ясные глаза, курносый носик и сексапильная россыпь татуировок на правой скуле. Роскошная вспышка жара тела в инфракрасном спектре. Прямые пряди темных волос, которые посередине становились вдруг курчавыми и волнистыми. Как можно иметь такие чудные волосы и столько тату и быть при этом настолько зажатой? Джалия на деле вообще ему не друг.

Лайнер мерно набирал высоту, проходил над сверкающими водами Теннеси. За окном Эдди длинные гибкие крылья гнулись и колебались грациозными строго контролируемыми движе-

ниями, компенсируя турбулентные потоки.

Сама кабина держалась столь же ровно, как баржа на Миссисиппи, но под анализом специфика крылья с компьютерными примочками походили на лезвие вибрирующей пилы. Нервирует. "Только бы сегодня не оказалось тем днем, когда добрая компания жителей Чаттануги упадет с неба", - подумал про себя Эдди, поерзав немного в ласкающих объятиях своего кокона, Он оглядел кабину, перебирая взглядом своих сокандидатов на быструю массовую гибель. Три сотни человек или около того, европейская и НАФТА лайнер-буржуазия; все ухоженные, вежливые. Никто не смотрит испуганно. Раскинулись в своих коконах пастельных тонов, болтают, подключили оптоволокно к лаптопам и ноутбукам, просматривают линейки новостей, звонят по видеотелефону. Как если бы были у себя дома или в переполненном цилиндрическом холле какого-нибудь отеля, и все - в пустом и намеренном неведении относительно того факта, что несутся по воздуху и что поддерживают их на высоте только плазмотурбины и расчеты компьютера. Большинство ничего вокруг себя не замечает. Достаточно где-нибудь малейшего сбоя в программном обеспечении, ошибки в десятом знаке после запятой, и эти

умные гибкие крылья оторвутся ко всем чертям. Разумеется, такое случается не часто. Но иногда случается.

Глубокий Эдди мрачно размышлял о том, попадет ли его собственная кончина в заголовки новостей. В сами новости она, конечно же, попадет, но, вероятно, окажется на задворках, на каком-нибудь пятом или шестом уровне ссылок.

Пятилетний малыш в коконе позади Эдди устраивал припадок детских ликования и страха:

- Мой е-мейл, мама! - щебетало, подпрыгивая на месте, дите с отчаянным энтузиазмом. - Мам! Мам, мой е-мейл! Ну, мам, забери мой е-мей!

Стюардесса предложила Эдди завтрак. Он взял тарелку мюсли и полдюжины размоченных чернослив. А потом обновил свою кредитку и заказал мимозу. Однако выпивка не заставила его проснуться, так что он заказал еще два коктейля. А потом он заснул.

***

На таможне в Дюссельдорфе царило столпотворение.

Летние туристы спешили в город словно огромный косяк мигрирующих сардин. Однако

пассажиры, прибывшие из-за европейских пределов - из НАФТА, из Сферы, с Юга, - в сравнении с гигантским потоком внутриевропейских перевозок были крохотным меньшинством, которое через таможню проскакивали совершенно беспрепятственно.

Инспекторы в униформах сканировали багаж из НАФТА и с Юга спецификами, предположительно на предмет взрывчатых веществ, но их громоздкие, выпущенные по госзаказу специфики уже лет на пять как устарели. Глубокий Эдди пролетел зеленый коридор без приключений, потом получил штамп на паспорт-чипе. Отрубиться на шампанском с апельсиновым соком, а потом прохрапеть пьяно весь перелет над Атлантикой явно было отличной идеей. По местному времени было девять вечера, и Эдди чувствовал себя отдохнувшим. Ясная голова. Ко всему готов. Голоден.

Эдди уже двинул было к указателям "наземный транспорт", как путь ему заступила коренастая женщина в объемном коричневом плаще. Он остановился как вкопанный.

- Мистер Эдвард Дертузас, - не спросила, а возвестила незнакомка.

- Верно, - отозвался Эдди, отпуская ручки сумки. Они уставились друг на друга - специфик в

специфик. - На деле, как вам, без сомнения, видно из моей он-лайн био, друзья зовут меня Эдди. Глубокий Эдди чаще всего.

- Я не ваш друг, мистер Дертузас. Я ваш телохранитель. Сегодня меня зовут Сардинка.

Нагнувшись, Сардинка подняла его дорожную сумку. Когда она выпрямилась, то ростом оказалась Эдди по плечо.

Немецкий переводчик Эдди, которого тот в полете возродил к жизни, мигнул зеленым титром в нижнем ободе специфика.

- Сардинка, - отметил он. - Сардинка?

- Не я выбираю кодовые имена, - раздраженно ответила Сардинка. - Я использую то, какое дает мне компания.

Она прокладывала себе дорогу через толпу, расталкивая людей ловкими тычками дорожной сумки Эдди. Одета Сардинка была в объемистый коричневый плащ с кондиционером, под его полами видны были желтовато-коричневые джинсы со множеством карманов и черно-белые полицейские ботинки на толстой подошве. Бодрящее трио маленьких блестящих татуированных треугольников украшало правую щеку Сардинки. Ее руки, привлекательно маленькие и изящные, были затянуты в перчатки в черно-

белую полоску, С виду ей было под тридцать. Нет проблем.

Ему нравились зрелые женщины. Зрелость приносила с собой глубину.

Эдди просканировал ее био.

"Сардинка", - безжалостно подсказал специфик. И ничего больше. Совершенно ничего: ни собственного дела, ни нанимателя, ни адреса, ни возраста, ни интересов, ни хобби, никакой личной рекламы. Европейцы странно относятся к защите частной жизни. Но опять же отсутствие должных сведений о Сардинке могло иметь отношение к роду ее деятельности.

Эдди глянул на собственные руки, подергивающиеся голые пальцы над виртуальным меню в воздухе и переключился на примитивную специфик-программку, какую скачал из Тихуаны. Своего рода легенда в области спецификов, Х-Спец срывал с людей слои одежды и экстраполировал плоть под ними в полноцветную видеосимуляцию. Сардинка, однако, была настолько плотно упакована в различные нательные пояса, кобуры и подкладные плечи, что Х-Спец был сбит с толку. Симуляция получилась тревожно фальшивая: груди и плечи раскачивались при каждом шаге словно одурелый от наркотиков пластилин.

- Скорей прочь, - строго посоветовала Сардинка. - Я хотела сказать, пошевеливайтесь.

- Куда мы идем? На встречу с Критиком?

- В свое время.

Эдди проследовал за ней через топочущую, шаркающую ногами, галдящую толпу к рядам камер хранения.

- Вам действительно нужна эта сумка, сэр?

- Что? - переспросил Эдди. - Конечно, нужна! В ней все мои вещи.

- Если мы возьмем ее с собой, мне придется тщательно ее обыскать, терпеливо объяснила ему Сардинка. - Давайте положим вашу сумку в камеру хранения, вы сможете забрать ее перед тем, как уехать из Европы. - Она показала ему небольшую серую ручную сумку с логотипом берлинского пятизвездочного отеля. - Тут стандартный набор туриста.

- Мою сумку просканировали на таможне, - возразил Эдди. - Я, честное слово, чист. Через таможню я пулей пролетел.

- Миллион туристов прибыли в Дюссельдорф на эти выходные. - Сардинка коротко и саркастически рассмеялась. - Здесь же будет Переворот. Вы думаете, на таможне вас досматривали всерьез? Поверьте, Эдвард, ваши вещи и не думали

досматривать по-настоящему.

- Звучит угрожающе.

- Настоящий досмотр требует уйму времени. Некоторые устройства совсем крохотные, то, что вплетается в ткань одежды, приклеивается к коже... Сардинка пожала плечами. - Я люблю, чтобы у меня было время в запасе. Я заплачу вам за время. Вам нужны деньги, Эдвард?

- Нет, - удивленно ответил Эдди. - Я хочу сказать, ну да. Разумеется, мне нужны деньги, кому они не нужны?

Но у меня дорожные чеки и кредитная карточка от моей эхи. От ЭКоВоГСа.

Она внимательно оглядела его, нацелив ему в лицо специфик:

- Кто такой Эковогс?

- Эха компьютерного восприятия гражданских свобод, - объяснил Эдди. Отделение Чаттануга.

- Понятно. Английское сокращение. - Сардинка нахмурилась. - Ненавижу сокращения... Эдвард, я заплачу вам сорок экю наличными за то, что вы положите свою сумку в камеру хранения, а вместо нее возьмете вот эту.

- Продано, - отозвался Эдди. - Где деньги?

Сардинка протянула ему четыре потертые банкноты с голограммой. Эдди запихал наличку

в карман, потом открыл собственную дорожную сумку и достал оттуда повидавшую виды книгу в жестком картонном переплете - "Масса и власть" Элиаса Канетти.

- Так, легкое чтиво, - неубедительно объяснил он.

- Дайте мне посмотреть книгу, - настояла на своем Сардинка. Она быстро пролистнула ее, просканировала страницы полосатыми кончиками пальцев, согнула переплет и проверила корешок, предположительно на предмет запрятанных в нем бритв, отравленных игл или полосок взрывчатого пластилина. - Контрабандный ввоз данных, - кисло заключила она, возвращая ему книгу.

- Тем ЭКоВоГС и дышит. - Эдди подмигнул ей поверх специфика.

Он убрал книгу в серую гостиничную сумку и застегнул молнию. Потом закинул свою дорожную сумку в ячейку, захлопнул дверцу и вынул ключ с номерком.

- Дайте мне ключ, - сказала Сардинка.

- Зачем?

- Вы можете вернуться и открыть ячейку. Если ключ будет у меня, это намного снизит риск нарушения безопасности.

- Не выйдет. - Эдди нахмурился. - Забудьте об этом.

- Десять экю, - предложила она.

- М-м-м-м...

- Пятнадцать.

- О'кей, пусть будет по-вашему. - Эдди отдал ей ключ. - Не потеряйте.

Без улыбки Сардинка опустила ключик в закрывающийся на молнию карман на рукаве своего плаща:

- Я никогда ничего не теряю.

Она открыла бумажник.

Кивнув, Эдди убрал десятку и пять бумажек по одному экю. На десятке был голопортрет Рене Декарта, глубокий, похоже, был мужик и выглядел донельзя французом и рационалистом.

Эдди решил, что пока его дела идут неплохо. Если уж на то пошло, в дорожной сумке не было ничего остро необходимого: нижнее белье, билеты, визитные карточки, рубашки, галстук, подтяжки, запасная пара обуви, зубная щетка, аспирин, растворимый кофе, нитки с иголками и наушники. И что с того? Она же не предложила ему расстаться со спецификом.

А также он по уши втюрился в свой эскорт. Кодовое имя "Сардинка" вполне ей подходило - она

производила впечатление маленькой холодной рыбки из консервной банки. Эдди это казалось извращенно привлекательным.

На деле он считал ее настолько привлекательной, что с трудом мог стоять на месте и дышать нормально. Ему и впрямь нравилось, как она держит свои ручки в полосатых перчатках, ловко по-женски и таинственно по-европейски, но главное - волосы. Длинные, рыжевато-русые и тщательно заплетенные педантичной машиной. Он любил машинные прически у женщин. В НАФТА, похоже, никак не могли уловить эту моду. Косы Сардинки напоминали массу ржавых антикварно-музейных кольчужных звеньев или, быть может, какую-нибудь фантастически сложную железнодорожную развязку. Ее прическа была самая что ни на есть деловая. Не только ни одного волоска не выбивалось из косиц Сардинки, но любая растрепанность была топологически невозможной. Непрошенно перед мысленным взором Эдди возникла картина: каково было бы запустить в них пальцы в темноте?

- Я умираю с голоду, - объявил он.

- Тогда мы поедим. - Они двинулись к выходу.

Электрические такси пытались - без особого успеха - остановить все расширяющиеся кровоте-

чение туристов.

Сардинка покоптила полосатыми пальцами воздух, потом подправила невидимые меню специфика. Она как будто накладывала злые чары на ближайшую семейную стайку итальянцев, которые отреагировали на это с едва скрытым ужасом.

- Мы можем пройти к городскому автобусу, - сказала она Эдди. - Так будет быстрее.

- Пешком быстрее?

Сардинка стартовала, и Эдди пришлось поспешить, чтобы не отстать от нее.

- Послушайте, Эдвард. Если вы будете следовать моим предложениям относительно вашей безопасности, мы сэкономим время. Если я сэкономлю время, вы заработаете деньги. Если вы заставите меня больше работать, я не буду такой щедрой.

- Да разве я что говорю, - запротестовал Эдди. В ее полицейские ботинки была встроена, судя по всему, какая-то компьютерная рассчитывающая движения стелька, поскольку двигалась она так, словно шагала на пружинах. - Я здесь для того, чтобы встретиться с Культурным Критиком. Аудиенция. Я должен доставить ему кое-что. Вам ведь это известно?

- Книгу?

Эдди приподнял серую гостиничную сумку.

- Ну да... Я приехал в Дюссельдорф для того, чтобы передать европейскому интеллектуалу старую книгу. На деле - вернуть ее ему. Он вроде как дал ее почитать Руководящему Комитету ЭКоВоГСа, а теперь настало время вернуть ее. Каких же это потребует трудов?

- Очевидно, немного, - спокойно ответила Сардинка. - Но во время Переворота всякое может случиться.

Эдди степенно кивнул:

- Перевороты - весьма любопытный феномен. ЭКоВоГС изучает Перевороты. Мы, возможно, подумаем о том, чтобы самим у себя такой закатить.

- Перевороты случаются вовсе не так, Эдди. Переворот нельзя "закатить" или "устроить". - Сардинка помедлила, задумавшись. - Скорее, это Переворот забрасывает человека.

- Так я и думал, - отозвался Эдди. - Я ведь, знаете ли, читал его работы. Я хотел сказать. Культурного Критика. Глубокие труды. Мне понравилось.

Сардинка осталась равнодушной.

- Я не из его приверженцев. Меня просто наняли охранять его. - Она сотворила из воздуха новое

меню. - Какой пищи вам бы хотелось? Китайской? Таиской? Эритирийской?

- А как насчет немецкой?

Сардинка рассмеялась:

- Мы, немцы, никогда не едим немецкую кухню...

В Дюссельдорфе очень хороши японские кафе. Поесть лосося к нам прилетают из Токио. И сардины...

- Вы живете здесь, в Дюссельдорфе, Сардинка?

- Я живу повсюду в Европе, Глубокий Эдди. - Голос ее стал вдруг тихим и печальным. - В любом городе, укрытом за экраном... А экраны есть по всей Европе.

- Звучит неплохо. Хочешь поменяться программками к спецификам?

- Нет.

- Ты не веришь в anwendungsoriente wissensverabeitung? [Оптимизация обработки данных с учетом пользовательских потребностей].

Сардинка скорчила гримаску:

- Надо ж, какой умник, не забыл выучить соответствующее выражение по-немецки. Говори по-английски, Эдди.

Акцент у тебя ужасающий.

- Премного благодарен, - отозвался Эдди.

- Не глупи, Эдди, со мной нельзя обмениваться программами. Я не стану отдавать программы безопасности для специфика гражданским ребятишкам янки.

- У тебя что, копирайта на них нет?

- И это тоже. - Она с улыбкой пожала плечами.

Выйдя из здания аэропорта, они пошли на юг. Беззвучный равномерный поток электрического транспорта лился по Флугхафенштрассе. Воздух в сумерках пах мелкими белыми розами. Они перешли улицу на светофоре. Семиотика немецкой рекламы и вывесок, проникая в сознание, начинала вызывать слабый культурный шок. Garagenhof [Крытая автостоянка (нем.).].

Specialist fuer Mobiletelephone [Ремонт мобильных телефонов (нем.).], Buerohausem [Офисные здания (нем.).]. Он запустил программку распознавания данных в надежде на перевод, но немедленное дублирование слов повсюду, куда ни кинь взгляд, только создавало ощущение шизофрении.

Они укрылись на освещенной автобусной остановке, где кроме них нашли убежище пара основательно татуированных геев, помахивающих продуктовыми сумками. Видеореклама,

встроенная в стену остановки, нахваливала немецкоязычные программы редактирования электронной почты.

Пока Сардинка, не нарушая молчания, терпеливо ждала автобуса, Эдди впервые смог рассмотреть ее поближе.

Было что-то странное и неопределенно европейское в линии ее носа.

- Будем друзьями, Сардинка. Я сниму специфик, если ты снимешь свой.

- Может, потом, - ответила она.

Эдди рассмеялся:

- Тебе стоит со мной познакомится поближе. Я веселый парень.

- Я уже с тобой знакома.

Мимо прошел переполненный автобус. Пассажиры облепили его гроздьями плакатов и транспарантов, а на крышу поставили клаксон, издававший пулеметные очереди бонго-музыки.

- Переворотчики уже взялись за автобусы, - кисло заметила Сардинка, переступая с ноги на ногу, будто давила виноград. - Надеюсь, мы сможем добраться в центр.

- Ты ведь выудила из сети мои данные, так? Кредитные документы и все такое. Интересно было?

Сардинка нахмурилась:

- Изучать документы моя работа. Я не сделала ничего противозаконного. Все по уставу.

- Я не в обиде. - Эдди развел руками. - Но ты ведь выяснила, что я совершенно безобиден. Давай расслабься немного.

Сардинка вздохнула:

- Я выяснила, что ты неженатый мужчина в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти. Без постоянной работы. Без постоянного места жительства. Жены нет, детей нет. Радикально-политические настроения. Часто путешествуешь. Согласно демографической статистике, ты относишься к группе повышенного риска.

- Мне двадцать два, если быть точным. - Эдди отметил, что Сардинка никак не среагировала на это его заявление, а вот оба подслушивавших гея напротив весьма заинтересовались. Он с напускной беспечностью улыбнулся. - Я здесь для распространения информации, вот и все. Все меж друзьями. На деле, я даже уверен, что разделяю политические воззрения твоего клиента. Насколько я смог что-либо понять из его воззрений.

- Политика тут ни при чем. - Сардинка скучала и была несколько раздражена. - Мне нет дела до политики.

Восемьдесят процентов всех преступлений с

применением насилия совершается мужчинам твоей возрастной группы.

- Эй, фрейлейн, - это внезапно подал голос один из геев, говорил он по-английски, но с сильным немецким акцентом. - На нашу долю также приходится восемьдесят процентов шарма!

- И девяносто процентов веселья! - добавил его спутник. - Сейчас время Переворота, янки-бой. Пойдем с нами, совершим пару преступлений. - Он рассмеялся.

- Очень мило с вашей стороны, - вежливо и по-немецки отозвался Эдди. Но я не могу. Я с нянюшкой.

Первый гей бросил на это остроумную шутку-идиому на немецком, смысл которой заключался, по-видимому, в том, что ему нравятся парни, которые носят солнечные очки после наступления темноты, но что Эдди не хватает татуировок.

Эдди, дочитав титры из воздуха, коснулся черного кружка у себя на скуле:

- Вам что, не нравится мой солитер? Он вроде как зловещий в своей сдержанности, как по-вашему?

В ответную шутку они, похоже, не въехали, поскольку только поглядели ни него озадаченно.

Подошел автобус.

- Этот подойдет, - объявила Сардинка.

Она скормила автобусу чип-билет, и Эдди последовал за ней на борт. Автобус был переполнен, но толпа казалась вполне благодушной; в основном японоевропейцы, решившие поразвлечься в городе. Они на двоих заняли один кокон в хвосте.

За окном автобуса совсем стемнело. Они плыли по улице в управляемой компьютером машиной, скользили в похожей на сон отрешенности. Эдди чувствовал, как его овевает ароматом путешествий; основное нервное возбуждение млекопитающего, живого существа, вырванного из привычной жизни и заброшенного будто сверхзвуковой призрак на другую сторону планеты. Иное место, иное время: какой бы безмерный набор маловероятностей ни собрался воспрепятствовать его присутствию здесь, все они были побеждены. Вечер пятницы в Дюссельдорфе, 13 июля 2035 года. Время двадцать два десять. В самих точных цифрах крылось что-то магическое.

Он снова поглядел на Сардинку, усмехнулся ликующе и внезапно понял, кто она есть на самом деле. Сгорбленная под грузом забот функционер женского пола сидит напряженно в хвосте автобуса.

- А где мы, собственно, сейчас? - спросил он.

- Едем по Данцигерштрассе на юг к Альштадту, - ответила Сардинка. Старому центру города.

- Да? А там что?

- Картофель. Пиво. Шницель. То, что ты хотел съесть.

Автобус остановился, и с остановки в него ввалилась толпа топающих и толкающихся буянов. На противоположной стороне улицы трое полицейских возились со сломанной камерой наблюдения за уличным движением. Копы были затянуты в полновесные розовые бронескафандры.

Эдди слышал где-то, что вся экипировка брошенной на подавление уличных беспорядков европейской полиции розового цвета. Считалось, что этот цвет успокаивает.

- Не особенно-то тебе весело приходится, да, Сардинка?

Она пожала плечами:

- Мы с тобой разные люди, Эдди. Я не знаю, что ты везешь Критику, да и знать не хочу. - Одним полосатым пальцем она поправила специфик, таким жестом классные дамы поправляют очки. - Но если ты не сможешь выполнить свою работу, это в самом худшем случае будет означать значительную потерю для культуры. Я права?

- Наверное, да. Конечно.

- Но если я не выполню свое задание, Эдди, что-то реальное может случиться на самом деле.

- Надо же, - уязвленно отозвался Эдди.

Давка в автобусе становилась гнетущей. Эдди встал и предложил свое место в коконе едва держащейся на ногах старушке в осиянном блестками комбинезоне для вечеринки.

Сардинка тогда неохотно тоже поднялась и начала пробиваться вперед по проходу. Потащившись за ней, Эдди ободрал голень о толстые подошвы зверских сапог пьяного, развалившегося в соседнем коконе.

Сардинка остановилась как вкопанная, чтобы обменяться парой тычков локтями с норвежским камикадзе в рогатой бейсболке, и Эдди прямо-таки врезался в нее. И тут понял, почему встречные так стремились поскорей освободить Сардинке проход: в ткань ее плаща были вплетены керамические волокна, так что на ощупь она напоминала наждачную бумагу. Он дернулся, поймал одной рукой ременную петлю.

- Ладно, - выдохнул он в лицо Сардинке, покачиваясь перед ней специфик в специфик, - если каждому из нас так неприятно общество другого, почему бы нам не покончить со всем? Дай мне

сделать то, зачем я приехал.

Тогда я заберусь тебе под юбку, - он умолк, сам шокированный своими словами, - я хотел сказать, отцеплюсь от твоей юбки. Извини.

Она не заметила.

- Ты свое задание выполнишь, - сказала она, сама цепляясь за собственную петлю. Они стояли так близко друг к другу, что Эдди чувствовал прохладный ветерок от кондиционера, вырывающийся из-за воротника ее плаща. Но на моих условиях. В то время, в какое я укажу, в тех обстоятельствах, какие мне удобны. - Она намеренно отказывалась встречаться с ним взглядом, голова ее покачивалась из стороны в сторону, словно от тяжкого смущения. Эдди сообразил, что она методично сканирует лица всех пассажиров в автобусе.

Она выделила ему мимолетную рассеянную улыбку:

- Не обращай внимания, Эдди. Будь хорошим мальчиком и повеселись в Дюссельдорфе. Просто дай мне делать мою работу, идет?

- Ладно, идет, - пробормотал Эдди. - Правда, я счастлив, что попал тебе в руки.

Ему, похоже, никак не удавалось покончить с двусмысленными намеками. Они словно слюна

собирались у него во рту, выскальзывая из подсознания.

За стенами автобуса сияли сверкающие координатные сетки многоэтажек Дюссельдорфа, разношерстные облатки извечной тайны. Столько человеческих жизней за этими окнами. Люди, которых он никогда не встретит, никогда не увидит. Жаль, что он все еще не может позволить себе фотоаппарат с оптическим прицелом.

Эдди прокашлялся:

- А что он сейчас делает? Я имею в виду Культурного Критика?

- Встречается с агентами на явке. Он повидает уйму народа за время Переворота. Это, знаешь ли, его работа. Ты лишь один из многих, кого он привезти - извини, заставил приехать - в это время в это место. - Сардинка помедлила. - Хотя по потенциальной угрозе ты в первой пятерке.

Автобус останавливался снова и снова. Толпа все прибывала, дергаясь, пихаясь и выбивая друг другу коленные чашечки. В хвосте вспыхнула было потасовка, но была задушена, не успев по-настоящему разгореться. Пьяная женщина попыталась без особого успеха сблевать из окна. Сардинка мрачно удерживала свою позицию еще несколько остановок, потом начала наконец

пробиваться к дверям.

Автобус притормозил, и внезапный порыв массы тел вынес их на улицу.

Они прибыли к длинному подвесному мосту над широкой, залитой лунным светом рекой. Из конца в конец парящие в небе кабели моста были увешены, словно перед вечеринкой, гирляндами подмигивающих лампочек. По всему мосту раскинулся блошиный рынок, торговцы сидели по-турецки на светящихся матах и весьма бойко торговали всяческим хламом для туристов. Дальше почти в самой середине моста уличный жонглер в компьютерных перчатках подбрасывал на высоту третьего этажа горящие факелы.

- Господи, ну и красивая же река, - сказал Эдди.

- Рейн. Это мост Оберкасселер.

- Великий Рейн. Ну конечно, конечно. Впервые вижу Рейн. А пить из него безопасно?

- Разумеется. В Европе все цивилизованно.

- Так я и думал. Даже пахнет приятно. Пойдем выпьем немного рейнского.

.Вдоль берега тянулись муниципальные сады: мускатные виноградники и огромные педантично-аккуратные клумбы блеклых цветов. Не знающие усталости роботысадовники обрабатывали их сезон за сезоном хирургическими

лопатами. Эдди наклонился над кромкой воды и зачерпнул пригоршней волну от прошедшего мимо катера на воздушной подушке. В лунной лужице у себя в горсти он увидел собственное защищенное окулярами специфика лицо. На глазах у Сардинки он отпил немного воды, а остальное выплеснул как возлияние духу сего места.

- Вот теперь я счастлив, - объявил он. - По-настоящему счастлив.

***

К полуночи он уже отработал четыре пива, два шницеля и тарелку жареной картошки. Картошкой оказались жаренные в масле картофельные чипсы с подливкой из яблочного соуса. Моральный дух Эдди вознесся к небесам, стоило ему положить в рот первый из них.

Они сидели за столиком в уличном кафе посреди столетней пешеходной улицы в Старом городе. Вся улица казалась единым тянувшимся без перерыва баром, сплошь стулья, зонтики и брусчатка, островерхие крыши, увитые виноградом, окна-эркеры, цветы под ними, и древние медные флюгеры.

Город заполонили самовластные толпы таращащих глаза, шаркающих ногами, улюлюкаю-

щих и гикающих иностранцев.

Мягкие и доброжелательные, несколько ошарашенные дюссельдорфцы пустили в ход всю свою уравновешенность, чтобы умиротворить гостей и избавить их от избытков наличности. Массированные отряды розовой полиции поддерживали порядок. Эдди видел, как двух мужиков в рогатых бейсболках деловито тащили в "черный воронок" - в "Розовую Мину", как их тут называли, - но викинги были свински пьяны и получили по заслугам, а зрители глядели на это вполне добродушно.

- Не пойму, отчего столько шуму из-за этих Переворотов, - сказал глубокомысленно Глубокий Эдди, полируя линзы специфика куском лишенного ворсинок искусственного шелка. - Это ж простая формальность. Никаких тут беспорядков не будет. Только погляди, какие спокойные и размякшие эти мужики.

- Беспорядки уже начались, - возразила Сардинка. - Только пока еще не в Старом городе, не у тебя под носом.

- Да?

- За рекой сегодня орудуют банды поджигателей. Они возводят баррикады на улицах Нойсса, переворачивают и поджигают машины.

- С чего это?

Сардинка пожала плечами:

- Они активисты движения против автомашин. Требуют защиты прав пешеходов и увеличения массового транзита... - Она помолчала, считывая что-то в специфике. - Зеленые радикалы штурмуют музей Лоббеке, Они хотят, чтобы все экземпляры вымерших видов насекомых передали на клонирование... Университет имени Генриха Гейне бастует, требуя академических свобод, и кто-то забросал клеебомбами большой дорожный туннель под студенческим городком... Но это пока пустяки. Завтра на стадионе Рейн матч еврокубка по футболу, встречаются команды Англии и Ирландии. Вот там неприятностей не оберешься.

- М-да. Звучит скверно.

- Да. - Она улыбнулась. - Поэтому давай наслаждаться здешним спокойствием, Эдди. Праздность - сладкая штука. Даже на краю грязного хаоса.

- Но ни одно из этих событий не кажется мне таким уж угрожающим или серьезным.

- Каждое само по себе оно ничто, Эдди. Но все происходит разом. Вот каков Переворот.

- Не понимаю. - Эдди снова надел специфик

и щелчком пальца высветил меню. Он тронул полоску меню кончиком указательного пальца - включились усилители освещения. Текущие мимо толпы, - силуэт каждого человека слегка мерцал от компьютерных спецэффектов, - казалось, прогуливались по чрезмерно освещенным подмосткам. - Думаю," все беспорядки от чужаков в городе, проговорил Эдди задумчиво, - а сами немцы выглядят такими.., ну.., добродушными и аккуратными и цивилизованными. Зачем им вообще Перевороты?

- Эдди, Перевороты не то, что с удовольствием планируют на уик-энд. Они - то, что просто случается с нами. - Сардинка отпила кофе.

- Как это может происходить и не быть запланированным?

- Ну, разумеется, мы знали, что оно надвигается. Это мы, уж конечно, знали. Слухи всегда ходят. Вот как начинается Переворот. - Она разгладила салфетку. - Спроси об этом Критика, когда с ним встретишься. Он постоянно говорит о Переворотах. Пожалуй, он знает о них не меньше любого другого.

- Да, да, я читал его статьи. Он пишет, что это слух, раздутый электронными и цифровыми медиа, в петле обратной связи с динамикой толпы

и современными массовыми средствами передвижения. Нелинейный сетевой феномен. Это-то я понимаю! Но когда он начинает цитировать какого-то мужика по имени Канетти... - Эдди похлопал по боку серой сумки. - Я пытался читать Канетти, правда пытался, но он же из двадцатого века и до черта занудный и скучный... Что ни говори, мы в Чаттануге все делаем по-другому.

- Все так говорят до первого своего Переворота, - отозвалась Сардинка. - А потом все иначе. Как только понимаешь, что Переворот и впрямь может случиться с тобой...

Ну, это все меняет.

- Мы просто предпримем меры, чтобы его остановить, вот и все. Примем меры, чтобы его контролировать. Разве вы тут ничего не можете предпринять?

Стянув полосатые перчатки. Сардинка положила их на стол и принялась растирать голые пальцы, подула потом на кончики их и взяла из корзинки большой хлебный крендель с солью. Эдди с удивлением заметил, что в перчатки ее встроены массивные, почти каменные с виду усилители для костяшек и что сами перчатки слегка подергиваются, будто живут собственной жизнью.

- Разумеется, кое-что сделать можно, - ответила она. - Привести в боевую готовность пожарных и полицию. Нанять дополнительную частную охрану. Чрезвычайное управление освещением, дорожным движением, электропитанием, информацией. Открыть убежища и набить их аптечками первой помощи. И предупредить все население. Но когда город говорит своим жителям, что надвигается Переворот, это стопроцентная гарантия того, что Переворот состоится... - Сардинка вздохнула. - Я уже работала на Переворотах. Но это будет крупный. Большой и черный. И он не закончится, не может закончиться пока все и каждый не поймут, что он позади, и почувствуют, что с ним покончено.

- Но в твоих словах нет смысла.

- Разговоры о Переворотах не помогут, Эдди. То, как мы с тобой вот тут о нем разговариваем - мы сами становимся частью Переворота, понимаешь? Мы здесь из-за Переворота. Мы встретились благодаря Перевороту. И мы не можем разбежаться, пока не отбушует Переворот. - Она пожала плечами. - Ты можешь уехать, Эдди?

- Нет.., не прямо сейчас. Но у меня тут дела.

- И у всех остальных тоже.

Хмыкнув, Эдди допил еще одно пиво. Пиво

здесь ну просто фантастика.

- Это ж какая-то китайская игра "растяни ниточку".

- Да, знаю о ней.

- Эдди усмехнулся:

- А что, если мы разом перестанем тянуть? Мы можем перетерпеть. Уехать из города. Книгу я выброшу в реку.

Сегодня мы с тобой могли бы улететь в Чаттанугу. Вместе.

Она рассмеялась:

- Но ты ж, однако, этого не сделаешь.

- Значит, ты меня все же не знаешь.

- Ты плюнешь в лицо своим друзьям? А я потеряю работу? Дорогая цена за красивый жест. За претензию одного молодого человека на свободу воли.

- Я не выделываюсь, дамочка. Испытай меня. Что, слабо?

- Значит, ты пьян.

- Ну, есть немного. - Он рассмеялся. - Но не шути над свободой. Свобода - это самое что ни на есть настоящее в мире.

Он встал и отправился на поиски туалета.

По пути назад Эдди остановился у платного телефона.

Скормил в него десять пфеннигов и набрал Теннеси. Ответила Джалия.

- Который час? - спросил он.

- Семь вечера. Ты где?

- В Дюссельдорфе.

- О... - Она потерла нос. - Судя по шуму, ты в каком-то баре.

- В точку.

- Чего новенького, Эдди?

- Я знаю, ты в людях ценишь честность, - объявил Эдди. - Поэтому я решил рассказать тебе, что у меня намечается роман. Я встретил здесь одну немку, и, откровенно говоря, она просто неотразима.

Джалия сурово нахмурилась:

- И у тебя хватает наглости пороть эту чушь, когда на тебе специфик.

- Ну да. - Он стянул окуляры и снова уставился в монитор. - Извини.

- Ты пьян, Эдди, - заявила Джалия. - Ненавижу, когда ты пьян! Ты способен наговорить и наделать все что угодно, когда ты пьян и на другом конце телефонного провода. - Она нервозно потерла последнее прибавление к татуировкам на скуле. - Это что, одна из твоих дурацких шуточек?

- Да. Да, на деле это так. Шансы восемьдесят против одного, что она меня тут же и отошьет. - Эдди рассмеялся. - Но я все равно намерен попытать счастья. Поскольку ты не даешь мне жить и дышать.

Лицо Джалии застыло.

- Когда мы говорим лицом к лицу, ты всегда злоупотребляешь моим доверием. Вот почему я не хотела, чтобы дело зашло дальше виртуалки.

- Да брось, Джалия.

- Если думаешь, что будешь счастливее с какой-то там виртуальной извращенкой в Европе, давай, мне не жалко! - с вызовом бросила она. - Я только не понимаю, почему ты не можешь заниматься этим по кабелю из Чаттануги.

- Здесь Европа. Тут говорят о реальном опыте.

Это Джалию шокировало.

- Если ты действительно прикоснешься к другой женщине, видеть тебя больше не хочу. - Она прикусила губу. - И виртуалкой заниматься с тобой тоже. Я серьезно, Эдди.

Сам знаешь, что я серьезно.

- Ага, - отозвался он. - Знаю.

Эдди повесил трубку, забрал из автомата мелочь и набрал номер своих родителей. Ответил отец.

- Привет, Боб. Лайза дома?

- Нет, сегодня у нее вечер оптического макраме. Как Европа?

- Другая.

- Рад тебя слышать, Эдди. У нас вроде как недостаток в деньгах. Но я могу уделить тебе немного непрерывного внимания.

- Я только что бросил Джалию.

- Хороший ход, сынок, - деловито отозвался отец. - Прекрасно. Очень серьезная девушка эта Джалия. Слишком уж пуританистая для тебя. Парню твоих лет нужно встречаться с девчонками, которые прямо из кожи вон лезут.

Эдди кивнул.

- Ты ведь не потерял специфик?

Эдди поднял очки на цепочке, показывая их монитору:

- Все тип-топ.

- Сперва я тебя даже и не признал, - сказал отец. - Эд, ты такой серьезный парень. Взваливаешь на себя массу всякой ответственности. Столько времени в разъездах, все программы да программы. Мы с Лайзой все время говорим о тебе по сети. Ни один из нас и дня не работал до тридцати, и всем нам это только пошло на пользу. Тебе надо пожить, сынок. Найди себя. Нюхай розы. Хочешь

остаться на пару месяцев в Европе, забудь о курсе алгебры.

- Это исчисление, Боб.

- Как скажешь.

- Спасибо за добрый совет, Боб. Я знаю, ты от чистого сердца.

- Хорошие новости о Джалии, сынок. Ты же знаешь, мы не хотим обесценить твои чувства, и мы никогда ничего, черт побери, тебе не говорили, но ее стекло действительно противно. Лайза говорит, у нее нет эстетических чувств. А это, скажу тебе, немало для женщины.

- Узнаю маму. Поцелуй за меня Лайзу.

Он повесил трубку и вернулся за столик на тротуаре.

- Наелся? - спросила Сардинка.

- Ага. Вкусно.

- Спать хочешь?

- Не знаю. Может быть.

- Тебе есть где остановиться, Эдди? Номер заказан?

Эдди пожал плечами:

- Нет. Я обычно не заморачиваюсь. Какой в этом смысл? Гораздо веселее поступать по обстоятельствам.

- Хорошо. - Сардинка кивнула. - Действовать по

обстоятельствам всегда лучше. Никто не сможет нас выследить. Так безопасней.

Она нашла им пристанище в парке, где группа активистов художников и скульпторов Мюнхена воздвигла сквотерские павильоны. Учитывая, какими бывают сквотерские павильоны, этот был довольно приятный, новый и в хорошем состоянии: огромный мыльный пузырь из целлофана и искусственного шелка. Хрусткая желтая пузырчатая пленка пола накрывала пол-акра. Убежище было нелегальное, а потому анонимное. Сардинке оно, похоже, пришлось весьма по вкусу.

Стоило им пройти через воздушный шлюз на молнии, Сардинка и Эдди оказались вынуждены больше часа изучать и осматривать мультимедийные творения художников.

Хуже того, сразу после этого мучения экспертная система подвергла их дотошному экзамену, безжалостно донимая при этом сокровенным догматами эстетики.

Такая пытка оказалась для большинства сквотеров слишком высокой платой за ночлег. Павильон, хотя и привлекательный снаружи и изнутри, был заполнен лишь наполовину, и многие из тех, кто явился сюда усталым как собака, сломя голову бежали от современного искусства.

Глубокий Эдди, однако, как бывало это почти всегда, получал в таких вещах высший бал. Благодаря ловким ответам на загадки компьютера он отвоевал себе приятное местечко, одеяло, непрозрачные занавески и даже собственную прикроватную лампочку. Сардинка, напротив, скучала и на вопросы отвечала односложно, а потому не получила дополнительно ничего, кроме подушки и места на пузырчатой пленке среди прочих филистеров, Эдди не преминул вовсю попользоваться переносной кабинкой платного туалета и купил мятных таблеток и холодной минералки в автомате. Он уже устроился поуютнее, когда полицейские сирены и отдаленные и астматические, судя по звуку, взрывы не придали очарования ночи.

Сардинка", похоже, вовсе не спешила уходить.

- Можно мне посмотреть твою гостиничную сумку? - попросила она.

- Конечно.

Чего бы ей ее не посмотреть? Она ведь ему эту сумку и дала.

Он думал, она собирается снова изучить книгу, но вместо этого из недр сумки она извлекла небольшой целлофановый пакет и дернула за шнурок, его вскрывающий. С химическим шипе-

нием и смутной жаркой вонью катализатора и дешевого одеколона пакет развернулся в красочный комбинезон. У комбинезона были комично широкие штанины, рукава с оборками, и по всему нему шел праздничный и шутовской рисунок из открыток двадцатого века с сомнительного свойства видами купальщиц.

- Пижама, - произнес Эдди. - Надо же, какая забота.

- Можешь в этом спать, если хочешь. - Сардинка кивнула. - Но это носят днем. Я хочу, чтобы ты завтра это надел. И я хочу, чтобы ты мне отдал одежду, которая сейчас на тебе, я тогда смогу избавиться от нее завтра в целях безопасности.

На Эдди были деловая рубашка с длинным рукавом, легкий пиджак, американские джинсы, носки в крапинку и нэшвильские ботинки из настоящей синей замши.

- Не могу я носить эту дрянь, - запротестовал он. - Господи, да у меня вид будет как у последнего неудачника.

- Да, - с энтузиазмом кивнула Сардинка, - он очень дешевый и самый распространенный. Это сделает тебя невидимым. Просто еще один весельчак среди тысяч и тысяч иностранцев, явившихся на вечеринку. Это самая безопасная

одежда для курьера на время Переворота.

- Ты хочешь, чтобы я пошел на встречу с Критиком в таком виде?

Сардинка рассмеялась:

- Хорошим вкусом на Критика впечатления не произведешь, Эдди. Глаза, какими он смотрит на людей.., он видит то, чего не видят остальные. - Она помолчала, раздумывая. - На него, возможно, произведет впечатление, если ты явишься к нему в этом. Не из-за того, что это есть, разумеется. А потому, что это покажет, что ты способен понимать вкус толпы и манипулировать им в собственных целях.., в точности, как это делает он сам.

- У тебя и впрямь паранойя, - уязвленно ответил Эдди. - Я не наемный убийца. Я просто технарь из Теннеси. Тебе ведь это известно, так?

- Да, я тебе верю, - кивнула она. - Ты очень убедителен. Но это не имеет никакого отношения к правилам обеспечения безопасности. Если я заберу твою одежду, это снизит риск для всей операции.

- Насколько снизит? Да и вообще, что ты надеешься найти в моих вещах?

- Много, очень много чего, что ты мог туда напихать, - терпеливо ответила она. - Человечество - раса изощренных существ. Мы выдумали спосо-

бы убивать или причинять боль и увечья почти чем угодно или почти ничем. - Она вздохнула. - Если ты еще не знаешь о подобных приемах, глупо было бы с моей стороны просвещать тебя о них сейчас. Так что будь проще, Эдди. Я была бы рада забрать твою одежду.

Сто экю.

Эдди покачал головой:

- На сей раз это будет тебе дорогого стоить.

- Тогда две сотни, - ответила Сардинка.

- Забудь об этом.

- Я не могу поднять цену больше двух сотен. Разве что ты мне позволишь совершить обыск полостей тела?

Эдди уронил специфик.

- Обыскать полости твоего тела, - терпеливо повторила Сардинка. - Ты взрослый человек, ты должен об этом знать. Много чего можно запрятать в отверстия и полости тела человека.

Эдди уставился на нее во все глаза:

- А сперва розы и немного шоколада нельзя?

- У нас ни шоколада, ни роз не получишь, - строго ответила Сардинка. И не говори мне о шоколаде и розах. Мы с тобой не любовники. Мы с тобой клиент и телохранитель. Знаю, дело малоприятное. Но это всего лишь бизнес.

- Да? Ну, торговля полостями тела для меня новость. - Глубокий Эдди потер подбородок. - Как простой юнец янки я сбит с толку. Может, согласишься на бартер? Сегодня ночью?

Сардинка хрипло рассмеялась:

- Я не собираюсь спать с тобой, Эдди. Я вообще не собираюсь спать! Ты глупо себя ведешь. - Она покачала головой. Потом внезапно подняла массу туго заплетенных косиц над правым ухом. - Взгляни на это, мистер Простой Юнец Янки. Я покажу тебе мою любимую полость тела. - В скальпе у нее над ухом виднелось отверстие пластмассовой трубочки телесного цвета. - Вживлять такие в Европе дело подсудное. Мне это вживили в Турции. Сегодня утром я загнала туда половину ее. Спать я не буду до понедельника.

- Господи, - выдохнул Эдди. Он поднял специфик, чтобы через него поглядеть на небольшое утопленное отверстие. - Прямо через барьер крови-мозга, так? Чертовский, наверное, риск занести инфекцию.

- Я это делаю не для забавы. Это не как пиво с крендельками. Просто для того, чтобы мне не заснуть. Чтобы не спать до тех пор, пока не закончится Переворот. - Она снова опустила волосы и села с видом полного самообладания. - А потом

я полечу куда-нибудь и буду лежать на солнце, совершенно неподвижно. И в полном одиночестве, Эдди.

- О'кей, - сказал Эдди, чувствуя странную извращенную и смутную к ней жалость. - Можешь взять на время мою одежду и обыскать ее.

- Мне придется сжечь одежду. Две сотни экю?

- Хорошо. Но ботинки останутся мне.

- Можно мне бесплатно посмотреть твои зубы? Это займет только пять минут.

- Ладно, - пробормотал он.

Улыбнувшись ему. Сардинка тронула свой специфик.

С пластинки у нее на переносице вырвался яркий пурпурный лучик.

В восемь ноль-ноль утра беспилотный вертолет полиции попытался очистить парк. Он пролетел высоко над головой, чтобы пролаять машинные угрозы на пяти языках.

Все машину попросту оставили без внимания.

В половине девятого появилась шеренга настоящих полицейских. В ответ на это группа сквотеров выкатила собственный громкоговоритель, невероятных размеров питаемое от батареи устройство акустического нападения.

Первый сотрясающий землю визг ударил Эдди

словно электрический разряд. Он мирно лежал на своем пузырчатом матрасе, прислушиваясь к придурковатому тявканью роботизованного вертолета. Теперь же он поспешно выпрыгнул из своей аварийной набивки и заполз в хрустящую, столь же пузырчатую ткань нелепого комбинезона.

Сардинка появилась, когда он еще закреплял пуговицы-липучки. Она вывела его из павильона, Матюгальник сквотеров высился на стальной треноге в окружении внушительной банды перемазанных в смазке анархистов в шлемах и защитных наушниках и вооруженных дубинками. Невероятный, причитающий вой матюгальника превращал нервы всех присутствующих в желе. Словно Медуза выла.

Копы отступили, и хозяева громкоговорителя отключили его на время, победно размахивая при этом блестящими на утреннем солнце дубинками. Оглушительную нервозную тишину нарушали редкие крики, язвительные емешки и хлопки, но атмосфера в парке резко испортилась; стала агрессивной и сюрреальной. Привлеченные апокалиптическим визгом, люди стекались в парк рысцой, готовясь принять участие в каких придется потасовках.

У этих людей на первый взгляд было мало общего: ни общих прикидов, ни общего языка и, уж конечно, ни единой внятной политической цели. По большей части это были молодые мужчины, и большинство из них имели такой вид, как будто провели на ногах всю ночь: повсюду красные глаза и сварливость. Они принялись громко насмехаться над отступающими копами. Толкущаяся на месте банда вспорола ножами один из меньших павильонов, ярко-алый, и под их топочущими сапогами он осел, как кровавый нарыв.

Сардинка вывела Эдди на край парка, где копы выстраивали в шеренгу роботизованные розовые коконы "скорой помощи" в надежде не пропустить толпу.

- Я хочу посмотреть, что будет, - запротестовал Эдди.

В ушах у него звенело.

- Они собираются драться, - объяснила Сардинка.

- Из-за чего?

- Из-за чего угодно, - прокричала она. - Не имеет значения. Они нам зубы повыбивают. Не глупи.

Схватив его за локоть, она потянула его за собой в брешь смыкающихся боевых порядков.

Полиция пригнала грузовик с клеепушкой на гусеничном ходу и принялась грозить толпе склейкой. Эдди никогда раньше не видел клеепушки - только по телевизору.

Машина выглядела на диво пугающей, даже несмотря на розовую раскраску. Приземистая и слепая, с шлангом на тупорылой морде, она жужжала словно воин-термит на колесах.

Внезапно несколько копов возле пушки начали морщиться и пригибаться. Эдди увидел, как от бронированной крыши клеегрузовика отскочил какой-то блестящий предмет. Пролетев метров двадцать, предмет приземлился у ног Эдди. Он подобрал его. Это был шарикоподшипник из нержавейки размером с глазное яблоко коровы.

- Духовые ружья? - спросил он.

- Пращи, - ответила Сардинка. - Смотри, чтоб в тебя такой не попал.

- Ну да. Отличный совет, пожалуй.

На дальней от копов стороне парка группа людей - какие-то хорошо организованные демонстранты - наступали парадным шагом под огромным транспарантом в два человеческих роста. По-английски на полотнище значилось: "Единственное, что может быть хуже смерти, это пережить собственную культуру". Каждый из

демонстрантов, а их было под шестьдесят, нес длинную пластмассовую пику, на острие которой красовалась зловещего вида губка-луковица. По тому, как они совершали свой маневр, стало ясно, что технику владения пикой они знают отменно; их фаланга щетинилась пиками точно дикобраз, и какой-то капитан в задних рядах выкрикивал отрывистые приказы. Хуже того, пикейщики почти обошли копов с фланга, так что последние принялись панически звать подкрепление.

Беспилотный вертолетик просвистел прямо над головами Эдди и Сардинки, причем это был не первый, что лениво ковылял над парком, а другой, решительный и злобный и нечеловечески быстрый.

- Бежим! - крикнула Сардинка, хватая его за руку. - Перечный газ...

Эдди оглянулся на бегу. Вертолет, словно опыляя урожай, пукал клубами плотного темно-бордового тумана. Толпа взвыла от неожиданности и ярости, и несколько секунд спустя снова врубили адский матюгальник.

Сардинка бежала с поразительными легкостью и быстротой. Она неслась подпрыгивая, словно под ногами у нее взрывались шутихи. Эдди, намного моложе ее годами и наделенный от

природы более длинными ногами, едва поспевал за ней.

Через две минуты они уже оставили парк далеко позади, перебежали через широкую улицу и окунулись в пешеходный лабиринт магазинчиков и ресторанов. Тут Сардинка остановилась и дала ему перевести дух.

- Господи Иисусе, - выдохнул он, - где мне купить такие ботинки?

- Изготовлены по спецзаказу, - спокойно отозвалась она. - И для них необходима спецподготовка. Иначе колени можно сломать... - Она уставилась на ближайшую булочную. - Хочешь сейчас позавтракать?

В уютном помещении кондитерской, за изящным накрытым салфеточкой столиком Эдди отведал булочку с шоколадной начинкой. Два кокона "скорой помощи" с воем пронеслись по улице, за ними вразвалку прошла под барабанный бой и сталкивая с тротуаров прохожих большая колонна демонстрантов; но в остальном все было вполне спокойно и мирно. Сардинка сидела, сложив руки на груди и уставясь в пространство. Он решил, что она считывает сводки по городу и советы по охранникам с линейки внутри специфика.

- Ты ведь не устала? - спросил он.

- Я во время операций не сплю, - ответила она, - но иногда хочется посидеть неподвижно. - Тут она наградила его улыбкой. - Тебе не понять...

- Нет уж, спасибо, - с полным ртом отозвался Эдди. - Там сущий ад творится, а ты тут сидишь, попивая апельсиновый сок, спокойная, как пупырышек на соленом огурце...

Черт, эти круасаны или как они там называются, потрясающе хороши. Эй! Герр Обер! Принесите мне еще парочку. Ja, danke [Да, спасибо (нем.).].

- Проблемы последуют за нами повсюду. Здесь мы в такой же безопасности, как в любом другом месте. На деле тут даже лучше, поскольку мы не на открытом месте.

- Хорошо. - Эдди кивнул, не переставая жевать. - В парке была жуткая сцена.

- В парке еще не так плохо. А вот у Рейн-Спайр совсем худо. "Боевые птицы Махаона" захватили вращающийся ресторан. Они крадут кожу.

- Что за "Боевые птицы"?

Сардинка поглядела на него удивленно:

- Ты о них не слышал? Они из НАФТА. Преступный синдикат. Вымогательства со страховкой, защита, плюс они держат все казино Республики Квебек...

- Ладно, ладно. А что такое кража кожи?

- Это новый вид мошенничества. Они крадут кусочек кожи или образец крови. Понимаешь? С твоим ДНК. А через год объявляют тебе, что держат в заложниках твоего новорожденного сына или дочь, что ребенка прячут где-нибудь на Юге... А потом они пытаются получить с тебя деньги и заставляют платить снова и снова...

- Ты хочешь сказать, они крадут гены тех, кто обедает в ресторане?

- Да. Поздний завтрак в Рейн-Спайр - это очень престижно. Все жертвы люди или состоятельные, или знаменитые. - Внезапно она рассмеялась, довольно горько, довольно цинично. - Меня ждет очень напряженный год, Эдди, и все благодаря этому. Новая работа - охранять кожу моего клиента.

Эдди подумал немного:

- Что-то вроде наемной матки, а? Но чистой воды извращение.

Сардинка кивнула:

- "Боевые птицы" - все помешанные, они даже не этнические преступники, они сеть групп по интересам...

Преступление - чертовски гадкое дело, Эдди. Если когда-нибудь подумывал сам попытаться,

даже думать забудь.

Эдди хмыкнул.

- Подумай об этих детях, - пробормотала она. - Рожденные благодаря преступлению. Изготовленные под заказ для преступных целей. В странном мире мы живем, а? Иногда он меня пугает.

- Да? - бодро переспросил Эдди. - Незаконнорожденный сын миллионера, воспитанный хай-тек мафией?

Как по мне, так звучит чудно и романтично. Я хочу сказать, подумай, какие возможности.

Сардинка впервые сняла специфик, чтобы поглядеть на него. Глаза у нее оказались голубые. Очень странного и романтического оттенка голубизны. Вероятно, цветные контактные линзы.

- У богатых людей с незапамятных времен бывали незаконнорожденные дети, - продолжал Эдди. - Вся разница в том, что кто-то взялся и механизировал процесс. - Он рассмеялся.

- Пора тебе встретиться с Культурным Критиком, - сказала Сардинка и надела специфик.

***

Идти им пришлось далеко. Система городских автобусов почила. Очевидно, футбольные бо-

лельщики спорта ради взялись обрабатывать муниципальные автобусы: вырывать коконы и забивать их как мячи в двери. По пути на встречу с Критиком Эдди видел сотни болельщиков; город буквально кишел ими. Поборники Англии были ребята крутые: буйные, в тяжелых ботинках, огрызающиеся, топающие ногами, распевающие что-то, анонимные молодые люди в наждачных плащах до колен со стрижками бобрик, с лицами, скрытыми за масками или за боевой раскраской под "юнион джек". Английские футбольные хулиганы путешествовали гигантскими сворами по две-три сотни голов. Вооружены они были дешевыми сотовыми телефонами. Антенны они замотали изолентой, так что получились ручки дубинок, а из противоударной керамической оболочки телефона получалось прескверное оружие. Невозможно запретить туристу иметь при себе сотовый телефон, так что полиция была бессильна прекратить подобную практику. С практической точки зрения здесь все равно ничего поделать было нельзя. Английские хулиганы захватывали улицы просто своим числом. Любой, завидев их, сломя голову скрывался в переулке.

За исключением, разумеется, ирландских болельщиков.

Ирландцы носили толстые борцовские рукавицы по локоть с кошками, судя по всему, что-то вроде латных рукавиц рабочего класса, а также длинные зеленые с белым футбольные шарфы. В кармашки на концах шарфов были вшиты грузы, способные крушить черепа, а бахрома была украшена проволочными крючками, чтобы рвать кожу. Грузами служили совершенно законные столбики монет, а проволока - ну, проволоку можно раздобыть где угодно. Ирландцы, похоже, были в меньшинстве, но возмещали это тем, что на улицы они вышли еще более, если такое возможно, безудержные и пьяные, чем их соперники. В отличие от английских оболтусов ирландцы не пользовались даже сотовыми телефонами, чтобы координировать свои уличные драки. Они просто неслись на врага во весь опор, размахивая над головой шарфами и криком восхваляя Оливера Кромвеля.

Ирландцы нагоняли ужас. По улицам они прокатывались словно губкой. Все, что бы ни попадалось на их пути, было перевернуто и затоптано: сувенирные киоски, тумбы с видеопропагандой, будки с плакатами, столики с футболками, люди, торгующие комбинезонами-однодневками. Даже пострадовые аборционисты, вот уж истинные

фанатики, и жутковатые, облаченные в черное активисты за эвтаназию покидали свои подиумы на тротуарах, чтобы скрыться от ирландских ребятишек.

Эдди передернуло от одной мысли о том, что должно твориться на стадионе Рейн.

- Крутые, черт побери, ребятишки, - сказал он Сардинке, когда они выбрались из проулка, предоставившего им временное укрытие. - И все это из-за футбола? Боже, это кажется таким бессмысленным.

- Если б они бесчинствовали в собственных городах, вот это было бы бессмысленно, - возразила Сардинка. - Здесь на Перевороте они могут колошматить друг друга и всех в округе, а завтра они будут в полной безопасности каждый в своем городе в своем собственном мире.

- А, понял, - сказал Эдди. - Тогда в этом есть смысл.

Проходящая мимо блондинка в мусульманском хиджабе налепила значок Эдди на рукав. "Ваш адвокат станет говорить с Богом?" - громко и требовательно спросил значок по-английски. Эдди сорвал устройство и раздавил его каблуком.

Культурный Критик держал двор на явке в Штадтмитте. Явкой оказалась анонимная четы-

рехэтажная трущоба двадцатого века, с обеих сторон окруженная приятными реставрированными доходными домами девятнадцатого столетия. Ночью на квартал совершила налет банда граффитистов, превратив поверхность улицы в размашистую полихромную фреску, сплошь огромные ухмыляющиеся котята, фрактальные спирали и прыгающие розовые фаллопоросята.

- Жаркий скачок, - с готовностью предложила одна из свинок, когда они проходили мимо.

Эдди, подходя к двери, подальше обошел место под слова.

На двери красовалась небольшая табличка, на которой значилось "Ликвидация и защита от Электронных Диверсий GmBH". Имелся и зарегистрированный именной логотип корпорации, судя по всему, кубик тающего льда.

Сардинка обратилась по-немецки к видеокамере двери; дверь распахнулась, и они вошли в вестибюль, заполненный взрослыми с бледными и перекошенными лицами. Все, как один, присутствующие были вооружены огнетушителями. Несмотря на атмосферу нервозной решительности и явной готовности к рукопашной, Эдди счел их за профессиональных преподавателей: скромно одетые, при галстуках и шарфах, узлы которых

несколько сбились на сторону, диковинные татуировки на скулах, рассеянные взоры, слишком серьезные. Пахло в вестибюле неприятно, вроде как затхлым творогом и пылью книжных полок. Стены в пятнах грязи были увешаны схемами и диаграммами проводки, а вдоль них высились горы до отказа набитых коробок, помеченных неразборчивыми каракулями - какие-то архивы на дисках. По полу и по потолку змеились приклеенные скотчем электропровода и проводка оптоволокна.

- Всем привет! - объявил Эдди. - Как дела?

Защитники здания поглядели на него, отметили его комбинезон и среагировали с безразличным облегчением. Они заговорили между собой по-французски, очевидно, возобновилась ненадолго отложенная и исключительно важная дискуссия.

- Привет, - отозвался, поднимаясь на ноги, немец лет тридцати, притулившийся в уголке.

У него были длинные редеющие сальные волосы и бледное как поганка лицо со впалыми щеками. На носу у него сидел секретарский полуспецифик, а за ним прятались самые бегающие глазки, какие Эдди когда-либо доводилось видеть. Эти глазки то и дело шныряли из стороны в

сторону, злорадствовали, скользили по комнате. Он протолкался между защитниками и неопределенно улыбнулся Эдди:

- Я ваш хозяин. Добро пожаловать, друг.

Эдди пожал протянутую руку и бросил искоса взгляд на Сардинку. Та словно одеревенела и руки в перчатках засунула к тому же глубоко в карманы плаща.

- Ну, - забормотал бессвязно Эдди, поспешно отдергивая руку, - спасибо, что согласились нас принять!

- Вам, наверное, захочется увидеть моего прославленного друга Культурного Критика. - с мертвенной улыбкой заявил хозяин. - Он наверху. Это мой дом. Он мне принадлежит. - Он огляделся по сторонам, лучась переполнявшим его удовлетворением. - Это моя Библиотека, видите ли. Мне выпала честь дать приют на Переворот великому человеку. Он ценит мои труды. В отличие от других. - Хозяин порылся в кармане мешковатых штанов. Эдди, инстинктивно ожидая увидеть раскрытый нож, был несколько удивлен, увидев, как хозяин протягивает ему старомодную визитную карточку с обтрепанными углами. Эдди глянул на нее.

- Рад познакомится, господин Шрек, Как по-

живаете?

- Волнующие настали времена, - с ухмылочкой заявил Шрек, потом коснулся своего специфика и прочел онлайн биографию Эдди. - Юный гость из Америки. Как мило.

- Я из НАФТА, - поправил Эдди.

- Борец за гражданские свободы. Свобода - вот единственное слово, что еще способно меня взволновать, - с настойчивостью чесоточного возвестил Шрек. - Мне нужно много больше американских задушевных друзей. Располагайте мной. И всеми моими цифровыми службами. Эта моя визитка - ах, позвоните по всем вашим сетевым адресам и расскажите своим друзьям. Чем больше их будет, тем счастливее вы сделаете меня. - Он повернулся к Сардинке. - Kafee, фройляйн? Zigarretten?

Сардинка едва заметно покачала головой.

- Как хорошо, что она здесь, - сказал Шрек Эдди. - Она поможет нам сражаться. Вы поднимайтесь. Великий человек ждет посетителей.

- Я поднимаюсь с ним, - сказала Сардинка.

- Останьтесь, - настаивал Шрек. - Опасность грозит Библиотеке, а не ему.

- Я телохранитель, - ледяным тоном возразила Сардинка. - Я охраняю тело. Я не охраняю гавани

данных.

Шрек нахмурился:

- Тем глупее окажетесь вы.

Сардинка последовала за Эдди по пыльной, устланной цветастым ковром лестнице. На площадке направо имелась антикварная офисная дверь двадцатого века - из светлого дуба с матовым стеклом. Сардинка постучала; кто-то откликнулся по-французски.

Телохранитель толкнула дверь. Внутри офиса два длинных рабочих стола были заставлены престарелыми настольными компьютерами. За до половины задернутыми шторами виднелись решетки, какими были забраны окна.

Культурный Критик в специфике и в перчатках виртуальной реальности сидел в ярком пятне солнечно-желтого света, отбрасываемого установленной на полозе лампы верхнего света. Он грациозно тыкал кончиками пальцев в тонкий как облатка инфоэкран из тканой материи.

Когда Сардинка и Эдди вошли в офис, Критик свернул экран в рулон, снял специфик и отсоединил перчатки. У Критика оказались растрепанные волосы цвета соли с перцем, еще Эдди заметил темный шерстяной галстук и длинный бордовый шарф, наброшенный поверх прекрасно

скроенного пиджака цвета слоновой кости.

- Вы, должно быть, мистер Дертузас из ЭКоВоГСа? - спросил он.

- - Вот именно. Как поживаете, сэр?

- Отлично. - Он коротко оглядел Эдди. - Полагаю, его одеяние твоя идея, Фредерика?

Сардинка коротко кивнула, вид у нее был кислый. Эдди улыбнулся, порадовавшись, что узнал настоящее ее имя.

- Присаживайтесь, - предложил Критик и налил себе еще кофе. - Я бы предложил вам чашечку этого.., но мой кофе.., приправлен.

- Я привез вам вашу книгу. - Эдди сел и раскрыл сумку, а затем протянул Критику вышеназванный предмет.

- Великолепно.

Критик запустил руку в карман и, к удивлению Эдди, извлек из него нож. Щелкнув ногтем большого пальца. Критик выщелкнул лезвие. Сверкающий клинок с помощью фрактализации превратили с настоящую пилу; даже на самих зубьях имелись крохотные зазубрины. Это был складной нож размером с палец и острым как бритва лезвием длиной в руку.

Под неотразимой вспарывающей лаской ножа прочная обложка книги разошлась с тихим

треском взрезанной ткани. Ловким движением из-под переплета Критик выдернул тонкий и мерцающий диск-накопитель. Книгу он положил на стол.

- Вы это прочли?

- Диск? - Эдди пустился в импровизацию. - Я решил, что он закодирован.

- И верно решили, но я имел в виду книгу.

- Думаю, она немало потеряла при переводе.

Критик вопросительно поднял брови. Брови у него были темные и густые, с глубокой складкой между ними, а под ними поблескивали запавшие серо-зеленые глаза.

- Вы читали Канетти в оригинале, мистер Дертузас?

- Я имею в виду перевод между веками, - сказал Эдди и рассмеялся. После прочтения у меня остались одни лишь вопросы... Вы могли бы ответить на них, сэр?

Пожав плечами, Критик отвернулся к ближайшему терминалу. Это был компьютер ученого, наименее обветшалая машина во всем офисе. Он нажал последовательно четыре клавиши; си-ди-ром завертелся и выплюнул диск. Критик протянул диск Эдди.

- Все ответы вы найдете здесь, во всяком случае,

те, какие я могу дать вам. Полное собрание моих сочинений. Прошу вас, возьмите диск. Скопируйте его и отдайте кому пожелаете, разумеется, с указанием копирайта. Стандартная академическая процедура. Уверен, этикет вам известен.

- Большое спасибо, - с достоинством отозвался Эдди, убирая диск в сумку. - Разумеется, у меня уже есть ваши труды, но я рад получить исправленное и дополненное издание.

- Мне говорили, за экземпляр собрания моих сочинений можно получить чашку кофе в любом кафе Европы, - раздумчиво произнес Критик и, вставив закодированный диск, нажал еще несколько клавиш. - По всей видимости, цифровое отоваривание еще не вышло в тираж, даже в литературе... - Он уставился на экран. - Чудненько. Я знал, что мне еще понадобятся эти данные. И уж конечно, мне не хотелось бы держать их у себя дома. - Он улыбнулся.

- Что вы собираетесь делать с этими данными? - решился спросить Эдди.

- Вы правда не знаете? - ответил вопросом на вопрос Критик. - И вы из ЭКоВоГСа, группы, кичащейся всепожирающим любопытством? Что ж, думаю, это тоже стратегия.

Он нажал еще несколько клавиш, потом отки-

нулся на спинку кресла и вскрыл пачку сигарет.

- Какой стратегии?

- Новые элементы, новые функции, новые решения - я не знаю, что есть "культура", но я точно знаю, что делаю я.

Критик медленно затягивался, брови его сошлись у переносицы.

- И что же это?

- Вы хотите спросить, какова скрытая концепция? - Он помахал сигаретой в воздухе. - У меня нет "концепции". Борьбу нельзя низводить до одной простой идеи. Я возвожу здание мысли, которое не должно быть, не может быть низведено до единой простой идеи. Я возвожу структуру, которая, быть может, наведет на мысль о "концепции"... Сделай я большее, сама система пересилит культурное окружение... Любая система рационального анализа должна существовать внутри крепкого и слепого тела человеческих масс, мистер Дертузас. Если какой-то вывод мы и сделали из опыта двадцатого века, то это он по меньшей мере и есть. - Критик вздохнул, выдохнув облачко ароматного медицинского тумана. - Я сражаюсь с ветряными мельницами, сэр. Это долг... Часто это приносит боль, но одновременно приносит тебе невероятное счастье, поскольку ты понимаешь,

что у тебя есть друзья и враги и что ты способен удобрить общество противоречивыми точками зрения.

- О каких врагах вы говорите?

- Здесь. Сегодня. Новое дата-сожжение. Это была необходимая стадия формального сопротивления.

- Здесь нехорошее место, - взорвалась Сардинка, или, точнее, Фредерика. - Я понятия не имела, что именно это наша сегодняшняя явка. Ни о какой безопасности здесь не может быть и речи. Жан-Артур, вы должны немедленно уйти отсюда. Вас тут могут убить!

- Дурное место? Ну разумеется. Но здесь столько мегабайтов на службе добра и на службе тех, кто творит добро, - так мало у нас внятных интеллектуальных трактовок истинной природы зла и его бытия... Жестокости и глупости и актов насилия и тьмы... - Критик вздохнул. - На деле, если б вам позволили заглянуть за коды, за какими герр Шрек столь мудро укрыл все свои архивы, собранные здесь данные показались бы вам довольно банальными. Руководства по совершению преступлений притянуты за уши и скверно написаны. Схемы для бомб, подслушивающих устройств, лабораторий по производству нарко-

тиков и так далее плохо разработаны и скорее всего неосуществимы на практике. Порнография - ребячески незрелая и явно антиэротичная. Вторжение в частную жизнь представляет интерес только для вуайеристов. Зло банально - и ни в коей мере не столь кроваво-ало, каким рисуют его наши инстинктивные страхи. Это как сексуальная жизнь родителей - первоосновная и запретная тема и тем не менее объективно неотъемлемая часть их человеческой природы - и разумеется, вашей собственной.

- Кто намеревается сжечь это место? - поинтересовался Эдди.

- Мой соперник. Он зовет себя Нравственным Рефери.

- Ну да, я о нем слышал. Так он тоже в Дюссельдорфе?

Господи Иисусе.

- Он шарлатан, - фыркнул Критик. - Фигура типа аятоллы. Популярный демагог для масс... - Он глянул на Эдди. - Да, да.., и обо мне говорят в точности то же самое, мистер Дертузас, мне это прекрасно известно. Но, знаете ли, у меня две докторских диссертации. А Рефери - самозваный цифровой Савонарола. Вообще не ученый. Философ-самоучка. В лучшем случае художник.

- А разве вы не художник?

- В том-то и опасность... - Критик кивнул. - Некогда я был простым учителем, а потом меня озарило сознание моей миссии... Я начал понимать, какие произведения сильнее других, а какие чистой воды украшательство, декорация... - Вид у Критика внезапно стал тревожный, и он снова принялся пыхать сигаретой. - В Европе слишком много кутюр и слишком мало культуры. В Европе все окрашено дискурсом. Здесь слишком много знания и слишком велик страх низвергнуть это знание... Вы в НАФТА слишком наивно постмодернистские, чтобы страдать от этого синдрома... А Сфера, о, Сфера, она ортогональна и нашим и вашим устремленьям. Юг, разумеется, последний наш резерв аутентичного человечества, и это невзирая на свершаемые там онтологические зверства...

- Не понимаю, о чем вы, - потерянно сказал Эдди.

- Возьмите диск. Не потеряйте его, - серьезно ответствовал Критик. - У меня есть определенные обязательства, вот и все. Я должен знать, почему я сделал определенный выбор, и быть в силах защитить его, я должен защищать выбранное мной или рискнуть потерять все... Этот выбор

уже сделан. Знайте, сегодня мой Переворот! Мой чудесный Переворот! В подобных этой точках перегиба кривой я способен внести изменения в общество в целом. - Он улыбнулся. - Лучше оно не станет, но, уж поверьте, не останется прежним...

- Сюда идут, - внезапно объявила Фредерика и, вскочив на ноги, принялась жестикулировать, когтя воздух. - Большая колонна маршем движется по улицам.., у нас будут проблемы.

- Я знал, он не сможет не среагировать, стоит данным покинуть это здание, - кивнул Критик. - Пусть грядут погромы! Я не двинусь с места!

- Черт бы вас побрал, мне платят за то, чтобы вы остались в живых! взорвалась Фредерика. - Люди Нравственного Рефери жгут гавани данных. Они делали такое раньше и сделают вновь. Давайте убираться отсюда, пока еще есть время!

- Мы все безобразны и злы, - преспокойно возвестил Критик, поглубже устраиваясь в кресле, и свел перед собой кончики пальцев. - Дурное знание по-прежнему остается законным самопознанием. Не делайте вид, что это не так.

- Нет никаких причин схватываться с ними врукопашную тут, в Дюссельдорфе! Мы тактически не готовы защищать это здание! Пусть они его сожгут! Кому есть до того дело, что станется

с еще одним дурацким изгоем и полным мусора крысиным гнездом?

Критик поглядел на нее с жалостью:

- Дело не в доступе. Дело в принципе.

- В яблочко! - выкрикнул Эдди, узнав лозунг ЭКоВоГСа.

Прикусив губу, Фредерика облокотилась о край стола и принялась отчаянно набирать что-то с невидимой клавиатуры.

- Если вы вызываете профессиональное подкрепление, - сказал ей Критик, - они только пострадают. На деле это не ваш бой, моя дорогая; вы не сторонник идеи.

- Да пошли вы со своей политикой! - огрызнулась Фредерика. - Если вас тут сожгут, мы все не получим премии.

- По крайней мере нет никаких причин ему тут оставаться. - Критик указал на Эдди. - Вы свое дело сделали, и преотлично, мистер Дертузас. Благодарю вас за успешную доставку. Вы очень мне помогли. - Критик глянул на экран терминала, где все еще деловито переписывалась в буферный файл программа с диска, потом снова на Эдди. - Предлагаю вам покинуть это здание, пока такое еще возможно.

Эдди посмотрел на Фредерику.

- Да, уходи! Все кончено. Я больше не твой эскорт.

Беги, Эдди!

- Не выйдет. - Эдди крестил руки на груди. - Если вы не двинетесь с места, я тоже не двинусь.

- Но ты можешь уйти. - Фредерика была в ярости. - Ты слышал, что он сказал.

- Ну и что? Поскольку я свободен, я волен и остаться, - возразил Эдди. - Кроме того, я из Теннеси, Добровольного штата НАФТА.

- На нас идут сотни врагов. - Фредерика глядела в пространство прямо перед собой. - Они нас пересилят, а дом сожгут дотла. Здесь не останется ничего, кроме пепла.

Ни от тебя, ни от твоих поганых данных.

- Верьте, - невозмутимо отозвался Критик. - Помощь придет - и нежданными путями. Поверьте мне, я прилагаю все усилия, чтобы максимизировать последствия и смыслы этого события. То же, если уж на то пошло, делает мой конкурент. Благодаря диску, который только что попал мне в руки, я транслирую и пересылаю все происходящее здесь в четыре сотни самых взрывоопасных сетевых сайтов Европы. Да, люди Рефери могут уничтожить нас, но их шансы избегнуть последствий крайне невелики. И если сами мы падем

во пламени, это только придаст более глубокого смысла нашей жертве.

Эдди воззрился на Критика в откровенном восхищении:

- Я не понимаю ни слова, черт побери, из того, что вы тут говорите, но думаю, способен распознать родственную душу. Уверен, что ЭКоВоГС бы захотел, чтобы я остался.

- ЭКоВоГС ничего такого бы не захотел, - серьезно возразил ему Критик. - Они бы хотели, чтобы вы спаслись, чтобы они могли изучить и разложить по полочкам каждую деталь ваших переживаний. Ваши американские друзья прискорбно ослеплены предполагаемой действенностью рационального, всеобъемлющего цифрового анализа. Прошу вас, поверьте мне - гигантские вихревые потоки в обществе эпохи постмодерна слишком велики, чтобы их мог познать отдельно взятый человеческий разум, пусть даже с помощью компьютерной перцепции или лучшей компьютерной системы социологического анализа. - Критик поглядел на свой терминал, будто серпентолог, изучающий кобру. - Ваши друзья из ЭКоВоГСа сойдут в могилу, так и не осознав, что всякий жизненно важный импульс человеческой жизни прерационален по

природе своей.

- Что ж, я-то уж точно не уйду, пока не въеду, что это значит. Я намерен помочь вам сражаться в правом бою, сэр.

Критик с улыбкой пожал плечами:

- Спасибо, что только что доказали мою правоту, молодой человек. Разумеется, юному американскому герою всегда есть место погибнуть в европейской политической борьбе. Не хотелось бы нарушать устоявшуюся традицию.

Со звоном разбилось стекло. В окно влетел дымящийся осколок сухого льда, прокатился по полу офиса и начал растворяться. Повинуясь исключительно инстинкту, Эдди метнулся вперед, подхватил его голыми руками и выкинул назад за окно.

- Ты в порядке? - спросила Фредерика.

- Конечно, - удивленно ответил Эдди.

- Это была химическая газовая бомба, - объяснила Фредерика. Она поглядела на него так, словно ждала, что он вот-вот упадет замертво.

- Очевидно, химикаты, замороженные в лед, оказались не слишком токсичными, - выдвинул предположение Критик.

- Да какая это химическая бомба. - Эдди выглянул за окно, - На мой взгляд, это был просто кусок

сухого льда.

Вы, европейцы, помешались на паранойе.

К немалому своему удивлению, он увидел, что у них под окном на улице разворачивается настоящее средневековое представление. Приверженцы Нравственного Рефери - а их было три или четыре сотни - и хорошо организованная колонна маршировала в мрачном дисциплинированном молчании, очевидно, питали слабость к средневековым безрукавкам, плащам с бахромой и разноцветным штанам. И факелам. Факелам уделялось особое место.

Все здание внезапно содрогнулось, немедленно взвыла охранная сигнализация. Эдди выгнул шею, чтобы посмотреть, что происходит. С полдюжины человек били в дверь ручным гидравлическим тараном. Облачены они были в шлемы с прозрачными забралами и металлические доспехи, поблескивавшие на солнце.

- Нас атакуют рыцари в сверкающих доспехах, - объявил Эдди. - Поверить не могу, что они делают это среди бела дня.

- Футбольный матч только что начался, - сказала Фредерика. - Время они выбрали наилучшее. Теперь их никто не остановит.

- Эти штуки открываются? - Эдди потряс решет-

ки на окнах.

- Слава богу, нет.

- Тогда дай мне вон те диски с данными, - потребовал он. - Да нет, не эту мелочь. Давай мне полновесные тридцатисантиметровые.

Распахнув окно, он начал забрасывать толпу летающими тарелками мегабайтов, У дисков оказалась превредная аэродинамика, а кроме того, они были тяжелые и с острыми краями. Наградой ему стал ужасающий заградительный огонь из кирпичей, перебивших окно по всему второму и третьему этажу.

- Вот теперь они разозлились, - прокричала, перекрывая вой сигнализации и крики толпы внизу, Фредерика. Все трое обитателей офиса скорчились под столом.

- Ага, - отозвался Эдди.

Кровь у него кипела. Он подхватил длинный плоский принтер и послал этот новый снаряд за окно. В ответ дюжина металлических дартс - на самом деле это были короткие булавы - влетели в окно и засели в потолке.

- Как они пронесли это через таможню? - крикнул Эдди. - Наверное, сами сделали вчера ночью. - Он рассмеялся. - Может, побросать их назад? Я могу их собрать, если встану на стул.

- Не надо, не надо, - крикнула Фредерика. - Держи себя в руках! Не убивай никого, это непрофессионально.

- А я и не профессионал, - отозвался Эдди.

- Слезай оттуда, - приказала Фредерика, а когда он не послушался, выбралась из-под стола и всем телом придавила его к стене. Она пришпилила руки Эдди, бросилась на него с почти эротической напряженностью и зашипела ему в ухо:

- Спасайся, пока можешь! Это всего лишь Переворот.

- Перестань, - выкрикнул Эдди, пытаясь вырваться из ее захвата. В окна влетели еще несколько кирпичей и, прокатившись по полу, остановились у их ног.

- Если они поубивают этих никудышных интеллектуалов, - жарко забормотала она, - на их место придут тысячи новых. Но если ты не покинешь это здание сию секунду, ты умрешь здесь.

- Господи, да знаю я, - выкрикнул Эдди и наконец оттолкнул ее, оцарапавшись при этом о ее наждачный плащ. - Не распускай нюни.

- Эдди, послушай! - заорала Фредерика, сжимая кулаки в полосатых перчатках. - Дай мне спасти тебе жизнь!

Потом отдашь долги! Отправляйся к родителям

в Америку и не забивай себе голову Переворотом. Это все, что мы вообще тут делаем, - все, на что мы вообще годны.

- Эй, а я ведь тоже на это годен! - возвестил Эдди.

Кирпич ударил ему в колено. В пароксизме внезапной ярости он перевернул стол и привалил его к разбитому окну как щит. Пока кирпичи глухо стукали о крышку стола, он выкрикивал в воздух пустые издевки. Он чувствовал себя сверхчеловеком. Попытка Фредерики образумить его только невероятно его распалила.

Внизу с оглушительным взрывом сломалась дверь. Эхо занесло крики на второй этаж.

- Ну, я им задам! - заорал Эдди.

Он подхватил шнур питания с многофункциональными штекерами и, пробежав несколько шагов по офису, ногой распахнул дверь. А потом с воплем выпрыгнул на лестничную площадку, размахивая над головой тяжелой гроздью штекеров.

Академические карды Критика физически и в подметки не годились закованным в латы рыцарям Рефери; но их огнетушители оказались оружием на диво действенным. Их струи покрывали все вокруг белой едкой содой и наполняли

воздух огромными слепящими облаками разлетающихся и застывающих в полете капель. Было очевидно, что защитники не раз проводили учения.

Зрелище отчаянной борьбы внизу ошеломило Эдди.

Лестницу он преодолел, перепрыгивая по три ступеньки за раз, после чего бросился в самую гущу схватки. Он шарахнул штекерами по замазанному содой шлему, потом поскользнулся и плюхнулся на спину.

Скользя на залитом содой полу, Эдди начал отчаянно бороться с наполовину ослепленным рыцарем. Тот наконец откорябал застежки и поднял забрало. Из-под металлической маски на Эдди глянуло лицо, пожалуй, даже моложе него самого. Рыцарь выглядел неплохим парнем. Он явно желал всем добра. Эдди изо всех сил врезал ему по челюсти, а потом принялся бить его ошлемленную голову об пол.

Еще один рыцарь ударил Эдди под дых. Эдди отвалился от своей жертвы, вскарабкался на ноги и налетел на нового врага. Оба они, неловко обхватив друг друга, были сбиты с ног внезапным и одновременным наплывом тел через дверной проем; с дюжину нравственных налетчиков

ворвались в вестибюль, размахивая факелами и бутылками с пылающим гелем. Выпачканной в соде рукой Эдди хлестнул своего оппонента по глазам, поднялся на ноги и надежно поправил съехавший специфик. И жестоко закашлялся. В воздухе висела дымовая завеса, он попросту задыхался.

Он рванулся к двери. С панической силой утопающего он процарапал и протолкал себе путь на воздух.

Оказавшись за стенами гавани данных, Эдди сообразил, что он тут один из десятков людей, с ног до головы перемазанных белой пеной. Чихая и кашляя, он привалился к стене здания рядом с дюжиной собеженцев, напоминавших ветеранов чудовищного боя тортами со сливками.

Те не распознали, да и не могли распознать в нем врага.

Едкая сода уже принялась проедать дешевый комбинезон Эдди, превращая пузырчатую ткань в слезящиеся красные лохмотья.

Отирая губы и дыша тяжело, Эдди огляделся по сторонам. Специфик защитил ему глаза, но подпрограмма грязи рухнула бесповоротно. Внутренний экран застыл. Пенными руками Эдди снял специфик, щелкнул перед окулярами паль-

цами, свистнул громко. Ничего.

Он бочком подкрался вдоль стены.

В задних рядах толпы высокий господин в средневековой епископской митре выкрикивал в громкоговоритель приказы. Эдди неспешно подобрался к нему поближе. При ближайшем рассмотрении незнакомец оказался сухощавым господином лет под пятьдесят в расшитых ризах, золотом плаще и белых перчатках.

Это был Нравственный Рефери. Эдди подумал было, не броситься ли ему на этого выдающегося джентльмена, не отметелить ли его, может быть, отобрать у него громкоговоритель и самому начать кричать в него противоречащие друг другу распоряжения.

Но даже если б он решился на такое, Эдди это ничего бы не дало. Рефери с громкоговорителем кричал по-немецки. Лишившись специфика, Эдди не мог читать по-немецки. Не понимал ни немцев, ни их проблем, ни их истории.

Если уж на то пошло, у него не было никаких причин находиться в Германии.

Нравственный Рефери заметил пристальный и расчетливый взгляд Эдди. Он опустил громкоговоритель, перегнулся через перила переносной кафедры красного дерева и сказал Эдди что-то

по-немецки.

- Простите. - Эдди поднял специфик на цепочке. - Программа-переводчик обвалилась.

Рефери оглядел его задумчиво.

- Кислота в этой пене повредила ваши линзы? - спросил Рефери на великолепном английском.

- Да, сэр, - отозвался Эдди. - Думаю, мне придется разобрать их и феном высушить чипы.

Рефери запустил руку куда-то под ризы и выпростал льняной носовой платок с монограммой, который и протянул Эдди:

- Можете попробовать вот этим, молодой человек.

- Большое спасибо. Я правда очень признателен.

- Вы ранены? - с очевидно искренней заботой спросил Рефери.

- Нет, сэр. Я хотел сказать, не сильно.

- Тогда вам лучше вернуться к битве, - сказал, выпрямляясь, Рефери. - Я знаю, что они вот-вот побегут. Возрадуйтесь. Наше дело правое.

Он снова поднял громкоговоритель и вернулся к крикам на немецком.

На первом этаже здания занялся пожар. Группки сторонников Рефери выволакивали подсоединенные машины на улицу и разбивали их на

части прямо на тротуаре. Им не удалось сбить решетки с окон, но они протаранили несколько гигантских брешей в стенах. Эдди наблюдал за происходящим, протирая линзы специфика.

Довольно высоко над улицей начали рушиться стены третьего этажа.

Нравственные рыцари вломились в офис, где Эдди в последний раз видел Культурного Критика. Свой гидравлический таран они, очевидно, втащили за собой вверх по лестнице. Теперь его тупой нос пробивал кирпичные стены словно затхлый сыр.

Камни и куски штукатурки размером с кулак каскадом посыпались на улицу, заставив лавину налетчиков отхлынуть от стены. Несколько секунд спустя рыцари на третьем этаже пробили во внешней стене дыру размером с крышку водосточного люка. Сперва они выкинули аварийную лестницу. Потом из дыры полетела, чтобы разлететься в щепы при ударе о мостовую, офисная мебель: коробки голосовой почты, канистры архивных дисков, европейские юридические талмуды с красными корешками, сетевые маршрутизаторы, устройства бумажного запасного хранения, цветные мониторы...

Из дыры вылетел плащ и, медленно кружа,

опустился на мостовую. Эдди сразу его узнал. Это был наждачный плащ Фредерики. Даже посреди этого вопящего хаоса, где злобно завывала взрывающаяся в огне пластмасса, отрыгивая из окон Библиотеки черный дым, вид этого трепещущего плаща притянул взгляд Эдди. Было что-то в этом плаще. В нарукавном кармане. Ключ к его камере хранения в аэропорту.

Эдди метнулся вперед, оттолкнул в сторону трех рыцарей и зацапал плащ себе. Поморщившись, он отскочил в сторону, когда прямо рядом с ним приземлилось, едва его не задев, офисное кресло. Он в неистовстве поглядел наверх.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как выбрасывают Фредерику.

***

Прилив покидал Дюссельдорф, а с ним все сбившиеся в стайки сардины Европы. Эдди сидел в зале вылета, балансируя на коленях восемнадцать отдельных деталей специфика на столике на липучке.

- Тебе это нужно? - спросила его Фредерика.

- Ах да, - отозвался Эдди, забирая у нее узкий хромированный инструмент. - Я обронил дентоиглу. Большое спасибо. - Он аккуратно убрал ее в

свою дорожную сумку.

Всю свою европейскую наличность он только что потратил на роскошный, купленный в дьюти-фри немецкий набор для починки электроники.

- Я не поеду в Чаттанугу ни сейчас, ни когда-либо потом, - сказала ему Фредерика. - Лучше тебе забыть об этом. Это не может входить в сделку.

- Может, передумаешь? - предложил Эдди. - Забудь о рейсе на Барселону и полетели со мной за океан. Вот уж повеселимся в Чаттануге. Там полно очень глубоких людей, с кем мне хотелось бы тебя познакомить.

- Я не хочу ни с кем знакомиться, - мрачно пробормотала Фредерика. - И я не хочу, чтобы ты выставлял меня напоказ перед своими мелкими хакеришками.

Фредерике тяжко досталось во время погрома, пока она прикрывала успешное отступление Критика по крыше. В битве ей опалило волосы, и они растрепались из педантично заплетенных кос, словно много раз бывшая в употреблении стальная вата. Под глазом у нее был синяк, а щека и челюсть обожжены и блестели теперь от заживляющего геля.

Хотя Эдди задержал ее падение с третьего этажа на тротуар, она все же растянула ногу, повредила

спину и разбила оба колена.

И потеряла свой специфик.

- Ты прекрасно выглядишь, - поспешил заверить ее Эдди. - Ты очень интересный человек, вот в чем все дело.

Ты глубокая! Вот в чем загвоздка, понимаешь? Ты агент спецслужб, ты из Европы, ты женщина - это все, на мой взгляд, очень глубокие вещи.

Он улыбнулся.

Левый локоть у Эдди горел и распух, хотя и прятался в рукаве сменной рубашки; грудь, ребра и левая нога были усеяны гигантскими синяками. Затылок его украшал огромный кровоподтек - там, где он упал головой на камни, пытаясь поймать Фредерику.

В общем и целом они не слишком выделялись на фоне отбывающих гостей Переворота, заполонивших в воскресенье аэропорт Дюссельдорфа. В целом толпа как будто страдала от основательного коллективного похмелья - достаточно сурового, чтобы многие из отбывающих красовались костылями и перевязями. И тем не менее просто поразительно было видеть, какими эти люди выглядели умиротворенными, почти самодовольными, покидая свою карманную катастрофу. Они были бледны и изнурены, но веселы, словно

больные, оправляющиеся от гриппа.

- Я слишком плохо себя чувствую, чтобы быть глубокой. - Фредерика шевельнулась в своем коконе. - Но ты спас мне жизнь, Эдди. Я перед тобой в долгу. - Она помолчала. - Это должно быть что-то разумное.

- Об этом не беспокойся, - благородно ответил Эдди, со скрипом растирая крохотную плату пластмассовым зондом-скобельком. - Я хочу сказать, строго говоря, я даже не задержал твое падение. По большей части я просто помешал тебе приземлиться на голову.

- Ты спас мне жизнь, - тихо повторила она. - Если бы не ты, эта толпа на улице могла бы убить меня.

- Ты спасла жизнь Критику. Полагаю, это будет посерьезнее.

- Мне заплатили за то, чтобы я спасала ему жизнь, - отозвалась Фредерика. - К тому же я не спасла этого сукина сына. Я просто выполняла свою работу. Его спасла его собственная ловкость. Он пережил десяток таких чертовых передряг. - Она осторожно потянулась, устраиваясь поудобнее в коконе. - И я тоже, если уж на то пошло... Но я, должно быть, невероятно глупа. Я много чего выношу, чтобы прожить мою драгоценную

жизнь... - Она сделала глубокий вдох. - Барселона, yo te quiero.

- Я просто рад, что мы успели выписаться из больницы пораньше и теперь не опоздаем на самолет, - сказал Эдди, рассматривая в ювелирную лупу плоды своих трудов. - Ты видела этих болельщиков в больнице? Вот уж кто повеселился... И почему они не могли быть такими покладистыми до того, как до полусмерти друг друга избили? Кое-что, думаю, просто остается тайной на веки веков.

- Надеюсь, случившееся послужило тебе хорошим уроком.

- Уж конечно. - Эдди кивнул. Он сдул высушенный комочек грязи с острия скобелька, потом взял хромированный зажимчик и вставил крохотный винтик в наушник специфика. - Я увидел в Перевороте глубокий потенциал.

Верно, что с десяток человек тут убивают, но город, наверно, заработал огромное состояние. Муниципальному совету Чаттануги это придется по нраву. А для культурной сетевой группы вроде ЭКоВоГСа Переворот представляет массу полезной паблисити и влияния.

- Ничего ты не понял, - застонала Фредерика. - Не знаю, почему я решила, что с тобой все бу-

дет-иначе.

- Признаю... В гуще событий меня несколько занесло.

Но единственно о чем я по-настоящему сожалею, это о том, что ты отказываешься лететь со мной в Америку. Или, если тебе этого не хочется, отказываешься взять меня с собой в Барселону. И так и так, на мой взгляд, тебе нужен кто-то, кто бы какое-то время за тобой присматривал.

- Ты намерен растирать мои усталые сбитые ноги, да? - кисло спросила Фредерика. - Как благородно с твоей стороны.

- Я бросил свою зануду подружку. Папа будет оплачивать мои счета. Я помогу тебе лучше со всем справляться.

Я могу улучшить твою жизнь. Могу чинить твои сломанные приборы. Я хороший парень.

- Не хочу показаться грубой, но после случившегося сама мысль о том, чтобы ко мне прикасались, вызывает у меня отвращение. - Она решительно покачала головой, раз и навсегда закрывая тему. - Прости, Эдди, но я не могу дать тебе того, что ты хочешь.

Вздохнув, Эдди изучал какое-то время толпу туристов, потом вновь уложил детали своего специфика в чехол и закрыл дорожный набор.

Наконец он заговорил снова:

- Ты занимаешься виртуалкой?

- Чем?

- - Ну, сексом в виртуальной реальности?

Фредерика надолго замолчала, потом поглядела ему в глаза:

- Ты ведь не делаешь ничего слишком уж извращенного или странного в виртуалке, Эдвард?

- Если использовать высокопропускной трансатлантический канал оптоволокна, задержки во времени почти никакой, - ответил Эдди.

- А, понимаю.

- Что ты теряешь? Если тебе не понравится, отключишься.

Фредерика заправила на место выбившиеся волоски, глянула на табло вылета на Барселону, поглядела на носки своих ботинок:

- Это сделает тебя счастливым?

- Нет, - сказал Эдди. - Но мне будет гораздо лучше, чем сейчас.

Велосипедный мастер

Перевод с английского А. Кабалкина

Спавший в гамаке Лайл проснулся от противного металлического стука. Он со стоном сел и оглядел свою захламленную мастерскую.

Натянув черные эластичные шорты и взяв с верстака замасленную безрукавку, он поплелся к двери, недовольно косясь на часы. Было 10:04:38 утра 27 июня 2037 года.

Лайл перепрыгнул через банку с краской, и пол загудел у него под ногами. Вчера работы было столько, что он завалился спать, не прибравшись в мастерской. Лакокрасочные работы неплохо оплачивались, но пожирали уйму времени. Лайл был сильно утомлен работой, да и жизнью тоже.

Он распахнул дверь и оказался перед глубоким провалом. Далеко внизу серела бескрайняя пыльная площадь.

Голуби пикировали в огромную дыру в закопченном стеклянном перекрытии. Где-то в темной утробе небоскреба они вили свои гнезда.

Стук повторился. Юный курьер в униформе слез со своего трехколесного грузового велосипеда и

ритмично колотил по стене свисающей сверху колотушкой - изобретением Лайла.

Лайл зевнул и помахал курьеру рукой. Отсюда, из-под чудовищных балок пещеры, бывшей некогда атриумом, взору открывались три выгоревших внутренних этажа старого комплекса "Чаттануга Архиплат". Элегантные прежде поручни превратились в рваную арматуру, обзорные площадки - в смертельные ловушки для неосторожных: любой неверный шаг грозил провалом в стеклянную бездну. В бездне мерцало аварийное освещение, громоздились курятники, цистерны с водой, торчали флажки скваттеров. Опустошенные пожаром этажи, искривленные стены и провисшие потолки были соединены кое" как сколоченными пандусами, шаткими лесенками, винтовыми переходами.

Лайл заметил бригаду по разбору завалов. Ремонтники в желтых робах устанавливали мусорососы и прокладывали толстые шланги на тридцать четвертом этаже, возле защищенных от вандализма западных лифтов. Два-три раза в неделю город посылал в зону разрушения бригаду, делавшую вид, что она работает. Лицемерно отгородившись от любопытных глаз козлами и лентами с надписью "проход воспрещен", компа-

ния лентяев бездельничала на всю катушку.

Лайл, не глядя, налег на рычаг. Велосипедная мастерская с лязгом спустилась на три этажа и встала на четыре опоры - бочки, залитые цементом.

Курьер был знакомый: то и дело показывался в Зоне.

Как-то раз Лайл чинил его грузовой велосипед; он отлично помнил, что менял, что регулировал, но имени парня вспомнить не мог, хоть убей. На имена у него не было никакой памяти.

- Какими судьбами, приятель?

- Не выспался, Лайл?

- Просто дел по горло.

Парень сморщил нос. Из мастерской действительно убийственно несло краской.

- Все красишь? - Он заглянул в электронный блокнот. - Примешь посылочку для Эдварда Дертузаса?

- Как всегда. - Лайл поскреб небритую щеку с татуировкой. - Если надо, конечно.

Парень протянул ему ручку:

- Распишись за него.

Лайл устало сложил на груди голые руки.

- Э, нет, братец. Расписываться за Ловкача Эдди я не стану. Эдди пропадает в Европе. Сто лет его

не видел.

Курьер вытер потный лоб под фуражкой и оглянулся.

Скваттерский муравейник служил поставщиком дешевой рабочей силы для выполнения разовых поручений, но сейчас там не было видно ни души. Власти отказывались доставлять почту на тридцать второй, тридцать третий, тридцать четвертый этажи. Полицейские тоже обходили опасные участки стороной. Не считая бригады по разбору завалов, сюда изредка забирались разве что полубезумные энтузиасты из системы социального обеспечения.

- Если ты распишешься, мне дадут премию. - Парень умоляюще прищурился. - Наверное, это непростая посылка, Лайл. Сам понимаешь, сколько денег отвалил отправитель за доставку.

Лайл оперся о дверной косяк.

- Давай-ка взглянем, что там.

Посылка представляла собой тяжелую противоударную коробку, запаянную в пластик и покрытую европейскими наклейками. Судя по количеству наклеек, посылка не меньше восьми раз передавалась из одной почтовой системы в другую, пока не нашла путь к адресату. Обратный адрес, если он вообще существовал, трудно было

разглядеть. Возможно, она пришла откуда-то из Франции.

Лайл поднес коробку к уху и встряхнул. Внутри что-то брякнуло.

- Будешь расписываться?

- Пожалуй. - Лайл начертал нечто неразборчивое на пластинке и покосился на курьерский велосипед. - Тебе надо отрегулировать переднее колесо.

Парень безразлично пожал плечами.

- Что-нибудь передашь на "Большую землю"?

- Ничего, - проворчал Лайл. - Я больше не выполняю заказы по почте. Слишком сложно, и есть опасность, что обжулят.

- Тебе виднее... - Парень сел на велосипед и помчался как угорелый прочь из Зоны.

Лайл вывесил на двери табличку "открыто" и надавил ногой на педаль. Крышка огромного мусорного бака откинулась, и он бросил коробку в кучу прочего имущества Дертузаса.

Но закрываться крышка не пожелала. Количество мусора, принадлежавшего Ловкачу Эдди, достигло критической массы. Ловкач Эдди ни от кого не получал посылок, зато постоянно слал их самому себе. Отовсюду, где он останавливался, - из Тулузы, Марселя, Валенсии, Ниццы и особен-

но из Барселоны, - поступал вал дискет. Из одной Барселоны он переправил столько гигабайтов, что позавидовал бы любой киберпират.

Эдди использовал мастерскую Лайла в качестве сейфа.

Лайла это устраивало. Он был перед Эдди в долгу: тот установил в его мастерской телефон, систему виртуальной реальности и всевозможные электронные примочки. Кабель, продырявив крышу тридцать четвертого этажа, впивался в разводку тридцать пятого и исчезал в рваной дыре, проделанной в алюминиевой крыше передвижного домика Лайла, подвешенного на тросах. Соответствующие счета оплачивал неведомый знакомый Эдди, а довольный Лайл только переводил наличные анонимному абоненту почтового ящика. То был редкостный и ценный выход в мир, где имелась организованная власть.

Приходя в мастерскую Лайда, Эдди посвящал много времени марафонским виртуальным заездам. Кабели спутывали его по рукам и ногам, как тесемки смирительной рубашки. В один из таких заездов Эдди завел непростой роман с немкой, которая была заметно старше его. Родители Эдди без особой симпатии наблюдали за всеми

сложностями, взлетами и падениями этого виртуального романа. Немудрено, что Эдди покинул родительский кондоминиум и переселился к самозахватчикам.

В велосипедной мастерской Эдди прожил в общей сложности год. Лайлу это пошло на пользу, так как его гость пользовался немалым уважением у местных скваттеров. Ведь именно он был одним из организаторов гигантского уличного празднества в Чаттануге в декабре 35-го года, вылившегося в вакханалию и оставившего три этажа комплекса "Архиплат" в их теперешнем виде.

Лайл учился с Эдди в одной школе и был знаком с ним много лет; они вместе выросли в "Архиплате". Несмотря на юный возраст, Эдди Дертузас был чрезвычайно хитроумным человеком, имел связи и солидный выход в Сеть. Жизнь в трущобах была для обоих хорошим вариантом, но когда немка проявила интерес к Эдди не только в виртуальном обличье, он улетел первым же рейсом в Германию.

Лайл и Эдди расстались друзьями, и Эдди получил право отсылать свой европейский информационный мусор в велосипедную мастерскую. Вся информация на дискетах была тщательно

зашифрована, и никакие представители властей никогда не сумели бы их прочесть. Хранение нескольких тысяч дискет было для Лайла мелочью по сравнению с невольным участием в сложной, компьютеризированной личной жизни Эдди.

После неожиданного отъезда Эдди Лайл продал его вещи и перевел деньги ему в Испанию. Себе он оставил экран, медиатор и дешевый виртуальный шлем. Насколько Лайл понял их уговор, все, что осталось от Эдди в мастерской, за исключением программ, принадлежало теперь ему, Лайлу, и могло использоваться по его усмотрению. По прошествии некоторого времени стало абсолютно ясно, что Эдди никогда не вернется в Теннесси, а у Лайла накопились кое-какие долги.

Лайл выбрал подходящий инструмент и вскрыл посылку Эдди. Среди прочего в ней оказался кабельный телеприемник, смешная древность. В Северной Америке чего-либо похожего было не сыскать; за подобным антиквариатом пришлось бы наведаться к полуграмотной баскской бабуле или в бронированный бункер какого-нибудь индейца.

Лайл поставил телевизор рядом с настенным экраном.

Сейчас ему было не до игрушек: наступило время для настоящей жизни. Сначала он наведался в крохотный туалет, отгороженный от остального помещения занавеской, и не спеша отлил, потом кое-как почистил зубы полувылезшей щеткой и смочил лицо и руки водой. Чисто вытеревшись маленьким полотенцем, он обработал подмышки, промежность и ноги дезодорантом.

Живя с матерью на пятьдесят первом этаже, он употреблял старомодные антисептические дезодоранты. Удрав из матушкиного кондоминиума, он многое понял. Теперь он пользовался гель-карандашом с полезными для кожи бактериями, жадно поглощавшими пот и выделявшими приятный безвредный запах, напоминающий аромат спелых бананов. Жизнь упрощается, если наладить отношения с собственной микрофлорой.

Потом Лайл сварил себе тайской лапши с сардиновыми хлопьями. Помимо этого его завтрак состоял из немалого количества "Биоактивной кишечной добавки д-ра Бризейра". После завтрака он проверил, высохла ли краска на раме велосипеда, с которым он возился перед сном, и остался доволен своей работой. Чтобы так хорошо поработать в три часа ночи, надо обладать незаурядными способностями.

Покраска неплохо оплачивалась, а ему позарез нужны были деньги. Но, конечно, собственно к ремонту велосиледов такая работа имела мало отношения. Здесь все диктовалось гордыней владельца, что Лайла совершенно не устраивало. Наверху, в пентхаусах, хватало богатых ребят, увлекавшихся "уличной эстетикой" и готовых платить за украшение их машин. Но боевая раскраска не сказывается на достоинствах велосипеда. Важнее сама конструкция рамы, крепления, правильная регулировка.

Лайл присоединил свой велотренажер к виртуальному рулю, надел перчатки и шлем и на полчаса присоединился к гонкам "Тур де Франс" 2033 года. Пока дорога вела в гору, он оставался в "пелетоне", но потом на целых три минуты оторвался от участников-французов и догнал самого Альдо Чиполлини. Чемпион был настоящим монстром, сверхчеловеком со слоновьими ляжками. Даже в дешевой игре, без костюма, дающего всю полноту ощущений, Лайл не рискнул обогнать Чиполлини.

Он вышел из виртуальной реальности, проверил свой сердечный ритм на ручном хронометре, слез с тренажера и осушил пол-литровую бутылку противостарителя. Жизнь казалась гораздо

легче, когда у него был партнер.

Второй сосед Лайла, вернее, соседка, была из компании велосипедистов, опытная гонщица из Кентукки. Звали ее Бриджитт Роэнсон. Лайл сам был неплохим гонщиком, пока не запорол себе стероидами почку. От Бриджитт он не ждал неприятностей: она разбиралась в велосипедах, обращалась за помощью к Лайлу при починке своей двухколесной машины, не гнушалась тренажером и была лесбиянкой. В гимнастическом зале и за пределами гонок она была спокойной и неполитизированной особой.

Однако жизнь в Зоне сильно повысила градус ее эксцентричности. Сначала она стала пропускать тренировки, потом перестала нормально питаться. Скоро в мастерской начались шумные девичники, быстро превратившиеся в наркотические оргии с участием татуированных "штучек" из Зоны, которые заводили непотребную музыку, лупили друг друга чем попало и воровали у Лайла инструменты. Лайл вздохнул с облегчением, когда Бриджитт упорхнула из Зоны, спутавшись с обеспеченной ухажеркой с тридцать седьмого этажа. И без того скудные финансы Лайла успели к этому времени полностью иссякнуть.

Лайл покрыл часть рамы еще одним слоем эма-

ли и отошел, чтобы дать ей подсохнуть. Поддев крышку древнего аппарата, присланного Эдди, он, даже не будучи электронщиком, не обнаружил ничего опасного: стандартная начинка и дешевый алжирский силикон.

Он включил медиатор Эдди, но тут на настенном экране появился видеоробот его матери. Экран был так велик, что лицо этого компьютерного творения походило на рыхлую подушку, а галстук-бабочка - на огромный башмак.

- Оставайтесь на связи. Вас вызывает Андреа Швейк из "Карнак Инструменте", - елейно проговорил видеоробот.

Лайл ненавидел видеороботов всей душой. Подростком он сам завел такого и установил на телефон кондоминиума. Видеоробот Лайла, подобно всей этой братии, выполнял единственную функцию: перехватывал ненужные звонки чужих роботов. Так Лайл скрывался от консультантов по выбору профессии, школьных психиатров, полиции и прочих напастей. В свои лучшие времена его видеоробот представлял собой хитрющего гнома с бородавками, гнусавого и истекающего зеленым гноем. Общаться с ним было неприятно, что и требовалось.

Однако Лайл не уделял ему должного вни-

мания, и это привело к трагическому исходу: дешевый робот впал в безумие.

Удрав от матери и примкнув к когорте самозахватчиков, Лайл прибег к простейшей самообороне: почти перестал включать телефон. Но это было половинчатым решением, Он все равно не смог спрятаться от ушлого, дорогого корпоративного видеоробота матушки, который с неусыпным механическим рвением ждал, когда оживет его номер.

Лайл со вздохом вытер пыль с объектива медиатора.

- Ваша мать выходит на связь, - предупредил робот, - Жду не дождусь, пробурчал Лайл, поспешно приглаживая волосы.

- Она распорядилась вызвать ее для немедленного общения. Она очень хочет с вами поговорить, Лайл.

- Потрясающе! - Лайл не мог вспомнить, как называет себя матушкин робот: то ли мистером Билли, то ли мистером Рипли, то ли каким-то еще дурацким именем.

- Вам известно, что Марко Сенгиалта выиграл летнюю гонку в Льеже?

Лайл привстал и заморгал:

- Ну да?

- У велосипеда мистера Сенгиалты керамические колеса с тремя спицами и жидким наполнением. - Видеоробот сделал паузу, учтиво ожидая реплики собеседника. - Он был обут в дышащие бутсы "Келвар-микролок".

Лайл терпеть не мог манеру этого видеоробота узнавать об интересах абонента и соответственно строить беседу. При полном отсутствии человеческого тепла этот разговор был тем не менее поразительно интересным и притягивал - такой бывает иногда реклама в глянцевом журнальчике. На получение и обработку всей статистики по льежским гонкам у матушкиного видеоробота ушло не больше трех секунд.

Потом Лайл увидел мать. Она завтракала в своем кабинете.

- Лайл?

- Привет, мам. - Лайл помнил, что говорит с единственным человеком в целом свете, способным в случае чего внести за него залог и освободить до суда; - Какими судьбами?

- Как обычно. - Мать отставила тарелку с проростками и теляпией. Захотелось узнать, живой ли ты.

- Пойми, мам, быть скваттером вовсе не так опасно, как утверждают полицейские и домовла-

дельцы. Я в полном порядке, сама видишь.

Мать поднесла к носу секретарские очки-половинки на цепочке и с помощью компьютера внимательно осмотрела сына.

Лайл навел объектив медиатора на алюминиевую дверь мастерской.

- Видишь, мам? Это электрическая дубинка. Если кто-то вздумает меня донимать, то получит удар в пятнадцать тысяч вольт.

- А это законно, Лайл?

- Вполне. Заряд не убивает, а просто надолго вырубает. Я отдал за эту штуковину хороший велик. У нее много полезных защитных свойств.

- Звучит ужасно.

- Дубинка совершенно безвредна. Видела бы ты, чем теперь вооружены фараоны!

- Ты продолжаешь делать себе инъекции, Лайл?

- Какие инъекции?

Она нахмурилась:

- Сам знаешь какие.

Лайл пожал плечами:

- Это тоже безвредно. Гораздо лучше, чем мотаться в поисках знакомства.

- Особенно с такими девицами, что болтаются там у вас, в зоне бунта. Мать боязливо поежилась.

- Я надеялась, что ты останешься с той приятной гонщицей - кажется, Бриджитт? Куда она подевалась?

- Женщина с таким прошлым, как у тебя, могла бы понять значение этих инъекций, - игнорировал вопрос Лайл. - Речь идет о свободе от воспроизводства. Средства, устраняющие половое влечение, дают человеку истинную свободу - от потребности к размножению. Ты бы радовалась, что у меня нет сексуальных партнеров.

- Я не возражаю против отсутствия партнеров, просто обидно, что тебя это вообще не интересует.

- Но, мам, мной тоже никто не интересуется! Никто!

- Что-то незаметно, чтобы женщины ломились в дверь к механику-одиночке, живущему в трущобе. Если это произойдет, ты узнаешь первой. - Лайл радостно улыбнулся. - Когда я был гонщиком, у меня были девушки. Я уже через это прошел, мам. Если у человека в голове мозги, а не сплошные гормоны, то секс - пустая трата времени. Освобождение от секса - это главная форма движения за гражданские права в наше время.

- Глупости, Лайл. Это противоестественно.

- Прости, мам, но тебе ли говорить о естествен-

ности?

Ты ведь вырастила меня из зиготы в возрасте пятидесяти пяти лет! - Он пожал плечами. - И потом, для романов я слишком занят. Мне хочется как можно лучше разобраться в велосипедах.

- Когда ты жил у меня, ты точно так же возился с велосипедами. У тебя была нормальная работа и нормальный дом с возможностью регулярно принимать душ.

- Да, я работал, но разве я когда-нибудь говорил, что хочу работать? Я сказал, что хочу разбираться в велосипедах, а это большая разница. Зачем мне вкалывать, как какому-то рабу, на велосипедной фабрике?

Мать промолчала.

- Я ни о чем тебя не прошу, мам. Просто мне не нужно начальство, учителя, домовладельцы, полицейские. Здесь мы нос к носу - я и моя работа с великами. Знаю, власть не выносит, когда человек двадцати четырех лет от роду живет независимой жизнью и делает только то, что ему хочется, но я стараюсь себя не афишировать, и пусть никто мной не интересуется.

Мать побежденно вздохнула:

- Ты хоть нормально питаешься, Лайл? Что-то ты осунулся.

Лайл показал объективу свое бедро.

- А это видала? Скажешь, перед тобой недокормленный, болезненный слабак?

- Может, навестишь меня, в кои-то веки нормально поужинаешь?

- Когда?

- Скажем, в среду. Я пожарю свиные отбивные.

- Может быть. Посмотрим. Я еще позвоню, ладно? - Лайл первым повесил трубку.

Присоединить кабель медиатора к примитивному телевизору оказалось нелегко, но Лайл был не из тех, кто пасует перед простой технической загвоздкой. Покраска была отложена на потом: он покопался в мини-зажимах и вооружился резаком для кабеля. Работая с современными тормозами, он научился справляться с волоконной оптикой.

Наладив телевизор, Лайл убедился, что тот предлагает до смешного узкий набор услуг. Современный медиатор обеспечивал навигацию в бескрайнем информационном пространстве, тогда как по этому ящику можно было смотреть всего лишь "каналы". Лайл успел забыть, что в Чаттануге можно принимать старомодные каналы даже по оптоволоконной сети. Каналы финансировало правительство, которое всегда

тащилось в хвосте по части овладения информационными сетями. Интересоваться ерундой на каналах общественного доступа мог только закоренелый ретроград, зануда и тугодум, не поспевающий за современными веяниями.

Оказалось, что телевизор может транслировать только политические каналы. Их было три: Законодательный, Судебный, Исполнительный. Для всех существовала только Североамериканская Территория Свободной Торговли НАФТА. Законодательный канал усыплял парламентскими дебатами по землепользованию в Манитобе; Судебный - адвокатским витийством о рынке прав на загрязнение воздуха;

Исполнительный канал показывал толпу, собравшуюся где-то в Луизиане в ожидании некоего события.

По телевизору нельзя было узнать о политических событиях в Европе, в Сфере, на Юге. Ни оглавления, ни "картинки в картинке". Приходилось пассивно ждать, что покажут дальше. Вся трансляция была построена так безыскусно и примитивно, что даже вызывала извращенное любопытство, словно вы подглядывали в замочную скважину.

Лайл остановился на Исполнительном канале,

так как на нем ожидалось событие. Рассчитывать на то, что монотонная жвачка по другим каналам сменится чем-то побойчее, не приходилось, он даже решил вернуться к покраске.

На экране появился президент НАФТА, доставленный вертолетом к месту сборища толпы. Из людской гущи выбежала многочисленная охрана, в облике которой странным образом сочеталась деловитость и ледяная невозмутимость.

Внезапно по нижнему краю изображения побежала текстовая строка из старомодных белых букв с неровными краями. "Смотрите, он не знает, где встать! Почему его толком не подготовили? Он похож на бездомного пса!"

Президент пересек бетонную площадку и с радостной улыбкой пожал руку кому-то из местных политиков. "Так жмет руку только отъявленная деревенщина. Этот южаниностолоп - бомба под твои следующие выборы!" Президент побеседовал с политиком и со старухой - видимо, женой политика. "Скорее прочь от этих кретинов! - бесновалась строка. - Быстрее на трибуну! Где твои помощники? Опять наширялись? Забыли о своих обязанностях?"

Президент хорошо выглядел. Лайл давно заметил, что президент НАФТА всегда хорошо

выглядит, словно это его профессиональное свойство. Европейские руководители всегда казались погруженными в свои мысли интеллектуалами, политики Сферы убеждали своим видом, что скромны и преданы делу, руководители Юга выглядели злобными фанатиками, а президент НАФТА, казалось, только что поплавал в бассейне и побывал на массаже. Его широкая, лоснящаяся, жизнерадостная физиономия была испещрена мелкими татуировками: на обеих щеках, на лбу, над бровями, еще несколько буковок на каменном подбородке. Не лицо, а рекламный плакат сторонников и заинтересованных групп.

"Он что, думает, что нам нечего делать? - не унимался текст. - Что за пустота в эфире? Неужели исчезли люди, способные как следует организовать трансляцию? И это называется информировать общественность? Если бы мы знали, что "инфобан" кончится подобным идиотизмом, то никогда бы на него не согласились".

Президент повернул к трибуне, заставленной ритуальными микрофонами. Лайл заметил, что президенты питают слабость к старым пузатым микрофонам, хотя существуют микрофоны с маковое зернышко.

- Ну, как делишки? - с улыбкой осведомился

президент.

Толпа приветствовала его воодушевленным криком.

- Подпустите людей поближе! - внезапно распорядился президент, обращаясь к фаланге телохранителей. - Давайте, братцы, подходите! Садитесь на землю. Мы тут все равны. - Президент благодушно улыбался потной толпе в шляпах, сгрудившейся вокруг и не верящей своему счастью.

- Мы с Мариэттой только что отменно пообедали в Опелузасе, - сообщил президент, похлопывая себя по плоскому животу. Он сошел с трибуны и смешался с луизианским электоратом. Пока он пожимал тянущиеся к нему руки, каждое его слово фиксировалось спрятанным у него в зубе микрофоном. - Лопали темный рис, красную фасоль - ох, и острая! - и устриц, да таких, что проглотят любого лангуста! - Он прищелкнул языком. - Ну и зрелище, доложу я вам! Я глазам своим не поверил.

Президентская охрана, не привлекая к себе внимания, обрабатывала толпу портативными детекторами. Нарушение протокола, допущенное президентом, не застало молодцов врасплох.

"Все понятно: опять собирается разразиться сво-

ей болтовней насчет генетики!" - гласили титры.

- В общем, у вас есть право гордиться сельским хозяйством своего штата, - сказал президент. - Агронаука у вас хоть куда! Я знаю, конечно, что на севере, в "снежном поясе", есть узколобые луддиты, которые долдонят, что мелкие устрицы лучше...

Смех в толпе.

- Заметьте, я не против. Если есть ослы, готовые расходовать честно заработанные деньги на мелких устриц, мы с Мариэттой не возражаем. Ведь правда, дорогая?

Первая леди улыбнулась и помахала рукой в перчатке.

- Но, братцы, мы-то с вами знаем, что эти нытики, жалующиеся на убывание естественной пищи, устриц в глаза не видели! Естественная пища скажите, пожалуйста! Кого они пытаются обвести вокруг пальца? Да, у вас тут не город, но это не значит, что ДНК вам неподвластна.

"Он неплохо выстроил региональный уклон. Для уроженца Миннесоты это успех. Но почему так бездарно работают операторы? Неужели всем на все наплевать? Что творится с нашими некогда высокими стандартами?"

К обеду Лайл покрыл велосипед последним

слоем эмали. Потом подкрепился кашей из тритикале и сжевал богатую йодом и прочими минералами губку.

После обеда он уселся перед настенным экраном, чтобы повозиться с инерционными тормозами. Лайл знал, что инерционные тормоза принесут большие деньги - когда-нибудь, где-нибудь, кому-нибудь. От самого принципа пахло будущим.

Лайл вставил в глаз лупу и стал копаться в механизме.

Ему нравилось превращение кинетической энергии в электрическую. Энергия, затраченная на торможение, снова шла в дело. В этом было заключено волшебство.

Лайл видел будущее в инерционных тормозах, улавливающих энергию и возвращающих ее посредством цепной передачи - непосредственно к мускулам ездока, без помощи опостылевшего бесплотного электричества. Если у него получится, велосипедист будет чувствовать себя естественно и одновременно ощутит себя немножко сверхчеловеком. Система должна была быть простой, поддающейся несложному ремонту. Всякие выкрутасы не годились, с ними велосипед потерял бы свою сущность.

У Лайла было много конструкторских идей. Он не сомневался, что претворил бы их в жизнь, если бы не выбивался из сил, пытаясь удержать на плаву мастерскую. Многие велосипеды оснащались теперь микросхемами, но между настоящим велосипедом и компьютером все равно нет ничего общего. Компьютеры - просто коробки, принцип их работы не виден глазу. К велосипедам же люди испытывают сентиментальные чувства; когда речь заходит о велосипедах, в человеке просыпается романтик. Поэтому на рынке не прижились велосипеды с лежачим положением ездока, хотя у них было много механических преимуществ.

Людям не захотелось сложных велосипедов. Они испугались, как бы велосипеды не стали вредничать, жаловаться, ныть, требовать внимания и постоянного усовершенствования, как это происходит с компьютерами. Велосипед - сугубо личный предмет и обязан служить долго.

Лайл услышал стук в дверь и пошел открывать. Внизу стояла рослая брюнетка с шортах, синей фуфайке без рукавов, с волосами, собранными в хвост. Под мышкой у нее был легкий тайваньский велосипед.

- Это вы - Эдвард Дертузас? - спросила она, задрав голову.

- Нет, - спокойно ответил Лайл. - Эдди в Европе.

Она подумала и сказала:

- Я недавно в Зоне. Сможете заняться моим велосипедом? Я купила его подержанным и думаю, что его надо подправить.

- Конечно, - отозвался Лайл. - Вы обратились к кому следует: Эдди Дертузас не умеет чинить велосипеды. Он просто жил здесь. А мастерская принадлежит мне. Давайте-ка свой велик.

Лайл нагнулся, поймал руль и втянул велосипед в мастерскую. Женщина уважительно смотрела на него снизу вверх.

- Как вас зовут?

- Лайл Швейк.

- А меня - Китти Кеседи. - Она помялась. - Мне можно войти? Лайл взял ее за широкое запястье и помог забраться в будку. Ее нельзя было назвать хорошенькой, зато она была в отменной спортивной форме, как горная велосипедистка или мастер триатлона. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, но внешность обманчива. Косметические операции и биокорректировка получили такое распространение, что определение возраста превратилось в серьезную проблему. Тут требовался вдумчивый, прямо-таки медицинский анализ век, верхнего слоя кожи

и прочего.

Она с любопытством огляделась и тряхнула Своим коричневым хвостом.

- А вы откуда? - спросил Лайл, уже успевший забыть ее имя.

- Я родилась в Джуно. Это на Аляске.

- Значит, канадка? Здорово! Добро пожаловать в Теннесси.

- Вообще-то Аляска была штатом США.

- Кроме шуток? - удивился Лайл. - Я, конечно, не историк, но карту с американской Аляской не видел.

- Надо же, у вас тут умещается целая мастерская! Поразительно, мистер Швейк! Что за этой занавеской?

- Незанятая комната, - ответил Лайл. - Раньше там ночевал мой сосед.

- Дертузас?

- Он самый.

- А теперь кто ночует?

- Теперь никто, - грустно ответил Лайл. - Теперь у меня там склад.

Она кивнула и с явным любопытством продолжила осмотр.

- Что это за трансляция?

- Трудно сказать, - ответил Лайл и выключил

телевизор. - Какая-то несусветная политическая чушь.

Он осмотрел ее велосипед. Все серийные номера были спилены. Типичный велосипед из Зоны.

- Первым делом, - начал он, - надо подогнать его под ваш рост и фигуру: подрегулировать высоту седла, педалей, руля. Потом я перетяну цепь, выровняю колеса, проверю тормоза и подвеску, все подкручу, смажу. В общем, все, как обычно. Седло надо бы сменить - это мужское. У вас кредитная карточка?

Он кивнула и сразу нахмурилась:

- Только кредита уже немного.

- Не беда. - Он открыл потрепанный каталог. - Здесь то, что вам нужно: выбирайте любое дамское седло. Его доставят завтра утром. А потом, - он полистал каталог, - закажите вот это.

Она подошла ближе и взглянула на страницу.

- Набор керамических гаечных ключей?

- Да. Я чиню вам велосипед, вы покупаете мне набор - и мы квиты.

- Идет! Это совсем недорого. - Она улыбнулась. - Мне нравится ваш подход, Лайл.

- Проживите в Зоне с мое - тоже привыкнете к бартеру.

- Раньше я не была скваттершей, - задумчиво

молвила она. - Вообще-то мне здесь нравится, но, говорят, здесь опасно?

- Не знаю, как в других городах, но в трущобах Чаттануги совсем не опасно, если, конечно, вы не боитесь анархистов, которые опасны, только когда напьются. Самое худшее, что может произойти, - вас время от времени будут обворовывать Ну, бродит тут парочка крутых парней, хвастающих, что у них есть пистолеты, но я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь пустил в ход огнестрельное оружие. Старые пистолеты раздобыть нетрудно, но для того, чтобы наделать боеприпасов, нужно быть настоящим химиком. - Он тоже улыбнулся. - А вы, кажется, способны за себя постоять.

- Я беру уроки танцев.

Он понимающе кивнул и вынул из ящика рулетку.

- Судя по тросам и блокам у вас на крыше, вы можете поднять свою мастерскую? Подвесить где-то наверху?

- Могу. Это спасает от взлома и нежелательных визитов. - Лайл посмотрел на электрическую дубинку на двери. Она проследила за его взглядом, и в ее глазах отразилось уважение.

Лайл измерил ей руки, торс, расстояние от паха

до пола и все записал.

- Готово. Приходите завтра днем.

- Лайл?

- Я вас слушаю. - Он выпрямился.

- Вы не сдаете угол? Мне нужно безопасное местечко в Зоне.

- Прошу извинить, - вежливо ответил он, - но я так ненавижу домовладельцев, что никогда не буду сам выступать в этом качестве. Мне нужен сосед и партнер, который мог бы работать наравне со мной в мастерской. Чтобы поддерживал жилище в порядке или вместе со мной чинил велосипеды. Да и вообще, если бы я взял с вас деньги или назначил квартплату, у налоговой полиции появился бы дополнительный повод ко мне привязаться.

- Это верно, но... - Она помолчала, потом томно взглянула на него из-под ресниц. - Со мной вам было бы лучше, чем в пустой мастерской.

Лайл удивленно приподнял брови.

- Я женщина, умеющая приносить мужчине пользу, Лайл. Пока что никто не жаловался.

- Вот как?

- Представьте себе. - Она отбросила смущение.

- Я обдумаю ваше предложение, - сказал Лайл. - Как, говорите, вас зовут?

- Китти. Китти Кеседи.

- Сегодня у меня полно работы, Китти, но мы увидимся завтра, хорошо?

- Хорошо, Лайл. - Она улыбнулась. - Подумайте, ладно?

Лайл помог ей спуститься и смотрел, как она шагает по атриуму и исчезает в дверях переполненного трущобного кафе. Потом он позвонил матери.

- Ты что-то забыл? - спросила она, оторвавшись от рабочего дисплея.

- Знаешь, в это трудно поверить, но только что мне в дверь постучала незнакомая женщина и предложила себя.

- Ты, видимо, шутишь?

- Надо полагать, в обмен на кров и стол. Я же обещал, что если это случится, ты узнаешь первая.

- Лайл... - мать подыскивала нужные слова. - По-моему, тебе надо меня навестить. Давай вместе поужинаем дома! Поедим, обсудим твои дела.

- Идет. Все равно я должен доставить один заказ на сорок первый этаж.

- Все это мне не слишком нравится, Лайл.

- Ладно, мам, увидимся вечером.

Лайл собрал свежевыкрашенный велосипед, переключил подъемное устройство на дистанци-

онное управление и покинул мастерскую. Сев на велосипед, он нажал кнопку.

Мастерская послушно взмыла в воздух и, слегка покачиваясь, повисла под черным от пожара потолком.

Лайл покатил к лифтам - туда, где прошло его детство.

Сначала он вернул велосипед счастливому идиотузаказчику, а потом, спрятав заработанную наличность в ботинок, отправился к матери. Там он принял душ, побрился. Они полакомились свиными отбивными и выпили. Мать жаловалась на конфликт с третьим мужем и плакала навзрыд, хоть и не так долго, как обычно, когда всплывала эта тема. У Лайла создалось впечатление, что она скоро совсем остынет, а там и подберет себе четвертого муженька.

В районе полуночи Лайл отклонил ритуальное материнское предложение пополнить его гардероб и устремился обратно в Зону. После матушкиного хереса у него плыло перед глазами, и он провел некоторое время у разбитой стеклянной стены атриума, глядя на тусклые звезды в подсвеченном городскими огнями небе. Ночью пещерная темнота Зоны привлекала его, как ничто другое. Тошнотворное круглосуточное

освещение, которым был залит весь остальной "Архиплат", здесь, в Зоне, так и не было восстановлено.

По ночам в Зоне кипела жизнь: все нормальные люди принимались обходить здешние подпольные пивнушки и ночные заведения; о том, что там происходило, можно было только догадываться - все двери были предусмотрительно затворены. Редкие красные и синие сполохи только добавляли загадочности.

Лайл вынул прибор дистанционного управления и опустил мастерскую. Дверь оказалась взломанной. Его последняя клиентка лежала без сознания на полу. На ней был черный комбинезон военного образца, вязаная шапочка, специальные очки и альпинистское снаряжение.

Первое, что она сделала, вломившись в заведение Лайла, - это вытащила из чехла висевшую у двери электрическую дубинку. За что и поплатилась разрядом в пятнадцать тысяч вольт и смесью краски и разрешенных к применению нервно-паралитических химикатов, ударившей ей в лицо.

Лайл обезвредил со своего дистанционного пульта сделавшую свое дело дубинку и аккуратно вернул ее в чехол.

Незваная гостья еще дышала, но иных признаков жизни не подавала. Лайл попробовал вытереть ей платком нос и рот.

Парни, продавшие ему чудо-дубинку, не зря хихикали, говоря о "несмываемоеТМ". Лицо и гордо женщины были теперь зелеными, а на груди красовалось пятно, отливавшее всеми цветами радуги. Половину лица закрывали ее диковинные очки. Подбирая для нее подходящее сравнение, Лайл остановился на еноте, повалявшемся на мольберте пейзажиста.

Попытка снять с нее испорченную одежду традиционным способом к успеху не привела, и он сходил за ножницами по металлу. С их помощью он избавил женщину от толстых перчаток и перерубил шнурки ее пневмореактивных башмаков. У черной водолазки оказалась абразивная поверхность, а грудь и спину незваной гостьи закрывала кираса, которую вряд ли удалось бы пробить даже из пушки.

В ее брюках он насчитал девятнадцать карманов, набитых всякой всячиной. Там было электро-паралитическое оружие, аналогичное по действию его дубинке, фонарик, пакетики с пыльцой для снятия отпечатков, нож с несколькими десятками лезвий, какие-то лекарства, пластмас-

совые наручники, а также мелкие деньги, четки, расческа и косметичка.

В ушах у женщины Лайл обнаружил крохотные микрофонные усилители, их удалось извлечь с помощью пинцета. После этого он сковал ей руки и ноги цепочкой для парковки велосипедов. Он боялся, как бы она, очнувшись, не принялась бесчинствовать.

Часа в четыре утра она разразилась кашлем и сильно задрожала. Летними ночами в мастерской действительно бывало зябко. Лайл придумал, как решить проблему, принес из незанятой комнаты теплосберегающее одеяло. В середине одеяла, он, как в пончо, проделал дыру для головы и надел на свою гостью. Потом, сняв с нее велосипедные кандалы (они бы ее все равно не остановили), он наглухо зашил все одеяло снаружи прочнейшей седельной нитью.

Прикрепив края пончо к ремню, он надел ремень ей на шею, застегнул и для верности повесил на пряжку замок.

Тело оказалось в мешке, из которого торчала одна голова, хрипевшая и пускавшая слюни.

Не пожалев суперклея, он намертво приклеил мешок с женщиной к полу. Одеяло было достаточно прочным; если она все равно сумеет

освободиться, пустив в ход ногти, - значит, она даст фору самому Гудини, и Лайлу здесь делать нечего. Он смертельно устал и вполне протрезвел. Лайл выпил глюкозы, заглотнул три таблетки аспирина, сжевал шоколадку и завалился в гамак.

Проснулся Лайл в десять утра. Пленница сидела в мешке с бесстрастным зеленым лицом, красными глазами и слипшимися от краски волосами. Лайл встал, оделся, позавтракал и починил сломанный дверной замок.

Он помалкивал - отчасти потому, что надеялся на молчание как на способ привести ее в чувство, отчасти потому, что опять забыл ее имя. К тому же он сомневался, что она назвалась настоящим именем.

Починив дверь, он повыше подтянул колотушку - чтобы их не беспокоили. Сейчас им надо побыть наедине.

Наконец Лайл включил настенный экран и антикварный телеприемник. При появлении дурацких титров женщина заерзала.

- Кто ты такой? - выдавила она.

- Я ремонтирую велосипеды, мэм.

Она фыркнула.

- Полагаю, ваше имя мне ни к чему, - сказал Лайл. - Важнее узнать, кто вас послал и зачем, а

также что я сам смогу извлечь из этой ситуации.

- Ничего не выйдет.

- Возможно, - согласился он. - Но вы-то полностью провалились. Я всего-навсего механик двадцати четырех лет из Теннесси, чиню велосипеды и никого не трогаю.

Зато на вас столько всяких штучек, что их хватило бы на пять таких мастерских, как моя.

Он открыл зеркальце из ее косметички и показал ей, как она выглядит. Зеленое лицо напряглось еще больше.

- Лучше расскажите, что вы замышляли.

- И не мечтай! - огрызнулась она.

- Если вы надеетесь на подмогу, то вынужден вас разочаровать - надежды тщетны. Я вас хорошенько обыскал, нашел все приспособления, которые на вас были, и повынимал из них батарейки. Некоторые я вижу впервые и понятия не имею, зачем они и как работают, но батарейка - она батарейка и есть. Прошло уже несколько часов, а ваши коллеги все не торопятся. Вряд ли они знают, где вас искать.

На это она ничего не ответила.

- В общем, - подытожил он, - вы провалили операцию. Вас поймал полный профан, и вы попали в положение заложницы, которое может длиться

сколь угодно долго. Моих запасов воды, лапши и сардин хватит на несколько недель. Если в вашу берцовую кость вмонтировано какое-нибудь тайное устройство, вы можете связаться хоть с самим Президентом, но мне все же кажется, что у вас возникли серьезные проблемы.

Она еще немного повозилась в своем мешке и отвернулась.

- Наверное, дело в этом антенном приемнике?

Она промолчала.

- Вряд ли он имеет какое-то отношение ко мне или к Эдди Дертузасу. Прислали-то его, видать, для Эдди, но он вряд ли об этом просил. Просто кому-то - может, его психованным дружкам в Европе - захотелось, чтобы у него был этот ящик. Раньше Эдди принадлежал к политической группе КАПКЛАГ слыхали о такой?

Не приходилось сомневаться, что она слышала это название не в первый раз.

- Лично мне эти типы всегда были не по душе, - продолжал Лайл. Сначала я клюнул на их разглагольствования про свободу и гражданские права, но достаточно разок побывать на их собрании на верхних этажах в пентхаусах и послушать, как они изрекают: "Мы должны подчиняться технологическим императивам или окажемся

на свалке истории" - и сразу становится ясно, что это просто никчемные богатенькие зазнайки, не умеющие завязать собственные шнурки.

- Это опасные радикалы, подрывающие национальную безопасность.

Лайл прищурился:

- Чью национальную безопасность, если не секрет?

- Вашу и мою, мистер Швейк. Я из НАФТА. Я федеральный агент.

- Почему же тогда вы вламываетесь в чужой дом? Разве это не запрещено Четвертой поправкой?

- Если вы имеете в виду Четвертую поправку к Конституции Соединенных Штатов Америки, то этот документ отменен много лет назад.

- Ну да? Что ж, вам виднее... Я не очень-то внимательно слушал учителей. Простите, вы называли свое имя, но я...

- Я говорила, что меня зовут Китти Кеседи.

- Ладно, Китти, мы сидим тут с тобой нос к носу и решаем нашу личную проблему. Как ты думаешь, что я должен сделать в этой ситуации? Чисто практически.

Китти раздумывала недолго.

- Немедленно меня освободить, вернуть все,

что забрал, отдать мне приемник и то, что к нему относится - записи, дискеты. Потом ты должен тайком провести меня через "Архиплат", чтобы из-за краски на лице меня не остановила полиция. Еще мне бы очень пригодилась сменная одежда.

- Ты считаешь?

- Такое поведение было бы наиболее разумным. - Она прищурилась. Ничего не могу обещать, но это самым благоприятным образом сказалось бы на твоем будущем.

- А ты не скажешь, кто ты, откуда явилась, кто тебя послал, что все это значит?

- Не скажу. Мне запрещено раскрываться при любых обстоятельствах. Да тебе и не нужно ничего знать.

Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, зачем тебе все это?

- Не хочу всю жизнь оглядываться, опасаясь, что ты выскочишь из темного угла.

- Если бы я хотела причинить тебе вред, то сделала бы это при первой же встрече. Кроме нас с тобой, здесь никого не было, и я могла бы запросто тебя нейтрализовать и забрать все, что мне требовалось. Так что лучше отдай мне приемник с дискетами и прекрати нелепый допрос.

- Представь, что я вломился в твой дом, Китти. Что бы ты со мной сделала? - Молчание. - Так у нас не получится. Если ты не скажешь, что здесь происходит, мне придется прибегнуть к крутым мерам.

Она презрительно скривила губы.

- Что ж, сама напросилась. - Лайл взял медиатор и сделал голосовой вызов. - Пит?

- Видеоробот Пита слушает, - ответил голос в телефоне. - Чем могу вам помочь?

- Передай Питу, что у Лайла Швейка крупные неприятности и я жду его у себя в мастерской. Пускай приведет с собой ребят покрепче из "пауков".

- Что за неприятности, Лайл?

- С властями. Крупные. Больше ничего не могу сказать. Боюсь прослушивания.

- Будь спок. Дело на мази. Бывай, братан.

Лайл сердито сбросил с верстака велосипед Китти.

- Знаешь, что меня больше всего злит? - сказал он. - Что ты не пожелала обойтись со мной по-человечески. Поселилась бы здесь честь по чести - и могла бы утащить свой дурацкий ящик и что угодно в придачу! Но у тебя не хватило порядочности. Кстати, тебе даже не пришлось бы ничего

красть, Китти! Достаточно улыбнуться, вежливо попросить - и я сам вручил бы тебе приемник и любые другие игрушки. Я все равно ничего не смотрю. Терпеть не могу эту дребедень.

- Это был экстренный случай. Времени на дополнительное обследование и внедрение не было. Так что перезвони своим гангстерам и скажи, что произошла ошибка.

Пусть лучше не приходят.

- Ты готова к серьезной беседе?

- Никаких бесед!

- Что ж, посмотрим.

Через двадцать минут у Лайла зазвонил телефон. Прежде чем ответить, он выключил экран. Звонил Пит, один из "городских пауков".

- Эй, где твоя колотушка?

- Прости, я втянул ее в мастерскую, чтобы н беспокоили. Сейчас спущу мастерскую.

Пит был высок ростом и худ, как и положено верхолазу. У него были загорелые руки и колени и огромные башмаки-прыгуны с крючками на носках. На кожаном комбинезоне без рукавов было полно зажимов и карабинов, за плечами болталась здоровенная матерчатая сума. На левой щеке, заросшей щетиной, красовалось целых шесть татуировок.

Пит глянул на Китти, приподнял заскорузлыми пальцами очки и внимательно изучил пленницу.

- Ну и ну, Лайл! Никогда бы не подумал, что ты так влипнешь.

- Да, дело серьезное. Пит.

Пит повернулся к двери и втащил в мастерскую женщину в костюме с кондиционером, в длинных брюках, ботинках на молнии и очках в металлической оправе.

- Меня зовут Мейбл.

- А меня Лайл. Там, в мешке - Китти.

- Ты говорил, что тебе нужна тяжелая артиллерия, вот я и захватил с собой Мейбл, - объяснил Пит. - Она социальный работник.

- Как я погляжу, ты держишь ситуацию под контролем, - сказала Мейбл, почесывая в затылке и озираясь. - Что случилось? Она проникла в мастерскую?

Лайл утвердительно кивнул.

- И первым делом схватилась за твою электрическую дубинку, - догадался Пит. - Я же предупреждал, воры сразу тянутся к оружию. - Пит довольно поскреб у себя под мышкой. - Главное, оставить его на виду. Вор никогда не избежит такого соблазна. - Он осклабился. - Срабатывает,

как часы.

- Пит из "городских пауков", - объяснил Лайл Китти. - Эта мастерская построена его ребятами. Как-то - темной ночью они подняли мой дом на высоту тридцать четвертого этажа посреди "Архиплата" - и никто даже слова не сказал, никто ничего не видел, они бесшумно проделали в стене дыру и втащили через нее мой домик.

Потом загнали в стену арматуру и подвесили мастерскую. "Пауки" фанатики верхолазания, как я фанатик велосипедов, только они относятся к своему занятию еще серьезнее, чем я, и их очень много. Они были среди первых скваттеров Зоны. Это мои друзья.

Пит встал на одно колено и заглянул Китти в глаза.

- Я люблю вламываться в разные места, а ты? Самое разлюбезное дело взять и куда-нибудь вломиться. - Он порылся в своей суме и вытащил фотоаппарат. - Только воровать - это неспортивно. Разве что прихватить трофеи как доказательство, что вы где-то побывали. - Он сделал несколько снимков. - Но вы, мэм, не устояли перед алчностью, внесли дух собственничества и присвоения в наше прекрасное дело и тем его предали. Вы поставили пятно на наш спорт. - Он выпрямился.

- Мы, "городские пауки", не любим заурядных грабителей, особенно тех, кто проникает с корыстными целями в жилища наших клиентов, вроде Лайла. А больше всего - безмозглых воров, застигнутых на месте преступления, как вы.

Пит нахмурил кустистые брови:

- Знаешь, как бы я предложил поступить, старина Лайл?

Давай обмотаем твою приятельницу кабелем с ног до головы, вынесем на людное место и повесим вниз головой под куполом!

- Не очень-то человеколюбиво! - серьезно заметила Мейбл. Пит оскорбление засопел.

- Учти, я не собираюсь брать с него плату! Представь, как изящно она будет вращаться при свете сотен фонарей, отражаясь в бесчисленных зеркалах!

Мейбл опустилась на колени и заглянула Китти в лицо.

- Она пила воду после того, как лишилась чувств?

- Нет.

- Ради Бога, Лайл, напои бедную женщину водой!

Лайл подал Мейбл пластмассовую бутылку.

- Кажется, вы оба так и не врубились, - сказал

он. - Полюбуйтесь, чего я с нее понаснимал! - Он показал им очки, ботинки, оружие, перчатки, альпинистское снаряжение и все прочее.

- Ух ты! - Пит нажимал на своих очках кнопки, чтобы рассмотреть инвентарь в мельчайших подробностях. - Это не простая грабительница, а прямо уличный самурай из "Пташек войны" или того почище!

- Она называет себя федеральным агентом.

Мейбл резко выпрямилась и отняла у Китти бутылку.

- Шутишь?

- Спроси у нее сама.

- Я социальный работник пятой категории из управления городского развития. - Она показала Китти удостоверение. - А вы кто?

- Я не готова к немедленному разглашению подобной информации.

- Прямо не верится! - Мейбл убрала потрепанное голографическое удостоверение обратно в фуражку. - Как я погляжу, ты поймал члена правореакционного секретного формирования! - Она покачала головой. - У нас в управлении только и слышишь о правых военизированных группах. Но я никогда не видела их боевиков живьем.

- Внешний мир полон опасностей, мисс соци-

альный работник.

- Она еще будет мне рассказывать! - возмутилась Мейбл. - Я работала на "горячей линии", уговаривала самоубийц не расставаться с жизнью, а террористов - не казнить заложников. Я профессиональный социальный работник! Я видела столько ужаса и страдания, сколько тебе и не снилось. Пока ты отжималась в своем тренировочном лагере, я имела дело с реальным миром. Мейбл машинально глотнула из бутылки. - Что тебе понадобилось в скромной велосипедной мастерской?

Китти не соизволила ответить.

- Кажется, дело в этом телеприемнике, - подсказал Лайл. - Его доставили сюда вчера. Через несколько часов явилась она и давай со мной заигрывать, намекать, что хочет здесь пожить. У меня сразу возникли подозрения.

- Естественно, - откликнулся Пит. - Промашка, Китти. Лайл сидит на антилибидантах.

Китти презрительно покосилась на Лайла.

- Теперь понятно! - выдавила она. - Вот, значит, во что превращается мужичок, перестав интересоваться сексом: в бесполое существо, ковыряющееся в гараже!

Мейбл вспыхнула.

- Слыхали? - Она пнула мешок с Китти ногой. - Какое ты имеешь право издеваться над чужими особенностями и интересами? Особенно после попытки превратить человека в объект сексуальной манипуляции в своих противозаконных целях? Совсем совесть потеряла? Да ты... Тебя надо судить!

- Попробуй.

- И попробую!

- Вот и давай подвесим ее за ушко на солнышке! - подхватил Пит. - И созовем прессу! Нам, "паукам", очень пригодится ее инвентарь: все эти уши-телескопы, порошок для снятия отпечатков с пальцев ног, подслушивающие устройства, присоски для лазания, специальный трос - все вместе! Только не ее военная обувка.

- Все это мое, - серьезно предостерег Лайл. - Я первым это увидел.

- Давай так, Лайл: ты уступаешь нам ее барахло, а мы прощаем тебе должок по монтажу мастерской.

- Держи карман шире! Одни ее боевые очки стоят всей этой мастерской.

- А меня интересует этот телеприемник, - алчно заявила Мейбл. Кажется, это не слишком сложное устройство? Оттащим-ка его парням из "Синего

попугая" и попросим разобрать на части. Запустим схему в Сеть и подождем, что выпадет из киберпространства.

- За ужасные последствия столь глупого и безответственного поступка будешь отвечать сама, - прошипела Китти.

- Ничего, я рисковая, - беззаботно ответила Мейбл, заламывая фуражку. Пусть моя либеральная головка от этого немного пострадает, зато твоя фашистская башка треснет, как гнилой орех.

Китти отчаянно завозилась в мешке. Все трое с интересом наблюдали, как она пускает в ход зубы и ногти, как молотит ногами. Результат был нулевым.

- Ладно, - прохрипела она, отдуваясь. - Я сотрудница сенатора Крейтона.

- Кого-кого? - спросил Лайл.

- Джеймса П. Крейтона - он сенатор от вашего Теннесси на протяжении последних тридцати лет.

- А я и не знал, - признался Лайл.

- Мы анархисты, - объяснил Пит.

- Я, конечно, слыхала об этом старом маразматике, - сказала Мейбл, - но сама я из Британской Колумбии, а мы там меняем сенаторов, как вы - носки. Если вы тут, конечно, меняете носки.

- Сенатор Крейтон чрезвычайно влиятелен! Он был сенатором США еще до избрания первого сената НАФТА. У него огромный штат из двадцати тысяч опытнейших и прет данных делу сотрудников. К нему прислушиваются в комитетах по сельскому хозяйству, банковскому делу, телекоммуникациям.

- Ну и что?

- А то, что нас, повторяю, целых двадцать тысяч, - голосу Китти недоставало бодрости. - Мы работаем не одно Десятилетие и добились хороших результатов. Сотрудники сенатора Крейтона заправляют важными делами в правительственных структурах НАФТА. Если сенатор отойдет от дел, это приведет к нежелательным политическим потрясениям. Возможно, вам странно слышать, что сотрудники сенатора могут быть так влиятельны, но если бы вы потрудились разобраться, как функционирует власть, то поняли, что я нисколько не преувеличиваю.

- Ты хочешь сказать, что даже у какого-то паршивого сенатора есть собственная карманная армия? - спросила Мейбл, почесывая в затылке. Китти оскорбленно вскинула голову.

- Он прекрасный сенатор! Когда у тебя двадцать тысяч сотрудников, вопрос о безопасности стоит

очень остро. В конце концов, у исполнительной власти всегда были свои силовые формирования. А как же баланс властей?

- Кстати, твоему старикашке уже лет сто двадцать или около того, напомнила Мейбл.

- Сто семнадцать.

- Как бы о нем ни заботились лучшие медики, ему осталось совсем чуть-чуть.

- Вообще-то его уже, можно сказать, нет... - призналась Китти. - Лобные доли отказали. Он еще способен сидеть и повторять то, что ему нашептывают, если подпитывать его стимулирующими препаратами. У него два вживленных слуховых аппарата, и вообще.., им управляет его видеоробот.

- Видеоробот? - задумчиво переспросил Пит.

- Очень хороший видеоробот, - сказала Китти. - Он тоже стар, но его надежно обслуживают. У него твердые моральные устои и отличный политический нюх. Робот почти ничем не отличается от самого сенатора в расцвете сил.

Но старость есть старость: он по-прежнему предпочитает старомодные информационные каналы, все время смотрит официальную трансляцию, а в последнее время совсем свихнулся и начал транслировать собственные коммен-

тарии.

- Всегда говорю: видеороботам доверия нет, - вставил Лайл. - Ненавижу!

- И я, - подхватил Пит. - Но даже роботы бывают приличнее политиков.

- Не пойму, в чем, собственно, проблема, - озадаченно произнесла Мейбл. - Сенатор Хиршхеймер давно уже находится на прямой нейронной связи со своим видеороботом, и у него самый обнадеживающий избирательный рейтинг. То же самое - у сенатора Мармалехо из Тамаулипаса: она, конечно, немного рассеянная, все знают, что она подсоединена к медицинской аппаратуре, зато она активный борец за права женщин.

- По-вашему, такого не может быть? - спросила Китги;

Мейбл покачала головой.

- Не собираюсь судить об отношениях индивидуума и его цифрового воплощения. Насколько я понимаю, это один из важнейших элементов неприкосновенности личности.

- Я слыхала, что в свое время это вызывало страшные скандалы. Возникала паника, когда становилось известно, что крупный правительственный чин - не более чем ширма для искусственного интеллекта.

Мейбл, Пит и Лайл переглянулись.

- Вас удивляет это известие? - спросила Мейбл.

- Нисколько, - ответил Пит.

- Велика важность! - поддакнул Лайл.

Китти, устав сопротивляться, уронила голову на грудь.

- Эмигранты в Европе распространяют приемники, способные дешифровать комментарии сенатора - то есть его видеоробота. Робот говорит так, как когда-то говорил сам сенатор - не на людях, конечно, и не под запись. В стиле его дневниковых заметок. Насколько известно, робот исполнял роль дневника... Раньше это был его портативный персональный компьютер. Он просто переводил файлы, совершенствовал программы, обучал его новым штукам вроде узнавания голоса и письма, потом оформил ему кучу доверенностей... В один прекрасный день робот вырвался на свободу. Мы считаем, что робот принимает себя за сенатора.

- Так велите ему заткнуться, и дело с концом!

- Невозможно. Мы даже не знаем наверняка, где он физически находится и как вставляет свои саркастические комментарии в видеорепортажи. В былые времена у сенатора было полно друзей в видеоиндустрии. Робот может вещать из множе-

ства разных мест.

- И это все? - расстроился Лайл. - Весь твой секрет?

Почему ты сразу не рассказала нам про приемник? Зачем понадобилось вооружаться до зубов и высаживать мою дверь? Твой рассказ меня убеждает. Я бы с радостью отдал тебе ящик.

- Не могла, мистер Швейк.

- Почему?

- Потому, - ответил за нее Пит, - что она представляет надутое чиновничество, а ты нищий механик из трущоб.

- Мне твердили, что здесь очень опасно, - сказала"

Китти.

- Вовсе не опасно! - возразила Мейбл. - Нисколечко. Для того чтобы представлять опасность, у них нет сил.

Здесь просто общественная отдушина. Городская инфраструктура Чаттануги перегружена. Сюда долго вкладывали слишком большие деньги. Городская жизнь полностью утратила свою непосредственность. Моральная атмосфера стала удушливой. Поэтому все втайне радовались, когда бунтовщики устроили пожар на трех этажах.

Убытки были возмещены по страховке. Первы-

ми сюда пришли мародеры, потом здесь стали прятаться дети, жулики, нелегалы. Наконец настал черед постоянного самозахвата. Дальше стали появляться мастерские художников, полулегальные мастерские, заведения под красным фонарем, кафе, пекарни. Скоро здесь станут открывать, свои офисы и кабинеты адвокаты, консультанты, врачи, благодаря этому будет починен водопровод, восстановлено центральное энергоснабжение. Цены на недвижимость подскочат, и вся Зона превратится в пригодный для жизни, благоустроенный город. Такое происходит сплошь и рядом.

Мейбл ткнула пальцем в дверь.

- Если вы хоть что-нибудь смыслите в современной городской географии, то понимаете, что подобное спонтанное возрождение городской среды обычнейшее явление. Пока хватает энергичной наивной молодежи, которая обитает в таких трущобах, с иллюзией, будто она свободна от остального мира, это будет происходить и дальше.

- О!..

- Представьте себе! Такие зоны удобны всем. Некоторое время люди могут баловаться нестандартными мыслями и позволять себе экстрава-

гантное поведение. Поднимают голову разные чудаки и безумцы; если им удается зашибить деньгу, они обретают законность, если нет - они падают замертво в спокойном местечке, где считается, что каждый отвечает за себя сам. Ничего опасного в этом нет. - Мейбл засмеялась, потом посерьезнела. - Ну-ка, Лайл, выпусти эту дурочку из мешка.

- Она там абсолютно голая.

- Значит, прорежь в мешке дыру и накидай ей туда одежды. Живее, Лайл!

Лайл сунул в мешок велосипедные шорты и фуфайку.

- А как же мой инвентарь? - спросила Китти, одеваясь на ощупь.

- Значит так, - постановила Мейбл. - Пит вернет тебе его через неделю, когда его приятели все перефотографируют. Пока что пусть инвентарь остается у него.

Считай, что так ты расплачиваешься с нами за наше молчание. А то возьмем и расскажем, кто ты и чем здесь занимаешься.

- Отличная мысль! - одобрил Пит. - Разумное, прагматичное решение. - Он стал сгребать имущество Китти в свою сумку. - Видал, Лайл? Всего один звонок старому "пауку" Питу - и все твои

проблемы решены. Мы с Мейбл умеем устранять кризисные ситуации, как никто другой! Вот и еще одна конфронтация, чреватая жертвами, разрешена без кровопролития. - Пит застегнул сумку. Все, братцы! Проблема решена. Лайл, дружище, если потребуется подсобить, только свистни! Держи хвост пистолетом. - Пит вылетел в дверь и понесся прочь со всей скоростью, какую ему помогали развить реактивные башмаки.

- Большое спасибо за передачу моего снаряжения в руки общественно опасных преступников, - сказала Китти. Потом, высунувшись из дыры и схватив с верстака резак, она стала вспарывать мешок.

- Это побудит вялых, коррумпированных, плохо финансируемых полицейских Чаттануги более серьезно относиться к действительности, - сказала Мейбл, сверкая глазами. - К тому же глубоко недемократично делать специальные технические сведения достоянием тайной военной элиты.

Китти попробовала пальцем керамическое лезвие резака, выпрямилась и прищурила глаза.

- Мне стыдно работать на то же правительство, что и ты.

- Ваша традиция, именуемая глубокой прави-

тельственной паранойей, безнадежно устарела. Раскрой глаза! Нами управляет правительство из людей с острым шизофреническим раздвоением личности.

- Какая низость! Я презираю тебя больше, чем могу выразить. - Она указала на Лайла. - Даже этот спятивший евнух-анархист в сравнении с тобой выигрывает. По крайней мере он ни у кого ничего не просит и ориентируется на рынок.

- Мне он тоже сразу понравился, - беззаботно откликнулась Мейбл. Хорош собой, в отличной форме, не пристает. К тому же умеет чинить мелкие приборы и имеет свободную квартиру. Переезжай к нему, детка.

- Ты это к чему? Считаешь, что я не смогу устроиться в Зоне так удачно, как ты? Думаешь, что у тебя авторское право на жизнь не по закону?

- Нет, просто тебе лучше засесть с дружком за запертыми дверями и не высовываться, пока не сойдет с лица краска. У тебя вид отравившегося енота. - Мейбл развернулась на каблуках. - Займись собой, а обо мне забудь. - Она спрыгнула вниз, села на свой велосипед и укатила.

Китти вытерла губы и сплюнула ей вслед.

- Ты когда-нибудь проветриваешь помещение? - окрысилась она на Лайла. Смотри, не доживешь

даже до тридцати, так и подохнешь здесь от запаха краски.

- У меня нет времени на уборку и проветривание. Я слишком занят.

- Значит, уборкой займусь я. Приберусь тут и проветрю. Все равно мне придется здесь побыть, понял? Может, довольно долго.

- Как долго? - осведомился Лайл. Китти уставилась на него.

- Кажется, ты не принимаешь меня всерьез. Учти, мне не нравится, когда меня не принимают всерьез.

- Ничего подобного! - поспешно заверил ее Лайл. - Ты серьезная, даже очень.

- Слыхал что-нибудь о поддержке мелкого бизнеса, дружок? О стартовом капитале, например? О федеральных субсидиях на исследования и развитие? Китти пристально смотрела на него, взвешивая слова. - Обязательно слыхал, мистер Спятивший Технарь. Считаешь, что федеральной поддержкой пользуется кто угодно, только не ты? Учти, Лайл, дружба с сенатором переводит тебя совсем в другую категорию. Улавливаешь, куда я клоню?

- Кажется, да, - медленно ответил Лайл.

- Мы еще об этом побеседуем, Лайл. Надеюсь,

ты не будешь возражать?

- Какие могут быть возражения!

- Здесь, в Зоне, творится много такого, чего я сперва не понимала. Это очень важно. - Китти смолкла и стряхнула с волос каскад зеленых хлопьев высохшей краски. - Сколько ты заплатил этим гангстерам-"паукам" за подвешивание твоей мастерской?

- Это была бартерная сделка, - ответил Лайл.

- Как ты думаешь, они сделают то же самое для меня, если я заплачу наличными? Сделают? Мне тоже так кажется. - Она задумчиво кивнула. - Эти "пауки" вроде бы неплохо оснащены. Ничего, я избавлю их от этой ведьмы-левачки, прежде чем она превратит их в революционеров. - Китти вытерла рукавом рот. - Ведь мы находимся на территории, подопечной моему сенатору! Мы совершили глупость, отказавшись от идеологической борьбы только из-за того, что здесь живут отбросы общества, не посещающие избирательные участки. Именно поэтому здесь важнейшее поле битвы!

Эта территория может сыграть ключевую роль в культурной войне. Сейчас же позвоню в офис и все обговорю. Мы не можем оставить этот участок в лапах самозваной королевы мира и

справедливости.

Она фыркнула и вытащила из спины занозу.

- Немного самоконтроля и дисциплины - и я спасу этих "пауков" от них самих и превращу их в поборников законности и порядка. За дело!

***

Две недели спустя на связь с Лайлом вышел Эдди. Он звонил из пляжного домика где-то в Каталонии, на нем была шелковая цветастая рубашка и новенькие, с виду чрезвычайно дорогие очки.

- Как дела, Лайл?

- Порядок, Эдди.

- Жалоб нет? - У Эдди на щеке появились две новые татуировки.

- Никаких. У меня новая напарница. Специалистка по боевым искусствам.

- На этот раз ты с ней ладишь?

- Да. Она не сует нос в мою работу с велосипедами. В последнее время велосипедный бизнес набирает обороты.

Возможно, я получу официальную линию электроснабжения, дополнительную площадь, стану опять принимать заказы по почте. У моей новой напарницы уйма полезных связей.

- Поздравляю, Лайл. Дамочкам ты по вкусу. Ты ведь никогда им не противоречишь. Им только этого и надо. - Эдди наклонился вперед, отодвинув пепельницу, полную окурков с золотыми фильтрами. - Ты получаешь посылки?

- Регулярно.

- Хорошо, - поспешно сказал Эдди. - Теперь можешь от всего этого избавиться. Мне эти копии уже ни к чему. Сотри данные, а диски уничтожь или продай. У меня тут наклевываются новые делишки, и старый мусор мне без надобности. Все равно это детские игрушки.

- Ладно, как скажешь.

- Ты не получал одну посылочку?.. Аппаратик, вроде как телеприемник?

- Как же, получил!

- Отлично, Лайл. Вскрой его и все внутри закороти.

- Прямо так?

- Да. Закороти, разбей на куски и повыкидывай в разные места. Это опасная вещь, Лайл, ты понял? Я больше не хочу головной боли.

- Считай, что ты уже от нее излечился.

- Вот спасибо! Больше тебя не будут беспокоить посылками. - Он помолчал. - Но это не значит, что я не ценю твои прежние усилия и добрую волю.

- Лучше расскажи, как твоя личная жизнь, Эдди, - скромно предложил Лайл. Эдди вздохнул.

- В разгаре. Сначала это была Фредерика. Раньше мы ладили, а потом... Не знаю, с чего я взял, что частные детективы - сексуальная порода. Видать, совсем спятил. В общем, теперь у меня новая подружка. Политик! Радикальный член испанских кортессов. Можешь себе представить?

Я сплю с депутатом одного из местных европейских парламентов! - Он засмеялся. - Политики - вот где таится секс! Знал бы ты, Лайл, какие это горячие штучки! У них и харизма, и стиль, и влияние. Деловой народец! Знают обходные дорожки, умеют подлезть с изнанки. С Виолеттой мне так весело, как еще ни с кем не бывало.

- Рад слышать, дружище.

- Это еще приятнее, чем ты можешь подумать.

- Ничего, - снисходительно ответил Лайл, - у каждого ведь своя жизнь, Эдди.

- Истинная правда!

Лайл кивнул.

- У меня дела, Эдди.

- Все совершенствуешь свои инерционные.., как их там?

- Тормоза. В общем, да. Здесь нет ничего невозможного. Я много над этим работаю и уже близок

к решению.

Принцип ясен, а это самое главное. До всего остального можно додуматься.

- Слушай, Лайл... - Эдди отхлебнул из бокала. - Ты, часом, не подсоединял этот ящик к антенне и не смотрел его?

- Ты меня знаешь, Эдди, - ответил Лайл. - Кто я такой? Простой парнишка с гаечным ключом.

Такламакан

Перевод с английского М. Левина

Ветер, сухой как мерзлая кость, терзал землю снаружи, и его мертвецкий вой доносился приглушенным стоном.

Катринко и Спайдер Пит стояли лагерем в глубокой скальной трещине, завернувшись в пушистую темноту. Пит слышал, как дышит Катринко, чуть стуча зубами. Подмышки бесполого существа пахли мускатным орехом.

Спайдер Пит затянул бритую голову спексом.

Снаружи пушистого гнезда липкие глаза десятка гелькамер расплескались по камню пожирающей небо паутиной наблюдения. Пит тронул рукоятку спекса, вызвал светящееся меню и подключил визуал к внешнему миру.

По ярдангам злобным туманом летела пыль. Полумесяц луны и миллиарды пустынных звезд, светясь как призрачные глаза, вертелись над жуткими ветровыми скульптурами Такламакана. Если не считать Антарктиды или глубин Сахары - мест, которые Пит не дал себе труда посетить, - эта центрально-азиатская пустыня

была самым безлюдным, самым заброшенным местом на Земле.

Пит подрегулировал параметры, прогнав ландшафт через полосу ложных цветов. Записав серию панорамных снимков, он пометил весь метраж географическими координатами, а потом подписал штампом даты и времени от пролетавшего спутника-шпиона НАФТА.

Всю серию он сохранил в гель-мозгу. Этот гель-мозг был кусочком нейронной биотехники размером с орех, выращенным точно по образцу острейшей визуальной коры американского лысого орла. Никогда еще у Пита не было такого отличного и дорогого фотографического оборудования. Гель-мозг он держал в паховом кармане.

Работать с последними моделями федеральной шпионской аппаратуры Питу было приятно до интимности. За такую привилегию Спайдер Пит готов был пойти на смерть.

Военного смысла в лишней серии снимков безлюдной пустыни не было, но помеченные фотографии покажут, что Катринко и Пит были на назначенном рандеву. Там и тогда, когда надо было. Ожидая того самого человека.

А он запаздывал.

За время короткого профессионального зна-

комства Спайдер Пит встречал Подполковника во многих совершенно неожиданных местах. Гараж в Пентагон-Сити. Морской ресторанчик под открытым небом в Кабо-Сан-Лукасе. На пароме, идущем к Стейтен-Айленду. И никогда еще заказчик не опаздывал на рандеву больше чем на микросекунду.

Небо стало грязно-белым. Пена, искры, полный вони зенит. Все завизжало, задергалось, закувыркалось. Мерзкий звук грома. Сильно затряслась земля.

- Ч-черт, - сказал Пит.

***

Подполковника они нашли около восьми утра. Куски посадочного модуля раскидало почти на полкилометра, Катринко и Пит умело крались по грязно-желтой гряде выветренных валунов. Камуфляж менял цвет моментально, сливаясь с ландшафтом и подстраиваясь под освещение.

Пит приподнял маску с лица, вдохнул разреженный, безжалостный, металлический воздух и произнес вслух:

- Это он и есть. Никогда не опаздывал на встречу.

Бесполая сняла маску и утонченным жестом

смазала губы и десны силиконовым гелем от испарения. Голос ее странной флейтой зазвучал на фоне назойливого ветра:

- Наверное, противокосмическая оборона засекла его радаром.

- Вряд ли. Если бы его сбили на орбите, он бы размазался по всей... Нет, что-то случилось около самой земли. - Пит показал на разметанные охряные камни. - Видишь, вот тут стальной модуль ударился и кувыркнулся. До удара он не горел.

Бесполая с непринужденной ловкостью ящерицы взлезла на булыжник высотой с трехэтажный дом, огляделась в поисках следов, умело играя рукоятками спекса. Потом так же ловко спустилась на землю.

- Значит, противовоздушного огня не было? Перехватчики ночью не летали?

- Не летали. Да тут вообще нет людей на площади больше, чем штат Делавар.

Бесполая подняла взгляд:

- Так что ты думаешь, Пит?

- Я думаю, это был несчастный случай.

- Чего?

- Несчастный случай. При тайном проникновении на посадочном модуле может многое случиться.

- Что, например?

- Гравитаторы, например, могут отказать. Неисправность системы. А может, он просто потерял сознание.

- Он был федеральным военным разведчиком, а ты мне хочешь сказать, что он упал в обморок? - Катринко манерно поправила спекс толстыми пальцами перчаток. - И вообще, какая разница? Он ведь не стал бы сам вести космический корабль?

Пит потер резиновую линию маски, освобождая покалывающую вмятину на темной татуированной щеке.

- Вообще-то стал бы. Он был пилотом. У военных это очень престижно. Летать вручную, в глубине территории Сферы, скрытое проникновение в глубокий тыл противника... Тут есть чем похвастаться после на Потомаке.

Бесполая восприняла эту новость без пренебрежения.

Как один из лучших скалолазов в мире, она сама была любителем бесполезной демонстрации опасных упражнений.

- Я могу туда залезть. - Она помолчала. - Хотя поломка очень серьезна.

Они снова загерметизировали маски. Главным

дефицитом была вода, а проблемой - выдыхание пара. Вода организма утилизировалась в костюмах, и ее запас пополнялся случайными находками пятен инея. Тубы с пищевой пастой и концентрат из запаса глайдера кончился три долгих дня тому назад, и с тех пор есть не приходилось. И все же Пит и Катринко держались отлично, живя на больших кусках вживленного под кожу жира.

Скорее по привычке, чем по очевидной необходимости, Пит и Катринко переключились в режим уничтожения следов. Спрятать стелс-модуль труда не представляло - корабль был невидим для радаров и полностью поддавался биологическому разложению. В резком ветре и холоде Такламакана самые большие обломки уже потемнели и стали крошиться, как пустые панцири кузнечиков. Все физические следы уничтожить было невозможно, но воздушную разведку обмануть вполне удалось бы.

Подполковник был мертв до последней степени. Он свалился с неба в полной военной броне НАФТА - в прыгающем, пробивающем кирпичи, плюющемся молниями экзоскелете, со всеми приспособлениями и приборами. Мощное и гибкое снаряжение, совсем другого класса, чем фиброз-

но-желейное на этих двух городских дурачках.

Но удар при посадке немилостиво обошелся с бронекостюмом, и еще жестче - с костями, жилами и кровью внутри.

Пит с тяжелым сердцем собирал в мешок куски покрупнее. Ничего хорошего он о Подполковнике сказать бы не мог: хитрый, беспощадно честолюбивый, скорее всего - сумасшедший. И все же Пит искренне сожалел о гибели своего работодателя. В конце концов, именно эти качества в первую голову навели Подполковника на мысль завербовать Спайдера Пита.

И еще Питу было искренне жаль простодушную ясноглазую молодую вдову и двух рыжих ребятишек в Огасте, штат Джорджия. В жизни он никогда их не видел, но Подполковник любил о них рассказывать и всегда показывал фотографии. Он был на добрых пятнадцать лет моложе Пита, пацан еще совсем, и никогда он не бывал счастливее, чем когда вручал мешки денег, психованные приказы или дорогое оборудование людям, которым ни один человек в здравом уме горелой спички не доверил бы. А теперь он лежит здесь, в холодном пустом сердце Азии, превратившись в желе с костяными кусочками.

Катринко еще раз осмотрела местность, пока

Пит под карнизом выкопал алмазной киркой ямку, бритвенно-острым лезвием откалывая куски сланца.

Принеся последние кусочки работодателя, Катринко по-птичьи присела на ближайший камень, задумчиво пощипывая кусочек навигационной консоли модуля.

- А знаешь, этот гель-мозг вполне ничего, когда высохнет. Как печенье.

Пит хмыкнул:

- Может, ты от него сейчас кусочек лопаешь.

- И тоже полно добрых углеводов и белков.

Под импровизированную пирамиду Подполковника последним положили разбитый сапог. Кучка камней лежала здесь веками, и несколько струек эпоксидки сделали ее тверже кирпичной стены.

Был уже полдень, но температура держалась прилично ниже точки замерзания. В январе в Такламакане теплее не бывает. Пит вздохнул, стряхнул песок с локтей и коленей, потянулся. Тяжелая это работа - уборка, самая тяжелая во всем проникновении, потому что ее приходится делать, когда первый адреналин уже схлынул. Он протянул Катринко конец фибергласового оптоволоконного кабеля, чтобы можно было

разговаривать, не пользуясь рацией и не снимая масок.

Подождав, пока она подключит кабель, Пит сказал в микрофон:

- Так что теперь идем обратно к глайдеру.

Бесполая удивленно подняла глаза:

- Как это?

- А вот так, Тринк. Вот этот друг, что мы сейчас похоронили, и был настоящим шпионом, которому дали задание. Мы с тобой были у него шестерками и резервом. Задание накрылось.

- Но мы же ищем огромную тайную ракетную базу?

- Вроде бы да.

- И мы должны были найти этого монстра, проникнуть и записать всю секретную информацию, которую никто не видел, кроме мандаринов. Потрясающее задание!

Пит вздохнул:

- Признаю, что задание очень высокой важности, но я уже старый человек, Тринк. Мне нужно что-то взамен, что-то с настоящими деньгами.

Катринко рассмеялась:

- Пит, это же звездолет! Целый флот, быть может! Тайно построенный в этой пустыне китайской разведкой и японскими инженерами!

Пит покачал головой:

- Это параноидальная чушь, которую придумал вот этот армейский летчик, чтобы добыть грант и разрешение на операцию. Ему просто надоело сидеть в подвале за письменным столом.

Катринко сложила на груди гибкие жилистые руки.

- Послушай, Пит, ты видел те же материалы, что и я.

Ты видел все спутниковые снимки. Видел анализ передвижений. Люди Сферы затеяли здесь что-то крупное.

Пит огляделся. Совершенным сюрреализмом показалась ему эта дискуссия под огромным, грозным, затянутым пылью небом, среди изъеденных песчаными бурями сланцев.

- Что-то они когда-то здесь большое построили, согласен. Но я никогда не считал версию Подполковника особо вероятной.

- И что же в ней невероятного? У русских сто лет назад была в пустыне тайная ракетная база. Американские пустыни набиты военными секретами и пусковыми установками. А теперь люди Азиатской Сферы полезли в ту же игру. Все сходится.

- Нет, никак не сходится. Никто не ведет гонки

в космосе ради строительства звездолета. Они в космическую гонку не входят. Полет к звездам занимает четыреста лет.

И никто не будет финансировать серьезный военный проект, который может окупиться только через четыреста лет.

А менее всех - шайка умных и хитрых азиатов, привычных к экономическим войнам.

- Ладно, но они точно что-то строят. Послушай, нам только надо найти комплекс, проникнуть внутрь и чего-нибудь задокументировать. И это мы можем! Таким людям, как мы, никогда не были нужны федеральные начальники, чтобы помочь проникнуть в здание и нащелкать снимков. Мы это всегда делаем - для этого и живем.

Пита тронул игровой азарт девчонки. Она действительно мыслит как Спайдер - городской паук. Но все-таки Питу было пятьдесят два года, и он решил, что должен хотя бы попытаться быть рассудительным.

- Надо быстро волочь свои несчастные кости к глайдеру и проскакивать обратно над Гималаями. Можем полететь в Вашингтон туристским классом из Дели. Нас будут допрашивать во дворце загадок. Мы им расскажем печальные новости о нашем неудавшемся боссе. Тут у нас

будет достаточно вещественных доказательств... Шпионы нам что-то заплатят за несостоявшуюся работу и велят не совать носа дальше. Вот тогда пойдем и съедим по свиной отбивной.

Тонкие плечи Катринко упрямо согнулись под выпуклостями изолирующего камуфляжа. Очень ей эти речи не нравились.

- Питер, я не отбивных себе ищу. Я ищу возможности проверить себя как профессионала, ты понимаешь? Надоели мне эти мелкоуголовные проделки, перебиваться мелочевкой, влезая на сетевые сайты и проникая в офисы мэров... Это же мой крупный шанс!

Пит двумя пальцами в перчатках забарабанил по подбородку маски.

- Я понимаю, что ты не в восторге. Я это знаю, но ты же уже в свое время стал Спайдером, Легендой, Чемпионом! А теперь мой шанс, и ты предлагаешь сматывать удочки.

Питер поднял руку:

- Погоди, я этого не говорил!

- Ну, так ты сказал, что уходишь. Поворачиваешься спиной. И даже не хочешь посмотреть сперва!

- Нет, - с нажимом сказал Пит, - я думаю, ты меня слишком хорошо для этого знаешь, Тринк.

Я все еще Спайдер. Я не бросаю игры, всегда хотя бы посмотрю сперва.

***

После этого темп задавала Катринко. Пит был рад пустить ее вперед. Совершенно глупая была мысль - выполнять задание без прикрытия Подполковника. Но тоже глупой, хотя по-другому и по-новому, была бы мысль вернуться домой в Чаттанугу.

Людям профессии Пита не полагалось завязывать. Он однажды попытался это сделать, действительно попытался восемь лет назад после лопнувшего дела в Брюсселе. Он тогда получил нормальную работу на заводе педальных самолетов Лайла Швейка - спортивный магнат-миллионер был ему обязан услугой. И Швейк постарался отплатить по-честному.

Но быстро прошел слух, что Пит когда-то был чемпионом среди Спайдеров. Эти идиоты, с которыми он работал, начали отпускать многозначительные замечания. Некоторые просили его о так называемых "одолжениях" или пытались его охмурить. И оказалось, что нормальные люди - это самый большой геморрой.

Пит предпочитал общество людей с серьез-

ными вывертами. Тех, которым действительно что-то небезразлично, настолько, что они готовы уйти в это с головой. Людей, которые от жизни хотят не только папочки, мамочки, денег и могилы.

У края гряды они остановились для рекогносцировки.

Пит закрепил выносной глаз на конце катушки и запустил в воздух. На вершине траектории, с высоты шестого этажа, глаз сделал панорамный снимок.

Соединив спексы. Пит и Катринко вместе изучили изображение. Катринко, ткнув пальцем, подсветила участок внизу:

- Вот это на что-то похоже.

- Ты про эту расщелину?

- Тебе надо почаще бывать под открытым небом. Пит.

Мы, скалолазы, называем такое дорогой.

Пит и Катринко с профессиональной осторожностью подошли к дороге. Это была мощеная лента шлакоблоков, изъеденных временем и засыпанных движущимися песками. Ее построили из выгоревшего клинкера, остающегося после больших городских мусоросжигателей - вещества, которое азиаты используют для покрытия

дорог, потому что все остальное из него уже использовано.

Шлаковая дорога видала когда-то серьезное движение.

Там и сям виднелись следы шин, глубокие колеи на обочинах, дыры, где когда-то стояли светофоры или камеры наблюдения.

Пит и Катринко пошли вдоль дороги на почтительном расстоянии, остерегаясь мониторов, растяжек, наземных мин и многих других возможных неприятностей. На отдых они остановились в высохшем русле реки, мост через которую был тщательно убран, и остались лишь аккуратные гнезда опор в русле и что-то вроде дуги в воздухе.

- Самое жуткое, - сказал Пит по кабелю, - это как тут дьявольски чисто. Это ж дорога? Значит, кто-то мог выбросить пивную банку, старый ботинок хоть что-то.

Катринко кивнула:

- Я думаю, роботы постарались.

- Да, конечно.

Она развела руками в пухлых перчатках:

- Тут же работала Сфера, значит, роботов было полно. Думаю, они и построили эту дорогу. Они ее и использовали. Они тут носили тонны вся-

кого, чего им приходилось носить. Потом, когда большой проект закончился, роботы унесли все, что стоило хоть каких-то денег.

Все дорожные знаки, мосты - все вообще. Очень тщательно, не оставляя слабины. Как работают в Сфере. - Катринко положила подбородок в маске на согнутые колени, будто замечталась. - Если есть много места в пустыне и труд роботов так дешев, что измерить трудно, может получиться много жуткого и странного.

Катринко не теряла зря времени на тех инструктажах в разведке. Пит видал много таких, которые хотели стать Спайдерами, даже некоторых сам обучал. Но у Катринко было то, что отличает подлинного Спайдера: желание, физическая одаренность, беспощадная целеустремленность и даже сообразительность. Для нее самым трудным будет не попадать в тюрьмы и морги.

- Ты здорово восхищаешься Сферой, детка. Тебе действительно нравится их стиль работы.

- А я всегда любила все азиатское. У них еда куда лучше европейской.

Пит воспринял это уже на ходу. НАФТА, Сфера и Европа - три сверхдержавы, задирающие друг друга с неприятной регулярностью солнечных пятен, иногда заваривающих бури среди ре-

жимов-сателлитов на Юге. За свои пятьдесят с хвостиком лет Пит не раз видел, как Азиатская Кооперативная Сфера меняла свой публичный образ, подчиняясь непонятному политическому ритму.

Экзотическое место для отпуска по вторникам и четвергам. Пугающая чужеземная угроза по понедельникам и средам. Серьезный торговый партнер на все дни, в том числе выходные и праздничные.

В настоящий политический момент Азиатская Кооперативная Сфера глубоко ушла в режим Непостижимого Зла и в мрачных газетных шапках заняла место главного экономического врага НАФТА. Насколько мог понять Пит, это в основном значило, что большая банда отупевших североамериканских экономистов хотела изобразить из себя настоящих мачо. Главной их претензией было, что Сфера продает НАФТА слишком много аккуратных, дешевых и хорошо сделанных потребительских товаров. Уж из-за этого-то погибать было бы крайне глупо, но люди гибли массами и по причинам куда более странным.

***

На закате Пит и Катринко увидели гигантские предупреждающие знаки огромные щиты из эпоксидки и клинкера, куда тверже гранита. Высотой в четыре этажа, тщательно закрепленные в камне пустыни и тщательно изрисованные зловещими угловатыми символами и текстовыми предупреждениями по крайней мере на пятидесяти языках. Английский шел третьим.

- Радиоактивные отходы, - заключил Пит, быстро пробежав текст через свой спекс с расстояния в два километра. - Это радиоактивная свалка, ну и ядерный испытательный полигон. Прежние красные китайцы испытывали водородную бомбу в Такламакане. - Он задумался. - Надо отдать им должное, выбрали правильное место'.

- Ерунда! - возразила Катринко. - Гигантские каменные знаки, предупреждающие, что вход воспрещен? Это явно отвлекающий маневр.

- А то, что они использовали роботов и потом разрушили все дороги?

- Ничего Не значит. Это как если тебе надо в наши дни спрятать что-то важное. Ты же не поместишь это за стены, потому что сейчас у каждого есть магнитометры, эхолокаторы и теплодетек-

торы. Так что самое лучшее ты будешь прятать среди мусора.

Пит оглядел окрестности на телефото, сделанном спексом. Они с Катринко прятались на склоне над плейасом, где когда-то потоком промыло большой аллювиальный веер отполированных пустыней зернистых камешков. Здесь даже что-то росло - низенькие жилистые травы с жирным восковым блеском былинок, похожих на пальцы мертвеца. Эта зловещая растительность не была похожа ни на какую знакомую Питу траву. Как будто эта трава блаженно заглатывала шальной плутоний.

- Знаешь, Тринк, давай будем проще. Мне кажется, что эта так называемая база звездолетов - просто огромная радиоактивная помойка.

- Может быть, - признала бесполая. - Но даже если это правда, то за такие новости все равно стоит заплатить.

Если мы здесь найдем пустые бочки или плохо обслуженные топливные стержни, это же будет политическая бомба, так? А доказательства будут чего-то стоить.

- Хм! - сказал удивленный Пит. Но она была права.

Долгий опыт подсказывал Питу, что среди чу-

жого мусора всегда найдется полезный секрет. - И это стоит того, чтобы светиться в темноте?

- А в чем проблема? - возразила Катринко. - У меня детей не будет, я об этом давно позаботилась. А у тебя их и так достаточно.

- Может быть, - буркнул Пит, Четверо детей от трех женщин. Ему долго и трудно пришлось постигать истину, что женщины, тающие при виде свободного и сексуально крутого мужика, обязательно растают и при виде следующего свободного и сексуально крутого мужика.

А Катринко думала о том, что надо сделать:

- Вполне должно получиться. Пит. У нас есть костюмы и дыхательные маски, и здесь нам не надо ничего есть или пить, так что мы практически от радиации прикрыты.

Значит, сегодня станем лагерем подальше от помойки. Перед рассветом проникаем внутрь, быстро все смотрим, щелкаем снимки и линяем. Чистая классическая работа по проникновению. Вокруг нет жителей, никто нам не помешает.

А когда у нас будет что показать шпионам, двигаем домой.

Может, что-нибудь и продадим.

Пит обмозговал сказанное. Перспектива, в общем, не-, дурная. Работа грязная, зато задание

будет выполнено. И еще - что Пита больше всего и привлекало - люди Подполковника не станут посылать сюда другого беднягу.

- А потом - к глайдеру?

- Да, потом к глайдеру.

- О'кей, договорились.

***

Перед рассветом следующего дня они накачались спортивными стимуляторами, сваренными в кишках соответствующих генно измененных клещей, сохраняемых в спячке под мышками. Потом подогнали снаряжение и подобно призракам перелезли огромную стену.

Просверлив крошечную дыру в крыше одного из серых полузакопанных ангаров, они просунули туда шпионский глаз.

Взрывоупорные ряды саркофагов бочкообразной формы, твердых и блестящих, как полированный гранит. Большие сварные контейнеры для радиоактивных отходов, каждый размером с бензовоз. Они выстроились аккуратными рядами в герметичной темноте, немые как сфинксы. Похоже, они еще двадцать тысяч лет могут так простоять.

Пит снова разжижил гель-камеру и вытащил ее

назад, потом запечатал дырочку каменной пастой, и они с Катринко слезли по склону пыльной крыши. На песчаных наносах, громоздящихся чуть ли не до вершины купола, змеились следы ящериц. Эти здоровые свидетельства жизни серьезно ободрили Пита.

И снова они беззвучно перелезли через стену, обратно в грот, где оставили снаряжение. Там они сняли маски, чтобы снова поговорить.

Пит привалился за камнем, наслаждаясь расслаблением после опасной работы.

- Прогулочка, - сказал он. - Пикник.

Пульс у него уже снизился до нормы и, к его радости, не ощущалась подозрительная боль под ложечкой.

- Надо отдать им должное, роботы действуют чисто.

Пит кивнул:

- Коронное применение для роботов - обслуживание смертельно ядовитой свалки.

- Я сделала телефото всей территории, - сказала Катринко, - и воды здесь нигде нет. Ни башен, ни трубопроводов, ни колодцев. Много без чего могут обойтись люди в пустыне, но не без воды. Здесь все наглухо мертво. И всегда было мертво. - Она помолчала. - С начала и до конца здесь были

только роботы-автоматы. Ты понимаешь, что это значит. Пит? Что ни один человек этого места не видел. Кроме нас с тобой.

- Так мы первые! Впервые осуществили сюда проникновение! Это просто чудесно, - ответил Пит в приливе профессиональной гордости.

Он оглядел галечную равнину вокруг обнесенной стеной территории и нажал кнопку, перенося последнюю серию снимков спекса в архив гель-мозга. Два десятка огромных куполов, построенных по камешку гигантскими роботами, работающими с безмозглой точностью термитов.

Раскинувшиеся купола выглядели так, будто окоченели на месте, и края их растаявшими леденцами вплавлялись в мелкие неровности пустыни. Со спутников купола наверняка сходят за естественные образования.

- Давай не будем мешкать, ладно? Я вроде как чувствую, будто эти рентгеновские пальцы перебирают атомы моей ДНК.

- И тебя это так волнует. Пит?

Пит засмеялся и пожал плечами:

- Какая разница? Работа кончена, детка. Мотаем к нашему глайдеру.

- Сейчас умеют отлично лечить генетические

повреждения, как ты знаешь. В лаборатории у шпионов гены восстанавливают с нуля.

- Кто, эти военные врачи? Не хочу давать им повода!

Поднялся ветер - несколько резких, грубых порывов подряд, сухих, морозящих, полных жалящих песчинок.

И вдруг донесся стон от обнесенных стеной куполов.

Где-то вдалеке чьи-то легкие дули в горлышко бутылки.

- Это еще что такое? - спросила Катринко, вся превращаясь в настороженный интерес.

- А, черт! - ответил Питер.

***

Из дыры в дне тринадцатого купола шел пар. Этой дыры они не заметили раньше, потому что край купола зарос густым колючим кустарником. Вообще-то эти кусты сами должны были навести на мысль о дыре, если подумать.

Вблизи дыры Пит и Катринко почти сразу нашли трех мертвецов. Эти трое прорубили и прорезали выход наружу из купола. Изнутри купола. Потом пролезли через длинную и узкую щель, оставив на камнях много кожи и крови.

Первый умер сразу у выхода, очевидно, просто от истощения сил. А остальные двое после своих олимпийских усилий увидели перед собой отвесную стену высотой в четыре этажа.

Они пытались преодолеть ее с помощью своих топоров, грубых скрученных веревок и чугунных крючьев. Два Спайдера с современными паутинами и точечными зажимами этой стены могли бы и не заметить. Пит и Катринко на ней могли бы лагерь устроить и дыньку скушать, но для двух измотанных человек в одежде из шерсти и кожи и самодельных ботинках она была непреодолима.

Один из них свалился со стены и сломал себе спину и ногу. Второй решил остаться утешать раненого товарища и, очевидно, замерз насмерть.

Эти трое были мертвы уже давно, год, быть может. Над ними поработали и муравьи, и тонкая соленая пыль Такламакана, и высыхание замерзших тканей. Три высохших мумии азиатов, черные волосы, кривые зубы, сморщенная смуглая кожа и забавная одежда, заляпанная кровью.

Катринко протянула разъем кабеля, лихорадочно болтая под маской.

- Смотри, ты посмотри на эти ботинки! На рубашку вот этого - можно это назвать рубашкой?

- Я бы назвал этих ребят очень смелыми скало-

лазами, - сказал Пит.

Он забросил глаз на проволочке в дыру, которую пробили эти трое.

Внутри тринадцатого купола раскинулся огромный лес мониторов. В основном микроволновых антенн. Вершина купола была не из твердо спеченного бетона, как у других, это был какой-то прозрачный для радаров пластик. Темный внутри, как и другие купола, герметически закупоренный - до тех пор по крайней мере, пока трое мертвецов не прогрызли в стене дыру. И никаких признаков радиоактивных отходов.

Пит и Катринко нашли небольшой лагерь, где жили эти трое. Их бивак. Три человека, терпеливо прогрызающие себе путь к свободе. Сжигающие последние свечи и масляные лампы, доедающие мелкими кусочками последние пайки, допивающие последние кожаные фляги и соскребающие для питья иней. Все это время в окружении джунглей спутниковых антенн и волноводов. Питу очень страшной показалась эта сцена. Очень мерзкой. Но впереди ждало худшее.

***

Пит и Катринко взяли полное снаряжение для проникновения. Потом они вломились сквозь

крышу купола, где легче всего было резать. Проникнув, герметизировали за собой купол, но лишь слегка, на случай, если придется отходить быстро. Опустив рюкзаки на шнурах на пол, они спустились на саморастягивающихся веревках. Оказавшись внизу, Пит и Катринко закрыли пробитый выход каменной крошкой на клею, чтобы перекрыть путь воющему ветру и загрязнениям.

Сразу же в куполе стало тепло. Тепло и влажно. Сырость собиралась на полу и на стенах. И еще - очень странный запах. Как запах дыма и старых носков. Мышей и пряностей. Супа и уборной. Уютная человеческая вонь из недр земли.

- Вот бы Подполковнику понравилось, - шепнула Катринко по кабелю, оглядывая громоздящиеся машины через спекс в инфракрасном диапазоне. Заложить сюда шашку аммонала, и уж точно будет переполох в чьей-то автоматической системе.

Пит же думал, что сложившаяся ситуация дает превосходный шанс погибнуть. Автоматические охранные системы - самый опасный аспект его профессиональной жизни, несколько смягченный тем фактом, что разумные и агрессивные системы охраны часто убивают своих владельцев. Это диктуется основными инженерными

принципами: изощренные и параноидальные системы то и дело дают ложные срабатывания. На белок, собак, ветер, град, дрожание почвы, горячих любовников, забывших пароль... Они обладают интеллектом и собственным мнением, вот почему с ними столько хлопот.

Но если эти машины и принадлежали охранной системе, то они не заметили здоровенную дыру, терпеливо прорубаемую в стене купола. Крепеж и трансмиттеры выглядели не слишком хорошо, покрытые древними пятнами изморози и льда. Склад утиля, с четким запахом сдохшей техники. Значит, эти умные, дорогостоящие, параноидные системы охраны забросили. Кому-то они надоели, и их отключили.

***

У подножия микроволновой башни нашелся пробитый крысиный лаз, затянутый овечьей шкурой. Пит запустил туда глаз-шпион, осмотрел пробуренную шахту. Туннель был достаточно широк, чтобы там поместился автомобиль, и он уходил вертикально вниз дальше, чем позволял заглянуть проводок глаза.

Молча выдернув из стены ржавеющий чугунный крюк, Пит заменил его современным якорем

на клею. Потом продел сквозь ушко якоря саморастягивающуюся веревку и тщательно закрепил на себе обвязку.

Катринко задрожала от нетерпения:

- Пит, я сама хочу! Дай я пойду вперед!

Пит застегнул карабин на обвязке Катринко и связал свой и ее спексы волоконно-оптической нитью, вплетенной в веревку. Потом хлопнул бесполую по плечу:

- Шуруй, детка.

Катринко блеснула паутиной схватывающих перчаток и прыгнула в дыру ногами вниз.

Будущие беглецы интенсивно использовали тросы, уже находившиеся в туннеле. Время от времени попадались керамические скобы, прижимающие тросы к каменной стене. Восходители карабкались от скобы к скобе, используя лестницы из бамбуковых шестов и железные крючья.

Катринко прекратила спуск и отстегнулась от веревки.

Пит спустил вниз рюкзаки, потом прыгнул и спустился сам. Остановившись у ведущей распорки, он перестегнул веревку и снова пустил Катринко вперед, глядя сквозь спекс на ее продвижение.

Внизу туннеля что-то жутковато светилось.

Внимание!

Пит ощутил знакомое неясное напряжение, нахлынувшее с безумной интенсивностью. Страх, любопытство и желание: отчетливое, горячее, воровское возбуждение настоящего проникновения. Будто сходишь с ума, но куда лучше безумия, потому что ощущаешь все с необыкновенной ясностью. Это и есть первобытная сущность жизни Спайдера, слишком глубокая, чтобы выразить ее словами.

Свет стал жарче в инфракрасном диапазоне спекса. Внизу разлеглась металлическая ширь со щелями, блестящая, как никелированная мойка, жалюзи с горячими щелками света. Катринко приделала пенную скобу к стене туннеля, закрепилась на ней, отклонилась назад и запустила глаз сквозь щель.

У Пита были слишком заняты руки, чтобы тянуться к спексу.

- Что ты видишь? - шепнул он по кабелю.

Катринко вывернула шею назад, прижимая руки в перчатках к очкам на лице:

- Все вижу! Сады Эдема и города из золота!

***

Когда-то пещера была сплошным камнем, континентальной толщей. Ее высверлили буром русской работы.

Сухой колодец в очень сухой земле. А потом несколько очень усталых, очень выгоревших на солнце и очень решительных оружейников коммунистического Китая заложили на дно сухого колодца водородную бомбу в одну мегатонну. Когда начался термоядерный синтез, сейсмографы заплясали фавнами аж в далекой Калифорнии.

От термоядерного взрыва остался гигантский газовый пузырь в самом сердце безумной паутины впадин и трещин. Глубокий пустой пузырь затаился под ложем пустыни в зловещем и нерушимом молчании на целых девяносто лет.

А потом новые хозяева Азии послали туда новое и более утонченное действующее начало.

Пит видел, что далекие крутые стены каверны измазаны светом звезд. Белые созвездия, целиком и полностью. А посреди пещеры, в огромной и сладковато-влажной воздушной пустоте, висели три огромных светящихся косоугольника, три вертикальных цилиндра размером с городской небоскреб.

Просто висели в воздухе.

- Звездолеты, - произнес тихо Пит.

- Звездолеты, - согласилась Катринко. Замелькали меню общего визуального пространства соединенных спексов. Палец Катринко очертил набор крошечных бегущих искорок на стенах. - Но ты на это посмотри.

- А что это?

- Тепловые следы. Маленькие двигатели. - Визуализованное слово беззвучно крутилось колесом. - И вот сюда тоже посмотри, тут их дюжины ползают. А вот это видишь, Пит? Больших? Вроде как в дозоре.

- Роботы.

- Ага.

- И за каким чертом они тут нужны?

- Есть у меня одна идея. Если ты окажешься внутри одного из этих липовых звездолетов и выглянешь в окно - наверное, лучше сказать "в иллюминатор", то не увидишь ничего, кроме сияющих звезд. Глубокий космос. Но с помощью спекса мы видим все четко. И еще, Пит: эти каменные небеса приводятся в действие машинами.

- Ничего себе!

- И никто в этих звездолетах не может глянуть вниз, вот что. Потому что на дне этой пещеры

творится чертова уйма странного. Там, внизу, полно кипящей воды в камнях и трещинах.

- Воды или ароматного супа, - сказал Пит. - Химического супа.

- Биохимического.

- Автономная самоорганизующаяся протеиноидная технология. Строго запрещенная Договором о нераспространении в рамках Манильских соглашений 2037 года, - автоматически отбарабанил Пит. Очень часто эту фразу ему приходилось слышать на инструктаже.

- Огромное озеро горячего, нелегального, самоорганизующегося студня.

- Ага. То самое варево, которое наши тайные техники варили последние десять лет под Скалистыми горами.

- Ну, Пит, каждый слегка балуется с соглашениями.

Так, как это делается у нас в НАФТА, не опаснее, чем гнать самогон в сортире. Но тут - ты посмотри масштаб! И бог один знает, что там, в звездолетах.

- Наверное, люди, детка.

- Ага.

Пит медленно вдохнул влажный воздух:

- Тринк, мы надыбали крупную штуку. Насто-

ящую.

Мы с тобой теперь войдем в историю разведки.

- Если ты хочешь мне сказать, что мы сейчас должны возвращаться к глайдеру, то не трать дыхание.

- Мы должны вернуться к глайдеру, - настаивал Пит, - с фотографическими доказательствами того, что сейчас видим. Такова была цель нашего задания. За это нам платят.

- Тру-ту-ту.

- И это будет патриотично. Ты согласна?

- Я бы еще поиграла в патриотку, будь на мне форма, - ответила Катринко. - Но бесполых в армию не берут. Я урод и абсолютно свободный агент, и не для того я сюда пришла, чтобы увидеть волшебную страну и тут же повернуть назад.

- Да-да, - сказал Пит. - Это чувство мне знакомо.

- Я иду туда, - сказала Катринко. - Ты за мной?

- Нет, детка, не выйдет. На этот раз я пойду впереди.

***

Пит пролез в грубо пробитую дыру и выбрался на широкий каменный потолок. Скалолазания он никогда особо не любил. Скала - неприятный материал, естественный, никаких гарантиро-

ванных инженерных спецификаций. И все же приличный кусок жизни Пит провел на потолках. В потолках он разбирался.

Пришлось пробираться через натеки лавы, пока не попалась нормальная твердая щель. Пит быстро прошел по ней на распорах, поставил пару пенных крючьев и привязался к якорю.

Медленно придя на потолок вверх ногами, Пит методично огляделся через спекс. Большие участки потолка были сильно изъедены, будто сверлами или кислотой. Можно было разглядеть в неземном инфракрасном свечении, что три фальшивых звездолета на самом деле стояли на столбах. Большие полые трубы, кружевные и почти невидимые, сделанные из чего-то черного и невероятно прочного, может быть, углеродных волокон. Внутри колонн шли водоводы и электрические силовые кабели.

По этим колоннам проще всего было бы добраться до звездолетов. И они, колонны, были здорово на виду. Идеальное место, чтобы быть убитым.

Пит знал, что для человеческого глаза он невидим, но со своим тепловым излучением он мало что мог поделать.

Как он сам понимал, сейчас он светился как

рождественская елка на сенсорах тысяч тяжеловооруженных роботов.

Да, но невозможно держать тысячи машин готовыми к срабатыванию в течение многих лет. И кто станет их программировать на слежение за потолком?

Напряжение мышц в плечах и спине стало ослабевать.

Пит подбросил крови к пальцам, потряся кистями, отстегнулся и стал спускаться на захватах. По дороге он миновал фальшивую звезду - большую светящуюся колбу размером с корзину для белья. Она была зацементирована в большой каменный монолит и переливалась холодным, чарующим огнем как светляк. Пита настолько отвлекла эта смелая подделка, что промахнулся захватом, и левая нога повисла свободно. В левом плече что-то противно щелкнуло.

Пит ухнул, поставил оба захвата и шлепнул на стену пятно клея, потом пропустил в ушко скобы карабин и повис на обвязке, тяжело дыша.

В поле зрения спекса появился палец Катринко, куда-то указывающий. Там что-то двигалось - Пит был не один.

Он выпустил из рукава ленту светошумовых гранат, потом затаился на месте, доверившись

своему камуфляжу, и стал наблюдать.

К нему среди темных ям фальшивых звезд шел робот, качаясь и дрожа.

Никогда Пит не видал даже похожего устройства. У робота была пористая пенистая шкура, будто из пробки и пластика. Вместо головы - слепой выступ; четырнадцать длинных волокнистых ног, будто перепутанное месиво старых веревок, заканчивались до абсурда сложными ступнями.

Повиснув вниз головой среди неровностей каменного потолка, мешающих видеть, робот открывал большую бородавчатую голову и выбрасывал вперед раздвоенный сенсор, похожий на змеиный язык. Иногда он припадал к потолку, будто прилипшее к камню химическое пятно.

Пит с убийственным терпением смотрел, как робот отползал прочь, подползал ближе, крутился на месте, еще приближался, петляя, еще присасывался к потолку, принимал какое-то решение, переставлял хватающиеся ноги, еще подбирался, терял след, отходил назад, долго нюхал воздух, задумчиво сосал конец своего длинного веревочного щупальца.

Наконец робот дошел до Пита, ловко перебирая ногами, и с энтузиазмом стал лизать следы,

оставленные хватательной паутиной. Его будто зачаровал вкус эластомера перчатки на камне, и робот повис на своих четырнадцати ногах, с громким чмоканьем вылизывая потолок.

Пит выбросил кирку. Заточенное острие с тупым хлюпом вошло в пробковую голову.

Робот тут же обмяк, приколотый к потолку. Потом с противным скрежетом он развернул совершенно неожиданный набор блестящих тонких принадлежностей. Сложные штуки вроде языков, скребущие жвала, тонкие шпатели, все это вылезало, дрожа, из щелей шкуры.

Робот не собирался умирать. Он и не мог умереть, потому что никогда не был живым. Это была биотехнологическая машина, и понятие умирания не было в ней заложено. Пит тщательно сфотографировал устройство, которое с механическим идиотизмом пыталось выработать приемлемые решения при изменившихся параметрах среды. Потом Пит вытащил кирку из потолка, встряхнул ее и уронил проколотого робота ко всем чертям.

Теперь он полез быстрее, оберегая растянутое плечо.

Методично прокладывал он себе путь к относительно легкому участку вертикальной стены, где

нашел большую выработанную жилу в созвездии Стрельца. Жила оказалась извилистой рецессией, откуда выцарапали и вытравили какую-то руду. Судя по виду, камень сжевали орды термитов - мелкие роботы с пастями вроде маникюрных ножниц.

Пит по спексу дал сигнал Катринко. Бесполая полезла за ним по прижатой и заякоренной веревке, таща за собой один из рюкзаков. Когда Катринко добралась до нового базового лагеря. Пит вернулся к пробоине взять второй рюкзак. На обратном пути плечо уже здорово болело, и нервы отказывали.

Катринко поставила закупоривающую паутину без излучения на устье трещины. Когда Пит вернулся в относительную безопасность лагеря, она развернулась в саморастягивающихся веревках и достала порцию сахара.

Пит раскрыл две пухообразующие капсулы и с удовольствием влез в теплую ткань.

Катринко сняла маску. Она вся дрожала от энтузиазма.

Молодость, подумал Пит, молодость и восемь процентов преимущества в метаболизме, связанного с отсутствием половых органов.

- Здорово опасная ситуация, - шепнула Катрин-

ко с горячечной улыбкой, заметной в красном свечении единственной индикаторной лампочки. Она уже не была похожа на мальчишку или молодую женщину, вид у нее был совершенно дьявольский. Создание, лишенное пола. Пит всегда думал о ней "она", потому что так было проще, но на самом деле надо было бы говорить "оно". Сейчас "оно" было полно ликования, потому что поставило себя наконец в подходящую и приятную ситуацию. Жестокая и яростная вражда была для этого жестокого и яростного маленького создания как вода для рыбы.

- М-да, действительно, - согласился Пит и приложил жирного накачанного медикаментами клеща к вене на сгибе руки. - Первая вахта твоя.

***

Пит проснулся через четыре часа, вынырнув из глубин химически наведенного дельта-сна. Им владело оцепенение и небольшая сонная одурь, будто бы он проспал четыре дня подряд. В объятиях лекарства он был совершенно беспомощен, но дело стоило такого риска, потому что теперь он полностью отдохнул. Пит сел, осторожно попробовал шевелить левым плечом. Намного лучше.

Растерев лицо и голову, чтобы восстановить

чувствительность, Пит снова надел спекс. Катринко сидела на корточках, светясь собственным излучаемым теплом, изучая мерзкую массу шипов, хлопьев и студня.

Пит тронул рукоятки спекса и наклонился вперед:

- Что это у тебя?

- Мертвые роботы. Они жрали наши пенные крючья на потолке. Они все жрут. Я убивала тех, что пытались вломиться в лагерь. - Катринко вытащила меню в воздух, потом протянула Питу соединительный кабель для спекса. Посмотри, что я наснимала.

Она наблюдала с помощью гель-камер, снимая роботов в их собственном инфракрасном свете, а потом сохраняла и редактировала наиболее информативные кадры.

- Эти малыши, у которых ноги как шарики, я их назвала "цыплятами", сопровождала она голосом заснятые кадры, показываемые спексом Пита. - Они маленькие, но чертовски быстрые, и они повсюду - я убила троих. Вот этот, со спиральным острым носом, это "шуруп". А это пара "дублей". Они всегда ходят парами.

Вот эта здоровенная штука, похожая на пролитый кисель с большими глазами и шаром на

цепи, называется у меня "шатун" - видишь, как он ходит? Но он куда быстрее, чем кажется.

Катринко остановила показ, вернулась к реальному зрению и осторожно пошевелила поломанные останки возле своих сапог. Самое большое устройство в этой куче напоминало рассеченную кошачью голову, набитую проводами и усами.

- Еще я его назвала "медведем". Его нелегко убить.

- И их здесь много?

- Думаю, сотни, если не тысячи. Самых разных видов, и все глупы как пробка. Иначе нас бы уже сто раз убили и разобрали на атомы.

Пит глядел на рассеченных роботов, на остывающую массу нервных сетей, аккумуляторов, жилистых броневых плит и желатина.

- Почему у них такой дикий вид?

- Потому что они сами по себе выросли. Никто их никогда не проектировал. - Катринко подняла глаза. - Помнишь эти большие виртуальные пространства для проектирования оружия, которые были в Аламогордо?

- Да, помню, Аламогордо. Физическая эмуляция на сверхбольших квантовых гель-мозгах. Здоровенные виртуальные реальности с ультрабыстрым воспроизведением и ультратонким

разрешением. И Нью-Мексико я тоже помню, можешь не сомневаться! Люблю налеты на большие компьютерные лаборатории. Хакерство - в этом есть глубокое уважение к традиции.

- Ага. Понимаешь, для нас, жителей НАФТА, физические виртуальности это военная техника. Мы всегда отдаем технику военным, если она начинает казаться опасной. Но допустим, что ты не разделяешь ценностей НАФТА. Ты не хочешь испытывать в огромных виртуальностях новые системы оружия. Допустим, ты хочешь создать новый консервный нож.

Катринко во время своей бдительной стражи явно успела хорошо обо всем этом подумать.

- Ну так вот, можно начать с того, чтобы изучить существующие ножи и попытаться улучшить конструкцию.

А можно просто создать колоссальное виртуальное пространство с виртуальными банками всех видов. Дальше создаешь несколько имитаций консервного ножа, которые по сути своей - блямбы студня. Они имитируют студень, но они еще и программы, и эти программы обмениваются данными и развиваются. Когда они вскрывают банку, ты их вознаграждаешь, создавая их копии. Прогоняешь день за днем миллионы поколений

миллионов возможных консервных ножей в этой самой эмуляции.

Это понятие не было Спайдеру Питу совсем незнакомым.

- Да, я слыхал такие слухи. Что-то вроде фокуса с искусственным интеллектом. На бумаге получается все хорошо, а реального результата нет.

- Да, а теперь это еще и запрещено. Хотя и трудно уследить за соблюдением запрета. Но теперь допустим, что ты ведешь экономическую войну и думаешь, как это лучше сделать. Наконец ты все-таки вырабатываешь свой супернавороченный сверхнож, который никогда ни один человек изобрести не смог бы. Не смог бы даже вообразить, поскольку он вырос как гриб в полностью альтернативной природе. Но у тебя есть все спецификации его формы и размеров - вот в этом суперкомпьютере. Так что тебе, чтобы сделать его в реальном мире, достаточно распечатать фотографию. И ведь получается! Работает! Понимаешь?

Моментальный и дешевый потребительский товар.

Пит обдумал слова Катринко.

- Так ты говоришь, что население Сферы сумело осуществить эту идею и эти роботы вот так и

были построены?

- Пит, я просто не могу себе представить, как это могло произойти иначе. Эти машины - они просто слишком нам чужды. Они должны были появиться в совершенно нечеловеческом, полностью автономном процессе. Даже лучшие японские инженеры не могут спроектировать студенистого робота из шерсти и веревок, который умеет ползать, как гусеница. Всех денег мира не хватит, чтобы оплатить человеческие мозги, которые бы это выдумали.

Пит тронул студенистые останки ледорубом:

- Да, вроде бы ты права.

- Кто бы ни построил все это, он нарушил кучу правил и договоров. Но сделано все это действительно дешево. Настолько дешево, что это выходит за пределы экономики. - Катринко задумалась и повторила:

- Далеко за пределы экономики, и вот именно потому это и противоречит всем правилам и договорам.

- Быстро, дешево и неконтролируемо.

- В точку, Пит. Если это дело вырвется в реальный мир, это будет означать конец всего, что нам известно.

Это последнее утверждение Питу совсем не

понравилось. Никогда он не любил апокалиптических предчувствий.

Сейчас они нравились ему еще меньше, потому что при данных обстоятельствах казались весьма правдоподобными. В Сфере было самое молодое и самое большое население среди всех трех больших торговых блоков, и идеи были тоже самые молодые и самые большие. Люди Азии знали, как добиваться своего.

- Знаешь, Лайл Швейк мне говорил, что сейчас самые навороченные велосипеды в мире приходят из Китая.

- И он прав, так и есть. А эти китайские электронные чипы, которые они демпингуют на рынок НАФТА? Они дешевле грязи и четко работают, но полны каких-то остаточных электронных связей, дублированных, перепутанных... Я всегда думала, что это просто человеческая неряшливость. Так вот, ничего человеческого в этом нет.

Пит мрачно кивнул:

- Да. Чипы и велосипеды - это я еще могу понять.

Это куча денег. Но кому, черт возьми, надо было делать такую дыру в земле, полную роботов и ложных звезд?

Зачем?

Катринко пожала плечами:

- Такие люди живут в этой Сфере, друг. Они все еще делают что-то просто потому, что это им любопытно.

***

Дно мира кипело. За прошедшее столетие полость для испытания бомбы создала собственный водоносный слой, искусственный подземный оазис. Дно пузыря оказалось причудливо затопленным лабиринтом разбитых трещин и химических отложений, и все это превратилось в копошащиеся лужи механической самосборки. Кислородные гейзеры черного моря плесени.

Ровно поднимался пар из темноты между утесами, конденсировался холодными струйками и стекал вниз по сферическим стенкам. Внизу, возле дна, вся вода жадно поглощалась отбившимися от рук устройствами из одушевленных губок и лент. Катринко тут же назвала их "кузнецами" и "пушистиками".

Кузнецы и пушистики представляли собой кошмарные мочалки и выдавленные насосом спагетти, они прыгали, мокро шлепая, с утеса на утес. Катринко с неожиданной простотой давала имена машинам и фотографировала их.

Теории с пугающей легкостью возникали в юной голове, похожей на волчью, моментально приспособившейся к этому чужому игрушечному миру. Похоже, это юное бесполое существо жило куда ближе к будущему, чем Пит.

Они пробирались от камня к камню, от трещины к трещине. Сняли свежевозникшие личинки роботов, проедающие себе путь к свободе от темноты сквозь бляшки студня и ткани. Это было сотворение в миниатюре, задуманное в бессмысленных студенистых ядрах китайских суперкомпьютеров из гель-мозгов, воплощенное в реальность в горячей пене неживого механического белка.

Такого захватывающего зрелища Пит никогда в жизни своей не видел и потому погружался в мрачное настроение. Знание в его мире было силой. И он со свинцовой уверенностью знал, что сейчас схватился за линию слишком высокого напряжения.

Он был профессионал. Он мог себе представить, как украсть военные секреты сверхдержавы и остаться в живых. Это очень рискованно, но в конечном счете - всего лишь военный объект. Ракетная база, например. Азиатская тайная ракетная база - это было бы даже весело.

Но это - не военный объект. Это совершенно новые средства промышленного производства. Пит понимал с интуитивной уверенностью, что техника такого уровня революционности - это дело не для шпионов, не для спортивного интереса, даже не для солдат. Это вопрос больших, очень больших денег. Узнав о ней, он еще может выжить.

Рассказав - ни за что.

Восторг удивления тем, что он видел, действительно его доставал. Восторг удивления - это пройдет. А трезвость отдаленных последствий душила, как мокрое полотенце.

Можно было представить себе, что отсюда удастся уйти целым, но никакого приемлемого будущего он для себя не видел, если передать эти аккуратные фотографии неимоверного чуда шпионам на Потомаке. И представить себе невозможно, что будут существующие власти делать с этим знанием. Страшно подумать, что они сделают с ним самим за то, что им это передал.

Пит смахнул с шеи пот, ливший, как в сауне.

- Так что я думаю, тут либо геотермальная энергия, либо термоядерный генератор, - сказала Катринко.

- Я бы сказал, что термоядерный, учитывая

обстоятельства.

Скалы под ножными захватами кишели насекомыми: падальщиками и мусорщиками, разборщиками и поглотителями клея, поедателями мозгов. Это были абсолютно лишенные разума устройства, специализированные как многоножки. Особо агрессивными они не казались, но наверняка было бы смертельной ошибкой среди них присесть.

Что-то похожее на рачка с диафрагмальной пастью и глазами на длинных стебельках решило попробовать сапог Катринко. Она с воплем отпрыгнула на выступ.

- Маску надень! - выговорил ей Пит.

Влажная жара была благословением после разъедающей стужи Такламакана, но почти все отдушины и щели густо чадили запахом горячего бифштекса и горелой резины, всеми вариантами побочных продуктов механического метаболизма. У Пита стало саднить в легких при одной этой мысли.

Он направил запотевший спекс на ближайшую углеволокнистую колонну и на золотые, сияющие, невероятно манящие огни иллюминатора звездолета.

***

Катринко пошла вперед. На фоне кружевных решеток она была безжалостно заметна. Чтобы не рисковать быть обнаруженными при движении в обе стороны, каждый взял рюкзак с собой.

Сперва подъем шел легко. Потом из мокрой темноты вылетела машина, похожая на шестикрылую стрекозу. Жалящий хвост хлестнул по нитчатой колонне как удар лошадиного копыта. Катринко отлетела назад, прокувыркалась десять метров и повисла тряпичной куклой на своем последнем крюке.

Летающая тварь описала восьмерку, пытаясь что-то сообразить несуществующим разумом. Потом из звездного неба вылетела более медленная, но куда более огромная машина и напала на повисший рюкзак Катринко. Рюкзак лопнул рождественской хлопушкой среди вскипевшего хаоса когтистых крыльев. Баснословной цены оборудование плюхнулось вниз, в горячие лужи.

Катринко вяло дернулась на своей веревке, и тут же стрекоза бросилась на это движение. Пит выпустил ленту светошумовых.

Мир взорвался вспышкой, жаром, сотрясением и летящими лохмотьями. Невыносимо жар-

кий и громкий грохот грозы в пещере. Лучший способ волшебного исчезновения: полное ошеломляющее отвлечение, единственное реальное волшебство в мире.

Пит подплыл к Катринко как воздушный шар на резиновой нитке. Когда через двадцать семь наполненных сердцебиением секунд он подлез к звездолету снизу, обе саморастягивающиеся веревки он пережег.

Серебристый дождь лохмотьев свел искусственных насекомых с ума. Дно каверны вдруг закишело подпрыгивающими механическими жаркими призраками, смесью прыгунов, ползунов, летунов. На краю поля зрения из глубин луж поднимались новые твари, большие и чешуйчатые, как зеркальные карпы навстречу рыбьему корму.

Свой рюкзак Пит бросил у основания колонны. Явно в этом мире рюкзаку недолго было жить.

Пит и Катринко нашли нижнюю сторону огромного иллюминатора и распластались по его поверхности.

Там они прождали совершенно неподвижно около часа.

Катринко сумела перевести дыхание. Ребра перестали кровоточить. Потом они прождали еще

час, пока ползучие и летучие жаровые призраки яростно шныряли вокруг их укрытия, следуя обрывкам собственных программ. И еще третий час прождали.

И тогда к ним в их небесах присоединилась беспамятная орда машин с засасывающими юбками и тачками вместо голов. Роботы нашли уклон и стали заполнять его большими жвалами, выплевывая каменную известку, наляпывая ее и выглаживая на месте, без устали и без жалости.

Пит воспользовался возможностью и попытался спасти утерянное снаряжение. Там такие были знаменитые федеральные штучки: аудиожучки с собственным интеллектом, высокого разрешения гель-камеры, сенсоры и детекторы, блоки, зажимы и захваты, бесценные флаконы запрограммированной нейронной ткани... Пит пополз по дну звездолета.

Все это уже давно исчезло. Даже саморастягивающиеся веревки сожрали длинные вереницы фуражирующих цыплят. Машинки все еще копошились в черном кружеве колонны, вынюхивая и выщипывая все молекулярные следы с явным удовлетворением.

Пит вернулся к Катринко и разбудил ее, застывшую и онемевшую в укрытии. Они осторожно

пробрались вокруг искривленного края корпуса звездолета, выискивая слабину. Потеряв снаряжение, они оказались в очень трудной ситуации, но это было не важно. Образ действий был теперь очевиден, и потеря альтернатив прочистила мысли Пита. Его поглощало горячее желание проникнуть внутрь.

Он пролез под навес большого, глубоко изъязвленного выступа. Там оказалась спутанная веревка, сплетенная из мертвых и разлохмаченных органических волокон, похожих на волосы в выпуске раковины. Она вся окаменела от каменного лака слюны роботов.

Это были веревки скалолазов. Кто-то вырвался здесь наружу - пробился через корпус звездолета изнутри. Роботы пришли устранять повреждение, тщательно запечатали дыру и оставили этот уродливый горб каменной рубцовой ткани.

Пит достал гель-камерную дрель. Запасы сахара пропали вместе с рюкзаком, а без сахара работающий на энзимах механизм вскоре проголодается и станет бесполезным. Тут уж ничем не поможешь. Пит прижал прибор к корпусу, подождал, пока тот пробьется насквозь и впрыснет туда гель-камеру.

Пит увидел ферму. Вряд ли что-нибудь могло

удивить его сильнее, но это действительно была сельскохозяйственная ферма. Симпатичная игрушечная ферма, вся под каменным синим потолком, перекрещенным горячей сеткой лучистого света, заключенная в каменной дуге корпуса. Рыбные пруды с камышами. Канавы и деревянное ирригационное колесо. Бамбуковый мостик. Мохнатые плети дынь в жирной черной земле и аккуратные, почти без сорняков поля карликовых красных злаков. И ни души не видно.

Катринко подползла и подсоединила кабель.

- И где же все? - спросил Пит.

- Торчат возле иллюминаторов, - ответила Катринко, кашляя, Что? удивился Пит. - Почему?

- Из-за твоих светошумовых, - просипела Катринко.

У нее все еще болели побитые ребра. - Они все у иллюминаторов, таращатся в темноту. Ждут, что дальше будет.

- Но это же было много часов назад?

- Зато большое событие, друг. Здесь же ничего не происходит.

Пит кивнул, принимая решение:

- Ладно. Тогда вламываемся внутрь.

Катринко это было по душе.

- Наконечниками?

- Слишком заметно.

- Кислотой с фибриллляторами?

- Они в рюкзаках остались.

- Значит, остаются штыковые веревки, - заключила Катринко. - У меня их две.

- У меня шесть.

Катринко с удовольствием кивнула:

- Шесть штыковых веревок! Пит, ты снарядился на медведя!

- А я их уважаю, - буркнул Пит. Он помогал их изобрести.

Через восемь минут двенадцать секунд они уже были внутри звездолета. Выдранный кусок обшивки они аккуратно вставили на место и приклеили, замазав волосяные разрезы.

Катринко шагнула в сторону, в рощицу бамбука. Камуфляж тут же стал переливаться зеленым, коричневым и желтым так удачно, что Пит просто перестал ее видеть. Она помахала рукой, и детекторы контуров на спексе показали ее силуэт.

Пит приподнял спекс, чтобы понять, что видит невооруженный человеческий глаз. Их обоих просто не было.

Катринко исчезла, даже призрака не осталось, будто ее смело взмахом ресниц.

Так что им здесь ничего не грозит. По этой засунутой в кувшин ферме они могут плыть как два дурных сна.

***

Звездолет они обшарили сверху донизу, выискивая опасные и интересные явления. Может быть, центры управления с азиатскими космонавтами, или большие смертоносные роботы, или видеомониторы - что-то, что может им помешать или убить. Но на всех тридцати семи этажах звездолета ничего подобного не было.

Пять тысяч обитателей в часы бодрствования занимались сельским хозяйством. Экипаж звездолета составляли доиндустриальные, родоплеменные азиатские крестьяне.

Мужчины, женщины, старики, дети.

Местные крестьяне вставали каждое утро с рассветом - когда оживали горячие сети в потолке. Они доили коз, кормили овец и каких-то очень странных, ростом до колен, двугорбых верблюдов. Они резали бамбук и ловили неводом рыбу в прудах. Они рубили на дрова тамариски и тополя. Они ухаживали за плетьми дынь и выращивали сливы и коноплю.

Они ставили брагу, мололи зерно, варили

просо, давили масло из рапса. Из конопли, необработанной шерсти и кожи они делали одежду, плели корзины из камыша и соломы. И очень много ели карпов.

И еще они выращивали уйму кур. Кто-то извне корабля с этими курами что-то сделал. Наверное, это были космические суперкуры, побочный лабораторный продукт от серьезных попыток изменить куриную ДНК. Несушки несли каждый день пять-шесть крупных яиц, петухи были размером с собаку и разных цветов, очень пахучие и отчетливо похожие на пресмыкающихся.

Очень тихо и мирно было в звездолете. Животные мычали и кудахтали, крестьяне что-то пели про себя на крохотных круглых полях, и пощелкивали ритмично ножные насосы для воды, но городских шумов не было. Ни моторов, ни экранов, ни репродукторов.

Денег здесь не было. Группа племенных старейшин сидела под цветущей сливой рядом с большим каменным амбаром. Они щелкали бусинками на проволочках и что-то писали деревянными палочками. Потом солдаты или полицейские - ребята в грубой кожаной броне, с копьями - маршировали группами, вверх и вниз по лестницам, по десяткам этажей. Маршировали

как кретины, реквизировали продукты, разносили на спинах и раздавали людям. Простейшее распределение богатств.

Почти все эти странные белобородые старики были дворцовыми счетоводами, но среди них были и другие. Эти сидели на камышовых циновках в домотканых одеждах, соломенных сандалиях и шляпах с блестками, обсуждая важные дела, медленно и крайне продолжительно. Иногда они что-то писали на пальмовых листьях.

Пит и Катринко специально решили понаблюдать за Этими, в блестящих шляпах, потому что пришли к выводу, что это - местное правительство. Очень было на то похоже. Только эта группа населения не работала до изнеможения.

Пит и Катринко засели в уютном месте на крыше амбара - одного из немногих стационарных строений внутри звездолета. Здесь никогда не шел дождь, поэтому в кровлях было мало надобности, и никто никогда не поднимался на крышу амбара. Ясно было, что даже сама идея это сделать выходит за пределы местного воображения. Поэтому Пит и Катринко украли несколько бамбуковых кувшинов с водой, несколько симпатичных домотканых ковриков и устроили себе там лагерь.

Катринко стала рассматривать особо тщательно отделанную книжку из пальмовых листьев, похищенную из местного храма. Страница за страницей убористого незнакомого письма.

- Как ты думаешь. Пит, о чем эта деревенщина пишет?

- Насколько я могу предположить, - ответил Пит, - они записывают все, что могут вспомнить о внешнем мире.

- Да?

- Да. Вроде как составляют разведывательное досье для правящего здесь режима, понимаешь? Потому что это и все, что они когда-нибудь будут знать, потому что те, кто сюда их посадил, никаких новостей им не сообщают. И чем хочешь ручаюсь, никогда их отсюда не выпустят.

Катринко тщательно пролистала жесткие хрупкие страницы кустарной книги. Эти люди говорили только на одном языке, и этого языка даже близко не знали ни Пит, ни Катринко'.

- Значит, это их история?

- Это их жизнь, детка. Их прошлая жизнь, когда они были еще настоящими людьми в настоящем большом внешнем мире. Транзисторные приемники и ручные зенитно-ракетные комплексы. Колючая проволока, кампании по усмирению,

удостоверения личности. Идущие через границу верблюжьи караваны с минометами и взрывчаткой. И очень продвинутые начальники Сферы, мандарины, у которых просто нет времени возиться с вооруженными азиатскими родоплеменными фанатиками.

Катринко подняла глаза:

- Это вроде бы твоя версия внешнего мира. Пит.

Пит пожал плечами:

- Это то, что есть на самом деле.

- И ты думаешь, они на самом деле считают, что сидят в настоящем звездолете?

- Это зависит от того, сколько они узнали от тех, которые вылезли отсюда с кирками и веревками.

Катринко задумалась:

- А знаешь, что тут самое жалкое? Хилая иллюзия всего этого. Какой-то мандарин из спецслужб вбил себе в психованную голову, что этнических сепаратистов можно начисто выдавить и выплюнуть как арбузные семечки в межзвездное пространство.., ну и ход! Вот это приманка, вот это пустое обещание!

- А я бы взялся пропихнуть такую идею, - задумчиво сказал Пит. - Ты знаешь, детка, насколько

далеко на самом деле звезды? До них четыреста лет, вот насколько далеко. И если ты серьезно хочешь, чтобы люди полетели К другой звезде, их надо будет поместить в запечатанную банку на четыреста долгих лет. Но что людям там делать все это время? Единственное, что они смогут делать, это спокойно пахать землю. Потому и сделали такой звездолет. Оазис в пустыне.

- Так Представим себе, что ты хочешь поставить такой эксперимент со звездолетом на земле, - подхватила Катринко. - И при этом у тебя есть кучка религиозных фанатиков в азиатской глуши, которые тебе все время под задницу мины подкладывают. Которые не хотят менять своих древних обычаев, хоть ты и очень, очень весь из себя хайтековский.

- Ага. Примерно так и есть. Средства, мотивы и возможность.

- Поняла. Но не могу поверить, что кто-то осуществил такую схему в реальности. Вот так взять, окрутить какое-то национальное меньшинство и засунуть в богом забытую дыру, чтобы никогда уже о них не думать. Просто в голове не укладывается!

- Я тебе говорил, что мой дед был семинолом? - спросил Пит.

Катринко покачала головой:

- А что это слово значит?

- Было такое американское племя, которое в конце концов загнали в болото. Флоридские семинолы. Знаешь, может, моего деда только называли семинолом.., он очень забавно одевался. Может, ему нравилось, что его называют семинолом. Потому что иначе он был бы просто никому не нужным неграмотным старикашкой.

Катринко наморщила лоб:

- И это имеет значение - что твой дед был семинолом?

- Я привык думать, что да. Вот откуда у меня цвет кожи - хотя сегодня это ничего не значит. Но помню, что для моего деда это значило очень много... Он всегда топал ногами и нес кучу какой-то чуши, которая до нас не доходила. По-английски он говорил еле-еле. И никогда от него не было толку.

- Пит, - вздохнула Катринко. - Я думаю, пора нам отсюда выбираться, - А зачем? - удивленно спросил Пит. - Здесь мы в безопасности. От местных нам ничего не грозит. Они нас даже увидеть не могут, не говоря уж о том, чтобы тронуть.

Да они нас даже представить себе не могут! При нашем фантастическом тактическом преимуще-

стве мы для них просто как боги.

- Все это я знаю, Пит. Они ребята до невозможности простые и тупые, мне они не очень нравятся. И они для нас угрозы не представляют. Честно говоря, мне они уже даже наскучили.

- А мне нет! Потрясающе интересный народец. Эта мешковатая одежда, акустические песни, это копошение в земле... У этих людей есть что-то, чего у нас, современных, уже нет.

- Да? - спросила Катринко - Что, например?

- Не знаю, - сознался Пит.

- Ладно, что бы это ни было, оно не слишком важно. - Она вздохнула. - А у нас с тобой серьезные задачи есть, напарник. Нам надо пробраться мимо всех этих злобных роботов там, снаружи, подняться по стволу, потом топать обратно четыре дня через мерзлую пустыню без рюкзаков. До самого глайдера.

- Тринк, здесь же еще два звездолета, в которых мы не были. Тамошних людей ты видеть не хочешь?

- Что я сейчас хотела бы видеть, так это горячую ванну в четырехзвездочном отеле, - ответила она. - И колоссальные заголовки мировой прессы - все обо мне. Вот это было бы отлично.

Она осклабилась.

- А как же эти люди?

- Пит, я не человек, - спокойно ответила Катринко. - Быть может, потому, что я - бесполая, но главное - ты выступаешь не по теме. Эти люди не наша забота. Наша забота - вернуться к глайдеру в рабочем состоянии, чтобы мы могли сделать то, что нам поручено, и вернуться на базу с данными. О'кей?

- Хорошо, только давай сначала проникнем в еще один звездолет.

- Надо двигаться. Пит. Мы лучшее снаряжение потеряли, и подкожный жир у нас тоже кончается. К этому надо отнестись серьезно, если хочешь остаться в живых.

- Но мы же никогда сюда не вернемся. Кто-нибудь сюда придет, но ясно как день, что не мы. Понимаешь, мы же Спайдеры - как мы можем уйти, не посмотрев?

Катринко явно поддалась:

- Один звездолет? Не оба?

- Только один.

- Ладно, договорились.

***

Дыра, которую они прорезали в корпусе, уже была заделана роботами, и проделать новую

обошлось еще в две штыковых веревки. Потом Катринко пошла впереди, по каменному потолку и вниз по углеродной колонне ко второму кораблю. Чтобы не тревожить сторожевых роботов, они двигались с гипнотизирующей медлительностью и крайней скрытностью, отчего переход оказался очень изматывающим.

Второй корабль видал суровые дни. Весь корпус был покрыт шрамами цемента, закрывающими куски высохших узловатых веревок. Пит и Катринко нашли слабое место и проникли внутрь.

В корабле было людно, громко и очень пахуче. Повсюду кипели жаркие и липкие базары, где люди продавали изделия ручной работы, еду и выпивку. Преступников наказывали, привязывая к столбам, где прохожие били их падалью. Толпы оборванных мужчин и разрисованных женщин собирались у петушиных боев, где дрались петухи-мутанты размером с собаку. Все мужчины ходили с ножами.

Архитектура здесь была более изощренная - все виды трущоб, внутренних двориков и влажных вонючих переулков. Обследовав четыре этажа, Катринко вдруг заявила, что узнает обстановку. Как она сказала, они попали в физическую копию декораций популярной японской интерактивной

игры по одному самурайскому эпосу. Очевидно, создателям звездолета нужна была обстановка азиатской деревни доиндустриальной эпохи, они не хотели давать себе труд проектировать ее с нуля и потому запрограммировали роботов пиратской копией игры.

Когда-то этот звездолет был тщательно оборудован не менее чем тремя сотнями вооруженных постов с видеокамерами. Мандаринам, наверное, пришлось с удивлением осознать, что фиксировать всю преступность еще не значит ее контролировать. Все эти камеры наблюдения были сейчас выведены из строя, почти все разгромлены. Некоторые пытались отбиваться, но были тоже сметены. Сейчас все эти посты были заброшены.

Мятежное население не покладало рук. После разрушения шпионских видеокамер были созданы несколько гигантских устройств для пробивания корпуса. Осадные машины, огромные арбалеты со скручивающимися веревками, построенные из конопли, дерева и бамбуковых стеблей. Эти машины были плодом коллективных усилий населения звездолета, затейливо раскрашенными и обвязанными лентами, и руководили их строительством агрессивные

предводители банд с дубинками и большими кожаными поясами.

Пит и Катринко смотрели, как такая банда усердно работает над строительством машины. Женщины плели веревочные лестницы из волос и растительных волокон, а кузнецы ковали крюки над чадящими угольными горнами.

Было ясно, что эти беспокойные люди не менее двадцати раз прорывались из своей тюрьмы и каждый раз их загоняли обратно неумолимой силой безмозглых роботов. Теперь они готовили очередной прорыв.

- Эти ребята не лишены инициативы, - сказал Пит с восхищением. Поможем им малость?

- Как?

- Вот смотри, как они колотятся наружу. А у нас еще осталась пачка наконечников. Когда мы отсюда уйдем, они нам уже не пригодятся. Так что, я думаю, мы можем выбить им сразу всю стенку и всю кодлу выпустить наружу. А мы с тобой смоемся в суматохе.

Идея Катринко понравилась, но ей выпала роль адвоката дьявола.

- Ты действительно думаешь, что мы должны вот так вмешаться? Это же значит выдать свое присутствие.

- Здесь давно уже никто ни за чем не наблюдает, - возразил Пит. - Все это придумал какой-то технократ в качестве большого эксперимента. Но этих людей давно списали, или, быть может, не получили гранта на продолжение антропологических исследований. О них забыли начисто. Давай поразвлекаем этих бедняг.

Пит и Катринко установили взрывные устройства, укрылись на потолке и с удовольствием наблюдали взрыв стены.

Выравнивая давление, в межзвездное пространство вырвался бешеный порыв ветра, насыщенный пылью и листьями. Местные жители от взрыва полностью обалдели, но когда показались ремонтные роботы, быстро вернули себе боевой дух. Разразилась страшная битва, всеобщая мстительная горячка уничтожения крабов и полосования губок.

Женщины и дети гонялись за цыплятами и жучками. Солдаты в кожаных кирасах дрались с машинами побольше, используя пики, арбалеты и огромные сокрушающие роботов палицы.

Роботы были неимоверно глупы, но совершенно не замечали собственных ран и не знали пощады.

Местные жители использовали открывшуюся

возможность полностью. Зарядив в торсионную катапульту тяжелый гарпун, они стрельнули в космос. Целью их был соседний звездолет, третий и последний.

Зазубренный наконечник соскользнул с корпуса, и люди смотали его привязь обратно на огромный бамбуковый барабан, ругаясь и крича как бешеные.

Все население звездолета бросилось в битву, стены и переборки дрожали от топота разъяренных ног. Подавленные численным превосходством роботы сдали назад. Пит и Катринко воспользовались этой неповторимой возможностью, чтобы выскользнуть в дыру. Быстро взобравшись на корпус, они оказались в стороне от битвы.

Люди снова выстрелили большим гарпуном. На этот раз острие вошло и застряло, дрожа.

И тут по тросу полез мальчишка, полуголый, с молотком, крючьями и продетой сквозь пояс веревкой. На голове у него была корона из капающих свеч.

Катринко оглянулась и остановилась как вкопанная.

Пит потянул ее за собой и тоже остановился.

Ребенок ловко продвигался вдоль гарпунного

линя, таща за собой веревку побольше. Летающая машина бросилась его сбивать и упала, дергаясь, истыканная злобными стрелами арбалетов.

Пит смотрел как загипнотизированный. Он не ощущал отчаянности обстоятельств, пока не увидел, что храбрый мальчишка готов свалиться навстречу смерти. Много он видал скалолазов, рисковавших просто от безумия. Он видал и профессионалов, таких, как он сам, игравших со смертельным риском как мастера. Но никогда он не видал такого акта простой и отчаянной жертвенности.

Героический ребенок долез до зернистого корпуса чужого корабля и стал забивать крючья отчаянными ударами молотка. Корона из свеч тряслась и мерцала от усилий, мальчик еле видел. Он бросил себя в стигийскую тьму навстречу року.

Пит подполз к Катринко и быстро подключился к кабелю.

- Надо уходить, детка. Теперь или никогда.

- Еще нет, - ответила она. - Я это снимаю.

- Наш лучший шанс.

- Потом уйдем. - Катринко смотрела, как пролетел мимо пылесос и вцепился в ноги мальчишки. Она повернула голову в маске к Питу, все ее тело

окостенело от яростного возбуждения. - Остались у тебя штыковые веревки?

- Три штуки.

- Дай. Я должна ему помочь.

Катринко отстегнулась, скользнула управляемым долгим движением по стене звездолета и прыгнула на натянутую веревку. К полному удивлению Пита, Катринко высветилась на вибрирующем канате и просто побежала вперед. Она бежала по тросу неуловимо быстро, настолько неожиданно для местных людей, что они даже стрелять по ней не могли.

Стрелы жужжали вокруг и мимо, чуть не задевая испуганного мальчишку. Катринко прыгнула в пустоту, раскинув перчатки и ножные захваты. И просто исчезла.

Это был чемпионский ход, если есть в мире хоть один, достойный такого названия. Легендарный ход.

Пит сам отлично умел держаться на натянутом канате.

У него был опыт, отличное чувство равновесия и сообразительность. В конце концов, он был профессионалом. И мог бы пройти по канату, если бы работа требовала.

Но не в полном снаряжении для лазания, не с

ножными захватами. И не на провисшем, плетенном вручную, самодельном канате. Не когда канат кое-как закреплен самодельным чугунным гарпуном. Не когда он тяжелее Катринко на двадцать килограммов. Не посреди бешеного цирка летающих роботов. И не под градом стрел.

Просто Пит больше не был сумасшедшим. Он должен был последовать за Катринко по разумному пути. Надо было взобраться по звездолету, пройти по потолку и спуститься на дальнюю сторону третьего звездолета. Тяжелая трехчасовая работа в лучшем случае. Четыре часа, если хоть сколько-нибудь заботиться о безопасности.

Пит прикинул шансы, принял решение и отправился.

Он еще успел увидеть, как Катринко штыковой веревкой прокладывает себе путь в третий звездолет. Облако белого света плеснуло наружу, когда пустотелая пробка скользнула в сторону. На смертоносное мгновение Катринко оказалась очерчена светом как призрак, и камуфляж стал бесполезен. Одежда ее билась на мощном ветру выходящего воздуха.

Мальчишка тем временем успел закрепиться на стене и привязать вторую свою веревку. Подняв глаза на вдруг полыхнувший сноп света,

он завопил так громко, что зазвенела вся вселенная.

Его многочисленные родственники реагировали инстинктивно - колючим дождем арбалетных стрел. Они кувыркались и ныряли в порыве ветра, но их было слишком много.

Катринко пригнулась, дернулась и головой вперед прыгнула внутрь звездолета. Она снова исчезла.

Попали ли в нее?

Пит поставил якорь, привязался и попробовал связаться по рации. Но без оставшихся в рюкзаке ретрансляторов слабому сигналу было не пробиться.

Пит терпеливо полез дальше - ничего другого не оставалось.

Через полчаса его стал душить кашель. Звездная космическая пещера наполнилась ужасным запахом. Вонь шла из пробитого звездолета, куда ворвалась Катринко. Настоявшаяся, смертельная вонь горелой гнили.

Пробираясь по потолку в одиночку. Пит старался изо всех сил. Болело поврежденное плечо, и самое худшее - стал барахлить спекс. Наконец Пит добрался до выбитого Катринко отверстия. Местные уже прибыли большой массой, про-

тягивая за собой веревки и привязывая их к здоровенным болтам. Они тащили факелы, копья и арбалеты, отбивая неустанные атаки роботов. По выражению яростной радости на лицах было ясно, что они об этой минуте мечтали годами.

Пит проскользнул незамеченным. Вдохнув мерзкий воздух, он тут же подался назад, вставил новые фильтры в маску и вернулся.

Остывающее тело Катринко он нашел под потолком.

Шальная арбалетная стрела пробила ей костюм и левую руку. Катринко со своим обычным присутствием духа привязалась к скобе и спряталась подальше от суматохи. Кровь она остановила быстро. Несмотря на неловкое положение, она даже смогла перевязать себе рану.

И ее медленно и незаметно задушил мерзкий воздух.

С побитыми ребрами и раной руки Катринко ошибочно приписала головокружение шоку. Когда ей стало плохо, она расслабилась и попыталась перевести дыхание. Фатальная ошибка. Здесь она и висела, не замечаемая никем и невидимая. Мертвая.

Пит обнаружил, что она не единственная такая. Погиб весь экипаж звездолета. Погиб много

месяцев, если не лет тому назад. Большой пожар в звездолете. Электрический свет все еще горел, машины работали, но от людей остались только мумии.

Такой хорошей одежды, как у этих мертвецов. Пит в жизни не видел. Они явно много времени проводили за вязанием и вышиванием, разгоняя утомительную скуку своего вечного заключения. У трупов были самые разнообразные слоистые рукава, кружевные передники, плетеные пояса и лакированные заколки для волос, потрясающе изящные сандалии. В мрачном инферно они все страшно обгорели, вместе с кошками, собаками, огромными курами задохнулись внезапной волной дыма и газов, за минуты наполнившей корабль.

Это было что-то куда как сложное для простого незатейливого геноцида. Пит считал мандаринов джентльменами-технократами, специалистами с лучшими намерениями. Оставалась возможность, что это было массовое самоубийство. Но по зрелом размышлении Пит был вынужден предположить, что это очень печальный, очень удручающий инцидент социальной инженерии.

Хотя в Вашингтоне, конечно, сказали бы по-другому.

Нет большей грязи в политике, чем политика национальная.

Пит не мог не заметить, что эти законопослушные жители звездолета никак не повредили обильную аппаратуру наблюдения корабля. Но камеры были отключены, и звездолет все равно был мертв, как пень.

Воздух в корабле стал очищаться. Двое жителей звездолета номер два спустились, топая, по стене, и стали умело обшаривать трупы. Они были наверху блаженства, эти мародеры, и улыбались восторженно.

Пит вернулся к окоченелому телу напарницы. Снял с нее камуфляжный костюм - ему нужны были аккумуляторы. Тощее, бесполое тело топорщилось подкожными карманами, пузырями кожи, где Катринко держала свои инструменты бегства на крайний случай. Сломанные ребра распухли и посинели. Пит не мог продолжать обыск.

Он вернулся к пробоине, куда рвалась охочая толпа.

Захватчики пришли по веревочному мосту и ломились толпой, морща носы и крича в дикой экзальтации. Они победили роботов: здесь просто не было достаточно машин, чтобы сопротивлять-

ся всему разозленному населению. И роботы эти были слишком тупые, чтобы перехитрить вооруженное и координированное сопротивление людей - без полного их истребления, а на это они не были запрограммированы. И потому были разбиты наголову.

Пит отпугнул ликующих победителей лентой светошумовых.

Потом он аккуратно нацелился на край дыры, обхватил тело Катринко и выбросил ее далеко-далеко, кувырком, в кипящие лужи.

***

Пит отступил в первый звездолет. Это был очень трудный переход, и когда он кончился, плечо у Пита сильно ныло знакомой болью хронической травмы. Спрятавшись .среди ничего не подозревающего населения. Пит прикинул варианты.

Прятаться он мог бы до бесконечности. Камуфляж постепенно терял заряд, но Пит был уверен, что и без него проживет. В звездолете было очень много запретных территорий, огороженных мест, куда вход воспрещен - где был когда-то скандал, или кровопролитие, или странные звуки, или странный, плохой и страшный запах.

В отличие от буйной и беспокойной толпы звездолета номер два, жители этого поверили в легенду. Они честно считали, что летят в глубинах космоса, направляясь к некой лучшей, светлой доле в этом каменном звездном небе.

И это звездное гетто было полно суеверных предрассудков.

Погруженные в пучину невежества, жители считали, что -'каждый грех заставляет вселенную дрожать.

Пит знал, что надо бы попытаться доставить добытые данные к глайдеру. Этого хотела бы Катринко. Погибнуть, но оставить после себя легенду - об этом мечтал бы любой Спайдер.

Но трудно было представить себе, как пробиться сквозь оживших роботов, взобраться по стенам с раненым плечом, потом пройти отчаянный четырехдневный путь сквозь вымораживающую пустыню - и все это в одиночку. И глайдеры тоже не живут вечно. Шпионские глайдеры на это не рассчитаны. Если Пит придет к глайдеру и обнаружит, что аккумуляторы сели или гель-мозг прокис, то это конец.

Будь он даже совсем здоров и при полном наборе снаряжения, пеший переход через Гималаи в одиночку радужных перспектив не сулил бы.

И зачем вообще рисковать? Не похоже, чтобы эти подземные сцены произвели сенсацию. Им уже много-много лет. Кто-то задумал, спланировал и осуществил это все давным-давно. Важные люди с мозгами и большими возможностями тоже давно это знают. Кто-то знает. Может, не Подполковник из психов-маргиналов военной разведки НАФТА, но кто-то все же должен знать.

И когда Пит действительно задумывался, то получалось, что требуются колоссальные усилия ради не слишком большой отдачи. Потому что сейчас в этом курятнике не так уж много народу - тысяч пятнадцать максимум. В Азиатской Сфере должны быть десятки тысяч не до конца ассимилированных племен, если не сотни тысяч. Миллионы. И что с того? Это не только азиатская проблема, это проблема общая.

Национальные меньшинства, люди-изгои, которые просто не могут или не хотят играть в игры двадцать первого века.

Сколько у красных китайцев было испытано бомб в Такламакане? Ему, Питу, никогда не давали брифинга по древней истории. Но сейчас Пит подумал, что, быть может, они эти звездные идеи подарили Европе и НАФТА. Сколько забытых скважин, реликтовых карманов, пробитых под

шкурой двадцать первого века, кроется в Южных Морях, в Австралии, в Неваде? Смертоносный мусор давно забытого Армагеддона. Свалки, куда никто и заглянуть не захочет.

Да, он мог бы все свои силы тела и духа бросить на то, чтобы мир взглянул в лицо этому всему. Только зачем? Не лучше ли будет сперва самому все продумать?

Пит не мог сам себе сознаться, что просто утратил волю к жизни.

***

Отчаяние медленно отпускало Пита, и он постепенно искренне заинтересовался местным людом. Его занимали чахлые пределы их жизни, их вселенной, занимало, какое смятение он может устроить в этих узколобых головах. Никогда не появлялось среди них сверхъестественное существо, они только воображали такие существа. Пит начал с небольших демонстраций полтергейста - просто чтобы позабавиться. Крал украшенные шляпы местных седых мудрецов. Перепутывал тома в священных библиотеках. Пару раз спер абак.

Но это все было ребячество.

У местных был небольшой храм, их святая

святых. Естественно, Пит должен был туда пробраться.

Там была заперта девушка. Очень хорошенькая и слегка тронутая, что делало ее идеальной кандидаткой на пост Девы Святого Храма. Она была Жрицей Храма первого звездолета. Естественно, что небольшая община могла позволить себе иметь только одну-единственную, несравненную Верховную Жрицу-Девственницу. Народ это был практичный, поэтому довольствовался возможным.

Верховная Жрица была молодой красивой женщиной, ведущей до одури простую жизнь, У нее были служанки, гардероб ритуальных платьев и прическа, требующая очень много времени. Всю свою жизнь она проводила, выполняя весьма сложные и совершенно бесполезные ритуальные действия. Возжигание благовоний, стирание пыли с идолов, омовения и очищения, земные поклоны, бесконечное выпевание заклинаний, нанесение особых меток на руки и ноги. Она была священной и явственно безумной, и люди смотрели на нее с неотрывным интересом. Она значила для них все. Она делала все эти болезненные глупости, чтобы им самим не приходилось все это делать. Все в ее жизни было полностью и

окончательно предрешено.

Пит просто восхищался Священной Девой Храма. Она была совершенно его типа, и он ощущал к ней искреннюю тягу. Она была единственной из местных, с кем Пит мог бы провести часть своего времени.

И потому после долгого изучения девушки и ее действий Пит однажды показался перед ней. Сначала она испугалась. Потом попыталась его убить естественно, без малейшего успеха. Когда до нее дошло, что он невероятно мощный, совершенно волшебный и абсолютно для нее непостижимый, она задергалась на полированном полу храма, раздирая на себе одежды и громко воя, явно в смятении страха-надежды, что ее сейчас ужасно и неописуемо осквернят.

Пит ощутил притяжение этой ее мысли. В молодости он бы поддался этой возможности демонического порабощения. Но сейчас он был совсем взрослым и не видел, чем это может хоть как-нибудь помочь или в чем-то изменить обстоятельства.

Они так и не узнали языка друг друга. Они никак не общались физически, умственно или эмоционально. Но в конце концов выработали некий статус-кво, когда могли сидеть в одной

комнате и спокойно рассматривать друг друга, строя бесплодные догадки о том, что делается в чужой голове. Иногда они даже могли совместно съесть что-нибудь вкусное.

Лучшего понимания с этими невероятно далекими людьми достичь было нельзя.

***

Питу не приходило в голову, что звезды могут погаснуть.

Он вырыл себе священную, демоническую нору в запретной зоне корабля. Время от времени он выходил через заделываемые роботами пробоины и разглядывал искусственный космос. Это как-то его успокаивало. И у него были для того и другие мотивы - вполне обоснованная забота, что жители звездолета номер два могут как-нибудь проложить себе сюда путь для дикой расистской оргии убийства, грабежа и насилия.

Но население звездолета номер два было слишком занято роботами. Любая победа над булькающим гель-мозгом и его кошмарными инструментами могла быть только временной. Как наступающий оползень, стекались роботы, обходя препятствия, используя любую эволюционную возможность, и всегда, всегда продолжали

давить.

После сокрушительного поражения булькающие ванны вошли в биохимический форсаж. Старый режим был свергнут, равновесие нарушено. Машины вернулись в свои кибернетические сны. Все стало возможно.

Звездные стены покрылись толстым слоем бурлящей массы новых моделей тюремщиков. Звездолет номер два был снова побежден, ввергнут в очередное горькое историческое унижение. Наказанная родина превратилась в массу нелепых цементных глыб. Даже иллюминаторов не осталось, безжалостно заделанных технологической слюной и слизью. Живая могила.

Пит полагал, что это действительно будет конец работы. В конце концов, это вполне соответствовало начальным параметрам, заданным творцами системы.

Но система могла теперь совершенно не интересоваться пределами человеческих намерений.

Когда Пит выглянул в иллюминатор и увидел, что звезды гаснут, он понял, что игра кончена. Что-то грабило звезды, присваивало их энергию себе.

Он покинул звездолет. Снаружи небо сорвалось с места. Неисчислимые орды невероятных

созданий мигрировали по стенам, прыгая, ползя, крадясь, подтягиваясь на паутине слизистых веревок. И все стремились в зенит.

К выходу. К исходу.

Пит проверил изношенные перчатки и захваты и присоединился к потоку.

Ни одна из тварей его не беспокоила, он стал таким же, как они. Его снаряжение упало к ним, было поглощено и вышибло новые двери для эволюции. То, что может породить консервный нож, может породить и скальный крюк, и захват, и блок, и карабин. Его и Катринко рюкзаки были набиты концентрированным человеческим гением, и цель у всего этого была одна. ВВЕРХ.

Стремление вверх. Вверх - и наружу.

***

На сцене лунного пейзажа Такламакана развернулся театр войны роботов, ширящаяся механическая прерия ползущих, кусающих, выворачивающих, прыгающих механических мутантов. Столбы огня - военные спутники Сферы. Лучи, бьющие с подлинных небес, невидимые смерчи энергии, взметающие гейзеры пылающей пыли. Последний кошмар биоинженера, разумный, автоматизированный ад.

Явление такого масштаба не удастся убить так быстро, чтобы сохранить в тайне. Не удастся вовремя сжечь. Для этого придется взломать купола, и древний мусор из них разольется по всей земле.

Подобно пальцу Бога, ударил за горизонт луч, сметая все на своем пути. Небо и земля кишели летающими тварями, жужжащими, кувыркающимися, машущими крыльями. Луч ударил в большую машину, и она полетела штопором вниз, как многотонное кленовое семечко, отскочила от купола, перевернулась погибающим гимнастом и упала рядом со Спайдером Питом. Он сжался в камуфляжном костюме, снимая все это.

Машина глянула на него. Это был не простой робот - это был механический журналист. Ярко раскрашенный, ультрасовременный автономный летающий снаряд европейской работы, нагрузившийся камерами, как медиамагнат - коктейлями. Машину здорово ударило о стену, но она не сдохла. Смерть в ее программу не входила, входило совсем другое. Пита она заметила без труда - он представлял интерес для репортажа, и машина смотрела на него.

Поглядев в холодное весеннее небо. Пит увидел, что машина привела кучу своих приятелей.

Робот скорректировал свои пережженные схемы и взял Пита в кольцо камер. Потом поднял многосуставчатую конечность и пересказал все чудеса, которым был свидетелем, в небо, в темную глубину Всемирной Паутины.

Пит поправил маску и камуфляж, чтобы выглядеть как надо.

- Черт побери, - сказал он.

Пик Вечного Света

В Предкамере Глубокой Печали он глубоко опечалился.

Предкамерой звался испещренный выбоинами гранитный шлюз. Вход и выход — герметичные колесные конструкции из кустарного чугуна. В уголке робот с проволочной катушкой, соплеменники которого вымерли лет двести назад, мрачно полировал черный шифер двери.

Гермодверь отворилась с внезапным *хлопком*.

За ней стояла Люси — белая и шуршащая. Его жена облачилась в свадебное платье.

Пита остолбенел. Уродливый наряд не попадался ему на глаза с тех пор, как их с Люси соединили узами брака. Она замерла за круглым, разверстым стальным проемом.

— Вам не по нраву мой сюрприз, мистер Перец?

Пита сглотнул.

— Что?

— Мой сюрприз! Сюрприз на годовщину — для вас! Я же предупредила: у меня для вас сюрприз!

Пита пытался обрести подобающую мужу са-

моуверенность.

— Я и подумать не мог, что ваш сюрприз будет столь… волнующим! Что до меня, я принес вам лишь этот скромный дар. Он распахнул саквояж и извлек перевязанную лентой коробку.

Люси подалась вперед, как балерина, на цыпочках.

На долгий, емкий, безопасный миг их взгляды встретились.

Молчание, думал Пита, вот краеугольный камень нашего союза. Исполнение супружеского долга — святая обязанность молодежи. Всякому мужу необходимо придумать собственный способ выжить в условиях полувекового брачного контракта. Брак на Меркурии — это продленная юность, сплошное неудобство, долгое и опасное. Брак похож на лаву, опаляемую Солнцем.

Так зачем же, размышлял Пита, Люси надела свадебное платье? Неужто ей кажется, что призрачное зрелище его обрадует? Он слишком хорошо знал супругу, чтобы решить, что она хочет его задеть, однако сам сжег черный свадебный костюм, как только позволили приличия.

Увидев, что лицо Питы обретает естественный цвет, Люси подпорхнула ближе.

— Вы купили мне подарок, мистер Перец?

— Мой подарок на годовщину не «куплен», — сказал Пита, глотая оскорбление. — Я его *изготовил*.

Он протянул коробку.

Повозившись с лентой, Люси схватилась за герметичную крышку.

Пита использовал паузу, чтобы изучить свадебный наряд жены. В свое время он не разглядел ритуальное одеяние как следует, будучи слишком травмирован бракосочетанием с облаченной в него женщиной.

Тут было на что посмотреть. С технической точки зрения, если говорить о встроенной системе жизнеобеспечения, плетении, вышивке, выточках и тому подобных ткацко-инженерных придумках, свадебное платье являло собой триумф дизайна.

Кроме прочего, Люси оно действительно шло. Его супруга и в 27 лет сохраняла пропорции 17-летней невесты. Неужели тут содержался некий тонкий намек?

Глядя в коробку, она потрясла ее и замерла, услышав позвякивание.

— Множество крошечных предметов — что это, мистер Перец?

— Мадам, эти золотые звенья пристегивают-

ся одно к другому. Соединяясь, они образуют ожерелье. Дизайн ожерелья основан на том же принципе, что и умный песок, применяемый на открытых горнорудных разработках. Это более чем искусный инженерный проект, если можно сказать такое о своей поделке.

Жена храбро кивнула. Сражаясь со свадебной юбкой, она неуклюже взгромоздилась на высокий тонкий стул из литого стекла. Наклонила коробку, опять принялась ее трясти — и армия золотых звеньев со звяканьем и звоном рассредоточилась по черному базальтовому столу.

Люси безмолвно изучала рассыпавшиеся звенья и явно недоумевала.

— Если совместить их одно с другим, получится ожерелье, — настаивал Пита. — Попробуйте, прошу вас.

Люси попыталась соединить сегменты ожерелья. Она понятия не имела, каким должен быть результат. Женский пол отличало отсутствие навыков трехмерного моделирования.

На Меркурии отродясь не было дам-инженеров. Специализация женского пола была иной: питание, духовность, детовоспитание, жизнеобеспечение, биотехнология и политическая интрига.

В ищущих пальцах Люси внезапно сощелкнулись два звена.

— Ах! — воскликнула она и стала разъединять звенья. Те хоть и вращались, но скорее лопнули бы, чем разделились. — Ах, как ловко придумано.

Пита подступил к столу и сгреб пригоршню звеньев.

— Давайте соединим их вместе? Поскольку вы облачились сегодня в свадебное платье, думаю, тематически будет уместно, если вы наденете и новособранное свадебное ожерелье. Я хотел бы увидеть вас в нем, прежде чем мы разлучимся.

— Значит, так тому и быть, — сказала она. — Мистер Перец, свадебное ожерелье женщины называется «мангалсутра». Такова традиция. Такова священная история женщин. Мангалсутра символизирует преданность, две жизни, соединенные общим предназначением. Так повелось еще на Земле.

Пита кивнул.

— Я забыл слово — «мангалсутра».

Оба сидели на стеклянных стульях и трудились над мангалсутрой, соединяя блестящие звенья. Пита был доволен тем, как все повернулось этим утром. Конечно, он страшился встречи с женой

— десятая годовщина считалась чрезвычайно важной датой, ибо требовала от супругов особого социального взаимодействия.

Супружеские визиты — это суровое испытание для любого меркурианского мужа. Предпринимая посещение жены, Пита обязан был покрыть себя формальной вуалью, вооружиться дуэльным жезлом и прокрасться в зловещую и душную Предкамеру Сладостного Предвосхищения.

В этом церемониальном переходе между мужской и женской половинами Люси обычно приветствовала его — как правило, она не опаздывала — и произносила пару-тройку вымученных фраз. Затем она вела супруга в Будуар.

Внутри Будуара приличные мужчины и женщины не разговаривали никогда. Они молча предавались обязательному брачному действу. Если им сопутствовала удача, после они засыпали.

Утром они проходили через еще одно требуемое взаимодействие, разлучаясь в церемониальной Предкамере Глубокой Печали. Обычно, чем короче супружеские расставания, тем лучше.

День годовщины, однако, никак не может быть короток. И все-таки сборка ожерелья стала для обоих приятным отвлечением. Нервные пальцы

занялись делом, как при поглощении закуски.

Когда все молчат, недопонимания не возникает.

Пита заметил улыбку жены, наблюдавшей за тем, как споро удлиняется ожерелье. Хитроумный план с подарком, без сомнения, оправдал себя. За десять лет брака жена не раз намекала на то, что хочет традиционное супружеское ожерелье. То была женская реликвия, некогда ценившаяся матерями-основательницами колонии; священное для слабого пола суеверие, имевшее смутное отношение к религии, эксцентрическое и мистическое; как называли его сами женщины — «мангалсутра».

Само собой, Пита улучшил примитивную конструкцию, осовременив ее посредством новейших технологий, но если Люси и заметила новшества, то ничего о них не сказала.

— Сядьте поближе ко мне, мистер Перец! — предложила она.

— Учитывая пышность свадебного платья, не уверен, что это возможно!

— Ах, не обращайте внимания на огромные белые юбки — что с моим бедным старым платьем станется? Вы не согласны?

Пита знал, что глупить и соглашаться с ковар-

ным суждением не стоит, однако же пододвинул свой стеклянный стул ближе к стулу жены. Искривленные ножки исторгли визг из полированных плит.

Люси искоса взглянула на Питу.

— Мистер Перец, как вы думаете, я состарилась?

Пита возился со звеньями ожерелья. Он знал, что происходит. Супруга наносила знаменитый женский удар из тех, что наполняют жизнь мужчины опасностями.

Правильно ответить на такую провокацию невозможно. Сказать «нет» — значит упрекнуть Люси в том, что она все еще неоперившаяся 17-летняя девушка. Это междометие увенчает десять лет их брака оскорблением.

Но ответить Люси «да» и констатировать, что она, да, визуально постарела, — о, сколь груба подобная оплошность! Люси тут же станет узнавать, что за мрачное лихо сгубило ее красоту. Мышьяковая каменнопыльная лихорадка? Витаминный дисбаланс кожи? Меркурианские дамы ограждены от сияния Солнца навеки.

Слабое притяжение планеты формировало у местных женщин особый скелет. Плечи Люси были узкими. Длинный хребет с неплотно

пригнанными позвонками переходил в очень длинную шею. Изящный узкий таз совершенно не походил на широкие, плодородные, виляющие бедра женщин Земли.

Пита и сам родился на Меркурии. Его кости тоже были длинны и хрупки, его печень полнилась минеральными токсинами. Будучи мужчиной, он точно знал, что после десяти лет брака выглядел старше. Впрочем, обсуждать это с женой не стал бы.

Задавая опасные вопросы, женщина напрашивается на оскорбления. В аду не найдется бесов, сравнимых с униженными меркурианками! Любая грубость, малейший намек на бесчестье отзовутся в герметичной теплице пурды бесконечными изуверскими злоумышлениями. Начнутся интриги. Скандалы. Дуэли. Политические расколы. Гражданская война.

— Как же много тут золотых звеньев! — заметила Люси, моргая. — Ваше ожерелье-мангалсутра достанет от моей шеи до пола!

— Пятьсот семь звеньев, — отозвался Пита рефлекторно.

— Зачем так много, мистер Перец?

— Именно столько раз мы с вами занимали Предкамеру Глубокой Печали. Включая сего-

дняшний день, день нашей десятой годовщины, разумеется.

Руки Люси оцепенели.

— Вы *считали* наши супружеские связи?

— Мне не нужно было их «считать». Они все значатся в моем календаре встреч.

— Мужчины — странные существа.

— Мы пропустили несколько назначенных встреч. Вследствие болезни или под гнетом дел. Иначе — и это логично — наша десятая годовщина ознаменовалась бы пятьюстами двадцатью звеньями.

— Да, — протянула Люси, — я знаю, что мы пропускали встречи.

Вновь возникла пауза. Напряжение чуточку усилилось. Супруги возились со свадебным ожерельем. Наконец, оно было готово.

Люси соединила открытые концы предусмотренной мужем застежкой — скромным и простым фермуаром с большими рубинами. Вышло длинное, золотое, змеевидное женское украшение. Люси несколько раз обернула им свою утоньшавшуюся к голове шею.

— Мадам, — произнес Пита, ловя момент, — это ожерелье-мангалсутра, которое я изготовил для вас на своей сборочной аппаратуре, пока не за-

вершено. Вы и сами это видите. Один его конец остается открытым — и неспроста. Так задумано, чтобы вы — и я — могли в будущем добавлять новые звенья. Множество новых звеньев к этой золотой свадебной цепочке, мадам, — с этого счастливого дня до нашей последней, пятидесятой, Золотой Годовщины. Таков мой обет вам в связи с этим подарком. Дела — не слова.

Люси запунцовела и отвернулась. Подобрав пышные юбки, она встала со стеклянного стула и на цыпочках подошла к висевшему на гранитной стене портрету в раме.

Пита следил за взглядом Люси. На портрете была запечатлена знаменитая женщина — миссис Жозефина Чан де Гупта, одна из матерей-основательниц колонии.

Мать де Гупта была для меркурианок культурной героиней. Грозная пожилая матрона лично вынянчила шестьдесят шесть клонированных детей. Она стала прародительницей половины из миллиона с лишним жителей современного мира.

Да, Мать де Гупта истово обожала материнство — большей частью за то, что могла командовать маленькими беззащитными людьми. Великую сагу о Матери де Гупте Пита изучал в киндер-школе.

Там доминирующие женщины контролировали детство во всех аспектах, сохраняя культурные ценности общества для грядущего.

Гнетущие дни в душной киндер-школе Пита не забудет никогда. Супруг Матери де Гупты, равно знаменитый капитан де Гупта, сочинил меркурианские законы гендерного разделения и создал пурду. Не надо быть гением, чтобы понимать мотивы старика,

Люси преспокойно игнорировала яростную старушку-родоначальницу в раме. Она изучала собственное отражение в наклоненном сияющем стекле.

— Каждое звено этой цепочки мною заслужено, — провозгласила она. — Пятьсот брачных связей! Мои позы были неловкими, тело увлажнялось выделениями… Однако теперь я и правда понимаю, отчего брак священен! Взгляните! Взгляните на мою прекрасную мангалсутру! Я всегда такую хотела! Отныне я облечена достоинством! С цепью на шее я могу держать голову высоко!

Героическим усилием Пита сдержал ответ на этот странный выкрик. Во-первых, Люси ошиблась в числе связей; во-вторых же, тяготы брака ложились на него куда большим бременем.

Женщинам в браке легко. По сути, от них только

и требуется, что лежать на кровати, согнув ноги так, чтобы колени смотрели в потолок. Мужчину же общество принуждает укутываться вуалью и красться в женские помещения подобно убийце, словно бы личность и цели мужчины — это некий кошмарный секрет.

Обычай полной секретности для действий, требуемых законом! Вот каких чудовищ рождает столкновение несовместимых мировоззрений. Десять лет Пита был покорен долгу брачных сношений, воровато проскальзывая в шлюзы и выскальзывая из них, — и все равно женщины называют мужчин лицемерами.

— Я исполняла свои обязанности десять лет, — заявила Люси отражению. Вдруг она обернулась и прожгла Питу взглядом. — Иногда только долг удерживает меня от дурного смеха.

— По крайней мере после десяти лет брака, — парировал Пита, — нас не заставят слушать глупые любовные песни.

Оба молча погрузились в свои мысли, затем Люси посмотрела Пите в глаза.

— Плановый брак — это орудие политического угнетения!

Пита сжал губы. Меркурианки становятся особо опасны, когда заводят песнь о мнимом «угнете-

нии». Они редко умирают под гнетом чего-либо, зато мужчин за угнетение частенько забивают до смерти.

— Однажды в этой самой Предкамере вы сказали мне, что брак есть гнетущий моральный долг перед основателями этого мира, — Люси погладила сверкающую золотом шею. — Я в жизни так не рыдала! Но, разумеется, вы говорили правду — правду, какой, по меньшей мере, она видится мужчинам.

Пита как ужаленный вскочил с грациозного стула, и тот со сдержанным стеклянным звоном повалился на каменный пол.

— Должно быть, наши предки обезумели, — продолжала Люси со спокойствием женщины, произносящей слова, на которые мужчина не осмелился бы. — Они подарили нам эту причудливую, извращенную жизнь — жизнь, которую мы сами ни за что для себя не выбрали бы. Наш брак — наше угнетение — это не наша вина. Я не виню вас, Пита. Уже нет. И вы не должны теперь винить меня. Мы с вами — жертвы традиции.

Пита сложил пальцы щепоткой и дотронулся до усов.

— Миссис Перец, — сказал он наконец, — это верно, что у наших предков имелись мудрые и

творческие представления о новом обществе. Они пробовали самые разные подходы, причем многие опыты провалились. Создавать этот мир, наш мир, живой мир на голых скалах было непросто. Мои технические преимущества перед прародителями огромны, но и я, конструируя его, каждодневно совершаю ошибки.

Люси глядела на него и моргала.

— Что? Что вы такое говорите? Вы что, меня не слушали? Я только что сказала, что вашей вины тут нет! В том, что вы — мой муж, нет вашей вины! Можете вы это понять? Я думала, вы будете счастливы услышать это от меня именно сегодня.

— Миссис Перец, вы не берете в толк мое суждение! Оно шире, чем любое личное суждение, чье бы оно ни было! Я утверждаю, что мы не вправе винить наших предков, а равно чернить их, пока не смиримся с собственными промахами, потому что людям свойственно ошибаться! Посмотрите, что мы с вами оставляем нашему будущему! Вы же понимаете, не так ли? Так будет честно и справедливо. Это очевидно.

Ничего очевидного Люси тут не видела. Или же очевидным ей казался некий чуждый Пите женский взгляд на вещи, согласно которому

мужчина, отрицающий ее нынешние страдания, лжет самым подлым образом. Он оскорбил ее.

— Может, мы смирялись слишком часто? — вопросила Люси. — Говорили «да», когда нужно было сказать «нет»?

— Вы имеете в виду, миссис Перец, тот день десять лет назад, когда я сказал «да» и вы также сказали «да»?

— Нет же, вы никогда не понимаете по-настоящему важных вещей… Хорошо, да, отлично. Отлично! Вот что я имела в виду.

— Вы имеете в виду, что я должен был взбунтоваться? Отказаться от нашего планового брака? — Пита умолк. Он пытался хранить спокойный и серьезный вид, не выказывая яростных мыслей.

Люси ответила кротко:

— Я имела в виду, что взбунтоваться следовало *мне*.

— Как — вам? Почему?

Люси молчала, явно готовясь к очередному спонтанному выплеску эмоций.

Утро годовщины, начавшееся так тихо, совершило опасный для Питы поворот. Если мужчины узнают, что он говорил подобным образом с женщиной — тем более с женой, — его вызовут на

дуэль. Расплата будет заслуженной.

— Ладно, — сказал Пита, — поскольку у нас годовщина, давайте обсудим сказанное. Вы очень смелы, раз подняли эту тему. Что до меня, я считаю наш с вами брак великолепным.

Люси просветлела.

— Вы так считаете? Почему же?

— Потому что это установленный факт! Взгляните на доказательства! Вот они мы — вы и я, муж и жена, — живущие на четырехкилометровой глубине под Северным полюсом планеты Меркурий. Воздух, вода, пища, гендерная политика, все то, что мы ценим, спроектировано и сконструировано. Однако же мы процветаем. Мы благоденствуем, мы живем благопристойной жизнью! Мы — два уважаемых, состоящих в браке человека! Всякий в этом мире скажет, что отношения Питы Переца и Люси Перец нормальны, надежны и продуктивны. Мы подарили миру сына.

Слушая эти увещевания, супруга нахмурилась:

— Они захотят от нас еще детей. Дня не проходит, чтобы дамы-старейшины не изводили меня вопросами о деторождении.

— Они обязаны так поступать. Они свое дело сделали, пришла наша очередь, — Пита поднял

руку, предупреждая новое извержение эмоций. — Да, я помню — до того как был изготовлен Марио Луис Перец, я сомневался в том, стоит ли мне становиться отцом. Может, я переусердствовал в выражении своих чувств. То была моя ошибка. Я был молод и глуп. Я не ведал, что такое отцовство. Никогда не знаешь, какое счастье ждет тебя завтра. Если спрашивать у мальчиков или девочек согласия на взросление, дети никогда не вырастут! Они всего лишь дети, они взбунтуются и скажут «нет».

Супруга не удостоила его мудрое и логичное рассуждение ответом. Взамен она сверлила взглядом испещренную выбоинами каменную стену, и во влажных глазах женщины разгоралось удивление. Казалось, ее мысли захватила идея отмены полового созревания.

— Пусть наши дети изготавливаются, все равно у них должно быть по два родителя — это мудрая социальная политика, — упорствовал Пита. — Возможно, нас с вами принудили подчиниться традиции ради будущности. Однако я не погрешу против истины, сказав, что отцовство для меня полезно. Теперь у нас есть восьмилетний мальчик, зависящий от моего наставничества. Теперь я понимаю: мир не вращается вокруг меня. Меня

и всего того, что я люблю: дизайна взаимодействий, эстетики, роботехники, метафизики... Когда мы с вами изготовили ребенка, я вынужден был осознать ценность жизни!

Эта проникновенная, ответственная речь в любой мужской дискуссионной группе пошла бы на ура; в обществе Люси, однако, она раскалила атмосферу пуще прежнего. Достойные чувства Питы пробудили в супруге скуку, даже некоторое отвращение.

— Значит, — сказала она наконец, — мальчик сделал вас счастливым?

— Я бы не сказал, что достиг Пика Вечного Света! Но кто из нас его достиг?

— Я рада, что вы счастливы, мистер Перец.

Пита не ответил. Он узнал одно из тех покорных, но агрессивных замечаний, которые женщины делают, готовясь к атаке.

Если слова женщины противоречат тому, что она явно хочет сказать, значит, ад близок как никогда.

Логика на женщин не действует. Их мозг устроен по-другому. Пите нужно было сменить тактику.

— Разве могу я быть счастлив, — сказал он веско, — покуда сижу здесь, в Предкамере Глубокой

Печали?

— Мужья никогда не печалятся, покидая своих жен. Официальное название этой Предкамеры — дань социальному лицемерию, не более. Одна ложь из множества.

— Миссис Перец, прошу вас, не будьте столь политически дерзкой. Кто не сожалеет о пребывании в этой жалкой Предкамере? Не будете же вы отрицать, что это мрачное и душное помещение, обставленное к тому же из рук вон плохо? Будьте благоразумны.

— Ну да, эта ваша уродливая Предкамера уродлива, но совсем в ином смысле… Это неприятное, холодное и отвратительное место, но лишь по вине мужчин.

— Нам, мужчинам, Предкамера ни к чему! Мы о ней не просили! Будь наша воля, мы бы сразу шли в Будуар. Он широк и повсеместен, а еще в нем есть пиво и закуски!

— Мистер Перец, над вами властвует чисто мужское заблуждение, — процедила Люси сквозь зубы. — Будуар, где мы с вами вступаем в супружескую связь, — это даже не моя комната! У меня имеется собственная. Она куда красивее, чем безвкусный бордельчик, где нам положено соединяться.

Бесцеремонное утверждение застало Питу врасплох.

— В моей брачной постели спят другие мужчины?

— Сэр, это не «ваша» постель! Так или иначе, она слишком жесткая.

— Мы с вами обсуждает не жесткость!

— Во всяком случае, для нас, женщин.

— Ладно, вы этого хотели! — возопил Пита. — Хотите удивиться — пожалуйте в мой барак! Мы, мужчины, живем теперь в роскоши! У нас есть гимзалы, сауны, шкафы для инструментов, все, чего душа пожелает.

— Я никогда не была в ваших мужских бараках, — сказала Люси задумчиво. — Там, где вы спите без меня.

Это был удар ниже пояса. Только падшая из падших, бесчестнейшая женщина, потерявшая всякий стыд, преступила бы порог пурды, чтобы, рискнув всем на свете, проникнуть в мужские покои.

Шокированный словами жены Пита сдал позиции и умолк. Супруга тоже ничего не говорила. Струна безмолвия между ними, как обычно, напряглась, и Пита, окинув мысленным взором дискретную череду встреч на протяжении дол-

гого десятилетия, осознал: ему нравится, когда Люси его шокирует.

Он был тронут. Он ощущал метафизическую аутентичность. Шок ставил его лицом к лицу с неписаными реалиями суровой жизни. Явь требовала бесстрашия.

Как в той весьма полезной катастрофе восемь лет назад, когда он бился на дуэли за честь Люси.

Пита был разумным мужчиной, но временами и рассудительнейший из мужчин не может уклониться от удара. Пита проиграл дуэль, получив солидную взбучку от педантичного оппонента. Однако, встав на защиту Люси и ее чести, он одержал моральную победу.

Более того, после дуэли супруге разрешили — по давней неписаной традиции — покинуть пурду и проведать мужа в клинике. Люси появлялась там в открытую, напоказ, иногда дважды в день, чтобы «излечить защитника моей чести». Она могла оставаться в приемном покое сколь угодно долго и говорить на любую тему — никто не посмел бы ей возразить.

Ни он, ни она не знали, что делать с нежданной близостью, — им было всего по 19 лет. Происшествие взволновало обоих — они словно увидели жизнь с другой стороны. Познали иной способ

существования. Скандал изменил Питу, и Люси изменилась тоже, по-своему. Под внешней угрозой брак обрел глубину, ширину и следствия.

Бывает, за самопознание приходится платить высокую цену — молодежь познает себя в спешке. Зрелые мужчины учатся на своем опыте.

Одолев робость, Пита решился и тихо сказал:

— Люси, если я приглашу вас в свою комнату в бараке, что вы сделаете?

— У меня и в мыслях не было ничего постыдного, — ответила она. — Но мужчины всегда приходят сюда через шлюзы Предкамер. А женщины никогда не заходят на вашу половину мира. Разве это честно?

— Честно? Правила приличия тут недвусмысленны.

— Не надо так на меня смотреть, — взмолилась Люси. — Я правда горжусь тем, что мой супруг блюдет приличия и защищает мою честь. Было бы ужасно, если бы вы оказались мерзким трусом. Но и мужчины, и женщины понимают, что с нашими обычаями что-то не то! У мужчин внутри других планет нет дуэлей!

— Мужчины на других планетах не живут «внутри» своих планет, — поправил ее Пита. — Моральный кодекс Меркурия, может быть,

несовершенен… тут я с вами соглашусь. Возможно, мужчины этого мира, такие же дурни, как я, — все без исключения тупые скоты. Но даже если это так… по крайней мере, нашим дамам за себя не стыдно! Ведь вы согласитесь со мной, верно?

— Понимаете, — сказала Люси, — слово «дама» означает не то, что вы себе вообразили, но… Ладно, хорошо, я вышла за вас замуж, я — ваша дама. Я вижу, вы разозлились. Вы всегда злитесь, когда я веду себя не как дама и говорю о честности и справедливости.

— Будем объективны, — сказал Пита. — Возьмем низкопробных женщин с венерианской орбиты. Никто не называет их истинными дамами!

— Конечно же, нет, — признала Люси. — Они не в состоянии даже побывать на поверхности своей планеты! Это поистине грустно.

— А Земля, так называемый материнский мир? Когда-то все землянки были как земные прамате-ри, и что стало с ними теперь? Они неряшливы, они грязны, они — всеобщее посмешище! О марсианских женщинах даже вспоминать противно! Профурсетки, которые мерзнут на красном песке и притворяются, что способны дышать!

— Я уверена, они делают все, чтобы оставаться приличными женщинами.

— Да ладно вам. А женщины на орбитах Сатурна и Юпитера? Вот уж кто смешон так смешон! И, надеюсь, вы не станете защищать сомнительных послеженщин Нептуна и Урана…

— Чужачки живут в астероидах нормальной жизнью.

— Но не как дамы в нашем обществе! У астероидных женщин нет ни наших гигантских каньонов, ни полярного ледника — источника питьевой воды! Соглашусь, на астероидах имеются полезные ресурсы. Лед, кое-какие металлы, неплохой гравитационный потенциал. Но у нас, благопристойных мещан внутри Меркурия, у нас-то есть металлы куда чище и полезнее! Металлы в планетарных количествах! Не говоря о фантастической солнечной энергии! Каждый меркурианский день наши роботы собирают энергетический урожай, который на мелком астероиде не собрать и за десять лет! — Пита глубоко вдохнул спертый воздух Предкамеры. — Вы не в силах отрицать все эти факты, признайте!

Люси молчала, а значит, ничего не отрицала.

— Не хочу показаться негалантным, — подвел черту Пита, — но женщины, выросшие на

астероидах, лишены плотности! Ни грана благопристойной плотности. Они гротескны! Как быть приличному мужчине, если он обречен на брак с дряблой, каплевидной, бескостной женщиной с руками вместо ног? Да я содрогаюсь при мысли об этом! Их жизнь невообразима.

Люси коснулась своего удлиненного черепа, провела руками по лоснящейся тонкой белой коже.

— Пита, все верно. Чужачки омерзительны.

— Я рад, что вы это признаете. Между тем из вашего вывода есть важное следствие, — возликовал Пита. — Если чужаки гротескны — а мы оба согласны с тем, что они таковы, — значит, мы с вами нормальны. Возможно, мы страдаем — я, и вы тоже, мы страдаем, быть может, от угнетения, — но жизнь, и честь, и приличия — это вовсе не забавы и развлечения… При всем том в конечном счете мы с вами — меркурианцы. Я тот, кто я есть, и вы тоже.

— Я меркурианка, — подтвердила Люси. — Но слишком о многом вы умолчали.

Она многозначительно смотрела на переходный шлюз, но Пита не уходил — ему стало любопытно, к чему она клонит.

— Миссис Перец, это всего лишь обычай, — за-

говорил он. — Иногда нами здесь овладевает гордыня, будто мы овладели Пиком Вечного Света… Однако фактура нашего существования сводится к традиции. Истина в том, что, с метафизической точки зрения, это лишь социальная привычка! Некогда весь этот мир был как одна безотрадная Предкамера, в которой мы застряли…

Пита воздел руки.

— Я знаю, что жизнь нечестна и несправедлива. И я желал бы это изменить — но как? Если вы хотите реформы гендерных отношений, вам следует поднять этот вопрос на политическом совете дам-старейшин. Чего вы ждете от *меня*? Старые ведьмы смотрят на мужчин моего возраста как на каких-то личинок.

— Я ни о чем вас не просила, — напомнила Люси. — Я даже сказала вам, что тут нет вашей вины.

— Ну да, вы это сказали, но… разве не имелось в виду, что я должен на что-то решиться? И, конечно, не для того мы с вами встретились в день годовщины… Чтобы все время ныть.

Они надолго замолчали. Пита стал сожалеть, что жаловался на жалобы. Это было метадействие — весьма рекурсивно с его стороны. Неудивительно, что Люси смутилась.

— У нас есть велосипеды, — сказала она.

— Что?

— Велосипеды. Транспортные средства с двумя колесами. Мужчинам и женщинам разрешается встречаться вне пурды, если они едут на велосипедах. Никто не обвинит нас в неблагопристойности, если мы сядем на движущиеся машины.

— Миссис Перец, я видел велосипеды… но не вполне вас понимаю.

— Давайте скажем, — предложила Люси, запинаясь, — что исследуем современный мир. Есть немало шахтных стволов, куда можно добраться только на машинах. Если мы проедем пару километров — я разумею, *вместе*, но на велосипедах, — кто упрекнет нас в нарушении обычаев? В попрании приличий?

— Что значит — на велосипедах? Разве эти механизмы не опасны? Можно свалиться с велосипеда и свернуть себе шею! Велосипеды механически нестабильны! У них всего два колеса!

— Да, научиться ездить на велосипеде непросто. Я падала пару раз и даже крепко ушиблась. Зато теперь я не упаду! Для планет с низкой гравитацией велосипеды идеальны. Они напрягают мышцы ног. И усиливают кости. Велосипед —

изобретение здоровое и современное.

Пита оценил этот набор аргументов. Конечно, он видел женщин на велосипедах — и мужчин тоже, но раз в десять реже, чем женщин, — однако никогда не считал это увлечение чем-то серьезным. Катание на велосипеде казалось ему девичьей прихотью: все эти женщины в безликих шлемах и черных мешковатых одеждах, разъезжающие на задорно раскрашенных конструкциях…

Но, может, тут и был свой инженерный умысел. Велосипеды в этом мире появились, потому что сетка туннелей расширялась. Роботы не уставали прогрызать все новые и новые ходы в богатейших минеральных пластах планеты. Мир разрастался методически.

Современный Меркурий уже не был прежним тесным мирком, население которого ютилось в отсеках и шлюзах, отдаляясь от них лишь на жалкие сотни метров. Роботы распарывали кору планеты, а за ними приходили поселенцы — так здесь было всегда. Этого требовал здравый смысл, который не могли отрицать даже консерваторы.

— Я мог бы изготовить велосипед, — заявил Пита. — Придумать его и распечатать. Не женский, разумеется, а пристойное транспортное

средство.

— Под велосипедным шлемом вам не нужно носить вуаль, — воодушевилась Люси. — Никто не узнает вас на велосипеде… кроме меня, само собой, поскольку я, разумеется, узнаю вас всегда.

— Решено. Я возьмусь за велосипед немедленно! И отчитаюсь о проделанной работе на следующей нашей встрече.

Пожав руки, они удалились через разные железные двери.

* * *

Официально для траура по покойному полковнику Хартманну Шринивасану ДеБлейки отвели целый день. Из уважения к меркурианскому первопроходцу оплакивать его полагалось одни меркурианские сутки.

Полковник ДеБлейки был страстным реформатором календаря. Решительно разрывая культурные связи с Землей, ДеБлейки делал все, чтобы поселенцы на Меркурии привыкали к 88-дневному «меркурианскому году» и 58-дневным «меркурианским суткам».

Разумеется, изысканная и изобретательная календарная схема ДеБлейки на практике не имела ни единого шанса. Человек существует по врож-

денному 24-часовому биологическому циклу. Потому жизнь в лишенном Солнца подземном городе быстро преобразовалась в современную систему трудовых будней, состоящих из трех восьмичасовых смен.

Однако ДеБлейки никогда не оставлял попыток реформировать календарь; столь же самоотверженно полковник бился за реформы правописания и гендерных отношений, а также троичную систему счисления. ДеБлейки был интеллектуальным титаном Меркурия. В знак признания его завета джентльменов обязали носить траурные вуали целые меркурианские сутки.

Марио Луису Перецу, сыну Питы, было всего восемь лет, потому вместо мужской вуали, целиком закрывающей лицо, он надел легкий шарф. Красотой Марио пошел в мать. Он был милым, благопристойным мальчиком, которым можно заслуженно гордиться. Юношеской киндер-школой заправляли одни женщины, так что манеры Марио были изящными и утонченными: волосы он носил длинные, ногти красил, юбку предпочитал брюкам — все как полагается.

По материнской генетической линии юный Марио состоял с покойным полковником ДеБлейки в близком родстве. Оттого ему не возбранялось

в числе других мужчин участвовать в траурных торжествах, проходивших на поверхности планеты.

Конечно, Пита сопровождал сына в качестве родительского эскорта. Пузырчатая безвоздушная поверхность Меркурия кишела страшными опасностями. По этой причине детям она казалась идеальной.

Пита не облачался в скафандр два года — с последних похорон меркурианской знаменитости. Марио Луис, в свою очередь, щеголял в новеньком комбаллоне, изготовленном по последнему слову техники. Этот сложносочиненный предмет одежды ему купила мать, и расходов Люси не жалела.

Мальчик по-детски обрадовался изящному наряду. О комбаллоне мечтает любой меркурианский юнец: тут тебе и алмазно-хрустальный шлем-пузырь, и панцирь обеспечения твоего размера, и тканые наноуглеродные штанины и рукава, и даже модная отделка серебром, медью, золотом и платиной. В комбаллоне Марио выглядел как маленький лорд и норовил не идти, а скакать.

Мужчины-плакальщики толпились в очереди к грузовым лифтам на Пик Вечного Света.

— Пап, — Марио схватился за перчатку скафандра Питы, — а полковник ДеБлейки сражался на дуэлях?

— О да, — кивнул Пита. — Он был отчаянным дуэлянтом.

— Боевые искусства — мой любимый предмет в киндере, — похвастал Марио. — Я тоже буду отчаянным дуэлянтом.

— Сынок, — сказал Пита, — дуэль — это не шутка. Дело не в том, насколько ты силен или быстр. Мужчины дуэлируют, дабы защитить чью-либо честь. Дуэли — это опора благопристойности. Ты можешь проиграть, однако честь будет защищена. Полковника ДеБлейки несколько раз побеждали. Он вынужден был извиняться и отступать — по политическим соображениям. При этом он никогда не терял уважения равных. Дело только в этом.

— Но, пап… а если я просто буду бить людей своим жезлом? Они ведь будут делать то, что я им скажу, да?

Пита засмеялся:

— Многие пытались. Такое ни у кого не получается.

Благодаря подковерной интриге — тут наверняка приложила руку его мать, — в лифте Марио

позволили встать у гроба почитаемого предка. Последним вместилищем ДеБлейки служил его собственный первопроходческий скафандр. Массивность, добротность и твердость превратили архаичное устройство в идеальный саркофаг.

Древний лифт, как и древний скафандр, был прочен и мрачен. Его до отказа забили надлежаще одетые джентльмены и юноши в вуалях за лицевыми панелями.

Скорбной торжественности момента никто не нарушал. Наконец, трясучее скрипучее путешествие на поверхность завершилось.

Пита следил за новостями экономики и был в курсе бурного промышленного развития поверхности. Но знать статистику — одно, а увидеть промышленную мощь своими глазами — совсем другое.

Ах, какой им открылся вид на машинный филум! Пита восхитился увиденным почти так же, как его восьмилетний сын.

Кибернетический порядок, который, покоряя Меркурий, алгоритмически прорастал на новых полях деятельности… Повсеместная машинерия стройными рядами заполняла новые кластеры пространственно-временного континуума!

Дороги, ямы, шахты, энергостанции и пла-

вильни, аккуратно собранный шлак… Титанические корпуса неспешных фабрик… обширные караваны набитых рудой пакетов… головокружительное разнообразие бегающих туда-сюда живунчиков и поистине взрывное распространение чип-схем.

А также — у наноцентрического основания полуавтономной пирамиды вычислительного активизма — умный песок. Любители глазели на гигантские корпуса, но профессионалы всегда говорили только об умном песке.

Энтропия, враг любых организованных форм, губила и машинерию. Автоматы, попадавшие за пределы кочующей сумеречной зоны Меркурия, очень скоро либо поджаривались, либо замерзали. Однако позднее фрагменты разрушенной системы неизменно использовались вновь. Здесь не пропадали ни транзисторы, ни прокладочные кольца, ни шурупы. В дело шла любая крупица индустриального мусора, извлекавшаяся из любой траншеи изрытого робомандибулами меркурианского пейзажа.

Похоронная процессия маршировала к суровому Пику Вечного Света.

Грандиозная полярная гора никогда не попадала в тень. Пик Вечного Света был самой знаме-

нитой естественной достопримечательностью Меркурия и главным источником неиссякаемого энергоснабжения колонии.

У ледяного основания горы, никогда не освещавшегося Солнцем, некогда помещался огромный седой ледник. Этот ледник был единственным источником воды на планете и внутри нее.

На протяжении долгих эонов его формировали кометные бомбардировки. Разреженный, как вакуум, пар конденсировался в морозной тени одноатомными слоями. Бесконечных пластов черного льда, продукта с выдержкой в миллиарды лет, казалось достаточно, чтобы утолить жажду миллиона человек.

Сегодня от могучего ледника не осталось ничего, кроме пары рубцеватых ледяных блоков, которые медленно грызли старейшие из машин. Он исчез, утоляя жажду миллиона человек. Древний лед перешел прямиком в живые вены людей.

Планетарный ресурс был источен до еле заметного нароста. Впрочем, чтобы это увидеть, нужно было знать, куда смотреть. Полярный ледник пребывал в вечной темноте. Только радар в скафандре Питы позволял оценить пугающую убыль.

Большая часть мужчин игнорировали душераздирающее зрелище. Что до сына Питы, он на ледник даже не взглянул. Кошмарная убыль его не волновала. Он никогда не видел Северный полюс, каким тот был прежде.

А что старик, ныне мертвец, сказал о кризисе? Лелея прекрасные мечты, он, конечно, знал, что кризис наступит.

Мертвый первопроходец сказал как отрезал, прямо и твердо: «Нам надо раздобыть еще льда».

Мертвеца послушались. Меркурианцы построили металлического колосса — гигантский пилотируемый корабль. Колосс был столь огромен, что затмевал все вокруг и мог бы вместить межзвездную колонию — если бы такие перелеты были возможны.

Роботы отбуксировали великий золотой ковчег к пусковой установке, и сияющий дредноут со свистом отправился к кометному поясу, чтобы экспроприировать и доставить на Меркурий громадный, вневременной, обещающий продлить жизнь поселенцев снежок.

Имелись, разумеется, и другие варианты — без гигантского пилотируемого корабля. Попроще, попрактичнее.

Например, можно было запустить тысячи ми-

ниатюрных роботов в пустотные потоки, чтобы поймать там комету.

Когда та станет нарезать круги, в центре которых полыхает всемогущая масса Солнца, роботы будут отламывать кусочки ее льда и переправлять эти скромные бандероли на меркурианскую поверхность. Ценой нескольких скромных свежих кратеров — ничего особенного в сравнении с огромными шахтами — поднимутся облака кометного пара. Клубы этих испарений, дрейфуя на север, будут намерзать на большом исходном леднике у подножия Пика Вечного Света.

Таков был спокойный, скучный, сдержанный и мягкий способ восполнить убыль ледника. Заботливое восстановление статус-кво. Меркурианки предпочли бы этот вариант.

У этой идеи, однако, имелся скверный подтекст. Она однозначно намекала на то, что селиться на Меркурии людям не следовало с самого начала. Означало ли это, что человечество никчемно? Почему бы не упразднить человека с его отвагой, честью, исследовательскими порывами — и не превратить Меркурий в вечную шахту, населенную бездумным и бездушным машинным филумом?

Идея была кощунственной: фракции не желали

примиряться. Гражданский водораздел был ясен, как граница между ледяной ночью и пылающим днем. Ужасная распря — речь шла о первостепенном: ресурсах и политике — едва не разрушила колонию.

Страсти накалялись; ряд умеренных колонистов говорили о компромиссе, хотя их никто не слушал. Может, просто купить льда? Признать, что Меркурию грозит водяной кризис, с которым планета не справится, и приобрести лед у чужаков?

На астероидах его навалом. К чему создавать дикую орду ледовых роботов? К чему строить кичливый меркурианский флагман, рискуя потратить на него все ресурсы колонии? Давайте забудем о чести и автономии, забудем о дурацкой гордыне — и заплатим чужакам. Купцы уже навязывались Меркурию с торговлей металлами. Если бы еще можно было назвать этих странных созданий «людьми»…

После череды кровопролитных междоусобиц, позорных эпизодов и прискорбных эксцессов гражданскую войну выиграли сторонники пилотируемого полета. Почему? Потому что они заявили права на традиционные ценности. Потом эти фанатичные консерваторы взошли на

борт своего новенького золотого корабля и быстро покинули Меркурий со всеми его давними традициями.

На поле битвы ничего не решилось, думал Пита. Традиции были фантазмами — иррациональными «предсказаниями прошлого», современными политическими толкованиями утраченных исторических реалий.

Об истинных, совсем уже сумасбродных ценностях полковника ДеБлейки предпочитали не вспоминать. Он и мужчины его поколения были эксцентричными мечтателями. ДеБлейки, меркурианского героя, колонизация Меркурия не интересовала. Эту планету он считал лишь ступенью к колонизации Солнца.

За двести сорок лет эзотерического существования гигант мысли развил свою философию до необъятного, библейского масштаба. Он без конца сочинял, проповедовал, планировал, проектировал и теоретизировал. Пита прочел два или три миллиона из сотен миллионов оставленных им слов. Такого результата достигали немногие.

Плакальщики кучковались в искусственных сумерках у подножия горы. Пита вспомнил, что видел последний эфир, посвященный ДеБлейки

и его великой первопроходческой идеологии.

Меркурианские знаменитости произносили надгробные речи — яркие, точные, продуманные. Вот только исполинское наследие ДеБлейки было слишком велико для их скромных жестов. Плакальщики явно хотели закруглиться побыстрее — радиация на поверхности не дремала. Однако кратко пересказать жизнь длиной в четверть тысячелетия все-таки затруднительно.

Прожекты ДеБлейки были связаны с межзвездной колонизацией — великим предназначением человечества в Галактике. «Укрощение звезд», как говаривал полковник. В это грядущее устремлял он мысленный взор, пока первые меркурианские колонисты гнулись в три погибели в каменных сараях, почти задыхаясь и посасывая токсичную кометную воду.

ДеБлейки рассчитывал превратить Меркурий в рудник, развить до предела машинный филум, а затем триумфально перейти к добыче ископаемых на Солнце. И обитать внутри Солнца, в Вечном Свете. Процветать в Вечном Свете, лишенном теней от каких-либо планет, до конца времен.

На Меркурии, конечно, есть золото, серебро, платина и трансурановые металлы — их место-

рождения часто разбросаны по поверхности в мерцающих котлах, — но на Солнце есть все элементы, какой ни назови.

Воображаемые звездные цитадели станут пронзать разреженную атмосферу Солнца на гипермеркурианской скорости, отсеивая воду, углерод, металлы — все то, что нужно человеку, — прямо из солнечного облака. Иллюзорные солнечные форты будут громадными магнитными бутылками, сотканными из захватных лучей и фотоновых ловушек вокруг населенной колонистами золотой сердцевины.

Когда люди обучат машинный филум обитать в атмосфере звезд, падут последние кандалы, сковывающие человечество. А главное, колонисты смогут селиться где угодно. Послушные долгу женщины, живущие столетиями, смогут вырастить и окультурить сотни детей, каждый из которых впитает ценности межзвездных первопроходцев.

При столь масштабном демографическом взрыве Солнце вскоре будет поддерживать сотни миллиардов людей. Триллионы граждан отправят в путь миллионы исследователей. Колоний станет много, и кибернетическая мощь позволит им управлять самим Солнцем.

С такими невообразимыми энергетическими ресурсами межзвездный перелет появится сам собой, как логичный вывод из заданных предпосылок. Укрощенные протуберанцы послужат магнитным трамплином для новых колоний, которые, развив околосветовую скорость, домчатся до атмосфер ближайших звезд.

Любой вид, способный обитать внутри светил, в кратчайшие сроки покорит всю Галактику. Его распространение будет алгоритмическим, экспоненциальным, непреодолимым, пангалактическим. Тем, кто осознал истину, нет нужды искать похожие на Землю планеты — утешение тупого ничтожества. Они всегда будут жить в машинном филуме, и каждая сверхчеловеческая душа сделается пиком вечного света.

В космических планах ДеБлейки была своя железная логика. Прагматичностью они не отличались, зато вдохновляли на подвиги. Движимый столь железной и не знающей преград человеческой волей машинный филум быстро распространится по Вселенной.

Однако ДеБлейки был смертен, а теперь и мертв. Склонным к размышлениям, чувствительным людям, живущим ныне на планете Меркурий, его мечты казались эзотерически-

ми, надуманными, абсурдными… Тем не менее похоронные панегиристы даже не пытались примирить их с реальностью. Развенчать их, похоронить их. Они аккуратно упаковывали сумасбродную первопроходческую мечту гиганта мысли в безобидный фольклор меркурианских будней.

Сын потянул Питу за перчатку. Высокопарные словеса наскучили ему до чертиков.

— Пап.

Пита открыл приватный канал.

— Что такое? Хочешь в уборную? Сходи в костюм.

— Пап, можно я пойду сражаться? Там Джимми, он любит сражаться.

— Никаких драк на похоронах, сынок.

Услышав отцовское замечание, Марио надулся и принялся стирать экзоатмосферную пыль с алмазного шлема-пузыря.

— Пап, когда построят новую колонию на Южном полюсе, мы туда поедем?

— На Южном полюсе нет воды, Марио. Там есть холмы Вечного Света, а значит, энергии в достатке, но ни одного ледника. Жить там невозможно.

— Но ведь наши космические герои однажды вернутся и привезут водяную комету. Тогда мы

поедем?

— Да, — сказал Пита. — Поедем. Там у нас появятся новые возможности — не то что в этой древней колонии. На Южном полюсе начнется другая жизнь — по новым социальным принципам. Да, мы туда поедем. Я возьму тебя с собой. И твоих братьев тоже — в будущем у тебя появятся братья.

— Мама тоже поедет?

— Сынок, через девять лет ты и сам женишься. Я спланирую твой брак. Поверь мне, такие вещи резко усложняют жизнь.

— Мама поедет в новую колонию. Она хочет создать новый порядок. Она мне так сказала.

— В самом деле?

— Да, сказала! Она правда этого хочет.

Внутри скафандра Пита перевел дыхание.

— В конце концов, мы — первопроходцы. Таково наше истинное наследие, и я горжусь тем, что ты присутствуешь на этих похоронах. Ты будешь жить долго, мой сын, так что запомни хорошенько этот день — он очень важен. Наш мир принадлежит тебе. Ты получил его по праву. Никогда об этом не забывай.

На трибуну похоронного плато взошел очередной оратор. Старик передвигался при помощи

робота и говорил мало, но медленно, как и подобает мудрецу. Его речь была кошмаром.

Марио никак не мог успокоиться:

— Пап, на Южном полюсе будут другие мальчики?

Пита улыбнулся.

— Конечно. Общество без молодежи — это общество без будущего. Если бы земляне посылали в космос своих детей, а не глупых астронавтов, они завоевали бы другие миры. Вместо этого Земля утонула в собственной грязи. Это не твое наследие — земляне лишены моральной жилки. Вот почему они ничего не стоят — в отличие от нас.

Марио попытался почесать нос через шлем-пузырь. Само собой, ему это не удалось.

— Пап, а земляне воняют? Джимми говорит, что они вонючки.

— Я сам с ними не встречался, но у них в животах и правда водятся опасные микробы. Земляне могут испускать неприятные запахи, это факт, — Пита прочистил горло. — Но, знаешь, они о нас тоже не лучшего мнения — мы для них «термиты».

— «Термиты». Пап, что это такое?

— Термиты — это неразумные социальные звери. Дикие животные. Их не разводят так, как

мы разводим своих животных.

— Пап, а термиты большие?

— Понятия не имею, но думаю, размером с кошку. Если кто-нибудь назовет тебя термитом, бей его по лицу и вызывай на дуэль, понял? С такими вещами надо разбираться быстро.

— Я так и сделаю.

— Хватит болтать, сынок. Наступает кульминация, великая минута…

Джентльмены-старейшины, опираясь на церемониальные посохи и алебарды, неспешно покидали похоронное плато. Под катафалком дыбились песчаные волны.

Умный песок собрался в огромный кипучий пиксельный вал и вознес гроб над поверхностью.

Невозможно жидкий, он почтительно покатил в гору, унося мертвеца с собой.

Катафалк пересек границу между сверкающей сумеречной зоной и Вечным Светом.

Роботы в унисон отвернули солнечные отражатели. Толпа людей оказалась в безвременной, завороженной, замороженной тьме. Скафандр Питы дрогнул — то был трепет священного ужаса.

Катафалк сверкал, как кусок невидимого Солн-

ца.

На сверкающей жаре скафандр мертвеца растрескался. Вырвался наружу драгоценный пар. На короткий миг возникла гейзероподобная человеческая радуга — похожий на протуберанец призрачный выхлоп восхитительного сгорания.

Затем церемония кончилась. Длинные меркурианские сутки едва начались, но духовная заря уже поднялась.

* * *

Пита сидел на бордюре песочницы в Великом Парке Прекрасных Воспоминаний.

Следуя конструкторской рутине, он часто приходил сюда, чтобы выпить чуточку усилителей восприятия и поразмыслить о метафизической подоплеке монументальности.

Поколению Питы нужно было примирить враждующие стороны, достичь новых глубин понимания. Парк стал полем битвы, на котором произошли худшие из столкновений гражданской войны. То были ожесточенные, кровавые рукопашные схватки между поляризованными фракциями.

В этой пещере лучшие патриоты и идеалисты колонии избивали друг друга до смерти,

попавшись на удочку жесткой моральной необходимости.

Убивать здесь стали и женщины, едва выяснилось, что великое бремя охоты за льдом ударит по их личной политике. Они устраивали кошачьи засады и теракты-самоубийства. Женщины убивали наверняка — они не хватались за возможность почетной капитуляции.

Во время гражданской войны колония была близка к саморазрушению как никогда. Борьба была хуже природных катастроф; хуже выброса из скважины, хуже токсического отравления.

Некогда Великий Парк Прекрасных Воспоминаний был древней меркурианской лавовой трубой. Пещера появилась естественным образом — ее не проектировал человек, ее не касались челюсти машин.

Орошенное кровью пространство унизительного морального падения решено было отдать на откуп дикой природе. Живым существам — но не людям.

Первые поселенцы привезли с Земли, из своих родных стран, генетический материал. ДНК в ампулах бережно хранили, но до поры не выпускали в мир, не создавали на ее основе жизнь.

Сегодня Парк Прекрасных Воспоминаний пол-

нился ею. Цветущие растительные существа поражали экзотическими формами, экзотическими чертами и экзотическими, древними именами. Баньяны, джакаранды, пальмы, иланг-иланги, папайи, джекфруты, тики и махагони…

В отличие от безыскусных и полезных водорослей, кормивших колонию, эти виды деревьев принимали вычурные, неслыханные формы. Они росли при низкой гравитации под яркими светильниками и коренились в странной минеральной почве; по сути, это был естественный меркурианский лес. Его населяли огромные зеленые, пахучие, тенистые, спутавшиеся великаны. Чудные органические системы: расцветавшие, кривившиеся, ветвившиеся, плодоносившие.

Дикая природа, выпущенная человеком на волю, не была красивой. Внушительной — да, но своенравной и хаотичной. Пока что это был колониальный ералаш — причудливый, давящий сам себя комплекс искаженных традиционных форм.

Как и все эстетические вопросы, думал Пита, проблема уходит корнями в несчастную метафизику. Высаживать громоздкий лес, чтобы позабыть о той тьме, где воля человека пасовала, — эта попытка была неискренней. Непродуманной.

Великий Парк Прекрасных Воспоминаний

боялся посмотреть правде в глаза. И не был он пока ни велик, ни прекрасен, потому что сбежал от железной логики, требуемой аутентичной меркурианской фактурой существования.

Здесь начиналась работа Питы.

Погрузившись в свои мысли, Пита досуже рисовал в детской песочнице квадраты, треугольники и круги. Реагируя на каждый мах дуэльного жезла, умный песок обрабатывал идеи. Загадочная рябь расползалась по песочнице и отражалась от ее бортов.

Вычислительные сущности, с которыми человек делил эту планету, никогда не были разумными. Профану машинный филум казался энергичным и смышленым, но на деле в нем не было ни жизни, ни разума. Филум оставался всего-навсего филумом: ни воли, ни гордости, ни органической жажды выживания, ни причин существовать и противиться смерти. Без воли людей, отдающих закодированные команды, филум распался бы в мгновение ока, вновь обратившись в палимые солнцем компоненты этого мира.

При всем том неживому и неразумному филуму присущ порядок. Машины не живут — они всего лишь функционируют, но в этом превосходят природу. Филум — это метафизическая сущность,

причем достойная уважения. Того же свойства, что и уважение к мертвому телу: да, объект, да, неактивный, да, из праха — и все-таки это нечто куда большее, нежели неактивный прах.

Истина лежит вне разума. Находились люди — отважные мыслители поколения Питы, — считавшие, что Солнцем владеет только оно само. Не в том старомодном, безумном, архаическом, героическом смысле, который некогда придумали мечтатели вроде ДеБлейки. Солнце неживо и неразумно, но у него есть свое место в метафизическом порядке. Солнце, маячившее над крохотным Меркурием, — это Объект Порядка Солнца.

Эти же мыслители предполагали — они шли дальше, будучи столь же отважными, как и их предки, пусть и по-современному, — что в космосе найдется немало Порядков. Жизнь, разум, рабочий филум — это лишь три Порядка из бесконечности.

Созерцательные реалисты считали, что космос изначально кишит неестественными Порядками. В нем есть сотни, если не тысячи независимых, экстропийных Порядков, и каждый следующий неведом предыдущему, но не менее реален и благороден, и все они так же важны, как жизнь

или мысль.

Одни Порядки исчезают за пикосекунды, другие — за непостижимые эоны. Каждый столь же глубок, сложен и неестественен, как жизнь, или познание, или вычисление. Эти сущности, автаркические онтологии, занимают все множество уровней пространства-времени. От квантовой пены там, где пространство распадается, до умонепостигаемого уровня космоса, который во веки веков не попадет в прожектора познания, какими бы инструментами оно ни вооружилось.

Такова реальность.

Были и те, кто называл все это досужими фантазиями, но только реальность — это не досужая фантазия. Благодаря усердию мыслителей было накоплено немало научных доказательств существования экстропийных Порядков. Пита внимательно следил за меркурианской наукой, хотя сам никогда не участвовал в лютых, кровавых дуэлях за право первенства и цитирования. Он видел, что современная наука влияет и на его творческую работу. Любой истинный, нефальшивый монумент, любое место по-настоящему прекрасных воспоминаний должно в полной мере учитывать реальность. Оно обязано стать просветленным пиком морального понимания.

Эта Осознанность превзойдет любую осознанность. Она будет уважать порядковую инаковость во всех ее многочисленных формах — и воздавать Инаковости должное.

Понадобятся века, думал Пита, чтобы найти способ претворить такие профессиональные амбиции в жизнь. Но, раз уж он располагает временем, приличествует распорядиться им надлежащим образом. Таков его долг. Он сделает это, чтобы дополнить уже произошедшее — и оставить наследство кому-то или чему-то, что придет потом.

Вдруг Пита поднял глаза от змеившегося песка. Прибыла жена. Люси на своем велосипеде.

Пита оседлал собственную двухколесную машину. Нагнал супругу. Он ехал плавно и элегантно — он внедрил в велосипедную раму умный песок.

Сообщать жене о дизайнерской уловке он не стал; Люси, вероятно, считала, что езда на велосипеде далась Пите до смешного легко. Он не станет поднимать эту тему. Достаточно того, что у него есть велосипед — и он едет рядом с ней. Дела — не слова.

Ее голову скрывал черный шлем. Тело Люси почти полностью обволакивал на манер комбал-

лона черный велосипедный костюм. В седле жена едва напоминала женщину. Скорее — темный, вряд ли познаваемый метафизический объект.

Но и Пита в шлеме был столь же анонимен и загадочен. Безликие и бесстыжие супруги катили по длинной гаревой дорожке парка, и шины их чуть слышно похрустывали.

— Мистер Перец, там, в песочнице, вы сидели так задумчиво…

— Да, — сказал Пита, воздерживаясь от кивка ввиду неудобного шлема.

— О чем вы размышляли?

Убийственно женский вопрос. Пита тактично увернулся от ответа:

— Взгляните, я создал новый велосипед. И я на нем еду.

— Да, я видела, что вы напечатали новый велосипед, — и это улучшенная конструкция, верно? Что случилось с прежним? Он был очень милым, и вы так славно крутили его педали!

— Я отдал ту машину другу, — сказал Пита. — Я отдал ее мистеру Джорджо Гарольду ДеВенету.

Переднее колесо жены внезапно завихляло.

— Что? Ему? Как? Почему? Он побил вас на дуэли!

— Мистер ДеВенет — дуэлянт, это правда. Прав-

да и то, что я проиграл ему дуэль. Но мы бились восемь лет назад, и я не вижу поводов пренебрегать вежливостью.

— Зачем вы это сделали?

Пита промолчал.

— Зачем вы это сделали? У вас явно была какая-то причина. Вы должны сказать мне. Он оскорбил меня, я должна знать причину.

— Давайте просто кататься, — предложил Пита.

Он преподнес дуэлянту подарок, потому что знал: велосипеды вызовут недовольство. Эта радикальная инновация — езда на велосипеде — наносила удар по институту пурды. Возможно, она не нарушала букву приличий, но уж точно противоречила их духу.

По этому поводу Питу упрекнули — вежливо. И Пита столь же вежливо переадресовал это дело чести мистеру Джорджо Гарольду ДеВенету, который также был обладателем велосипеда.

Мистер ДеВенет, мужчина атлетического сложения, новому приобретению обрадовался. Когда мистер ДеВенет, яростно нажимая на педали, мчался мимо обычных пешеходов, его сила и скорость становились предметом всеобщего обсуждения, и мистеру ДеВенету это нравилось.

Скептики задавались вопросом, что за страсть мистер ДеВенет питает к велосипедам. Он моментально принуждал их взять свои слова обратно и извиниться.

Так была улажена велосипедная проблема.

Мистер ДеВенет, однако, был не настолько щепетилен, чтобы его не заметили в кокетливом велосипедном обществе пресловутой вдовы ДеШуберт. Она была из тех, кто ездил по жизни без шлема. Ее покойный муж, человек хилый и на редкость бестактный, уже пал на поле чести.

Одно дело — владеть велосипедом, другое — понимать, как его использовать. В наше время все происходит быстро, и скоро наступит день, когда мистер ДеВенет падет очередной жертвой вдовы ДеШуберт. Дуэлянт может поколотить всех велосипедных скептиков, но победить женское коварство его простодушию не под силу.

Кто машет дубинкой, тот от дубинки и погибнет — эта скверная история куда старше Меркурия. Пита мирился с непростыми правилами жизни. Пресловутая вдова ДеШуберт была одной из доверенных подруг его жены, но в это запутанное дело Пита не лез. Кое о чем мужчинам и женщинам лучше умолчать.

Жена приподняла визор на толщину пальца,

чтобы ее было лучше слышно.

— Мистер Перец, я наслаждаюсь нашими совместными прогулками. Вы преподнесли мне еще один дар, о котором я мечтала. Я очень вам за это благодарна. Вы хороший муж.

— Премного благодарю за добросердечное замечание, миссис Перец. Оно более чем радует мой слух.

— А вы как находите нашу сегодняшнюю ситуацию?

Учитывая только что полученную похвалу, Пита осмелился на искренний ответ.

— Хотя у современности есть свои преимущества, — поведал он, — не могу сказать, что она полностью меня удовлетворяет. Когда на вас этот весьма скромный велосипедный костюм, я не вижу вашего лица. На деле я не вижу вас вообще. Вы — глубокая тайна.

— Под этим черным нарядом, сэр, нет ничего, кроме изумительной золотой мангалсутры. И я ощущаю свободу. Я свободнее, чем была когда-либо, — как современная женщина.

Пита поразмыслил над провокационной репликой. Ее эмоциональные слои и их фактура мужчине были недоступны.

— Какое любопытное частное наблюдение.

— Мистер Перец, нас с вами соединили не по нашей воле, — сказала Люси, не прекращая крутить педали, — но я уверена, что брак есть важное исследование эмоционального фазового пространства женщины. Когда-нибудь мы с вами — раздельно, само собой, — вспомним об этих годах не без удовлетворения. Вы по-своему, а я по-своему, как и должно быть. Так или иначе, мы добьемся решающего совместного успеха.

— Миссис Перец, вы сегодня так и сыплете комплиментами! Я рад, что вы в хорошем настроении.

— Это не вопрос моего так называемого настроения! — возразила его жена. — Я пытаюсь объяснить вам, что теперь, когда у нас есть велосипеды, современность достигнута. Пришло время заглянуть в грядущее и сделать то, чего оно от меня требует, — и мне понадобится ваша помощь. Мы изготовим еще одного ребенка.

— Поскольку честь требует от меня того же, миссис Перец, могу лишь согласиться.

— На сей раз давайте изготавливать дочь.

— Дочь — это будет честно и справедливо.

— Отлично. Значит, решено. Настали добрые времена. Хорошего вам дня, сэр.

Наклонившись, Люси поднажала на стрекочу-

щие педали и стремительно укатила прочь.

Зенитный угол

ЗЕНИТНЫЙ УГОЛ – угловое расстояние между указанной точкой небесной сферы и зенитом.

ПРОЛОГ

Колорадо, сентябрь 1999 года

Самый главный человек на Земле продел ноги в штанины по одной. Потом обулся и нахлобучил на голову «стетсон».

Он глянул в облупленное зеркало на стене хибары. Ковбойская шляпа была Самому главному человеку на Земле очень к лицу. Запавшие красные глаза, седую щетину, впалые морщинистые щеки она преображала до неузнаваемости. В «стетсоне» Том Дефанти выглядел мужественным. Суровым. Надежным. Приземлённым.

Дом был старинный, пустой, маленький и убогий. Здесь не было ни водопровода, ни электричества, ни канализации. Только в этой хибаре посреди 16812 акров ранчо «Пайнкрест» мог Том Дефанти выбраться из-под гнёта своих нерукотворных памятников. Своих кабельных франшиз. Своих газет. Своих веб-сайтов. Своего журнала. Своего оптоволоконного интернет-кабеля. Своего международного благотворительного фонда. Памятники давили на него… как надгробия.

И ещё были другие памятники — те, о которых

не стоило упоминать всуе. Те, что кружили над головой двадцать четыре часа в сутки, окидывая шар земной бдительным взглядом.

Дефанти старательно застегнул теплую фланелевую рубашку. За крошечными оконными стёклами угасал осенний закат.

Томас Дефанти хотя и вырос наподобие гадкого утенка в семье рабочего-итальянца, всю жизнь мечтал и собирался стать очень важной персоной. Но он никогда не ожидал, что станет настолько богатым, как осенью 1999 года. Владения его благодаря интернет-буму разрастались точно снежный ком. А это привлекало к Дефанти внимание, которое ему было не по душе. Порождало новые требования, которые тот не знал, как выполнить. Жизнь богачей всегда необыкновенна — и часто опасна.

Парень, что построил в горах Колорадо этот домишко, тоже был очень богат. Дефанти тщательно изучил его прошлое и был благодарен покойнику за полезные уроки выживания.

Покойник был в свое время влиятельным чикагским банкиром. Хибару в Колорадо он построил в 1911 году под частную обсерваторию. Место было тихое и нелюдное. Призрак банкира до сих пор витал под низкими закопчёнными

балками запахом конского пота, бренди и хороших сигар. Как и Том Дефанти, покойник спал на узкой железной койке, прочной, словно дыба. Для его супруги, взбалмошной светской дамы, в этой постели не было места. До испорченных богатством детей — три дня поездом. Что же до адвокатов покойного, его счетоводов, вице-президентов и акционеров — с тем же успехом они могли оказаться на Луне.

Здесь, в горах Пайнкрест, человек существовал попущением природы. Чистый воздух, леса, олени, красный гранит, славная рыбалка и превосходная охота. И телескоп, конечно. Для Тома Дефанти и для его дражайшего друга и учителя, покойного банкира, телескоп был всем в жизни. Телескоп дарил им утешение, и ясность мысли, и счастье: телескоп — и долгие одинокие ночи, и прекрасные тёмные бескрайние небеса.

Над каменным очагом висел терпкий запах сосновой золы. В старинном кедровом сундуке покойный банкир бережно прятал священное писание своего детства — книги для мальчиков с рубежа столетий, рассказы о приключениях, изобретениях и великих стройках, купленные по пять центов на газетных лотках растущего Чикаго. «Паровой человек Великих равнин» А. Нонима

и ещё три дюжины ему подобных. Мглистыми ночами, когда тучи затягивали небо, Дефанти перелистывал ломкие страницы при свете фонаря. Простые славные байки. Для настоящих парней.

Сияв ковбойку, Том Дефанти сполоснул лицо из эмалированного кувшина над луженым тазиком. Потом открыл древний скрипучий шкафчик и замер, завороженный созвездием таблеток в своей аптечке. Что на сегодня? Прозак — да, аспирин — да, виагра — спасибо, не надо. Гинкго — да. Валиум… да, половинку, только чтобы унять нервы. Плюс йохимбе и витамин А: улучшает ночное зрение.

Таблетки он запил горячим кофе из термоса и закусил ломтиком вяленой бизонины, чтобы те поуютнее устроились в желудке. Бизонину Дефанти открыл для себя в поисках здоровой диеты. Лучшее мясо во всей Америке. Сейчас в стадах Тома Дефанти насчитывалось более четырёх тысяч бизонов.

Дефанти отворил дверь хибары, набросил на плечи кожаную куртку с бахромой и вышел. Ни следа цивилизации не было видно с его порога: ни отблеска света, ни телефонного столба. За одним исключением. Далеко внизу, в каменной чаше холмов, мерцали слабые янтарные огоньки фона-

рей в штабе «Пайнкрест». Там, в растянувшейся по склонам усадьбе, четвертая жена и прислуга на ранчо развлекали сейчас толпу счастливых немецких туристов. Немцы заплатили пятнадцать сотен долларов с носа, чтобы застрелить по взрослому бизону из шестизарядного кольта или антикварного ружья для охоты на буйвола — на выбор.

Четвёртая жена Тома Дефанти была энергичной молодой особой родом из Тайбэя, из хорошей китайской семьи, говорила на шести языках и привыкла работать без отдыха. На железной койке в обсерваторской хибаре супруга номер четыре не спала ни разу. Дефанти делал всё, чтобы ей не пришлось скучать и без этого.

Холодный разреженный воздух ночи быстро заставил Тома Дефанти пожалеть об оставшейся внизу шляпе, но чтобы карабкаться за ней обратно, он был слишком упрям. Кроме того, сухой студёный ветер относил в сторону дым лесных пожаров в необъятном федеральном заказнике к востоку от ранчо. Лучших условий для наблюдений ему не выпадало уже неделю.

Пики континентального водораздела царапали гаснущее оранжевое небо. Один вид небесного пожара способен был возродить из пепла душу

любого, в ком осталась ещё душа. Из тени планеты деловито выкатывались толпою искусственные спутники. Если зенитный угол окажется подходящим, солнечные батареи на спутнике отбросят на пару драгоценных мгновений слепящий блик: в небе вспыхнет, впятеро ярче Венеры, звезда.

К спутникам Том Дефанти испытывал смешанные, глубоко личные чувства. Особенно к сателлитам сети «Иридиум», хотя сам он больше занимался спутниками-шпионами. В свое время он всеми силами пытался пробиться в число участников проекта. Он смертной ненавистью ненавидел инженеров и финансистов, исхитрившихся каким-то образом запустить глобальную сеть спутниковой связи без его участия. А потом с изумлением увидел, как их предприятие рухнуло на глазах.

Изумительные спутники «Иридиума» — десятки высокотехнологичных стальных птиц, каждая размером с автобус, восхитительно сложные, идеально отлаженные — стоили дороже золота, если пересчитать их цену на вес. Но эти чудеса техники не были поддержаны бизнесом. Их создали инженеры… а клиентов не было. Сотовые телефоны оказались быстрее, дешевле, проще. Сателлиты разорившегося консорциума обречены

были сойти с орбиты и рухнуть один за другим в ледяные черные глубины Атлантики.

Вот эта страшная судьба и делала спутники «Иридиума» столь ценными в глазах Дефанти. Самый главный человек на Земле знавал неудачи — душераздирающие катастрофы. И он никогда не глумился над крушением чужих великих надежд. Жизнь научила его внимательно приглядываться к развалинам подобных крушений и находить в руинах тех, кому хватило стойкости пережить полночь души. Такие люди всегда полезны.

Неумолимо темнеющее небо на западе прочертила блеклой акварелью широкая кисть. Дефанти нахмурился. То был оставленный реактивным самолётом инверсионный след, и по направлению его Дефанти тотчас понял, что самолёт заходит на посадку на частное взлётное поле при ранчо «Пайнкрест».

Дефанти повернул на черненом штативе мощный бинокль. В гаснущем свете заката в небо над Скалистыми горами ворвался стройный белый «боинг» — «бизнес-джет», «деловой реактивный», — что способен с двумя посадками по дороге одолеть Тихий океан.

Дот-комик вернулся.

Миг спустя самолёт с ревом промчался над головой, нарушив всякое спокойствие. Дефанти вспомнилось, что Дот-комик предупреждал его электронным письмом, но мальчишка и очередной кризис с его участием как-то вылетели у миллиардера из головы. Дот-комик вечно пытался жонглировать дюжиной сковородок. Никакая мода в *e*-бизнесе не проходила мимо него незамеченной.

Том Дефанти вырастил пятерых детей. Поколение девяностых он понимал, насколько это вообще в человеческих силах. Но Дот-комик даже по нынешним нелепым меркам был чем-то особенным, кем-то… Дефанти потер щетинистый подбородок. Йохимбе начинало действовать, оставляя весёлый зуд в мыслях.

Дефанти знал, что Дот-комик оставался, к добру или к худу, его духовным наследником. Двое сыновей Дефанти не желали иметь ничего общего с отцовской деловой империей. И правильно: как их матерям, сыновьям не хватало твердости. А вот Дот-комик пошел в старика. Ему всегда всё удавалось.

Дот-комик уверенно орудовал в любом бизнесе, где имел свои интересы Дефанти. Кабельное телевидение, мобильная связь, тайваньские

фабрики микросхем, хьюстонская аэрокосмическая промышленность, оптоволоконные кабели для суперсерверов Интернета под федеральные субсидии… Вся эта технологическая мишура не только не смущала Дот-комика — похоже было, что она у него вызывала скорее ностальгию.

Самолёт вырвался из-за темной кромки бора, промахнулся мимо короткой посадочной полосы, плюнул дымом из двигателей, потом попытался зайти на посадку снова. Вот вам и чистое небо. Что это с мальчишкой — новую подружку за штурвал усадить вздумал? Зачем вообще было соглашаться на обустройство аэродрома под боком?

По крайней мере, у Дот-комика уйдёт немало времени, чтобы разыскать хозяина обсерватории. Быть может, четвёртая жена вежливо заставит мальчишку помыться, побриться, перекусить, а если повезет — то и отоспаться. А может, немецкие туристы силой вольют ему в глотку пару кружек пива.

Дефанти открыл свой лэптоп, проверил заряд в мощных аккумуляторах, потом загрузил свежие параметры спутниковых орбит. Том Дефанти всегда высоко оценивал роль компьютеров в космических программах. Этот профессиональ-

ный интерес делили с ним центр космической обороны НОРАД, Агентство национальной безопасности и Национальное разведывательное управление. А также Бюро анализа изображений ЦРУ. Объединенный центр космических операций в Колорадо-Спрингс. ВВС, ВКС, ФлотСатКом ВМФ и Национальный центр обработки аэрофотосъёмок. Аэрокосмические лаборатории в Хьюстоне. Научно-исследовательские центры в Северной Виргинии. Фототехнические лаборатории в Рочестере. Антенный полигон в Боулдере, штат Колорадо. И коммунисты, конечно.

В один прекрасный день посреди перестройки — в 1988 году — Том Дефанти обнаружил, что помогает американским и советским орбитальным шпионам сверять разведданные. Задолго до того, как космический телескоп «Хаббл» хотя бы в проекте начал разглядывать далёкие галактики, спутники-шпионы «холодной войны» вывели на орбиту гигантские подзорные трубы. Только глядели они всегда вниз.

Упорством и мастерством Том Дефанти добился репутации первого парня на планете по «национальным средствам технической верификации». Не потому, что сам Дефанти был разведчиком… хотя технически можно было считать шпио-

нажем то, что он передавал информацию со спутников на конференции по разоружению. Нет. Дело было в том, что Том Дефанти сам занимался производством спутников-шпионов. Более того, он нёс эстафетную палочку для самой тайной промышленности на свете. Очень-очень тайной, не то что обычная астрономия или компьютерная индустрия, — хотя и сочетающей в себе их обе. Очень массивной, продвинутой, высокотехнологич-ной промышленности. Огромной, мрачной и могущественной. И Том Дефанти из всех частных предпринимателей сделал для её развития больше всего. Он производил детали для гигантских орбитальных камер. Он платил за разработку программ для анализа огромных объёмов фотоизображений.

Это делало его весьма важной персоной. Его, Тома Дефанти, того лихого разводчика, что сколотил аэрокосмический концерн у себя на коленке из пары молитв и нескольких парусных яхт, груженных слитками золота из Акапулько. От отчаяния ему приходилось в свое время творить совершеннейшие безумства. Но всегда и всюду он держал в уме единственную цель: заполучить собственный список заказов от «Чёрной глуби-

ны»[1]. Потому что расходы «Чёрной глубины» только на спутники-шпионы вдвое превосходили бюджет всего ЦРУ. И парламентского аудита тут опасаться не приходилось.

Создатели спутников-шпионов не рекламировали себя в журнале «Авиэйшн уик». Но если уже ты стал проверенным поставщиком «Чёрной глубины» — твое благосостояние обеспечено. Если ты способен поставить заказанное вовремя, тайно и в пределах спецификаций, — ты дар божий. Ты лучший друг спецслужб — и пошли вы к чёрту со своим бюджетом! Молотки по шесть тысяч долларов? Чего и следовало ожидать. Унитазы по десять «кусков»? Да пожалуйста.

Чтобы отмыть полученные от «Чёрной глубины» деньги и хоть как-то разобраться с налоговой службой, Дефанти организовал студию кабельного телевидения и сеть беспроводных телефонов. Ему в голову не приходило, что вскоре кабельщики заплетут землю своими проводами, а белые башенки сотовых антенн прорастут вдоль дорог, будто лебеда.

Шло время. Том Дефанти старел понемногу в залах заседаний. Жёны неспешной чередой

---

[1] notes: 1

Неофициальное общее название служб орбитального шпионажа США. *(Здесь и далее прим. перев.)*

проходили через его спальню. Росли и разбегались дети. Космическая эра потихоньку блекла на желтеющих страницах журнала «Лайф». К девяностым рабочие места в аэрокосмическом комплексе исчезали десятками процентов в год, в то время как эпоха киберпространства взрывалась индексом NASDAQ и миллионами веб-сайтов. Бизнес и жажда прибылей правили землёю и небом.

Нарушая плавный ход мыслей, до наблюдательной площадки долетел мерзкий рёв горного мотоцикла. Это был, конечно, Дот-комик — он мчался прямо к тайному убежищу Дефанти. Должно быть, съехал на мотоцикле прямо с трапа самолёта.

Мальчишка жизнерадостно взмахнул рукой, петляя на мотоцикле по каменистому мрачному склону. Костюм его — рубашка в клетку, джинсы, башмаки и австралийская широкополая шляпа — выглядел одновременно мужественно и аккуратненько. Нарушения суточного ритма при дальних перелетах Дот-комика никогда не тревожили. Он ел как хорёк и спал точно кот — в любое время.

Дот-комик подкатил к наблюдательной площадке под скрежет новеньких тормозов и заша-

рил в поисках выключателя своей чистенькой японской игрушки. Невзирая на склонность к мощным машинам, бледный и пухлый Дот-комик не был похож на крутого парня. При виде лошади его бы передернуло.

Мальчишка прислонил свой чистенький мотоцикл к посеревшей дощатой стене заброшенной обсерватории. Старый телескоп покойного банкира давно ослеп, зенитный люк проржавел, железные цепи и блоки ослабли. Десятки лет обсерваторию использовали вместо амбара для сена. Дефанти ничего не стал менять здесь — наследство покойника осталось в неприкосновенности.

Только теперь, увидав опершийся о терпеливые стены алый «кавасаки», он понял, как любит старую обсерваторию. Какое оскорбление она стерпела.

– *Комбан-ва,* председатель-сан! — воскликнул мальчишка.

На физиономии его выделялись подбородок с милой ямочкой и высокий гладкий лоб гения: помесь донжуана со школьным зубрилой. Дефанти рассеянно похлопал по трубе свой верный старый «Квестар», решив во что бы то ни стало избежать рукопожатия. Гинкго теплой тихой

волной омыло стареющий мозг. Дот-комик затеял что-то масштабное — и очень сложное. Слишком сложное. Все его затеи непременно включали в себя массу излишних наворотов и загогулин — только ради того, чтобы выглядело круче.

— Ну, малыш, как дела за большой водой?

— Ох, Том! Они там, в Токио, такие левые… совершенно не въезжают.

Дот-комик снял шляпу — шевелюра его напоминала дорогой парик на мраморной болванке, — подкинул разок и швырнул Дефанти в руки. Тот машинально поймал снаряд.

— Это тебе, Том.

— Не стоит, — соврал Дефанти.

— В Сиднее купил. Новёхонькая. На все размеры — видишь? — только потяни за ленточку на затылке.

Дефанти недоверчиво хмыкнул и пристроил ещё нагретую чужим теплом шляпную ленту на собственном замерзшем скальпе. Шляпа и впрямь сидела как влитая. Отлично сидела. Дефанти никогда не садился за телескоп без шляпы — ночи в горах были зверски холодные.

— Мобильники — это японцы умеют, заметил Дот-комик. Он открыл черную сумку с лэптопом. — Камеры, факсы, фоники — это японцы

умеют. *Е*-бизнес? Не, этого не умеют.

Из внутреннего отделения сумки он вытащил пластиковую одноразовую ветровку и развернул аккуратно, будто складывал бумажного журавлика.

— Видел «Супер-Камиоканде», — объявил он. — Это был супермомент всей поездки. Нейтринная обсерватория. Том, всё как ты рассказывал, и ещё круче. Зверски классно.

— И что, тебе устроили экскурсию? Шляпу забери.

— Имя Дефанти открывает двери в любую обсерваторию! В «Камиоканде» с меня пылинки сдували. Оставь шляпу себе, Том. Когда учитель обходится без шляпы, ученик ходит с непокрытой головой.

Дот-комик зарылся в свою ветровку — оказалось, что у нее есть капюшон на затяжке. Мальчишка напялил капюшон на круглое темя и торжествующе ухмыльнулся, похожий в этот момент на пластмассового гномика.

— В «Камиоканде» галактику обозревают из-под земли! — промурлыкал Дот-комик, пританцовывая, чтобы согреться. — Миллиард фотодетекторов. Ловят нейтрино в гигантских бассейнах. Японцы из-под земли, под водой наблюдают за

звёздами — за всеми разом!

— И как, получается?

— Результаты есть! — Дот-комик вновь нырнул в волшебную черную сумку и вытащил оттуда лэптоп в блестящем серебряном корпусе. — Так что больше, Дефанти-сэнсэй? Вселенная или экран, на котором мы видим вселенную?

— Сейчас всё перешло на экраны, малыш.

— А как же, о просветлённый учитель! Ты превзошел дзен!

Дефанти печально пожевал серые губы.

— Хорош хвастать. Всё одно и то же. Вся эта нелепица — проект LINEAR, и NEAT, и LONEOS, и SPACE-WATCH[2]. Астрономия по Интернету. Какого чёрта я вообще взялся за них платить?

— Они в силах разглядеть каждый пиксель в небесах, Том!

Дефанти не расслышал.

— В наши дни любитель не может отыскать новую комету, хоть лопни! Непременно его обгонят дурацкие сканеры. Чёрт побери, я всегда мечтал открыть свою комету. Всю жизнь. Комета Дефанти!

---

[2] notes: 2

Проекты и программы поиска небесных объектов, орбиты которых пересекают орбиту Земли. Требуют автоматизированной обработки большою количества снимков звездного неба.

Старик припал подёргивающимся веком к холодному резиновому окуляру своего «Квестара». Он прекрасно понимал, что звёздное небо сейчас принято картировать с безжалостной цифровой точностью, и пугало его не это. Куда страшнее было то, что творили орбитальные телескопы с Землей. Ранчо «Пайнкрест» прекрасно просматривалось с высоты. Любой космонавт, пролетающий мимо, способен был разглядеть гряду невооруженным глазом. Национальное разведывательное управление прислало своему поставщику Дефанти — в качестве подарка с подтекстом — оцифрованную карту всех его земель в Колорадо.

К ранчо «Пайнкрест» НРУ отнеслось с тем же любовным вниманием, что и к роскошным дворцам Саддама Хусейна. Теперь вся полученная НРУ информация оказалась забита в лэптоп Дефанти. Не просто старинная плоская карта, о нет. То была интерактивная, трехмерная, топографически точная модель военного образца, вроде тех, что изучают спецназовцы, прежде чем выброситься с парашютом над какой-нибудь отсталой дырой на дальнем краю света. Том Дефанти мог бы проскакать по своему ранчо не на коне, а на компьютерной мышке — и всерьёз опасался, что

наступит день, когда последняя идея ему покажется более привлекательной.

Дот-комик с приличествующим интересом обернулся ко второму телескопу.

— Том, а почему такой крутой новый гаджет пылится под брезентом?

Старик подавил приступ усиленной таблетками тоски и почесал затылок под шляпой.

— Не нравится он мне, малыш.

— Почему?

— Потому что он самонаводится на зенитный угол. У него встроенная база астрономических данных на сорок тысяч объектов. Это не телескоп. Это, прах его побери, игровая приставка, «Нинтендо» какое-то!

— Во! Вот «Нинтендо» японцы делать умеют! Не против, если я заведу машинку? Сегодня звезды должны быть видны отлично. А небо какое ясное!

Дефанти стиснул замерзшие морщинистые кулаки.

— Да, если не замечать твоего инверсионного следа! Облака горящего керосина! Мало мне пыли после засухи и лесных пожаров в заказнике, так ещё за тобой грязь… Что же дальше будет?

Дот-комик нажал на массивный чёрный пере-

ключатель в основании телескопа — и цифровой инструмент со щелчком ожил, покорно зажужжав сервомоторчиками.

— Вау, круто! Том, а что у нас сегодня по графику? Дефанти глянул на экран лэптопа.

— В двадцать один семнадцать блеснёт «Иридиум». Потом я пригляжу за одной ступенью советской ракеты на неустойчивой траектории — очень скоро она сгорит. А после полуночи пойдет на кладбищенскую орбиту «Магнум-Вортекс». Если повезет, заметим и это. — Он поднял глаза. — У тебя вообще есть допуск к этой программе? «Магнум-Вортекс».

— Само собой, у меня есть допуск. Я сам мистер Допуск! Так что у нас есть немного времени. Могу я тебе кое-что показать, Том? Это важно.

Дот-комик ловко повернул свой лэптоп, подставляя взгляду Дефанти сияющий экран.

На огромной сложной диаграмме сплетались разноцветные чёрточки и шарики. Похоже было на растерзанную в клочья галактику. Или шаровое скопление.

— Ну, показал ты мне — и что?

— Том, это трейсерная карта твоего интранета.

— И?

Дот-комик вздохнул и переключил скорости.

— Ладно. Совет директоров. Наше последнее пополнение. Парень но имени Дерек Вандевеер.

Дефанти промолчал. В последнее время ему всё труднее было запоминать фамилии. Даже гинкго перестало помогать.

— Рослый блондин. Борода. Очки. Застенчивый, обаятельный. Постоянно пребывает в нирване. Когда с ним заговаривают — мямлит. Все зовут его Ван.

— Ван? А! Помню Вана. Здоровенный зубрила.

— Он самый. Доктор Дерек Вандевеер, звезда программирования, прославленный эксперт по информационной безопасности. Профессор Стэнфордского университета. Вице-президент «Мондиаля» по исследованиям и разработкам. Премия Тюринга за девяносто четвертый год. Алгоритм Вандевеера назван его именем. Ничего не забыл? Мы заарканили Вана и усадили в совет директоров, потому что он наш фирменный суперботан. Так вот, Дерек Вандевеер только что составил карту, которую я тебе показываю.

— Я знал, что от этого ненормального будут одни проблемы. В этом дело, да? Ты из-за этого прилетел ко мне?

— Том… мне нравится здесь, в Колорадо. Я люблю спутники. Люблю блики от «Иридиума». Но…

да, Том. У нас кризис.

Дефанти отодвинул телескоп.

— Ладно, выкладывай.

— Корпоративные сети — штука сложная и очень изменчивая. Договоры с поставщиками, слияния и поглощения, постоянная текучка кадров: люди приходят и уходят, контракты приходят и уходят. А серверы остаются. С течением времени система прогрессивно усложняется. Эта сеть со всеми ее сплетениями — нервная система предприятия, и она живая, Том, она растет, словно у нее есть собственная цель.

— Ага. Это я заметил. Цель нас разорить.

— Так вот, мы выпустили ее из-под контроля. Мы позволили собственной корпоративной сети разрастаться, как растет Интернет, — словно сорняк. Посмотри, сколько в нашей корпоративной сети посторонних подключений. Глянь на битые ссылки: там всё красным выделено. По большей части это бесплатные подключения, которые наши ребята раздавали за «спасибо» и «пожалуйста» в те времена, когда Сеть только зарождалась. Ван открыл для нас весьма интересную бизнес-структуру, Том. Не думаю, чтобы кто-то ещё когда-либо отслеживал твою деловую активность настолько подробно.

Дефанти поглубже натянул новую шляпу.

— Мне это должно понравиться? Мне уже не нравится.

— Мне тоже. Том, ты избавился от «Пасифик дата» добрых шесть лет назад. А в нашей сети ещё с девяносто третьего года болтаются их IP-хостинги. Они до сих пор подключены к серверам, которые поддерживают сайт твоего еженедельника и твой благотворительный фонд… Том, твои бесприбыльщики — это что-то с чем-то! Эти клоуны раздают доступ к Интернету всем и каждому.

По всему миру. Они связаны с русскими, чехами и немцами, с ООН, Фондом Горбачёва, благотворяшками Джимми Картера… с «Гринписом», Том! У нас «Экзорбитал» и проекты «Чёрной глубины» завязаны на серверы, открытые для гринписовцев. Если об этом прознает АНБ, у них крышу снесет.

Дефанти вгляделся в путаницу символов на экране.

— Вот этот моток желтой бечевки — это что?

— Желтой? Это «Исследовательские лаборатории видео». Бывший филиал. Сейчас там хозяйничают французы. Но трейсер-картограф Вана вскрыл для нас сеть ИЛВ, как банку с тунцом. Мы и сейчас можем получить доступ к каждому

их серверу — потому что штаб-квартира ИЛВ сейчас располагается в Париже, а графику они до сих пор обрабатывают на наших рабочих станциях «Сан» в Сан-Диего! И не платят нам за это, между прочим, ни цента, халявщики!

Дефанти промолчал. Разработчиков виртуальной реальности он ненавидел. Маньяки-очковтиратели с вечными нелепыми причёсками и невозможными туфлями. Французские разработчики виртуальной реальности были, разумеется, ещё хуже.

— Мы даже не знали, что французы до сих пор с нами связаны, покуда Вандевеер не начал разбираться. Никто даже не спрашивал нашего разрешения. Старая школа: они просто подключились к нам, а когда переехали, никому в голову не пришло выдернуть их из розетки.

— Так кто в результате выигрывает: они или мы?

— Это серьёзный вопрос. Пока что — к счастью — мы. На хакерском жаргоне мы их «имеем». Я, конечно, не Дерек Вандевеер — я не хакер, я аналитик. Но теперь, когда в моих руках эта карта, фактически я и есть их доступ к Интернету. Приложив немного усилий, я могу притвориться их системным администратором и выкачать

все их секретные файлы до последнего байта. А если они пронюхают о дырках в нашей системе безопасности, будет намного хуже. Тогда они нас поимеют.

— Теперь понял. Переходи к делу. Кто об этом бардаке знает?

— Я. И Дерек Вандевеер. А теперь и вы, господин председатель.

— Дай порулить. — Дефанти отобрал у Дот-комика лэптоп.

Перед его глазами разматывалась неразборчивая путаница сети Интернет. Карта Вандевеера получилась размером с хороший палас: десятки тысяч серверов, чьи связи расползались от активных серверов и сплетались извилистой паутиной. Каждый узел был помечен всплывающим ярлычком с названием фирмы и цифирьками IP-адреса. И сквозь комья паутины, словно мутная полоса Млечного Пути, проходил насквозь магистральный кабель группы компаний Дефанти.

Затею с магистральным интернет-кабелем Дефанти никогда всерьёз не воспринимал. Интернет был дорогостоящим хобби маньяков-программистов. Кабель был заложен, чтобы умаслить Национальный фонд науки. На текущий — 1999-й — год это была важнейшая часть

империи Дефанти по рыночной капитализации. Ни цента прибыли от магистрали не видели со дня закладки, но дэйтрейдеры полагали, что она превратится в новый «Форд» или «Дженерал моторе». Сумасшедшие. Весь мир из ума выжил.

Дефанти владел кабельным телеканалом, который подмял под себя несколько киностудий. Он владел серьёзным толстым журналом из тех, что возносят и свергают президентов. Но в киберпространстве, если доверять NASDAQ, дороже Годзиллы стоил моток широкополосного оптоволоконного кабеля. И если в это верил рынок — что же, значит, так оно и есть.

На магистральном кабеле Дефанти висело всё, что отражала схема Вандевеера. Даже давно позабытые предприятия — как магазинчик товаров из кожи, который старик купил своей третьей жене, чтобы отвлечь ее от безделья. А вот нелепая туристическая контора старшего сына, который сшибает бабки с ушибленных экологией яппи, что обожают сплавляться на байдарках через малярийные джунгли Борнео. Всё было на схеме.

— Да этот сукин сын знает о нас больше, чем мы сами! Чёрт, когда он столько времени нашел эту штуку рисовать?

— Он ее не рисовал. Карта отслеживает все

соединения в реальном времени.

— Не может быть.

— У Вандевеера — может. Ван лично писал этот графический интерфейс.

— Да кто он такой, этот парень?! Он же ходячая катастрофа! Где ты его откопал?

— Мы же поколение вундеркиндов, — обиженно заметил Дот-комик. — Мы с Ваном в одной комнате жили. — Он демонстративно покрутил «медную крысу» выпускника МТИ[3]. — Я познакомил Вана с его подружкой — теперь уже женой, миссис Вандевеер. То есть доктором Вандевеер, потому что у Дотти степень доктора философии. — — В синеватом свете монитора заметно было, что Дот-комик улыбается. — Очень славные люди.

— Ну а что-нибудь полезное у нас на него есть? Намордник хотя бы.

— Том, я тебя умоляю! Ван сидит в нашем совете директоров. Ван получает большой компьютер и пакет привилегированных акций. Это чертовски сладкий кусок для такого простого парня, как он.

---

[3] notes: 3

«стандартное техническое кольцо» — массивное кольцо выпускника Массачусетского технологического института. Кольца разных годов несколько отличаются, однако на них непременно выбит год выпуска, изображена печать МТИ и — в центре бобёр — «инженер среди зверей»

Ни с кем другим он не согласен был заниматься административной работой. Он и к нам-то нанялся по знакомству.

— Хорошо-хорошо, ты расцеловал его в обе щеки… и за это он нам подсунул этакий подарочек?!

— Это сокровище. Это его работа! Ван не конкурент нам. Он простой, как апельсин, разработчик-исследователь. Типичный хакер на белом коне.

Дефанти мрачно проматывал запутанную схему на экране. Карта была чудом. Но не сама по себе. Чудом для федеральных следователей, соперников но бизнесу или адвокатов по бракоразводным делам. На экране старик видел себя самого с призывно спущенными штанами. И не одного себя. «Beelzebub.darpa. mil»[4]. Какой идиот там раздает доменные имена второго уровня?

Кругленькая физиономия Дот-комика помрачнела по-взрослому серьёзно.

— Ван оказал нам большую услугу, Том. С этой картой мы сможем обеспечить безопасность инфраструктуры компании, пресечь утечки, а заодно избавиться от массы лишних расходов.

— И что он пытается нам втюхать?

---

[4] notes: 4

darpa.mil — доменное имя, присвоенное DARPA (Управлению перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ)

— Ван продажами не занимается. У его исследовательской лаборатории в «Мондиалс» бюджет — двадцать миллионов долларов, и его не ограничивают в направлениях разработок. Он изобрел эту штуку! Том, для нашей компании это уникальное конкурентное преимущество.

Дефанти отставил лэптоп.

— Ладно, тогда перейдем к выполнимому. Что конкретно ты предлагаешь делать?

– Ладно так ладно. — Дот-комик бодро расправил плечи. — Первым делом — навести порядок у себя дома. Признаю, это капитальные издержки. Но сделать это нам придется, потому что так рисковать — опасно, да и для бизнеса скверно. Как только мы прочистим систему и установим вменяемую политику информационной безопасности, все эти разгильдяи хакеры старой школы окажутся у нас в ежовых рукавицах. На этом можно делать настоящие деньги. Делать деньги, продавая скверные новости всем, кто был когда-либо с нами связан. Все их сети открыты для атаки. Мы это знаем, а они — ещё нет. Сколько стоят такие сведения, Том? Скажи мне!

Дефанти хмыкнул.

— Популярности нам это не прибавит.

— Я прикинул, что это может превратиться в

славненький побочный бизнес по всей нашей цепи поставок. Все фирмы, которые ты поглощал или продавал со дня зарождения Интернета. Каждый доменный сквоттер, каждый интернет-халявщик… Все они будут платить нам. Это будет только справедливо. И, Том, поверить невозможно, сколько барахла до сих пор висит на нашей системе. Мы тратим электричество на компьютеры, на которые никто даже не смотрит. Мы их включили когда-то в розетку — и забыли. Следовало бы давно вытащить их с полок и отправить на свалку. Программы на них устарели на годы и не патчились с тех времен. Это попросту опасно.

— Без этого Вандевеера никакой опасности не было бы.

— Быть незаметным небезопасно, Том.

— Пока никто не ищет — ещё как безопасно.

— Но машины будут искать. Киберпространство — это постоянный поиск. Кто-нибудь запрограммирует на поиск сетевых ботов. Только вопрос времени. Мы застряли между Интернетом старой, паршивой анархической модели и серьёзной, масштабной коммерческой индустрией. Единственный ответственный вариант действий — предпринять все необходимые шаги. Пока всё не развалится по швам у нас на глазах. Старик

вздохнул.

— В бюджет это уже вошло?

— Нет. Пока нет. Хотя я и старался. Я послал мыло нашему завинбезу. С набатом, мигалкой и большой сиреной. Завинбез отправил меня подрасти и вернуться лет через десять. Так не пойдет, Том. Ему пора на пенсию. Прямо сейчас, а не через десять лет.

Дефанти попытался вспомнить, как же зовут начальника отдела информационной безопасности. Лицо вспомнилось сразу: густая русая борода и дрянные жилетки, которые ему подшивала жена. Дефанти вытащил его из финансовых руин умирающей компании по производству мейнфреймов, и парень был ему верен. А ещё — опытен, надежен и лишён карьерных планов. То есть являлся полной противоположностью Дот-комику. Не диво, что мальчишка мечтает снять с него скальп.

— И где я найду нового завинбеза? Или ты сам метишь на эту должность?

— Нет, конечно! Но я тебе скажу ещё одну вещь, Том. Эта карта связей — она уже устарела. Потому что мои сетевые админы уже провели генеральную уборку в моей холдинговой компании, у моих поставщиков из Бангалора, у этих китайских

ракетчиков и у всех моих партнеров по *е*-торговле. Это всё молодые фирмы, конечно. Начали с чистого листа, и проблем с твоим наследством у них нет. Но я не хочу, чтобы они заросли таким же бурьяном с распахнутыми отладочными доступами и недоконфигурированными маршрутизаторами. Это попросту неприемлемо!

— Чего ты от меня на самом деле хочешь, малыш? Хочешь, чтобы я уволил своего завинбеза? И ты будешь счастлив?

— Нет, Том. Этого мало. Уволить надо завинбеза, и системных администраторов, и всю банду добрых старых ребят, которые привыкли плевать на информационную безопасность. Мы должны организовать внутреннюю сеть лучше, компактней. Вандевеер не догадывается об этом, но он подарил мне новый инструмент менеджмента. Мы можем заменить всех этих маньяков на королевском жалованье молоденькими инженерами из Индии, которые будут следовать протоколам безопасности и работать по визе B-1HB за четверть той суммы, что мы платим своим. Вот о чём говорит мне эта карта, Том. В этом будущее электронного бизнеса.

Молчание нарушил звонком лэптоп Дефанти.

— Ну, время подошло, — заметил старик.

— Блик «Иридиума»? Уже? Здорово.

Глянув на экран, Дефанти отбарабанил координаты.

— Как их вводить? — полюбопытствовал Дот-комик со своего места.

— Вручную.

— Я похож на человека, который что-то делает вручную?

Старик подошел к нему и направил большой телескоп в нужную точку неба. Оба наблюдателя прильнули к холодным резиновым окулярам.

— Бывал в последнее время на Шри-Ланке? — поинтересовался Дефанти.

— Нет. Стоит побывать? Турбины ещё не остыли.

— Я списался по электронной почте с доктором Кларком. Знаешь — «отец спутников связи».

Дот-комик вскинулся, ошеломленный.

— Артур Кларк? Тот самый Артур Ч. Кларк?!

— Да, и доктор Кларк мне ответил. Он был очень вежлив.

— Том, это фантастика. Это же такая честь! Я впервые посмотрел «Одиссею две тысячи первого», когда мне три года было.

Оба захлопнули крышки лэптопов, чтобы глаза успели привыкнуть к темноте.

— Видишь в небе дымку? — спросил Дефанти.

— Сегодня довольно ясно, Том. Вид просто изумительный. Потрясающе.

— Дым от лесных пожаров. В Колорадо второй год засуха. Всюду пожары и пожарные команды. Сукины дети устроили в заповеднике иллюминацию не хуже, чем на Кони-Айленде. Есть ведь законы штата и округа о затемнении, но они же федералы, плевать они на нас хотели. «В суд подавайте» — и все дела. Банда заносчивых, напыщенных, самодовольных мудаков…

— Есть блик! — взвизгнул Дот-комик. Дефанти припал к окуляру другим глазом. Без толку. Момент был упущен.

— Как отблеск от зеркала заднего вида, — отчитался Дот-комик. — Металлом сверкнуло. Коротко, но ярко.

— В добрые старые деньки на Диком Западе кавалерия пользовалась гелиографами, — промолвил Том Дефанти, бесплодно вглядываясь в ночное небо. Если на спутнике действовала аппаратура ориентации, вспышек могло быть три, а то и четыре. Но ничего, кроме звезд, не было видно. — Один кавалерист как-то послал зеркалом солнечный блик на девяносто миль. А британская армия пользовалась сигнальными

зеркалами в Афганистане. Представляешь? Армия воюет в Афганистане зеркальцами.

— Афганистан — это не потребительский рынок, — объявил Дот-комик. — Ещё вспышки будут?

— Может быть, — ответил Дефанти. Они подождали. — Нет, — признал он в конце концов и выпрямился, потирая поясницу.

Дот-комик вновь открыл свой лэптоп, включил монитор и пробежался пальцами по клавиатуре.

— Ну и что ты решишь, Том? Понимаю, денег уйдет много. Но мы выдержим. У нас сейчас куча свободных денег. Горы.

— Ладно, малыш. Вот что мне советует инстинкт. Послушай. Нельзя ставить компанию с ног на голову по одному слову какого-то парня из лаборатории. Даже если он гений. И даже если он технически прав. Для менеджеров среднего звена такое решение не годится политически.

— Правда и наука восторжествуют над глупостью и бюрократией, Том. Такова история новой экономики.

— Нет, малыш. Правда никогда не торжествует. Правдой можно добиться чего-нибудь — на пару кварталов, если публику разогреть как следует. Но в конце концов — ничего. — Дефанти пожал

плечами. — Торжествует всегда здравый смысл. Всеобщее согласие, управление восприятием[5] и народное мнение. Рынок, малыш, — это машина. Рынок сойдет с катушек, если мы встанем на уши из-за каких-то непоняток с информационной безопасностью и примемся увольнять старых работников. Это признак паники. Непрофессионально.

— Том, ты не въезжаешь.

— Малыш, я знал, что ты мне это скажешь. Я стар, но ещё не слеп и не глух. Я понимаю, что это опасно. Всё равно что смешивать разведданные с «Чёрной глубины» и газетные статейки. Но я всё равно пойду на этот риск, потому что риск приносит прибыль. Если это опасно, значит, это выгодно. Роберт Максвелл путал шпионаж и журналистику, как и я. Потом спрыгнул с борта собственной яхты и утоп. Я его знал, Максвелла. Лично знал. Даже был на той яхте.

— Значит, твое решение — просто утопить проблему? А как насчет Вандевеера? Он член совета директоров.

---

[5] notes: 5

Первоначально — эвфемизм министерства обороны США, обозначающий «передачу и/или отказ в предоставлении определённой информации иностранной аудитории с целью повлиять на её эмоции, мотивы и способность к рациональному мышлению».

— Против Вандевеера я ничего не имею. И слава богу, что парень в нашей команде. Держи его в темноте и корми капустой. Я хочу, чтобы он пищал от радости. И он, и жена его… как ее — Дитси?

— Дотти.

— Точно. Милые, славные техноманьяки. Каждому по золотой звезде на грудь. И похвала большого брата. Высокая оценка. Всё по правилам. Оплаченная поездка в Финляндию — для него, и бабы, и детей заодно. Такие парни нам очень нужны, чтобы вышвырнуть с рынка этих финских сукиных детей с их крошечными мобильничками… как бишь их там?

— «Нокия».

— Они самые, «Нокия». Господи, как я их ненавижу! Полный отчет для совета директоров о перспективах этих… приложений мгновенного обмена сообщениями. Шесть месяцев, восемь — сколько потребуется. Займи его чем-нибудь.

Дот-комик зашуршал в темноте ветровкой у своего телескопа.

— Ван и так занят по уши. Он же вице-президент «Мондиаля». Он ненавидит безделки — ему по душе большие игрушки. Новый маршрутизатор помощнее для его лаборатории — вот всё,

что Вану нужно от жизни. Вандевееру я могу заткнуть рот и связать руки, если хочешь, — нет проблем. Но я вот что хочу тебе сказать, Том: ты делаешь большую ошибку. Мы сейчас переживаем технологическую революцию — самое важное событие с тех времен, как открыли огонь. Если что-то хотя бы наполовину возможно — оно непременно случится.

— Я знаю, что ты в это веришь. Но ты ошибаешься.

— Ладно, — проговорил Дот-комик. — Если это твое окончательное, обдуманное решение, тогда, наверное, так тому и быть.

— Так и будет, малыш. Так что давай отходи на запасную позицию.

Дот-комик стянул с головы тонкий пластиковый капюшон. Ночной ветерок принес запах пота и геля для волос.

— Ладно. Вандевеер хочет установить несколько сайтов-приманок для нарушителей. Тогда если кто-то и вломится в нашу сеть, мы сможем поймать хакера.

— Приятно слышать, что у него есть капля здравого смысла. Во сколько это нам обойдётся?

— Гроши. Мелочь. Для нас он это сделает в качестве мелкой любезности. Для ФБР он такие сайты

постоянно клепает.

Дефанти потер небритый подбородок.

— Он ещё и бюро консультирует?

— Ван живет в Интернете. Ему тридцать лет, и у него *ученики* на ФБР работают. — Дот-комик отцепился от телескопа и обернул к зениту бледную физиономию. — Ну что ж, хорошо, что мы хотя бы с этим вопросом разобрались. Груз с плеч упал. Господи, Том, ты только глянь на эти звёзды. Они *разноцветные.* И сколько же их! В городе такого теперь не увидишь. На всём свете такого нет.

— Последнее место в материковой части США, откуда ещё можно видеть тёмные небеса.

— А северных сияний тут не бывает? Я их видел на трансполярных перелётах. Фантастические вещи попадаются, невероятные…

— Нет. Не бывает. — Дефанти примолк. — Что за чертовщина?

— Где? Покажи.

Старик поднял руку.

— Я бы подумал — Кассиопея, да?

— Нет, я имел в виду — мерцание. Неровный свет, как северное сияние.

Голос Дот-комика враз опустился на октаву.

— Ты сказал «мерцание», Том?

— Вращается. Красноватое…

Дефанти начало трясти. Какой-то предмет… круглый… он имел толщину и объем, кружился и блистал… Возлюбленные его небеса переживали катаклизм. В поднебесье плыл неопознанный летающий объект, невозможное создание алого танцующего света.

— Ты посмотри только на эту хреновину, — просипел он.

— Не понимаю, Том. Скажи, что ты там увидел?

— Оно летает и светится… и оно огромное!

— Ты это серьёзно?

— Оно приближается! Смотри! — Дефанти невольно пригнулся. — Берегись!

— Я хотел бы на это посмотреть. Том, о чём ты?

— Оно нападает! — заорал старик. — Вот теперь оно зашевелилось! Господи ты боже мой, какая скорость!

В душе Тома Дефанти боролись ужас, восторг, потрясение. Господи всевышний, увидеть НЛО, знать, что в реальном мире существуют подобные вещи — не в шутку, не во сне, межзвездные путешественники, — что инопланетные корабли на самом деле бывают, точно так же, как существуют молотки и гамбургеры…

Но это значило бы, что мир расползается по

швам. Что штурвал вырвался из рук.

Дот-комик вежливо прокашлялся.

— Том, ты говоришь, эта штука «светится»? Я почему спрашиваю… ну, обычно странным небесным явлениям находятся простые объяснения.

— Ты её вовсе не видишь? Смотри, она разворачивается! Летит прямо на нас!

— Пет, Том, не нижу. Вижу только, что звезды затянула легкая дымка, как ты и говорил. Так что, может, это просто фары. Отражения в облаках.

— Малыш, эта штука летает. Я вижу летающий объект.

— Огни от фар тоже могут летать их отсвет пляшет вверх и вниз по склонам холмов. Том, обожди! Я понял! Это гигантские ветряки.

— Что?

Свет мерцает, да? Сейчас внизу, в долине, устанавливают мегаваттные ветряки. Огромные. Свет может отражаться от их лопастей.

— Ты с ума сошел? Это летающая тарелка! Я её вижу…

— Ладно, — спокойно отозвался Дот-комик. — Ладно, ты, пожалуй, прав. Значит, это артефакт.

— Артефакт пришельцев?

— Нет, артефакт твоего восприятия.

— Хочешь сказать, у меня бред?

— Нет, Том. Я хочу сказать, что ты дрожишь точно лист и бормочешь вещи, которые мне кажутся бессмысленными, и я не понимаю, почему так происходит. И я очень, очень за тебя боюсь. Этот НЛО, который ты видишь, — он всё ещё здесь?

Конечно, «летающая тарелка» была здесь. Не куском металла, точно самолёт, — а ужасающим кровавым туманом, призрачная, сверхъестественная.

— Да. Ещё здесь. Парит над нами. Наблюдает, должно быть.

— Том, я никогда не думал, что мне придется советовать такое тебе. Но меня этому научили в расслабонской палатке на «Горящем человеке»[6]. Прикажи этой штуке сдвинуться, Том. Командуй ей, вслух. Говори с ней. Если это всё в твоей голове — она послушается.

— И докажет, что я тронулся умом.

— Ты начальник, Том. Скажи этой штуке, куда ей отправляться.

Старик запрокинул голову и уставился в небо. Перед ним парил НЛО. Выбора у него не оставалось.

— Налево!

---

[6] notes: 6

Ежегодный фестиваль искусств «радикального самовыражения» в штате Невада.

Пришелец исполнил приказ со зловещей величавостью, медузой переползая через зенит.

— На север! — заорал Дефанти.

Светящийся диск метнулся прочь через звёздное поле.

Старик разразился рыданиями. Дот-комик обнял его обеими руками за дрожащие под ковбойской курткой плечи.

— Том, пойдем лучше под крышу, ладно? Здесь ловить нечего.

Зубы старика стучали. По щекам катились холодные слёзы.

— П-помоги…

— Насчёт лекарств… надо будет поговорить, Том.

— Надо принять что-нибудь… надо… сигарету бы…

— Возвращаемся в усадьбу, хорошо? На заднем сиденье удержишься? Тебя трясет всего! Эй, оппа! Я помогу подняться!…

ГЛАВА 1

Штат Нью-Джерси, 11сентября 2001 года

Поутру Тед Вандевеер поднял родителей с постели жадным голодным писком.

Дотти просунула резиновую ложечку в полураскрытый рот малыша. Пухлые щёчки надулись, и овсянка тут же оказалась на воле.

Дотти окинула взглядом заляпанный стол и многозначительно взмахнула ресницами.

— Где няня? — попытался отвертеться Ван.

— Дома не ночевала.

Поднявшись с белого пластмассового стула, Ван передал ей белое бумажное полотенце. И — наученный горьким опытом — ещё одно, на всякий случай.

В новехонькой кухне рядом с глубокой стальной раковиной, столешницей красного гранита и хромированным холодильником размером с банковский сейф у Дерека Вандевеера до сих пор немного кружилась голова. Когда он подписывался на капитальный ремонт, ему в голову не пришло, что нью-джерсийские строители так серьёзно относятся к работе.

По крайней мере, мелькнуло в голове у Вана, Дотти нравилось. Оставшуюся от прежних владельцев кухню мог бы описать только Лавкрафт. А новая покуда оставалась единственным местом в особняке Вандевееров, где канализация работала нормально.

Примостившийся на углу новой печи маленький телик показывал нью-йоркские новости WNBC — Ван приспособил к нему комнатную антенну. Кабельного телевидения в городке Мервинстер (штат Нью-Джерси) не было, что стало тяжёлым ударом для Вандевееров, преданных поклонников «Вавилона-5», «Красного карлика» и «Секретных материалов». Но главным работодателем горожан была компания «Мондиаль». А «Мондиаль» занималась широкополосным радиолинком и ненавидела кабельщиков лютой ненавистью.

Ван подтер капли жидкой каши. Отцовская забота малышу понравилась — Тед заболтал толстыми ножками и радостно защебетал.

— Он сказал «тата», — заметил Ван.

Дотти зевнула, опершись подбородком на тонкие пальцы, и помешала овсянку в чашке.

— Дерек, он просто гулит.

Ее муж промолчал. Эксперт в области связи,

каким был Ван, с определенностью мог заявить, что вокализации его сына содержали сочетание фонем «та-та». Технически Ван был совершенно прав. Но он научился никогда не спорить с Дотти по мелочам.

Ван швырнул грязное полотенце в блестящий мусорник и вновь опустился в пластмассовое дачное кресло, заскрипевшее под его весом. Ему было стыдно, потому что виноват в получившейся нелепице был не кто иной, как он сам — доктор Дерек Вандевеер, известный программист, владелец полуразвалившегося особняка викторианской эпохи, где даже мебели приличной нет.

Старинный городок Мервинстер больше походил на деревню: дома в колониальном стиле с двускатными крышами, вокруг леса и конный завод неподалеку. А ещё он мог похвастаться третьим по мощности узлом оптоволоконной связи на Восточном побережье. То было идеальное место для исследований в области высоких технологий. Рабочая неделя Вана в лабораториях «Мондиаля» составляла шестьдесят с хвостиком часов. Приходилось жить неподалеку.

А вот доктор Дотти Вандевеер работала в Бостоне, в астрофизической лаборатории Смит-

сонианского института. Ван купил для своей семьи особняк в Мервинстере, потому что как-то неправильно было, чтобы их ребенок — новоявленная третья сторона — оставался бездомным. Кроме того, деньги надо было куда-то девать. На посту вице-президента компании «Мондиаль» по исследованиям и внедрению Ван их зарабатывал не просто много, а неприлично много.

Телевизор вполголоса рекламировал что-то от головной боли, заглушая жадное чмоканье Теда. Ван барабанил пальцами по верному наладоннику, пытаясь проверить 117 электронных писем, пробившихся на его адрес сквозь фирменный мондиалевский брандмауэр. С некоторым усилием воли он решил отложить ответные письма хотя бы до полудня — потому что с ним была Дотти. Дотти спала с ним в одной постели, окружая нежным вниманием. Дотти готовила, убирала, меняла пелёнки. Дотти бродила из комнаты в комнату по мрачному полуразвалившемуся особняку Вандевееров, по-женски легкомысленно морща лобик. Сейчас в первую очередь следовало заняться мебелью.

Поэтому за редкие часы, проведённые за стенами мондиалевских лабораторий, Ван исхитрился купить кроватку, манеж, детский стульчик, ко-

жаный испанский диван, полированный стол из грецкого ореха в малую столовую, цифровой телевизор с плоским экраном в сорок шесть дюймов по диагонали (с видеомагнитофоном и DVD-проигрывателем) и замечательное супружеское ложе. И заодно — модерновый датский гарнитур для спальни на втором этаже, где поселилась няня Хельга, шведская девица девятнадцати лет. В результате комната Хельги оказалась единственной в доме прилично обставленной и почти всегда пустовала.

По словам Дотти, покуда они с Хельгой вдвоем кантовались в Бостоне, девушка была неизменно мила, ласкова с ребенком и никаких проблем с мужским полом не создавала. Но в крошечном тихом Мервинстере Хельгу словно подменили. Новоявленная мужеедка паровым катком проехала по рядам местных компьютерных маньяков, сшибая их, будто кегли, могучим бюстом валькирии. Вану мерещилось временами, что с Хельгиных кавалеров следовало брать плату по повремённому тарифу.

Дотти отставила чашку с желтой кашицей и взялась готовить омлет с гренками. Ван обожал наблюдать, как Дотти готовит. Поварского таланта у нее не было ни грамма, но алгоритм

успешного приготовления завтрака она освоила в совершенстве. Дотти вынимала яйца из серой картонки и разбивала о край белой миски в синюю полосочку — каждый раз на одной и той же полосочке, с идеальной точностью.

Зрелище это затрагивало в душе Вана струнки, которым он сам не мог подобрать название. Его любовь к Дотти представлялась Вану чем-то молчаливым, тёмным, огромным, как озерная вода подо льдом. Удовольствие, с которым он наблюдал за женой у плиты, было сродни тому, с каким он взирал на Дотти, когда та одевалась поутру. Ван обожал смотреть, как она, обнаженная, взъерошенная, сонная, элегантно исполняет все тайные женские обряды, покуда не облачится вполне в наружную свою оболочку. Глядеть, как Дотти одевается, было ему даже приятней, чем видеть, как она раздевается.

Теду недавно исполнилось одиннадцать месяцев. Лишенный мамы и резиновой ложечки, малыш чувствовал себя совершенно заброшенным — он суматошно размахивал пухлыми ножками, озираясь испуганно и капризно. Ван пристально наблюдал за сыном. Малыш его завораживал. Выпирающее пузико и копна пухово-тонких волосиков придавали Теду изумительное сходство

с Вановым тестем — напыщенным инженером-электриком, сколотившим небольшое состояние на производстве нестандартных соленоидов.

При необходимости малыш мог визгом, как ледорубом, проломить череп. Однако вопить «мама» Тед раздумал. Вместо этого он старательно подобрал двумя пальчиками несколько разбежавшихся по столу кукурузных шариков. Ван ощутил, что схватить и засунуть в рот кукурузный шарик было для Теда существенным достижением — младенческим эквивалентом успешно сданного проекта.

Ван расчесал пятерней густую рыжеватую бороду, ещё не просохшую после душа, и решительно отложил наладонник, чтобы обратить внимание на полуразрушенную башню из каталогов. Торговцы почтой пронюхали о титаническом вице-президентском окладе. Для них маньяк-программист с новым домом и младенцем на руках представлял собою золотую жилу.

В общем и целом Ван не любил делать покупки. Любил он математику, аппаратное программирование, крутые фантастические фильмы, жену и боулинг. Однако в покупках он находил нечто, иначе ему недоступное. Перелистывая каталоги, Ван мог не вспоминать о равенствах Нэша и

функциях задержки. Последние три месяца он серьёзно обдумывал эти вопросы компьютерной эзотерики. Последние две недели — весьма серьёзно. А последние шесть дней — очень, очень серьёзно.

Так серьёзно, что переставал замечать даже Дотти. Так серьёзно, что временами едва мог ходить.

Однако анализ запаздываний в сетях был уже успешно завершен и оформлен. Чистовик статьи непременно вызовет восторг у ключевых членов ИИЭР[7] и искреннее непонимание в совете директоров «Мондиаля». Так что Ван решил устроить себе отгул.

Стройная, прелестная босоногая Дотти читала про себя инструкцию к новому ростеру. Дотти всегда читала инструкции по использованию чего бы то ни было. Все эти «компания не несёт ответственности» и даже условия лицензий на коробках с программами.

В МТИ однокурсники посмеивались над её навязчивыми привычками. Ван же заметил в первую очередь, что Дотти никогда не делала

---

[7] notes: 7

Институт инженеров по электротехнике и радиоэлектронике, крупнейшая в мире организация по стандартизации, отвечающая также за сетевые стандарты.

дурацких ошибок, которые совершает любой новичок. А Дотти была польщена тем, что это её качество оказалось востребовано и признано. В конце концов она вышла за Вана замуж — предварительно составив текст брачного соглашения.

Перелистывая скользкие пёстрые страницы, Ван наткнулся на рабочую лампу «Фортебраччио». Лампа была похожа не то на столовый прибор, не то на медицинский инструмент, крепкая и самоуверенная, как одна из старых серий «Звездного пути», когда их ставил ещё Джин Родденберри. Лампа была крутая.

Ван вырвал страницу из каталога, а остальное отправил в мусорное ведро за спиной. Следующий каталог в стопке был переполнен креслами. Вот теперь Ван погрузился в решение проблемы с головой, посвятив ей всё своё внимание. Сейчас он неуклюже восседал на дрянном складном стуле из белого пластика — набор из шести штук он купил в обеденный перерыв, заехав в супермаркет дешёвых товаров. Так жить не годится.

— Дерек! — повторила Дотти. — Тебе какой хлеб — серый или отрубной?

Ван вскинул голову.

— А у какого больше стэк?

— Э… отрубного хлеба больше осталось.

— Тогда мне серый.

Рассуждая логически, быстрее должен идти самый вкусный.

На работе Ван, будучи программистом серьёзным, восседал в аэроновском кресле. «Аэрон» производил в каком-то смысле идеальные рабочие кресла — единственные, какие вообще требовал иметь в доме стиль жизни прожжённого хакера. Ван задумчиво повел мощными плечами. Но в жилом-то доме стоило иметь нормальные стулья! Вот, например, для использования за обеденным столом «Аэрон» не подходил — брызги детского питания будут застревать в нейлоновой сетке.

Вспомнив, как в его мервинстерский особняк явились за консультациями по информационной безопасности трое агентов ФБР, Ван поморщился. Фэбээровцам пришлось сидеть на белых складных стульях. Парни из бюро, конечно, ничего не сказали о пластмассовой мебели, только хлебали растворимый кофе и делали конспекты в желтых адвокатских блокнотах, — но в глазах у них просвечивало особое агентское презрение, с каким квалифицированного эксперта опускают в простые стукачи. С этим надо что-то делать.

О тайных визитах фэбээровцев Дотти ничего не знала. Ван ей не рассказывал о сотрудничестве

с ФБР — знал, что жена не одобрит. «Заинтересованные стороны» из казначейского департамента и бюро специальных расследований ВМФ США тоже проходили мимо её внимания.

Каталог оказался потрясающим. Там были кресла из чёрной кожи и гнутых хромированных трубок. Кресла как бейсбольные перчатки. Кресла, похожие на оплывшие бокалы для мартини. Кресла, вырезанные из единого куска муарово-бледной фанеры.

Дотти подсунула мужу под нос тарелку. В новом ростере кусочки хлеба прожаривались идеально. Таких совершенных гренок Вану прежде и видеть-то не доводилось. На коричневой корочке не было и следа грубых полос, оставленных дешёвыми нагревателями. — Дерек, открой, пожалуйста.

Ван приложил мужскую грубую силу к банке импортного английского джема. Чёрная эмалированная крышка отскочила с легким хлопком, и в ноздри Вану ударило такое благоухание, что программист тут же впал в детство. Джем оказался изумительным. От него с такой царственной силой несло Букингемским дворцом, что Вану тут же захотелось вскочить и отдать честь.

— Милая, джем отпадный!

— Черничный! — пропела Дотти над медной

сковородкой. — Твой любимый!

Чудесный аромат джема подействовал даже на малыша. Тед прищурил круглые голубые глазёнки.

— Тата! — объявил он.

— Он снова сказал «тата».

Ван намазал идеальную гренку так удачно купленным джемом.

Тед шлёпнул слюнявыми ладошками по детскому столику.

— Тага! — пискнул он. — Тата!

Дотти воззрилась на сына в удивлении и восторге.

— И правда, Дерек!

Она метнулась к малышу, осыпая его похвалами и поцелуями. Тед улыбнулся маме во весь рот.

— Та-та, — доверительно прошептал он.

Тед всегда был с мамой ласков и всеми силами старался ее улестить.

Наблюдая, как Дотти возится с сыном, «тата» незаметно для себя умял с джемом все восемь гренок. Жизнь была прекрасна, а джем — просто король среди сладостей.

— Дот, где ты раскопала этакое чудо?

— В Интернете.

— Отлично. Скидку на опт нам дадут?

— Хочешь взять ещё?

— Само собой. «Пойнт-клик», и поехали.

Ван откинулся на спинку кресла и, страшно довольный всем миром, отодвинул в сторону тарелку с крошками. Дотти пристроилась рядом с тарелкой пышного омлета. Ван взялся было за вилку, и тут взгляд его наткнулся на очередное кресло, отчего программист едва не подвинулся умом.

— Господи, помилуй! Дотти, ты только глянь! Вот это кресло!

— На паука похоже.

— На оленя! Ты посмотри, какие у него ножки!

— Вот ножки как раз паучьи.

— Это магниевое литьё!

Дотти отобрала у мужа банку с джемом.

— Привет от Стенли Кубрика.

Ничего подобного, подумал про себя Ван. От фильма «2001» разит шестьдесят восьмым! А сейчас, в 2001 году, тогдашний футуризм бесповоротно вышел из моды. Ван всё же сунул в рот кусочек омлета — было очень вкусно.

— Магниевое! Вау! Раньше никто не брался обрабатывать магний, а теперь из него кресла делают!

Дотти отставила тарелку — еды в ней едва хватило бы для крупного воробья, — вытащила егозливого малыша из высокого стульчика и пристроила на узком бедре. Тед был крупным младенцем, а Дотти — весьма стройной мамой. Малыш качался взад-вперед, на каждом ходу врезаясь матери в плечо темечком, будто стенобитное орудие.

— Сколько стоит? — практично поинтересовалась она.

— Шестьсот. Плюс доставка.

— Шесть сотен долларов за одно кресло, Дерек?

— Магний и поликарбонат! — возразил Ван. — Оно всего семь килограммов весит! А ещё их можно складывать пирамидой.

Не донеся вилки до рта, Дотти вгляделась в страницы каталога.

— У него даже спинки нет.

— Есть у него спинка! — возразил Ван. — Вот эта штуковина, которая из подлокотников торчит, — это на самом деле спинка. Зуб даю, оно на самом деле гораздо удобнее, чем выглядит.

Дотти плеснула ему ещё кофе, покуда Тед пытался вырвать клок ее коротких русых волос.

— Тебе не нравится, — скорбно подытожил Ван.

— Кресло очень любопытное, милый, но оно совершенно ненормальное.

— Зато мы бы первые на нашей улице такое купили! — Дотти только вздохнула.

Ван уставился на изумительное кресло, изо всех сил стараясь не дуться. Шестьсот долларов для него были несущественной тратой: понятное дело, акции «Мондиаля» сейчас несколько упали с тех надзвёздных высот, где парили, когда Ван покупал особняк, но парень, который дарит жене изумруды на годовщину свадьбы, не станет ныть из-за какого-то магниевого кресла.

Заставить себя перевернуть страницу Ван не мог. Потрясающее кресло уже стало частью его внутреннего образа. Кресло производило на него то же сногсшибательное впечатление, что и любой компьютер, — то были орудия. Инструменты для серьёзной работы. На инструментах экономят только ламеры. Продвинутый юзер идет и делает апгрейд.

— Это же викторианский особняк, — напомнила Дотти вполголоса. — Кресло сюда не впишется. Оно… ну оно просто запредельное.

Она отобрала у мужа каталог и принялась внимательно читать всё, что написано о кресле мелким шрифтом.

— Не такое уж оно и странное, — пробурчал Ван. — Сейчас весь мир сошел с ума. А когда мир сходит с ума — безумие требует профессиональной подготовки. — Он взялся за лэптоп. — Попробую отгуглить производителей…

— Ты правда так загорелся его купить?

— Ага. Штук десять. Или двенадцать.

— Дерек — это семь тысяч двести долларов на какие-то кресла. Это неразумно! — Дотти вздохнула. Тони Кэрью вечно твердит, что нам следует диверсифицировать вложения. Рынок в нынешнем сезоне падает.

— Ну ладно, ладно, мы же не биржевые фанаты вроде Тони. А железки людям будут нужны всегда.

Ван пожал плечами. Он владел акциями «Мондиаля» только потому, что всегда вкладывал сбережения туда, где работал сам. Ван ни в чём на свете не разбирался так хорошо, как в собственной работе. И что бы ни обещало ему будущее, Ван всегда ставил на себя. До сих пор это окупалось.

Дотти разгладила глянцевую журнальную страницу.

— Дерек, в нынешнем семестре истекает срок моего гранта. Это очень скверно. Я уже выжала из этого исследования шаровых всё, что только

можно было опубликовать. В читательских рецензиях постоянно твердят, что нам требуются более совершенные инструменты.

Она вытерла залитый слюнями подбородок малыша запасным бумажным полотенцем, которое Ван оторвал пару минут назад.

Ван попытался осмыслить ее слова. Работа значила для Дотти всё. Четыре года она посвятила исследованию шаровых звёздных скоплений. На ее исследования опирались работы коллег из Бостона. При ней кормились аспиранты.

— Дерек, мы просто не получаем результатов, на которые я надеялась. В науке так бывает, знаешь. К тебе приходит гениальная идея, ты вкладываешь массу труда в разработку гипотезы, но опытные данные ее не подтверждают.

— Твоя теория нуклеации темной энергии пользовалась успехом, — попытался поддержать ее Ван.

— Я подумывала о том, чтобы больше времени проводить дома.

У Вана перехватило в горле.

— Да?

— Тед скоро встанет на ножки. И уже начинает говорить — только послушай! — Дотти погладила малыша по тонким волосикам, покуда тот

пытался пробить затылком ее плечо. — Малышу нужна нормальная жизнь, в нормальном доме.

Ван сам изумился тому, насколько важной показалась ему эта мысль. Чтобы Дотти проводила с ним и Тедом каждый день… перспектива эта ошеломляла.

— Вау. В нормальном доме — это как-то… непривычно.

Дотти поморщилась.

— Ну, Хельги никогда нет рядом, когда она действительно нужна. Я уже думаю, не ошиблась ли я с нею?

— Можем отрядить на ее поиски полицию, — улыбнулся Ван. — Ну не хмурься, милая. Мы справимся.

— Могло быть и лучше, — пробормотала она. — У меня просто не хватает времени заботиться о вас с Тедди так, как положено.

У Дотти опять начинался приступ вины и депрессии — это у нее на лбу было написано. Ещё немного — и она снова начнет горевать по маме.

Впадать в мучительную неуверенность Дотти позволяла себе только тогда, когда бывала по-настоящему счастлива. У Вана ушло десять лет семейной жизни, чтобы осознать это, но теперь он понял. Она портила счастливые дни по

необходимости. То был ее тайный обет, данный страшному уродливому миру: никогда не наслаждаться жизнью слишком сильно.

Обычно такие приступы Вана беспокоили, но сегодня ему было так хорошо, что хандра показалась ему забавной.

— Ну милая, ну у тебя неприятности на работе. Ничего страшного. Что может случиться такого непоправимого? Мы же не разоримся!

— Мишка, — Дотти стеснительно буравила взглядом безупречно чистую столешницу, — ты слишком много работаешь. Даже когда ты дома, тебя постоянно дергают эти твои компьютерные полицейские. А ты им позволяешь. — Она снова указала на каталог: — Это нелепое кресло, которое тебе так приглянулось, оно водоупорное. А нам нужно что-нибудь на веранду. Вот закажи одно, мы его поставим на улице. Годится?

— Два?

Губы ее дрогнули.

— Дерек, одно.

— Ну ладно!

Одно кресло — это для начала. Пусть это будет рабочая модель. Ван просиял.

Голоса в телевизоре звучали всё настойчивей. Дотти глянула через плечо на экран:

— Господи! Какая ужасная авария!

— А? — Ван уставился на дымящуюся дыру в стене небоскрёба. — Вау!

— Это ведь Нью-Йорк, да?

— Угу. Боже! Такое не каждый день увидишь. До телевизорчика было каких-то три шага, но Ван из принципа потратил с полминуты, пытаясь нашарить заваленный каталогами дистанционник, прежде чем увеличил громкость. Мертвую тишину заполнил голос диктора.

Какой-то реактивный самолёт столкнулся с башней Всемирного торгового центра.

— Самое несчастливое место на свете, — скривился Ван.

Дотти глянула на него с недоумением и ужасом. Даже Тед нахмурил лобик.

— Я про ту банду негодяев с бомбой в грузовике, — объяснил Ван. — Они когда-то пытались взорвать небоскрёб.

Дотти поморщилась. Это была не ее тема.

Ван поднял с пола свой наладонник. Стоило пробежаться по новостным сайтам. У местных телевизионщиков бюджет убогий.

Тайком от жены Ван проверил электронную почту. За последние две минуты ему пришло тридцать четыре письма. Он пробежался по за-

головкам: повернутые на безопасности ребята из отделов компьютерной войны. Телеконференции, обновления через Сеть… Все абоненты смотрели телевизор, не отрываясь от мониторов. И сбесились разом. Вану стало стыдно, что он знаком с таким множеством подобных типов. И хуже того — дал им всем свой адрес электронной почты.

Ван снова обернулся к телевизору. Зрелище на экране ужасало. Ван был невеликим специалистом по авиационной электронике, но знал о ней не меньше, чем любой специалист по надёжности систем. И знал, что почти абсолютно невероятно, чтобы авиадиспетчеры FAA[8] в аэропортах Кеннеди и Ла-Гуардиа позволили реактивному авиалайнеру совершенно случайно въехать в небоскрёб в центре Нью-Йорка. Плотность обзорных РЛС и пунктов управления воздушным движением в Нью-Йорке была огромна. Значит, речь не могла идти о простом несчастном случае.

А вот непростой и не случай — это совсем другое дело. Скверное дело. Вану когда-то пришлось провести долгие нервозные выходные на кон-

---

[8] notes: 8
Федеральное авиационное агентство США.

ференции FEMA[9], слушая, как парни из отдела информационной войны расписывают кромешные ужасы, какие может натворить «противник», захватив федеральную систему управления воздушным движением.

Люди, которые занимаются информационной войной, принадлежали к числу самых нелепых типов, каких только знал Ван, потому что на свете нет такой штуки, как «информационная война». Их тактические приёмы были высосаны из пальца, как и противники. Было в них что-то из разряда готического фэнтези. Они походили на черную стаю воронов рока над полем боя — прямо из толкиеновского «Властелина колец». Ван с трудом мог заставить себя воспринимать их всерьёз — ему достаточно было реальных проблем с информационной безопасностью, от вирусов до малолетних хакеров.

Но одна фраза ему тогда врезалась в память. Взвинченный очкарик ботанской наружности с упыриным восторгом расписывал, как любой самолёт в небесах Америки может «превратиться в летающую бомбу».

Системе управления воздушным движением

---

[9] notes: 9
Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям.

принадлежала своя компьютерная сеть федерального размаха — одна из мощнейших и старейших в стране. Попытки её заменить не раз кончались пшиком. Парни из РАА пользовались примитивными, старомодными ЭВМ семидесятых годов выпуска — потому что те были куда надежнее современных. При упоминании о компьютерных глюках авиадиспетчеров пробивало на чёрный юмор. Для них подвисший компьютер равнозначен был упавшему самолёту. «Аварийной высадке без посадки». «Дюралевому дождю».

Теперь, понял Ван, «дюралевый дождь» пролился на высочайший небоскрёб Нью-Йорка.

Это никуда не годится. Совсем никуда не годится.

Ван медленно перевел дух. На экране царил кромешный ад, но программист был к нему готов. Он уже однажды пережил ад в своем воображении. В 1999 году «Мондиаль» растратил больше 130 миллионов долларов на борьбу с «ошибкой-2000», и эксперты по информационной безопасности тогда твёрдо уверяли, что иначе планета развалится. Ван тоже в это верил. Потом ему было очень стыдно. То, что компьютеры по всему свету не отключились разом и мир не преобразился в одну ночь в мрачные пустоши

из «Безумного Макса», стало для Вана персональным унижением.

По крайней мере, борьба с «ошибкой-2000» помогла подкормиться толпам старых программистов, так и не скопивших себе на пенсию.

В канун года 2001-го Ван дал себе зарок никогда больше не паниковать. Поэтому он пытался унять сердцебиение, глядя, как полыхает на телеэкране пробитый насквозь небоскрёб. Мысли его уже обгоняли события. Мозг переключился на десятую передачу.

«Успокойся, — приказал себе Ван. — Остынь. Подумай».

Покуда не зазвонит телефон — ничего действительно серьёзного ещё не произошло. Поток е-мейлов от самых подозрительных и склонных к паранойе знакомых — это ещё ничего не значит. Интернет-форумы — не более чем предохранительные клапаны, где болтуны могут выпустить пар. А вот номер своего домашнего телефона Ван не давал почти никому. Если этот телефон зазвонит, значит, случилась большая беда.

Если телефон не зазвонит, то, наверное, Дотти вообще не стоит ни о чём говорить. Пусть она будет счастлива. Пусть Тед будет счастлив. Господи, пожалуйста, пусть только все будут счастливы.

Какое солнце за окном. Как красиво зеленеет дуб на лужайке перед домом. Такой прекрасный день…

Оп-паньки. А вот и второй.

ГЛАВА 2

Нью-Джерси — Калифорния, 11-14 сентября 2001 года

Воздушное движение пресеклось. Ван жил теперь в мире без самолётов. Карточки «постоянного путешественника» превратились в бесполезный пластик.

Вот теперь Ван понял, за каким чёртом купил себе спортивный «рейнджровер».

Ван вскарабкался в кабину припаркованного, как обычно, у бордюра, «ровера» — в старинном особняке гаража не имелось. Отъехав с полмили от городка, он оставил машину на огромной автостоянке на месте бывшего выгона, торопливо просочился сквозь бурые плексигласовые двери и разграбил свою лабораторию. Сотрудники вопросов не задавали — ни зачем Вану понадобилось столько хардвера, ни куда он с ним намылился. В мондиалевских лабораториях дружба Вана с федералами незамеченной не оставалась.

Настроение в лаборатории было нервозным до истерики. Во Всемирном торговом центре «Мондиаль» потерял один из филиалов. Хотя

большая часть персонала успела эвакуироваться из горящего здания, двое человек остались погребены в пирамиде обломков. Узнать, что твои коллеги погибли ужасной смертью по вине террористов, — уже скверно, но физический ущерб телекоммуникационным сетям «Мондиаля» был нанесен просто чудовищный. Когда рухнули два высочайших здания на Манхэттене, микроволновая связь в Нью-Йорке получила удар под дых.

Оптоволоконные кабели толщиной в руку, надёжно укрытые в подвалах ВТЦ, теперь рвались, горели, тонули в нечистотах. Осыпавшиеся с падающего небоскрёба обломки раздавили телефонный коммутатор за квартал от места катастрофы. Сотовые ретрансляторы остались похоронены в руинах. Дозвониться по мобильнику удавалось один раз из двадцати. Стационарные телефоны оказались перегружены бесчисленными вызовами.

Полиция, федералы, журналисты, даже профессиональные сисадмины поневоле перешли на пейджеры. Телефонные компании города воем выли, требуя дополнительного оборудования, новых рабочих, временных разрешений от Федкомсвязи, покуда аварийки пробирались в объезд закрытых мостов и заваленных обломками и

пеплом улиц.

Более страшной аварии Ван припомнить не мог за всю свою карьеру. Дело было не только в том, что пострадала его компания. Совета требовали федералы — кто по е-мейлу, кто факсом, кто по телефону. Множество федералов. Закон и порядок, военные, аварийные службы. Звонили из контор, о которых Ван никогда прежде не слыхивал — а ему приходилось слышать почти обо всех федеральных службах. Будущее Вана болталось на дымном ветру, точно выбитая обгорелая оконная рама.

Паники Ван не испытывал. Он ощущал в себе мрачную самоуверенность. Гибли полицейские, гибли пожарные, но Дерек Вандевеер был ещё жив и не собирался накрываться ветошью. Он отчётливо осознавал, что сегодня судьба его переменилась кардинально и отныне его услуги потребуются не там, где раньше. Всё переменится. Всё станет страшней, суровей, мрачней и опасней. Ему просто нужен был совет — добрый верный совет, и всё. Капля истинной мудрости, в которой не будет подвоха. Точка зрения, на которую можно будет встать и которой стоит держаться.

Вот поэтому — по причинам глубоко личным

— неодолимая сила гнала Вана из Мервинстера, штат Нью-Джерси, в Бербанк, штат Калифорния.

Дотти его понимала. Она даже не спрашивала ни о чём. Когда телеэкран заволокли клубы мерзкого черного дыма, Дотти впала в деловитое забытье. Ясные очи за круглыми очочками остекленели. Она торопливо собрала свой чемодан, детские вещи и даже дозвонилась до няньки Хельги.

Ван взял с собой три компьютера, лэптоп, принтер, три ящика с инструментами, восемь аккумуляторов, пять мобильников и спутниковую антенну. Он заплатил за свой внедорожник шестьдесят тысяч, но объём багажника машины составлял шесть с половиной кубометров, и сейчас наступил звездный час «рейнджровера». Задние сиденья Ван тоже снял, а вместо них бросил футон[10] из лаборатории. Чем бы ни пришлось ему заниматься в ближайшем будущем, Ван был уверен, что времени на сон у него будет немного.

Волочь за собой Хельгу до самой Калифорнии Вану вовсе не улыбалось. Молоденькая и симпатичная европейка воспринимала Штаты как

---

[10] notes: 10
Японский хлопчатобумажный матрас.

один большой Диснейленд, где милые немолодые мужчины осыпали ее подарками. Столкновение с настоящим террором привело ее в ужас. Забираясь в «рейнджровер», Хельга жалобно всхлипывала и никак не могла унять слёзы.

Ван был отличным водителем. Дотти вела машину аккуратно и по всем правилам. Хельга по молодости лет водила машину так скверно, что ей даже международных прав не дали. Но Ван всё равно усадил ее за баранку — чтобы отвлечь от рыданий.

Под мишленовские шины ложилась миля за милей. Дотти баюкала малыша Теда и пыталась подремать сама, чтобы не клевать носом, когда придет ее черёд сесть за руль. Заснуть толком ей не давали. Снова и снова принималась визгливо пищать «моторола». Бостонские аспиранты воспринимали Дотти как хозяйку гнезда: только она одна во всей лаборатории знала, где лежат маркеры и куда засунули банку с сухим молоком.

Вану никогда прежде не доводилось слышать, чтобы Дотти общалась с коллегами так долго и тесно: всё время их семейной жизни она, как правило, старалась избавить его от подобных испытаний. Вану было немного стыдно, что он никогда не был для Дотти покорным мужем.

Двоим работающим супругам не приходилось жертвовать карьерой ради друг друга. Каждый настолько уважал таланты и устремления другого, что, когда обстоятельства требовали от одного из них жертв, они просто нанимали жертвой третьего и платили ему зарплату.

На шоссе 1-470 близ Колумбуса, штат Огайо, у Вана зазвонил третий мобильник: в двух первых уже сели аккумуляторы.

— Вандевеер слушает.

— Ван, это не атака со взломом.

Голос был Вану знаком: не речь, а рык. Так мог бы изъясняться Орсон Уэллс с техасским акцентом. Голос исходил из самой глубины внушительного брюха.

Вану хорошо был знаком голос Джеба, но теперь, после падения башен, в нём появились новые нотки.

— Откуда ты знаешь? — поморщился Ван, пристроившись по-турецки на сложенном футоне. — Уже проверили логи диспетчерских?

— «Аль-Каеда» не пыталась хакнуть диспетчерскую. Мозгов не хватит. Это была атака камикадзе. Самая большая в истории.

Ван попытался себе это представить: как фанатичные мусульманские террористы направ-

ляют самолёт в многоэтажную башню. Картина казалась ему нелепой: как в скверном фантастическом триллере, которому одна дорога — на большой экран. Но если Джеб утверждает, что это правда, Ван готов был принять гипотезу за рабочую. У Джеба были лучшие источники информации.

Ван прокашлялся.

— Как это им удалось?

— Захватили кабину, угрожая резаками для картона. А пилотов-самоубийц, похоже, тренировали на компьютерных играх.

— То есть эти ребята снесли два небоскрёба ножиками? И Пентагон?

— Такие дела, Ван.

— С ума они посходили? — вспыхнул Ван. — Чтоб им сдохнуть!

— Ты ещё самого весёлого не слышал. Четвёртый самолёт не долетел до Белого дома. Это была их последняя мишень. Экономическая, военная и под занавес — политическая. А не долетел он потому, что пассажиры набросились на террористов. Родственники дозвонились до кого-то по мобильному. — Джеб понизил голос. — Так оно будет и впредь, Ван. Телефоны против ножей. Наши сети — против их культа смерти. И до по-

бедного конца.

От бешенства у Вана кровь стучала в ушах.

— Тогда хорошо, что этим ребятам нравится умирать.

— Ван, ты мне нужен в команде. К тебе уже обращались?

— Ага, все, — выпалил Ван, не подумав.

После катастрофы Джеб подсуетился первым, но с тех пор Вана пытались переманить в ФБР, в департамент коммерции, в канадскую разведку, в Административное и бюджетное управление, в несколько подразделений ВВС, о которых Ван прежде никогда не слышал, и даже в Палату мер и весов.

— Разошлись охотники за головами, — согласился Джеб добродушно. — Где они все были, интересно, покуда жареный петух не клюнул?

Ван промолчал. Джеб оказался первым полицейским, который отнесся к способностям Вана серьёзно и деловито. Киберкопы в Калифорнии — что муниципалы, что штатовские — настолько потеряли нюх, что завели собственные фидошные группы. Насмотревшись на героических кульхацкеров старшего школьного возраста, полицейские из Силиконовой долины начинали думать, что «всё это очень мило»… но когда Ван

натолкнулся на Джеба, жизнь молодого программиста перевернулась в одночасье. Наивный студент, питавший сугубо интеллектуальный интерес к вопросам информационной безопасности, повстречался нечаянно со знатоком из знатоков.

Джеб буквально за шкирку втащил Вана за кулисы. Тот и оглянуться не успел, как оказался зачислен на специальные секретные курсы в Федеральном центре тренировки правоохранительных органов и «Квонтико»[11], где взмокшие, запыхавшиеся спецы из оперативных комбезгрупп проводили оперативные разборы. Джеб показал Вану нутро своего ремесла, ввёл в курс, распропагандировал и втянул. Он показал Вану истинное лицо федеральных информационных технологий: чудовищное, только сверхдержаве доступное и посильное недоумие. «II… ц под контролем». И если при всем бардаке страна оставалась сверхдержавой — то лишь благодаря таким парням, как Джеб.

— Мы в «бэкапках», — пообещал Джеб, — знаем что делаем. В виде исключения.

— Джеб, по этому вопросу мне требуется консультация.

---

[11] notes: 11
Ученый центр Корпуса морской пехоты США.

Ван виновато покосился на переднее сиденье. Судя по убитому взгляду, Дотти прекрасно поняла, о чём идет разговор. Дотти знала о существовании Джеба и его мирка. Но она была не консультантом, а пострадавшей. Такими глазами она могла бы смотреть из шлюпки «Титаника», " как скрывается в ледяной чёрной воде ее оставшийся на борту муж. Вану никогда не удавалось обмануть жену в чём-то действительно серьёзном. Коэффициент интеллекта Дотти достигал 155.

Кроме того, Нью-Йорк горел.

— Я помню твоего отца, Ван, — промолвил Джеб. — Его два раза упрашивать не приходилось.

— Я же сказал: мне нужно трое суток, чтобы принять решение.

— Ну, когда примешь — позвони мне, Ван. Я буду здесь, в пределах Окружной[12].

Джеб повесил трубку.

Ворочаясь в багажнике среди отключенных компьютеров, Ван с тоской пытался вспомнить минуты в своей жизни, когда ему приходилось испытывать ужас. Выходило, что вспомнить ему нечего. Ему доводилось бывать в самых странных

---

[12] notes: 12

Магистральная окружная дорога в Вашингтоне, округ Колумбия; американская МКАД.

ситуациях. Ван честно мог заявить, что побывал под огнем. Он выступал в роли штатного эксперта по информационной безопасности от крупной и безжалостной корпорации. Он принимал участие в пяти рейдах совместных групп федеральных и местных следователей против хакеров. Американские киберкопы предпочитали брать на место как можно больше народу — чтобы прочим, не столь продвинутым полицейским стало ясно, что и запершийся в спальне мальчишка может совершать преступления. Поэтому Вану приходилось наблюдать, как накачанные парни из Секретной службы в кевларовых жилетах и кроссовках с кисточками топочут по дому, пугая пистолетами родителей злоумышленника, и без того немых от ужаса.

Ван обыкновенно сосредоточивался на том, что таскал принятые по описи некондиционные запчасти к крутому компу малолетнего негодяя в белый грузовичок «шевроле». Эта часть операции ему нравилась. А особенно — выражение на физиономии программиста-самоучки, когда тот понимал вдруг, что ничего не знает о людях, которые на самом деле владеют и правят Интернетом.

Среди преступников хакеры считались ещё

интеллектуальной элитой, но и среди них попадались чёрные овцы. Юные кульхацкеры были всего лишь мелким неудобством, но в той же среде вырастали полноценные негодяи и воровали уже по-взрослому. В таких делах совет Вана требовался часто. О манере программирования русских хакеров Дерек Вандевеер знал больше, чем стоит знать человеку. Вьетнамские банды похитителей микросхем тоже были не сахар. Уголовное семейство чокнутых олухов из Западной Виргинии годами паразитировало на «Мондиале» — милями воровало медные телефонные кабели и продавало как цветной металл.

При мысли о судьбах и жизненных ценностях этих людей у Вана во рту появлялся привкус батарейки. Ван никогда не размышлял глубоко о морали, законности или философии, но зло он чуял и без того. Копы это понимали. Копы считали Вана порядочным парнем. Они ставили ему пиво. Они серьёзно воспринимали всё, что он рассказывал им об информационной безопасности и экспертизе программного обеспечения, и следовали его техническим советам. А советы и программки Вана неплохо помогали копам. Следствием становились аресты и приговоры. Копам это нравилось.

Полицейские вились вокруг него так часто и густо, что Ван обучился их особому языку. Ему даже нравилось, как они обходятся без экивоков. Когда человек служит в полиции, некая раздражающая деликатность у него отмирает очень быстро. После событий утра 11 сентября Ван осознал почему. Самый масштаб случившегося освободил его от навязчивых сомнений и колебаний.

Озвучить вслух свой новый взгляд на мир Ван не был готов. Пока он искал места в мире грядущем.

Он глянул на жену. Дотти одной рукой придерживала спящего Теда и телефон. Головка малыша подпирала оправу ее очков. Ван тащил жену через всю Америку — от моря до светлого моря, — и Дотти не могла даже объяснить друзьям, почему уехала, или куда, или зачем.

Потому что это была тайна.

Дотти понимала, что такое государственная тайна, — она, в конце концов, вышла замуж за одного из Вандевееров. Она встречалась с отцом Вана, с матерью, даже с дедом и сошлась с ними ближе, чем это у самого Вана получалось. Женщины в семействе Вандевееров всегда понимали суть государственной тайны, хотя их мужчины никогда не посвящали в нее жён.

Но за десять лет семейной жизни Дотти не приходилось лицом к лицу сталкиваться с серьёзными проблемами безопасности, как это происходило сейчас. Полицейских Дотти ещё могла терпеть: с ними она была неизменно очень вежлива. Дотти никогда не уходила от налогов и не нарушала ПДД. Для собственного душевного спокойствия она прочитала свод законов штата Массачусетс. И штата Нью-Джерси.

Шпионов секретность затрагивала куда сильней, чем полицейских. Порою мир разведки затрагивал Вана лично. Информационная война и информационная безопасность всё больше и больше становились шпионскими игрушками. АНБ всегда обожало компьютеры, да и остальные спецслужбы обнаруживали потихоньку, что современная техника — это круто. Лично Ван никогда не напрашивался служить в разведке, но с её потаенным миром было связано немало его знакомых. И они преображались на глазах, как в сериале «Баффи». Полицейских работа меняла. Шпионов — переделывала. В полном одиночестве, дома, в тёмной и жаркой комнате может дремать разведчик, а из-под простыней всё равно будет сочиться струйками стылая мгла, как от куска сухого льда.

Теперь государственная тайна подминала под себя Дотти прямо у Вана на глазах.

Вану казалось, что жизнь его проваливается в мрачную пещеру, кусок за куском. В раздражении он уставился на мелькающие за окном удручающе обыденные пейзажи Огайо. Его ломало без е-мейла. А в «ровере» электронная почта была для него недоступна. Вот когда они оба выйдут в онлайн, решил Ван, надо будет послать Дотти утешительную записочку. Он любил жену, но по е-мейлу им было общаться удобнее всего. По е-мейлу Ван впервые пригласил ее на свидание. По е-мейлу они работали и сверяли графики. Бывало, что, проживая в одном доме, они посылали друг другу электронные письма через обеденный стол. По е-мейлу они договорились завести ребенка. И сейчас по е-мейлу обсуждали, а не завести ли второго.

Ван упрямо взгромоздил компьютер на складную подставку, примотав ее пластиковой оплёткой к полу. Поскольку заднее сиденье осталось в Нью-Джерси, в «рейнджровере» стало просторно, у аспирантов кабинеты примерно такого же размера. Ван рассудил, что сейчас, когда трубы и антенны Манхэттена сотрясает кризис связи, физического отсутствия вице-президента на

работе никто не заметит, если только он будет круглосуточно доступен через Интернет.

Программированием Ван зарабатывал себе на хлеб. Сращивать вручную аварийные кабели ему бы в голову не пришло, хотя он и знал, как это делается. Сейчас в дымящемся Манхэттене инженеры «Мондиаля» пытались перенаправить звонки на тысячи местных номеров с разбитого и обгорелого коммутатора на оборудование третьих фирм в Квинсе и Хакенсаке. У Федкомсвязи уже начиналась истерика, так что на странный эксперимент было дано добро.

Ван прекрасно знал, что мондиалевские алгоритмы трассировки не рассчитаны на портировку такого количества местных номеров. Он знал, что портирующая подпрограмма начнёт глючить. Самыми неожиданными способами. Возможно, он успеет понять, где кроется ошибка и какая. И сообразить, каким способом ее выправить. Нетривиальное программирование подобного рода, в страшном цейтноте, доступно очень немногим специалистам. Лучшей услуги своей фирме в трудный час Ван предложить не мог.

Но чтобы несчастные сослуживцы могли до него добраться, Вану требовался быстрый и ширококанальный доступ к Интернету на про-

тяжении всего пути через Америку. Звучало это просто. А было — сложно. До невозможности. Большая часть Восточного побережья имела плотное покрытие, если не считать полыхающего нынче Нижнего Манхэттена. Если бы Ван отзвонил заранее и напомнил кое-кому о старых счетах, он мог бы, заезжая в университетские городки и компьютерные центры, подключаться к сверхбыстрой сети «Интернет-2». Ван относился к числу ветеранов совтехконференций — камарилье ботанов и зубрил, создающих Интернет нового поколения. Сисадмины «Интернета-2» принадлежали к его кругу знакомств.

Прежде чем «Мондиаль» сделал ему деловое предложение, Ван преподавал в Стэнфорде, и Западное побережье было ещё снисходительней к нему и его цифровым нуждам. Попадались острова продвинутого техномыслия в таких местах, как Остин в Техасе и Мэдисон в Висконсине. Но здесь, на землях, доступных лишь «рейнджроверу», от Интернета оставались рожки да ножки. Ван пересекал Америку с двумя женщинами и ребенком на буксире — а Соединенные Штаты огромны. Программист много раз летал с одного побережья на другое, но в первый раз — ехал. Он даже не представлял, что в CUJA остались такие

просторы лишённой Интернета глухомани.

Мобильники можно было использовать для подключения — в некотором роде. Дотти жалобно тыркала штеккер своей «моторолы» в лэптоп, запитав его от прикуривателя. Одно-два письма по электронной почте таким образом ещё можно было принять, но Ван понимал слово «доступ» несколько иначе. Для него мобильник представлял собой что-то вроде мятного леденца. И даже на крупнейших трассах Америки, утыканных башенками «сот» от берега до берега, в этих леденцах проглядывали слишком большие дырки. Любая лощина-и нет коннекта.

Лэптоп с «беспроводной» Wi-Fi-связью работает только в зонах Wi-Fi-покрытия. Поперечником в пару сотен ярдов каждая.

Вану оставалось искать выход только в одном направлении — вверх. Спутники висели прямо над головами. Интернет с далёких планет. Последний Фронтир. До сих пор Вану не приходилось пользоваться сателлитным соединением. Он знал, конечно, что бывает и такое, но заниматься извращениями не находил причины. В кабинете у него проведен был ширококанальный «Интернет-2», а дома — два выделенных кабеля на полтора Мбит/сек. каждый.

Приходилось, однако, подлаживаться к реальности. Космос так космос.

Дотти понимала это и не мешала мужу работать. В доступе к Сети она нуждалась почище Вана. Астрофизики относились к числу самых прожорливых в мире потребителей интернет-доступа. Если астрофизик собирается переслать кому-то «файлик», будьте уверены: он имеет в виду гору данных для симуляции, допустим, всей атмосферы газового гиганта размером с Юпитер. Астрономы нуждались в широкополосном доступе так отчаянно, что готовы были подписаться на любую схему, лишь бы заполучить его, — даже и самую жульническую. Только астрономам могла прийти в голову мысль соединить миллионы принадлежащих добровольцам компьютеров в единую сеть, чтобы прочесывать радиоголоса галактики в поисках сигнала от пришельцев.

Ван старался как мог: это было дело семейное и вопрос профессиональной гордости. В приступе неуместной корпоративной лояльности Ван утащил из лаборатории сателлитный комплект «Космобэнд» мондиалевского производства. Поскольку данный продукт поступил в открытую продажу и не требовал технического обслуживания для клиентов «Мондиаля», Ван предположил,

что сможет просто подключить антенну к компьютеру — и всё заработает.

Оказалось, что «Мондиаль» врал всему миру сквозь зубы.

Компьютеры Вана работали — все три. Локалка после некоторых усилий тоже заработала. Аккумуляторы работали, пока заряд не кончался. «Космобэнд» делал вид, будто прилетел из далекой-далекой галактики.

«Космобэнд», как большинство коммерческих сателлитных компаний, перебивался с хлеба на воду. К несказанному изумлению наивных вкладчиков, фирма успела потерять несколько сот миллионов долларов. Эскадрилья второсортных спутников едва удерживалась на краю атмосферы, побираясь по вторичным рынкам и подрабатывая метрологией и слежением за большегрузными автомобилями.

Компанию-подранка «Мондиаль» захватил в одном из легендарных приступов корпоративной жадности. Проблем от этого не убавилось. Руководство «Мондиаля» свое новое приобретение игнорировало, поскольку курс акций «Космобэнда» расти не собирался. Первоначальный состав технического отдела разбежался. Осталась лишь горстка дешевых прохиндеев. Свой так

называемый «Интерпланетарный Интернет» они рекламировали крошечными объявлениями на задних страницах обложек «Популярной механики» и «В мире науки». Гарантий на «Космобэнд» не давали, на звонки в сервисный отдел не отвечал никто и никогда, а написанные левой ногой старые драйвера плохо совмещались с новыми продуктами от «Майкрософта».

Ван поначалу собрался пробить в крыше «ровера» здоровенную дыру, чтобы установить тарелку «Космобэнда» на штативе. Дотти, которой машина нравилась, наложила вето, и не зря — идея была бестолковая. В движущейся машине спутниковая антенна всё равно была бесполезна. Малейшая выбоина или камушек на дороге сбивали ориентацию тарелки.

Поражаясь собственной дурости, Ван принялся изучать справочник пользователя, скверно отпечатанный в далекой Корее. Малыш Тед пачкал подгузники и визжал так, что сотрясались дверцы. Никто не мог объяснить бедолаге, с какой стати он должен провести сорок четыре часа и тридцать девять минут пристегнутым к патентованно безопасному креслицу. Из благополучного дитяти малыш превратился в жертву садистских игрищ с бондажом и орал по этому поводу во

всё горло.

На темной бензозаправке близ Спрингфилда Дотти накачивала арабский бензин в столитровое брюхо «ровера», стиснув хрупкими руками ребристый пистолет. Ван с некоторым испугом ступил на асфальт штата Миссури. Он пролетал над этими местами десятки раз и ни единожды не коснулся земли. Но даже в Миссури имелись кока-кола и бензин. И придорожный супермаркет с отличным видом на горизонт. А на задней стене супермаркета имелись заземлённые розетки. Никто не приглядывал за желающими отсосать немного электричества. Так что и в Миссури была жизнь.

Капризный малыш, хмурая Дотти и сонная Хельга скрылись внутри в поисках уборной, вяленой говядины и шоколадных батончиков. Ван загнал «ровер» в дальний угол бетонированной стоянки между ржавым мусоровозом и канализационным люком, выволок из машины пластиковую сателлитную антенну и клубок разноцветных проводов, включил адаптер в розетку и нацелил «тарелку» в облако мошкары вокруг уличного фонаря.

Проезжающие мимо машины сигналили — скептически настроенные жители Миссури

посмеивались над Ваном и его нелепой штуковиной. Переносная интернет-антенна «Космобэнда» была похожа на полурастаявшую доску для сёрфинга на хромированной табуретке. Взрослый человек, бороду отрастил, а мучает реквизит из «Звездных войн».

Трясущимися с отвычки руками Ван включил наводку. Антенна застонала и неохотно зашевелилась. А потом с тупой механической неохотой дала коннект.

Мишень антенны была пыльной, старомодной и недоиспользованной. «Рейнджровер» Вана превосходил ее размерами раз в пять. И болталась она в двадцати трех тысячах миль над Землей.

Ван торжествующе вытянул с небосвода первое письмо.

Появилась Дотти.

— Милый, шербету не хочешь?

— Не-а.

Она глянула на сплетение кабелей.

— Уже можно подключаться?

— Ага. Прямо по локалке.

Дотти просияла:

— Дерек, это же замечательно!

Покуда «ровер» мчался дальше, Ван прочитал свежую почту. Потом они остановились ещё

раз, он выволок антенну и скачал с нескольких внутренних веб-сайтов «Мондиаля» материал для работы. Сражался с глючным кодом маршрутизатора. Плюнул в небо потоком электронных писем. И всё по новой. И по новой. Под звёздами и на заре. Подремал на футоне. И по новой.

Когда они добрались до Бербанка, за рулем сидел Ван — единственный, кого не сморил сон. График они обогнали на шесть часов, пересекли четыре часовых пояса и превысили допустимую скорость в восьми штатах.

ГЛАВА 3

Бербанк, штат Калифорния, 14 сентября 2001 года

Найти дорогу через Бербанк Вану удалось без всяких проблем, если не считать цепенящей усталости и нестихающего зуда под пропотевшим бельем. Он немало времени провёл здесь с дедом — на каникулах и по выходным.

В свое время — после женитьбы на второй бабушке — Элмер Вандевеер, более известный как Чак, купил загородный дом в предгорьях, невдалеке от поместья Рональда Рейгана. С этим маленьким ранчо связаны были самые счастливые детские воспоминания Вана. Он с восторгом падал с лошади, поджигал тюки сена и постреливал по крысам и кроликам из мелкашки.

Дед Чак принадлежал к числу ведущих специалистов по аэродинамике. К своему игрушечному ранчо он относился точно к важному проекту: лихорадочно вкапывал столбы, деловито колол дрова. Настоящим домом для деда, предметом глубочайшей его страсти, местом, где он проводил всё своё свободное время, был двухэтажный

бетонный бункер без окон на окраине городского аэродрома. Туда, в обитые свинцовым листом комнаты, часто заглядывали высокие чины ЦРУ и ВВС.

Дед работал в локхидовской «шарашке».

Со времен Ванова детства, которое пришлось на семидесятые, городок Бербанк разросся, пожрав окрестные апельсиновые рощи и распростёршись на соседних холмах, но обсаженные пальмами улицы близ аэропорта ещё казались смутно знакомыми. Ван подозревал, что сам он изменился ещё более радикально, нежели город. Из косноязычного мальчишки с леденцом, жуткой аллергией и моделькой «крестокрыла» из «Звёздных войн» он превратился в молчаливого, рослого, бородатого, изрядно пропотевшего программера в черных очках.

Что-то было не так. Ван растерянно потыкал пальцем в блок GPS. Адрес он ввел правильный, но совершенно не узнавал окрестностей. Ничего похожего на дом престарелых рядом не наблюдалось.

В истерическом неистовстве дот-комовского[13] бума Ван почти перестал навещать деда

---

[13] notes: 13

Дот-комы расхожее название компаний, занятых электронным бизнесом.

они не виделись чуть не с тех времён, когда Ван покинул Стэнфорд. Дом престарелых — место безрадостное. Звонки, е-мейлы, цифровые открытки на Рождество, оцифрованные фотографии малыша — вот, собственно, и всё, что связывало его с дедом Чаком. Но теперь блок спутниковой навигации привел его в совершенно неведомые края на крыльцо частного дома-двухсемейки с наскоро оштукатуренным фасадом.

Хуже того — по местному времени было только 6.17 утра. Ван затормозил у нестриженного газона на обочине, выбрался из машины и тихонько, чтобы не разбудить дремлющих домочадцев, прихлопнул дверь. Потом потянулся. Скрюченный позвоночник хрустнул в трех местах. Перетянутые сухожилия на запястьях ныли.

Чувствуя себя нелепо и неуместно, Ван подошел к калитке. Квартира А принадлежала «С. Чану», жильцом квартиры В значился «Дж. Шринивасан». Выходило, что Ван примчался сломя голову в Калифорнию, чтобы вместо деда столкнуться с двумя иммигрантами. А другого адреса у Элмера Вандевеера не было.

Ван уныло обдумывал следующий свой шаг. На Восточном побережье уже начало девятого: можно было позвонить матери в Джорджию и

спросить, не знает ли она чего-нибудь о таинственном дедовом исчезновении. С отцом Вана мать давным-давно развелась и нашла свое счастье в лице благородного южанина, дантиста по профессии, от которого ей не приходилось претерпевать несказуемого обхождения, как от Ванова отца.

Объясняться с матерью Ван никогда не любил — но телефону или без. Ван и его родительница жили в разных мирах. Ван — в своём, основательном и серьёзном, она же — в каком-то безалаберном. Даже если она старалась выслушать сына с самыми лучшими намерениями, то почему-то всегда обижалась.

Звонить отцу было совершенно немыслимо. Ван не знал не только его номера — он не знал даже, есть ли у отца телефон или дом. Они не просто не общались — им нечего было сказать друг другу.

Во всяком случае, Ван не собирался обращаться в отдел пропавших городского управления полиции. Копы начнут с того, что обратятся к базе данных Национального управления картографии, а инженер, который проектировал секретные самолёты-шпионы, пускай даже двадцать лет тому назад, не тот человек, которому позволят

просто так пропасть. Начнется кавардак.

Можно было попросить о помощи Джеба. В мире федеральных баз данных Джеб знал каждую собаку. Джеб в буквальном смысле слова закладывал для них фундамент. Но Джеб будет вне себя, что его звездный протеже потерял собственного дедушку и не смог найти.

В конце концов Ван решился на взлом. Рискованно и, скорей всего, глупо, но хотя бы практично. Угрызений совести он при этом испытывал не больше, чем когда вламывался в дом к мирно дрыхнущему семейству очередного малолетнего хакера. Вставало солнце, щебетали птицы, в округе царили тишина и покой.

Ван приоткрыл увитую бугенвиллеями ржавую железную калитку и на цыпочках прокрался по узкой, заросшей сорняками дорожке мимо влажных от росы розовых клумб. Может, найдётся незапертая дверь в этом доме? Или окно, открытое свежему калифорнийскому ветерку. Хоть какой-нибудь вход. Любая системная уязвимость, которая поможет близорукому толстеющему программисту шести футов ростом незаконно вломиться в дом к совершенно незнакомым людям. Да что он — совсем ума лишился? Каким местом он думал только что? В любой момент

Ван ожидал белой вспышки датчика движения. Заполошного лая добермана. Щелчка, с каким взводят курок.

Он осторожно заглянул в зарешёченное окно через раздвинутые шторы. В квартире Шриниваса можно было наблюдать пёстрые ковры, ширму сандалового дерева, плетёную кушетку и пышные разноцветные подушки на ней, выключенный телевизор. На дальней стене висел портрет покойного хозяина дома в рамке, обрамлённой пыльными желтыми гирляндами.

Пытаясь справиться с отчаянием, Ван протёр солнечные очки полою рубашки и пополз вдоль стены к следующему окну.

И тут он услышал голос.

Ван подлез поближе и заглянул в другое окно, замызганное и отпотевшее. Железная решётка заржавела, дешевый дюралевый подоконник погнулся. Комната за окном принадлежала ребенку — мальчишке, судя по небесно-голубому потолку и весёленьким обоям. С потолка на черных бечёвках свисал десяток запылившихся самолётиков — модельки истребителей Второй мировой: тут оскалившийся P-51 «Мустанг», там «мессершмитт» с черным крестом и алые точки на бортах «Зеро».

На столе красовался полный набор инструментов моделиста-конструктора: краски, кисточки, плоскогубцы, здоровенная лампа с увеличительным стеклом и клеевой пистолет странного вида. На угловатой стальной раме зажимами крепилась незаконченная модель.

Разговаривал леденцового цвета «макинтош». Ван недолюбливал «маки»: во-первых, потому что «Эппл» выпускал не серьёзные компьютеры, а красивые игрушки для художников, а во-вторых, потому что женский голос, которым «макинтоши» зачитывали сообщения, звучал до жути похоже на голос Дотти. Не обычный её голос, а тот, которым она, очень-очень недовольная, разъясняла мужу что-нибудь на пальцах.

«Макинтош» читал вслух текстовый файл. Вдоль стен, оклеенных выцветшими жёлтыми обоями в мелкую гоночную машинку, громоздились ряды белых каталожных ящиков. Многие порвались по швам, роняя па иол груды чертёжных синек.

Из ванной, шаркая затёртыми розовыми тапками, вышел Элмер Вандевеер, закутанный в голубенький махровый халат. С мучительной осторожностью он опустился на хромированный табурет и щёлкнул карамельной расцветки одно-

кнопочной «маковской» мышкой.

— Этап первый, — произнес «мак» женским голосом. — Прикрепить С-1 — приборную панель Г, и С-2 — приборную панель Я к А-1, верхней части фюзеляжа.

Дед поправил лампу, чтобы свет падал на рабочее пространство. Кусочки модели из серого пластика вытянулись густыми тенями.

Ван постучал в окно.

Без толку. Слух у старика совсем сдал. Как и зрение. От шевелюры остались редкие, нестриженые седые клочья. Тощие ноги ослабли. Могучая когда-то шея исхудала, согнулась; лицо, некогда круглое и румяное, побледнело, покрылось морщинами и печёночными пятнами. Ван смотрел не в окно, а на экран машины времени, обещавший ему мучительное будущее, полное коронарных шунтов, болей и таблеток от облысения.

Пошарив но вместительным карманам, Ван нашел лазерную указку и посветил алым лучиком в окно.

Старик заметил. Поднявшись с табурета, он проковылял к забранному решеткой окну. Ван помахал ему рукой.

Дед Чак отпер окно и потянул мокрую от росы раму. Дешевые петли заклинило. Ван поковырял-

ся в них швейцарским складным ножом. Окно приоткрылось дюйма на полтора. Два Вандевеера уставились друг на друга через решетку.

Как ты, сынок? — спросил старик. — Неплохо, дедушка. А ты?

— Неплохо — и не больно хорошо.

Дед нахмурился. Выглядело это впечатляюще — когда-то дед был большим начальником. Он отдавал приказы и знал, что их выполнят.

— Я знаю, зачем ты приехал, сынок, — промолвил старик, прищурив выцветшие глаза под набрякшими веками. — Из-за тех «боингов», что таранили небоскрёбы.

Верно, — сознался Ван.

— Так теперь ЦРУ просит тебя вернуться, Робби? Я всегда говорил, что этим шпикам придется за тобой побегать, а?

— Я не Робби, — сорвалось у Вана с языка. Робби — мой отец. Я Ван… то есть Дерек.

У старика отвисла челюсть.

— Малыш Дерек? Сынишка Робби? Дерек-программист?

— Да, дедушка. Федералы ко мне подъезжают. Предлагают работу в Вашингтоне.

Дед пригладил остатки волос бурой пятнистой ладонью.

— Ну тогда заходи лучше.

Ван потряс решетку. Держалась она слабо, на вбитых в штукатурку дешёвых шурупах. Пять минут работы электрической отверткой…

— Ты в дверь звонить пробовал? — терпеливо поинтересовался старик. — Госпожа Шринивасан, наверное, варит рис.

Ван отступил в беспорядке. Отряхнув росу со штанин, он позвонил в квартиру В. Открыла дородная тетка в гавайке, лиловых слаксах и резиновых шлепанцах.

— О! — воскликнула госпожа Шринивасан, окинув его взглядом. — Вы, должно быть, сын Чака. Он так много о вас рассказывал.

— Я его внук.

— Вы так на него похожи!

— Могу я поговорить с доктором Вандевеером? Это очень важно.

Хозяйка вежливо приоткрыла дверь пошире. Ван переступил через порог. На стене болтался глянцевый календарь с мультяшно красочной индусской богиней. В доме пахло благовониями, чаем «Липтон» и лавашом.

— Извините, что так… э-э… рано, пробормотал Ван.

— С ним совершенно никаких проблем, — ожив-

ленно болтала госпожа Шринивасан, проводя Вана через неопрятную гостиную. — Мы поселили его в бывшей комнате моего сына. Он бывает не в себе. Часто бывает не в себе, понимаете?

— Наслышан.

— А иногда он бывает такой упрямый… ваш дед.

Ван кивнул.

— Да уж.

— Только не позволяйте ему курить.

Госпожа Шринавасан выбрала ключ из связки, хранившейся на ее объёмистом бюсте, и отперла дверь.

В дедовой комнате пахло как на заводе пластиковых тарелок. Для сборки моделей старик пользовался горячим клеем — жутко вонючим. Хуже того, как-то раз он исхитрился поджечь матрас. На деревянной раме узкой кровати под смятыми простынями просматривался длинный обгорелый шрам.

Ван стиснул деда в объятиях. Старик похудел, сгорбился, обмяк от дряхлости.

— Малыш Дерек, — прохрипел он.

— Я сына привез, дедушка. Твоего правнука. Его зовут Тед. Он в машине, на улице.

— Ого. — Старик мирно взирал на него.

— Дед, мне нужен твой совет.

— Мой, значит, совет? Ну ладушки. — Старик примостился на своем табурете и с явным мучительным усилием положил ногу на ногу. — Выкладывай.

— Ты видел, что случилось в Нью-Йорке? И в Пентагоне.

— Я слушал по телевизору речь президента, — ответил старик, оживляясь. — Мальчишка молодец! Не то что его папаша! Старший Джордж Буш — он, бывало, заглядывал к нам в Пятьдесят первую зону, когда мы запускали «Дроздов». Это ещё когда он на компанию работал. «Пятьдесят тысяч долларов в час!» — кричал. Никакой фантазии! Счетовод! «Дрозд» мог из любой точки планеты в любой момент принести аэрофотоснимки! Высокого разрешения, каждый кадр — как простыня!

— Здорово.

— И ни единого пилота не потеряли!

— Точно.

— Из первых десяти пилотов «Дрозда» девять дослужились до генералов ВВС!

— Не спорю, дед.

— Шпионские фотографии — прямо на «кодак» снимали, каждый кадр размером со скатерть! И

всего горстка самолётов. Каждый вручную собирали здесь, в Бербанке!

Вану даже ответить было нечего. От усталости его пробила мерзкая дрожь. Он присел на край зловонной стариковской постели. Та хрустнула под ним, выбросив в лучи рассвета облако пыли.

— Он титановый! — Старик потряс клеевым пистолетом — огромным, блестящим, раздутым. Из короба торчали стабилизаторы, точно на бластере Флеша Гордона.

Ван навострил уши.

— Титановый?

Дед торопливо упрятал титановый бластер в ящик стола, но забыл выдернуть из розетки, отчего ярко-красный шнур, протянувшийся от стола к стене, превратился в готовый силок.

— Робби, если я ляпну что-нибудь такое, о чём болтать не стоит, ты лучше забудь. Ладно? Просто обо всём забудь. — Старик обвел взмахом руки горы коробок вдоль стен. — И на это всё не гляди.

Ван поглядел.

— А что?

— Они приказали нам уничтожить все бумаги. Избавиться от документации. — Боль в глазах старика была ещё свежа. — Вот что самое скверное, Робби: когда политики заставляют тебя жечь

твои чёртовы бумаги. — Он окинул взглядом оплывшие баррикады коробок. — Д-21, вот что это такое. Крылатая ракета, которую мы создали в шестьдесят третьем. Старина Келли Джонсон хранил все эти коробки у себя в гараже, в Аламеде. Полагалось их все сжечь. До последней синьки. В Аламеде-то! Да нас бы штрафанули — *загрязнение воздуха!* — Старик хрипло захихикал. — Нельзя же нарушать федеральные законы, правда? Экологи дымом подавятся! Старину Келли закатали бы в Ливенворт! Ха-ха-ха!

— А зачем уничтожать документацию? — напомнил ему Ван.

— Чтобы мы не смогли вытащить из нафталина Д-двадцать первые, когда в Белом доме сменятся хозяева. Сничтожить документацию, сынок, — это единственный способ убить секретную федеральную программу так, чтобы она из гроба не встала. Мы построили крылатую ракету за двадцать пять лет до е ё эпохи. Полсотни инженеров из «Локхида» и сотня рабочих в мастерской. Собственными руками отладили птичку. Четыре раза запускали над красным Китаем. На скорости

в три Маха[14]. Китайцы даже не почесались.

— И сработало?

— Радарная сигнатура — меньше, чем шарик для пинг-понга…

Старик внезапно потерял интерес к разговору. Он пошарил по халату в поисках нагрудного кармана, которого там не было. Ван узнал этот жест. Деду не хватало зажигалки и сигареты в руке. Курить он бросил двадцать лет назад.

— Всё заставят сжечь, ворчал он, продолжая поиски. — А потом дают за это медаль, которой нельзя похвастаться. Как там называются эти новые карикатуры? То есть комиксы. Смешные такие. Про инженеров.

До Вана дошло.

— «Дилберт»?

— Точно, эти самые! — Старик дошаркал до шкафчика, приоткрыл кривую фанерную дверцу — та скрипнула — и пошарил в груде одинаковых поло. Карманов, конечно, не было ни на одном. — Старина Дилберт. Так вот — в «шарашке» дилбертов не бывает. Потому что Келли Джонсон семи секунд не потерпел бы рядом идиота. Когда

---

[14] notes: 14

Число Маха отношение скорости движущегося тела к скорости звука в среде, в которой оно движется. «Три Маха» — втрое быстрее звука (в воздухе) или чуть меньше 1 километра в секунду.

Келли открывал рот, генералы ВВС прятались по бункерам — плакаться в тр ё хпроцентное пиво.

Дед Чак вытащил из шкафа рубашку и пару широких обвислых спортивных штанов. Потом осторожно присел на край узкой, вонючей койки и с ужасающей натугой надел, в конце концов, штаны — сначала одну ногу пропихал в штанину, потом другую. Колени его мучительно дрожали. Спина не сгибалась. Вану хотелось как-то помочь, но было в этой сцене что-то неприкасаемо интимное.

— Дед, федералы хотят меня загрести в этакую «кибершарашку». Крошечную. Очень секретную. Настоящая элита.

— Бюджет у них приличный.

— Ну, так они меня уверяют.

Соглашайся, — посоветовал дед, поправляя растянутую резинку па тощих бедрах. — Сынок, никогда не узнаешь, на что ты способен, пока не побывал в «шарашке». Если не облажаешься, «шарашка» поднимет тебя до небес. Настоящие новинки, сынок, прорывы в инженерном деле. Такие, что ни один конкурент не поверит. Такие, что конгресс, и тот не поверит. — Старик скинул халат и замер, полураздетый, ощупывая воротник рубашки. — Только враг тебе поверит. Враги

— они такие, доверчивые. Мы им даже программу «Звездных войн» впарили.

Ван никогда раньше не работал напрямую на правительство. Консультации давал пару раз — в качестве услуги Джебу и его приятелям. Но никаких официальных постов и, уж конечно, никаких денег. Пойти на работу к федералам с окладом и фиксированным рабочим временем было для него серьёзной морально-этической проблемой. Кроме того, платили федералы скверно. Если он перейдет в контору к Джебу, они с Дотти потеряют уйму денег.

— Мне придется уйти с нынешней работы. «Мондиаль» — прекрасная компания. Они строят будущее…

— Сынок… твоя страна просит помощи. Ты справишься.

Ван поразмыслил над его словами. Программиста удивило, что дед сомневается в его способностях. В общении с вашингтонскими аборигенами он себя чувствовал не слишком уверенно, но твёрдо знал, что в пределах специальности у него соперников немного.

— Справлюсь. Если кто и справится, то я.

— Кто начальником будет? Человек он хороший?

— Ну… это новая контора при… э-э… Совете по национальной безопасности. Группа советников СНБ и ещё один парень. Тот, который меня приглашает.

— Ты работаешь на самого президента?!

— Да, пожалуй… наверное. — Ван сморгнул. — Это всё софт.

Старик приладил на место отпавшую челюсть.

— Привыкнешь, сынок! Это расширит твой кругозор. Пойдет на пользу. Компьютерщики — все узкие специалисты. — Оплетенные венами пальцы свернулись в узловатый тяжелый комок. — А человек не должен слишком специализироваться.

Он перевел дух и, уставившись на стену незрячими глазами, прочитал по памяти:

— «Человек должен уметь: менять пеленки, спланировать десант, зарезать свинью, построить дом, написать сонет, вправить вывих, утешить умирающего, исполнять приказы, отдавать приказы, решать уравнения, ворочать навоз, составить программу, приготовить обед, сражаться умело и умирать достойно. Специализация — для насекомых».

— Кто это сказал? — поинтересовался впечатленный Ван.

— Великий американский писатель. Роберт Энсон Хайнлайн. — Старик слезящимися глазами уставился на светящийся экран «макинтоша». — Сейчас не выпускают его электронные книги? Что-нибудь такое, чтобы эта машинка мне их могла читать вслух. Я уже не справляюсь с мелким шрифтом.

— Я тебе достану, дед, — обещал Ван.

— Я пытался заставить Келли Джонсона почитать Хайнлайна, но Келли ничего после своих том-свифтовских книжек не читал. «Том Свифт и его аэроплан». — Старик фыркнул. — Келли Джонсон в двенадцать лет решил, что будет строить самолёты.

Двенадцать лет, подумал про себя Ван. Ему исполнилось двенадцать в 1981 году. Вану стукнуло одиннадцать, когда отец притащил домой его первый «коммодор» — Vic-20. В двенадцать лет он перебрал компьютер по деталям.

— Сынок, — прохрипел дед, — если возьмёшься работать на федералов, тебе и правда пригодится совет. Точно тебе скажу. И я тебе могу посоветовать кое-что полезное. Как правильно организовать «шарашку». Этому делу если раз научишься, то уже не забудешь. — Старик просветлел лицом, будто враз сбросил не один

десяток лет. — Правильно — это так, чтобы получить результат. Ты меня слушаешь, сынок?

Ван с серьёзным видом кивнул.

— Вот тебе простые вещи. Принципы. «Слушай» — вот первый принцип. Важней слушать своих сотрудников, чем ими распоряжаться. «Решай» — вот второй. Когда надо принять решение, делай это. Верное, неверное — потом разберёшься. А третий — «верь». Никогда не пытайся построить штуку, в которую не веришь. Потому что иначе, когда тебе урежут бюджет — а его урежут, — ты не сможешь с честными глазами послать ублюдков ко всем чертям.

— Это точно, — с признательностью заметил Ван. — Чистая правда.

— Сынок, государственные программы — они как люди. Они с возрастом в маразм впадают. Коснеют. Для «шарашки» это не годится. Надо работать быстро, тихо и вовремя. Три принципа у нас уже было — вот тебе три правила.

— Понял.

— Когда я говорю «быстро», это значит — в тесном кругу. Маленькая компания, лучшие спецы, и никого больше. В пятьдесят раз меньше народу, чем в обычной компании. Никаких длинных отчетов. Никогда не читай длинных

отчетов. А того, кто такой напишет, увольняй сразу. Никаких долгих совещаний. Надо, чтобы все работали одной командой, не отвлекаясь, только над проектом. Инструментов из рук не выпускать, от самолёта не отходить. Держаться проектного задания и не отступать. Только так можно добиться результата.

— Мне записать?

— Ты слушай внимательно, твою растак! Хорошие парни полжизни угробили, чтобы это узнать! Старик задохнулся. — Когда я говорю «тихо», это значит — без болтовни. Никогда не хвастайся тем, что делаешь. Никогда. Делай свое дело и не требуй признания. Если никто не знает, кто ты, никто и не проведает, чем ты занимался. Кроме врага, конечно. Дед расхихикался снова и закашлялся. — Русские спутники каждый день пересчитывали автомобили у нас на стоянке! Эти московские шпионы больше знали о моей работе, чем моя семья!

Наступила мучительная пауза. Так долго и откровенно Ван никогда прежде с дедом о работе не беседовал. Конечно, он с детства знал, что дед строит самолёты, но детали всегда заволакивало фамильное молчание Вандевееров.

Ван разглядывал желтые обои. Бумага отклеи-

валась от стены и рвалась.

— Моя вторая жена, правда, знала о моей работе, добавил старик, будто защищаясь. — Но Анджела была моей секретаршей! И третья жена — тоже. Ну, Дорис была не совсем секретарша… Дорис была агентом «Нортропа» по найму. — Старик вздохнул. — Не надо мне было переходить в «Нортроп», но кресло начальника «шарашки» забил за собой Бен Рич, а строить гражданские дозвуковики у меня никаких сил не было.

— Ты говорил про «вовремя», — напомнил Ван.

— Точно! Ты прав. Надо всё делать вовремя. Надо подключаться к работе, покуда у всех глаза горят! Прежде чем начнется бюрократия и за каждый цент станешь драться насмерть! Самое трудное — правильно время рассчитать, сынок. Надо знать, когда браться за работу. И знать, когда уходить.

Старик натянул наконец рубашку на костлявые плечи. От статического электричества редкие волосы его встали дыбом, точно пух одуванчика.

— Я-то выбрался. Отвертелся наконец. А надо было уходить раньше.

— Почему, дед?

— Это всё бухгалтерия. — Старик с омерзением сделал вид, будто считает банкноты. — Бухгал-

терии ремонт не нужен, сынок. Этот японский министрик и его чёрные деньги… после той истории «Локхид» уже не оправился. Как только бухгалтерия победила — кончилась «шарашка». Когда деньги берут верх над техникой, всему конец, сынок. Когда деньги берут верх над техникой — всё, остались только хром и обтекатели.

Вана кольнуло сочувствие. Ему было семь лет, когда прогремел скандал со взятками в «Локхиде». Если бы не дедово отчаяние, Ван и не вспомнил бы о том случае — всего лишь полузабытый позор эпохи Уотергейта.

Но позднее эта история всплыла перед ним ещё раз — когда японец из «ДоКоМо»[15] пытался объяснить ему, почему у Японии возникло столько проблем. Почему Япония, страна лучших в мире инженеров и самых крутых гаджетов, провалилась в черную дыру. В восьмидесятых казалось, что японцы будут править миром. В девяностых уже не казалось.

Ван как-то сразу решил для себя, что мир оборонных контрактов живет коррупцией. Трудно развеивать несуществующие иллюзии. По счастью, сам он обитал в мире компьютеров и

[15] notes: 15

Ведущая компания на японском рынке мобильных телекоммуникаций.

телекоммуникаций. Совсем в другом мире.

— Ну вот… — пробормотал старик. — Это всё, сынок. Всё, что тебе нужно знать. Теперь можешь ехать домой и выпить за здоровье.

Дед рассеянно перебрался поближе к столу и споткнулся о натянутый между ящиком и розеткой красный провод. С удивлением вытащил сверкающий клеевой пистолет и осторожно примостил на столешнице.

— Ты только глянь на это чудо, — промолвил он. — Дед, я уже видел паяльные пистолеты.

— Такого ты ещё не видал, малыш. Мне его сварганили ребята из Бербанка, когда мы отожгли швы на корпусе «Дрозда». А корпус мы варили из листового титана — на трех Махах обшивку греет так, что свинец плавится! — Он потряс пистолетом. — Давай покажу.

Ван с ужасом заметил, что дешевая розетка уже пожелтела и начала оплавляться.

— Дед, не стоит плавить свинец в этой штуке.

– Да ну, она любой припой берет, без проблем. Дед зашарил в ящике стола, перебирая пыльный мусор.

— Дед, дай мне эту штуку!

— Для тебя она слишком старая. Мне ее ребята спаяли в шестьдесят третьем. Именной супер-

бластер Чака Вандевеера! — Он восторженно ухмыльнулся. — Чертовски славная вышла шутка. Хорошие были ребята, веселые.

— Дед, я куплю тебе в универмаге новый.

— А этот я тебе не отдам. Он мой. Тебе правда нужен паяльный пистолет, малыш? Зачем?

На это Вану ответить было нечего. Старик прищурился.

— Не можешь рассказать? Секретно? Это всё электроника.

— М-м… ну да.

— Там сплошная пайка. Лампы, всё такое.

— Точно! — подхватил Ван. — Сплошная.

— Тогда забирай его, Дерек, сынок. Оставь у себя, покуда будет нужен.

— Спасибо большое!

Ван торопливо выдернул паяльный пистолет из розетки и, пошуршав липучками, уложил опасное устройство в самый большой карман. По крайней мере, дом не сгорит.

— Дед, — он обвел комнату свободной рукой, — как ты здесь оказался?

— Прячусь я тут, вот что! С тех пор, как выбрался из дурдома! — Дед Чак постучал по обтянутому пергаментом лбу. — Старик Келли — вот кто не умел вовремя рвать когти! Склероз его скрутил,

вот в чём была его беда… Я же помню, как он валялся на больничной койке, почти парализованный, и честил Аллена Даллеса — это когда Даллес уже помер давно… Совсем из ума выжил! А вот малыш Шрини… Он ещё мальчишка, конечно, Шрини-то, но неплохой инженер, из лучших моих ребят… Вот, компьютер мне починил, теперь читает вслух инструкции… Нарасхват сейчас парень идет, занятой весь из себя… Это его комната.

— Самолёты он любит, — заметил Ван.

— Знаешь, я плачу его матушке за стол и кров. Она нынче вдова… Семейные ценности, дело серьёзное. — Старик вновь обернулся к столу, в безропотном смятении взирая на груду пластмассовых деталек. — Вот это… это Р-38, «Лайтнинг». Первая, классическая модель Келли Джонсона. «Лайтнинги» сбили адмирала Ямамото. — Он постучал по фюзеляжу механическим карандашом. Вот тебе и Перл-Харбор — так-то, адмирал? Добро пожаловать в ад!

Зазвонил один из телефонов. Ван запустил руку в карман.

— Вандевеер слушает.

— Где мы?! — донесся из трубки жалобный вопль. Хельга. — Где вы?

— Мы уже приехали. Это Бербанк.

— На улице ни души! Я всюду смотрела! Мне страшно! Почему телефоны так плохо работают? Я всё время забываю, какой код нужно набирать…

— Я сейчас за вами приду, — пообещал Ван.

— А Диснейленд где-то недалеко?

— Хельга, я сейчас за вами выйду!

Ван вышел из комнаты. Дед, удивленно моргая, последовал за ним, по-стариковски волоча босые ноги.

— Над «Лайтнингами» я поработать не успел, — бормотал он, разводя руками. — Это ещё до меня было. Но у тебя ещё всё впереди! Это твой Перл-Харбор! — Он оскалил неровные зубы. — Чёрт, как я проголодался.

В гостиной дед Чак деловито свернул не в ту сторону и поспешил к входной двери. Он уцепился за круглую медную ручку — пальцы соскальзывали. Щелкнул замок, но дешевая латунная задвижка под притолокой удерживала дверь на месте. Задвижки дед так и не заметил — ему в голову не пришло поднять голову. Он только царапал гладкий медный шар, раздраженно бурча, а Ван в отчаянии взирал на него. В конце концов старик сдался.

— Ну, так как насчет завтрака, сынок? — спросил он с напускной бодростью.

Ван поплелся за ним в кухню. Там уже ждала тихая вежливая госпожа Шринивасан. Она насыпала старику отрубных хлопьев в стальную миску, залила молоком, подала большую резную ложку. Старик хмуро уставился на хозяйку через ламинатный стол.

— Телевизор! — потребовал он. Индианка покорно щелкнула пультом.

Ван сбегал за Хельгой. Та при виде его разразилась от облегчения нервной болтовней. Ван терпел. Он замечал, что рослая, фигуристая, сентиментальная Хельга многим мужчинам кажется сексуальной, но никогда не мог понять, почему. Девушка была совершенно не в его вкусе и не привлекала ни капли. Ван был доволен, что молодая шведка ловко обращается с ребенком, по общество ее возбуждало его не больше, чем компания ручной ламы.

Когда он привел ее в квартиру, Хельга с госпожой Шринивасан уставились друг на друга так, словно прибыли в Калифорнию не из Индии и Швеции, а с Венеры и Юпитера. Обе казались Вану милыми или, по крайней мере, приличными женщинами, но установить контакт у них как-то

не получалось. Друг с другом они общались через Вана: «Спросите вашу блондинку, не хочет ли она присесть», «Спросите эту милую даму, где у нее тут ванная, ну, то есть уборная». Старик в раздражении прибавил громкости. Утренние новости надрывались, рассказывая о войне и ужасе, бумажных полотенцах и таблетках от головной боли, самоубийстве и мести.

Затрезвонил телефон. Звонил сосед — мистер Чан. Мистера Чана удивил шум поутру. Он спрашивал, не грабят ли его соседку. Похоже было, что госпожа Шринивасан, вдова со стариком на руках, во всем полагалась на мистера Чана, китайского зеленщика в отставке.

Пришлось пригласить и мистера Чана. Тот пришел — невысокий, седой и сгорбленный, в натянутых до подмышек штанах. Мистер Чан окинул взглядом гостей, уселся среди пышных подушек на плетёной кушетке госпожи Шринивасан и принялся сворачивать самокрутку. Делал он это так сладострастно и тщательно, что становилось ясно — курение поглощало всё его свободное время.

Госпожа Шринивасан заварила зеленый чай.

В кармане у Вана зазвонил другой телефон — проснулась Дотти. Они с малышом тоже за-

шли в дом. Явление малыша Теда вывело деда Чака из хандры. Ван помог старику пересесть на плетёную кушетку и устроил малыша на тощем колене. Вместе двое Вандевееров смотрелись, точно на открытке. Даже мистер Чан улыбнулся поневоле. Ван едва не онемел от неожиданного сходства между правнуком и прадедом: такие же круглые щеки, такой рассеянный взгляд прищуренных серых глаз.

Дотти отобрала Теда у старика, пока испуг малыша не перерос в плач. Используя ребенка в качестве кирки, она быстро расколола лед между Хельгой и госпожой Шринивасан. Очень скоро все трое уже квохтали над малышом счастливым интернациональным курятником. В животе у Вана заурчало. Настроение портилось стремительно. Программист понял, что хочет жрать.

Было очевидно, что прокормить такую ораву незваных гостей госпоже Шринивасан не под силу.

— «Кентукки фрайд чикен»? — предположил Ван. Прозрение его встречено было всеобщим согласием.

Госпожа Шринивасан была вегетарианкой, но только не по праздникам. Для мистера Чана после краснокитайской культурной революции

жареная курица являла собою вершину роскоши. Хельга обожала американский фаст-фуд. А дед и Тед могли обсасывать косточки.

Ван съездил за «семейной» коробкой особо прожаренных ножек. Забираться в машину снова, хоть бы ради того, чтобы проехать пару кварталов, было всё равно что расчёсывать солнечный ожог.

Когда Ван вернулся в дом госпожи Шриниваасан, оказалось, что прибыли ещё двое гостей. Смуглая женщина средних лет в строгом черном брючном костюме и защитного цвета куртке с капюшоном. И немолодой солидный мужчина в дизайнерских джинсах, с золотой серьгой в ухе и седеющим «хвостом» светлых волос.

Это был отец Вана.

Наступила тишина.

— «Кентукки фрайд чикен»? — спросил в конце концов отец.

— Э… да, пап.

— На завтрак?

— Угу.

Ван демонстративно поместил картонку в центр стола. Отец набрал побольше воздуха в грудь и выдал цитату:

— Позвольте мне прописывать стране диету;

кто пишет её законы, мне безразлично[16].

Вана охватило знакомое отчаяние. Ну почему отец всегда так себя ведет? Почему не может сказать прямо, что думает? Почему должен был добыть из дальних закоулков хипповского черепа очередную нелепую, бессмысленную, околополитическую цитату? Роберт Вандевеер был когда-то стипендиатом Родса[17]. Губительно одаренный, он был в буквальном смысле единственным человеком в мире, владевшим одновременно языками пушту и банту. И единственным знакомым Вану человеком, использовавшим в устной речи отчетливо слышимую точку с занятой.

Ван мрачно глянул на отца. Тот выглядел скверно: лихой, щеголеватый, абсолютно ненадежный. Но не так скверно, как обычно. Например, он был трезв.

Отец блеснул короткой, весёлой («Папа пришел, всё хорошо») улыбкой, улыбкой тонкой, ломкой и прозрачной, как целлофан. Как отец прознал, что Ван в Калифорнии? Как подгадал

---

[16] notes: 16

Элберт Хаббарл (1856– 1915), американский философ и писатель, автор множества афоризмов.

[17] notes: 17

Стипендию Родса для учебы в Оксфордском университете в США ежегодно получают 32 лучших студента, отбираемых но национальному конкурсу.

время? Без единого слова, звонка, е-мейла — даже разрешения не спросил! Невозможный человек.

— Скорее ранний обед, — милосердно вмешалась Дотти.

В редкие минуты встреч с непредсказуемым свёкром Дотти обожала играть роль миротворицы.

— Пахнет вкусно! — провозгласила Хельга, жадно зарывшись в картонку с куриными ногами.

Все разом сгрудились вокруг стола, занятые веселой болтовней, — все, кроме потерявшего аппетит Вана. Пытаясь скрыть замешательство и обиду, он передал особо прожаренную ногу деду — тот стоял посреди толпы, усталый, недоумевающий, всеми забытый.

Ван никак не мог понять, почему его личными, щекотливыми проблемами занимаются шведы, индусы и китайцы. Все были вроде бы довольны жареной курицей… но как он вообще попал в этакий переплет?

– Сынок — это Рейчел Вейсман, — представил отец свою новую подружку.

— Привет, — неохотно проронил Ван.

Рейчел изобразила полукниксен, пытаясь достать из картонки куриную ногу. Бедро ее как-то странно гнулось.

— А вы из каких мест? — поинтересовалась Дотти.

— Из Боготы, — соврала Рейчел. — Я нефтяник.

— Мы с Рейчел купили прекрасную *residencia* к северу от города, — усугубил отец.

Дотти прищурилась.

— Роберт, так вы теперь перебрались в Колумбию? Насовсем?

— Всё не так страшно, как пишут в газетах. «Природа каждое время года одаряет собственной красотой»[18].

Отец бросил на Рейчел ласковый ободряющий взгляд. Похоже было, что его спутница в опасности ещё большей, чем предполагал Ван.

Рейчел, как заключил Ван, была явно еврейкой, а никак уж не колумбийкой. Даже отец, светловолосый и плечистый, больше нее походил на латиноамериканца. Роберт Вандевеер был сложен точно медведь, но, ещё прежде чем он поступил на работу в ЦРУ, в нем затаилась какая-то странная гнильца. Но только когда его загнали в отдел по борьбе с наркотиками, этот тупик карьеры разведчика, гордость его не выдержала.

В восьмидесятые годы Афганистан его слег-

---

[18] notes: 18
Чарльз Диккенс, «Николас Никльби»

ка взбодрил: он вновь приобрел форму, слегка подлатал свой брак и даже вывез Вана в поход и на рыбалку в горы Калифорнии. Но в Анголе он отчудил нечто совсем уже неописуемое. Обыкновенно ЦРУ не направляло лучших своих агентов в страны третьего мира на задания, грозящие малярией и чреватые поносом, но отец Вана был очаровашка. У него наличествовал особый талант загонять себя в ситуации, где его присутствие было неприятным, нежеланным, ненужным и больно умным.

В Анголе отец пересек какую-то невидимую черту и уже не смог выбраться назад в мир здравомыслия. Что-то елейно подлое осталось в нем навсегда. Из Анголы он вернулся с глазами, немигающими, как блюдца, всё чаще цитировал поэтов… Кошмары детства возвращались к Вану: когда мать визжала от тоски, а отец влетал в кабинет и запирался там, чтобы нюхать кокаин и переводить Уолта Уитмена на африканские языки. В эти часы Ван тихонько закрывал дверь своей комнаты, запускал модем и погружался глубоко-глубоко, в самые недра программного кода. В каком-то смысле он так оттуда и не вылез.

Дотти болтала за всю компанию. Губы ее шевелились, покуда Ван стоял, погруженный в

безмолвные раздумья. Только сейчас он понял, о чём именно говорит жена. В машине у нее было много времени, чтобы поразмыслить, и она приняла смелое решение. Дотти собиралась бросить лабораторию в Бостоне и заняться совершенно новым проектом.

— Так что, если Дерека ждет другая карьера, для меня сейчас самое время сменить место, — доверительно сообщила она всем.

— Ммм-ммм!

Отец невыразительно закивал.

— Это постоянно открытое предложение. Потому что Тони Кэрью… слышали о Тони Кэрью? Он единственный наш по-настоящему знаменитый знакомый. Давосский форум, конференция «Возрождение»…

— Наслышана, безусловно! — заметила Рейчел, впервые проявив интерес к окружающему миру.

— Понимаю, — проговорил отец. — Вот как, Дерек? Тони, должно быть, твой добрый друг, который работает на Томаса Дефанти?

Ван сообразил, что от него ждут ответа.

— Вроде того.

— А вы встречались с самим Томасом Дефанти, доктор Вандевеер? — ввинтилась в разговор Рейчел.

— Да, — хором отозвались Ван и Дотти: на «доктора Вандевеера» откликались оба.

— Это будет мое новое место работы, — сообщила Дотти. — Один из фондов Томаса Дефанти финансирует обсерваторию в Колорадо. Он всегда поддерживал прикладную астрономию.

Это очень было похоже на Дотти, с тоской подумал Ван. Если уж он решил разрушить установившийся между ними хрупкий, призрачный статус-кво, она не станет с ним спорить. Она поддержит мужа безоговорочно и тем разрушит их семейную жизнь ещё быстрее. Неужели Дотти переберется из Бостона в Скалистые горы, в то время как Ван переедет из Нью-Джерси в Вашингтон, чтобы работать на контору Джеба? Тогда их совместное бытие сойдет к нулю.

Останутся только е-мейлы.

Довольная Хельга жадно обгладывала куриное бедро. Она ещё не понимала, что скоро — очень скоро — Вану придется её уволить. Ему негде было теперь поселить няньку. Меблированная комната в мервинстерском особняке отошла в историю.

Ван вытащил из картонки кусок курицы и мрачно впился в него зубами.

Под женскую жизнерадостную болтовню он

молча обсосал косточку, отправил её в мусорник и вышел к машине. Отщелкнув багажник, он вытащил телефон «Иридиум» — огромный и тяжелый, точно кирпич. До сих пор ему не выдавалось случая поговорить по «Иридиуму»: мало того что телефоны были неудобны и дороги, так ещё и не работали в помещении. Компания спутниковой связи обанкротилась в свое время, но в последний момент её новых владельцев спасло министерство обороны США. Армия осознала вдруг, как удобно иметь под рукой систему связи, которая работает в захолустье вроде Афганистана. Сейчас Вану предстояло воспользоваться системой в первый раз. Судьбоносное решение — например, принять предложение Джеба — стоило нелепых сателлитных тарифов в два доллара за минуту разговора.

Отец выбежал за ним следом.

— Я знаю, что тебя заманивают в Вашингтон, сынок! Но ты не обязан соглашаться. Оно того не стоит! — с обезоруживающей искренностью выпалил он.

Ван по-мальчишечьи стеснительно пожал плечами.

— Подумай лучше. Что ты с этого будешь иметь? Открытку к Рождеству от Генри Киссинджера?

Сынок, я знаю людей из «Аль-Каеды». Лично. Это ничтожества. На них обращают внимание, только когда они взрывают вместе с собой наши самолёты и дома. «Аль-Каеда» ничего не может построить. Ничего не изобретёт. А ты можешь, сыпок. Ты строитель, ты изобретатель. Такие, как ты, превращают в ничтожества таких, как они.

— Слушай, пап, я всего лишь пишу софт. Не надо лишней философии. Я никого не собираюсь убивать. Но информационная безопасность — это действительно важно. Ван жалобно вздохнул. — Это просто кошмар. Ты не представляешь, что это такое — администрировать большую сеть. Пока не попробуешь — не узнаешь. Нормальному человеку невозможно представить, какой там бардак. Там от рождения века порядок не наводили.

На пороге квартиры показался дед. Приглядеть за ним было некому. Старик деловито зашагал в сторону перекрестка.

— Это к любой организации относится, сынок, настаивал отец. — Я бы тебя с Олдричем Эймсом познакомил, кабы он уже в тюрьме не сидел. Этот сукин сын — просто пример тому, как рыба гниет с головы. — Отец застонал. — Эймс продал все наши источники в России. И никто в конгрессе этого даже не заметил, вообще не заметил! Наши

парни умирали, и никто этого не видел.

— Пап, а какие-то пацаны из Канады рушат Интернет на спор. Так тоже не пойдет.

Оба разом перевели взгляд на деда.

— Да я только за пачкой «Мальборо»! — возмутился старик.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, сынок, — не унимался отец, решительно подхватив деда Чака под костлявый локоть. — У тебя уже всё есть, Дерек. Прекрасная карьера, вся жизнь впереди. Твоя девочка тебя обожает, у вас чудесный малыш. Ты понимаешь хоть, чем рискуешь? Тем, чего уже не вернуть.

— Пап, мне не отделаться так легко. Я нужен этим людям. Потому что я могу им помочь. Все остальные уже облажались.

— Дерек, если ты перейдешь на работу в Вашингтон, те, кто всего лишь облажался, станут тебе лучшими корешами и боевыми товарищами. Потому что приходить к тебе станут такие сволочи, что ты и представить не в силах, с такими вопросами, что волосы дыбом встают. А тебе нет надобности опускаться на их уровень.

— Есть надобность, папа, есть! Я знаю, что могу что-то сделать, и я должен попытаться. Если никто не попробует хотя бы привести Интернет в

порядок, будущее просто…

Ван осекся. Для него это была слишком длинная речь, и отец не понимал в ней ни слова. Отец воспринимал Вана как мягкотелого мечтателя из поколения счастливчиков, любимцев фортуны. Ван не знал, злиться ему или пожалеть родителя, поэтому чувство его охватило то же самое, что всегда преследовало его рядом с отцом, — мучительное смятение.

— Интернет превращается в ад! — заорал он. — В кошмарную помойку! Где каждая приличная компания разоряется за год. Вирусы и трояны повсюду. Судебные иски, куда ни глянь. Где психи из худших уголков земли пытаются надрать тебя на бабки или продать порнуху или наркоту…

Отец с тревогой покосился на него. Дед недоуменно поглядывал на рассвирепевшего внука. Даже самому себе Ван показался нелепым истериком. С какой дури он взялся выкладывать наихудший сценарий эволюции кибермира? Не надо было открывать рот, понял он. Не надо было разрушать их драгоценные старомодные идеалы.

В мире таились ужасы превыше их скудного понятия.

ГЛАВА 4

Чечня, ноябрь 2001 года

Американские агенты в Чечне маскировались всё лучше. Но своими они на Северном Кавказе не станут никогда. У них не было вшей, и от них не воняло.

На голом скалистом уступе Полковник лежал вместе с американцем по фамилии Икота: лежал так близко, что это напоминало любовные объятия. Черная ушанка и мятая полевая форма советской армии на американце помогали ему выглядеть привычно среди местных жителей. Но зубы его сверкали неестественной белизной сквозь седеющую бородку, а лицо было неприлично чистым. Шелковистое альпинистское белье грело драгоценную шкуру американца от лодыжек до запястий. Носки у него были целые и крепкие. А поверх них — *прокладки.* Тонкие мешочки, волшебным образом предотвращавшие мучительную гниль «траншейной стопы». Как гондоны на ногах.

От самого Полковника сильно несло потом, страхом, скукой, перегаром и «беломором», но

весь этот букет совершенно терялся в непереносимой вони гниющей полутуши ишака. Вокруг этого уязвимого участка чеченской «трубы» стычки случались постоянно. Неглубокая пещера, в которой скрывались Полковник с Икотой, обыкновенно служила убежищем бандитам, так что пролетающие мимо федеральные вертолеты регулярно по ней отстреливались. Время от времени под удар «громовой палки» подворачивался контрабандистский ишак.

Сегодня они с Икотой будут убивать чичей. Не всех, конечно. Ровно столько, чтобы доказать хозяевам американца, что идея работает. Во всём мире не хватило бы солдат, чтобы на всём протяжении охранять все трубопроводы мира от всех воров, саботажников и вандалов. Эту задачу следовало как-то перепоручить машинам — ведь трубопроводы служили артериями для всех машин планеты. Воры, точно комарьё, научились прокалывать нефтеносные сосуды и питаться их содержимым. Машинам в ответ следовало научиться находить, преследовать и убивать.

Икота сунул Полковнику тяжелый, как кирпич, спутниковый телефон.

— И снова здравствуй, Алексей, — прощебетал телефон по-русски.

— Привет, красавица, — отозвался Полковник, тут же повеселев.

Ему уже не казалось странным, что приходится по спутниковому телефону общаться с незнакомой женщиной в Бетесде, штат Мэриленд, только ради того, чтобы переговорить с Икотой. Но американец знал по-русски не больше дюжины слов, зато был человеком практичным. Если он не мог потащить переводчицу за собой на поле боя, он ей просто позвонит.

— Мы так близко сошлись, милочка, и так быстро, — заметил Полковник. — Но, как понимаю, вскоре мы расстаёмся?

— Мне тоже жаль, но… такая работа, Алёшенька.

Икота расстегнул пятнистый рюкзак и вытащил оттуда изумительную снайперскую винтовку: сплошь углеволокно и глянцевый белый стеклопластик. Потом протявкал что-то в телефонную трубку.

Полковник снова приложил трубку к уху.

— Уйма всякой технической фигни про его большую пушку, — пояснила женщина. — Тебе это интересно? Переводить?

Икота явно был бывшим военным — у него остался взгляд солдата, — но официально счи-

тался гражданским консультантом. На памяти Полковника Икота впервые взялся за оружие: винтовку пятидесятого калибра западного спецпроизводства. С такими игрушками ходят изнеженные спецназовцы. Которым, в отличие от русских солдат в Чечне, не приходится каждый день валяться в грязи и крови, убивая мусульманских террористов.

— Красавица, только если тебе это интересно. Ты мне и скажи — хороша ли его ба-альшая пушка?

— В постели, что ли? В постели он ве-ли-коле-пен, — спокойно отозвалась переводчица: американка, бесстыдная совершенно. Полковнику это очень нравилось. С непривычки.

— Накачанный парень и на лицо не урод, — согласился Полковник. — И зубы у твоего Икоты белые.

— Его фамилия не Икота, а Хикок. Майкл Хикок.

Полковник попробовал оба варианта на вкус: Икота, Хикок — какая, к чертям, разница? И кому какое дело, если они общаются только через переводчика? Странные вещи порой тревожат женщин.

— Он тебя хоть любит-то? — спросил Полков-

ник. — Не один ли ему хрен?

— Любит? — грустно переспросила переводчица. — Да он не знает даже, что это такое. Только и слышу от него: «Счастливо оставаться». Зато покупает мне дешевое бельё с кружавчиками.

— Господи ты боже мой, как так вышло, что люди разучились любить? Куда катится мир? — промолвил Полковник, садясь на любимого конька. — А раз уж это последняя возможность с тобой поговорить, могу я попросить твоего мудрого совета по личному делу? Я должен решить, что делать с Наташкой.

— Не меня об этом спрашивать надо, Лёша. Несчастливая я.

— Если я оставлю Наталью здесь, «чехи» ее шлёпнут, потому что она со мной спала. Если отвезу ее домой в Питер, её убьют, потому что она «чёрная». Если мы оба останемся здесь, на Кавказе, рано или поздно нас убьют обоих. Я уже не говорю о моей жене! Ну и что прикажешь делать?

— Ладно, подскажу. Подкопи денег и делай ноги из страны. Моя мама переехала в Нью-Йорк в семьдесят восьмом. Так что она удрала из России, чтобы я, её единственная и любимая дочка, заводила теперь безнадежные интрижки с

чокнутыми американскими наёмниками. — Мучительный вздох переводчицы донесся до ушей Полковника через полмира. — По крайней мере, «Исполнительные решения» пристроили меня на отличную должность. Медстраховка, стоматология, все дела. Липосакцию себе сделаю, вот.

Икота выхватил телефон у Полковника из рук.

— Теперь он хочет, чтобы ты заглянул в прицел большой винтовки, — сообщила женщина. — И злится, что ты так долго болтаешь со мной, а ему и слова не говоришь.

— Это потому, что ты умна и обаятельна. А он всего лишь опытный киллер. Может, перейдем к главному? Моя Наталья — единственная счастливая женщина в Чечне. Правда-правда. Есть что-то несказанно сладкое в том, чтобы отдаться злейшему врагу… Наташа святая женщина, такая тихая… я в ней словно растворяюсь… просто беда какая-то… Я на неё кричал раньше, бесился сдуру… Я её так люблю, что даже пить бросил…

Икота нетерпеливо ткнул пальцем в огромную винтовку. Полковник устало встал на четвереньки и покорно приник к черному резиновому наглазнику прицела.

С очками ночного видения он сталкивался раньше — ими пользовалась «Альфа». Но с такой

штуковиной — никогда. Это было что-то фантастическое. Взгляд сквозь этот прицел пронизывал кавказские сумерки, будто совиный.

Икота рявкнул что-то своей обиженной американской любовнице. Его спонсоры отправили Икоту в Чечню с огромным запасом военных игрушек и без всякого знания иностранных языков. В дикие горы Кавказа он подался всего лишь с тремя игрушечными самолётиками-роботами, шестью видеокамерами, сотней хрупких анемометров, спутниковыми телефонами, солнечными батареями, ударостойким компьютером в стальном корпусе камуфляжной расцветки… а также толстой стопкой банкнот и тугой папкой с документами за подписями всевозможных олигархов и высоких чинов. «Тюмень-нефтегаз» и «Коноко-Филипс», «ЛУКойл» и «Эксон-Мобайл», «Сибнефть», «Халибертон» и «Шеврон-Тексако». В бумагах Икоты многократно мелькала подпись министра энергетики Игоря Юсуфова. Алексей Кузнецов, Томас Дефанти, Михаил Ходорковский. И даже разрешение на ввоз за подписью не кого-нибудь, а Владимира Путина.

Не то чтобы Икота был лично знаком с этими важными птицами или те знали о его существовании. Но вот услуги, которые готов был

предоставить Икота, им определенно требовались. И когда американец утверждал, что не шпионит, а всего лишь выполняет легальную работу по контракту с частными компаниями, — скорей всего, он говорил правду.

Полковник повернул винтовку Икоты на сошках, через непривычный прицел разглядывая светящийся увечный пейзаж. Бессчётные бомбардировки превратили местные нефтехранилища в груды стальных обломков. Сквозь горы скверного бетона и рваного рубероида прорастали тощие десятилетние деревца. Нагретые поверхности в тепловом спектре сияли ярко. Выглядело это хирургически жутковато — будто кровоточили вспоротые жилы самой земли.

Почему только такая красота зря растрачена на скучную работу — отстреливать нефтяных воров?

Полковник осторожно подкрутил верньер. Молодой месяц взбухал в перекрестье прицела, расцветая квадратными пикселями. Он казался огромным и сырно-оранжевым, словно корка огромной пиццы в лучшем московском «Пицца-хате». Электронный анализатор, заменявший оптику, творил своё волшебство: пылающий серп становился всё темней, всё глуше, пока взгля-

ду Полковника не предстала обширная темная равнина между рогами месяца — озарённая, в священном трепете осознал Полковник, светом стареющей Земли.

Из глубины лунного кратера подмигнул ему алый огонёк. Полковнику понравилось, как оживали лунные округлости в его кровавом свете. Только через секунду он сообразил, что на Луне не должно быть видно никаких огней. Там вообще нечему светиться. Это же, в конце концов, Луна.

Полыхнул и угас второй огонёк, в другом кратере. Полковник отклеился от резинового окуляра и уставился на луну невооружённым глазом. Человеческому зрению она представала далеким узким полумесяцем. Красный огонёк был слишком слаб, чтобы разглядеть его… хотя нет — это же инфракрасный прицел. Он видел на Луне тепло, а не свет.

Он снова припал к окуляру. Призрачная алая искра танцевала по лунной поверхности, оставляя по себе тусклый след.

Полковник вцепился в телефонную трубку. — Передай Икоте, что я видел на Луне что-то странное. Кажется, вулкан.

— Что? Я не могу это перевести.

— Вулкан! На Луне! Извержение! Красный свет!

В прицел хорошо видно.

Переводчица рассмеялась.

— Ах, это! В эту цифровую штуковину? Там же всё на электронике, Лёш!

Напряжение внезапно отпустило загривок Полковника. Конечно. Просто шалит дурацкая техника. Что вероятней — пришельцы там, или действующие вулканы на Луне, или всё же покрасневшие нечаянно пиксели в матрице экрана? Экая глупость…

Икота дёрнул Полковника за рукав и ткнул пальцем в экран компьютера. Скрытые в ночной темноте самолётики прислали новую серию снимков. Вверх по ущелью пробирался грузовичок-пикап «тойота», совершенно новый — без сомнения, купленный на саудовские деньги.

Полковник поднял два затянутых в кожу пальца. Грузовиков будет два, как всегда. И пеший заслон с автоматами и рациями.

Икота покачал головой и полоснул пальцем по горлу. Он не собирался ждать случая прихлопнуть сразу обе машины. Для его целей это было не столь существенно. Его задачей, сколько мог судить Полковник, было опробовать технику и систему снабжения на поле боя. Икота аккуратно воткнул проводок в видеоразъём на боку тепло-

вого прицела. Сдул пыль с плоской коробочки и бережно, как драгоценный камень, вставил в щель чистый диск. Потом дал отмашку Полковнику.

Тот кивнул и занялся делом. Первая пуля пятидесятого калибра — стальная таблетка размером с большой палец — пробила капот «тойоты», прошив двигатель насквозь. Грузовичок застыл, и Полковник уложил ещё две пули в фонтан стекла и металла. Тощая бледная винтовка едва покачивалась на сошках при каждом выстреле. Шипели отходящие газы, но длинный чёрный ствол не озаряла вспышка. Винтовка действовала хирургически аккуратно. Только что сама по себе не стреляла.

Из разбитого грузовичка вывалилась сверкающая человеческая фигура. Полковник выстрелил — промахнулся. Четвёртая пуля достигла цели. Нефтяной вор развалился на два полыхающих теплом куска: отдельно истерзанное тело и отдельно оторванная рука.

Полковник потянулся к телефону.

— Передай ему, что пора убираться из этой пещеры. Будут другие. «Чехи» нас не боятся совершенно и очень захотят отобрать снайперку.

Икота вежливо выслушал тревожный писк в

трубке и покрутил в воздухе пальцем. Полковник нагнулся к трубке.

— Мне плевать, сколько он запустил игрушечных самолётиков и много ли они разглядели. Мы сидим в темноте рядом с отрядом партизан. Они нас накроют ракетным огнем сверху и обрушат пещеру. Да, и передай ему, что винтовка отменная.

Выслушав перевод, Икота разразился долгой заранее подготовленной речью.

— Лёш, он передает спасибо на добром слове. И говорит, что возвращается домой, ко мне. — В голосе переводчицы звучал восторг.

— И увезет с собой спутниковый телефон, моя хорошая?

— Конечно заберет, Лёш! А винтовку оставит — ему не положено её в Америку ввозить. Говорит, можешь оставить её себе. Дескать, хорошему солдату пригодится хорошая снайперка. Это в знак благодарности.

— Щедрый парень твой здоровенный приятель. Икота предлагал солдату оружие, а не жалкую пачку долларов. Со стороны американца это была неслыханная тактичность. Полковник был тронут. После такого щедрого подарка следовало предполагать, что они с американцем ещё встре-

тятся когда-нибудь. Почему бы нет? Недостатка в нефтекрадах покуда не отмечалось.

— Уж поверь, Лёша, он не на свои деньги её покупал!

— Ну да. Понятно, не покупал.

А кто-нибудь может купить. Хорошая снайперская винтовка стоит очень дорого. Особенно в хороших плохих руках. При этой мысли Полковник поёжился. Молоденькие солдатики, только что призванные в армию, смятённые, обречённые — когда неслышимые страшные удары кромсают плоть… Но деньги в Чечне были только у одной стороны. Не той, на которой воевал Полковник. На его стороне была всего лишь армия одной страны, а не глобальный заговор. С деньгами у армии всегда было туго.

Помыслить об этом было тяжело. И всё же… и всё же… Наташа. Да. Если придется, он мог бы пойти на такое… ради Наташи. Любовь побеждает всё.

ГЛАВА 5

Вашингтон, округ Колумбия, сентябрь 2001 года

Тощие желтые краны оттаскивали от стен Пентагона почерневшие обломки. На стенах федеральных учреждений, словно бешеные обои, расцвели американские флаги размером с баскетбольную площадку. Тут и там проросли барьеры против машин-камикадзе, замаскированные почему-то под бетонные цветочные горшки. Улицы вокруг Белого дома превратились в голые асфальтовые дорожки, и только пробегали по одному-двое нервные туристы.

Новосозданное Бюро координации прохождения критической информации собралось в старом здании Исполнительного управления под патронажем вице-президента. Набитый под завязку конференц-зал мог похвастаться кожаными креслами, стальными кофейниками, обшарпанными столами красного дерева и портретом дряхлого государственного деятеля по

имени Джон К. Колхаун[19] (масло, холст). Мистер Колхаун был недоволен. Собравшиеся — тоже.

Лица собравшихся Вану не были знакомы. А вот конторы — были. Каждое из федеральных агентств имело свои интересы в области информационной безопасности. У ФБР был департамент юстиции. У казначейства — Секретная служба. У министерства обороны — Управление информационного обеспечения. ВВС прислали птиц высокого полета, в то время как ВМФ только разводил пары. Присутствовали представители департамента торговли, Национального института стандартов и технологий, НАСА, отряда быстрого реагирования компьютерной безопасности, Федерального центра тренировки правоохранительных органов. И даже случайно затесавшийся сисадмин из Совета но вопросам социального обеспечения железнодорожников.

Приглашения рассылал Совет национальной безопасности — новые наниматели Вана. Это был первый бал Золушки. Если всё выгорит, значит, дело в шляпе. Если нет — Ван только что продул свою карьеру в бюрократической лотерее.

Джеб, который отдал раскрытию компьютер-

---

[19] notes: 19

Видный политик начала XIX века, вице-президент при Эндрю Джексоне; защищал рабство и права штатов.

ных преступлений тридцать лет, был в сфере компьютерной безопасности живым динозавром. Немалую часть собравшихся в конференц-зале он учил лично, и большинство из них было обязано Джебу личными услугами. Ван успел заработать репутацию гениального программиста, но в лицо его не знал почти никто. Собственно, мало кто из собравшихся мог назвать по имени остальных.

Совещание это представляло собой локализованную версию тех процессов, что шли по всему объёму федеральных правительственных структур, от Пенсильвания-авеню до «Квантико», от Форт-Мида до Пентагона. 9/11 спровоцировало во всех федеральных спецслужбах ужасающий процесс, получивший название «пайки труб». Людей, всю жизнь отдавших узкой специализации, жизнь заставила сверять свои действия с представителями агентств, с которыми прежде они никогда не встречались.

Что это за незнакомые типы из жутких дальних уголков американского правительства? Соперники? Союзники? Нейтралы? Никто не знал. Новая империя «национальной безопасности» скоро пожрёт гордые своей независимостью бессчётные агентства: кто-то говорил, что шесть, кто-то — что двенадцать, а некоторые доходили до двадцати

двух. Это значило, что безопасных мест больше не осталось.

Но это значило и кое-что многообещающее — перспективы. Впереди маячила крупнейшая реорганизация федеральных органов власти за сорок лет. В такую эпоху компания маньяков-программистов способна вырваться из забвения, если окажется в нужное время в нужном месте. Может так случиться, что отважные ботаны из дальнего серверного чулана в департаменте торговли станут командовать парнями из Секретной службы.

Джеб относился к числу тех людей, которых программисты призывали в час отчаяния. Внешне он напоминал Хатта-Джаббу в роли техасского рейнджера. Настроение его, обыкновенно мрачно-циничное, в ходе последних событий перешло в мрачно-агрессивное. Взгляд у него был стеклянный, как у человека, который готов был подвести итог своей жизни и всё подведенное поставить на карту. Он сбрил драгоценную свою бороду, обнажив гнездилище бледных подбородков. И даже нашел в Вашингтоне портного, который не побрезговал пошить ему синий саржевый костюм титанических размеров.

Ван никогда раньше не слышал, чтобы Джеб

отзывался на «доктора Еремеенко». Строго говоря, докторской степени он так и не получил никогда. И непроизносимую его фамилию тоже никто не помнил. В информационную безопасность Джеб пришёл из патрульных полицейских после того, как столкнулся в шестидесятые с УНИВАКом в Хьюстоне.

Джеб заколотил толстой ладонью по столу красного дерева, усмиряя хаос. «Собравшись здесь, — проревел он, — на совершенно секретное, закрытое совещание, мы можем навести некоторый порядок в федеральной политике информационной безопасности. Иначе говоря, взяться разгребать навоз».

Против определений Джеба не возражал никто. Федеральные учреждения Америки пользовались компьютерами и сетями дольше, чем кто бы то ни был на планете. Это было скорее плохо, чем хорошо: в результате компьютерные сети федерального правительства принадлежали к числу самых древних, неудачных, неэффективных и глючных. Любой, кто поддерживал хоть малейшую связь с реальностью, знал, насколько всё плохо. До сих пор информационной безопасностью занималась спустя рукава горстка недооплаченных подвижников-любителей,

разбросанных по различным службам. Единого руководства не было. Чёткой политики не было. Ответственность не лежала и рядом. Бюджет? Курам на смех!

Однако 11 сентября наступило, в кои-то веки, Судный день. Джеб это знал. Слушатели это знали. Это понимал конгресс. И все, кто смотрел новости или читал газеты. Старые, разгильдяйские способы уже не годились.

Всякий серьёзный кризис — одновременно и шанс для тех, кому хватит смелости рискнуть и выиграть. Сейчас, объявил Джеб, наступил ключевой момент, когда можно собраться, оценить волю и способности специалистов по компьютерной безопасности и, расчистив сцену, взяться за дело с новыми силами.

Ван понимал, что Джебова проповедь возвещает большую беду. Джеб позиционировал БКПКИ как команду отмороженных камикадзе от программирования. Ван готов был рискнуть — рассуждая практически, иного выбора не было. Если он, Дерек Р. Вандевеер, должен стать чиновником госбезопасности, то Вашингтону придется пожертвовать ради этого старыми правилами.

Какой-то не в меру энергичный умник из Института конкурентного предпринимательства

попытался перевести стрелки на Вана.

— А наш стэнфордский профессор согласится с неклассическим подходом доктора Еремеенко?

— Быстро! — рявкнул в ответ Ван. — Тихо! И — вовремя!

Никто не понял, что он имел в виду, но конференц-зал утих на целых двадцать пять секунд.

Больше Вану никто вопросов не задавал — оно и к лучшему. Ван ненавидел совещания. Потому что никогда не мог себя показать. Он понимал, что представляет сейчас для Джеба что-то вроде орхидеи в горшке: натуральный гений-программист, лицензированный, одна штука, приглашен с поста начальника исследовательской лаборатории в ведущей компании страны. Пытаться переполитичить вашингтонских бюрократов ему не стоило.

Ван уже придумал новую программу для своей будущей карьеры. Если уж ему приходится изображать нечто в горшке, пусть это будет кактус. Мысли как крутой, гляди как крутой, говори как крутой. Настоящие профессионалы никогда не сюсюкают с клиентом.

Некоторое время Ван слушал, окидывая случайно выбранных соседей мрачным взглядом и поглаживая клавиатуру лэптопа, потом заскучал.

Собравшиеся усердно тыкали пальцами в небо. Никакого прогресса не наблюдалось; докладчики твердили каждый о своём и пытались прикрыть срам. Что за чертовщина творится на самом деле, никто не мог сказать, но каждый опасался за себя и свою карьеру. Политика. Потому что мы в Вашингтоне. И ничего Ван с этим поделать не мог — оставалось только смириться.

Два душераздирающих часа спустя Джеб перешел наконец к вопросу об аппаратном обеспечении работы нового бюро. Атмосфера в зале тут же изменилась. Всем собравшимся — без исключения — вопросы компьютерного «железа» были близки. Очевидно было, что организации, которой поручено координировать меры по обеспечению компьютерной безопасности в остальных ветвях федерального правительства, потребуется внутренняя сеть — новейшая, мощнейшая и, в общем, впечатляющая весьма.

В этот момент Ван, дотоле жалевший себя и жестоко тосковавший по сынишке, немного взбодрился.

Будучи профессиональным программистом, Ван в глубине души ненавидел информационную безопасность — ремесло скучное и недостойное его таланта. Заставлять его трудиться над этой

темой было всё равно что заставить чемпиона Олимпийских игр по велоспорту ковать велосипедные цепи.

Однако же в этом теперь состоял его долг. Кроме того, Вану пришлась по душе идея создать в натуре продвинутую систему безопасности с нуля, положив в основание теорию и прошлый опыт, а не накладывая один патч на другой и не слушая нелепые советы тупоголовых маркетологов. Если ему придется всю работу делать самому — тем лучше. Ван знал, что справится, работа была честная, хотя и скучная, и, во всяком случае, последователям он поставит высокую планку.

Теперь ему оставалось убедить полный зал народу, что идея его сработает. Ван попытался победить страх сцены — своего старинного врага. Как справиться с демоном, Ван знал: обманом придать себе уверенности.

Можно сделать вид, что перед ним полный класс стэнфордских аспирантов. Только какие из них аспиранты? Или представить себе, что у каждого бюрократа в зале красные трусы. Бандиты с Окружной не из тех, кто щеголяет в экстравагантном исподнем.

А лучше всего — запустить руку в рюкзак и взять всех на прицел дедова бластера. Титанового

бластера! Прямо в лоб! Вот уж чего они никак не ожидают!

Эта мысль оказалась для Вана решающей: он пришёл в себя.

— Ну, — заявил он, открывая лэптоп, — Джеб говорит, что мы должны быть откровенны друг с другом.

Он вызвал на экран пауэрпойнтовскую пёструю диаграмму, чтобы зрители не заскучали, и принялся тарабанить по бумажке:

— Как видите, нынешняя индустрия информационной безопасности даёт вам вполне определенные немногочисленные советы. Они посоветуют любому федеральному агентству затовариться их продукцией. Защищённые сервера, защищённые маршрутизаторы, брандмауэры, криптография, системы опознания — всё новенькое, только с конвейера… Это традиционный способ.

Ван поменял диаграмму на другую, ещё лучше с множеством разноцветных полосочек и стрелочек.

— Но даже для нас, небольшого координационного бюро, необходимые закупки потянут на шестнадцать миллионов долларов. Таких денег у нас нет.

Третья диаграмма.

— Мы в БКПКИ не можем ждать, как обычно, восемь месяцев установки традиционного защищённого оборудования. Мы со вчерашнего дня должны приступить к работе. Ни времени, ни денег мы не можем тратить на лишние закупки. Но одновременно мы должны соблюдать весьма жёсткие условия безопасности. Совместите два этих вектора, и сойдутся они в одной точке.

Ван поменял диаграммы. Экран довольно долго оставался тёмным, но, к облегчению программиста, «Пауэрпойнт» не завис.

— Мы должны создать самоновейшую, принципиально иную систему. Вырваться за пределы. Очень быстро. Очень тихо. Силами десятой доли тех специалистов, что были бы вовлечены в обычный проект. Совершенно новое оборудование и алгоритмы.

В зале стало тихо, как в церкви. Слушатели не сводили с Вана глаз. Джеб сиял в бледных отблесках плазменного экрана.

— У нас в БКПКИ есть одно огромное преимущество перед всеми остальными. Мы можем не оглядываться на безмозглых поставщиков софтвера, потому что мы, в БКПКИ, программируем сами. Так что мы в силах построить — и построим

— собственный суперкластер «Грендель». «Гренделли» базируются на устаревших процессорах, но параллельное распределение устраняет тупики фон Ноймана.

Ещё одна красивенькая диаграмма.

— Всего за сотню тысяч мы создадим новую федеральную систему, по вычислительной мощности превосходящую всю сеть министерства торговли. И — в ближайшей перспективе — эта система будет превосходно защищённой. Потому что ни один хакер ещё не нашел и не вскрыл уязвимостей в алгоритме распределённых вычислений «Грендель». Во всём мире есть с десяток программистов, которые этот алгоритм понимают. Все они — законопослушные американцы, академики программирования… и все они очень, очень занятые люди.

Руку вскинул поздно пришедший долговязый парень с обшарпанным лэптопом на коленях:

— Можно вопрос, сэр?

— Да?

— Вы, доктор Дерек Вандевеер, принадлежите к их числу?

— Да. Остальные девять — мои знакомые. А вы кто такой?

— Я вообще-то сетевой журналист, и…

— Совещание закрыто!!! — взвыл Джеб, вскочив на ноги.

Ван лежал в постели, пялился в потолок и размышлял о потоках. Вану всегда хотелось учудить с потоками данных что-нибудь важное и полезное, потому что поточная структура изначально совершеннее обычной файловой. Ван намеревался воспользоваться распределённой поточной структурой в новом «Гренделе», что было уже совсем лишним. Нет на свете кульхацкера, крэкера, пирата-активиста или даже разведслужбы, способных взломать «Грендель». Но «Грендель» на потоках — блин, это был бы полный рулез.

Ван размышлял о потоках, слегка моргая. Размышлял очень вдумчиво. А потом очень-очень вдумчиво. В конце концов до него дошло, что кто-то молотит кулаками в дверь квартиры.

Вздрогнув, он сел и натянул штаны.

Квартиру в Вашингтоне Ван снял через Интернет, на сайте маклерской конторы. Ван очень торопился найти себе жильё в столице, а улица проходила достаточно близко от телефонного коммутатора, чтобы туда можно было протянуть ADSL-кабель. В gif-файле квартира выглядела пристойно. В действительности крошечные комнатки воняли средством от тараканов. Ещё квар-

тира отличалась голыми стенами из уродливого жёлтого кирпича, обшарпанным линолеумом и слоем мерзкой жирной грязи на стенах и потолке кухни. Унитаз качался.

О соседях на веб-сайте тоже ничего не говорилось. Район оказался жутковатый. Ван завёл привычку держать у двери дедов бластер. Люди, которые стучались к нему в дом, обычно пытались продать жильцу понюшку крэка или немного секса.

Сняв очки, Ван припал к глазку. На темной обшарпанной лестнице стояла тощая носатая девчонка с близко посаженными тёмными глазами и черной кудлатой шевелюрой. Одета она была в нелепый халатик из некрашеного — экологически чистого — хлопка, на плече у неё висела бесформенная полотняная сумка. Похожа она была на девочку-скаута, которая распродала всё печенье и живет теперь подаянием.

Ван отпер три здоровенных латунных замка и приоткрыл дверь, не снимая стальной цепочки.

— Доктор Вандевеер?

— Да.

— Я ваша новая секретарша. Можно войти?

Ван поразмыслил и над этим неожиданным вопросом.

— Не покажете ли документ?

Девчонка продемонстрировала залитую в пластик карточку с магнитной полоской и фотографией, на изумительном алом канате. Карточка сообщала, что это «Фанни Гликлейстер, помощник заместителя директора по технической части, БКПКИ».

— О… — выдавил Ван.

Фанни показала ещё одну карточку в глянцевой покуда обертке.

— Я принесла ваш бэджик… э-э… Дерек. Они новые. Вас три дня не было на работе.

— Я работаю, — обиженно заявил Ван. — Просто мне сейчас не до совещаний.

— Можно мне войти? Пожалуйста! Тут страшно!

Ван отстегнул цепочку.

Фанни шагнула через порог, опасливо покосившись на огромный тренажёр культуриста, что занимал б**о**льшую часть квартиры. Измызганную стену за тренажёром прикрывали постеры с изображением чемпионов фул-контактного карате: выпученные глаза, брызги пота и ноги в красных нейлоновых обмотках.

— Это всё ваше?

— Я только что въехал.

Предыдущий жилец оставил в квартире все свои пожитки, включая стриптизёрские трусы, порножурналы и спортивные тапочки двенадцатого размера. Ван был совершенно уверен, что его или пристрелили, или посадили — что именно сделали, никто то ли не знал, то ли не пытался узнать.

— Вау! — выдохнула Фанни. — Кресло какое кульное!

Магниевое кресло оказалось единственным предметом меблировки, который Ван сумел спасти из мервинстерского особняка: по наитию он зашвырнул кресло в багажник «рейнджровера». Собирался он вообще-то повыбрасывать всю мебель в арендованной квартире и поставить свою — хозяин-кореец уверил его, что против не будет, — но всё времени не хватало.

Фанни Гликлейстер было определенно не двенадцать лет — если приглядеться, она казалась старше Хельги, несчастной уволенной няньки. Но угомонить её было не проще, чем шестиклассницу. Губы ее были обветрены, карие глаза покраснели, веки набрякли.

— Это кресло — оно точно никаких токсинов не испускает? — пропищала она.

Ван уставился на нее.

— Литой магний! Какие токсины?

Фанни элегантно опустилась в кресло.

— Вау! Намного удобнее, чем кажется на вид!

Из полотняной сумки она извлекла толстые очки без дужек и огляделась. Воцарилось зловещее молчание.

— Дерек, ты только не обижайся, но тут ещё страшнее, чем на лестнице. Ты точно программист? Я толпу ботанов знаю, но среди них, ну, культуристов-каратистов из жутких трущоб почти нет. Оп-па… вау! А с кухней что случилось?

— Посидите тут минуточку, — приказал Ван с порога.

Он выскочил в темный коридор и плотно затворил дверь за собой.

— Джеб на проводе, — прохрипела трубка.

— Джеб, ты кого мне прислал? Девчонке двенадцать лет, Джеб, и она только что сбежала из «Маппет-шоу».

— Это, надо полагать, Фанни Гликлейстер.

— Как её зовут, я сам знаю! Спасибо, очень помог!

— Гликлейстер! — настаивал Джеб. — Ей не двенадцать. Ей двадцать шесть. Она дочь Гликлейстера.

Явилось просветление.

— Того самого Гликлейстера? Хаймена Гликлейстера?

— А ты знаешь ещё каких-то Гликлейстеров?

Ван перевел дух. Хаймен Гликлейстер. Легендарный утопист компьютерной эпохи. АРПАНЕТ. Гуру пакетной коммутации. Человек, на три десятилетия обогнавший свою эпоху. Последние пятнадцать лет жизни Гликлейстер провел в инвалидной коляске, снедаемый редкой и летальной формой нервно-мышечной дистрофии, но болезнь лишь подстегивала его творческое воображение. Смерть Гликлейстера в свое время подкосила Вана — словно погас огромный жаркий костёр. Бронзовые идолы этому человеку следовало ставить перед каждым маршрутизатором.

Потрясённый, Ван поразмыслил над этим открытием. Странно было думать, что Хаймен Гликлейстер оставил по себе потомство. Нашлась ведь женщина, которая вышла за него замуж и выносила его дитя. Одного раза, в принципе, вполне хватало, мрачно решил про себя Ван.

— Ну ладно. Значит, она его дочка, — признал он.

Фанни даже лицом похожа была на Гликлейстера.

— Ван, ты же преподавал в Стэнфорде, — попытался спустить ситуацию на тормозах Джеб. — Ты же знаешь нынешнюю молодёжь. Фанни умница, она учится быстро. Ты на неё хорошо повлияешь.

Джеб был специалистом старой закалки. Он до сих пор думал, что студенты в колледже — это бешеные мальчишки. У Вана в Стэнфорде учились но большей части мрачные трудоголики, индийские и китайские программисты с заоблачным средним баллом на вступительном тесте[20].

— Джеб, мне не нужна секретарша. Она мне не нравится.

— Тогда я подберу тебе другую. Старушку из Минобороны с карандашом вместо заколки для волос. И ты знаешь, что она с тобой сделает, Ван? Она запишет на магнитофон все твои разговоры с Моникой Левински и сдаст тебя с потрохами какому-нибудь политикану. В этом городе и не такое бывает. Я тебя защитить пытаюсь, Ван! У нас, бешеных программёров, внутри Окружной заступников нет. Ты мой заместитель по технической части. Ты мой вундеркинд, флаг тебе в

---

[20] notes: 20

Имеется в виду отборочный тест Scholastic Assessment Test, который проходят все желающие поступить в американский колледж или университет.

руки, но кто-то ведь должен отвечать за тебя на телефонные звонки, потому что ты трубку не берешь! Этим займется Фанни. Потому что она — из наших. От рождения — из наших. Ей можно доверять.

Речь была сокрушительная, но Ван упрямо стоял на своём.

— Как насчет Джимми Мэтсона из «Мондиаля»? В лаборатории он был моим заместителем. Джимми справится. Он вообще молодец.

– Ты мне уже рекомендовал Джимми Мэтсона. Мы его проверили. Он гей и злоупотребляет медикаментами.

— Джимми — педик? — потрясенно переспросил Ван.

— И наркоман. Ван, мы не в частном секторе! Фанни прошла проверку на благонадёжность, даже не заметив. Дочка Гликлейстера лояльнее тебя самого. Намного.

Мобильник Вана пискнул, предупреждая о входящем вызове. Ван решил сменить собеседника — спор с Джебом был считай что проигран.

— Я тебе перезвоню, — бросил он. Звонила Дотти.

— Привет! — в радостном удивлении выпалил Ван. — Ты в Вашингтоне?

— Я в Колорадо, — отозвалась Дотти. — Ты зачем Фанечку обижаешь?

— Милая, я ее не обижаю!

— Фанни умеет готовить, — принялась уговаривать его жена. — Блюда сычуаньской кухни. Фанни нашла меня через «Гугль», и мы обсудили все твои проблемы. Она очень славная.

— У меня нет никаких проблем! Мне не нужна секретарша и не нужна повариха. Кроме того, это неконгруэнтные классы.

— Дерек, — Дотти повысила тон на пол-октавы, — ты что сегодня ел?

— Готовый обед, — поспешно соврал Ван.

На самом деле ему вообще не пришло в голову пообедать. Он думал.

— Какой именно?!

— Рубленый бифштекс, — торопливо выпалил Ван. Это была правда. Он действительно пообедал в тот день готовым рубленым бифштексом с грибным соусом. Просто забыл об этом и нечаянно наврал жене.

Первая хакерская атака произошла через двадцать минут после включения «Гренделя». Это был дозвон портов, и, разумеется, ни к чему он не привёл. Портов в обычном смысле у построенного на потоках данных «Гренделя» не было. Ван

установил эмуляторы, которые смутно напоминали порты — так же, как венерина мухоловка напоминает полный нектара цветок.

Взбудораженный атакой, ожил пейджер, заколотившись через штанину в правое колено, — за прошедшие сутки Ван выхлебал столько кофе, что ему показалось поначалу, что содрогаться начала его собственная нога. Ван выудил пейджер из глубокого кармана и, недоумевая, вошел в систему. Атака — через двадцать минут? Откуда?

Несколько минут он наблюдал, как нарушитель маниакально барабанит по клавишам, потом позвонил Джебу.

— Джеб, иди сюда! *Это* ты должен увидеть!

— Ван, я занят перестрелкой с BBC.

— К чёрту BBC — подойди, посмотри!

К тому времени, когда Джеб добрался до кабинета своего заместителя, нарушитель-неудачник уже набил пять экранов бессмыслицы, перемежаемой рядами пробелов. Ван молча перелистывал длинный список команд туда-сюда.

— Это… тот, о ком я думаю? — Жабьи глаза Джеба вылезли на лоб.

— Это он! Он! На самом деле это большая честь.

Фанни бросила попытки вычистить спам из

почтового ящика, одновременно слушая аудиокнигу — она обожала беллетристику некоей Кэти Экер[21]. Ван закрывал глаза на ее странные привычки: в наушниках Фанни несколько успокаивалась.

– Кто — он? — поинтересовалась Фанни, пережевывая маркер.

— Это Долгоносик, — торжественно объявил Джеб. — Ты только глянь на него. Он проходится по двадцати главным уязвимостям «Виндузы». Десять попыток на каждую.

— Только псих может запустить у себя сервер «Виндоуз», — возразила Фанни. — У Большого Билла в системе больше дырок, чем в швейцарском сыре.

— А Долгоносик — он сам псих, — ответил Джеб. — Он даже не знает, что такое «Виндоуз». И что такое UNIX, он тоже не знает. Просто когда у него кончится список дырок в «Виндах», он начнет перебирать уязвимости «линухов».

— Я слышал, — заметил Ван, — что он как-то раз опробовал эпповскую дырку.

— Нечаянно, должно быть.

— А что он делает, получив доступ? — поинте-

---

[21] notes: 21

Экер, Кэти (1947-1997) американская писательница, видная феминистка.

ресовалась Фанни.

Джеб пожал плечами.

— Находит корневой пароль. — А после этого?

— Делает себя привилегированным пользователем, затирает следы вторжения в логах и начинает искать следующую жертву.

— Ой. — Фанни почесала нос колпачком маркера. — Один из *этих,* да?

— Долгоносик — типичный образец *этих.* Программирования он не понимает. И не поймёт никогда. Его интересуют только дырки и уязвимости. Он их собирает из любви к искусству. Составляет длинные списки. И пробует всё по очереди, как по кулинарной книге. Вручную! Ты посмотри, как он пробелы набивает!

— Вау!

— Двадцать четыре часа, порой тридцать шесть часов подряд. День за днём. Неделями. С лэптопа в сортире, — продолжал Джеб. — Ты с Долгоносиком вживую не сталкивался? Его брали раз тридцать уже.

— Фотографию видел, — сознался Ван.

Его и его берлоги — или как там ещё можно было назвать невероятно грязную дыру, откуда действовал Долгоносик. На памятной встрече в Федеральном информационном центре — в

Фениксе в девяносто шестом — во время пивной вечеринки на диапроекторе показывали кадры времен последней битвы с Долгоносиком. Ван до сих пор не мог забыть, как ржали компьютерные фараоны.

— А я повстречался как-то, — припомнил Джеб и поморщился. — В центре реабилитации заключенных. Нельзя было не посмотреть на Долгоносика! Ну как же — негодяй, взломавший четыре тысячи компьютеров. Федеральных в основном. Один за одним. Вручную. Даже тогда у него такой туннельный синдром был… — Толстяк задумчиво примолк. — Хотя правильно это называется «дегенеративный остеоартрит». Руки — точно хоккейные перчатки.

— О нет! — выдохнула Фанни.

— Да, Фанни. — Джеб одарил её отеческой улыбкой. На широкой его физиономии ласковое выражение выглядело неуместно, но Джеб хорошо знал Хаймена Гликлейстера.

Девушка с сомнением поковыряла носком дешевого мокасина грубый ворс конторского ковра.

— Правда?

— Правда-правда. Фанни, я не шучу. — Фанни поверила.

— И… э-э… что нам с таким типом делать?

— Ну, он же душевнобольной. ФБР его определяет как выдающегося ананкаста[22], и… — Джеб замолк, пытаясь подвести черту под своими мыслями. — Вот лицо нашего врага, — промолвил он в конце концов. — Я хочу сказать, пускай он не из «Аль-Каеды», но он наш клиент. С этим парнем невозможно договориться. Не поможет никакая дипломатия. Никаких компромиссов. Никакого здравого смысла. Его невозможно запугать, подкупить или выполнить его требования. Его система ценностей настолько отличается от нашей, что куда там боргам из «Звёздного пути»!

Ван подергал себя за бороду так яростно, что вырвал волосок.

— Откуда этот Долгоносик вообще знает о нашем существовании? Выше нас по кабелю только АНБ!

— А вот это мне уже совсем не нравится, — проворчал Джеб.

Ван поглядывал на дисплей. Печатал Долгоносик прескверно. Дошколята барабанят по клавиатуре уверенней. Ван сообразил, что Долгоносик печатает двумя пальцами. Возможно даже,

---

[22] notes: 22
Больной, страдающий навязчивыми состояниями.

двумя культями.

Чтобы довести до ума альфа-версию «Гренделя», у Вана приходилось в сутки по три кофейника и два часа сна. Но проект развивался бодрей, чем программист мог себе представить. Система работала прелюбопытнейшим образом. Она была изящна, и Ван ею гордился. Работа над «Гренделем» была достойна его талантов.

Он погрузился в работу с головой. Ван жил в одиночестве. Работал со страшным напряжением. Каждая мышца болела от того, что ежевечерне он загонял себя в тренажерном зале, чтобы рухнуть в холодную смятую постель и забыться.

А теперь — и мгновения не прошло, как в систему вошел первый пользователь, чтобы восхититься плодами Вановых трудов, первым же «гостем» оказался… оказалась… эта тварь. Конечно, Долгоносик не мог справиться с защитой системы. Всё равно что наблюдать, как термит точит бетонную стену. Но если тот не перестанет точить…

— Мы должны избавиться от этого типа, — заключил Ван.

— Ему никогда не взломать «Грендель». — Джеб пожал плечами. — Маньяк.

Ван понизил голос:

— Мы должны от него избавиться просто потому, что он — это *он,* а мы — это *мы.*

– Хорошие парни уже пытались, — напомнил Джеб. — Любому окружному прокурору хватает одного взгляда на Долгоносика. И начинается: вы хотите, чтобы я вот ЭТО выставил перед присяжными? Оно почти слепое! Безрукое! Немое! Оно в жизни никогда не работало. И жизни у него никакой нет. Я не уверен даже, умеет ли оно читать.

— А чем он питается? — спросила Фанни.

— У него вроде как родственники в Канаде. Пересылают ему наличные. Неплохие вроде бы люди, как я слышал. Но очень счастливы, что Долгоносик держится от них подальше.

Ван стащил очки с переносицы.

— Долгоносик — канадец?! Так он ещё и иностранец? Я не знал.

— Ну да, а что?

— Гос-споди! Всё! Шутки кончились! Партизан-террорист! Враг человечества! За колючую проволоку его! Джеб — это Гуантанамо. Карцер.

— Ван, успокойся.

Программист ткнул пальцем в монитор:

— Джеб, ты посмотри на это! Он взламывает Совет национальной безопасности! Это, если ты забыл, *мы.*

– Хм. — Джеб прокашлялся. — Ну… что-то в этом есть.

— Это его последняя выходка! Ему хана! Мы его раздавим!

— Ван, СНБ не полагается напрямую участвовать в оперативной работе. А мы всего лишь консультативный орган при совете. Координационная группа.

— Этот криворукий болван лезет в наши дела, — вскипел Ван, — а мы ему это спустим с рук? Он же знаменитость! Его каждая собака знает! Мы что, тряпки какие-нибудь, мы — жертвы насилия?! Дай мне его адрес! Он в Орегоне живёт, верно? Я ему вышибу дверь вместе с зубами…

Ван осекся. Бледные Фанни и Джеб не сводили с него глаз.

— Я перебрал, — понял он.

— Э-э… — выдавила Фанни. — Да.

Ван легонько погладил экран.

— Но, Джеб, ты же знаешь — это моё детище.

Толстяк кивнул не сразу.

— Может, мне не следовало бы этого говорить, но я понимаю, Ван. Интуиция тебя не подводит. Надо что-то предпринимать. Я тебя буду держать в курсе.

— Ладно.

— Но ты нужен нам здесь, при «Гренделе», Ван. Я не могу отпускать тебя на оперативные задания.

Наступила очередь Вану пучить глаза. Джеб взаправду поверил, что он, Дерек Вандевеер, помчится через всю Америку с пушкой наперевес и вышибет душу из негодяя. Положит его на пол и, наверное, пристрелит.

Ван наблюдал, как мучительно ползут по экрану рваные строки.

«А ведь я бы так и сделал», — понял Ван в приступе ошеломительного самопознания.

У него руки чесались пристрелить Долгоносика. И спал бы он после этого только крепче.

Где сейчас Дотти, где Тед? Где его место, где дом? Как всё плохо…

— Я бы предложил «проблемы с визой», — пророкотал Джеб. На лице его сгущались тучи. — «Нарушение закона об иммиграции». Я бы предложил даже «кибертерроризм». Звонок Джону Эшкрофту[23] лично, и полторы тонны кирпичей на голову.

— А они уже приняли этот закон? — поинтересовалась Фанни.

---

[23] notes: 23
Генеральный прокурор США (2001-2005).

— Патриотический акт? Лапочка, они ещё и не такое примут.

Квартирка Вана в Вашингтоне была грязна и небезопасна. Кабинет в СНБ обставлен наспех и скверно. Но второй кабинет Вана, расположенный в четырёх часах езды от Вашингтона в том, что называлось Склепом, был настолько ужасен, что даже нравился хозяину, и быстро стал для него любимым рабочим местом.

На каналах CNN и MSNBC Склеп неизменно именовали «месторасположение засекречено». Предположительно здесь дневал и ночевал Дик Чейни. Вообще-то Ван ни разу не видел в Склепе вице-президента, но публика там подобралась интересная.

Кто-то, вооружившись весьма странными критериями, попытался составить список людей, которые станут управлять Соединенными Штатами Америки, если Вашингтон будет уничтожен ядерной атакой террористов. Это и был концептуальный замысел Склепа: бодрящая мысль о том, что федеральный округ Колумбия может в одночасье обратиться в свалку черного шлака.

Вашингтон будет разрушен мгновенно. А пять, от силы шесть минут спустя к жизни пробудится Склеп. Выжившие под его сводами толпы станут

постъядерным правительством Америки.

Население Склепа постоянно циркулировало — оставаться надолго в зловещем бомбоубежище никому на самом деле не хотелось. Каждый мечтал побыстрее вернуться к нормальной жизни, даже если при этом рискуешь погибнуть от зарина, сибирской язвы или ядерного взрыва. Поэтому в Склепе царила постоянная неразбериха — всё та же «пайка труб», только помноженная на десять.

Обитатели Склепа спали на одинаковых стальных койках. Сидели на одинаковых железных стульях за одинаковыми армейскими раскладными столиками. Кем окажется завтра твой сосед, никогда нельзя было угадать: Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, инженерные войска, даже почтовая служба США… Все они появлялись по очереди, чтобы провести, тиская ламинированные блокноты и озираясь испуганно, свои две недели в подземном убежище.

Склеп появился в 1962 году, когда страну ещё мутило после кубинского кризиса. Его удалось сохранить в тайне, потому что строилось ядерное убежище скрытно, в большой спешке, узким кругом лучших подрядчиков. Располагался Склеп в Аллеганских горах, на самой границе Западной Виргинии. Поверх него для защиты от русских

и журналистов построили совершенно восхитительный роскошный отель. На протяжении сорока лет Склеп успешно оставался неведом миру. Работавшие в отеле семейственные жители Западной Виргинии никому из посторонних не промолвили и слова о затаившемся под их ногами гигантском муравейнике.

Склеп мог похвалиться огромными стальными воротами и угольной электростанцией, она же крематорий — на случай, если кто-нибудь помрёт от лучевой болезни. Телефоны все были дисковые, из красной пластмассы, словно одолженные на съёмках кубриковского «Доктора Стрейнджлава». Самым большим помещением в Склепе был тренажёрный зал — чтобы последние люди на Земле не свихнулись вконец от тесноты.

В тренажёрном зале Ван проводил немало времени. В отсутствие Дотти мрачное безбрачие превратило его в заядлого культуриста. Нетренированное тело программиста требовало заботы: приличной еды, секса, сна и долгого отдыха. Ничего подобного Ван не мог себе позволить. Оставались яростные тренировки.

В полувоенную атмосферу Склепа его невольная сублимация вписалась отлично. Здешние жители навешивали дополнительные грузы

на пятидесятифунтовые гантели и тренажёры. Обитатели Склепа поневоле становились невротиками. Смысл пребывания в убежище в том и состоял, что всё, что ты знаешь, завтра может превратиться в прах.

Был даже один несчастный здоровяк, который качал мышцы, не снимая навечно пристегнутого к его запястью чемоданчика. Курьер никогда ни с кем не разговаривал, но не заметить его было трудно: рослый, мрачный, молчаливый, чеканный… на любителя.

Вана загадочный незнакомец заинтересовал. Проходили дни, а никто так и не освободил курьера от его бремени. Чемоданчик на цепи был водонепроницаемый и, похоже, взрывоустойчивый. Курьер даже мылся с ним. Ван его, разумеется, никогда о чемоданчике не спрашивал. Это была слишком личная тема.

Склеп представлял собою барак, и жизнь в нём подчинялась простому казарменному распорядку. Питались все в столовой, три раза в день, за длинными общими столами. Казенный кошт обзавелся грубыми армейскими кличками: телятина в сырной панировке превращалась в «слоновьи струпья», а оранжад — в «давленых жучков». Когда после отбоя гасили свет, никто не

задерживался побуянить. В Склепе становилось темно — как в гробнице.

Ван и его «бэкапки» стали в Склепе популярны до невозможности. На второй день после прибытия Ван установил надёжно зашифрованный широкополосный WiFi-канал. Благодаря ему и его кибервоякам даже самый одинокий, скучающий зомби, замурованный в кабинете с лэптопом и дешёвым камуфляжным пледом, мог невозбранно лазить по новостным порталам. Ван ожидал, что кто-нибудь из начальства пожалуется на бесплатный доступ к Интернету с секретной базы, но жалоб не было. «Наверху» Интернет воспринимали как современное стихийное бедствие.

В Склепе Вану было удобнее, чем в вашингтонской квартире. Да, в убежище было тесно, мрачно и душно, но там программист по крайней мере регулярно ел и мылся. А ещё там он чувствовал себя в безопасности.

Большинство госслужащих в Склепе ёжилось в страхе перед апокалипсисом, который уничтожит всё вокруг. Для Вана апокалипсис уже наступил. Его мир рушился — по телевизору, в газетах и журналах — день ото дня.

Трудно было поверить — Ван, по крайней мере, не мог такого вообразить, — но «Мондиаль», мо-

гучий «Мондиаль», лопался. «Мондиаль» трещал по швам. Героическая, славная, провидческая, передовая компания расползалась под ударами «медвежьего» рынка, точно старая боксерская груша.

Это было совершенно бессмысленно. «Мондиаль» не хлипкий веб-магазинчик с фантасмагорической бизнес-моделью. «Мондиаль» был необходимым фундаментом современной цивилизации. Гигант телекоммуникаций владел реальной собственностью: кабелями, микроволновыми ретрансляторами, оптическими коммутаторами, франшизами дальней голосовой связи, большими участками региональных абонентских шлейфов и даже спутниками на орбите. Огромные доходы «Мондиалю» давала прокладка оптоволоконных кабелей по всей планете. «Мондиаль» воплощал собой будущее, где мир объединится в глобальном благоденствии. Безумием было бы полагать, что обществу информационной эпохи окажутся не нужны «Мондиаль» и его способности.

Но мир перестал в это верить. Террор проткнул электронный пузырь, и фондовый рынок канул в омут. Состояние Вана — его собственный капитал, его владения — ушло в безнадежное пике. И

он был беспомощен. Ван ничего не мог поделать, чтобы избежать катастрофы, — как федеральный служащий он вынужден был поместить свои вклады в слепой трастовый фонд.

Это его не встревожило поначалу. У Вана никогда не хватало времени заниматься фондовым рынком. Конечно, он знал тех, кто жил биржей, — его лучший друг, Тони Кэрью, был из таких. Ван хорошо знал Тони и потому никогда не пытался обыграть мастеров первичного размещения на Уолл-стрит. Поэтому он не против был оставить свой пакет мондиалевских акций в федеральном сейфе, уверенный, что просто сохранит там свои капиталы — как положено типичному мудрому инвестору, — пока паника не схлынет и «Мондиаль» не примет его обратно на работу.

Но ужас пожирал компанию. Всё, чего требовал от «Мондиаля» здравый смысл, в одночасье обернулось отравой. Всё, что создал и открыл Ван — златоносные перспективы исследований, орды возможностей, мощеные дороги в будущее… всё прах. Надутый пузырь. Бездна.

В такие времена очень уютно делается, когда работаешь в бомбоубежище.

Ван был разорён. Но не до конца. Как заместитель директора бюро по технической части Ван

получал от правительства зарплату — каждый месяц, как по часам.

Платили ему столько же, сколько старшему агенту ФБР, — иначе говоря, гроши. Агенты ФБР начинали зарабатывать, только когда уходили из конторы. Бывшие агенты неплохо получали в новой ипостаси высокооплачиваемых работников частных служб безопасности в больших серьёзных коммерческих предприятиях, куда обыкновенно уходили. В таких, как «Мондиаль».

Даже для Тони Кэрью, классического дот-комовского нувориша, наступили тяжёлые времена. Тони больше не твердил о «горящих» рынках. Тони химичил что-то с исследовательскими проектами в Колорадо и метил на высокотехнологические оборонные подряды. Тони потерял больше денег, чем Ван мог бы сосчитать. А ему ещё приходилось во всем этом жить.

Но в Склепе можно было прожить на овсянке и порошковом омлете. Кредиторы никогда не доберутся сюда. Не надо было смотреть по телевизору финансовые новости или высматривать в газетах котировки акций. Зато в Склепе подавали макароны с сыром. Засохшие желтые кексы. Пива да и любой другой выпивки не было. Давали виноградный сок.

Вот и всё. Больше в Склепе ничего не было. Только Стратегия и федеральное правительство. Беспокоиться не о чём.

Дальше — хуже. Федеральные снабженцы славились неторопливостью. Когда Ван с Джебом прошлись по графику создания «Гренделя», выяснилось, что на оплату компонентов системы времени уйдёт в восемь раз больше, чем на её строительство. Можно было ждать, когда выпишут счета на закупку, но к тому времени критическое преимущество, которое и заставило их создать «Грендель», будет упущено.

В результате Ван заплатил за установку «Гренделя» из своего кармана.

Ван был уверен, что поступает разумно. Он знал, что новорождённое бюро вскоре отомрет, если не поиграет на публику техническими бицепсами. Джеб обещал, что рано или поздно федералы вернут Вану деньги. Как часто твердила ему легендарная контр-адмиральша Грейс Хоппер, всегда проще получить от начальства прощение, чем разрешение. У самого Джеба денег не было: б**о**льшую часть последних двадцати лет он проработал инструктором в правоохранительных органах.

Так что Ван возложил на Фанни задачу купить

на «eBay» 350 подержанных компьютеров. В качестве краткосрочного кредита БКПКИ Ван продал свой «рейнджровер». Всё равно машина простаивала на стоянке недалеко от снятой им в Вашингтоне квартиры. Разумнее было от неё избавиться, чем ждать, когда её угонят.

По иронии судьбы Ван, продав «ровер», без труда вытребовал себе роскошный казенный лимузин — оказалось, что водитель живёт от него неподалеку. В результате Ван рассекал по Вашингтону в бронированном катафалке с тонированными окнами, которым обычно пользовался госсекретарь. А отсыпаться потом возвращался домой, в трущобы.

На электронных аукционах Фанни набила руку — там она покупала б**о**льшую часть своего гардероба, у крошечных нью-эйджевских поставщиков гипоаллергенной одежды. Теперь она приобрела себе набор фальшивых опознавателей — «по соображениям безопасности» — и очень скоро залезла по уши в паутину электронных транзакций, распутывать которую у Вана не было ни времени, ни сил.

Триста пятьдесят подержанных компьютеров доставили быстро. Винчестеры их были забиты по большей части пиратским софтом, вирусами и

порнографией, но с этим трудностей не возникло. Триста пятьдесят материнских плат Ван вставил в припаянные вручную гнёзда. Он инсталлировал совершенно новую операционную систему, превратившую 350 процессоров в компоненты чудовищной сети. «Грендель» установили на свободное место среди интернет-коннекторов во чреве Склепа, напрямую подключив к всемогущим серверам АНБ в Форт-Миде.

Пару дней спустя прибыла офисная мебель. Мебели Ван не заказывал — он мог работать и на складных стульях, — но Фанни взяла дело в свои руки. Она купила обстановку закрытого офиса усопшего дот-кома и самым наглым образом отправила его посылкой на секретный почтовый адрес Склепа в Западной Виргинии.

Отведённый БКПКИ угол безрадостного бункера расцветился леопардово-пятнистыми эргономическими креслами и странными, похожими на соты полупрозрачными перегородками, ширмами из лайкры и чертежными столами.

Многокрасочная добыча Фанни произвела в Склепе фурор. О подобной роскоши федеральные служащие даже не слыхивали. Завистливые трутни из Минобороны заглядывали к ней только ради того, чтобы стянуть позолоченную скрепку

или тиковую кнопку.

БКПКИ заработало себе несмываемую кличку — «эти кибервояки».

Ван снова ожидал, что кто-нибудь вставит им фитиль за наглость, но похоже было, что вставлять фитиль тесной группе консультантов при Совете национальной безопасности попросту некому. Во всём федеральном правительстве не было никого, обладающего полномочиями распоряжаться БКПКИ, за исключением самого президента. И даже тому пришлось бы создать специальное бюро для оценки действий своих специальных бюро — ав военное время не до того.

БКПКИ, строго говоря, вообще не считалось федеральным агентством. Как и сам Совет национальной безопасности, бюро представляло собой не более чем рабочую группу близких коллег, которая пытается развернуть махину федеральной бюрократии в направлении, указанном последней политической модой. Как и президент, БКПКИ в федеральной власти было лишь случайным прохожим. Такого понятия, как «карьерный бэкапщик», не существовало в природе, если не считать Фанни — на тот момент, когда она попросила об услуге Джеба, безработной. Любой

бюрократ из БКПКИ был переброшен временно из другой организации. Карл Боуэн, главный экономист-аналитик, прибыл из Национальной лаборатории Лос-Аламос. Брайан Кун, старший следователь, — из отдела криминальных расследований СВД[24]. Герберт Хоулэнд, заведующий по связям с общественностью, — из службы вещания ВМФ США. И так далее.

Джеб планировал сформулировать в рамках БКПКИ реалистичную политику национальной информационной безопасности, под которой могли бы подписаться президент, госсекретарь, Минобороны, ЦРУ, АНБ и ОКНШ[25]. Катастрофически уязвимым федеральным сетям придётся подтянуться и оправиться. Благим примером, недобрым словом и угрозой насилия БКПКИ поставит в строй ленивых бюрократов. Всё, что может подвинуться, подвинется. А остальное — к чёрту.

На Рождество политическая жизнь замирала. Ключевые персоны попросту исчезали из столицы. На электронные письма отвечать было

---

[24] notes: 24
Служба внутренних доходов (налоговый департамент).

[25] notes: 25
Объединенный комитет начальников штабов.

некому. Ван только порадовался случаю сосредоточиться. В пустой голове звенели продвинутые идеи.

Ван снова в вашингтонской квартире ждал, покуда скомпилируется последний блок программного кода. Жизнь в опасном районе преподала ему несколько полезных уроков касательно безопасности. В жизни, если у тебя достаточно крепкие стены, дверь можно запереть. Если не хватает одного замка, можно врезать пять. Или шесть.

Но в компьютерных сетях нет стен. Брандмауэр — это всего лишь метафора.

Плодотворнее было бы создавать компьютерную иммунную систему. В конце концов, подавляющее большинство серьёзных взломов проводится вовсе не хакерами «снаружи». Хакер не «взламывает», потому что ломать ему нечего. В жизни большая часть компьютерных преступлений совершается изнутри брандмауэра — двойными агентами или воришками, теми, кто уже знаком с системой и прекрасно знает, что нужно стереть, сломать, подправить или незаконно скопировать.

Так что более совершенная система безопасности ничего не будет «запирать» или «ограждать».

Она должна постоянно отслеживать вредоносные процессы в системе. Охотиться за вредными участками кода, как кровяные клетки сражаются с микробами.

Идея была захватывающая. Она открывала пути к разрешению множества сложнейших нынешних проблем в области компьютерной безопасности. Она обогнала свое время на целое поколение. Или на два, учитывая, в каком жутком состоянии находится рынок.

Тем более важно становилось, чтобы первым столь существенный прорыв осуществило БКПКИ. В Склепе возможно было установить рабочую версию — идеальное место для демонстрации перед ключевой аудиторией. Пилотная альфа-версия иммунной системы на распределённом потоковом суперкомпьютере с широкополосным беспроводным доступом.

Вдохновение сжигало Вана. Идея была фантастическая. И что самое лучше — её можно было воплотить в жизнь. Бюджет у БКПКИ был небольшой, но на бюро работали лучшие специалисты в своих областях. В разработке компьютерных иммунных систем у них не было конкуренции. Не было местничества. Не было устоявшихся на рынке поставщиков, готовых защищать свою

долю.

Значит, проект можно запустить по образцу систем с открытым кодом — быстро, тихо, отдельными модулями — на принципе «необходимого знания». Так что пока Джеб сражается с бюрократией за компьютерную безопасность на политическом фронте, он, Ван, станет в буквальном смысле своими руками программировать будущее этой самой безопасности. Мануально. С листа. На лету. Вау!

На экране лэптопа мерцал портрет Теда размером с почтовую марку. В яслях в далеком Колорадо стояла веб-камера. Ван и Дотти обычно приглядывали за сыном по Интернету в рабочее время, хотя в яслях ничего интересного не происходило. За детьми присматривала подвижная чистенькая буддистка-феминистка за тридцать из Боулдера — косы, джинсовый комбинезон, гриндерсы и бандана. Обычно она сидела на ковре, скрестив ноги, пока подопечные ползали по ней. Иногда читала им политкорректные гендерно-нейтральные сказки. Теда подобное обхождение более-менее устраивало, хотя порою выглядел он слегка ошарашенным.

Время от времени Ван гладил мерцающее на мониторе личико и бормотал что-то ласковое

себе под нос. Ничего не мог с собой поделать.

На следующий день после Рождества Ван глянул в дверной глазок и с изумлением увидел на лестнице Тони Кэрью.

Ван отпер три замка и отстегнул две цепочки. Тони проскользнул в квартиру, бросив на тёмную лестницу последний опасливый взгляд. На нем был светлый долгополый плащ и безупречно чистая шляпа. Выглядел он совсем по-вашингтонски — как никогда прежде.

— Нелегко тебя разыскать, Ван. К телефону больше не подходишь?

— Нет. Теперь — нет.

Тони окинул квартиру взглядом, подвел итог в уме и с презрением отбросил как невероятный.

— Это конспиративная квартира? Если так, то неудачная. Я приехал сюда с шофёром и телохранителем и всерьёз опасаюсь, что их кто-нибудь изувечит.

Тони пристроил на облупившемся кухонном столе черную сумку и вытащил только что купленную, ещё в бумажном пакете, бутылку бренди-бенедиктина: на самом деле две бутылки, сплавленные вместе, с двойным горлышком. Жёлтый и зелёный — стеклянные сиамские близнецы.

В годы студенческой юности Ван и Тони считали бренди с бенедиктином пойлом для самых искушенных алкоголиков. Разумеется, пить им в те годы вообще не разрешалось, а на территории студенческого городка — вдвойне, отчего алкогольная смесь становилась каким-то образом ещё вкуснее. У каждого из приятелей была своя запутанная теория касательно точной пропорции бренди и бенедиктина, необходимой для подобающего остекленения.

Вид сплетённых бутылок пробуждал теплые ностальгические воспоминания. Какой невинной радостью была полна тогда жизнь. Как они тогда веселились с Тони. Тони Кэрью в свое время нашёл для Вана лучшее развлечение на свете — подругу жизни.

До той поры у Вана никогда не было соседа по комнате, который мог бы помериться с ним интеллектом.

А то, что Тони был остроумен, скор на язык и обаятелен, Вана ничуть не возмущало.

Тони снял новенькую шляпу и пристроил на рюкзаке, чтобы не соприкасалась с омерзительной стойкой.

— Полагаю, такой штуки, как бокалы, в этом доме нет?

Ван разыскал пару здоровенных одноразовых стаканов. Он всё собирался купить посуду, но как-то случая не было.

Тони занялся пробками. Ван глянул на наручные часы: «Casio» показывали шесть часов вечера.

— Тони, ты пил?

— Как тут не пить? — отозвался тот. — Я только что вернулся с гадски срочного праздничного заворота кишок в Федкомсвязи.

— О!

— Нет, Ван, ещё хуже. Я тебе весьма советую немедленно вместе со мной залить глаза.

— Ладно.

Ван знал, что Тони прав. Слишком хорошо знал.

Тони налил обоим, неуверенно переставляя хрупкие стаканы. Похоже было, что он уже выпил. Не напился — как выглядит пьяный Тони, Ван ещё не забыл, — но определенно слегка промочил горло.

Тони привез ему бремя. И это не просто чудовищная, губительная для всей отрасли авария на федеральных телекоммуникациях. Ради такой мелочи Тони не стал бы являться сюда лично.

Приоритеты Тони Кэрью с течением времени

несколько менялись, но Тони всегда оставался собой. Его интересовали деньги, женщины, новые технологии и власть. Тони был обаятелен. Убедителен. Речист. Во всех этих областях Ван никогда с Тони не соперничал. Поэтому Тони мог ему доверять.

Как большинство наполеончиков, Тони был обвешан комплексами, точно наковальнями. Но всё, что его тяготило, — большие деньги, распутные женщины, карьерные интриги, — с Вана скатывалось как с гуся вода. С первого дня их знакомства Ван способен был проникнуться проблемами приятеля. Он не осуждал Тони — и не порицал. Нельзя было даже сказать, что он ему сочувствовал. Но нуждался зачем-то в его доверии. В его откровенности.

Магниевое кресло Ван предложил гостю, а сам пристроился на скамье тренажёра. Тони погладил блестящий подлокотник. Под ним кресло превращалось в трон.

— Вау! Тебе бы таких дюжину. Их можно друг на друга ставить.

— Отличная мысль.

Ван поднес к губам тонкий белый стакан и отхлебнул «B amp;B». Знакомый бархатистый огонь вернул его в студенческие годы.

Тони окинул взглядом голые стены. От кунг-фушных плакатов Ван ухитрился избавиться вместе со всеми пожитками предыдущего жильца. Оставил только тренажёр вместе с гирями — как утешительный приз.

— Ван, а меблированной квартиры СНБ тебе не мог предоставить?

— Она была меблированная, Тони. Я всё вышвырнул.

Тони прищурился.

— «Жучков» искал? Да, это мне знакомо. Такое разорение потом.

Ван пожал плечами.

— Поверить не могу, что ты подался в федералы. Знаю, оно у тебя семейное, но это занятие тебе как-то не очень подходит.

— Времена меняются.

— Да с какой стати они тратят твоё драгоценное время? Почему именно ты? Ты же золотой стандарт программирования в одном лице. Они что, не могут курьерской почтой свои криптографические головоломки отправлять в Мервинстер? Неплохой у тебя там домик.

— Я его продаю.

— Да ты что! Быть не может! — Тони моргнул. — «Мондиаль» настолько рухнул? Даже

«Мондиаль»?

Ван кивнул.

— На зарплату госслужащего я не могу оплачивать налог на недвижимость. Мне ещё повезет, если я смогу продать дом — понятия не имею, кто его купит. Весь город стоит на ушах.

Тони скис. Тони был богатым мальчишкой из состоятельной семьи, но разница в их положении никогда Вана не смущала — отец Дотти тоже был не беден, а Дотти — она ведь замечательная.

— Знал, что в этой сфере серьёзные проблемы, но… Ты Дотти уже сказал?

— Она считать умеет.

— Значит, не сказал.

Ван промолчал. У него с женой были раздельные банковские счета. Когда оклад и стоимость пакета акций Вана в период интернет-бума начали расти точно на дрожжах, ему показалось, что не время предъявлять Дотти нелепые претензии и менять сложившийся порядок. Это слишком напоминало ему кромешные брачные контракты. Ван не собирался бросать Дотти Вандевеер ради безголовой золотоискательницы. Другие вице-президенты «Мондиаля» могли бы исполнить подобный трюк, но что с них взять, с клоунов? Финансисты.

— Ты к ней в последнее время заезжал?

— Да нет. На Рождество созвонились. Долго болтали.

— Ты её вообще видел с тех пор, как она перебралась в обсерваторию?

— Э-э… нет. Мы оба работаем как прикованные. Это потрясло Тони.

— Слушай, Ван… может, это не мое дело… но я познакомился с Дотти ещё раньше, чем с тобой. Мы с ней в Колорадо виделись, не знаю, раз пять за последние два месяца. А ты не можешь один раз слетать? Ты на ней женился, приятель! В чём проблема?

— Мы каждый день е-мейлы пишем.

С жалостью глянув на Вана, Тони плеснул ему в одноразовый стакан ещё бренди.

— Ты оглянись только на свою берлогу. Ты правда тут ночуешь? Ты что, федеральный тролль пятого левела? Кобольд? Горлум какой-то? Она тебя никогда не видела в этой жуткой дыре, я прав?

Ван кивнул.

— Благодарение богу хоть за это. — Тони вздохнул. — Перейду к делу. Придётся мне вами заняться. Ван, она ранимая натура. Уязвимая. Ей сейчас одиноко, но она никогда первой не

позвонит. Бывает у действительно умных женщин такая вот застенчивая гордость. Она скорее в петлю полезет. Ты должен сказать ей сам, что хочешь ее видеть. Ты должен настоять, Ван.

Ван прищурился.

— Ну, — пробормотал он, — как-то тяжело вот просто так пойти…

Тони потеребил под плащом жилетку — натуральная шерсть.

— Ван, я ошибался? Десять лет назад мы с тобой это проходили. Слово в слово. Я заставил тебя позвонить Дотти. Я тебя практически силой к телефону подтащил. Я был прав?

Бренди начинало действовать. Щеки Вана разрумянились под бородой.

— Да, Тони. Так всё и было. Ты был прав.

— И… Что на стол выложишь?

— Ну, — промямлил Ван, — может быть… У нас в БКПКИ намечается большая конференция, в огромной усадьбе в Виргинии…

— Это которая? «Коулфакс»? «Эрлетт-Хаус»?

— «Эрлетт-Хаус», точно! Он самый.

— О да. Идеальное место. Там все проводят семинары — ЦРУ, Минобороны, лаборатория Белла, DARPA. Меню фантастическое, пейзажи вокруг роскошные — пруды, лебеди, рощи, клумбы, —

господи, винный погреб заложен двести лет назад! Каждый замминистра мечтает затащить в «Эрлетт-Хаус» симпатичную консультантшу. — Тони рассмеялся. — Вот и проблем никаких, старик.

Ван расправил плечи. Звучало и впрямь неплохо. Конференция в «Эрлетт-Хаус» намечалась на раннюю весну, но к марту БКПКИ уже представит свои рекомендации. А он, Ван, уйдет из маленького бюро на какую-нибудь серьёзную постоянную должность в федеральном правительстве. Или окажется перед перспективой скорого увольнения. Так или иначе, рядом с ним должна быть Дотти. Чтобы отпраздновать вместе с ним, или посочувствовать, или… Нет. Просто чтобы они были вместе. Так надо.

— Ты мне ещё спасибо скажешь, — пообещал Тони.

— Уже говорю.

— Тебе бы стоило слетать к ней в Колорадо, и поскорее, — не унимался Тони. — Ты хоть представляешь, что у нас там творится? Мы создали обсерваторию мирового класса. Мы привели астрономию в е-мир. У нас мощнейший узел Интернета-два к западу от Миссисипи.

Да, Дотти новым местом очень довольна.

— Это отличная работа. Будущее астрономии. Цифровая обсерватория не просто наблюдает, старик. Всё, что она видит, уходит в архив, полностью доступный через Интернет-два. Ван улыбнулся.

— Твоя новая замечательная игрушка, а, Тони?

Тони отхлебнул из стакана, поднял бровь и добавил в смесь бенедиктина.

— Знаешь, во времена бума я всё думал: зачем трачу столько сил и времени на каких-то лунатиков? Это был проект старика Дефанти, а я при нем служил главным посудомоем. Но после того кошмара, который я пережил в последнее время… вот теперь я знаю, для чего ему было нужно такое утомительное хобби, никак с бизнесом не связанное.

Ван кивнул.

— Старики правильно относятся к взлетам и падениям. Это часть жизни, вот и всё.

— Я знал, что столкнусь с коррекцией рынка, — мрачно промолвил Тони. — Но не подумал бы, что может стать настолько плохо.

— Не принимай это близко к сердцу, Тони. Время работает на тебя. Всё вернется. И ты вернешься на белом коне.

Ничего более утешительного Ван не мог при-

думать, и говорил он от всего сердца, но, судя по тому, как скривился Тони, вышло всё равно неубедительно. Может, слишком отдавало жалостью.

— Не стоит об этом тебе говорить, — заметил Тони, — но ты знаешь, как упали в последнее время цены на маршрутизаторы? Так вот, Дефанти отдал постоянное поручение закупать их, когда цена падает ниже определенного уровня. Старик, ты не поверишь, сколько у нас скопилось роутеров в обсерватории. Полные ангары. Мы же Интернет-два, мы готовы принять на себя весь трафик от Джуно до Лос-Анджелеса.

— Не верю.

— А ты поверь. Ничего нового нет в том, что хаб ННФ[26] служит важным интернет-узлом. «Энрон» при администрации Буша собирался занять этот рынок. Хотели вывести на рынок широкополосный канал Эла Гора. А мы с этой идеей вышли давным-давно. Сорвали бы куш — мы и старые хьюстонские приятели Дефанти. На эти деньги можно дюжину обсерваторий содержать.

— А что с этой затеей стало?

— Ну, стандартная цена на маршрутизаторы

---

[26] notes: 26
Национальный научный фонд США.

скоро вернется к прежней. То, что мы видим сейчас, — это вроде переходного займа для промышленности на самом-то деле. Но покуда мы сидим по уши в маршрутизаторах. Я подумал: твоему «Гренделю» могут пригодиться роутеры. Я прав?

— Разумеется… но, Тони, я не могу закупать у тебя оборудование.

— Я мало что не приплачу за то, чтобы от него избавиться.

— Мы друзья. А я теперь госслужащий. Это неэтично.

— Я похож на младенца? — обиделся Тони. — Ты давно в столице? Разумеется, я не стану их тебе «продавать». А ты не будешь «покупать». Это вообще не будет оформлено как финансовая сделка. Ты из СНБ, я — из ННФ. Плюс, помилуй господи, есть ведь ещё АНБ! Как, по-твоему, они покупают себе технику? Они вообще официально не существуют.

Ван покачал головой.

— Мой босс ненавидит АНБ. Они занимаются нашим делом. Они придушили все криптографические инициативы. Они не дают навести порядок в системе, потому что им так шпионить удобнее. — Ван отставил стакан. — Уроды.

— Ещё бы! Но у АНБ чёрный бюджет таких масштабов, что «Энрон» покажется букмекерской лавочкой. Ладно, чёрт с ним, с оборудованием. Это был один вариант. Как насчет прочитать у нас лекцию следующей весной? Мы понимаем, как скверно обстоит в сетях дело с безопасностью. Следующая совтехконференция будет проходить на ранчо Дефанти. В апреле. Не хочешь заглянуть и поделиться с нами последними слухами с Окружной? Ты же всегда приезжаешь на Совтех?

— Точно. — Все участники совтехконференций были знакомы — это был единственный способ добиться приглашения на Совтех от Тайных Ботанов — Повелителей Интернета. Там собирались все, кто собой хоть что-нибудь представлял. — Ладно, Тони, я приеду.

— Сможешь представить новую линию партии от своего босса.

— Я проведу демонстрацию «Гренделя».

— Ого! Это будет круто. А почему бы тебе не построить «Грендель» прямо на конференции? Мы бы тебе достали грузовик дрянных компов. И подключим их к системе в реальном времени. Совтех встанет на уши.

А ведь сработает, подумал Ван. Сам он никогда бы не додумался бы устроить подобный спек-

такль, но Тони был совершенно прав. Ребята из Совтеха будут в восторге, столкнувшись вживую с новейшим потоковым компьютером. Дыхание затаят.

Он поневоле улыбнулся. Невозможно было не любить Тони. Ван едва мог вспомнить, как паршиво ему было двадцать минут тому назад, как тоскливо, несгибаемо и отчаянно. Стоило Тони войти в тесную квартиру — и будущее вновь засияло призывными огнями. Впереди ждали светлые дни. И счастье. В натуре, клёвые времена.

Просто фантастика.

Тони молча потянулся за бутылкой. Минутный экстаз прошел. На шее Тони висела невидимая наковальня.

— Что у тебя в планах? У тебя ведь есть план, как спасти положение?

— Ну-у-у, — протянул уже основательно нагрузившийся Тони, — никогда нельзя терять из виду цели, Ван. После биржевого краха пипл не станет разумней. Но теперь все повернулись умом на терроризме, а не на бабках. Сильней прежнего повернулись, потому что теряют надежду.

— У тебя проблемы с финансами?

— Не так просто. Кстати, мне правда очень жаль, что ваш совет директоров лег под холдинг

«Дефанти». Ты был прав, что уволился, прежде чем податься в федералы, но… знаешь, я не хотел, чтобы у тебя всё так неудачно обернулось.

— Да ничего, — отмахнулся Ван вполне искренне — совещания совета директоров он ненавидел ещё сильней, чем конференции в федеральных бюро. — Они же ничего не понимали в настоящей безопасности, это как божий день ясно.

— Когда ты — властелин мира, вроде Тома Дефанти, это может ударить в голову. — Тони состроил гримасу. — Ты ведь слышал, что с Томом случилось, нет?

— Знаю, что он ушел в отставку. На совете директоров об этом почти не упоминали. Замели под ковер.

— Ну, все знали, что Том становится эксцентричен, об этом все газеты трубили, но… В общем, Том подвинулся рассудком. Напрочь. Фактически он сейчас под домашним арестом. Такого человека невозможно просто сдать в бедлам, ты же понимаешь. Можно только построить бедлам вокруг него, как вокруг Говарда Хьюза. Том бредит. Его держат в одном из крыльев усадьбы, жена-китаянка за ним приглядывает… Ван, он твердит о марсианах.

— Гос-споди! Что, правда?

— Вот-вот. Том повстречался с НЛО. Помимо всего прочего. Как во «Вратах рая». Звездолёты и марсиане. Совсем рехнулся. Для всех его работников это сущий кошмар. — Тони опрокинул бокал и обмяк в сверкающем кресле. — Та же сила, что вознесла Тома, его и уронила. Воображение, фантазия. Дерзость мысли. Это, наверное, самая страшная трагедия, какую я наблюдал.

— Боже мой, — прошептал Ван. — Я не думал, что всё так плохо.

— Ван, слушай меня! — яростно прошептал Тони. — Я понял кое-что важное. По-настоящему творческие люди — они не в себе. Вот почему они могут столько отдавать. Должны. Они сражаются с какой-то черной дырой в душе. Великие художники, великие писатели… даже великие бизнесмены. Самые лучшие из них — они намного лучше, чем нужно человеку в жизни. Никакая награда не стоит подобных усилий. Потому что дело не в деньгах и даже не в славе. Это всё ужас. Ужас внутри.

— Да ну тебя, Тони.

— Именно так, Ван, — грустно проговорил тот. — Я это видел собственными глазами.

Ван взял себя в руки. Бренди незаметно дей-

ствовало. Программисту становилось всё лучше. Пришла пора потрудиться ради блага несчастного приятеля.

— Хорошо сделанная работа — сама себе награда, Тони. Когда справишься… это здорово. И когда делишься — тоже.

— Ты можешь так говорить, потому что у тебя есть творческая жилка, Ван. Ты ученый. Ты в своем уме. Ты умеешь вперяться в монитор и нырнуть туда — я видел, как это у тебя выходит, просто чудо какое-то. Я с первой нашей встречи понял — у тебя талант. Но ты не художник. Ты даже не бизнесмен. Потому что в тебе нету беса. Ты хороший парень.

— Тони, кончай. Если уж я в НЛО не верю, о бесах я с тобой точно не стану спорить.

— Со мной? Я всего лишь брокер. У меня творческой жилки нет. Я всего лишь удачливый жулик.

Ван расхохотался.

— Держись, Тони. Всё будет хорошо. Ты молодец. Может, Тони и пострадал от биржевого кризиса, но у него до сих пор был личный реактивный самолёт. Он кружил головы актрисам и моделям. Он тратил на свой гардероб столько, что хватило бы прокормить кенийскую деревню. С какой стати ему так убиваться, словно рушится

мир?

Хотя Тони всегда был такой. Мрачная тяга к самоуничижению служила изнанкой его обаяния.

Тони потёр скулы, как всегда, когда лицо его начинало неметь от выпитого.

— Да, я порой самыми странными способами заключаю сделки. Коллажем и аппликацией, прямо сказать. Настоящий постмодерн.

— Постмодерн? Тони, ты пьян. Кончай болтать ерунду. — Ван поднялся на ноги. — Знаешь, что мы сейчас сделаем? Поедем играть в боулинг. Давай, Тони, пошли!

— Ты ещё катаешь шары? — Тони ухмыльнулся. — Ты мне задницу порвешь.

— Ни в жизни. Ты же у нас игрок. Мистер Ас.

— Ты на руки свои посмотри, — возразил Тони. — Ты что с собой сделал? У тебя плечи, как два ствола.

— Два ствола, — разборчиво повторил Ван. В детстве, когда он страдал заиканием, эти слова ему не дались бы — и не давались сейчас, когда язык заплетается от выпитого. — Поехали в Пентагон. Играть в боулинг. У них там классные дорожки. А у меня есть пропуск.

— Вот это уже интересно, — заметил Тони.

— Пентагон полон красоток.

— Ты надрался, — понял Тони. — Ты сегодня ел что-нибудь?

Ван пожал плечами.

— Поехали. Подальше от этой дыры. Дай вызову мой лимузин.

Не беспокойся, я с шофёром, — бросил Тони, помогая Вану натянуть куртку.

Куртка была немецкая — с распродажи излишков на складах вермахта — зеленая, нейлоновая, с тугими манжетами. Подошла бы военврачу. По множеству карманов Ван распихивал инструменты, запасные платы и всякие мелочи, хотя и выглядел при этом точно сумасшедший хирург-подпольщик. Прохожие на вашингтонских улицах от этой куртки шарахались. В этом было одно из ее главных достоинств.

Кроме того, куртка была тёплая, а на улице подморозило.

Уже в коридоре Тони заметил бластер.

— Это же клеевой пистолет, — заметил он, выхватив инструмент из кобуры и понюхав дуло.

— Угу, — согласился Ван.

Тони простучал костяшками гулкий ствол.

— Так ты плавишь клей в пушке Флэша Гордона? Алюминий?

— Титан.

— Вот и мне показалось — титан. Но слушай, титан же невозможно обрабатывать. Даже Стив Джобс не умеет. Где ты его раздобыл? Это же суперкласс!

— Я им распугиваю толкачей «крэка».

Тони почтительно намотал шнур на рукоять бластера.

— Ты не поверишь, — сознался он, — что мне пришлось сегодня перенести на совещании. Просто кошмар. Кромешный ужас. Но эта штуковина!… — Он расхохотался. — Ты… ты мне поправил настроение.

Тони действительно приехал с шофёром. И с телохранителями — двое мрачных немногословных типов с мордами наёмных охранников на почасовой оплате пристроились на переднем сиденье лимузина, в то время как Тони и Ван развалились сзади на бархатных подушках.

Оба из принципа никогда не понижали градус, так что из бара в салоне Тони вытащил бутылку «Курвуазье». Там же обнаружились и клёвые стопки из флюоресцентно-зеленого стекла.

Ван опрокинул бокал. Бренди было не просто хорошее — отличное. Восхитительное. Как раз этого глотка ему не хватало, чтобы перейти к делу.

— Тони, зачем ты на самом деле приехал?

Тони причмокнул от восторга и налил себе по новой.

— Да просто заглянул, пока я в городе! Завтра — ну или послезавтра, считая линию перемены дат, — я возвращаюсь в Индию. Встречать Новый год на горном курорте с прекрасной женщиной. Я же тебе ещё не рассказал, что познакомился с Анджали, старина! Анджали Девган из Болливуда. Эт-та история для тебя станет сущим откровением.

— Должно быть, горяча?

— Это просто иной мир. Иная вселенная секса. Эта женщина меня сгубила. Натурально. Она изумительная. Я после неё — просто веками изглоданная статуя с фронтонов Кхаджурахо. Мы с ней точно вода и огонь. От наших игр яки в Непале просыпаются.

— Тони, чем я могу тебе помочь?

— Ничем! Вот клянусь, тут уже ничего не поделаешь!

— Просто расскажи мне. Это я, Ван, помнишь?

Тони проверил пуленепробиваемую перегородку между салоном и кабиной водителя.

— Хорошо… хотя мне совсем не стоило бы тебе об этом говорить.

— Ладно.

Ван немного расслабился. Вот и дошло до главного.

— Я не хотел говорить. Ты меня заставил.

— Да, Тони.

— Не надо было рассказывать… потому что речь идет о деньгах. Больших деньгах. И я могу их получить, так что я в этом деле необъективен. Имей в виду.

Ван молча кивнул.

— КН-тринадцать, — прошептал Тони. Спутник-шпион.

— Слышал.

— Жалкий кусок криво перепаянного металлолома.

— Слышал и это.

— На два года отстали от графика. Бюджет превышен на сотни миллионов. Вес при запуске — больше семи тысяч фунтов, он даже в стандартный «Титан» не влезает. Дефанти обвели вокруг пальца с этим проектом. КН-тринадцать — единственный американский спутник-шпион на орбите, в котором не стоят распознающие процессоры Тома. Его обошли на аукционе — знаешь, там всё подтасовано было, но это долгая история… В общем, это же бюрократы. И они попытались

создать спутник-шпион новой модели. Попытались — и облажались в хлам, Ван! Дефанти мог бы провернуть такой фокус, потому что у него всегда была наготове такая небольшая команда лучших спецов…

— Очень тихо, — промолвил Ван. — Очень быстро. И всегда ко времени. Лучшие специалисты, но в десять раз меньше, чем привлёк бы любой другой.

Тони отставил стопку на откидной столик.

— Вот-вот. Я об этом немного иначе думал, но да — именно так и получилось бы.

— Так в чём проблема?

— Они отдали новенький КН-тринадцать на окормление этой банде продажных спонсоров. И теперь, когда Америке действительно нужны зоркие глаза на орбите, мы облажались. Они исхитрились запустить ровным счетом один КН-тринадцать, и тот, уродец, при последнем издыхании. Спутник получился слишком сложным, слишком навороченным, особенно по инфракрасным камерам. Предполагалось, что КН-тринадцать должен в реальном времени засекать дульные вспышки при стрельбе из автомата в лагерях подготовки террористов. Это безумно завышенные требования к спутнику. И

кто виноват, что проект летит коту под хвост? Все виноваты! Все, кроме ВВС всемогущих и НБР! Они ищут, на кого бы повесить всех собак. Виноватого ищут.

Зачем Тони ему это рассказывает?

— Тони, я работаю в киберпространстве, а не в открытом космосе.

— Есть такой тип — Майкл Хикок…

Ван ждал продолжения. Вот к чему дело клонится.

— Хикок из тех парней, за кем остаются трупы. Выполнял для правительства чёрную работу. Чечня, Центральная Азия, Казахстан — ну там, где пусковые шахты… Он наёмник. Человек без совести. Сейчас его наняли ради политического прикрытия. И знаешь, какая сейчас пошла волна? Это все «проблемы программного обеспечения», Ван.

— Ага. — Ван нахмурился. — Во всём виноваты программисты. Умников к ответу.

— Хикок бродит по кабинетам в поисках козлов отпущения. Не становись к нему в очередь, ладно? Твоя новая контора в программёрском мире уже начала зарабатывать себе имя. Это значит, что всякая бестолочь будет вешать на вас свои дерьмовые проблемы. С высоких-высоких

кресел.

— Тони, мы в БКПКИ не напрашиваемся решать проблемы со спутниками. Уж поверь, у нас своих проблем выше головы!

— Ван, выгляни в окно. Это город Вашингтон. Заниматься своим делом здесь — недоступная роскошь. А КН-тринадцать — большая политика. Проблема из тех, что сами тебя находят.

Ван обдумал эту идею — достаточно мерзкую, чтобы быть правдой.

— Ты хочешь сказать, что дерьмо посыплется на меня и нашу команду?

Тони посмотрел, как мимо пролетают фонари.

— Том Дефанти был мой человек, хотя я и не могу ему сейчас ничем помочь. А Том Дефанти был сам себе производством спутников-шпионов. Так что я точно знаю — эта проблема свалится на тебя.

Ван поразмыслил над этим.

— А что, если я смогу его починить? — Тони потерял дар речи.

— Ладно, — признал он в конце концов. — Если бы проблема была только в программном коде — да, пожалуй, ты бы её смог исправить. Но беда же не в этом. Весь проект КН-тринадцать от начала и до конца — сплошная липа. США обогнали весь

мир по спутникам-шпионам. Никто не полагал на самом деле, что нам потребуются ещё более мощные. Подрядчики заняли хлебное место, получили свой гарантированный бутерброд. А теперь они вывели на орбиту летающий золотой «кадиллак» с дрянным детройтским моторчиком под капотом. Хочешь починить чего-нибудь? Почини мозги «Локхид-Мартину» и «Дженерал динамике»!

— Ладно, Тони, я уже понял.

— Ты хороший парень, Ван, но военно-промышленный комплекс тебе не переделать. Я не прошу тебя устраивать большую разборку и устанавливать справедливость. Я бы никогда тебя не попросил об этом. Я только предупреждаю: поберегись. Это всё.

— Спасибо за информацию, Тони. Я у тебя в долгу. — Не стоило тебе об этом рассказывать. У тебя же допуска нет, Ван. Мы оба можем в тюрьму загреметь.

Ван вздохнул.

— Тони, мы не поедем в тюрьму. Мы едем играть в боулинг.

— Ага.

— Мы вместе катали шары. И больше ничего.

— Точно, старина. Совершенно верно. Клянусь

на Библии.

— А ты рассказывал мне о свиданиях со своей индийской актрисой.

— Актрисой, это точно, — согласился Тони, очевидно повеселев. — Но знаешь, Ван, это далеко не главный её талант…

ГЛАВА 6

Месторасположение неизвестно, январь 2002 года

Попытки Джеба привести к консенсусу все связанные с информационной безопасностью федеральные агентства имели свою оборотную сторону. Компьютерами политический истеблишмент не интересовался. Все будто помешались на безопасности авиаперелётов. С точки зрения Вана, это была совершенная бессмыслица — типичная реакция перепуганных дилетантов, неспособных взглянуть на проблему с точки зрения вменяемого инженера.

Очевидно было, что «Аль-Каеда» не собирается повторять атаку самолётов-камикадзе. Террористы так не поступают. Элемент неожиданности был жизненно важен для их плана. Никакой экипаж и никакие пассажиры на Земле больше не сдадут самолёт банде угонщиков с опасными бритвами теперь, когда ясно стало, что все на борту при этом погибнут.

Логически рассуждая, пытаться защитить самолёты от людей с опасными бритвами было

столь же бесполезно, сколь и невозможно расточительно. И бессмысленно. В любом аэропорту продолжали торговать выпивкой в бутылках. Любой угонщик с бутылкой спиртного держит в руках тяжелую стеклянную дубинку, полную горючей жидкости, причём удар по переборке превращает ее в смертельно опасный нож. Четверть «Джека Дэниелса» представляла собою оружие куда более страшное, чем резак для картона. Ну и что важнее? Почему об этом никто не подумал?

Но Ван всё же мог понять, почему политики так озабочены падающими самолётами. Упавший самолёт — один из немногих видов оружия, способных уничтожить разом достаточно большое количество вашингтонских политиков.

Так что эту глупость БКПКИ готово было проглотить из политической необходимости — но ею дело не ограничилось. Если бы террористы действительно собирались атаковать правительство, использовать для этой цели гражданские пассажирские лайнеры было неумно. Они слишком медленно летают, за ними слишком хорошо следят, а на борту слишком много посторонних свидетелей. Идеальным летающим орудием убийства для террористов-камикадзе был бы

частный реактивный самолёт. Команда у него маленькая, и угнать его из ангара нетрудно. Потом краденый самолёт можно загрузить взрывчаткой на манер Тимоти Маквея. Задача на элементарную механику — ответ становится очевиден, если правильно записать условия. Угнанный частный самолёт нанесёт удар быстрей, страшней и куда эффективней, чем пассажирские лайнеры 11 сентября.

Но в то время, когда всем Джо и Джейн Потребителям просвечивали в аэропорту подмётки, в ответ на очевидную угрозу со стороны частных реактивных самолётов никто в федеральных правоохранительных органах даже не почесался. Владельцы частных самолётов были самыми богатыми людьми Америки. И никто в конгрессе не осмеливался наступить им на мозоль.

Американские богачи слишком богаты, чтобы с ними обходились как с террористами. Несмотря даже на то, что Усама бен Ладен, лучший на свете террорист, был далеко не беден. Сёко Асахара, зариновый йог-заговорщик, мог позволить себе личный вертолёт. Если кто и представлял собой террористическую угрозу, то в первую очередь богатые психи.

Однако от внимания Бюро опытных разра-

боток авиационной радиоэлектроники ВВС США — конторы, проходившей под цыганистой аббревиатурой БОРАРЭ и расположенной в Колорадо-Спрингс, — этот зияющий пробел в противовоздушной обороне не ускользнул. С негласной помощью НАСА и DAPRA первой жертвой конверсии был выбран BBJ, «боинг бизнес-джет», самый большой, а потому самый опасный самолёт в частном авиапарке Америки. Решено было создать маленький потайной автопилот, который можно незаметно установить на борту и дистанционно активировать в случае террористической атаки. После чего автопилот выведет машину на посадочную полосу, где обалдевших террористов уже будет поджидать заранее оповещённая полиция.

Схема выглядела достаточно простой… но сатана, как всегда, таился в мелочах. Дистанционное управление реактивным самолётом в воздухе ставило перед проектировщиками множество сложных задач, но программистам приходилось особенно тяжело. Потому что, если умелый хакер заполучит контроль над системой управления, каждый частный реактивный самолёт в Америке превратится в радиоуправляемую бомбу.

Парни из БОРАРЭ посвятили себя разработке

дистанционно управляемых самолётов-шпионов. Вопросы управления воздушным движением и интеграции автопилота в системы бортовой электроники они щёлкали точно орешки, но безопасность связи находилась за пределами их возможностей. Джеб вызвался разрешить проблемы БОРАРЭ с безопасностью связи, потому что для БКПКИ политически выгодно было приложить руку к организации национальной безопасности воздушного движения. С технической точки зрения это было совершенно бессмысленно, однако должно было привлечь внимание конгресса.

Проект «Грендель» уже не требовал ежеминутного присмотра, и на Вана как-то сама собой свалилась задача модифицировать системы управления спутниками-шпионами для использования на частных самолётах. Ван сомневался, что проекту суждена долгая жизнь, протянет он не дольше, чем заголовки на передовицах газет об угоне самолётов, — но он уже не был сам себе хозяином. Кроме того, когда он оценил детали, работа оказалась очень интересной и многообещающей в плане технического применения. В конце концов, спутники тоже были дистанционно управляемыми летающими объектами, и протоколы шифрования при связи с ними ис-

пользовались проверенные.

Ван никогда не подозревал, что на орбите крутится столько высокотехнологических гостайн, но на самом деле ситуация складывалась восхитительным образом.

На протяжении сорока лет взломать американские спутники-шпионы пыталось неимоверное количество противников. «Вскрыть» и подчинить сверхсекретную американскую «Замочную скважину» — КН-11 — или «Аквакаду»[27] прямо на орбите было бы колоссальным достижением для любой разведки, куда большим, чем «дело Сокола и Снеговика»[28] или Джонатана Полларда[29]. Усилий на это было потрачено неимоверное количество. Никто — ни китайцы, ни русские, ни даже французы или англичане — не мог срав-

---

[27] notes: 27

Серия спутников-шпионов на квазистационарных орбитах, предназначенная, в частности, для перехвата телеметрии из радиосетей, по которым советские стратегические бомбардировщики поддерживали связь с землей.

[28] notes: 28

Настоящие имена Кристофер Бойс и Эндрю Далтон Ли двое американцев, осужденных в 1977 году за шпионаж в пользу Советского Союза; переданная информация касалась технических данных спутников-шпионов и секретных шифров правительственной связи.

[29] notes: 29

Поллард, Джонатан — офицер разведки ВМФ США, осужденный в 1986 году на пожизненное заключение за передачу секретной информации (в частности, данных по американским системам глобального радио-

наблюдения) Израилю.

няться с достижениями американской техники в областях телеметрии, захвата сигналов, систем слежения за фазированными несущими, фазово-когерентного слежения и стохастического интегродифференциального анализа гибридных многоканальных несущих частот.

На новом месте Ван чувствовал себя как рыба в воде. Особенно ему нравились брифинги. Допуск к «совершенно секретным» материалам он уже перерос, достигнув эзотерических ступеней «администрация-гамма» и «НКР» — это когда материалы для ознакомления ему передавали правительственным курьером, машинописные, на хрупких, горючих листах восковки.

Угрюмые инженеры из АНБ и НОР с неохотой расставались с секретными данными. У них плавились не только трубы, но и головы. С б**о**льшей охотой они сняли бы штаны, открыв на всеобщее обозрение семейные ценности. Специалисты АНБ зарождались в каком-то странном параллельном мире, где все основные принципы уже были изобретены в начале шестидесятых сорока тысячами математиков, запрессованных в большой бункер где-то в Мэриленде. Ван испытывал странное уважение к ним, не к нынешним растерянным лупоглазым снобам из АНБ, а к поколению деда

Чака, к великолепным ракетчикам «холодной войны». То была погибшая империя настоящей мужской техники, где лучшие инженеры Америки, закатав рукава, раскуривали «Кэмел» без фильтра и взрывали термоядерную бомбу.

Взявшись работать на БКПКИ, Ван потерял целое состояние, но, без сомнения, приобретал взамен бесценный опыт. АНБ оставалось тайной даже для собственных работников, а шпионские достижения агентства принадлежали к области допотопных жутких легенд.

Прежде чем на орбиту поднялись первые спутники-шпионы, американская разведка использовала для слежки воздушные шары. Запускала в стратосферу облака ядовитых паров металла, отражавшие из-за горизонта сигналы советских раций. Но всё меньше и меньше ветеранов помнило об этом. Шедевры сверхсекретной изобретательности оказывались попросту забыты — засунуты в ящики и брошены на каком-то складе, точно Ковчег Завета в «Индиане Джонсе».

Шифры дистанционного управления, которые изучал сейчас Ван, остались в наследство от той мифической эпохи. Это был не программный код, а машинный. Должно быть, дед Чак успел приложить руку к его разработке, когда создавал

крылатую ракету в 60-м году. То было живое ископаемое: код, созданный специально для радиоразведки, для спутниковой электроники, для орбитальной «холодной войны». В мир современных компьютеров он заползал точно цифровой трилобит.

И всё же никто до сих пор его так и не взломал. Потому что математические основы его были крепче гранита. Так что теперь перед Ваном и его заказчиками из БОРАРЭ стояла непростая техническая задача — переформулировать код управления спутником для использования на самолёте. И не просто самолёте. А на гружёном взрывчаткой реактивном лайнере, угнанным или украденным, летящем на предельной скорости очень низко, над самой землёй, ниже зоны действия радаров ВВС, держа курс на Белый дом или Капитолий.

В качестве основного решения рассматривался геосинхронный суперспутник дистанционного управления самолётами, подключённый каким-то образом к сети глобального позиционирования GPS. Это был подход типично пентагоновский — он требовал шестидесяти миллиардов и целого поколения на то, чтобы его спроектировать, построить и запустить. Ван надеялся придумать

что-нибудь попроще, полегче и желательно прежде, чем умрет от старости.

По его мнению, для БКПКИ наилучшим выходом было бы повторить успех «Гренделя». Собрать один рабочий образец и поставить кому-нибудь в самолёт. Парни из БОРАРЭ клянчили у НАСА и «Боинга» небольшой реактивный лайнер — такой, чтобы не жалко было разбить. Конечно, об этих молодых ребятах никто до начала кризиса не слышал, зато они не хвастались, они работали как проклятые и они были очень талантливы.

Ван как раз сидел в своем кабинетике под сводами Склепа, погрузившись в задачу с головой, когда из-за мандариновой офисной ширмы выплыла хмельная Фанни.

— Господибожемой, это он! Он пришёл! Элвис! Элвис тебя спрашивает!

— Кто? — переспросил Ван.

Он уже не удивлялся, услышав от Фанни нечто определенно безумное. Фанни Гликлейстер находилась в здравом уме. Просто она была настолько умна, что реальность под её взглядом расползалась, как бумага под ножницами.

— Тот высокий, симпатичный брюнет с пристегнутым к руке чемоданчиком. Ван, он ждет в коридоре. Просит его проконсультировать!

В голове у Вана завыла сирена.

— Он не похож на Элвиса.

— Но он же южанин! — выпалила Фанни. — От него просто *несёт* Элвисом. Прямо как от Билла Клинтона. Обожемой, Ван, — он та-акой обаяшка! Самый клёвый парень в Склепе!

— Фанни, да что с тобой? Ау!

— Ну давай его отконсультируем!

Ван кивнул. Утомлённый программным кодом мозг требовал отдыха.

— Проводи его ко мне.

В тесный бетонный фоб кабинета бочком пропихнулся «Элвис». Одет он был в белую рубашку-поло, серые штаны, черный блейзер и черные туфли. Тренировочный костюм он, как сообразил Ван, снял. Это значило, что чемоданчик у него всё же отстегивается.

Ван предложил «Элвису» кресло, а сам пристроился на краю гнутой пластиковой столешницы. Кабинеты в Склепе были такие маленькие, что с тем же успехом можно было проводить совещания в телефонной будке.

— Доктор Вандевеер, — представился Ван. — Чем можем помочь?

«Элвис» аккуратно раздавил Вану руку.

— Майкл Хикок.

Ван невольно погладил бороду расквашенными пальцами. Хикок его реакции словно не заметил. Секунду спустя программист взял себя в руки. Вот наконец и он самый — Майкл Хикок, эта шельма, этот безжалостный наёмник, — сам пришел в руки, точно фальшивый грош. Не диво, что Хикок никогда не расставался со своим чемоданчиком — бродит с ним, точно псих-ядерщик в «Эвакуаторе»![30] Прожжённый ловкач, собравшийся повесить на первого подвернувшегося лоха тринадцать миллиардов казённых баксов растраты. Наивную юную секретаршу Вана он уже успешно обаял. Если бы Тони Кэрью в обход правил не предупредил его…

— Рад познакомиться, — соврал Ван.

– Док, мне сообщили, что у вас допуск «администрация-гамма», — проговорил Хикок.

— Верно. Мы здесь, в БКПКИ, работаем над программными обеспечением и протоколами спутниковой связи.

— Я сам в этом деле ничего не понимаю, — протянул Хикок. — Но моё руководство просто жаждет показать специалисту свою хворую птичку.

---

[30] notes: 30

Фильм 1984 года, режиссер Алекс Кокс, в главной роли Эмилио Эстевес.

— Понятно. — Ван был уже готов принять жёсткие меры, но вблизи, при личном общении, Хикок производил жуткое впечатление каратиста-спецназовца. Похоже было, что он способен переломать любой предмет в комнате голыми ногами.

Куда торопиться? — подумал он. Куда хитрее будет изучить повадки Хикока. Вежливо завлечь его видимостью искреннего сотрудничества.

— Рассказывайте.

Хикок запустил руку в карман и вытащил зловещего вида складной нож, подвешенный на одной цепочке со связкой ключей.

— Мне придется открыть чемодан. Вопрос государственной безопасности.

Ван поднял глаза:

— Фанни, кыш.

Фанни спала с лица. Допуска «администрация-гамма» у нее не было.

— Но…

— Закрой дверь и захлопни наружную. Стой в коридоре. Увидишь подозрительные лица — кричи.

— Так точно, сэр! — отозвалась Фанни, которая никогда не обращалась к начальнику «сэр», и вышла.

Хикок отпер замок крошечным серым ключом. В чемодане пряталась стопка банального вида пентагоновских папок, в каких обычно хранились документы по разработке новых вооружений. За последние месяцы Ван насмотрелся пентагоновских папок на всю оставшуюся жизнь. Пятьдесят лет военизированных ритуалов создали уникальный бюрократический стиль, в котором каждая бумажка требовала визы от вышестоящего офицера и составлялась в четырех экземплярах.

В представших взгляду папках Ван признал классическое «дело Перл-Харбора». Всякий раз, когда масштабный проект кончался пшиком, документация росла словно на дрожжах, по мере того как виновные пытались обезопасить себя от неотвратимо грядущего расследования. Папки начинали рваться иод давлением изнутри и обтирались по углам, покуда их перебрасывали из рук в руки, точно горячую картофелину.

Ван никогда в жизни не согласился бы тратить свое время на то, чтобы одолеть эту гору очковтирательства. Пора было кончать комедию.

— Как я понимаю, мы имеем дело с высокой ценой выбора.

— Это верно, — согласился Хикок. — Но моё

руководство не станет мелочиться с финансированием. Перед вами проект стоимостью десять миллиардов долларов.

Ван совершенно точно знал, что на программу разработки никому не нужного КН-13 выделено было восемь миллиардов, а потрачено — тринадцать. Он обвел рукой завешенные барахлом стены своего кабинетика. Вокруг не продохнуть было от перспективных игрушек информационной войны: камеры видеонаблюдения на солнечных батареях, карманные анализаторы сибирской язвы, гаджеты биометрического доступа, которые пялятся тебе в глаза и облизывают пальцы… Девяносто процентов из них были совершенно бесполезны, но, прежде чем выбросить, их следовало показать ответственному лицу.

— Как видите, мы сейчас заняты другими проектами, более соответствующими нашей ключевой миссии.

«Неужели я только что сказал "ключевой миссии"?» Исходящее от Хикока ощущение опасности и угрозы серьёзно действовало на нервы.

— Послушайте, док, я бы не обратился к вам, если бы расследование уже не зашло в тупик, — промолвил Хикок, доставая ещё одну голубую папку — намного тоньше и другого оттенка. —

При запуске птичка работала прекрасно, если не считать небольших трудностей поначалу. Серьёзно чудить она начала с год тому назад. Уж поверьте, за ней приглядывала толпа народу.

Ван уставился на голубую папку, не дотрагиваясь. Против своей воли он заинтересовался историей Хикока. Любопытство его зачесалось.

Что-то несуразное было в этой истории. Майкл Хикок был впечатляющим типом, но не слишком походил на опытного ловкача, только и занятого поиском козлов отпущения. На столь сложную интригу ему явно не хватило бы ума. Может, Тони Кэрью никогда лично не встречался с Майклом Хикоком. А быть может, всё это просто большая, глупая ошибка. Которую сделали давным-давно. А Ван может исправить.

— Так что — ваша птичка теряет ориентацию?

— Ничего подобного. Стоит как скала.

— Шум на канале связи? Слишком узкая полоса пропускания?

Хикок покачал головой.

— С землей у неё контакт не нарушен.

Ван не мог не посочувствовать человеку, который называет спутник «птичкой».

— Возможно, вы имеете дело с затмениями антенны. В чём проблема — много орсов?

— Много чего?

— Одиночных разрывов связи.

— Послушайте, док, большую часть я понял, но я всего лишь простой деревенский парень, и служба моя была в спецназе ВВС, — ответил Хикок. — Если вам понадобится в глухой глуши надежный корректировщик для беспилотного самолёта-наводчика «Предатор» — вот он я. А ракетные науки — это для меня сложновато. Но не для вас. Давайте начистоту — по мне, вы похожи на парня, который с работой справится.

Ван был польщён. Пока не почувствовал петлю на шее. О да — принцип медовой липучки в действии: никакой самоуверенный всезнайка не в силах устоять перед грубой лестью. Ван поразился, как это весело, когда тебя держат за полного лоха.

— Едва ли я смогу починить для вас спутник, — проговорил он. — БКПКИ — всего лишь координационный орган.

— Но бюджет уже выделен! Сможете нанять специалистов. И мне говорили, что этот ваш «Грендель» обогнал наше время на двадцать лет.

Ван окончательно уверился, что его разводят.

— Возможно, но «Грендель» ещё и занимает большую часть моего рабочего времени. Прак-

тически всё. Очень жаль, что приходится вам отказывать.

Хикок набычился. Наемник был не из тех людей, что легко сносят отказ, и видно было, что отказывают ему в последнее время часто.

— Вот так, значит?

— «Так» — это как? — поинтересовался Ван.

— Без толку! Вы же из этих, из ученых, — всегда гоняетесь за следующим призом. Всё скорость — и никакого направления!

Гнев вспыхнул в груди у Вана, точно комок факсовой бумаги от спички.

— Слушай, приятель, это ты ко мне пришел, а не наоборот. Какое мне дело? Убирайся.

— Какое дело? У нас война на носу! Мои друзья мерзнут в снегах Афгана, а вы тут сидите на пидорских своих примочках! — Хикок щелкнул по алюминиевому абажуру галогеновой настольной лампы. Та глухо звякнула. — Это же спутник-шпион следующего поколения, придурок яйцеголовый! Он может спасать жизни американских солдат! Но только не ты — нет, это ниже твоего достоинства!

Героическим судьбоносным усилием Ван обуздал слепящую ярость. Нет, он не будет бить морду посетителю в собственном кабинете. Кроме того,

подсказало шестое чувство, перед ним стоял очень опасный тип. Такой и убить может.

— Послушайте, мистер Хикок, если я несерьёзно отношусь к нынешней войне, тогда какого чёрта я делаю в секретном, блин, бункере в Западной Виргинии? Работе моей меня же учить будете? Садитесь, программируйте сами. Посмотрим, что у вас выйдет.

— Об этом я прошу *вас*, док.

— Идите к чёрту. КН-тринадцать — летающая груда мусора. Скоро она рухнет с орбиты, как банковский сейф. Хотите, чтобы она приземлилась мне и моим сотрудникам на головы? Не выйдет. Ищите другого дурака.

— Послушайте, вы же не можете этого знать, — возразил Хикок удивительно мягко. Он провел пальцем по голубой папке. — Вы даже не глянули на данные.

— Мне необязательно смотреть на ваши данные. — Хикок выпучил глаза.

— Это мне говорит ученый? Ученым положено изучать данные. Я так всегда слышал.

— Ну… — Ван осекся, чувствуя, что его прижали к стене. Достойного выхода из положения не находилось. — Послушайте, данные тут ни при чём. Эта вот папочка — голубенькая — не

доказательство, а улика. Чтобы заглянуть в неё, я должен расписаться где-нибудь. После чего ваше начальство на меня наедет по полной программе. Тут же. И повесят всё на меня, потому что меня осалили последним.

Хикок прищурился.

— Чёрт. Об этом я не подумал. В этом, значит, проблема? Не желаете носом в мышеловку лезть?

— Ещё бы.

— И правильно, — одобрил Хикок. — Так они и сделают. — Это был не вопрос. И даже не признание. Это была трезвая оценка ситуации. — Но если вы подлечите нашу птичку, док, винить никого не придется.

— Я бы с радостью за нее взялся, ответил Ван. — Я на поколение обогнал ребят, которые строили нашу космическую промышленность. У нас есть более эффективные методики компьютерного анализа, и мне хочется думать, что я действительно смог бы починить спутник, если бы у меня были время и деньги. Но никто не хочет, чтобы я его чинил. Все хотят, чтобы я оставил на нем отпечатки пальцев. — Ван пожал плечами. — Я не стану расписываться на ваших документах. Не просите от меня слишком многого.

— Это я понимаю, — ответил Хикок. — Куда бы я ни подался, всюду творится какая-нибудь дрянь, которая началась ещё до моего рождения.

Движения его сделались до странности неловки — от сдерживаемой ярости, быть может. Или от стыда.

— Предположим, я оставлю эту голубую папочку под скамейкой в тренажерном зале.

У Вана глаза вылезли на лоб.

— Бред. Это же секретный документ. Не оставите.

— Я долго моюсь! — рявкнул Хикок. — А вы, мистер компьютерщик, вы у нас большой культурист, да? Увидимся в зале. Может, заставите себя пропустить пару занятий на тренажере.

«Может, да, — подумал Ван, — а может, и нет. Может, он оставит мне папку. А может, и нет». Он спрыгнул на пол.

— Пошли?

ГЛАВА 7

Ранчо «Пайнкрест», штат Колорадо, январь 2002 года

Остаток дня Тони Кэрью провел, наблюдая, как его подружка танцует в сугробах. Анджали метила в Героини Болливуда Номер Один, намереваясь обойти Айшварью Раи, Бипашу Басу и сестер Капур. За это Анджали готова была платить кровью и плотью — а ей было чем расплатиться.

Анджали неслышно пела под пронзительные вопли фонограммы и одновременно кружилась, порхала, покачивала бедрами и исполняла танец живота. Снова и снова, блистательно, великолепно. Дубль за мучительным дублем, в ясный зимний день на высоте девяти тысяч футов.

Индийские кинозрители обожали романтические сцены в горах. Обожали до такой степени, что местная киноиндустрия заездила Швейцарию вконец, и Тони Кэрью пришлось подсовывать им вместо нее горы Колорадо. Аудитория болливудского кино своеобразно относилась к снегу. Для простой индусской деревенщины — для миллиарда человек — снег представлял

собою сказочную, мифическую субстанцию вроде кокаина или пыльцы фей. Поэтому индийские актрисы, танцуя в снегу, не надевали ни курток, ни шуб. Играть им приходилось с непокрытой головой, голыми руками и голым животом, в традиционном шифоновом костюмчике, с сияющей улыбкой на губах, на зверском морозе. В промежутках между дублями Анджали отбегала в сторону, чтобы отогреться какао на козьем молоке и подышать кислородом из чёрного респиратора.

Главную мужскую роль исполняла вторая звезда фильма и по совместительству двоюродный брат Анджали — Санджай. Ему, как мужчине, позволялось бродить но сугробам в теплых сапогах, длинных штанах и куртке на пуху. Бомбейский клан актеров, к которому принадлежали оба, уже сотню лет разводил кинозвёзд. В лице Санджая семейство произвело великолепную, здоровую скотину.

В Болливуде актеры были не просто лицедеями — они становились героями. Санджай собирался стать индийским национальным героем двадцать первого века. Без шуток.

Как большинство актерских детей, Санджай начал карьеру в амплуа романтического подростка,

но для больших гонораров в расцвете карьеры ему следовало стать звездой крутых индийских боевиков. Поэтому Санджай поступил на военную службу. Он охранял залитые кровью горы Кашмира от мусульманских террористов. Он гонял армейский джип и таскал пулемёт вдоль опасной индо-пакистанской «разделительной полосы». Благодаря этим патриотически-рекламным трюкам он удостоился почтительного и неотрывного внимания индийских кинорепортёров. Самые мудрые брахманы поговаривали уже вполголоса о будущей политической карьере Санджая.

Подходящими для себя политическими лидерами Санджай считал партию «Бхаратья Джаната» — Индийскую народную партию, суровых, крайне правых вояк, возглавлявших с 1998 года правительство страны. А Санджай был их породы киногероем — современным парнем с современными литыми индийскими мускулами, роскошными индийскими костюмами, замечательными индийскими космическими ракетами и ужасно опасными индийскими ядерными бомбами. Кровавые боевики с участием Санджая находили живой отклик в сердцах этих нервозных ура-патриотов. Отец актора, завоевавший огромную популярность ролью Шивы в бесконеч-

ном телесериале, теперь избирался в парламент от «Бхаратья Джаната».

Тони всё это знал и весьма беспокоился из-за Санджая. Бурный роман с Анджали уже осветили все болливудские газеты. Болливуд всегда выносил на всеобщее обозрение личную жизнь своих звезд, и чем эксцентричней — тем лучше. Санджай мог переломать Тони обе руки, точно спички. И тем не менее он ни словом не обмолвился о его отношениях со своей кузиной. Тони не был уверен, принимает он сложившуюся неопределённость как данное или об этом просто нельзя говорить вслух. В Индии многое относилось к обеим категориям одновременно.

У Тони после начала этого романа образовалась масса инвестиционных проектов в Бангалоре, аутсорсинг же вообще превратился в основное его занятие. Что от их интрижки получала Анджали, Тони не до конца понимал, но на охоту с Санджаем актриса отправлялась неизменно, на какой бы край света ни приходилось для этого мчаться. На охоте Анджали позволялось обойтись без парчовых сари, без тяжеленных украшений, без грима и камер. Выезд на охоту становился для неё единственно доступным эрзацем свободы.

А ещё Тони был почти уверен, что женская

половина семейства поручила Анджали приглядывать за кузеном. Она постоянно следовала за охотником на крупную дичь, чтобы любимец клана не вытворил чего-нибудь по-джеймсдиновски непредсказуемого. Например, не отстрелил себе голову.

Внезапное появление индийских кинозвёзд привело работавших в обсерватории Колорадо индусов в полнейший восторг. Тони нанял для работы здесь бангалорских программистов, прибывших в США по трудовым визам. Большую часть времени они чувствовали себя заброшенными в безлюдных горах. Санджай и Анджали подняли их боевой дух на недосягаемую высоту. Оба актера с видимой радостью ходили на экскурсии вокруг телескопа и позировали на групповых снимках с астрономами. Бомбейские звезды очень серьёзно относились к заокеанским поклонникам.

Когда очередной эпизод был отснят, а бобины с плёнкой — запакованы, съемочная группа отправилась в «Пайнкрест» пострелять лосей. Желающих рассадили по уютным джипам-вездеходам — с нагревателями, горными шинами и стандартным комплектом принадлежностей для богатых туристов. Шофёром и проводником

оказался китаец-слуга, откликавшийся на имя Чет, — как все китайцы из прислуги миссис Дефанти, аккуратный и сдержанный до полной невидимости.

Санджай в новенькой черной ковбойской шляпе и безупречно чистой кожаной куртке развалился на переднем пассажирском сиденье. На ранчо «Пайнкрест» ему одолжили чудовищный «винчестер-магнум» 38-го калибра. Санджай то ласково поглаживал винтовку, то прикладывался к серебряной фляге. На «охоте» он всегда напивался, если только не разгонял скуку бесшабашной игрой в покер и похабными песнями на хинди.

Тони и Анджали ехали в том же джипе на заднем сиденье, которое делили с небольшой, но очень неудобной винтовкой.

За ними тащились ещё два больших джипа из усадебного автопарка, под крышу набитые собутыльниками Санджая из съемочной группы и ощетинившиеся стволами. Санджай, как и положено болливудскому актеру, никуда без подтанцовок не выезжал.

Джип вскарабкался на валун, и Анджали бросило на бизнесмена.

— То-они! — пропела она.

Тот расправил складочку на куртке.

— Что, *sajaana?*[31]

– Тони, ты слишком молчалив. О чём ты задумался?

— Конечно о тебе, *maahiyaal*[32].

Ресницы Анджали затрепетали. В свои двадцать три года она давно освоила взгляд великомогольской наложницы, пробуждавший в близрасположенных мужчинах неконтролируемое стремление осыпать красавицу драгоценностями.

— И что же ты думал обо мне, мой милый? Что я тоскую по тебе, когда мы в разлуке? Потому что я так по тебе тоскую, Тони. Утром, днём и ночью.

Она прижала тонкую ладонь к лифчику с расчетливо-бесхитростной искренностью.

Тони раскашлялся от сухого горного воздуха.

— Милая, лапочка, солнышко, *terii puuja karuun main to har dam*[33].

Смех Анджали раскатился по салону звоном колокольчиков. Она обожала, когда Тони цитировал песни из её фильмов.

---

[31] notes: 31
Милая *(хинди).*

[32] notes: 32
Хорошая *(хинди).*

[33] notes: 33
Я на тебя молюсь *(хинди).*

— Ах ты, ты… мальчишка! Замолчи, *yaar!*[34]

Джип с ревом вырвался на открытое место, в холод и сумерки. Долгая засуха неласково обошлась с горами Колорадо. Снежные склоны впереди, территория федерального заказника, запаршивели широкими черными подпалинами.

– Ваши мелкие горы выглядят так жалко, — промолвил Санджай. — Это не Гималаи.

— Ты совершенно прав, — согласился Тони.

— И твой модный телескоп стоит слишком низко. Ниже, чем большой телескоп в индийских горах.

— М-да, если ты про астрономическую обсерваторию Индии в Ганле.

— На четыреста метров выше твоего.

— На двести, — поправил Тони. — Я мерил.

Санджай развернулся на сиденье, облокотившись о спинку обтянутым замшей локтем. Оленьи глаза его покраснели от высоты и выпивки.

— Это шутка?

— Как тебе угодно.

— Не люблю шуток.

— А я не люблю тебя, — ответил Тони и, выдер-

---

[34] notes: 34
Дружочек *(хинди).*

жав два вдоха паузы, добавил: *Ruup aisa suhaana fera chaand bhii hai diiwaana tera*[35].

Джип содрогнулся от хохота. Даже болванчик-водитель Чет фыркнул с облегчением, когда Санджай разразился смехом, вместо того чтобы всадить в кого-нибудь пулю.

– *Bindaas*[36], бросил развеселившийся актер кузине.

Анджали восторженно помахала поднятым большим пальчиком жест, лишенный всякого соответствия в западной культуре.

– *Yehi hai*[37]правильно! — промурлыкала она.

Взревел мотор — машина преодолевала крутой склон. Анджали положила чистенькую ручку на плечо Тони.

— Ты с ним так добр, — прошептала она.

– А с тобой, моя драгоценная?

Анджали покосилась на переднее сиденье. Санджай впал в пьяный ступор. Анджали провела тоненькой ручкой по щеке Тони и осторожно

---

[35] notes: 35

Красота твоя столь несравненна, что даже луна сходит но тебе с ума *(хинди).*

[36] notes: 36

Бесстрашная *(хинди).*

[37] notes: 37

Вот это *(хинди).*

взяла его двумя пальцами за нижнюю губу — её любимая ласка. На Тони она подействовала, как всегда, сногсшибательно. Ему сносило крышу. Его мгновенно, неудержимо, бешено затягивало в головокружительные шафранные бездны Камасутры.

Тони никогда бы не поверил, что такое возможно. В разлуке с Анджали — а он проводил в разлуке с Анджали большую часть времени, опасаясь за свой рассудок, — он сам не мог поверить до конца, что между мужчиной и женщиной может происходить подобное. Но потом она снова оказывалась в его объятиях — и боже ты мой! Не красота ее притягивала Тони, и не потрясающий секс, и даже не нарастающая опасность, что кто-нибудь из разъяренных родственников его пристрелит. Его чаровала причастность к чуду. Анджали Девган была выбрана «Мисс Вселенной» 1999 года. Она была, вероятно, самой прекрасной женщиной на свете.

Чет остановил машину на опушке. Санджай осушил серебряную флягу, застегнул куртку, забросил на плечо «винчестер» и выпрыгнул из джипа. Подтянулись и замерли рядом остальные машины, ломая нависающие сосновые ветки. Следовать за актером и его могучей винтовкой

никто особенно не стремился. Похоже было, что несчастные случаи уже имели место.

Индусские киношники не были, в отличие от Санджая, кровожадными убийцами по убеждению. Это были добродушные профессионалы, и в жизни их больше интересовало содержимое багажников, загруженное в расчете на немецких охотников с тевтонской основательностью. Большие непромокаемые палатки, складные столы и стулья, газовые печки, немецкие настольные игры, экологически корректные фонари на генераторах, верёвка, спички, лопатки для выгребных ям, немецкое пиво ящиками…

В багажнике джипа Анджали обнаружила тонкий серебристый плед из космических запасов НАСА.

— Какое красивое! — воскликнула она, срывая целлофан.

— Да, милая. Это для космонавтов. Отточенным движением руки Анджали развернула тонкое серебряное полотнище и заученным взмахом обернула вокруг себя. Получилось космическое сари быстрого приготовления. Киношники цинично зааплодировали.

— Тёплое! — воскликнула Анджали. Глаза её сияли.

Не найдя слов, Тони кивнул. На ней плед выглядел космически.

Анджали одарила его призывным взглядом, от которого у Тони плавился даже костный мозг, и уплыла в тень сосен. Серебряная накидка тянулась за ней, безупречно чистые туристские башмаки посверкивали бляшками среди бурелома.

Мучительным усилием воли Тони заставил себя дождаться, покуда Анджали не скроется из виду. Бежать за ней на виду у всей съемочной группы не годилось. Анджали — девочка умная и практичная. Дальше, чем на оклик она уходить в лес не станет.

Тони неубедительно поковырялся с затвором, пока охотники ставили палатку из металлизованного нейлона. Последнее, о чём мечтала съемочная группа, — гоняться за лосями по сугробам Колорадо. Они стремились устроиться поудобнее в креслах с подогревом и пустить в дело колоды карт и немецкое пиво.

А Тони отправился выслеживать свою подружку.

К несчастью, Тони Кэрью был безнадежно городским жителем. В бескрайнем студеном лесу он мгновенно потерял всякий след Анджали.

Несколько сдержанных любовных йодлей результата не дали. Тони поискал ещё — и потерял даже лагерь вместе с джипами. Как его только угораздило заблудиться без карманного блока GPS? Он шатался между соснами, с каждым шагом всё больше волнуясь.

Потом он услышал выстрелы Санджая.

Актер подстрелил не одного лося, а трех. Три громадные туши лежали на поляне почти цепочкой — горы кровавого мяса.

Из лесу вышел Тони, держа наготове оружие.

— Они не бежали, — сообщил Санджай.

— Нет?

— Нет. Что с ними случилось? Они должны разбегаться.

Ближайший лось валялся неподалеку на заснеженной бурой траве. Тони подвел Санджая к туше: огромной, втрое крупней оленьей. Гладкая шкура обтягивала бока, словно диван. Рога были размером с кресло-качалку.

Черная морда лося обветрилась, потрескалась. Глаза заволокло мутной пленкой. На губах запеклась густая слюна.

Тони перебросил винтовку в другую руку.

— С тех пор как старик повредился рассудком, за скотиной никто не приглядывал.

Санджай был тщеславен и глуп, как большинство молодых актеров, но и у него случались просветления.

— Эти звери больны, Тони. Очень больны. — Он сдвинул на затылок черную шляпу и приподнял изящную бровь. — Они слепы.

Тони мрачно кивнул.

— Именно. Ты слышал о такой болезни — оленья дистрофия?

— Нет. Это она?

— Похоже на «коровье бешенство». Тот же возбудитель на самом деле. Всё начинается с зараженного корма. Старик Дефанти подкармливал лосей комбикормом, чтобы зимой не тощали. Я его предупреждал, что комбикорм может оказаться заражен. Но он к старости упрям стал. Не всегда прислушивался к добрым советам.

По лицу Санджая расползлась нехорошая улыбка.

— Это твой сценарий?

— Какой сценарий?

— Я бы мог сделать из этого фильм. Блокбастер. История коровьего бешенства. История Запада. Всё началось, когда британцы резали больных овец и кормили невинных коров костяной мукой. Нечистое дело. Годами пытались они скрыть

признаки чумы от тех, кто питался говядиной.

Тони пожал плечами.

— Ну, деньги всем были нужны.

— А потом болезнь пришла в Америку. Она поражала не английский скот, а диких зверей Америки. И получила новое имя оленья дистрофия.

— Ну да. Пожалуй, так оно и было.

— А затем гнусная западная болезнь поразила самого Тома Дефанти! Потому что владелец земли кормил зверей нечистой отравой. А затем питался их плотью! Теперь безумие поразило его самого! И великий телевизионный магнат превратился в низкое бешеное животное!

— Не говори о нем так. — Тони стиснул в руках приклад. — Он был моим гуру.

— Извини, *bhaiyya*[38]. — Похоже было, что Санджай устыдился. — Прости. Просто… такой вышел бы отличный сценарий для фильма ужасов. Очень современный. Как у Рамгопала Вармы. Тони скрипнул зубами.

— Я тебе никогда об этом не рассказывал, Санджай. Ты ничего от меня не слышал. Никому не позволено так отзываться о Томе. Никто не

---

[38] notes: 38
Брат *(хинди).*

спрашивает, и никто ничего не говорит.

Санджай пожал плечами и уставился на Тони сияющими карими очами:

— Я его гость! Как могу я порочить его? Я ел его соль… хотя, слава богу, не прикасался к мясу.

— Точно.

— Я много раз облетел мир. Я видел вещи и более странные, чем судьба твоего гуру. Время ныне такое — странное.

— Тому с самого начала выпала странная судьба. — Поразмыслив, Тони решительно загнал патрон в патронник. — Санджай, этих лосей необходимо уничтожить.

— Что — всех? Сейчас? Сегодня?

Да. Оленья дистрофия — болезнь заразная. Вес стадо нечисто. Турфирмы Колорадо не распространяются об этом, но борются с болезнью понятно почему.

Санджай призадумался надолго. С высоких веток падал мокрый снег.

— Что за прекрасную охоту нашел ты для меня в Америке! — промолвил он наконец. — Глянь только, какая большая голова у этого великолепного зверя!… Как это называется?

— Рога.

— Рога, верно. Фантастические рога. Прекрас-

ный выйдет трофей для моего охотничьего клуба в Утакамунде.

— Оставь голову в покое, Санджай. Ни один таксидермист не станет прикасаться к его мозгам.

На поляну выбрели, спотыкаясь и не отходя друг от друга, ещё шестеро лосей. Грязные, неуклюжие звери терлись друг о друга боками, будто находя утешение в прикосновениях. Слюнявые морды их склонились к земле, будто лоси пытались идти по следу.

Тони спустил курок. Промахнуться с такого расстояния было трудно. Рухнула в траву и забилась лосиха. Стадо от грохота впало в панику, но звери не видели, куда бежать, — только спотыкались, проламываясь через кусты, и царапали бока.

Санджай уверенно вскинул к плечу тяжелый «винчестер». Винтовка грохотала снова и снова, лось за лосем оседали, взбрыкнув, на задние ноги и падали. Когда нуля попадает в основание шеи, лось падает, словно под ножом гильотины. Санджай был отличным стрелком.

Последний уцелевший лось ломанулся в подлесок. Проследить его движение было нетрудно. Заключительным выстрелом Санджай уложил увечную самку и похлопал Тони по плечу.

— Не волнуйся. Я понимаю, да. С этой бедой я

помогу тебе справиться.

— Только побыстрее, Санджай. И без трепотни. Санджай согласно мотнул чеканным подбородком.

— Возьмём моих лучших парней! И твои лучшие винтовки.

ГЛАВА 8

Вашингтон — штат Колорадо, февраль 2002 года

Со спутниками-шпионами у БКПКИ отношения складывались тяжело. Орбитальная группировка представляла собой инфраструктуру, критически и неотъемлемо важную для национальной безопасности. А «чёрный» бюджет у ее программ был такой, что желающие примазаться выстраивались в очередь.

Крошечное бюро находилось не в том положении, чтобы требовать себе королевские регалии орбитального шпионства. Как цинично заметил Тони Кэрью, скорей всего БКПКИ будет уготована роль козла отпущения.

И всё же с приземлённой, технической точки зрения спутник КН-13 был сломан. Очевидно было, что следует найти достаточно талантливого инженера и починить аппарат, потому что до сих пор это никому не удалось. Если КН-13 выйдет из строя, это будет катастрофа — экономическая, техническая, производственная и военная. Ван полагал, что предотвращать катастрофы в

некотором роде его долг. А на что он ещё годен? За что ему деньги платят? Что он ещё делает в Вашингтоне?

Ван знал, что на повестке дня бюро стоит множество насущных проблем. То были серьёзные политические задачи, неизбежно встающие при любых реформах в области компьютерной безопасности: как распределить логотипы сертификатов безопасности, как установить базовые стандарты этой самой безопасности, как разумно поделить расходы на соответствие нормам, как справиться с устрашающе нелегкой задачей онлайнового выпуска патчей, как ценить опасность потенциальных ошибок и уязвимостей, каково обнаружить, что некоторые ошибки исправлять будет слишком дорого… Список продолжался до бесконечности. Общее у этих проблем было, в принципе, только одно: их не могли разрешить ни программисты, ни инженеры. Решить их можно было только путем долгих, честных переговоров между полностью информированными заинтересованными сторонами. Поэтому для их решения практически ничего не делалось.

Ситуация ставила с ног на голову дедовские принципы инженерной работы — в особенности жгучую потребность держаться гаек и шесте-

рёнок.

Из гаек и шестерёнок был сделан КН-13. Ван решил, что здесь сможет показать себя.

Он понимал, что чинить спутник-шпион — занятие рискованное. Рассуждая практически, как может один профессор компьютерных наук подлатать захворавший многомиллиардодолларовый сателлит? Но Ван понимал и то, что занятие сие ни в коем случае не безнадежное. В жизни такое происходит порой. Вот например: Ричард Фейнман был всего лишь физиком. Но Фейнман уронил обрезок резинового уплотнителя в стакан ледяной воды и показал всему миру в прямом эфире, как может взорваться шаттл.

Если Ван каким-то образом разрешит… надцатимиллиардную задачку Хикока, то покажет, что он, Дерек Вандевеер, — специалист высшего класса. Уровня Ричарда Фейнмана.

Ван многим пожертвовал ради своего поста в бюро. Он лишился домашнего уюта, семейной жизни, гражданской карьеры, спокойной совести и уймы денег. Теперь Ван желал получить отдачу от жертвоприношений. Он хотел совершить подвиг.

КН-13 был, вероятно, величайшей и самой секретной штуковиной в американских арсеналах.

Если Ван сумеет отыскать лопнувший на спутнике уплотнитель, он вернёт стране способность вести орбитальные съемки в любой точке планеты, в видимом и тепловом спектре, в любое время, с разрешением в три дюйма на точку. Это было важно.

Ван поставил вопрос перед Джебом, стараясь не выдать, какой совет дал ему Тони. Джеб мгновенно оценил возможные последствия. Да, БКПКИ заработает немалый престиж, если сумеет перемудрить ВВС, ВКС, НОР, НАСА и толпу федеральных подрядчиков, которые работали над строительством спутников со времен фон Брауна. Рядом с ними работники БКПКИ покажутся гениями. На конгрессменов это произведёт впечатление. С другой стороны, впереди маячила пугающая перспектива зарваться и попасть в козлы отпущения.

Джеб, в свою очередь, обсудил вопрос с давними приятелями по работе из DAPRA и бюро спецпроектов министерства обороны.

Возник план действий — стратегия брандмауэра. Джеб защищал БКПКИ, выдвинув Вана из рядов организации. Для работы над спутниковыми системами он «одолжил» Вана новообразованному Бюро преобразования архитектуры связи,

совместному детищу Управления информационного обеспечения Минобороны и помощника министра обороны по делам командования, управления, связи и разведки.

Работать в Бюро преобразования архитектуры связи было очень просто, потому что такого бюро не существовало в природе. Оно представляло собою лишь пустую клеточку в одном из претенциозных планов Дональда Рамсфельда по реорганизации министерства обороны. А Рамсфельда боялись даже НРО и АНБ. Когда-то Рамсфельд был руководителем группы футурологов корпорации РЭНД. У него был ужасающий талант задавать простые, ошеломительные вопросы, задать которые до тех пор никому не приходило в голову.

Вопросы кибервойны Рамсфельда, похоже, интересовали. Всякий раз, как они всплывали на совещаниях в АНБ, Рамсфельд живо включался в обсуждение. Мечта Тома Риджа — Агентство внутренней безопасности — буксовала на все четыре колеса, но перспективы министерства обороны под водительством Рамсфельда обнадёживали. Для БКПКИ министр был в кабинете Буша персоной, максимально приближённой к понятию «покровитель».

Так что Джеб, подобно многим политиканам при нынешней администрации, взялся учить рамсфельдовский жаргон. В обмен на разрешение Вану повозиться со спутником КН-13 Джеб объявил, что «Гренделю», его «пилотному проекту», требуется «передача в рамках делегации ответственному органу для структурной перестройки». Ныть и жаловаться на несправедливость Вану тоже не полагалось. Вместо этого Джеб посоветовал ему «отказаться от сверхконтроля» и «расширить кадровое поле».

Хикок перевел эту речь на простой английский.

— Твой босс отберет у тебя любимую игрушку, приятель, и продаст с аукциона. Этот твой «Грендель» теперь не больше чем наживка для высоких чинов. Джеб хочет посмотреть, как они перебивают друг другу ставки ради того, чтобы наложить на проект лапу, понимаешь? Это позволит ему взять настоящую цену.

— Но я построил «Грендель», — запротестовал Ван. — И оплатил его, кстати, из собственного кармана.

— И что? Расширить систему ты не можешь. У тебя нет на это ни денег, ни людей. Ну и наплюй! Если какая-то крупная контора хочет делать за

тебя грязную работу — так это большая победа!

Хикок просиял. Лишившись «Гренделя», Ван мог больше времени посвящать его проблемам.

Вот таким образом Ван добился официального разрешения похимичить со спутником. Неофициально оно было пустой формальностью, потому что Ван уже зарылся в голубую папочку с головой. А Майкл Хикок, парень, который передал ему эти документы, в одночасье превратился в его лучшего приятеля.

Им приходилось держаться вместе, потому что к секретным бумагам по программе КН-13 Хикок был прикован цепью. Всякий раз, когда Ван обращался к документации, Хикок обязан был находиться с ним в одной комнате. Жгучее любопытство, технотрепет, которые Ван испытал впервые, когда перелистывал запретные, загадочные чертежи самого сложного на свете летающего шпиона, так и не оставляли программиста. Поначалу, пока Ван был одержан донесениями о неполадках на КН-13, Хикок просто болтался по бетонному логову БКПКИ. Он флиртовал с Фанни, звонил по мобильнику многочисленным распутницам и листал буклеты по основам компьютерной безопасности.

Но Майкл Хикок был человеком действия.

Убивать зря время было не по нему. Изучив должностные обязанности Вана, он нашел способ быть ему полезным.

Самым ненавистным занятием для Вана было демонстрировать всякие приспособления многочисленным склеповским фанатам «кибервояк». Каждый божий день на стол Вану ложились всё новые гаджеты. Ключи-заглушки и декрипторы. Радиочастотные опознаватели-наклейки. Безопасные кабели в оплетке из кевлара и тефлона. Инвентарные бирки и штрих-коды. Нелепые ЭМП-лучеметы, сработанные на колене из фольги и шляпных стоек. Крошечные замки на чипсетах, врезанные прямо в монокристаллический кремний при помощи сверхвысокотехнологичной фотолитографии… БКПКИ превращалось в информационный центр по инструментам информационной войны.

Ван тратил массу бесценного сверхурочного времени, оценивая хитроумные приспособления для войск специального назначения. Отряд «Дельта», «морские котики»… им доставались любые гаджеты, какие только пожелает душа, но для того, чтобы поддерживать собственные исследовательские лаборатории, они были слишком малы. Приходилось зависеть от чужой милости.

Хикок быстро освоил искусство изображать перед гостями шарманку, раз за разом повторяющую ЧаВО по технике безопасности. Умопомрачающее это занятие Ван ненавидел. А когда невежды, не удосужившись прочесть инструкцию, начинали задавать дурацкие вопросы, в программисте пробуждался кактус.

Понаблюдав немного, как Ван мямлит, огрызается и продирается сквозь очередной брифинг, Хикок отодвинул программиста в сторону и занялся этим сам. Получалось у него превосходно. У Хикока обнаружился талант сводить сложные технические вопросы к понятным даже для карьерных бюрократов разъяснениям на уровне инструктажа.

Приятный баритон, суровая привлекательность и руки, способные переломить кирпич, делали Майкла Хикока превосходным агентом по сбыту компьютерной техники. Во всяком случае, лучшего рекламного агента у БКПКИ не бывало. Хикок пугал федеральных чинуш до истерики. К тому времени, когда он заканчивал трепать нервы очередной стайке, те дрожащими бледными руками доставали визитки и тут же вызывали «скорую».

Новый лучший приятель Вана не был програм-

мистом. Он был деревенщиной с высшим образованием. Хикок любил виски, похабные шутки, музыку «хеви-метал» и доступных женщин — кроме воскресенья, потому что по воскресеньям он всегда ходил в церковь. Более простодушного друга у Вана ещё не бывало. Сомневаться в себе Хикок не привык. К сложным идеям не проявлял никакого интереса. Интеллектуальные загадки его попросту раздражали. Ван находил его отношение к жизни бодрящим.

Чтобы из сотрудников стать товарищами, потребовалась ещё одна деталь. Оружие. Стрельба для Майкла Хикока была не просто увлечением. Она была основой всей его жизни.

Дважды в неделю по рабочим дням и вечером в воскресенье, после церковной службы, они выезжали вдвоем напивались, играли в боулинг и стреляли из автоматического оружия. На третью неделю с боулингом завязали, потому что Ван был отличным игроком, а Хикок ненавидел проигрывать в чём бы то ни было. Поэтому от боулинга отказались, а с выпивкой подвязали. Остались автоматы. Ван был только счастлив побольше узнать об оружии. Хикок знал о нем много, а Ван был отличным учеником.

Вану не приходилось держать в руках оружие с

тех пор, как он палил по кроликам из охотничьего ружья на дедовом ранчо. В обществе Хикока он научился пользоваться очками и затычками для ушей. От «ингремов» и «узи» он с грохотом очередей пришел к опытным моделям, у которых не было даже названий — только пентагоновские аббревиатуры. Моделям вроде квадратного OICW, M249 SAW и фантастического четырехствольного мини-ракетомета калибра 15 мм, разработанного центром пехотных вооружений армии США в Натике, штат Массачусетс.

Связи Хикока в мире испытателей специальных вооружений были невероятны. Он знавал таких маньяков-оружейников, рядом с которыми Чарлтон Хестон показался бы Винни-Пухом.

Ван быстро обнаружил, что винтовки — это исключительно любопытные технические устройства. Его завораживала изобретательность, с которой гениальные оружейники решали встающие перед ними задачи. Для Вана не имело значения, что он страдал близорукостью и стрелком был в лучшем случае посредственным. На стрельбище он большую часть времени проводил, разбирая игрушки Хикока и собирая вновь.

Получив возможность повозиться с оружием, Ван научился многому. При желании он теперь

сумел бы сконструировать винтовку сам. Разумеется, это была бы цифровая кибервинтовка. Интерактивная, толковая, точная, быстрая. Чтобы укладывала каждую пулю точно в яблочко. И заполняла могилы почище «чёрной смерти».

Ван обнаружил, что общение со смертоносным «железом» прочищает мозг. Оружие вдохновляло его, открывало новые пути. Когда Ван возвращался со стрельбища, чтобы всё внимание посвятить спутнику КН-13, стоящие перед ним задачи начинали поддаваться. А потом — решаться.

На протяжении восемнадцатичасовых рабочих дней и глухими ночами Ван не находил себе покоя. Он упирался в тупики и ловил за хвост озарение. Привлёк к делу всех, кто был ему чем-то обязан. Он выкладывался полностью. Работал молча и торопливо. А потом внезапно к нему пришёл ответ.

Истина заключалась в том, что так называемые проблемы с программным обеспечением спутника ничего общего с программами не имели.

Программное обеспечение спутника было невероятно надёжным. Оно создавалось по ошеломительным, неслыханным стандартам безопасности. По сравнению с ним программы коммутаторов AT amp;T — самые параноидаль-

ные коммерческие программы, над какими Вану приходилось работать, — казались расхристанными, точно пьяный матрос в увольнительной.

Эти программы писали и отлаживали триста мрачных и скучных «белых воротничков» в центре авиаэлектронных систем в Клир-Лейк-сити, Техас. На борту КН-13 стояли три раздельных управляющих компьютера, каждый из которых независимо обрабатывал 420 000 строк программного кода. Ремень, плюс подтяжки, плюс смирительная рубашка.

На эти 420 000 строк приходился ровным счетом один полностью задокументированный, вполне понятный баг. Это было неслыханно. Лучшие коммерческие программы подобного объема страдали бы от добрых пяти тысяч ошибок. Более скучного, нетворческого, дисциплинированного, упертого программирования Ван ещё не видывал. Его это пугало. Трезвая, обстоятельно, ужасающе методичная работа. Одни только технические спецификации программы занимали тридцать томов.

Каждая строка из 420 000 была подробно откомментирована. В комментариях значилось, сколько раз её меняли от начала работы над программой, зачем, когда, кто и каким обра-

зом. Каждая правка была тщательно увязана со строгими указаниями в спецификациях. В этой титанической сводной хронике зафиксировано было буквально всё, что когда-либо производилось с программным кодом, до последней мелочи. А поскольку программа базировалась на уже выверенных обрывках кода с ранних спутников-шпионов, хроника эта уходила в прошлое на добрых тридцать лет.

В программном обеспечении КН-13 было нечто неподдельно кошмарное — полное отсутствие воображения, творческого начала, веселого хакерского разгильдяйства. Серая, трезвая, стальная надежность банковского сейфа. С ужасом в сердце Ван осознал, что это и есть тот золотой стандарт, который он и БКПКИ пытаются теперь навязать бестолковому, сумасбродному, чокнутому миру программистов. В идеальном будущем компьютерной безопасности так должны выглядеть *все* программы.

Но не только программисты, при всём их чудовищном канцелярстве, создавали спутник-шпион. Аппарат аэрокосмической бюрократии, которому поручено было создание КН-13, действовал исключительно на принципе необходимого знания. Это означало, что целиком КН-13 не рас-

сматривал никто и никогда.

В познаниях Вана тоже зияли большие и черные дыры. Устройство такого размера и сложности не в силах целиком окинуть мысленным взглядом ни один человек. Но Ван подошел к задаче неординарным способом и понимал о КН-13 то, чего не осознавал никто иной на всём белом свете.

О триумфальных своих успехах Ван отчитался Джебу. Ему не терпелось изложить своё оригинальное решение человеку, который в силах его оценить. К несчастью, допуска к конструкционным деталям спутников-шпионов у Джеба не было — эта труба ещё не расплавилась. Поэтому он только поблагодарил Вана, поздравил с успехом и выдал новое задание.

Теперь Вану предстояло «организовать» презентацию новой технологии для грядущего «федерального саммита по вопросам информационной стратегии» в Виргинии. Конференция эта, кульминационный пункт всех усилий БКПКИ, завладела вниманием Джеба всецело. Он утверждал, что жизненно важно для «сообщества бойцов информационного фронта» извлечь из грядущего слета «наметки политического руководства и стратегического продвижения».

Иначе говоря, совещание в Виргинии было

последним и наилучшим шансом БКПКИ собрать важнейших игроков на поле информационной безопасности, построить, помирить, вразумить, обчистить и заставить расписаться под одним и тем же меморандумом. Вот тогда мир увидит настоящие перемены. Настоящая организация и ответственность. Наконец-то — американская система информационной безопасности, которая знает, что делает. Трезвая. Деловитая. Упорядоченная. Вменяемая.

Чтобы доложить результаты своего расследования в соответствующие инстанции, Вану пришлось затребовать разрешения у Джеба. Потом пришлось искать нужные инстанции, поскольку, как лишь теперь понял Ван, никто всерьёз не ожидая, что Хикок найдет кого-нибудь, кто разрешит проблему. Когда в запутанной бюрократической иерархии космических войск обнаружилась наконец подходящая жертва, Хикок настоял на том, чтобы самому отвезти Вана из Вашингтона прямо на гору Шайен.

Под мешковатым корпусом из стеклопластика специальный курьерский «хаммер» прятал телескопическую антенну и стальные стойки на девятнадцать дюймов под платы контроллеров для связи с FLTSATCOM, MILSTAR, NAVSTAR, INTELSAT,

INMARSAT, EUTELSAT и пентагоновской Глобальной стратегической оперативной системой. На протяжении всего пути электронные письма поступали к Вану по флотским спутниковым каналам, созданным для связи авианосцами.

Профессиональная карьера Хикока казалась Вану до странности знакомой. В неё вовлечены были элитные команды торопливых спецназовцев, чья работа заключалась в том, чтобы совершать невозможное вчера и без огласки. Их имена не попадали в газеты. Они никогда не хвастались. Они всегда были очень заняты. Короче говоря, они походили на программистов экстра-класса во всём, кроме одного: то были не толстые бледные очкарики за клавиатурой, а спортсмены с холодными глазами, накачанные до безумных стандартов стенобитного орудия.

Баранку «хаммера» Хикок держал стальной хваткой. Машина его мчалась, словно штурмовик на бреющем полете над трассой смерти в Кувейте. По скорости реакции Хикок настолько превосходил обычных водителей, что летел сквозь пробки, едва поводя руками, как автогонщик. Ван приучил себя смотреть на дорогу, словно на экран видеоигры. Куда спокойнее было убедить себя, что у них двоих есть в запасе ещё

пара жизней.

Когда Хикоку требовался отдых, он перебирался на просторное заднее сиденье и развлекался там: жевал купленные навынос двойные чизбургеры, потягивал клубничный коктейль и поглощал обычное свое чтиво — христианско-апокалиптические романы. Читать в машине на ходу не составляло для него труда. Хикок прежде служил в спецназе ВВС и не страдал морской болезнью. Желудок его спокойно переносил пять или шесть «же».

Ещё Хикок оказался большим поклонником серии бестселлеров под общим названием «Сила бедствий». В мире после близящегося Армагеддона Вознесение захватило всех верующих христиан, оставив насмешников-либералов, скептиков и атеистов отбивать атаки грешных войск Антихриста. Самые кровавые эпизоды Хикок обожал зачитывать вслух, подхихикивая про себя.

— Зна-ашь… — пропел внезапно «морской котик».

Ван стиснул рулевое колесо. Он вымотался до обморока, но вести машину самому было всё же не так утомительно, как терпеть, когда за рулем сидит Хикок.

— Что, Майк?

— Мы как-то ничего не говорили о твоей секретарше.

— Что Фанни опять натворила?

— Ты не разбирался, почему она носит хирургические перчатки?

— Майк, я всего лишь её начальник.

— Что у неё с этой аллергией? У неё на всё аллергия. И почему всё присыпано тальком? Может, это у нее нервное?

Жалко было смотреть, как Хикок ищет совета по обхождению с «синими чулками». У Вана уже был свой «синий чулок». И в отличие от чудовищно и легкомысленно неразборчивого Хикока он отчаянно хотел сохранить семью. Дотти была единственной женщиной в его жизни, которая Вана понимала.

Теперь, выбравшись из кабинета в бомбоубежище и высунув нос из инструктажных сводок, Ван мог виновато осознать, какой ад прошел и сколько горя причинил сам себе. Какого чёрта он, женатый человек, треплет языком с приятелем из соседнего окопа?

Ван знал, что Дотти любит его беспредельно, искренне, безусловно. Но как же сковывали ими самими поставленные границы! Все эти про-

зорливо отложенные ради дела личные заботы, ответственность учёного, долги и обязательства. И самое скверное — всё делалось из наилучших побуждений. Не то чтобы они сознательно пренебрегали друг другом — они просто выстроили свою жизнь так, чтобы это в любой момент было возможно.

И как-то уговорили на это друг друга — сверяли планы но электронной почте, перебирали альтернативы, составляли таблицы, серьёзно обсуждали, как лучше будет поступить в долгосрочной перспективе.

А перспективы не было. Все свои интеллект и образование они употребили на то, чтобы отсечь время, которое могли проводить вместе. Что-то бесчеловечное проступало в двоих старательных трудоголиках — то, что разрушает брак, ломает семью, иссушает сердца влюбленных. То, что их обоих когда-нибудь прикончит.

Вдали от жены и сына в душе Вана начинали лопаться скрепы. Ему казалось, будто некая незаметная, но очень важная часть его сердца по кусочку отправляется в шреддер.

Почему он никогда не мог рассказать об этом Дотти? Она никогда не отказывала ему — когда он просил о помощи. Но сейчас, сточенный до

огрызка, точно карандаш, он не мог даже найти в себе сил попросить. Они были словно пара глухонемых, которым отрезали пальцы по одному. Так не пойдет. Нет.

Гора Шайен. Всего лишь одна из дурацких Скалистых гор. Но Дотти сейчас в горах Колорадо. Правильно. Он поедет к Дотти и попробует с ней помириться. Ван уже отправил ей письмо по электронной почте.

День был иссохший и ясный. Солнце играло на крутых склонах, на задержавшихся среди голых красных скал сугробах. Гора Шайен выглядела столь огромной, мрачной и плешивой, что Ван ощутил головокружение.

Легендарная база ВВС «Шайен» программиста несколько разочаровала. Отсюда велось управление американскими МКБР. Отсюда можно было уничтожить весь мир. База просто не могла выглядеть настолько банально. А «Шайен» выглядел так, словно обыкновенную базу ВВС утрамбовали в каменный мешок. Ни травы, ни флагштоков. Тусклые лампы над головой. Миля за милей обнаженных труб и пыльных вентиляционных коробов.

Вся база покоилась на выкрашенных белилами титанических стальных пружинах. Даже если

половина горы Шайен испарится в пламени пятидесяти мегатонн превентивного удара, бункер лишь покачнется слегка на своей перине. Механизмы ядерного возмездия не сойдут с рельсов.

Охранники отобрали у Вана мобильник и швейцарский складной нож. Сняли копию с водительских прав от штата Нью-Джерси и записали номер социального страхования. Тяжёлый рюкзак с эмблемой СНБ и выложенный изнутри пробкой чемодан с инструментами ему оставили, но без ножа и телефона Ван чувствовал себя ограбленным и раздетым.

Хикок заранее назначил встречу с генерал-майором Весслером. Тот считался главой программы КН-13, но официально начальником Хикока не был. Майкл Хикок не значился в организационной структуре правительственных организаций, так что начальников у него тоже не было. Заинтересованные стороны он именовал своими «спонсорами».

Генерал-майор Эдвин А. Весслер оказался рослым, лысеющим, щекастым типом в очках без оправы. На базу «Шайен» сто только что перевели со станции слежения на Тихом океане, и гавайский загар ещё не сошел. В новом кабинете он пока не успел обжиться. Вокруг видны были

только бежевая краска, стальные полки и разбросанные голубые папки.

Если верить картинке на экране новенького «Делла», Весслер работал над презентацией в «Пауэрпойнте» на тему «GEODDS[39], камеры Бейкера-Нанна[40] и ШОГ[41] ВВС США».

— ОЕСШОБ, — пробормотал Ван, потирая виски.

— Точно так, сэр! — прогрохотал генерал Весслер. — ОЕСШОБ может засечь на орбите предмет размером с баскетбольный мяч!

Ван опустил на пол свои рюкзак и чемодан. Спина болела, запястья ныли, а высота его просто убивала. В каменных пещерах высотная болезнь отчего-то усугублялась.

Весслер щелкнул по визитке Хикока чистым пожелтевшим ногтем.

— «Административные методики». И что это за контора, мастер-сержант?

— Это долгая история, сэр. О группе «Карлайл»

---

[39] notes: 39

Наземная электрооптическая система наблюдения за орбитальными объектами.

[40] notes: 40

Широкоугольная фотокамера оптической системы Шмидта, используемая для фотосъемки орбитальных спутников Земли.

[41] notes: 41

Штаб орбитальной группировки.

не слышали?

— Сегодня мне не до бесконечных историй, — с натянутой улыбкой сообщил Весслер.

Генерал-майор Весслер был не простой генерал. Он имел научную степень в области аэронавтики, степень МБА, работал в НАТО и НАСА. Он был в буквальном смысле слова «ракетчик». Одет он был в облегающий синий комбинезон с погонами на плечах и нашивкой «Военно-космические силы США» на груди. Подтянутый, смуглый, он словно был готов запрыгнуть на борт шаттла при ближайшем старте. Несмотря на то, что в жизни не занимался ничем более романтичным, чем пялиться в экран радара.

Вану показалось совершенно диким повстречать натурального, без шуток, генерала Космических сил. Ещё нелепее было, что ВКС США обладают базами по всей планете и насчитывают сорок тысяч человек личного состава. Космические войска были созданы двадцать лет назад. Как получилось, что он никогда не видел солдат ВКС в кино? Или по телевизору. Хотя бы в «Секретных материалах».

Ван подавился сухим горным воздухом. Весслер убрал книги с железного конторского стула.

— Дай отдых ногам, плоскатик! Я прикажу дне-

вальному принести пепси.

Пепси Ван ненавидел, но на стул опустился с удовольствием. Воспалённые глаза его остановились на стопке новеньких книг. На корешках значилось: «Война на крыше мира», «Турнир теней» и «Приз: героический поход за нефтью, деньгами и властью». Между страницами гроздьями торчали желтые листки для заметок.

Весслер пролаял приказ в алую телефонную трубку.

— Я вам привез кое-что интересное, сэр, — проговорил Хикок. — Отыскать это было непросто. Пришлось перецеловать горы лягушек. Но, сэр, я полагаю, что этот подход может дать результат!

Весслер нахмурил брови. За ними простиралось с полторы мили глянцевого лысого скальпа.

— Почему вы ушли из ВВС, мистер Хикок?

— Ну… — Хикок изумился. — Мне показалось, что пришло время идти дальше, сэр.

— Не втирайте мне очки! Почему мы потеряли такого летчика, как вы? А теперь вы расскажете мне, что умеете обращаться со спутниками, мастер-сержант? Что за чертовщина?

— Знаете, сэр, — выпалил Хикок, подобравшись, — если хотите знать правду, почему я ушел из ВВС, — стало слишком очевидно, кто играет

первую скрипку у нас в Косово. Чёртовы ооновцы, вот кто!

Веселеру эта реплика пришлась не по душе. Ван встревожился. Они с Хикоком заранее договорились, что выступать будет сержант, потому что Космические войска — это подразделение внутри ВВС, а Хикок служил в спецназе — тоже ВВС. Два крыла воздушных сил должны махать в унисон. Если удастся их заставить.

— Мистер Хикок сейчас, возможно, считается гражданским лицом, — заметил Ван, — но я работаю на СНБ.

— Ваша визитка утверждает иное, доктор Вандевеер! Она утверждает, что вы приписаны к Минобороны! «Бюро преобразования архитектуры связи министерства обороны США», — внимательно прочел Весслер и недобро сверкнул очками. — Такого бюро пока не существует в природе! Объявлено только о его создании!…

— Ну, мы несколько обогнали график… — пробормотал Ван.

Спасло его прибытие молоденького лётчика с обещанным пепси в здоровенной пластмассовой кружке с эмблемой «Лос-Анджелес лейкерс».

— Сэр, — сказал Хикок, — эта реорганизация ВКС, которую затеяли в Пентагоне, не наша с

доком забота, он программист. Так что не надо поминать при нас «преобразования архитектуры». Если вы просто выслушаете нас в течение минуты… Мы приехали издалека и… э-э… привезли пару толковых мыслей.

Весслер поддернул эластичный пояс синего комбинезона и уселся за стол.

— Слушаю.

Хикок бросил на Вана отчаянный взгляд. Программист с перепугу поставил стакан с пепси на пол.

— Ну, — выпалил Ван, — э-э… сэр, когда я впервые увидел эти отчеты об орсах, я подумал вначале о сбоях, вызванных перегревом. Результат тепловой атаки. Но, конечно, на спутнике стоят самые лучшие инфракрасные камеры. Так что если бы они засекли что-то неладное, то нагрев — в первую очередь.

— Мне говорили, что вы программист.

— Это верно.

— Ну так переходите к делу! Что случилось с программным обеспечением?

— Ничего, — откликнулся Ван, вцепившись в запотевший стакан с пепси. — Это аппаратная проблема. Во-первых, мне пришлось установить корреляцию выявленных аномалий с положени-

ем спутника на орбите.

Весслер уставился на него:

— Вы отслеживали его зенитные углы?

— Ну… да.

— Этого вообще никто знать не должен! Орбитальный период спутника — это самый охраняемый наш секрет! Если об этом узнает противник, то сможет проводить маскировку и дезинформацию!

— Это было нетрудно просчитать, — ответил Ван.

Правительства других стран уже знали о КН-13: выяснять такие вещи — работа разведки. Поэтому Ван воспользовался сателлитными фотографиями, которые легко было купить через Интернет у французской коммерческой сети СПОТ. На этих фотографиях индийские ученые в различных центрах разработки ядерных вооружений деловито перегоняли грузовики, стараясь сбить с толку камеры КН-13. Индусы, как всегда, пытались скрыть лихорадочную активность вокруг своих ядерных реакторов от нового американского спутника-шпиона. А учитывая, что индусы определенно знали параметры орбиты спутника, Вану оставалось только перекачать из астрофизической лаборатории Дотти программу-

симулятор и вычислить их. Дотти сама помогла ему разыскать подходящую программу и ничего не заподозрила.

— КН-тринадцать выведен на стандартную для американских спутников-шпионов низкую полярную орбиту, — продолжал Ван, — с апогеем пятьсот тридцать и перигеем двести пятьдесят шесть…

— Дальше не надо! — Ван торопливо кивнул.

— Так что, когда я выявил орбитальный период, стало очевидно, что сбои происходят вовсе не случайно. А только в те моменты, когда ваша птица переходит из полярных, электрически заряженных регионов в средние широты.

Это известие сбило генерала Весслера с наезженной колеи.

— И что вы хотите сказать? — поинтересовался он, нервно поигрывая колесиком мыши. — Это разряды с поверхности? Дуговые?

— Отчасти, — ответил Ван. — Мне пришлось проверить SD-SURF.

— «Космический мусор»? Да, мы проводили диагностику чуть меньше года тому назад.

— Да, вы всегда пользуетесь этой программой, — согласился Ван. — Но SD-SURF писали в восемьдесят третьем году ещё на Фортране.

Поэтому программа обрабатывает поверхность спутника как сложный многогранник. А эта модель не вполне точна, поскольку выдает потоковые волны и пики вероятности, которые на самом деле являются артефактами модульности. Это всё потому, что подпрограмма выдает запрос поверхности баллистического предела…

Ван осекся. Хикок и Весслер смотрели на него совершенно пустыми глазами, ничего не понимая. Программист откашлялся.

— В общем, я переписал программу и отослал своим знакомым в НЦИА.

— НЦИА… в Боулдер? Центр исследований атмосферы?

— Ага. То есть да, сэр.

— Но НЦИА не относится к вооруженным силам. У них нет допуска!

— В SD-SURF нет ничего секретного. Программа в открытом доступе. Ее можно скачать с веб-сайта НАСА.

Весслер торопливо черкнул что-то на бумажке.

— Это мы сейчас же исправим.

— В общем, я попросил НЦИА прогнать мой улучшенный вариант SD-SURF на их прогностическом суперкомпьютере. А заодно заставил их прошерстить архивы на предмет погоды на орби-

те. Солнечный ветер, вспышки в фотосфере, всё такое. Вообще всё.

Весслер прищурился.

— О нет.

— Никакой корреляции, — продолжал Ван. — Поначалу. Но, чтобы сохранить секретность, я попросил своего знакомого проверить вообще *всё.* И он прошелся по архивам погодных сводок НАСА. И вот там обнаружилась четкая корреляция. Прямая связь между… э-э… случаями повреждений и прохождением грозовых фронтов по западной части США.

— Вы имеете в виду погоду на Земле?

Ван кивнул. Он ненавидел столько болтать. У него разболелась голова.

— Доктор Вандевеер, могу я вам напомнить кое о чём? До спутника двести пятьдесят миль. Вверх.

— Я знаю, генерал. Но мы ещё многого не знаем о верхней термосфере. Мой знакомый в НЦИА помог связаться с *его* знакомым в Национальной администрации по океану и атмосфере. Он мировой эксперт по эльфам и спрайтам.

Весслер подергал себя за ухо.

— Эльфам?!

— И спрайтам. Эльфы и спрайты — это ко-

лоссальные разряды на верхушках грозовых облаков, — пояснил Ван. — С молниями ничего общего. Они уходят *вверх*. И они огромные. Чудовищные. Шаттлы фотографировали их с орбиты. — Он прервался. — Майк, покажи ему снимки этих самых эльфов.

Покуда Хикок отстегивался от чемодана на запястье, Ван заставил себя отхлебнуть пепси. На вкус оказалось ещё гнусней, чем ему помнилось.

Весслер перебрал стопку глянцевых распечаток из НАСА.

— Итак, доктор Вандевеер, вы утверждаете, что на мой спутник напали эльфы.

— Это лишь одна из гипотез, — ответил Ван. — Но я могу утверждать, что не наблюдалось ни единого эпизода нарушений, которые не были бы связаны с грозовыми фронтами. Только когда я изучил архивы наблюдений за погодой, стало понятно, что эпизодов было не четыре, как говорится в вашем отчете. Их было семь, включая три незначительные грозы, связанные с тремя незначительными проблемами. Хуже всего повлияла на спутник страшная гроза прошлой зимой. Семнадцатого декабря. Нарушения в бортовой системе питания.

— Скверно было, — мрачно заметил Весслер. —

Мы тогда уже подумали, что потеряли птичку.

Видно было, что фотографии эльфов его потрясли. Ван, когда впервые их увидел, чувствовал себя так же. Странно было сознавать, что в верхних слоях земной атмосферы происходят титанические взрывы, которых не видел никто, кроме пилотов и астронавтов. Спрайты и эльфы, «кратковременные разряды». Звучало это ещё нелепей, чем «летающие тарелки», но эльфы и спрайты существовали на самом деле. Так же как северное сияние.

— Что касается декабрьской атаки, — продолжал Ван. — Очень похожие скачки напряжения наблюдались на «Хаббле», прежде чем команда шаттла починила на нем каптоновые муфты. Это значит, что солнечные батареи вибрировали на креплениях. — Ван потряс кистями рук. — Проще сказать, что-то едва не оторвало вашему спутнику крылья.

Ван отставил стакан с пепси. Он был совершенно вымотан. Но с лица Весслера не сходило прокурорское выражение.

— У нас наблюдались, как вы говорите, «эпизоды». Но сейчас мы имеем постоянные сбои в работе бортовых систем. Что вы на это скажете?

На этот вопрос Ван мог ответить.

— БАМПЕР — ваша программа обсчёта столкновений с космическим мусором. Я по ней тоже прошелся. Оказалось, что в техническом задании на программу имелось необоснованное предположение. Она по умолчанию считает, что мусор не может сталкиваться со спутником с векторов, более чем на десять градусов отклоняющихся от плоскости, касательной к орбите и перпендикулярной нормали. Весслер почесал загривок.

— Разумеется. Иначе мусор тут же войдет в атмосферу Земли и сгорит.

Нет, поправил Ван. Этого не случится, если источником обломков является сам спутник. Некрупных, понятное дело, обломков. Тонкая пыль. Отслоившаяся. Ионизированная. Частицы, отделившиеся в результате ударов. Электрический заряд притянет их обратно, и они станут оседать на определенные участки корпуса.

— Как в микроволновке, сэр, — попытался помочь Хикок. — В космосе даже дыма не получишь, потому что там воздуха нет, но если спутник попадет под разряд эльфа или спрайта, или как их там, пыль и газ всё равно образуются. Как облако горячей смазки.

— Я понимаю, о чём идет речь, — процедил Весслер.

Хикок пожал плечами.

— Ну, тут вы меня обогнали.

— Понимаю, но пока не вижу оснований верить, — продолжал генерал. — С какой стати я вдруг должен поверить в эльфов?

— Не знаю, — ответил Ван. — У меня не было времени полностью разобраться в проблеме. Но временное решение у меня для вас имеется.

— Вот тут мы с доктором Вандевеером расходимся, сэр, — перебил его Хикок. — Потому что я знаю. Никакие это не эльфы! На нас напали, сэр! Это космическая война!

— Напали? — переспросил генерал. — Как? Кто? Русские?

— А почему бы и не русские? — парировал Хикок. — Я видел русских, сэр. От них всего можно ожидать.

— Не могут русские ничего против нас запустить! Я лично инспектировал их космические центры. Они банкроты! Они счета за электричество оплатить не могут.

— И красные китайцы строят ракеты, сэр! — настаивал Хикок. — Полезная нагрузка у них огромная! Думаю, это они нас песочат.

Весслер поднял брови.

— А вы что думаете об этой концепции, доктор

Вандевеер?

— Я не верю в кинетические атаки, — ответил Ван. — Песок не самое эффективное орбитальное оружие. Мелкие частицы быстро ионизируются и сходят с орбиты. Кроме того, облако песка причинит повреждения другим сателлитам, а мы не видели следов этого. — Ван подергал бороду. — Не видели, генерал?

Весслер поджал губы. На эту тему ему сказать было нечего.

Ван попытался улыбнуться.

— Давайте рассуждать здраво. Не будем приплетать к делу эльфов, НЛО или коммунистов. — Он прокашлялся. — Скажем… неизвестная причина или причины. Сосредоточимся на том, чтобы разрешить проблему.

Физиономия Весслера окаменела. Ван понял, что лучше поспешить с разъяснениями.

— Майк, ты мне не поможешь с чемоданом?

Хикок открыл выложенный пробкой ящик для инструментов. Ван снял дополнительную пенопластовую набивку. К счастью, макет пережил дорогу из Вашингтона. Паяльный пистолет деда пришлось оставить в багажнике «хаммера». А программист так привык работать бластером, что с обычным паяльником уже и не справился бы.

Ван понял, что эта демонстрация — его последний шанс.

— Как я говорил, космическая пыль… — промямлил он. — У меня есть знакомый в национальной лаборатории Лос-Аламос, который моделирует поведение частиц в электрическом поле.

— У вас, доктор Вандевеер, просто толпы безымянных друзей.

— Генерал, — огрызнулся Ван, — у нас в Совете национальной безопасности хватает полезных связей.

Весслер отодвинул в сторону груду папок, чтобы уместить на столе коробку.

— Прошу. Располагайтесь. Ван перевел дух.

— Заряженная пыль стремится к противоположно заряженным участкам поверхности. Поэтому она откладывается там, куда направляют ее электрические поля. — Он вытащил из чемодана совершенно секретную распечатку и показал пальцем: — Это значит, что облако пыли оседает на вылетах датчиков, на краях рамы и особенно вот здесь. Вот сильно заряженный участок на самом краю миларового изолятора. Под обшивкой в этом месте расположена крупная деталь — конденсатор MIL-STD-1541, тайваньский. Точно такой, как в этой коробке.

Весслер уставился на коробку.

— Где вы его взяли?

— Это стандартная деталь. Моя секретарша ее купила на eBay. — Ван вздохнул. — В идеале я бы ещё поставил опыт на трех контрольных процессорах военного образца, но это уже не по моей зарплате. — Он положил руку на выключатель. — Так, генерал, мы готовы. Смотрите внимательно на вольтметр. Майк, заводи модель.

Хикок взялся за серую пластмассовую рукоятку. Внутри модели затрещало.

— Видите, как пляшет стрелка? — спросил Ван. — Теперь посмотрите на ваши отчёты об орсах. Бац, бац, провал, провал, бин. Такие же серии, те же пики, та же скорость затухания. Вот, пожалуйста, генерал, — вот ваш баг, вот ваша текущая эксплуатационная аномалия. Типичный аппаратный сбой в этом вот конденсаторе. Его так засыпало пылью, что он перегрелся.

— Вы утверждаете, что на нем скопилась пыль, — проговорил Весслер. — Но не можете объяснить, *откуда* взялась пыль на орбите.

— Нет, сэр, не могу. Но могу посоветовать, как от нее избавиться. Надо раскрутить спутник.

— Раскрутить, — повторил Весслер.

— Раскрутить вдоль продольной оси. Лишняя

пыль слетит, и если эти… хм… эпизоды будут повторяться… ну, вращение поможет распределить нагрузку по всей поверхности равномерно. Так что не будет этого питтин-га… э-э… то есть напыления… — У Вана начал заплетаться язык. Он только что сказал «текущая эксплуатационная аномалия», а живые люди так не разговаривают. — Майк, объясни ты!

— Наша птичка крутится, как курица на вертеле, сэр. Не пригорает с одного боку, а румянится.

Но какой смысл иметь спутник, если мы лишаемся стабильной, неподвижной камеры?!

— Нет, — возразил Ван. — Смысл в том, чтобы получать стабильные изображения. Кадры, снятые камерой с вращающегося спутника, можно преобразовать в нормальные.

— Это невозможно.

— Да нет, вполне возможно.

В этом серьёзную помощь могли бы оказать астрономы. Ван не обмолвился Дотти ни словом об этой идее, но знал, что подобного эффекта можно добиться.

— Спецэффекты — как в Голливуде, сэр! — гордо объявил Хикок. — Обработаем при монтаже, вот и всё. Как «Парк юрского периода»!

Весслер поднялся из-за стола и сунул обе руки

в карманы. Видно было, что ему очень хочется выпить.

Раскрутив камеру, вы потеряете два, может быть, три процента резкости, — признал Ван. — Но вы уже потеряли столько же на так называемом помутнении ПЗС. Это, кстати, вовсе не ПЗС шалит. Это пыль сдувает со спутника, и она оседает на линзах.

— У нас нет горючего, чтобы раскрутить пташку. — Весслер не останавливался. — На орбите нет заправок с гидразином.

Верно. И вы потеряете месяцев пятнадцать из девяти лет ожидаемой стабильной работы. Но такими темпами, как сейчас… спутник и два года не протянет.

— Наша птичка под угрозой! — вскочив, страстно воскликнул Хикок. — Там что-то творится, сэр! Я не знаю, как это случилось, но то, что проблема возникла во время «войны с террором», никак не может быть случайностью. Какой-то негодяй нас прижучил, сэр. Я это точно знаю.

Весслер снова сел.

— Не каждый день слышишь подобные отчеты.

— Да, — согласился Ван.

— Где вас такого откопали, доктор Вандевеер?

Вы отличный специалист, а я никогда о вас даже не слышал.

— МТИ, — ответил Ван. — Стэнфорд. «Мондиаль».

Весслер уставился на него, словно Вана стошнило лягушками.

— Вы из *«Мондиаля»?*

– Исследовательский отдел, — поспешно уточнил Ван. — Ушел оттуда, чтобы поработать на государство.

— Ушам своим не верю! — взревел Весслер, поднимаясь на ноги. — Недоумки сучьи! Моя *мать* покупала акции «Мондиаля»! *Жульё!!!* Как можно было опустить собственные акции на девяносто процентов?! Прохиндеи!

Ван не сдержал стона.

— Пострадала вся отрасль…

— Я не могу сказать лучшим своим работникам, чтобы они ковырялись в потрохах сателлита по одному слову какого-то олуха из «Мондиаля»!

— Я знаю! — выпалил Ван, отчаянно взмахнув руками. — Я знаю, что из-за «Мондиаля» пострадало множество людей. Но вы же не обязаны мне верить на слово! Проблема же не в этом! Я не собираюсь приписывать себе все заслуги — нет-нет! Но вы только посмотрите на него. И

всё. Посмотрите на спутник. И вы увидите повреждения. Следы разрядов или сажи. И всё!

— Как?

— Отправьте шаттл.

— Вы представляете, сколько стоит один рейс шаттла? А график? Старые челноки скоро развалятся!

— Наведите на него «Хаббл». Поищите опалины.

— Гражданские телескопы не в нашем ведении.

— Да посмотрите на него, вот и всё! — умолял Ван. — С Земли.

— Нет! Наземным обсерваториям категорически запрещено проводить съемки американских спутников-шпионов, и я не собираюсь выдавать им на это разрешение. Кроме того, у них хватит разрешающей способности.

Ответить Вану было нечего. Новому, на адаптивной оптике, телескопу Дотти разрешающей способности хватило бы. Но он вступит в строй только через два года. К этому времени от него уже не будет толку.

Хикок глядел на программиста, ожидая завершающего, финального чуда, а Ван уже понял, что проигрывает. Он не мог поверить, что его план

рухнул только из-за «Мондиаля», но в этом была своя жуткая логика — за последние месяцы из-за «Мондиаля» пошла наперекосяк вся его жизнь. Большие шишки, выманившие его из Стэнфорда большими деньгами, выходили теперь на прогулку гуськом и в наручниках. Мошенники. Неудачники. Разорители. Обманщики. Из вожаков цифровой революции они превратились в жуликов и лжецов. Ван сделал всё, что мог. И проиграл.

— Какого чёрта?! — рявкнул Хикок. — Я нашел решение ваших проблем, генерал! А вы даже глянуть не хотите?!

— Этот тип из «Мондиаля»!

— Можно подумать, «Локхид» чем-то лучше! Для спецназовских корректировщиков в Афгане этот спутник — просто спасение! А вы мне что пытаетесь сказать — что вам не под силу его чинить? Подключите КН-одиннадцать!

— Это уже совершенно за рамками стандартной процедуры!

— Вы позволите врагу уничтожать наш лучший инструмент разведки, пока сами сидите тут болваном?!

Весслер побагровел.

— Мистер Хикок. Бредовые лекции о летающих

тарелках не помогут вам запугать офицера Военно-космических сил. Мы *единственная* армия на земле, обладающая орбитальной группировкой. Других не существует. Это даже теоретически невозможно.

— Какое мне дело, что считают возможным ваши разъевшиеся лоточники? Наша птичка дохнет! Я рвал задницу! Я приволок вам натурального, дипломированного компьютерного гения! Он может починить чёртову хреновину! И если вы на это не согласитесь, вы — именно вы! — предаете наших бойцов.

Весслер пошевелил кадыком. Ван сообразил, что генерал медленно считает про себя до десяти. До сих пор ему не приходилось видеть, чтобы так делал взрослый человек. Выглядело жутко.

— Полагаю, — выдавил наконец Весслер, — я уделил вам, двум дилетантам, достаточно времени.

— Всё! — объявил Хикок. — Я ухожу в отставку. — Он вытащил из кармана ключ, отстегнул наручники и швырнул чемодан на стул. — Ваша птичка сдохла уже давно! Теперь это не моё дело! А вы, безмозглые сукины дети, даже конкурс авиамоделистов не смогли бы устроить!

Весслер уставился на него. Его налитая кровью

физиономия выражала одновременно ярость, омерзение и жалость.

— Эта игра, я полагаю, не в вашей компетенции, мастер-сержант.

Хикок уставил на него убийственный взгляд:

— Так для вас это игра? Асимметричная угроза в вашем куцем мозгу не умещается, генерал? Не диво, что на чёртов Пентагон самолёты падают с ясного неба! Да я скорее стану окопы в Ливане долбить, чем болтаться тут с вами, игроками! Гос-споди Иисусе…

— Майк, — проговорил Ван.

— Что?

— Пойдем, Майк. Ладно? Просто… Идем.

ГЛАВА 9

Колорадо, февраль 2002 года

Хикок был не из тех, кто лелеет обиду молча. На первой же остановке за воротами базы «Шайен» он купил две четверти[42] «Джека Дэниелса».

Ван сидел за рул ё м, покуда Хикок похлебывал бурбон и ворчал. Он собирался навестить Дотти и ради этой цели позаимствовал у Хикока машину.

Неудача терзала его. Он был прав. Он знал, что прав. Так почему это не помогло? Почему он не смог убедить генерала?

По двум причинам на самом-то деле, и первая из них была до обидного субъективной. Он, доктор Дерек Вандевеер, был в душе своей ботан. Типический интровертный бородач не от мира сего. Да, он справлялся, если к нему обращались с техническими проблемами. Но твёрдости, чтобы прогрызать себе дорогу и выстоять под ударом, у него не было. А должна быть. Некого винить в собственной слабости, кроме себя же. Дед пере-

---

[42] notes: 42
Четверти галлона, то есть чуть менее литра.

ломил бы этого генеральчика от авиации двумя пальцами.

Почти. Совсем чуть-чуть не хватило. Если бы не та скверная история с «Мондиалем»… но не в ней дело.

Или, по крайней мере, она была лишь одним из симптомов кризиса куда более глубокого. Вообще не надо было идти в кабалу к частному бизнесу. В Стэнфорде, в МТИ, учёные придерживались определенных стандартов. Принципов научной работы. В «Мондиале» принципы никому не были нужны. Их метод — слепить в лаборатории прототип и перекинуть в отдел маркетинга для доводки. Это и попытался сделать Ван с генералом Весслером. И не вышло.

Ван яростно стискивал резиновые накладки на рулевом колесе. Он вел по извилистой, заснеженной горной дороге машину размером с маленький дом, пробиваясь через плотные колорадские пробки. Дорожная лихорадка тянула из него нервы.

В снегу впереди плясали миражи стыда и вины. Мало того что руководитель из него скверный — он даже и не учёный. В этом заключался трагический исток нынешней безобразной каши. Компьютерные науки — это сплошное притвор-

ство. И всегда им были — единственная отрасль науки, получившая название по своему инструменту. Ван и его коллеги были, в сущности, не кем иным, как механиками-любителями. Вот физика — это настоящая наука. Физиков никто не называет «рычажниками» или «бильярдистами».

Ахиллесовой пятой вычислительной техники было то, что она моделировала сложные системы, не понимая. Компьютер имитировал сложность. Можно было предсказать более-менее точно, что случится, но неясным оставалось, почему. И когда расчетливый, практичный человек вроде генерала Весслера спрашивал — «почему», Вану оставалось только беспомощно разводить руками.

А ведь он мог пойти в математики. У него был талант. Математика куда лучше подошла бы некрасивому, стеснительному, робкому парню. Только слабость заставила его поддаться притяжению компьютеров. Говорят — «программотехника», но это даже и не техника. Будь Ван настоящим инженером, как дед, он никогда не сунулся бы в ВКС с дешевым, дрянным патчем. С недооформленной идеей. Патч — это заплатка, которой залепляют дыры в системе слишком большой, сложной и запутанной, чтобы

ее чинить. Вот поэтому он потерпел неудачу и с позором вылетел за ворота.

Джеб заманил его той же самой песней сирен: «На сей раз мы всё исправим». Нет. Никто не мог обещать подобного. Потому что это ложь. Как бы ты ни был умён или опытен — компьютеры не «чинят». Их выбрасывают и ставят новые. Реальных перемен не будет. Можно только замазать трещины свежей штукатуркой.

Или опустить руки. Уйти в пустыню, спрятаться от жгучего стыда. Да, он, Дерек Рональд Вандевеер, был дутым экспертом из несуществующей спецслужбы. Но и к прежней жизни он не мог вернуться. То, что случилось с «Мондиалем» и его конкурентами… это была не «депрессия». Это было крушение пополам с лавиной. Он, Дерек Вандевеер, приложил руку к величайшему расточительству в истории мира. Люди, которых он знал и которым доверял, корпоративные мечтатели, посвятившие себя строительству нового, лучшего электронного мира, стояли на расстоянии залога от тюрьмы. Те самые люди в кашемировых свитерах и отглаженных брючках, что заглядывали в его мервинстерскую лабораторию, чтобы поохать и поахать над опытными образцами. Их особняки распродавали судебные

исполнители. Декоративные жены со страниц модных журналов перемещались в наркологические клиники.

Ну почему, с какой стати он поверил когда-то в эту ерунду? И — подводя смертную черту — какой приговор вынес тем самым собственной честности и здравому смыслу? В своей лаборатории он разбазаривал деньги, доверенные компании вдовами и сиротами. Ну или матерями генералов ВКС.

Какое право он имел влезать в политику? Что он вообще здесь делает? Кошмарное зрелище явилось перед глазами Вана — чудовищный призрак орды обманутых, обездоленных и надутых. Миллионы простых людей по всей Америке, по всему миру не ведают, что он сотворил с ними и от чего пытался уберечь… Эй, мистер и миссис Америка, помните те горящие акции, что вы купили? Помните умников, которые обещали вам Новую Экономику? Вон один из них, гоняет здоровенный джип по дорогам Колорадо. В одиночестве. В компании пьяного отставника. В год «войны с террором». Отчаявшийся, отчаянный, богохульствующий, смятенный.

Во время панического бегства с горы Шайен Ван забыл на базе мобильник и даже любимый

швейцарский нож. Карманы его были пусты. Поговорить не с кем. Он был обречён. БКПКИ обречено. Спутник обречён. Кто их знает, может, и Штаты обречены.

— Что-то ты молчалив, — заметил Хикок.

— Я облажался, Майк. Я должен был справиться. Всё должно было получиться.

— Ты ещё жалуешься? Это я без работы остался! — Хикок вышвырнул пустую бутылку в окно — с размаху, точно «коктейль Молотова». Открыл вторую.

У тебя, приятель, есть жена и сын! А у меня только эта тачка и пара кассет «Дикси Чикс»[43].

— Нужна работа, Майк?

— Не помешала бы, — отозвался Хикок. — Работа в вашей конторе, ты хочешь сказать? — Идея эта его позабавила. — Собираетесь сделать из меня настоящего кибервояку, а, дохтур-профессор?

— Ага. Майк, ты принят. Вернешься в Вашингтон — загляни ко мне в кабинет.

Хикок вгляделся в мелкие буковки на этикетке.

— Я, пожалуй, поеду прямиком через Теннесси. В Теннесси гонят лучший виски на всём белом

---

[43] notes: 43
Популярная с середины 1990-х кантри-группа.

свете.

Телескопам Дотти требовались черные небеса. С темным небом в Америке был дефицит. Но в глухих углах Колорадо таились жуткие чудеса. Горцы всегда жили свободно. По теснинам и закоулкам Скалистых гор прятались генералы ВКС, дряхлые хиппи, искатели серебряных жил и мормоны-подёнщики.

— У нас, в земле Господней, такие отщепенцы попадаются! — урчал Хикок, в пьяном восторге поколачивая себя по бедру булыжным кулаком. Настоящие психи! Многожёнцы. Парни типа Унабомбера. Да, и сервайвелисты!

Во время паники 99-го года, вызванной «нроблемой-2000», Ван немало нового узнал для себя о сервайвелистах, и то, что он узнал, ему не понравилось. Это были люди дурной веры. Они верили, что цивилизация погибнет, и должна погибнуть, и заслуживает погибели. Что никому, кто облечен властью, доверять нельзя. Что любая власть бесполезна, безумна и гнусна.

Их символом веры было отбросить всё и вся. Скрыться. Накупить противогазов. Бетона. Фильтров для воды. Мешков с зерном. Золотых слитков.

— Майк, ты с сервайвелистами знаком?

Хикок заморгал, приподнявшись с заднего сиденья «хаммера».

— Ещё бы! Мы, «змеежоры», чем угодно можем прокормиться! Скрываться и бежать, как тати в ночи! Намазав морду грязью! Я в здешних местах тренировки проходил. Если не путаю, тут дальше по дороге должен быть магазин. Продают почти всё, что на самом деле нужно.

Магазин Ван скоро нашел. Здоровенный красный барак выглядел непритязательно. Программист хотел уже проехать мимо — он торопился к Дотти, — но тут заметил ослепительно желтую вывеску, прислонившуюся к ржавым бензоколонкам.

«НОЖИ ПАТРОНЫ, — хвастались пробитые мелкой дробью буквы. — СТВОЛЫ СТВОЛЫ СТВОЛЫ».

— О-па! — сказал себе Ван и затормозил.

На место он приехал, когда уже стемнело. Пьяный Хикок укатил на ревущем «хаммере» обратно по двухрядке вниз по склону. Сержант уверял, что его в Форт-Коллинзе ждет девушка, но Ван не поверил. Освободившись от секретного чемоданчика, Хикок взирал на мир с выражением человека, нацеленного на грандиозный запой.

Ван остался один в холодной ночи, в сдвоенной луже янтарного света под кривыми, извитыми

фонарными столбами. Обсерватории не выносили светового загрязнения. Марсианского вида фонарные столбы оснащены были едва мерцающими панелями светодиодов. Читать в их свете было всё равно что курить кальян под водой.

Ван опустил на землю новенький рюкзак сервайвелиста и уставился на красивую вывеску. «Международный центр астрономии имени Альфреда А. Гриффита», — объявляла она. Ниже на величавом рекламном щите теснились микроскопические логотипы целой своры федеральных спонсоров и частных подрядчиков. «Национальный научный фонд». АУРА[44]. «Национальная обсерватория оптического диапазона». НАСА. Отдел оптических систем корпорации «НортропТрумман». Канадское космическое агентство — AGENCE SPATIALLE CANADIENNE. MAX PLANCK INSTITUT FÜR EXTRATERRESTRISCHE PHYSIK[45]. «Осторожно: заказник для вымирающих видов министерства внутренних дел США».

По обе стороны от ворот тянулась ограда против лосей: двенадцать футов высотой, со спиралями колючей проволоки поверху и под током.

---

[44] notes: 44
Ассоциация университетов по астрономическим исследованиям.

[45] notes: 45
Институт внеземной физики имени Макса Планка.

А вот дверного звонка не было.

Попасть за ограду Ван не мог никаким способом. Очевидно было, что без приглашения сюда не заглядывали. Ограда была слишком высока, чтобы через нее перебраться. Ворота бы не вышиб и разъяренный бизон. Ни переговорника, ни сторожа на посту.

А мобильника у Вана не было.

Зимняя ночь становилась всё холоднее.

Ван вытащил из рюкзака лэптоп. Опять не повезло. WiFi-карта не могла поймать сигнал.

Когда Ван уже примирился с тотальным поражением, фонари над головой мигнули и погасли. Миллионы горных звезд засияли вдруг очень ярко.

Ван открыл лэптоп. Pdf-файл с федерального сайта носил пугающее заглавие «Черновые инструкции по отчетности исполнения Акта о реформе системы правительственной информационной безопасности и обновленного Руководства по этапному планированию безопасности». Читать этот кошмар Вану, однако, больше не требовалось. Вместо этого компьютер даст ему достаточно света и тепла, чтобы пережить ночь.

Покопавшись в рюкзаке, Ван закутался в плед из космических запасов НАСА стоимостью че-

тыре доллара. Он жевал брикет нерастворимых макарон, тоже из космических запасов, и грел руки о горячий аккумулятор лэптопа. В лавке сервайвелистов на него напала паранойя.

Закутанный в непродуваемый плед, Ван сидел на пуленепробиваемом рюкзаке, точно серебряный мешок с мусором. Глаза его не отрывались от сияющего экрана.

Какая разница, что он застрял в тупике, одинокий, замёрзший, несчастный и униженный? Вана ждали горы бумажной работы. Множество нечитаных отчётов, меморандумов, важных официальных документов. Резолюции. Приглашения на важные семинары. Замерзая в лесу, можно очень многое сделать.

Воздух в горах был разреженный, отчего холодало всё сильнее. Ван рассортировал и пометил разными цветами бесчисленные файлы и папки. Пальцы его понемногу синели.

Час и сорок две минуты спустя черные ворота отворились сами собой — Вану пришлось отскочить в сторону, чтобы его не придавило створкой. Мимо прокатился квадратный белый грузовичок. Не дожидаясь, когда ворота закроются снова, Ван подхватил сумку и поспешил внутрь.

Во мраке и холоде Ван ковылял вверх по скло-

ну. В звездном свете глаза его округлились, как у филина. Дорога была крутая. Несмотря на тренировки в спортзале, очень скоро Ван задыхался, пыхтел и потирал бедра. Перевалив кое-как через гребень, он увидал вдали подсвеченные прожекторами роторы, неторопливо кружащие в танце, словно игрушечные балерины. Энергия ветра, неиссякаемый источник. Эти ветряные мельницы в своей пляске не застят копотью идеально чистое небо.

На Вана бесстрашно глянул олень и продолжил объедать кусты. Дорога вдруг выровнялась. Ван обнаружил, что бредет по гулкому железному мосту. Впереди в вышине горели янтарные огни. Это оказалась автостоянка, воздвигнутая на колоннах и полная облепленных рекламными наклейками электромобилей.

Ван добрался до обсерватории Дотти. Фотографии, которые жена ему пересылала, не передавали нелепой жути здешних мест. Обсерватория походила на курорт для горных хоббитов, построенный в Силиконовой долине.

Подсвеченный мерцающими янтарными огоньками комплекс прорастал прямо из склона. Отделанные кедром, гранитом, стеклом и алюминием здания — сплошь решётчатые переходы,

балюстрады, сверкающие стальные поручни — возвышались над землей на тоненьких кривых ножках. Вымирающие виды могли резвиться прямо под фундаментами. Дождевая вода и тающий снег стекали по желобам в особые цистерны.

Выглядело это на удивление симпатично, словно картинка из детской энциклопедии. По каким-то экофанатическим причинам рыть котлованы, нарушая хрупкий почвенный слой, в горах было запрещено. Поэтому водопроводные трубы, канализация и провода были аккуратно подвешены на опорах, точно трубопроводы на Аляске. Фундаменты оказались опутаны толстыми обмотанными серебряной плёнкой трубами. Похоже было, что среди проектировщиков числился Супер-Марио[46].

Ван перевёл дух и затопотал вверх по крутой алюминиевой лестнице. Отворил двустворчатые стеклянные двери. Прошел по коридору, отделанному темной пробкой.

В комнату А37 он постучал.

Дверь открыла старуха в бифокальных очках, пёстром платке на волосах и свалявшемся вязаном свитере.

---

[46] notes: 46
Персонаж популярных видеоигр, водопроводчик.

— Извините, — пробормотал Ван, — ошибся.

— Вы, должно быть, муж, — заявила цыганка.

— Э… да.

— Поздно вы. Дотти уже ушла. Почему не позвонили?

Ван увидел телефон на прикроватной тумбочке.

— Сейчас же позвоню!

— Не надо. Она на съёмке.

— Ночью? — удивился Ван.

– Конечно ночью! Это же обсерватория!

От шума проснулся Тед, спавший в пластмассовой люльке у изножья кровати. Малыш заерзал на разукрашенных диснеевскими мультяшными персонажами простынях, высунулся из-за решетки и, увидев Вана, заорал.

Ван переступил порог и подхватил сына на руки.

Тед очень вырос. На головке вились новенькие светлые волосики. Похоже было, что он потяжелел раза в полтора и, когда начинал сопротивляться, делал это всерьёз. За долгое отсутствие Вана лакрично-мягкое младенческое тельце налилось мышцами. Казалось, что он сейчас натянет штанишки, подхватит чашку с погремушкой и пойдет наниматься на работу.

— Это я, твой папа, — попробовал поторговаться Ван.

— Ниииии! — Тед заколотил толстыми ножками, будто бежал дистанцию с барьерами. В красной фланелевой пижамке, надетой по случаю холодов, он походил на маленького лесоруба. — Ниииииииииии, ни, мама!

От подгузника его попахивало.

— Я скажу Дотти, что вы наконец добрались, — сообщила неведомая нянька и тут же испарилась.

Ван опустил Теда на холодный пол, нашаривая пачку подгузников. Он уже сто лет не менял малышу подгузники, но это умение было не из тех, что забываются. Тед очень обиделся на эту бесчеловечную процедуру и уставился на Вана с горьким, бессильным подозрением.

— Всё в порядке, малыш, — соврал Ван.

Он застегнул Теду пижамку и поставил сына на пухленькие ножки. Упрямо нахмурившись, Тед вцепился в край маминой кровати и бочком отодвинулся от Вана подальше.

Впервые в жизни Ван понял, что сломало его отца. Это было чувство вины. Вот почему он в конце концов сдался — от жгучей, мерзостной, мучительной, унижающей, вполне заслуженной

вины. Бывают в жизни грехи, которые невозможно искупить до конца дней своих.

Ван присел на кровать Дотти — узкую и жесткую. Высокоэкологическая комната действовала ему на нервы. Он словно забрел в каюту какой-то альтернативной Дотти из дурацкой серии «Звёздного пути». С тугих чистых простыней подмигивали крошечные незабудки. На бамбуковом гардеробе стояли электроплитка и миленький чайник. В углу — небольшой холодильник почему-то овальной формы.

Страшнее всего была эргономическая подставка под компьютер, собранная из пластиковых колец и алых пластиковых таблеток. Одна гнутая полочка торчала в сторону на металлическом штативе, изогнутом под немыслимым, жутким кэрролловским углом. На ней стояла одинокая пустая пыльная вазочка.

Комната неслышно орала, требуя мужского тревожного присутствия. Она нуждалась в том, чтобы ее взъерошили. Ван с трудом удержался, чтобы не расколотить что-нибудь.

— Тед, сынок, как ты тут живешь? — Тед ответил жалобным хныканьем.

— Ну, Эдвард! — настаивал Ван.

Тед обернул к нему личико и смерил отца скеп-

тическим взглядом.

Ван раскрыл рюкзак.

— Хочешь посмотреть на классную штуку? Я тебе покажу мой бластер!

В коридоре послышались шаги. Дотти сделала новую прическу и набрала пять, а то и десять фунтов. Ван вскочил на ноги. Дотти метнулась через всю комнату и повисла у него на шее, чтобы поцеловать — крепко и надёжно, будто говоря: «Я твоя жена, а вот мои губы».

— Долго добирался, милый?

Мягкие ее ладони держали Вана, словно спасательный круг. Одиночество истекало из него, точно отрава.

— Какая же у вас тут глухомань!

Дотти кивнула, блеснув голубыми глазами.

— Да! Да. Но от нас не уходят.

Она стряхнула с плеч куртку-пуховик.

— Почему?

— Кормят уж очень хорошо! Индийская кухня, китайская кухня, сегодня вот барбекю было… Лосятина!

При взгляде на Дотти Вану делалось так хорошо, что он едва не терял сознание.

— Ты так выглядишь здорово.

— Это мой костюм телеведущей. — Дотти

включила экологически чистую экономичную лампочку в тесной ванной. — Сегодня к нам приезжали с австралийского телевидения. Я получаюсь главный пиар-менеджер… оказалось, у меня неплохо выходит. Это не самый большой адаптивный телескоп в мире, но, знаешь, по телевизору отлично смотрится.

— Ещё бы!

— Это единственная обсерватория, построенная видным современным архитектором. А ты видел наши оптоволоконки? У нас такой трафик!

Ван вздохнул. Ему трудно было оживить в себе интерес к очередному дорогостоящему интернет-проекту. После биржевого краха «Мондиаль» провел душераздирающую переоценку материальных активов. Маршрутизаторов на рынке образовался такой избыток, что стоили они двадцать пять центов за доллар. Неудивительно, что Тони решил сбагрить лишнее оборудование в эту глухомань. С глаз долой — из сердца вон.

Дотти вытащила стёганое одеяло.

— У нас так холодно бывает, — заметила она, укладывая Теда обратно в колыбель. — Электрические калориферы нам не советуют использовать…

Малыш оглянулся с интересом и облегчением.

Он уже несколько детских эпох не видел родителей вместе, но мама была счастлива, и старые привычки всплывали в памяти. Тед подарил отцу первую улыбку. В ответ Ван придержал его щечки ладонями и заглянул сынишке в глаза. Словно в мощный телескоп, там видна была юность вселенной.

— Дерек, посмотри — индикатор мощности встроен прямо в термостат. Здорово, правда? Они по всем комнатам стоят.

— Почему вам не разрешают включать отопление? Мы же в горах.

— Астрономы привычные. — Дотти укутала малыша безупречно чистым одеяльцем. — Здесь на самом деле очень славно. У нас свой врач. Оплаченные отпуска… Верховая езда, спортивный зал, массаж… Свой кинозал. Смотрим болливудские фильмы.

— Что, по доброй воле смотрите?!

— В Индии снимают отличное кино. «Физа» — такой чудесный фильм. О девушке-мусульманке из Бомбея. У нее брат пошел в моджахеды. — Дотти понизила голос. — Я так плакала…

Дотти так плакала, подумал Ван виновато. Такая милая, такая красивая. Две минуты прошло, а они будто и не расставались вовсе. Но он помнил,

что ей пришлось тяжело. И ему тоже. Так тяжело, что теперь он не знал даже, как себя выразить.

Он вытащил Теда из кроватки и усадил на колени. Отпустить малыша у него не было сил. В Теде накопилось столько энергии, что держать его было — словно лизать новую батарейку.

— А что это за няня с ним сидела?

— Это доктор Людевиг. Она раньше работала в Дании на радиотелескопе. У нас много приглашённых специалистов из-за рубежа. Почти как на Серре-Тололо в Чили. Для коллег из Европы и Азии это настоящее сокровище. — Дотти обернулась к мужу: — Я наберу отличный материал на пару статей.

— Мне казалось, ты говорила, что до «первой звезды» ещё два года.

— Это правда, но мы не только наблюдениями занимаемся. — Дотти всегда говорила о работе очень серьёзно. — Мы используем Интернет для обработки цифровых данных. Мы создаем крупнейший в мире звёздный каталог. Гораздо больше, чем MAST или HEASARC[47]. Они уже пользуются нашими мощностями для создания резервных копий и «зеркал», потому что у нас

[47] notes: 47

Многоцелевой архив космических телескопов и Архив исследовательского центра астрофизики высоких энергий.

пропускная способность каналов огромная. Наш кабель — единственная физическая связь между сетями ННФ на обоих побережьях. У нас тут мощнейшие кабели, горы оборудования, приборы, которые мы даже не успели распаковать. Целые полки цифровых имитаторов. Все, разумеется, принадлежит федералам, но мы же астрономы, нам всё равно. Пустили детишек в кондитерскую.

Федеральные подрядчики-миллиардеры за работой, подумал Ван, вооруженные гремучей смесью казённых и своих денег. Так и должно было случиться. Всё меньшая и меньшая клика сверхбогачей контролировала всё больший и больший сектор американской экономики. Содрать фирменные наклейки, и окажется, что поставщики и покупатели — одни и те же лица.

Ван понимал это очень хорошо. День за днем он наблюдал в действии «менеджмент промышленной базы» федерального правительства. Он сам одновременно работал в исследовательском отделе «Мондиаля» и службе технической поддержки БКПКИ. Система глубоко засосала его.

Джеб называл этот механизм «закулисой». Этап первый: выгоняешь на сцену всех крупных игроков. Этап второй: окна забить, двери запереть.

Этап третий: за кулисы приглашают только тех, кто согласен играть по правилам. Из власти не уходят — тебя просто нанимает другая власть. Ты — это они, они — это ты. «Закулиса» со встроенной дверью-вертушкой.

«Вчерашние технологии по завтрашним ценам». Таким способом, например, Национальное бюро разведки заработало себе мраморный особняк и лучшую столовую в Вашингтоне — хотя официально никто даже не слышал о Национальном бюро разведки. Оно занималось спутниками-шпионами. Оно су шествовало. В глубокой-глубокой тайне.

«Закулиса». Бухгалтерия. Военно-промышленный комплекс. У Вана закружилась голова.

— М-м-м-м…

— Высотная болезнь? — заботливо спросила Дотти.

— Да, милая. Извини.

Он ненавидел, когда приходилось ее разочаровывать.

— Милый, отдохни. — Дотти отобрала у мужа Теда и положила в кроватку. Потом взбила подушку, уронила Вана на кровать и стянула с него башмаки. — Поздно уже. Ты ужинал? Знаешь что? У меня есть отличное «шардонне». Тебе

поможет.

Ван поневоле рассмеялся. Так приятно было слышать ее болтовню. — Такое хорошее?

— Расслабишься и тут же уснешь. — Голубые глаза ее полнились ласковым уверением. — А вот завтра уже всё остальное…

Ван принял от нее бокал. Вообще-то он недолюбливал девичье-сладкое «шардонне», но это оказалось достаточно хорошим, чтобы ради него приподняться на локте.

— Вау! Отличная штука.

— Могу себе позволить, — отозвалась Дотти. — Платят нам хорошо, а деньги тут негде потратить. Комнаты бесплатно. Кормят за счет предприятия. Даже зубоврачебная страховка. Ого!

Она застенчиво присела рядом и с нежной улыбкой глянула на мужа.

— А знаешь, почему так? Потому что мы ещё живем в девяностых. Когда Дефанти закладывал обсерваторию — в те ещё годы, — он решил, что будет непросто затащить сюда специалистов высокого уровня. В конце концов, нам даже машины водить не разрешают… Вот он и заложил в бюджет все дот-комовские льготы. Тони бы всё отменил, если б мог — он такой жлоб! но Дефанти так всё повернул перед федералами, что условия

отлиты в бетоне. Ни у кого не хватает власти их менять.

— Я думал, Том Дефанти сошел с ума.

— Так и есть, но это уже неважно. Обсерватория должна была стать ему памятником. Он всерьёз рассчитывал, что она простоит сотню лет. Дефанти всегда был немножко странным в этом отношении, но… Дерек, место такое замечательное! Мы здесь живём как в те времена, когда были счастливы. Интересная работа. Свобода творчества. Зарплату платят. Чудесный научный городок. Кормят изумительно, оборудование просто фантастическое, есть лазарет… Мне тут нравится.

— Здорово.

Дотти нахмурила гладкий лоб.

— Всякий раз, как выбираюсь в город — в Боулдер или Денвер, — вижу, как скверно всё стало. Люди будто с ума сошли. Все от ужаса соображение теряют.

— Не так всё страшно, — соврал Ван.

— Так.

— Да, Дотти, ты права. Так страшно.

Говорить об этом дальше не хотелось. Слишком мрачная тема. Дотти поправила простыни и накрыла Вана одеялом.

— Милый, для двоих эта кровать слишком тесна. Завтра поедем на ранчо Дефанти. Я забронировала нам место. Там гостевые домики и горячий бассейн! Голова прошла?

— Ага.

Спиртное всегда помогало Вану справиться с высотной болезнью — алкоголь заставлял расширяться какие-то важные сосуды в мозгу. Программист присел и принялся снимать штаны. Для встречи с генералом Весслером он купил новые, чтобы выглядеть профессионально. Пока он их снимал, из кармана выпал нож.

Дотти услужливо подняла черную, как сажа, лепешку с кулак шириной.

— Это какой-то новый гаджет?

Случайно она нажала на кнопку, и рукоять выбросила черное, бритвенно-острое, зазубренное лезвие. Дотти уронила нож, оставив на полу царапину.

— Милый, — вырвалось у нее, — что это за ужасная штука?! Она похожа на орудие убийства!

— Это охотничий нож, — соврал Ван, подобрав оружие. — Тони всегда хвастается, какая здесь, в горах, славная охота.

Хикок уговорил его купить в магазине сервайвелистов боевой нож полицейского спецназа.

Нож был чернее, чем ниндзя-металлист: рукоятка из углеволокна и клинок с напылением карбонитрида титана.

— Ты его привез для Тони?

Ван сложил нож и упрятал в рюкзак поглубже. О существовании Майкла Хикока он не обмолвился жене даже намеком, настолько секретно было всё, связанное с КН-13. На ум ему пришла великолепная выдумка.

— В самолёт с такими нынче не пускают. Но я на машине приехал, вот и, знаешь, как-то прихватил с собой.

Он глотнул ещё вина.

Милое лицо Дотти помрачнело.

— Зачем ему эта жуткая штуковина? Что с ним такое? Всего ему мало!

Ван сморгнул.

— А что с ним такое?

— Ничего. Пожалуй, ничего. Если не считать его подружки девятнадцати лет! Дерек, он ее *купил.* Этакая чернокудрая звёздочка индийского кино, которая вьется вокруг него и сияет глазами, как фарами. Это, по-твоему, прилично?

Ван прекрасно знал, что Анджали исполнилось двадцать три года, но, оценив расстройство жены, он мудро промолчал.

— Просто ужас.

— Я так за него волнуюсь. За все годы, что я его знала, не было случая, чтобы его романы тянулись долго. Эта женщина пользуется его слабостью, я это точно знаю. Он влюблен в нее безумно.

Ван подавил смешок. «Безумно»? Это ещё что такое? В последний раз, когда они болтали с Тони — ещё в Вашингтоне, — тот рассказывал о своей индийской актриске, подвывая и закатывая глаза, точно мультяшный волк.

Вану казалось очень забавным, что Тони Кэрью, образцовый казанова, наконец столкнулся с женщиной, которая в силах водить его за нос. И не кто-нибудь, а индийская кинозвезда. Очень на него похоже. Вана очень заинтересовала её персона, и он нашел один из ее фильмов — правда, на хинди, на DVD индийского производства. Секс-бомба Тони оказалась одной из слащавых, химически ярких потаскушек, которым даже целовать партнеров по съемкам не разрешалось. От нелепой этой истории на сердце у Вана делалось тепло, светло и щекотно. Бедный Тони, бедный старина Тони, счастливчик и олух.

Гос-споди. На такой высоте «шардонне» изрядно ударяет в голову.

Ван похлопал Дотти по руке.

— Милая, — пробормотал он, — оставим старине Тони его проблемы. А мы с тобой — это мы с тобой. Мы можем быть счастливы, если получится. Вот что важно.

Щеки Дотти зарумянились. Вздрогнули плечи. Господи помилуй, она же сейчас расплачется! Сердце Вана затлело от стыда. Хотя отчего бы ей не плакать? Причина есть.

Он неловко приобнял ее за плечи.

— Милая, всё будет хорошо. Всё ещё долго будет хорошо.

Дотти только хлюпнула носом. Ну почему он никогда не мог подобрать верные слова? Порою они болтались перед самым носом, но какая-то судорога извилин не позволяла им сорваться с языка.

Малыш заснул. Они были вдвоем в тесной холодной комнатке. Дотти рыдала, а у Вана до сих пор болела от разреженного воздуха голова. Но, но крайней мере, они были одни, и никто их не тревожил. Вместе с Дотти в комнатушке сразу становилось уютнее. Просторней, чем в кабинете Вана в Склепе, и не так жутко. Главное, что Дотти рядом. А он не мерзнет в снегу под воротами обсерватории. Спасибо и за это. Плюс к тому в

окрестностях не водятся генералы ВКС. Жизнь не так и ужасна. Очень даже ничего. Да, вполне терпима.

Он снял рубашку. Дотти уставилась на него, утирая слезы. Ван ухмыльнулся. Да, в разлуке с ней он здорово позанимался. Растряс жирок. Спасибо тренажерам — в такой хорошей форме он давно…

— Что с твоим плечом?!

Ван покосился на выцветающий лилово-желтый синяк. Он чуть не в кровь разбил плечо, когда стрелял из южноафриканского штурмового ружья[48]. Гильзы из барабанного магазина разлетались как конфетти.

Дотти в недоумении коснулась синяка.

— Милый, ты здорово поранился!

Конечно, отдача у штурмового ружья была страшная, но стрелять из него было так здорово, что Ван почти не замечал боли.

— Несчастный случай на работе, — соврал он, растянувшись на узкой кровати.

Дотти тут же нырнула к нему под тяжелое одеяло. Раньше они никогда не спали в одной постели. Жизнь в разных городах не способствовала

---

[48] notes: 48

Имеется в виду гладкоствольное штурмовое ружье Protecta производства ЮАР.

развитию этой привычки. А эта койка оказалась слишком узкой. Дотти цеплялась за мужа, словно они теснились на спасательном плотике. Ван слишком устал и вымотался, чтобы заниматься любовью, но тепло ее кожи, звук ровного дыхания доставляли ему несказанное утешение. Его звздная девочка. Подарок вселенной. Где-то в темной глубине души сидел отчаянный ужас, убийственная уверенность в том, что он никогда больше не обнимет Дотти.

Дотти пристроила щеку у него на локте, забросила ногу ему на бедро и тут же уснула. В комнате было темно. Ван едва мог различить милые черты ее лица — вот нос, вот скула.

Как хрупок мир.

Прежде чем заглянуть за кулисы власти, он не осознавал, что цивилизация — это по большей части видимость. На самой вершине, в кружках и комитетах великих и могучих даже тем, кто по нечаянности оказались инженерами и учеными, всё равно приходилось изображать шаманов. Да и сам Ван теперь был политиком. А чтобы править миром, приходится найти в себе силы, стиснув зубы, прикидываться. Смотреть в глаза и не отводить взгляда.

Вот в чём он промахнулся с генералом. К этому

человеку надо было вломиться с воинственным и властным видом. Излучая ауру неизбежности.

Ван сомкнул воспалённые веки. Хотя бы завтра ему совершенно нечего будет делать, кроме как побыть с женой и сыном. Почему это кажется ему такой огромной честью? Потому что он сам напросился. По доброй воле превратил себя в чужое орудие.

Он завис на грани сна, хватая ртом разреженный воздух. Перед глазами плыл исполненный провидческой значимости блестящий дедов бластер. Ван не в силах был отвести от него внутреннего взора. Когда он работал над неудачной демонстрационной моделью, в пистолете кончился припой. Ван разобрал бластер, выкрутив четыре крошечных стальных шурупа, и обнаружил, что инженеры из «шарашки» установили внутри модель реактивного двигателя. Когда Ван снял крышку, перед ним предстала крошечная хвостовая дюза самолёта SR-71 «Дрозд». Чтобы пистолет заработал, прутки припоя требовалось засунуть в выхлопное отверстие, круглое, точно пистолетный ствол. Вот это был типичный инженерский юмор шестидесятых — с короткой стрижкой и в галстуке. Неудивительно, что дед так дорого ценил свою игрушку.

Вино и усталость навалились на него, распластав по простыням.

В третьем часу ночи их разбудил детский плач.

— Ой, Дерек… — невнятно пробормотала сонная Дотти. — Я всегда позволяла Теду ложиться со мной.

Ничего не поделаешь, пришлось втискивать затосковавшего малыша между родителями. Сердитый и сонный Тед ерзал, точно фланелевая выдра, пятками и коленями трамбуя себе гнездышко. Ван, и без того задыхавшийся в полусне, пришел в себя окончательно.

Он выбрался из постели, оделся — в комнате было совсем холодно, — набросил на плечи брошенное Тедом одеяльце, сел за стол и разбудил от сна лэптоп Дотти.

Комната Дотти могла быть опрятней монастыря, но ее компьютера Ван в таком беспорядке ещё не видывал. С ужасом он осознал, что Дотти Вандевеер, его жена, пользуется Outlook Express при широкополосном подключении и без всяких защитных средств. Хуже того, она поменяла все иконки. И не на обычные свои аккуратные звездочки или кометы, а на значки, более подходящие готам: летучие мыши, инопланетяне,

ведьмовские котлы. По всему рабочему столу разбросаны были важные файлы с именами сплошь из ПРОПИСНЫХ БУКВ, пестрящие восклицательными знаками!! Ван глядел на них, как на рентгеновский снимок жениного подсознания. Диагноз был страшен.

Ван достиг пика своей семейной жизни: он попытался отослать собственной жене электронную почту с ее же компьютера.

«Дорогая Дотти, я никогда не говорил тебе, как тяжело придется нам обоим…»

Нет, это всё не то, так не пойдет. Слова сгинули в плывущей налево пустоте клавиши «DELETE».

«Милая моя Дотти, я не могу тебе сказать, почему всё получилось не так, как я надеялся…»

«Дотти, мне не разрешено говорить, что именно…»

«Дорогая Дороти…»

С треском отключилось электричество. Свет разом погас.

В кромешной тьме Ван нашарил кровать и лёг, не раздеваясь.

ГЛАВА 10

Ранчо «Пайнкрест», штат Колорадо, февраль 2002 года

Дотти игриво пощекотала его пальцами ног.

— Ну, герой, теперь ты знаешь, за что сражаться!

Ван кивнул, захлебываясь паром, и примостил бутылку ледяного немецкого пива на краю бассейна. Если судить по обстановке, он сражался за право эксцентричных богачей скупить всю планету.

«Гостевой домик» Томаса Дефанти был когда-то жилищем пионеров Колорадо — грубые камни и серые крепкие бревна. Потом какой-то прикормленный архитектор превратил дом в тайное любовное гнездышко миллиардера. Изнутри всё было отделано хромом по черному в стиле восьмидесятых. Выглядело это так, словно Хью Хефнер пытался соблазнить Непотопляемую

Молли Браун[49].

Ранчо «Пайнкрест», судя по тому, что успел заметить Ван, являло собой помесь Гонконга с голливудским вестерном. Опекуном старика и его обширных владений осталась четвертая не то пятая миссис Дефанти. И она пыталась из могучих горных сосен сотворить бонсай по-китайски. С бизонов стряхивали пыль, антилопам подстригали гривы… Дочь микросхемного магната с Тайваня переделывала ранчо по образцу дорогого китайского курорта.

Стол для гостей накрывали в усадьбе, в солнечном зимнем саду с потрясающим видом на горы. Ван начал день яйцами бенедикт по-русски со шпинатом и черной икрой плюс ананасовый сок и бизоний бифштекс в палец толщиной. Высотная болезнь куда-то испарилась. Белок, витамины и с полгаллона ямайского кофе послужили хорошей заправкой для сердца.

Дотти, которая бросила пить таблетки, к изумлению Вана, нашла где-то презерватив, который они тут же порвали. Ван был потрясен безразли-

---

[49] notes: 49

Браун, Молли (1867-1932) — жена богатого горнопромышленника из штата Колорадо, известна своей филантропической деятельностью; пережила крушение «Титаника», когда на протяжении семи с половиной часов сидела на веслах в спасательной шлюпке. Хефнер, Хью (род. 1926) — основатель и бессменный главный редактор журнала «Плейбой».

чием, с которым его жена восприняла несчастье. В таком игривом настроении он её ещё не видывал.

Горячий бассейн, окруженный черными панелями солнечных нагревателей, походил на маленький амфитеатр. В хрустком зимнем воздухе далеко разносилось вулканическое шипение джакузи. До сих пор Вану не приходилось заниматься любовью в открытом бассейне, но, когда тугие горячие струи били в его нагое тело, он понял, что в этом такого притягательного. Всё равно что любиться, даже не шевелясь.

Дотти отпила белого вина из бокала и спрятала замерзшую руку под воду.

— Милый, мы слишком долго не были вместе. Я не хочу быть соломенной вдовой информационной войны.

— Встретимся снова после большой конференции в Виргинии. А после этого Тони меня пригласил на конференцию Совтеха.

Лицо Дотти помрачнело. Опять он ошибся. Она хотела услышать от него вовсе не конкретные даты.

А сказать ей простые слова, в которых Дотти нуждалась, он не мог. Хотя и понимал более-менее, что это за слова. Что-то вроде: «Милая, я по

тебе соскучился не меньше, чем ты но мне». Но это была не совсем правда. И Ван это знал.

Три месяца разлуки показали ему горькую истину, думал Ван, глядя, как колышутся в обжигающей воде его ноги. Что-то ущербное было в нем самом как в мужчине, в муже, отце и человеке. Единственное дитя неудачного брака, он происходил из семьи слишком умных для своего блага людей. Способность творить и сосредоточиваться на работе сочеталась в нем с колючей, дурной нелюдимостью.

Потому что это были не разные качества. А две стороны одного и того же. Под панцирем, под личной броней, таилась галактически безбрежная бездна тоски, колоссальная и безжалостная, как у аутиста. Заполнить её было невозможно. И не по вине Дотти, потому что тысяча любящих женщин не утолили бы его жажды. Сердце его таилось там, в черной глубине, где любовь сияла единственной ясной звездой.

Будь он поэтом, Ван нашел бы подходящие слова, но в жизни своей он никогда не сумел бы их подыскать. Может, и заговорил бы… но и этого мало было. В отсутствие Дотти ледяная пустота, заполненная прежде её теплом, проросла новым, сильнейшим чувством. И теперь, колыхаясь в

горячей воде под зимним небом — сытый, пьяный, утешенный, любимый, — он мог осознать это чувство, подобрать имя тому, что снедало его изнутри. Это была ярость. Он видел её в себе, словно в телескоп. Она была черная, плотная, твердая. Как нейтронная звезда.

Ван был из тех людей, что носят очки, читают мануалы и барабанят по клавишам. В своей карьере киберсолдата он не совершил ничего более героического, чем поиски переполнения буфера. Но ярость переполняла его, потому что она была неотъемлемой частью его души. Она прорастала естественным путем, как скорбь в сердце вдовца.

И Ван ничего не мог рассказать жене. Вытолкнуть из себя эти слова ему было трудней, чем лизать битое стекло.

Дотти глянула ему через плечо. Потом нашарила очки, надела и глянула снова.

Ван тоже надел очки. К коттеджу приближались двое всадников. Первым ехал молодой слуга-китаец. Вану всё время хотелось думать о нём как о «сотруднике», но китайские работники миссис Дефанти определенно были «слугами». Они постоянно были рядом — внимательные, заботливые, чуткие, едва заметные. Рядом с ними самый скромный дворецкий Британии показался

бы духовым оркестром.

Второй всадник тоже был призрачно-скромен, но в ином роде. Пуховая куртка, рубашка в клетку, фетровая ковбойка сидели на непримечательной его фигуре, точно одежки на бумажной кукле.

Кони неслышно прошли мимо, понурив головы, словно фигуры на чужой карусели. Ван и Дотти по уши погрузились в горячую воду. Слуга безмятежно проехал мимо, уделив нагим любовникам в бассейне не больше внимания, чем шишкам под ногами. Взгляд старика упал на них, задержался на миг. Глаза у него были как у лунатика. Они высматривали что-то за тысячи световых лет отсюда.

Потом кони со своим двуногим грузом скрылись в тени сосен.

— Надо было встать и помахать ему рукой, — заметила Дотти.

Ван от удивления расхохотался. Она подплыла к мужу и навалилась на него пухлым тельцем.

— Мы в обсерватории не питаем иллюзий насчет старика, — прошептала она, почти касаясь губами шеи. — В холостые годы он шлялся по семинарам и приударял за каждой юбкой. Ох, каких же сплетен можно было наслушаться, когда Том Дефанти выходил на охоту!

— Откуда тебе знать? Ты не слишком ли молода для старикана?

— Среди астрономов не так много женщин, милый. Слухи расходятся.

Ван улыбнулся ей. Своя логика в этом имелась.

— Мне достался самый красивый, — прошептала она, поглаживая его ключицы. — Это все знают.

Ван сумел удержать улыбку на губах, но вид Тома Дефанти его здорово потряс. В последние месяцы Ван встречался с множеством выдающихся персон. Он видел президента Соединенных Штатов. Он встречался с министром обороны, советником по национальной безопасности и генеральным прокурором. На одной корпоративной вечеринке он долго болтал у лифта с Биллом Гейтсом и Уорреном Баффетом — те поднимались в пентхауз пить пиво и резаться в покер. Гейтс обратил внимание на бейджик Вана и вежливо намекнул, что в «Майкрософт рисёрч» он мог бы стать одним из ключевых работников.

Может, если бы Билл Гейтс вляпался по уши в колоссальный скандал наподобие «энроновского». Если бы он пережил катастрофический нервный срыв. Если бы он ковылял по комнате, словно укушенное змеей привидение. Может

быть, тогда Билл Гейтс производил бы впечатление столь ужасающее, как Том Дефанти.

Богачи планеты становились всё более жуткой компанией. Даже во время дот-комовского «пузыря» не было на свете столько натуральных психопатов, вооруженных набитыми кошельками. Добравшись до самого верха, они переставали считать деньги и начинали рваться к власти. Джордж Сорос наводнил своими агентами Восточную Европу, Росс Перо мстил в президенты, а уж Кен Лэй[50] … Все они так или иначе позабыли, что есть предел возможностям, которые дают деньги. Даже Усама бен Ладен был богат.

— Милый, — пробормотала Дотти.

— Что?

— Расслабься. Я работаю в обсерватории. Я сняла этот домик. Мы… э-э… договорились с «Пайнкрестом», что так можно. Они нам не помешают. Всё замечательно.

— Точно.

---

[50] notes: 50

Личный друг президента Джорджа Буша и кандидат в министры финансов США Кеннет Лэй был генеральным директором и председателем правления корпорации «Энрон». После банкротства компании был привлечен к уголовной ответственности но обвинению в мошенничестве, подделке документов, нарушении судебной присяги и так далее — всего но 11 пунктам. Однако приговор по его делу так и не был вынесен, поскольку в июле 2006 года Кеннет Лэй скончался, не дожив до начала судебного заседания трех месяцев.

— Чем сегодня займемся, милый? В кои-то веки весь день наш, можем делать что хотим. Прогуляемся или прокатимся верхом…

— Нет.

— Можем вернуться в дом и опробовать водяной матрас.

Ван допил пиво. По всему телу расширялись поры. Чище, чем сейчас, ему уже не стать. Любовью они занимались столько, что сексометр Вана показывал «ноль». Торчать в доме ему уже не хотелось. Он был готов одеться и заняться чем-нибудь серьёзным.

— Есть идея получше, — проговорил он. — Пойдем, покажешь, чем сейчас занимаешься.

— Ладно. После обеда.

— Ну пойдем.

– Дерек, на ранчо нас ждет биск из креветок. И тунец в перечной панировке. Плюс сморчки, тушенные с трюфельным маслом.

Ну ладно. Может, Дотти составила неплохой план.

После роскошной трапезы, когда живот Вана был набит, голова пухла, а в висках тарабанил кофе, они вернулись в обсерваторию. Дотти взяла электрическую тележку. Наверху было холодно, ветрено, и воздух был разреженным неимоверно,

но вид отсюда открывался фантастический. Это была основная задача обсерватории: наблюдать за фантастическими видами. Здешний был просто великолепен.

От секса, еды и кофе высотная болезнь очнулась. Искоса ухмыльнувшись жене, Ван отошел и с горем пополам вскарабкался по растрескавшемуся склону гранитной глыбы.

Сюда следовало забраться хотя бы для того, чтобы увидеть всё разом. Бескрайнее небо. Вывороченные кости гор опутаны бегущими облаками и ползучими облачными тенями. Морщинистые пики припудрены снегом. Зеленый сосновый бор. Бурые следы древних оползней там, где осыпались и таяли старые горняцкие тропы. Черные шрамы лесных пожаров. При взгляде с обсерватории здания совершенно терялись среди деревьев: на виду — только антенна, только ровный край белой сателлитной «тарелки».

В небе над сошедшим с открытки пейзажем парила серебряная клякса — аэростат на длинном полосатом швартове.

Ван сразу приметил дирижабль, а Дотти рассказала ему, откуда он взялся. Блестящий воздушный шарик поступил со складов НОРАД — экспериментальный образец оборудованного радаром

заградительного аэростата, так и не поступившего на оснащение войск ПВО.

Дефанти переработал модель, пытаясь пустить ее в коммерческое производство, создать местечковый заменитель спутниковой связи.

В массы идея так и не пошла, но здесь, в горах, маленький дирижабль с телекоммуникационной станцией в гондоле пришелся к месту. Ранчо «Пайнкрест», обсерватория и окрестные фермы были изолированы от мира в краю темных небес — эти места ещё в сороковые годы отошли под полигон для радиотехнических исследований. Антенны и кабельное телевидение были запрещены. Зато, когда позволяла погода, связь можно было наладить через парящий мини-спутник, славненький нейлоновый воздушный шарик. Технически это была конфетка. Серебряная живая капля двадцать первого столетия. Идея, проверенная практикой. Последний штрих, в котором нуждался горный пейзаж.

Отчаяние и стыд отступали. Здесь, под безбрежным небом Америки, в горах, у Вана кружило голову от шального обилия возможностей. Ему нравилось здесь, нравилось быть с Дотти. Это было прекрасно. Если бы только кончилась дурацкая война, если бы только он избавился от

пары скверных привычек… да, он мог бы попытаться здесь пожить. Горы Запада стали бы его домом.

Он сроднится с этими местами — загорелый, плечистый — и нарастит каменные мозоли на мягких хакерских пятках. Его сын вырастет в горах. Тед будет кататься на лыжах и лазить по скалам. Они вместе будут карабкаться по горным тропам. Ван купит винтовку и спиннинг. И каждые выходные они с Тедом будут ходить на охоту или рыбалку. Палатки, костры в ночи, карты и компасы. Он будет передавать сыну отцовскую мудрость, честно глядя в глаза. Он возместит всё, чего не смог сделать, не смог подарить.

Дотти помахала ему рукой от подножия утеса. Слова ее уносил пронизывающий ветер. Ван сполз со скалы. Очнувшись от мечтаний, он глядел на жену новыми глазами. Хрупкая женщина с прямыми русыми волосами, чьи брови не знали щипчиков, а губы — помады. Теплая джинсовая рубашка и брюки. Самая драгоценная на свете.

Барабан обсерватории был огромен, хотя и меньше, чем казалось на рекламных буклетах. Раздвижные створки купола открывались в зенит, а вся конструкция поворачивалась на подвесах вслед небесной сфере. Вид у нее был до

странности зализанный, точно у кроссовки. Или у огромного киоска в супермаркете.

Внутри было тепло и тихо. Толстые стены защищали чувствительный инструмент, точно пенопластовый термос — холодное пиво.

Будучи супругом астрофизика, Ван повидал больше обсерваторий, чем стоило бы человеку. Он привык к виду приборов. Но ему никогда не приходилось видеть телескопа хотя бы вполовину столь изящного. Большие профессиональные телескопы всегда выглядели изношенными, полуразобранными и собранными вручную. Здесь Ван сразу понял, что перед ним стариковская любимица.

Этот телескоп, изящный и глянцевый, усыпан кнопками, разъемами и переключателями, как жена нобелевского лауреата на балу побрякушками. Высотой он — нет, она! — был в пять этажей. Изящно зауженные распорки решетчатой трубы покрывал лаковый узор. Внизу виднелась огромная чаша зеркала, составленного из голубых шестиугольных ячеек в зеленой пластиковой раме. Все швы, все стыки были подозрительно безупречны. Телескоп походил на модную сестренку старика «Хаббла».

Целью адаптивной оптики было убрать мерца-

ние звезд. Для этого зеркала телескопа подстраивали свою кривизну в соответствии с движением воздушных масс — в реальном времени, по указаниям компьютера. Любопытная эта идея, по всей очевидности, потрафила инженерным вкусам старика Дефанти.

Но, подумал Ван, так ли необходимо было аккуратно раззеньковать все болты? С какой стати панели наружной обшивки так безукоризненно подогнаны, словно в роскошном лимузине для невесты? И повсюду провода. Телескоп был опутан проводами, точно горгона Медуза. Он только что не кричал о своем бурном романе с Интернетом.

Похоже было, что в мужественных попытках запустить адаптивную оптику местные инженеры подвергли телескоп тяжелой косметической операции. Может быть, даже два раза. Или три. С каждой стеклянной ячейки свисала черная ниагара силовых кабелей. Мотки и клубки оптоволоконных шин валялись по полу, очевидно забытые. Проводов хватило бы на черновский ускоритель. Неудивительно, что тележурналисты были в восторге.

— Какая красавица, — промолвил Ван вслух. Голос его отдался эхом. Они были одни в башне

— два человека, сведенные к масштабу сурков. Вокруг — только спящая принцесса Научного царства, её пульты управления, справочники на пружинах, конторские кресла, кружки из-под кофе и спальные мешки. Типично ученый мусор.

— С первоначальным проектом были большие проблемы, — созналась Дотти. — У архитекторов такое самомнение. Этот не желал слушать, когда толпа умников ему твердила, что «красиво» не значит «работает». — Она развела руками. — Ну, конечно, не «Кек-два» и не Мауна-Лоа. Но материалы высшего качества. Построено на совесть. Ну а пропускная способность… Это будет единственная «живая» сетевая обсерватория на Интернете-два. Все данные в реальном времени будут перегоняться по магистральному кабелю НПФ. Том Дефанти мечтал, чтобы любой мальчишка в любой городской школе мог увидеть вселенную. Если на звёзды нельзя глянуть, потому что их застит свет фонарей, что ж, он подарит им вселенную, бесплатно, через информационную магистраль. Если бы сейчас президентом был Ал Гор… пожалуй, старик отхватил бы под эту марку немало бюджетных денег.

— А откуда все эти провода?

— А, это! Это наш маленький Бхопал. Пони-

маешь, когда первоначальные поставщики разорвали контракт, Тони нанял всех этих индусов по дешёвке… Приходят, проводят испытания, занимают время, подключают к Сети, отключают от Сети, всё переделывают… Никто же не пытался прежде делать ничего подобного, они с ним возятся днем и ночью… Тони — он не лучший проект-менеджер, правду сказать.

— Не подумал бы, что это работа но нему.

— На строительстве телескопа Тони впервые показал себя перед Томом Дефанти. Практически невозможно построить обсерваторию так близко к федеральному заказнику — все эти директивы, законы по охране вымирающих видов, но… как видишь, Тони всё устроил. Тони всё организует собственным хитрым способом.

— Как он свёл нас с тобой, — пробормотал Ван.

Дотти невинно глянула на него:

— Что, милый?

Ван сделал вид, будто его заинтересовали хитроумные потроха диахронического светоделителя. Чуть было не прокололся.

— Да, Тони мне много рассказывал, как он вошел в доверие к Дефанти. Этот телескоп для него много значил.

— Знаешь, я разобралась, как он это всё устро-

ил, гордо заявила Дотти. — Понимаешь, Тони помирился со всеми, кто просто ненавидел наш проект. В основном всякие хиппи-«зеленые» из Боулдера — «где угодно, лишь бы не у нас под носом». И пошел к ним Тони, и посещал их сходки, и дарил им деньги Дефанти, и сказал он им: «Построим всё экологически чисто!» И построили. Возобновляемые источники энергии, всё из местных материалов, никакого загрязнения среды. Оказалось намного дешевле, чем с ними судиться. Так что я живу вроде как на выставке достижений экологического строительства. Большинство обсерваторий по сравнению с нашей — просто деревни шерпов. «Зеленые» сюда приезжали на экскурсии в набитых автобусах.

Что-то ещё тяготило Дотти, понял Ван. Что-то важное.

— А потом? — спросил он. Дотти пожала плечами.

— А потом им надоело, должно быть. Мы же всего лишь команда астрономов. Кроме того, у нас ещё даже телескоп в строй не введён. Нет нормального пиар-отдела, чтобы ориентировать публику. Ну то есть, по сути дела, я и есть пиар-отдел. В одном лице.

— Но теперь всё в порядке? «Зеленые» вас боль-

ше не тревожат?

— Ой, Дефанти отписал им столько денег, что они включили его в совет директоров. Теперь им тот же парень построил новое здание в Боулдере, очень симпатичное. Он теперь знаменитый эко-архитектор. В Голландии его обожают.

На Вана снизошло озарение. Тони Кэрью надул несчастных олухов. Он погубил их. Потому что когда-то его враги действовали быстро, тихо, и, должно быть, всегда вовремя. Кучка опасных «зеленых» фанатиков. Но Тони ласковой улыбкой и толстой чековой книжкой заманил их в систему. Они стали медлительны и цивильны. Бешеные гринписовцы нацепили костюмы и галстуки, зарылись в бумаги, расселись по кабинетам и потеряли силу. От гордого духа их осталось только название да, может, старые наклейки на лобовое стекло…

Неужели у Тони хватило на это ума? Да, у него хватило бы. Если дать Тони возможность, если он найдет способ повернуть дело так, что…

— А что с этого имел Тони? — поинтересовался Ван.

— Ну, Дефанти был в полном восторге. Это была идея Тони — назвать обсерваторию в честь настоящего отца Дефанти, Альфреда А. Гриффита,

никому не известного типа, — он помер, когда Дефанти было семь лет. Ничего лучше для нас, астрономов, он не мог сделать. Том Дефанти обзавелся репутацией великого защитника дикой природы… Это было восемь или девять лет назад. Проекты такого масштаба осуществляются небыстро.

— Так в чём была его прибыль?

— Обязательно искать прибылей? Это же телескоп!

Ван подергал себя за бороду.

— Мы же говорим о Тони Кэрью, нет?

Дотти поморщилась.

— Милый, он твой лучший друг…

— Знаю. Потому и говорю.

Дотти обиделась. Она глянула Вану в глаза, потом отвернулась.

— Ну, ходят слухи… Не знаю, правда ли это, но…

— Но Тони с этого кое-что имел, — заключил Ван.

Она понизила голос:

— Ты слышал о правах на прокладку коммуникаций?

— Это вроде разрешения провести кабель? Да, конечно.

— Ну так вот, законодательное собрание Колорадо когда-то выдало целый пакет разрешений на прокладку интернет-кабелей. Пытались подключить захолустиые районы штата — знаешь, равные права на доступ к информационной магистрали, всё такое. А потом, пару лет спустя, Дефанти протолкнул поправки к закону, распространив это на *трубопроводы.* Одно или два слова в каком-то комитете — и всё. И тут в Калифорнии грянул энергетический кризис — когда у них не хватало природного газа. В этой истории были замешаны *о-очень* крупные энергетические компании. С *о-очень* высокими покровителями.

Ван хмыкнул. Бухгалтерия. Ну конечно. Через Скалистые горы, хребет континента, не так много проходов. А энергетический голод Калифорнии был неутолим.

Если ты совершаешь корпоративное преступление в лесу и никто не видит — было ли преступление? А если ты раздаешь прибыль от него на благотворительность, как Рокфеллер или Карнеги? Обездоленные дети Америки, прильнувшие к экранам компьютеров, чтобы увидеть звезды… Молча, запрокинув голову, Ван прошелся вокруг телескопа, осматривая каждую балку, каждый болтик, каждый шов огромной машины. Такая

чистая. Такая отрешенная от земной суеты.

Шаги Вана гулко отдавались под высоким сводом. Он точно шел по оперной сцене, и перед ним высилась оплетенная проводами дива. «Мондиаль» вложил миллиарды в права прокладки оптоволоконных кабелей по всей Америке. Здесь Дефанти наткнулся на возможность тихой сапой, ненаселенными местами перебросить через Скалистые горы великанский шланг с природным газом. Газовые трубопроводы славились авариями. Опасная штука — трубопровод, и грязная. Не та, которую разрешат строить где попало. Но инфраструктуру приходится расширять. Людям нужна энергия. Все с радостью жгут газ, но за последствия отвечать никто не хочет. Поэтому трубопроводы строят без шумихи. Ребята вроде Тони, способные запудрить мозги общественности зеркалами телескопов и ветряными мельницами. Кто догадается, что строительство обсерватории связано с газовым трубопроводом?

Что, слишком много жестокости в нем накопилось, слишком много подозрительности? Работа повлияла. Грязная работа — и заключение в бомбоубежище. Кто он теперь — профессиональный параноик? Превратился в злобного поганца, потому что слишком долго врастал в шкуры

террористов и мошенников? Может, конечно, и следовало с большим доверием отнестись к побуждениям крупных бизнесменов… этих милых людей из «Энрона», «Артура Андерсена»[51], «Глобал кроссинг»[52] и его возлюбленного «Мондиаля».

Ван обошел телескоп кругом.

— Эти стены, они что, из сена сложены? — спросил он. — Это тебя не пугает?

— Прессованная солома, милый. Вполне безопасный материал. Если солому спрессовать достаточно плотно и упаковать, она не горит. Она очень лёгкая, экологически безопасная и прекрасно держит тепло. Телескоп должен вращаться, чтобы следить за звездами. А у нас вместо купола вращается всё здание.

Ван усмехнулся.

— Здорово.

— Меня все об этом спрашивают — про солому. Часто задаваемый вопрос номер один. Солома — замечательная штука, милый.

Дотти отвезла его на электрическом каре об-

---

[51] notes: 51

Аудиторская фирма, вовлеченная в скандал с «Энроном».

[52] notes: 52

Телекоммуникационная корпорация, пережившая банкротство после интернет-бума.

ратно в научный центр. Ван обнаружил, что от усталости у него прояснилось в голове. Да, он терзался ещё нелепым провалом на базе «Шайен», но обида уже прошла. Он не встречал ещё человека, которому не приходилось бы идти на компромиссы. Жизнь не сахар.

Так почему ему так скверно — оттого ли, что он потерпел неудачу в бою с космической бюрократией? Или оттого, что его лучший друг дурит людям головы, чтобы продавать им же электричество и газ, в которых эти же люди отчаянно нуждаются?

Затем Дотти увлекла Вана в его стихию. Серверная научного центра имела три этажа в высоту. Стеклянный ее фасад был врезан прямо в скалу.

— Мы не думали, что у нас будет столько оборудования, — призналась Дотти. — По проекту это здание отвели отделу по связям с общественностью. Тут должен был разместиться их офис, что-то вроде туристического центра, но…

Ван был в восторге. По сравнению с этим чудесным местечком любой узел Интернета-2, где ему доводилось бывать, казался могилой. Даже то, что всё оборудование устарело на годы, его не смущало. «Циско Каталисты», «Джунипер Т640», «Форс 10», оптические переключатели «Кьяро»

— всё работало. Деловито жужжали вентиляторы, выбрасывая в холодный февральский воздух тепловую энергию сотен тостеров. Ван миновал стеклянный ящик с наборами помеченных разными цветами запасных кассет. Проходил мимо стальных шкафов, опутанных водопадами оптоволоконных кабелей.

— Вон там, — Дотти махнула рукой, — лестница.

— Погоди, — пробормотал Ван.

Он натолкнулся на дежурного администратора. Молодой индус в яркой футболке из полиэфира, синих джинсах и кроссовках листал журнал «Звёздная пыль», поглаживая стильную узкую бородку. Заметив Вана, он вежливо поднял глаза.

— Так как справляетесь с эпидемией CodeRed?[53] — спросил Ван.

– Ну, сэр! Как вы думаете? — Сисадмин снисходительно хмыкнул. — Мы же под OpenBSD работаем!

Ван поднял брови.

— Молодцы! Ну а как насчет свежих уязвимостей удаленного вызова?

— Никаких проблем. Прогнали nfsbug и пару

---

[53] notes: 53
Семейство компьютерных вирусов.

месяцев как всё пропатчили.

— Проколы SNMP?

— О нет, сэр! Мы уже поставили третью версию. И зашифровали единицы протокола передачи данных.

Ван воззрился на нового знакомца с чувством глубокого удовлетворения.

— До опосредованной пакетной фильтрации вы, должно быть, ещё не доросли.

Админ отложил журнал.

– *Опосредованной* пакетной фильтрации? Разве это не чисто теоретическое решение?

— Уже нет, — объявил Ван.

— Милый! — возмутилась появившаяся Дотти.

— Мы случайно не знакомы? — поинтересовался админ. — Кажется, мы с вами где-то встречались.

— Дерек Вандевеер. — Ван протянул руку.

— Так вы *Ван?* — вскричал админ, взвившись с кресла. — Тот самый Ван! О, сэр! Такая честь. — До протянутой руки он не дотронулся, а вместо этого припал к ногам программиста, благоговейно омахнув кончиками пальцев его мокасины. — Сэр, я никогда не забуду вашей статьи о маршрутном картировании!

— Это Раджив, — пояснила Дотти, пока админ

поднимался с пола. — Его иногда заносит.

Раджив сложил ладони на груди и просиял.

— О, миссис Вандевеер, мне следовало знать, что это он! Ваш знаменитый муж наконец-то посетил нас! Счастлив познакомиться, сэр! Ваша работа над «Гренделем» — о, нам есть что обсудить!

Дотти поморщилась. Она была *«доктор* Вандевеер» и ненавидела, когда ее называли «миссис». Ван погладил бороду.

— А… э-э… не подскажете, это не вы случайно «Раджив двадцать три» с форума «Аларм-Консенус»?

— Так точно, сэр, он самый! — вскричал сисадмин, радуясь, что его узнали. А какой вклад вы вносите в работу форума! Я все ваши заметки передаю бангалорской группе разработчиков «Линукс»!

— Выберетесь в этом году на Совтех?

— Конечно, надеюсь на это, сэр.

— Тогда но пивку, приятель, и поболтаем! — Чтобы оттащить Вана от нового знакомца, потребовалось вмешательство Дотти.

Она легко взбежала по лестнице на третий этаж. Ван топотал следом.

— Надеюсь, хмуро глянула она на мужа сверху

вниз, — что я тебя умучаю до смерти своими моделями.

— Милая, не обращай внимания на этого парня. — Ван был страшно доволен собой.

Дерек, ты выбрался к нам от силы на двое суток, а сам готов был целый день болтать с этим типом.

— Целуется он похуже тебя, детка.

Ван шлепнул ее по ягодице. Дотти подумала и рассмеялась.

Наверху народу было побольше. Дотти поздоровалась с полудюжиной коллег, но, после того как она выбранила мужа за разговор с Радживом, ей стыдно было болтать о своей работе. Она присела рядом с терминалом.

— Наверное, не стоит показывать «тому самому Вану» мои детские игрушки, но я четыре года работала над этим симулятором шаровых скоплений.

— Милая, твои демки я всегда обожал. Показывай.

— Эти GRAPE-шесть разработаны японцами с кафедры физики для решения проблемы n тел.

— Запускай, солнышко.

— Мы непосредственно внедрили алгоритмы расчета в модель динамики шарового скопления,

гладко частила Дотти. — Алгоритмы численного решения задачи известны с шестидесятых, но мы на порядок увеличили n. Эти карточки выдают сотню терафлоп… Остальная часть системы моделирует звёздную эволюцию и массообмен. Да, и модели столкновений. Но если ядро скопления схлопывается, модель столкновений начинает чудить.

Ван молча следил, как по экрану ползёт черно-белая полоса загрузки.

— Пришлось оставить пять или шесть упрощений, — продолжала Дотти, — но мы охватили четырнадцать порядков размера — от диаметра нейтронной звезды до размера самого скопления… О, смотри — поехали!

Ван ошарашенно уставился на экран. Конечно, он видел раньше симуляции шаровых скоплений. Он помнил их ещё с магистратуры — грубые крестики-нолики лениво ползали по равномерно зеленеющему экрану. Модель, которую он видел сейчас, жужжала почище пчелиного роя. В мониторе Дотти горели звезды, миллионы звёзд. Выглядело это почти как фотография с «Хаббла», только живая. Звёзды болтались по баллистическим траекториям, рушились, сталкивались, кружили в орбитальном танго — петляли, цело-

вались, замирали на месте.

Шаровое скопление кипело. Оно разлеталось, точно осиное гнездо. Только компьютеры доказывали, что самоцветная держава светил нестабильна. В телескопе шаровое скопление казалось плотным, точно бейсбольный мяч, но стабильность его была мнимой. Звзздыпадали к сердцевине и от невыносимой тесноты вылетали, словно из пращи, из родного дома. И мчались в нескончаемый мрак и одиночество межгалактического пространства.

От этого зрелища у Вана на голове волосы вставали дыбом.

«Вот *живешь* ты под боком у такой звезды, — думал он, — живешь себе на тихой, славной планетке. И в дневном небе у тебя полыхают соседние солнца, здоровые, как мячи. А потом, господи ж ты боже мой, пролетаешь мимо одного из них слишком близко, слишком низко. За пару десятков поколений созвездия в небе поплывут, как пластилиновые. Небеса ополчатся на тебя и твой мир, извергнут тебя на скорости в половину световой. И ты, и всё твое племя, безвинная твоя цивилизация отправятся в невыносимую студеную ссылку без возврата».

— Мы называем этот процесс «испарением», —

говорила Дотти. — Рано или поздно всем звёздам придется покинуть колыбель скопления. Давай я прогоню для тебя вторую модель — ту, что учитывает приливное действие галактики.

В этот раз несчастное скопление растерзали силы превыше его понятия. Что может сделать маленькое скопление против чудовищной хватки галактической сверхдержавы? Шаровые скопления всего лишь золотые пузыри, а галактики — огромные блюдца: стылые, неумолимо вертящиеся. Тяготение их ломало и гнуло пузыри. Накатывал могучий прилив.

На глазах у Вана. Притяжение галактики было слишком велико для скопления. Звёзды отшелушивались, они уходили в эмиграцию, жалко цепляясь друг за друга. Эшелонами беженцев покидали они скопление. Иные падали на галактический диск — пришельцы издалека, гости с ангельских высот, обреченные на загадочную судьбу. Разбитое, искрошенное в ошметки газа и пыли, полуразвалившееся скопление висело в небесах…

— Мы говорим об ускорении на двадцать порядков, — поясняла Дотти. — Тесное прохождение двух нейтронных звёзд занимает миллисекунды. Но смерть шарового скопления…

— Они умирают? — спросил Ван.

— Конечно умирают, милый. Все звёзды умирают. И все скопления. Но здесь, — она указала на экран, — мои скопления умирают не совсем по правилам. Вселенной только тринадцать миллиардов лет, поэтому у меня нет достоверных наблюдательных данных по динамическим взаимодействиям на поздних стадиях распада скопления. Я выжимаю последние крохи из инструмента. Мы заглянули в будущее на тридцать миллиардов лет.

— Ого.

— Я хочу сказать, ошибки вычислений накапливаются.

— О да.

— Вот с этой проблемой надо разобраться, — заключила Дотти. — Тридцать миллиардов лет. Мне потребуется немало времени, чтобы ее решить. Или даже много. Остаток жизни.

Ван потрепал ее по плечу.

— Милая, солнышко, у тебя всё получится!

После роскошного ужина (сычуаньская кухня) они взяли Теда с собой, чтобы провести последнюю ночь в любовном гнездышке на ранчо. Домик перестал производить на Вана впечатление. В холостяцком убежище стареющего

миллиардера было что-то нелепое и жалкое.

И детоустойчивым оно не было. Мир Теда ограничивался манежем и коляской. Это неподходящее место для семьи из трех человек. Жизнь пошла наперекосяк. Оскорбленная гордость больше Вана не мучила, но осталось нутряное чувство, что где-то он серьёзно облажался.

В третьем часу ночи его разбудило хныканье сына. Ван встал, прошаркал к колыбельке.

— Дадим маме выспаться, — шепнул он малышу.

Он поменял Теду подгузник и засунул сына в ходунки — чудесные ходунки, которые сам же и отправил ему почтой в минуты тоски, всё из литого пластика, как детская гоночная машина.

Тед был в восторге, что папа выпустил его погулять ночью по ярко освещённой ванной. Мама всегда заставляла Теда спать, а тут ему разрешили наконец заняться тем, чем больше всего хотелось заняться глухой ночью. Хотелось ему носиться но комнате, грохоча колесиками, булькать от счастья, размахивать ручонками на манер ветряной мельницы и радостно заливать всё капающими с подбородка слюнями.

К закату Ван будет уже в Вашингтоне. Придется рассказать Джебу, что история с КН-13 в штабе

ВКС под горой Шайен закончилась пшиком. Он зря потратил время, потратил бесцепные силы… Чтобы восполнить растраченное, ему придется вдвое усердней трудиться над подготовкой саммита в Виргинии, залезть в шляпу фокусника обеими руками… Ван глянул на себя в зеркало, близоруко щурясь без очков. Какой же он всё-таки дурак!

Покуда Тед ворковал и булькал, Ван тихонько прокрался в комнату и вытащил из-под кровати рюкзак. В ванную он вернулся с угольно-черным спецназовским ножом. Лететь в Вашингтон с этаким свинорезом в багаже он не может. Охрана в аэропорту умом повредится. Но он ведь купил нож. Себе купил. Глупо будет не найти ему применения.

Ван ухватил себя за бороду и принялся пилить. Нож проходил через щетину, точно сквозь сахарную вату.

Шесть минут спустя Ван глядел на свои бритые щеки, покуда Тед со счастливой миной сосал и выплевывал клочья отцовской бороды. Спецназовский нож был острее бритвы. Волоски он срезал почище лазера, оставляя тонкие порезы, будто от листа бумаги. Неудивительно, что Хикок божился этим ножом. Хикок знал толк в оружии.

Не нож — сокровище.

Ван уже много лет не брил бороды. Мокрые гладкие щеки выглядели удивленно и бледно, как свежая тонзура.

Наутро Дотти изумленно воззрилась на мужа.

— Ой, милый! — вскрикнула она. — Ты посмотри на себя! Милый, ты так молодо выглядишь! Подобной реакции Ван не ожидал.

— Молодо? — Он-то собирался избавиться от нелепой хакерской бороды и приобрести вид серьёзного профессионала. — Молодо? А как же нос? Нос словно вырос за ночь на три размера.

Дотти принялась на пробу целовать места, которые не целовала уже годами. Голая кожа отзывалась радостным изумлением.

— Ми-илый, ты такой красивый. Чистый. Тедди, посмотри на папу!

Утомившийся за время ночной прогулки Тед спал.

— Нравится? — спросил Ван.

— По-другому выглядит… Конечно, нравится. Я же за тебя вышла замуж. А разнообразие не помешает.

— Не знаю, что об этом на работе подумают.

— Милый… — Дотти примолкла. — Ты бы только знал, какое у тебя лицо делается, стоит о работе

заговорить.

— О чём ты?

— Дерек, эти люди тебя замучили. На тебя смотреть жалко. Мне не нравятся эти типы из Вашингтона. Мне не нравится нынешняя администрация. Мне не нравится эта дурацкая «война с терроризмом»… Я уже газеты читать не могу. Это не наши люди.

— И что? — спросил Ван. — К чему это всё?

— Милый, ты не обязан к ним возвращаться. Понимаешь? Ты не обязан возвращаться на войну. Ты можешь остаться здесь, со мной. Дерек, ты же ненавидишь эту работу. Грязную, дрянную работу. Любимый мой, может, я не говорила этого раньше, но… здесь у меня всё просто отлично. В большинстве университетов астрономы сталкиваются с жуткими проблемами финансирования. Так скверно ещё не бывало… А здесь у меня только одна беда. Со мной рядом нет Дерека Вандевеера.

— А… — выдавил Ван. Угу.

— Да, у нас не будет столько денег, как в те времена, когда ты был вице-президентом. Но от тех денег у нас были только неприятности. Дерек, ты прекрасно к нам впишешься. Будешь работать на нашем оборудовании. Сможешь заниматься всеми клевыми, забавными программерскими

задачками, какими хотел. Закончишь наконец свою статью по теоремам Рамзея. Ты будешь счастлив.

— Сейчас у меня такой несчастный вид?

— Милый, да у тебя это на лице написано! Теперь же всё видно. Я тебя не видела без бороды уже сколько — четыре года? Ты ее сбрил на мамины похороны.

— Д-да, — пробормотал Ван. — Точно.

Дотти утерла слезинку.

— Люди не обязаны себя мучить. Ты такой замечательный, Дерек. Сильный, честный, славный, изумительно талантливый, упорный… Во всей нынешней администрации нет ни одного настолько порядочного человека… — Она уже всхлипывала. — Я хочу, чтобы ты переехал сюда и жил с нами, Дерек. Я так устала быть одна.

Ван присел на кровать. Душа его трепыхалась, как сорванный парус.

— Ох, Дотти…

— У меня есть на тебя право. Я твоя жена. С какой стати нам разлучаться? Я хочу, чтобы ты переехал к нам. Заведём второго ребенка. Ты же не под призыв попал. И погон на тебе нет. Почему тебе просто не уйти?

— У меня есть работа, — ответил Ван. — Мне за

нее платят. На меня полагаются.

— Да ты ненавидишь эту работу! Она тебя корежит. Ты бы видел себя, когда пытаешься о ней заговорить. У тебя глаза стекленеют. И холодеют. Лицо мрачнеет… Ты похож на огромную собаку, которая стережет последнюю в мире косточку.

Ван не обиделся. Он понимал, насколько права Дотти. Физиономия его приобрела полицейские черты. А полицейский — это такой парень, который никогда не будет просто рад тебя видеть. Даже если он замечательный человек, как многие из них, он всегда, всегда вначале смерит тебя оценивающим взглядом, примечая, не опасен ли ты, не вооружен ли, не безумен ли. На сотнях лиц в Склепе Ван примечал это собачье выражение и теперь, да, сам им обзавёлся. Обзавёлся, потому что заслужил. Заработал. Потому что стал одним из них.

— Милая, — выдавил он, — ты, наверное, права. Я понимаю. Но я не могу просто так уйти с работы. В Виргинии затевается очень важное совещание. Джеб говорит… хотя Джеб чего только не скажет… но если всё пройдет нормально, оно стоит любых усилий.

— А как же мы? Я хочу, чтобы ты жил со мной.

— Это всего лишь временная работа, — сказал

Ван. Говорил он сам с собой. Я не обещал Джебу, что сделаю карьеру в бюро. Даже его пост — временный. Мы вообще-то должны были просто… залатать дыры, пока не установим четкую политику и не будет создана постоянная структура на федеральном уровне, а лучше даже — на уровне кабинета…

— — Дерек, я никогда не слышала, чтобы ты так говорил прежде. Когда мы были счастливы.

— Ну вот такой у них теперь жаргон, — простонал Ван. — Милая, я знаю, что переигрываю. Ты нужна мне, чтобы предупреждать, когда я съезжаю с катушек. А когда тебя нет рядом, у меня в голове чёрт знает что творится.

Опасливо звякнул телефон. За Ваном приехал лимузин.

Ван торопливо зарылся в рюкзак.

— Если я сейчас не поеду, то опоздаю на самолёт в Денвере. Держи. Пускай у тебя кое-что пока полежит. Вот, охотничий нож. И бластер тоже возьми.

Дотти вцепилась в сетевой шнур.

— Дерек, ты что, правда таскаешь с собой эту штуковину?

— Повсюду. Паять очень удобно, — ответил Ван. — И пресс-папье из нее отличное. Но охран-

ники в аэропортах совсем отупели — не пропустят ничего, хотя бы отдаленно похожего на пистолет. А с этой штуковиной для Военно-космических сил… ну, я тебе не могу рассказать подробно. Неприятная была история. И кончилась скверно… Я несколько недель потратил на эту штуку, просил о помощи всех, кого только мог… Но да, ты права. Дотти, я не могу без тебя справиться. Всё было бы намного лучше, всему белому свету, если бы я просто остался здесь, с тобой. Смотрели бы фантастику по телевизору. И жевали бы оленью колбасу. С дыней. Классная была дыня.

— Здесь нет телевизоров.

— Оно и к лучшему. Тогда болливудские фильмы. Под оленью колбасу. Я этого правда хочу. Очень-очень.

Дотти повисла у него на шее.

— Здорово было, правда?

— Ох, Дот… это был такой медовый месяц! Обалденный. Остановись, мгновенье. Ну ничего, уже скоро. Очень скоро.

— Я приеду к тебе в Виргинию.

— Пиши «мылом».

В аэропорту Денвера Ван совершил ошибку — он попытался почитать электронную почту. Он позволил себе сделать передышку на три

дня. Единственный шанс по-человечески поесть, отоспаться и расцеловать спутницу жизни. Три дня. А БКПКИ уже трещало по швам. Это было всё равно что при отключенном электричестве нащупать искрящий провод под высоким напряжением.

Джеб переслал ему первоклассный флейм от какой-то пентагоновской крысы из ОКНШ. Генерал Весслер, конечно, сам не подписывался под этой бюрократической гнуснограммой, но отпечатки его пальцев Ван различал вполне отчетливо. Особенно обидно было, что программиста даже не называли по имени. Говорилось о «двух самозваных инженерах из так называемого Бюро преобразования архитектуры связи». Ван узнал себя в описаниях «вашингтонского клоуна-всезнайки» и «бородатого профессора из Лиги Плюща с его береткой». Господи помилуй — береткой?

Но большая часть электронной почты имела касательство к большой презентации БКПКИ в Виргинии. А та быстро принимала все черты серьёзного кризиса. Время и пространство для маневра стремительно сходили на нет.

БКПКИ могло служить местом, где принимаются решения, но в долгосрочном плане оно для этой

цели было слишком маленьким и неустойчивым. Даже Совет национальной безопасности был недостаточно велик, чтобы управлять федеральным правительством. СНБ всего лишь проводил беседы с людьми, которые проводили беседы с людьми, которые составляли федеральное правительство. Очень скоро — катастрофически скоро — БКПКИ постигнет судьба мириад других влиятельных консультативных групп и федеральных комитетов. Сделать — и сдохнуть.

Ради встречи в Виргинии Джеб поставил на карту всё. Для БКПКИ она должна была стать Геттисбергом и битвой при Булл-Ран в одном лице.

Прикованный, точно жертва садомазохиста, к узкому креслу в туристическом салоне на высоте тридцати тысяч футов, Ван помрачнел. Он никогда не просил Тони Кэрью об услугах, но сейчас ситуация грозила катастрофой. В лице Тони Ван собирался выложить свой последний козырь.

Сексапильный голос энергичного робота голосовой почты с автоответчика сообщил, что Тони в Тайбэе. Ван покрутил провод бортового телефона и продолжил. Когда ему удалось наконец дорваться до тела, Тони даже не обиделся. Разница часовых поясов его никогда не смущала — скорее бодрила.

Причина его благодушия вскоре прояснилась. Из номера Тони только что бежала его возлюбленная индианка. Тони был ее визитом несказанно обрадован. Против всякой вероятности он каким-то образом похитил ее из-под бдительного присмотра бомбейского семейства на одну тайную сладостную ночь — только они вдвоем, и никаких родичей, слуг, менеджеров и камердинеров. Тони был так горд, словно взмахом волшебной палочки поднял со дна «Титаник».

Услугу старому приятелю он оказал, не задумываясь. После чего продолжил обсуждать свою идефикс.

Как оказалось, для Тони очень важно было, что его подружка считается «самой красивой женщиной на свете». Ван нахмурился. Наслушавшись Дотти, он переменил свое мнение о последней интрижке Тони. Дотти права — она всегда держалась здравого смысла. Этот нелепый дистанционный роман в авиаперелетах на Тони плохо действовал. Ему бы остепениться и найти женщину, на которую он сможет положиться.

Ну почему Тони не замечает очевидного? Его подружка — кинозвезда из далекой страны. Не ее дело, в общем-то, заботиться о Тони Кэрью. Если он разорится или заболеет, эта охотница за

сокровищами бросит его быстрее свиста.

Тони болтал, не уставая. В конце концов Ван извинился и повесил трубку. Подождал девяносто секунд, сунул в телефон другую кредитку и набрал номер мобильника Майкла Хикока.

— Я в самолёте, — сказал он.

Хикок с грохотом уронил мобильник. Пьяно захихикал женский голос.

— Дай покою. — Хикок подобрал телефон. — Я с подружкой, и на мне даже трусов нет.

Хихикала, сколько можно было судить за ревом турбин, Фанни Гликлейстер. По крайней мере, Ван надеялся, что это она. Представить себе, что в мире есть две женщины, способные так хихикать, и Майкл Хикок уложил в постель обеих, было невыносимо страшно.

— Майк, ты же пилот, так?

— Пилотские права есть, — отозвался Хикок и зевнул. — Но асом это меня не делает.

— Ладно. Помнишь коробочку, которую нам заказало БОРАРЭ? Автопилот, который перехватывает управление частным самолётом в случае угона?

— Я думал, ты облажался, Ван. Тебе с твоим жирдяем начальником не по карману нанять здоровенный частный реактивный лайнер на

вашу здоровенную бодягу в Виргинии.

— Я только что нашел приятеля, который одолжит мне собственный реактивный лайнер.

— О! — согласился Хикок. — Другое дело.

— А теперь мне нужен пилот, способный управлять боинговским «бизнес-джетом» с земли при помощи одного джойстика.

Хикок гулко хохотнул.

— Ну так ты его нашел!

— Встретишь меня сегодня в «Даллесе»?[54] Мне надо заглянуть домой, прежде чем ехать в Склеп.

— Что, прямо сейчас? Опять куда-то ехать? Я только что домой пришел! Меня в пятнадцати штатах оштрафовали за превышение скорости!

— Я прилетаю в девять, — ответил Ван. — Если не справишься до этого времени, прихвати Фанни с собой.

Хикок захлопнул мобильник с глухим пластмассовым треском.

Рейс Вана запоздал из-за погоды. Хикок ждал программиста и глядел мимо него, не замечая. Ван похлопал его по плечу.

— Оп-па! Ван! Где борода?

Ван пожал плечами. Хикок прищурился.

---

[54] notes: 54
Международный аэропорт имени Даллеса в Вашингтоне.

— А вот с хайром придется что-то делать, профессор. Ты сейчас похож на Маленького Датского Мальчика в увеличенном масштабе.

Оставлять «хаммер» под окнами вашингтонской квартиры Вана Хикоку было очень не по душе. «Хаммер», конечно, армейский суперджип, но Хикоку, гордому своей тачкой, как всякому порядочному южанину, ненавистна была даже мысль, что на машине краску поцарапают.

— Не могу поверить, что ты правда здесь живешь, — ворчал Хикок. — Вокруг одни шлюхи. И наркоши.

— Я же эксперт по безопасности, — ответил Ван, переступая через лужу блевотины на лестнице.

— И что, от этого мою машину никто не тронет? Ван вытащил связку ключей, но дверь распахнулась от первого прикосновения.

— Господи! — выпалил он.

В квартире горел свет. Ван огляделся. Ничего вроде бы не пропало. Впрочем, воровать в доме тоже было нечего.

Клавиатура была раскурочена.

— Они ещё здесь! — напряженно выдавил Хикок. Дверь в уборную распахнулась. Оттуда выступил незнакомый тип с пистолетом. Ван изумился. Чернеющее дуло на уровне груди казалось

широким, как гаражная дверь.

Кем был незнакомец, Ван понятия не имел, а вот оружие опознал мигом: семизарядный «о'двайер» VLE австралийского производства, весь на электронике. Отличный пистолет. Классный. Просто красавец.

Как может он погибнуть от устройства, которое разбирал однажды собственными руками?

— О, Фред! — проговорил Хикок басом, лишь чуть-чуть дав петуха. — Давно не виделись!

— Руки вверх, — скомандовал Фред.

Хикок только рассмеялся.

— Я не при стволе. А ты при стволе, Фред?

— Я на задании, — отбрехнулся Фред.

— Ты хоть понимаешь, кого на прицел взял? Этот парень из Совета национальной безопасности! Доктор Дерек Вандевеер, познакомьтесь, это мистер Федерико Гонсалес. Мой старый армейский приятель.

Гонсалес нахмурился.

— Ну и какого чёрта надо было меня по имени называть?

— Мы же вроде на одной стороне фронта в «войне с терроризмом»? Фред, если ты переметнулся, предупреждать надо!

— Не-а, — ответил Фред, но пистолет не опу-

стил. — Ну и ты, малыш, выходи уже, что там, — процедил он из-под усов.

Из уборной выбрался второй грабитель: рослый, сутулый и тощий, как хлыст, в очках с черной оправой и стриженный по-военному. Под горшок. Бурая щетина на темени и бледные обрывы висков. В руке он сжимал черный чемоданчик из противоударного пластика.

— А, так вы бакран! — понял программист при виде знакомого «железа».

— Нет, сэр, меня зовут Уильям С. Уимберли.

— Но это набор инструментов БКР! — настаивал Ван. — Я сам помогал его оценивать.

— Бюро компьютерных расследований ВВС, — пояснил Хикок. — Ребята из «бакра» всё время толкутся у профессора в кабинете.

— Мы не из БКР, — ответил Гонсалес. — Хотя я про них слышал.

— Мы — спецназ киберпространства, — объявил Уимберли.

— Он, может, и в киберпространстве, — торопливо поправил Гонсалес. — Это не значит, что я в какое-то грёбаное киберпространство соваться должен.

— Вы только что засунули клавиатурный «жучок» БКР в мой компьютер, — проговорил Ван,

уставившись на Уимберли.

— Ну да — и что? — огрызнулся Уимберли. — Может, и засунул. Какое ваше дело? Вы и не заметили бы никогда.

— Да с кем, твою мать, вы разговариваете? Конечно, заметил бы!

— Никто и никогда не заглядывает в клавиатуру, — ухмыльнулся Уимберли. Он был очень молод. — Даже вы, профессор. Я знаю, с кем разговариваю, да? Если б я не сознался, вы бы давали показания на моем процессе!

Ван уставился на него. Физиономия Уимберли казалась ему смутно знакомой, но лишь смутно.

— Под каким ником работали?

— BionicNinja двести четырнадцать.

Спиногрыз.

— И сколько вам было тогда — пятнадцать?

— Шестнадцать, — поправил Уимберли. — Секретная служба вломилась в дом к моим родителям. Мама этого не перенесла. Она до сих пор отпивается «прозаком». И всё из-за того, что я одолжил пару междугородних звонков у вашей жалкой конторы, которая только что продула сорок пять миллиардов долларов!

Ван тоскливо вздохнул.

— И ВВС закрыло глаза на судимость?

— Нынешняя американская армия предпочитает агрессивных, беспокойных юношей с высоким IQ, — сообщил ему Уимберли ровным тоном.

Взгляд его обещал убийство.

Усилием воли Ван подавил дрожь в коленках. Самое страшное, что «жучок» Уимберли остался бы незамечен. Само собой, Вану в голову не пришло бы разбирать клавиатуру, и крошечный шпион неслышно радировал бы о каждом нажатии клавиши на станцию слежения за несколько кварталов отсюда.

— Слушайте, я в СНБ работаю и кое-что знаю о вашей так называемой группе. ВКС США не могут своей властью просто так завести какой-то «спецназ киберпространства». Указания сверху не было.

Внезапно вмешался Гонсалес.

— Космические силы — единственный род войск, способный обеспечить информационную безопасность по требованиям военных стандартов, — продекламировал он. — Никакая другая организация не имеет столь разветвленных компьютерных сетей и проверенного временем технического опыта.

— С ума посходили? — поинтересовался Ван. — Задача ВКС — запускать спутники. Вирусы и

ДОС-атаки — не их дело! Защита военных систем поручена совместной оперативной группе обороны компьютерных сетей при DOIS[55].

— Какой Дорис? — переспросил Уимберли. — Первый раз слышу.

— Да они этим занимаются с девяносто восьмого года!

Хикок отнесся к претензиям взломщиков ещё более скептически.

— Слушай, малыш, нет такого слова «киберпространство»!

— Если мы скажем — будет, — настаивал Уимберли.

— Но зачем вы вломились в мою квартиру? — спросил Ван в искреннем недоумении.

— Очень не хотелось бы вам об этом сообщать, профессор, но информационная война идет внутри чьих-нибудь компьютеров! А вы пытаетесь саботировать критически важный разведывательный проект стоимостью восемнадцать миллиардов! Не думали, что это могут заметить важные персоны? Мы знаем, что вы затеяли!

Ван тревожно глянул на Хикока. Тот лишь пожал плечами.

---

[55] notes: 55
Агентство по оборонным информационным системам МО США.

— «Важные персоны», он говорит?

— Вы же стэнфордский левак! — усугубил Уимберли. — Пацифист!

— «Левак»? — ошарашенно повторил Ван. — «Пацифист»? Да я давеча с Полом Волфовицем обедал!

— Ваша жена участвует в антивоенном движении, — добавил Уимберли. — Она координатор восточного отделения «Физиков за социальную ответственность»!

— Дотти *из Массачусетса!* — возмущенно воскликнул Ван. — Они там все такие!

Уимберли уставился на него.

— Через «Гугль» себя искать не пробовали? Да у вас это всё на лице написано! Одни лохмы чего стоят. И костюм!

— И это, видимо, дает вам право уотергейтить мою квартиру? — выпалил Ван.

— Ну да, — ответил Уимберли. — Обычно дает.

— Нас никто не замечает, — добавил Гонсалес, чуть опустив хромированный пистолет и глядя на часы. — Вам в это время положено уже выехать из штата. А нам положено давно отсюда смыться.

— Ага, — подтвердил Уимберли, поудобнее подхватывая чемоданчик. — — Нам уже вооб-

ще-то пора.

— Стоп, — оборвал его Ван. — Я, на минуточку, заместитель директора БКПКИ по техническим вопросам.

— И что? — парировал Уимберли. — Первый раз о них слышу.

— А то, что я для тебя собрал этот набор юного медвежатника, ты, недоразвитый панк! И чёрта с два ты вынесешь его отсюда после того, как только что вломился в мой дом и пытался подсадить в мой собственный компьютер мой же собственный «жучок»!

Уимберли отставил тяжелый пластмассовый чемодан и сложил на груди длинные жилистые руки.

— И что вы собираетесь предпринять, доктор Супершпион? Вызвать полицию?

— У меня в руках ствол, — с надеждой вмешался Гонсалес.

Хикок фыркнул. — Брось, Фред.

— Если тебе нужно оружие кибервойны, напыщенно промолвил Уимберли, поставив на чемодан ногу, — тебе придется его у меня *отнять.*

В лицо Вану жарко ударила кровь.

— Думаешь, у меня не выйдет?

Уимберли презрительно расхохотался.

— Давай я тебе вправлю мозги! Я не какой-нибудь самозваный вояка вроде тебя. Я кадровый солдат, приятель. Я киберармия завтрашнего дня! А ты — вислозадый шпак-профессор из разорившейся телефонной компании. Кроме того, ты меня старше на десять лет. Так что если ты попытаешься отобрать мое оружие, я тебе толстую жопу вгоню в плечи!

— Ты с ума сошел, — сообщил ему Ван. — Ты чокнутый панк по кличке Бионический Ниндзя. Я тяжелее тебя на пятьдесят фунтов. Кроме того, это мой дом!

Уимберли обернулся к Гонсалесу:

— Хипарь бредит. Может, лучше пристрелить их обоих?

Гонсалес фыркнул. Он демонстративно выщелкнул обойму из пистолета и швырнул ее Хикоку. Тот, как всегда бдительный, ухватил магазин в полёте.

— Я настолько похож на идиота? — поинтересовался он, опускаясь в магниевое кресло Вана. — Одна пуля, две пули — этот парень и не почешется. Потому что, мальчики, этот парень прошел спецназ ВВС, как и я. Мы с Майклом Хикоком всегда были «первыми»!

Хикок расхохотался.

— Да ну, Фред, кончай. Мы в округе Колумбия. — Он присел на рваное нечистое покрывало. Громко брякнули лопнувшие пружины в матраце. — Мы в квартире!

Гонсалес оперся локтями о колени.

— Мне так кажется, что этим меньжеватым программистам пора свести счеты.

— Ты прав, — прохрипел Ван.

Он сам удивился, когда эти слова слетели с языка, но тут же понял, что не шутит. Ярость грохотала в груди, как шальное ядро. Он был вполне серьёзен.

Хикок откашлялся в кулак.

— Ван, присядь. Пусть уходят. Это всё какая-то ошибка.

— Твой приятель Фред может идти, если хочет, — ответил программист. — «О'двайер» ему не я собирал. А вот шпионский набор… Этот чемодан — мой.

Уимберли снял свои пижонские очки и положил на стол под лампой.

— Вот теперь понятно, что этому типу придется надрать задницу, — объявил он. Помял в ладони правый кулак и похрустел костяшками. — Это недолго. — Он оглянулся на Хикока с Гонсалесом:

— Просто не хочу, чтобы вы, двое змееглотов, начали по нему слезы лить или что-нибудь в этом роде.

— Майк, мы будем лить слезы? — спросил Гонсалес у Хикока.

— Фред, ты видел, чтобы я плакал? Мы прошли через Боснию, мать ее так, Герцеговину. — Физиономия Хикока озарилась предвкушением боя. — Мой ботан вытрет твоим ботаном пол.

— Чёрта с два, урод!

— Вытрет-вытрет. Потому что он умнее, приятель. Мой ботан в десять раз умней твоего ботана.

Гонсалес заржал.

— Да какая, к чёрту, разница, кто башковитее? Ван снял очки, отложил в сторону. Он попытался глянуть Уимберли в глаза, но без очков различил вдали только две размытые карие кляксы.

Уимберли размашисто, презрительно отвесил ему оплеуху. Это послужило озарением. В единый миг дзенского просветления поселившаяся внутри Вана черная ярость пробудилась к жизни.

Ван рванулся вперед. Он ударил Уимберли всем телом, и тот отлетел, сбив по пути магниевое кресло. Гонсалес отскочил, пригнувшись, и чудесное сиденье с дорогостоящим хрустом полетело

вверх тормашками.

Внезапно у Вана перехватило дыхание. Что-то врезалось ему под ложечку. Башмак Уимберли. Мальчишка проворно вскочил на ноги. Короткие жгучие удары. Один — в глаз. Один — по лбу.

Ван вцепился кривыми пальцами в воротник противника и швырнул его головой вперед в единственную лампу на столе. Лампа полетела в сторону. В комнате стало темно.

Стиснув кулаки, Ван ударил в пустоту. Внезапно враг обрушился ему на спину, повис всей тяжестью. Ван шарахнулся назад, прижав врага к стене. Уимберли засипел. Ван отодрал его руку от своего горла. Заскрипели по стене подметки, сильным пинком Уимберли отшвырнул от стены их обоих. Ван пошатнулся, теряя равновесие, пытаясь нашарить опору руками. Рухнул. Ударился — внезапно, сокрушительно, ошеломляюще — об острый угол компьютерного стола. Почувствовал, как проминается скула. Рот вмиг наполнился кровью.

Со зверским ревом он выпрямился. Уимберли споткнулся обо что-то в темноте, размахивая руками. Ван сбил его с ног, вцепился в тощую глотку и треснул головой об пол. Здание содрогнулось. Уимберли отчаянно, по-кошачьи взвыл.

Ван врезал врагу коленом под дых и ударил кулаком в лицо.

Уимберли обмяк.

Что-то тихонько капало.

Вспыхнула лампа.

Физиономия потерявшего сознание Уимберли была заляпана кровью.

— Вставай, Ван! Господи, он отрубился.

— У него кровь, — пробормотал Ван. Изо рта у него выпал осколок зуба.

— Нет, приятель, это у тебя кровь. Ты его кровищей залил. Господи, что с твоим лицом?

Ван поднял руку. Нащупать собственные губы ему не удалось. И щеку. Ничего не было. Только жуткая клякса фарша с кровью.

В приёмном отделении стоял пандемониум. Человеку, которому всего лишь снесло половину лица, приходилось брать номерок и ждать очереди.

Ван прижимал к остаткам физиономии ледяное полотенце. Он не мог дотронуться до пострадавших частей без умопомрачительной боли и ощущения глубинного, космического, чудовищного ужаса. Ему не просто выбили пару зубов. Кости черепа были переломаны, частью раскрошены. Зияющая рана не переставала кровить.

Сестры в приемной вызвали челюстно-лицевого хирурга.

Рядом с Ваном сидела девица с похмельными, выпученными глазами и грязными светлыми дредами, залитыми запекшейся кровью. Плечики ее белой блузки тоже были залиты кровью. Изодранную юбку усыпали красные брызги.

— Эй, приятель, у тебя какая группа? — спросила она.

Ван застонал, пытаясь сплюнуть кровь.

Девица открыла обвешанную левацкими значками плетеную сумку, порылась в ней и достала маленькую цифровую видеокамеру.

— Ты был с нами у Всемирного банка, да? Конная полиция догнала?

Ван промолчал.

— Тогда я и огребла — от конных. Очень надеюсь, что кто-нибудь вывесит это всё на «Индимедиа». Тебя никто не снимал? В смысле когда фараоны тебя метелили?

Ван слабо качнул головой. Окровавленная девчонка окинула взглядом окружающий хаос. Приемное отделение походило на бомжатник.

— Интересно, куда отвезли остальных? Не может быть, чтобы мы одни оказались ранены.

Через пролом в черепе Вана хлынула глухая

чернота. Он сморгнул от боли.

— Глаза у тебя красивые, — сообщила девица. — Слезогонки не нюхал.

Ван кивнул, не отнимая от лица напитанного кровью полотенца.

— Придется швы накладывать, — сообщила окровавленная девица. — И волосы брить. Но я больше не боюсь, приятель. Я перестала бояться этих поджигателей войны! Потому что власть принадлежит улице. Я ее чувствую! — Она тепло пожала Вану свободную руку. — Улицы наши, брат! Улицы — наши. Они могут проломить башку мне, могут проломить башку тебе, но всем головы не пробьешь. Очень скоро Америка очнется от кошмара. Продажные журналисты лгут, парень. Они все лгут!

Ван нечаянно дернул полотенце. Вместе с тканью отдиралась какая-то жуткая корка. Ледяное онемение взорвалось языками жгучей, страшной боли.

— Знаешь, почему я так счастлива? — спросила раненая. — Потому что сегодня не было реактивных следов в небе! Я проверяла. Я глядела и глядела в небо — оно чистое! Никаких больше химикатов! Ясно, что у них кончаются запасы этой дряни, что бы это ни было. Той отравы, что

держит народ в оцепенении!

В глазах у Вана потемнело. Всё вокруг двоилось. До сих пор с ним не случалось ничего подобного. Теперь он понял, почему это выражение стало расхожим.

— После одиннадцатого сентября целых три дня не было реактивных следов, — пронзительно настаивала девица. — *Ни одного* над всей Америкой! И о *чём* это говорит? Ты только *подумай*, что это может значить!

В поле зрения Вана показалось лицо медсестры.

— Вы доктор Вандевеер? А? — Она затянула у него на плече манжету манометра. — Сейчас мы вас примем. Для вас нашлась операционная.

ГЛАВА 11

Вашингтон, округ Колумбия, февраль 2002 года

Ван лежал на больничной койке и сражался с электронной почтой. Разбитая его физиономия горела. Кожа растягивалась, точно резина. Как надутая шина, как воздушный шар над «Мейси»[56]. Обломки левого клыка и первого премоляра придерживала тонкая полоска хирургической стали. Ван не мог удержаться, чтобы не пощупать ее кончиком языка. Словно балку в череп вставили.

Дотти написала ему такое мужественное письмо. Она жаловалась, что ей так одиноко и тоскливо. Обещала, что будет вести себя лучше. Писала, что гордится мужем.

Ван перечитывал ее электронное послание снова и снова, пока транквилизатор циркулировал по его жилам. Впервые в жизни он буквально слышал голос Дотти за размытыми пикселями на экране. Он вновь перемотал письмо к началу. Его окутывал несказанный покой. В обыденной жизни Дотти не стала бы повторять одни и те же

---

[56] notes: 56

Крупнейший универмаг в мире, находится в Нью-Йорке на 34-й улице.

слова утешения раз за разом, медленно и невнятно, стократ. А больному это так нужно.

Правда, он ещё ни слова не написал Дотти о том, что ему начистили физиономию. И что он ей теперь скажет? Что, если кто-нибудь ей наболтает первым?

Он только что пережил безумное, жестокое, на удивление мучительное испытание ради какой-то дурацкой идеи… такой бестолковой, такой невозможно идиотской… Ван обратил лицо к пластмассовому чемодану с набором шпионских инструментов.

Разорённая квартира — не самое безопасное место для хранения совершенно секретных инструментов информационной войны. Поэтому, невзирая на протесты изумленных врачей и медсестер, «железо» осталось с Ваном. К стальной раме больничной койки чемодан приковали противоугонной цепью. Попробуйте уведите.

Ради того чтобы наложить лапу на чемодан, Ван вышиб дух из соотечественника-американца. Программист с трудом примостил замотанную бинтами голову на крошечной стерильной подушке. Ему расквасили физиономию в войне за политику информационной безопасности. Почему бы тогда уже в настоящую войну не ввя-

заться, господи помилуй? Если бы его изувечили в сражении с боевиками «Аль-Каеды», было бы не так обидно.

Ван потрогал языком гладкую петлю загнанной в череп стальной проволоки. Ему никогда не придется воевать с «Аль-Каедой» он знал это твердо. Информационная безопасность — это вопрос политики. Информационная война ведется тихими образованными людьми из-за конторских столов. Бен Ладен не шляется но сети. «Аль-Каеда» — сборище фанатиков из стран третьего мира на старых велосипедах, знающих лишь то, что рассказали им муллы и соседи. Боевиков «Аль-Каеды» вербовали в медресе и рассылали по афганским деревням и пакистанским трущобам. Это были ожесточенные, обезумевшие жертвы культурного шока. Существование их до такой степени пропитано было неистовой яростью и раненой гордыней, что самоубийство становилось для них облегчением. Стать мучеником было настолько лучше, нежели оставаться боевиком, что они хватались за каждый шанс взорвать себя в толпе людей, намного более счастливых. «Мы жаждем смерти больше, чем вы жаждете жизни» — таков был их лозунг.

Террористы не воюют. Смысл существования

терроризма в том, чтобы пнуть правительство настолько сильно, по местам настолько нежным и уязвимым, чтобы правительство обезумело от страха и ярости. И вот тогда цивилизация заскрежещет заклинившими шестернями. И сломается. Вернется к племенам и проповедям, в блаженную тьму мира, где не задают вопросов.

Ван глянул на прикованный к кровати чемодан. Вот что серьёзно. Кибервойна должна была разрешить главный вопрос — на что Америка употребит полученные инструменты. И Ван понимал, насколько это важно, потому что для этого ему надо было всего лишь представить, что он проиграл бой. Предположим, что Уимберли вломится сейчас в палату и попытается забрать чемодан. Что, Ван станет валяться с увечной улыбкой в койке и отдаст? Нет. Никогда. Он выдернет катетер из вены, вскочит и снова затеет драку.

В конце концов, он победил. Может быть, никто не узнает, как, зачем и какая тому была причина — ну и что? Мир полон унизительных, потаенных сражений. А Ван победил на глазах у свидетелей, привычных к тайным битвам. Эрзац-побед не бывает. Пускай он лежит избитый и одуревший в больнице, зато где-то обнаглевшего агента

волокут в логово, потому что из него вышиб дух профессор компьютерных наук. Сообщение понято. Поехали.

Ван потер рукой засыпанные песком глаза, и, накренившись, соскользнул в невнятную дрему.

Когда он проснулся, анестезия перестала действовать. Надтреснутый череп полыхал, точно пожар в угольном разрезе. Клочья плоти, когда-то резиноватые и холодные, весело горели.

Молодого хирурга с ночной смены, который собрал по кусочкам лицо Вана, звали доктор Мукерджи. У него были сияющие глаза, тонкие руки и улыбка, полная искренней врачебной доброжелательности.

Отложив блокнот на прозрачном пюпитре, Мукерджи ощупал рукой в белой перчатке челюсти и десны больного.

— Признаков заражения нет, — сообщил он, внимательно вглядываясь в мучительно ноющую кашу. — У такого здорового мужчины лицевые кости срастутся быстро. — Он убрал облитые резиной пальцы у Вана изо рта и потрепал страдальца по левому, нетронутому плечу. — Военный, да? Несчастный случай на тренировке?

Ван хмыкнул. Отекшие десны полыхали болью. Доктор Мукерджи понимающе кивнул.

— Демерол. — Он сделал пометку в блокноте хромово блестящей шариковой ручкой. — Давление у вас слишком высокое для такого молодого человека. Порыбачьте. Возьмите отпуск. Расслабьтесь.

Ван повел плечами, намекая, что хотел бы ими пожать. Спина и живот болели от пинков и ударов. Но расползавшиеся по телу синяки в сравнении с переломом черепа не смотрелись.

— Сегодня мы вас выпишем. Переломы чистые, канальцы не пострадали. Костный цемент заместится новой костью. Скрепы вынуть через месяц. Это амбулаторная процедура.

Ван осознал, что новость ему сообщают изумительную. Перелом костей черепа — а его на следующий день выписывают из больницы. Благодарить ли за это медицину?

— Надо будет сделать томографию, — предупредил доктор Мукерджи. — Что случилось с корнями зубов, не могу сказать. Я челюстно-лицевой хирург, а не ортодонт.

— М-м-мф!

— К ортодонту вам обязательно надо обратиться, мистер Вандевеер. К старости вам, возможно, часто придется обращаться к ортодонту. — Доктор Мукерджи осторожно перевернул листок

в блокноте. — Не будь вы американцем… или живи тридцать лет тому назад, что то же самое… вчера вечером вы бы остались калекой на всю жизнь. Да, изувечены. Очень неудачно. Но не в наши дни. Нет. Сейчас мы можем полностью восстановить вашу прежнюю внешность. Наши дантисты просто творят чудеса. Хотя губа… да, губа меня тревожит.

Швы на рассаженной верхней губе казались Вану частью чужого тела. Они принадлежали некоему далекому, неведомому, легендарному созданию. Возможно, мишленовскому человечку.

— Будете шепелявить, — предупредил доктор. — Некоторое время. Возможно, долгое время.

Ван молча кивнул.

— И шрамы останутся. Пластическая хирургия показана. Или можете отрастить бороду. Борода вам пойдет, полагаю.

Фанни принесла ему цветы.

— Никто не знает, что с тобой случилось, — заверила она его. — Ну то есть Майк Хикок знает. И я знаю. И те двое громил из твоей квартиры — вот же они, должно быть, удивились, когда ты ему рыло начистил! — Глаза Фанни сияли искренней секретарской гордостью. — Это было

потрясающе. Вау! А я всем сказала, что ты упал с лестницы. Сойдет?

Ван пробежался по клавиатуре и показал Фанни экран лэптопа: «ДОЛЖНО ХВАТИТЬ».

— Выглядишь лучше, чем я ожидала. Но больно было, должно быть, ужасно!

Ван развел руками. Боль от исцеления отличалась от ошеломляющей, пришпорившей сердце боли от ран. Боль отнимала разум и заменяла его чувством. И приводила в дикое, снедающее нетерпение.

— Я тебе принесла отличную книгу. Знаю, в больнице так скучно бывает.

Фанни сунула Вану томик в бумажной обложке. Ван взял книгу. Левую руку кольнула всаженная в вену игла. Книга оказалась чешским изданием переводов на английский пьес и эссе Вацлава Гавела. Судя по обтрепанным уголкам и потрескавшемуся корешку, она долго болталась на дне студенческого рюкзака.

При виде этой до нелепости зачитанной и затертой книженции Ван отчего-то преисполнился благодарности и теплоты. Книге пришлось тяжелей, чем его лицу.

Фанни заморгала из-под очков.

— Я долго по больницам болталась, когда мне

было, типа, шестнадцать-семнадцать. Ну то есть очень долго. Отец просто с ума сходил. Даже мама волновалась, а она, типа, привыкла к нашим болезням.

Ван отложил книгу на столик-каталку, к миске тума.

— Когда я поправилась, заставила родителей отправить меня в Прагу. Потому что услышала где-то, что Прага — это лучшее место, чтобы прятаться от сумасшедших родителей. Ну, в Праге и правда клёво, но я никогда клёвой девочкой не была. Вот подругу я себе там нашла правда клёвую. Ее зовут Ева. Она чешка. Она знала папу и хорошо ко мне относилась.

Ван побарабанил по клавишам.

— В Штатах этой книги не достать. Чешские книги все малотиражные. Страна очень маленькая.

«ОНА О ЧЁМ?»

Фанни пропустила вопрос мимо ушей.

— Понимаешь, здесь, в США, все говорят о Вацлаве Гавеле так, словно он, типа, святой. Ну так и есть. Было. Но Ева, моя подруга, — она, типа, его родственница. Ей пришлось терпеть святого на посту президента.

Ван поднял брови — точней, попытался. Пра-

вая послушалась. Левая до сих пор не отошла от лидокаина.

— Ева мне говорила — да, Вацлав Гавел точно святой, но святые не могут руководить правительством. Ну то есть началось с того, что страна развалилась напополам. Гавел отвратительный администратор. Он всё время болел. Его первая жена, первая леди, которую все любили, — она умерла от рака. Он женился во второй раз на какой-то, типа, хипующей актриске, которую никто терпеть не мог.

Ван молча уставился на нее. Ну зачем Фанни его мучает? К чему, во имя всего святого, клонит эта женщина?

— Мы с тобой раньше никогда так замечательно не болтали! — заметила Фанни. Она вытащила из сумки пару хирургических перчаток, а за ними салфетку. — Вот теперь мне кажется, что мы и правда нашли общий язык!

С некоторым усилием Ван смог пошевелить языком. Сколько он мог понять, впрямую язык не пострадал, но всё равно почему-то болел ужасно.

— Спасибо, — прошепелявил он. — Хорошо, что заглянула, Фанни.

Секретарша коротко прослезилась.

— Босс, ты только ни о чём не волнуйся. Я обо

всём позабочусь.

— Мм-мм!

— Непременно верну деньги, которые ты потратил на «Грендель». Джеб сказал, что это задача номер один. Вау! А ты такого наворотил с заявками, что это настоящая проблема — вытрясти деньги обратно.

Ван фыркнул. Пазухам его тоже пришлось несладко.

— Джеб от тебя в восторге. Я что хочу сказать — для полицейского он правда отлично разбирается в компьютерах. Ему всё равно, что компьютерщики все такие безнадежные идеалисты. Джеб знает, что ты лучший.

«Я — лучший», — подумал Ван. Стоит ли мучений повторить это вслух? Нет. Никакого смысла.

— Работая с тобой, я так многому научилась, — с благодарностью заявила Фанни. — Типа, так клёво было, что ты никому ничего не говорил про мою дурацкую интрижку на работе. Мне следовало перерасти эту дурь самой. Я всегда слышала, что крутить романы с сотрудниками непрофессионально, но знаешь, пока сама не попробовала, да ещё с таким придурком, как Майк Хикок, не понимала почему.

Сердце Вана заколотилось.

— В общем, теперь я в курсе. Так что с этим покончено и подшито в папку. — Фанни не шутила. — Ван, мне только что предложили работу одновременно в DARPA и внутренней безопасности. Я могу получить место на самом высоком уровне в настоящем федеральном бюро. Они знают, что я работала с тобой и Джебом, и тянут к себе. Ты бы на моем месте, конечно, выбрал DARPA? DARPA — оборонные научно-исследовательские работы, всё такое.

Ван кивнул.

— Вот поэтому я выбираю внутреннюю безопасность. Для одинокой женщины это самая подходящая работа. Женщины лучше разбираются в безопасности. С научной работой у меня напряг, а в правоохранительной работе главное — это внимание к мелочам. Это мое сильное место.

Ван закрыл глаза. Открыл. К несчастью, Фанни никуда не делась.

— Я хочу сказать, типа, когда мы начали постукивать на «Энрон», — это всё только женщины из центрального офиса были. Мы, женщины, единственные в «Энроне» *обращали внимание на мелочи.*

Ван уставился на нее.

— Боже, эти ковбои из Хьюстона точно думали, что они самые крутые. Быстрый Энди Фастоу, Кен Лэй… Они всё делили фирму на маленькие такие команды, знаешь, вдесятеро меньше обычной бухгалтерии… Моментальная реакция — и все эти секретные, невидимые офшорные проекты, о которых не говорят вслух… Я так счастлива, что Джеб в конце концов нашел мне федеральную работу. Я хочу сказать, жизнь после «Энрона»… Я даже не рассказываю больше никому, что работала на «Энрон» когда-то. Самое странное — ведь работа-то была роскошная. В смысле «Энрон» подбирал лучших специалистов. Лучших из лучших. Я попала в «Энрон» прямо из колледжа.

Ван втянул холодный воздух сквозь дырку от выбитого зуба.

— Но благодаря тебе я могу начать с чистого лица. В федеральной службе безопасности. Могу подняться, насколько позволяет талант! Здесь нет стеклянного потолка! Джанет Рино вообще стала генеральным прокурором!

Ван машинально поправил букет в вазе, её подарок.

— Я тебе ещё одну вещь хочу сказать, Ван, — тебе так идет без бороды! Ты так приличней выглядишь. Ну, то есть та половина лица, кото-

рая не отекла. И прическа ничего. Похоже, типа, на Сонни Боно[57], прежде чем он стал конгрессменом.

Фанни миленько улыбнулась ему и украдкой глянула на часы.

Ван показал ей дисплей лэптопа:

«А ЧТО С КНИГОЙ ГАВЕЛА?»

— Оставь её себе.

Ван забарабанил быстрее.

«В СМЫСЛЕ, ЗАЧЕМ ОНА МНЕ, ФАННИ?»

— Ты почитай и попробуй понять сам,... ответила она.

«Эрлетт-хаус», штат Виргиния, март 2002 года

«Эрлетт-хаус» был виргинской усадьбой восемнадцатого века. Когда-то он мог посоперничать с Маунт-Верноном и Монтичелло[58]. Теперь стал загородным пристанищем вашингтонской политической элиты.

В легендарные времена большинство сенаторов и конгрессменов были крупными землевладельцами, и вполне уютно они чувствовали себя

---

[57] notes: 57

Американский актер, певец и политик, муж актрисы Шер.

[58] notes: 58

Поместья Джорджа Вашингтона и Томаса Джеферсона соответственно.

только в простодушном и теплом гостеприимстве на богатой ферме. В «Эрлетт-хаус» эту благородную иллюзию поддерживали до сих пор. Сено с полей до сих пор сгребали конные упряжки, хотя «Эрлетт-хаус» обзавелся вертолётной площадкой, своим аэродромом и компьютерным центром. Вокруг простирались современные виргинские пригороды, торговые центры и стеклянные офисные коробки. Но «Эрлетт-хаус» оставался настоящим поместьем — своего рода. Со скотиной, розами и лебедями.

Вану, Дотти и Теду выделили апартаменты в «Озёрном домике». «Домик» — на самом деле небольшой особняк — мог похвастаться каминами, антикварными стульями в федеральном стиле, картинами в стиле американского примитива и кроватью под изумительным балдахином ручной работы. «Озёрный домик» переполняло старомодное достоинство власть имущих Восточного побережья. Каждая вещица покоилась на своем месте с ненарушаемым самообладанием, отточенным вкусом, властью и богатым наследством. Не считая, конечно, лэптопов Вана и Дотти, уместных здесь, как марсианские треножники из «Войны миров».

Бледно-зелёная Дотти рухнула на кровать. Бе-

лая пуховая перина промялась под ней, точно жареная лакрица. Дотти ужасно страдала от воздушной болезни. Долгий перелёт до «Эрлетт-хаус» на тряском самолёте Тони здорово нарушил ее пищеварение.

Швейцарским киберножом Ван отковырнул пробку с холодной фигуристой бутылки.

— Милая, драмамину хочешь?

— Я пытаюсь удержать в себе предыдущий, — сдавленно отозвалась Дотти.

Ван поставил бутылочку «Перье» на прикроватный столик — древний, колченогий и поцарапанный. Очень старый. Какой-то так и не вошедший в моду плод фантазии американских мебельщиков восемнадцатого столетия. Похоже было, что его выстругал сам Бен Франклин в минуты душевного расстройства.

Ван устроился в кресле красного дерева рядом с космических очертаний детским креслицем Теда. Доттин приступ слабости вызывал в нем исключительную нежность и мужское стремление защитить.

Жена была так рада его видеть, что едва не скатилась с трапа ему в объятия. Хотя часть правды Дотти уже знала, она ни слова не сказала мужу про коронки на зубах, свежеотращенную бороду

и шепелявость. Хотя вообще-то про шепелявость сказала. Она решила, что с ней Ван разговаривает, точно Хэмфри Богарт.

Ван высвободил Теда из пластикового креслица и усадил к себе на колено. Тед был в восторге. Авиаперелёты его не смущали. Он был в полном порядке, словно его перевозили из далекого Колорадо в пенопластовой формочке.

Малыш задумчиво оглядел страдающую мать, как бы отмечая её слабость для будущего использования.

— Ты иди, Дерек, — глухо пробормотала Дотти в подушку. — Я уверена, вам с боссом есть о чём поговорить.

Ван поглубже внедрился в кресло.

— Ну и плевать, — ответил он.

Дотти беспокойно вскинулась:

— Что?

— Я говорю, мне плевать, милая. Это лебединая песня нашей конторы, и я вложил в неё все свои силы. Я не желаю сидеть в рабочих группах. Мне плевать на лоббистов и представителей. Я не собираюсь чмокаться… — Ван поморщился. Он ненавидел это слово, а с рассаженной губой оно звучало ещё омерзительней. -… Чмокаться с ведущими. Я никогда не любил выступать на

публике. И не стану. Всё. Они свое получили. Довольно. Теперь это «политическая проблема». Мы попросту устроили большое предвыборное шоу. Ненавижу.

— Ох, милый…

— Эта дурацкая история с самолётом Тони. Я попал в больницу, и у нас не хватило времени всё сделать нормально. Аппаратура не проверена, не обкатана. В реальных условиях прототип себя покажет не лучше, чем эти противоракетные щиты из программы «Звездных войн». Это всё очковтирательство! Обман!

— Милый, если ты над этим работал, это уже точно не обман.

— Ну, символический вклад. Лучшее, что можно сказать об этой затее. Я учёный! Я учёный, а занимаюсь политикой. — Ван потер зарастающие длинной щетиной щеки. — Ладно, может, заниматься приходится. Выбора нет. Но это не значит, что я должен впутывать в это дело тебя. Тебя — никогда. Покуда мы здесь, я хочу о тебе заботиться. Я хочу именно этого, понимаешь? И о тебе тоже, Тед. Я хочу, чтобы мы побыли втроём: ты, и я, и Тед.

Дотти вжалась в подушку.

— Место вроде бы очень славное… Но мне так

плохо!

— Выпей минералки.

Дотти послушно приложилась к бутылочке и тут же подавила рвоту.

— Господи, ужас какой.

— Всё пройдёт, — знающе заметил Ван. — Отдохни лучше. Мы с Тедом сходим ненадолго в главный корпус. Принесем тебе… ну, лимона ломтик, тарелку фруктов.

Дотти зарылась лицом в подушку.

Ван подхватил сына на руки и вышел. Они пробежали через поле, мимо увитой плющом беседки, вокруг живой изгороди и вверх по склону к многоколонному портику исторической усадьбы. Теплый мартовский день пахнул апрелем. Погода стояла чудесная. Ван повесил на шею залитую в пластик именную карточку и поднялся по лестнице — мимо белых колонн, через резные двери, по винтовой лестнице, — чтобы попасть в конференц-зал.

Официально совещание называлось «Совместный стратегический саммит по неотложным практическим вопросам инфо-безопасности». Вот так, с дефисом. Поразительно, сколько споров из-за злосчастного дефиса разгорелось в БКПКИ.

Тед оказался единственным ребенком, полу-

чившим пропуск на совместный стратегический саммит. Он немедля превратился в звезду представления. Ван очень удивился. Он-то планировал держаться в глубокой тени. Главную роль в спектакле всё равно предстояло играть Джебу. Но сияющий, радостный Тед сокрушил мудрецов и властителей. Почтенные мужи и седеющие дамы с американскими флажками в петлицах тянули к нему руки, словно Ван собрал и презентовал им электронного младенца-робота.

Ван уже привык к подхалимажу бизнесменов и чиновников. Он понимал, что к нему лично это не имеет отношения. Твердые рукопожатия, приглашения, льстивые письма получала его должность. Он был заместителем директора Бюро координации прохождения критической информации по технической части. В течение нескольких месяцев, по большей части пока он торчал в бетонном бункере в Западной Виргинии, Ван имел возможность оценить самые дурацкие их идеи и, спаси господи, зарубить поскорее хотя бы некоторые.

Ван предложил Теду сочный ломтик дыни с огромного хрустального блюда с фруктами. Малыш впился в дыню новоприобретенными маленькими, но эффективными резцами.

Вот знакомое лицо Пико Янг. В Стэнфорде они с Ваном работали вместе. Человек с невозможным именем был одним из тех десяти программистов на планете, кто разбирался в операционной системе «Гренделя». У него была жена-ирландка и четверо китайско-ирландских детишек. Одинокий Тед его не впечатлил. У него своих таких хватало.

— Рассказывай про демонстрационный полёт. Перехват управления самолётом — это звучит как чудо.

Ван разом обернулся к нему.

— Бортовая ОС — дерьмо. Проблемы с задержками — нетривиальные. Сбои развертки нас чуть не убили. Работает только в пределах прямой видимости. Хреновина, которую мы слепили, не тянет даже на альфа-версию.

Пико просиял.

— Ван, это же замечательно! А то я начал думать, что отстал от жизни на сорок лет.

— Можно и рабочую версию создать. Если у тебя есть запасная спутниковая группировка и лишних шестьдесят миллиардов.

— Бюджет штата Калифорния, — промолвил Пико. — Старая школа получила в затылок пулю. По Силиконовой долине как нейтронной бомбой

вмазали. Самый страшный кризис со времен Второй мировой. Ты вовремя смылся из Калифорнии, Ван. Вернёшься сейчас — не узнаешь.

— Скверно.

— И так во всех штатах. Не только у нас.

— Совсем скверно.

— Да ещё война. Я ушам своим не верил, когда ты ушел в оборонку, но, Ван, ты просто обогнал время. Молодец, приятель. Это было хитро придумано. И с «Гренделем» ты отлично сработал. Потоки? Вау! Вот то, как ты справился с потоковой передачей, меня с ног свалило. — Пико опрокинул в себя узкий бокал белого вина. — Славный малыш.

Ван ничем не мог помочь Пико. Раньше — может быть, но не теперь. Вана вышвырнули из Склепа, потому что БКПКИ доживало последние дни. Выбраться из бомбоубежища было всё равно что выйти из тюрьмы, но для постоянных обитателей Склепа это был безошибочно распознаваемый сигнал. Пошел вон, олух. Дяде Сэму ты больше не нужен. Свободен.

В другом конце зала Тони Кэрью улыбался, чаровал, жадно пожимал руки, болтал в кругу завороженных федеральных чиновников. На саммит его протащил Ван, но в «Эрлетт-хаус»

Тони себя чувствовал как дома. По виду его можно было подумать, что он посещает совместные стратегические саммиты по неотложным практическим вопросам инфо-безопасности каждый вторник.

Ван повернулся спиной к Тони и его новым приятелям. К нему никто так липнуть не станет. Он сделал вид, будто изучает огромную белую доску, на которой вывешено было расписание рабочих групп саммита. «Департамент внутренней безопасности: история создания». «Ключевые моменты упреждающей защиты программного обеспечения». «Избыточно-устойчивая кризисная инфраструктура: сотрудничество в области поддержания национальной инфраструктуры». «Распределение анализа уязвимостей в конкурентной среде: хрупкое равновесие». Ни один из семинаров Ван не собирался посещать, хотя лично знаком был с большинством докладчиков. Ключевой доклад саммита в исполнении министра транспорта он уже пропустил.

Не то чтобы темы были неинтересные или люди скучные. На самом деле семинары были куда любопытнее, чем звучали темы докладов. Истина заключалась в том, что Ван не услышал бы на них ничего такого, о чём уже не знал.

Только теперь, много месяцев потратив на неустанные труды в окопах кибервойны, Ван понял, с чем на самом деле сражался всё это время.

Он осознал все сокрушительные проблемы, которые не позволяли приличным, благонамеренным программистам добиться какого-то бы то ни было прогресса в сфере национальной информационной безопасности.

Проблема номер раз: нет такой штуки, как «национальный» компьютер. Не бывает. Это катахреза, как чёрное солнце или квадратный треугольник. Можно наклеить флаг на системный блок. Можно запереть компьютер на военной базе. Можно заплатить за него казенными деньгами. Но «американские» компьютерные науки всё равно что «американская» математика или «американская» физика. На них флажка не налепишь.

Национальные службы были последними, кому можно было поручить безопасность информации, потому что страна — любая страна была слишком мала. На любой карте коммуникаций видны были опоясавшие планету титанические оптоволоконные магистрали: «Тайком трансатлантик», «Эмергия», «Америка-2», «Африка один», «Южный крест», «ФЛАГ Европа — Азия». Кабели,

проложенные с величайшими усилиями и затратами по океанскому дну именно затем, чтобы дотянуться до исключительно неамериканских далёких краев. Таких мест, как Сантьяго, Кейптаун, Мумбаи, Перт, Шанхай и Кувейт. Мест, где полно чужестранных компьютеров и их вовсе не американских владельцев.

Смысл всей затеи в том и заключался, чтобы стать менее американизированными. Вот почему Всемирная сеть называлась Интернетом, а не США-нетом. Возможно было создать компьютерную сеть в национальных границах, которой могла бы пользоваться только одна страна. Пыталась Франция: Минитель. Пыталась Великобритания: Престель. Национальные сети умирали страшной смертью. С тем же успехом можно было создать компьютерную сеть, которая обслуживала бы один Милуоки.

И хуже того. Даже на американской территории невозможно было раскрасить все компьютеры в цвета национального флага. Восемьдесят пять процентов всего «железа» в стране принадлежало частным предприятиям. *Многонациональным* частным предприятиям.

Разорившимся многонациональным частным предприятиям.

Компьютерная и телекоммуникационная отрасли были поставлены на колени. Они потеряли невероятные, фантасмагорические, колоссальные суммы. Они потеряли горы золота и алмазные жилы.

Они пытались построить коммерческий Интернет и получить с него прибыль. Коммерческого в Интернете было не больше, чем национального. Вот поэтому он назывался Интернет, а не «Интернет инкорпорейгед» ©™.

Интернет принадлежал миру девяностых, миру Цифровой революции. Но с новым тысячелетием Цифровая революция устарела. Мир перешел к Цифровому кошмару. Нервную систему мирового управления, образования, науки, культуры и е-бизнеса разбил паралич. На последних шагах перед финишем ее внезапно охватила расслабляющая паника. На последних шагах между населением планеты и огромными, толстыми, мощными, глобальными, пустыми, устрашающими оптоволоконными магистралями.

Сеть не просто рухнула. Она оказалась заброшена, оставлена в страхе. Потому что и киностудии, и телефонные компании, и фирмы звукозаписи осознали вдруг, что их «интеллектуальная собственность» и на пикосекунду не останется в

собственности, когда люди по всему миру смогут одним щелчком мыши копировать и переправлять друг другу их продукцию. Все фильмы. Все песни. Все звонки домой, маме. Так и случилось. Цифровая революция породила поколение воришек. «Напстером» пользовалось больше народу, чем голосовало за президента Соединенных Штатов. И никто не платил за музыку.

Люди перестали платить. Люди были свободны. В этом мире не существовало бы музыкальной индустрии. И киноиндустрии не было бы. Не было б международных звонков. Не было бы границ между народами. Не было бы бизнеса. Ничего, кроме *неё* — Сети. И ужаса невыносимой свободы.

Так что Информационная супермагистраль застыла. Замерла, как недостроенный мост, хотя леса и прожектора оставались на своих местах. Титанические вложения. Потемневшие световоды. Режим ожидания. Всё тихо гниет в жирной земле.

Бизнес не мог избежать беды, которую навлек на себя жадностью, мира бесплатного и открытого доступа. Он не мог выделить достаточно средств и усилий, чтобы преобразовать Интернет в надёжное, удобное, выгодное предприятие.

На самом деле такая штука, как компьютерный «бизнес», тоже не существует. Гонка в киберпространетве была деловым предприятием не более, чем давно мертвая космическая гонка. Деньги она порою кое-где приносила, но не в деньгах заключалась цель. То было потрясающее, мучительное усилие в погоне за великим. Люди тянулись к Луне, коснулись её на один славный миг — и вернулись к неоплаченным счетам и ржавеющим антеннам.

Оставались ещё фирмы по производству программного обеспечения. Был «Майкрософт» — настоящая монополия. Но ненависть отнимала безопасность у «Майкрософта». Их повсюду ненавидели, презирали, нападали безжалостно — саботировали, мучили, унижали. «Майкрософт» был трогательно уязвимой монополией, потому что самый последний хакер на свете, едва знакомый с компьютером, уже знал, как взламывать продукты компании-гиганта.

Операционные системы «Майкрософта» создавались не для того, чтобы противостоять целенаправленной ненависти всех озлобленных хакеров. Никакая система не выдержала бы столь сосредоточенного интеллектуального штурма. Всё равно что оборонять Сайгон, когда весь мир

захвачен Вьетконгом. В коде Большого Билла зияли не десятки — тысячи дыр. Заплатки сплошь и рядом конфликтовали с программным кодом. В заплатках зияли собственные уязвимости. Некоторые дыры в майкрософтовских продуктах исправлению вообще не подлежали.

Билл заработал больше, чем любой другой человек на Земле, но и ему не хватало денег, чтобы купить спасение. Если не считать известной операционной системы — монополии и пакета «Майкрософт офис» — ещё одной монополии, — все прочие затеи Большого Билла оканчивались грандиозным финансовым крахом.

Несколько миленьких компьютерных игр от «Майкрософта» принесли фирме чуть-чуть денег. И всё.

Главным конкурентом «Майкрософта» была не другая компания. То было страшное новшество открытый программный код. И оно пугало «Майкрософт» до такой степени, что они считали его чумой.

Открытый код готовился пожрать империю Билла и заменить ее суетливым, безначальным муравейником мирового хакерства. Открытый код был не более организацией, чем деловым предприятием. Не с кем было вести переговоры.

Не с кем было заключать сделки. Некого было принуждать. Некого бомбить.

Их можно было подкупать. Но всех не подкупишь. Можно было судиться и даже арестовать кого-нибудь, но это выглядело нелепо, и вообще они все живут по разным финляндиям.

Все заявляли, что мечтают об информационной безопасности. Всех пугали последствия беззакония — уже страшные, а будет ещё хуже. Вирусы. Трояны. Мошенники. Порно. Сиам. Атаки DOS. Организованная преступность. Промышленный шпионаж. Сталкинг. Отмывание денег. Призрак компьютерных атак на газовые трубопроводы, авиадиспетчерские, плотины, водохранилища, канализацию, телефон и банки. Черные кони фыркали и били копытом в конюшнях цифрового апокалипсиса.

Если усадить клиента рядом и объяснить, к чему приводит информационная опасность, тот пугался и нервничал. Требовал, чтобы с этим что-нибудь сделали. Покуда ему не приходило в голову, что на самом деле будет означать для него эффективная система безопасности. И чем для него кончится. Вот тут оказывалось, что защищённые компьютеры никому не нужны. Вообще никому.

Шпионы не хотели латать дыры в компьютерной защите. Шпионам нравилось взламывать чужие системы.

Полицейские не хотели латать дыры в компьютерной защите. Полицейским нравилось прослушивать чужие компьютеры, конфисковывать, вскрывать и подвергать экспертизе на месте преступления. Клиенты не хотели латать дыры в компьютерной защите. Потому что клиент не захочет кататься на мотороллере, обвешанном полутора тоннами якорных цепей и амбарных замков.

Ученые знали, как защитить программный код, но ненавидели интеллектуальную собственность.

Военные отлично умели защищать компьютеры. Оборона была их сильной стороной. А нападение — большой любовью. Вооруженные силы США превосходили любые другие в области информационной, электронной и компьютерной войны. Они постоянно изобретали новые, устрашающие методы взламывать, вскрывать, брать под контроль и уничтожать напрочь.

А бизнес ничего не мог с этим поделать. Бизнес был разорён, он погиб на боевом посту.

А на дальнем краю, за мертвыми дот-кома-

ми, за отключенными кабелями, маячила WiFi передача данных. Если Интернет был детищем ядерных страхов «холодной войны», WiFi стал порождением спецназа. Он строился на крошечных, армейского образца радиопередатчиках широкого диапазона. Потаенных. Маленьких. Именно такие любит отряд «Дельта» нести в тыл врагу (или союзнику).

Система только зарождалась, но при одной мысли о ней у Вана мурашки бежали по коже. Передача данных по стандарту WiFi была быстрой, дешёвой, анонимной, открытой, беспроводной, карманной — чудовищной угрозой защите данных, интеллектуальной собственности, информационной безопасности, которая продавалась в целлофановых пакетах, точно жевательная резинка… Это был кошмар. А то, что шло WiFi на смену, было ещё хуже. Казалось, будто техническая эволюция нацелилась сделать безопасность *невозможной.*

Ван перебросил Теда с правого бока на левый. Кто-то похлопал программиста по плечу. Это был Тони.

— Ван, хочу тебя представить.

Немолодой человек. Седые усы. Очки. Лысина. Голубая рубашка, коричневые брюки. Карточка с

именем на шнурке.

— Джим Кобб.

— Доктор Кобб! — повторил Ван, от изумления едва не уронив сына.

В области компьютерных наук не присуждали «нобелевки», но Джеймс Кобб всё равно свою заработал. Хотя пришлось поделиться со шведским физиком. Всем было известно, что, когда дело касалось шведов, у Нобелевского комитета прореза**а**лось слабое место со Стокгольм размером.

— Лаборатории Белла, сходящееся надмножество С, — выпалил Ван.

Кобб улыбнулся.

— Забавно. Сейчас об этой работе почти никто не помнит.

— Я по ней диссертацию писал.

— Журналисты предпочитают говорить о стекловолоконной оптике, — заметил Кобб. За это он получил Нобелевскую премию — он и тот швед, занимавшийся у него проводкой. — За труды, которые по душе тебе самому, не получишь и ломаного гроша.

— Та статья семьдесят девятого года по надмножествам — она была самая лучшая, — промолвил Ван искренне.

— Знаете лучший способ родить пару замеча-

тельных идей?

— И как? — жадно выпалил Ван.

Он беседовал с натуральным гением, родившим самое малое семь замечательных, без шуток, мирового класса идей. Уникумом.

— Родить сотню, а девяносто восемь отбросить! Ха-ха-ха!

Кобб смеялся, а Ван нутром чуял, что собеседник его так и не свыкся с этой мукой. Девяносто восемь паршивых идей были ему дороги не менее, чем две, или пять, или семь, обременивших его бессмертной славой.

— Условия синхронизации, которыми вы воспользовались в «Гренделе», — заметил Кобб.

— Да!

— Где капсульная структура поддерживает иерархию.

— Именно!

— Мне понравилось, — признался Кобб. — Это было толковое решение.

Ван чуть не сел на пол. Его похвалил Джеймс Дж. Кобб. Тот Джеймс Кобб, который знаком был с поведением полупроводников на уровнях вплоть до атомарного. Теоретик высшей пробы, зарывшийся головой в биты. Настоящий гроссмейстер эпохи героев программирования.

В «Лабораториях Белла» такие ученые, как Кобб, даже не замечали границ между научными дисциплинами. Это были чародеи из самой высокой, самой клёвой башни из слоновой кости. Люди, которые поутру занимались физикой, за обедом — электроникой, а к вечеру — программированием. В «Лабораториях Белла» появились на свет транзистор, UNIX, C и C++, и алгоритм Кармакара[59]. Немногочисленный штат научных работников «Мондиаля» мог только мечтать о титанических достижениях «Лабораторий Белла».

— Славный малыш, заметил Кобб. — А где его мама?

— Мама отдыхает, — ответил Ван. — Это Тед.

— И что — кормите малыша, меняете пелёнки? Эк вы, молодое поколение…

Кобб поднял коктейльный бокал. Ван не заметил, чтобы кто-то ещё пил крепкие напитки. Все ходили с бокалами для вина. Очевидно, нобелевскому лауреату нетрудно было отыскать в «Эрлетт-хаус» вермут и оливки.

— Над чем работаете сейчас, доктор Кобб? — поинтересовался Ван.

---

[59] notes: 59

Первый практически применимый алгоритм решения проблем линейного программирования в полиноминальном времени (1984). Назван по имени индийского математика Нарендры Кармакара.

— Уже год ни над чем, ответил Кобб. — В феврале две тысячи первого закрылись «Лаборатории Белла» в Силиконовой долине. Первый раз, когда «Лаборатории» закрывали одно из отделений.

— Да, я слышал.

«Лаборатории Белла» теперь принадлежали «Люсенту». А «Люсент» разорялся.

— Сосредоточились на исследованиях, дающих краткосрочные результаты. Я работал над ЦТВЧ. Не особенно перспективно.

— Пожалуй.

— Некоторое время держал собственную консультационную фирму, но не сложилось. В последнее время — ракетная оборона.

Ван постарался сдержать изумление. Ракетная оборона? «Звёздные войны»? Этот шедевр псевдонаучного вздора? Великий Джим Кобб опустился до работы над «Звёздными войнами»?

Хотя, мрачно предположил Ван, на это у них деньги есть. Программа «Звёздных войн» поглотила уже немало денег.

— Не то, что вы подумали, — соврал Кобб и накрыл бокал для мартини седыми усами. — Проект лазеров воздушного базирования. ВВС.

— О! Ван кивнул. — Фотоэмиссия.

— Правду сказать, я работаю вовсе не над этой

частью проекта.

Ван поднял брови. Толпа кибервояк уже нагрузилась и начала шуметь. Тед заерзал у отца на руках.

Кобб уставился пустыми глазами куда-то за плечо Вана.

— Попробуйте представить, — сказал он, — каково это пытаться утрамбовать сто восемьдесят тысяч фунтов лазерной техники в один «Боинг — семьсот сорок семь». Это и есть лазер воздушного базирования. Чтобы сбить ракету, требуется четырнадцать лазерных батарей, когда ни один грузовой самолёт не может поднять больше шести. Химические лазеры. Огромные летающие баки хлора, иода и перекиси водорода. Дьявольское зелье, вот что это такое. Оно *плещется.* Господи, как оно плещется! Кобб отступил, подняв руку. — Попробуйте прицелиться этим огромным, летающим химическим лазером в ракету, только что покинувшую пусковую шахту…

— Лучи смерти?

— Лазеры никогда толком не работают, — пробормотал Кобб, возвращаясь в вертикальное положение. Всё время не хватает мощности. Разрушительная сила — в килоджоулях на сантиметр дальности. На хлор-йодных длинах волн

просто невозможно обеспечить эффективную оптическую связь. Есть способы протолкнуть импульс, но когда приходится их синхронизировать… — Кобб принялся размахивать руками. Он поискал, куда бы отставить пустой бокал, не нашел и рассеянно сунул узкую стеклянную ножку в потный кулачок Теда.

Внезапно старик принялся шарить по карманам. Нашел визитку и отдал Вану. Адрес на ней значился ещё старого, арпанетовского образца — только числа и точки. Мама, довольно заметил Тед.

Подошла Дотти, одетая, к изумлению Вана, в короткое чёрное платье. Чулки и туфли на шпильках. И серьги к ожерелью.

Она осторожно отобрала у Теда пустой бокал из-под мартини.

— Малыш, я лучше принесу тебе полный.

— Это Джим Кобб, — представил собеседника Ван. Из «Лабораторий Белла». Доктор Кобб — моя жена Дотти.

О, «Лаборатории Белла»? — жизнерадостно переспросила Дотти. — Трехградусное реликтовое излучение!

— Они думали, что это голубиное дерьмо. — Кобб прищурился.

— Простите?

Микроволновое эхо рождения вселенной. Сначала думали, что это помехи от голубиного помета на антенне. И почистили тарелку. Только тогда узнали, что это излучение идёт с неба.

— Интересная история, — заметила Дотти.

— Они искали дерьмо, а нашли открытие мировой важности. Обычно в научной работе получается наоборот!

Дотти уставилась на Кобба. Это была большая честь — услышать фирменную белловскую шутку из первых рук.

— Мой муж часто о вас упоминал, доктор Кобб. Он большой поклонник ваших работ.

— Буду рад видеть вас в ОПБО[60], — слегка невнятно проговорил Кобб. — Покажу вам результаты анализа эксилэф[61].

Вернулся Тони. С собой он привел, должно быть, самую красивую женщину на саммите, как оказалось — супругу полковника из центра стратегических технологий при Военно-воздушном

---

[60] notes: 60

Организация противобаллистической обороны; находится в ведении замминистра обороны по снабжению, переоснащению и техническому обеспечению.

[61] notes: 61

Эксплуатационной эффективности.

колледже. Она тут же подхватила Кобба под руку и отвлекла милой болтовней.

— Твои парни из БОРАРЭ до сих пор не выбрались из чёртова самолёта, — сообщил Тони. — Встретимся там перед пробным полетом? Надо расставить последние точки над «i».

— Тони, всё, что умею я, могут и они. Это опытные инженеры ВВС.

— Нам с тобой надо поговорить, Ван. — Ван нахмурился.

— Ты не струхнул, часом?

— Он придёт, Тони, — перебила его жена.

Тони кивнул и отвернулся. Ван тревожно посмотрел на Дотти:

— Что случилось? Мы с Тедом собирались отнести тебе тарелку с фруктами.

— Милый, это было два часа назад. Я уже в порядке. Нам пора на банкет.

— Милая, — взмолился Ван, — только не заставляй меня сидеть на банкете.

— Для Теда уже принесли высокий стульчик. Всё организовано. Меня посадят вместе с остальными церэушными женами. Я этот банкет ни за что не пропущу. Дотти улыбнулась. — Это важно, милый. Ты действительно должен пойти.

У Вана не было ни малейшего желания сидеть

на дурацком банкете, но если сбежать вместе с Дотти и пообниматься не выйдет, то и бежать нет смысла. По крайней мере, покормят неплохо — отлично на самом деле покормят — и не потребуется вставать и толкать речь.

Ван потратил массу драгоценных минут жизни, слушая утомительные протокольные вступления. Нудные глупости: пропавшие предметы, график автобусов, открыто поле для гольфа… Потом речь взялся произносить Джеб.

Ван с болью наблюдал, как бедолага карабкается на кафедру. Джеб не ковылял, как обычно, а шел. За время директорства в БКПКИ несчастный изрядно похудел. Рамсфельд в свои семьдесят с лишком находился в отличной форме и с Джебом был безжалостен. Министр обороны засыпал Джеба лавиной «рамсфельдовских снежинок», записок с грозными требованиями проверить здоровье в военном госпитале и заняться безинфарктной гимнастикой.

Джеб водрузил на нос бифокальные очки и порылся в конспекте. Ван никогда не видел его таким кротким, мирным и скучным. Джеб даже не стал начинать речь, как всегда, сомнительной шуткой.

— Президентский комитет в полной мере

достиг основных стратегических целей, поставленных перед ним… Выступления, пресс-релизы и частные встречи изменили рабочую парадигму ИТ-сообщества. Возврата к старым, небрежным способам не будет… Текущие проекты БКПКИ будут плавно переданы в ведение помощника заместителя главы ДВБ по защите инфраструктуры… Незаметная, но эффективная деятельность административно-бюджетного управления делает федеральное правительство крупнейшим и самым значительным закупщиком защищённого аппаратного и программного обеспечения…

Что, во имя всего святого, это значит? Это что — обещанное Джебом большое шоу? Л где же грубая сила? Где бойцы с терроризмом, которые всем задницу надерут? Деловитые, опытные, холоднoглазые оперативники, которые без жалости раздавят киберпреступников? Послушать Джеба, так вся затея ограничивалась проблемами закупок.

— … эталонные криптографические тесты, разработанные Агентством национальной безопасности и Центром безопасности Интернета… Национальный институт стандартов и программа аккредитации и сертификации новых технологий… помощник секретаря по инфор-

мационному анализу Директората защиты инфраструктуры, который займется сбором и хранением критических данных по инфраструктуре в базе данных…

У Вана слипались глаза. Он обвел взглядом конференц-зал, уставленный букетами и отпотевшими кувшинами с водой. Слушатели упивались докладом. Для них это была нормальная речь. Джеб приводил околокомпьютерный мир в норму. Те, кто два года назад извергал безумные, шизофренические пророчества в кибернетической глуши, превращались в закоренелых бюрократов. Настоящих чиновников, с настоящими должностями и настоящими кабинетами. Тут кусочек бюджетного пирога. Там место замсекретаря. Финансирование. Чин. Подотчетная ответственность. Господи боже!…

Джеб доблестно перечислял по имени всех обычных подозреваемых из числа работников бюро.

— Не могу не отметить неустанные труды Герберта Хоуленда, нашего директора по связям с общественностью… Поднимись, Герберт — где же ты? — с тебя поклон…

Редкие аплодисменты.

Ван судорожно вцепился в край льняной

скатерти. Боже ты мой, так вот почему они настаивали, чтобы он явился на банкет! Обязательное охлопывание. Программиста скрутил мандраж. Щека задергалась. Пощипывало пострадавшие нервы, прорастающие обратно сквозь костный цемент.

— И героический заместитель директора БКПКИ по технической части Дерек Вандевеер!

Ван с трудом поднялся на ноги. К изумлению и трепету его, зал огласился громовыми аплодисментами. Так громко в этот вечер не хлопали ещё никому. Почти неистово. Кто-то даже свистел — это оказался Майкл Хикок, сидевший за одним столом с техниками БОРАРЭ. Замолк он лишь через добрых восемь или девять секунд после того, как в зале воцарилась тишина.

Ван сел. Лицо его пылало. И что это было? Неужели он действительно так славно поработал? Не может быть. Это унизительное позорище с КН-13… Ван ошалело глянул на сидевшую за другим столом Дотти. Та едва не лопалась от счастья.

Когда банкет близился к концу, Ван подошел к жене.

— Ты слышала, как они хлопали? — спросил он. — Или мне померещилось?

Дотти покачала малыша на руках.

— Ой, милый, мы с Тедом так тобой гордимся!

— Пойдем отсюда. Просто жуть какая-то.

— Ты обещал Тони, что заглянешь на взлетное поле и поможешь с пробным полетом.

Ничего подобного Ван не обещал.

— Пошли, разомнем ноги. Лебедей покормим или ещё что.

— О нет, не сейчас! Мне придется пропустить ещё по бокальчику на большой веранде в компании церэушных жен, — сообщила Дотти. — Они мне рассказывают потрясающие истории про мужа, которого я никогда не знала.

— Никакие они не «церэушные жены», милая. Эта рыжая дылда — точно. Ну, та, что на ногах не держится. По-моему, она была знакома с твоей мамой!

ГЛАВА 12

«Эрлетт-хаус», штат Виргиния, март 2002 года

У Вана не оставалось иного выбора, как добираться до самолёта пешком. Идти пришлось неожиданно долго. «Эрлетт-хаус» окружали самые настоящие поля, поросшие историческими сельскохозяйственными культурами Восточного побережья. Что это за дрянь такая высокая? Лен? Хмель? Конопля? Ван понятия не имел.

Жаждавшие рекламы ребята из БОРАРЭ приволокли с собой весь объединенный штаб сил спецназначения: палатки, конторки, бинокли для наблюдателей, лазерные дальномеры и паукообразные антенны широкого диапазона. Пожалуй, они немного увлеклись, но лучшей возможности показать себя перед толпой федералов у БОРАРЭ не будет никогда. Ван рассеянно помахал рукой Хикоку. Тот постучал по диспетчерскому шлему и показал поднятые большие пальцы.

Ван поднялся по трапу. Реактивный самолёт был пугающе громаден. В салоне могло бы поместиться два десятка человек, если бы кто-нибудь

взял на себя труд вышвырнуть порнографические кушетки, обтянутые белой кожей, и плазменные дисплеи с диагональю в двадцать три дюйма.

Итак, он на борту полностью заправленного частного реактивного самолёта. Ничего сложного. Если бы он ещё умел управлять машиной, через пару минут мог бы уже таранить Белый дом. Ван прошел в кабину. Дверь не запиралась, и пилота за штурвалом не было. На борту вообще не было ни души живой, кроме Тони Кэрью.

— Где твой пилот? — осведомился Ван. — В БОРАРЭ меня уверяли, что оставят на борту полдесятка, а то и десяток инженеров!

Тони приложил палец к губам:

— Тш-ш-ш!

Ван никогда раньше не бывал в кабине самолёта. На «боинге бизнес-джет» стояли два пилотских кресла, со вкусом обтянутых натуральной овчиной, и два черных пластмассовых штурвала в окружении шести мерцающих синим мониторов. С трёх сторон Вана окружали стеклянные панели окон.

— Тони, ты ещё и пилот? — спросил Ван. — Когда ты успел лицензию получить?

— Да ну, Ван! Кому нужна эта лицензия? Этой штукой умеет рулить даже Джон Траволта. Ею

могут управлять вшивые аль-каедовцы из дикого Йемена! Ничего сложного. И вообще чьё это шоу? Банды хулиганов из БОРАРЭ? С какой стати уступать им всю славу?

Ван промолчал. Ему не нравилось, куда клонит его приятель. Он втиснулся в кресло второго пилота. Перед ним сверкала огнями чащоба переключателей и стрелок. Тяжелая, на две руки, рукоять газа походила на огромный желтый кран с пивом. Па спинке кресла крепились кодоскоп и откидной экран.

— Я сам пригнал его из Колорадо, — признался Тони. Даже не вспотел. Мне пришлось уволить пилота. И от кожаной обивки придется как-то избавляться. Понимаешь, я его продаю. Самолёт покупает правление партии «Бхаратья Джаната». В Индии его будут использовать для предвыборных кампаний.

— Шутишь.

— Индусы умеют всякие веселые фокусы проделывать с самолётами, когда им не мешают добрые старые инструкции ЕАА. Для деревенских избирателей в Индии реактивный самолёт — это чистое волшебство. Они его перекрасят в зеленый, белый и оранжевый. Разукрасят, как священную корову на параде. Накачают в топлив-

ный бак люминесцентной краски с блестками и заткнут за пояс флотских «голубых ангелов»[62]. Его лучшие дни ещё впереди. — Тони похлопал по приборной доске. В свете альтиметров лицо его окрасилось грустью.

— Зачем тебе продавать самолёт?

— А как ты думаешь? Приходится. В каком-нибудь другом, лучшем мире я лихой пилот-частник. Гоняю машину от Бомбея до Дубая. Загружаю свою птичку золотыми цепочками и браслетами. Держу счета у ребят из *хавалы*[63]и коплю на новый самолёт. Так, кстати, болливудские фильмы финансируют… да, знаешь, ну его. Дурацкое дело нехитрое. Романтика контрабандистов, да? Это не жизнь *на грани прогресса.*

Тони ссутулился в пилотском кресле.

— На всём белом свете в эксплуатации находится только шестьдесят один такой самолёт. И мой — единственный, на котором можно летать по Интернету. — Он поднял блокнот. — Нет, правда! Это же сегодняшний план полета, так?

---

[62] notes: 62

Группа пилотов-асов флотской авиации, совершающих демонстрационные полеты.

[63] notes: 63

Неофициальная банковская система, действующая исключительно на доверии; распространена в странах Востока и Южной Азии.

Двадцать минут, и практически всё это время — на автоматике.

Ван потер щеку. Та подергивалась. На автоматике? Едва ли. Условия опыта требовали, чтобы Майкл Хикок стоял в постепенно сгущающихся сумерках с пластмассовой штуковиной, явно переделанной из нинтендовского джойстика. Честно сказать, нинтендовские джойстики отлично подходили для этой цели. Исключительно надежный интерфейс. Взревели моторы.

— Ван, политика требует дать людям зрелищ! — гаркнул Тони. И мы им сейчас дадим зрелищ! Ты подумай, какие слухи они разнесут на хвосте! «Я был в Виргинии, и Дерек Вандевеер стащил с небес реактивный самолёт!»

Ван уставился на него.

— Ты знаешь, что мне больше всего нравится в твоем пульте дистанционного управления? — проорал Тони, перекрывая вой турбин. — Что его не видно! Если бы мы не знали, то решили бы, что в самолёт бес вселился!

Он вырулил на взлетную полосу. Моторы упивались горючим, и самолёт быстро набирал скорость. Колеса оторвались от бетона. Они взлетели.

— Груза нет, — заметил Тони, — мы на бор-

ту одни. Наша птичка легче перышка. Не надо так нервничать, Ван. Я тебе говорю, это просто пикник. Можем уйти в салон и смотреть там порнушку.

К Вану вернулся дар речи:

— Не думаю, что в Индии порнушка будет пользоваться успехом.

— Люди везде одинаковы, Ван. Я что хочу сказать — вот представь, что ты живёшь в стране богатых магараджей, торговцев влиянием, нечестных выборов и продажных бухгалтеров. В стране софтверных гигантов и чудовищного разрыва между сверхбогачами и низшим классом. В стране, где в династиях политиков сын следует по стопам отца. В стране, измученной мусульманскими террористами. Это не наша страна? Обалдеть, дайте две.

Самолёт заложил вираж. Ван осмелился глянуть в черную плиту окна. Может, он и переживёт этот рейс.

— Давай покажу кое-что натурально крутое, — проговорил Тони и зашарил под креслом. — Смотри, пилоту положена собственная пушка. — Он вытащил курносый револьвер «смит-и-вессон». — Господи боже, пилот с пистолетом. Чувствуешь себя намного уютнее, да?

— Тони, убери эту штуку.

— Он не заряжен, — уверил его Тони. — Патронов ровным счетом ноль. — Он засунул револьвер обратно в кобуру. — Но меня теперь всегда об этом спрашивают. Клянусь. В салоне полтора десятка тайваньских администраторов с завода микросхем летят в Бангкок отвести душу, и начинается: «А у пилота в кабине есть оружие?» Что, вы, господа китайские бизнесмены, собрались друг другу табло полировать во время рейса? Мир сошел с ума, Ван. Мы все прокляты.

Самолёт жестоко тряхнуло дважды. Турбины взвыли. А вот и лучшая часть сегодняшнего представления, как я понял. — Тони отпустил штурвал. — Нас понарошку угнали прямо на глазах у восхищенной публики.

Только теперь он застегнул ремень безопасности.

— Ну, — проговорил он, потягиваясь, — рассказывай, каким будет следующий шаг твоей грандиозной карьеры.

— Не знаю, — ответил Ван. Подумывал о том, чтобы перебраться в Колорадо, к Дотти.

— Что? — изумился Тони. — И тратить время на мой телескопчик? Ты что, не слышал, как эти комики на банкете орали и хлопали? Приятель,

для тебя все двери открыты!

— Я так и не понял, к чему это было.

Самолёт жутко повело в сторону. Ван вцепился в подлокотники. Сердце его колотилось.

— Ну что, на пальцах тебе, что ли, объяснить? — невозмутимо поинтересовался Тони. — Да, пожалуй, придется. Ван, ты их герой.

— А?

— Ты их спаситель, Ван. Ты их костолом, их ратоборец. Больше всего на свете кибервояки мечтают о настоящем крутом ботане. Ты видел на саммите ребят из этого, как бишь, «спецназа киберпространства»? Не задумывался — почему нет?

Самолёт выровнялся и начал набирать высоту, отчего Вана замутило. Тони глянул в блокнот.

— Люблю этих ребят из БОРАРЭ. Бешеные они. Нет, Ван, малоперспективная попытка Колорадо-Спрингс стать мировой столицей информационной безопасности — оп-па! — внезапно закончилась провалом. Пошли слухи. Когда я узнал, что мой приятель валяется, твою мать, в больнице, я кое-кому сказал пару слов. Конкретно — политическому советнику президента. Он парень занятой, но у него нашлось время выслушать пару слов, а слова были примерно

такие: «незаконное прослушивание», «Совет национальной безопасности», «несанкционированная операция в Вашингтоне»… Генерал-майор Весслер получил новехонькое полевое задание. Генерал-майор Весслер теперь будет глотать бурую пыль в Месопотамии.

Самолёт ухнул в воздушную яму. Тони восторженно заулюлюкал.

— А «спецназ киберпространства» с его замечательными буклетами… Теперь это даже не идея. Даже не тень идеи. Их, как Помпеи, похоронило под восемнадцатиметровым слоем спекшегося пепла. А что с ними приключилось? А доктор Вандевеер с ними приключился, вот что.

— Послушай, — запротестовал Ван, — я знаю, ты советовал мне держаться подальше от этого спутника…

— Знаю-знаю, Джеба занесло. Вы просто не удержались, чтобы не влезть в историю с КН-тринадцать. Но дай я тебе объясню, как на это смотрит публика на саммите, Ван. Выглядит это так: «спецназ киберпространства» наехал на вас, а БКПКИ терпеть не стало. Дело дошло до разборки. Ты с нее вернулся, и твой босс тебя прилюдно носит на руках. Они с нее не вернулись, а их босса сломали, как соломинку. Так что все громко тебе

аплодируют. Хлопают, пока руки не отвалятся. Потому что они тебя боятся, приятель. Для них ты — великий генерал информационной войны. Ты — ботан, который убил и съел компанию настоящих солдат. Ты крутой.

— Но всё же было совсем не так!

Тони вздохнул.

— А какая разница? Ты же никому не расскажешь правды — как ты метелил чокнутого солдатика у себя в квартире. И я не расскажу, и никто никогда никому не скажет. Подвох в том, что кибервойне нужны свои герои. А выбор кибергероев очень невелик. Собственно говоря, ты в мире один такой.

В иллюминаторе показалась земля.

— Майкл Хикок тоже не такой, каким ты его расписал, Тони. Это всё была сплошная реклама. Я его на работу взял.

— Ван, и это хорошо. Я по-прежнему думаю, что это скверный тип, но, если он решил бежать с тонущего корабля и присоединиться к тебе, он умнее, чем мне казалось. Хикок головорез, но если он твой головорез — это замечательно. Я могу полагаться на твоё мнение. Когда дело доходит до информационной войны, ты лучший специалист. Правда. Без сомнения.

Ван утер пот со лба.

— Тони, к чему ты это говоришь?

— К тому, братец, что настоящее веселье — в твоей области. Мне было очень полезно побывать на твоем саммите. Интернет-бум в прошлом, но в области информационной безопасности крутятся деньги, и, когда народ очнется и придет в себя, денег станет намного больше. Благодаря тебе десятимиллиардный проект наконец-то свалится с нашей шеи и пойдет на свалку. КН-тринадцать закрывается. И это отлично. Наступает новый день. Мы оставим в прошлом раздутые бюрократические планы и двинемся дальше. Когда идет настоящая война со стрельбой, никому не нужны позолоченные «кадиллаки» на орбите. Новая тенденция — «прицелился-выстрелил». Модель «Предейтора»[64]. А мы с тобой, Ван, только что доказали всем, кто нас видит, что можем превратить в огромный «Предейтор» самый большой частный реактивный самолёт. Я горд и счастлив знакомством с вами, доктор Вандевеер. Всё получилось просто замечательно.

---

[64] notes: 64

«Предейтер» («Хищник») — система разведки и целеуказания, состоящая в развернутом виде из четырех дистанционно управляемых самолетов-разведчиков, наземного центра управления и канала спутниковой связи.

Самолёт коснулся посадочной полосы и судорожно подпрыгнул. Багажные ящики раскрылись от толчка, на камбузе что-то загремело. Потом колеса с визгом ударили о бетон.

Посадочная полоса стремительно кончалась. Ремни врезались Вану в грудь и живот.

Самолёт замер. Турбины смолкли. Пощелкивал, остывая, горячий металл.

— Й-яху-у, — пробормотал Тони. — Яху-точка-ком.

Над посадочной полосой замерцали фонари. К ужасу своему, Ван заметил, что к самолёту катится восторженная толпа. Тони расхохотался.

— Ван, ты посмотри! Ты у нас кинозвезда!

— Мне же придется толкать перед ними речь! — осознал программист.

— Ван, хорошая технологическая демка спасет любую ситуацию. Ты свою только что показал. Это будет речь победителя. Я тебе набросаю пару тезисов.

Ван сидел в своем номере в «Озерном домике». От волнения ему никак не удавалось заснуть.

Дотти раскинулась на перине. Прядка русых волос прилипла к взмокшему лбу. Нельзя ей было запивать драмамин белым вином, ласково подумал Ван. Это ее заводит.

Забавно, как Тони Кэрью мерещилось, что его подружка-актриса — сущий ангел. Очевидно было, что эта женщина просто играет постылую роль. А вот Дотти на десятом году замужества обнаружила в себе тигрицу.

Ван никогда не замечал в Дотти склонности к сплетням, но похоже было, что работа в пиар-отделе сказалась на её характере. Всего за один вечер, пообщавшись с участниками совместного саммита, Дотти наковыряла массу историй, которые Ван прежде не слышал и даже представить не мог ничего подобного. Пустопорожний бред, конечно, зато о *нём.*

Люди, не имевшие отношения к БКПКИ, составили о Ване представление, напрочь оторванное от реальности. Они знали, что он живет в трущобах, но полагали, будто он выбрал это место потому, что любит избивать преступников. Люди думали, что у него черный пояс по тэквондо. Точно знали, что он всюду носит с собой навороченный пистолет. Ходили слухи, будто Ван каждую неделю взламывает компьютеры вражеских разведок. Он вербовал спецназовцев, штурмовал лагеря террористов, чтобы проинсталлировать им зловредных троянов и вирусов. Ну и всем было известно, что у него роман с

Фанни.

Эта нелепая болтовня раздражала бы Вана, если бы Джебу не пришлось ещё солоней. К Джебу легенды липли стаями, как рыбы-прилипалы к акуле. Джеб страдал аритмией. Нет, он страдал тяжелым диабетом. Он подрался однажды с Дональдом Рамсфельдом, и Кондолизе Райс пришлось их разнимать (это была самая лучшая история). Джебу по три раза на дню названивал перепуганный Ларри Эллисон[65]. Джеб заведовал денежным фондом Республиканской партии. Джеб нанял кубинских эмигрантов, чтобы напичкать «жучками» французское посольство. Джеб подсел на снотворное. Джеб был замаскированным педерастом.

А он, Дерек Р. Вандевеер, прослыл самым крутым и жутким кибервоякой в Вашингтоне. После этого Ван начал сомневаться, что вообще что-нибудь понимает в людях. Может, у него горячка? А может, когда речь заходит о компьютерах, бредить начинает весь мир?

Пару раз Вану приходилось встречаться с президентом Соединенных Штатов Америки. Беднягу даже припечатали специальной аббревиатурой:

---

[65] notes: 65
Генеральный директор компании «Oracle»

ПреСША. В жизни Ван столкнулся с приветливым немолодым техасцем, большим любителем бейсбола, всем развлечениям предпочитавший одно — посмотреть пару иннингов по ящику и погрызть крендельков. Две дочки-подростка сидели у него в печёнках. Вот это и был президент Соединенных Штатов. Каким-то образом он же являл собою безжалостного милитариста, неутомимо громившего самых зловещих и грозных горцев планеты.

А теперь Ван даже познакомился с Джеймсом Коббом. Он открыл сумку с компьютером и вытащил оттуда визитку Кобба. Для Вана именно этот момент саммита стал ключевым. Его глубоко потрясло, что человек, которого он боготворил, признал в нем коллегу.

Он открыл веб-сайт Кобба — даже не сайт, а набор доступных для скачивания файлов, как в добрые старые времена, когда АРПАНЕТ служил информационной магистралью для инженеров. Тогда спама не было. И порнухи. И торговли. И вирусов. Был оазис для техночародеев. АРПА,

Стэнфорд, МТИ. «Болт, Беранек и Ньюман»[66]. Калифорнийский университет. Исследовательский центр «Ксерокс» в Пало-Альто. «Ай-би-эм» и РЭНД. Всё это были ярлыки — разные имена для одной и той же компании из пары дюжин инженеров, крошечные группы из десяти — двадцати ученых, быстро, тихо и легко выдававших на-гора требуемый результат, как только возникала нужда…

Столько статей, датированных семидесятыми, восьмидесятыми… В свои лучшие дни Кобб публиковался как безумный. Он разбрасывал идеи, как факел разбрасывает искры. Протоколы конференций на трех континентах. Джеймс Кобб наследил буквально по всему глобусу. И не в одной-единственной дисциплине. Кобб находил связи там, где до него никто и не думал их искать. Системный анализ и теория информации позволяли ему нарезать знания всего человечества, как многослойный торт. Казалось, что у него в одной голове три мозга.

Ван ещё помнил, в каком душераздирающем нетерпении они с Тони Кэрью листали новые

[66] notes: 66

Фирма (ныне «BBN Technologies»), занимающаяся техническими разработками в области акустики и вычислительной техники. Усилиями «Болт, Беранек и Ньюман» была разработана пакетная передача данных, создана и поддерживалась первая сеть АРПАНЕТ.

статьи Кобба. Сидели вдвоем, ночью, в общежитии, пьянели всё сильней от воздуха новых научных просторов, которые силой открывал этот человек…

И, перечитывая названия статей, уже взрослый Ван осознал с ужасом, что большая часть их ни к чему не привела. У Кобба появлялось множество замечательных, но совершенно неприменимых в реальном мире идей. Постаревший Ван видел в трудах юности Кобба то, чем они и были, — детские игрушки.

А потом его посетило новое озарение, подкравшись, точно темный ужас. Впервые в жизни он прочувствовал душевное расстройство старика. Ведь эти идеи не сами собой хлестали из Джима Кобба. Их выжимали по капле. В творческом порыве Кобба было что-то первобытное и зверское. Возможно, работа приносила ему удовольствие, приносила гордость, но каждое достижение он оплачивал кровью. За науку Джеймс Кобб платил дорогой ценой. Тяжелой и горькой, как настоящий блюз-гитарист.

Ван глянул на часы. Без малого два ночи. Внезапно ему захотелось всё бросить. Разыскать Джима Кобба, спящего в своем номере в «Эрлетт-хаус». Ему хотелось разбудить Кобба, рассказать,

что он достиг просветления. Он больше не был учеником. Он *понял.* Он жаждал предложить старику свою дружбу.

Ван вгляделся в экран лэптопа. Сердце его колотилось от восторга. Конечно, он не пойдет искать мирно спящего Кобба, ломиться **в** дверь, будить старика дикими воплями. Это бессмысленно. Он пошлет Коббу «мылом» письмо. По работе. Никаких шальных затей, ничего безумного и нелепого. Мастер обращается к собрату по ремеслу. Очень спокойно. Очень тактично.

Техническая записка. Вот это пойдет. Что-нибудь такое, что они с Коббом могут разделить. Совместно написать новую статью, например. Вау! Отличная идея. Было бы просто здорово. В конце концов, старик практически попросил Вана о помощи. Тот мог бы вдохнуть новую жизнь в одну из оставленных Коббом идей. Это было бы лучше, чем юбилейный сборник. И нетрудно. Выбор тем просто огромный.

Пальцы Вана застыли над клавиатурой.

Кобб, Джеймс А. (1981) МАССИРОВАННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КОЛЛИМАЦИЯ СВЕТОВЫХ ИМПУЛЬСОВ АДАПТИВНО МЕНЯЮЩЕЙСЯ МАЛОЙ МОЩНОСТИ. «Перспективы исследования перестраиваемых запрещённых зон»: материалы

конференции Общества имени Макса Планка, замок Рингберг, Германия.

Ван кликнул оа ссылке. О чём хоть статья? Какие-то дикие и несуразные применения подстройки запрещённых зон лазера. Ему показалось, что Тони когда-то, сто лет назад, упоминал об этой статье. Тони всегда питал слабость к самым диким и фантастическим задумкам Кобба.

Очень слабые световые импульсы. В оцифрованных пакетах. Через отражатель сведенные в реальном времени в мощные параллельные потоки…

Полчаса спустя Ван оставил спящую Дотти в номере и вышел под ясные звезды в небе Виргинии. Открыл мобильник.

Хикок ответил сразу же. Было почти три часа ночи, но в трубке грохотала шумная вечеринка, и сержант был пьян.

— Эй, Ван! Вали к нам! Мы у бассейна! Ребята из БОРАРЭ тебя обожают!

— Майк, я знаю, что час поздний, но ты мне нужен. Прямо сейчас.

— А что, — уныло переспросил разом протрезвевший Хикок, — тебе не понравилось, как я вёл самолёт?

— Майк, кибервойна началась.

ГЛАВА 13

Международная астрономическая обсерватория имени Альфреда А. Гриффита, штат Колорадо, апрель 2002 года

– Слушай, всё просто, — заявил Хикок. — Ван заведует стратегией. Я заведую тактикой.

— Доктор Вандевеер штатский, — возразил Гонсалес.

— Кибервойна — это новое слово в военном деле, приятель. Я шпак. Ты шпак. Он шпак. Враги — все шпаки. Одни сплошные гражданские лица.

— Я даже не хотел уходить на гражданку! — бросил Уимберли. — Меня уволили с позором. Вы хоть представляете, какие у меня теперь перспективы найти работу?

Все четверо сидели во взятом напрокат домике-автоприцепе. Машину отогнали в сторону от горной дороги и затянули, невзирая на полночный час, маскировочной сеткой. Ван был одет в чёрную шелковую рубашку, чёрные штаны, чёрную кожанку, чёрные носки, чёрные кроссовки и на плече тащил чёрный рюкзак. Одеваться как

нью-йоркский профессор каких-нибудь гуманитарных наук Ван обычно не пытался, но на этот раз — пойдет. Если его застукают при попытке вломиться на территорию Международного центра астрономии имени Альфреда А. Гриффита, у него есть хорошая отговорка.

В конце концов, он был мужем Дотти Вандевеер. Старым университетским приятелем хозяина обсерватории. И в рюкзаке Вана не было ничего такого, чего не пропустил бы досмотр. Черные перчатки, черная вязаная шапочка — ну так в горах холодно. Микрофон и наушник — гарнитура к мобильнику. Цифровой диктофон, видеокамера, всякие мелочи. Лэптоп — так Ван всюду таскал компьютер за собой. Он же программист.

Остальные трое киберлазутчиков с виду напоминали марсианских ниндзя-черепашек. На Хикока, Гонсалеса и Уимберли было страшно глянуть. Ван уже притерпелся немного — это была его идея, — но всё равно побаивался бросить на них взгляд. Чудовищные каски со встроенными очками ночного зрения и противовесами на затылках походили на вытянутые морды циклопов. Поверх очков спецназовцы натянули чёрные лыжные маски из огнестойкого волокна. В бесформенных чёрных куртках, чёрных солдатских

штанах, чёрных кевларовых перчатках и чёрных спецназовских башмаках они правили ночной порой. Даже горбатые армейские рюкзаки у них были чёрные.

Похожи они были на троих пластмассовых солдатиков в полный рост. Любой нормальный человек, заметив эту компанию в темном лесу, решит, что ему примерещилось.

Самое забавное, что всё их снаряжение даже не считалось официально военным. Всё оно было куплено или взято напрокат в коммерческих фирмах, занятых поставкой военного снаряжения. И тем более секретного в нем ничего не было. Если не считать полного чемодана компьютерных отмычек БКР, который Ван притащил с собой из Вашингтона.

— Точно не хочешь взять чемодан с собой? — спросил Ван у Уимберли. Парень явно нервничал. — Можем прицепить его к твоему рюкзаку.

— Я не заслуживаю его носить, — елейно проныл Уимберли. — Мне за это уже один раз надрали задницу.

Чем бы подбодрить мальчишку?

— В камере хранения на автовокзале в Боулдере тебя ждут пятнадцать «кусков».

— Это мне поможет, — признал Уимберли. —

Сильно поможет.

Чтобы вломиться к жене на работу, взломать обсерваторию, ограбить и напичкать «жучками», Ван потратил первый взнос за дом. Он сам не мог бы объяснить, почему эта операция стоит для него сорока пяти тысяч долларов, не считая платы за прокат снаряжения, машины и билетов на самолёт. Ван едва-едва выкарабкался из тени финансовой катастрофы. Эта злосчастная затея возвращала его на прежнее место.

Не говоря о том, что организация неофициальной спецоперации в частном порядке нарушала восемнадцать статей уголовного кодекса.

Просто… он должен был знать. Если он не выяснит всю правду об этом зловещем орудии и его возможностях, он больше никогда не сможет спокойно спать по ночам.

Не стоит называть это войной. Это наука.

— Мы проводим всего лишь разведывательную миссию, — в десятый раз повторил он троим своим наёмникам. — Никакого рукоприкладства, крутые парни. Мы приехали сюда, чтобы взять мишень в прицел. Проникаем. Наблюдаем — деятельность, намерения, возможности. Записываем, уточняем. Ставим датчики. И уходим. Никто нас не видит. Никто не пострадает. Никто

не стреляет. Потому что идет настоящая, натуральная кибервойна.

— Я со стволом больше не хожу, — заявил Хикок.

— В этот раз нас не застукают, — согласился Гонсалес.

— А если застукают, президентская амнистия у нас в кармане? Да ладно, неважно, у меня всё равно пушки нет!

— Ладно, заключил Ван, — ноги в руки, и поехали.

Он запихнул наушник в правое ухо.

Далеко добираться команде из четырех человек не пришлось. Они выбрались из прицепа и, следуя подробнейшим сателлитным картам, зашагали сосновым бором в сторону ограды. В кривой лощине строители провели ограду рядом со старым засыхающим кленом. Ночь была тёмная; порывистый ветер нес по небу прозрачные облака, качал нависающие ветки. Клён — дерево непрочное. Четверым мужчинам не составило труда забросить на него крюк, приладиться к порывам ветра и повалить старый клён прямо на ограду.

Бдительные защитники на джипах и с автоматами не примчались проверять в конце концов,

это всего лишь обсерватория, и это всего лишь буря сломала дерево. Четверо незваных гостей перелезли через смятую ограду по ветвям упавшего клена. Ван постарался ни за что не зацепиться своими цивильными шмотками.

— Одолжи мне кислородную маску, — попросил Ван Хикока. — Задыхаюсь на высоте.

— А сам ты не можешь баллон тащить? — поинтересовался спецназовец, почесываясь под чёрной пенопластиковой кирасой. — Я и так весь снарягой обвешан.

— Нет, не могу. Кислородный баллон слишком похож с виду на бомбу.

Ван припал к пластмассовой маске. По телу разлилось облегчение.

Как и было распланировано, команда разделилась на пары. Гонсалес и Уимберли — группа Б — брали на себя серверную. Ван и Хикок должны были подняться по склону, чтобы скрытно обследовать Оружие Массового Уничтожения.

Для долгой поездки к обсерватории Хикок взялся угнать электрокар. Это оказалось нетрудно. Тележек у входа стояло множество, и у большинства остались ключи в замках.

Спецназовец поправил микрофон.

— Знаешь, чего мне не хватает с этой кибервой-

ной? — спросил он. — Поддержки с воздуха. Ни тебе вертушек. Ни транспортных «Геркулесов». Для спецназа ВВС это, знаешь, нелегко.

— Я совсем ума лишился, если нанял этих двоих киберспецназовцев, — простонал Ван.

— Ничуть, — отозвался Хикок. — Жаль тебя разочаровывать, но сейчас самый специальный спецназ — это частный сектор.

— Я псих, потому что мы ничего не найдем, Майк. Я притащился сюда только потому, что я параноик. Никакого оружия тут нет. Мы ничего не увидим. Это всего лишь недостроенный телескоп.

— Чёрта с два.

В темноте медленно и неслышно они доехали до обсерватории, не встретив никакого сопротивления. Тележку оттащили с глаз долой, за гору строительного мусора. Ван набросил на нее камуфляжную сетку. С камуфляжными сетками он сталкивался впервые. Развешивать их оказалось целым искусством.

Хикок вытащил тощую складную антенну многополосной импульсной рации и прицелился ею в склон холма ниже главного корпуса. Голос Гонсалеса прорезался тут же, чисто и ясно.

— Приближается автомобиль, — доложил

он. — Большой черный лимузин. Пассажиров четверо… нет, пятеро. Вау, классная штука — тепловидение!

Уимберли тяжело дышал в микрофон.

— В жилом корпусе тихо. Толпа спящих астрономов, и всё. А вот в серверной — сплошные огни. — Послышался шорох резиновых подошв по камням. Уимберли подобрался поближе к объекту наблюдения. — Сейчас установлю направленный микрофон.

— Кэрью должен быть внутри, — сообщил Ван Хикоку.

Тот стянул чёрную маску. Лицо его, и без того суровое, совсем окаменело.

— Ребята, слышите, какой там шум? — доложил Уимберли. Его чувствительный направленный микрофон улавливал гулкий ритм и визгливые голоса лондонского индо-диско — музыки в стиле бхангра. — Первый раз слышу такую музычку. Погодите, попробую отфильтровать шум.

Цифровая вата в ушах. Пронзительный женский голос отцедился сквозь фильтр, как спагетти через дуршлаг.

— Тони, как ты можешь так обращаться с женщиной! Как ты смеешь мне такое говорить!…

— Уимберли! — вмешался Ван.

— Так точно, сэр.

— Личную жизнь подозреваемого оставь в покое. Наведи тепловизор на электростанцию. Я хочу знать, подается ли сегодня энергия на большой оптоволоконный кабель.

— Мои ребята из лимузина, — спокойно и сосредоточенно проговорил Гонсалес, — направляются прямо к серверной. Похоже, у нас будет большая вечеринка.

Ван оглядел дверь в башню обсерватории. На двери висел замок. Обычный амбарный замок. Более сложных мер безопасности и не требовалось. Обсерватория располагалась в уединённом месте. И в конце концов, это всего лишь астрономы.

Ван приступил к взлому. Из хикоковского пояса с инструментами появилась цифровая отмычка. Новенькая, английская, размером с большую авторучку. При помощи световодов она осматривала внутренность замка и сама рассчитывала форму бороздок на ключе. А вычислив, выдавливала подходящим образом изогнутый отрезок прочной проволоки. Страшно было подумать, что мог сотворить новый гаджет МИ-5 с обычным механическим замком. Ван очень надеялся, что нормальные воры ещё долго не овладеют подобными инструментами.

Ван осторожно расковырял замок. Когда руки перестали дрожать, он отдышался кислородом и выпил изотоника из фляги. На высоте было ветрено и морозно. Пришлось надеть чёрную шапку и чёрные перчатки.

— Генераторы фонят теплом, как черти! — отчитался Уимберли. Какая же мощность у этих ветряных мельниц?

— Полмегаватта каждая, — ответил Ван.

Энергия ветра — штука непостоянная: то ее не хватает, а то — избыток. Поэтому ее особенно легко было красть. Кто заметит, если ты оттянешь на себя часть электроэнергии, рожденной в пролетевшей над западными штатами буре?

Из лимузина вышли четверо, шофёр остается, — доложил Гонсалес. Он слегка запыхался, но пробежка с девяносто пятью фунтами кибербарахла в рюкзаке вслед движущемуся лимузину в целом его не слишком затруднила. — Двое мужчин, две женщины. Я сейчас у серверной. За стеной на первом этаже различаю девять силуэтов. Если миллиметровый радар не врет.

— Когда я выезжал из Вашингтона, всё работало, — сообщил ему Ван.

— Тогда он нуждается в доработке, — заметил Гонсалес. — На лимузине колорадские номера.

Владелец — ранчо «Пайнкрест».

Быстро, подумал Ван. И пока что очень тихо. Быть может, им даже удастся провернуть операцию вовремя.

Он потянул на себя дверь обсерватории, и резиновые уплотнители вакуумно чмокнули. Ван шагнул через порог обсерватории. Внутри было пусто и восхитительно тепло.

— Жарко тут, — заметил Хикок, расстегивая ремень под подбородком.

Телескоп, эта небесная дива, выглядел совершенно так же, как в последний раз, когда Ван его видел. А вот на земле кое-что прибавилось. Комплект из дюжины новеньких складных кресел. Большой кофейник и кружки к нему. Новый огромный стол с множеством полок и розеток, такой большой, что его хотелось назвать пультом. И у самой двери симпатичный маленький японский телескоп на массивной треноге. Роскошная игрушка богатого звездочёта-любителя.

Ван шагнул к большому столу. На нем громоздилась гора технической документации и компакт-дисков. Программист заглянул за стол и под стол. Там валялись дорожные сумки.

И черный полотняный футляр для винтовки. Охота в здешних краях великолепная.

Хикок обошел огромный телескоп кругом, от изумления запрокинув рыло тепловизора.

— Ты только посмотри на него!

— Я видел, — отозвался Ван. Хикок содрал с головы шлем.

— Да нет, в инфракрасном свете!

Ван натянул слишком тесный кевларовый шлем на уши. Маска тепловизора вдавила ему очки в переносицу. И тогда дива показала ему свое истинное лицо. Дама в кровавой короне.

Стеклянистое кольцо мерцающих огней. Десять тысяч фотоумножителей, датчиков, призванных уловить самые слабые отсветы далеких звёзд на поверхности зеркала, сделались венцом паучьих, горящих алым глазок. В инфракрасном спектре они подмигивали тепловизору Хикока, они искрились. Они испускали жар.

Оптические кабели, уносившие свет, могли и приносить его. Зеркало, отражавшее свет с небес, могло и метать его обратно в небо.

Ван вернул Хикоку шлем.

— Знаешь, что меня больше всего достает? — пробормотал Хикок. — Сукину сыну хватило наглости построить космическую пушку в Колорадо. Ч-чёрт, чуть ли не на полигоне ВВС!

— Компания расходится, — доложил Гонсалес

— Я помечу их в наводчике. Команда А, прием есть?

Хикок открыл свой командирский лэптоп. Карта на экране походила на маленький штабной макет. Четыре синих треугольничка. Горстка ничего не подозревающих красных квадратиков.

— Б, есть прием.

Два красных квадратика отделились от группы. Синий треугольник устремился за ними в погоню.

— Сейчас поймаю этих двоих направленным микрофоном, — пообещал Гонсалес.

Ван поправил наушник. В ушах зазвучали краденые голоса. Тони Кэрью.

— Только что здесь стояло шестнадцать тележек, заметил Тони. — А сейчас только пятнадцать.

— Ты их пересчитываешь? — ответил женский голос.

— Нет, милая. У меня эйдетическая память. Талант.

— Здесь так холодно и ветрено! Поедем иа лимузине! Пускай эти глупые китайцы катаются на дурацких тележках!

— Здешние тропки не выдержат веса большой машины, — ответил Тони. — Поэтому мы все

катаемся на этих карах. Анджали, демонстрация возможностей моего инструмента — дело очень деликатное. Ты же видишь, что ни добрый старый господин Лян, ни добрый старый господин Гупта не жалуются.

— Твоим дурацким клиентам не приходится носить платья без рукавов.

Зашуршали шины. Голоса затихли в отдалении.

— Мужчина и женщина только что отъехали на электрокаре, — вновь заговорил Гонсалес. — Направляются к вашему телескопу, команда А. Ладно, размечаю ещё две группы. Похоже… в первой четверо мужчин. Во второй группе — двое мужчин и две женщины. Стоп, стоп, оп-па! Двое, на вид телохранители, осматривают кары.

— Телохранители вооружены, — со знанием дела отметил Хикок.

— Мы не можем быть уверены, — возразил Гонсалес.

— Никакой профессионал не станет выходить на работу без ствола, — объявил Хикок. — Будь они хоть китайцы, хоть индусы, хоть, чёрт их дери, марсиане.

— Этой операцией руковожу я, — напомнил Ван, — а у меня оружия нет.

— Эй, — Уимберли дал петуха, — у меня тоже нет пушки! Все же говорили — стволов не брать!

Хикок вздохнул.

— Никто не обидится, что я прихватил с собой малехонькую «беретту» в засапожной кобуре?

— Эй, я могу смотаться до машины и притащить два MP5 и «моссберг» двенадцатого калибра[67], — деловито предложил Гонсалес. — Десяти минут не займет!

— Нет-нет-нет! — взмолился Ван. — Держимся цели!

— Командир прав, — заключил Хикок. — Мы сюда пришли поиграть в кибервойну. Фред, заберись в комнату, где была вечеринка, и ставь микрофоны. Малыш, я хочу видеть, как ты вломишься в серверную. Клавиатурных «жучков» не жалеть. Мы с профессором расставим аудиодатчики здесь. Потом все отступаем на улицу. Прячемся под камуфляжными накидками. Слушаем и записываем. Это План. Будем держаться Плана.

Это был хороший, разумный План. Он не включал в себя спешные марш-броски до лазарета. Хикок лепил прозрачные WiFi-«жучки» по

---

[67] notes: 67

Имеются ввиду автомат «Хеклер-Кох» MP5 (калибра 9мм) и штурмовое помповое ружье «Моссберг-590»

разным малозаметным местам. Ван присвоил каждому микрофону свой звуковой канал на лэптопе. Затем, когда время уже поджимало, они вышли на улицу, чтобы закрыть и запереть двери обсерватории.

В тот самый момент, когда Ван захлопнул дверь, сигнал из здания пропал напрочь.

— Ты говорил, что эта башня сложена из соломы, заметил Хикок.

— Похоже, что солому переложили медной сеткой. Чувствительные инструменты требовали экранирования.

— Тогда, если мы хотим слышать, о чём они говорят внутри, придется импровизировать, — твердо заявил Хикок. — Придется вернуться под купол и спрятаться.

— Тогда некому будет запереть дверь снаружи, — напомнил Ван. — Если башню обнаружат открытой, будет ясно, что мы внутри.

Хикок замер в явном затруднении. Он глянул на замок, потом на склон горы внизу.

— Фары всё ближе. — Он начал молиться про себя: — Господи, я солдат твой, призван трудиться в одиночестве, вдалеке от знакомых голосов и лиц. С помощью и наставлением твоим я никогда не сдамся, хотя бы и остался последним в живых.

Если же попаду в плен, дай мне силы плюнуть врагу в…

— Я захожу, — сообщил ему Ван. — Ты пока командуй, ладно? Если меня поймают я просто полюбопытствовал.

Ван нырнул в помещение, пробежал через зал, отшвырнул какой-то тяжелый ящик и спрятался под большой приборной панелью.

Чтобы открыть взломанный замок, Тони потребовалось несколько минут.

Далекие голоса. Ван засунул наушник в ухо и погасил экран лэптопа. «Жучки» работали отменно, посылая шесть аудиопотоков, словно у программиста выросло шесть ушей.

— Постарайся быть вежливой с миссис Дефанти, — говорил Тони. Она многое пережила за последнее время.

— Почему при мне ты ее не называешь Катриной? — язвительно поинтересовалась актриска. — В лицо ты к ней всегда обращаешься «Катрина». Так мило!

— Ягненочек мой, если бывшая Ли Хубин желает теперь зваться Катрина Дефанти — какие проблемы? Дай только знать — и ты станешь Анджели Кэрью. В новеньком американском паспорте это имя будет отлично смотреться.

— Вы с ней любовники.

— Послушай, она старше меня на двенадцать лет! — умолял Тони. — Миссис Дефанти преданно верна старому, душевнобольному супругу. Мы с Катриной наладили взаимовыгодное сотрудничество. Вполне возможно взрослым мужчине и женщине быть просто добрыми друзьями. Правда-правда!

— Ты лжешь! — Актриса резко выдохнула. — Или ты ненормальный.

— Значит, я ненормальный, — согласился Тони.

Я предпочитаю «исключительный», «блистательный», «великолепный» и «гениальный», но «ненормальный» тоже сойдет. Только будь вежлива с Катриной хотя бы в этот вечер. Больше я ни о чём не прошу! На кону стоят огромные деньги. Кроры и кроры, лакхи и лакхи рупий[68]!

Голос Тони в наушнике прервался. К изумлению Вана, Тони стоял совсем рядом, у огромного пульта. Тони опустил на пол чёрный рюкзак, и тот задел башмаки Вана.

Ван поднял глаза и увидал бледное, напряженное лицо Тони. Но тот не глянул вниз. Начали

---

[68] notes: 68

Традиционные индийские меры денег: лакх — сто тысяч, крор — десять миллионов рупий.

прибывать важные гости.

Когда двери обсерватории распахнулись, приемник Вана уловил в эфире слабый отзвук чужого разговора. Похоже было, что кибервояки за стенами башни были очень заняты.

Тони обернулся к гостям, и Ван тут же заглянул к нему в рюкзак. Настоящее сорочье гнездо. Смятые деловые бумаги. Таблетки от головной боли. Индийские бульварные журнальчики. Лэптоп. Стопка болливудских дивидюшек.

Титановый бластер.

Клиенты Тони входили в обсерваторию. Слышались сбивчивые голоса, гремели складные кресла.

Кто-то вошел в зону действия пятого «жучка». Ван добавил громкости.

— Мне не может нравиться человек, который лжет спутнику на охоте, — говорил мужской голос. — Я могу купить у него самолёт, но я не стану ему другом.

— Ненавижу, что он сделал с лосями моего мужа, — отозвалась женщина. — Он даже не спросил моего разрешения слепить и жечь их лазерными лучами. Несчастные создания!

— Как могут бедные животные укрыться от зеркального воздушного шара? — спросил муж-

чина. — Это просто неспортивно. Какие ужасные вещи творятся здесь, в то время как ваша плантация так мила и прекрасна. Мы с нашей съемочной группой были в восторге от «Пайнкреста». Мой номер напомнил мне отель «Раффлз» в Сингапуре.

— О, так вы заметили! — довольно отозвалась женщина. — Я столько раз бывала в Сингапуре.

— Гляньте, как Кэрью таскает эти стулья. Он что, не может поручить это охране? Он всё время чем-то занят, занят, занят! Как слуга!

— Они все такие, — задумчиво промолвила женщина. — Всегда. Но мне они нравятся. Американцы.

— На свой нелепый лад очень милы?

— Ну хорошо — не нравятся. Но мне нравится быть американкой. Всем на свете следовало бы стать американцами. Я надеваю темные очки. Выезжаю в Денвер. И я просто женщина. Простая американка. Никто не пристает ко мне. Только продают мне то, чем торгуют, — и «всего вам доброго».

— Мне тоже нравится в Америке, — сознался мужчина. — В Бомбее, Найроби и Лондоне меня слишком хорошо знают. А в Америке мое лицо ещё не примелькалось.

— Здесь не могли не заметить, что вы очень-очень симпатичны.

— Благодарю вас сердечно. Но разве может красота подарить мужчине счастье, Катрина? Долг! Исполненный долг — вот что радует мужчину…

Ван слушал, как Тони пытается развлечь важных гостей. Американский вариант английского слушатели воспринимали плохо, и Тони вынужден был говорить очень медленно. Напористый, взвинченный голос его эхом отдавался под куполом обсерватории. «Вы увидите… самое поразительное… и значительный технический прогресс… современной революции в военном деле…»

Двойные створки колоссального купола открывались черному ночному небу. Башня из прессованной соломы поворачивалась легко, точно карусель.

Ван торопливо подхватил очередной пискнувший наушник. Открывшаяся крыша послужила отражателем. Он ловил сигналы от своей киберкоманды.

Отчаянный голос Уимберли: «… Пик потребления! Когда ветер набрал силу, они просто…» Потом сигнал вновь пропал, а Хикок с Гонсалесом по-прежнему находились вне зоны.

— Теперь, когда мы открыты звёздам, предлагаю сделать звонки через сеть «Иридиум», — проговорил Тони. — Вы, господин Гупта, можете вызвать свой кабинет в Отделе исследований и анализа в Нью-Дели. А вы, господин Лян, возможно, будете так добры вызвать аналитическое бюро Второго департамента в Пекине. Настало время общего согласия.

С чёрного ночного неба обрушился ледяной горный ветер. Ван скорчился под столом. Кровь его леденела.

Фонари под потолком гасли. Внизу театрально зажигались новые.

Припав к полу, Ван осмелился выглянуть из-за стола. Телескоп стоял в огнях, точно оперная дива в молочных лучах прожекторов.

В сгустившихся сумерках Ван поднялся на ноги. Голова болела от разреженного воздуха. Тони и его гости были совершенно покорены телескопом. Они понятия не имели, что программист стоит в круге тьмы и наблюдает.

Ван тихонько открыл футляр с винтовкой. Вытащил оружие — охотничье ружье. Заряжено на лося. В патроннике уже покоился огромный медный патрон.

Облокотившись об эргономичный стол, Ван

глянул в прицел. Он выхватывал из темноты лица, рассекая головы перекрестьем. Гражданские мишени. Ни о чём не подозревают.

Вот китайский чиновник. Немолодой мужчина с редеющими волосами, брюшком и вещмешком в руках. Рядом с ним маячил китаец помоложе, переводчик и штатный лизоблюд. Телохранитель его отличался непреклонной выправкой и мрачной гримасой антикварного красноармейского комиссара.

Катрина Дефанти оказалась милой китаянкой средних лет с аккуратной причёской, в свободном розовом костюме от «Шанель». Выглядела она в точности как женщина, в которую никогда, ни при каких обстоятельствах не стоит стрелять.

Индийская кинозвезда. Ещё одна индийская кинозвезда, ещё красивей первой. Старый усатый индус с гофрированным саквояжем в белой куртке а-ля Неру. Бесстрастный телохранитель-сикх, словно высеченный из тикового бревна.

Ван немало времени провел в тире. Он многое узнал об оружии. Он был уверен, что сможет всадить пулю в любого из них. Но как профессионал информационной войны он знал также, что подобное грубое насилие не приводит к цели. Зачем Тони вообще прятал в башне винтовку? Чего он

надеялся добиться подобным жалким приемом? В борьбе, подобной той, что происходила здесь, простая винтовка выглядела признанием поражения. Это было хуже, чем глупость. Это был жест отчаяния.

Ван заполз обратно под стол и принялся шпионить дальше.

— Всякий раз, когда великая держава достигает уровня космических технологий, это порождает множество замечательных побочных результатов, — рассказывал гостям Тони. — Методически исследуя потенциальные возможности этого оружия, мы открыли его дополнительные функции. В сочетании с отражающей способностью майларового покрытия воздушных шаров мы в силах направлять тепловые лучи на эффективную дистанцию в семьдесят пять километров. На жаргоне «Звёздных войн» такой луч назывался «Перст божий». Орбитальные лазерные орудия так и не вошли в обиход. Они попросту слишком тяжелы для запуска с помощью обычных ракет. Даже лазеры воздушного базирования нуждаются в химическом реакторе размером больше, чем «Боинг-семьсот сорок семь». Однако наш лазер наземного базирования в сочетании с отражателем в воздухе способен господствовать

над местностью. Он может поражать поселки, машины, любые мишени. Заговорил переводчик-китаец:

— Господин Лян желает задать вопрос.

— Разумеется! Спрашивайте, о чём пожелаете.

— Господин Лян желает задать вопрос миссис Дефанти.

Тони изумился.

— Я… э-э… уступаю трибуну.

— Миссис Дефанти, скажите, будьте добры, не это ли странное устройство в ответе за множество неприглядных пожарищ, каковые мы наблюдали во владениях вашего мужа?

— Да, господин Лян, — ответила миссис Дефанти по-английски. — Лесные пожары на моем ранчо и в окрестностях вызваны этим лазером. Было несколько неприятных случаев. Кроме того, лазер сжег два дирижабля связи.

— Трудно ожидать идеальной точности от дирижабля в полете, — признал Тони. — Но это лишь одна из функций! Гораздо интереснее фантастическая способность лазера проецировать колоссальные голограммы. В этом случае мы направляем лучи лазера на облака аэрозоля, флюоресцирующие под инфракрасным облучением. Распылите в воздухе определенный химикат

— и в вашем распоряжении немыслимое доселе средство ведения психологической войны. Представьте себе состояние боевого духа противника, не подготовленного к иллюзиям подобного масштаба!

Теперь пришел черед господина Гупты возражать:

— И как вы загрязняете небо своими химикатами?

— Очень просто! Выхлопы реактивных двигателей! Инверсионные следы!

— Ты заправлял самолёт загрязнённым горючим? — вмешался индус-актер. — Ты никогда не говорил мне, что осквернил химикатами турбины.

— С турбинами ничего не случилось! — возмутился Тони. — Это же не шаттл. «Боинги» что угодно могут жечь.

— Но это дело принципа, — настаивал актёр. — Ты скрыл от нас, что подверг мою собственность воздействию нечистого топлива! Партии «Бхаратья Джаната» придётся соответственно снизить цену.

Тони начинал злиться.

— Санджай, ты начинаешь заноситься! Я знаю, что ты прошел подготовку пилота, и знаю, что

в наши дни в Штатах ее трудновато добиться. Но состояние самолёта — вопрос совершенно второстепенный. Полагаю, господин Гупта и его руководство в Нью-Дели могут высказаться за себя сами.

Господин Гупта отнял огромный, как кирпич, телефон от щетинистого уха.

— О, нет-нет! — Он сочно хохотнул. — Санджай Девган не просто кинозвезда — разве вы не знали? Санджая Девгана считают звездой и у нас, в отделе исследований и анализа. Наш отважный юный коллега может рассчитывать на полную нашу поддержку!

Вмешалась миссис Дефанти.

— Джентльмены, — проговорила она с некоторым раздражением, — я знаю, что все вы страдаете от «часовой болезни», но если вы станете пререкаться, мы задержимся на всю ночь. Я желаю разрешить эту неприятную ситуацию. Здоровье моего супруга слишком хрупко для таких сложных проблем. Я желаю ликвидировать их. Лян выслушал ее речь через переводчика и ответил.

— Нас, китайцев, не интересует невнятное устройство в горной глуши. Оборудование и спецификации его нас могли бы заинтересовать. Вы

можете их нам поставить?

— Хорошо же! — Миссис Дефанти вспылила. — Я всего лишь домохозяйка. Не я виновата, что мы, китайцы, страдаем от политики «двух Китаев»! Я устала от того, что моей родне на Тайване приходится саботировать микросхемы обработки изображения только ради того, чтобы крупные наземные источники тепла в узком диапазоне частот не фиксировались спутниками-шпионами. Весьма утомительно и сложно было создать подобные микросхемы на Тайване, продать их американцам и установить на спутниках только ради того, чтобы это оружие космической войны стало невидимым. Если американская разведка воспользуется услугами других поставщиков при запуске новых сателлитов, бессмысленно будет кому бы то ни было создавать новые лазерные пушки. Ваши орудия мгновенно будут засечены американскими спутниками-шпионами и взорваны американскими крылатыми ракетами. Так что вам придется договариваться с нами сейчас и платить сейчас — или вся затея с лазерами теряет смысл!

Тони прокашлялся.

— Ну, дело обстоит именно так, как столь удачно подметила Катрина. Или соглашайтесь, или

убирайтесь. Хорошая новость заключается в том, что мы успешно победили спутник-шпион КН-тринадцать. При помощи нашего орудия мы выжгли КН-тринадцать столь удачно, что спутник считается ненадежным. Мы доказали, что в виде этого телескопа обладаем не только секретным, но и первым и единственным в мире эффективным орудием космической войны. Пустив в ход наш лазер, мы можем уничтожить любой спутник, запущенный на орбиту любой космической державой.

— Только на низких орбитах, скептически заметил господин Гупта. — Сателлитам на важной геосинхронной, кларковской орбите вы навредить не можете.

— Там всё равно ничего нет, кроме безобидных спутников связи, — ответил Тони. Часы у него на руке пискнули. — Надо заканчивать с разговорами. Пора продемонстрировать наш продукт.

Под синим зеркалом дивы пробудились к жизни электромоторы. Компьютеризованный отражатель с легким потрескиванием прогибался на одну-две длины световой волны. Цифровой телескоп гремел, как полная машинисток комната.

— Я не хотел прерывать важные переговоры, — вновь заговорил Тони, — но демонстрация

должна быть проведена в определённый момент. Мы готовы атаковать спутник системы «Иридиум», через который идут сигналы ваших телефонов, господа.

— Как ты можешь это доказать?

— Вы услышите результат атаки в реальном времени, — обещал Тони. — Как и ваши спонсоры в столицах ваших держав.

— Ты можешь и подменить несущую волну в стенах обсерватории, — вкрадчиво заметил Санджай. — Это ничего не доказывает.

— Я предвидел это возражение, — отозвался Тони. Как всем вам известно, мой близкий знакомый из Совета национальной безопасности исключительно высоко ценится в органах американской информационной безопасности. Доктору Вандевееру нетрудно будет получить отчеты о неполадках от новых владельцев «Иридиума». Я могу передать эти отчеты непосредственно вам. Это докажет противосателлитный потенциал моего орудия.

Разведчики молча прислушивались к своим телефонам.

— Спутник не уничтожен, — доложил наконец господин Гупта. — Мы слышим лишь слабый треск! Связь с Нью-Дели не прервалась ни на

секунду!

— Погода облачная, — объяснил Тони. — Ущерб невелик. Идеальные условия для работы нашего лазера — ясные ночи вслед за прохождением грозового фронта над нашей ветроэлектростанцией.

— Погода ветреная — и всё же ясная? Часто ли сочетаются эти условия?

— В здешних горах видимость отличная. В конце концов, это же телескоп.

— Значит, снег, дождь… делают вашу лазерную пушку совершенно бесполезной?

Тони побарабанил недолго по клавиатуре, потом заговорил снова.

— Конечно, требуется время, чтобы луч невидимого света разрушил металлическую обшивку. Нам не хватает мощности, чтобы уничтожить спутник мгновенно. Кроме того, это было бы очень глупо — взрывать спутники. Тогда американцы немедленно заподозрили бы истину. Подумайте лучше вот о чём: когда позволяет погода, мы можем годами незаметно разрушать спутники «Иридиума». Репутация технически ненадежной сети погубит «Иридиум» навеки. Тогда мы могли бы сбросить их акции и скупить конкурентов «Иридиума» — например, «Глобалстар». Одна только прибыль от этого предприятия

полностью окупит расходы на строительство телескопа.

— «Глобалстар» уже теряет деньги, — мрачно напомнил господин Гупта. — Если бы сателлитная связь приносила деньги, наша ИКИО[69] уже запускала бы телефонные спутники! Миллионы индийцев никогда в жизни не звонили по телефону.

— Может быть, и запускала бы, — согласился Тони. — Но скорее вы стали бы клиентами господина Ляна. Китай уже наладил финансово значимую службу коммерческих запусков.

— Почему здесь так жарко? — внезапно возмутилась актриса. — Сначала так холодно, а потом так жарко! Где мое кокосовое молоко? Ты принес только кофе?

— Когда вы начнете вашу так называемую атаку на спутник? — поинтересовался переводчик господина Ляна. — Связь с Пекином до сих пор работает превосходно.

— Мы уже атакуем спутник «Иридиума», — ответил Тони. — Прямо сейчас. Луч невидим. Процесс отличается высочайшим КПД. Адаптивный луч должен пробить атмосферу насквозь, не

---

[69] notes: 69
Индийская космическая исследовательская организация.

потеряв мощности. Мы даже лазерные импульсы не генерируем на месте. Мы их только усиливаем и сводим. Сейчас мы излучаем в небо интернет-трафик. Сигналы поступают со всей планеты.

— Разве люди не замечают, что ты отправляешь их сообщения в космос? — спросил Санджай.

— Это всё спам.

— Нет.

— Да. Я забрасываю спутник лазерным спамом.

— Нет.

— Через Скалистые горы переброшен магистральный кабель Интернета, — терпеливо объяснил Тони. — У нас есть спам-фильтры. Никто не станет спрашивать, куда девается стертый спам. Мы излучаем его в открытый космос.

— Ты злой человек, — бесхитростно проговорил Санджай. — Ты мне не нравишься. И никогда не нравился.

— Почему вы продаете это… лазерное оружие нам? — поинтересовался господин Гупта. — Почему не продадите его американцам? Это они одержимы насилием в космосе.

— Потому что Индия и Китай — две новые космические державы, — пылко ответил Тони. — Китай вот-вот запустит на орбиту своих первых

космонавтов. Китай — всего лишь третья страна в мире, способная отправить человека в космос. Индия планирует запустить автоматическую станцию на Луну в две тысячи восьмом. Вы, индийцы и китайцы, нуждаетесь в возможности уменьшить сокрушительное космическое превосходство США. Американцам лазерное оружие не нужно. Вовсе не нужно! Если американцы захотят вывести из строя ваши спутники, они запустят на орбиту шаттл и привезут спутник на Землю целиком!

Последовала долгая пауза. Разведчики прислушивались к своим телефонам.

— Нам нет смысла покупать американское орудие на американской земле для использования против американских спутников, настаивал китаец-переводчик. — Ваше предложение нелепо. Мы в некоторой мере заинтересованы в оборудовании и технической информации. В очень небольшой мере.

– У вас нет выбора! — заорал Тони. Он попытался взять себя в руки. — Посмотрите на геополитическую ситуацию. Ваши цивилизации — древнейшие в мире. Каждая из ваших стран насчитывает миллиард жителей. Но воздушное пространство их безоговорочно принадлежит

американцам. У Америки больше современных истребителей и бомбардировщиков, чем у всех прочих стран, вместе взятых. Американцы безоговорочно правят вашими морями. Америке принадлежат девять боевых групп суперавианосцев и целые армады ядерных подводных лодок. На суше Америка может выставить девять тысяч танков «Абраме», оснащенных самыми точными в мире системами управления огнем. С опытом американской армии никто не может сравниться — с восемьдесят пятого года американская армия была единственной, кто вел настоящие войны. Американцы захватывают вашу планету силой оружия. А теперь, после единственного теракта, совершенного кучкой фанатиков, американцы чувствуют себя вправе раздавить кого угодно, где угодно, когда угодно! И, когда их военные силы подкреплены господством в космосе, американцам это под силу. Американцы могут поразить с абсолютной точностью и силой любой квадратный метр на земном шаре! И если вы не перейдете к космической войне, ваши армии окажутся попросту излишни.

— Никакое орбитальное вооружение не в силах причинить вред американским подводным лодкам, — разумно заметил господин Гупта. — Как

и это жалкое орудие не будет слишком полезно против армады американских спутников. Однако я готов согласиться, что это орудие имеет одно важное применение. Оно может быть очень полезно для противодействия китайской космической программе. Мы, индийцы, могли бы арендовать лазер для атаки на китайские спутники орбитальной фотосъемки. Например, сжечь сателлитную систему наблюдения «Цзинхуа», которая является существенной помехой в развитии нашей, индийской ядерной программы. Могу я поинтересоваться у своего почтенного коллеги, доктора Ляна, что он думает о подобной перспективе?

Лян посоветовался с телефоном и переводчиком.

— Мы, китайский народ, сочтем это крайне враждебным и провокационным действием со стороны индийского государства, способным вызвать ядерный кризис между нашими великими державами.

— Вполне согласен с доктором Ляном. Могу я также поинтересоваться, считает ли доктор Лян необходимым клянчить помощь у иностранцев, чтобы саботировать мирную космическую программу индийского государства?

Снова консультации.

— Мы, китайцы, вполне осведомлены о космических амбициях Индии. Мы, китайцы, абсолютно уверены, что национальные космические технологии нашей страны убедительно докажут превосходство Китая над нерешительными потугами Индии в этом отношении. Нам нет необходимости «клянчить». «Клянчить» — это скорее индийское ремесло.

— Могу я для протокола напомнить уважаемому китайскому коллеге, что Индия обладает англоговорящим населением, деятельными демократическими институтами, рыночной экономикой и быстро становится мировым центром производства программного обеспечения? Могу я также напомнить, что в Соединенных Штатах трудится такое множество индийских инженеров, что само это орудие космической войны обслуживается ими? Мы уважаем производственную мощь Китая — но в двадцать первый век Южную Азию приведет только индийский гений!

— Мы вполне осведомлены и о воинственных хиндутвинских склонностях доктора Гупты! Мы рады были бы считать внеземное пространство областью мирного соперничества, в которой

индийское правительство не считало бы необходимым повторять зверские бесчинства Кашмира и Гуджарата.

— Моему уважаемому коллеге из Китая не следовало бы полагать, что страдания подвергаемого геноциду тибетского народа ускользнули от нашего внимания…

— Семьсот пятьдесят миллионов долларов! — заорал Тони.

Спорщики умолкли.

— И всё! Хватило семисот пятидесяти миллионов, чтобы изувечить американский спутник, который обошелся в тринадцать миллиардов, — проговорил Тони. — Вы что, не видите, какой финансовый рычаг это дает? Я даже не прошу выплатить мне сумму единовременно!

— За семьсот пятьдесят миллионов долларов ИКИО может отправить космический корабль на Луну, — возмущенно ответил Гупта. — Эта сумма просто нелепа.

— Поступления китайских денег вам не будет, — веско заявил переводчик Ляна.

— Мы, индийцы, способны построить подобную адскую машину собственными сильными и умелыми руками, — провозгласил Гупта. — Мы построили атомную бомбу и успешно испытали

ее наперекор всему миру! Пусть никто не подумает, что нам, индийцам, недостает упорства и таланта построить космическое оружие. Но эта мысль нам презренна. Вот истина: мы отвергаем саму эту гнусную идею. — Он поднялся на ноги. — Переговоры окончены.

Ван выглянул из-за стола. Это была правда. Гости разошлись. Попросту открыли дверь и вышли один за другим.

Тони остался в обществе двух женщин: миссис Дефанти и своей актрисочки.

— Не грусти так, Тони, — проговорила госпожа Дефанти. — Это всё торгашеские уловки. Ты инженерный гений, ты совершенно их покорил. Эти люди — всего лишь шпионы, не предприниматели, как вы с Томом. Что они умеют, кроме как играть в психологические игры? Индусы и китайцы никогда не смогут мыслить по-американски. Им не под силу отнестись к миллиарду долларов точно к мелочи на расходы. Ты потряс их, Тони. Ты поразил их и произвел огромное впечатление. Они проконсультируются с руководством, переговорят со старшими по званию. Потом вернутся к тебе.

— Но я не могу ждать, покуда они тянут время, — замогильно прошептал Тони. — Время уже

ушло. Я должен продать им лазер. Больше у меня ничего не осталось, Катрина.

— Лимузин отвезет меня домой, — отозвалась она. — Не надо мучить себя, дорогой. Тебе всегда найдется место рядом с Томом.

Она чмокнула его в щеку.

Миссис Дефанти вышла. Тони с надеждой глянул на свою возлюбленную.

— Ну, милая, эти олухи пропустили самое интересное, когда устроили тут убогую истерику! Пожалуй, ситуация и впрямь сложилась не очень удачно, но, знаешь, я не удивлен их реакцией. Нет, не удивлен. Они меня не ценят, вот и всё. Они не в силах охватить взглядом масштабы моих достижений. Но знаешь, что я сделаю теперь? Самое удивительное, что делал когда-либо мужчина ради любимой женщины! Я напишу твое имя на Луне.

Анджали Девган это не слишком впечатлило.

— И что это значит?

— Ты увидишь это своими глазами, прямо через этот замечательный японский телескоп. Он когда-то принадлежал Тому Дефанти, а я его привез сюда специально для тебя. Я в буквальном смысле напишу твое восхитительное имя лазером на поверхности нашего естественного спутника.

А-Н-Д-Ж-А-Л-И. Процесс займет около получаса. Если облачность сгустится, несколько пикселей могут выпасть. Но, милая, это же Луна!

— Ты напишешь мое имя на Луне по-английски?

— Почему нет? — Тони примолк. — Милая, не надо так со мной. У меня нет подходящего фонта для деванагари.

— Я знала, что эта китаянка — твоя любовница. Она при мне поцеловала тебя в лицо! Она назвала тебя «дорогой»!

— Но у меня нет фонтов для деванагари! Я просто не успею их достать.

— У тебя нет души, Энтони Кэрью. Ты развращенный западный интеллектуал. Ты не думаешь ни о чём, кроме собственной власти и своих денег. Я устала быть твоей наложницей, Тони Кэрью. Мне всё равно, сколько ещё игрушек ты мне подаришь. Ты не достоин моей любви. У тебя нет дома. Нет старшей родни, чтобы согреть его. Ты не можешь взять меня в жены, как подобает мужчине брать женщину. У тебя нет матери, чтобы внести за меня положенный выкуп. Ты хочешь только любви без обязательств и секса без детей. У тебя нет будущего!

— Милая, в современном мире подобные

незначительные проблемы можно разрешить полюбовно.

— Я возвращаюсь домой, чтобы выйти замуж за Амитабха. Этого от меня хочет Бапуджи.

— Анджали, ты не можешь за него выйти замуж. За Амитабха? Даже для болливудского вундеркинда Амитабх туп, как скаковая лошадь. — Тони отшатнулся, обожженный ее взглядом. — Хорошо же! Иди к своему Амитабху, рожай ему детей! Я готов простить тебе и это!

— Я тебя ненавижу, Тони Кэрью. Ты злой человек. Мне не следовало грешить с тобой. Мои зрители простят мне распутные роли, когда я подарю им детей. — Анджали глянула на усыпанные драгоценными камнями часики. — И я не собираюсь возвращаться на дурацкое ранчо к этой ужасной китаянке! Никогда! Я улетаю на самолёте Санджая. В Лондоне у меня ангажемент на три танцевальных вечера. Там будут и Бипаша, и Карина. Я желаю общаться с сёстрами-актрисами! Они понимают, как тяжела наша жизнь!

— Ну, *sajaana,* не надо…

— Наш роман окончен, Тони. Я тебя не люблю и не хочу больше тебя видеть.

Она вышла.

Тони застыл. Потом, развернувшись, ринулся к

столу. Схватив черный футляр, он расстегнул его, поставил винтовку деревянным прикладом на пол и, содрогаясь всем телом, прижал подбородок к торчащему вверх дулу.

Ван вышел на свет.

— Я разрядил твою винтовку, Тони. Заряд — ноль. Тони уставился на него покрасневшими глазами.

— О господи. Ты? И на кой ты мне теперь сдался?

— Это не я тебе сдался. Это ты сдавайся. — Ван наставил на него бластер.

— И к чему эта титановая игрушка? Я что, арестован?

— Нет, Тони. Ты не арестован. Я тебя взломал и сломал. Ты нелегальный комбатант. Тебя ждет карцер на Кубе, сукин ты сын.

Тони рванулся к выходу. Ван преградил ему дорогу, поймал за рукав и дважды ударил его в лицо. Потом протащил через всю обсерваторию и швырнул головой вперед в рыхлую груду стальных кресел. Одно кресло он поставил. Затем поднял Тони и усадил.

— И что теперь? — спросил тот, утирая разбитую губу. — Избить меня ты можешь. Что это доказывает?

— Я тебя не избиваю, Тони. Я тебя допрашиваю. Другие есть?

— Чего? — ошеломленно спросил Тони.

— Существуют другие лазерные пушки вроде этого телескопа? Где-нибудь на Земле.

— Да зачем мне ещё одна?! — спросил Тони, размахивая руками. — Ты посмотри на неё! Это самое замечательное оружие в мире! Я создал луч смерти, приятель! Я построил настоящий, действующий луч смерти в мире, где существует жевательная резинка, телешоу и кукурузные хлопья! Я могу сбивать спутники!

Он сдавленно всхлипнул.

— Ну хорошо, они не сразу взрываются! Пускай у меня уходит несколько месяцев на то, чтобы уничтожить один! То орбита не позволяет, то погода портится. Но я круче НАСА, приятель! Я могу шаттл сбить!

— Ты предатель, Тони. Ради денег ты уничтожил спутник-шпион. Ты только что выставил меня как участника своего поганого заговора перед китайскими и индийскими разведчиками.

Тони поднял на него усталый взгляд.

— Ван, кончай тыкать в меня своим бластером, а? Это уже глупо выглядит. Эта штука плавит клей, не забыл? Ты ее даже не включил.

Ван протянул руку, подключил клеевой пистолет к удлинителю и, вовремя обернувшись, заметил, что Тони изготовился к прыжку.

— Даже не думай о том, чтобы меня убить, — предупредил Ван. — Я привел с собой группу спецназа. Мы всё осмотрели и всё записали. Тебе конец, Тони.

Тони глухо хохотнул.

— Красиво получилось. Ты всего лишь программист-консультант с манией величия. Настоящие военные шага не сделают без допуска из ОКС[70] и ОКНШ. К тому времени, когда эти дебилы кончат заполнять бумаги, я уже буду на Таити.

Ван изумленно уставился на него.

— Тони, ты продался.

— Ну и чему ты удивляешься? — неистово взвыл Тони. — Какой иначе был смысл жить в девяностые? Я хотя бы напрашивался родиться под звездно-полосатым флагом? Я мог бы жить в Бомбее. Я хотел жить в Бомбее, этот город бурлит. Я мог бы жить в Шанхае! В Шанхае такие небоскрёбы, что рядом с ними Нью-Йорк покажется трущобами после бомбежки! Что с того, что я продал США, — как насчет того, что США продали

---

[70] notes: 70
Объединенное командование спецназа США.

меня? После одиннадцатого сентября я не узнаю этой страны. Злобная! Мстительная! Агрессивная! И хуже всего — разорённая. Она начинает войны! Твоя страна превратилась в огромную Сербию. Ею правят умственно отсталые нефтяники. А я — дот-комик. Мне тридцать два года. Я поднялся на вершину мира. А потом за полтора года из гения превратился в банкрота и паразита! Я шел в первых рядах самой великой, самой быстрой, самой прекрасной технической революции в истории человечества. Я участвовал в ней, я был настоящим революционером! И в мгновение ока, Ван, я отошел в прошлое. Я устарел. Я никому не нужен. Эти сукины дети меня *исчезнули.* Словно и не было меня никогда.

— Тони, ты вовлек меня в свое предательство. Я давал присягу. Я правительственный чиновник.

— Что, решил заслониться флагом? Мы в Голливуде? Сейчас вступит оркестр? То, что я упомянул о тебе индусам, всего лишь торгашеская уловка. Китайцы ничего не подписывали. Это был просто рекламный трюк. — Тони пристально вглядывался в лицо старого знакомого. Кончай, приятель. Топовым венчурным игроком ты не был никогда, но ты определенно из наших кругов. Или ты не понял ещё, как много потерял? Что

осталось у тебя в жизни? — Тони вытер кровь с подбородка. — Ты знаешь хотя бы, зачем я таскал твой дурацкий бластер в сраном рюкзаке? Хотел послать его тебе почтой. Откуда-нибудь. В Америку нынешней жуткой урезанной версии я не вернусь никогда. Не имею ни причин, ни желания. У меня будет другая жизнь, в лучших краях. Отпусти меня, Ван.

— Никуда ты не пойдешь.

— Отпусти куда угодно. Я парень изобретательный, фантазия у меня богатая. Я просто придумаю себя заново, в одну ночь, ладно? Мне всё равно, куда ты меня отправишь, потому что мой дом — весь свет. Если захочешь, я хоть в таиландском лепрозории поселиться могу. Принесу неграмотным массам радости широкополосного доступа. Это тебя устроит?

— Как, Тони? Ты покаешься, а потом — что я сделаю взамен? Что тебе потом от меня понадобится?

— Ничего! Правда, ничего! Только отпусти меня.

Ван согласно кивнул.

— Видишь — вон там, в дверях, стоит чёрный великан? Загораживает единственный выход. Стоит между тобой и свободой.

Тони бросил взгляд через плечо и взвизгнул.

— Это мой кибервоин, Тони. Я привел их сюда, чтобы тебя уничтожить.

Тони изумленно уставился на старого приятеля:

— Чёрт, о чём ты толкуешь?

— Аль-Каеде всего пятнадцать лет, Тони. Коммандос из американского спецназа умирали в тайных войнах с тех пор, как Джон Кеннеди в шестьдесят третьем спустил их с поводка. Вот мои партизаны. Вместе мы только что победили тебя и твой заговор. Я хочу кое-что знать, мистер так называемый космический вояка. Твой единственный путь из башни лежит мимо моего солдата. Убьёшь ты его?

— Вопрос с подвохом?

— Да.

— Убью его, извини, чем? Винтовку ты у меня отобрал.

— Можешь воспользоваться бластером, которым я в тебя целюсь, Тони. Потому что я засунул в него патрон от твоей винтовки. А потом включил в сеть.

Тони скептически глянул на бластер.

— Шутишь? Что это за оружие такое? Включил, прибавил жару, рано или поздно капсюль сдето-

нирует и кто-нибудь убьётся? Идея в этом?

— Такова кибервойна, Тони.

— Слушай, Ван, я не хочу играть в твои дурацкие игры.

– *Теперь* не хочешь, Тони. Потому что в эту игру я играю лучше тебя.

Тони нагнулся, чтобы заглянуть в ствол бластера.

— Ты правда запихал настоящий патрон в эту игрушку?

— Кибервойна тоже настоящая.

Бластер взорвался. Кэрью вышвырнуло из кресла. Охотничий патрон на 250 гран пороха был рассчитан на то, чтобы уложить матерого лося с четырехсот ярдов. В теле Кэрью зияла дыра.

Руку обожгло болью. Ван опустил глаза. В плече его застрял почерневший осколок металла. Черную рубашку усеяли мелкие дырочки. Следы мельчайшей титановой шрапнели. Из самых глубоких ранок начинала сочиться кровь.

Из чернеющего проема выступил Хикок. Он подошел к Вану и, не говоря ни слова, выдернул из его плеча титановый осколок. Ван скрипнул вставными зубами и промолчал.

— Я наложу бинт, — заметил Хикок, открывая рюкзак. — Просто не верится, что ты пристрелил

ублюдка. Эти кибервояки внизу ведут себя как паиньки. Даже мухи не обидели.

— Майк, послушай меня. В информационной войне пальба ничего не решает. Главное — это пиар. Мы *исчезнем* этого парня и все его следы. Сломаем его пушку. Всё, что здесь случилось, на самом деле никогда не случалось. Публика ничего не узнает.

— Понял, сэр, — отозвался Хикок.

— Инженеры-иностранцы в серверной? Пять минут назад это были специалисты на рабочих визах. Отныне это подпольная ячейка кибертеррористов. Если придется их пристрелить — хорошо. Если разбегутся и попрячутся — скатертью дорога. Если попадутся Эшкрофту — помоги им боже! Пора вызывать подмогу.

— Ур-ра, сэр. — Хикок с товарищеской чуткостью бинтовал кровоточащую рану на плече программиста. — А кому именно полагается звонить в подобных ситуациях?

— Должно быть, группе быстрого реагирования министерства внутренней безопасности. О, погоди, она ещё не создана. Тогда кто у нас поближе? База ВВС в Колорадо-Спрингс? Звони чёртовым летчикам, Майк. Гони сюда «чёрные вертолеты».

Ван поморщился, когда Хикок затянул бинт.

— Демерол? — со знанием дела предложил спецназовец.

— Ага, — просипел Ван. — Демерол. Отличная штука.

Хикок глянул на расплывающуюся под трупом Тони Кэрью лужу крови.

— Босс, у нас тут на руках очень дохлый миллионер.

— Я об этом уже подумал. Надо уничтожить все следы случившегося. У меня есть план.

— Я знал, что у вас найдется план, доктор Вандевеер. Ничего, если я кое в чём признаюсь? Я много раз видел, как гибнут люди. Очень много. Ещё в девяносто восьмом бросил считать. «Телевизионная война» — да, бомбардировки — да, попутные жертвы — да. Но за всё это время я никогда не убивал человека собственными руками. Ни единожды. — Хикок глянул Вану в глаза. — Вы жесткий сукин сын, босс. Настоящий профи.

— Злодея отправляем в орудие массового уничтожения, — скомандовал Ван.

— О нет, Ван. Господи!

— Да. Тело сбросим в телескоп. Взламываем операционную систему. Ставим мощность лазеров на сто десять процентов. Ворота в небо закрываем. Дверь запираем снаружи. Террорист

исчезает. Напрочь. От него не останется ни слуха, ни пепла. Он испарится. Это герметичная башня из горючей соломы. Когда подскочат давление и температура, эта штуковина разлетится на мелкие кусочки.

Хикок почесал голову под каской.

— Как, говоришь, нам надо это сделать?

— Не нам, Майк. Мне. Ты держись поблизости и записывай всё на видео.

Ван гнал электрокар одной рукой, в темноте, вниз по горному склону. На шее у него висели заряженное на лося охотничье ружье, повязка для раненой руки и открытый лэптоп. Хикок помог ему наценить кислородную маску и смастерил импровизированную сбрую для газового баллона.

От нескольких глотков чистого кислорода у Вана в прямом смысле открылось второе дыхание. Через страх, омерзение, бешенство и усталость он пришел к состоянию триумфального блаженства. Было два часа ночи. Он убил человека. Он был ранен в бою. Он не испытывал ни на гран сомнения или раскаяния. Никогда прежде он не мыслил так ясно.

Он был в восторге.

Истина заключалась в том, что он любил войну.

Никогда прежде он не был в бою, но теперь осознал, что поле боя — его дом. Он любил сражение больше, чем женщин, еду или сон. Если кибервойна окажется для него запретна, ему останется только скрипеть зубами. В часы мира он будет тосковать по любимой своей, прошедшей войне. Будет тосковать.

В оперативном центре его ждал Уимберли. Он стоял над потерявшим сознание сисадмином и щелкал мышкой.

Ван отложил винтовку.

— А что случилось с наводчиком лазерной пушки?

— Я ему обрызгал клавиатуру паралитиком. Вес пальцы залил. Доктор Вандевеер, эти баллончики просто волшебные!

— Жаль. Я его допросить собирался.

— Нет необходимости, сэр, — отчитался Уимберли. — Я подсадил ему «Темпесты». Мы записали каждое нажатие клавиши. Все скриншоты. Я как раз копался в системных настройках, чтобы увеличить мощность лазера сверх проектной.

— Мощности генераторов хватит, чтобы перевалить за красную черту?

— Думаю, да, сэр, — ответил Уимберли. Парень за распределительным щитом очень удивился,

когда я ворвался туда и его оглушил.

— А каким способом? — поинтересовался Ван.

— Ножкой от стула, сэр, — признался Уимберли. Он опустил взгляд на перебинтованную руку командира и тактично промолчал.

Из-за шеренги высоких голубых шкафов показался ещё один сисадмин. В руках он сжимал охотничье ружьё.

Ван сделал было движение свободной рукой к винтовке, но Уимберли только повернул к вошедшему голову в черной каске.

— Спецназ киберпространства! — гаркнул он, не отрываясь от клавиатуры. — Стоять!

Инженер с грохотом уронил ружьё. До Вана донесся стук распахнутой двери и панический топот башмаков по ступеням.

Уимберли принес Вану брошенную винтовку.

— Патрон не дослан. — Он уверенно осмотрел оружие. — С предохранителя не снято. И прицел сбит, когда этот олух ее уронил. — Он вернулся к монитору. — Насчет стволов не брать — это вы верно придумали, сэр. Оружие — это не наш метод.

— И под какой системой работает ужасный луч смерти? — поинтересовался Ван.

— OpenBSD. И X-Windows.

– Обалдеть. — Ван глотнул ещё кислороду.

— С пультом я справлюсь. Я взял под контроль все вражеские программы. И знаете что, сэр? Я готов взорвать лазерную пушку. Я собираюсь спасти американский спутник. Я. Уильям С. Уимберли. Мне всего двадцать один год, и это самое важное, что я сделаю в своей жизни! — Уимберли глянул на Вана, прищурившись. — Вы не обязаны были давать мне второй шанс, сэр. Я вам лицо разбил.

Ван пожал плечами.

— Я полный неудачник. Всегда был лузером. Когда вы позвонили, чтобы пригласить меня в команду, я пьяными слезами разбавлял пиво. Я тогда подумал просто: может, хоть денег заработаю. Я не дурак, доктор Вандевеер, но я никогда не понимал, кто я такой и какого чёрта творю. А сейчас я наконец делаю что-то очень-очень важное.

Ван кивнул. Раньше ему доводилось слышать о подобных случаях, но видеть — никогда. Он наблюдал, как военная служба исправляет трудного подростка.

— Прошлое ушло и сейчас сгорит, — ответил Ван, махнув Уимберли здоровой рукой. — Ты продолжай.

На экран своего лэптопа Ван вывел сигнал с

видеокамеры Хикока.

Стены обсерватории распирало изнутри, корежило, от них тянулся дымок. Странно, подумал Ван, было видеть на экране, как проходит уничтожение оружия. Он только что физически находился в этой башне. Он приказал нажать на все кнопки, чтобы снести её, но результат мог проявиться в любой точке планеты: в Северной Корее, в Иране, в Ираке.

Столбы алого света. Сквозь погнувшиеся двери в небо били струи раскаленного газа и, соприкасаясь с воздухом, вспыхивали блеклым мертвенным пламенем.

Сверкнула ослепительная вспышка, когда разогретые лазерами испарения в башне вспыхнули разом. Взрыв был изящен и неожидан. Брикеты прессованной соломы разлетелись в стороны, точно юный великан дохнул на одуванчик. Крышу обсерватории снесло. Полусферу купола швырнуло на склон, точно брошенную монетку, и она кувырком полетела вниз.

Над почерневшими развалинами кружились клочья горящей соломы. Языки пламени липли к оплавленным пультам. Дива агонизировала — обгоревшая, почернелая, павшая на колени. Кости её плавились. Зеркало Венеры растоптал

сапог Марса.

Когда пришел рассвет, чёрные вертолеты уже сделали свое дело. Туземное население столпилось вокруг развалин телескопа. Их сокровище было погублено, работа — потеряна. Некоторые поливали ошметки горящей соломы из огнетушителей, но большинство просто толпились кучками и заламывали руки. Потерять инструмент такого класса было ужасно. Это была культурная катастрофа. Гонсалес предложил Вану бинокль. Тот отказался. Ему не хотелось глядеть на людей, чьи мечты и надежды на глазах становились дымом. Среди них почти непременно оказалась бы Дотти.

— Держи паек, Ван, — предложил Хикок. — Если потерял много крови, обязательно надо поесть. В бою об этом первым делом узнаешь.

— Армейская жвачка? — Уимберли подозрительно принюхался.

— Нет, приятель. Это последняя новинка. Гражданский паек быстрого приготовления. Сделано в Бразилии! Такая штука из свинины с ананасами и чёрные бобы, острые, как чёрт… и они сами разогреваются.

Ван пристроил пакет на коленях. Вилку он держал левой рукой. Оказалось очень вкусно.

Умеют же в Бразилии готовить. Почему Бразилия никогда ни с кем не воюет? удивился он про себя. Огромная страна посреди огромной Южной Америки. Как так выходит, что у Бразилии нет врагов? Нелепость.

Бразильцы почти ничего не изобрели. Это всё объясняет.

Ван вдохнул ещё кислороду. Баллон почти опустел.

— А вот и вражеский самолёт, — заметил Гонсалес.

— Ладно же, — промолвил Хикок, поднимаясь на ноги. — А вот теперь будет самое интересное.

За штурвалом свежекупленного самолёта сидел индийский киноактер. Он только что оторвался от взлетной полосы частного аэродрома Дефанти. Вану казалось странноватым, что индийские и китайские шпионы полетят через Тихий океан вместе, одним рейсом, все из себя профессионально вежливые. Но и те и другие принадлежали к практичным народам, подумал про себя программист, да и вообще это была не их затея.

На миг Вану показалось, что «боинг» находится вне досягаемости управляющего сигнала. Но когда дело доходило до дистанционного управления воздушными целями в горной местности,

Майкл Хикок знал свое дело.

Самолёт завалился на левое крыло и промчался над киберспецназовцами так низко, что вздрогнула гора. Птицы с шумом сорвались с ветвей.

Уимберли, чтобы поесть, снял каску. Теперь ему пришлось заткнуть уши.

Хикок приласкал джойстик. Пленный самолёт чихнул черным дымом и круто набрал высоту.

— Вы только гляньте! — ликовал спецназовец. — Она наша! Ребята, это здорово!

— Да уж, — отозвался Уимберли тихо и пришибленно. — Вы только включили эту коробочку и поймали самолёт на лету.

Ван с Хикоком опасливо переглянулись. Ни Уимберли, ни Гонсалес не попали на саммит в Виргинии. А общественности никто не сообщал о проекте кибервояк перехватывать управление гражданскими самолётами.

— Именно так, — с ухмылкой согласился Хикок. — А теперь смотри она у меня закладывает пологий вираж над эпицентром взрыва. Салон набит индийскими и китайскими шпионами. Можешь себе представить наглость этих комиков? Им же полагается друг друга ненавидеть! Все знают, что они друг друга ненавидят! А они проникли в нашу же страну и заклевали мой

любимый спутник! Ну, я их сейчас за глотку возьму!

Уимберли уставился на Вана:

— Вы правда можете перехватывать управление самолётами в воздухе?

Ван кивнул.

— Да кто вы такой, чёрт? — взмолился Уимберли. Его трясло. — Откуда вы взялись? На каком я свете?

— Покуда он на нашей стороне какая тебе разница? — заметил Хикок. Пришла пора навести порядок с нашими зелеными человечками. Эй, Фред? Ты видел этого парня из индийского спецназа — ну, того качка-актера?

— Видел, — проворчал Гонсалес. — Вот же любят индусы красавчиков. Ненавижу смазливых шпионов.

— Вот этот актер у них пилотом. Вот, смотри. — Хикок шлепнул по джойстику. Самолёт опасно накренился. — Настоящий лихач, а? Любит но краю ходить!

— Нечего миндальничать, — ответил Гонсалес. — Спецназ — это невидимые профи. Загнать на самую середину Тихого океана. Кончится топливо, и они отправятся прямиком на дно. Быстро и тихо.

— До середины Тихого океана радиосигнал не достанет, — возразил Хикок. — И это слишком долго. Я планировал крутое пике прямо на вершину во-он той горы.

— Мы их отпустим, — проговорил Ван.

— Что? — возмутился Хикок. — Тогда зачем мы их только что ловили?

— Мы их отпустим, потому что только аль-каедовские лузеры-дикари пускают самолёты на таран. Поймали мы их для того, чтобы показать — нам это под силу. Мы уничтожили лазерную пушку. Они это видят. Они у нас в кармане. Они это знают. Они понятия не имеют, кто мы такие. Знают только, что мы американцы и что они у нас в кармане. Если мы сейчас их убьём, это будет сигналом. И сигнал этот будет означать, что их сопротивление опасно, поэтому мы хотим их уничтожить. Если мы отправим их отчитываться начальству, они сами станут нашим сигналом.

— Что это за сигнал такой, к чертям? — поинтересовался Хикок. — А поубивать их всех мы не можем? Было бы неплохо.

— Сигнал вот какой: наше технологическое превосходство не допускает традиционного военного противостояния. Международное соперничество в обычных вооружениях устарело.

Мы действуем на новой геополитической арене. Пришло время и борьбу нашу вести новыми, лучшими способами.

— Что это за вздорная доктрина? — поинтересовался Хикок.

— Это кибервойна! — заявил Уимберли.

— Информационная война, — поправил Гонсалес. — Типа политтехнологий или что-то вроде того. Я прав?

— По другую сторону фронта тоже люди живут, — сказал Ван. — Мы должны убедить их в самом главном. Они должны поверить, что сейчас доступно только два сорта войн: или кибервойна, или кровавый террор самоубийц. Сейчас мы объясняем им разницу. Пусть улетают домой, Майк.

— Ладно, — сдался Хикок. — Я верю, что ты это знаешь. Но я хочу знать — *откуда* ты это всё знаешь?

— А я летал однажды на этом самолёте, — ответил Ван. — Вот оттуда.

Пентагон-сити, сентябрь 2002 года

Ван проснулся. Это был его день рождения. Он уставился в потемневший от сигаретного дыма потолок. Похоже было, что ему предстоит худший в жизни день рождения.

Правительство наконец возместило ему деньги, потраченные на строительство «Гренделя». На них они с Дотти и жили в последнее время. За это маленькое чудо Ван был благодарен судьбе, потому что БКПКИ больше не существовало. Выполнив свою работу быстро, тихо и в срок, бюро выпало даже из памяти чиновников. Очередной авторитетный орган, вооруживший власти своей мудростью. Труды Вана словно пропали втуне.

Ван не ожидал от столичного истеблишмента столь странной реакции. Он провел незаконную спецоперацию, застрелил человека, взорвал научный прибор стоимостью в сотни миллионов долларов, захватил в плен высокопоставленных агентов вражеских разведок и отпустил их. Ван воображал, что его или арестуют и отдадут под суд, или тишком вручат ему медаль. Ему в голову не могло прийти, что он до такой степени ошеломит вашингтонских чиновников, что те вообще никак не отреагируют.

Разрушенная обсерватория пострадала, по официальной версии, от случайного пожара. Тони Кэрью считался пропавшим без вести. Лучше того — пропавшим без вести в Индии. Новостями об этом переполнены были болливудские журналы. Если верить жёлтой прессе, Тони исчез во

время охоты в Гималаях. Судьба разорившегося во времена «пузыря» предпринимателя никого не интересовала. Он был игрушкой звезды, и когда та его бросила, не осталось ничего, кроме космической пустоты.

Дерек Вандевеер тоже остался неличностью. Джебу предложили новую работу — руководителя службы безопасности eBay. Фанни получила неплохое место в федеральной администрации. Майкл Хикок принципиально ни перед кем в своих делах не отчитывался.

Ван остался один. Телефон его не разрывался от звонков работодателей. По электронной почте не приходило ни просьб, ни льстивых приглашений. Ван, собственно, и не искал работы в области информационной безопасности. Он вообще ничего конкретного не искал. Он вел изыскания.

Он завел маленький блог. Никто ещё не понимал толком, что такое блоги. А Ван уже себе завел такой. Незаметный, постоянно пополняющийся блог. С его помощью Ван впитывал и распространял идеи. Он писал о настоящих проблемах. А настоящие проблемы это те, для которых политикам недостает шаблонных решений. Блоги Вана очень заинтересовали. Денег этот сервис покуда не приносил, а политтехнологи только начи-

нали интересоваться им. Блоги конкурировали за внимание читателей. Это в них было самое интересное. Битва за интерес. Война идей.

В своей внутренней ссылке Ван много читал. Областью изучения его было военное дело. Он читал Клаузевица. Клаузевиц был болван. Он читал Лиддел-Гарта. Лиддел-Гарт был слишком занят своей особой. Он читал Миямото Мусаси. Мусаси оказался дзенским мистиком на манер нью-эйджевских. Он читал Сунь-Цзы. Вот у Сунь-Цзы можно было много интересного найти.

Официальный Вашингтон Вана избегал. Это Ван мог понять. В бюрократических кругах ему рады будут не больше, чем взломщикам «Уотергейта» и заговорщикам в деле «Иран-контрас». Пока шум не стих, вашингтонцы таких людей сторонились. Потом колесо проворачивалось дальше. Злоумышленники становились героями ток-шоу.

На карманные расходы Ван зарабатывал, обкатывая базовую версию «Линукс-Бастилия». И начал попивать. Трудно солдату сохранять трезвость, когда его держат в тылу. Ван открыл в себе пристрастие к светлому «Фостерсу» в больших банках. Когда-то он был блистателен, остроумен, находчив. Теперь стал мрачен, озлоблен, изоб-

ретателен.

С разрушением телескопа карьера Дотти резко застопорилась. Она покинула Колорадо и вместе с Тедом вернулась к Вану. С деньгами у обоих было плохо. Пришлось снимать половину крошечного домика без мебели в Пентагон-сити. У обоих не было постоянной работы, не было никаких перспектив, зато имелись огромные долги и масса унизительных проблем личного плана. Кабинетов у них тоже не было — работать приходилось друг у друга под ногами, в мрачном закутке, именовавшемся гостиной. Там же стоял и манежик Теда.

Если в программировании наступили тяжелые времена, то в астрономии — кошмарные. Сотрудникам Дотти урезали бюджеты с мясом и кровью. В запятнанном её резюме значилась работа в отделе по связям с общественностью в обсерватории, ухитрившейся спалить собственный телескоп. Не но своей вине и против своей воли доктор Дотти Вандевеер оказалась на пути скорбей.

В последние недели она выглядела особенно бледной и усталой. На лице прорезались морщинки, в русых локонах путались седые волоски.

Ван поднялся с постели. Принял душ, стараясь

не замечать отпотевшей штукатурки. Натянул футболку и трусы, забрёл в темную от сажи кухню.

Четыре новых стула в кухне были перевязаны красными ленточками.

— С днем рождения, милый! — сказала Дотти.

— Вау! — выпалил Ван. — Магниевые кресла!

— Тебе нравится?

— Они же самые лучшие!

— Я купила для тебя подержанные! — похвасталась Дотти. — Но едва-едва! И так дешево вышло!

Ван опустился в кресло. Сиденье обожгло холодным металлом через трусы, но магниевые кресла всегда были намного удобнее, чем казалось на вид.

— Целых четыре штуки, ого! — проговорил он вслух и отхлебнул растворимого кофе. — Здорово! Ты у меня такая славная!

Он захрустел подгорелым тостом. Дотти пристроилась на соседнем кресле.

— Дерек… — смущенно пробормотала она.

Ван поглядел на жену и мгновенно, нутряным чутьем, осознал, что Дотти вот-вот скажет ему что-то ужасное. Таким же нежнейшим, самым ласковым тоном она всегда активно подталки-

вала мужа к чему-нибудь ощерённому ржавыми клыками, точно медвежий капкан. Лицо у нее было зеленовато-измученное: она совсем перестала завтракать, разве что выпьет глоток кофе и втиснет в себя кусочек волглого пончика.

Он брал в жены гордую, застенчивую, одинокую, уязвимую, необычайно одарённую девушку. А теперь на его попечении и по его вине она превратилась в… в кого? В жену солдата, подумал Ван. В женщину, которая обходится «без». Он был одним солдатом невидимого фронта. Одним из суровых, твердых, измученных парней с горькими морщинами вокруг губ. Что ещё посулит им будущее?

— Дерек, случилось кое-что очень важное… Ван повис на краю сиденья.

— Что?

— Я теперь всё время буду рядом с тобой. Тебе постоянно придется меня рядом видеть. — Дотти потерла лоб. — Это мой подарок ко дню рождения, но тебе правда придется терпеть меня постоянно…

О чём, во имя всего святого, она бормочет? Почему не перейдет к делу?

— Дерек, я беременна.

Ван переваривал ее слова. Первым, что пришло

ему в голову, было: «А где Тед?» Теду надо было узнать об этом. Для малыша это будет чудовищно важно.

— Я знаю, сейчас не время заводить ребенка… Но, знаешь, единственное место, где мне предложили работу, — Дания… Господи, Дерек, я неосторожная дура… просто не верится, что это случилось. Это всё испортит. После всего, что было, нам и так плохо, а теперь ещё я беременна.

Дотти расплакалась.

Ван ощутил, как на сердце у него творится нечто неописуемое. Лопалась мертвая черная корка. Он даже названия не мог подобрать для этого чувства, покуда оно не начало покидать его, увлекаемое колоссальным давлением изнутри. Но теперь он знал, что это было за чувство. Скорбь, Это была скорбь.

А теперь черная тоска отступала. Уносилась прочь, вон из сердца, на скорости в половину световой. Внутри него некая крошечная, плотно осажденная тьмою искра теперь раздувалась подобно растущему красному гиганту.

Его сердце было огромно. Оно полыхало и сияло. Он обрел тяготение.

— Милая, это замечательная новость. Ты нас просто спасаешь.

Дотти подняла голову. Раздрай у нее на душе был очевиден.

— Меня так мутит с этой утренней болезнью. Делаюсь совсем беспомощная…

— Это лучший подарок на день рождения, какой у меня только был.

Она недоверчиво сморгнула.

— Ты так думаешь?

— Я не думаю. Я знаю. Когда в семье четыре человека — это уже маленькая команда. Возьмем себя в руки и отныне перестаем жаловаться. Избавимся от лени. Со всем, что нужно, — справимся.

— Дерек, нашим карьерам конец.

— Ничего подобного. Твоя только начинается. Ты согласишься на место в Дании, которое тебе предложили. Я пригляжу за малышами.

Дотти выпучила глаза:

— Мы переезжаем в Данию?

— Да. Продаем всё и перебираемся в Европу. Сейчас же.

Щеки Дотти заалели нервозным румянцем.

— Что, даже кресла? Я только что купила мебель.

— Милая, Европа славится мебелью. Это, между прочим, европейские кресла.

— Дерек, а как же твоя карьера?

— Я знаю, что делаю. Милая, разумным людям бессмысленно не заводить детей. С какой стати я буду голосовать против своего будущего? Нам нужна всего лишь верная стратегия. И я ее выбрал. Ты будешь ходить на работу. Я посижу дома с детьми.

— Правда?

— Да.

— И ты пойдёшь на такую жертву?

— Какую жертву? Я хочу иметь двоих детей. Мне это будет полезно. Расширит горизонты. Я что, гвоздями к Вашингтону прибит? На клавишу «ВВОД» я могу нажимать где угодно.

День рождения был у Вана, а в утешении нуждалась Дотти. Он осыпал ее ласками. Это помогло. Когда они валялись в кровати вместе, Дотти ещё плакала, но от счастья. Ван молча смотрел в потолок.

Это был верный шаг — убраться из Вашингтона. Непрямой подход, совсем по Лиддел-Гарту, совсем по Сунь-Цзы. Когда власть избегает тебя, шаг в сторону подманивает ее обратно.

Дотти не стоило об этом знать, но в нынешней администрации было слишком много таких, как он, неприкаянных. Теперь, когда Ван на поразительных контрпримерах узнал кое-что о здравом

и компетентном управлении, он ясно понимал, что «война с террором» была лишь новым воплощением е-бума. Столь же бурным, столь же неистовым и столь же недолговечным. Только пребывающее в отчаянии и подвинутое умом правительство могло пригласить доктора Дерека Вандевеера в солдаты.

И всё же именно солдатом он и стал. Что ещё удивительней — он начал понимать войну. Шрамы его доказывали это. Он стал одним из тех, кому под силу менять судьбу мира систематическим применением насилия.

Он стал профессионалом. Но его профессия всегда будет колебаться на грани бытия. Ремесло киберсолдата заключается по большей части в ожидании. Непрямой подход, как любил выражаться Лиддел-Гарт. Утечка информации. Путч под ковром. Терпеливое преследование. Сравнение баз данных. Кибернетическое сатори. Мгновенный сокрушительный удар. И незримый отход. И вновь ожидание.

«Война с терроризмом» была всего лишь фазой перевозбуждения и, как мыльный пузырь е-бума, вскоре должна была лопнуть, раздутая собственной рекламой. И когда это случится, полезнее будет стоять в стороне от рычагов власти. Быть,

допустим, неприметным домохозяином в далекой Европе. Растить двоих ребятишек.

Два дня спустя, покуда Ван наблюдал, как идет аукцион с его пожитками на eBay, зазвонил телефон.

— Вандевеер слушает.

Голос в трубке звучал отстраненно и гулко.

— Ван? Тебе привет из прошлого. Это Джимми Мэтсон! Помнишь меня? Мы раньше работали вместе:

Ван задумался. Голос показался ему знакомым, прежде чем память дала подсказку. Конечно. Джимми Мэтсон из «Мондиаля». Его заместитель в лаборатории. Почему Джимми из «Мондиаля» не сказал попросту: «Это я, Джимми из "Мондиаля"»? Конечно, понял Ван. У Джимми были причины умалчивать об этом. Никто из работников компании больше не упоминал ее имени.

— Конечно помню, Джимми. Как дела?

— Я только что в твоем блоге читал, что ты собираешься перебраться в Данию! Ну так я уже здесь, в Швейцарии!

— Как так?

— У меня здесь работа, что-то вроде комитета по связям… ВОИС, и Всемирный союз связи… плюс несколько человек из ВТО… ну, в двух словах

этого не объяснишь, Ван, но со стратегией тут полная труба.

— А ты попробуй.

Джимми вздохнул в трубку.

— Ван, я так жалею, что меня не приняли на то замечательное место, которое ты мне прочил в БКПКИ. Но федералы меня не взяли — должно быть, неблагонадежен… В общем, на глобальном уровне тут просто катастрофа… Ты не поверишь, что творится в Женеве за кулисами… Французы и немцы просто злобой исходят на американскую гегемонию, обложили нас по всем дипломатическим каналам… Все делегаты друг друга ненавидят, Ван. Ненавидят друг друга, говорят на разных языках, и все они продажны. Плюс к тому ни один из них понятия не имеет, в чём технически заключается задача комиссии. Это самое скверное. Занять пост технического директора у них некому.

— Понятно.

— Я почему-то сразу о тебе подумал. Я хочу сказать, это место в межправительственном органе — оно, конечно, не для специалиста твоего калибра, но страховка по здоровью есть и служебная квартира неплоха… Здание центрального комитета выходит прямо на озеро. Очень красиво.

Этого у них не отнимешь.

— Ищут, с кем пободаться, — заключил Ван.

— В общем, да. Официально на эту должность требуется администратор с техническим образованием, опытом работы в частных международных телекоммуникационных предприятиях, который занимал высокие посты в правительстве ведущей державы. Загвоздка только одна. Нет кандидатов. А если бы и были… В общем, ни один человек на свете, который удовлетворяет всем требованиям, не станет связываться с комитетом. Тут уже позиционная война идет.

— Я удовлетворяю. И я привычный.

— Должен тебя предупредить, Дерек, предприятие это совершенно безнадёжное!

— Надежда — это не чувство, Джимми. Надежда — это не вера в благой исход дела, а убеждённость в том, что наши дела имеют цель и смысл, каким бы ни был исход.

Джимми долго молчал, а потом изменившимся голосом поинтересовался:

— Ван, и давно ты читаешь Вацлава Гавела?

— О, — отозвался Ван, — президент Гавел уже давно стал моим любимым автором.

— Ты можешь вылететь сюда как можно быстрее? Я хочу сказать, прямо *сейчас.*

– Мне придется постоянно мотаться в Данию.

— В Европе превосходные железные дороги, — заметил Джимми.

— Ладно. Ты обо всём договорись. Со мной будет маленький ребенок, так что закажи для меня два билета.

— Хорошо. Ближайший рейс — подойдёт?

Распад

1.

Если верить счетчику компьютера, Оскар просматривал видео сборку с записью беспорядков в Вустере уже в пятьдесят первый раз. Кусок пленки длиной восемь минут, с судорожно прыгающими кадрами, стал в последнее время главным объектом его профессионального интереса. Это была подборка крупнозернистых фотоснимков, сделанных камерами службы безопасности в Массачусетсе. Газеты назвали те события «первомайскими беспорядками в Вустере». Но с точки зрения профессионала, каким был Оскар, к событиям Первого мая 2042 года слово «беспорядок» никак не подходило. Если оставить в стороне крайнюю деструктивность действий, ничего беспорядочного там не было. Первый кадр зафиксировал обычную для Массачусетса уличную толчею. По запруженной улице тек людской поток. Раньше, подобно многим другим областям промышленного северо-востока, Вустер отличался простотой и грубостью нравов, однако в последнее время несколько изменился к лучшему. Никто из пешеходов не проявлял признаков неуравновешенности или агрессии. Не проис-

ходило ничего такого, что могло бы привлечь внимание полиции или систем компьютерного контроля. Нормальная толпа людей, гуляющих по городу или вышедших за покупками в магазины. Очередь с кредитными карточками у банкомата. Автобус с выходящими и входящими пассажирами.

Затем мало-помалу толпа становится плотней. Незаметно увеличивается число пешеходов. И, хотя это трудно заметить с первого взгляда, все больше людей несет в руках чемоданы, большие сумки или объемистые пакеты с покупками.

Оскара, знавшего, что эти нормально выглядевшие люди были тайно связаны, восхищала их безукоризненная маскировка, их лениво-туповатый, беззаботный вид. Они не были уроженцами Вустера, однако каждая деталь одежды и поведения была хитроумным подобием облика жителя этого города. Чужаки, собравшиеся там, обладали блестящей выдумкой и фантастической изобретательностью, хитроумные обманщики были практически неразличимы в толпе.

В их облике не было ничего ни от мелких хулиганов, ни от преступников, не были они похожи и на крайних радикалов, способных прибегнуть к насилию. Ни одной характерной черты, опираясь

на которую можно было их вычислить, и, если бы служба безопасности стала обращать внимание на таких, как они, ей пришлось бы заняться всеми жителями Вустера поголовно.

Оскар предполагал, что все они были радикальными пролами: диссиденты, борцы за автономию, цыгане, представители свободных профсоюзов. Вполне логичное предположение, учитывая тот факт, что почти четверть американцев в настоящее время не имеет работы. И более половины работающих заняты лишь формально. Современная экономика больше не может создать достаточное количество рабочих мест.

При миллионах жителей, не включенных в экономические структуры, не было ничего странного в увеличении числа адептов религиозных культов, членов бандитских шаек и появлении большого числа обычных уличных толп. Никого нынче не удивляют скопления людей, однако первомайское шествие в Вустере не было обычной толпой. Но и стандартной бандой или подпольной организацией их тоже не назовешь. Они не обменивались тайными взглядами или незаметными жестами, не имели никаких опознавательных знаков. Судя по пленке, среди них не было ни командиров, ни подчиненных.

Создавалось впечатление, что они вообще друг друга не знают.

После тщательного изучения каждого кадра Оскар пришел к выводу, что вряд ли эти люди подозревали о том, что являются членами одной организации. Он даже предположил, что многие из них, возможно большинство, не знали о том, что именно предстоит делать.

Затем все неожиданно пришло в движение. Это было впечатляющее зрелище даже при просмотре в пятьдесят первый раз.

Взорвались дымовые шашки, улицу окутала плотная завеса. Чемоданы, сумки и пакеты разом открылись, и оттуда был извлечен на свет целый арсенал сверл, дрелей, пневматических отбойных молотков. Люди прошествовали к зданию банка и начали методично взламывать замки, словно занимались нормальной будничной работой.

В этот момент коричневый пикап без опознавательных знаков медленно тронулся с места. Он был единственной двигающейся машиной на улице, так как моторы остальных с помощью высокочастотных электромагнитных импульсов были повреждены одновременно с оборудованием внутри банка.

Коричневый фургон исчез, и больше его не было видно. Вместо него появился мощный тягач с большим металлическим краном. Он с разбегу въехал на тротуар, подцепил крюком банкомат и выдернул его вместе с частью кирпичной стены. Двое прохожих, случайно оказавшихся рядом, ловко привязали к банкомату эластичные тросы и свалили его на землю. Тягач, как бы в раздумье, подъехал затем к стоявшему поблизости автомобилю, принадлежащему кому-то из сотрудников банка, и, подняв, двинулся, держа его на весу, прочь из кадра.

Тут в объективе крупным планом показалась рука с баллончиком. Смуглый палец нажал на кнопку распылителя, и краска залила линзы следящей камеры. Это был конец всего отснятого материала, имевшегося у службы безопасности.

Но отнюдь не конец атак. Нападавшие не просто грабили. Было перевернуто все, что можно перевернуть, вытащено все, что можно унести, в том числе внутренние следящие камеры, ковры, кресла, светильники и банковские запоры. Создавалось впечатление, что заговорщики наказывали банк за что-то, ведомое лишь им. Или известное лишь их руководителям. Они намертво залили клеем пазы во всех окнах и дверях,

оборвали все электрические и телефонные кабели, облили вонючей ядовитой дрянью стены. За восемь минут шестьдесят человек столь основательно поработали над зданием, что позже его пришлось определить под снос.

В результате следствия по этому делу преступники не были найдены. Не удалось даже установить личности «бунтовщиков». В ходе расследования, когда начали разбираться с Вустерским банком, на свет выплыли грандиозные финансовые махинации. Разразившийся скандал привел к отставке трех представителей власти штата Массачусетс и заключению в тюрьму четырех банковских деятелей, а также мэра города Вустера. Скандал с Вустерским банком был одним из главных вопросов во время только что закончившихся выборов в американский Сенат.

Организация такого рода «беспорядков» требовала хорошо налаженной службы слежения, решительности и преданных исполнителей. Это указывало на наличие некоего нового сильного центра власти. Понятно было, что осуществление акции связано с его сложными целями и интригами. Но как?! Каким образом завербовали людей, как их тренировали, одевали, перевозили, как им платили? И — наиболее интригующий вопрос —

как потом сумели добиться полного молчания?

Как-то раз Оскар Вальпараисо представил себе политическую борьбу в виде игры в шахматы. Его любимой игры. Кони, слоны, ферзи, влияние и стратегия, горизонтали и вертикали, черные и белые клетки. Однако картина, складывающаяся после просмотра пленки, не подходила под это определение. Запечатленные на кадрах события не походили на шахматную партию. Да, конечно, игра велась на общественной шахматной доске, все верно, но речь шла не об отдельных фигурах, о ладье или короле. Это напоминало шевелящийся клубок, пчелиный рой. Это была некая новая общность, противоречащая всему остальному, преследующая собственные цели, вынырнувшая и вновь затаившаяся в безмолвных глубинах, спрятанных за переплетениями все более и более усложняющихся нелинейных социальных структур.

Оскар тяжело вздохнул и, захлопнув лэптоп, посмотрел в другой конец длинного автобуса. Предвыборный штаб на протяжении последних тринадцати недель жил, не выходя наружу, обрастая постепенно горами мусора. Они добились победы и теперь сбрасывали стресс после героического напряжения предвыборной борьбы.

Их бывший патрон Элкотт Бамбакиас ныне стал новым сенатором от Массачусетса. Оскар принес ему победу. Избирательная кампания закончена, а команда отослана прочь.

И все же двенадцать человек продолжали двигаться дальше на сенаторском автобусе. Кто-то храпел в откидных креслах, кто-то резался в покер на выдвижных столиках, кто-то неловко перебирался через сваленное грудой грязное белье. Периодически они все, не глядя, отработанными машинальными движениями доставали с полки бутерброды.

В подлокотнике кресла раздался звонок. Оскар сунул руку внутрь, достал тканевый телефон и рассеянно хлопнул по нему.

— Да, Фонтено? — сказал он в микрофон.

— Вы хотели бы добраться до Лаборатории сегодня?

— Было бы отлично!

— Насколько это важно? У нас проблема — на шоссе блокпост.

— Вымогают деньги, да? — переспросил Оскар. Брови его поползли вверх, но выражение лица по-прежнему оставалось невозмутимым. — Откровенно требуют взяток? Вот так попросту?

— Попросту нынче ничего не бывает, — отве-

тил Фонтено. Шеф безопасности избирательной кампании не пытался философствовать. Он лишь констатировал то, что происходило в действительности. — Это не похоже на те мелкие посты, что мы встречали. Тут работают военно-воздушные силы США.

Оскар обдумывал полученную информацию. Она не обещала ничего хорошего.

— Это точно ВВС? Блокируют федеральное шоссе?

— Здесь, в Луизиане, как всегда, норовят все сделать по-своему, — сказал Фонтено. Шум гудящих машин в бумажном наушнике телефона достиг крещендо. — Оскар, думаю, вам лучше самому подъехать сюда. Я знаю Луизиану, я здесь родился и вырос, но у меня нет слов, чтобы описать, что здесь творится.

— Хорошо, — ответил Оскар. — Я выезжаю.

Он запихнул телефон в рукав. Они с Фонтено были знакомы уже много лет, но тот ни разу не обращался к нему с подобными предложениями. Фонтено никогда и никому не предлагал разделить с ним возможный риск. Проработав много лет профессиональным телохранителем, он автоматически избегал подобных ситуаций.

Оскара не надо было просить дважды. Отста-

вив в сторону лэптоп, он поднялся и обратился к сидящим в автобусе.

— Народ, слушайте, у нас проблема! Нас ждет очередной небольшой блокпост.

Послышался общий заунывный стон.

— Фонтено впереди разбирается с этим. Джимми, включай защиту!

Водитель свернул с шоссе и активировал встроенные средства безопасности. Оскар мельком глянул в окно. В действительности их автобус не имел окон. Снаружи у него были сплошные металлические стенки. Широкие внутренние «окна» на самом деле представляли собой экраны дисплеев, подсоединенные к наружным камерам слежения и передававшие происходящее снаружи с яркими и безжалостными подробностями. Автобус Элкотта Бамбакиаса был оборудован с учетом всевозможных ситуаций. В сложных случаях велась непрерывная запись на видео, которая тут же транслировалась через спутниковую связь в защищенный архив, расположенный в глубине Скалистых гор.

В настоящий момент люди, сидевшие внутри, лениво обозревали два ряда высоких зеленых сосенок и какой-то забор с проржавевшей проволокой поверху. Они припарковались на обочине

Федерального шоссе 10 через десять миль после жуткого постиндустриального городка Сульфур, штат Луизиана. Когда они его проезжали, то команде, с любопытством смотревшей в окна, каджунский(Каджуны — потомки французских католиков, после захвата Англией Канады в 1755 году переселившихся на юг штата Луизиана.) город, окутанный клубящимся зимним туманом, показался одним гигантским нефтеперерабатывающим заводом, окруженным грязными пятнами жнивья и щербатыми жилыми трейлерами.

Сейчас туман рассеялся, и в той стороне, где располагался Сульфур, виднелись огоньки двигающихся машин.

— Я иду на выход, — громко заявил Оскар, — чтобы ознакомиться с ситуацией.

Донна, консультант-имиджмейкер, принесла Оскару белую рубашку. Он надел свои шелковые подтяжки, парадную шляпу и миланский тренч.

Пока стилистка сосредоточенно выбирала подходящие ботинки, Оскар задумчиво оглядел команду. Да, свежий воздух и немного активности — как раз то, что им нужно.

— Кто-нибудь желает помериться силами с ВВС? Джимми де Пауло вскочил с водительского

кресла.

— Я готов!

— Джимми, — мягко возразил Оскар, — тебе нельзя. Без водителя мы не можем.

— Ох, да! — Огорченный, тот рухнул обратно на сиденье.

Мойра Матараццо нехотя выпрямилась на своем месте.

— А что, есть какая-то необходимость, чтобы я в этом участвовала? — Это была первая неделя, которую Мойра отдыхала. Будучи ответственной, за PR-акции, она в течение последних месяцев почти непрерывно находилась перед съемочной камерой. Обычно тщательно следившая за своим внешним видом, сейчас Мойра была в мятой пижаме, с взлохмаченной головой и растрескавшимися губами. Из-под набрякших век зло сверкали глаза. — Потому что если это необходимо, то я выйду, хотя я не вижу, зачем я тут нужна. — Мойра жалобно скривилась. — Блокпосты могут быть опасны!

— Тогда тебе обязательно надо выйти, — раздался язвительный голос Боба Аргова, системного администратора кампании. Судя по повышенному тону, он находился на грани нервного срыва. Боб пил со дня празднования победы на выборах.

Сначала он пил на радостях, но по мере того, как бежали дорожные мили и увеличивалось количество методически опустошаемых бутылок, Боб начал впадать в состояние классической посттравматической депрессии.

— Я пойду с вами, мистер Вальпараисо! — подал голос Студент Норман. Как всегда, на него никто не обратил внимание.

Двенадцать сотрудников все еще оставались в штате и на заработке, проживая последние деньги, выделенные на проведение кампании. Официально они находились в оплачиваемом отпуске. Благородный жест был вполне в духе Элкотта Бамбакиаса. Одновременно это была мягкая ссылка. Бывших сотрудников отправили подальше от новоиспеченного сенатора, харизматического миллионера, вернувшегося в ультрасовременный штаб в Кембридже и занятого в данный момент набором нового персонала, который будет помогать ему править. Старая же команда после месяцев сумасшедшей работы, потребовавшей от них многих личных жертв, была отослана прочь с чеком в зубах и сердечным рукопожатием на прощанье.

Оскар Вальпараисо был главным политическим консультантом Элкотта Бамбакиаса. Он

был также исполнительным директором избирательной кампании. На гребне успеха Оскар успел выбить себе новое неплохое назначение. Благодаря быстрому нажатию нужных закулисных кнопок он получил должность политического аналитика Комитета по науке при американском Сенате. Сенатору Бамбакиасу вскоре мог понадобиться этот Комитет.

У Оскара были цель, работа, возможности, способности и будущее. Другие члены команды не имели ничего. И Оскар это знал. Он, пожалуй, даже слишком хорошо знал всех собравшихся здесь. За последние восемнадцать месяцев Оскар нашел и уговорил их, платил и командовал ими, льстил и обхаживал, и, наконец, сплотил в слаженную команду. Он обеспечивал рабочую обстановку, следил за расходами, раздавал должности, руководил общением с кандидатом и даже регулировал возникающие на ходу проблемы, связанные с наркотиками или романтическими отношениями. В конце концов, он привел их к успеху.

Оскар и сейчас оставался для них средоточием власти, и они инстинктивно следовали за ним. Находящиеся «в отпуске» деятельные единицы бывшего предвыборного штаба смутно надея-

лись, что еще может что-то произойти. Правда, нынешнего боевого задора оскаровской команды, наверное, едва хватило бы на то, чтобы достать из печенья бумажку с предсказаниями судьбы.

Оскар перекинул через плечо ремень кожаной сумки и после некоторого раздумья сунул внутрь распылитель с зарядами, не поражающими насмерть. Йош Пеликанос, его мажордом и главный специалист по денежным операциям, протянул Оскару кредитную карточку.

Лицо Пеликаноса выглядело помятым, затянувшееся празднование успеха оставило свои следы. Тем не менее, он был готов следовать наружу. Будучи вторым, после Оскара человеком в команде, Пеликанос всегда стремился подчеркнуть это на публике.

— Я пойду с тобой, — пробормотал он, шаря в поисках шляпы. — Позвольте, я только немного приведу себя в порядок.

— Ты остаешься, Йош, — спокойно заявил Оскар. — Мы слишком далеко от дома. Ты должен присматривать за всем здесь.

— Приготовлю кофе. — Пеликанос наклонился, непроизвольно нажав кнопку выдачи новостей, и одно из окон автобуса заполнил поток информации из Сети. Йош тем временем пытался

нашарить ботинки.

— Тогда я пойду! — с надеждой воскликнул Норман. — Ну, Оскар, позволь мне!

Норман, по кличке Студент, оставался последним из трех дюжин интернов, мальчиков на побегушках, что набрала себе в помощь кампания Бамбакиаса. Остальные добровольцы отсеялись еще в Бостоне, но интерн Норман, студент Массачусетского технологического института, работал как ишак и беспрекословно терпел бесконечные издевательства и непомерную эксплуатацию. Команда захватила парня «в отпуск» не по каким-либо особым соображениям, а попросту по привычке.

Пневматическая дверь открылась с пронзительным шипением. Впервые за долгую поездку по территориям четырех штатов Оскар и Норман выбрались из автобуса. После сотен часов сидения в замкнутом пространстве они ступили на землю с ощущением первопроходцев, высадившихся на далекой планете. Оскар со смутным удивлением отметил, что неровный склон по бокам скоростной автострады засыпан тоннами размельченных устричных раковин.

Высокие, примятые ветром заросли на придорожной полосе были грязного буро-зеленого

цвета. Ветер дул с востока и нес вонючие серные испарения и биоиндустриальную копоть от Сульфура. Казалось, что эту копоть срастили с генетически модифицированными дрожжами, и она с яростным неистовством пожирала все вновь появляющиеся зеленые побеги. Белый клин улетающих цапель двигался, строго соблюдая рядность, в облачном небе над головой. Поздним ноябрем 2044 года южная Луизиана вяло готовилась к зиме. Хотя вряд ли кто, кроме жителей Массачусетса, мог счесть это зимой.

Норман быстро извлек мотоцикл с коляской из грузового отсека автобуса. Мотоцикл, изготовленный и проданный в Кембридже, штат Массачусетс, был облеплен профсоюзными ярлыками, предупреждениями о соблюдении безопасности и многочисленными наклейками с инструкциями по использованию встроенного программного обеспечения. Очень характерно для Бамбакиаса — купить мотоцикл с электронной начинкой как у трансконтинентального лайнера.

Норман перегнулся через сиденье, чтобы проверить аккумуляторы. «Только без выкрутас», — предупредил его Оскар, залезая в коляску и помещая шляпу себе на колени. Они надели

изящные шлемы из пеноматериала и съехали с грузовой платформы автобуса.

Норман по обыкновению несся как сумасшедший. Норман был молод. Ему ни разу в жизни не приходилось иметь дела с механизмами, в которых не было бы встроенных автоматических систем рулевого управления и балансировки. Потому мотоцикл он вел без всякого изящества, будто занимался алгебраическими вычислениями при помощи ног.

Сумерки мягко опустились на придорожные сосны. Движение остановилось за два километра до моста через реку Сабин. Норман и Оскар съехали на обочину дороги, их интеллектуальный мотоцикл с коляской двигался по ракушечной насыпи с неуклюжей грацией кибернетического механизма. Попавшие в ловушку дорожной пробки держались покорно и стоически. Водители-профессионалы — те, что вели внушающие невольный страх трейлеры с биохимическими цистернами или унылые громады фургонов со зловонными морепродуктами, — уже свернули с автострады и встали на стоянку. Блокпосты в нынешние дни стали, к сожалению, обычным делом.

Туристическое управление штата Луизиана

содержало приют у обочины шоссе. Здание прилепилось у обрыва над рекой, как раз на границе штата. Штаб-квартира туристов представляла собой трогательно-уродливое сооружение, имитирующее стиль построек до Гражданской войны 1861 года — с кирпичной облицовкой и белыми колоннами.

Сейчас здание окружало недавно поставленное переносное заграждение из колючей проволоки. Автострада, ведущая в Техас, была целиком перегорожена: поперек шоссе поставили полосатый шлагбаум, торчали караульные будки и высились минные заграждения. Правда, их заряды были не смертельны: всего лишь пенные и клеящие мины.

Гигантских размеров матово-черный геликоптер сидел на своих полозьях по соседству с автострадой. Внимательный механический страж выглядел совершенно нелепо. Его прожектора освещали бетонированную площадку пронзительным голубоватым светом. Колоссальная машина была под завязку нагружена боевым оружием великих американских ВВС. Древнее вооружение «земля-воздух» было до такой степени ненормально сложным и архаичным, что его Назначение оставалось полной загадкой для

Оскара. Имелись ли там картечницы Гатлинга (Картечницы Гатлинга — многоствольное скорострельное оружие, картечницы. Р. Д. Гатлинг (1818 — 1903) — американский изобретатель оружия.) ? Ускорители частиц? Может быть, какие-то лазерные пушки? Все это выглядело чудовищно — некая кошмарная помесь швейной машинки с оскаленной миногой.

Под сверкающими лучами прожекторов геликоптера офицеры ВВС в синей униформе останавливали машины, что ехали из Луизианы. Народ, сидящий в автомобилях, в основном туристы из Техаса, был подходящим объектом для дойки.

Вооруженные силы тщательно обшаривали и обыскивали машины. Они вытащили белые ящики из рефрижераторов и теперь исследовали их содержимое.

Норман с трудом оторвал завороженный взгляд от боевой оснастки геликоптеров.

— Да, шикарная застава, почти как в Теннесси, где были эти крутые цыгане-байкеры, — заметил Норман. — Может, лучше нам убраться отсюда подальше?

— Тут Фонтено, — возразил Оскар.

Фонтено помахал им рукой. Его современный

электрический внедорожник лихо двигался по обочине в их сторону. Шеф безопасности избирательной кампании был одет в длинный желтый макинтош и грязные джинсы.

Вид Фонтено всегда действовал ободряюще. Раньше он был секретным агентом — ветеран Секретной службы правительственного уровня. Лично знал нескольких президентов. В действительности, Фонтено потерял левую ногу как раз, когда служил телохранителем при предпоследнем из них.

— ВВС прибыли сюда около полудня, — сообщил он, прислонясь к толстому бамперу «хаммера» и опуская бинокль. — Установили пенно-струйные автоматы и бомбометы с суперклеем. Плюс еще «ежи» и колючая проволока.

— Значит, они, по крайней мере, не искорежили шоссе? — уточнил Норман.

Фонтено проигнорировал вопрос.

— Они пропускают без проблем всех по той стороне, что ведет из Техаса, и выпускают отсюда всех, у кого номера Луизианы. Для местных никаких препятствий. Трясут только приезжих, которые покидают штат.

— Думаю, это имеет смысл, — сказал Оскар. Он снял мотоциклетный шлем, провел по волосам

карманным гребешком и надел шляпу. Затем аккуратно выбрался из мотоколяски, пытаясь не испачкать ботинки. Берег Сабин на стороне Луизианы представлял собой одно гигантское болото.

— А зачем им это? — спросил Норман.

— Им нужны деньги, — объяснил Фонтено.

— Почему? — удивился Студент. — Ведь они служат в ВВС.

— Они не получают никакого федерального финансирования на оплату громадных счетов по содержанию их военно-воздушной базы. Если же они не платят, то лишаются коммунальных услуг.

— Значит, продолжается Чрезвычайное положение. Фонтено кивнул.

— Федералы давно мечтают комиссовать эту базу, но власти Луизианы уперлись как ослы. Поэтому конгресс в прошлом месяце просто вычеркнул их из списка находящихся на Чрезвычайном положении. Так что эта база теперь не имеет никаких прав.

— Но это плохо. Это очень плохо. Да ведь это просто ужасно! — воскликнул Норман. — Разве конгресс не мог поставить вопрос на голосование? Я имею в виду, разве это так сложно

— закрыть военную базу?

Оскар и Фонтено обменялись понимающими взглядами.

— Норман, ты лучше постой здесь и посторожи наши машины, — добродушно предложил Оскар. — Мистер Фонтено и я должны обменяться парой слов с джентльменами в форме.

Оскар присоединился к бывшему секретному агенту, что хромая шел по обочине вдоль выстроившихся машин. Вскоре они были достаточно далеко, так что Норман не мог их услышать. Приятно было медленно брести на открытом воздухе, где вряд ли имелись подслушивающие устройства. Оскар всегда радовался разговорам, которые велись вне машинного наблюдения.

— Мы можем просто откупиться, вы ведь понимаете, — мягко заметил Фонтено. — Мы же не первый раз имеем дело с дорожными заставами.

— Верно, я предполагаю, что солдаты ни при каких обстоятельствах не будут в нас стрелять?

— О, нет, конечно нет! ВВС не будут нас обстреливать. — Фонтено пожал плечами. — В этой операции задействованы только средства поражения, исключающие убийство. Все это чистая политика.

— При других обстоятельствах, я бы просто

откупился, — сказал Оскар. — Если бы мы проиграли кампанию, например. Но мы не проиграли. Мы выиграли. Наш сенатор теперь у власти. Так что теперь для нас это дело принципа.

Фонтено снял шляпу, помассировал лоб, постоянно натираемый тульей, и вновь вернул шляпу на место.

— Есть и другой вариант. У меня заготовлен альтернативный маршрут. Мы можем вернуться немного назад, двинуться в северном направлении по сто девятой автостраде и все же успеть добраться до Буны где-то около полуночи. Это безопасно и никаких дополнительных хлопот.

— Хорошая мысль, — ответил Оскар, — однако давайте все же заглянем к ним. Я нюхом чую здесь скандал. Сенатор обожает скандалы.

Через стекла наглухо запертых машин люди глазели на двоих прохожих. Фонтено легко мог сойти за местного, однако Оскар вызывал неприязнь смешанную с любопытством — мало кто в южной Луизиане одевался как политические функционеры Кольцевой.

— Верно, от этого дела воняет за версту, — согласился Фонтено.

— Ведь местный губернатор — человек с характером, не так ли? Ситуация вроде этой… Для

здешних политиков она может быть удобным способом спровоцировать федералов.

— Зеленый Хью — сумасшедший. Но он нормальный сумасшедший, учитывая, что сейчас творится вокруг. Чрезвычайное положение, бюджетный кризис — все это в здешних местах не играет особой роли. Народ на самом деле просто об этом не думает.

Они остановились поблизости от площадки, залитой светом прожекторов геликоптера. Перед лейтенантом ВВС стояла машина с парой туристов из Техаса. Лейтенантом была молодая женщина в синей, подбитой мехом летной форме, в бронежилете и искусно сделанном летном шлеме. Подсоединенный к шлему экран, болтавшийся на ремне и опутанный паутиной проводов, деловито мигал и попискивал.

Техасец, настороженно поглядывая на нее, спросил:

— И что все это значит?

— ВВС предлагают вам купить выпечку, сэр. Луизианская выпечка. У нас есть кукурузные хлебцы, круассаны, муффулета, оладьи… Можем предложить также кофе из цикория. Тэд, у нас остался еще кофе из цикория?

— Только что получили свеженький! — громко

отозвался Тэд, расстегивая молнию сумки-рикцж. Он был вооружен до зубов.

— Что ты об этом думаешь? — обратился водитель к своей жене.

— Оладьи здесь всегда густо посыпаются сахарной пудрой, — еле слышно пролепетала женщина.

— Хорошо, и сколько стоят, м-м, четыре круассана и два кофе? Со сливками.

Лейтенант оттарабанила заученную фразу о «добровольном пожертвовании». Водитель достал кошелек и молча протянул кредитную карту. Лейтенант быстро сунула карту в прорезь сотового считывающего аппарата и облегчила счет техасской пары на изрядную сумму. Затем передала в окно еду.

— Будьте осторожны, — напутствовала их она и, отпуская, махнула рукой.

Машина медленно тронулась с места, но, как только миновала линию заграждений, рванулась вперед с бешеной скоростью. Лейтенант, проконсультировавшись с кем-то через переговорное устройство, пропустила следующие три авто с луизианскими номерами. Затем занялась очередными туристами.

Фонтено и Оскар, обогнув площадку, залитую

прожекторным светом, направились к командному пункту, устроенному в туристическом приюте. Здание окружала изгородь из переплетенной колючей проволоки; в высоту она доходила до уровня груди и блестела острыми, как бритва, шипами. Окна были затемнены листами фольги. Спутниковые антенны, напоминающие гигантские купальни для чудовищных птиц, высились на крыше. Вооруженный охранник стоял у дверей.

Охранник их остановил. Надетая на нем форма военной полиции была подозрительным образом измята — судя по всему ее вытащили из рюкзака с туристическим снаряжением. Юноша внимательно рассмотрел гостей: перед ним стоял элегантный политик в сопровождении личного телохранителя. Ничего необычного. Молодой солдат просканировал их на наличие оружия — его детектор не обнаружил пластмассового ружья, — и обратился к Оскару: «Ваш ID, сэр?»

Оскар передал ему сверкающий чип с досье. На чипе была вытеснена эмблема федерального Сената.

Четыре минуты спустя они входили в здание. В помещении приюта расположилось около дюжины военных — мужчин и женщин. Вторгшись

сюда, они сдвинули имевшуюся мебель к стенам и плотно закрыли и завесили окна и двери.

С потолка доносились глухие удары, скрип и скрежет, будто на чердаке возился и скребся громадный вооруженный енот.

Обслуживающий персонал туристического приюта Луизианы все еще находился в здании. Он состоял из типично южных леди — хорошо одетых дам среднего возраста с аккуратно уложенными прическами с лентами, в юбках и туфлях на низких каблуках. Формально их никто не задерживал, но они были оттеснены в самый дальний угол их затемненного фольгой офиса и выглядели, что понятно, весьма расстроенными.

Командир подразделения ВВС был пьян в стельку. Оскара и Фонтено встречал PR-офицер. Пиарщик тоже был пьян.

В главном офисе громоздилось переносное оборудование для военного командного поста, рядом с подмигивающими экранами валялись вперемешку распечатки и военное обмундирование.

Комната провоняла виски, командир в полном облачении, включая и начищенные до блеска ботинки, валялся на походной раскладной кушетке. Фуражка с козырьком наполовину скрывала лицо.

Офицер, отвечавший за пиар, коренастый ветеран в гражданском, седовласый и со шрамом на щеке, сидел с деловитым видом перед рядом консолей. Сквозь отверстие в консоли протянулись толстые переплетения оптоволоконного кабеля.

— Чем могу быть полезен, джентльмены? — спросил он.

— Мне нужно провести автобус, — ответил Оскар. — Автобус избирательной кампании.

Офицер моргнул. Один глаз открылся полностью, другой не совсем. Голосом он владел, но пьян был сильно.

— А почему бы вам, ребята, не приобрести что-нибудь на миленькой маленькой пекарне наших ВВС?

— Я бы и рад вам помочь, но в нынешних обстоятельствах это будет выглядеть… — Оскар замялся, — бестактно.

Пиарщик легонько постучал сверкающей идентификационной карточкой Оскара по краю консоли.

— Ну, мистер, возможно, вам стоит подумать. Путь обратно в Бостон не близкий.

Тут в разговор вступил Фонтено. Будучи отличным охранником, он обладал необходимым здравомыслием и рассудительностью.

— А вы не могли бы хоть на полчаса отпустить поток, мы бы успели проскочить.

— В принципе, это вариант, — ответил офицер. Тут один из экранов перестал заунывно стрекотать и издал торжествующий вой, напоминающий выступления военного духового оркестра. Пиарщик углубился в полученное досье.

— Ого! Да вы сын Логана Вальпараисо!

Оскар кивнул, облегченно вздохнув. Хорошо налаженный поисковик гарантировал, что факты, касающиеся вашей личной жизни будут обнародованы, однако никогда нельзя было предугадать, под каким углом зрения они будут восприняты.

— Я знал вашего отца! — объявил пиарщик. — Я брал у него интервью, когда он прославился своим римейком «El Mariachi».

— Не может быть!

Компьютер обеспечил им общую почву для разговора. Это был трюк, дешевая уловка, однако, как и множество других психологических приемов, работал он безотказно. Трое собравшихся в комнате уже не были чужими друг другу.

— А как сейчас поживает старик?

— К несчастью, Логан Вальпараисо умер в конце 2042 года. Сердечный приступ.

— Как жаль. — Офицер в огорчении прищелкнул толстыми пальцами. — Он снимал великие картины.

— Отец немного сменил профиль в последние годы жизни, — сказал Оскар. — Он занялся недвижимостью.

Они оба лгали. Фильмы, хотя пользовались большим успехом, были дрянными. Последнее же дело с недвижимостью, которым занимался его отец, было связано с отмыванием денег для его покровителя в Голливуде — бывшего колумбийского мафиози.

— Вы не могли бы на время сдвинуть баррикады для нас? — деликатно спросил Фонтено.

— Для вас, парни, я что-нибудь соображу, — ответил мужчина. Экраны продолжали стрекотать, а они трое погрузились в дружескую беседу. Обсудили интернетовские сплетни, поделились небольшими секретами. Не будешь же стрелять в того, чей отец был кинозвездой. — На самом деле, мы здесь почти закончили.

Оскар приподнял брови.

— В самом деле? Это приятная новость.

— Да, я как раз хочу произвести небольшую оценку поля боя. … Понимаете, тут, как и в инфовоине, — проблема не в том, как войти в систему,

проблема — выйти из нее с минимальными потерями. Так что потерпите немного, мы скоро запакуем вещички и снимемся отсюда.

Из угла донесся мощный храп и скрип раскладушки. Офицер поспешил к командиру, заботливо поправил подушку и натянул грубое одеяло. Потом вернулся, захватив с собой командирского бурбона, спрятанного под кушеткой. Не глядя плеснул в бумажный стаканчик, продолжая рассматривать данные с экрана.

— Так вы говорите… — подсказал Оскар.

— Оценка поля боя. Вот ключ к быстрому разворачиванию сил. У нас над этим шоссе наблюдательные беспилотные самолеты. Они передают номера машин. Мы вводим номера, узнаем владельца, потом производим сканирование его по финансовому и маркетинговому направлениям, а затем выбираем людей из очереди и безо всякой спешки взимаем финансовую контрибуцию… — офицер поднял голову и посмотрел на собеседников. — Можно назвать это альтернативной децентрализованной налоговой схемой.

Оскар взглянул на Фонтено.

— Это возможно?

— Да, конечно. — Фонтено был когда-то агентом Секретной службы и хорошо знал, как это

делалось в СССР.

Пиарщик горько усмехнулся.

— Потому-то губернатор любит называть это… Но посмотрите, это ведь стандартная инфовоенная операция. Используемые средства — те же, что везде и всюду. Прилететь, разрушить системы жизнеобеспечения, свести до минимума случайности, добиться намеченной цели. Затем мы просто исчезаем, все закончилось, забудьте. Начинаем с чистого листа.

— Верно, — заметил Фонтено. — Как в Панаме-2.

— Ха, — горделиво откликнулся офицер. — Я участвовал в Панаме-2! Это была классическая сетевая война. Мы свергли местный режим, просто отрезав их от Сети. Никаких трагедий! Ни единого выстрела!

— Это хорошо, что никаких несчастных случаев, — заметил Фонтено, опираясь со скрипом на протез.

— Правда, пришлось оставить работу в Нью-Йоркских теленовостях. Как прикрытие это уже не годилось. На самом деле это долгая история, — забормотал хозяин, прикладываясь с видом крайнего уныния к бумажному стаканчику. — Парни, хотите бурбона?

— Еще бы! — воскликнул Оскар, который никогда в жизни не притрагивался к алкоголю. — Огромное спасибо!

Он взял бумажный стакан с желтым ободком и сделал вид, что пьет. Оскар не раз был свидетелем того, как алкоголь убивает людей.

— Когда вы думаете передислоцироваться отсюда? — спросил Фонтено, беря стакан и старательно изображая приклеенную улыбку, похожую на улыбку Эйзенхауэра.

— О, в девятнадцать ноль-ноль! Во всяком случае, так планировал наш командир утром.

— Ваш командир выглядит довольно усталым, — заметил Оскар.

Замечание разозлило офицера.

Он отставил стакан с виски и устремил на Оскара взгляд сквозь наполовину сомкнутые веки.

— Да, верно. Мой командир устал. Он нарушил присягу и грабит граждан Соединенных Штатов, народ, который он поклялся защищать. Вот на что вы намекаете.

Оскар внимательно слушал.

— Понимаете, у него не было выбора. Вообще никакого. Либо идти на хитрости, либо дать своим людям умирать с голоду в бараках. Нас сейчас никто не финансирует. Мы не получаем

ни горючего, ни жалованья, ни обмундирования, не получаем ничего. А все потому, что разодетые в шелк сукины дети в Вашингтоне не могут договориться между собой насчет бюджета!

— Мой босс сейчас избран в сенаторы в Вашингтоне, — сказал Оскар. — Нам нужен шанс.

— А мой босс здесь — это награжденный многими знаками отличия офицер! Он участвовал в операциях Панама-3, Ирак-2, он был в Руанде. Он не политик, он — чертов национальный герой! А теперь федералы все разрушили, Конгресс свихнулся, а командир станет козлом отпущения. Когда все это закончится, расплачиваться придется ему. Его комиссснут с пол-оборота.

Оскар спокойно ответил:

— Вот почему я должен работать в Вашингтоне.

— Вы, в какой партии?

— Сенатор Бамбакиас был избран с тридцатью восемью процентами голосов, — ответил Оскар. — Он не представляет какую-либо политическую доктрину, а выражает интересы самых разных групп.

Пиарщик фыркнул.

— Я спрашиваю, к какой партии принадлежите вы.

— Федерально-демократической.

— О, господи! — Голова офицера нырнула вниз, и он помахал им рукой. — Убирайтесь домой, янки!

— Мы уже уходим, — сказал Фонтено, ставя нетронутый стакан с бурбоном. — Вы случайно не знаете здесь поблизости какой-нибудь ресторан? Я имею в виду креольскую кухню? Чтобы мы все там поместились.

Молодой страж на входе вежливо отдал им честь, когда они выходили из здания приюта. Оскар аккуратно засунул свой федеральный ID в плотный кошелек. Дождавшись, когда они отошли подальше, он произнес:

— Возможно, он в доску пьян, но в ресторанах разбирается отлично.

— Журналисты всегда помнят такие вещи, — как-то невпопад ответил Фонтено. Потом добавил: — Знаешь, а ведь я видел этого парня. Встречал его как-то раз в «Бэтлдоре» в Джорджтауне. На ленче с тогдашним вице-президентом. Хоть убей, не припомню имени, но лицо помню точно. Он считался выдающимся международным корреспондентом, был большой шишкой на старом кабельном ТВ. До тех пор пока его оттуда не поперли как шпиона Соединенных Штатов в

инфовойне.

Оскар задумался. Как политический консультант он, естественно, был знаком со множеством журналистов. Он также был знаком со многими шпионами. Журналисты, конечно, имели право на свое место в политической игре, но шпионы всегда раздражали его, будучи незрелым и нечистоплотным подразделением политических консультантов.

— Вам удалось записать на ленту небольшую дискуссию, которая у нас только что была?

— Ага, — подтвердил Фонтено. — Я обычно всегда это делаю, особенно в тех случаях, когда уверен, что парни другой стороны тоже нас записывают.

— Для шефа, — пробормотал Оскар. — Я должен отобрать нужное из этой беседы и отослать сенатору.

Взаимоотношения Оскара и Фонтено на протяжении всей кампании были формально уважительными. Фонтено был вдвое старше Оскара, обладал житейской мудростью и параноидальной манией обеспечения физической безопасности вверенного ему кандидата. Однако после окончания кампании у Фонтено развязался язык. Сейчас, похоже, на него накатил внезапный

приступ откровенности.

— Хотите дам вам совет? Вы не обязаны меня слушать, если не хотите.

— Жюль, вы же знаете, я всегда прислушиваюсь к вашим советам.

— Вы метите стать главой администрации Бамбакиаса в Вашингтоне, — начал Фонтено, пристально глядя на него.

Оскар пожал плечами.

— Да, я этого и не скрываю. Разве я когда-либо отрицал это?

— А вместо этого вам приходится выполнять задание Сенатского комитета. Вы умный юноша, и, думаю, вам удастся достичь чего-то в Вашингтоне. Я наблюдал, как вы справляетесь с безнадежными растяпами в вашей команде, которые ведут себя как бойцы проигравшей армии, и знаю, что вы сможете справиться с Комитетом Сената. Ведь что-то надо делать. — Фонтено взглянул на Оскара с искренней болью. — Америка что-то потеряла. Мы потеряли хватку. Черт возьми, да вы только посмотрите на все это! В нашей стране — блокпосты!

— Я надеюсь помочь Бамбакиасу. У него есть идеи.

— Бамбакиас может произносить хорошие

речи, но он и дня не прожил внутри Кольцевой. Он даже не представляет себе, на что это похоже. Этот парень — архитектор.

— Он очень умный архитектор. Фонтено проворчал.

— Он не первый и не последний, кто путает ум с политическими навыками.

— Ладно, предположим, что последний успех сенатора связан с его помощниками, командой, администрацией. — Оскар улыбнулся. — Но поймите. Не я нанимал вас. Это Бамбакиас нанял вас. Он умеет выбирать людей. Все, в чем он нуждается, — это возможности.

Фонтено приподнял воротник желтого макинтоша. Начинало моросить. Оскар развел руками:

— Мне ведь всего двадцать восемь лет. У меня нет нужного послужного списка, чтобы стать во главе администрации сенатора. И кроме того, у меня сейчас будет множество хлопот в этом Техасском научном центре.

— И кроме того, — имитируя его тон, продолжил Фонтено, — есть также небольшая проблема происхождения.

Оскар сморгнул. Любое упоминание вслух этой темы до сих пор приводило его на мгновение в замешательство. Естественно, что Фонтено был

полностью осведомлен о его «персональных анкетных данных». Это входило в его обязанности.

— Но вы ведь не имеете, я надеюсь, ничего против?

— Нет, — Фонтено понизил голос. — Хотя мог бы. Я ведь старый человек. Старомодный. Но я видел вас в работе и теперь лучше вас знаю, — он глухо притопнул протезной ногой по земле. — Нет, Оскар, я не потому от вас ухожу. Хотя я ухожу. Кампания прошла успешно, вы победили. Большая победа. Я участвовал во многих предвыборных кампаниях и, действительно, думаю, что ваша была лучшей из всех. Но сейчас хочу вернуться домой в свою хибару, мне пора отходить от дел. Совсем. Так что провожу вас в безопасности до Буны, а потом отправлюсь отсюда.

— Я уважаю ваше решение, поверьте, — сказал Оскар. — Но мне хотелось бы, чтобы вы остались с нами еще на некоторое время. Команда ценит ваши профессиональные суждения. Ситуация в Буне может потребовать вашего умения. — Оскар перевел дыхание и затем заговорил более собранно и настойчиво. — Я не хотел обрушивать это на наших мальчиков и девочек в автобусе, но моя задача — расследовать ситуацию в Буне. Поскольку это приятное сельское уединенное

местечко в Техасе, по моим предположениям, грозит в будущем самым большим кризисом.

Фонтено покачал головой.

— Я не в той форме, чтобы встречать будущий кризис. Я мечтаю о спокойной отставке. Поудить рыбу.

Поохотиться. Хочу подыскать себе хибару в дельте реки со старой печкой и сковородками с ручками и никаких тебе проклятых телефонов и Сети! Насовсем, навсегда!

— Я могу добиться для вас денежной компенсации, — стал уговаривать Оскар. — Ну, хотя бы месяц, хорошо? Четыре недели до рождественских праздников. У вас останется та же зарплата на все это время. Я могу даже удвоить жалованье. Добавить еще месячный оклад.

Фонтено стряхнул воду с полей шляпы.

— Вы сможете это выбить?

— Ну не прямо, конечно. Не из фондов кампании. Но Пеликанос сможет провернуть это. Он мастер в таких делах. Двухмесячное жалование за один месяц работы. По бостонским расценкам, кстати. Это хороший вклад в оснащение вашей хибары, а?

Фонтено заколебался.

— Ладно, но мне надо все обдумать.

— У вас будут выходные.

— Да?

— Трехдневные выходные. Чтобы вы могли присмотреть место для житья.

Фонтено вздохнул. — Ну…

— А Одри и Боб не откажутся просканировать положение на рынке недвижимости. Они же оппо мирового уровня, специалисты по поиску, а сейчас маются от безделья. Так что, почему бы им не заняться жилищным вопросом? Они могут подыскать для вас сказочный дом и даже вполне пристойного агента по недвижимости.

— Черт! А мне как-то и не пришло это в голову. Но это верно! Вот это для меня очень ценно! Я освобождаюсь от множества ненужных хлопот. Хорошо, тогда я согласен.

Он пожали друг другу руки.

Дойдя до оставленных ими машин, они, однако, не обнаружили поблизости никаких признаков Студента Нормана. Фонтено взобрался на крепкий кузов «хаммера», протезная нога скрипела от напряжения. Выпрямившись, он, наконец, сумел разглядеть Нормана в бинокль.

Норман болтал с кем-то из персонала BBC. Они сидели рядышком под наклонной крышей беседки для пикников неподалеку от лесной тро-

пинки, ведущей к спрятавшейся за кипарисами болотной глуби реки Сабин.

— Мне сходить за ним?

— Я сам им займусь, — ответил Оскар. — Я приведу его. Вы можете позвонить Пеликаносу в автобус и кратко ввести команду в курс дел.

Молодые люди в современной Америке относились к разряду меньшинств. И подобно другим представителям меньшинств, тяготели к братанию. Норман был молод и еще не вышел из возраста, годного для военной службы. Прислонившись к разрисованным граффити подпоркам крыши над столом, он громко что-то втолковывал солдатам.

— … прозрачные для радаров дроны с рентеговскими лазерами! — закончил он решительно.

— Ну, может быть, у нас есть такие, а может быть, и нет, — протянул в ответ молодой парень в синей форме.

— Послушай, всем известно, что они у вас есть. Это похоже на спутники, что читают номера с орбиты, — об этом сообщалось во вчерашних новостях, они у вас с незапамятных времен. Так вот что я думаю: если у вас есть такие возможности, то почему вам не позаботиться о губернаторе Луизианы? Вычислите с помощью дрона номер

его авто, последуйте за ним, подстерегите, когда он ненадолго отойдет от машины, — и раз — разделайтесь с ним!

Тут заговорила девушка.

— Разделаться с губернатором Хьюгелетом?

— Ну, я не предлагаю убить его. Это было бы слишком явно. Я имею в виду, чтобы он исчез. Просто испарился!

Некоторое время ребята из ВВС переваривали услышанное. Предложенное явно наполнило их раздражением.

— Человека нельзя просто испарить при помощи лазерных или рентгеновских лучей.

— Можно, если это управляемые лучи.

— Управляемые лазеры на свободных электронах непрозрачны для радаров. Кроме того, необходима слишком большая мощность.

— Ладно, вы могли бы сосредоточить четыре-пять самолетов так, чтобы перекрыть зону обстрела. И потом, кому нужны эти аарые неуклюжие свободные электроны, когда есть бандгэпы с прицельными фотонными излучателями? Бандгэпы-то полностью управляемы!

— Простите, что прерываю ваш разговор, — сказал Оскар. — Норман, нам надо возвращаться в автобус.

Девушка из BBC, вытаращив глаза, осмотрела Оскара с ног до головы: от лакированных ботинок до изящной шляпы.

— Что за костюм?

— Это… м-м, ну, он из Сената США, — жизнерадостно улыбнулся Норман. — Мой хороший друг.

Оскар мягко тронул Нормана за плечо.

— Нам пора, Норман, уже заказан столик на всю группу в креольском ресторане.

Норман покорно потащился за ним.

— А мне можно будет там выпить?

— Laissez tes bon temps rouler, — изрек Оскар по-французски.

— Это отличные ребята, — заявил Норман. — Ну, я имею в виду, конечно, они нарушители и все такое, но вообще-то они отличные ребята.

— Они служат в BBC, которые заняты грабежом.

— Да, верно. Это плохо. Это, правда, очень плохо. Знаешь, дело в том, что они военные, и потому ничего не понимают в политике.

Техасскую границу они пересекали под покровом влажной густой темноты. Команда до отвала наелась запеченных креветок и обжаренных в тесте хвостов аллигаторов, запитых почти непрерывно подливаемыми коктейльными сме-

сями и обжигающим кофе с бренди. Питание в креольском ресторане было поставлено с эпическим размахом. Там могли даже похвастаться специальными расценками для туристических автобусов.

Это была действительно прекрасная идея — остановиться и поесть. Оскар почувствовал, что настроение в их маленьком коллективе радикально изменилось. Команда действительно развеселилась. Одно дело знать, что ты путешествуешь по штату Луизиана, другое — ощутить сей факт в своем желудке и почувствовать, как упруго пульсирует обогащенная кровь.

Больше не было никакого Бостона. Не был глухого тупика после Массачусетской кампании. Они пребывали в междуцарствии, и кое-кто, если ему хватало сил, мог поверить, что находится в начале чего-то лучшего. Оскар никогда не сетовал на судьбу. Конечно, нынешнюю жизнь не назовешь нормальной, но нормальной у него никогда и не было. Тем не менее жизнь предлагала ему интересные проблемы, которые хотелось решить. Разве она может быть плохой? Ведь они все добропорядочные федералы.

Оскар был единственным бодрствующим в автобусе, если не считать трудягу Джимми, их во-

дителя, который получал дополнительную плату за то, чтобы не напивался до бесчувствия. Оскар почти всегда последним ложился и первым просыпался. Он вообще спал очень мало. Начиная с шести лет на сон у него обычно уходило не более трех часов в сутки.

Когда он был маленьким, то просто лежал молча в темноте и в долгие часы ночных бдений не торопясь планировал, как ему управиться с сумасшедшими причудами его приемных родителей из Голливуда. Выжить в окружении привычных для Вальпараисо денег, наркотиков и известности было делом, потребовавшим многих часов сосредоточенных размышлений и предусмотрительности.

Позже Оскар использовал свободное ночное время для других полезных вещей: сначала для учебы в Гарвардской школе бизнеса, затем для первых шагов в биотехнологическом бизнесе. Именно тогда он отыскал бухгалтера и финансиста Йоша Пеликаноса, оставшегося с ним на долгое время, а также преданного ему секретаря-распорядителя Лану Рамачандран. Он сумел удержать при себе этих двоих во время банкротства их первой кампании и провести сквозь жуткие дни, когда затеял рискованную опера-

цию с инвестициями в шоссе 128. Хотя бизнес более чем соответствовал талантам и склонностям Оскара, он, тем не менее, вскоре сделал неожиданный поворот и занялся политической деятельностью. Успешно проведенная кампания во время выборов в муниципальный совет Бостона привлекла к нему внимание Элкотта Бамбакиаса. Затем последовали выборы в американский Сенат. Занятия политикой означали для Оскара новую карьеру. Вызов. Цель.

Так что Оскар бодрствовал в темноте и работал. Обычно он заканчивал каждый день дневниковыми заметками, резюме предпринятых им действий и важных событий. Сегодняшней ночью он набросал осторожные комментарии к аудиозаписи разговора с представителями банды BBC. Он отослал зашифрованный файл с этой записью Элкотту Бамбакиасу снабдив пометкой «лично и конфиденциально». Привлечет ли переменчивое внимание шефа это отрывочное свидетельство нынешнего хаоса в Луизиане, предугадать было невозможно. Но было важно поддерживать постоянный поток сведений и консультаций через Сеть. Оставаться вне поля зрения сенатора могло быть даже в чем-то полезно, но исчезнуть из его головы было бы со стороны Оскара признаком

грубой профессиональной ошибки.

Оскар составил и отослал по Сети дружеский привет своей подружке Кларе, что жила в его доме в Бостоне. Проверил и подправил личные файлы. Подсчитал и суммировал дневные расходы. Он успокаивался, занимаясь ежедневными рутинными процедурами.

Да, ему удалось преодолеть много препятствий в прошлом, но то, что предстоит сейчас, может обернуться полным крахом.

С чувством хорошо выполненного долга, Оскар захлопнул лэптоп и приготовился заснуть. Долго ерзал и ворочался с боку на бок. Наконец снова сел.

Открыв лэптоп, Оскар в пятьдесят второй раз стал просматривать ленту с событиями в Вустере.

2.

Ученый был в мятой желтой безрукавке, безразмерных шортах «бермудах» и с непокрытой головой. На ногах болтались шлепанцы. Отсутствие головного убора шокировало Оскара. Он мог стерпеть толстые ляжки гида и даже кустистую неопрятную бородку. Но был не в состоянии воспринимать всерьез человека, не имевшего приличной шляпы.

Темно-зеленого окраса зверь, о котором шла речь, был жилист и шерстист. Это был бинтуронг — животное, предки которого обитали в Южной Азии. Бинтуронг давным-давно не существовал в естественном виде. Особь, которую они рассматривали, была клонирована в Бунском национальном Коллаборатории. Ее вырастили внутри видоизмененной матки домашней коровы.

Клонированный бинтуронг висел под парковой скамейкой, уцепившись за деревянную перекладину и облизывал щербатую крашеную деревяшку пятнистым узким языком. Размерами он был с плотно набитую сумку для гольфа.

— Ваша особь совершенно ручная, — вежливо

заметил Пеликанос, держа в руках шляпу.

Ученый замотал бородой.

— О, мы никогда не применяем слова «ручной» к животным Коллаборатория. Он деферализован. Но это совсем не то, что обычно подразумевается под дружелюбием.

Бинтуронг отцепился от скамейки и, спрыгнув на траву, побежал, по-медвежьи переваливаясь на лапах.

Зверь обнюхал кожаные ботинки Оскара, недовольно поднял кончик носа и неодобрительно фыркнул. С близкого расстояния Оскар смог рассмотреть его получше. Он больше всего походил на ласку. Большую ласку с мохнатым цепким хвостом, умеющую карабкаться на деревья. И вонючую.

— Похоже, придется нам купить бинтуронга, — улыбнулся Оскар. — Вы заворачиваете покупки в коричневую оберточную бумагу?

— Если вы подразумеваете, что хотите приобрести экземпляр для вашего друга сенатора… ну, это можно устроить, у нас есть каналы.

Оскар приподнял брови.

— Каналы?

— Ну, вы понимаете, каналы… Сенатор Дугал имеет связи и занимается этими делами… — Собе-

седник вдруг замолк, прервавшись на полуслове. Вид у него стал провинившийся и испуганный, как будто он умудрился выхлебать все служебное кофе и забыл подменить банку.

— Слушайте, я простой сотрудник, я ничего не знаю об этих делах. Вам надо обратиться к кому-нибудь из Спиноффса, из «Побочных продуктов».

Оскар развернул ламинированную складную карту территории Бунского национального коллаборатория.

— А где находится Спиноффс?

Гид услужливо ткнул пальцем в карту. На ладони были видны пятна от химикалий, а большой палец отливал бледной зеленью.

— Спиноффс — это то здание, что было слева от вас, как только вы въехали под главный купол.

Оскар рассматривал отлично напечатанную карту.

— Памятник Ачеру Парру за работы в области усовершенствования конкурентоспособности?

— Да, это он и есть. Спиноффс.

Оскар глянул наверх, на жаркое техасское солнце, и поправил поля своей шляпы. Тяжелые переплетения распорок купола прорезали небо прямо над ними, напоминая дизоскелет гигантской диатомеи. Уходящие ввысь прочные

каменные балки поддерживали оранжерейный пластиковый купол размером с большое хоккейное поле. Федеральная лаборатория была задумана, создана и выстроена в те времена, когда исследование рекомбинаций ДНК считалось столь же опасным, как создание ядерных установок. Гигантский купол Лаборатории был построен, чтобы выдержать торнадо, ураган, землетрясение, массированную бомбардировку.

— Мне никогда еще не приходилось бывать в закрытом помещении, для передвижения по которому требовалась бы карта, — заметил Оскар.

— К этому привыкаешь, — пожал плечами гид. — Ко всему привыкаешь. И к людям, что здесь обитают, и даже к кормежке в здешнем кафетерии… Коллабораторий становится домом для тех, кто остается здесь надолго. — Гид вдруг выдвинул вперед бородатую челюсть. — Но я не имею в виду то, что находится за стенами купола. Многие из нас так и не привыкли к Восточному Техасу.

— Мы очень благодарны вам за лекцию о местных животных, — сказал Пеликанос. — Было крайне любезно с вашей стороны потратить на нас время при вашем плотном рабочем расписании.

Зоолог с радостью схватился за висящий на поясе телефон.

— Вам вызвать провожатую из Паблик Рилейшн?

— Нет, — учтиво отказался Оскар. — Она была так любезна, что познакомила нас с вами, я думаю, дальше мы просто погуляем здесь сами.

Ученый потряс в воздухе допотопным телефоном федерального производства, заляпанным грязно-зелеными отпечатками пальцев.

— Может, подбросить вас в Спиноффс? Я могу вызвать транспорт.

— Мы лучше немного разомнем ноги, — со скромным видом заметил Пеликанос.

— Вы нам очень помогли, доктор Эверил Паркаш. — Оскар никогда не забывал имен. У него не было никаких особых причин запоминать имя доктора Эверила Паркаша. В БНК работало около двух тысяч сотрудников, не считая множества лаборантов, обслуживающего персонала и прочей публики. Оскар знал, что скоро он будет знать все лица, все имена и все досье местного центра. Это было хуже, чем просто привычка. Здесь, увы, он ничем не мог себе помочь.

Гид бочком потрусил в сторону Центра зооменеджмента, горя желанием вернуться в неубран-

ный грязный офис. Оскар приветливо улыбнулся и махнул рукой, как бы отпуская его.

Паркаш на прощание протявкал:

— Здесь поблизости есть винный бар! На той стороне дороги за Флакс НМР и Оборудованием.

— Прекрасный совет! Благодарим вас! Большое спасибо! — Оскар развернулся и двинулся к ближайшей кромке леса. Пеликанос поспешил за ним.

Вскоре они оказались в безопасном укрытии под высокими деревьями. Оскар и Пеликанос двигались по извилистой хлюпающей под ногами торфяной тропинке сквозь подрезанные и приглаженные заросли. Коллабораторий мог похвастать огромным ботаническим садом, почти что настоящей лесной чащей, где были собраны редкие образцы дикой природы. Устрашающие. Угрожающие. Вымершие и существующие лишь в своих механических подобиях. Дикая природа давно уничтожена климатическими перепадами, подъемом морей, бульдозерами и урбанизацией, размещением восьми миллиардов ста миллионов человеческих существ.

Все растения и животные являются клонами. Глубоко в каменном ложе скал под Коллабораторием расположен Национальный центр

консервации генома, где хранятся тысячи генетических образцов, собранных со всей планеты. Драгоценные ДНК в блестящих флягах с жидким азотом стоят плотными рядами, надежно закрепленные в вырытом машинами бесконечном лабиринте с известняковыми сводами.

Чтобы вырастить взрослый организм, было сочтено разумным брать небольшие кусочки образцов тканей. Благодаря этой давно установившейся практике генетическим данным все еще находилось применение. Как правило, выращенные живые создания были к тому же фотогеничны. Такие клонированные существа были незаменимы для рекламных фото. Сейчас, когда царство биотехнологии из таинственного и закрытого для непосвященных превратилось в стандартную и привычную технику, населенный клонами зоопарк Коллаборатория являлся его лучшей рекламой.

Чудовищные подземные своды стояли на первом месте в туристическом списке достопримечательностей, Оскару же их кафкианский пейзаж казался подавляющим. Однако ему очень нравились местные джунгли. Первобытная дикость обычно утомляла его, здешняя же была осовремененной и рационализированной

«карманной» версией дикой природы. Могучие деревья, способные разрушить человеческое жилище, имели вид безобидных рождественских елок с сочащимися надрезами на коре, текущим соком и бьющими струей гормонами. Деревья и кусты затейливо переплетались ветвями, напоминая позами пьяных туристов, в уединении встречающих рассвет.

Судя по картам Оскар и Пеликанос находились сейчас в дебрях, которые были промежуточной территорией, граничащей с Лабораторией зооинженерии, Лабораторией химии атмосферы, с Центром зооменеджмента и еще каким-то сложным агрегатом — установкой по переработке мусорных отходов Коллаборатория. Ни одно из этих разбросанных по сторонам строений не просматривалось из этого пьяного леса, за исключением, конечно, грубой, напоминающей крепость башни, где помещалась «Политика сдерживания». Массивная Хотзона, возвышавшаяся над всеми остальными строениями Коллаборатория, сверкала огромными глазурованными цилиндрами, которые были видны с любой точки внутри купола и как бы демонстрировали могущественное превосходство высококачественного фарфора.

Внутри искусственной чащи вряд ли были установлены подслушивающие устройства, так что они могли по пути поговорить без опаски.

— Я думал, мы никогда не отвяжемся от этого типа, — сказал Пеликанос.

— Ты хочешь мне что-то сказать, Йош? Пеликанос вздохнул.

— Мне хотелось бы узнать, когда мы, наконец, вернемся домой.

Оскар улыбнулся.

— Мы же только приехали. Тебе не нравятся техасцы? Они, конечно, излишне дружелюбны…

— Оскар, ты привез с собой всю команду — двенадцать человек. А здесь даже вряд ли найдется место, где можно с удобствами разместиться.

— Но мне нужны все двенадцать. Вся команда. Нам нужно быть готовыми к самым различным вариантам.

Пеликанос только удивленно хмыкнул, когда из-под сосновых ветвей появилось какое-то копытное животное, кажется, разновидность тапира, и пересекло тропинку, по которой они шли. Редкие виды зверей — от земляного волка до зебу — бродили по всей территории Коллаборатория: их можно было встретить на улицах и в садах, безвредных, безобидных, как священные

коровы.

— Ты уже выбил им отдых после кампании, — сказал Пеликанос. — Конечно, Бамбакиас в этом также участвовал, и они оценили этот жест. Но работа в избирательных кампаниях — это всегда временная работа. И сотрудники тебе больше не нужны. Тебе не нужны двенадцать человек, чтобы сделать доклад в Комитете при Сенате.

— Но они полезны! Разве ты не получал удовольствия от их работы? У нас есть автобус, у нас есть водитель, телохранитель, у нас есть даже массажистка! Мы живем как в лучших домах. Кроме того, они могут точно так же мыть посуду здесь, как и в любом другом месте.

— Это не ответ на мой вопрос. Оскар взглянул на него.

— На тебя это не похоже, Йош… А-а, ты скучаешь по Сандре.

— Да, — кивнул Пеликанос, — я соскучился по жене. Оскар махнул рукой.

— Тогда в твоем распоряжении трехдневный уик-энд. Слетай в Бинтаун. Ты заслужил, мы все это понимаем. Поезжай навестить Сандру. Погляди, как она там.

— Ладно, пожалуй, я так и сделаю. Слетаю повидать Сандру.

Оскар заметил, что Пеликанос повеселел. У помощника прямо на глазах повысилось настроение. Странно, но Пеликанос чувствовал себя счастливым. Несмотря на то что жена его была душевнобольной и лежала в клинике уже девять лет.

Йош Пеликанос был блестящим организатором, прекрасным бухгалтером и почти гениальным счетоводом, притом, что его семейная жизнь была сплошной трагедией. Оскар находил это исключительно интересным. Это задевало что-то глубокое в нем самом, его всегда одолевало жгучее любопытство по отношению к человеческим существам и к тем стратегиям и тактикам, с помощью которых их можно упросить или вынудить действовать определенным образом. Йош Пеликанос, казалось, шел по жизни подобно многим другим людям, но при этом всегда тайно нес на плечах такую ношу.

Пеликанос не понаслышке знал, что такое верность и преданность.

Самому Оскару не приходилось иметь дело ни с преданностью, ни с верностью, но он натренировал себя, чтобы различать эти качества у других. Не случайно Пеликанос был самым старым и постоянным сотрудником Оскара.

Пеликанос понизил голос.

— Но прежде чем я уеду, Оскар, у меня к тебе маленькая просьба. Мне нужно знать, что ты собираешься делать. Поделись со мной.

— Йош, ты же знаешь, как я тебя ценю и всегда делился.

— Хорошо, вот и сейчас попробуй.

— Отлично. — Оскар прошел под высокую зеленую арку, с розовыми цветами. — Рассмотрим нашу ситуацию. Я люблю заниматься политикой. Эта игра мне подходит.

— Босс, это всем известно!

— Я и ты, мы провели всего лишь вторую политическую кампанию и уже добились того, что наш кандидат прошел в Сенат. Это большое достижение. Федеральный Сенат — место, где ведется большая политика, чтобы под этим ни понималось.

— Ну да. И что?

— И вот после всех наших трудов мы опять оказываемся на задворках. — Оскар плечом отодвинул пахучую ветку. — Ты думаешь, миссис Бамбакиас действительно нужно это проклятое редкое животное? В шесть часов утра я по голосовой связи был вызван новым главой администрации. Он сообщил мне, что жена сенатора

заинтересовалась моим нынешним заданием и хочет иметь собственное экзотическое животное. Заметь, она не звонила мне и Бамбакиас тоже не звонил. Мне звонил Леон Сосик.

— Верно.

— Парень меня подставляет. Пеликанос задумчиво кивнул.

— Видишь ли, Сосик прекрасно знает, что ты сам метишь на его должность.

— Да. Он это знает. Значит, он звонил, чтобы проверить и убедиться, что я нахожусь здесь, в тихом месте, трачу время в Техасе. И потом он нахально всучил мне это задание, чтобы загрузить меня. Совершенно беспроигрышное предложение для Сосика. Если бы я не захотел оказать ему услугу, то стал бы дерьмом. Если же я проиграю или вляпаюсь в хлопоты, то он меня скинет, воспользовавшись этим. А если я все сделаю, то он воспользуется этим за мой счет.

— Сосик умеет вести борьбу. Он же провел годы на Холме. Сосик профессионал.

— Да, он профессионал. И по его мнению, мы всего лишь новички. Но мы победим его в любом случае. Знаешь, как? Это будет все равно, что организация кампании. Во-первых, мы пока не будем ни у кого вызывать особых опасений,

поскольку никто всерьез не верит, что у нас есть какие-нибудь шансы, пока мы здесь. Но потом мы взлетим на такой уровень — мы возбудим такие широкие ожидания, мы проведем кампанию с такой зажигательной силой, что просто сметем всех противников!

Пеликанос улыбнулся.

— Оскар, ты все такой же! Оскар поднял вверх палец.

— Слушай, какой у меня план. Мы находим крупных игроков здесь, выясняем их интересы и подрываем их игру. Наши приходят в восторг, а их люди в замешательстве. А потом, в конце, мы просто дезорганизуем любого, кто попытается нас остановить. Мы выясняем все про них и подбираемся к ним с той стороны, с которой они никак не ожидают, и мы идем все вперед и вперед, пока не добьемся победы!

— Похоже, нам предстоят великие дела.

— Да, так и есть, и для осуществления этих важных дел у меня уже есть люди. Они доказали, что могут работать вместе. Они обладают креативностью, они умны, и каждый из них чем-то мне обязан. Так как ты считаешь, я смогу это провернуть?

— Это ты меня спрашиваешь? — развел руками

Пеликанос. — Черт, Оскар! Я всегда готов попробовать. Ты же знаешь! — И он позволил себе издать короткий смешок.

Обветшалые спальные комнаты общежития Коллаборатория, предоставляемые гостям, выглядели уныло и неприветливо. Спальные комнаты были нарасхват, так как Федеральная лаборатория принимала бесконечные потоки странствующих ученых, работающих по контракту, и множество экзотических околонаучных служащих. Номера были двухсекционными, с непрочными стенками, общими ваннами и общими кухнями.

Казенная темно-коричневая мебель, несколько узких простынь и полотенец. Замки на дверях спален открывались с помощью ID-карточек Коллаборатория. Очевидно, электронные карты и электронные замки в дверях автоматически фиксировали ежедневный вход и выход каждого, облегчая работу местной службе безопасности.

В обширном комплексе, размещавшемся под куполом, не бывало перемен климата. Здесь изначально имелось чудовищное количество приспособлений, обеспечивающих удобства — раздвижные ставни, ослепительно сверкающие светильники, огромные воздушные цеолитовые

фильтры. Работа этих устройств сопровождалась постоянным шумом глубоко запрятанных генераторов. Биотехнологические лаборатории оборудовались как укрепленные крепости. В противовес этому, в личных жилищах служащих практически не было изоляции — только бумажные стенки и тонкие потолки. Непрочные спаленки были маленькими, плотно заставленными и шумными.

Потому Донна Нуньес занималась кройкой и шитьем, укрывшись под ветвями за корпусом Обеспечения занятости. Донна принесла с собой корзинку с шитьем и кое-какую одежду их команды. Оскар захватил свой лэптоп. Он не любил работать в спальне, поскольку был уверен, что вся комната нашпигована жучками.

Здание Обеспечения занятости было одним из многих строений в центре площадки, вкруг которой шла дорога, окаймлявшая сверкающие фарфоровые бастионы Хотзоны. Вокруг Хотзоны размещались многочисленные участки с экспериментальными сельскохозяйственными культурами — сорго, выращиваемом на морской воде, буйными зарослями риса и какими-то побочными генетическими отпрысками то ли черники, то ли голубики. Поля в свою очередь

были огорожены маленькой двусторонней дорогой. Эта кольцевая дорога являлась главной дорожной артерией внутри Коллаборатория, так что выбранное ими место было удобным пунктом для наблюдения за местными обитателями.

— Я на самом деле стараюсь не обращать никакого внимания на эти вонючие вшивые спальни, — мелодично пропела Донна. — Здесь под большим куполом так уютно и запахи приятные. Здесь, если захотеть, можно вообще не жить в помещении. Здесь можно бродить голыми, как животные.

Донна наклонилась и погладила по голове подошедшее к ним животное.

Оскар пристально посмотрел на это создание. Особь глядела на него бесстрашно, не отводя взгляда, его темные навыкате глаза были бессмысленно-многозначительными, как пустая планшетка для спиритического сеанса. Деферализация, побочный результат расцвета неврологических исследований Коллаборатория приводила всех местных животных в странное состояние мягкой отстраненности.

Эта особь выглядела здоровой и цветущей, как чье-то рекламное изображение на коробке с хлопьями, — с чистыми безкариесными клыками,

с лоснящейся, будто налакированной шерстью. Тем не менее у Оскара сложилось интуитивное убеждение, что животное испытало бы огромную радость, если бы могло убить и съесть его. Таков был самый первый импульс, который ощутил Оскар при обмене взглядами. Почему-то ему не хотелось углублять их контакт.

— Вы случайно не знаете, как зовут это создание? — спросил Оскар.

Донна осторожно погладила длинный изогнутый нос зверя. Тот от восторга открыл пасть и высунул жуткий серый язык.

— Может быть, свинья?

— Нет, это не свинья.

— Ну и ладно, кто бы это ни был, а он мне нравится. Он ходил за мной все утро. Он прелесть, правда? Уродец, конечно, но такой милый уродец. … Животные здесь никому не причиняют вреда. Они им что-то такое дают. Для мозгов или еще чего-то.

— О, да! — Оскар нажал на клавишу. Быстро и бесшумно лэптоп начал выдавать на экран длинные списки расходов Коллаборатория, которые по сумме впятеро перекрывали те, что были в официальных подконтрольных записях по штату Техас. Это выглядело весьма интригующее.

— А вы будете доставать то экзотичное животное для миссис Бамбакиас?

— После выходных. Пеликанос вернулся в Бостон. Фонтено где-то охотится с Бобом и Одри… Сейчас я просто пытаюсь привести в порядок некоторые записи. — Оскар пожал плечами.

— Как вы думаете, я ей понравилась? Миссис Бамбакиас? Мне было приятно заниматься ее одеждой во время кампании. Она по-настоящему элегантна и была со мной очень мила. Я подумала, не сможет ли она меня взять в Вашингтон. Хотя я не подойду там.

— Почему же нет? — Оскар вслепую набрал комбинацию для запуска поисковика, который не входил в государственный федеральный координационный центр в Батон Руж, и затребовал записи недавних подарков или благотворительных грандов губернатора Луизианы.

— Ну понимаете… я слишком стара? Двадцать лет проработала в банке. Ручным шитьем занялась, только когда разразилась гиперинфляция.

Оскар нашел четыре ссылки, подходящие для дальнейшего расследования.

— Думаю, вы себя недооцениваете. Миссис Бамбакиас ни разу не упоминала ваш возраст.

Донна уныло покачала головой.

— Эти молодые женщины гораздо лучше приспособлены к новым временам. Они заботятся о персональном имидже. Им нравится работать в команде, и они любят быть в форме: следят за модной одеждой и обувью, заботятся о прическах. Они стремятся к карьере. И Лорена Бамбакиас тоже захочет кого-нибудь нанять. Ей нужны будут имиджмейкеры, которые смогут позаботиться о представительном внешнем виде для публики Вашингтона и Джорджтауна.

— Но вы прекрасно заботитесь о нас! Сравните, как выглядим мы и как выглядят те, кто работает здесь.

— Вы не понимаете, — терпеливо начала объяснять Донна, — местные ученые одеваются, как попало, поскольку могут обойтись и без этого.

Оскар проводил взглядом проезжающего мимо мотоциклиста. Рубашка водителя плескалась за его спиной, как флаг на ветру, он был босиком и без шляпы. Волосы всклокочены. Одеться хуже было просто невозможно.

— Согласен с вами.

Оскар чувствовал, что Донна была в настроении пооткровенничать. В принципе он всегда стремился появляться в жизни своих сотрудников в тот момент, когда они желали пооткровенни-

чать.

— Жизнь иногда насмехается над нами, — вздохнула Донна. — Помню, как я ненавидела, когда мать обучала меня шить. Я поступила в колледж. Мне никогда не приходило в голову, что я стану заниматься ручным шитьем и работать имиджмейкером. Когда я была молодой, никому и в голову не могло прийти заниматься ручным шитьем. Мой бывший муж расхохотался бы во весь голос, если бы я предложила вручную сшить ему костюм.

— Донна, а как сейчас ваш бывший муж?

— Он живет в уверенности, что настоящие люди работают с девяти до пяти. Он идиот, — она помолчала. — Кроме того, его уволили, он разорен.

Люди в белоснежных, без единого пятнышка халатах появились среди посевов генетически усовершенствованных зерновых. В руках у них были блестящие алюминиевые опрыскиватели, сверкающие хромированные ножницы, высокотехнологичные титановые мотыги.

— Мне так нравится здесь, — сказала Донна. — Как мило со стороны сенатора прислать нас сюда. Это гораздо лучше, чем я представляла. Воздух пахнет так необычно, вы заметили? В таком

месте я смогла бы жить, если бы еще поменьше разгильдяев в лохмотьях…

Оскар по быстрым ссылкам вышел на записи заседания сенатского комитета по науке и технике 2029 года. Архивы шестнадцатилетней давности содержали отчеты об основании Бунского национального коллаборатория. У Оскара появилось чувство абсолютной уверенности в том, что эти архивные документы никто внимательно не просматривал на протяжении многих лет. Они были битком набиты ценными сведениями.

— Это была тяжелая кампания. После таких трудов необходимо немного расслабиться. Вы это заслужили.

— Да, кампания меня утомила до смерти, но я довольна. Мы действительно сработались, мы прекрасно сотрудничали. Знаете, мне нравится политика. Если следовать демографическим отчетам, то я отношусь к категории американских женщин «от пятидесяти до семидесяти», то есть к тем, для кого жизнь не имеет смысла. Никогда уже ничто не вернется к тому, к чему я приучена и чего я могу ожидать. И даже если развалится экономика и Сеть съест все… Но когда занимаешься политикой, все выглядит по-другому. Я не чувствую себя былинкой, несущейся по ветру. Я

на самом деле однажды почувствовала, что это я изменяю мир. А не мир изменяет меня.

Оскар внимательно и с сочувствием посмотрел на нее.

— Донна, вы прекрасный работник. И надежный человек. Когда сидишь в замкнутом помещении, в стрессовой и давящей обстановке, очень важно, чтобы кто-то в команде обладал спокойным характером и уравновешенностью. И даже немного философствовал. — Оскар улыбнулся подмигивая.

— С чего это вы, Оскар, так любезничаете? Уж не собираетесь ли вы меня уволить?

— Ни в коем случае! Наоборот, я бы очень хотел, чтобы вы остались с нами. По крайней мере еще на один месяц. Понимаю, что это не слишком многообещающее предложение для женщины с вашими талантами, вы ведь можете найти себе что-либо более постоянное. Но Фонтено тоже остается пока с нами.

— Остается? — Она недоуменно посмотрела на него. — Но почему?

— И, конечно же, Пеликанос, и Лана Рамачандран, и я — мы все будем вкалывать изо всех сил… Так что и для вас найдется работа. Не совсем то, что во время кампании, конечно, ничего столь

напряженно-лихорадочного, но правильный имидж для нас очень важен. Даже здесь. Может быть, здесь в особенности.

— Я могу на некоторое время остаться с вами. Но, Оскар, я ведь не вчера родилась. Вам лучше рассказать мне, в чем дело.

Оскар со щелчком захлопнул лэптоп и встал.

— Да, вы правы, Донна. Нам надо серьезно поговорить. Давайте немного прогуляемся.

Донна быстро собрала корзинку с шитьем и вскочила. Она знала привычки Оскара и была польщена тем, что удостоилась особого конфиденциального разговора. Оскар был тронут ее простодушной наивностью — она с увлечением оглядывалась через плечо, будто ожидая заметить, как за ними следят киноэкранные злодеи в черных масках.

— Видите ли, в чем дело, — тихо начал Оскар, — мы выиграли кампанию, и выиграли ее, потому что не боялись идти вперед. Однако Бамбакиас пока что новое лицо в политике, чужак. Хотя он получил должность, ему еще придется добиваться большего политического влияния, добиваться доверия. Пока он — всего лишь молодой сенатор от Массачусетса. Чтобы выдвинуться, надо суметь поднять и успешно разрешить какую-нибудь

серьезную проблему.

— Да, конечно.

— Он архитектор, строитель широкого профиля, который ввел в практику совершенно новый способ строительства. Следовательно, научно-технические проблемы — как раз то, что ему подходит. — Оскар помолчал, взвешивая слова. — И конечно же, развитие городов. Однако это пока не наша проблема.

— Наша проблема — то место, где мы находимся? Оскар кивнул.

— Именно. Я уверен, что в этой гигантской, запертой под куполом генной лаборатории можно откопать что-то этакое, что даст мировой резонанс. Конечно, это не самое большое сенатское задание, это не сравнимо с Голландской холодной войной или с катастрофой в Роки. Но Лаборатория по сей день остается самым крупным федеральным проектом. Когда он только начинался, все работало блестяще — здесь было сделано множество фундаментальных открытий в биотехнологии, что обеспечило резкий подъем американской промышленности, особенно в окрестностях Луизианы. Но эти славные дни уже далеко в прошлом, и ныне это место является просто бочкой с салом (Бочка с салом (амер.

полит, жарг.) — общественная «кормушка», т. е. деньги, выделяемые казной местным властям для общественных нужд.) И я даже не знаю, с чего здесь начать.

Донна выглядела польщенной его откровенностью.

— Так вы уже начали работать?

— Ну… Официально я здесь по заданию Сенатского комитета по науке. Формально ничто не связывает меня с Бамбакиасом. Но организовал все это он. Сенатор считает, что местечко нуждается в серьезной встряске. Так что наша задача — добыть для него нужную информацию, чтобы он смог предложить эффективные реформы. Мы закладываем основу его первого успеха среди избирателей.

— Понятно.

Оскар вежливо поддержал ее под локоть, когда им пришлось уступить дорогу проходящему окапи.

— Я не хочу сказать, что работа будет легкой. Она может выйти нам боком. Слишком много переплетений интересов. Тайные махинации. Гораздо больше, чем видится на первый взгляд. Но если бы это была легкая работа, с ней могли бы справиться и другие люди. Не обладающие

нашими талантами.

— Я останусь с вами!

— Отлично! Я очень рад.

— Это я очень рада, что вы так откровенны со мной, Оскар. И знаете, думаю, мне нужно сказать прямо сейчас. Проблема с вашим происхождением меня совершенно никогда не волновала. Совершенно. Я имею в виду, что я обдумала это, а потом просто выкинула из головы.

Кажется невероятным, чтобы кому-то пришло в голову вести важные телефонные разговоры на детской площадке. Именно поэтому Фонтено организовал все так, чтобы звонок сенатора застал Оскара здесь. Оскар наблюдал за неугомонной стайкой детей работников лаборатории, орущих на спортивной площадке, как дикие обезьяны в джунглях.

Фонтено осторожно прикрепил сертифицированный Секретной службой шифратор к микрофону разноцветной телефонной трубки.

— Будет небольшая задержка при разговоре, — предупредил Фонтено. — Они там, в Бостоне, должны расшифровывать то, о чем вы будете говорить.

— А как местные службы? Они могут отследить?

— Ты уже был у них?

— Нет, пока нет.

— А я к ним заходил. Наверное, несколько десятилетий назад они воспринимали вопросы безопасности более серьезно. А сейчас здесь можно хоть на помеле летать, никто ничего не заметит. — Фонтено повесил ярко раскрашенную телефонную трубку на пластмассовый аппарат, потом повернулся и посмотрел на дурачащихся детей. Как и их родители, они были без головных уборов, взлохмачены и плохо одеты.

— Милые дети.

— М-м…

— У меня никогда не было времени на то, чтобы завести своих… — В глазах Фонтено читалась скрытая боль.

Телефон зазвонил. Оскар сразу же ответил: — Да?

— Оскар!

Оскар непроизвольно выпрямился.

— Да, сенатор.

— Рад тебя слышать, — провозгласил Бамбакиас. — Рад слышать твой голос. Я послал несколько файлов некоторое время назад, но это совсем другое.

— Да, сэр.

— Хочу поблагодарить тебя за то, что привлек мое внимание к делам в Луизиане. Эти ленты, что ты прислал, — звучный голос Бамбакиаса набрал силу, как будто он выступал перед публикой, — этот блокпост ВВС. Это неслыханно, Оскар! Возмутительно!

— Да, сэр.

— Совершеннейший скандал! Разбой! На службе, в военной форме! Наши собственные вооруженные силы! — Бамбакиас сделал короткий вздох и продолжил с еще большей силой и убедительностью: — Но как, во имя всех святых, мы можем требовать верности от мужчин и женщин, поклявшихся защищать свою страну, когда мы цинично используем их как пешки в низкой и грязной политической игре? Мы ведь буквально оставили их подыхать во тьме с голоду и холоду!

Фонтено подошел к детям, качавшимся на качелях. Сняв пиджак и шляпу, он стал заботливо поддерживать трехлетнего малыша, извивавшегося как червяк на конце доски.

— Сенатор, в наши дни никто не голодает. Когда еда так дешева, как сейчас, это просто невозможно. Кроме того, замерзнуть на юге Луизианы тоже трудно.

— Ты упускаешь главный момент моих рассуж-

дений. Эта база больше не финансируется. У нее нет никакого легального статуса. Если верить бюджетным отчетам Чрезвычайного комитета, то такой военно-воздушной базы не существует! Они просто вычеркнули ее из списка! Они превратили ее в политическое ничто одним росчерком бюрократического пера!

— Ну, это уже похоже на правду.

— Оскар, это важная проблема. Америка имела свои взлеты и падения, никто этого не отрицает, но мы все еще являемся могущественной державой. Ни одна могущественная держава не может обращаться со своими солдатами таким образом. Я не вижу ни одного смягчающего обстоятельства для всего этого. Это абсурд, несусветная глупость! Что, если такое поведение станет всеобщим? Мы что, хотим, чтобы наша армия, флот и морская пехота обыскивали на дорогах мирных граждан — своих избирателей — просто потому, что им не на что жить? Это мятеж! Прямой разбой! Это пахнет государственной изменой!

Оскар отвернулся от пронзительно кричащих детей и поплотнее прижал трубку к уху. Оскару было прекрасно известно, что заставы на дорогах стали обычным делом. В один несчастный день орды людей заблокируют все улицы и дороги

США. Блокпосты уже не считались грабежом на дороге, они превратились в повсеместно принятую форму гражданского неповиновения. Заставы были в реальном мире просто аналогом того, что происходило в информационных потоках: перебои в работе, спам и отказ в обслуживании. То, что в этом приняли участие ВВС, — лишь экзотическое расширение самой обычной практики.

Но, с другой стороны, риторика Бамбакиаса имела смысл. Его слова звучали строго и обладали большой пробивной силой. Они были ясными, их можно было повторять и цитировать. Все это было немного притянуто за уши, но очень патриотично. Красота политики как вида искусства заключалась в отсутствии ограничений на формы, отличающиеся от стандартного реализма.

— Сенатор, в том, что вы говорите, есть большой смысл.

— Спасибо, — сказал Бамбакиас. — Конечно, говоря юридическим языком, мы пока что ничего не можем сделать с этим скандалом. Пока еще я не утвержден в должности и к присяге меня приведут не раньше середины января.

— Не можем?

— Нет. Поэтому, я считаю, необходимо мораль-

ное давление.

— Ага.

— По крайней мере — и это совсем не так не много — я могу продемонстрировать личную солидарность с бедственным положением наших солдат.

— Да?

— Завтра утром. У меня состоится сетевая конференция здесь, в Кембридже. Лорена и я объявим голодовку. До тех пор пока конгресс Соединенных Штатов не согласится кормить наших мужчин и женщин, которые носят военную форму, до тех пор я и моя жена будем голодать.

— Голодовка? — переспросил Оскар. — Это весьма радикальная мера для избранного федерального служащего.

— Думаю, ты не ожидаешь от меня, что я продолжу голодовку, после того как приму присягу и буду утвержден в должности, — резонно возразил Бамбакиас. Он понизил голос. — Слушай, мы считаем, это вполне выполнимо. Мы уже обсудили это в вашингтонском офисе и кембриджской штаб-квартире. Лорена говорит, что мы оба сильно растолстели, обжираясь на ужинах во время кампании. Если этот гамбит и стоит разыгрывать, то сейчас самое подходящее время.

— Будет ли это… — Оскар подыскивал подходящее слово, — будет ли это созвучно достоинству сенатора?

— Видишь ли, я никогда не обещал избирателям быть достойным сенатора, я обещал им результаты. Вашингтон утратил хватку. Чего бы там ни делали, все хуже. Если я не перехвачу инициативу у этих сукиных детей из Чрезвычайного комитета, то могу объявить себя декоративной подставкой для книг. Я не для того рвался сюда.

— Да, сэр, — сказал Оскар, — я знаю.

— У нас есть и запасной вариант… Если голодовка не принесет результатов, мы пошлем колонну машин со спасательной миссией от нашего собственного имени. Мы поедем в Луизиану, где находится эта база.

— Вы хотите организовать нечто вроде наших агитационных ралли во время кампании?

— Да, но уже в национальном масштабе. Мы объявим сбор через наших партийных представителей и через Сеть, организуем активистов и двинемся в Луизиану. Все в национальном масштабе, Оскар. Быстрое создание команд, спасательная служба, большие благотворительные взносы, пикеты, марши, поддержка в прессе. Все по полной программе.

— Мне это нравится, — сказал Оскар. — Да, очень нравится. Это впечатляет.

— Я знал, что ты оценишь это. Так, как ты думаешь, в качестве угрозы при провале голодовки, это сработает?

— Да, обязательно! — тут же отозвался Оскар. — Они прекрасно понимают, что вам под силу организовать гигантский марш протеста, так что поверят такому заявлению. Про милитаристский протест — звучит великолепно! Но я бы хотел вам дать совет, если только вы не возражаете.

— Да?

— Голодовка — это очень опасно. Драматический моральный вызов — сильная мера. Они будут вас проверять.

— Я знаю и не боюсь этого.

— Позвольте мне выразить ту же мысль другими словами, сенатор. Вам и вашей жене лучше по-настоящему голодать.

— Все правильно, — сказал Бамбакиас. — Это выполнимо. Мы наголодаемся на много лет вперед.

Как и многие другие элементы современной американской государственной структуры, Бунский национальный коллабораторий управлялся Комитетом. Местную власть представляли десять

человек, возглавляемые директором Коллаборатория доктором Арно Фелзианом. Остальные члены дирекции были главами девяти административных подразделений.

Закон о свободе информации требовал еженедельных открытых для публики заседаний дирекции. «Открытость» ныне подразумевала подключенную к Сети камеру. Но в Бунском национальном коллабораторий все еще сохранялись старые традиции, сотрудники Коллаборатория нередко сами появлялись на заседаниях дирекции, особенно если ожидалось нечто подобное бою быков.

Оскар решил, что будет физически присутствовать на всех заседаниях. Он не планировал выступать там как официальное лицо или каким-либо иным образом участвовать, он просто хотел, чтобы его там увидели. И чтобы быть уверенным, что его заметят, он захватил с собой сетевого администратора Боба Аргова и специалиста по оппо Одри Авиценне.

Студия, где проходили заседания дирекции, находилась на втором этаже пресс-центра Коллаборатория, отделенного от главного административного здания зеленой лужайкой. Дизайн студии создавался для публичных заседаний

2030-х годов, он включал идущие амфитеатром ряды сидений, хорошую акустику и умело расположенную камеру для репортажей.

Местное управление Коллаборатория имело свою непростую историю. Во время внутренних склок 2031 года был разрушен и частично сожжен сетевой центр. Поврежденная студия в течение долгого времени не восстанавливалась, так как последующие годы были посвящены «охоте за ведьмами» и скандалам, связанным с экономической войной. Отремонтировали и привели студию в сносный вид только в 2037 году, когда дирекция Коллаборатория укрепила финансовое положение, находившееся до этого в перманентно кризисном состоянии. Сожженные пожаром стены были заклеены обоями, а внутри создано подобие уюта. Из-за расставленных по всем углам горшков с растениями студия приобрела сходство с джунглями в миниатюре.

Устройство подиума, где разместилась дирекция, было функциональным: по бокам звуковые колонки, сверху лампы, мебель федерального образца — казенный стол и стулья. Работали автоматические камеры.

Правление храбро продиралось сквозь повестку дня. Текущим вопросом была замена сантехниче-

ского оборудования в кафетерии Коллаборатория. Глава отдела контрактов и контроля вышел на ковер и стал монотонно зачитывать пункты необходимого ремонта сточных труб.

— Прямо не верится, что все так ужасно, — пробормотал Аргов.

Оскар ловко повернул к нему экран лэптопа.

— Боб, я кое-что хотел бы показать тебе.

— Не может же быть все настолько плохо! — продолжал Аргов, игнорируя Оскара. — Пока я сюда не попал, никогда не подозревал, до какой степени мы причиняем вред. Я говорю о человеческой расе. Мы наносим нашей планете чудовищный вред! Кто хоть раз всерьез над этим задумается, у того волосы встают дыбом. Вы понимаете, какое количество живых существ мы уничтожили за последние пятьдесят лет? Это глобальная катастрофа!

Одри наклонилась к нему через плечо Оскара.

— Боб, ты же обещал, что бросишь пить.

— Я трезв как стеклышко, ты, сварливая старуха! Пока ты сидела в спальне, уткнувшись носом в экран, я прошелся по здешним садам. С жирафами. И золотыми мартышками. Здесь все вопиет о массовом уничтожении! Мы отравили океан, мы сожгли и распахали дикие леса, мы умудрились

испортить даже погоду! И все ради современного образа жизни, не так ли? Восемь миллиардов психически больных уродов, выращенных на средствах массовой информации!

— Ладно, — фыркнула Одри, — и ты единственный, кто отдает себе в этом отчет.

Аргов трагически понурил голову.

— Верно! И в этом камень преткновения! Видишь ли, я знаю, что сам также являюсь частью проблемы. Я потратил жизнь на установку сетей, тогда как планета вокруг меня разрушалась. Ну так что ж, ведь и ты тоже, Одри. Мы оба виноваты, но разница между нами в том, что я признаю правду. Меня волнует истина. Меня это трогает вот здесь. — Аргов ткнул себя в пухлую грудь.

Обычно резкий голос Одри стал мягче шелка.

— Ну я бы не стала так спешить, Боб. Ты не настолько хорош в работе, чтобы представлять реальную угрозу.

— Не обращай на него внимания, Одри, — вступился Оскар.

Одри Авиценне была профессионалом в оппо — исследовании мнений политических противников. Когда она заводилась, ее критика становилась убийственной.

— Послушай, мы все приехали сюда, и я сижу

за этой чертовой работой. А этот ухмыляющийся мальчишка позволяет себе впасть в депрессивное уныние и вселенскую скорбь. И что, он думает, раз я провожу много времени в Сети, то не могу ценить природу? Я прекрасно знаю и птиц, и пчел, и бабочек, и капусту, и все остальное.

— А я знаю, что планета идет в тартарары, а мы сидим в этом тупом месте и внимаем идиотическим сотрясениям воздуха по поводу сточных труб!

— Боб, — спокойно сказал Оскар, — ты кое-что упустил.

— Что?

— Все очень плохо, ты прав. Но на самом деле все еще хуже. Намного хуже. Однако мы находимся в самом крупном на планете исследовательском биологическом центре и сидящие перед нами люди ответственны за то, как все повернется дальше. Так что ты сейчас — на передней линии фронта. Ты можешь чувствовать себя виноватым, однако, если не сможешь ничего переделать здесь и сейчас, твоя вина еще более возрастет. Потому что мы облечены властью, и ты теперь точно так же ответственен за все.

— Ого, — выговорил Аргов.

— Так что лучше берись за дело. — Оскар вновь

обернулся к экрану лэптопа. — Вот, посмотри сюда. И ты тоже, Одри. Вы же профессионалы, а мне нужен ваш совет.

Аргов внимательно посмотрел на экран оскаровского лэптопа. Его совиные глаза заблестели.

— Угу… да, я видел такое. Это…

— Алгоритмический пейзаж, — нетерпеливо перебила Одри. — Визуальная карта.

— Я только что получил эту программу от Леона Сосика, — пояснил Оскар. — Эта компьютерная модель — симулятор текущих политических процессов. Вот эти горы и долины предположительно отражают тенденции, имеющиеся в политике на сегодняшний день. Рейтинг в прессе, поддержка избирателей, динамика лоббистских фондов, десятки факторов, которые Сосик ввел в симулятор. … А теперь глядите. Видите, я двигаю курсор… Вам видна эта большая желтая амеба, сидящая на пурпурном фоне? Она обозначает текущее положение сенатора Бамбакиаса.

— Да? — недоверчиво переспросил Аргов. — А почему он скатывается по склону?

— Отнюдь. Он не скатывается. Он сейчас поднимается по склону… — Оскар дважды кликнул мышью. — Видите, та горная цепь цвета хаки представляет положение военных… А теперь я

запущу симуляцию начиная с прошлой недели и доведу до сегодняшней утренней пресс-конференции… Видите путь, которым он выбирается из болота на тот выступ и затем внезапно совершает рывок?

— Ух ты! — сказала Одри. — Мне всегда нравилась мгновенная лепка кадра старомодной компьютерной графики.

— Отстой! — пробурчал Аргов. — Никакая хитроумная симуляция не гарантирует вам реальной картины политической жизни. Речь вообще не о реальности!

— Хорошо, значит, это — не реальность. Я понимаю, что это не реальность, это очевидный факт. Но что, если это работает?

— Ну, — Аргов задумался, — даже в этом случае не слишком поможет. Даже если у тебя появляется какая-то техника, которая работает, это всегда ненадолго. Очень быстро другие также получают аналогичную технику, и тогда ты теряешь все свои преимущества, то есть опять оказываешься на той позиции, с которой стартовал. За тем только исключением, что общая картина становится гораздо сложней.

— Спасибо тебе, Боб, за разъяснение технического аспекта. — Оскар помедлил. — Одри, а ты

не знаешь, с какой стати Леон Сосик вздумал прислать мне эту программу?

— Может быть, он оценил ваш жест с пересылкой самолетом бинтуронга?

— Может, он рассчитывал, что программа вас впечатлит, — встрял Аргов. — Или, может, он настолько стар, что уже ничего в этом не смыслит и в самом деле верит, что это новая разработка.

Оскар бросил взгляд поверх экрана. Люди, сидящие на сцене звуковой съемочной площадки, внезапно замолчали. Они увидели его.

Директор Коллаборатория и его девять функционеров, казалось, застыли на миг, будто заколдованные чьими-то чарами. В рассеянном освещении они выглядели как небольшая картина Рембрандта. Оскар знал их имена — он никогда не забывал имен, — но в этот момент почему-то мысленно пометил девятерых членов правления, как Административная поддержка, Компьютеры и коммуникации, Контракты и контроль, Служба финансов, Человеческие ресурсы, Информация по генетике, Оборудование, Биомедицина и, наконец, последним по списку, но не по значению, Служба безопасности. Они заметили его и — как внезапно понял Оскар — были напуганы.

Они знали, что в его силах нанести им вред.

Он просочился в их башню из слоновой кости и расследует их деятельность. Он новичок здесь, он ничего не должен никому из них, а они все виноваты.

Взгляды незнакомых людей никогда не волновали Оскара. Его детство прошло среди знаменитостей. Человеческое внимание подпитывало какие-то тайные, глубоко спрятанные психические силы, которые росли и укреплялись от такой подпитки. Он не был жесток по натуре — но знал, что в игре бывают такие моменты, когда требуется прямое и примитивное запугивание. И такой момент сейчас наступил. Оскар оторвался от экрана лэптопа и устремил на сидящих директоров свой самый лучший — убийственный — взгляд из серии «Мне все известно».

Директор вздрогнул и вцепился в повестку дня. Он ударился в обсуждение качественных оценок затрат, которые сделала служба технологической передачи.

— Оскар, — прошептала Одри. Оскар кое-как перегнулся к ней. — Да?

— С чего это Грета Пеннингер так уставилась на тебя?

Оскар опять взглянул на съемочную площадку. Он и не заметил, что Оборудование как смотрело

на него, так и продолжало смотреть сейчас. Они все подняли на него глаза, но только Грета Пеннингер не отвела взгляда. На ее бледном худом лице застыло сосредоточенно отсутствующее выражение, как у женщины, наблюдающей за осой на оконном стекле.

Оскар внушительно взглянул на доктора Пеннингер. Их взгляды встретились. Доктор Пеннингер задумчиво жевала конец карандаша, цепко зажав его паучьими хирургическими пальцами с синими узлами вен. Казалось, она смотрит сквозь него и находится где-то далеко отсюда. Так длилось довольно долго, потом она заткнула карандаш за ухо, в темные, стянутые позади в конский хвост волосы.

— Грета Пеннингер, — задумчиво протянул Оскар.

— Она тут скучает, — предположил Аргов.

— Ты так думаешь?

— Ага. Она ведь гениальный ученый. Знаменитость. А эти административные посиделки наводят на нее смертельную скуку. Это даже мне смертельно скучно, хотя я и не обязан этим заниматься.

Одри быстро запрашивала на лэптопе досье на Грету.

— А я думаю, вы ей нравитесь.

— Почему ты так считаешь? — поинтересовался Оскар.

— Потому что она все время смотрит на вас и теребит кончик волос, наматывая его на палец. И я видела, как она один раз облизнулась.

Оскар тихо рассмеялся.

— Да нет, я не шучу. Она не замужем, а вы здесь новый парень. Почему бы ей не заинтересоваться? Я знаю, я бы заинтересовалась.

Одри пролистала оппо-файл.

— Ого, ей всего лишь тридцать шесть, представляете. Она бы не должна так плохо выглядеть.

— Выглядит она жутко, — подтвердил Аргов. — Еще хуже, чем ты думаешь.

— Нет, она может выглядеть неплохо, если постарается. У нее асимметричное лицо, и потому ей не следует зачесывать волосы назад, — критически заметила Одри. — Но она высокая и стройная. Она могла бы хорошо одеваться. Донна могла бы с ней поработать.

— Сомневаюсь, что Донна захочет взвалить на себя такую обузу, — возразил Аргов.

— Спасибо, ребята, у меня уже есть девушка, — сказал Оскар. — Но раз уж открыли файл, скажите, чем конкретно занимается доктор Пен-

нингер?

— Она невролог. Системная зооневрология. Она получила главную премию за нечто, названное «Радиолигандная Фармакокинетики».

— То есть она все еще работает как исследователь? — спросил Оскар. — А с какого времени она занимает административный пост?

— Сейчас найду, — с готовностью отозвалась Одри, быстро нажимая на клавиши. — Так, она здесь в Буне шесть лет… Шесть лет проработать в таком месте, можете себе вообразить? Ничего удивительного, что она выглядит нервной… Ага, вот, она была избрана главой подразделения по оборудованию четыре месяца назад.

— Тогда она, правда, скучает, — решил Оскар. — Она скучает по своей работе. Это весьма интересно. Запиши, Одри.

— Да?

— Да. Надо пригласить ее на ужин.

Оскар организовал для команды выезд на автобусе, нечто вроде пикника, чтобы поддержать иллюзию «отпуска» и отъехать подальше от всякой механики. Самым главным было то, что это давало некоторую передышку от психологического давления, которое они испытывали под гигантским куполом Коллаборатория.

Автобус кампании припарковался на придорожной стоянке вблизи государственного парка, называемого Большая Чаща. Эта Чаща занимала на удивление крупный кусок техасской территории, который каким-то образом не был занят фермерами и поселениями. Было бы неверно назвать это место «неиспорченной дикой природой», поскольку оно весьма сильно пострадало от климатических перемен, однако для людей, прибывших из Массачусетса, здешние техасские перемены имели всю прелесть новизны.

День выдался сырой и облачный, немного моросило, но было приятно, что вообще имелась погода. Пахучий ветер Чащи уж точно был не кондиционированным, а настоящим воздухом, возможно, и не столь свежим, как искусственно очищенный воздух внутри Коллаборатория, — но он нес целую гамму разнообразных запахов, запахов мира, расстилающегося до горизонта. Кроме того, Фонтено захватил с собой переносную газовую печь, чтобы они не замерзли. Фонтено только что купил ее, уже сильно подержанную, в креольской закусочной в Мамоу. Печь была составлена из разобранного бочонка из-под масла, обожженного жестяного противня и медных пропановых горелок.

Она выглядела так, будто была собрана во время карнавала какой-нибудь компанией цветных.

Было приятно болтать друг с другом и звонить по телефону вне Коллаборатория. Жучки слишком дешевы в нынешние дни — если сотовые стоят меньше, чем упаковка шести банок пива, то прилагающиеся подслушивающие устройства — не дороже конфетти. Однако дешевые жучки не могут фиксировать разговоры за шестьдесят миль от Буны. А любые дорогостоящие устройства распознаются дорогостоящим же оборудованием Фонтено. Так что здесь все могли разговаривать без опаски.

— Так что, Жюль, как движется дом?

— Продвигается, продвигается, — с довольным видом ответил Фонтено. — Вы можете приехать и посмотреть местечко. Мы с вами возьмем старую лодку. Вспомним прежние добрые времена.

— Было бы приятно, — тактично соврал Оскар. Фонтено ссыпал нарезанный лук и базилик в кипящее месиво и помешал его проволочной шумовкой.

— Вы не возражаете, я открою холодильник. Оскар встал с ящика и снял герметичную крышку.

— Что вам нужно?

— Эти истрици.

— Эти что?

— Острицы.

— Что-о?!

— Он имеет в виду устрицы, — отозвалась Ниджи Истабрук.

— Ну да, — ответил Оскар. Он достал коробку с замороженными дарами моря.

— Вы бросаете это в крутой кипяток, — посоветовал Фонтено Ниджи, растягивая слова с сильнейшим креольским акцентом. — Потом добавляете чуть-чуть перечного соуса. И даже не замечаете, как все уже съели.

— Я умею делать суп, Жюль, — заметила Ниджи. — У меня диплом по кулинарии.

— Но только не креольский суп, детка.

— Креольская кухня не такая уж и сложная, — терпеливо ответила Ниджи. Ниджи было шестьдесят лет, и никто из команды, за исключением Фонтено не рискнул бы назвать ее «деткой».

— Изначально это была старомодная французская сельская кухня. Все сильно перченное. И жирное. Тонны нездорового жира.

У Фонтено вытянулось лицо.

— Вы все это слышали? Вы слышали, как меня оскорбляют в самых лучших чувствах?

Ниджи рассмеялась.

— Вот уж!

— Знаете, — сказал Оскар, — мне недавно в голову пришла хорошая идея.

— Расскажите, — сказал Фонтено.

— Наши спальни в Коллаборатории едва переносимы. Городок Буна тоже не может предоставить нам приличного жилья. Буну, собственно, и городом-то назвать нельзя: теплицы, флористы, обшарпанные маленькие мотели и угасающая легкая промышленность. В городе нет достойного места, где мы могли бы остановиться. Здания, где мы могли бы принять, к примеру, сенатора. А потому давайте-ка построим собственный отель.

Фред Диллан, уборщик и прачка, поставил кружку с пивом.

— Собственный отель?

— А почему бы и нет? Мы уже наотдыхались в Буне целых две недели. Мы пришли в себя. Самое время заняться чем-то, что поднимет наш престиж в здешних местах. Мы сможем справиться со строительством отеля. Это в наших силах. Кроме того, это одна из лучших тактик, к которой мы прибегали во время кампании. Другие устраивали ралли и фотовыставки, а Элкотт Бамбакиас приглашал толпы избирателей в собственноруч-

но выстроенные здания.

— Вы имеете в виду, построить отель, чтобы извлекать прибыль? — спросил Фред.

— Ну, в большей степени просто для нашего собственного удобства. Хотя и для выгоды, конечно же. Мы можем взять проекты и софту фирмы Бамбакиаса. И мы сможем вполне выстроить здание сами, и сверх того, у нас уже имеется все необходимое, чтобы отель начал работать. Наш предвыборный штаб на колесах, перемещавшийся по штату, являлся, по сути, дорожной гостиницей. Но в данном случае мы будем располагаться в одном месте, а люди будут приходить к нам. И, кроме того, они будут нам платить.

— Что за странный способ, все шиворот-навыворот… — сказал Фред.

— Я думаю, это все вполне реально. Вы все будете выполнять те же обязанности, что и раньше. Ниджи, вы станете заведовать кухней. Фред, ты можешь заняться уборкой и стиркой. Корки будет принимать гостей. На Ребекке забота о здоровье гостей и иногда массаж. Каждый будет заниматься делом, а, если возникнет особая необходимость, можно нанять кого-нибудь из местных. И будем делать деньги.

— Много денег?

— О, расценки для богатых будут весьма высокими. Я видел, как внутри Коллаборатория контрактеры, заключающие миллионные сделки, живут по соседству со студентами и пенсионерами. Так нынче не делается.

— В нынешние дни нет, — признала Ниджи.

— Для нас это — незаполненная ниша на рынке. Йош подготовит финансовый пакет. Лана будет поддерживать связи с местным начальством и городскими властями Буны. Мы представим дело перед бостонской корпорацией как желание избежать юридической ситуации, именуемой «конфликтом интересов». А когда мы все закончим, то просто продадим отель. Зато в промежутке у нас будет вполне приличное место жительства и поток дохода.

— А знаете, — заявил Андо Живчик Шоки, — я видел десятки раз как это делается. Я даже иногда помогал. Но я пока никак не могу привыкнуть к самой идее, к тому, что люди, даже не обладающие нужными умениями, могут сами строить здания.

— Да, согласен, распределенная сборка все еще повергает в шок. Она принесла богатство Бамбакиасу, но в здешних краях это новшество. Мне по душе идея выстроить отель в Восточном Техасе.

Давайте покажем здешним мужланам, на что мы способны.

— А знаете, — медленно вымолвил Фред, — я вот пытаюсь про себя найти какие-нибудь причины, почему мы не сможем выполнить то, о чем говорит Оскар, и не нахожу.

— С вашим умом, — заметил Оскар, — если какая-то причина имеется, вы ее найдете.

С этими словами он удалился внутрь автобуса, чтобы дать им поразмыслить самим. Раскладывать перед ними все по полочкам — только портить удовольствие.

Оскар повесил шляпу.

— Ну, Мойра, как прошло знаменательное выступление?

— О, великолепно! — сказала Мойра, поворачивая кресло. Мойра почувствовала себя значительно лучше, как только сенатор начал голодовку. Настроение Мойры колебалось вместе со СМИ. — Количество выступивших в поддержку сенатора — выше крыши! Семьдесят процентов, даже семьдесят пять! И среди оставшихся — много колеблющихся!

— Феноменально.

— Выставить уровень сахара в крови в Сети — это гениальный ход. Люди специально уста-

навливают часы, чтобы не пропустить очередной замер! Лорена… у Лорены большая поддержка среди женщин. Она со среды в списках знаменитостей на десяти сайтах. Они сходят с ума по ее диете из хлеба и воды, просто не могут налюбоваться на нее.

— А что слышно за кулисами? Чрезвычайный комитет предпринял что-то относительно базы ВВС?

— Ох, — вздохнула Мойра, — я ничего не узнавала об этом. … Я, э-э, думала, этим занимается Одри.

Оскар хмыкнул.

— Ну ладно.

Мойра подперла кончиками пальцев напудренный подбородок.

— Элкотт… он такой особенный. Я присутствовала при многих его выступлениях, но эта речь в больничной пижаме с апельсиновым соком… Всего девяносто секунд, но какой драматизм, настоящая борьба, это золотые кадры. Поддержка обычных сайтов сначала была не слишком большой, хотя подкачек и загрузок в чате было огромное количество. Раньше Элкотту не удавалось получить голоса вне правого традиционного блока, но сейчас происходит именно это. Знаете,

если бы Вайоминг не пылал в огне, думаю, его выступление было бы главным политическим событием, ну по крайней мере, этой недели.

— Да, кстати, а что там сейчас, в Вайоминге?

— О, пожар разгорается. Там сейчас Президент.

— Старик или Два Пера?

— Два Пера, конечно. Никто и не думает о старике, с ним уже все, он сейчас только формально во главе. Я знаю, что Два Пера еще не принес присягу, но народ не любит эту послевыборную тянучку. Все хотят идти с опережением.

— Верно, — коротко кивнул Оскар. Она говорила очевидные вещи.

— Оскар… — Мойра смотрела на него просительно, — он мог бы взять меня в Вашингтон?

Оскар молча развел руками.

— Ведь он нуждается во мне. Ему нужен спикер.

— Это зависит не от меня, Мойра. Тебе нужно говорить с главой его администрации.

— А вы не могли бы замолвить за меня словечко перед Сосиком. Вы ему так нравитесь.

— Позволь мне тебя в этом разуверить, — ответил Оскар.

Дверь автобуса с шумом распахнулась. Студент Норман просунул голову внутрь и закричал: «Мы

уже едим!»

— О, великолепно! — Мойра вскочила с кресла. — Фантастические креольские креветки — это чудо, чудо, чудо!

Оскар надел шляпу и пиджак и последовал за ней наружу. С торжественным видом Фонтено разливал большим половником кипящую коричневую похлебку. Оскар встал в очередь. Он получил бумажную чашку в клеточку и ложку из экологически чистой, разлагаемой пластмассы.

Глядя на дымящуюся жирную пищу, Оскар с тоской вспомнил о Бамбакиасе. Представители кембриджского пиара, безусловно, тщательно наблюдают за голодающим сенатором: кровяное давление, пульс, температура, поглощение калорий, урчание в животе, выделение желчи — нет никаких сомнений, что они рьяно следят за голодовкой. Тело сенатора стало общественным достоянием. Стоит только Бамбакиасу сделать глоток своего скромного яблочного сока, и множество мониторов по всей стране оживает и начинает работать. Оскар прошел за стол для пикников и сел рядом с Ниджи.

Он задумчиво уставился на ложку с похлебкой Фонтено. Некоторое время он обдумывал, стоит ли ему есть. Это был бы весьма достойный жест.

Нет, ладно, пусть начинает кто-нибудь другой.

— Сплошной варикоз! — с восторгом сказала Ниджи.

Оскар попробовал варево из ложки.

— Да, за такое можно умереть, — кивнул он.

— Старухи вроде меня помнят еще те времена, — я занималась тогда тату и пирсингом, — люди смотрели косо, если вы ели жирное или напивались. Это было еще до того, как выяснилась правда насчет псевдо-эстрогенного отравления.

— Да, — дружелюбно поддержал беседу Оскар, — по крайней мере, те массовые расстройства из-за пестицидов избавили нас от пустопорожних диет.

— Передай хлеб, Норман, — сказала Ребекка. — Ой, и масло у нас настоящее? То самое старое настоящее масло в тюбиках? Ух ты!

Легкий самолетик пролетел у них над головой. Тонкий звук работающего мотора напоминал быстро выбиваемую пальцами барабанную дробь. Самолетик выглядел пугающе хрупким. Этот чудовищный продукт компьютерного дизайна чем-то напоминал детскую бумажную игрушку, сделанную с помощью розовых ножниц, легких палочек и клейкой ленты. На концах крыльев развевались по ветру связки перьев и

длинные изрезанные хвосты бумажного змея. Создавалось впечатление, что он движется одним только усилием воли.

Затем появилось еще три самолетика, напоминающие первый. Они пролетели почти касаясь верхушек деревьев. Их крылья подрагивали, как приманка, соблазняющая форель.

На пилотах были летные перчатки, защитные очки. Укутанные в свое обмундирование они казались огромными джутовыми мешками. Один из них оторвался от связки и направил самолет вниз. Медленно, как падающий лист, он неторопливо облетел вокруг автобуса. Сидящие оторвались от еды и жестами вежливо поприветствовали пилота. Тот помахал в ответ, изобразил, как кусает свою перчатку, и устремился в восточном направлении.

— Воздушные кочевники, — сказал Фонтено, скосив глаза.

— Направляются на восток, — заметил Оскар.

— Зеленый Хью поддерживает тесные связи с этими объединениями. — Фонтено отставил в сторону чашку, решительно встал и направился к автобусу поглядеть, что показывает его оборудование. Вид у него был, как обычно при исполнении.

Команда Оскара вновь занялась едой. Ели молча и более сосредоточенно. Никто не высказывал вслух очевидное: скоро появятся толпы кочевников.

Фонтено, просмотрев показания дорожных патрулей, вылез из автобуса.

— Надо отправляться, — сообщил он. — Регуляторы двигаются в направлении резервации Алабама-Кушата, и их путь проходит здесь. Эти местные пролы не очень мирные создания.

— Ну, знаете ли, нас тоже можно назвать чужаками и бродягами. — Ниджи провела много лет на дорогах, давно, еще в те времена, когда бездомные не имели лэптопов и сотовых.

Двое разведчиков из кочевников прибыли десять минут спустя на мотоцикле с коляской. На них была зимняя одежда — широкие килты, полосатые пончо и тяжелые плащи с вышитыми древними корпоративными логотипами двадцатого века. На лицах блестел толстый слой жира, защищающего от ветра. Ноги до колен были укутаны в какое-то подобие ботинок из пластика, напоминавшего по блеску и виду обычную виниловую пленку.

Разведчики остановились, вылезли из машины и двинулись к ним. Они шли молча и с некоторой

важностью, неся в руках сотовые видеокамеры. Водитель жевал большой квадратный кусок искусственной пищи, напоминавший брикет спрессованной люцерны.

Тут до Оскара дошло. Он понял, что это отнюдь не легендарные Регуляторы, а простые техасские дорожные кочевники, живущие гораздо менее обособленно, чем пролы из Луизианы. Говорили они только по-испански. Оскар фактически не знал языка, по-испански он разговаривал лишь в детстве, а Донны Нуньес с ними не было. Так что говорить придется Ребекке Патаки, хотя она объяснялась с некоторым трудом.

Номады подошли к автобусу и предложили квадратные брикеты с вегетарианской растительной пищей. Оскар с Ребеккой вежливо отклонили подношение и предложили отведать их устричного супа со стручками бамии. Номады осторожно выпили до дна остаток горячего варева, нахваливая аромат. Как только животные жиры попали им в кровь, они стали менее подозрительны. Без стеснения спросили, нет ли ненужного металлического лома — гвоздей, металла, меди. Живчик Шоки, отвечавший за лагерное хозяйство и утилизацию отходов, принес им из автобуса пустые канистры.

Оскара сильно раздражали лэптопы номадов: у них была нестандартная клавиатура, где строчка с QWER-TYUIOP была снята и буквы пришлось приделывать заново. Несчастные не могли даже печатать нормально. Почему-то этот факт беспокоил его гораздо больше, чем то, что эти двое были нелегальными иммигрантами из Мексики.

Двигаясь не спеша, как будто в их распоряжении было сколько угодно времени — что, впрочем, соответствовало истине, — они наконец собрались и отчалили.

Внезапно дорога опустела. Жители получили предупреждение о наступлении орды Регуляторов и старались не пользоваться этим шоссе. Медленно проехали два полицейских автомобиля с мигалками. Орде кочевников полицейские не были страшны. Их было слишком много, чтобы кто-либо решился их арестовать, и, кроме того, у них имелась своя полиция.

Прибыла первая волна Регуляторов. Пластиковые грузовички и автобусы шли со скоростью примерно тридцать миль в час, пожирая топливо и давая экономию за счет меньшего износа моторов. Затем прибыло ядро операторов, техническая база кочевников — широкие грузовики и танкеры, нагруженные сельскохозяйственным

оборудованием, косилками, дробилками, сварочными агрегатами, катками, бродильными чанами, трубами и вентилями. Кочевники жили на природе, вне шоссейных сорняков и искусственных дрожжевых культур. Женщины носили юбки, платки, вуали. Рядом с ними роились малыши в одежде ручной работы с разноцветной бисерной вышивкой. Оскар заворожено смотрел на разворачивающееся перед ним действо. Они не походили на понурых, униженных безработных с северо-востока, живших дешевой общественной пищей. Это был народ, который двигался своим собственным путем, выходящим за границы привычной схемы государственного устройства.

Они устали от системы, которая не предлагала им ничего, а потому попросту изобрели свою собственную.

Команда делала уборку после пикника. Фонтено сел за работу, отыскивая удобный маршрут обратной дороги в Коллабораторий, который не пересекался бы с мигрирующими кочевниками. Фонтено собирался эскортировать их на «крепыше», в который затолкал свою креольскую печь. Даже несмотря на наплыв орды Регуляторов, они могли чувствовать себя в достаточной безопас-

ности внутри металлической брони автобуса. Ситуация была не слишком приятная, но их спокойствию не угрожала.

Телефон Оскара внезапно зазвонил. Это был персональный вызов.

— Ах, Оскар, — подколола его Ребекка, — тебе не надоел этот телефон?

— Я ждал этого звонка, — ответил Оскар. — Извини.

Он прошел за автобус, оставив команду укладывать вещи.

Звонила Клара, его девушка из Бостона.

— Как поживаешь, Оскар?

— Прекрасно. У меня все хорошо. Очень интересная работа. А как там дома? Я скучаю по тебе.

— С твоим домом все в порядке, — быстро сказала Клара. Слишком быстро. Он почувствовал внутри будто укол тонкой иглой.

«Не впадай в панику, — подумал он. — Не выдумывай. Это ведь не кто-то чужой. Это Клара. Это Клара, все нормально».

Ему захотелось немедленно выяснить, в чем дело. Но это было бы очень глупо. Надо сначала походить вокруг да около. Пусть она заговорит первая. Будь веселым, пошути. Заведи легкую беседу. Найди нейтральную тему.

Однако, хоть убей, он не мог ничего придумать.

— Мы были на пикнике, — выпалил он.

— Очень мило. Хотелось бы мне быть там.

— Я тоже хотел бы, чтобы ты была здесь. — Его вдруг озарило. — А что? Как насчет этого? Ты не можешь прилететь? У нас здесь увлекательные планы, тебе будет интересно.

— Я не могу сейчас приехать в Техас.

— Ты слышала о положении на базе ВВС в Луизиане? Наш сенатор объявил голодовку. Я здесь кое-что откопал. Это крупная история, ты сможешь прилететь, осветить положение на месте.

— Думаю, твой друг Сосик с этим справится, — сказала Клара. — Я больше не работаю бостонским обозревателем.

— Что? — Он остолбенел. — Почему?

— Меня наняли через Сеть. Они хотят, чтобы я летела в Голландию.

— В Голландию? И что ты им сказала?

— Оскар, я политический обозреватель. Как я могу отказаться от приглашения приехать в Гаагу? Это же холодная война, дремлющее неустойчивое равновесие, такой случай выпадает раз в жизни. Думаю, это мой шанс.

— И долго ты там пробудешь?

— Ну, это зависит от того, насколько хорошо я буду справляться с работой.

Оскар почувствовал гул в голове.

— Да, это ценно. Конечно, ты хочешь работать хорошо. Но все же… дипломатическая ситуация… голландцы, они же склонны к провокациям! Они очень радикально настроены.

— Конечно, они радикально настроены, Оскар. Их страна тонет. Мы тоже стали бы экстремистами, если бы больше половины Америки погрузилось в воду. Голландцам пришлось столько потерять, они готовы лечь костьми ради своих дамб. Именно поэтому там интересно.

— Ты же не говоришь по-голландски.

— Они все говорят по-английски, ты же знаешь.

— Но у них военный режим. Это опасно. Они выдвигают Америке дикие требования, они настроены против нас.

— Я репортер, Оскар. Меня трудно запугать.

— Значит, ты действительно на это решилась, — заключил Оскар мрачно. — Ты собираешься меня бросить, не так ли?

— Я бы не хотела представлять это таким образом.

Оскар уставился невидящим взглядом в зад-

нюю стенку автобуса. Белая раковина автобуса внезапно показалась ему чужой и враждебной. Киднэппинг. Его похитили из дома, увели от его женщины. Автобус кампании похитил его. Он развернулся спиной к автобусу и с телефоном в руках направился в сторону густого техасского леса.

— Нет, — сказал он. — Понимаю. Дело в работе. Мы оба стремились сделать карьеру. Первым начал я. Получил интересную работу и покинул тебя. Не так ли? Оставил тебя одну и до сих пор не вернулся. Я далеко и даже не знаю, когда приеду.

— Ну, это ты сказал, не я. Но это правда.

— Значит, я не в праве выискивать твои ошибки. Мы оба понимали, что такое может случиться. Мы никогда не давали друг другу обещаний.

— Это верно.

— Просто у нас были отношения.

— И они мне нравились.

— У нас были хорошие отношения, правда? Нам было очень хорошо.

Клара вздохнула.

— Нет, Оскар, я не могу позволить тебе так говорить. Не говори так, это несправедливо. Это было гораздо лучше, чем просто хорошо! Это были великолепные, совершенно идеальные отношения!

Я имею в виду, ты так мне помог. Ты никогда не пытался сочинять небылицы, ты вообще вряд ли хоть раз соврал. Ты позволил мне жить в твоем доме. Ввел в круг твоих друзей — богатых и влиятельных. Помогал мне продвинуться. Никогда не кричал на меня. Ты вел себя как настоящий джентльмен. Ты был изумительный, сказочный бойфренд!

— Это очень мило с твоей стороны. — Ему казалось, что с каждым ее словом из него по капле вытекает кровь.

— Я в самом деле сожалею, что никогда не могла… ну, ты понимаешь… совсем забыть отвоем происхождении.

— Ничего, — с горечью промолвил Оскар. — К этому я приучен.

— Это просто — просто одна из вечных трагедий. Такая же, как, ты ведь понимаешь, как проблема моей собственной принадлежности к национальному меньшинству.

Оскар вздохнул.

— Клара, я не думаю, что кто-нибудь всерьез может плохо относиться к тебе из-за того, что ты принадлежишь к англосаксонской расе.

— Нет, принадлежать к расовым меньшинствам тягостно. Это так. Я имею в виду, что ты

один из немногих, кто имеет представление о том, что это значит. Я понимаю, ты ничего не можешь поделать с обстоятельствами своего рождения и все же… в общем, это одна из причин, почему я приняла предложение голландцев. Сейчас очень многие белые возвращаются обратно в Европу… Мой народ оттуда, понимаешь? Там мои корни. Я надеюсь, мне это как-то поможет.

Оскар вдруг почувствовал, что ему стало трудно дышать.

— Я чувствую себя ужасно, милый, как будто я действительно бросаю тебя.

— Нет, так будет лучше, — сказал Оскар. — Это сильно ранит, однако лучше так, чем тянуть и лицемерно делать вид, что все продолжается. Давай останемся друзьями.

— Понимаешь, я, возможно, вернусь. Не пори горячку. Не впадай в уныние. Потому что я — это просто я, твоя подружка Клара, понимаешь? Это не судебное решение.

— Лучше чистый разрыв, — твердо сказал он. — Лучше для нас. Для нас обоих.

— Хорошо. Раз ты так хочешь, то, наверное, я понимаю. Прощай, Оскар.

— Все, Клара. Прощай.

Он повесил трубку. Затем с силой швырнул

телефон в заросли деревьев.

— Ничего не получается! — заявил он грязному красно-серому закатному небу. — Я ничего не могу поделать!

3.

Оскар отодрал кусок ленты с желтой бобины и обмотал вокруг шлакоблока. Затем поводил вокруг ручным сканером, чтобы активировать пленку. Было около часа ночи. Ветер, качавший верхушки высоких черных сосен, был влажным и противным. Погода как нельзя более соответствовала настроению усердно трудящегося Оскара.

— Я — краеугольный камень, — провозгласил шлакоблок.

— Хорошо тебе, — усмехнулся Оскар.

— Я — краеугольный камень. Отнеси меня на пять шагов влево.

Оскар проигнорировал это требование и быстро обмотал лентой другие блоки. Размашисто помахав сканером вокруг них, он оттащил последний в сторону, чтобы приняться за укладку нового уровня.

Стоило только рукам в перчатках прикоснуться к последнему блоку, как тот предупредил:

— Не ставь меня пока. Сначала следует установить краеугольный камень.

— Конечно, — подтвердил Оскар. Строительная система была достаточно изощренной и исполь-

зовала при работе специализированный словарь. К несчастью, со слухом у системы были проблемы. Маленькие, встроенные в пленку микрофоны были гораздо менее чувствительными, чем миниатюрные спикеры, прикрепленные к лентам. И все же трудно было удержаться от ответов, когда бетонный блок заявлял что-то любезно и авторитетно. Бетонные блоки говорили тоном Франклина Рузвельта.

Эту строительную систему создал Бамбакиас. Как и другие детища архитектора, она отличалась исключительной функциональностью, несмотря на вызывающие идиосинкразию бесконечные любезные напоминания. Оскар полностью полагался на систему, так как имел большой опыт работы. Он работал, как мул, на многих строительных площадках Бамбакиаса. Никто не мог завоевать доверия архитектора и быть допущенным в узкий круг друзей, если не поработал собственными руками на его строительстве.

Идея тяжелого физического труда была сердцевиной интеллектуального салона сенатора. Элкотт Бамбакиас имел целый ряд неортодоксальных убеждений, и, пожалуй, самым оригинальным из них было убеждение в том, что льстецы и подхалимы легко устают, если

заставить их работать. Бамбакиас, как и многие богачи, всегда готов совершить благородный жест, рассыпая под гром аплодисментов золотые дукаты. Широта натуры привлекала к нему паразитов, и он избавлялся от «солдат на лето и патриотов солнечного света», как он неизменно их прозывал, заставляя всех участвовать в работах, требующих физических усилий.

— Это будет занятно, — говаривал Бамбакиас, закатывая рукава и улыбаясь хищной улыбкой, — но мы добьемся успеха.

Сам Бамбакиас в жизни и дня не провел, занимаясь тяжелым физическим трудом. Он был богат до неприличия, а жена его была известным коллекционером. Поэтому сия пара испытывала извращенное удовольствие, натирая перед публикой волдыри, растягивая сухожилия и свински потея. Суровое красивое лицо архитектора сияло, как мощная лампа дневного света, лучась удовольствием от исполненного долга, когда он пыхтел, как паровоз, в уродливом синем строительном комбинезоне со спинными стяжками. Элегантная жена Бамбакиаса с мазохистским удовлетворением надевала строительное обмундирование, точеное личико застывало в покорно-мученическом выражении, она стано-

вилась похожа на супермодель, занимающуюся на подиуме прокладкой водопроводных труб.

Выросший в Голливуде Оскар никогда не обращал внимания на позерство Бамбакиаса. Плащ и шляпа из дорогого торгового дома, ручной работы юбка от кутюрье, шикарные благотворительные мероприятия в Бостоне — все это Оскару казалось чем-то очень домашним. В любом случае изобретенная Бамбакиасом строительная система оправдывала себя. К ней не было никаких претензий — она работала безукоризненно. Играть в эту игру могло любое количество людей, так как система умела находить роли для всех. Она давала возможность работать в Сети и в жизни одновременно, плавно перетекая от базиса цифровой коммуникации и дизайна к реально строящимся каменным стенам и потолкам. Работая, вы испытывали ощущение естественного комфорта, так как система всегда выполняла свои обещания, всегда приносила результаты.

Взять, к примеру, этот отель в Техасе. Полностью виртуальная конструкция, набор нулей и единиц, вшитых в чипы. И в то же время отель яростно стремился к материальному воплощению. Он должен был стать очень красивым, он уже и сейчас выглядел довольно изящным. Он

мог мелодичным голосом строить свою плоть из беспорядочно наваленной груды строительных материалов. Он будет хорошим отелем! Он приведет в восторг окружающих и станет выдающимся событием городской жизни. Он будет защищать от дождя и ветра. И в нем будут жить люди.

Оскар поставил тот камень, что именовал себя краеугольным, в правый угол южной стены.

— Это мое место, — объявил краеугольный камень. — Положи на меня раствор.

Оскар взял лопаточку.

— Я — инструмент для оштукатуривания, — жизнерадостно пропищала лопатка. Оскар поддел громадный треугольный кусок пористой жирной пасты. Полимерная липучка, что была и дешевле и лучше обычной штукатурки, естественно, присвоила себе старое наименование.

Оскар поднял очередной шлакоблок на уровень верхней кладки.

— Правее, — подсказал блок. — Еще правее, еще, еще правее… Влево… Чуть назад… Поверни меня, поверни меня, поверни… Отлично! Теперь просканируй меня.

Оскар поднял сканер на уровень кладки и поводил им вокруг. Сканер вошел в систему, скоррелировал данные о текущем положении

блока и удовлетворенно пискнул.

Оскар занимался установкой блоков уже два часа. Он просто вышел ночью на стройку, вошел в систему, загрузился и продолжил работу с того места, на котором они всей командой остановились вечером с наступлением темноты.

Стена достигла нужной высоты. Слишком быстро. Теперь надо проводить трубы. Оскар ненавидел это занятие — самый хлопотный момент в строительстве. Это была старая технология, не настолько простая, как остальные составляющие строительной системы, и выкладки и расчеты не всегда проходили легко и гладко. Ошибки при прокладке труб были неизбежными и противными. Когда наступал момент сантехнических работ, строительная система Бамбакиаса мудро тормозила. Все высшие функции отключались, пока люди не заканчивали возиться с трубами.

Оскар снял шлем и сжал замерзшие уши руками в перчатках. Спина и плечи ныли так, что было ясно — утром ему придется сожалеть о своем порыве. Ну и пусть. Хотя бы появится иной повод для сожалений.

Конус света от фонарика возник рядом с ним и проскакал по утоптанной зимней траве. Оскар внезапно поймал на себе взгляд чужака, укутан-

ного в мешковатую куртку, с вязаной шерстяной шапкой на голове. Чужак скрывался за защитной оранжевой загородкой, стоя на разрушенном тротуаре под сосной.

Строительные площадки Бамбакиаса всегда привлекали зевак. Однако обычно зеваки не пытались прятаться в морозной ночной тьме. В Буне имеются ночные клубы. Может быть, пьяный?

Оскар приложил руки рупором ко рту: «Вы не хотите помочь?» Это было стандартное приглашение на всех стройках Бамбакиаса. Оно играло большую роль. Трудно даже вообразить, сколько бескорыстных энергичных помощников оказывалось в результате на строительных площадках Бамбакиаса.

Чужак неловко перебрался через загородку из оранжевой проволоки и направился к стоящему в освещенном пространстве Оскару.

— Добро пожаловать на строительство нашего будущего отеля! Вы бывали на стройке раньше?

Безмолвный кивок вязаной шапки.

Оскар слез с кабельной катушки и достал ящик, в котором лежали перчатки в вакуумной упаковке.

— Примерьте.

Чужак — им оказалась женщина — вытянул

голые паучьи руки из карманов куртки. Оскар, пораженный, перевел взгляд с ее рук на лицо, скрывавшееся в тени.

— Доктор Пеннингер! Доброе утро!

— Мистер Вальпараисо.

Оскар вытащил пару мягких безразмерных перчаток с болтающимися пластиковыми пальцами, снабженными встроенными датчиками. Он никак не предполагал, что кто-то присоединится к его ночному трудовому подвигу. И уж совсем не ожидал встретить кого-нибудь из дирекции Коллаборатория.

В первый момент он был совершенно ошарашен, увидев перед собой Грету Пеннингер, но сейчас не испытывал ни малейших колебаний.

— Попробуйте эти, доктор… Вы видите желтые ободочки вокруг суставов? Это встроенные локаторы, чтобы наша конструкторская система всегда знала расположение рук.

Доктор Пеннингер натянула перчатки, повращала узкими запястьями, как хирург, моющий руки перед операцией.

— Вам нужен шлем, спинные стяжки и какие-нибудь чехлы для ботинок. Наколенники тоже хорошо бы. Я зарегистрирую вас в нашей системе, как только мы все найдем.

Пошарив в груде вещей, брошенных его командой, Оскар нашел запасной шлем и чехлы для обуви на липучках. Не говоря ни слова, доктор Пеннингер облачилась в строительное обмундирование.

— Вот и хорошо, — произнес Оскар. Он протянул ей ручной сканер в пластиковой оболочке, выполненный в виде карандаша.

— А теперь, доктор, позвольте мне ввести вас в курс этой концепции проектирования. Видите ли, сама система является по сути гибкой и простой. Компьютер всегда знает, где размещены те или иные компоненты, которые были принесены и инициализированы. Система также имеет полный набор алгоритмов для сборки здания из простых составляющих. Существует миллион возможных способов пройти от начала до конца строительства, так что это, попросту говоря, вопрос координации действий строителей. Благодаря раздельному, параллельному процессу сборки…

— Не трудитесь. Я это все знаю. Я наблюдала за вами.

— О, — заготовленная речь застряла у Оскара в горле. Он поднял пластмассовый козырек шлема и внимательно посмотрел на нее. Она никак

на это не отреагировала. — Ну ладно, тогда вы штукатурите, а я таскаю блоки. Вы умеете класть раствор?

— Да, я умею.

Доктор Пеннингер начала размазывать липкий раствор при помощи словоохотливой лопатки. Инструменты и блоки жизнерадостно болтали. Доктор Пеннингер не говорила ни слова. Работа пошла вдвое быстрей. Доктор Пеннингер действительно умела штукатурить. Была середина ночи, дул пронизывающий, холодный ветер, вокруг было пустынно и одиноко, а эта ученая дама работала как лошадь. Как демон.

Его одолело любопытство.

— А почему вы пришли сюда в такое позднее время? Доктор Пеннингер выпрямилась. Лопатка была зажата в усеянной точками перчатке.

— Это единственное время, когда я свободна. Я всегда в Лаборатории до полуночи.

— Понятно. Ну, я действительно очень рад, что вы пришли. Вы отлично работаете. Спасибо за помощь.

— Приятно слышать! — Она бросила на него испытующий взгляд. Если бы он находил ее привлекательной, такой взгляд можно было бы счесть заигрывающим.

— Вы должны как-нибудь прийти к нам днем, когда вся команда в сборе. Именно координация элементов, слаженность команды — вот что является ключевым моментом в распределенной сборке. Просто в один прекрасный момент система собирает все воедино, будто кристаллизуя проект. Это надо видеть своими глазами.

Она дотронулась перчаткой до подбородка, глядя на блочную стену.

— Сейчас придется еще штукатурить? Оскар удивился.

— Как долго вы наблюдали за мной?

Она слегка пожала плечами под мешковатой курткой.

— То, что пора штукатурить, это очевидно. Оскар почувствовал, что разочаровал ее. Он должен был быть умнее и не задавать таких вопросов.

— Время сделать перерыв, — провозгласил он. Оскар понимал, что не обладает умопомрачительно высоким коэффициентом интеллекта доктора Пеннингер. Судя по ее анкетным данным, она была занудливым и целеустремленным человеком, первой отличницей в классе технического колледжа. Но ум проявляется разными способами. Например, он был совершенно уверен, что

легко может отвлечь ее, просто сменив тему.

Оскар прошел в закуток между разновысокими стенами, туда, где в железном бочонке горел огонь, защищаемый от дождя растянутой над ним полиэтиленовой пленкой. Ноющая ломота в спине напоминала зубную боль. Он в самом деле переработал.

— Будете креольское вяленое мясо? Мои просто помешались на нем.

— Конечно. Почему нет?

Оскар передал ей один кусок с убийственным количеством специй, а сам вонзился зубами в другой. Он обвел рукой вокруг.

— Стройка сейчас выглядит беспорядочной, но попытайтесь представить себе, как все будет, когда мы закончим.

— Да, пожалуй, я могу себе вообразить это… Я и не предполагала, что ваш отель будет столь изящным. Я думала, это типовой проект.

— О, это и есть типовой проект. Но он в любом случае корректируется системой, чтобы соответствовать требованиям конкретного строительства. Так что конечный результат всегда является оригинальным. Вот эти торчащие сваи превратятся в porte cochere. … Патио будет расположен прямо тут, где мы стоим, а сразу за той

входной аркадой — пергола. … Те два крыла предназначены для гостиной и столовой, а наверху будет библиотека в несколько ярусов и там же оранжерея. — Оскар улыбнулся. — Так что, когда мы закончим, приходите в гости. Возьмите напрокат вечерний костюм. Посидите с нами немножко. Приятно поужинаем.

— Сомневаюсь, что смогу выбраться, — невнятно и уныло пробормотала она.

И что, во имя всех святых, это значит? В синеватом освещении широко расставленные, с карими крапинками глаза доктора Пеннингер казались совершенно разными по величине… Нет, конечно, это была всего-навсего странная аберрация зрения, иллюзия, которую создавали подрагивающие веки либо неровно выщипанные брови. Выдающийся квадратный подбородок со странной ямочкой и тонко очерченная верхняя губа. Никакой помады. Маленькие неровные зубы с щербинками. Длинная хрящеватая шея и осунувшийся вид человека, на протяжении шести лет не имевшего дела с настоящим солнечным светом. Она действительно выглядела очень странно, странно на свой собственный лад. И при ближайшем рассмотрении странности в ней не убавлялось, отнюдь.

— Но вы будете моим личным гостем. Я вас приглашаю.

Это подействовало. Что-то щелкнуло в голове доктора Пеннингер, укутанной в вязаную шапку. Внезапно ее внимание сконцентрировалось на нем лично.

— Зачем вы присылали эти цветы?

— Буна — город цветов. А после того как я побывал на заседаниях ваших комитетов, я решил, что вам просто необходим букет цветов.

Красный мак, невзрачница и белая омела — он предполагал, что она понимает символику букета. Ладно, даже если она и не поняла, ничего страшного. Это было весьма остроумное послание, но, может быть, это и неважно, поняла она или нет.

— А зачем вы мне присылали письма по электронке со всеми этими вопросами? — отчаянно допытывалась доктор Пеннингер.

Оскар отложил в сторону вяленое мясо и развел руками.

— Я хотел разобраться. Дело в том, что я наблюдал за вами во время этих длительных заседаний. И я очень высоко вас ценю. Вы единственный человек в дирекции, который имеет свои убеждения.

Она смотрела на жухлую траву у себя под ногами.

— Но это безумно скучные заседания, вы не находите?

— Ну да, конечно, — он храбро улыбнулся, — если бы там не было кое-кого.

— Это кошмарные заседания! Правда. Они ужасны. Я ненавижу административную работу. Я ненавижу все, что с этим связано. — Она подняла глаза, на ее странном лице застыла гримаса отвращения. — Я сижу там, слушая этих бездельников, и живо чувствую, как по каплям утекает моя жизнь.

— М…м-м… — Оскар проворно вытащил две чашки из переносного холодильника. — Позвольте вас угостить почти что лимонной походной смесью.

Постелив на землю сложенный несколько раз брезент, он осторожно подтянул его поближе к огню и сел.

Доктор Пеннингер без сил опустилась на землю, углы наколенников встали торчком в разные стороны.

— Я ведь теперь даже не могу спокойно думать. Они не позволяют мне думать! Я стараюсь оставаться бодрой во время этих заседаний, но это

просто невозможно. Они не дают мне ничего сделать. — Она осторожно отхлебнула желтой жидкости из экологически чистой, разлагаемой микроорганизмами чашки, затем поставила ее на траву. — Господи, как я от всего этого устала!

— А почему они ввели вас в администрацию?

— О, это. — Она хмыкнула. — Открылась вакансия в дирекции. Парень, что заведовал Оборудованием, вышел в отставку после того, как сенатор Дугал провалился… Дирекция выбрала меня, так как я получила эту никому не нужную Нобелевскую премию. А наши ребята сказали: надо занять этот пост. Мы нуждаемся в лабораторном оборудовании, а типы из дирекции выделяли нам гроши, они просто ничего не понимают. Да и не желают ничего понимать!

— Это меня как раз не удивляет. Я уже заметил, что бухгалтерия в Коллаборатории ведется не стандартным образом, так что там наверняка есть какие-то нарушения.

— Ну это еще далеко не все!

— Не все?

— Конечно не все!

Оскар наклонился вперед на сложенном брезенте.

— И что же еще?

— Я не скажу вам, — ответила она, обхватив руками колени. — Потому что не знаю, зачем вам это нужно. Или что вы будете с этим делать, понимаете?

— Да, верно. — Оскар отодвинулся и сел прямо. — Вполне разумно с вашей стороны. Вы осторожны и предусмотрительны. Думаю, на вашем месте я чувствовал бы примерно то же самое.

Он поднялся на ноги. Водопроводные трубы были сделаны из ламинированного поливинила цвета сухих бурых водорослей. Их специально рассчитали и произвели в Бостоне для такого рода строительства. Их конструкция была сложна и запутанна, как китайская грамота, и полностью разобраться в них могла разве что спроектировавшая их подпрограмма.

— Вы прекрасно штукатурите, но установка труб — очень сложная работа, — заметил Оскар. — Я не обижусь, если вы сейчас соберетесь и отправитесь домой.

— О, да я не спешу. В Лабораторию мне не раньше семи утра.

— Вы что, совсем не спите?

— Да нет, просто я не сплю много. Часа три мне достаточно.

— Как странно! Я тоже очень мало сплю. Оскар встал на колени рядом с ящиком и начал разрезать упаковку ножницами, не снимая с рук перчаток.

— Спасибо, — сказал он, разрезая сначала черные ленты, которыми была обвязана коробка. — Я очень благодарен вам за то, что вы пришли сюда сегодня. Работая в одиночку, я, в общем-то, лишь убивал время, так как здесь предполагается действовать группой. Однако для меня это было своего рода терапией. — Он снял крышку и отложил ее в сторону. — Видите ли, у меня всегда были некоторые трудности, связанные с работой.

— Ну, судя по записям, которые я видела, это совсем не так. — Она сидела в мешковатой куртке, обхватив себя руками. Шерстяная шапочка сползла на лоб.

— А, значит, вы провели поиск материалов на меня?

— Я очень любознательна, — ответила она и замолчала.

— Все в порядке, каждый этим занимается в наши дни. Про меня все, известно начиная с детства. Обо мне много сведений в Сети. Я к этому привык, — заметил Оскар с кислой улыбкой. — Однако в результате случайного поиска вы могли

и не получить полного впечатления о моей светлой личности.

— Если бы это был случайный поиск, я бы не сидела сейчас тут с вами.

Оскар удивленно взглянул на нее. Она отважно смотрела ему прямо в лицо. Значит, она пришла сюда с какой-то целью. У нее есть свои задачи. Может, она распланировала все заранее на разграфленной бумаге.

— А знаете, почему я оказался здесь посреди ночи? А, доктор Пеннингер? Я здесь потому, что от меня ушла подружка.

Она быстро обмозговывала полученную информацию. Колесики завертелись в ее голове с бешеной скоростью, казалось, было слышно, как они свиристят.

— Правда? — отозвалась она. — Какая жалость!

— Она оставила наш дом в Бостоне, ушла от меня. Уехала в Голландию.

Брови подпрыгнули к самому краю спущенной на лоб вязаной шапочки.

— Переметнулась к голландцам?!

— Нет-нет, не переметнулась! Поехала работать по контракту, она политический обозреватель. Но в любом случае она ушла от меня. — Он уставился неподвижным взглядом в раскрытую коробку со

свернутыми трубами. — Для меня это ужасный удар. Я в самом деле страшно расстроен.

Вид сверкающих узлов новеньких пластиковых труб, обложенных мелкой блестящей упаковочной стружкой, внезапно вызвал у него жуткий приступ тошноты, прямо как по Сартру. Он вскочил на ноги. — Понимаете, это я сам во всем виноват. Я пренебрегал ею. Я занимался своей карьерой, а она своей… Она прекрасно вписывалась в блестящий круг восточного побережья, и мы были отличной парой, пока у нас были общие интересы… — Он остановился, пытаясь угадать ее реакцию.

— Я не нагружаю вас своими проблемами?

— А почему бы и нет? Я вполне могу понять это. Иногда просто ничего не получается. Романтические отношения в научной среде… «Быть различными — это добро, но добро бывает различным». — Она покачала головой.

— Я знаю, вы не замужем. У вас кто-нибудь есть?

— Ничего постоянного. Я работоголик.

Оскар счел новость обнадеживающей. Он испытывал инстинктивное сочувствие к тем, кто был, одержим работой.

— Грета, вы не могли бы мне сказать? Я что, вы-

гляжу жутким монстром? — Он приложил руки к груди. — Чем-то пугаю? Только по честному.

— Вы действительно ждете откровенности? — Да.

— Про меня обычно говорят, что я слишком откровенна.

— Ничего, говорите, я переживу. Она задрала подбородок вверх.

— Да, вы пугаете. Люди крайне настороженно относятся к вам. Никто не знает, зачем вы сюда явились и чем вы можете угрожать нашей Лаборатории. Мы все ожидаем самого худшего.

Он понимающе кивнул.

— Видите ли, это проблема восприятия. Я пришел на ваши заседания и привел с собой небольшое сопровождение, поэтому пошли слухи. Но в действительности я не могу ничем вам угрожать — я не настолько влиятельная персона, обычный служащий администрации Сената.

— Я присутствовала на слушаниях в Сенате. И слышала о них от других. Сенатские прения могут быть весьма опасными.

Он склонился к ней поближе.

— Ну ладно, верно, что это в самом деле может закончиться тем, что вам будут задавать неприятные вопросы в Вашингтоне. Но не я буду задавать

эти вопросы. Я просто пишу им резюме.

Он видел, что она осталась полностью при своем мнении.

— А как насчет того большого скандала с ВВС в Луизиане? Разве не вы это затеяли?

— Что? Это? Да ведь это всего лишь политика своего рода! Люди думают, что я влияю на недавно избранного сенатора, но на самом деле влияние идет совсем через другие каналы. Пока я не встретил Элкотта Бамбакиаса, я был обычным активистом в местном городском совете. Наш сенатор — человек с идеями и возможностями. Я же — просто технический советник.

— Гм, я знакома со многими техническими советниками. Но среди них нет ни одного мультимиллионера, как вы.

— Ах, это… Ну да, конечно, я вполне обеспечен, но в сравнении с состоянием моего отца, которое он имел в свое время, или с нынешним капиталом Бамбакиаса. .. У меня есть деньги, но я бы не назвал это солидным капиталом. Я знаю людей с солидным капиталом, я не из их весовой категории. — Оскар вытащил из ящика зеленую трубу, уныло посмотрел на углы и изгибы и засунул обратно. — Ветер усилился… Что-то я не в настроении продолжать сейчас. Думаю, лучше

бы вернуться в здание. Может быть, кто-нибудь еще не спит. Мы могли бы сыграть в покер.

— У меня есть авто, — предложила она.

— М-м-м…

— Тут полагается авто всем, кто входит в дирекцию. Так что я приехала на машине. Могу подбросить вас до Лаба.

— Было бы чудесно. Позвольте только, я уберу инструменты и выйду из системы. — Он снял строительную каску, наколенники и куртку и остался в одной рубашке с длинными рукавами. Переодевшись и закончив все дела, он включил сигнализацию, и они вместе покинули строительную площадку.

Он остановился на тротуаре.

— Подождите немного.

— Что случилось?

— Мне кажется, здесь можно было бы поболтать. А то в машине могут быть жучки.

Она пригладила растрепавшиеся на ветру волосы.

— Кому придет в голову меня подслушивать, — скептически заметила она.

— Дело в том, что это очень легко и дешево. Так что, будьте добры, скажите мне прямо сейчас, прежде чем мы заберемся в машину. Ответьте

мне, пожалуйста, откровенно, вы в курсе моего происхождения?

— Вашего происхождения? Я знаю, что ваш отец был звездой кино…

— Простите. Я, вообще, не должен был поднимать этот вопрос. Сегодня ночью я веду себя совершенно невозможно. Это было так любезно с вашей стороны прийти на строительство, а я нынче явно встал не с той ноги. Замучил вас своими проблемами. Вы ведь входите в дирекцию, а я выступаю как служащий федерального правительства. … Понимаете, когда обстоятельства рождения столь различаются… И даже если у кого-то на самом деле есть время заниматься нашими личными проблемами…

Она стояла, дрожа на ветру. Высокая и худая, не привычная к перепадам реальной погоды, она работала не покладая рук на темной и холодной стройке и сильно замерзла.

Ночной ветер резкими порывами забирался в рукава его рубашки. Непонятно почему, но она его притягивала. Она была слишком высокой, и слишком худой, и плохо одевалась, и у нее было странное лицо, и понурая осанка, она выглядела лет на восемь старше, чем была. У них не было ничего общего, и какие бы то ни было взаимо-

отношения между ними сразу оказались бы под прицельным огнем их окружения. Общаться с ней — все равно что приманивать экзотическое животное, что стоит по другую сторону проволочной ограды. Возможно, именно поэтому он ощущал непреодолимое желание дотронуться до нее.

— Доктор, я очень ценю, что вы составили мне компанию нынешней ночью, но думаю, что будет лучше, если вы поедете одна. Мы с вами встретимся на заседаниях дирекции. Мне еще многое надо изучить.

— Надеюсь, вы не рассчитываете, что я могу уехать просто так. Теперь я должна узнать, о чем речь. Пойдемте в машину.

Она открыла дверцу, и они втиснулись внутрь. Это был небольшой автомобиль, авто для Коллаборатория, в нем не был предусмотрен обогреватель.

— В действительности вряд ли вам хотелось бы все это узнать. Это скорее странная история. Плохая. Хуже, чем вы предполагаете.

Она поправила вязаную шапку и подышала на худые пальцы. Окна запотели от их дыхания.

— Они никогда не ставят обогреватели, потому что им трудно предположить, что вы можете

уехать из здания. Сейчас станет теплее. Почему бы вам не рассказать мне. Тогда мне будет ясно, хотела ли я это узнать.

— Хорошо, — он задумался. — Ну, начать с того, что я приемный ребенок. Логан Вальпараисо не является моим биологическим отцом.

— Нет?

— Нет. Он взял меня, когда мне было почти три года. Видите ли, тогда Логан снимался в международном боевике, связанном с работой подпольных заведений, которые незаконно продавали приемных детей. Как раз в то время разразился громкий скандал. Выплыли наружу данные о влиянии пестицидов на гормоны. Были огромные проблемы с мужским бесплодием. Так что на рынке торговли приемными детьми начался бум. Клиники по лечению бесплодия тоже процветали. Спрос был огромным, и множество непрофессионалов и шарлатанов, наживающихся на людских болезнях, поспешило этим воспользоваться.

— Я могу припомнить те времена.

— Внезапно появилось множество нелегальных детских домов и эмбриопитомников. Люди были готовы прибегнуть к крайним мерам. Это был отличный материал для боевика. Так что

мой отец снялся в роли стража порядка в триллере. Он играл энергичного чикано, боровшегося с подпольными абортариями, которого вербуют федералы и который становится секретным агентом, переключается на борьбу с эмбриопитомниками…

Каждый раз, когда ему приходилось рассказывать свою историю, он слышал, как его голос сбивается на ненавистную дрожь, на тонкий скулеж. И сейчас с ним происходило то же самое, и даже запотевшие стекла, отделявшие их от мира, не могли этому помешать. Он безудержно соскальзывал с обычного нормального тона на что-то совсем другое, на какое-то сбивчивое невнятное бормотание. Он очень хотел бы избежать этого унижения. И он следил за собой, он пытался справиться изо всех сил, но не мог ничем себе помочь.

— Я не собираюсь рассказывать весь сюжет фильма, просто я смотрел его столько раз, наверное раз четыреста, пока был ребенком… Там сплошная стрельба, погони… Ну так или иначе Логан был сторонником вживания в образ, и как раз к тому моменту у него и его будущей третьей жены сложились достаточно прочные отношения, такие, при которых Логан обычно

женился, и все такое. Так что он решил, что для укрепления семьи и в качестве удачной рекламы для фильма ему следует взять приемного ребенка — реальную жертву эмбриопитомника.

Она слушала не проронив ни слова.

— Ну вот я и был этим ребенком. Моя исходная яйцеклетка была продана на черном рынке и доставлена в один из питомников в Колумбии. Это были мафиозные дела, они покупали или воровали человеческие яйцеклетки и предлагали их на черном рынке для последующей имплантации. Но тут вставал вопрос качества. С ощутимыми проблемами для женщин, которые покупали. Не говоря уже об общественном мнении или столкновениях с законом. Так что мошенники решили развивать продукт в наемных матках, а затем уже идти обычным путем послеродового усыновления или удочерения. … Однако их расчеты провалились. Процедура с этими, как бы взятыми напрокат, матками оказалась слишком долгой, кроме того, в нее было вовлечено слишком много местных женщин, которые могли их заложить или начать их трясти насчет задержки продукта сверх срока. Поэтому они решили, что лучше вырастят эмбрионы в пробирках. К тому моменту они уже потеряли большую часть вложенных

в дело капиталов, но все же добыли достаточно клонированных материалов, чтобы соорудить искусственную матку и попробовать в ней всерьез вырастить человеческое существо. Так что, строго говоря, я никогда в действительности не рождался.

— Понимаю. — Она выпрямилась на сиденье, положила руки на руль и перевела дыхание. — Пожалуйста, продолжайте, это в самом деле чрезвычайно интересно.

— Ну, они попытались продать меня и другие растущие плоды, но накладные расходы были слишком высоки, они сильно ошиблись в предварительных оценках, а, кроме того, как раз тогда черный рынок по торговле детьми развалился, поскольку нашли дешевое средство защиты спермы. Как только тестикулярный синдром был определен, это нанесло смертельный удар по торговле детьми. Мне не было и года, когда кто-то выдал их Всемирной организации здравоохранения, туда из Европы прибыла бригада «голубых касок» и прикрыла лавочку. Нас конфисковали. Я оказался в Дании. Мои самые ранние воспоминания — маленький датский детский дом… Детский дом и медицинская клиника.

Он много раз заставлял себя рассказывать эту

историю, хотя самому ему часто не хотелось рассказывать ее никому. У него был заготовлен специальный сценарий, но он никогда не мог исцелиться от чувства смертельного страха, от парализующего ужаса, какой бывает перед выходом на сцену у актеров.

— Большая часть плодов так и не выросла. Они приложили все усилия чтобы приспособить нас к выращиванию в сосуде. В Копенгагене мне провели полное генетическое сканирование и выяснилось, что они попросту вынули многие составляющие зиготы ДНК. Понимаете, кто-то из них вообразил, что если убрать несколько цепочек «мусорной» ДНК из человеческого генома, то плод будет более устойчив к выращиванию в сосуде и вообще обретет большую сопротивляемость… Эти парни были все либо недоучки из мединститута, либо низовой персонал обанкротившихся ведомств здравоохранения.

Кроме того, они большую часть времени поддерживали силы с помощью синтетического кокаина, это обычное дело среди южноамериканских чернорыночников…

Он прокашлялся и попытался закруглиться.

— Так или иначе вернемся к проблеме моего происхождения. В том рейде по Колумбии среди

«голубых касок» был датский офицер, и он вышел на технического эксперта, который консультировал фильм моего отца. Тот офицер-датчанин и мой отец пили в одной компании и стали приятелями. Так что когда мой отец сказал, что хочет усыновить ребенка, тот парень из Дании подумал: «А что, коли так, почему бы и не из тех детей, которых я сам спасал?» Так что он послал несколько строчек в Данию, и в итоге я оказался в Голливуде.

— Вы действительно говорите мне правду?

— Да, это правда.

— Могу я отвезти вас в Лаб и взять образец ткани?

— Слушайте, ткань, она ткань и есть. К черту мои ткани. Правда, гораздо тяжелей. Правда заключается в том, что люди относятся с предубеждением к таким, как я. Откровенно говоря, я их даже понимаю. Я могу проводить избирательные кампании, а могу и не проводить, но дело в том, что я уверен, никто, не проголосует за меня. Я сам за себя не проголосую. Потому что не уверен, что могу полностью себе доверять. Я на самом деле другой. В моем ДНК огромные дыры, и, возможно, таких никогда не было у других человеческих существ. Он развел руками.

— Позвольте, я расскажу вам, насколько я отличен от других. Я не сплю. У меня всегда немного повышена температура. Я рос очень быстро — и не потому что провел детство во фривольной атмосфере Лос-Анджелеса. Мне сейчас двадцать восемь лет, но большинство дает мне где-то около тридцати пяти. Я стерилен, у меня никогда не будет собственных детей, у меня три раза был рак печени. К счастью, этот вид рака сейчас легко лечится, но я все еще сижу на ангиогенетических ингибиторах плюс на блокаторах факторов роста, а также принимаю трижды в месяц противоопухолевые таблетки. Другие восемь детей, взятых при той облаве, — пятеро из них умерли в раннем возрасте от различных видов раковых заболеваний, а оставшиеся трое… ну, они датчане. Это три одинаковые датчанки — позвольте мне так выразиться — с крайне сложной личной жизнью.

— Вы точно не преувеличиваете? Это такая захватывающая история! У вас действительно постоянно повышенная температура поверхностного кожного покрова? А вам делали PET-сканирование?

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Знаете, вы в самом деле очень хорошо это восприняли. Я имею в виду, что большинство,

кто слышит это, переживает нечто вроде шока и нужно время…

— Ну, я не лечащий врач, да и сугубо генетические исследования это на самом деле не моя узкая специализация. Но я не шокирована этой историей. Я удивлена, конечно, и мне действительно очень хотелось бы уточнить кое-какие детали в моей Лаборатории, но… — Она замешкалась, подыскивая нужное слово. — Я в высшей степени заинтригована.

— Правда?

— Да. Это, конечно, грубое нарушение врачебной этики. Это идет вразрез с Хельсинкскими соглашениями и, кроме того, нарушает еще, по крайней мере, штук восемь установленных правил обращения с человеческими существами. Вы, безусловно, очень смелый и способный человек, раз смогли преодолеть последствия детской трагической травмы и достигли того успеха в жизни, какой имеете на сей день.

Оскар не ответил. Внезапно у него защипало глаза. Он встречал множество реакций на исповедь о своем происхождении. Женских реакций, так как мужчинам он исповедовался крайне редко. Деловые отношения могли начаться и закончиться без всякой открытости с его сто-

роны, но в сексуальных отношениях он всегда предпочитал открытость. Он видел целую гамму реакций. Шок, ужас, развлечение, симпатию, даже истерическое подергивание головой. Равнодушие. Почти всегда правда долго еще мучила и беспокоила тех, кому он доверялся.

И он никогда еще не встречал такой реакции, как у Греты Пеннингер.

Оскар и его секретарь Лана Рамачандран прогуливались по саду позади наклонных белых стен Клиники генетической фрагментации. Этот сад примыкал к одной из жилых секций персонала, так что здесь было много детей. Звонкие детские голоса обеспечивали хорошие условия для приватного разговора.

— Прекрати посылать цветы в ее жилые комнаты, — инструктировал Оскар. — Она там никогда не бывает. В основном ана почти не спит.

— И куда же мне тогда их посылать?

— В ее Лабораторию. Она почти всегда находится там. И измени состав букета — убери цинии и анютины глазки и добавь туберозу.

Лана была шокирована.

— Но сейчас нельзя туберозу!

— Ну ты понимаешь, что я имею в виду. Кроме того, мы скоро начнем ее подкармливать. Она

совсем не ест, должен я сказать. А потом оденем, поработаем над ее имиджем. Но сначала надо придумать, как это сделать.

— Но как мы можем даже просто проникнуть к ней? Доктор Пеннингер работает в Хотзоне, — перебила Лана. — Это же полномасштабный Код-4 по работе с биологически опасными веществами. Там собственные воздушные фильтры и стены чуть не трехметровой толщины.

Он пожал плечами.

— Погрузи цветы в азотную кислоту, помести в пластиковую упаковку. И так далее.

Секретарша хмыкнула.

— Оскар, что это с тобой? Ты что, сошел с ума? Тебе нельзя заводить роман с этой женщиной. Я хорошо изучила женские типы, которые тебе подходят, но она к ним не относится. На самом деле, я тут поспрашивала и выяснила, что доктор Пеннингер вообще мало кому подходит. Ты просто несправедлив сам к себе.

— Хорошо, наверное, у меня внезапный приступ нелюбви к сладкому.

Лана была искренне обижена. Она желала ему лучшего. Она не обладала чувством юмора, но была очень деловой.

— Ты не должен так поступать. Это просто

неблагоразумно. Она в составе дирекции, она среди тех, кто здесь представляет власть. А ты входишь в штат Сенатского комитета, который надзирает за ее деятельностью. Это явный конфликт интересов.

— Меня это не волнует. Лана пришла в отчаяние.

— Ну почему, почему ты всегда так поступаешь? До сих пор не могу поверить, что ты расстался с этой журналисткой. Ведь она обеспечивала кампании поддержку в прессе! Кто-нибудь может счесть это крайне неэтичным. А перед этим, с той архитекторшей… и до этого, та невзрачная девчонка из Бостонского городского управления… Почему ты ведешь себя так, что всегда все кончается разрывом? Это уже становится каким-то наваждением…

— Послушай, Лана, ты знаешь, что моя личная жизнь всегда была сплошной проблемой, с самого начала, как ты со мной познакомилась. У меня есть своя этика. Я никогда не завожу романов в кругу своей команды. Верно ведь? Это могло бы плохо кончиться, это привело бы к скандалам, это почти что инцест. Но вот он я, что бы там ни было в прошлом. И вот Грета Пеннингер, она сделала карьеру здесь, она из тех, кто разбирается в

здешних делах. Плюс она очень скучает, и я знаю, что могу дать ей. Значит, у нас есть нечто общее. Я думаю, мы можем помочь друг другу.

— Ладно, мне никогда не понять мужчин! Вы сами не знаете, чего вы хотите, верно? Вы даже ничего не поймете, если счастье будет прямо перед вами.

Лана зашла слишком далеко. Оскар подобрался и, нахмурив брови, обернулся к ней.

— Послушай, Лана, когда ты найдешь то счастье, о котором точно знаешь, что оно мое — именно мое, — тогда напиши мне памятную записку. Хорошо? А пока не могла бы ты разобраться с такой мелочью, как отправка цветов?

— Хорошо, я постараюсь все устроить, — ответила она. — Сделаю все, что смогу.

Лана сердито развернулась и удалилась. Он не мог ей помочь. Лана вернется. Она всегда возвращалась, хотя, занимаясь его делами, оставляла нерешенными собственные проблемы. Оскар пошел вперед, слегка насвистывая и поглядывая на небо над подернутым рябью куполом Коллаборатория. Злая зимняя метель швыряла серые облака над чистым куполом теплого и ароматного воздуха. Он подбросил вверх шляпу и поймал ее за элегантно загнутые поля. Нынче

жизнь ему решительно нравилась. Он обогнул цветущие азалии, чтобы не разбудить спящую в них антилопу. С недавних пор он предпочитал вести разговоры на важные для него темы в саду. Автобус для этих целей не годился — слишком большое число неутомимых жучков. Да и все равно они скоро должны вернуть его в Бостон. И это тоже в высшей степени своевременно. Нет смысла задерживать у себя взятое в аренду имущество. Покончить с автобусом и переселиться в новый отель. Просто держаться вместе, сохранить команду. Быть на уровне основных высоких целей. Двигаться дальше. Это означало прогресс, и это было реально.

Появился из зарослей Фонтено. К некоторому удивлению Оскара, Фонтено пришел точно, как договорились. Возможно, проблема с дорожными заставами в Луизиане частично смягчилась. На охраннике были соломенная шляпа, жилет и черные резиновые сапоги. Он загорел и выглядел гораздо лучше, чем когда-либо.

Они пожали друг другу руки и, по привычке осмотревшись, нет ли слежки, двинулись прогулочным шагом.

— Вам удалось добиться большого успеха с разгромом базы ВВС, — сообщил ему Фонтено. — Это

не сходит с первых полос. Если давление будет продолжаться, полетят головы.

— Ну, приписывать мне успех — это идея Сосика. Он обеспечивает запасной вариант для сенатора. Если ситуация изменится к худшему, то у шефа сенаторской администрации будет возможность избавиться от неугодного парня.

Фонтено скептически посмотрел на Оскара.

— Ну, я не заметил, чтобы они выворачивали вам руки во время тех двух больших интервью, что вы дали… Не понимаю, как вы умудрились так быстро узнать подноготную закулисных властей и луизианских политиков.

— Закулисная власть — весьма интересная тема. Бостонские масс-медиа в этой связи очень важны. У меня сентиментальное отношение к бостонским средствам массовой информации. — Оскар заложил руки за спину. — Признаю, что было не совсем тактично назвать Луизиану «Дикой Сестрой Соединенных Штатов», но ведь это трюизм!

Фонтено не мог утруждать себя возражениями.

— Оскар, я безумно занят новым домом. Но обеспечение безопасности — не та работа, которую можно посещать время от времени. Вы все еще платите, а я совсем вас забросил.

— Если это вас так беспокоит, почему бы вам не заняться небольшими строительными работами? Наш отель — гвоздь местного сезона. Жители Буны в восторге от нас.

— Нет, послушайте меня. Поскольку мы скоро расстаемся — и на этот раз уж точно, — то я подумал, что нужно провести полную разведку здесь. Я это сделал. И получил определенные результаты. У вас на данный момент проблема с безопасностью.

— Да?

— Вы оскорбили губернатора Луизианы. Оскар замотал головой.

— Послушайте, голодовка не имеет никакого отношения к губернатору Хьюгелету. Хьюгелет никогда не имел к этому отношения. Суть голодовки — база ВВС и отношение к ней федеральных чрезвычайных комитетов. О Зеленом Хью мы едва ли сказали хоть слово!

— Сенатор не говорил. Но вы говорили. И много раз. Оскар пожал плечами.

— Ладно, но ведь ясно, что нам нет дела до губернатора. Он мошенник и демагог, но мы на это не напирали. Если уж на то пошло, то в данном скандале мы для Хью можем представлять ценность как временные политические союзники.

— Не будьте столь наивны. Зеленый Хью совсем так не думает. Он не из тех, кого волнует, ладит он или не ладит с кем-то. Хью всегда был и остается главным центром собственной вселенной. Так что вы можете быть либо за него, либо против него.

— Но зачем Хью плодить ненужных врагов? Это неразумная политика.

— Хью стряпает себе врагов. Его это радует. Это часть его игры. И так было всегда. Он ловкий политик, выучился этому, когда работал в Техасе на сенатора Дугала.

Оскар нахмурился.

— Послушай, но сенатор Дугал вне игры. С ним покончено, он уже в прошлом. Если бы он не находился сейчас в лечебнице, то сидел бы в тюрьме.

Фонтено машинально огляделся по сторонам.

— Вы не должны говорить того, что может быть воспринято как критика, когда находитесь внутри построенного Дугалом строения. Лаб — его любимый проект. Что же касается Хью, то он привык здесь работать. Вы идете по стопам Хью. Когда он был главой администрации сенатора, то он здесь выкручивал руки, чтобы прижать кое-кого.

— Ну ладно, они выстроили этот комплекс, хорошо, но выстроили его с помощью мошенничества и махинаций.

— Все политики прибегают к махинациям, и не они одни. Восточный Техас и Южная Луизиана в конце концов договорились и оттяпали себе по куску пирога. Однако в этих местах всегда прибегали к мошенничеству. Местные просто не будут знать что делать, если у них вдруг появится честное правительство. Старый Дугал вел очень жесткую политику, но ведь это Техас. У техасцев вспыльчивый нрав. Им нравится разрезать на мелкие кусочки старых парней, прежде чем их хоронить. Однако Хью многому научился у Дугала и не повторил его ошибок. Хью теперь губернатор Луизианы, и он большой человек, босс, кахуна. Хью прикармливает двух федеральных сенаторов, и они теперь сдувают пыль с его ботинок. Вы плохо отозвались о Хью в Бостоне — но Хью-то здесь рядом, вон там, в Батон Руж. И вы как бельмо у него на глазу.

— Хорошо. Я понял. И что дальше?

— Оскар, я видел, вы проделываете очень умные трюки в Сети, вы молодой человек, и эти штучки вам привычны. Но вы не видели того, что довелось видеть мне, так что позвольте

некоторые вещи объяснить вам обстоятельно и подробно.

Они обогнули буйные заросли бугенвилей, пока Фонтено собирался с мыслями.

— Хорошо. Представьте себе, что вы какой-то «плохой» парень, живущий Сетью, может быть, что-то вроде охранника во время сетевой войны. И у вас есть поисковая система, которая фиксирует все упоминания в Сети имени вашего идола — губернатора Этьена Гаспара Хьюгелета. И каждый раз, как только появляется кто-то, кто публично чернит вашего парня, вы запоминаете его. Когда имя обидчика зафиксировано, начинает работать программа, которой задано реагировать на определенное число регистрации. То есть после того как чье-то имя появляется заданное число раз, программа должна автоматически отреагировать. — Фонтено поправил соломенную шляпу. — Реагирование заключается в автоматической рассылке сообщений с требованием убить этого парня. Оскар засмеялся.

— Это что-то новое. Это уже сумасшествие!

— Ага, вот-вот. Как раз на сумасшествии все и построено. Видите ли, всегда найдутся какие-нибудь экстремисты, параноики, антисоциальные элементы, которые активно пользуются Сетью…

Секретная служба давно уже обнаружила, что в Сети есть большое количество сведений, которые могут быть нам очень полезны. Умственно неполноценные, склонные к насилию люди ищут обычно какого-либо толчка к действию, сигнала, прежде чем переходят к действиям. Мы собрали чертову уйму психологических профилей за много лет и обнаружили определенные корреляции. Так что, когда ясно чего искать, можно просто проверить этих парней, что пасутся в Сети.

— Конечно. Пользовательские профили. Демографический анализ. Стохастическое индексирование. Это всегда работает.

— Мы построили эти профили подозреваемых уже давно, и они оказались весьма полезными. Но затем Государственный департамент совершил ошибку, дав попользоваться нашим софтом каким-то независимым союзникам… — Фонтено на миг замолчал, так как из зарослей появился пятнистый ягуар, потянулся, зевнул и мягкой иноходью проплыл мимо них. — Проблемы возникли, когда наши профили попали в дурные руки… Понимаете, софт, сделанный для предупреждения преступлений, можно использовать поразному. Злоумышленники могут использовать его для создания длинного списка электронных

адресов опасных психов. Найти сумасшедших в Сети — легкая часть задачи. Убедить их перейти к действиям — задача более трудная. Однако если у вас есть список в десять — двенадцать тысяч человек, то можно просто забросить широкий невод и какая-то рыбка непременно поймается. Если вы сможете каким-то образом вбить в чью-то больную голову, что на некого парня стоит напасть, то можно ждать беды.

— То есть вы хотите сказать, что губернатор Хьюгелет занес меня в список своих врагов?

— Нет, не Хью. Не он лично. Он не настолько туп. Я говорю, что кто-то где-то когда-то сделал софт, который автоматически заносит врагов Зеленого Хью в список.

Оскар снял шляпу и аккуратно пригладил волосы.

— Я несколько удивлен, что никогда не слышал о такой практике.

— Ну, мы в Секретной службе не любим публичности, мы же не пресса. Мы делаем, что можем, мы стерли с лица земли целое гнездо подобных злоумышленников во время Третьей Панамы… Но мы не в состоянии отслеживать каждый оффшорный сервер. Самое лучшее, что можно сделать в подобных случаях — следить за наши-

ми собственными информантами. Мы всегда проверяем их, чтобы узнать, не получили ли они сообщение, призывающее их убить кого-либо. В общем, вот, прочти распечатку.

Они сели на уютную деревянную скамейку. На скамейке уже сидела какая-то малышка. Она терпеливо гладила экзотического горностая в летнем меху и вроде бы не возражала против присутствия взрослых. Оскар молча дважды внимательно перечел текст.

Текст был как раз таким зловещим и запутанным, как он себе и представлял. Он был жесток и банален. Оскар был глубоко потрясен, обнаружив свое имя среди крикливых напыщенных и дурно написанных фраз с угрозами убить. Он кивнул и, сложив листок, отдал его Фонтено. Они, улыбнувшись, приподняли шляпы, прощаясь с девочкой, и продолжили прогулку.

— Какое убожество! — воскликнул Оскар, как только они оказались вне пределов слышимости. — Это состряпано из мусорных почтовых рассылок. Я видел несколько почтовых роботов, которые были весьма сложными, они могли генерировать вполне пригодные полуфабрикаты речей. Но это просто набор обрывков из писем. Там нет даже пунктуации!

— Ну, раз главной мишенью являются жестокие параноики, то они, возможно, и не заметят ошибок.

Оскар раздумывал.

— Сколько примерно, по-вашему, было разослано писем?

— Ну, может, пара тысяч. В файле Секретной службы США список перевалил за триста тысяч. Но, конечно, умная программа не будет рассылать письма по всем адресам.

— Конечно, — задумчиво кивнул Оскар. — А что насчет Бамбакиаса? Он тоже в опасности?

— Я поставил сенатора в известность. Они усилят меры безопасности в Кембридже и Вашингтоне. Но, по моим предположениям, у вас более сложная ситуация. Вы ближе, вы на людях, и достать вас гораздо легче.

— Гм… Понятно. Спасибо за предупреждение, Жюль. Вы, как всегда, оказались очень предусмотрительны. И что вы мне теперь посоветуете?

— Усилить меры безопасности. Обычные вещи. Почаще менять заведенный распорядок дня. Иметь наготове дом, где вы могли бы укрыться в случае чего. Внимательно смотреть за чужаками, они будут стараться подкрадываться незаметно, либо попытаются создать вокруг неразбериху. В

любом случае избегать скоплений людей. И вам нужен телохранитель.

— Но у меня нет времени на все это. У меня много работы.

Фонтено вздохнул.

— Это как раз то, что мы обычно и слышим… Оскар, я работал в Секретной службе двадцать два года. Это настоящая профессия, у нас широкое поле деятельности. О Секретной службе известно не слишком много, но уверяю вас, она имеет долгую историю. Было закрыто старое ЦРУ, много лет назад распустили ФБР, а вот Секретная служба существует в общей сложности уже около двухсот лет. И будет существовать дальше. Поскольку необходимость в ней никогда не исчезнет. Поскольку письма с угрозами никуда не исчезнут. Все, кто занимает видное положение, всегда находятся под угрозой. Для знаменитостей это обычное дело. Они получают такие письма все время. Но при этом я ни разу не был свидетелем реального покушения. Я занимался своим делом, следил и охранял, и ничего не происходило. До одного прекрасного дня, когда взорвалась машина с подложенной в нее бомбой. Тогда я потерял ногу.

— Понятно.

— Вам надо знать это. Это реальное положение вещей. Вам надо признать это и в то же время не позволить себя запугать и остановить.

Оскар промолчал.

— Небо меняет цвет, когда вы знаете, что вас могут застрелить. Вещи меняют вкус. Когда это настигает вас, вы начинаете сомневаться, стоит ли вообще заниматься общественной деятельностью. Но вы понимаете, что, несмотря на такие вещи, все же наше общество уже не является реально злым или жестоким. — Фонтено пожал плечами. — На самом деле не является. Больше не является. Раньше, в моей юности, Америка действительно была жестоким обществом. Страшная статистика преступности, сумасшедшие банды по продаже наркотиков, дешевое автоматическое оружие, которое легко было купить. Нищие, злые, вызывающие жалость люди. Люди, пылающие негодованием, люди с зажатой внутри ненавистью. Но теперь другое время — не жестокое. Просто очень странное. Люди перестали истово, как раньше, бороться за что-либо, когда они поняли, что возврат к спокойной, нормальной жизни уже невозможен. Человеческая жизнь утратила смысл, но многие в Америке, и в особенности бедные, стали намного счастливее, чем раньше.

Они могут потерять все, как любит говорить ваш сенатор, но не впадут при этом в отчаяние, это не станет для них крахом. Они просто… оглядываются вокруг, бродят туда-сюда, дрейфуют по жизни. Они свободны, ничем не связаны.

— Возможно.

— Если вы ляжете на дно, то все утихнет само собой. Вы можете уехать в Бостон или Вашингтон, заняться другими делами, не касающимися Хью. Эти автоматические рассылки, они вроде колючей проволоки, столь же противные, но очень глупые. Они не разбираются в том, что читают. Как только вы станете новостью вчерашнего дня, эта машина просто забудет о вас.

— Жюль, я вовсе не намерен становиться новостью вчерашнего дня.

— Тогда вам нужно как следует изучить вопрос о том, как знаменитости умудряются выживать.

Оскар решил, что тревога, вызванная сообщением Фонтено, не должна влиять на его поведение. Он продолжал работать на строительстве отеля. Отель рос у них на глазах со сказочной быстротой, характерной для всех строек Бамбакиаса.

Команда трудилась не покладая рук, они все заразились энтузиазмом и горячо убеждали друг друга, что ни один из них ни за что на свете не

откажется от удовольствия физической работы.

Удивительно, но работа, в самом деле, приносила им удовольствие, превращалась в особого рода забаву, частично из-за подспудного злорадства, поскольку каждый мог видеть, как страдает их товарищ. Система фиксировала положение рук любого участника — жестко уравнительный, но эффективный метод. Невозможно отлынивать, когда ваши товарищи вкалывают по полной программе. Распределенная сборка доставляла то же удовольствие, какое приносит слаженная игра спортивной команды. Балконы вставали на место, пилоны и арки возносились вверх, случайная мешанина блоков приобретала смысл и красоту. Это напоминало горное восхождение, совершаемое с помощью тросов, шипов и кошек, — всё ради внезапно открывающегося изумительного, захватывающего вида.

Некоторые предусмотренные программой действия придавали процессу строительства зрелищность и вызывали восхищение толпы: например, одномоментное натягивание роликовых тросов, которые внезапно, одним рывком, превращали беспорядочную груду блоков в прочно пригнанный парапет, что может простоять не одну сотню лет.

Команда Бамбакиаса получала искреннее удовольствие от этих эффектов, рассчитанных на публику, и старательно подыгрывала системе. Но в те редкие моменты, когда система совершала действительно волшебные вещи, они могли сидеть, откинувшись назад, с невозмутимыми и равнодушными лицами, с полу прикрытыми глазами, напоминая чем-то джаз-музыкантов двадцатого века.

Оскар был политическим консультантом. Он любил большие толпы людей. Он чувствовал при виде толпы то, что, наверное, чувствует фермер, глядя на поле, где зреют арбузы. Сейчас, однако, он переживал трудные времена, поскольку сложно с дружелюбием относиться к арбузу, который может в тебя выстрелить.

Нет, конечно, ему были известны обычные меры безопасности, во время кампании все понимали, что возможны инциденты, в которых может пострадать их кандидат. Этот кандидат общался с народом, и кто-то из народа мог, естественно, оказаться злоумышленником или больным человеком. Им случалось пережить ряд неприятных моментов в Массачусетсе, приходилось иметь дело с блюющими пьяницами, ворами, шарлатанами, слушать гнусные выкрики из толпы.

Неприятные дела, для профессиональной охраны это означало палить пушкой по воробьям. Безопасность в девяносто девяти процентах случаев была напрасной тратой денег. Но если вам выпадал последний, один-единственный процент, то вы могли радоваться, что были столь предусмотрительны.

Все современные богачи имеют личных телохранителей. Телохранители входят в основной штат обслуги, так же как мажордомы, повара, сисадмины, имиджмейкеры. Полагается иметь хороший штат, включающий телохранителя, иначе никто не будет воспринимать вас всерьез.

И все это не имело ничего общего с леденящими душу мыслями о том, что пуля может вонзиться в твою плоть.

Его волновало не то, что он может умереть. Смерть Оскар мог легко себе вообразить. Ему внушала отвращение бессмысленность насильственной смерти. Кто-то собирается вторгнуться на его игровое поле, какой-то псих-одиночка, нарушитель правил, который даже не отдает себе отчета в том, что делает.

Проигрыш, это он мог принять. Оскар легко мог вообразить себе, например, грандиозный политический скандал. Ты провалился. Нахо-

дишься в изгнании. Тебя лишили почестей. Ты в немилости. Тебя избегают. Ты забыт. Ты никто. Ты политический нуль.

Оскар вполне мог вообразить себе такого рода ситуацию. В конце концов, если бы победа заранее гарантировалась, она бы утратила вкус победы.

Но он не желал быть убитым. Поэтому Оскар перестал работать на строительстве отеля. Это была страшная жертва, потому что процесс строительства доставлял ему огромное удовольствие. Кроме того, он давал множество славных возможностей, которые помогли бы снять предубеждения отсталых восточных техасцев. Но ему надоело смотреть на легкомысленную толпу любопытствующих как на источающий миазмы рассадник врагов. Откуда грозит выстрел? Бесконечные отвратительные размышления на тему убийства и убийцы навели Оскара на мысль, что из него самого получился бы превосходный убийца — умный, спокойный, дисциплинированный, решительный, и к тому же не нуждающийся в сне. Болезненное открытие нанесло удар по его душевному состоянию.

Он предупредил команду о возможном покушении. Искренне обеспокоенные, они, казалось,

даже больше взволновались, чем он сам.

Он вернулся под купол Коллаборатория, где, он знал, было достаточно безопасно. В случае серьезной угрозы местная служба безопасности могла нажать кнопку «Побег опасного животного», которая закрывала все мыслимые щели, двери, отверстия, так что там не проскользнула бы даже мышь.

Конечно, под куполом было гораздо безопаснее, однако Оскар чувствовал себя загнанным в ловушку, зажатым, стиснутым, будто невидимые руки смыкались на его горле. Но у него осталось еще поле для нанесения контрудара. Оскар сел за лэптоп и яростно погрузился в работу. Ему помогали Пеликанос, Боб Аргов и Одри Авиценне — вместе они пытались восстановить цепочку событий.

Сенатор Дуглас и техасско-креольская мафия, что кормилась около него, поначалу играли по правилам. Взятки, относительно скромные по размерам, сразу испарялись, пересекали границу штата — они переправлялись в соседнюю Луизиану, где процветали казино по отмыванию денег. Капиталы возвращались потом через благотворительные фонды или появившиеся непонятно откуда вторые дома у жен и племянников взя-

точников.

Однако годы шли, в стране разразилась инфляционная буря, в экономике воцарился хаос. Когда в результате гиперинфляции крупная индустрия лопнула, как мыльный пузырь, стало не до соблюдения приличий. Покрывать махинации оказалось хлопотно и утомительно.

Коллабораторий все время находился под неустанным покровительством сенатора — его многолетние заслуги перед передовой наукой и безопасные, живущие под куполом особи вызывали у всей Америки чувства умиления, благодарности, все что угодно, кроме критики. Работы в Коллабораторий продолжались — и понемногу за кулисами началось разложение, распространилось взяточничество, различные махинации и целая система подкупов и платы за молчание. Растрата подобна пьянству. Трудно отвыкать, и если никто не хватает вас за руку, то вскоре на носу появляется сизая сеточка вен.

Оскар почувствовал, что в деле наметился прогресс. Его положение сильно укрепилось, он мог начинать действовать.

Вот тут и появился первый сумасшедший убийца.

В связи с этим событием Оскара пригласили

зайти в службу безопасности Коллаборатория. Сотрудница службы безопасности была одета в офицерскую форму, которая говорила о принадлежности к крошечному федеральному агентству, именовавшемуся «Руководство безопасности Бунского национального коллаборатория». Женщина сообщила Оскару, что пойманный только что прибыл из Маскоги, штат Оклахома, и пытался прорваться в южный шлюз купола, но был задержан. При нем был обернутый в бумагу картонный ящик, который, как он уверял, является «суперрефлексогранатой».

Оскар посетил подозреваемого в камере. Несостоявшийся убийца выглядел взъерошенным, несчастным, покинутым и одиноким. У него наблюдались все признаки серьезного умственного расстройства. Оскар неожиданно почувствовал острый приступ жалости. Ему стало, совершено ясно, что этот человек не является сознательным злоумышленником. Несчастного подтолкнул к действиям непрерывный поток спама с призывами к насилию.

Оскар был в шоке и немедленно выразил пожелание, чтобы бедного малого освободили. Местные копы, однако, мудро не последовали его просьбе. Они связались с офицером Секретной

службы США из Остина. Спецагенты должны были прибыть сегодня же, чтобы допросить мистера Спенсера и затем забрать его с собой.

Буквально на следующий день появился другой псих. Этот джентльмен, мистер Белл, оказался хитрее. Он додумался спрятаться внутри грузовика, который вез электротрансформаторы. Водитель грузовика заметил сумасшедшего, когда тот вылезал из кузова, и вызвал охрану. Последовала короткая охота, и проехавшийся зайцем пассажир был обнаружен, когда безуспешно пытался спрятаться в редких кустиках болотной травы. При этом он храбро щелкал самодельным пистолетом, покрашенным в черный цвет.

С поимкой третьего, мистера Андерсона, все сложилось гораздо хуже. Когда охранник приблизился к нему,

Андерсон стал громко кричать о приближении летающих тарелок и судьбе Конфедерации, при этом полоснув себя острой бритвой по рукам. Это кровопускание шокировало Оскара и поставило его в сложную ситуацию.

Стало очевидным, что надо найти безопасное укрытие. И наиболее безопасным местом внутри Коллаборатория была, конечно, Хотзона.

Внутреннее оформление Хотзоны было менее

впечатляющим, чем стоящая снаружи белая фарфоровая башня. Интерьер выглядел странным, и это объяснялось тем, что каждая вещь, находящаяся здесь, должна была выдерживать чистку сверхгорячим паром. Стены с гладким пластиковым покрытием, высокие белые керамические столы, не поддающиеся кислотному воздействию, металлические стулья и шершавый плиточный пол. Хотзона казалась странной и в то же время очень земной. В конце концов, это ведь была не сказочная страна и не космический корабль, а хорошо организованное пространство, предназначенное для специфической деятельности людей в помещении, где соблюдалась стерильная чистота. Люди работали здесь уже пятьдесят лет.

В гардеробной со шлюзовой камерой Оскару пришлось сменить уличную одежду на лабораторный халат, надеть перчатки, хирургический колпак, маску и бахилы с завязками. Грета Пеннингер, неофициально взявшая на себя хлопоты по приему, послала лаборанта, чтобы тот проводил Оскара в ее кабинет.

Грете Пеннингер принадлежала целая анфилада лабораторных помещений в ярко освещенном отделении нейрокомпьютерных* исследований. На пластиковой двери было написано: «Грета В.

Пеннингер, фундаментальные исследования». За дверью располагался залитый ослепительным светом хирургический кабинет.

Ряды высоких белых столов. Безопасные покрытия. Сушильные полки. Детергенты. Весы, горелки, мензурки с делениями. Пипетки. Центрифуги. Хроматографы. И множество белых квадратных устройств непонятного назначения.

Оскара приветствовал мажордом Греты, доктор Альберт Гаццанига. Гаццанига имел тот характерный вид, который Оскар про себя именовал «коллабораторным»: у него был сосредоточенно-отрешенный взгляд, как у игроков в мяч в стране лотофагов (Лотофаги — в «Одиссее» Гомера пожиратели лотоса, приносящего забвение прошлого.). Он, один из немногих в Коллаборатории, принадлежал к федерал-демократам. Большая часть политически активной аудитории Коллаборатория была скорее похожа на унылые типажи спаянного левого традиционалистского блока, напоминая членов социал-демократической и коммунистической партий. Было редкостью найти здесь кого-то, обладавшего твердостью характера и энергией, чтобы отстаивать убеждения реформистов.

— Так что случилось с доктором Пеннингер?

— О, только не обижайтесь, она сейчас занята. Как только она закончит процедуры, она придет. Поверьте мне, когда она занята делом, лучше находиться от нее подальше.

— Все в порядке. Я понял.

— Это не означает, что она вас не воспринимает всерьез. Она очень сочувствует вам. Мы сами имели одно время проблемы с местными экстремистами. Борцы за права животных, противники вивисекции… Понятно, что мы, ученые, ведем гораздо более замкнутый образ жизни, чем вы, политики, однако мы не витаем в облаках.

— Что вы, Альберт, я и не думаю ничего подобного.

— Лично я крайне огорчен, что вам пришлось стать объектом нападений, и сочту за честь помочь вам.

Оскар кивнул.

— Вы очень добры, что пригласили меня. Я постараюсь не мешать вашей работе в Лаборатории.

Доктор Гаццанига провел Оскара за стойку, на которой стояло семь снабженных дренажным стоком форм с желеобразными рабочими пробами.

— Надеюсь, у вас не сложится впечатление,

что здесь, в Лаборатории Греты, мы находимся в биологически опасной зоне. В этой Лаборатории никогда ни с чем опасным не работали. Все наши очистные приспособления просто защищают выращиваемые нами культуры от загрязнения.

— Понятно.

Гаццанига, одетый в мешковатый лабораторный халат, незаметно пожал плечами.

— Все эти жуткие атрибуты генных технологий: гигантские башни, катакомбы, купола, пломбированные помещения — в прошлом, возможно, имели большой политический смысл, но в принципе было наивной идеей и к нашему времени давно устарело. Все это оправдывалось лишь несколькими разработками, сделанными для военных. Внутри Хотзоны нет ничего такого, что могло бы вам повредить. Генная инженерия имеет пятьдесят лет истории, это отработанные, проверенные методики. Мы используем только термоэкстремофилов, то есть микробов, для которых естественной является вулканическая среда. Очень эффективно — высокий метаболизм и полная безопасность. Их метаболизм не запускается при температуре ниже 90 градусов. Они живут за счет серы и водорода, так что даже если вы буквально искупаетесь в жидкости с

этими микробами, то разве что обваритесь, но никакой инфекции подцепить таким образом невозможно. Также не стоит бояться и каких-либо генетических изменений.

— Звучит весьма убедительно.

— Грета профессионал. Она отработала до блеска лабораторные процедуры. Даже больше. Лаборатория — это место, где сильнее всего проявляется и сверкает личное мастерство Греты. Она очень сильна в нейрокомпьютерной математике. Не думайте, что я собираюсь преуменьшать ее заслуги. Но ее основные таланты раскрываются как раз в Лаборатории. Она может работать с STM-зондами как никто другой во всем мире. И если бы она могла приложить руки к какой-нибудь приличной тиксотропийной центрифуге, а не мучиться с дерьмовым ротором каменного века, мы бы стали действительно первыми в этих областях науки. — Гаццанига пришел в возбуждение. Он буквально дрожал от энтузиазма. — По публикуемым отчетам об эффективности работы наша Бунская лаборатория стоит на первом месте. У нас настоящие таланты, команда Греты не имеет себе равных! Если бы мы только могли заполучить подходящее оборудование, даже трудно представить, чего можно было бы добиться. Ней-

ронаука сейчас на гребне научных исследований, точно так же как сорок лет назад была генетика или компьютеры за сорок лет до того.

— А что вы делаете здесь?

— Ну, официально это называется…

— Не надо, Альберт, объясните по-простому, над чем вы работаете?

— Ну, в принципе, мы все еще разрабатываем результаты, за которые Грета получила Нобелевку. Результаты касаются глиальных нейрохимических градиентов, вызывающих модуляции определенного рода. Это был самый большой нейрокогнитивный прорыв за последние годы, открывший массу новых горизонтов для исследователей. Карен работает над фазовыми модуляциями и пиковыми частотами. Юнг Ньен в нашей команде — самая вдумчивая и мудрая — занимается стохастическим резонансом и моделированием реакции на рейтинг. А Серж, вон он там, который вас встречал, работает над древовидными преобразовательными поглощениями. Остальные у нас заняты оформлением документации по экспериментам, фактически они — обслуживающий персонал, но это ничего не значит, когда вы работаете с Гретой Пеннингер. Это Лаборатория с мировым именем. Сюда

стремятся попасть. У нас отличный персонал. К тому времени, когда Грете будет лет пятьдесят — шестьдесят, даже ее самые юные соавторы смогут вести собственные лаборатории.

— А над чем работает, Грета Пеннингер?

— Ну, об этом вы можете спросить ее саму! — сообщила появившаяся Грета.

Гаццанига тут же тактично удалился. Оскар начал с извинений, что не хотел мешать ей работать.

— Нет, все нормально, — спокойно ответила Грета. — Я проведу время с вами. Думаю, оно того стоит.

— Вы человек без предрассудков.

— Да, — просто ответила она. Оскар разглядывал Лабораторию.

— Как странно встречаться в таком месте… Должен сказать, здешняя обстановка вам очень подходит, но у меня она вызывает слишком стойкие ассоциации… Мы можем здесь говорить?

— Моя Лаборатория не прослушивается. Каждая поверхность здесь стерилизуется дважды в неделю. Никакие подслушивающие устройства не выдержат в такой обстановке… — Увидев, что Оскар сомневается, она тут же замолчала.

Наклонившись вперед, она дотянулась до

кнопки и включила вытяжку. Ровное гудение подействовало успокоительно. Оскар почувствовал себя намного лучше. Они, конечно, все равно остаются на виду, однако шум по крайней мере заглушит аудио прослушивание.

— Грета, вам известно, что я называю политикой? Она внимательно посмотрела на него.

— Я знаю, что политики всегда причиняют ученым много хлопот.

— Политика — это искусство примирения честолюбивых человеческих устремлений.

Она ответила не сразу.

— Хорошо. И что?

— Грета, постарайтесь уважить мою просьбу. Мне нужно найти человека, разумного человека, который мог бы стать свидетелем на приближающихся сенатских слушаниях. Обычные говоруны из старого поколения менеджмента просто не хотят ничего делать. Мне нужны люди, сведущие в вашей области, знающие, что реально здесь происходит.

— А почему вы обращаетесь ко мне? Почему не попросите Сирила Морелло или Уоррена Титче? У этих парней масса времени для политической деятельности.

Оскар был прекрасно осведомлен и о Морелло,

и о Титче. Эти двое были лидерами народных масс Кол-лаборатория, хотя сами об этом не подозревали. Сирил Морелло являлся главным ассистентом департамента по человеческим ресурсам. Этот человек благодаря многолетней бескорыстной деятельности завоевал доверие рядовых сотрудников Коллаборатория.

Уоррен Титче представлял тип крикливого радикала с постоянно нахмуренными бровями, который мог выступать за создание площадок для мотоциклов и улучшение меню в кафетерии с истовостью борца, возвещавшего о надвигающейся ядерной катастрофе. ,

— Мне не нужен от вас список авторитетных лиц Коллаборатория. Их я и так знаю. То, что мне нужно, ну, как бы это сказать… Картина крупными мазками. Послание. Видите ли, в новом конгрессе три новоизбранных сенатора в Комитете по науке. У них нет того глубокого опыта, как у бывшего председателя Комитета сенатора Дугала из Техаса, долго, очень долго занимавшего эту должность. Сейчас в Вашингтоне начинается действительно новая игра.

Грета нетерпеливо взглянула на часы.

— Вы действительно думаете, что я могу чем-нибудь помочь?

— Я ограничусь лишь самым главным. Позвольте мне задать вам простой вопрос. Представьте себе, что вы обладаете полной и ничем не ограниченной властью, вы влияете на федеральную политику в области науки. Вы можете делать все, что хотите. Представьте себе вашу голубую мечту. Что бы вы сделали?

— Ох! Ладно! — Она наконец заинтересовалась. — Ну, я думаю… Я бы постаралась сделать так, чтобы американская наука стала такой же, как в период Золотого века. Это было во времена первой холодной войны. Понимаете, в те далекие времена, если у вас имелись серьезные предложения и вы были готовы работать над ними, то у вас было прочное и долговременное федеральное финансирование.

— Как противовес тому кошмару, что творится сейчас, — подсказал Оскар. — Бесконечная бумажная волокита, безобразная бухгалтерия, бессмысленные споры о морали.

Грета непроизвольно кивнула.

— Даже трудно представить, до чего мы докатились. В наши дни ученый тратит сорок процентов своего времени, танцуя вокруг фондов. В добрые старые времена жизнь в науке была очень простой. Тот, кто получал грант, тот проводил

свои исследования и получал результаты. Наука находилась на ремесленном уровне. Вы делали работу с двумя, тремя, четырьмя соавторами, не надо было набирать команду в шестьдесят — восемьдесят человек, как сейчас.

— Значит, в принципе, все упирается в экономику — полувопросительно сказал Оскар.

Она резко наклонилась вперед.

— Нет, это гораздо глубже, чем просто экономика. Наука двадцатого века развивалась совершенно в другой обстановке. Существовало понимание между правительством и научным сообществом. Менталитет фронтира. Это были золотые деньки. Национальный фонд по науке, NIH, NASA, ARPA… Научные организации выполняли свои обязательства. Чудесные лекарства, пластик, новые отрасли индустрии… люди в буквальном смысле слова взлетели в небеса!

Оскар кивнул.

— Производство чудес, — заметил он. — Звучит как верное направление для работы.

— Конечно, тогда была полная занятость. Был даже такой чудный термин «срок пребывания в должности». Вы об этом слышали?

— Нет, — ответил Оскар.

— Так жаль, что мы все это потеряли, — про-

должила Грета. — Государства контролировали бюджет, однако научное познание имело мировое значение. Взять хотя бы Интернет — поначалу это была специализированная научная сеть, но она расширилась. Сегодня люди из племени в Серенгети могут по Сети подключиться напрямую к китайскому спутнику.

— Получается, что Золотой век завершился с окончанием первой холодной войны, — резюмировал Оскар.

Она кивнула.

— Как только мы победили, конгресс принял решение переориентировать американскую науку на повышение конкурентоспособности, на общемировую экономическую войну. Но это нам совершенно не годится. У нас нет никаких возможностей.

— Почему нет?

— Ну, фундаментальные исследования приносят всегда две экономические выгоды: интеллектуальную собственность и патенты. Чтобы компенсировать инвестиции в исследования, необходимо соблюдать джентльменское соглашение о том, что инвесторы имеют эксклюзивное право на собственные открытия. Но китайцам никогда не нравилось само понятие «интеллек-

туальная собственность». Мы не переставали давить на них, так что в конце концов разразилась торговая война, и китайцы не дали себя обойти. Они просто сделали все наши разработки доступными из их спутниковой сети, так что все в мире могли ими воспользоваться. Они передали всем информацию, которой мы владели, бесплатно, и это привело к нашему банкротству. Так что теперь благодаря китайцам фундаментальные научные исследования потеряли экономический вес. Сейчас наши работы имеют значение лишь для престижа. Чтобы жизнь развивалась, этого слишком мало.

— Китайцев в этом году неожиданно крепко поколотили. А вот как насчет голландцев?

— Да, голландская экологическая технология… Голландцы проникают на каждый остров, на все низко лежащие морские побережья, строят тысячи дамб. Они создают альянс против нас, куда входят островные государства и те, что расположены низко над уровнем моря, они выступают против нас на любом международном форуме… Они хотят перекроить мировую науку, чтобы она занималась исследованиями для экологического выживания. Они не собираются тратить время и деньги на исследование нейтрино или космиче-

ские разработки. Голландцы принесут нам еще много хлопот.

— Вторая холодная война не входит в компетенцию Сенатского комитета по науке, — сказал Оскар. —

Но это возможно сделать, если мы сможем доказать, что это вопрос национальной безопасности.

— *И чем это поможет науке*? — пожала плечами

Грета. — Светлые головы идут на тяжкие жертвы, если только им позволяют работать над теми вещами, что их действительно интересуют. А если вы заняты скучной работой над военными проектами, то вы просто обезьяна в энной степени.

— Замечательно! — воскликнул Оскар. — Я как раз и хотел от вас откровенного обмена мнениями.

Она нахмурилась.

— Вы действительно хотите откровенного разговора?

— Поверьте.

— Что дал нам Золотой век? Народ не умеет обращаться с чудесами. У нас была атомная эра, опасная и ядовитая. На смену ей пришла косми-

ческая эпоха, которая, правда, быстро сошла на нет. Затем наступила информационная эра, и выяснилось, что убийственным приложением к развитию компьютерной сети является социальный развал и софтверное пиратство. Прямо вслед за ней американская наука начала биотехническую эру, и выяснилось, что убийственное приложение к ней — изготовление свободной пищи для орд кочевников! А теперь у нас когнитивная эпоха, и мы ждем, что будет дальше.

— И что она может нам принести, эта новая эпоха?

— Если бы мы были в состоянии предсказать результаты наших исследований, это не были бы фундаментальные исследования.

Оскар недоумевающе заморгал глазами.

— Можно я сформулирую это более прямо? Вы посвятили вашу жизнь нейроисследованиям, но не можете рассказать нам, что это нам принесет?

— Я не могу этого знать. Нет никакой возможности оценить это заранее. Общество — очень сложный феномен, и наука также очень сложна. Мы открыли невероятно много нового за прошедшие сто лет… Научные знания разделились на множество отдельных узкоспециализированных

направлений, и ученые знают все больше, но о частностях — фрагментация науки… Невозможно принимать обоснованные решения относительно социальных последствий научных открытий. Мы, ученые, даже не знаем наверняка, что обладаем большими знаниями, чем кто-либо другой.

— Очень откровенно с вашей стороны. И вы уходите с поля боя, оставляя принятие решений по развитию науки на откуп случайным предположениям бюрократов.

— Случайные предположения тоже никуда не годятся.

Оскар задумчиво потер подбородок.

— Это плохо. В самом деле плохо. Все это звучит безнадежно.

— Возможно, я несколько сгустила краски. Наука немалого добилась — мы совершили множество исторических открытий, и даже в последнее десятилетие.

— Назовите мне какие-нибудь, — попросил Оскар.

— Ну, мы знаем теперь, что восемьдесят процентов биомассы на планете является подземной.

Оскар пожал плечами.

— Хорошо.

— Мы знаем, что даже в межзвездном простран-

стве могут существовать бактерии, — сказала Грета. — Согласитесь, это большое открытие.

— Конечно.

— Медицина сильно продвинулась в этом веке. Мы справились с большинством видов рака. Мы излечили СПИД. Мы можем лечить псевдоэстрогенные нарушения, — продолжила Грета. — У нас есть теперь способ мгновенного излечения кокаиновой и героиновой наркомании. . — Но он не годится для алкоголиков.

— Мы научились восстанавливать разрушенные нервные клетки. Мы можем сделать лабораторных крыс умнее собак.

— О, ну и конечно, космологический вращательный момент, — сказал Оскар, и они оба рассмеялись. Было непонятно, как они могли хотя бы на мгновение забыть о космологическом вращательном моменте.

— Давайте поговорим теперь о другом, — предложил Оскар. — Расскажите мне немного о Коллаборатории. Чем отличается Буна — в чем ее отличие от других лабораторий, почему она незаменима и неповторима?

— Ну конечно, ведь здесь хранятся генетические архивы. Мы знамениты на весь мир именно поэтому.

— Гм-м, — пробормотал Оскар. — Догадываюсь, что сбор этих образцов со всего света был тяжелой и требующей больших затрат работой. Но разве нельзя при современных технологиях просто скопировать эти гены и хранить их где угодно?

— Но логичнее всего хранить их здесь. У нас безопасные хранилища. И полностью защищенный гигантский комплекс.

— Меры безопасности действительно так необходимы? Ведь в нынешние дни генная инженерия является простой и безопасной?

— Да, но если Америке понадобятся средства для ведения биологической войны четвертого уровня, то они находятся прямо здесь. — Грета замолчала. — Кроме того, у нас есть первоклассные сельскохозяйственные культуры. Множество исследований по урожайности. Богачи до сих пор едят пищу, приготовленную из зерновых. Они также любят наших редких животных.

— Богатые люди предпочитают натуральные зерновые культуры, — возразил Оскар.

— На наших биотехнологических исследованиях была построена вся современная индустрия, — не сдавалась Грета. — Посмотрите, что мы сумели сделать для Луизианы!

— Да-да, — подтвердил Оскар. — Но вы думаете,

стоит нажимать на это в сенатских слушаниях?

Грета помрачнела. Оскар кивнул.

— Я тоже хочу быть откровенным, как и вы. Я могу объяснить вам, как встретят ваши заявления в конгрессе. Страна лежит в развалинах, а ваши административные расходы превышают все нормы. У вас около двухсот человек находится на дотации федералов. Вы сами ничего не зарабатываете — за исключением симпатий знаменитостей, которым дарите ценных животных из вашего зоопарка. Вы не связаны ни с какими крупными военными заказами или охраной национальных интересов. Биотехнологическая революция уже давно свершившийся факт, здесь не надо новых затрат, теперь это вполне стандартная индустрия. Так что же вы делаете для нас в последнее время?

— Мы сохраняем и защищаем природное наследие планеты, — заявила Грета. — Мы — консервационисты.

— Послушайте. Вы же генный инженер, вы не имеете никакого отношения к «природе»!

— Сенатор Дугал никогда не возражал против притока федеральных фондов Техас. Мы всегда имели государственную поддержку от делегатов Техаса.

— Дугал уже в прошлом, — отмахнулся Оскар. — Вам известно, сколько циклотронов сохранилось в США?

— Циклотронов?

— Ускорители элементарных частиц, примитивные гигантские клайстроны, — пояснил Оскар. — Громадные сооружения, страшно дорогие, но они были престижными федеральными лабораторными проектами. И все они ныне исчезли. Я был бы рад побороться за Лабораторию, но мне нужны разумные доводы. Мне нужна громкая информация, которая бы дошла до чиновников.

— И что я могу вам сказать? Мы не эксперты по связям с общественностью. Мы обычные ученые.

— Вы должны мне добыть что-нибудь, Грета! Бессмысленно надеяться, что вы сможете выжить, катясь, все дальше и дальше по бюрократическому склону. Вам надо придумать что-то, что сможет оправдать вашу работу в глазах широкой публики.

Она задумалась.

— Знание — изначально дорогая вещь, даже если его нельзя продать, — сказала Грета. — Даже если его нельзя использовать. Знание — это абсолютное добро. Искать истину означает жить.

Это главный путь цивилизации. Мы будем нуждаться в знании, даже если наша экономика и правительство скатятся в тартарары.

Оскар подумал и сказал:

— «Знания, которые со временем не приносят вам денег, все же лучше чем деньги, что со временем не приносят вам знаний». Знаете, в этом что-то есть. Мне нравится, как это звучит. Очень современная риторика.

— Федералы обязаны нас поддерживать, потому что если не они, то нас поддержит Хью! Зеленый Хью понимает, что значит место, где мы сейчас находимся, он в курсе того, чем мы занимаемся. Хью обязательно нас поддержит.

— Это тоже важный момент.

— Наконец, мы просто заслуживаем того, чтобы жить в подобном месте, вдали от всяких неурядиц, — с пылом добавила Грета. — Можете называть это усилиями по созданию рабочих мест. Или можете обозвать нас ненормальными и объяснить, что работа в Лаборатории служит нам групповой психотерапией. Или можно еще провозгласить это место национальным заповедником!

— Вот это мозговой штурм! — удовлетворенно отметил Оскар. — Это очень здорово.

— А вам-то, зачем все это? — внезапно спросила она.

— Справедливый вопрос. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Позвольте заметить вам в ответ, что с тех пор, как я встретил вас, я покорен.

Грета вытаращила на него глаза.

— Не рассчитывайте, что я поверю, будто вы согласились таскать для нас каштаны из огня только ради моих прекрасных глаз. Это не значит, что я против флирта как такового. Однако если предполагается, что от меня зависит спасение мультимиллионного федерального оборудования, то наша страна находится еще в более ужасном состоянии, чем я думала.

Оскар улыбнулся.

— Я могу совмещать работу и флирт. Я многое узнал в результате нашей дискуссии, и для меня она была весьма полезной. Например, я узнал, как вы приглаживаете волосы и заправляете прядку за левое ухо, в тот самый момент, как произносите: «Или можете обозвать нас ненормальными и объяснить, что работа в Лаборатории служит нам групповой психотерапией». Это было очень красиво — маленький характерный штрих в самый разгар весьма сухой политической дискуссии. Это должно хорошо выглядеть в кадре.

Она уставилась на него во все глаза.

— Ах вот что вы думаете обо мне! Вот как вы меня видите! Значит, вот так? Да? Да, теперь вы, похоже, искренни.

— Конечно. И мне надо узнать вас поближе. Мне хотелось бы научиться вас понимать. Я уже многому научился. Видите ли, я ведь представляю здесь правительство и нахожусь тут, чтобы помочь вам.

— Ладно, я бы тоже желала узнать вас поближе. Так что вы не уйдете отсюда, пока я не возьму у вас кое-какие анализы крови. И хорошо бы еще сделать PET-сканирование и тесты реакций.

— Видите, у нас с вами много общего.

— Да, за исключением того, что я так и не поняла, зачем вам все это.

— Я могу прямо сейчас объяснить, каким идеям я следую, — ответил Оскар. — Дело в том, что я патриот.

Она посмотрела на него с недоумением.

— Я родился не в Америке. Если уж быть совсем точным, я не родился вообще. Но я работаю на наше правительство, потому что верю в Америку. Я отношусь к тем, кто верит, что наше общество — уникально. И у нас особая роль в мире.

Тут он с силой хлопнул ладонью по лаборатор-

ному столу.

— Мы изобрели будущее! Мы создали его! И когда другим удавалось использовать наши достижения или торговать ими немного лучше, чем нам, то мы изобретали кое-что еще более удивительное. Нам свойственна предприимчивость, у нас она была всегда. И когда требовалась смелость, доходящая даже до жестокости, она у нас была — мы не только сделали атомную бомбу, мы использовали ее! Мы не какое-то там сборище набожных, распускающих нюни красно-зеленых европейцев, которые стремятся к безопасности в мире ради их модных бутиков! Мы не конфуцианцы с их социальной инженерией, которые готовы любоваться еще две тысячи лет на массы людей, убирающих хлопок! Мы нация, которая держит руку на пульсе космической механики!

— И тем не менее мы здесь в проигрыше.

— Скажите, вот с какой стати я должен беспокоиться о ваших дурнях, которые ничего не зарабатывают? Ведь я из правительства! Мы печатаем деньги! И почему бы вам самим не предпринять что-либо прямо сейчас? Ваши люди находятся перед выбором. Либо вы продолжаете сидеть, сложа руки, и все, чего вам удалось добиться, пойдет псу под хвост, либо вы отбра-

сываете все ваши страхи и встаете с колен. Вы вполне сможете стоять на собственных ногах, если будете действовать сообща. Тогда вы будете уважать себя, гордиться собой! Вы сможете управлять вашим будущим. Вы превратите место, где сейчас работаете, в воплощение ваших желаний и устремлений. Вам вполне это по силам.

4.

Внутри Хотзоны жизни Оскара ничего не угрожало, но работать стало невозможно. Слух о странных нападениях маньяков облетел все окрестности, и местные стали шарахаться от него, как от чумного. В такой ситуации Оскар счел разумным на время исчезнуть и придумал план, как уехать незамеченным.

Автобус Бамбакиаса завели в ангар для ремонта. Там его перекрасили. Он превратился в фургон «Опасные материалы», использовавшийся для срочного вывоза ядовитых и взрывчатых веществ. Это была идея Фонтено, экс-агент был спец по маскировке. Фонтено нажимал на то, что и обычный люд, и даже военные на блокпостах, стараются держаться подальше от зловещих ярко-желтых фургонов. Копы из Коллаборатория были рады спихнуть с себя проблемы с Оскаром и постарались на славу, налепив на автобус все необходимые рисунки и наклейки.

Не привлекая внимания, Оскар еще до рассвета выехал на перекрашенном автобусе и мирно пересек шлюзовые ворота. Он уезжал, можно сказать, один. С ним были лишь абсолютно необ-

ходимые люди, костяк его свиты: Джимми де Пауло, шофер, Донна Нуньес, стилист, Лана Рамачандран, секретарь и в качестве груза — Мойра Матараццо.

Мойра была первой, кто покидал их команду. Будучи по профессии специалистом по связям со СМИ, она патологически нуждалась в выступлениях перед публикой. Ей были недоступны прелести строительства отеля вручную. К тому же замкнутый мирок Кол-лаборатория вызывал у нее отвращение, это был мир, с обитателями которого она не могла найти общих интересов. Мойра решила оставить Коллабораторий и уехать домой в Бостон.

Оскар не предпринимал никаких особых попыток убедить ее остаться с командой. Он тщательно обдумал этот вопрос и решил не рисковать и не пытаться ее удерживать. Мойра смертельно скучала. Он знал, что больше не может доверять ей. Скучающие люди слишком уязвимы.

Поездка, задуманная Оскаром, преследовала политические цели и в то же время служила защитой от преследования и нападения вооруженных маньяков. Он собирался без шума проехать в замаскированном автобусе штат Луизиану, добраться до Вашингтона и вернуться

домой в Бостон к Рождеству — поддерживая при этом через Сеть постоянный контакт с командой в Буне.

Первая запланированная остановка была в Холли-Бич, в Луизиане. Холли-Бич, приморский поселок, представлял собой конгломерат шатких свайных построек на берегу залива. Это был разрушенный ураганом район, быстро получивший название «креольской Ривьеры». Фонтено заранее предпринял меры для обеспечения приезда Оскара: нашел и снял небольшой пляжный домик на берегу под фальшивым ID. Фонтено считал, что это место идеально подходит для тайных встреч. Поселок так сильно пострадал от урагана и находился на таком примитивном уровне, что там не было даже подключения к Сети, все пользовались сотовыми телефонами, спутниковыми тарелками и метановыми генераторами. В середине декабря — было уже девятнадцатое число — приморская деревня была почти пустынна. Вероятность попасться на глаза папарацци или подвергнуться нападению безумных маньяков в Холли-Бич была ничтожна.

Оскар планировал организовать там тихое свидание с доктором Гретой Пеннингер.

После приморской идиллии в Холли-Бич он

должен был не спеша добраться до Вашингтона, где ему предстояла личная встреча со штатными сотрудниками Сенатского комитета по науке. После выражения необходимого почтения капитолийским крысам Оскар повернул бы на север в сторону Кембриджа, добрался бы до штата Массачусетс и доставил автобус в штаб федерально-демократической партии. Бамбакиас тут же пожертвовал бы автобус на нужды федеральных демократов. Сенатор в отношении партии всегда стойко придерживался роли финансового благодетеля, кроме того, он мог бы списать на это свои расходы.

Оказавшись в Бостоне, Оскар возобновил бы связи с сенатором. Он также получил бы долгожданную возможность вернуться домой. Оскар волновался относительно дома. Клэр уехала в Европу, дом опустел, и это было неправильно. Да и небезопасно оставлять жилье без присмотра. Оскару пришло в голову, что Мойра могла бы пожить у него, пока ищет другую работу в Бостоне. Оскара вовсе не приводила в, восторг ситуация с домом, не нравилось ему и настроение Мойры. Дом и Мойра — нити из его прошлого. В какой-то момент его озарило, что их можно связать.

Первый этап поездки, по югу Луизианы, про-

шел гладко. Оскар попросил Джимми прибавить громкости в приемнике, и, пока Мойра валялась с надутым видом, поглощая любовный роман, Оскар, Лана и Донна мило проводили время, обсуждая разные черты характера Греты Пеннингер.

Оскар не страдал застенчивостью. В этом не было смысла. Бесполезно пытаться скрывать его любовные интриги от собственной команды. Конечно, все они с самого начала знали о Клэр. Их вряд ли особо взволновало появление Греты, скорее это был зрительский азарт.

Кроме того, это обсуждение имело политический оттенок. Грета Пеннингер была «темной лошадкой» и главным кандидатом на пост директора Коллаборатория. Странно, что тамошние ученые, казалось, забыли о том очевидном факте, что сам пост директора под угрозой. Они не до конца понимали ситуацию, скорее всего, они называли их структуру власти «коллегиальностью» или, возможно, «процессом наследования», но ни в коем случае не «политикой». Однако это была политика, и самая настоящая. В Коллаборатории кипели политические страсти, хотя никто не рисковал называть их политикой.

Нельзя сказать, что сама наука является поли-

тикой. Научное знание глубоко отличается от политической идеологии. Наука — это интеллектуальная система, производящая объективные данные относительно природы Вселенной. Она включает в себя гипотезы, результаты и строгую экспериментальную проверку. Само научное знание — политическая конструкция не больше, чем элемент 79 в периодической таблице.

Однако оборотистые люди сумели использовать науку так, что даже ее самая малая частица стала политический. То же самое в свое время было проделано с золотом. Оскар провел много часов, зачарованно изучая научное сообщество и его сверхъестественно ортогональную структуру власти. То, что являлось подлинной научной работой, неприятно поражало его своей тупостью и утомительностью, но сопутствующие закулисные политические интриги совершенно завораживали.

Часто цитируемый ученый, сделавший множество открытий, имел политическую власть. У него была академическая слава, академические связи, он был влиятельной фигурой. К нему прислушивались в научном сообществе. Он мог устанавливать повестку дня, утверждать список специалистов, выступавших на конференциях,

устраивать продвижения по службе и путешествия по обмену, давать консультации. Он мог легко быть в курсе новейших исследований, получая работы перед их официальной публикацией. Ученый внутри сообщества не имел ни армии, ни полиции, ни фонда для подкупа, но при этом в своем спокойном и чертовски научном стиле, он мог постоянно контролировать основные ресурсы его сообщества. Он мог по желанию включать и выключать поток возможностей для низших существ. Он был фигурой.

Деньги сами по себе имели вторичное значение. Ученые, которые слишком открыто, охотились за деньгами соответствующих фондов или унижались, чтобы получить грант, становились вроде прокаженных, аналогично тому, как это происходит с кандидатами на выборах, открыто идущими на подкуп.

Это была вполне работающая система. Все это существовало издавна, и в таких делах имелось множество хитростей и тонкостей. И этими хитростями можно было воспользоваться. Коллабораторию до, сих не выпадала удача на длительное время привлечь внимание первоклассной команды по проведению политических кампаний.

Нынешний директор, доктор Арно Фелзиан, был в безнадежном положении. Когда-то Фелзиан добился некоторых успехов в генетических исследованиях, однако нынешний высокий пост он получил благодаря беспрекословному подчинению сенатору Дугалу. Марионеточные режимы процветают, пока держится империя, но, как только иностранные угнетатели уходят, местные их союзники превращаются в презренных коллаборационистов. Сенатор Дугал, давний патрон и официальный кукловод Коллаборатория, сгорел в синем пламени алкоголя. Фелзиан, оставшись без покровителя, не знал, что ему предпринять. Это был нервный, дерганый человек, поддакивавший всем и не имевший в окружении никого, кто бы поддакивал ему.

Отставка нынешнего директора была бы естественным шагом. Но этот шаг не имел особого смысла без четкого определения наследника. В небольшом мирке Коллаборатория эта отставка могла создать вакуум власти, что, вполне вероятно, привело бы к повальному исчезновению всего, что не было прикручено накрепко болтами. Кто взял бы на себя обязанности директора? Старшие члены правления могли, конечно, претендовать на продвижение по службе, но они

были такими же временщиками, живущими на взятках, как их директор. По крайней мере, их легко можно было подать именно в таком ключе.

Оскар и его советники согласились, что среди нынешних властей Коллаборатория внимания заслуживала одна лишь Грета Пеннингер. Она была членом правления, что придавало ее претензиям законность и было надежной опорой для дальнейшего продвижения. И она имела неиспользованные голоса избирателей — настоящих ученых Коллаборатория. Это были долго терпевшие гнет исследователи, те, кто старался добиться подлинных результатов, полностью и искренне игнорируя окружающую их действительность. Эти ученые упорно корпели над работой в течение многих лет, в то время как коррупция медленно разъедала мораль и честь, уничтожала саму возможность найти средства к существованию их научного заведения. Однако если и имелся какой-либо шанс провести подлинные реформы внутри Коллаборатория, то это должно было исходить от ученых.

Оскар был оптимистом. Он принадлежал к федерально-демократической партии, которая ратовала за реформы и умела их осуществлять, и он чувствовал, что реформы могли состояться.

Ученые как класс были нетронутой целиной, они представляли собой аморфный и сырой политический материал. Это было весьма странное и многочисленное собрание людей. Они там кишели и роились. Как будто наука втянула в себя всех тех людей на планете, кто был слишком ярок и умен для обычной практической жизни. Их самоотверженная преданность работе воистину казалась чудесной.

Оскар быстро оправился от первоначального изумления и удивления. После месяца пристального изучения вопроса он понял, что данная ситуация является, по сути, идеальной. В мире не нашлось бы достаточно денег, чтобы оплатить обычным людям подобную тяжелую работу, на какую соглашались ученые. Без живительного элемента идеализма, свойственного этой обособленной демографической группе, научное предпринимательство исчезло бы еще столетия назад.

Оскар ожидал, что федеральные ученые будут вести себя подобно федеральным бюрократам. Вместо этого он обнаружил потерянный мир, высокотехнологический остров Пасхи, где раса неудачников занималась интеллектуальным творчеством, отчасти бессмысленным, но вместе

с тем величественным.

Грета Пеннингер также была из этих людей, с их высоким IQ и вечным витанием в облаках, — пролетариата Коллаборатория. К сожалению, она говорила и одевалась точно так же, как и все остальные. Однако Грета была многообещающим кандидатом. В принципе нет ничего плохого в том, что ее нельзя зачислить в разряд профессиональных деятелей с их умением одеваться, навыками ведения дебатов, способностью поставить проблему, организовать деятельность, поднять нужные темы и провернуть ловкие закулисные интриги…

К такому выводу пришла, по зрелому размышлению, команда Оскара. Параллельно с обсуждением ситуации Оскар, Лана и Донна играли покер. Покер был воистину игрой, созданной для Оскара. Он редко умудрялся не проиграть. Противникам никогда не приходила в голову мысль о том, что поскольку он был богат, то мог терять деньги безнаказанно. Оскар преднамеренно играл сначала достаточно хорошо, чтобы все вошли в азарт. Затем он начинал хитрить и играть против самого себя, в результате сокрушительно проигрывал и симулировал глубокое разочарование. Другие восхищенно подсчитывали выигрыши и смотре-

ли на него с великодушной жалостью. Они были так довольны собой и настолько убеждены в его трогательном неумении играть и обманывать, что могли простить ему в тот момент что угодно.

— Однако есть одна проблема, — сказала Донна, со знанием дела перетасовывая карты.

— Что за проблема? — спросила Лана, жуя фисташки.

— Организатор выборной кампании никогда не должен спать с кандидатом.

— Она не настоящий кандидат, — заметила Лана.

— Я действительно не сплю с нею, — сообщил Оскар.

— Он будет, тем не менее, — мудро предрекла Донна.

— Сдавайте, — поторопил ее Оскар.

Донна сдала карты.

— Возможно, это и хорошо. Редкие встречи. Он *не* сможет остаться там, а она не может оттуда уехать. Так что — Ромео и Джульетта, но без уродливых беспокойств о смерти.

Оскар проигнорировал эти слова.

— Лана, тормозишь, — сказал он.

Лана поставила половину евро. Команда всегда играла в покер на европейские наличные. Име-

лись и американские деньги, тонкие пластмассовые банкноты, но большинство предпочитало ими не пользоваться. Трудно относиться всерьез к валюте, которая не конвертируема вне американских границ. Кроме того, все большие счета находились под тайным наблюдением.

Живчик, Фред, Ребекка Патаки и Фонтено уже ждали их в Холли-Бич. Поддерживая связь с командой через Сеть, они приложили трогательные усилия, чтобы сделать арендованное на побережье жилье удобным для жизни. В их распоряжении было девяносто шесть часов на то, чтобы привести ветхое жилище в порядок. Внешне дом остался таким же: шаткие переплетения скрипящих лестниц, смоленые деревянные сваи, съеденные солью щелистые подъезды. Желтая хибара с плоской крышей.

Однако внутри деревянной лачуги теперь на стенах висели ковры, подобранные со вкусом занавески, имелись удобные масляные нагреватели, подушки и постельное белье в цветочек. А также была целая куча небольших дорожных удобств: шапочки для душа, мыло, полотенца, купальные костюмы, шлепанцы. Конечно, для Лорены Бамбакиас это выглядело бы слабовато, однако приятно было видеть, что команда не

потеряла навыки, а дом утратил свой нищенский вид.

Оскар забрался в кровать и проспал целых пять часов, что для него было очень много. Он пробудился свежий, радостный, полный неизрасходованных сил. На рассвете он съел яблоко из крошечного холодильника и вышел прогуляться вдоль берега.

Дул порывистый холодный ветер, солнце поднималось над серо-стальными водами Мексиканского залива, внося в мир зимнюю ясность. Местный берег мало чем мог привлечь. Из-за того, что океан поднялся за последние пятьдесят лет на два фута, слегка волнистая коричневая береговая линия имела промоины, придававшие ей жалкий вид. Место, где раньше стоял поселок Холли-Бич, находилось теперь под водой. Те здания, что удавалось перенести, втаскивали вверх по склону на бывшее пастбище, оставляя позади сеть старого взломанного тротуара, жалостливо ныряющего в прибой.

Само собой разумеется, что многим другим строениям на оконечности континента повезло меньше. Было обычным делом наткнуться на дощатые настилы, большие куски простенков и даже на целые дома, стоящие в воде у американ-

ских берегов.

Оскар прогуливался вдоль мелководья, блестящего, как осколки алюминия. Изобилие дрейфующих обломков настраивало на приятный меланхолический лад. Каждый пляж, который он когда-либо знал, хвастался своим уловом ржавеющих велосипедов, затопленных кушеток, живописными, обкатанными песком медицинскими инструментами. По его мнению, фанатики вроде голландцев уж слишком жаловались на неудобства от повышения уровня моря. Подобно всем европейцам, голландцы увязли в прошлом, были неспособны перейти к прагматичному, работающему осмыслению новых глобальных фактов.

К сожалению, многие из тех же самых обвинений могли быть предъявлены и к его собственным Соединенным Штатам. Оскар пытался разобраться в своих неоднозначных чувствах. Обутый в полированные ботинки, он аккуратно выбирал путь по самой кромке пенистого прибоя. Оскар искренне считал себя американским патриотом. В самых глубинных безмолвных и холодных тайниках души он был предан американскому государству настолько, насколько позволяла его профессия и его коллеги. Оскар искренне уважал

дух архаичной дворцовой любезности, присущий Сенату Соединенных Штатов. Его сильно привлекала сенатская атмосфера, напоминавшая чем-то старинный джентльменский клуб. Неторопливые дебаты, раздевалки, правила порядка, в которых воплощался еще доиндустриальный смысл солидной респектабельности… Ему казалось, что совершенный мир должен быть сделан во многом наподобие американского Сената. Прочное царство древних флагов и темной деревянной обшивки, где ответственные интеллектуальные дебаты могли вестись с опорой на укрепленные форты разделяемых ценностей. Для Оскара Сенат Соединенных Штатов олицетворял сильную и изящную структуру, построенную на века политическими архитекторами, преданными своей работе. Это была система, которой он при лучших обстоятельствах с восхищением бы воспользовался.

Но Оскар был дитя своего времени и знал, что эта роскошь ему заказана. Он понимал, что должен сопоставить факты и создать новую политическую действительность. Для политической действительности современной Америки абсолютной реальностью был факт, что электронные сети съели до потрохов старый порядок,

не имея при этом никакого собственного, изначально присущего порядка. Ужасающая скорость цифровой связи, согласованное сглаживание иерархических отношений, подъем основанного на сетевых связях гражданского общества и упадок индустриальной базы — всего этого просто оказалось слишком много для американского правительства, чтобы оно могло справиться с этим валом и встроить его в правовые рамки.

На нынешний день в Америке имелось шестнадцать главных политических партий, разделенных на враждующие блоки, занятые междоусобной войной, сопровождавшейся бесконечными чистками, отступничеством и новыми чистками. Процветали частные города с миллионами «клиентов», где общепринятая законность полностью игнорировалась. Существовала мафия, устанавливающая свои цены, поддерживающая заведения, где отмывались деньги, контролировавшая черный рынок ценных бумаг. Имелись черные, серые и зеленые сети супербартера. Появлялись и исчезали организации по охране здоровья населения, укомплектованные сумасшедшими кликами, где продвинутые медицинские методы оказывались в пользовании любого шарлатана, способного скачать программу операционной хи-

рургии. Процветал сетевой шпионаж, свободный от привязки к физическому месту действия. На американском Западе в отколовшихся округах целые города продавались племенам кочевников или просто исчезали с географических карт.

Некоторые городские собрания в Новой Англии использовали более мощную вычислительную технику, чем та, что когда-то была в распоряжении американского правительства. Администрация конгресса разделилась на независимые феодальные владения. Исполнительные органы погрязли в бесконечных войнах конкурирующих агентств, каждое из которых искусно добывало информацию, не вылезало из Сети и, следовательно, было неспособно заниматься реальной деятельностью. Нация помешалась на опросах, которые сопровождались циничными манипуляциями, — при этом вокруг какой-либо ерунды вырастала скрежещущая зубами коалиция по этому единственному вопросу и град автоматизированных судебных процессов. Запутанный сетевой налоговый кодекс, потерявший всякую связь с реальной финансовой действительностью, как правило, легко обходили через электронную торговлю, его с трудом переносило население.

При отсутствии внутреннего консенсуса проигранная экономическая война с Китаем дала возможность чрезвычайным комиссиям конгресса посеять смуту еще более высокого порядка. Официально объявив Чрезвычайное положение, конгресс передал свое неотъемлемое право суперструктурам, как предполагалось, реагирующих быстрее исполнительных комитетов. Этот отчаянный акт просто поставил новую операционную систему поверх старой. Страна теперь имела два национальных правительства: законное правительство, деятельность которого была приостановлена, но «никогда-до-конца-не-заменима», и спазматические, все более и более вызывающие дрожь клики чрезвычайных комитетов.

У Оскара были некоторые претензии к политике федерал-демократов, но он чувствовал, что программа его партии в основном именно то, что нужно. Сначала надо обуздать и распустить чрезвычайные комитеты. По сути, они были неконституционны, не имели прямого мандата от избирателей, они нарушали основные принципы разделения властей и практически ни перед кем не отчитывались. И самое плохое, они были насквозь пронизаны коррупцией. Чрезвычайные

комитеты просто были не в состоянии успешно управлять. Они иногда пользовались популярностью благодаря поддержке групп, озабоченных какой-либо единственной проблемой, но чем дольше длилось Чрезвычайное положение, тем более все это походило на замедленный переворот и прямую узурпацию.

Разобравшись с комитетами и аннулировав Чрезвычайное положение, можно было бы вплотную приступить к преобразованию отношений штатов и федерации. Децентрализация полномочий зашла слишком далеко. Политика, которая должна быть гибкой и ответственной, превратилась в слепую, беспорядочную и бестолковую. Надо прийти к конституционному соглашению и отменить устаревший территориальный принцип гражданского представительства. Надо создать новую, четвертую ветвь власти, составленную из негеографических сетей.

После осуществления этих основных этапов реформы, сцена была бы, наконец, расчищена достаточно, чтобы взяться за решение главных проблем нации. Это должно быть сделано без злобы, без истерики и без вызывающей отвращение театральной аффектации. Оскар чувствовал, что это можно осуществить. Конечно, все выглядело

плохо, очень плохо, для внешнего наблюдателя почти безнадежно. И все же американское государство все еще располагало бы большим творческим потенциалом, если его сплотить и вести в правильном направлении. Да, это правда, что нация проиграла, но и другие страны имели дело с уничтожением валюты и с неприспособленностью главных отраслей промышленности. Это состояние было оскорбительно, но это было временно, это можно было пережить. Если копнуть глубже, то поражение Америки в экономической войне было относительно мягким, в сравнении, скажем, с бомбежками или вооруженными вторжениями двадцатого века.

Американцам следует только принять тот факт, что программное обеспечение больше не имеет никакой экономической ценности. Это было несправедливо и нечестно, но это было свершившимся фактом. Оскар во многом отдавал должное уму китайцев, их проду манным действиям, в результате которых через их сети весь мир получил бесплатный доступ к интеллектуальной англоязычной собственности. Китайцам даже не потребовалось пересекать границы их страны, для того чтобы обрушить главный ствол американской экономики.

В некотором смысле жестокое столкновение с китайской аналоговой действительностью можно было считать благословением. Насколько Оскар это себе представлял, Америка не подходила для той роли, которую ей пришлось играть в течение долгого времени. Роль «последней сверхдержавы» и «всемирного полицейского» была для нее утомительна. Как патриот, Оскар был бы вполне удовлетворен тем, чтобы военные других стран, а не Америки прибывали домой в гробах. Американский национальный характер действительно не подходил к выполнению обязанностей мировых полицейских. Опрятные и дотошные люди типа швейцарцев и шведов гораздо больше походили на хороших полицейских. Америке скорее подошла бы роль «всемирной кинозвезды». Или члена всемирной лиги пустоголовых, пьющих текилу игроков в крикет. Всемирный ехидный эксцентричный комедиант. Да что угодно, только не мрачная, утомительная роль ответственного перед обществом центуриона.

Оскар развернулся на коричневом прибрежном песке и двинулся обратно, ступая по своим собственным следам. Он наслаждался выпавшей ему возможностью быть вне пределов досягаемости: он оставил свой лэптоп в автобусе, он даже

выложил все телефоны из рукавов и карманов. Он чувствовал, что должен делать так почаще. Для того, кто занимается активной политической деятельностью, важно время от времени отстраняться от дел, устраивать себе передышку, приводить мысли и ощущения в должный порядок. Оскар редко позволял себе такие небольшие передышки — иногда ему приходило в голову, что, если бы он когда-нибудь оказался за решеткой, то имел бы массу времени, чтобы развить собственную философию. Но здесь сейчас в этом забытом уголке, среди песка, ветра, морских волн и неяркого солнечного света, он себе это позволил и чувствовал, что нынешние раздумья принесли ему большую пользу.

Накопленное внутри следовало упорядочить. За прошедшие тридцать дней он узнал очень много, пожирая огромное количество данных, чтобы быстрее разобраться во всем, но так и не сумел для себя выстроить. Данные в его голове все еще валялись беспорядочной кучей разрозненных блоков. Он стал, напряжен, рассеян, легко раздражался.

Возможно, причина просто в том, что у него давно не было женщины.

Они ожидали, что Грета приедет утром. Ниджи

приготовила к ее приезду прекрасный завтрак из даров моря. Но Грета опаздывала. Команда с аппетитом ела в автобусе, шутила, стараясь не терять лицо. Но когда Оскар вышел из автобуса, его настроение стало еще более мрачным.

Он вошел в дом, чтобы там подождать Грету, но комнаты, которые перед тем казались очаровательными, теперь были ему просто противны. И зачем он дурачил себя, зачем столько головной боли, чтобы обустроить уютное любовное гнездышко. Ведь это должно быть место, полное реального значения для влюбленных, с какими-то вещами, исполненными особого смысла. Мелочи, глупые сувениры, возможно перо, морская ракушка, подвязка, фотографии в рамках, кольцо. Не эти взятые напрокат занавески и покрывала и не набор убийственно новых антисептических зубных щеток.

Он сидел на скрипящей медной кровати, пристально рассматривал интерьер. Все вокруг было не так. Он готовился быть очаровательным и остроумным, он так ждал ее, а она не приехала. Она была мудра. Она слишком умна, и не приехала. А теперь он сидит один в этой маленькой убогой халупе и маринуется в собственном соку.

Он ждал целый час, очень длинный час. И вдруг

порадовался про себя. Нет, он был доволен, что она не приехала. Он был рад за себя, потому что глупо затевать связь с этой женщиной, но он был рад также и за нее.

Нет, он не сокрушен ее отказом, он просто видит себя в более реалистическом свете. Он хищник, соблазнительный и холодный, как ящер, с блестящей чешуйчатой кожей, сверкающей и переливающейся в солнечных ярких лучах. А она, что она? Мошка, моль, мудрая серая моль, которая благоразумно решила не вылетать из своего укромного уголка.

Ему надо решить, что делать дальше. Завтра надо вернуться в Вашингтон, составить сообщение для Комитета и остаться там работать. Никто ведь и не ожидал многого от его первого сенатского назначения. Он имел больше, чем достаточно, материалов для убийственного доклада о махинациях в Коллаборатории. А если карты лягут по-другому, то он может, к примеру, разрекламировать положительные аспекты Коллаборатория — глубокий эффект от биотехнологических проектов, сказавшийся на региональной экономике. Он может вещать о громкой славе, которая ожидает следующий большой федеральный проект, связанный с высокотехнологичной индустриаль-

ной нейронаукой. Он может петь все, что они там захотят услышать.

Он мог бы вообще стать карьерной капитолийской крысой, зубрилой от политики. Одним из большого и процветающего племени. Он мог бы прикладывать все более искусные усилия ко все более утомительным предметам. Ему никогда не доведется вести другую политическую кампанию, и ему никогда не светит выиграть политическую власть для себя самого, но если его не сотрут в порошок, как подшипник в колесах политического аппарата, то, вполне возможно, он будет процветать. Под конец он получит что-нибудь приятное, какую-нибудь кабинетную должность, а на закате своих дней станет кем-то вроде приглашенного профессора…

Оскар вышел из хибары, не в силах больше выносить себя самого. Дверь автобуса была открыта, но он чувствовал себя не в состоянии вернуться к команде. Он пошел к единственному в Холли-Бич бакалейному магазинчику, который помещался в ветхом помещении с неокрашенными полами, с дырами в потолке, прикрытыми старыми рыболовными сетями. Одна стена сверху донизу сверкала винными бутылками. Висели сувенирные рыбацкие шляпы. Лески и пластмассовые

приманки. Высушенные головы аллигаторов, жуткие безделушки, вырезанные из испанского мха и кокосового ореха. Дешевые украшения, пиратские музыкальные кассеты — его сильно раздражало, что теперь стала столь популярна голландская музыка. Как это может быть, что в тонущей стране с мизерным стареющим населением поп-музыка была лучше, чем в Соединенных Штатах?

От нечего делать ему захотелось что-нибудь купить, и он взял пару дешевых сандалий. За прилавком стояла темноволосая девочка-подросток, местная, из Луизианы. Соскучившись в одиночестве и тишине в холодной бакалее, она одарила его великолепной улыбкой, улыбкой, означавшей что-то вроде: «Привет, красивый незнакомец!» Она была одета в потрепанный буклированный свитер и простое платье в цветочек из дешевого генетически модифицированного хлопка, но была доброжелательна и мила. Сексуальное воображение, временно сокрушенное и пущенное под откос разочарованием этого дня, вновь возродилось к жизни, пойдя странным параллельным путем.

Да, юная девушка из речной дельты, я действительно красивый незнакомец. Я умен, богат и

могуществен. Поверь мне, я могу увезти тебя далеко отсюда. Я могу открыть тебе глаза на большой широкий мир, перенести в позолоченные коридоры роскоши и власти. Я могу одеть тебя, обучить тебя, переделать тебя по своему желанию, я могу полностью преобразить тебя. Все, что ты должна сделать для меня…

Но, увы, не было ничего, что она могла бы сделать для него. Его интерес мигом угас.

Он вышел из магазинчика, унося купленные сандалии, и пошел бродить по песчаным улицам Холли-Бич. Город имел вид столь наивно-тупой и захудалый, что это придавало ему странное декадентское очарование. Он походил на некий древний обломок, прибитый к берегу. Оскар мог легко себе представить, насколько живописно и необычно выглядит Холли-Бич летом: приличные семьи, вышедшие на прогулку в соломенных шляпках, болтающие между собой на креольском французском, рядом парни с татуировками, разжигающие коптильни для барбекю, или рабочие на выходных, тянущие невод из моря.

Далматин следовал за ним, почти наступая на пятки. Было очень странно увидеть вдруг обычную собаку после недель, проведенных в окружении кинкажу (цепохвостый медведь) и

карибу (канадский олень). Может быть, и ему пора уже обзавестись собственным экзотическим зверем. О, как это изысканно, какой прекрасный сувенир. Собственная персональная генетическая игрушка. Что-нибудь быстрое и плотоядное. Что-нибудь с большими темными пятнами.

Он набрел на самый древний домик в этом поселке. Лачуга была настолько стара, что ее никогда не перемещали, она стояла на том же самом месте в течение десятилетий, покуда повышался уровень океана. Когда-то она находилась в уединенном месте вдалеке от берега, но теперь оказалась прямо около воды. Домишко был слепан кое-как, будто его собрал за пару свободных выходных чей-то шурин, а может, зять.

Штормы, песок, и безжалостное южное солнце счистили с крыши и стен утомительно-последовательные слои дешевых красок, и, тем не менее, в доме кто-то жил. Дом не был сдан в аренду. Кто-то жил там все время. На стене висел вдавленный почтовый ящик, а на металлической крыше стояла спутниковая антенна, от которой тянулся кончающийся двумя рваными концами кабель. Три деревянные ступеньки вели к ржавой двери. Ступени были высокие, щербатые и наполовину сломанные, зарывшиеся во влажный песок. Двер-

ная перемычка также была засыпана песком, она, должно быть, стояла тут уже лет шестьдесят, хотя выглядела на все шесть сотен.

В зимнем вечернем свете сумеречный вид деревянной развалюхи чем-то очаровывал. Старые коричневые дыры из-под гвоздей. Белый помет чаек. Оскара охватило щемящее чувство. Ему казалось, здесь обитает кто-то очень старый. Старый, слепой, слабый — никого не осталось на свете, кто бы любил, семья разъехалась, конец.

Он прижал ладонь к нагретой солнцем древесине. Ему показалось, что он чувствует все это буквально рукой. Его вдруг охватило внезапное предчувствие собственной смерти. Все будет так же, как здесь: одиночество и увядание. Сломанные ступени, слишком высокие для него, чтобы когда-либо подняться снова. Быстрая коса смерти легко пройдет сквозь тело, и от него на земле не останется ничего кроме пустых одежд.

Потрясенный, он быстрым шагом устремился назад к арендованному ими пляжному домику. Грета ждала его там. На ней был закрытый серый жакет, в руках дорожная сумка.

Оскар поспешил к ней.

— Привет! Извини! Ты ждала меня?

— Я только добралась. Дорога была заблокиро-

вана. Я не могла позвонить.

— Все нормально! Проходи наверх, там тепло. Он проводил ее по лестнице и ввел в дом. Оказавшись внутри, она скептически огляделась.

— Здесь жарко.

— Я так рад, что ты приехала! — Он был безумно счастлив. Настолько счастлив, что ему показалось, он сейчас расплачется. Оскар отступил в отвратительную кухоньку и быстро налил себе стакан ржавой воды из-под крана. Он пил ее маленькими глотками, понемногу приходя в себя. — Тебе что-нибудь принести?

— Я только хотела… — Грета вздохнула и села в жуткого вида кресло, обтянутое третьесортной тканью, безошибочно выбрав этот самый уродливый предмет меблировки. — Да ладно, неважно.

— Ты пропустила завтрак. Я могу забрать твое пальто?

— Я не хотела приезжать вообще. Но я хотела быть честной…

Оскар присел на коврик около нагревателя и снял один ботинок.

— Я вижу, ты расстроена.

Он снял второй ботинок и сел на пол, скрестив ноги по-турецки.

— Ничего, я все понимаю. Долгая дорога, все

вообще трудно, наша ситуация, она очень трудная. Я просто рад, что ты приехала, вот и все. Я счастлив тебя видеть. Очень счастлив. И очень тронут.

Она не сказала ничего и глядела на него настороженно и внимательно.

— Грета, ты ведь знаешь, что я к тебе неравнодушен. Не так ли? Думаю, это заметно. Между нами какая-то связь, между тобой и мной. Я совершенно не знаю почему, но я хотел бы это понять. И мне хотелось бы, чтобы ты не пожалела о том, что приехала сюда. Мы наконец можем побыть наедине, и это редкий шанс для нас, верно? Давай поговорим обо всем открыто, выложим карты на стол, поболтаем по-дружески.

Она надушилась. Она захватила с собой небольшую дорожную сумку, предназначенную для однодневных поездок. Ясно, что сейчас она переживает приступ трусости, но, в общем, все выглядит многообещающе.

— Грета, я хочу понять тебя. Я ведь способен тебя понять, ты знаешь это. Думаю, что кое-что я понимаю. Ты очень умная женщина, более умная, чем большинство людей. И при этом у тебя есть интуиция. Ты достигла очень многого в жизни, но у тебя нет рядом близкого человека. Я знаю,

что это правда. И это грустно. Я мог бы стать этим человеком, если ты позволишь. — Он понизил голос. — Я не даю никаких обычных обещаний просто потому, что мы не обычные люди. Но мы могли бы стать большими друзьями. Мы могли бы даже стать любовниками. Почему бы и нет? Наши разногласия — они, конечно, препятствие, но вовсе не безнадежное.

Было очень тихо. Ему следовало заранее предусмотреть какой-нибудь музыкальный фон.

— Я думаю, что ты нуждаешься в ком-то. В человеке, который способен понять твои интересы, способен стать защитником. Окружающие не ценят тебя такой, какая ты есть. Они используют тебя для достижения своих недалеких целей. Ты очень храбрый и преданный человек, но пора выбираться из раковины, ты не можешь продолжать отступать и стараться быть с ними вежливой, не можешь продолжать приспосабливаться к этим жлобам, они сведут тебя с ума, они не достойны того, чтобы касаться даже края твоих подошв! Края твоего платья! Да, черт возьми, лабораторного халата! — Он сделал паузу и изобразил учащенное дыхание. — Послушай, может быть, ты просто скажешь мне, чего ты сама хотела бы, что именно тебе нужно.

— Знаешь, я была не права, — сказала она. — Думала, ты собираешься меня захватить.

— Нет, конечно, я не собираюсь захватывать тебя. — Оскар улыбнулся.

— И не надо так улыбаться. Ты напрасно думаешь, что я так наивна. Я не невинная девочка. Послушай. У меня есть тело, в теле есть гормоны, я сексуальный человек. Понимаешь, я сидела под теми камерами, которые мне до смерти надоели, не имея возможности вздохнуть, постепенно сходя с ума. И тут появляешься ты и пытаешься сблизиться со мной. — Она встала. — Я скажу тебе, в чем я нуждаюсь, скажу то, что тебе так хочется узнать. Я нуждаюсь в парне достаточно равнодушном, но доступном, который не будет поднимать вокруг большую суету. Он должен хотеть меня в таком мелком, очевидном виде. Но ты совсем не такой парень, какого я хочу. Действительно не такой.

В комнате повисла звенящая тишина.

— Я должна была найти какой-нибудь способ сообщить тебе это прежде, чем ты появился здесь и предпринял все эти хлопоты. Я почти решила вообще не приезжать, но… — Она устало опустилась в кресло. — Ну было честнее высказать все это в разговоре наедине, нежели не говорить

вообще.

Оскар прокашлялся.

— Ты умеешь играть в го-бант? Вэй-чи, по-китайски.

— Я слышала об этой игре.

Оскар встал и достал дорожный набор для игры.

— Сенатор Бамбакиас научил меня играть в го. Это главный метафорический образ в деятельности его политической команды, образ того, как мы думаем. Так что, если ты собираешься смешаться с современными политическими деятелями и кое-чего добиться, то нужно изучить эту игру сразу же.

— Ты действительно странный человек.

Он разложил квадратную доску и выставил две плошки с черными и белыми камнями. — Садись на коврик здесь со мной, Грета. Мы займемся этим прямо сейчас, на восточный манер.

Она села, скрестив ноги, рядом с масляным обогревателем.

— Я не играю в азартные игры.

— Нет, это не игра на деньги. Позволь, я уберу твой жакет. Хорошо. Но это и не шахматы. Это не западный стиль, не механическое столкновение лбами. Го — это как Интернет и политика. Ты

играешь в сеть, то есть размещаешь камни там, где пересекаются линии. Можно захватывать камни, если они полностью окружены, но это лишь побочный эффект. Убрать камни, это не та цель, к которой нужно стремиться. Цель — обладание свободным пространством, пустыми ячейками в сети.

— То есть потенциалом для развития.

— Точно.

— И когда игра оканчивается, побеждает тот, у кого потенциал больше.

— Значит, ты уже играла в го раньше?

— Нет, но это же очевидно.

— Ты будешь играть черными, — сказал он. Он установил на доске группу черных камней. — Сейчас я продемонстрирую, как это делается, прежде чем мы начнем. Камни ставятся вот так, по одному. Группы камней получают силу от их связей, от сети, которую они формируют. И группы должны иметь глазки, незаполненные точки внутри сети. Это ключевой момент. — Он поместил цепь белых камней вокруг черной группы. — Одного-единственного глазка мало, потому что я могу закрыть его одним ходом и захватить целую группу. Можно окружить целую группу, поставив камень в середину. Закрывается твой

глазок и вся группа камней снимается, вот так. Но с двумя глазками — например, вот так — группа становится постоянной фигурой.

— Даже если она полностью окружена?

— Точно.

Она, ссутулив плечи, разглядывала доску.

— Догадываюсь, почему твой друг архитектор находит эту игру приятной.

— Да, это очень похоже на архитектурные решения… Хорошо, давай попробуем. — Он смахнул камни с доски. — Раз ты новичок, то получаешь девять камней форы на этих девяти ключевых позициях.

— Но это целая уйма камней.

— Не проблема, я все равно выиграю так или иначе. — Он взял двумя кончиками пальцев белый камень и быстро сделал первый ход.

Они сели играть. Время от времени он произносил слово «атари».

— Может быть, ты перестанешь это повторять, я и так вижу, что моя группа уже под угрозой.

— Это просто общепринятая любезность.

Они продолжали играть. Оскар вспотел. Он вскочил, выключил обогреватель и уселся снова. Натянутость между ними исчезла. Оба были полностью поглощены игрой.

— Собираешься разбить меня, — объявила она. — Тебе просто известны разные уловки, с помощью которых можно загнать в угол.

— Да, точно.

Она подняла голову и встретилась с ним взглядом.

— Но я могу изучить эти маленькие хитрости, и тогда тебе придется со мной тяжело.

— Я ценю трудности. Серьезный соперник — это хорошо.

Он обыграл ее на тридцать очков.

— Ты очень быстро обучаешься. Давай попробуем сыграть всерьез.

— Подожди, не убирай камни, — сказала Грета. Она вдумчиво изучала проигранную партию. — Здесь есть очень изящные ходы.

— Да. И они всегда различны. Каждая игра имеет собственный характер.

— У этих камней есть много общего с нейронами. Он улыбнулся.

Они начали вторую игру. Оскар очень серьезно относился к го. Он мог использовать покер для побочных целей, но никогда не делал этого с го. Это была слишком хорошая игра. Оскар был талантливый игрок — умный, терпеливый, умевший ловко вводить противника в заблуждение,

однако и Грета оказалась прекрасным игроком. Она совершала обычные ошибки новичка, но никогда не повторяла их и схватывала все невероятно быстро.

Он обыграл ее на девятнадцать очков, но только потому, что был безжалостен.

— Это действительно хорошая игра, — заметила она. — Это так современно.

— Этой игре — три тысячи лет.

— Правда? — Она встала и с силой потянулась, так что даже захрустели коленные чашечки. — За такое стоит выпить.

— Давай.

Она нашла саквояж и вытащила квадратную бутылку голландского джина.

Оскар пошел в кухню и содрал магазинную упаковку с двух новых бокалов.

— Принести апельсиновый сок?

— Нет, спасибо.

Он налил себе апельсиновый сок и принес ей пустой стакан.

Он с удивлением смотрел, как она с кропотливой осторожностью химика наливает себе в стакан на три пальца чистого джина

— Может быть, лед? У меня есть лед.

— Все нормально.

— Послушай, Грета, ты не можешь пить чистый джин. Это путь к саморазрушению.

— От водки у меня болит голова. У текилы противный вкус. — Она приложилась к стакану и не торопясь, сделала большой глоток. Ее передернуло. — Уф-ф! А ты, что ли, совсем не пьешь?

— Нет. И тебе лучше было бы его хоть разбавить. Чистый джин убивает нейроны.

— Я убиваю нейроны, чтобы выжить. Давай играть.

Они сели за третью игру. Выпивка растопила что-то внутри ее головы, и с ней стало трудно играть. Оскар сражался, как будто от этого зависела его жизнь. Ему было нелегко сдерживать себя.

— Девять камней форы — слишком много, — заявил он. — Надо было урезать их до шести.

— Ты собираешься опять меня обыграть?

— Ну, очков на двадцать.

— На пятнадцать. Но мы не обязаны заканчивать эту партию.

— Нет. — Он держал белый камень кончиками пальцев. — Не обязаны.

Оскар потянулся через доску и очень нежно коснулся пальцами ее подбородка. Она удивленно посмотрела на него, а он ласково погладил ее по щеке. Он стал медленно клониться в ее сторону,

пока их губы не встретились.

Поверхностный поцелуй. Едва коснуться, легче пуха. Рука его скользнула к затылку, он обнял ее уже всерьез. Жгучий вкус джина обжег ему язык.

— Пойдем в кровать, — сказал он.

— Отнюдь не блестящая идея.

— Да, я знаю, но давай попробуем.

Они поднялись с пола, пересекли комнату и забрались в квадратную медную кровать.

Это был самый плохой секс в его жизни. Сдержанный, нервный, аналитический секс. Секс, начисто лишенный теплой животной связи. Простое освобождающее удовольствие акта было так или иначе обесценено заранее. Посткоитальное раскаяние и сожаление маячило призраком над их кроватью, подобно пускающему слюни соглядатаю. Они не столько занимались сексом, как искали возможности остановиться.

— Эта кровать, она очень расшатанная, — вежливо заметила она. — Она действительно скрипит.

— Мне следовало купить новую.

— Зачем покупать кровать ради одной ночи?

— Затем, что завтра я уезжаю в Вашингтон.

Она приподнялась с ослепительно сверкающих простынь. На фарфорово-белых плечах проступа-

ла тонкая сеть голубых вен.

— Что ты собираешься сообщить в Вашингтоне?

— А что ты хотела бы, чтобы я сообщил им в Вашингтоне?

— Скажи им правду.

— Грета, ты всегда говоришь, что хочешь добиться правды. Но ты отдаешь себе отчет в том, что может из этого выйти?

— Конечно, я хочу правды. Я всегда хочу правды. Какой бы она ни была.

— Хорошо, тогда скажу правду. — Он закинул руки за голову, вздохнул и уставился взглядом в потолок. — Ваша Лаборатория была создана полностью коррумпированными политическими деятелями. Штат Техас потерял космическую программу. Они никогда не уделяли достаточного времени цифровым технологиям. Зато они весьма упорно продвигались в развитии биотехнологии. Но Восточный Техас был самым неподходящим местом в мире, чтобы создавать здесь Лабораторию генетики. Они могли построить Лабораторию в Стэнфорде, они могли построить ее в Роли, они могли построить ее на четыреста двадцать восьмом шоссе. Но Дугал убедил их строить Лаб в самом недоступном

месте, в глухом сосновом бору. Он навел на всех панику, убедил конгресс финансировать гигантский герметический бионепроницаемый купол, со всеми мыслимыми системами безопасности, потому что только таким способом он мог набить карманы большой банды военных подрядчиков, которые остались без заказов и нуждались в федеральных контрактах. И местные жители любили его за это. Они голосовали за него снова и снова, даже при том, что не имели понятия о том, что такое биотехнология и для чего она нужна. Люди Восточного Техаса были просто слишком отсталыми, чтобы строить промышленность на генетической технологии, даже когда они поначалу имели под руками большой казенный пирог. Так что все дополнительные доходы уплывали за границу штата и оседали в карманах лучшего приятеля и ученика Дугала, безжалостного креольского демагога. Зеленый Хью — популист самого плохого толка. Он действительно думает, что генная инженерия принадлежит по праву малограмотным и отсталым жителям. Он поглядел на нее. Она молча слушала.

— Так, Хью преднамеренно — и тв этом я вижу особый род гениальности, не хочу отрицать это, — он преднамеренно свел лучшие открытия

исследований вашей Лаборатории к рецептам типа «plug & play», которые мог бы использовать даже подросток. Он занял неработающие нефтеочистительные заводы Луизианы и превратил мертвые сооружения в гигантские котлы генетических чудес. Хью объявил весь штат Луизиана зоной свободного производства нелицензированной похлебки из ДНК. И знаешь что? Луизианцы оказались чрезвычайно хороши в работе. Они плавают в генном сращивании как рыбы в воде. Они получили мощный толчок для развития промышленности. И им это понравилось! Они в восторге от Хью за то, что он им предоставил. Хью дал им новое будущее, и они сделали его королем. Теперь он одержим жаждой власти и в основном управляет штатом, издавая собственные декреты. Никто не смеет с ним спорить.

Она сильно побледнела.

— Техасцы никогда бы не проголосовали за отставку Дугала. Техасцы никогда бы не сделали это. Им не важно, сколько он украл, он их патрон, алькальд, крестный отец, и раз он украл, это все для штата Техас, это хорошо для них. Нет, проклятый парень просто по-глупому спился. Он продолжал пьянствовать, пока не сжег себе печень и оказался не в состоянии заниматься

делами. Так что Дугал исчез с горизонта раз и навсегда. Понимаешь, что именно это значит для вас?

— Что? — отрывисто спросила она.

— Это означает, что ваша песенка почти спета. Чтобы управлять такой гигантской структурой, как Коллабораторий, требуется целое состояние, намного больше вложений, чем подобное место реально стоит, а в стране разруха. Если вы хотите продолжать генетические исследования в настоящее время, то этим можно заниматься лишь затрачивая небольшие средства, в простых помещениях без сложного оборудования. В каких-то других лабораториях.

— Но есть еще животные, — сказала она. — Генетическое оборудование.

— Это действительно трагическая сторона дела. Но вы не можете спасти вымирающие виды с помощью клонирования. Я допускаю, это лучше, чем их полное истребление, лучше, чем совсем их потерять. Однако теперь они превратились в сувениры, милые и красивые особи для ультрабогатых коллекционеров. Но виды — это не только ДНК, это генетическое разнообразие внутри большой естественной популяции, плюс наработанные навыки поведения, плюс их добы-

ча и хищники, которые на них охотятся, — вся естественная окружающая среда. Сейчас уже нет никакой естественной окружающей среды. Поскольку климат изменился.

Он переменил позу, прислонившись к спинке, и кровать громко заскрипела.

— Сейчас климат постоянно меняется. Вы не можете сохранить окружающую среду всего мира под герметическими куполами. Только два вида растений действительно процветают в сегодняшнем мире: генетически модифицированные зерновые культуры и быстро приспосабливающиеся сорняки. На политическом уровне мы не любим признавать это, так как тогда надо согласиться, что и мы ответственны за ужасные преступления против природы, однако сейчас это экологическая действительность. Вот тебе правда, которую ты хотела узнать. Это — действительность. И ухлопывать уйму денег, чтобы сохранить осколки скорлупы шалтай-болтая — совершеннейшая нелепость.

— И это то, что ты собираешься сказать Сенату?

— Ничего подобного я не говорил. — Оскар вздохнул. — Я лишь хотел рассказать тебе правду.

— Что ты хочешь сказать Сенату?

— Что я хочу? Я хочу, чтобы ты была на моей стороне. Я хочу изменить ситуацию, в которой вы находитесь, и я хочу, чтобы ты помогла мне и что-нибудь посоветовала.

— У меня есть собственная команда, спасибо.

— У тебя ничего нет. Есть очень дорогое оборудование, которое находится на краткосрочном финансировании. И вы имеете дело с чиновниками из Вашингтона, теми самыми, что могут вычеркнуть из списка целую авиабазу и только посмеяться. Нет, если реалистически посмотреть на комбинации, которые ты можешь разыграть, то я вижу лишь два возможных варианта. Номер один: уйти из Коллаборатория прямо сейчас, не дожидаясь увольнения. Ты можешь найти себе другой академический пост, может быть, даже в Европе. Если ты подашь это в правильном ключе, то, вероятно, сможешь забрать с собой кое-кого из любимых учеников и даже несколько мойщиков лабораторной посуды.

Она нахмурилась.

— А что под номером два?

— Прийти к власти. Превентивный удар. Надо застолбить место, гнать поганой метлой оттуда это сучье дерьмо. Очистив помещение, дви-

гаться вперед, действовать открыто. — Оскар приподнялся на локте. — Если вы начнете все в подходящий момент, используете нужные средства, будете действовать в правильной последовательности и сумеете добиться верно направленного толчка, тогда, возможно, вам удастся спасти большинство людей, занятых настоящими исследованиями. Это очень опасная и сложная комбинация, и вполне вероятно, что она может провалиться, а у тебя появится множество ярых врагов на всю жизнь. Но если тебе удастся самостоятельно осуществить переворот внутри Коллаборатория, то конгрессмены будут так поражены, что не будут выступать против тебя. А если удастся заполучить хорошее освещение в прессе и если им понравится твой стиль, они могут даже поддержать тебя.

Она бессильно откинулась на подушки.

— Послушай, я всего лишь хочу спокойно продолжать работать в моей Лаборатории!

— Это не вариант.

— У меня очень важная работа.

— Я знаю, но это не вариант.

— Ты действительно не веришь ни во что, не так ли?

— Нет! Не так! — неистово воскликнул он. — Я

полагаю, что умные люди, работающие вместе, могут добиться изменений в этом мире. Я знаю, ты очень умна, и, если мы будем работать вместе, тогда, возможно, я сумею помочь тебе. Если ты не со мной, то тебе придется полагаться только на себя.

— Я не одна. У меня есть друзья и коллеги, которые доверяют мне.

— Хорошо, это прекрасно. Вы можете демонстрировать вашу коллективную беспомощность.

— Нет, это не прекрасно. Потому что ты переспал со мной. И теперь сообщаешь мне, что собираешься уничтожить все, ради чего я работала.

— Послушай, но это правда! Было бы лучше, если б я переспал с тобой и не рассказал потом, что происходит? Для меня ведь это было бы проще. Но я не хотел так поступать.

— Ты выбрал не того человека. Я ненавижу административную работу. Я не могу прийти к власти. Я не гожусь для этого.

— Грета, посмотри на меня. Я могу тебя всему этому научить. Разве ты не понимаешь? Я управлял политическими кампаниями, я эксперт. Это моя работа.

— Ты говоришь ужасные вещи.

— Мы, я и моя команда, могли бы сделать это. Особенно, если бы ты была с нами и позволила бы нам консультировать тебя и помогать. Моя команда и я, мы взяли архитектора, который имел пять процентов голосов, и мы сделали его сенатором от штата Массачусетс. Ваш печальный маленький аквариум никогда не видел людей, подобных нам.

— Хорошо… — Она вздохнула. — Мне надо подумать.

— Хорошо. Подумай. Я буду некоторое время в Вашингтоне, в Бостоне. Подумай над этим серьезно. — Тут у него заурчало в животе. — В конце концов, из-за всех этих разглагольствований у меня сна ни в одном глазу. Ты хочешь спать?

— Боже, нет.

— Я проголодался. Давай поедем куда-нибудь перекусим. Ты приехала на машине?

— Взяла напрокат. Двигатель внутреннего сгорания.

— Мы можем добраться на нем в какой-нибудь нормальный городишко. Прогуляемся по городу.

— Ты сошел с ума? Тебе нельзя выезжать. За тобой ведь охотятся сумасшедшие.

Он махнул рукой.

— А, да ладно. Нельзя же сидеть все время вза-

перти. Да и какая польза? Как бы там ни было, риск здесь минимален. Чтобы найти нас на этой глухой свалке, нужно приложить массу усилий. Я в большей безопасности здесь, в каком-нибудь ресторане, чем в Вашингтоне или Бостоне. И это наша единственная ночь вместе. Давай будем храбрыми. Постараемся найти в себе силы быть счастливыми.

Они оделись, покинули пляжный домик и сели в машину. Грета вставила металлический ключ зажигания. Поршневой двигатель зафырчал с противным постукиванием. Тут телефон Греты зазвонил.

— Не отвечай, — сказал Оскар.

Она не обратила внимание на его слова.

— Да? — Она помолчала, потом вручила трубку Оскару. — Тебя.

Это был Фонтено.

— Что, черт возьми, вы собираетесь делать?

— А, вы еще не спите? Мы выезжаем на ужин.

— Конечно, я не сплю! Я не сплю с того момента, как только вы вышли из безопасного дома. Вы не можете уезжать из Холли-Бич, Оскар.

— Слушайте, сейчас середина ночи, никто не знает, что мы здесь. Мы находимся в арендованном автомобиле, и мы поедем наугад.

— Вы хотите есть? Мы принесем вам еды. Что, если попадетесь шерифу округа? Вы думаете, что это будет забавный опыт для янки, который перебежал дорожку Зеленому Хью? Подумайте головой, приятель.

— Если это случится, я буду писать жалобу в американское посольство.

— Очень смешно. Прекратите валять дурака, ладно? Мне пришлось прибегнуть ко многим хитростям, чтобы поселить вас здесь, в Холли-Бич, это было нелегко. Если вы меняете маршрут, я не могу ни за что отвечать.

— Давай трогайся, — посоветовал Оскар Грете. — Жюль, я ценю ваш профессионализм, я действительно вас ценю, но сейчас мы должны двигаться, и не имеет смысла тратить время на споры.

— Ладно, — недовольно пробурчал Фонтено. — Езжайте по восточному шоссе, я вас догоню.

Оскар повесил трубку и вернул Грете телефон.

— У тебя когда-нибудь был телохранитель? — спросил он.

Она кивнула.

— Однажды. После сообщений о Нобелевской премии. Там говорилось обо мне и о Дэнни Ярвуде. Как только это появилось в новостях, Дэнни

начал получать все эти угрозы от защитников прав животных… Никто никогда не угрожал мне, и это было так типично. Они стали угрожать Дэнни. Мы поделили Нобелевку, но я отвечала за всю лабораторную работу… Мы были в относительной безопасности, пока о нас говорила пресса, но преследователи просто выжидали момент. Позже они напали на бедного Дэнни и сломали ему обе руки.

— Вот оно как.

— Я всегда полагала, что настоящие сумасшедшие, выступающие против науки, — это просто газетная выдумка. Обычно эти борцы за права только врывались в Лаборатории и крали животных.

Она тщательно следила за движущимися им навстречу огнями фар, вцепившись в руль узкими руками.

— Дэнни был невероятно порядочный человек. Он помещал мое имя на всех документах обязательно на первое место. Это была моя гипотеза, я проделала всю лабораторную работу, и он соблюдал этику. Он был просто ангел. Он боролся за меня и отстаивал меня, он никогда не позволял им забывать обо мне. Он везде, где мог, выставлял мои заслуги, но они следили за ним и избили,

а меня полностью проигнорировали. Его жена ненавидела меня до дрожи.

— А где доктор Ярвуд сейчас? С ним можно пообщаться?

— О, он ушел из науки. Он занимается теперь банковским делом.

— Ты шутишь? Банковское дело? Он же получил Нобелевскую премию по медицине.

— Да Нобелевская теперь ничего не значит, после тех скандалов по поводу взяточничества в Швеции… Многие решили, что мы именно потому получили премию, — подумать только, женщине даже нет еще тридцати! — они затеяли настоящую травлю. Меня это не волновало, я просто наслаждаюсь лабораторной работой. Я люблю находить подтверждения гипотезам. Люблю процедуры, люблю оформлять все по правилам. Мне нравится честный и суровый труд. Еще нравится видеть все это напечатанным, когда все разложено по полочкам, все плюсы-минусы, выдержанно и строго. Тогда это знание. И это навсегда.

— Грета, ты правда любишь свою работу. Я это уважаю.

— Это очень трудно. Как только становишься известным, тебе больше не дают работать. Они проталкивают тебя по иерархии, находится мил-

лион глупых поводов, чтобы отвлечь отдела. Это уже не имеет ничего общего с наукой. Это все означает просто возиться с вашим уже законченным творением. Вся современная система науки — только тень того, чем она была в Золотом веке — во время первой холодной войны. Но… — Она вздохнула. — Я не знаю. Со мной-то все было хорошо. Другим пришлось ведь намного хуже.

— В смысле?

— Была такая женщина Рита Леви-Монтальчини. Ты слышал о ней?

— Нет, но надеюсь услышать от тебя.

— Она тоже была нобелевским лауреатом. Еврейка, в тридцатых годах прошлого века, в Италии. Занималась нейроэмбриологией. Фашисты пытались ее отыскать, и она скрывалась в деревне в какой-то лачуге. Она сделала инструменты из проволоки, доставала для работы обычные куриные яйца… У нее совсем не было денег, и она должна была все время скрывать свое лицо, правительство буквально охотилось за ней, чтобы убить. Но она, несмотря ни на что, сумела получить нужные результаты в своей самодельной лаборатории, самые главные результаты… Она пережила войну, и она уехала. Она бежала в Америку, и ей дали действительно

большую лабораторию. Она дожила до девяноста лет, стала нейрологом, знаменитым на весь мир. Она — это как раз то, о чем я говорю, эта Рита.

— Ты не хочешь, чтобы я взял руль?

— Извини, что я плачу.

— Все в порядке. Ты просто освободилась от напряжения.

Они вышли в темноте и поменялись местами в автомобиле. Он тронулся с места, с громким хрустом разбрасывая устричные раковины с обочины. Он уже давно не садился за руль. Он постарался сосредоточиться и быть внимательным. В его планы не входило разбиться. Все становилось все более интересным. В сексе у них был полный провал, но секс в любом случае — лишь часть всего остального. Он нашел подход к ней. Найти подход — именно на это он и рассчитывал.

— Оскар, ты не должен позволить им уничтожить мою Лабораторию. Я знаю, что она никогда не соответствовала тому, что из нее раздули, но это особенное место, оно не должно быть разрушено.

— Легко сказать. В принципе, может быть, это и выполнимо. Но насколько твердо ты настроена бороться? На какие жертвы ты готова?

Ее телефон зазвонил снова. Она ответила.

— Это опять твой друг, — сказала она. — Он хочет, чтобы мы ехали в заведение под названием «Убаззи». Он заказал нам столик.

— Мой друг на самом деле прекрасный человек.

Они добрались до городка Камерон и нашли ресторан. «Убаззи» оказался музыкальным заведением с некоторой претенциозностью дизайна. Ресторан работал всю ночь, и там было много туристов. Оркестр играл классические струнные квартеты. Типичная английская этническая музыка. Удивительно, сколько белых американцев пробилось в быстро развивающийся сектор классической музыки. Они, казалось, имели врожденный талант к исполнению строгой, линейной музыки, которой менее обеспокоенные этнические группы не могли соответствовать.

Фонтено зарезервировал для них столик, как для господина и госпожи Гарсия. Он находился недалеко от кухни и на достаточном расстоянии от бара, где группа техасских туристов в вечерних нарядах шумно и тупо напивалась посреди меди и зеркал. Здесь были тканевые салфетки, приличное серебро, внимательные официанты, меню по-английски и по-французски. Было уютно, и

стало еще уютнее, когда прибыл сам Фонтено и занял столик около двери. Вид бдительного, собранного телохранителя, сидящего у двери и наблюдающего за всеми входящими, давал ощущение тепла и расслабленности.

— Я хочу даров моря, — заявил Оскар, изучая меню. — Хорошо бы омара. Я не ел приличного омара с тех пор, как уехал из Бостона.

— Экревисс, — сказала Грета.

— А что это такое?

— Смотри вверху второй страницы. Местная экзотика, ты должен попробовать.

— Звучит великолепно. — Он подозвал официанта и сделал заказ. Грета попросила салат из цыпленка.

Грета начала крутить в руках тонкую ножку бокала, который Оскар поспешил наполнить минеральной водой, чтобы было чем разбавлять джин.

— Оскар, что мы будем делать? Я имею в виду нас с тобой.

— О, наша связь формально неэтична, но это не имеет совершенно никакого значения, когда ты находишься вне работы. Сейчас ты вернешься в Лабораторию, а я поеду на восточное побережье. Но когда я буду снова здесь, мы организуем ка-

кую-нибудь безопасную встречу.

— Так делается в ваших кругах?

— Да, так принято. Ну скажем, так делает Президент и его любовница.

Ее брови поползли вверх.

— Леонард Два Пера имеет любовницу?

— Нет, нет, не он! Я подразумеваю старика, того, кто все еще формально Президент. У него была подружка — Памела такая-то, ты не должна знать ее фамилию… Она будет ждать, пока он благополучно не расстанется с должностью. Тогда она получит разрешение на издание книги «Все о…», ну, ароматы, белье, различные вспомогательные средства… Это ее денежная «копилка».

— А что думает об этом первая леди?

— Наверное, то же, что думают и все первые леди. Она предполагала, что станет сопрезидентом компании, а вместо этого была вынуждена в течение долгих четырех лет наблюдать, как чрезвычайные комитеты привязывают ее парня к столбу и публично потрошат как лягушку. Это в самом деле отвратительно. Знаешь, никогда не считал его хорошим политиком, но наблюдать за этой экзекуцией было жутко неприятно. Старик хорошо выглядел, когда он занял свой пост. Ему было восемьдесят два года, ну так что, Партия

американского единства вся состоит из стариков, и весь правый прогрессивный блок — это люди пожилого возраста… Но эта должность буквально сломала его. Они публично перетрясли все его старые кости. Я думаю, что они могли бы использовать и давнюю тему «подружки», но учитывая, сколько у него было действительно серьезных неприятностей, громить его еще раз за сексуальную жизнь было бы уже перегибом.

— Я ничего не знала об этом.

— Люди знают. Кто-то всегда знает обо всем. «Его администрация всегда в курсе. Секретная служба знает. Это не значит, что это все обязательно должно стать общественной проблемой. Сеть действительно особая вещь, она не однородна и всегда разная. Есть, вероятно, где-нибудь кто-нибудь, к кому попали видеокадры наблюдения за Президентом и Памелой. Возможно, эти кадры кто-то из охраны обменял у папарацци на кадры со звездами Голливуда. Но все это не имеет значения. Мой отец кинозвезда, он привык к обвинениям в свой адрес, но это были всегда такие глупые вещи — однажды его обвинили, что он ударил кулаком какого-то парня в клубе игроков в поло. Но его никогда не обвиняли в том, что он на короткой ноге с бандитами. Сумасшедшие

люди, у которых есть свободное время, могут найти множество сверхъестественных вещей в Сети. Но они — сумасшедшие, независимо от того, что и о ком им известно. Они не фигуры, так что они не в счет.

— И я не фигура. Я тоже не в счет?

— Не принимай это близко к сердцу. Все ваши люди не в счет. Сенатор Дугал, он был вашей фигурой в политической игре. Сейчас вы потеряли игрока, так что у вас ничего нет на игровом поле. Это политическая реальность.

— Понятно.

— Ну знаешь, ты можешь голосовать. Ты гражданин! Ты имеешь один голос! Это важно!

— Верно.

Они рассмеялись.

Сначала было консоме. Потом официант принес главное блюдо.

— Замечательный запах, — принюхался Оскар. — Есть ли у нас щипцы для колки омаров? Или, может быть, лучше молоток? — Он пристальней вгляделся в омара. — Минуточку. Это какой-то неправильный омар.

— Это экревисс.

— А что это на самом деле?

— Лангуст. Рак. Пресноводный омар.

— Вот с такими клешнями? И хвост какой-то неправильный.

— Местный вид. Естественный рак — длиной три дюйма. А это генетический продукт. Выращен по здешней технологии.

Оскар смотрел на лежащего на подстилке из желтого риса омара. Его ужин — гигантский генетический мутант. Размеры омара были невероятными. И Оскар не очень понимал, что делать. Конечно, он достаточно наелся за жизнь генетически измененных зерновых: кукурузных початков в полруки, невероятной толщины кабачков цуккини, вкусной пятнистой цветной капусты, яблок без косточек, да все они были без косточек, на самом деле… Но здесь перед ним было совершенно изуродованное животное, отваренное живьем и лежащее на блюде. Оно выглядело фантастическим, нереальным. Оно было похоже на детский воздушный шар омарообразной формы.

— Восхитительный запах, — повторил он. Телефон Греты зазвонил.

— Господи, мы можем спокойно поесть? — спросил Оскар.

Грета проглотила поддетый на вилку салат из цыпленка.

— Я отключу телефон, — сказала она.

Оскар попробовал отломить одну из вспомогательных ножек. Отваренный панцирь очищался легко, как кожица с ветки, открывая белую плоть.

— Не стесняйся, — сказала ему Грета. — Это Луизиана, ясно? Поднеси голову прямо ко рту и высасывай из нее сок.

Оркестр внезапно смолк на середине квартета. Оскар огляделся. В дверном проеме толпились полицейские.

Копы были местные, из Луизианы. Одетые в военную форму, в широкополых шляпах с наушниками и с оружием в руках. Они просачивались в ресторан. Оскар торопливо взглянул на Фонтено и увидел, что он с раздраженным видом бьет кулаком по своему телефону, стараясь при этом не привлекать к себе внимания.

— Извини, — попросил Оскар, — можно на минутку твой телефон?

Он вновь включил телефон Греты и погрузился в невероятно сложную процедуру поиска убедительного объяснения, как можно представить в луизианском участке Сети их присутствие здесь. Полицейские пробрались сквозь толпу и блокировали все выходы. Копы были в баре, один рядом

с метрдотелем, еще несколько исчезли в кухне. Четверо поднимались наверх. Копы с лэптопами, копы с видео. Трое полицейских вели переговоры с менеджером.

Послышался глухой рокот вертолета, приземлившегося за стеной. Когда мотор заглох, обнаружилось, что все находящиеся в зале кричат. Затем все неожиданно замолкли.

Два громадных телохранителя в гражданском вошли в ресторан, за ними семенил краснощекий коротышка в фиолетовой пижаме и домашних тапочках.

Краснощекий влетел в ресторан, его пушистые шлепанцы заскользили по плиткам.

— ЭЙ, ПРИВЕТ, ВСЕМ! — начал выкрикивать он, слова звучали как удары литавр. — ЭТО Я!

Он взмахнул обеими руками, полы пижамы разлетелись, демонстрируя волосатый живот.

— Пардон за беспокойство! Дела, дела! Успокойтесь! Все под контролем!

— Здравствуйте, губернатор! — радостно крикнул кто-то.

— Привет, Хью! — завопил другой с таким счастливым видом, будто он всю жизнь мечтал выкрикнуть это приветствие.

На губах посетителей появились ухмылки,

глаза засияли, задвигались стулья, лица радостно засветились. Им повезло. Их серая будничная жизнь приобрела цвет и смысл.

— Глядите, что мальчики тащат на кухню! — визжал губернатор. — Мы собираемся всех угостить! Народ, настоящий хороший ужин сегодня вечером! За мой счет, каждому! Правильно? Бузу, позаботься о этом! Сразу же.

— Да, сэр! — сказал Бузу, оказавшийся одним из его телохранителей.

— Дайте мне КОФЕ! — выпалил Хью. Он был низкого роста, но с широченными плечами. — Дайте мне двойной кофе! Время к ночи, добавьте туда чего-нибудь покрепче. Принесите мне demitasse! А, к черту! Давайте мне целую проклятую tasse! Кто-нибудь мне принесет две tasses? Я должен ждать всю ночь? Черт возьми, какие запахи! Ну, народ, как отдыхается?

Ответом ему были крики всеобщего одобрения.

— Ладно, ребята, не сердитесь на меня, — кричал Хью, небрежно подтягивая полы пижамы. — Не нашел приличной еды в Батон Руж, вот прилетел заморить червячка. У меня важная встреча сегодня вечером. — Он продвигался вглубь ресторана, рассекая толпу подобно линей-

ному кораблю и приближаясь к столу Оскара. Вдруг он резко остановился, очутившись перед ними, с трясущимися руками, лоб покрыт крупными каплями пота. — Клифтон, дай мне стул.

— Да, сэр, — сказал второй телохранитель. Клифтон выдернул стул из-под стоящего рядом стола и ловко вдвинул его под задницу своего босса.

Внезапно они трое оказались сидящими лицом к лицу. При ближайшем рассмотрении голова губернатора напоминала полную луну — раздутую, светящуюся, местами со следами кратеров.

— Привет, Этьен, — поздоровалась Грета.

— Привет, petite! — К вящему раздражению Оскара, они начали быстро болтать по-французски.

Оскар посмотрел на Фонтено. Устремленный на него пристальный, укоризненный взгляд телохранителя стоил двух томов наставлений и упреков. Оскар быстро отвел глаза.

Примчавшийся официант принес кофе, высокий бокал со взбитыми сливками и порцию бурбона.

— Я голоден, — объявил Хью совсем другим, не рассчитанным на широкую публику, тоном. — Сынок, тебе достался такой сочный микроб на

блюде!

Оскар кивнул.

— Обожаю сочные микробы, — сообщил Хью. — Поделись со мной каким-нибудь сладеньким кусочком.

Засучив рукава пижамы, Хью протянул вперед клещеподобные руки и стал с громким хрустом выворачивать хвост ракообразного. Он сгибал хвост, выкручивая куски белой сочащейся плоти.

— C'est bon, сынок! — Засунув кусок в рот, он впился в него зубами и порвал. — Вот этот ХОРОШ! Куда до него вашим бостонским омарам! Эй, принесите мне меню! Здесь мой друг янки, Продавец Мыла, он хочет еще кое-что заказать.

Официанты наперегонки ринулись к столу, отталкивая друг друга, каждый стремясь удостоиться чести первым их обслужить. Они столпились вокруг. Они пробирались сквозь ряды полицейских, принося воду, сливки, салфетки, масло, горячий хлеб, густой соус. Один из них развернул перед Оскаром новое меню.

— Вот что, принесите-ка пареньку джамбалайю, — прищелкнув красными пальцами и отмахнувшись от меню, скомандовал Хью. — Принесите две креветки джамбалайи. Большие

жирные креветки. Нам нужны гигантские креветки, а то наша юная звезда выглядит совсем зачахшей. Девочка, тебе надо съесть еще что-нибудь, кроме салата. Женщина не может жить на одном цыплячьем салате. Скажите-ка мне вот что. Мужчина ведь должен хорошо питаться, не так ли?

— Да, губернатор, — сказал Оскар.

— А паренек-то твой совсем не ест! — Хью с хрустом раздавил красную клешню рака, зажав ее между большими пальцами. — Мистер Бомбаст. Мистер Пар-ниша Архитектор. Просто не укладывается в голове! Я переживаю о нем и о его красотке жене. Как же так, они чахнут от голода там, на далеком севере, пьют один только чертов яблочный сок! Это так меня трогает, прямо ночами не сплю!

— Мне жаль слышать, что вы обеспокоены, Ваше Превосходительство.

— Ты скажи парнишке, пусть не волнуется так сильно. Нормальный человек не может ничего добиться в Бостоне. Мы все время принимаем у себя янки, все время. Они входят здесь во вкус жизни и забывают свою проклятую грязную воду. Голодному парнише надо облегчить жизнь.

— Он начнет есть, когда солдаты получат пищу,

сэр. Хью взглянул на него, решительно стиснув челюсти.

— Ладно, можешь сообщить ему от меня, сообщи ему сегодня же, что я собираюсь разобраться с его проблемой. Я понял его точку зрения. Все понял. Он может убрать эти чертовы камеры и плюнуть на этот чертов яблочный сок, потому что я буду ему покровительствовать. Я приму действенные меры, чтобы решить эту проблему.

— Я прослежу за тем, чтобы сенатор получил ваше сообщение, сэр.

— Ты думаешь, я здесь в игры играю? А, мистер Вальпараисо? Ты думаешь, я тут развлекаюсь с вами?

— Я никогда не подумал бы ничего такого, Ваше Превосходительство.

— Это хорошо. Это действительно хорошо. Знаешь что? Я любил фильмы твоего папы. — Хью повернулся и пристально поглядел через плечо. — ЧТО С ОРКЕСТРОМ? — проревел он. — УПИЛИСЬ они там, что ли? А ну, давайте музыку!

Музыканты быстро собрались и начали играть менуэт. Губернатор выхлебал demitasse, затем вновь обратил внимание на монстровидного лангуста и жадно принялся за него. Он схватил и сожрал обе клешни, а затем с видимым удоволь-

ствием начал высасывать горячий пряный сок из головы.

Официанты выставили новые тарелки с креольскими деликатесами. Оскар разглядывал окружающих. Аппетит пропал у него начисто.

— Что с тобой, милая? — спросил вдруг Хью. — Ты что-то сегодня неразговорчива.

Грета отрицательно покачала головой.

— Ты хоть поняла, зачем прибыл этот Мыльный Парень, а? Дугала больше нет, федеральные демократырвутся к кормушке. А ты чего себе надумала? Миленькая Лаборатория на сто двадцать восьмом шоссе? Кое-кто кое-чего уже наобещал тебе, так я предполагаю?

— Он не давал мне никаких обещаний, — пробормотала Грета.

— Пусть и впредь этого не делает, потому как ему ничего не удастся провернуть в Бостоне. У меня двое парней в Сенате, которые не слезут с шеи его босса. Это я построил вашу чертову Лабораторию! Я! Я знаю, что почем! Там, в Батон Руж, мы уже провели новый законопроект через Бюджетный комитет. Большое увеличение средств на «Био-Байу». Возможно, моя Лаборатория не будет столь крупной как та, где ты сейчас, но, если не прикармливать всех этих ловкачей в пятидесяти

штатах, то большая Лаборатория и не нужна. Уж я-то знаю чертовы различия между нейронаукой и сучьими отродьями, что каталогизируют кузнечиков. Ты ведь знаешь, что я в этом понимаю?

— Да, Этьен, знаю.

— Это позор, что ты должна кормить на федеральные деньги еще целую свору! У такой женщины, как ты, должны быть развязаны руки! Да чего стоит одно название того, над чем ты работаешь… Блокирование передачи метилспиропедирола в экстрастритальных допаминовых рецепторах. Могу побиться об заклад, что вряд ли среди федеральных чиновников найдется хоть один, который сможет всего лишь правильно это произнести! А суть-то какая? Цифровая… Биологическая… А теперь вот когнитивная. Понятно, на что они нацелились. И не думай, что мы собираемся сидеть здесь, как те люди, что подвергались расовым гонениям в южных штатах? Мы не будем наблюдать, как свора ТУПОГОЛОВЫХ ЖИРНЫХ КОТОВ пытается ПЕРЕХИТРИТЬ НАС! Черта с два им удастся перехитрить нас! Вот так-то, сестричка!

— Этьен, я не занимаюсь когнитивными процессами, я просто нейротехник.

— Ты получила Нобелевскую премию за откры-

тие глиальной основы внимания и утверждаешь, что не занимаешься когнитивными процессами?

— Я занимаюсь нейронами и глиальными клетками. А также нейрохимическим распространением волн. Но я не занимаюсь тем, что связано с сознанием. Это уже не наука. Это метафизика.

— Ты мыслишь на милю вглубь и всего на сантиметр вширь, дорогая. Когда это сидит за столом перед тобой и жует яблоко, тут уже не метафизика. Слушай, мы же давно знаем друг друга. Ты знаешь старину Хью, верно? Ты друг Хью, и ты можешь получить от него все, что хочешь. Что угодно! Чего захочешь!

— Я просто хочу работать в собственной Лаборатории.

— Ты получишь ее! Пошли мне спецификации! Что тебе требуется? Герметичность? Мы прорыли серные копи и соляные шахты на милю вниз, они по размерам больше, чем центр Батон Руж. Делай там себе, черт знает что захочешь! Сиди себе там в безопасности! Наука! Бесконечные горизонты! Дорогая, да о чем еще можно мечтать! И никогда не подписывай больше федеральных дотаций! Просто получай свои результаты и издавай их, и это все, что я прошу! Просто результаты и пуб-

ликации.

Оскар и Грета вернулись в пляжный домик в четыре утра. Они стояли у перил и смотрели, как огни их эскорта, состоящего из шести полицейских автомобилей, исчезают в темноте.

Команда, приведенная в готовность Фонтено, тщательно охраняла вход. В дом никто не входил и не ничего не обыскивал. По крайней мере, хоть это было приятно.

— Не могу поверить! Люди подходили к нему и целовали его руки! — в очередной раз воскликнул Оскар.

— Только трое.

— Они целовали его руки! Они плакали и целовали его руки!

— Он много сделал для местных жителей, — зевая, ответила Грета. — Он дал им надежду.

Она пошла в ванную, захватив с собой дорожную сумку, и закрыла за собой дверь.

Оскар вошел в кухню и открыл дверцу холодильника. У него тряслись руки. Хью не удалось переломить его. Оскар не вышел из себя, не потерял выдержки. Нет, но он был потрясен тем, каким образом ему пришлось поплатиться за дурацкий риск на территории, где Хью пользовался огромным влиянием. Оскар нашел в холодиль-

нике яблоко и рассеянно надкусил его. Потом прошел в комнату и сел в кресло. И тут же вновь вскочил.

— Он наводнил ресторан вооруженными жлобами, а благодарные посетители целовали его руки!

— Губернатор нуждается в телохранителях, у него опасная жизнь, — отозвалась, Грета из-за двери ванной. — Оскар, а почему он назвал тебя «Продавец Мыла»?

— А, это. Это была моя первая кампания. Биотехнологическое приложение. Мы организовали кампанию, рекламируя эмульсию для мытья посуды. Люди не думают в таком направлении, понимаешь, они считают, что раз биотехнология, то это должно быть причудливо и сложно. Но мыло — основное изделие для потребителя. Если продажа товара того же мыла дает пять процентов прибыли, то распространители начинают ломиться в твои двери…

Он замолчал. Грета, чистила зубы, она его не слушала.

Она вышла из ванной в длинной до пят фланелевой ночной рубашке. Рубашка закрывала лодыжки и имела небольшой вырез у шеи. Грета открыла дорожную сумку и вынула компактный

воздушный фильтр.

— Аллергия? — спросил Оскар.

— Да. Воздух вне купола… Мне кажется, что воздух снаружи как-то странно пахнет.

Она включила фильтр. Фильтр заработал с мощным урчанием.

Оскар проверил окна, чтобы удостовериться, что они закрыты и занавешены, потом взглянул на нее. Его чувства к ней непонятно и резко изменились, как меняется море во время шторма. Оскара трясло и мутило после столкновения с губернатором. Внутри бурлило, клокотало. Он был охвачен страстью. Ему хотелось быть сильным, агрессивным, требовательным. Он изнемогал от ревности.

— Ты собираешься в этом спать?

— Да. У меня ночью всегда мерзнут ноги. Оскар отрицательно покачал головой.

— Ты не будешь спать в этом. И мы не пойдем в кровать. Мы сделаем это на полу.

Она посмотрела на пол. Там лежал качественный и красивый коврик, взятый напрокат. Она взглянула на него и вдруг покраснела до ушей.

Оскар проснулся только после восхода солнца. Он спал на коврике. Грета сняла с кровати простыню и одеяло и прикрыла его. Потом вернулась

к бюро, чтобы продолжить работу за ноутбуком.

Оскар медленно оглядел потолок со следами водных потеков. Колени горели — он натер их о ковровый ворс. Спину ломило. На полу под ним холодило ноги мокрое пятно. Впервые за много недель он ощущал себя в мире с самим собой.

5.

Без Фонтено, в чьи обязанности входило вычислять грядущие заторы и сглаживать текущие неприятности, поездка оказалась утомительной. В Алабаме дорогу запрудили толпы христианских фанатиков «свежего дыхания жизни в духе», сопровождаемые убийственно стремительным рейвом. В Теннесси путь преградили батальоны мексиканских мигрирующих рабочих, кирками и лопатами яростно сметавшие все, что попадалось под горячую руку. Оскар мог наслаждаться относительной безопасностью внутри замаскированного автобуса, но это не помогало им продвинуться дальше.

Запертые внутри автобуса Лана, Донна скучали и томились, Мойра с надутым видом валялась на раздвинутом кресле и читала любовный роман. Оскар же погрузился в работу. Пока его лэптоп был подсоединен к Сети, его домом был весь мир. Он проверил свои финансы. Перечитал еще раз досье на сослуживцев из Сенатского комитета по науке. Обменялся по электронной почте письмами с Гретой. С ней было очень приятно общаться через e-mail. Она в основном рассказы-

вала о своей работе — работа была сердцевиной существования Греты, — но иногда в письмах встречались целые абзацы, которые Оскар даже был способен понять.

— Политические новости постоянно транслировались на экране заднего окна автобуса. Оскар уделял особое внимание тому, как обстоят дела с голодовкой Бамбакиаса.

Скандал вокруг военной базы ширился и углублялся. К тому моменту, когда они подъехали к окрестностям Вашингтона, база ВВС оказалась на осадном положении.

Электричество там давно отключили. Самолеты остались без топлива. Отчаявшиеся военные обменивали ворованное оборудование на еду и выпивку. База была разорена. Их командир выступил перед видеокамерой с печальной исповедью, после чего застрелился.

Зеленый Хью больше не мог мириться с такой ситуацией — скандал зашел слишком далеко. Он решил вообще покончить с базой ВВС. Предпринимать прямое наступление было нельзя, он не мог послать на штурм федеральной базы своих полицейских, а потому решил прибегнуть к методам партизанской войны.

Хью добился расположения орд кочевников,

предоставив им огромные пространства земли. Он позволил им селиться в Луизиане на территориях, которые давным-давно были объявлены опасными зонами в связи с загрязнением окружающей среды. Эти заброшенные земли были отравлены нефтяными отходами и опасными пестицидами. Официально земли не годились для жизни. Однако орды пролов на это смотрели иначе.

Пролы очень быстро скапливались там, где власть местных авторитетов была не слишком сильной. Повсюду, где власть не часто беспокоила кочевников, они собирались вместе и усиливали свое влияние. Если их пытались изгнать, они мгновенно рассеивались, а затем вновь стекались в одно место, как мгновенно слетающиеся на свет тучи мошкары. Имея сельскохозяйственную технику и биоварни, они могли выжить где угодно. Они не нуждались в нынешнем государственном устройстве и хорошо умели использовать слабость современной системы управления. Иметь пролов в качестве врагов было себе дороже.

Кочующие пролы не приживались в таких плотно заселенных областях, как Массачусетс, где благодаря видео наблюдению и хорошо налаженной системе поисковых служб, их могли

быстро обнаружить и идентифицировать. Однако Зеленый Хью был не из Массачусетса. И ему было плевать на стандарты поведения, существовавшие там. Закрытые по экологическим причинам зоны идеально подходили пролам. Кроме того, там было много животных, для которых химически отравленная почва оказалась менее вредной, чем соседство с людьми. За прошедшие десятилетия заброшенные зоны заросли буйной субтропической растительностью и превратились в непроходимый современный Шервудский лес.

Пролы, которым покровительствовал Хью, были уроженцами Луизианы. Эти люди потеряли крышу над головой в результате подъема океана, разлива Миссисипи и ураганов. Укрывшись в глубинах приютивших их джунглей, луизианские пролы вскоре стали совершенно не похожи на потерянных и неуверенных в себе безработных с восточного побережья. Луизианцы создали могущественное честолюбивое объединение с собственными обычаями, укладом, одеждой, с собственной полицией, экономикой и средствами связи. Они могли бы господствовать над другими малыми группами, группками по интересам и многими другими временными союзами.

Они были известны как Регуляторы.

Регуляторы, воюя в дебрях джунглей, обучились преимуществам маоистской партизанской тактики. Теперь же Хью науськал своих собак в Сети, и военно-воздушная база оказалась в адском кольце.

Всем известно, что достоверное освещение политических разногласий в Америке можно увидеть только по европейским каналам. Оскар настроился на европейский спутник, который транслировал пресс-конференцию в Луизиане. Там выступала некая Уни Беббель, назвавшаяся «заместителем командира отряда Регуляторов».

Ее лицо скрывалось под черной маской. Одета она была в болотного цвета джинсы и мужскую рубашку с открытым воротом и короткими рукавами. Давая интервью, она ходила взад и вперед перед большой толпой журналистов, размахивая эбонитовым, украшенным перьями модным стеком и пультом дистанционного управления. Пропагандистская конференция проходила в широкой палатке с плоской крышей.

— Посмотрите на этот экран, — обратилась она к журналистам. Множество объективов нацелилось на ее лицо. Особого смысла в этом не было, так как лицо все равно скрывала маска. — Все

присутствующие получили копии документа? Брат Ламп-Ламп, передай документы вон тем французам в задних рядах! Отлично! Леди и джентльмены! Документ, который вы получили, является копией списка всех существующих на нынешний день американских военно-воздушных баз. Вы можете, если не доверяете нам, сами скачать эту бюджетную ведомость с сервера Комитета. Посмотрите на официальный список! Этой военно-воздушной базы не существует!

Какой-то журналист возразил:

— Но, мэм, мы же стоим прямо перед этой самой базой!

— Тогда вы должны признать, что это заброшенное помещение. Здесь нет ни света, ни топлива, ни воды, ни пищи. Так что это не военная база. Вы видите хоть один государственный самолет, взлетающий с базы? Нет. Здесь летают только геликоптеры, доставившие сюда прессу. А также наши личные спортивные самолетики — у нас многие увлекаются самолетным спортом. Так что вас дезинформировали насчет так называемой военной осады. Все это целиком и полностью извращенная выдумка прессы. Мы не вооружены. Мы просто нуждаемся в какой-то крыше над головой. Мы толпа бездомных людей, которым

нужен дом, где можно укрыться в зимние холода. Это заброшенное помещение прямо перед вами — идеальное место для нас. Потому мы ждем здесь, стоя у ворот, мы надеемся, что сможем отстоять свои человеческие права.

— Много ли войск кочевников сосредоточено здесь, мэм?

— Это не войско, это народ. Нас здесь девятнадцать тысяч триста двенадцать человек. Вот так! И мы полны надежд. У нас высокий моральный дух. К нам стекаются люди отовсюду.

Вперед выступил британский журналист.

— Были сообщения, что у вас, в вашем лагере, есть незаконные магнитные излучатели.

Заместитель командующего нетерпеливо тряхнула головой.

— Слушайте, мы терпеть не можем излучателей. Мы вообще осуждаем применение бластеров. Любую атаку с нашей стороны, ведущуюся с помощью излучателей, мы будем расценивать как провокацию!

Британский журналист, одетый в помятый костюм цвета хаки, скептически взглянул на нее. У британцев в Америке инвестиций было больше, чем у кого-либо. Особые англо-американские отношения все еще давали о себе знать, особенно

когда они оборачивались выгодными вкладами.

— А что вы можете сказать насчет этих нацеленных на людей орудий, которые вы расставили здесь?

— Не смейте их так называть. Это наши оборонительные устройства. Люди должны быть в безопасности. У нас здесь очень много людей, так что мы вынуждены принять меры безопасности. Что? Колючая проволока? Да, конечно! Пенноструйные устройства, да, они у нас есть, мы всегда их используем. Пенные снаряды и снаряды со слезоточивым газом вы можете купить в любом магазине! Что? Суперклей? Черт, конечно, у нас два танкера этого добра. Даже маленькие дети могут пользоваться суперклеем!

Настала очередь немецкого корреспондента. Он захватил с собой команду — двое энергичных помощников были с ног до головы увешаны блестящей оптической аппаратурой. Немцы были самой богатой нацией на свете. И у них была страшно раздражающая всех привычка выступать с важно-надутым видом.

— Почему вы разрушили дороги? — спросил немец, поправляя модные темные очки. — Это экономически непродуктивное действие.

— Мистер, но ведь эти дороги предназначены на

снос. Государственный департамент шоссейных дорог решил, что они должны быть уничтожены из-за того, что в покрытии использовался тармак. Экологически вредное вещество. Так что мы в качестве общественной инициативы помогаем очищать окружающую среду. Тармак производится на нефтяной основе, мы разбираем дорогу себе на топливо. Нам нужно топливо, чтобы наши маленькие дети не замерзли. Понятно?

Оскар выключил звук и видео окно стало беззвучным. Он позвал:

— Эй, Джимми! А у нас как с топливом?

— У нас, шеф, все в порядке, — отозвался Джимми.

Оскар огляделся. Лана, Донна и Мойра заснули. Автобус выглядел пустым, как банка из-под сардин. Команда разделилась. Он уговорил большую часть людей остаться в Техасе, и теперь ему их не хватало. Он скучал, потому что с ним осталось мало людей, за которыми надо было присматривать, которых надо было одобрять и подбадривать. Кроме того, ему не хватало тех, кого можно было нагрузить проблемами или задеть за живое.

Мойра решительно была настроена, оставить команду, и находилась по этому поводу в отвратительном настроении. Фонтено сейчас был

вовсе недоступен — он оставил свой телефон и лэптоп и отправился в новую лачугу, захватив с собой лодку и рыболовные снасти.

Предвыборная кампания Бамбакиаса стала наилучшим достижением в его жизни, и вот теперь все уходило в прошлое, рассеивалось по ветру. Одна только мысль об этом почему-то приводила Оскара в глубокое уныние.

— А что ты сам думаешь обо всем этом? — окликнул он Джимми.

— Слушай, я веду машину, — резонно возразил ему тот. — Я не могу вести автобус и смотреть новости.

Оскар пробрался по проходу вперед к сиденью водителя, чтобы не кричать.

— Я говорю о кочевниках, Джимми. Мне известно, что ты имел с ними дело. Мне интересно, что ты думаешь обо всем этом — о Регуляторах и базе ВВС.

— Ну да, все спят, вот ты и принялся за меня, да?

— Ты же знаешь, я всегда ценил твой вклад. У тебя особый взгляд.

Джимми вздохнул.

— Слушай, босс, да нету у меня никакого «вклада»! Я просто веду автобус. Я ваш шофер. Дай мне

спокойно вести машину.

— Да веди, ради бога! Мне просто интересно… Вот как ты считаешь, кочевники — это серьезная угроза?

— В чем-то да… Конечно. То бишь, если ты кочевник и живешь на природе, ешь травку или сам приготавливаешь все эти био-штучки, ну, это же ничего особо не меняет.

— Верно.

— Правда, среди них встречаются крутые парни. Встретишь такого на улице — обычный бездомный, ничего особенного, а потом оказывается, у него повсюду друзья в Сети, в разных важных местах, так что с тобой потом может, что угодно произойти… Но, черт возьми, Оскар, чего я тебе говорю, ты же лучше меня это знаешь.

— Ага.

— Да ты сам делал то же самое во время кампании.

— Гм-м.

— Ты все время в дороге. Ты сам кочуешь. Ты похож на кочевника. Наводишь страху на незнакомых людей, — ну, если они тебя не знают, как знаем мы, — они пугаются при встрече. У тебя крутой вид, шеф. Среди кочевников найдется парочка другая таких, что еще покруче, но не

намного, это я тебе точно говорю. Дьявол, да ведь ты еще и богат!

— Деньги, это еще не все, — заметил Оскар.

— Ну да, рассказывай! Слушай, я ведь не слишком умен для тебя, верно? — Джимми раздраженно пожал плечами. — Ты бы лучше соснул маленько. Все уже спят.

Тут Джимми глянул на считывающее устройство и схватился за руль.

Оскар молча наблюдал за его действиями.

— Я могу вести машину восемнадцать часов в сутки, — сказал, наконец, Джимми. — И я не возражаю. Дьявол, да мне это нравится! Но я чертовски устал смотреть на тебя, шеф. Просто даже смотреть, как ты все это делаешь, это уже меня утомляет до чертиков. Я больше не могу быть с тобой. Я не из твоей лиги. Я обычный человек, ясно тебе? И мне задаром не нужна ваша федеральная научная база. Я простой рабочий из Бостона, босс. Вожу автобусы.

Джимми переключил считывающий сканер и перевел дыхание.

— Вот как доведу автобус до Бостона, так я с вами и покончил. Понял? После такого нужна передышка. Мне нужно оттянуться. Сходить попить пивка, потом, может, сходить поиграть в боулинг

и, если повезет, может, подцепить девочку. Но я точно завязал навсегда с политиками!

— Джимми, так ты, правда, уходишь из команды? — спросил Оскар. — Прямо так и уйдешь?

— Слушай, шеф, ты нанял меня вести автобус! Тебе что, этого мало? Это же просто работа!

— Шеф, ты нанял меня вести автобус! Чего тебе от меня нужно? Я водила, а не политактивист!

— Не торопись. Мы можем подыскать тебе другую работу у нас.

— Не, шеф, у тебя нет другой работенки ни для меня, ни для других таких, как я. Иначе откуда бы взяться кочевникам? Они-то все — безработные! И они вас не интересуют. Они вам без надобности. Вы даже не можете придумать, как их можно использовать! Они просто вам не нужны. Совсем не нужны. Так ведь? И вы им тоже не нужны. Ясненько? Им надоело ждать пока вы позаботитесь о них, так что теперь они сами заботятся о себе, перебиваются, чем придется, берут, что попадется. И правительству нет до них никакого дела. Да наше правительство не может прокормить собственные ВВС!

— В стране, где есть порядок, есть и подходящая работа для всех.

— Ха, шеф, да самое ужасное, что у них порядка

больше, чем может обеспечить правительство! У них, может, нет рабочих мест и тому подобного, но что у кочевников есть, так это порядок. Видишь ли, парень, они в точности, как ты. Ты и твоя команда организованы лучше, чем те ископаемые в Коллаборатории. Вы могли бы взять управление на себя в любой момент, а? Ты ведь к тому и тянул! И ты приберешь к рукам то местечко, хотят они того или нет. Ты хочешь этого и добьешься своего.

Оскар промолчал.

— Эх, вот чего мне будет не хватать! Глядеть, как ты вертишь ими всеми. Как ты окрутил ту ученую цыпочку! Любо-дорого смотреть! Прямо сердце не лежало уходить, пока не увижу, чем у вас кончится. Но ты с ней справился, а? — Джимми рассмеялся. — Ты получаешь все, чего захочешь! Ты — гений! А я — нет, ясно? Я из другого теста.

— Понятно.

— И не хлопочи обо мне, шеф. Если у тебя нет других хлопот, вспомни, что завтра утром мы въезжаем в округ Колумбия. Вот я, например, если удастся вывести эту колымагу из Вашингтона в целости и сохранности, буду считать себя настоящим везунчиком.

Вашингтон встретил их непрерывным верто-

летным гулом. С тех пор как муниципальные власти сдали в аренду городские улицы, воздушным транспортом пользовались все. Большая часть столицы была совершенно не проходима. Кроме того, улицы и площади постоянно оккупировали толпы демонстрантов и пикетчиков.

Ненасильственное разделение достигло в американской столице высшей точки. Основные функционирующие районы были приватизированы и охранялись с помощью мониторов и свор личной гвардии, но многие кварталы были отданы скваттерам. Охраняемые районы находились под присмотром самых разных идеологических группировок. Все они, хотя и с неохотой, признавали необходимость как-то ладить с властями, но жестоко ненавидели друг друга. Статистика убийств в районе Дюпона, Адамс-Моргана, а также в восточной части Капитолийского холма была почти сравнима с двадцатым веком.

Во многих районах города стерлось разделение на здания и улицы. Часть кварталов была занята протестующими группировками, которые забаррикадировали проезжую часть, перекрыли ее пластиковыми тентами, а в зданиях оборудовали собственную систему водоснабжения и установили электрические генераторы.

Самым примечательным из объединений недовольных был союз «марсиан». Эта группировка, доведенная до отчаяния годами невнимания правительства к их безумным требованиям, пришла к выводу, что федерального правительства попросту не существует. Весь Вашингтон, округ Колумбия, они стали считать своей сырьевой базой.

Строительные технологии, которые применяли «марсиане», были первоначально изобретены группой энтузиастов, жаждавшей колонизовать Марс.

Эти давно исчезнувшие высококвалифицированные специалисты, помешанные на идее колонизации, изобрели простые методы, с помощью которых небольшая группа астронавтов могла бы освоить безвоздушные и безводные песчаные пустыни красной планеты. Люди так и не полетели на Марс, но после развала НАСА документация по колонизации Марса оказалась в открытом доступе.

Эти планы попали в руки фанатичных уличных демонстрантов. Для начала они зарылись в подпочвенную жижу русла реки Потомак. Откачивали воду в специальные пакеты для последующего использования, прорыли множество

ходов, туннелей и арочных проходов. Этот опыт привел радикальную группировку к выводу: даже самое ужасное место на Земле является рогом изобилия по сравнению с марсианскими пустынями. Все, что может работать на Марсе, в сто раз лучше будет работать на Земле в пустых городских переулках и заброшенных парках.

Вот таким образом гениальные изобретения НАСА привели к появлению на улицах Вашингтона многочисленных марсианских поселений. Лачуги из спрессованных земляных комьев лепились к стенам зданий и друг к другу, напоминая осиные гнезда. Появилось три искусственных холма вблизи станции Юнион, и даже в Джорджтауне можно было слышать гул подземных работ.

Большинство «марсиан» были белыми. Это национальное меньшинство составляло шестьдесят процентов населения Вашингтона. Городские власти Колумбийского округа, на весь мир прославившиеся своей коррупцией, также состояли в основном из белых. Боссы этнического меньшинства прилагали все свои силы, использовали всю свою изобретательность к получению дополнительных доходов с помощью тех видов преступной деятельности, которые были доступ-

ны «белым воротничкам».

Оскар счел за лучшее не въезжать в Вашингтон без предварительной подготовки. Он оставил автобус вместе с командой в относительно безопасной Александрии и пешком отправился в город. Ему пришлось преодолеть два квартала, проталкиваясь сквозь толпы торговцев, что повсюду сопровождали демонстрантов, — это был уличный рынок, где продавались цветы, медали, браслеты, наклейки для бамперов, флаги и рождественские игрушки.

До цели своего путешествия Оскар добрался живой и невредимый. Правда, здесь он — без особого удивления — обнаружил, что федеральное здание сдано скваттерам.

Оскар вошел в огромный холл, прошел мимо металлических детекторов и далее через циклопическое сооружение для фейс-контроля. Консьерж, пожилой коротко стриженный чернокожий в галстуке-бабочке, выдал Оскару застегивающийся на руке ID-браслет.

Теперь система внутренней безопасности фиксировала все передвижения Оскара по зданию, так же как она регистрировала все находившиеся внутри предметы и живые существа — мебель, покрытия, инструменты, кухонные принадлеж-

ности, одежду, обувь, домашних животных и, естественно, самих скваттеров. Встроенные локаторы размером с апельсиновое зернышко были установлены повсюду, ничто и никто не могло от них укрыться.

Глобальный контроль делал недоступным для воров все, что находилось внутри. Всем остальным это облегчало доступ к общественным инструментам и принадлежностям. Несложно найти какую-либо вещь, когда можно по мониторам выяснить ее размещение, состояние, передвижение — ведь любое ее положение фиксируется в режиме реального времени. С другой стороны, было крайне трудно кому-либо из посторонних проникнуть на эту территорию и посягнуть на коллективную собственность. Такой вариант цифрового социализма в действии был, безусловно, дешевле и удобнее, чем частная собственность.

Было только одно «но», обусловленное способом его осуществления: ваша личная жизнь выворачивалась наизнанку. В больших холлах здания было множество играющих детей — в целях уменьшения возможного беспорядка дети скваттеров жили в холлах.

Все они были снабжены браслетами и следя-

щими жучками, все их игрушки имели цветовые коллективные коды и находились в строго установленных местах.

Оскар протиснулся сквозь плотный ряд трехколесных велосипедов и надувных зверей и поднялся на лифте на третий этаж. Здесь сильно пахло индийской кухней — карри, паприкой и чем-то куриным. Судя по запаху, в здании, должно быть, имелись огромные курятники с зарегистрированными в компьютере курами.

Двойные двери с номером footnote58 с легкостью распахнулись, и Оскар вошел внутрь. Тут царила атмосфера, напоминавшая мастерскую скульптора: стояли металлические скульптуры, противно пахло клеем и цементом. Это было совсем не похоже на федеральный офис. О нем напоминали лишь вывороченные куски темного покрытия на полу и свисавшие сверху, подобно сталактитам, остатки пластиковых ламп. Старомодный кабинет кем-то осваивался заново. Посреди него возвышался передвижной временный стол на скрепленных болтами железяках, валялись груды неизвестных механических приспособлений, ровные ряды эпоксидных труб и короткие толстые штыри. Цементный пол отзывался при каждом шаге гулким эхом.

Ясно было, что он попал не в то помещение, куда хотел.

Зазвонил его телефон.

— Алло? — ответил Оскар.

— Это правда ты? — спросила Грета.

— Это правда я — жив и здоров.

— Это не линия «секс-по-телефону»?

— Нет, — сказал Оскар, — я только пользуюсь этой линией, чтобы пере направлять свои звонки. Эти линии обычно загружены до предела, плохо поддаются прослушиванию, поэтому если кто-то решит заняться отслеживанием трафика… Ладно, все это несущественные технические детали. Главное, что мы можем благодаря этому говорить свободно по незашифрованной линии связи.

— Это хорошо, — подтвердила она.

— Ну расскажи, как ты там, что у тебя?

— Тебе в Вашингтоне ничего не угрожает?

Оскар нежно погладил ткань телефона. Ему казалось, будто он гладит ее ушко. И почти потеряло значение то глупое обстоятельство, что он оказался не в том здании.

— Со мной все в полном порядке. В конце концов, я здесь работаю.

— Я беспокоюсь о тебе, Оскар. — Последовала длительная пауза. — Я думаю… Я думаю, может

быть, мне удастся приехать в Бостон. Там будет семинар по нейро. Может, я смогу выкроить время.

— Чудесно! Ты просто должна приехать в Бостон, обязательно! Я покажу тебе мой дом. — Последовала долгая многозначительная пауза.

— Это интересно…

— Приезжай! О чем еще можно мечтать? Нам будет хорошо.

— Я должна сказать тебе кое-что важное…

Он быстро взглянул на уровень заряда батареек и переместил трубку поудобнее. — Давай рассказывай.

— Это так трудно объяснить… Это просто… Я совершенно иначе стала себя чувствовать… Меня настолько это вдохновило, и это просто… — Продолжительная пауза.

— И что? — поторопил ее он. — Не сдерживай себя, скажи, что там у тебя?

Она перешла на доверительный шепот.

— Это мои амилоидные фибрилы!

— Что? ? ?

— Мои фибрилы. Существует множество различных протеинов, которые формируют амилоидные фибрилы in vivo. И хотя они имеют несвязанные последовательности, все они полимеризуются в фибрилы со сходной микро-

структурой. Эти проблемы со складками при формировании страшно меня раздражали. Просто до ужаса.

— Правда? Очень жаль.

— Но потом я догадалась совместить их с GDNF адено-бациллоносителей, позавчера, и получила новый амилоидно-генетический вариант на бациллоносителе. Я только что просмотрела их на разрядном электроспектрометре. И, Оскар, они экспрессивны! Они все энзиматически активны, и все имеют правильные нетронутые дисульфидные связи!

— Чудесно, мне очень нравится, когда ты столь экспрессивна.

— Они экспрессивны in vivo! И следовательно это во много раз менее инвазивный метод, чем тупая старомодная генная терапия. Это был главный ограничитель! Это самый дешевый способ доставки. И если мы сможем использовать амилоиды, как допамины и нейротропик… Ну, я имею в виду, переместить все это конгруэнтно на живую нейроткань… Ладно, я не буду тебе объяснять, что это значит.

— Нет-нет, — быстро отозвался Оскар, — я как раз очень хочу узнать.

— Это то, что Беллотти и Хокинс делают с авто-

соматическими амилоидами, так что они сейчас идут впереди. И они дают показательные сессии в Бостонском АМАС.

— Тогда тебе непременно надо приехать в Бостон! — воскликнул Оскар. — Нельзя допустить, чтобы такой мастодонт, как Беллотти, мог тебя обойти! Я сегодня же позабочусь о том, чтобы все устроить с твоим приездом. И не пытайся подавать документы на оплату проезда. Моя команда довезет тебя. Ты лучше освободи себе время, чтобы подготовиться к поездке. А все проблемы с размещением в отеле и прочее оставь на нас. Ты не должна упускать такую возможность, Грета! У тебя, пока ты сидишь в Лабе, никогда нет времени подумать о самой себе.

— Ладно… — По ее голосу чувствовалось, что она очень довольна.

Дверь в кабинет номер footnote58 распахнулась, и внутрь вкатилась негритянка, сидящая на моторизованном инвалидном кресле. Ее голову украшал ком спутанных седых волос, на кресле-коляске громоздились два зеленых чемодана.

— Я понял относительно работы, — сказал Оскар в трубку, осторожно пятясь в сторону от дверей. — Бостон — это осуществимо.

— Эй, кто там, привет! — Женщина из инвалид-

ной коляски приветливо помахала ему рукой. Оскар вежливо кивнул в ответ.

Негритянка резво спрыгнула с инвалидной коляски и бросилась придерживать двери. Трое белых с ярко-синими волосами ввалились в помещение. На них были соломенные шляпы, огромные сапоги, на лицах — боевая раскраска кочевников, вышедших на тропу войны, и темные очки. Один из них тащил огромную тележку, нагруженную экранами и проводами. Двое других волочили темно-зеленые ящики с электрооборудованием.

— Ты, правда, думаешь, что фибрилы стоят того, чтобы ты так хлопотал для меня?

— Фибрилы полностью этого заслуживают!

Женщина тем временем содрала с головы чудовищный парик, под которым оказались короткие вьющиеся пряди. Затем скинула надетый на ней кафтан и осталась в голубой юбке, голубом жакете и шелковой блузе.

Трое техников начали быстро устанавливать на столе сетевое соединение для конференции.

— Я — Оскар Вальпараисо, — громко представился Оскар. — Я член Комитета.

— Вы рановато пришли, — сказала женщина. Она вытащила из чемодана обувь и переоделась.

— Я люблю быстрый старт, — сообщил Оскар и вернулся к телефонному разговору. — Все в порядке. Да. Все. Я очень рад, что так получилось. Я и Лана за всем проследим. Пока.

Он отсоединил связь и положил трубку.

— Итак, — громко вопросил он. — Как вас зовут?

— Крис, — сообщила женщина, осторожно распрямляя провод. — Я комитетский сисоп. — Она улыбнулась. — Низшее административное звено.

— А это ваша команда?

— У меня нет команды. Я просто GS-5. А ребята — субконтракгеры по сетевой связи, они живут в этом скватте. Видите ли, это, конечно, немного странная комната для конференций, но… Я имею в виду, что в течение многих лет мы обычно устраивали конференции в сенатском здании Дирксена, но сейчас, со сменой президента, наши старые кабинеты были реквизированы, так что Сенатский комитет по науке вроде как не имеет пока постоянного помещения.

— Понятно.

— Они дали нам эту комнату из тех, что значились свободными на федеральном сервере. Проблема в том, что, хотя она прослушивается

на сервере, все здание сдано скваттерам на три года. А мы не Чрезвычайный комитет и не можем законным образом очистить помещение. Мы слишком незначительное звено в общей цепочке.

— Ну, по крайней мере, это большая комната. — Оскар подмигнул.

— Верно! — Она улыбнулась ему в ответ.

— И двое из нас уже здесь, так что мы начали работать. Кстати, леди на инвалидной коляске — здорово придумано!

— Да, это очень помогает, когда надо пройти множество застав и проверок ID.

— Я смотрю, вы коренная вашингтонка, да, Крис?

— Да, вот она я — южный темперамент и северный шарм. — Тут глаза Крис округлились, а брови поползли вверх. Она резко ткнула помощника в бок. — Да не то! Это же видеовыход! Шестнадцать штырьков, ты что, не видишь? — Она повернулась к другому парню. — Вытаскивай из чемодана маршрутизатор. Маршрутизатор и «дерн». И дешифровальщик. Нет, не то! Вон тот, зеленый.

Оскар был очарован.

— А эти металлические скульптуры тоже ваши?

— Бойфренда. Он вроде как бережет для нас это помещение, потому что может оставлять его за собой по экономному тарифу оплаты. — Она подняла голову. — Это вроде мультизадачной среды, понятно?

— Обожаю мультизадачную среду. — Тут зазвонил другой телефон Оскара, он вытащил его из кармана куртки.

— Что? Да, Лана, проводи ее в Бостон. На конференцию в AMAC. Нет, я тоже не знаю, что это за аббревиатура. Поищи в Сети.

— Где переходник? Подай экран! — командовала Крис, искоса поглядывая в сторону Оскара.

— Зарегистрируй ее на все программы конференции, — сказал Оскар, чуть приблизившись и повышая голос для пущего эффекта. — Пусть этим займется Йош. И позаботься о еде. Она любит тайскую кухню. Бирманская? Отлично, но не забывай об ее аллергии.

— Это в DMAC? Городской DMAC прямо на Четырнадцатой улице. Посмотри, это то?

— Все, с DMAC все ясно, — громко сообщил Оскар и перенес трубку к другому уху. — Лана, закажи для нее номер в подходящем отеле. Проверь, чтобы там имелись воздушные фильтры. И цветы. Цветы каждый день.

— Вы компрессор на DNS поставили? — придирчиво вопрошала Крис, продолжая наблюдать за Оскаром со все возрастающим интересом. — Ты не загрузишь маршрутизатор без CMV. Это EDFA? Тогда запускай «дерн».

— Закажи на день, — вещал Оскар, — нет, на два дня. Да. Нет. Да. Все! Спасибо. — Оскар выключил телефон.

— Нет, подвигай его, этот кабель.

— Всегда что-то с кабелем, — кивнул Оскар. Соединенные кабелем экраны замигали, по ним побежали строчки тестовой программы.

— Отлично! — провозгласила Крис. — Мы готовы. А где гример-имиджмейкер?

— Никаких гримеров, — пробурчал контрактер. — Вы ничего не говорили о гримерах.

— Я же не знала, что новый парень придет сюда сам.

— Я вполне обойдусь без гримера, — сказал Оскар. — Зачем грим? Все мое при себе.

Тут Крис устремила на него пристальный взгляд, целиком переключив на него свое драгоценное внимание.

— Как вы традиционны, мистер Вальпараисо! Они явно были настроены на одну волну. Они прекрасно общались на невербальном уровне.

— А где все остальные, Крис? Я так понял, что у нас встреча вживую.

— Да, по закону открытые заседания должны так проходить, но у нас же не сенаторские слушания. Это просто административная конференция. Никаких избирателей.

— Я всегда думал, что административные конференции проводятся вживую.

— Но тут более неформальная встреча — скорее обсуждение, чем конференция.

Оскар изобразил нахмуренный вид.

— В моем извещении было сказано, что это собрание всего штата Комитета.

— Ну, во время периода передачи власти мы должны делать послабления… Слушайте, я знаю, это звучит грубо, но администрация терпеть не может подобные встречи. Они обзывают это конференциями, но на самом деле это проводится как обычное обсуждение.

Она мягко улыбнулась.

— Я всего лишь сисоп, понимаете. Это не моя вина.

— Я прекрасно понимаю, что это не ваша вина, Крис. Но если это будет проходить как обсуждение, то это несерьезно. Не будет нужных результатов.

— Вы можете добиться нужных результатов и на обсуждении.

— Но я хочу не простого обсуждения! Если мы будем просто болтать друг с другом безо всякой серьезной записи, то лучше пойти в бар и выпить сухого мартини.

Открылась дверь. Трое мужчин и женщина вошли в кабинет.

— Вот мистер Накамура, — с видимым облегчением сказала Хрис. — Я уверена, он все объяснит вам. — И она быстро скрылась за экранами.

Накамура остановился на полдороге и секунд сорок изучал экран, на котором появились досье и ID Оскара. Затем быстро двинулся в сторону Оскара с распростертыми объятиями.

— Как приятно вновь встретиться с вами, Оскар! Как прошла поездка в Техас?

— Поездка прошла замечательно.

— А где ваша команда? — Накамура обвел глазами комнату. — Никаких помощников?

— У меня безопасный автобус. Так что я оставил своих помощников внутри, а сам пришел сюда.

Накамура оглянулся на своих телохранителей, исследовавших кабинет на наличие жучков с помощью ручных сканеров.

— Безопасный автобус. Надо было вам по-

звонить мне. Я мог бы вам помочь, выделить кого-нибудь из собственной охраны.

Оскар был весьма польщен, услышав эту беззастенчивую ложь.

— Был бы очень рад, сэр.

— Я старомоден, — заявил Накамура. — Конгресс платит мне, и я готов всегда выполнить свой долг.

Накамура был старейшим членом Комитета по науке. Он сумел пережить поразительное число чисток, скандалов, смен сенаторов — и даже неоднократные рейды Чрезвычайного комитета.

Накамура, будучи членом партии экономических свобод, входил в Правый традиционный блок. Эксвобы набрали двенадцать процентов голосов на последних выборах, оставив позади своих младших союзников из Христианско-демократического союза и антифеминисткой Дамской партии. Оскар считал, что эксвобы глубоко заблуждаются, однако они, по крайней мере, были постоянны в своих заблуждениях. Партия экономических свобод была крупным игроком.

Накамура тронул Оскара за плечо — мягкое политическое прощупывание.

— Я жажду услышать ваш отчет о ситуации в Бунском коллаборатории. Я уверен, у вас там

было дел по горло.

— Они переживают трудные времена, сэр.

— Тем более необходимо стабилизировать обстановку, особенно в период смены администрации.

— Полностью согласен, — сразу же отозвался Оскар. — Последовательность и твердая рука в администрации Лаба были бы крайне желательны. Осторожность. Никакой спешки.

Накамура машинально кивнул, потом нахмурился. На минуту Оскар испугался, что переборщил. В федеральных файлах хранились записи выступлений Нака-муры за последние двадцать лет. Оскар дал себе труд проанализировать эти речи, отсортировать и проверить частоту употребляемых словосочетаний. Накамура особенно любил термин «осторожность» и «последовательность», обычно в сочетании со словами «полезно» и «твердая рука». Вербальное подражание Накамуре было, конечно, дешевой уловкой, но, как и все дешевые трюки, оно обычно хорошо срабатывало.

Еще восемь человек появились в дверях. Двое из них, Намут и Мулнье, как и Оскар, — члены Комитета. Остальные шестеро — их помощники. Они несли пиццу, кофе, сэндвичи. Ароматы фаст-

фуда тут же наполнили бетонное помещение живительными запахами человеческого жилья.

Накамура с благодарностью принял сэндвич из питы. Было заметно, что, как только появились знакомые лица, старейший член Комитета несколько расслабился.

— Намут и Мулнье молодцы. Те, кто ради простого обсуждения не поленились сюда выбраться… это хорошо.

— Скажите, сэр, у нас просто обсуждение или это действительно конференция?

Накамура разжевал и проглотил кусок сэндвича.

— Ну, на настоящей конференции должны присутствовать представители избирателей. Или по крайней мере кто-то из верхушки их администрации, например, главы администрации. И, конечно, должны быть еще комитетские открытые заседания и слушания в комитетах и подкомитетах — все с полным освещением в прессе… Однако при нынешнем положении вещей расходы по организации встреч падают на членов комитетов. Сегодняшние сенатские слушания превратились в чистую формальность. Из этого вытекает, что члены Комитета, должны сами организовывать собственные конференции.

И поэтому из-за такого формального расклада мы нашли необходимым ввести процедуру обсуждения.

Накамура посмотрел на разваливающийся в руке сэндвич и прижал его пальцем.

— Мы называем наши встречи конференциям, чтобы обеспечить персональную защиту и меры безопасности. Все это здание, как вы могли наблюдать, отнюдь не безопасно.

Оскар, не успел Накамура вымолвить последнее слово, слегка подался вперед.

— Я понимаю, что мы не можем организовать настоящее формальное слушание до созыва Сената. Как новичок в вашей команде, я и не стремлюсь к этому, пока не освоюсь. Честно говоря, я надеялся на вас, я нуждаюсь в полезном и последовательном руководстве.

Накамура скушал это с благодушным кивком.

— Пока я был в Коллаборатории, я проанализировал мнения… С тех пор как с сенатором Дугалом случилось несчастье, ходит масса слухов, и они все разрастаются. Там неважная моральная обстановка.

— Неважная?

— Надо стабилизировать положение. Я думаю, если они получат какие-то заверения со стороны

Вашингтона…

Накамура скользнул взглядом по другим членам Комитета. Мулнье потягивал холодный кофе, посматривая время от времени на экраны. Это не удивило Оскара. После внимательного изучения досье Мулнье и Намута, он решил, что их можно сбросить со счетов.

Накамура взял быка за рога.

— Что вы предлагаете?

— Я думаю, какое-то выражение доверия нынешнему директору. Решение о поддержке, принятое нашим Сенатским комитетом, — это может буквально влить новые силы.

Накамура отложил сэндвич в сторону.

— Ну, этого мы сделать не можем.

— Почему? Нам надо предпринять какие-то шаги. Власть директора тает на глазах. Если ничего не предпринимать, работа в Лаборатории будет парализована.

Накамура помрачнел.

— Молодой человек! Вы никогда не работали с сенатором Дугалом. А я имел с ним дело. И прямо поощрять кого-то из его лакеев, да еще в качестве первого акта сейчас, когда меняется президентская администрация… Нет, думаю, нет.

— Но вы говорили, что хотели бы добиться

устойчивой ситуации.

— Я не говорил, что именно мы будем добиваться устойчивости.

— Ладно. — Оскар с притворным разочарованием махнул рукой. — Значит, мне надо пересмотреть свое мнение. Может быть, вы мне что-то посоветуете. Директор Фелзиан находится в сложном положении. Что же нам следует сделать теперь? Без поддержки Дугала его положение весьма неустойчиво. Его могут снять. Могут даже привлечь к суду.

— К суду? — Накамура округлил глаза. — Но не в Техасе же!

— Его могут судить в Луизиане, к примеру. Так много редких животных бесследно исчезло на рынке собирателей экзотики… Звери будут выглядеть весьма фотогеничными свидетелями. Губернатор Луизианы является заинтересованной стороной. Суды штата у него в кармане. Сейчас действительно не время ослаблять контроль над Федеральной лабораторией.

— Молодой человек, вы никогда не общались с губернатором Хью…

— О, я общался, сэр! Я ужинал с ним на прошлой неделе.

Накамура спал с лица.

— Вот как.

— Избежать его внимания в тех краях очень трудно. Он весьма недвусмысленно изложил мне свои намерения.

Накамура вздохнул.

— Ладно, что поделаешь. Но Хью на самом деле не осмелится.

— Почему он должен придерживаться другой линии в этом вопросе, если уже подверг осаде федеральную базу ВВС?

Бровь Накамуры задергалась, выдавая сильное волнение.

Оскар понизил голос.

— Хью всегда стоял за генетические и когнитивные разработки. Эта Лаборатория как раз то, что он хотел бы получить. Там есть нужные ему таланты, , дан-ные, образцы. Кроме того, Хью участвовал в создании этого Лаба. У него там свои люди. Так что совершенно очевидно, как он будет действовать.

— Но он также всегда стоял за то, чтобы там присутствовали федеральные власти. И, кроме того, не по нашей вине Коллабораторий оказался без поддержки. Мы правильно оцениваем значение исследований. Мы не болваны из Чрезвычайного комитета.

Оскар позволил себе долгую напряженную паузу.

Затем пожал плечами.

— Может быть, я неразумно поступаю? Я всего лишь хочу предложить небольшую акцию с нашей стороны, чтобы поддержать статус-кво. Разве смысл нашего Комитета в том, чтобы выражать недовольство существующим статус-кво?

— Нет, конечно нет. … Ну, иногда бывает. Иногда. Оскар изобразил озабоченность.

— Думаю, вы понимаете, что это мое первое задание, и я бы не хотел случайно ошибиться.

— Конечно.

— Я не слишком разбираюсь пока в этих вещах. Я всегда играю в команде.

— Конечно.

Оскар мягко коснулся руки Накамуры.

— Я надеюсь, вы не думаете, что я все это время был рад своей изоляции от Комитета? Я мог бы находиться на Капитолийском холме, а вместо этого мариновался шесть недель под куполом. Я сегодня сделаю полный доклад, но, если меня отошлют назад в Техас без какого-либо консенсуса и прямых указаний, я сочту это крайне огорчительным. Вы не считаете это неразумным?

— Нет, это вполне разумно. Я понимаю ваше

положение. Вы, может быть, не поверите, но я сам был когда-то молодым стажером.

— Сэр, это будет не очень приятный доклад, особенно в том, что касается финансового положения. Все это может вообще выйти из-под контроля. Мы можем получить массу неприятностей. Возможно, самый дешевый и легкий путь, это покончить с Лабораторией и отдать ее на разграбление Хью.

Накамура поморщился. Оскар продолжал.

— Но это не мое решение. Ответственность за это не может лежать на мне. Если что-то из моего доклада просочится в прессу и начнутся выяснения, я не хотел бы, чтобы в Комитете думали, что это как-то связано со мной. Или что это игры сенатора Бамбакиаса. Я честно работал. Я рассматривал свою работу как предварительный сбор информации для Комитета. Но если начнутся разбирательства, мне не хотелось бы оказаться в роли мальчика для битья.

Оскар поднял руку.

— Нет-нет, не подумайте только, что я подозреваю в предвзятости моих товарищей по команде! Я просто отмечаю, что это наиболее простой путь — отыграться на новом сотруднике.

— Да, верно, — сказал Накамура. — Вы правиль-

но ориентируетесь в ситуации. Но надо заметить, что вы не единственный новый член Комитета.

— Вот как?

— Да. Имеется три новых сенатора, избранных в Комитет, и все они пришли со своими помощниками. Двое новых членов Комитета должны были явиться сюда, чтобы присутствовать на этом чертовом обсуждении, а они зарегистрировались в пентхаузе в Арлингтоне и валяют дурака.

Оскар нахмурился.

— Это непрофессиональное поведение.

— Они не профессионалы. Вы можете положиться на меня, вы можете положиться на Мулнье. Ладно, скажем, Мулнье уже не тот, что был лет десять назад, — но вы были со мной откровенны, и если вы хорошо соображаете, то будете иметь сто процентов поддержки в нашем Комитете. Вы будете иметь поддержку, даю вам слово.

— Это все, о чем я прошу. — Оскар сделал шаг назад. — Я рад, что мы достигли взаимопонимания.

Накамура бросил взгляд на часы.

— И прежде чем мы начнем, хочу сообщить вам, Оскар, что для меня ваше происхождение не имеет значения. Пока я во главе этого Комитета,

этот вопрос не всплывет.

Городской дом Бамбакиаса был расположен на Нью-Джерси-авеню, к югу от Капитолийского холма. Оскар прибыл туда как раз, когда уезжала пресса. Район Нью-Джерси-авеню находился под тщательным контролем, здесь редко случались беспорядки и до сих пор сохранялась городская инфраструктура. Дом, где жили Бамбакиасы, был исторической достопримечательностью, его возраст насчитывал более двух сотен лет. Конечно, для них и их многочисленной обслуги помещение было маловато, однако Лорена не зря была специалистом по интерьеру. Она могла себе это позволить.

Как профессионал Оскар придерживался твердого принципа не спать с супругами кандидатов. По необходимости жена кандидата также становилась фигурой в игре. Лорена была игроком до мозга костей, хотя одновременно легко поддавалась внушению. Чтобы ею можно было управлять, следовало выслушивать ее советы с выражением внимания на лице и честным видом, поддерживая ее убеждение в том, что у нее на руках сплошные козыри. Поскольку для всех, кто знал Оскара, козырями были сведения о его происхождении, все считали, что имеют против

него убийственно сильные карты. Все верно. И он никогда не ставил Ло-рену в ситуацию, когда бы у нее возникла необходимость разыграть козыри.

Из-за голода глаза Лорены блестели особенно сильно, а оливковая кожа казалась покрытой блестящей прозрачной пленкой. Лорена не была аристократкой по происхождению — она была в действительности дочерью исполнительного директора фирмы здоровой пищи в Кембридже, — однако худоба и искусно наложенный макияж придавали ей вид возвышенного и неземного создания с портретов Гейнсборо.

Ослабевшая от длительного голода, Лорена полулежала, откинувшись на кресле с желтой шелковой обивкой.

— Как хорошо, Оскар, что ты нашел время меня навестить, — томно сказала она. — Нам редко выпадает возможность поговорить наедине.

— Здесь все выглядит чудесно, — сказал Оскар. — Я не мог дождаться момента, когда смогу увидеть твой дизайн.

— А-а, обычная работа, — ответила Лорена. — Я хотела бы сказать, что это было интересно, но нет — просто еще один дизайн. Мне не хватает общения, какое было во время кампании.

— В самом деле? Как мило.

— Мне так нравилось быть с народом. И по крайней мере, мы там нормально питались. А теперь… ну теперь мы планируем гостевые приемы. Мы сейчас — сенатор и мадам Бамбакиас и должны сидеть в этом пустом унылом доме долгих шесть лет, планируя выходы в светское общество, — она окинула взглядом персикового цвета стены гостиной с тем задумчивым видом, с каким автомеханик оглядывает машину. — Мой собственный вкус ближе к трансцендентально-современному, однако, здесь я сделала все в стиле федеральной эпохи. Множество шкафов из американского черного ореха, секретеры, стулья со спинками, украшенными с вензелями. В тот период можно было найти кое-какие хорошие материалы, если не сбиваться на неоклассический стиль.

— Очень хороший выбор.

— Мне надо было создать атмосферу ответственности и гибкого реагирования. Очень сдержанно, в духе американской республики, но в то же время никакого китча, никакого колониального стиля. Настоящий Бостон, как ты считаешь? — но в то же время не слишком много Бостона. С таким ансамблем, как здесь, кое от чего пришлось отказаться. Приходится идти на

жертвы. Нельзя получить все сразу. Элегантность требует ограничений.

— Да, конечно.

— Мне пришлось отказаться от бинтуронга.

— О, нет, — воскликнул Оскар, — не от Стикли!

— Знаю, ты много хлопотал, чтобы достать мне Стикли, и он в самом деле милое создание. Но здесь, в доме, нет ни одной комнаты, которая сгодилась бы животному. Открытый террариум на свежем воздухе — у меня была такая идея — это бы подошло. Но этот клон никак не вписывается. Он не из того времени. Он — отклонение.

— Ладно, что поделать, — ответил Оскар. — Знаешь, я не думаю, что кто-либо хоть раз возвратил животное в Коллабораторий. Это будет очаровательный жест.

— Я могу приобрести кого-то из небольших по размерам клонов — вроде летучей мыши или крота… Только не думай, что мне не нравится Стикли. Он очень хорошо себя ведет. Но знаешь? С ним что-то странное.

— Это нейронная имплантация, которую они делают в Коллабораторий, — объяснил Оскар. — Все, что касается агрессии, питательного рефлекса и дефекации. Если управляешь этими потребностями, то управляешь любым диким

животным. К счастью, эти структуры схожи у большого класса млекопитающих.

— И у человека, так я понимаю.

— Конечно. — У Оскара зазвонил телефон, но он из вежливости тут же выключил его, не отвечая на звонок.

— Нейроконтроль над питанием — это продвинутая область, — заметила Лорена. — Я сейчас сижу на таблетках, убивающих аппетит. Они на нейрооснове.

— Да, все что связано с «нейро» — это передовые технологии.

— «Нейро» звучит очень приятно.

Таким образом она давала ему понять, что знает о Грете. Ладно, пусть. За исключением того, что Лорена была также в курсе его отношений с Кларой. Клара обеспечила Лорене хорошую прессу. Так что Лорена, скорее, может взять сторону Клары. Но только, если в этом будет какая-то выгода для Лорены. К тому же Клары сейчас рядом нет…

Зазвонил телефон Лорены. Она сразу ответила.

— Да? Что? О боже! Господи! А как воспринял Элкотт? Ах, бедняга! Это ужасно! Ты уверен? Точно? Ладно, все в порядке. Спасибо. — Лорена чуть помедлила. — Ты не хочешь поговорить с Оскаром Вальпараисо? Он сейчас здесь, у меня.

Нет? Очень хорошо. — Она повесила трубку.

— Это Леон Сосик, глава нашей администрации, — объяснила она, засовывая телефон в ручку кресла. — Полная перемена в нашей голодовке.

— Почему?

— Это все база ВВС. Там открыли случайную стрельбу. Потом было отравление каким-то токсичным газом. Они эвакуировали всю базу.

Оскар выпрямился на стуле красного дерева срезной спинкой в форме лиры.

— Эвакуировали? Именно так?

— Федеральные войска оставили базу. Они бежали, спасая свою жизнь. Так что, естественно, эти жуткие пролы сразу же ввалились туда толпой, они только и ждали этого. — Лорена вздохнула. — Значит, все позади. Все кончено. Наконец-то. — Она спустила ноги с кресла и села, приложив ко лбу тонкое запястье. — Господи, все позади!

Оскар нервно пригладил волосы.

— Господи, что же дальше?

— Ты смеешься? Иисусе, дальше я буду есть! — Лорена позвонила в колокольчик, стоявший рядом с ее чайным прибором. Появилась девушка из прислуги, новая. Во всяком случае, Оскар видел ее впервые.

— Эльма, принеси мне пирожных к чаю. Нет, принеси лучше легкую закуску и клубнику в шоколаде. Принеси мне… ах, ладно, какое это имеет значение, принеси мне сэндвич с ростбифом. — Она подняла взгляд на Оскара. — Ты хочешь чего-нибудь?

— Я бы не отказался от кофе и теле новостей.

— Отличная мысль, — Лорена повысила голос. — Система?

— Да, Лорена, — ответила домашняя система.

— Пришли нам экран, пожалуйста.

— Да, Лорена, сейчас.

— Я не могу держать здесь полный штат прислуги, — извиняющимся тоном пояснила Лорена. — Поэтому пришлось установить автомат. Система еще совсем новая, не обученная и глупая. Впрочем, по-настоящему умных домашних систем не бывает, сколько их ни тренируй.

Телевизионный корпус орехового дерева показался на покрытых ковром ступеньках.

— Очень милый корпус, — заметил Оскар. — Мне не доводилось видеть реагирующей мебели, сделанной в стиле федерального периода.

Телевизор поднялся по ступенькам и замер на мгновение на пороге, оценивая пространство комнаты. После некоторых раздумий два стула

на изогнутых ножках, перебирая ими по паучьи, быстро подвинулись, уступая дорогу. Чайный столик на колесиках откатился вбок с мелодичным звоном. Телевизор продвинулся в комнату и расположился так, чтобы сидящим людям было удобнее смотреть.

— Боже мой! Да они реагирующие! — воскликнул Оскар. — Я бы мог поклясться, что это деревянные ножки.

— Они деревянные. То есть покрытые деревом гибкие ножки. Подбирать мебель в стиле эпохи — это, конечно, хорошо, но я же не могу жить тут, как в каменном веке. — Она подняла руку в обтянутом шелковом рукаве, и позолоченная панелька управления соскочила со стены и влетела в ее ладонь. Она протянула ее Оскару.

— Поищи что-нибудь. Какую-нибудь приличную передачу. Я в них слабо разбираюсь.

— Позвони Сосику и спроси, что именно он смотрел.

— А, конечно. — Она улыбнулась с некоторым трудом. — Имея лоцмана, можно не бояться волн.

PR-средства быстрого реагирования были уже задействованы Хью. Луизианский администратор по экологической безопасности давал

официальный отчет о «бедствии». По его словам, процедуры по обеспечению безопасности на «покинутой воздушной базе» не проводятся за ненадобностью. На базе возник небольшой пожар, что привело к взрыву распылителей не летальной аэрозоли для борьбы с демонстрантами. Аэрозоль содержала дезориентаторы, вызывающие панику, не была токсична, не имела запаха, она использовалась как безопасное средство для расчистки улиц в городах третьего мира. К медицинской палатке вели дрожащих от ужаса и что-то бормочущих молодых солдат ВВС, находящихся под воздействием веществ, вызвавших параноидальную реакцию. Местные жители несли койки, одеяла и транквилизаторы. Полный патетики федеральный чиновник был преисполнен дружеского участия.

— Невероятно! — сказал Оскар.

Лорена, прожевывая пирожное, пробормотала:

— По-моему, это не очень похоже на реальность.

— О, какое-то сходство должно быть. Хью достаточно умен, чтобы организовать все это. У него были свои агенты на базе, кто-то из них мог организовать пожар и отравить военных их собственным оружием. Это вредительство. Хью

потерял терпение и решил их просто отравить.

— Добровольно отравил газом федеральные воска?

— Да, только следов, ведущих к нему, там не отыщут.

— Мне понятны те, кто действует из-за угла, — заметила Лорена, глотая клубнику в шоколаде. — Вот кого я никогда не могла понять, так это тех сумасшедших, что лезут в открытую драку. Это отдает Средневековьем.

Сосик загрузил им передачу, из которой он узнал новости. Они внимательно просматривали кадры. Европейцы сумели великолепно заснять момент, когда орды пролов врываются в черных масках на базу ВВС. На Регуляторов, как ни странно, аэрозоль не действовала.

Кочевники не теряли времени даром. Бесконечная череда грузовиков выстроилась у базы — судя по внешнему виду, это были непригодные к использованию старые бензовозы. Дружными усилиями, вручную, пролы нагружали свои машины. Они опустошали базу с неутомимым упорством муравьев, волочащих мертвую землеройку.

— Могу кое-что предсказать, — объявил Оскар. — Завтра губернатор сделает вид, что

страшно обеспокоен всем этим. Он пошлет свои войска на место «для восстановления порядка». Его милиция приберет к рукам базу — после того как Регуляторы обдерут ее до нитки. Когда Вашингтон поинтересуется, что там происходит, все уже останется в далеком прошлом и разобраться, чья вина, будет невозможно.

— Зачем Хью делает это? Это сумасшествие.

— С его точки зрения, в этом есть смысл. Он хотел заполучить эту базу, потому что она обеспечивала его дополнительными доходами. Федеральное финансирование плюс рабочие места по обслуживанию базы. Однако Чрезвычайный комитет вычеркнул базу из списка финансируемых. Таким образом они выбросили его из игры. Хью не мог снести неуважения, а потому начал эскалацию напряженности. Сначала заставы на дорогах, потом отключение электропитания. Потом быстрая осада. Он поддавал жару шаг за шагом. Тем не менее, ему не удалось добиться своего и он попросту присвоил себе базу.

— Но эти грязные пролы не смогут использовать ее по назначению. Вся его милиция, вместе взятая, не сможет запустить базу, заставить ее работать.

— Верно, но в его распоряжении будет ценная

информация. Продвинутые технологии в авионике, чипы, софт, схемы организации воздушного боя и так далее. Вся передовая военная кухня. Если федералы вновь его обидят, он может использовать против них новые методы ведения войны.

— Вот оно что. Понятно.

— Поверь мне, он все тщательно обдумал.

Принесли сэндвич с ростбифом, горчицей, зеленью и политой соусом жареной картошкой. Как, только девушка удалилась, Лорена с вежливой улыбкой подцепила на вилку кусок жареного мяса, но вдруг рука ее дрогнула, и она положила еду обратно на тарелку.

— Элкотт будет в отчаянии. Мы так старались предотвратить это.

— Я знаю.

— Мы просто не смогли заставить их всерьез отнестись к фактам. Хотя мы добились максимума, на который были способны — подняли на ноги всю прессу, сделали все, только что не отправились сами на эту базу и не осадили ее. Хью просто сумел опередить нас. А Элкотт все еще не дал присягу! И даже после его присяги мы все равно будем вынуждены иметь дело с проклятыми чрезвычайными комитетами. Не говоря уже о

тайной оппозиции. Кроме того, федеральное правительство сейчас попросту проигрывает… Это ужасно, Оскар, все это действительно ужасно!

— Я сегодня уезжаю в Бостон. Мы что-нибудь придумаем. Голодовка позади, но, честно говоря, мне эта идея с самого начала не слишком нравилась. Не беспокойся. Просто сосредоточься на том, чтобы вновь окрепнуть, набраться сил. Еще ничего не проиграно.

Она с благодарностью взглянула на него. Он продолжал просматривать другие передачи, пока она расправлялась с сэндвичем.

Наконец Лорена отставила тарелку и откинулась на спинку желтого кресла, ее глаза теперь блестели от удовольствия.

— Оскар, а как прошла твоя первая встреча в Комитете? Я даже не спросила. Ты наверняка постарался быть неотразимым?

— О, господи, нет, конечно! Они терпеть не могут блестящих выступлений, им это не по душе. Я долго и нудно пересказывал факты, пока они не устали и не отключились. Потом мой начальник заставил их всех проголосовать «за». Сначала я просил его сделать семимильный шаг вперед, он же согласился уступить лишь пядь. Однако эта пядь и была тем, что мне нужно было в первую

очередь. Так что, можно считать, все прошло очень успешно. У меня почти развязаны руки.

Она рассмеялась.

— Ты ужасный человек, Оскар!

— Нет необходимости блистать, если это не улучшает ситуации. Сенатор предпринял блестящий шаг с этой голодовкой, но теперь Элкотту придется научиться вести себя более тупо. Романтические люди блистательны, артисты блистают. Политики умеют извлекать выгоду из тупости.

Лорена задумчиво кивнула.

— Уверена, что ты прав. Будь поласковей с Элкоттом, ладно? Ты ведь понимаешь его. Ты всегда мог говорить с ним разумно. Ты сможешь подбодрить его теперь. Он совершенно разбит.

— А ты, Лорена, ты не чувствуешь себя подавленной?

— Нет, я в порядке, я по горло сыта этими диетическими таблетками. Но Элкотт, он же совсем другой! Он все воспринимает очень серьезно. Он впал в депрессию. Я не могу быть рядом с ним сейчас. Когда он в депрессии, он начинает вести себя по-идиотски в смысле секса.

Оскар внимательно слушал, не говоря ни слова.

— Было очень неосмотрительно со стороны

Леона Сосика позволить Элкотту начать голодовку. У Элкотта тысячи разных идей, но на то и существует глава администрации, чтобы не позволить ему делать всякие глупости. И Оскар, если ты возьмешь с собой эту сладенькую Мойру обратно в Бостон, где меня не будет, чтобы за ней присмотреть, то ты тоже сделаешь глупость.

Оскар прекрасно знал Бостон, так как во время выборов в муниципальный совет изъездил улицы города вдоль и поперек. Бостон был здоровый, культурный и здравомыслящий город, если сравнивать его с другими американскими городами. Бостону было чем гордиться. Отлично функционирующий финансовый квартал.

Тихие образцовые зеленые парки. Настоящие серьезные музеи, организованные и поддерживаемые людьми, не желавшими утратить связь с прошлым. Скульптуры, насчитывающие по несколько сотен лет. Работающий и приносящий доход театр. Рестораны, куда не пускают, если ты не одет соответствующим образом. Настоящие жилые кварталы с действующими барами.

Конечно, в Бостоне имелись и менее приятные места: Боевая зона, полузатопленная дамба… но всегда, возвращаясь, домой, Оскар испытывал искреннее удовольствие. Он никогда не скучал

по великолепию Лос-Анджелеса. Что касается бедного старого Вашингтона, то тот соединял в себе тусклость Брюсселя с суетливостью Мехико. О Восточном Техасе и говорить нечего, Оскар с содроганием думал о том, что ему придется туда опять вернуться.

— Мне будет не хватать нашего автобуса, — сказал Оскар. — У меня чувство, словно я что-то теряю. Будто я теряю целую группу камней в го.

— Разве ты не можешь купить себе собственный автобус? — спросила Мойра, поправляя стильный воротник пальто наманикюренными пальцами.

— Конечно могу, если они вытащат из него всю эту электронику ручной работы, — ответил Оскар. — Но вряд ли это произойдет. Кроме того, я потерял старину Джимми.

— Вот уж невелика потеря. Джимми — неудачник. Никому не нужный тип… Да таких Джимми в мире миллиарды.

— Да, потому он так и важен для меня.

Мойра пожала плечами и презрительно фыркнула.

— Я слишком много времени провела в твоем обществе, Оскар. И мне надоело жить под твоим присмотром. Я не могу понять, зачем тебе хочется

заставить меня чувствовать себя виноватой.

Оскар не хотел дать ей спровоцировать его. Они вышли из автобуса в квартале федеральных демократов и мирно шли по зимней улице в сторону его городского дома в Бэк-Бэй, и он радовался про себя такой прогулке.

— Я не собираюсь заставлять тебя чувствовать себя виноватой. Разве я осуждаю тебя? Я вполне терпим, я всегда действовал в твоих интересах. Разве не так? Разве я когда-нибудь говорил тебе что-то о твоих отношениях с Бамбакиасом?

— Да, ты говорил! Ты вот так поднимаешь брови и смотришь!

Оскар приподнял брови, поймал себя на этом и быстро опустил их. Он терпеть не мог споров. Они всегда будили в нем самое худшее.

— Слушай, но это не моя ошибка. Это он нанял тебя, а не я. Я только пытался дать тебе понять — весьма тактично, — что не стоит затевать вещи, которые потом могут обернуться против тебя. Ты должна была это понимать.

— Я и понимала.

— Ну, ты и должна была понимать! Спикер кампании занимается сексом с женатым сенатором! Из этого, ясное дело, ничего не могло получиться!

— Ну, это был не просто секс… — Мойра поморщилась. — И он тогда еще не был сенатором. Когда я запала на Элкотта, он был отстающим кандидатом на выборах, имевшим пять процентов голосов. Его команда состояла из явных неудачников, а главный менеджер был юнцом, который никогда не вел кампании такого масштаба. Безнадежный случай. Но я все равно осталась с ним. Я просто думала, что он наивный, блестящий, очаровательный парень. У него доброе сердце. Он слишком хорош, чтобы стать каким-то чертовым сенатором!

— А, так ты считала, что он проиграет на выборах?

— Да. Он должен был проиграть, и тогда эта сука оставила бы его. А я надеялась, я воображала, что тогда я была бы с ним. — Мойра передернула плечами. — Слушай, я люблю его! Я влюблена в него. Я работала как вол. Я отдала ему все. Я просто никогда не представляла себе, что все может вот так обернуться.

— Прошу прощения! — сказал Оскар. — Конечно, это целиком моя ошибка! Как же я не предупредил тебя о том, что намерен выиграть предвыборную кампанию и обеспечить парню федеральную должность!

Мойра молчала, пока они пробирались сквозь плотную толпу пешеходов на Коммерсиал-авеню. Деревья стояли мертвые и голые, люди оживленно делали покупки перед Рождеством, в свете фонарей мелькали падающие снежинки.

Наконец она вновь заговорила.

— Люди не могут тебя раскусить с первого взгляда. Они не подозревают, что за приличным костюмом и модной прической скрывается циничный выродок.

— Мойра, я был с тобой совершенно честен. Во всем. Честнее быть просто невозможно. Это ты меня покидаешь. Ты покидаешь не его! Он никогда не был твоим. Он не принадлежит тебе. Ты покидаешь меня! Ты покидаешь мою команду. Ты изменяешь нам.

— Ты что — страна? Приди в себя! Я ему изменяю! — Мойра остановилась, глаза ее засверкали. — Дай мне спокойно уйти! Дай мне нормально пожить! Ты просто больной! Ты спятил, контролируя всех и вся! Тебя надо лечить!

— Хватит меня провоцировать. Это ты ведешь себя как ребенок.

Они завернули за угол Мальборо-стрит. Это была улица, где располагался его дом, , улица, где он жил. Пора испробовать какой-то другой подход.

— Слушай, Мойра, я ужасно сожалею, что ты так переживаешь из-за сенатора. Предвыборная кампания была напряженная, все устали, все немного не в себе. Но эта кампания уже позади, и пора пересмотреть позиции. Ты и я — мы были хорошими друзьями, мы прошли вместе через всю эту долгую борьбу, и мы вовсе не превратились во врагов. Попробуй быть разумной.

— Я не могу быть разумной. Я влюблена.

— Слушай, понимаю, ты уже вне команды, и принимаю это. Но я все еще могу что-то сделать для тебя. Я хочу предложить тебе пожить в моем доме, бесплатно. Разве это будет не по-дружески? Если ты беспокоишься насчет работы, мы можем найти что-нибудь в местных организациях федеральных демократов. И ты сможешь опять участвовать в новой кампании, когда придет срок. Когда будут следующие выборы, ты сможешь опять работать на Бамбакиаса в качестве спикера!

— Ненавижу тебя за эти слова!

— Слушай, ты не можешь…

— Ты омерзителен! Ты слишком далеко зашел на этот раз. Я ненавижу тебя!

— Я ведь предлагаю это ради тебя самой. Послушай, она в курсе всего! Если ты хотела найти

себе врага, то ты его получила, и крупного. Она настроена против тебя.

— Ну и что? Я знаю, что ей все известно.

— Она сейчас — жена сенатора, и она настроена против тебя. Если ты опять перебежишь ей дорогу, она просто раздавит тебя, как мошку!

Мойра разразилась ненатуральным смехом.

— И что она сможет сделать? Убить меня? Оскар вздохнул.

— У нее на тебя компромат по поводу всяких лесбийских дел.

Мойра задохнулась от удивления.

— Ну и что? У нас что, двадцатый век? Да никому нет до этого никакого дела!

— Она устроит утечку информации в прессу. Никто иной не умеет так раздуть дело, как Лорена. У нее прекрасные отношения с Капитолийским пресс-центром, они могут тебя так изукрасить, что даже вампирам станет тошно.

— Ах вот как? Ну и отлично. У меня тоже есть связи. И если она вытолкнет меня, то я вытолкну тебя. Я подставлю тебя и твою уродину — подружку-гения! — Она ткнула в его сторону ярко-красным ногтем. — Ха! Ты не можешь угрожать мне! Ты — манипулирующий подонок! Мне все равно, что будет со мной! Но я разрушу твои

махинации! Ты даже не человек! Ты никогда не рождался! Я подкину это в прессу, и твоя уродина днет про-кля… тьфу ты черт, проклянет день, когда с тобой связалась!

— Очень патетично, — заметил Оскар. — Но ты все потеряешь.

— Я сильная. — Мойра задрала подбородок. — Моя любовь делает меня сильной.

— Какого черта ты себе это вообразила? Ты не виделась с ним уже больше шести недель!

Полные слез глаза смотрели на него с торжеством.

— Мы переписывались по электронной почте. Оскар хмыкнул.

— Ах вот как! Ладно, мы этому положим конец. Ты совсем сошла с ума! Я не могу позволить тебе шантажировать меня просто потому, что ты подорвешь не только мою карьеру, но и карьеру человека, на которого я работаю. И что тебе ударило в голову? Невероятно! А, ладно, черт с тобой! Делай что хочешь!

— И сделаю! Сделаю! Я вышвырну тебя!

Оскар резко остановился на тротуаре. Она пошла вперед, затем обернулась, глядя на него сверкающими глазами.

— Вот мой дом, — показал Оскар.

— Да?

— Слушай, давай зайдем? Выпьем по чашечке кофе. Я знаю, как это ранит, когда рушатся отношения. Но ты справишься с этим. Просто надо сконцентрироваться на чем-нибудь другом.

— Ты что, думаешь, я марионетка? Восковая кукла? Да я люблю его! Ты, мерзавец!

На противоположной стороне улицы что-то громко хлопнуло. Оскар не обратил внимания. У него был шанс, и он хотел его использовать. Если удастся уговорить Мойру зайти, у нее будет возможность мирно выплакаться. А если она выплачется, то спокойно выскажет все, что наболело. Напряжение спадет, она справится с внутренним кризисом.

Еще один громкий хлопок. Большой кусок кирпича отлетел от арки над дверьми.

— О, черт! — воскликнул он. — Что это? Еще один хлопок.

— 0-х! — охнула Мойра. Ее сумочка вдруг слетела с плеча. Она подняла ее с тротуара — посреди сумки зияла дыра. Мойра повернулась и глянула на другую сторону улицы.

— Он стреляет в меня! — завопила она. — Он прострелил мою сумку!

Седовласый старик с металлическим костылем

стоял, совершенно ни от кого не скрываясь, на противоположном тротуаре. Он стрелял в них из пистолета. Он был виден очень отчетливо, так как все лампы на их улице, привлеченные звуками выстрелов, развернулись на шарнирах и стреляющий оказался в перекрестных лучах ослепительного света.

Два похожих на летучих мышей полицейских аппарата вынырнули из сервисного центра. Они мгновенно рванули к стрелявшему. Он упал, как только они пролетели над ним.

Оскар открыл дверь и запрыгнул внутрь. Затем, схватив Мойру за руку, втащил ее за собой и быстро захлопнул за ними дверь.

— Ты ранена? — спросил он.

— Он прострелил мою сумку! Ее била сильная дрожь.

Оскар внимательно осмотрел женщину с ног до головы. Юбка, жакет, шляпа. Сумка цела, никакой крови.

Внезапно колени Мойры подогнулись, и она сползла на пол у дверей. Снаружи раздался вой полицейских сирен.

Оскар аккуратно повесил шляпу и сел на корточки рядом с ней, уперевшись локтями в колени. Это было замечательно — вновь оказаться дома.

Здесь было холодно и пыльно, но дом пах домом, и это действовало успокаивающе.

— Все в порядке, все прошло, — сказал он. — Здесь безопасная улица, полицейские уже справились с ним. Дай-ка я включу домашнюю систему, и мы сможем взглянуть, что там делается.

Мойра позеленела.

— Мойра, все уже в порядке. Я уверен, они его поймали. Не волнуйся. Я здесь рядом.

Никакого ответа. Она выглядела смертельно напуганной. Пузырек слюни показался у нее изо рта.

— Я ужасно огорчен, что так вышло, — сказал он. — Опять сетевые преследователи. Слушай, это то же самое, что было в Коллаборатории. Мне следовало сообразить, что кто-нибудь из сумасшедших достанет мой домашний адрес. Если бы с нами был Фонтено, ничего подобного бы не случилось.

Мойра откинулась назад, стукнувшись головой о дверную обшивку.

Оскар наклонился и постучал ногой по прочной двери.

— Пуленепробиваемая, — объяснил он. — Теперь мы в безопасности. Это замечательно. Мне

нужен новый менеджер по безопасности, вот и все. А то и вправду могут убить. Я неверно расставил приоритеты. Извини…

— Они пытались убить меня…

— Нет, Мойра, не тебя. Меня. Вовсе не тебя. Это меня.

— Мне плохо, — простонала она.

— Я сейчас принесу чего-нибудь. Может быть, бренди?

Раздался громкий настойчивый стук в дверь. Мойра попыталась отодвинуться подальше от двери.

— О, господи! Нет! Не открывай!

Оскар взял в руки панель дверного монитора. Удаленная видеокамера включилась, показывая стоящий у дверей полицейский мотоцикл и женщину в форме бостонской полиции, в каске и шерстяном голубом пиджаке. Оскар спросил по интеркому:

— Чем могу быть полезен, офицер?

Коп сверилась с голубым экранчиком у нее в руках.

— Вы — мистер Вальпараисо?

— Да, офицер.

— Откройте, пожалуйста, дверь, полиция.

— Я могу взглянуть на ваш ID?

Офицер предъявила голографическую ID-карту. В ней сообщалось, что они имеют дело с сержантом Мэри Элизабет О'Рейли.

Оскар открыл дверь, нечаянно сильно стукнув Мойру по коленке. Мойра взвизгнула и вскочила, сжав кулаки.

— Пожалуйста, входите, сержант О'Рейли! Спасибо, что прибыли так быстро.

— Я была по соседству, — ответила женщина-полицейский, заходя внутрь. Она старательно поворачивала во все стороны голову в каске, методично сканируя с помощью видео помещение.

— У вас нет никаких повреждений?

— Нет.

— Система засекла людей, готовящих нападение. Похоже, они охотились за вами. Я взяла на себя смелость просмотреть предыдущие записи. Вы и эта женщина о чем-то спорили.

— Действительно. Но это не имеет отношения к делу. Я служащий Сената, и нападение имеет политический смысл. — Оскар махнул рукой в сторону Мойры. — Наш так называемый спор имел частный характер.

— Покажите, пожалуйста, ваш ID.

— Конечно. — Оскар достал бумажник.

— Нет, не ваш, мистер Вальпараисо. Я имела в

виду не проживающую здесь белую женщину.

Мойра машинально схватилась за сумочку и судорожно прижала ее к груди.

— Он прострелил мою сумку… Оскар попытался вразумить ее.

— Но твой ID все еще там. Это законное требование со стороны офицера, следящего за общественной безопасностью. Ты должна показать ID.

Мойра молча смотрела на него, потом вдруг глаза ее засверкали от бешенства.

— Ты ненормальный! Ты совершенно ненормальный!

Оскар повернулся к копу.

— Я могу поручиться за нее. Это Мойра Матараццо, она у меня в гостях.

— Ты не можешь так себя вести! — взвизгнула Мойра. Она вдруг прыгнула к нему и толкнула в плечо. — Он пытался убить тебя!

— Ну, он промахнулся.

Мойра схватила сумочку двумя руками и с силой огрела ею Оскара по голове.

— Ну хоть испугайся дурак! Как я! Веди себя нормально!

— Прекратите! — скомандовала коп. — Прекратите бить его!

— Ты что, сделан изо льда? Ты не должен быть

таким! Никто не может так быстро прийти в себя, когда в него стреляли.

Она снова ударила его сумочкой. Оскар отодвинулся назад, вытянув руки, чтобы заслониться от удара.

— Прекратите, — сказала коп тоном, не допускающим возражений. — Прекратите его избивать!

— У нее истерика, — выдохнул Оскар. Он отбил еще один удар.

Коп подняла распылитель и выстрелила. В воздухе появилось облачко газа. Веки Мойры дрогнули и мгновенно закрылись — она упала на пол.

— Она действительно в нервном состоянии. Вам надо было сделать на это скидку.

— Мистер Вальпараисо, я понимаю ваши чувства, — сказала офицер О'Рейли. — Но я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Она не подчинилась мне после двух прямых предупреждений. Это недопустимо. У городской полиции есть четкие инструкции по поводу домашних ссор. Если мы имеем дело с применением физической силы, то отправляем обидчика охладиться в камере. Вы меня поняли, сэр? Это полиция. Никаких «если», «или», «но». Она находится под арестом.

— Просто она была в очень расстроенных чувствах. В нас стреляли.

— Этот факт я полностью осознаю. Вам надо обсудить этот инцидент с нашим тактическим подразделением спецсредств. Я простой мотоциклетный патруль. — Она помолчала. — Не беспокойтесь, люди из подразделения уже здесь. Они очень быстро реагируют на вооруженное нападение.

— О, все верно, — заверил ее Оскар. — Не сочтите меня неблагодарным. Очень смело с вашей стороны не побояться прибыть немедленно на место стрельбы. Это очень хорошо вас характеризует.

Офицер О'Рейли коротко улыбнулась.

— Ну, машины вылетели сразу, как только засекли выстрел. Тот, кто стрелял, уже под стражей.

— Прекрасная работа!

Офицер задумчиво посмотрела на него.

— С вами все в порядке?

— Почему вы спрашиваете? — Он помолчал. — А! Да, конечно! Да, я очень всем этим расстроен. Это четвертое покушение на меня за последние три недели. Мне следовало объяснить ситуацию местным властям. Но я приехал в город лишь

час назад.

Мойра на полу пошевелилась и слегка застонала.

— Вам помочь отнести ее в машину?

— Да, хорошо бы, мистер Вальпараисо. Думаю, мы вдвоем управимся.

Полицейские в отделении были с ним предельно вежливы. Вежливы, но неумолимы. Оскар, подробно рассказав им историю три раза подряд, мог наконец расслабиться.

Он пережил состояние некоего убыстрения сознания. Нет, конечно, с ним это случалось не впервые — такое бывало и в детстве. Ничего страшного или угрожающего, просто это были состояния, не входившие в число стандартных состояний человеческого сознания.

Иногда Оскару нравилось представлять себе, как он блестяще справляется с ситуацией, несущей опасность. Но это было только в воображении. Он не блистал в случаях опасности. Он просто действовал очень быстро. Он не был гением. Он просто думал чуть быстрее, его внутренняя тактовая частота была несколько более быстрой, чем обычно. Сейчас, когда ускорения больше не было, его внезапно затрясло — несмотря на все торжественные заверения полиции о суперна-

блюдении и мотоциклетном контроле.

Его убийца — жертва сенильной паранойи — почти достиг цели и чуть было не застрелил его. А он, Оскар, даже не среагировал. Он не отреагировал на стрельбу. Он был как бревно.

Оскар поднялся по ступенькам в кабинет на третьем этаже. Он отпер ящик письменного стола и достал заветную записную книжку, к которой прибегал только в критических ситуациях. К ней прилагалась антикварная ручка «Уотерман». В такие моменты, как сейчас, ему очень помогало составление списка. Не на экране лэптопа. С помощью ручки. Он разложил записную книжку на письменном столе в стиле Эро Сааринена и начал писать.

Приоритет A. Стать главой администрации Бамбакиаса.

B. Реформа Коллаборатория. Внутренний переворот. Чистка. Убрать старую гвардию. Жестко урезать бюджет, реформировать финансовую политику. NB: если повезет, то не понадобятся обращения за финансированием в Комитет.

C. Хью. Можно ли с ним справиться? Обдумать все возможные меры противодействия.

D. Расширить команду. Прекратить дезертирство. NB: отель в Буне может приносить доход. NB:

прежде всего нанять нового шефа безопасности. Такого, на кого можно положиться.

E. Вернуть федеральным демократам автобус, заплатить за перекраску.

F. Грета. Побольше секса, поменьше электронной почты. NB: визит в Бостон — обязательно!!! Послать людей из команды, чтобы договорились обо всем по поводу конференции. NB: использовать ВСЕ выпадающие дни, настоять на этом. NB: подготовить почву в Буне, чтобы она могла бывать ВНЕ Лаба — какую-нибудь хитрую болезнь. PS. Думаю, я ее люблю.

G. Найти смотрителя за домом.

H. Вернуть глупое животное в Буну, придумать подходящую историю. NB: избежать всякого намека на коррупцию.

I. Я действительно хочу остаться в живых, а не быть убитым из-за натравливания по Сети. NB: этот вопрос заслуживает более высокого приоритета.

J. Кто, черт возьми, организовал налет на Вустерский банк? NB: рациональная игровая стратегия невозможна, когда части невидимы, смутны или нематериальны.

K. Необходимо покончить с чрезвычайными комитетами. Они являются основным источни-

ком противостояния Бамбакиаса и Хьюгелета. Американская политическая ситуация в принципе неисправима, пока конституциональные права узурпируются безответственными органами. NB: даже должность главы администрации не спасает от их капризов.

L. Сен. Бамбакиас — голодовка вызывает состояние физической депрессии?

Оскар посмотрел на список. Он использовал почти половину букв алфавита и почувствовал, что даже воздух вокруг него сгустился от ощущения непредсказуемости.

Всего этого было слишком много. Это был хаос, сумасшествие, крутящийся клубок.

Все было слишком сложно. И совершенно не поддавалось управлению. Если только… если только не автоматизировать некоторые процессы. Некоторая реструктуризация. Проанализировать кризисные направления. Децентрализация. Кооптация. Мыслить более широко.

Но тогда встает вопрос о многих других. О тех, кто зависит от него. Он должен передать…

Нет, ничего не выйдет. Он окружен. С ним покончено, это конец, поражение. У него нет никакой возможности найти правильный выход. Ничто не двигается с места.

Нет, он должен сделать хоть что-то. Пусть это будет какая-то простая вещь, но он покончит хотя бы с одной проблемой.

Оскар поднял трубку настольного телефона. На звонок ответила секретарь Лорены. Нет, он еще поборется.

— Прости, Оскар, — ответила Лорена, — у меня Элкотт на другой линии. Могу я перезвонить тебе попозже?

— Это займет совсем немного времени, важный вопрос.

— Да?

— У нас новости. Мойра в тюрьме, здесь в Бостоне. Я пытался вразумить ее насчет нынешней ситуации. Она вышла из себя, впала в агрессию. К счастью, поблизости оказался полисмен. Бостонские копы забрали Мойру в тюрьму.

— О боже, Оскар.

— Я не хочу выдвигать против нее обвинений, но не собираюсь ей этого сообщать. Думаю, будет лучше, если ты возьмешь это на себя. Пора тебе подключиться. Мойра страдает. Я изображаю гнев, а ты играешь роль доброго ангела. Понимаешь? Ты утешаешь ее, все устраиваешь, успокаиваешь. Вот как мы это разыграем, и тогда все сработает.

— Ты шутишь? Позволить ей вернуться?

— Нет, не шучу. Я предлагаю тебе раз и навсегда решить эту проблему. Подумай хорошенько.

На том конце трубки воцарилось задумчивое молчание.

— Да, конечно, ты прав! Это лучший способ справиться с ситуацией.

— Мне придется немного поскрежетать зубами, но дело того стоит.

Задумчивая пауза.

— Ты действительно удивительный человек, Оскар.

— Это часть моей работы, мадам.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Хотя да. Скажи мне кое-что. Мой голос сейчас слышен нормально?

— Для зашифрованной линии просто прекрасно.

— Нет, я имею в виду, я не слишком быстро говорю? Это не похоже на жалобный скулеж?

Лорена понизила голос и зашептала в трубку.

— Нет, Оскар, ты говоришь чудесно! Ты действительно чудесный. Ты красив и обаятелен, ты преданный человек, и ты — настоящий политик! Я полностью доверяю тебе. Ты никогда не подводил меня, и, если бы я была в той проклятой

Лаборатории в Колумбии, да я бы клонировала дюжину таких, как ты! Ты самый лучший на свете!

Грета приехала после полуночи на автоматическом такси. Оскар наблюдал за ней через дверной монитор. В кадр попадала северо-восточная часть Гринхауза, хлопья снега кружились в конусах света уличных фонарей. Наблюдающий за порядком полицейский аппарат парил позади головы Греты, похожий на черную кожаную ласточку. Оскар отпер пуленепробиваемую дверь, приготовившись встретить Грету веселой и игривой улыбкой.

Она ступила внутрь, громко топая и отряхиваясь от снега, лицо ее было мрачнее тучи. Ему пришлось отказаться от мысли ее обнять.

— Надеюсь, ты добралась без приключений?

— Здесь, в Бостоне? Конечно. Она сняла шапку и стряхнула снег.

— Бостон очень цивильный город.

— Тут были небольшие беспорядки на . улице, чуть раньше, — Оскар выжидательно помолчал, — но ничего серьезного. Расскажи, как прошла конференция.

— Я провела вечер с Беллотти и Хокинсом. Они пытались меня напоить. — Тут Оскар с некото-

рым опозданием сообразил, что она в самом деле пьяна и довольно сильно.

С осторожностью медсестры снимающей повязку, он освободил ее от пальто. На Грете был ее лучший наряд: шерстяная юбка до колен, мягкие туфли, зеленая ситцевая блуза.

Он повесил ее шапку и спрятал пальто в альков при входе.

— Беллотти и Хокинс, это, должно быть, те джентльмены, что исследуют фибрилы? — подсказал он.

Складки на ее лбу мгновенно разгладились.

— Да, на конференции все было отлично! Зато вечер прошел ужасно. Беллотти купил выпивку, а Хокинс пытал меня насчет того, какие мы получили результаты в нашем Лабе. Я не против того, чтобы поделиться результатами до опубликования, но эти парни играют нечестно. — Ее губы сжались в тонкую линию неодобрения. — Это может иметь промышленное значение.

— Понятно.

— Они индустриальные жулики, внедряют результаты. Злюки и грубияны, такие вот ребята с улицы. Безнадежный вариант.

Он провел ее сквозь дневную гостиную и включил свет в кухне. В мягком уютном освещении

лицо Греты казалось застывшим и несчастным. Смазанная губная помада. Всклокоченные черные волосы. Невыщипанные брови производили особенно тягостное впечатление.

Она обвела внимательным взглядом одноногие стулья, хромированный стол, керамический угол с плитой и встроенной вытяжкой.

— Так вот какая у тебя кухня, — с удивлением сказала она. — Здесь так… чисто. Ты бы мог заниматься здесь лабораторной работой.

— Спасибо.

Соблюдая большую осторожность, чтобы не промахнуться, она приземлилась на пластиковый белый саариненский стул, сделанный в виде тюльпана.

— Ты имеешь полное право на жалобы, — подбодрил ее Оскар. — Тебя окружают сплошь эксплуататоры и тупицы.

— Нет, эти не тупицы, они умненькие ребята. Просто… Ну, не люблю я внедрение в промышленность. Фундаментальные исследования это… Наука предназначена для… — Она раздраженно махнула рукой. — Да для чего, черт возьми?

— Для общественного блага? — вкрадчиво подсказал Оскар.

— Да, вот именно! Для общественного блага!

Я предполагаю, для тебя это звучит предельно наивно. Но я могу сказать одну вещь — я не собираюсь наращивать личный банковский счет, пока мои счета по Лабу оплачивают налогоплательщики.

Оскар повернулся к сверкающим стеклянным поверхностям шкафчика Кураматы.

— Ты будешь кофе? У меня есть очень хороший растворимый кофе.

На ее лбу опять появилась складка, настолько глубокая, что казалась рисунком или татуировкой.

— Ты не можешь заниматься настоящей наукой, а по выходным быть бизнесменом. Если ты всерьез занят наукой, у тебя нет выходных!

— Сейчас выходные, Грета.

— А-а… — Она посмотрела на него пьяным, взглядом, полным удивления и сожаления.

— Ладно, но я не смогу остаться у тебя и завтра. Там утром в девять безумно интересный семинар «Домены цитоплазмы».

— Цитоплазма — звучит крайне соблазнительно.

— Но сегодня я все равно здесь. Давай выпьем немного. — Она открыла сумочку. — 0, нет! Неужели я забыла свой джин? Он в моей дорожной

сумке. — Она растерянно заморгала. — Ох, Оскар, я забыла свою дорожную сумку! Я оставила ее в отеле…

— Ты также забыла, что я не пью, — заметил Оскар. Она положила локти на стол и закрыла лицо руками.

— Все прекрасно, — сказал Оскар. — Просто забудь ненадолго о работе. У меня в распоряжении целая команда. Мы можем достать тебе все, что необходимо.

Она сидела за кухонным столом, погруженная в горькие раздумья.

— Давай я лучше покажу тебе свой дом, — предложил Оскар. — Это занятно.

Он провел ее в дневную гостиную. Тут стоял эллиптический кофейный столик Пита Хейма, стулья с изогнутыми ножками из стали и дерева, а также виниловый надувной диван.

— Ты коллекционируешь модернизм, — заметила она.

— Да, вот мой Кандинский. «Композиция VIII», 1923 год. — Оскар любовно дотронулся до рамы, чуть-чуть поправив ее. — Не знаю, почему это называется современным искусством, хотя было создано сто двадцать лет назад.

Она внимательно рассматривала холст, потом

перевела взгляд на Оскара.

— Почему вообще называют это искусством? Здесь просто углы и круги.

— Ты так воспринимаешь потому, что у тебя совсем нет никакого вкуса. — Оскар подавил вздох. — Кандинский был знаком со всеми направлениями того периода: «Голубым всадником», сюрреалистами, супрематистами, футуристами… Кандинский — это фигура…

— Наверное, тебе эта картина стоила уйму денег? — спросила Грета. Судя по тону, она очень надеялась, что нет.

— Нет, я купил ее за гроши на распродаже Гугге-хейма. Сейчас весь коммунистический период — с 1914 по 1989 год, самый показательный для двадцатого века — вышел из моды. Кандинский противопоставляется нынешнему «современному искусству», однако, знаешь, что я скажу? Думаю, Василий Кандинский как раз в духе нашего времени, его искусство действительно что-то говорит мне… Понимаешь? Если бы он вдруг оказался здесь с нами сейчас… Думаю, ему было бы все понятно.

Она недоверчиво покачала головой.

— Модернизм… Интересно, как они умудрялись со всем этим справляться. Это напоминает ка-

кое-то тяжелое уродливое жульничество. — Она вдруг чихнула. — Извини. Моя аллергия разыгралась.

— Пойдем.

Он провел ее в кабинет, оформленный как пресс-центр. Оскар гордился этим кабинетом. Здесь все было сделано в соответствии с политическими требованиями времени. Стулья с алюминиевым покрытием стояли вдоль стены, основное же место занимали модули хранения информации и множество дисплеев. Датские покрытия, литые подставки, корзины из сверкающего пластика. Красивые миланские лампы. Никаких украшений, ничего лишнего, никакого потраченного впустую пространства. Все лаконично, эффективно и гладко.

— Здесь хорошо. Я могла бы работать в таком кабинете.

— Мне очень приятно! Надеюсь, у тебя будет такая возможность.

Она улыбнулась.

— А что? Мне здесь нравится. Кабинет похож на тебя, в твоем духе.

Он был тронут.

— Это страшно мило с твоей стороны, но должен признаться… это не мой дизайн. То есть

Кандинского, конечно, выбрал я сам, но после того как я продал свою первую компанию и купил этот дом, я нанял профессионального дизайнера… Тогда я очень много внимания уделял дому. Мы месяцами трудились тут. Джованна хорошо в этом разбиралась, мы часто посещали антикварные рынки…

— Джованна, — сказала Грета. — Красивое имя. Она, наверное, была очень элегантна?

— Да, она такой и была, но у нас ничего не получилось.

Грета стала всматриваться в обстановку с новым интересом.

— И потом тут была еще другая — журналистка. Ей нравился пресс-центр?

— Клара здесь жила! Это был ее дом.

— И она уехала в Голландию, да?

— Да, она уехала. С ней тоже ничего не вышло.

— Почему с ними ничего не вышло, Оскар?

— Не знаю, — ответил он. Руки в карманах сжались в кулаки. — Великолепный вопрос.

— Ну, — сказала она, — может, и великолепный, а может, я просто пьяна и лезу не в свое дело.

— Нет, Грета, ты мне нравишься такая — пьяная и задиристая.

Он скрестил руки на груди.

— Давай я тебе быстро все расскажу. Понимаешь, я продукт необычных обстоятельств. Вырос в особой обстановке. В доме Логана Вальпараисо. Это был классический дом голливудской звезды. Теннисные корты. Пальмовые деревья. Повсюду монограммы, шкуры зебр, золотые побрякушки. Прекрасный фон для друзей Логана — всех этих миллионеров и латиноамериканских наркобаронов. У моего отца был самый жуткий вкус, какой только можно себе вообразить. И я очень хотел, чтобы мой дом был совсем другим.

— И чем же он отличается?

— Ничем! — с горечью воскликнул Оскар. — Я хотел, чтобы мой дом имел свое лицо. Но этот дом никогда не был настоящим домом! У меня нет семьи. И здесь никогда не жил кто-то, кому я был бы дорог, кто хотел остаться со мной. На самом деле, даже я сам редко здесь бываю. Я всегда в дороге. Так что все это сплошной обман. Пустая оболочка! Я пытался сделать все наилучшим образом, но все оказалось глупой фантазией. У меня ничего не вышло. — Он пожал плечами. — Так что добро пожаловать в мой дом.

Она была поражена.

— Слушай, но я ничего такого не говорила.

— Но ты все равно так думала. Она помотала

головой.

— Ты не можешь знать, что я думаю.

— Согласен, я не могу угадать, что ты думаешь. Но я знаю, что ты чувствуешь.

— Этого ты тоже не можешь знать!

— А вот и могу! Конечно могу. Я знаю это по тому, как ты говоришь, по тому, как ты двигаешь руками. Я могу узнать это по глазам. — Он улыбнулся. — Потому что я политик.

Она приложила руку к губам.

Затем вдруг обняла его и крепко поцеловала. Он обхватил ее и прижал к себе. Она была притягательна, в ней был какой-то непонятный магнетизм, чем-то она безумно привлекала его.

Грета, откинула голову назад в его тесных объятиях и радостно засмеялась.

Он потащил ее к надувному дивану. Они вместе упали на него, диван издал негодующий громкий скрип.

Оскар уткнулся лицом в ее плечо. Ее рука проскользнула под воротник его рубашки. Он ласково погладил ее по лицу, дошел до соблазнительного ушного завитка, до характерных хрящиков на шее.

Наконец они оторвались друг от друга. Грета чуть отодвинулась.

— А мне оказывается нравится ревновать, — сообщила она. — Такое новое чувство.

— Я все могу объяснить.

— Не надо ничего объяснять! Я подозреваю, что кое-какие платья Клары все еще в гардеробной. — Она рассмеялась. — Ну-ка, дай я посмотрю!

Грета вскочила и прошлась по комнате, слегка покачиваясь и размахивая сумочкой.

— Ого! Эта комната мне нравится! Да она больше моей спальни!

Оскар взялся расшнуровывать ботинки. Затем стянул носки. Один, другой. Потом принялся расстегивать запонки. Почему всегда надо что-то расстегивать и развязывать? Почему вещи не исчезают? Во всех фильмах одежда просто испаряется в нужный момент.

— А эти стены, правда, из белой замши? У тебя кожаные обои?

Он поднял на нее взгляд.

— Тебе помочь раздеться?

— Ага, давай! Только, чур, срывай с меня одежду одним рывком!

Шесть бесконечных минут спустя он валялся на скомканных простынях. Грета удалилась в ванную с растрепанными волосами и горящими щеками. Оскару было слышно, как она последо-

вательно поворачивает все краны, что имелись в ванной комнате, — над биде, ванной, раковиной. Грета была исследователем, она проверила все установленное оборудование. Он лежал, глубоко дыша, испытывая странное удовольствие — как будто он был смышленый малыш, который догадался, как длинной линейкой вытащить конфету из-под запертой двери.

Грета вернулась из душа, с влажных черных волос капала вода, глаза блестели. Забравшись в постель, она прижалась к нему. У нее были замерзшие холодные ноги и от нее пахло его первоклассным шампунем. Она молча обняла его, и он мгновенно провалился в сон, как будто кто-то вдруг выключил нужную кнопку.

Оскар проснулся чуть позже, потому что ему послышался какой-то шум. Грета стояла перед открытой дверью гардеробной, рассматривая себя в длинное зеркало. На ней были трусики и пара его носков, натянутых наизнанку на худые, покрытые мурашками ноги.

Она держала в руках платье и примеряла к себе. Оскар вдруг узнал это платье. Это был летний сарафан, который он когда-то подарил Кларе, потому что ей очень шел желтый цвет. Клара ненавидела этот сарафан, как он понял теперь.

Она даже стала ненавидеть желтый цвет.

— Мне показалось, кто-то шумел?

— Какой-то идиот барабанил в дверь, — ответила, Грета и бросила платье в кучу других, уже валявшихся на полу. — Копы его арестовали. — Она стала рассматривать вечерний наряд. — Ложись спать.

Оскар повернулся на диване, поправил подушку, взглянул на часы, натянул на себя одеяло и замер. Сквозь полу прикрытые веки он наблюдал за Гретой. Времени было полчетвертого утра.

— Ты совсем не спала? — спросил он.

Она поймала в зеркале его взгляд и удивилась, что он не спит. Выключила свет в гардеробной, молча пересекла комнату в темноте и забралась в кровать.

— И что ты делала все это время? — пробормотал он. — Я исследовала твой дом.

— Ну и как, были какие-нибудь великие открытия?

— Да, я выяснила, что значит быть подружкой богатого парня. — Она подчеркнуто глубоко вздохнула. — Ничего удивительного, что многие стремятся ею стать.

Оскар расхохотался.

— Да? А как обозвать тогда меня? Игрушка для

лауреата Нобелевской премии?

— Я смотрела на тебя, пока ты спал, — сказала она задумчиво. — Ты был такой милый!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, ты, когда спишь, то совсем ничего не делаешь.

— Ладно, сейчас я что-нибудь сделаю. — Он протянул руку и, обхватив ее, крепко прижал к себе. — Я буду очень деятельным, просто супер. Я собираюсь изменить твою жизнь. Я собираюсь преобразить тебя! Хочу превратить тебя во влиятельную фигуру.

Она вытянулась на простыне.

— И как же ты собираешься провернуть это маленькое чудо?

— Завтра мы с тобой идем знакомиться с моим другом, сенатором Бамбакиасом.

Йош Пеликанос, мажордом Оскара, к восьми утра прислал к дому пакет с покупками. Йоша, разумеется, не могло смутить то, что он находился в сотнях милях от дома. У него была клавиатура и список вещей, необходимых Оскару, так что электрические руки сетевой экономики выбросили четыре ящика дорогостоящих покупок у дверей Оскара.

За завтраком Оскар установил новый воздуш-

ный фильтр. Это решило проблему с аллергией. Аллергия была обычной проблемой у работников Коллаборатория. Обеззараженный воздух под куполом был слишком чист, это приводило к сбоям иммунной системы, которая становилась слишком активной.

Затем Оскар, повязав поверх пижамы фартук, попытался заставить работать кухонное оборудование. Результаты были приятными. Оскар и Грета начали с вафель, запивая их соком и кофе. Заморив червячка, они переключились на треугольные ржаные тосты и икру. Оскар в радужном настроении сидел за столом. Все было хорошо. Оскар свято верил в благотворность завтраков. Утро после завтрака было гораздо более значительным и захватывающим, чем вечер после романтического ужина. За спиной Оскара было чудовищное количество завтраков: завтраки, полные стыда, завтраки, полные недомолвок и вежливости, которая звенела как натянутая струна. Однако завтрак с Гретой предвещал только хорошее. Она сидела на сааринеком стуле и намазывала икру на бутерброд, слизывая икринки с пальцев.

— Как бы мне не опоздать на цитоплазму.

— Не волнуйся. Я закупил все записи конфе-

ренции, так что ты сможешь просмотреть все в пресс-центре.

— Никто не ходит на конференции ради того, что записывается на пленку! Все самое интересное разворачивается в кулуарах. Мне надо туда сходить. Нужно пообщаться с коллегами.

— Нет, Грета, сейчас тебе нужно не это. У тебя есть другие приоритеты. Ты должна сегодня поехать со мной в Кембридж и побеседовать с сенатором США. Донна прибудет с минуты на минуту, она отправилась за покупками. Она все тебе сделает.

— Кто такая Донна?

— Донна Нуньес из моей команды. Консультант-имиджмейкер.

— Мне казалось, ты оставил команду в Техасе.

— Нет, Донну я взял с собой. Кроме того, у меня постоянная связь со своими помощниками. Они заняты очень важным делом — готовят почву в Коллаборатории.

Что касается Донны, то она хорошо продумала твой имидж, ты будешь в надежных руках.

Грета решительно поставила чашку на стол.

— Нет, я не хочу этим заниматься. Я не хочу тратить свое время на создание имиджа.

— А вот Рита Леви-Монтальчини тратила. У

Греты округлились глаза.

— Что ты о ней знаешь?

— Помнишь, ты рассказывала мне о ней, и я понял, что эта женщина важна для тебя. Поэтому я посадил своих оппоисследователей выяснить все, что касается ее жизни. Теперь меня можно назвать экспертом по твоей ролевой модели, доктору Рите. Рита получила Нобелевскую премию за нейроисследования, и она была самым крупным ученым в своей стране. Однако доктор Рита понимала как следует играть свою роль. Она одевалась у миланских модельеров.

— С помощью одежды в науке ничего не сделаешь.

— Нет, ты сдвинешь науку с места, одеваясь как следует.

— Но я не хочу этого! Я не собираюсь заниматься черт знает чем! Я хочу просто работать в Лабе! Почему ты не можешь этого понять? Почему никто не хочет дать мне возможность заниматься моей работой? Если мне просто позволить делать только то, для чего я гожусь, мне не придется проходить через все это!

Оскар улыбнулся.

— Думаю, это чудесные чувства. Но давай поговорим как взрослые люди.

Она фыркнула.

— Не считай меня легкомысленным. Из нас двоих легкомысленно ведешь себя именно ты. Ты — национальная знаменитость! Ты не какой-то там дипломированный студент колледжа, который может спрятаться в уютной испытательной трубе. Рита Леви-Монтальчини носила лабораторные халаты, сшитые у лучших модельеров, она одевалась со вкусом, она следила за собой. Ты сумеешь быть такой же. Так что расслабься и доедай икру.

В дверь позвонили. Оскар вытер губы салфеткой, затянул потуже пижаму и сунул ноги в шлепанцы.

Приехала Донна с целой горой свертков и пакетов. С ней на втором такси прибыли две бостонские девушки, одетые по-зимнему, это были нанятые Донной помощницы.

Все три женщины оживленно болтали с молодым белым. Оскар его узнал — он не знал его по имени, но запомнил лицо, трость и высокие ботинки. Этот незнакомец был из его соседей.

Оскар отпер дверь.

— Как хорошо, что вы приехали. Добро пожаловать! Вы можете заносить все в примерочную. Клиентка сейчас подойдет туда же.

Донна одолела последние ступеньки, быстро говоря что-то по-испански. Тут Оскар обнаружил, что перед ним стоит тот самый мужчина с тростью.

— Чем могу помочь, сэр?

— Меня зовут Кевин Гамильтон. Я управляющий домом, вон тем, что выше по улице.

— Да, мистер Гамильтон?

— Я хотел перекинуться с вами парой слов с глазу на глаз об этих парнях, что тут пытались вас убить.

— Понятно. Входите. — Оскар тщательно запер дверь за гостем. — Давайте поднимемся в мой кабинет наверху. — Он остановился, разглядев вблизи трость и тяжелые ортопедические ботинки Гамильтона. — А впрочем, нет, мы можем поговорить и здесь.

Он провел Гамильтона в дневную гостиную. Внезапно появилась из ванны Грета, босая и в халате.

— Ладно, куда мне идти? — недовольно спросила она.

Оскар показал наверх.

— Там, наверху, вторая дверь налево. Гамильтон галантно отсалютовал Грете тростью.

— Привет, — ответила она и устремилась вверх

по ступенькам.

Оскар ввел Гамильтона в пресс-центр и выдвинул для него алюминиевый стул. Гамильтон с видимым облегчением уселся.

— Миленькая малышка, — заметил он. Оскар ничего не ответил и сел на второй стул.

— Да я бы не стал вас беспокоить в воскресенье, но нам не хочется, чтобы в нашем округе убивали людей.

— Нет, конечно.

— Вчера я сам получил по электронке письмо, подстрекающее убить вас.

— Боже! Не может быть!

Гамильтон провел рукой по песочным прилизанным волосам. Они сверкали как начищенная до блеска сковорода.

— Понимаете, мы с вами никогда не были знакомы, но я не раз видел — вы все время приходили и уходили с разными подружками. Так что, когда я прочел в письме, что вы совратитель малолетних детей, мне было ясно, что это не соответствует действительности.

— Думаю, я прослеживаю вашу мысль, — вежливо подтвердил Оскар. — Пожалуйста, продолжайте.

— Ну, я провел такую обратную трассиров-

ку, вышел на удаленный сервер в Финляндии, вскрыл его, проследил до Турции… Я как раз загружал кое-какие лог-файлы с турецкого сервера, когда услышал выстрелы на улице. Естественно, я проверил местные уличные мониторы и просмотрел все записи передвижения в системе наблюдения… Это было вчера поздно вечером. Вот тогда я серьезно забеспокоился. А потому провел целую ночь за клавиатурой. — Гамильтон вздохнул. — Ну в общем, я все сделал для вас.

Оскар непонимающе уставился на него.

— Вы сделали — что?

— Ну, я не нашел самой программы, но выяснил, откуда она черпает сведения. Она берет все из луизианской службы новостей. Так что я их подправил. Я сообщил туда, что я вас убил. Потом послал отдельный пресс-релиз о вашей смерти, подделал заголовки, так что они приняли. Они прислали мне благодарственное письмо. Это решает вашу проблему. Их программа тупа как пробка.

Оскар обдумывал услышанное.

— Кевин, вы не хотите чего-нибудь выпить, сока, экспрессе?

— Думаю, я с ними разобрался. Мне кажется, ваши проблемы с ними на этом закончились.

Я просто подумал, надо пойти вас обрадовать сразу же.

— Ну вы знаете, это не просто хорошая новость. Для меня — это замечательная новость! Вы оказали мне огромную услугу.

— А, да ничего такого, — отозвался Кевин. — Любой приличный сосед должен помогать своим. Ну если у него есть серьезные навыки в программировании. Хотя сейчас почти никого не осталось.

— Простите за нескромный вопрос, но где вы сами этому научились?

Гамильтон оперся подбородком на ручку трости.

— Сказать по правде, у отца. Он классно писал программы, работал на Route 128, пока китайцы не сокрушили нашу информационную экономику.

— Вы профессиональный программист, Кевин?

— Не смешите меня! У нас нет профессиональных программистов! Эти ваши сисадмины умеют разве что загрузить и разгрузить что-то с пиратского сайта и запихнуть это в ваш компьютер.

Оскар подбадривающе кивнул. Гамильтон взмахнул тростью.

— Искусство работы на компьютере послед-

ние десять лет стоит на месте! Оно не может развиваться, потому что нет никого, кто мог бы финансировать его развитие! Европейцы устанавливают все ваши сетевые протоколы, а китайцы воруют все, что вы публикуете… Только у тех парней, что хорошо могут кодировать, еще остались знания о компьютерах. Да, пожалуй, еще у кочевников, у тех времени хоть отбавляй, вот они тоже кое в чем разбираются. Ну и еще разные хакеры, в основном из белых меньшинств. — Гамильтон зевнул. — Ну а я не могу много ходить, так что кодирование скрашивает мне одиночество. Кактолькоты начинаешь понимать, как это делается, это становится действительно интересной работой.

— Вы уверены, что я ничего не могу для вас сделать? Я чувствую себя в долгу перед вами.

— А, да, можно. Я заведую местной службы надзора, и меня, наверное, замучают вопросами. Вы могли бы прийти попозже туда, чтобы помочь мне убедить всех, что все уже в порядке?

— Буду очень рад это сделать.

— Вот и хорошо. — Гамильтон поднялся, опираясь на палку и морщась.

— Давайте я вас провожу, сэр.

Не успел Кевин уйти, как Оскар бросился к свое-

му лэптопу, скинул его содержимое в домашнюю систему и сел за работу. Он послал сообщения Бобу Аргову и Одри Авиценис в Техас, чтобы они срочно собрали сведения о его необычном соседе. Нельзя сказать, что Оскар совсем не доверял Кевину Гамильтону. Оскар гордился тем, с какой непредубежденностью он относится к белым. Однако новости были настолько потрясающие, что ему трудно было поверить, что здесь нет никакого подвоха.

6.

В 11.15 Оскар и Грета сели в такси, направляясь в офис Бамбакиаса в Кембридже.

— А знаешь, — сказала она, — этот костюм вовсе не такой, как кажется на первый взгляд. В нем очень уютно.

— Донна настоящий профессионал.

— И он так хорошо на мне сидит. Как это им удается?

— А, они используют мини-сканер, который снимает твои размеры. Это оборудование из бывшего арсенала военной разведки, а теперь его используют модельеры от кутюр.

Они пересекли мост Лонгфелло. Вчерашний снег наполовину растаял на склонах дамбы Гринхауз. Грета любовалась через стекла такси на отдаленные шпили парка Науки. Нанятые Донной девушки поработали над ее бровями. Тонкие изогнутые брови на узком лице придавали Грете особый «профессорский» вид. Волосы были уложены в строгую прическу. Грета производила внушительное впечатление умного и знающего человека. Теперь она внешне выглядела именно такой, какой была на самом деле.

— Бостон так не похож на другие города, — сказала она. — Почему, интересно бы знать?

— Политика, — ответил он. — Супер-богачи не любят Бостон. А обычные богачи, то есть богатые, если можно так сказать, обычного ряда, — это совсем другое дело. У них свой уклад, они патриархальны. Это патриции.

— Ты бы хотел, чтобы вся страна была похожа на этот город? Чистые улицы и повсеместное наблюдение?

— Я просто хочу, чтобы место, где я живу, могло нормально функционировать. Меня устраивает любая работающая система.

— Даже если она закрыта и элитарна?

— Грета, кто бы говорил! Некоторые живут и вовсе в искусственной атмосфере под защитой купола.

Офис Элкотта Бамбакиаса занимал пятиэтажное здание поблизости от площади Инмэн. Сначала тут размещалась кондитерская фабрика, потом португальский общественный клуб, а сейчас здание принадлежало международной компании Бамбакиаса, занимавшейся строительством и дизайном.

Они вышли из такси и вошли внутрь. Оскар повесил пальто и шляпу на вешалку «от Дюшана»

в форме бутылочного дерева. Их попросили подождать в приемной, которую украшали модели небоскребов. Только в Китае еще использовали возможности небоскребов, а Бамбакиас был единственным из американских архитекторов, который мог создать дизайн небоскреба, сохраняя китайские традиции. Бамбакиас пользовался большим успехом на китайском рынке. В Европе он давно уже считался звездой дизайна, добился там признания намного раньше, чем в Америке. Он создавал для итальянцев выдвижные спортивные арены, строил для немцев большие дамбы, а для швейцарцев — экологические конструкции. Он даже выполнил несколько заказов для голландцев, еще до того как разразилась холодная война.

Леон Сосик спустился к ним, чтобы проводить их к Бамбакиасу. Сосик в свои шестьдесят имел плечи, как у ярмарочного борца, носил красные подтяжки и шелковый галстук. Сосик никогда не надевал шляпу, он гордился своей прекрасно уложенной шевелюрой, которая успешно прикрывала залысины.

Он смерил Оскара взглядом с ног до головы.

— Как там твои махинации?

— Спасибо, вполне успешно. Позволь пред-

ставить тебе доктора Грету Пеннингер. Доктор Пеннингер, это Леон Сосик, глава администрации сенатора.

— Мы так много о вас слышали, доктор! — сказал Сосик, вежливо пожимая руку Греты, сверкавшую только что сделанным маникюром. — Хотел бы я, чтобы мы встретились при лучших обстоятельствах.

— Как себя чувствует сенатор? — с беспокойством спросил Оскар.

— Хотелось бы, чтобы получше, — сказал Сосик. — Эл переживает. Он очень тяжело переживает.

— Но он ест?

— Нет, если на то пошло. Беспокойство Оскара перешло в тревогу.

— Послушай, но вы объявили, что он уже закончил голодовку! У него должен быть волчий аппетит. Какого черта, почему он не ест?

— Он уверяет, что у него болит желудок. Он говорит… ну, он много чего говорит. Хочу предупредить, не принимайте все его слова слишком буквально. — Сосик тяжело вздохнул. — Может быть, тебе удастся его немного вразумить. Его жена уверена, у тебя это хорошо получается.

Сосик с отстраненным видом сунул руку в

карман.

— Доктор Пеннингер, позвольте мне просканировать вас. Обычно это делает наш охранник, но он пока остался в Вашингтоне.

— Да, пожалуйста, — сказала Грета.

Сосик помахал аппаратом вокруг нее на манер священника, обрызгивающего прихожан святой водой. Устройство ничего не обнаружило.

— Проверь меня тоже, — сказал Оскар. — Я настаиваю.

— Черт знает что такое! — Сосик повторил ритуал. — Эл был напичкан следящими устройствами по горло все это время. Жучки следили за его нервной системой, за его кровеносной системой, за желудком, за всем на свете. Он проходил публичное MRI-скани-рование, PET-сканирование, даже в апельсиновом соке были маркеры — все его внутренности были на виду. И вот теперь, когда никто за ним не следит, когда отключены все мониторы, он голодает!

— Да, голодовка получила большой отклик в прессе, Леон. Отдаю тебе должное.

Сосик убрал сканер.

— Да, конечно, но это не помогло нам против сумасшедшего сборища мерзавцев в Луизиане. Зачем вообще он это затеял? Эл — архитектор!

Ему надо ограничиться темами, связанными общественной работой, там он в своей стихии!

— Но ты не отговорил его от этой затеи, — заметил Оскар.

— Да знал я, что это глупость! Просто… Ну, для Зла все это полно большого смысла. Эл такой человек, что его всегда трогают некоторые вещи.

Сосик ввел их в лифт, полностью выполненный из стекла и пластика. Бамбакиас переделал здание так, что прежний пятый этаж перестал существовать, превратившись в огромный современный ангар с голыми водопроводными трубами, воздухопроводами, подъемными тросами, — все выполнено в оранжевом, бирюзовом, персиковом и лазурном оттенках.

Тридцать пять человек, составляющие штат Бамбакиаса, жили внутри здания. Это было одновременно жилое здание и дизайн-центр. Сосик вел их мимо эргономических офисных кресел, плоских кевларовых кульманов с дисплеями и вибрирующих архитектурных кибер-блоков. Снаружи было морозно, поэтому круглые пластиковые мембраны под ногами подогревались потоками теплого воздуха.

Угловое помещение офиса объединяло в себе пресс-центр и медицинский центр. Медицинские

мониторы сейчас стояли без дела у стены, хотя экраны были включены и методично мерцали.

Сенатор, обнаженный, лежал на кровати. Массажист работал над его плечами и шеей.

Оскар испытал шок. Хотя он знал, что почти полная голодовка стоила Бамбакиасу многих килограммов веса, однако он не ожидал того, что увидел. Бамбакиас выглядел постаревшим на десять лет, кожа складками висела на нем.

— Рад тебя видеть, Оскар, — приветствовал его Бамбакиас.

— Могу я представить вам доктора Пеннингер?

— Больше никаких докторов, — усмехнулся сенатор.

— Доктор Пеннингер — ученый, работает в Федеральной лаборатории.

— А, конечно. — Бамбакиас сел на кровати, машинально поправляя полотенце на плечах. Рука его казалась тонкой, как тростинка. — Достаточно, Джексон… Принеси моим друзьям пару… чего вы бы хотели? Принеси им немного апельсинового сока.

— Мы согласны на хороший ленч, — заявил Оскар. — Я обещал доктору Пеннингер, что она отведает вашу знаменитую бостонскую рыбную похлебку со свининой.

Бамбакиас заморгал, глаза его потускнели.

— Мой шеф-повар последнее время не готовит.

— Не готовит вашу фирменную похлебку? — вскричал Оскар. — Этого не может быть? Он что, умер?

Бамбакиас вздохнул.

— Джексон, попроси, чтобы менеджер достал немного чертового устричного супа. — Бамбакиас перевел взгляд на свои подрагивающие пальцы, разглядывая их без видимого интереса. — О чем это мы говорили?

— Доктор Пеннингер и я, мы пришли, чтобы обсудить политику в области науки.

— Конечно. Тогда я оденусь. — Бамбакиас встал с кровати, пересек комнату и скрылся в соседнем помещении. Они слышали, как он слабым голосом позвал имиджмейкера.

Рифленая занавеска мигнула, будто глазное веко, открыв, светлую панораму солнечного зимнего дня. Угловой офис был маленьким архитектурным чудом — почти пустое помещение ощущалось как совершенное и заполненное игрой света и воздуха.

Маленький робот появился в комнате, держа в трубчатых руках два полиэтиленовых пакета. Он опустил их на ковер и вышел.

Свертки зашевелились, из них полились звуки торжественной весенней симфонии. Геодезические палки и провода выдвинулись из пакетов и макета для обойщика, нарисованного в векторной графике, и вдруг прямо на глазах превратились в пару оригинальных кресел.

Грета открыла свою новую, в деловом стиле, сумочку и достала носовой платок.

— Знаешь, а здесь неплохой воздух. Бамбакиас вернулся, он был одет в серые шелковые брюки и нижнюю рубашку.

— Где моя шляпа? — недовольно проворчал он. — И где мой плащ?

— Какие интересные кресла, — заметила Грета. — Что это такое?

— А, эти мои кресла не нашли никакого применения, — сообщил Бамбакиас, втискивая руку в собравшийся складками рукав рубашки. — По какой-то причине люди не доверяют цифровым креслам и не решаются на них сидеть.

— Я доверяю цифровым креслам, — заверила его Грета и села. Провода просели под ее весом, издав бодрое крещендо на гитарных струнах. Грета возвышалась в самой середине конструкции, как королева, сидящая на троне, сотканном из набора тросточек и паутины проводов. Оскару

понравилась гибко отреагировавшая конструкция, однако сам он сел в другое кресло с большей осторожностью и значительно меньшим шумом.

— Архитектор пользуется доверием за успешные модели, — пояснил Бамбакиас. — А не нашедших спроса приходится прятать по укромным углам. Но некоторые оригинальные модели мы храним в нашем офисе.

Появились люди из обслуживающего персонала, они молча убрали массажный стол и поставили на его место застеленную больничную койку. Сенатор сел на край кровати, подтянув под себя голые ноги. Он был похож на огромную морскую птицу.

— Я заметила кресла еще по дороге сюда, — сказала Грета. — Но они были прочные.

— Не «прочные», а жесткие. Распиленный шпон.

— «Чем меньше, тем больше», — задумчиво пробормотала Грета.

На умном лице сенатора отразился проблеск интереса. Пока его имиджмейкер выбирала носки и ботинки, Бамбакиас спросил:

— Как вы сказали, ваше имя?

— Грета, — мягко ответила она.

— И вы этот, как его, психиатр?

— Где-то близко. Я нейроисследователь.

— Верно. Вы мне уже об этом говорили, да?

Грета повернулась и бросила на Оскара взгляд полный сочувствия и жалости. Искусно преображенное лицо женщины приобрело потрясающую выразительность. Мерцающий взгляд поразил Оскара прямо в сердце и застрял там, как застревает в жертве брошенный гарпун.

Оскар наклонился вперед на музыкальном пиано-струнном сидении и хлопнул в ладоши.

— Элкотт, Лорена сказала, ты немного расстроен всем этим?

— Расстроен? — переспросил Бамбакиас, задирая подбородок, чтобы имиджмейкер могла завязать на шее галстук с широкими концами. — Я бы не сказал, что я расстроен, я бы сказал, что смотрю на вещи реалистически.

— Ну, реалистичность каждый понимает по-своему.

— Я вызвал государственный и федеральный кризис. Военное программное оборудование стоимостью четыреста двенадцать миллионов долларов было разворовано бандой анархистов, которые рассеялись в джунглях. Это самое ужасное событие с момента Гражданской войны 1861 года, так что о чем теперь расстраиваться.

— Но, Эл, ведь это не твоя вина. Ты не можешь винить себя в том, что произошло.

— Но я там был, — настаивал Бамбакиас. — Я был, был с этим народом. Да… Я говорил с ними, я давал им слово чести… У меня есть ленты, на которых это записано! Мы можем все это еще раз посмотреть. Мы можем вместе посмотреть. Где мой сисадмин? Где Эдгар?

— Эдгар в Вашингтоне, — спокойно ответила одевавшая его женщина.

На изнуренном лице Бамбакиаса появилось решительное выражение.

— Я что, должен все делать сам?

— Я следил за осадой базы, — сказал Оскар. — Меня поразил столь быстрый поворот событий.

— Но я там был, — продолжал настаивать сенатор. — Я мог бы им помочь. Я мог бы строить баррикады. Я мог бы принести им генераторы… Но когда пошел газ, они все сошли с ума. Вот что меня убивает. Это вовсе не была игра. Мы не игроки. Мы все сошли сума.

В комнате повисла тяжелая тишина.

— Он почти не отходил от экрана, следил за событиями, — прошептала имиджмейкер. — Он и вправду, можно сказать, был там. — Внезапно ее глаза наполнились слезами. — Пойду найду шля-

пу, — пробормотала она и выбежала из комнаты.

Привезли столик, накрытый на двоих. Знаменитый устричный суп дымился на нем.

Оскар подвинул поближе невесомое реагирующее кресло и машинальными движениями расстелил льняную салфетку.

— Эл, но это не поражение. Это просто временное отступление. У нас есть еще шесть недель до принятия присяги в Сенате.

— Как много хороших людей лишилось крова! Невозможно поверить, что наше правительство было настолько цинично, что оставило солдат в руках тех, кто отравил их газом! — Бамбакиас махнул рукой в сторону мигающего экрана. — Я видел, как он все это провернул. Этот Хью. Как будто он их спасает. Этот сукин сын в глазах общественного мнения является их благодетелем!

— Ну, это отвратительный инцидент, но, по крайней мере, никаких смертельных исходов. Мы должны сейчас думать не об этом. Мы должны думать о завтрашнем дне. — Оскар взял сверкающую ложку и зачерпнул из тарелки устричного супа. Нарочито медленно поднес ложку ко рту и попробовал. Устричный суп был превосходен.

— Подожди, — обратился он к Грете, которая и не придвигалась к столу. — Что-то не так. — Он

выпрямился на кресле. — Элкотт, что случилось с поваром? Суп из консервной банки.

Бамбакиас нахмурился.

— Что?

— Это не устричный суп!

— Это он. Должен быть устричный суп.

— Попробуйте сами, — предложил Оскар.

Грета кивнула в знак согласия, которое не потребовалось, так как сенатор уже встал с кровати и схватил ее ложку. Он попробовал еду.

— Какой-то металлический привкус! — подзуживал Оскар.

Бамбакиас съел еще две ложки.

— Чушь! — проворчал он. — Прекрасный суп! Грета с Оскаром затихли, наблюдая за ним. Потом

Грета пробормотала:

— Пойду принесу еще один стул. — И быстро удалилась из комнаты.

Бамбакиас устроился на кресле, с которого встала Грета, и быстро проглотил половину гущи с устрицами. В комнату вернулась женщина-имиджмейкер, принесшая шляпу и плащ сенатора. Бамбакиас не обратил на нее никакого внимания, с видимым усердием налегая на суп. Руки его дрожали, он едва справлялся с ложкой.

— Я бы не отказался от молочного коктейля, — подначил Оскар. — Помните, мы любили его пить во время предвыборной кампании?

— Хорошая мысль, — отрешенно заметил Бамбакиас.

Он поднял голову и заговорил, обращаясь, по-видимому, в пространство.

— Вине, два молочных коктейля.

— А Сосик не показывал вам последние опросы общественного мнения? Вы получили больше поддержки, чем мы даже рассчитывали.

— Нет! Вы оба ошибаетесь! Я потерпел полное поражение. Я спровоцировал такой скандал, еще даже не приняв присягу. И теперь я такой же преступник, как и все остальные. У меня нет выбора — мне теперь придется подыгрывать им, как они потребуют. Весь Сенат — сборище нахлебников.

— Почему вы так говорите? — спросил Оскар.

Бамбакиас тяжело сглотнул и поднял вверх палец.

— В нашей стране существует шестнадцать политических партий. Невозможно управлять страной, когда она столь раздроблена в политическом смысле. И эти партии — всего лишь графический интерфейс, отражающий реально царящий в стране хаос. Наша система образова-

ния уже: развалилась, наше здравоохранение в таком состоянии, что всем заправляют отдельные клики, торгующие органами. У нас в стране — Чрезвычайное положение!

— Вы не сказали мне ничего нового, — возразил Оскар. Он наклонился над столиком и с завистью поглядел на тарелку с супом.

— Вы уверены, что сможете это доесть? Бамбакиас наклонился над тарелкой, заслоняя ее от Оскара.

— Конечно, никаких проблем! — Оскар повысил голос, чтобы его услышали через скрытые микрофоны. — Винсент, поторопись с коктейлями! И принеси нам еще порцию супа. Захвати булочки.

— Не хочу этих проклятых булочек! — проворчал Бамбакиас. Глаза его увлажнились, а лицо раскраснелось. — Наше невнимание к здоровью само нездорово, — прочавкал он, уплетая суп. — У нас неконвертируемая валюта, в стране экономический упадок. У нас природные катаклизмы. Отравленная окружающая среда. Статистика рождаемости падает. Повышается статистика смертности. Это ужасно. Это действительно ужасно. Все безнадежно, все кончено!

— Винсент, принеси чего-нибудь посерьезнее.

Быстро! Принеси терияки. Захвати каких-нибудь тостов.

— Куда тебе столько? — удивился Бамбакиас.

— Элкотт, вы меня смущаете. Я обещал доктору Пеннингер хороший обед, а вы сели и съели ее угощение!

Бамбакиас вытаращился на пустую тарелку из-под устричного супа.

— О боже…

— Элкотт, я все улажу. От вас требуется только сидеть здесь и принять вашу гостью, как добропорядочного федерального демократа.

— Боже, как неудобно! — простонал Бамбакиас. — Господи, со мной что-то не так. Оскар, уладь все это, пожалуйста. Устрой все.

Принеси два молочных коктейля в высоких бокалах с запотевшими от мороза донышками. Шеф-повар принес их сам на плоском пробковом подносе. Бросив на Оскара взгляд, полный глубокой благодарности, он быстро удалился.

Бамбакиас опустошил бокал с коктейлем.

— Но вот что самое ужасное, — сообщил он, утирая рот рукавом рубашки. — Все это является с самого начала трагической ошибкой. Чрезвычайный комитет даже и не собирался вычеркивать базу из списка. Их бюджетные ресурсы в полной

неразберихе. Никто даже не проверяет, куда эти тупые недоноски тратят средства, все списывается на государственную необходимость! Так что, когда это выяснилось, все стали делать вид, что все сделано специально — якобы такой умный, хитрый политический ход в борьбе с Хью. Им страшно хотелось прищемить ему хвост, потому что Хью единственный в Америке политик, который по крайней мере знает, чего он хочет и решительно добивается своих целей. Но когда я решил выяснить, что за гений придумал столь хитроумный ход, обнаружилось, что этого никто не делал.

— Это они подкинули вам такую идею? — спросил Оскар, незаметно заменяя стакан Бамбакиаса на свой собственный. — И вы поверили им? Мерзавцы из Чрезвычайки мастера заметать следы.

— Да? Тогда объясни мне, кто пытался тебя убить? — взорвался Бамбакиас. — Какое-то интервью, какие-то разногласия — и в результате тебя пытаются убить! Но чья это ошибка? Ничья! Ты ищешь человека, который за это отвечает, а выясняется, что все это только кусок мерзкого софта, за которым вот уже полгода как никто не смотрит.

— Элкотт, это не политический подход к делу.

— Политика больше никуда не годится! Мы не можем добиться ничего политическими средствами, потому что система управления стала настолько сложной, что ее поведение теперь в принципе является случайным. Никто больше не доверяет политической системе, никто даже всерьез не занимается этим. Есть эти шестнадцать партий и сотня блестящих идей, которые они выдвигают, но никто не может им следовать, исполнять, поставлять товары вовремя и по спецификации. Так что политическая деятельность ныне — это абсурд! Мы отказались от демократии. Я больше не сенатор. Мы покончили с Республикой. Я теперь барон, феодальный владетель. Все, на что я способен, — это создать персональный культ.

Пятеро сотрудников администрации Бамбакиаса влетели в комнату. Они хотели собственными глазами убедиться, что сенатор ест. Началась суматоха, откуда-то появились еще пластиковые столы, серебряные приборы, пакеты с закусками и бутыли с аперитивами.

— Мы прекрасно знаем, что вокруг сплошной хаос! — с нажимом сказал Оскар, повышая голос, чтобы перекричать шум вокруг. — Всем известно, что наша система вышла из-под контроля. Это

трюизм. И единственный ответ на хаос — политическая организация.

— Нет, уже слишком поздно. Мы стали сверх интеллектуальны, мы стали слишком умны для выживания. Мы получаем столько информации, что утратили способность действовать со смыслом. Мы знаем цену всему, но потеряли ощущение верных ценностей. Мы можем все поставить под наблюдение, но больше не знаем, что такое совесть.

Внезапно речь Бамбакиаса прервалась. Он покраснел и с трудом дышал.

Грета вновь появилась на пороге комнаты, пропуская сотрудников штата Бамбакиаса, которые выкатывали из офиса больничную койку на колесиках.

Она вошла и придвинула себе новое кресло.

— Так что каждый просто хватает то, что может, — заключил сенатор, отдышавшись.

— Спасибо, сенатор, — сказала Грета, ловко раскладывая принесенные блюда с цыплятами терияки. — Мне очень нравится этот стиль.

— Все это слишком быстро двигается, конструкция все усложняется, так что человеческий мозг не успевает все охватить.

— И именно поэтому я могу на нем сидеть, —

сказала Грета.

— Что? — спросил Оскар.

— Эта мебель думает намного быстрее, чем человеческий мозг. Именно поэтому конструкция из лент и проводов может служить функциональным сиденьем. — Она посмотрела на их изумленные физиономии. — Разве мы говорим не о мебельном дизайне? Прошу прощения!

— Не извиняйтесь, доктор, — ответил Бамбаки-ас. — Вот о чем я сожалею больше всего. Мне следовало остаться архитектором — это дело, где я был на месте и был нужен. Я был весьма успешен в этой области. Действительно, современное ощущение структуры… это могло бы стать моим памятником. Я умел делать замечательные вещи… Вот, например, доктор, этот ваш стеклянный купол в Техасе, он двадцатилетней давности. В наши дни вы можете создать купол в десять раз больше из связки соломы и груды карманной мелочи. Мы могли бы вдохнуть жизнь в ваш маленький эксперимент, превратить его в реальность. Мы могли бы интегрировать природный мир прямо в структуру наших городов. Если бы мы умели правильно использовать наши возможности, то у нас по улицам спокойно бродили бы стада бизонов. Мы могли бы жить

в своего рода Эдеме, мирно сосуществовали бы с волками. И все это придало бы нашей жизни смысл и принесло бы нам понимание того, кем мы являемся и чего мы хотим.

— Это было бы замечательно, сенатор! Но почему вы этого не сделаете?

— Потому что мы свора воров! Мы движемся прямо из дикости в декаданс, даже не создав в промежутке аутентичную американскую культуру. Ныне мы потерпели поражение и пребываем в унынии. Китай подорвал наше экономическое благосостояние. В Европе добиваются гибкой политики рождаемости и регулирования климатических изменений. Но мы нация дилетантов, что живут на дешевой пище, общество, которое управляется мертвой системой. Мы все за это в ответе! Мы все — эгоистичные мерзавцы!

Оскар вступил в разговор:

— Вы не преступник, Элкотт. Посмотрите на опросы. Народ за вас. Вы завоевали их симпатии. Они доверяют вашей интуиции, они на вашей стороне.

Бамбакиас развернулся в кресле, издавшем резкую трель.

— Тогда ответь мне на один вопрос! Что с Мойрой? — прорычал сенатор. — Что с ней слу-

чилось?

— А какое это имеет отношение к теме? — спросил Оскар.

— Мойра в тюрьме, Оскар. Ты не хочешь объяснить мне, что происходит? Почему ты мне об этом не рассказывал?

Оскар вежливо и целенаправленно жевал булочку. В комнате воцарилась мертвая тишина. На оконном стекле сам по себе образовался причудливый мозаичный узор, полностью изменивший освещение комнаты. Лабиринт изящных прямоугольников, как составленные вместе пластинки домино. Оскар показал рукой на экран, где беззвучно шли новости.

— Нельзя ли включить звук?

Кто-то из штата Бамбакиаса предупредил:

— Это на французском.

— Доктор Пеннингер говорит по-французски, она поможет перевести эту передачу.

Грета, повернулась к экрану.

— Передача об изменниках, — перевела Грета. — Кое-что о французском авианосце.

Бамбакиас засопел.

— Нота Министерства иностранных дел Франции, где говорится, — терпеливо переводила Грета, — об американских офицерах ВВС… По

электронным сетям… Два американских пилота приземлились на французском авианосце в нейтральных водах Мексиканского залива. Они попросили политического убежища.

— Так я и знал! — Оскар швырнул на стол смятую салфетку. — Так и знал, что у Хью есть свои люди на этой базе ВВС! Все сходится!

— О, это ужасно! — застонал сенатор. Он был потрясен. — Это чудовищно! Окончательное падение. Полный конец всего. — Он с трудом говорил. — Мне плохо…

— Помогите сенатору, — скомандовал Оскар. — И немедленно вызовите сюда Сосика!

Запаниковавшие сотрудники сгрудились вокруг Бамбакиаса, жужжа, как встревоженный улей, и мгновенно унесли его куда-то. Комната опустела с быстротой, с какой пустеют вагоны токийского метро. Оскар и Грета неожиданно остались одни.

Оскар продолжал смотреть передачу об американских предателях. Один из них появился в поле зрения камеры. Человек показался очень знакомым, был крайне циничным и смертельно пьяным. Оскар узнал его — это был тот самый офицер-пиарщик, с которым они разговаривали в Луизиане.

Офицер нудно забубнил подготовленную речь, сопровождаемую французскими субтитрами.

— Просто гениальный ход! Хью передал этих троянских коней французским журналистам. Теперь они укроют пилотов в каком-нибудь банковском хранилище в Париже. И мы никогда больше о них не услышим. Они продали свою страну, и теперь эти сукины дети будут жить подобно королям!

— Как вовремя подошло это сообщение, — сказала Грета. Она продолжала есть, разрезая отбивную с поистине хирургическим мастерством.

— Ведь сенатор уже прижал тебя к стенке. Я думала, ты не вывернешься.

— На самомделе я все время следил одним глазом за новостями на экране, как раз на случай всяких сложных поворотов в беседе.

Она недоверчиво улыбнулась в ответ.

— Нет, неправда, никто не может этого.

— Я могу это делать! Да я делаю так каждый день!

— Ладно, тебе не удастся отвлечь меня от темы, как ты отвлек сенатора. Что там такое с Мойрой? Это должно быть нечто ужасное.

— Мойра — не твоя проблема.

— Ха! Мои проблемы никого здесь не интересуют! — Она нахмурилась и подлила еще немного соевого соуса. — Правда, здесь хорошо кормят. Прекрасная еда.

— Я намерен заняться твоими проблемами. Я о них не забыл. Просто мне пришлось отложить это на время, чтобы заставить беднягу поесть.

— Как жаль, что ты не можешь ему помочь, — вздохнула Грета. — Он такой по-настоящему открытый человек! Вот уж не подозревала. Я совершено не знала, чего мне ждать от твоего сенатора. Мне казалось, что он должен быть примерно в твоем роде.

— Что ты имеешь в виду?

— Ох… макиавеллевского типа, проныра, жутко богатый политик. Но Элкотт совершенно другой! Он настоящий идеалист, романтик. Он патриот! Как это ужасно, что у него клиническая депрессия!

— Ты, в самом деле, думаешь, что у сенатора клиническая депрессия?

— Конечно! Никаких сомнений. Результат стресса во время голодовки. И этот миоклонический тремор — дрожание рук — из-за передозировки суппресантов аппетита.

— Но предполагается, он уже давно не прини-

мает эти пилюли, подавляющие аппетит!

— Значит, он, должно быть, принимает их тайком. Типичное поведение при этом синдроме. А эти его постоянные самообвинения — далеко зашедший навязчивый комплекс вины. Потом, когда ты хитростью вынудил его принять пищу, он переключился в маниакальную фазу. Его поведение вне нормы! Вы должны проверить его на когнитивный дефицит.

— Ну… он просто давно не ел. В норме он бы раскусил мою хитрость сразу же!

Грета отодвинула отбивные и понизила голос.

— Скажи мне вот что. А раньше вы не замечали за ним такого, что он в один период времени активно общается, много говорит, очень энергичен, а потом наступает момент, что он как бы сворачивается и уползает в собственную раковину? Скажем, дня на два-три?

Оскар медленно кивнул. — Да.

— То есть периодами он бывает очень экспрессивным, обаятельным, брызжет идеями. А потом как бы выдыхается. Он объясняет это тем, что ему надо побыть в одиночестве, чтобы все обдумать, обмозговать, но, в принципе, ему просто надо вырыть норку и укрыться в ней. Такого рода поведение довольно часто встречается среди

творческих личностей. Ваш сенатор — биполярная личность. Думаю, он всегда был такой.

— Во время кампании, когда он так себя вел, мы говорили «он в хвосте автобуса».

— В хвосте автобуса вместе с Мойрой?

— Да, точно. Мойре очень хорошо удавалось сблизиться с ним, когда он был не настороже.

Грета нахмурилась.

— Ты сделал с Мойрой что-то ужасное, да?

— Послушай, но он же все-таки сенатор. Я привел его на этот пост, и я отстаиваю его интересы. Он развлекся во время кампании, ну и что? Разве можно его осуждать за это?

— Ну, я не осуждаю, просто, раз уж я пришла сюда и познакомилась с ним, значит, могу высказать свое мнение о нем, — сказала Грета. — Я так надеялась, что он сможет мне помочь. Нам бы очень помог честный надежный сенатор, который поддержал бы нашу Лабораторию. Совершенно очевидно, что Элкотт как раз такой человек, который мог бы понять наши интересы. Но теперь он недееспособен, и это результат того, что он столкнулся с Хью, который таких, как он, разжевывает пачками. — Она помрачнела. — Посмотри, как он прекрасно оформил это старое, никому не нужное здание! Он, наверное, гений в

своем роде. А теперь они его растоптали. От этого становится совсем тоскливо. Какая потеря! Он утратил разум. Страна потеряла такого человека.

— Ну я думаю, что он восстановится.

— Нет, вряд ли. Он не придет в себя только потому, что начнет есть. Он сошел с ума. Он больше не в состоянии помочь тебе, а следовательно, и мне. Так что все напрасно и пора оставить эту затею.

— Нет, мы не собираемся бросать начатое.

— Послушай, Оскар, давай я просто вернусь в свою Лабораторию. Дай мне просто поработать. Это разумный подход.

— Конечно! Но я не разумная личность, и времена сейчас также не разумные.

В офис вошел Леон Сосик.

— Небольшой разгром. — Лицо его было серым.

— Нет, вы только посмотрите, какой дерзкий ход! — сказал Оскар. — У Хью уже стоял в нейтральных водах этот авианосец. Он предатель! Он в сговоре с иностранной державой!

Сосик покачал головой.

— Я говорю не об этом.

— Мы не можем допустить, чтобы этот наглый ход сошел ему с рук! Мы должны выволочь Хью на ковер и раздолбать его там под барабанную

дробь!

Сосик вытаращил на него глаза.

— Ты это всерьез?

— Конечно, всерьез! Наш шеф вынудил Хью к решительным действиям, и тот показал наконец под какими флагами он стоит. Он является угрозой национальной безопасности! Мы добьемся того, чтобы его сняли.

Сосик обернулся к Грете с выражением любезного сожаления.

— Доктор Пеннингер, вы не позволите мне поговорить с мистером Вальпараисо с глазу на глаз.

— О, конечно. — Грета нехотя поднялась, отставив тарелку с отбивными.

— Я могу попросить предоставить вам пока какой-нибудь кабинет.

— Нет, в этом нет необходимости, мне надо идти… Если нетрудно, вызовите мне такси. Здесь в городе конференция. У меня там дела.

— Я прикажу нашему шоферу отвезти вас на конференцию, доктор Пеннингер.

— Это было бы замечательно. Большое спасибо. Она взяла сумочку и вышла из офиса.

Оскар с сожалением посмотрел ей вслед.

— Лучше бы вы этого не делали, — сообщил он Сосику. — Она должна была остаться здесь. Мы

могли бы заняться этим чуть попозже.

— Да, мне говорили, что ты такой, — уныло пробормотал Сосик. — Они меня предупреждали, но я не мог поверить. Ты не передашь мне панель управления?

Оскар переключился на передачу по каналу федералов.

— Это все еще в развитии, Леон! Нам надо прижать его побыстрей, пока он не придумал новых подходящих объяснений.

Сосик мягко вытащил из рук Оскара панель управления и положил руку ему на плечо.

— Детка, — сказал он, — пойдем прогуляемся. Нам надо поговорить серьезно с глазу на глаз.

— Нам не следует сейчас тратить время на пустые беседы!

— Сынок, я шеф администрации. Я не считаю, что ты тратишь время впустую, разговаривая со мной.

Женщина из обслуживающего персонала принесла их шляпы и плащи. Они спустились на лифте и вышли на улицу.

— Давай прогуляемся в сторону Соммервиля, — сказал Сосик. — Аудионаблюдение там менее плотное.

— Проблема в этом? Ну так мы можем разойтись

в разные стороны и поговорить по зашифрованной линии.

Сосик вздохнул.

— Ты не можешь перейти на обычный человеческий шаг хотя бы на минутку? Я уже старый человек.

Оскар промолчал. Они проследовали по улице в северном направлении к проспекту. Оскар шел, вжав голову в плечи, холод пронизывал до костей. Деревья стояли голые, люди суетясь бегали по магазинам, делая рождественские покупки.

— Я просто не могу находиться в офисе, — сказал Сосик. — Он сорвался, с ним все кончено. Все его обожают. А теперь они вынуждены наблюдать, что с ним творится.

— Да, но ваш уход вряд ли поднимет им настроение.

— Заткнись! — сообщил ему Сосик. — Я занимаюсь делами вот уже тридцать лет. Я видел закат политической карьеры множество раз — тот спился, этот смошенничал, третий вызвал скандал сексуальными похождениями, финансовыми махинациями… Но впервые мне встречается парень, который сошел с дистанции даже не успев принять присягу в Вашингтоне.

— Элкотт, как всегда, выделяется из толпы, —

кивнул Оскар. — Он провидец.

Сосик бросил на Оскара испытующий взгляд.

— Зачем ты, вообще, втянул его в политику? Он ведь совершенно не похож на нормального политика. Из-за жены? У нее что-то на тебя есть? Это из-за твоего происхождения?

— Нормальные политики в наши времена не могут ничего сделать, Леон. Мы живем в сумасшедшее время. Америка — ненормальная страна. Мы исчерпали потенциал нормального подхода к вещам. Ничего не осталось.

— Ты, безусловно, не нормален. И что ты делаешь в политике?

Оскар пожал плечами.

— Кто-то же должен исправлять то, что наделали за тридцать лет вы, политики и профессионалы, Леон.

Сосих поморщился.

— Ну хорошо, мы сделали наш лучший ход и в результате наш кандидат погорел.

— Он не погорел. Он сошел с ума.

— Сумасшедший или погорелец, какая разница.

— Большая. Правда заключается в том, что у него помутнение рассудка. Это проблема. Проблема имиджа. Когда проблема такого рода,

как сумасшествие, спрятать ее не удается. Ее лучше выставить на свет и подать поярче. Вот, например: в искреннем порыве протеста человек голодовкой довел себя до полусмерти, а теперь потерял рассудок. Но наше ключевое слово будет не «сумасшествие». Нашими ключевыми словами будут «искренний» и «протест».

Сосик поднял воротник плаща.

— Слушай, ты не сможешь всерьез разыграть такие карты.

— Нет, я смогу. А вот сможете ли вы?

— Мы не можем иметь душевнобольного в качестве сенатора! Как, черт возьми, он сумеет провести хотя бы один законопроект!

— Элкотт никогда и не собирался заниматься всякими техническими моментами. У нас есть для этого хорошо подготовленные кадры. Элкотт — харизматический лидер. Он может зажечь людей, повести их за собой к сияющим вершинам. Все, что ему нужно было, — это привлечь к себе внимание и заставить их поверить в него. И сейчас он этого добился.

Сосик задумался.

— Детка, если ты сможешь, это провернуть и это сработает, то это будет значить, что вся страна сошла с ума.

Оскар промолчал.

— И как конкретно, ты думаешь, это можно сделать?

— Мы должны повесить всех собак на Хью, задев патриотические чувства народа, а сами пока будем разбираться с медицинскими проблемами. Постоянные репортажи от постели больного, когда Эл будет приходить в сознание. Уинстон Черчилль был биполярной личностью, а Авраам Линкольн страдал депрессиями. Призовем на помощь всех федеральных демократов, призовем на помощь его жену — она борец, она будет за него бороться до конца. Плюс горы писем в поддержку сенатора. Это все осуществимо.

— Если это осуществится, значит, я потерял контакт с реальностью. Это не та Америка, что я знаю. У меня на такое не хватит сил. Я подам в отставку. И ты станешь шефом администрации.

— Нет, Леон, ты должен остаться шефом администрации. Ты квалифицированный профессионал, тебе доверяют, а я… здесь никак не вписываюсь в картину. С моим происхождением я не смогу выступать, если потребуют публичной медицинской проверки.

— Я знаю, ты рвался на мое место.

— О, у меня и без этого забот полон рот. Сосик

фыркнул.

— Не втирай мне очки.

— Правда, — сказал Оскар. — Это верно, я метил на ваше место, но теперь у меня другие дела. Вы видели ее, это Грета.

— Кто? ? ?

— Ученая, черт возьми! Доктор Пеннингер! Сосик взаправду удивился.

— Что? Она? Да ей все сорок! Морда топором! Что с тобой, малыш? Не более двух месяцев назад у тебя сваливались штаны при виде журналисточки, которая поддерживала в прессе вашу предвыборную кампанию. И ты был до чертиков счастлив, что тебя с ней не засекли! А теперь эта?

— Да, все верно. Эта. Сосик поскреб подбородок.

— Совсем забыл, как это бывает в молодости… И из этого может выйти что-нибудь хорошее?

— Нет, не может, — ответил Оскар. — Ничего хорошего, кроме плохого. Совсем плохого. Все еще хуже, чем вы думаете, все просто ужасно. Если нас застукают, мы оба лишимся работы. А она фанатичный трудоголик — наука единственный смысл ее существования. Хью обожает ее и хочет переманить к себе в какую-то сумасшедшую моз-

говую лабораторию, которую он строит в бывших соляных копях… Плюс, она слишком много пьет, у нее аллергия на обычный воздух, она на восемь лет меня старше. … И, ох, она к тому же еврейка. Хотя сейчас, по ряду причин, быть евреем — не слишком проблематично.

Сосик тяжело вздохнул.

— Хо! Так вот как обстоят дела!

— Да, почти. За исключением одной вещи. Она — гений! Она уникальна и неповторима, она великолепна!

Кевин Гамильтон пришел в гости к Оскару потолковать по-соседски. Кевин был человек с не отрегулированным режимом дня, он принес с собой пакет банановых чипсов, ореховое масло, сэндвич и шоколадку.

— Политика в наши дни не имеет значения, — откровенно проинформировал он Оскара.

— Я же не предлагаю тебе влезать в политику, Кевин. Я просто прошу присоединиться к моей команде и взять на себя обеспечение безопасности.

Кевин высыпал в ладонь горсть банановых чипсов и одним махом отправил их в рот.

— Ну ты же вроде сам этим занимаешься, зашибаешь бабки на этом…

Оскар установил лэптоп на широком столе для

совещаний.

— У нас не так уж много времени, чтобы болтать о том о сем. Так что давай, выложим карты на стол. Понимаю, ты особый парень, но я тоже как-никак могу получать информацию из Сети. Список твоих правонарушений не помещается на экране. Десять лет ты жил на доходы, источники которых неизвестны. Твой отец был обвинен во вскрытии компьютерных паролей. Ты работаешь осведомителем в полиции, и вести наблюдение стало твоим увлечением. Я уверен, что ты как раз то, что мне нужно.

— Мило с твоей стороны не упомянуть о моем происхождении, — заметил Кевин.

Он отложил в сторону сэндвич и достал из портфеля старомодный лэптоп на батарейках. Древняя машина была перетянута тугими ремнями, на ней были видны наклейки, оставшиеся после путешествий.

— Я никогда не говорю о таких вещах, — ответил Оскар.

— Еще бы ты стал говорить о том, что я происхожу из этнического меньшинства! — заметил Кевин, глянув на экран. — Насколько я могу судить, ты вообще лабораторный продукт.

— Признаю — виновен.

— Да-а, моему папаше пришлось плохо, когда поломался его бизнес, однако твой был отличным гангстером. Повезло тебе, что федералы не любили потрошить голливудских звезд.

— Ага, и фильмы у него были просто криминальные.

— Ну ты, я вижу, крепкий орешек. Но я не гожусь в телохранители. Так, помогаю по-соседски. Я здесь хорошо пристроился, после многих лет кочевой жизни приятно иметь крышу над головой. Но ты ведь политик и у тебя множество врагов. Если я стану работать на парня вроде тебя, меня могут убить.

— *Дело в том*, что это я хочу избежать насильственной смерти и плачу тебе за это деньги.

— Ума не приложу, чего я вообще сижу и слушаю тебя, шеф. Но знаешь, готов признать, в чем-то мне твое предложение по душе. Люблю парней, которые знают, чего хотят, и прямо идут к цели. Что касается тебя, то… Думаю…

«Пора разыгрывать следующую карту», — решил Оскар.

— Слушай, я понимаю насчет твоего отца, Кевин. Многие порядочные люди пострадали, когда интеллектуальная собственность обесценилась. Мои друзья из окружения сенатора могли бы

поговорить кое с кем насчет гранта за ущерб и клевету. Думаю, я мог бы что-нибудь для тебя сделать.

— Ого, вот это было бы здорово! Знаешь, мой папаша был совсем неопытен в таких делах. Он вовсе не был похож на тех белых, какими их изображают ваши, — этакий расистский подход. А федералы просто взяли и обвинили его во всех грехах — в нарушении тайны информации и прочем. И он даже не сообразил представить против них в суд контробвинения в растрате.

— Ему следовало нанять хорошего адвоката.

— Кого именно? Его собственный адвокат смылся в Европу, как только запахло жареным. — Кевин вздохнул. — Я почти, что сам решил махнуть в Европу, а потом подумал… какого черта! Можно примкнуть, к кочующим по дорогам пролам, и это будет то же самое, что выехать в другую страну.

— Ты не возражал бы против поездки в Техас? У тебя ничего не намечается здесь на Рождество? Мы бы могли сразу полететь туда.

— Мне безразлично. Мне все равно, где быть, если я имею возможность подсоединиться к своему серверу.

Хлопнула дверь, и через мгновение появилась

Донна с пакетом, присланным по авиапочте.

— Это мне? — радостно поинтересовался Кевин. Он вскрыл пакет складным швейцарским ножом. — Майонез! — с недоверчивым изумлением воскликнул он, вытаскивая здоровую банку без этикетки, наполненную густой белой массой. — Кажется, почти ручное производство. — Он бережно положил банку в свой безразмерный портфель.

— Она приехала, — прошептала Донна Оскару.

— Мне надо встретиться с гостьей, — объяснил тот Кевину.

— Еще одной? — подмигнул Кевин. — А где та цыпочка, что выскочила в банном халате?

— Ты не мог бы подойти ко мне завтра утром и сообщить твое решение?

— Не-а, зачем мне приходить? Я уже все решил. Я согласен.

— Правда?

— Ага, это приятные перемены в моей мирной жизни. Я приступлю к работе сразу же. Ты там договорись с вашими сисадминами, а я гляну, что можно сделать для вас в Сети.

7.

Жизни в Коллаборатории не хватало многих привлекательных возможностей, имевшихся в Бостоне. Оскар и Грета встретились в сломанном автомобиле на темной стоянке позади мастерской по ремонту транспортных средств. Место встречи выбрал Кевин Гамильтон. Кевин имел большой опыт устраивать встречи нужных людей внутри анонимных автомобилей. Кевин не был агентом Секретной службы, но он рос уличным мальчишкой и знал массу трюков и уловок.

— Я боюсь, — призналась Грета.

Оскар поправил пиджак, натянувшийся от неудобной позы. Автомобиль был настолько мал, что они сидели почти на коленях друг у друга.

— Как ты можешь бояться аудитории? Ты же произносила речь по поводу получения Нобелевской премии в Стокгольме?

— Но тогда я говорила о моей собственной работе! Об этом я могу говорить всегда и везде. Это совсем другое. Но ты хочешь, чтобы я встала перед правлением директоров и отчитала их. Перед большой толпой моих друзей и коллег. Я не гожусь для таких выступлений.

— Как раз, наоборот, ты прекрасно подходишь. Ты идеально подходишь для этой роли. Я знал это с того момента, как тебя увидел.

Грета пристально смотрела на экран лэптопа. Это был единственный освещенный предмет внутри мертвого авто, и его темноватый свет мягко подсвечивал их лица. Было два часа ночи.

— Если здесь действительно так плохо, как ты думаешь, тогда бороться бесполезно. Мне надо уйти в отставку.

— Нет, ты не должна уходить в отставку. Цель твоего выступления на собрании директоров — напротив, заставить их уйти! — Оскар взял ее за руку. — Ты не обязана говорить ничего, кроме того, что сама считаешь чистой правдой.

— Ну, кое-что тут, безусловно, правда, так как я сама тебе об этом рассказывала. Но я никогда не намеревалась сообщать им вслух , что они должны уйти. И я не хотела бы с ними говорить таким образом. Такая речь — это жесткая политическая атака! Это не наука. Это не объективно.

— Тогда скажи мне, как нужно с ними говорить. В конце концов, ты же умеешь выступать — ты из тех, кто умеет заставить аудиторию слушать. Давай обсудим по пунктам, что ты хочешь им сказать.

Грета полистала текст на экране вверх и вниз и вздохнула.

— Хорошо. Я думаю, самая тяжелая часть вот эта, где речь идет о положении ученых, о том, что они являются угнетенным классом. Вот: «Группа эксплуататоров должна быть убрана, с ней надо покончить». Ученые солидаризируются и требуют справедливости. Господи боже, да я просто не смогу такое выговорить! Это слишком радикально, это прозвучит как сумасшедшее требование!

— Но вы на самом деле угнетенный класс! Это так и есть, это самая что ни на есть жгучая правда. Наука в какой-то момент взяла неверное направление, вся научная деятельность скатывается черт знает куда! Вы потеряли свою нишу в общественной жизни. Вы потеряли престиж, самоуважение и уважение других. Требования, которые вам сейчас предъявляют, невыполнимы. У вас больше нет интеллектуальной свободы. Вы находитесь в интеллектуальном рабстве.

— Но это не превращает нас в «угнетенный класс». Мы элитные кадры, высокообразованные эксперты.

— Ну и что? Вы в отвратительном положении! У вас нет никаких прав принимать решения относительно собственных исследований. Вы

не контролируете расходы. У вас нет никаких гарантий обеспечения вас работой. У вас украли все ваши традиционные привилегии. Ваша старая высокая культура была сметена подчистую невежественными поверхностными подражателями. Вы техническая интеллигенция, верно, но вы играете на руку нахлебникам и коррумпированным политикам, тем, кто набивает карманы за ваш счет.

— Как ты можешь так говорить? Посмотри на это удивительное место, в котором мы живем!

— Милая, ты только думаешь, что это башня из слоновой кости. В действительности вы арендаторы трущоб.

— Но никто так не считает!

— Дело в том, что вас дурачили в течение многих лет» Ты умна, Грета. У тебя есть глаза и уши. Подумай о том, как вы живете. Подумай о том, как твои коллеги действительно должны жить. Всерьез подумай. Она замолчала.

— Вперед, — сказал он. — Не стесняй себя во времени, обдумай это.

— Это правда. Да, это правда, и это ужасно, и я стыжусь и ненавижу это. Но ведь это политика. У нас нет никаких средств справиться с этим.

— Мы займемся этим, — сказал он. — Давай-ка

пройдемся дальше по твоей речи.

— Хорошо. — Она вытерла глаза. — Ладно, вот что для меня действительно больно и неприятно — сенатор Дугал. Я знаю, что он за человек, я общалась с ним долгое время. Конечно, он пил слишком много, но все мы делаем это в настоящее время. Он был не так плох, как остальные.

— Люди не могут объединяться против абстракций, им нужно, чтобы их неприятности обрели конкретное лицо. В этом — то, как ты подаешь людей в политике, — ты должна выбрать цель, закрепить, олицетворить ее и поляризовать. Дугал отнюдь не единственный твой враг, но пусть тебя это не беспокоит. Остальные полезут из всех щелей, как только ты припрешь их к стенке.

— Но он построил здесь все, он построил всю Лабораторию!

— Он проходимец. У нас куча информации о нем — воз и маленькая тележка сведений о его незаконной деятельности. Никто не смел перечить ему, пока он был у власти. Но теперь, когда в судне обнаружилась течь и туда хлынула вода, крысы бегут с тонущего корабля. Там все — подкуп, вознаграждения, отмывание денег… Вот ты отвечаешь сейчас за Оборудование. Дугал и его близкие друзья снимали сливки с Оборудования

в течение многих лет. У вас есть как юридическое, так и моральное обязательство предъявить ему претензии. И самое приятное, что в данный момент наезд на Дугала вам совершенно ничем не грозит. Он не может ничего вам сделать. Дугал — легкая часть задачи. — Оскар помолчал и добавил: — Вот кто меня на самом деле беспокоит, так это Хью.

— Я не понимаю, зачем я должна поступать так гнусно…

— Тебе нужна громкая проблема, а громких и не спорных проблем на свете не бывает. Насмешка — лучшее оружие радикала. Власть имущие могут выдержать все, кроме насмешки.

— Это не для меня.

— Давай сначала попробуем. Проведем эксперимент. Начни с одного или двух из тех подпевал и посмотри, как реагирует твоя аудитория.

Она фыркнула.

— Они ученые. Они не отвечают за подпольные махинации.

— Отвечают и еще как! Ученые умеют драться, как сумасшедшие ласки. Взять хотя бы вашу собственную историю здесь, в Лаборатории! Когда Дугал все тут строил, он должен был купить голоса тех, кто его одобряет. Он нуждался в поддержке

христианских организаций, раз собирался строить гигантскую генетическую лабораторию в Восточном Техасе, где традиционно уважают Библию. Именно поэтому Коллабораторий имеет собственный отдел креационистской науки. Это продолжалось шесть недель и сопровождалось кулачными драками, бунтами и поджогами! Они были вынуждены вызвать полицию штата Техас, чтобы восстановить порядок.

— Ну, с созданием этого отдела все обстояло не так плохо.

— Нет, это было ужасно. Ваше небольшое замкнутое общество постаралось выкинуть это из памяти, потому что было слишком стыдно вспоминать. И это еще не все. В следующем году восстали жители Буны, настоящий городской бунт… И фанатичные преследования в течение экономической войны. Федеральная «охота на ведьм» — поиски иностранных шпионов в научных рядах, — гиперинфляция и простые сотрудники Лаборатории, прозябающие на голодном пайке… Послушай, я не ученый, как ты. Я не принимаю на веру, что наука одни лишь благородные усилия. Я реально смотрю на вещи.

— Хорошо, а я не политический деятель, как ты. Так зачем мне выкапывать уродливые скан-

далы?

— Любимая, мы когда-нибудь поговорим подробнее о Золотой эпохе двадцатого века — о лысенковщине, атомном шпионаже, нацистских врагах и экспериментах с радиацией! А пока что давай придерживаться твоей речи.

Она пристально смотрела на лэптоп.

— Боже, совсем ужасно! Ты хочешь, чтобы я сократила наш бюджет и выкинула людей с работы!

— Бюджет должен быть сокращен. И сокращен решительно. И людей надо по увольнять, их надо буквально вывозить грузовиками. За шестнадцать лет существования Лаборатория обросла огромным штатом бездельников-бюрократов. Надо разогнать этот ваш отдел Раскрутки — там одни только прихвостни Дугала, сплошные взяточники. Выгони этих трутней из Лаборатории и передай бюджет в руки настоящих исследователей. И особенно гони в шею полицию.

— Я не могу гнать полицию. Это сумасшествие.

— Полицию следует изгнать как можно быстрее. Создай свою собственную охрану. Если у тебя нет собственной полиции, ты идешь на поводу других. Полиция — ядро любого общества, и если она не на твоей стороне, тебе не удержать власть.

Хью это понимает. Именно поэтому Хью держит полицейских. Они могут быть официально федералами, но они все у него в кармане.

Автомобиль вдруг резко тряхнуло, раздался глухой удар и скрип.

Оскар вскрикнул от неожиданности. Бесформенное черное животное, налетевшее на машину, заскребло когтями по капоту.

Это — лемур, — сказала Грета. — Они ночные животные.

Лемур смотрел сквозь ветровое стекло желтыми глазами, размерами и формой напоминавшими мячи для гольфа. Прижатые почти вплотную к стеклу протогума-ноидные руки придавали ему странно-серьезный вид.

— Боже, что это! — вскрикнул Оскар. — Он напоминает кошмарный призрак Банко, что преследует тебя по ночам! И кому только могла взбрести в голову эта светлая идея? Дикие животные, гуляющие на свободе в научной Лаборатории? В этом нет ни малейшего смысла!

— Они и в самом деле призраки, — сказала Грета. — Мы научились делать это здесь, и это кое-что значит.

Она приоткрыла дверцу и, высунувшись наполовину наружу, замахала рукой.

— Иди отсюда! Ступай прочь!

Лемур неохотно растворился в темноте.

Оскара прошиб холодный пот. Волосы встали дыбом, руки дрожали. Он мог фактически обонять собственный страх: острый запах феромонов. Он скрестил руки на груди, его била крупная дрожь, и он никак не мог ее унять: нынешним вечером он был предельно восприимчив.

— Подожди минутку… Извини… Так на чем мы остановились?

— Я не могу встать и начать требовать увольнения людей!

— Не решай все заранее. Попробуй. Начни с того, что некоторых из прихвостней следует уволить и затем смотри, какой будет реакция. — Он перевел дыхание. — И помни о кульминационном моменте — в конце ты выкладываешь туза.

— Это когда я сообщаю, что отказываюсь от моего собственного жалованья?

— Да, думаю, что можно было бы пойти на добровольное сокращение примерно вполовину — даже это было бы хорошо, поскольку по моим прикидкам бюджет Коллаборатория следует урезать в два раза. Но более сильное впечатление произведет полный отказ от зарплаты. Ты отказываешься брать правительственные деньги,

пока Лаборатория не будет преобразована. Это финал выступления, он покажет, что ты действительно серьезно настроена, это станет событием. Тогда ты сядешь на место, и будешь наблюдать дальнейший фейерверк.

— Ага, я сяду, и директор уволит меня, не сходя с места.

— Нет, не уволит. Не посмеет. Он никогда не был самостоятельным человеком, и он просто недостаточно умен, чтобы быстро отреагировать. Он будет выжидать. Выкинуть директора из офиса — не проблема. Следующий большой шаг — посадить тебя на директорское место. И самое сложное — удержаться на должности достаточно долго, чтобы успеть протолкнуть некоторые реальные реформы.

Грета вздохнула.

— И затем, наконец, когда-нибудь я смогу заняться работой в моей Лаборатории?

— Вероятно. — Он сделал паузу. — Нет, конечно, сможешь. Если ты в самом деле этого захочешь.

— На что я буду жить, не получая жалованья?

— У тебя сохранилась твоя Нобелевская премия. У тебя осталась большая груда шведских крон, которую ты даже не трогала.

Она нахмурилась.

— Я думала купить новое оборудование, но люди в Лаборатории не позволили бы мне этого.

— Хорошо, это твоя проблема. Но в первую очередь надо уволить всех тех жалких ублюдков!

Она закрыла лэптоп.

— Да, это серьезно. После такого выступления поднимется страшный шум и ужасная вонь. Кое-что случится.

— Надо, чтобы что-нибудь случилось. Именно поэтому мы делаем все это.

Она с тревогой повернулась на месте, задев его коленом.

— Я всего лишь хочу правды. Не политики. Просто правды.

— Это честная политическая речь! Все, что ты скажешь, может быть подтверждено документами.

— Это честно относительно всего, что не касается нас с тобой. Честно, но не в отношении тебя и меня.

Оскар медленно выдохнул. Он ожидал этого вопроса.

— Да, ты права — это та цена, которую мы должны заплатить за успех. Послезавтра мы начинаем нашу кампанию. Даже с самыми чистыми намерениями и желаниями мы больше не сможем

встречаться с тобой наедине. До этого мы могли урвать момент, мы могли встречаться в Бостоне или в Луизиане без риска навлечь на себя неприятности, и это было прекрасно. Но отныне у нас больше не будет такой возможности. Сегодня — последний раз, когда ты и я встретились друг с другом наедине. Меня даже не будет на твоем завтрашнем выступлении. Нельзя производить впечатление, будто я подталкиваю тебя.

— Но людям все известно относительно нас. Многие знают. Я хочу, чтобы люди знали.

— Все политические лидеры ведут двойную жизнь. Публичную и частную. Это не лицемерие. Это действительность.

— А что, если нас разоблачат?

— Ну, есть два способа разрешить ситуацию. Мы можем все отрицать. Это самый простой и самый легкий способ — отрицать все и предоставить им собирать доказательства. Другой вариант — разыграть таких скромных голубков, говорить, что мы польщены их попыткой нас свести. Мы можем немного поиграть в такую игру, быть при этом сексуальными и очаровательными. Это старый голливудский способ. Правда, это довольно опасная игра, но я в ней поднаторел, мне самому этот способ кажется предпочтительней.

Некоторое время она молчала. Потом спросила:

— А ты не будешь скучать без меня?

— Без тебя? Что значит без тебя? С этого момента я — менеджер твоей кампании. Ты теперь — самое главное в моей жизни! Ты — мой кандидат!

Оскар и Йош Пеликанос наслаждались моционом вокруг фарфоровой башни Хотзоны. На Пеликаносе была шляпа с козырьком, шорты хаки и фуфайка без рукавов. Два месяца внутри купола заставили почти всю команду Оскара одеться на манер аборигенов. На Оскаре по контрасту был его самый аккуратный костюм и островерхая новая шляпа. Оскар редко чувствовал потребность в серьезных упражнениях для здоровья, так как его метаболическая норма была на восемь процентов выше, чем у нормального человека.

Их прогулка была рассчитана на публику. Грета сегодня выступала на заседании правления Коллабора-тория, и Оскар стремился незаметно быть неподалеку. Это было довольно трудно, поскольку в общественных местах его сопровождал телохранитель — Кевин Гамильтон, едущий в моторизованном инвалидном кресле.

— Что за парень этот Гамильтон? — провор-

чал Пеликанос, оглядываясь через плечо. — С какой стати ты нанял белого шустрилу? Его единственный мандат — что он хромает даже пуще Фонтено.

— Кевин? Он талант. Он справился с той программой из Сети, из-за которой за мной охотились. Кроме того, он работает за очень низкую плату.

— Он одевается, как меняла! Получает по восемнадцать посылок в день! А его наушники — да он просто спит в них! Это действует всем на нервы.

— Кевин подрастет еще. Я знаю, что он не стандартный игрок команды. Будьте терпимы.

— Я нервничаю, — признался Пеликанос.

— Совершенно незачем! Вы заложили прекрасную основу. Вы отлично поработали, и я горжусь вами. — Оскар был в лучезарном настроении. Непереносимое внутреннее напряжение, стресс, состояние неопределенности всегда действовали на него, как катализатор, пробуждая ребяческую, неотразимо очаровательную сторону его личности. — Йош, ты провел первоклассную работу по аудиту. И запугивание перед голосованием отлично сработало, ты обработал их красиво. Несколько дюжин вопросов на фирменном бланке Комитета по науке, и местные жители прыгают

подобно марионеткам, они смущены и готовы на все. Это была ловкая штука, как ни посмотри. Даже отель делает деньги! А это очень актуально. Особенно сейчас, когда мы потратили столько денег на кадровые агентства…

— Да, ты заставил нас всех работать как мулов. Можешь мне об этом не рассказывать! Вопрос в, том — достаточно ли того, что мы сделали?

— Ну, достаточно не бывает никогда. Политика — это не точный инженерный расчет, это драматическое искусство. Волшебство представления. Это как подготовка новогодней сцены: мы пригласили публику, украсили зал цветами, повязали на рукава ленты, а на шеи цветные шарфы и выставили на сцену множество шляп и кроликов.

— На мой взгляд, слишком много шляп и кроликов.

— Нет, не слишком! Их не бывает слишком много! Мы просто используем в подходящий момент те, что нам нужны. Это красота многозадачности.

Пеликанос фыркнул.

— Не надо толкать речь, как Бамбакиас. Со мной это не пройдет.

— Но это работает! Если федералы так или

иначе нас подставят, мы устроим утечку информации, чтобы она просочилась и дошла до местных городских властей. Муниципалитет Буны любит нас! Я знаю, что они стоят немного в политическом смысле, но, послушай, за последние шесть недель мы привлекли к ним внимания больше, чем Коллабораторий за все свои пятнадцать лет существования.

— Значит, ты еще не сделал окончательный выбор?

— Точно.

— Ты всегда говорил, что терпеть не можешь таких ситуаций.

— Что? Никогда я такого не говорил! Ты просто не в настроении, Йош! А у меня, наоборот, приподнятое настроение. У нас было несколько задержек, но принять назначение сюда было мудрым решением. Это обогащает наш профессиональный опыт.

Они остановились, пропуская яка, пересекающего дорогу.

— А знаешь, что мне больше всего нравится в этой предвыборной кампании? — спросил Оскар. — Что она такая миниатюрная! Две тысячи политически неграмотных единиц, запечатанных внутри купола. Мы имеем полные досье на

каждого избирателя и списки всех заинтересованных групп внутри Коллаборатория!

Дело не только в том, что Лаборатория замкнута и отрезана от всего мира — с политической точки зрения ситуация здесь совершенно волшебная.

— Я рад, что это приводит тебя в хорошее настроение.

— Да, я радуюсь этому, Йош! Независимо от того, потерпим ли мы сокрушительное поражение или вознесемся на вершину славы, у нас больше никогда не будет подобного удивительного шанса.

Мимо них проехал громадный грузовик с рассадой растений-мутантов.

— Знаешь что? — заметил Пеликанос. — Я так занят, что у меня даже не было времени разобраться, чем они фактически заняты здесь.

— Думаю, что ты разбираешься в их делах намного лучше, чем они сами.

— Не их финансы, я подразумеваю науку. Я научился хорошо разбираться в коммерческом аспекте биотехнологии — мы же вместе с тобой занимались этим бизнесом в Бостоне. Но я не понимаю самого главного — вот этих людей, что занимаются наукой, мозгами, когнитивными процессами, я что-то недопонимаю в них…

— Да? Я вот лично тоже пытался что-то понять насчет «амилоидных фибрил». Грета просто сходит с ума по таким вещам.

— Я не говорю о том, что некоторые области трудно понять чисто технически, нет, мне кажется, они что-то скрывают.

— Конечно. Наука в состоянии упадка. Они не могут получить больше патент или авторские права на результаты работы, а потому пытаются засекретить их, чтобы посторонние не могли ими торговать. — Оскар рассмеялся. — Как будто это может действительно что-то значить в настоящее время!

— Возможно, у них есть что-нибудь, что могло бы помочь Сандре.

Оскар был тронут. Теперь причины мрачного настроения, в котором пребывал его друг, полностью прояснились.

— Пока есть жизнь, есть и надежда, Йош!

— Если бы у меня было больше времени, чтобы разобраться с этим, и если бы они не были столь отстраненными… Господи, в нынешние времена все — сплошные шляпы и кролики! Ничто невозможно предсказать, ничто не имеет смысла. Наше общество потеряло свою основу. Больше нет нормальных учреждений и органов, куда ты

можешь обратиться, где ты можешь высказаться. Настали темные времена, Оскар! Иногда я в самом деле думаю, что наша страна сходит с ума.

— Почему ты так думаешь?

— Ну возьмем хотя бы нас. Я хочу сказать о том, с чем мы сами сталкиваемся. — Пеликанос нагнул голову и начал загибать пальцы. — Моя жена — шизофреник. Бамбакиас — в глубокой депрессии. Бедная Мойра потеряла контроль над собой и попала в тюрьму. Дугал — алкоголик. Зеленый Хью — мегаломаньяк. И плюс те сумасшедшие, что охотились за тобой… Когда это кончится?

Оскар продолжал идти в молчании.

— Ты думаешь, я преувеличиваю? Или это подлинная тенденция?

— Я называю это «донной волной», — сказал Оскар. — Она объясняет возросшую популярность Бамбакиаса с тех пор, как он заболел. Он классик харизматической политики. Даже его негативные качества играют ему на руку. Люди благодаря этому ощущают его подлинность, они признают, что он истинный человек нашего времени. Он представляет американских людей. Он прирожденный лидер.

— Он может принять меры, чтобы защитить нас в Вашингтоне?

— Ну, у него есть имя… но, если, по сути, то не может. Лорена держит меня постоянно в курсе, и, по честному, он действительно не в себе. Он зациклился относительно Президента, что-то такое, связанное с войной в Европе… Он видит голландских агентов, скрывающихся под каждой кроватью… Его пробуют привести в чувство с помощью разных антидепрессантов.

— Это поможет? Они могут привести его в норму?

— Ну, его лечение подробно освещается в средствах информации. У Бамбакиаса целый фэн-клуб, огромное количество поклонников с тех пор, как он начал голодовку… У них есть собственные сайты и средства поддержки, у них хорошо налаженная поддержка по электронной почте, все присылают сведения о домашних средствах для восстановления умственного здоровья. Это классическое проявление фетишизма. Ну, сам понимаешь — футболки, автографы, эмблемы, кофейные наклейки, магниты для холодильника. … Я не думаю, что это поможет в нашем случае.

Пеликанос потер подбородок.

— То есть он стал вроде тех популярных звезд, о которых пишут бульварные газеты?

— Точно. В самую точку. Ты зришь прямо в

корень.

— И насколько все это плохо, Оскар? Я подразумеваю, что в основном это наша ошибка, не так ли?

— Ты так думаешь? — Оскар был удивлен. — Знаешь, я не слишком сейчас слежу за всем этим, так что вряд ли могу судить…

Посыльный на велосипеде остановился рядом с ними.

— У меня посылка для господина Гамильтона.

— Тебе нужен вон тот парень в инвалидном кресле, — показал Оскар.

Посыльный сверился с ручным спутниковым считывающим устройством.

— О да! Правильно. Благодарю. — Он нажал на педали.

— Ну, ты никогда не был главой его администрации, — сказал Пеликанос.

— Да, верно. Это большая удача. — Оскар наблюдал, как посыльный на велосипеде общается с шефом безопасности. Кевин поставил подпись на свернутых листах бумаги. Он просмотрел адреса отправителей и начал говорить что-то в укрепленный на голове и торчащий около рта мундштук микрофона.

— Ты знаешь, что он ест из тех пакетов? —

спросил Пеликанос. — Длинные белые палки, похожие то ли на мел, то ли на солому. Он жует их все время.

— Ну, по крайней мере, он ест! — утешил его Оскар. Его телефон зазвонил. Он отделил его от рукава и ответил.

— Привет?

Послышался отдаленный, будто протравленный кислотой голос.

— Это я, Кевин.

Оскар оглянулся и увидел Кевина, что катил в ускоренном темпе коляску позади них.

— Да, Кевин? Что случилось?

— Думаю, у нас проблемы. Кто-то только что включил пожарную тревогу внутри Коллаборатория.

— Ив чем проблема?

Оскар наблюдал, как движется рот Кевина. Голос Кевина достиг его уха на десять секунд позже.

— Ну, это же герметический купол. Местные жители серьезно относятся к пожарам.

Оскар посмотрел наверх в безоблачно-ясное зимнее небо.

— Я не вижу дыма. Кевин, что с твоим телефоном?

— Меры против прослушивания — я прокручиваю этот звонок приблизительно восемь раз вокруг земного шарика.

— Но мы с тобой стоим в десяти метрах. Почему ты не подъедешь и не поговоришь со мной?

— Мы должны быть осторожны, Оскар. Прекрати смотреть на меня и продолжай идти. Не оглядывайся, у нас копы на хвосте. Такси впереди и такси позади, и я думаю, они вооружены.

Оскар повернулся и компанейски положил руку на плечо Пеликаноса. Действительно, в их поле зрения появились какие-то полицейские. Обычно полиция использовала грузовики Управления безопасности национального Колларатория в Буне, но эти офицеры передвигались на такси, пытаясь быть неприметными.

— Кевин говорит, что полицейские следят за нами, — сообщил Оскар Пеликаносу.

— Рад это слышать, — сказал Пеликанос. — После трех покушений на твою жизнь ничего удивительного. Местные полицейские получили развлечение, какого у них не было годами.

— Он также говорит, что была пожарная тревога.

— Как он узнал?

Ярко-желтая пожарная машина выехала из зда-

ния Охраны труда. Тут же засверкали мигалки, завыла сирена, машина поехала на юг от кольцевой дороги.

Оскар почувствовал странное покалывание на коже, затем сильно увеличилось атмосферное давление. Где-то над его головой хлопнула, закрываясь, невидимая дверь — Коллабораторий полностью запечатал шлюзы.

— Боже, это пожар! — воскликнул Пеликанос. Действуя инстинктивно, он повернулся и побежал в ту же сторону, куда поехала пожарная машина.

Оскар счел более разумным остаться рядом с телохранителем. Он подошел к Кевину.

— Слушай, Кевин, что находится в тех пачках, что тебе доставили по почте?

— Сверхпрочный крем от загара, — солгал Кевин и зевнул, чтобы не закладывало уши.

Оскар и Кевин свернули с кольцевой дороги и направились на юг мимо Вычислительного центра. Их полицейский эскорт все еще покорно тянулся за ними, но небольшие такси скоро затерялись в любопытной толпе пешеходов, высыпавших из зданий.

Пожарная машина остановилась рядом с пресс-центром Коллаборатория. В этом здании

проходило заседание правления, где выступала Грета. Оскар старательно протискивался сквозь толпу, которая беспорядочно валила из дверей. У восточного подъезда вспыхнула кулачная драка. Седовласый человек с окровавленным носом сжался в комок под металлическими перилами, а юноша в жесткой ковбойской шляпе и шортах пинал его. Четверо других людей пытались плечами оттеснить молодого человека.

Кевин остановил инвалидное кресло. Оскар ждал рядом, глядя на часы. Если все шло, как запланировано — чего наверняка не было, — тогда Грета должна была уже закончить свою речь. Он посмотрел снова в сторону пресс-центра и увидел, что с ковбоя слетела шляпа. К своему глубокому изумлению, он признал в этом ковбое Студента Нормана из его команды.

— Пойдем со мной, Кевин. Здесь нет ничего, что мы хотели бы видеть. — Оскар торопливо развернулся и пошел назад.

Оглянувшись через плечо, он увидел, что полицейский эскорт отказался от их преследования. Полицейские радостно помчались вперед и теперь были заняты арестом молодого Нормана.

Оскар дождался официального уведомления от полиции относительно ареста Нормана и

только тогда пошел в полицейский штаб, расположенный в восточной стороне купола. Штабом полиции Коллаборатория была часть приземистого комплекса, где размещался отдел пожарной охраны, электрогенераторы, телефонное оборудование и устройства внутреннего водоснабжения.

Оскар был знаком с установившимися обычаями местной полиции, так как успел посетить здесь троих из своих потенциальных убийц. Он представился офицеру на входе. Офицер рассказал Оскару, что Норману предъявлены обвинения в драке и нарушении общественного порядка.

На Нормане был оранжевый арестантский комбинезон, на запястье красовалась манжетка. Норман выглядел удивительно опрятно — в чистом тюремном одеянии он выглядел лучше, чем большинство сотрудников Коллаборатория. Манжетка была заперта на водонепроницаемый браслет со встроенными крошечными микрофонами и линзами наблюдения.

— Ты должен был привести адвоката, — сказал Норман из-за картонного стола для бесед. Они никогда не выключают эту манжету, если у тебя нет привилегий клиента поверенного.

— Я знаю, — ответил Оскар, открыл лэптоп и сел за стол.

— Я никогда не представлял себе, насколько это ужасно, — уныло прошептал Норман, потирая мерзкую манжетку. — Я подразумеваю, что видел , парней под наблюдением, носящих эти вещи, и задавался вопросом, ну что это за дьявольское устройство. Но теперь… Это действительно унижает.

— Мне жаль слышать это, — сказал Оскар вежливо. Он начал печатать.

— Я знал мальчишку в школе, однажды у него были неприятности, и я не раз наблюдал, как он обманывал эту манжетку… Знаешь, он сидел там в математическом классе и бормотал: «нападение, убийство, грабеж, наркотики, преступление…», поскольку полицейские следили за ним и сканировали его голос. Мы думали, он полностью свихнутый. Но теперь до меня дошло, почему он делал это.

Оскар повернул к нему экран лэптопа, чтобы тот оказался прямо перед Норманом, и показал четкий набор набранных заглавными буквами слов: ПОДДЕРЖИВАЕМ СВЕТСКУЮ БЕСЕДУ, А ЗДЕСЬ Я БУДУ ПЕЧАТАТЬ, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ.

— Ты не должен волноваться относительно местных людей, осуществляющих правосудие. Мы можем говорить свободно, — сказал Оскар

громко. — Это устройство для твоей собственной защиты, так же как для безопасности других. ТОЛЬКО ОПУСТИ РУКУ НИЖЕ КОЛЕНЕЙ, ЧТОБЫ КАМЕРЫ НЕ МОГЛИ ЧИТАТЬ ЭТОТЭКРАН. — И он тут же стер строку с экрана.

— У меня большие неприятности, Оскар?

— Да. НЕТ-НЕТ. Только сообщи мне, что случилось. РАССКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ ПОЛИЦИИ.

— Ну, она сначала едва говорила, — сказал Норман. — Я подразумеваю, ты мог едва слышать ее сначала, она так волновалась, что почти шептала, но как только толпа начала вопить, она действительно взяла себя в руки и отлично справилась… Послушай, Оскар, когда полицейские арестовали меня, я потерял голову. Я сказал им многое. В значительной степени — все. Мне жаль.

— Действительно, — сказал Оскар.

— Да, я сказал им, почему ты послал меня туда. Поскольку мы знали по анализу профилей, кто, вероятно, будет устраивать пакости, и что, вероятно, это зоб будет Скопелитис. Так что я за ним наблюдал и прикрывал ее. Я сидел прямо позади него в пятом ряду. … Каждый раз, как он собирался встать, чтобы выступить, я его отвлекал. Я попросил, чтобы он объяснил мне какой-то тер-

мин, потом я заставил его снять шляпу, спросил его, где комната отдыха…

— Все это совершенно законное поведение, — сказал Оскар.

— Наконец он закричал на меня, чтобы я отвязался.

— Ты прекратил обращаться к доктору Скопелитису, когда он попросил тебя остановиться?

— Ну, я начал есть картофельные чипсы. Вкусные и хрустящие. — Норман слабо улыбнулся. — А он был в замешательстве и пробовал найти подходящие реплики в лэптопе. И я заглянул туда — знаешь, он имел целый список подготовленных заранее фраз. Но она к тому времени уже прорвалась через материал, и они захлопали и приветствовали ее, даже… Многие даже смеялись. И Скопелитис наконец вскочил и завопил какую-то несусветную чушь относительно того, как это она смеет и все такое. И они закричали и заткнули ему рот. Так что он вышел с заседания в большом гневе. И я последовал за ним.

— Зачем?

— Главным образом, чтобы отвлечь его. Я действительно наслаждался.

— Ах вот оно что.

— Ну, я же студент колледжа, а он похож на

профессора, с которым я имел однажды дело, это был тип, которого я просто не выносил. Но как только он вышел из зала, быстро куда-то побежал. Вот тут я понял, что он замышляет что-то плохое. Так что я побежал за ним и увидел, как он проделывает трюк с пожарной тревогой.

Оскар снял шляпу и положил ее на стол.

— Ты утверждаешь, что можешь засвидетельствовать это?

— Черт возьми, да! Так я и сказал ему. Я добрался до него и сказал: «Слушай, Скопелитис, как ты мог пойти на такой грязный трюк? Это не профессионально».

— И?

— Он начал врать мне в лицо, уверяя, что он ни при чем. Тогда я сказал: «Послушай, я видел, что ты сделал это». А он впал в панику и бросился бежать. И я опять побежал за ним. Люди набились в залы из-за пожарной тревоги. Все пришли в возбуждение. Я пытался остановить его. Мы подрались. Ну, я намного сильнее его, я ударил его кулаком и разбил его очки. Он опять бегом, а я за ним по ступенькам вниз, тут у него пошла из носа кровь и люди стали кричать, чтобы мы остановились. Я, конечно, вышел из себя.

Оскар вздохнул.

— Норман, ты уволен. Норман печально кивнул.

— Я?

— Это неприемлемое поведение, Норман. Люди в моей команде — политические оперативные работники. Ты не бунтующий бродяга. Ты не можешь избивать людей.

— А что я должен был делать?

— Ты должен был проинформировать полицию, что ты видел доктора Скопелитиса, совершающего преступление. С НИМ ВСЕ КОНЧЕНО! ХОРОШАЯ РАБОТА! ПЛОХО, ЧТО Я ДОЛЖЕН ТЕБЯ ТЕПЕРЬ УВОЛИТЬ.

— Ты действительно уволишь меня, Оскар?

— Да, Норман, ты уволен. Я схожу в клинику и принесу извинения доктору Скопелитису лично. Надеюсь, что смогу убедить его взять назад обвинения против тебя. Тогда я отошлю тебя домой в Кембридж.

Оскар посетил Скопелитиса в клинике Коллаборатория. Он принес цветы: символический букет из желтых гвоздик и салата. У Скопелитиса была отдельная палата, и в тот момент, когда внезапно прибыл Оскар, он торопливо ложился в кровать. Вокруг глаза у него расплылся черный синяк, а нос был плотно перевязан.

— Я надеюсь, вы не слишком сильно пострадали, доктор Скопелитис. Позвольте мне позвонить медсестре, чтобы она принесла вазу.

— Не думаю, что это необходимо, — прогундосил Скопелитис.

— О, но я настаиваю, — сказал Оскар.

Он утомительно долго вызывал медсестру, принимал ее поздравления по поводу цветов, обменивался ничего не значащими замечаниями о воде и необходимом солнечном свете, тщательно следя за растущим дискомфортом, который испытывал пациент. Тревога перешла у Скопелитиса в открытую панику, когда он заметил Кевина в его инвалидном кресле, дежурившего снаружи у дверей палаты.

— Мы можем что-нибудь сделать, чтобы помочь вашему выздоровлению? Вам не нужна лампа посветлее, чтобы легче было читать?

— Прекратите, — сказал Скопелитис. — Я этого не выношу!

— Прошу прощения.

— Послушайте, я знаю точно, зачем вы пришли. Так что давайте покороче. Вы хотите, чтобы я забрал обвинения против мальчишки. Он напал на меня. Хорошо, я заберу иск, но при одном условии: он должен прекратить распространять

лживые наветы против меня.

— Какие наветы?

— Послушайте, кончайте играть со мной в ваши игры. Вы все это организовали с самого начала и послали туда ребятишек из вашей команды. Вы состряпали для нее эти речи, включив туда клевету на сенатора, вы спланировали это все. Вы решили со своей командой ворваться в нашу Лабораторию, чтобы разрушить нашу работу, чтобы уничтожить нас… Вы мне смертельно надоели! Так что я даю вам шанс: вы заткнете его, а я заберу свои обвинения.

— О, дорогой, — сказал Оскар. — Я боюсь, что вы были дезинформированы. Мы не будем снимать обвинения. Мы намереваемся оспорить их в суде.

— Как?

— Вы будете в подвешенном состоянии в течение недель. Мы начнем расследование. Мы выжмем правду из вас под присягой, капля за каплей. Вам не о чем торговаться со мной. Вы конченый человек! Вы оставили ДНК-след на выключателе. Вы оставили там отпечатки пальцев. Там ведь везде жучки! Разве Хью не предупредил вас об этом?

— Хью не имеет никакого отношения к этому.

— Вероятно. Он хотел, чтобы вы прервали речь, а не устраивали столпотворение на улицах. Это научная лаборатория, а не школа для ниндзя. Вы оказались без штанов, как цирковой клоун!

Скопелитис слегка позеленел.

— Мне нужен адвокат.

— Так добудьте его. Но вы сейчас беседуете не с копом. Вы ведете дружественную беседу с сидящим у вашей кровати штатным сотрудником Сената. Конечно, когда вас начнут расспрашивать в Сенате, у вас возникнет большая нужда в адвокате. Очень дорогом адвокате. Заговор, помехи в осуществлении правосудия… Это будет громкое дело.

— Это была только ложная тревога! Ложная тревога. Они бывают постоянно.

— Вы читали слишком много руководств по саботажу, написанных пролами. Пролам все это нипочем, они не прочь провести иногда какое-то время в тюрьме. У пролов нет ничего, что они страшились бы потерять, а у вас — есть. Вы вышли из себя и разрушили собственную карьеру. Вы потеряли двадцать лет работы в мгновение ока! И вы имеете наглость после этого диктовать мне условия? Вы нелепый ублюдок! Я собираюсь распять вас.

— Слушайте, не делайте этого!

— Чего именно?

— Всего этого. Мне важна моя карьера, это моя жизнь. Пожалуйста. Он сломал мне нос, ну понимаете? Он сломал мне нос! Послушайте, я потерял голову. — Скопелитис вытер слезы вокруг заплывшего глаза. — Она никогда раньше так себя не вела, она никогда не выступала против нас, она будто сошла с ума! Я был должен сделать что-то, это было только… это только… — Он сорвался в рыдания. — Боже…

— Хорошо, я вижу, что утомил вас, — сказал Оскар, вставая. — Я получил истинное удовольствие от нашей беседы, но время поджимает. Мне все же придется это сделать.

— Послушайте, вы не можете так поступить! То, что я сделал, — сущая ерунда!

— Ладно. — Оскар опять присел на кровать и указал на лежавший на тумбочке лэптоп. — У вас есть лэптоп. Если вы хотите сорваться с крючка, то отправьте мне по электронной почте сообщение и все чистосердечно расскажите. В приватном письме. И если вы будете откровенны… ну-у… тогда черт со всем этим! Он сломал вам нос. Я извиняюсь за него. Это было неправильно с его стороны.

Оскар изучал документы последней встречи Сенатского комитета по науке, когда в комнату вошел Кевин.

— Ты когда-нибудь спишь? — спросил он, зевая.

— Нет почти что.

— Вот мне бы так. — Кевин поставил трость и сел на стул. Гостиничный номер Оскара имел спартанский вид. Он вынужден был много передвигаться из соображений безопасности, и, кроме того, лучшие номера их отеля были заняты состоятельными клиентами.

Оскар закрыл лэптоп. Он просматривал весьма интригующее сообщение — Федеральная лаборатория в Дэвисе, Калифорния, оказалась переполнена гиперинтеллектуальными мышами, что вызвало судебные иски и панику среди местных жителей, — но Оскар счел, что визит Кевина заслуживает внимания.

— Итак, — сказал Кевин, — и что дальше?

— А ты как думаешь, Кевин?

— Ну, — сказал Кевин, — думаю, сейчас начнутся всякие сложности. Поскольку я видел как это бывает.

— В самом деле?

— Да. Рассмотрим ситуацию. Здесь есть группа

людей, которые вот-вот потеряют работу. Ты фактически подталкиваешь их к тому, чтобы они сплотились. Все страшно возбуждены, пытаются оказать организованное сопротивление, но этого хватит только на шесть недель, потом выяснится, что они уволены. Тогда они захлопнут, уходя, дверь у тебя перед носом и превратятся в пролов.

— Ты действительно так думаешь?

— Хорошо, возможно, и нет. Возможно, ученые-исследователи более умный народ, чем программисты, или торговцы, или рабочие сборочного конвейера… Ты знаешь, все те люди, что потеряли работу и отвалили на край света. Но вот почему каждый думает в такой ситуации: «Да их-то работа никому не нужна, но люди нуждаются в нас»?

Оскар забарабанил пальцами по крышке лэптопа.

— Это хорошо, что ты проявляешь такой живой интерес, Кевин. Я ценю это. Можешь мне не верить, но, в принципе, то, что ты сказал, для меня не новость. Я слишком хорошо знаю, что огромное число людей, что были выброшены из экономики, превращаются в организованные толпы. Я хочу сказать, они не голосуют, так что редко привлекают мое профессиональное

внимание, но за последние годы им все чаще удается разрушить жизнь нам, оставшейся части населения.

— Оскар, пролы и есть «оставшаяся часть». Вот люди вроде тебя не являются «оставшейся частью».

— Я никогда не был оставшейся частью, — подтвердил Оскар. — Хочешь кофе?

— Давай.

Оскар налил две чашки. Кевин сунул руку в карман и вытащил белую палку прессованного растительного белка.

— Хочешь кусочек?

— Конечно.

Оскар глубокомысленно жевал отломленный кусок. По вкусу он напоминал морковь с мыльной пеной.

— Знаешь, — продолжал размышлять Оскар, — у меня есть свои предубеждения, — кто не имеет их, по правде говоря, — но я никогда не был против пролов. Просто мне надоело жить в обществе, раздробленном на мелкие кусочки. Я всегда жил надеждами на осуществление федеральной, демократической, национальной реформы. Такой, которая позволила бы создать государственную систему, где каждый мог бы играть достойную

роль.

— Но экономика вышла из-под из контроля. Люди больше не нуждаются в деньгах.

— Ну, деньги это не все, но только попробуй прожить без них.

Кевин пожал плечами.

— Люди жили и до того, как были изобретены деньги. Деньги — это не закон природы. Деньги — всего лишь платежное средство. Ты можешь жить без денег, если заменяешь их чем-то другим. Пролы так делают. Они перепробовали миллион сверхъестественных трюков, чтобы получить то, что нужно, — блокирование дорог, грабеж, контрабанду, сбор металлолома, дорожные шоу… Кстати, учти, здесь вокруг очень много пролов. Ты ведь знаешь, как зарабатывается репутация, верно?

— Конечно знаю, но это в действительности редко помогает.

— Ну, не скажи! Я много лет жил за счет репутации. Скажем, ты приходишь к Регуляторам — их тут целые толпы. Ты появляешься в их лагере и демонстрируешь им настоящий рэп в стиле девяностых, после чего они сами стремятся наладить дела с тобой. Поскольку они видят, что ты хороший парень, и им хорошо, что ты живешь

неподалеку. Ты вежливый, ты не грабитель, они могут доверить тебе своих детей, свои автомобили, свое имущество. Ты сертифицирован, как хороший сосед. Ты всегда играешь за них. Ты оказываешь им услуги. Ты не бандит. Это экономика, основанная на сетевых подарках.

— Это гангстерский социализм! Сумасшедшая и совершенно нереалистичная модель. И это очень ненадежная модель. Ты можешь всегда подкупить людей, чтобы повысить свои оценки, и тогда деньги разрушат твое фантазерство. И ты опять окажешься там, где начал.

— Это может хорошо работать. Проблема состоит в том, что организованные преступники находятся над пролами и они преднамеренно ломают сетевые сервера пролов. Им выгоднее иметь под собой неорганизованных пролов, поскольку пролы сами по себе — угроза для статус-кво. А что до денег, так тут дело в том, что жить без денег — это не по-американски. Но большая часть Африки живет вне экономики, основанной на деньгах, — они все питаются листовым белком, вырабатываемым этими голландскими машинами. Полинезия — то же самое. В Европе гарантировали ежегодные доходы, и много безработных заседает в парламентах. В Японии

сети, основанные на подарках, всегда были большими. А русские и до сих пор еще считают, что собственность — это воровство, у этих бедняг денежная экономика никогда не работала. Так вот, если это настолько непрактично, то как же все другие живут таким образом? С Зеленым Хью у власти Регуляторы наконец получили целый американский штат.

— Зеленый Хью — Сталин местного разлива! Он строит культ личности!

— Я согласен, что он сукин сын, но он гигантский сукин сын. Власти его штата управляют сервером Регуляторов. Ясно же, что они появились у той авиабазы не случайно. Кочевники Хью действительно имеют то, что требуется, это вам не заставы на дороге, где ставка — иенни и проволочные побрякушки. Теперь у них есть оборудование американских ВВС — щелчок по лбу федеральному правительству. Это удачный ход! А сейчас они пасутся прямо здесь неподалеку.

— Кевин, перестань запугивать меня. Я и так знаю, что пролы — угроза. Я понял это после того первомайского бунта в Вустере в сорок втором году. Возможно, ты не обратил на него внимания, но у меня есть ленты, где все это записано, — я просмотрел их, наверное, сотню раз. Люди в моем

родном штате буквально разобрали на части банк собственноручно. Это было сплошное безумие. Самая сумасшедшая вещь, какую я когда-либо видел.

Кевин прожевал свою палку.

— Ну, мне не надо было записывать на пленку, я сам там был.

— Ты? — Оскар подался вперед. — Кто заказал все это?

— Никто. Никто ничего не заказывал. Это был государственный банк, они добыли там много аппаратуры. Кто-то что-то сказал, собрались активисты, организовали нападение. И как только они разгромили банк, все исчезли и рассеялись. Никто никогда не найдет заказчиков. Не найдут даже программное обеспечение. Это было организовано с главного подпольного, глубоко законспирированного сервера. Он так глубоко запрятан, что его никто в глаза не видел.

— А почему ты участвовал в этом, Кевин? Почему ты рисковал ради такой сумасшедшей вещи?

— В основном чтобы повысить свои оценки на сервере. И еще потому что… ну, в общем, они воняли. — Глаза Кевина заблестели. — Поскольку люди, управляющие нами, занимаются закулисными махинациями, они лгут, мошенничают и

шпионят. Эти сукины дети, они находятся у власти. У них и так на руках все карты, но им этого мало, они пытаются обманом и мошенничеством выудить еще побольше у обычных людей. Они получили то, что заслужили! Если бы не ноги, я бы поучаствовал в таком деле еще раз.

Оскара пробрала дрожь азарта, он чувствовал, что уже близок к пониманию. Благодаря исповеди Кевина многие факты наконец-то встали на свое место. Ситуация во многом прояснилась и оказалась еще более опасной, чем он предполагал.

Оскар понял теперь, что был абсолютно прав, доверившись интуиции и взяв Кевина на работу. Такой человек, как Кевин, намного более безопасен, когда он с вами, а не с другими. Найти бы еще способ перетянуть его на свою сторону насовсем. Надо найти что-то такое, что имело бы значение для него.

— Кевин, а что с твоими ногами?

— Я белый. Забавные вещи случаются с белыми в наше время. — Кевин устало улыбнулся. — Особенно когда четыре копа с дубинками застают тебя в момент, когда ты выворачиваешь светофор… Так что теперь я вдвойне никчемен. Старая жизнь осталась позади… А знаешь, я ведь даже

голосовал однажды! За Бамбакиаса.

— Это чрезвычайно интересно. А почему за него?

— Поскольку он строит здания для нас, шеф! Он строит их собственными руками и никогда не берет ни цента. И мне не жаль, что я голосовал за него, потому что, понимаешь, он — настоящий! Я знаю, что он сейчас не в себе, но все равно — он хотел чего-то настоящего. А что, у нас целая страна не в себе. Он богач, интеллектуал, коллекционер и вообще дерьмо, но по крайней мере он не лицемер, как Хью. Хью кричит, что он — будущее Америки, а попутно проворачивает тайные махинации с европейцами.

— Он продал нас, верно? — Оскар кивнул. — Это уже слишком, это нельзя простить.

— Угу. Точно так же, как Президент.

— Как? Ты говоришь о том, что Два Пера?..

— Фактически Президент неплохой парень в некотором роде. Он сделал кое-что хорошее для беженцев на Западе. Там сейчас все по-другому: после тех гигантских пожаров и переселений большие отряды кочевников заняли целые города и округа… Но это не примиряет меня с ним. Два Пера — голландский агент.

Оскар улыбнулся.

— Ты шутишь? Голландский агент?

— Да, голландцы поддерживают его уже много лет. Голландские тайные агенты многих вербуют из разочаровавшихся этнических групп. Белых американских туземцев… Америка — большая страна. Это же твое правило: разделяй и властвуй.

— Послушай, при чем тут Джеронимо? Наш президент — лесной барон, миллиардер, бывший губернатор штата Колорадо.

— Именно Джеронимо, Оскар. Отними у Америки деньги, и что мы имеем? Мы имеем просто сборище разных племен.

Поскольку иск против Нормана был отозван, команда Оскара устроила вечеринку по поводу его проводов. Народу пришло много. Отель был переполнен сотрудниками Коллаборатория, которые сердечно восхищались Норманом и высоко оценили бесплатные спиртные напитки и еду.

— У вас такой красивый отель, — сказал Альберт Гаццанига. Мажордом Греты прибыл в компании Уоррена Титче и Сирила Морелло — двоих разочаровавшихся активистов Коллаборатория. Титче, как волк, сражался за бесплатные кафетерии, в то время как Морелло был единственным честным человеком в отделе кадров. Оскар был

восхищен, увидев, что эти трое спонтанно объединились. Это был очевидный признак того, что все идет так, как он и задумывал.

Гаццанига сжимал фужер с коктейлем, прикрытый небольшим бумажным зонтиком.

— И этот небольшой ресторан здесь великолепен. Я обедал бы здесь каждый день, если бы не надо было дышать грязным внешним воздухом.

— Как жаль, это все твоя аллергия, да, Альберт?

— Мы все под куполом заработали себе аллергию. Хочу подкинуть вам хорошую идею — почему не сделать крытый переход по улице между отелем и куполом?

Оскар засмеялся.

— К чему нам полумеры? Давайте сделаем лучше крышу над всем городом.

Гаццанига покосился в его сторону.

— Ты в шутку или всерьез? Никогда не могу разобрать, когда ты шутишь.

Норман потянул Оскара за рукав. Лицо Нормана раскраснелось, глаза были полны сентиментальных пьяных слез.

— Я уезжаю, Оскар! Это мое последнее «до свидания».

— Да? — пробормотал Оскар. Он взял Нормана

под локоть и направился с ним подальше от толпы. — Ты должен остаться после вечеринки. Мы будем играть в покер.

— Так что, ты сможешь отослать меня назад в Бостон с хорошим денежным подарком и это не будет нигде записано?

Оскар укоризненно посмотрел на него.

— Дитя, ты первый парень в моей команде, кто сказал вслух об этой моей печальной маленькой слабости! Ты уже взрослый мальчик. Надо научиться быть тактичным.

— Нет, я не хочу, — сказал Норман, который был очень пьян. — Я теперь могу быть невежливым, раз вы уволили меня.

Оскар потрепал Нормана по спине.

— Это было для твоей же пользы. Ты совершил главный удачный ход, так что твоя роль сыграна.

— Я только хотел сообщить тебе, что не жалею ни о чем. Я многое узнал о политике. Кроме того, я избил профессора и при этом избежал неприятностей. Это само по себе чего-то стоит!

— Ты хороший мальчик, Норман. Удачи тебе в технической школе. Только будь поосторожней, когда начнешь изучать рентгеновский лазер.

— Меня внизу ждет машина, — сказал Норман,

переминаясь с ноги на ногу. — Мои папа и мамочка будут очень рады увидеть меня… Хорошо, что я уезжаю. Мне ужасно неприятно уезжать, но я знаю, что так лучше. Я только хотел сказать одну вещь перед отъездом. Поскольку я никогда искренне не говорил с вами о… ох… Ну вы понимаете…

— О моем происхождении, — подсказал Оскар.

— Я никогда не мог привыкнуть к этому. Видит Бог, я старался. Но я так и не привык. Никто к вам никогда не сможет привыкнуть. Даже ваша собственная команда. Вы просто сверхъестественный, очень-очень сверхъестественный парень. Вы необычно думаете. Необычно действуете. Вы даже не спите! Вы не совсем человек. — Норман вздохнул и слегка качнулся на месте. — Но знаете что? Вокруг вас всегда что-то происходит. Вы как бы их подталкиваете и двигаете, и то, что вы делаете, вправду имеет значение. Страна нуждается в вас! Пожалуйста, не позвольте нам развалиться, шеф. Не измените нам! Вам доверяют, мы все доверяем вам. И я верю вам, я верю в вас. Я еще молод, и мне нужно настоящее будущее. Боритесь за добро, боритесь за нас. Пожалуйста!

У Оскара было достаточно времени, чтобы рассмотреть федеральный офис директора, по-

скольку доктор Арно Фелзиан заставил себя ждать. Кевин проводил время, кормя кусочками протеина бинтуронга Стикли, только что прибывшего из Бостона на самолете. На Стикли был надет радиоворотник, когти ему подрезали, клыки отполировали, у него был ухоженный вид, и он благоухал, как призовой пудель. Собственный запах Стикли почти не ощущался.

Кто-то — возможно, из администрации сенатора Дугала — счел правильным украсить федеральный офис директора в самом высоком техасском стиле: на стене висели винтовки, головы быков, ковбойские седла, яркие глянцевые плакаты.

Секретарь Фелзиана пригласил его пройти. Оскар повесил шляпу на высокой стойке внутри кабинета. Фелзиан сидел за инкрустированным столом из дуба и кедра. Виду него был настолько несчастный, насколько позволяли приличия.

Директор носил бифокальные очки — металл и стекло что придавало Фелзиану трогательный старомодный вид в стиле двадцатого века. Фелзиан был стройным невысоким человеком лет шестидесяти. Живя в более суровом столетии, он был бы украшен лысиной и жирком.

Оскар потряс директорскую руку и подвинул

себе пестрый кожаный стул.

— Рад вас снова увидеть, доктор Фелзиан. Я ценю, что вы смогли уделить мне ваше драгоценное время.

У директора было устало терпеливое выражение лица.

— Не волнуйтесь, все в порядке.

— От имени сенатора и госпожи Элкотт Бамбакиас я хочу вернуть вам этот лабораторный экземпляр. Видите ли, госпожа Бамбакиас проявляет большую заботу о животных. Так что она исследовала этот экземпляр в Бостоне и обнаружила, что он в превосходной физической форме. Госпожа Бамбакиас поздравляет Коллабораторий с блестящими методами выращивания животных. Она также очень любит это животное, и хотя возвращает его, одновременно делает персональный вклад в его будущее благополучие.

Фелзиан исследовал документ, который дал ему Оскар.

— Это что, действительно подписанный бумажный чек?

— Госпожа Бамбакиас находит приятным традиционный персональный контакт, — сказал Оскар. — Она очень сентиментальна относительно своего друга Стикли. — Он улыбнулся и достал

камеру. — Я надеюсь, вы не будете возражать, если я сделаю несколько прощальных фотографий для ее альбома. Фелзиан устало вздохнул.

— Господин Вальпараисо, я знаю, что вы прибыли сюда отнюдь не для того, чтобы фотографировать беспризорное животное у меня на коленях. Никто и никогда еще не возвращал наших животных. Никогда! Так что раз ваш сенатор возвращает экземпляр, это может только означать, что он планирует причинить нам реальный вред.

Оскар был удивлен, услышав мрачные пророчества Фелзиана. Учитывая, что это был офис директора, он, естественно, предположил, что их разговор записывается на пленку, что все вокруг нашпиговано жучками. Возможно, Фелзиан махнул рукой на предусмотрительность. Он, наверное, воспринимал слежку и наблюдение как хроническую болезнь — вроде астмы.

— Ни в коем случае, сэр! Сенатор Бамбакиас очень интересуется вашей Лабораторией. Он поддерживает федеральные исследования. Сенатор планирует сделать политику по поддержке науки оплотом законодательной деятельности.

— Тогда я не понимаю, чего вы добиваетесь. Фелзиан выдвинул ящик стола и вытащил пачку

распечаток.

— Посмотрите на эти отставки. Они — старые ученые! И они покидают нас.

— Это Мулэн, Ламберт, Дюлак и Дайан?

— Четверо из моих лучших людей!

— Да, я согласен, что они очень яркие и известные ученые. К сожалению, они также верные соратники и подручные Дугала.

— Так вот оно что!

— Да, конечно. Но вы знаете, они не страдают. Они воспользовались ситуацией. Они немедленно согласились яа предложения частной промышленности.

Фелзиан склонился над бумагами.

— И как же это вы все устраиваете? Вы рассеяли их по всей стране. Поразительно.

— Спасибо. Это трудно, но с помощью современных методов осуществимо. Возьмем, к примеру, доктора Мулэн. Ее муж из штата Вермонт, и ее сын учится там в школе. Ее специальность — эндокринология. Так что мы ввели соответствующие параметры, и оптимальным результатом была маленькая фирма генетики в Нэшуа. Фирма не рвалась брать кого-либо по обычным запросам из бюро по трудоустройству, но я сделал так, что им позвонили из офиса сенатора и рассказали об

их конкурентах в штате Луизиана. Тогда фирма с большим пониманием отнеслась к идее взять на работу доктора Мулэн. Мы сделали это, как только обнаружили довольно оригинальные отклонения в ведении расходных счетов в ее лаборатории.

— Так что вы преднамеренно преследовали ее для устранения.

— Но это совершенно естественно. Эти четверо — влиятельные люди, они местные лидеры. Они достаточно умны и могли бы устроить нам здесь неприятности. Но так как они действительно очень умные люди, нет нужды бить их по голове. Достаточно указать, в какой ситуации они оказались, и предложить им золотой парашют. И они уезжают.

— Это чудовищно. Вы вырываете сердца и души из моей лаборатории, и никто не знает — никто даже не замечает этого.

— Нет, сэр, это не чудовищно. Это очень гуманно. Это — хорошая политика.

— Я отлично знаю, что у вас есть способности делать политические ходы. Мне непонятно, почему вы считаете, что имеете на это право!

— Доктор Фелзиан… Это не вопрос права. Я профессиональный политический деятель. Это

моя работа. Людей, подобных мне, не избирают на должности. Мы не упомянуты в Конституции. Мы не ответственны перед публикой. Но никто сейчас не может пройти выборы без профессионала, организующего кампанию. Я допускаю, что мы — странный класс людей. Я соглашаюсь с вами в том, что периодически мы получаем большую власть. Но не я изобрел эту ситуацию. Это — факт современной жизни.

— Понятно.

— Я делаю то, чего эта ситуация требует, это — все. Я — член федерально-демократической партии, мы — сторонники реформ, а место, где мы находимся, нуждается в серьезной реформе. Этой Лаборатории требуется новая метла. Здесь все затянуто паутиной, подобно… дайте-ка вспомнить… Ну, подобно этой яхте-казино на озере Чарльз, которая была куплена на деньги из фонда ирригации.

— Я не имел никакого отношения к тому делу.

— Я знаю, что вы не участвовали в этом лично. Но вы закрыли глаза, потому что сенатор Дугал принимал участие в каждой сессии Конгресса и приносил вам ваш кусочек колбасы. Я уважаю ваши усилия по руководству Лабораторией. Но сенатор Дугал был главой Комитета по науке в

течение шестнадцати лет. И вы никогда не смели ему перечить. Что, вероятно, было к лучшему для вас, иначе он сокрушил бы вас. Но этот парень не мог остановиться и красть понемногу — он закончил тем, что крал вагонами, и страна просто не могла уже ему это позволить.

Фелзиан откинулся на спинку стула. Оскар мог заметить, что на смену слепому ужасу пришло что-то другое. Теперь директор даже находил нечто приятное в этом разговоре.

— Почему вы мне говорите все это?

— Поскольку я знаю вас как приличного человека, господин директор. Я знаю, что эта Лаборатория была делом вашей жизни. Несмотря на многие сложности, вы защищали свое положение, защищали Лабораторию, стремились обеспечить здесь сносные условия работы. Я уважаю ваши усилия и не имею ничего против вас лично. Но по сути дела, вы сейчас здесь персона нон грата. Настало время предоставить вам возможность достойно уйти.

— И что это за возможность, если точно?

— Ну, у меня есть полезные контакты в университете штата Техас. Скажем, пост в Гальвестонском научном центре здоровья. Это хороший городок, Гальвестон, — от острова там, конечно,

не слишком много осталось после повышения уровня моря, но они восстановили их знаменитую Морскую стену, и там сохранились прекрасные старые здания. Могу показать вам рекламные брошюры.

Фелзиан рассмеялся.

— Вы не сможете сместить здесь всех.

— Нет, конечно, в этом нет необходимости. Я только должен удалить ключевые фигуры, лидеров, тогда оппозиция потеряет силу. И если я смогу добиться, чтобы вы сотрудничали со мной, мы можем сделать все быстро. С достоинством, поддерживая все правила приличия. В лучших традициях научного сообщества.

Фелзиан торжествующе скрестил на груди руки.

— Вы льстите мне, потому что не имеете компромата на меня!

— Почему я должен обращаться к угрозам? Вы — разумный человек.

— Вы ничего не получите! Или вы что, предполагали, что я добровольно буду сотрудничать с вами, сложу свой меч и оставлю вам директорский пост? Ну вы и наглец!

— Но я говорю правду.

— Единственная проблема, которую я вижу

здесь, — это вы. А ваша проблема — что вы не можете причинить мне никакого вреда.

Оскар вздохнул.

— Почему нет? Могу. Я прочитал ваши труды.

— Какие труды? Я работаю в администрации. Я не издаю ничего уже десять лет.

— Ну, я читал ваши труды, господин директор. Конечно, я не генетик и, к моему сожалению, должен признать, мало что понимаю в них. Но я провел полную ревизию. Они все были тщательно просмотрены нашей командой оппо-экспертов. За вашу научную карьеру вы издали семьдесят пять трудов, каждый из них набит числовыми таблицами. Они красиво смотрятся. Слишком красиво, потому что шесть из них имеют те же самые наборы данных.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что кто-то стал лениться в этой Лаборатории и прекратил серьезно заниматься исследовательской работой.

Фелзиан покраснел.

— Вы не можете доказать это.

— К сожалению для вас, я смогу доказать это. Поскольку все там черным по белому. Тогда вы очень торопились — вам надо было либо издать новый труд, либо вас затерли бы, а потому вы

решили срезать некоторые углы. И это плохо. Это очень плохо. Для профессионального ученого это фатально. Стоит об этом узнать вашим коллегам, и они сами отберут у вас меч и сорвут эполеты, и вам конец.

Фелзиан ничего не ответил. Оскар пожал плечами.

— Я уже говорил прежде, я — не ученый. Я не воспринимаю мошенничество в науке с той смертельной серьезностью, с какой к этому относятся ученые. Лично я не вижу, как ваше мошенничество могло бы причинить кому-то вред, так как никто не обратил внимание на ваши труды.

— Я ничего не знаю об этой так называемой проблеме. Должно быть, это были мои студенты.

Оскар усмехнулся.

— Видите ли, мы знаем, что вы не можете сорваться с этого крючка. Несомненно, вы можете скрыть доллар, когда речь идет о простом финансовом мошенничестве. Но это не просто деньги. Это — результаты работы в Лаборатории, ваш вклад в науку. Вы состряпали эти книги. Мы оба знаем, через что вам придется пройти, если я об этом расскажу. Так что о чем здесь еще можно говорить? Давайте перейдем к насущным проблемам.

— Что вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы оставили пост, и, кроме того, мне нужна ваша помощь в назначении нового директора.

— Грета Пеннингер.

— Нет, — сказал Оскар сразу, — Грета Пеннингер была тактически полезна для меня, но у меня есть другой кандидат, который вам понравится гораздо больше. Он старый ваш коллега — профессор Джон Федуччия, прежний президент Бостонского университета.

Фелзиан был удивлен.

— Джон Федуччия? Как он попал в ваш список?

— Федуччия — идеальный кандидат! Он закаленный администратор и начинал карьеру в университете штата Техас, этот факт придаст ему необходимую привлекательность в глазах местных людей. Плюс Федуччия — друг сенатора Бамбакиаса. И что самое замечательное, Федуччия также имеет политический вес. Он — член федерально-демократической партии.

Фелзиан смотрел на него с изумлением.

— Вы хотите сказать, что вовлекли бедную Грету Пеннингер в эту историю, в то время как планировали поставить сюда какого-то янки, личного друга вашего босса?

Оскар нахмурился.

— Послушайте, не будьте столь жестоки. Конечно, я восхищаюсь Гретой Пеннингер. Она прекрасно подходила для сыгранной ею роли — она создала основу для изменений. Но она не потянет управление Лабораторией. Она не понимает Вашингтона. Нам нужен ответственный, опытный человек, закаленный, кто хорошо ориентируется в политических реалиях. Федуччия нам подходит. А Грета наивна, ее легко можно сбить с толку. Это может обернуться катастрофой.

— На самом деле, я думаю, что она могла бы очень хорошо с этим справиться.

— Нет, она намного лучше справится с той работой, которой она занималась до этого в Лаборатории. Мы можем освободить ее от административной должности в правлении и поддержать в надлежащей ей роли рабочего исследователя, это будет и правильно и уместно.

— Так, чтобы вы могли крутить с ней роман и никто бы не замечал этого.

Оскар промолчал.

— Когда она займет пост директора, то будет в центре внимания. И ваше гнусное небольшое развлечение станет невозможным.

Оскар поерзал на стуле.

— Я действительно не ожидал этого от вас. Это недостойно. Ваше поведение не подходит джентльмену и ученому.

— Вы что, думаете, я не знал о ваших делишках?

Ну, я не беспомощный клоун, за какого вы меня держите! Пеннингер будет следующим директором! А вы с вашей командой можете убираться обратно в Вашингтон. Я оставляю этот офис — нет, не потому, что вы вынудили меня, а потому, что я устал до смерти от этой работы! — Фелзиан ударил рукой по столу. — Здесь теперь ужасно. Мы потеряли поддержку в Сенате. Все превратилось в фарс! Я умываю руки и прощаюсь и с вами, и с Вашингтоном, и со всем, что с вами связано. И запомните одну вещь, молодой человек. Если вы выступите против меня, когда Пеннингер займет пост директора, я разоблачу вас. Вы можете доставить мне хлопоты, вы можете даже унизить меня. Но если вы попробуете это сделать, я разоблачу вас и нового директора, и это будет не труднее, чем переломить пару спичек!

8.

Внезапный отъезд доктора Фелзиана дал Оскару жизненно необходимое пространство. С потерей его патрона, Бамбакиаса, у него осталось мало возможностей вернуться в политику. Он должен был захватить инициативу. Людей в Коллаборатории было слишком мало, у них не хватало ресурсов, а жить они должны были на несуществующий бюджет.

В первый же день, как только Грета стала директором, ее последователи сформировали забастовочный комитет и заняли Хотзону. Забастовщики разом захватили все шлюзовые камеры, отказались от старых мер безопасности, установленных полицией, и ввели новые пропуска с эмблемой забастовщиков. Захват Хотзоны имел большой стратегический смысл, так как гигантская фарфоровая башня доминировала над всеми зданиями, расположенными под куполом. Это была естественная крепость.

Обеспечив физическую безопасность, следовало, по мнению Оскара, нанести удар по средствам информации. Компьютеры Хотзоны прошли наконец проверку и перестройку безопасности.

Проверка показала ужасное количество полицейских черных ходов, незарегистрированных пользователей и целый лес взломанных программ. Все это было быстро вычищено.

Внутренняя телефонная система лаборатории все еще находилась под контролем полиции Коллаборатория. Крошечный корпус офицеров внутренней полиции напоминал отчасти персонажей комической оперы, однако они работали на Хью и представляли здесь самую большую угрозу неоперившейся администрации Греты.

Проводная телефонная сеть Лаборатории давно не ремонтировалась. А потому забастовщики просто полностью отказались от телефонной системы и заменили ее самодельной сетью, основанной на купленных по дешевке сотовых телефонах кочевников. Эта полузаконная сеть работала на передатчиках, вбитых в стены, потолки, крыши, и (проведенный в полночь особенно смелый маневр) изнутри, снизу в купол.

Первый официальный приказ Греты, как директора, должен был упразднить отдел связей с общественностью. Она выполнила это путем смертельно эффективной тактики — попросту свела к нулю PR-бюджет и возвратила фонды Конгрессу. Учитывая продолжающийся кризис

федерального бюджета, такой ход политически было трудно оспорить.

Если говорить о ситуации внутри Лаборатории, то упразднение PR-отдела было решением чрезвычайно популярным. Наконец-то утомительная болтовня неприятной команды толкачей от науки прекратила раздражать местные народные массы. Не стало больше пропаганды, официальных почтовых рассылок, обязательного видеообучения. Взамен люди получили блаженные тихие часы, чтобы думать и работать.

Официальная PR-пропаганда была заменена революционной постер-кампанией, придуманной Оскаром. Забастовка, конечно, нуждалась в эффективной пропаганде, и Оскар лучше, чем кто-либо, мог ее провести.

Гигантские циклопические стены внутри купола были идеальным местом для размещения постеров. Оскар никогда не управлял кампанией среди людей с таким чрезвычайно высоким уровнем грамотности. И он получал искреннее удовольствие, вовлекая в дело старинные изделия кустарного промысла.

Постиндустриальная «забастовка», возглавляемая Гретой, была неортодоксальной, поскольку забастовщики не отказывались делать свою рабо-

ту. Напротив, они прекратили делать что-нибудь кроме работы. Общим мотивом стратегии забастовки было высоко ценимое решение об отказе от сотрудничества, объединенное с пассивно-агрессивным сокращением бюджета.

Ученые продолжали свои исследования, но больше не заполняли федеральные документы. Они также перестали просить гранты, вносить арендную плату за бараки, платить за продовольствие и электроэнергию. Они отказались от всего, кроме нового оборудования, — это было, конечно, непоследовательно, но ученые не нашли в себе сил пожертвовать им.

Главные сотрудники забастовочного комитета еще и отказались получать жалованье. Этот маневр привел к поляризации мнений. Разумные люди просто были не в состоянии прыгнуть в неизвестность, задержав дыхание. Большинство обитателей лаборатории — те самые разумные люди — давно сделали свой выбор и жили в мире с коррупцией. Следовательно, они брали взятки и были лично скомпрометированы, к тому же чувствовали свою вину и мучились от внутреннего разлада. Ядро диссидентов, сформировавшееся вокруг Греты, было слеплено из более крепкого материала.

Так, использовав быстрые и непредсказуемые тактические ходы, забастовщики добились ряда небольших моральных побед. Оскар специально поощрял эти инициативы, чтобы укрепить уверенность сообщества в своих силах. Отказ от оплаты аренды, хотя выглядел весьма драматической мерой, ничем страшным не грозил. Дело в том, что никакой конкуренции среди съемщиков жилья здесь не было. Если бы забастовщиков просто выбросили из помещений, здания остались бы пустовать.

Отказ оплачивать электроэнергию тем более не представлял угрозы, потому что не было никакого эффективного способа отключить электричество за неоплату. В силу своеобразия своего устройства герметичный купол Коллаборатория всегда требовал непрерывной подпитки электричеством, вырабатываемым его собственными генераторами. Остановить их попросту не было возможности. Проектировщикам не приходила в голову мысль о том, что жители могут поднять мятеж, попросту откажутся оплачивать энергию.

Каждый успешный шаг, выводящий из статус-кво, привлекал к Грете новых сторонников. У находившихся до последнего времени на рабском положении ученых всегда было множество

проблем. Но, не встречая понимания, они не пытались их решать, а лишь терпели и приспосабливались. Нынешние крутые перемены вывели их из спячки. Неудобства и сложности, которые они долго воспринимали как часть естественного порядка вещей, теперь казались им притеснением и ущемлением их прав. Зарождающаяся структура власти действовала новыми методами, вдохновлялась новыми целями, смело использовала открывшиеся возможности для преобразований. Хотзона гудела, как разворошенный улей.

В течение недели атмосфера внутри купола была заряжена, подобно лейденской банке, потрескивающей политическими разрядами. Неустрашимый радикализм Греты вдохновлял людей почти до неистовства.

Добившись поддержки масс, Грета приняла меры, чтобы легализовать свое положение. Пост директора никогда ранее не давал особой власти, но Грета решила вынудить к отставке всех остальных членов правления. Первоначально они, конечно, не собирались уступать власть, но внезапная отставка и отъезд доктора Фелзиана ошеломили их. Взвинченные до последнего предела, дискредитированные, они были вскоре

заменены рьяными сторонниками Греты, теми, кто доверял ей и предоставил полную свободу действий.

Охранители прежнего порядка вещей были подкошены прежде, чем смогли организовать серьезное сопротивление. За многие годы, прошедшие без серьезных встрясок и борьбы, они разжирели, разленились и слишком медленно соображали. Их смели прежде, чем они смогли распознать угрозу. Грета удерживала инициативу в своих руках. Она была превосходно информирована благодаря оппо-исследованию Оскара и изобилию полученных демографических данных. Вынужденное признание доктора Скопелитиса также было очень полезно, так как он назвал своих товарищей-заговорщиков.

За кулисами разыгранного на сцене недовольства масс фактическая смена власти прошла замечательно гладко. Фелзиан управлял Лабораторией, как подобострастный учитель средней школы: реальные решения в Коллаборатории всегда принимал Дугал и его сенатская команда.

Теперь с Дугалом и приспешниками было покончено. Однако вакуум власти существовал недолго. Люди Оскара представляли собой группу оперативных политических работников и просто

сами стали сотрудниками Сената.

Оскар (совершенно неофициально) наставлял Грету в качестве руководителя. Пеликанос наблюдал за финансами Лаборатории. Боб Аргов и Одри Авиценне занимались избирателями и контрразведкой. Лана Рамачандран заведовала планированием, оборудованием офиса и выстраивала отношения с прессой. Живчик Шоки, отвечавший в предвыборной кампании Бамбакиаса за обустройство дорожных лагерей и собраний, был занят оформлением офиса внутри Хотзоны. Кевин Гамильтон отвечал за безопасность.

Грета поначалу сама представляла себя перед прессой. Впоследствии такая ситуация должна была измениться, но во время кризиса это отлично сработало. Грета стала единственным официальным источником новостей о забастовке, и, поскольку она выступала на публике соло, создавалось впечатление, что она решает все вопросы единолично. Это придавало ей черты харизматического лидера.

Фактически Грета и сочувствующие ей рьяные идеалисты не имели никакого реального представления о том, как надо управлять современным исполнительным аппаратом. Они

никогда прежде не стояли у власти, так что больше стремились к престижной работе, которая могла принести почет, нежели к административной деятельности, какой обычно занимаются правительства. Такой расклад полностью устраивал Оскара. Он знал теперь, что если ему просто удастся удержать Лабораторию на плаву и в безопасном отдалении от Хью, это будет самая крупная акция в его политической карьере.

Так что Оскар держался в тени позади трона. Новый порядок постепенно утверждался. Многие ученые решили, что забастовка — идеальная возможность спокойно отдохнуть, зато другие, те, что составляли основное ядро, горели революционным пылом. Подобно многим другим революционерам, они обнаружили, что каждый пустяковый вопрос может привести к моральному и интеллектуальному кризису. Каждый аспект их прежней жизни и карьеры, казалось, требовал радикальной переформулировки. Эти люди, которыми ранее помыкали все кому не лень, теперь тратили большую часть свободного времени, переоценивая самих себя и друг друга.

И все это вполне удовлетворяло Оскара. Его политические инстинкты никогда не были более острыми, чем в этот период, его команда лихо-

радочно работала на него и на его женщину, которая по планам должна блистательно справиться с кризисом.

Именно в этот момент — 8 января 2045 года — Грета и ее кабинет были заняты особенно интенсивными дебатами. Ученые озабоченно обсуждали новых кандидатов в правление от подразделений Информационной генетики и Биомедицины. Оскар, сопровождаемый его вездесущим телохранителем Кевином, скрывался позади хаотически сваленной груды инструментов. Он решил не вмешиваться в разговор, пока они достаточно не утомятся. Тогда задаст им несколько вопросов. После чего они примут решение, которое он спланировал неделю назад.

Кевин жевал очередной набор белковых палочек, Оскар наслаждался завтраком, который ему принесли. Так как команда Оскара занималась Коллабораторием, они были вынуждены нанять местный штат, чтобы управлять их отелем. Учитывая экономическое затишье в Буне, найти желающих было совсем нетрудно.

Кевин закончил возню с телефонными микрочипами, плотно закрыл крышку и передал телефон Оскару. Вскоре Оскар уже мог поговорить в блаженной безопасности с Леоном Сосиком,

находящимся в Вашингтоне.

— Мне нужны настенные постеры эпохи русского конструктивизма, — сказал он Сосику. — Заставь Бостомскую команду Элкотта прочесать художественные музеи. Я заинтересован во всем, что они смогут найти из раннего коммунистического периода.

— Оскар, я рад, что ты развлекаешься там в лаборатории, но забудь об этом стеклянном шарике, покрытом снегом. Ты нужен здесь, в Вашингтоне, немедленно. Наша кампания против Хью только что потерпела крах.

— Зачем мне ехать в Вашингтон, чтобы бороться с Хью? Хью у меня здесь на веревочке. Мы указали пальцем на всех его близких друзей в Лаборатории. Наши люди буквально пикетируют их. Дайте мне еще недельку и мы вычистим всю местную полицию. Как только мне найдут картины, я смогу приступить здесь к одной серьезной работе.

— Оскар, попытайся вникнуть в суть. Та Лаборатория только местный аттракцион. А у нас здесь кризис национальной безопасности. Хью пробил дыру в радарной обороне.

— Что это означает?

— Североамериканская радарная система.

Военные радары ВВС. Часть южной американской границы закрывал радар с той авиабазы в Луизиане. Теперь, когда его нет, образовалась дыра, которая проходит между штатами Техас и Джорджия. Речная дельта недоступна военному наблюдению.

Оскар отложил вилку.

— Черт возьми, это уже ни в какие ворота не лезет! Просто не могу поверить! Да как это возможно? Нет радара! Даже десятилетний ребенок способен сделать радар! — Он перевел дыхание. — Но у них же есть радар управления гражданским воздушным движением! Новый Орлеан не прожил бы и двух дней без воздушного движения. Разве ВВС не могут использовать гражданский радар?

— Мы уже думали об этом, но ничего не получается. Они сообщают мне, что это проблема программирования. Гражданские радары состоят из тысячи децентрализованных ячеек. Это распределенный радар, управляемый через Сеть. Он не годится для военно-воздушных сил. У военных иерархическая архитектура радарной системы.

Оскар быстро соображал.

— Но почему это стало политической проблемой? Это техническая проблема. Пусть это

утрясут ВВС.

— Они не умеют обращаться с этим старьем. Это старые федеральные системы обнаружения ракет, они изобретены и сделаны еще во времена первой холодной войны! Это примитивные ЭВМ с устаревшими программами. Совершенно негибкая система, счастье, что она вообще работает! Но суть дела вот в чем — федеральные радары не контролируют штат Луизиана. И это означает, что вражеский самолет может вторгнуться в Соединенные Штаты! Где-нибудь к югу от Батон Руж!

— О господи, Леон! Невозможно, чтобы все было столь ужасно, — сказал Оскар. — Как могли военные упустить из виду проблему такого масштаба? Должен быть план действий на случай непредвиденных обстоятельств. Кто, черт возьми, за всем этим следит?

— Никто, кажется, не знает, — сказал Сосик мрачно. — Когда чрезвычайные комитеты занимались закрытием базы, радарная проблема затерялась в разных конкурирующих подкомитетах.

Оскар хмыкнул.

— Типичный случай.

— Да, типичный. Наитипичнейший. Никто

не знает, что происходит. У власти нет никакой ясной линии. Огромные жизненные проблемы буквально проваливаются в никуда. Мы вообще ничего не можем добиться.

Оскар был встревожен, услышав подавленный голос Сосика. Ясно, что Сосик проводил слишком много времени у кровати сенатора. Бамбакиас стал еще более быстрым и подвижным, когда потерял связь с действительностью.

— Хорошо, Леон. Согласен с этим диагнозом, принимаю твою точку зрения. Я тут за вас. Но давай взглянем в лицо фактам — никто не собирается вторгаться в Соединенные Штаты. Никто больше не нарушает национальные границы. Какое нам дело, если какой-то идиот из Чрезвычайного комитета положил не на место древний радар? Игнорируйте проблему.

— Мы не можем игнорировать! Хью не допустит этого. Он раздувает шум. Он уверяет всех, будто это доказывает, что авиабаза в штате Луизиана была жизненно необходима для национальной безопасности. Делегация штата Луизиана пинает нас в задницу в конгрессе. Они требуют, чтобы мы строили для них новую авиабазу, причем немедленно. Но это стоит миллиарды, а у нас нет фондов. И даже если бы мы решили вопрос

финансирования, мы, скорее всего, не смогли бы запустить федеральную программу в штате Луизиана.

— Ясно, что не смогли бы, — сказал Оскар. — Блокпосты, стычки с местными властями… Это все затеи Хью. Как только он получит федеральных подрядчиков, увязших по колено в болоте, будет грабить фонды и высосет досуха весь бюджет.

— Точно. Так что мы увязли. Мы разгромлены. Хью играет на обвинении в отсутствии патриотизма и науськивает всех на нас. Он машет тем же самым флагом, что мы сшили для него. Мы сыграли ему на руку. И мы не можем игнорировать дыру между Техасом и Джорджией, потому что он уже использует ее в своих целях. Вчера вечером французский беспилотный самолет начал летать над Южной Луизианой. Они летают над болотами под французскую поп-музыку.

— Французская поп-музыка?

— Многоканальные радиопередачи с беспилотных воздушных аппаратов. Они разыгрывают карту с креольской франкофонией.

— Даже Хью не может серьезно полагать, что хоть кто-то слушает французскую поп-музыку.

— Французы верят этому. Они могут учуять

кровь янки в воде. Французы всегда любили конфронтацию по поводу французского языка. Теперь они могут включать свои усилители, пока все жители не встанут под знамена Парижа.

— Леон, успокойся. Ты профессионал. Ты не можешь позволить ему сбить тебя с толку.

— Он уже сбил меня с толку, будь он проклят. Сукин сын играет не по правилам! Он делает две противоречащих вещи сразу и заставляет нас метаться туда-сюда. Как будто у него работают сразу две головы!

— Перехватите инициативу, — сказал Оскар. — Это ведь незначительная провокация. Что предполагается сделать, чтобы решить эту так называемую проблему? Объявить войну Франции?

— Ну, — сказал Сосик, понизив голос, — я знаю, что это звучит странно. Но слушай. В случае объявления войны чрезвычайные комитеты были бы распущены немедленным указом.

— Как? — вскричал Оскар. — Ты сумасшедший? Мы не можем вторгаться во Францию! Франция — ведущее демократическое индустриальное государство. Мы что — нацисты? Это даже не должно обсуждаться!

Оскар оглянулся и увидел толпу удивленных ученых. Они оставили собственные обсуждения,

собрались у дальней стены Лаборатории и напрягли слух, чтобы услышать, что он говорит.

— Слушайте, Оскар, — продолжал Сосик, — никто не говорит, что мы на самом деле начнем войну. Но эта концепция получила довольно хороший прием в Вашингтоне. Объявить войну значит получить власть, перекрывающую обычную федеральную систему. Как внутренний маневр война против другого государства могла бы быть реальным козырем. Франция — это слишком, я согласен с этим, — черт, французы все еще ядерная держава! Но мы могли бы объявить войну Голландии. Голландия — крошечная мирная страна. Мы обращаем в панику голландцев, фальшивая война продолжается неделю или около того, а затем президент объявляет победу. С Чрезвычайкой покончено. Как только пыль осядет, у нас опять будет полностью функционирующий Конгресс.

Оскар отодвинул телефон от уха, с отвращением глядя на трубку, потом вернул на прежнее место.

— Слушай, я перезвоню тебе позже, Леон. У меня тут важные дела.

— Сенатор очень вдохновлен этой идеей, Оскар. Он действительно думает, что это может пройти.

Оскар повесил трубку.

— Они играют французскую поп-музыку в штате Луизиана, — сообщил он своей импровизированной аудитории.

Альберт Гаццанига почесал голову.

— Большое дело! Ну и что?

Главным затруднением, как и всегда, были деньги. Всегда деньги. Деньги были материнским молоком политики. И хотя научная политика находилась в стороне от обычной политики, деньги также были молоком науки.

Все забастовки, по сути, борьба за экономическую власть. Все забастовщики желают сместить своих нанимателей и, даже если они прибегают к разным видам морального и иного давления, все же иногда правы.

Хорошо было объявить, что Грета и ее кадры готовы бескорыстно трудиться ради чистой науки, не прося ни о чем и отказываясь тем самым снабжать других результатами своего научного интереса. Это был священный крестовый поход. Но даже священный крестовый поход нуждается в деньгах.

Поэтому Оскар, Йош и вездесущий Кевин нашли пустой угол в кухне отеля, чтобы обсудить финансовые вопросы.

— Мы могли бы взять у Бамбакиаса пару миллионов, — сказал Пеликанос. — Никаких проблем, он получил фонды.

— Забудь об этом! — сказал Оскар. — Сенат — клуб миллиардеров, но если они начинают управлять страной прямо из собственных карманов, это феодализм. Феодализм — это не профессионально!

Пеликанос кивнул.

— Хорошо. Тогда мы должны собрать фонды самостоятельно. Как относительно стандартных методов кампании? Продажа товаров по почте. Банкеты. Лотереи, гаражные распродажи, благотворительные мероприятия. Какие здесь перспективы?

— Ну, если бы это была нормальная кампания… — Оскар с глубокомысленным видом потер подбородок. — Нам надо привлечь выпускников «альма-матер» Греты, еврейские организации, профессиональные научные общества… И конечно, деловых поставщиков Коллаборатория. Они без ума от нас, они очень много потеряют, если Лаборатория будет закрыта. У нас могла бы состояться с ними приятная беседа о каких-то наличных деньгах, если они поймут, что нам угрожает полное разрушение.

— А среди ученых встречаются супербогачи? Должны ведь быть богатые ученые, правильно?

— Да, в Азии и Европе.

— Парни, вы узко мыслите, — упрекнул их Кевин.

Оскар терпеливо поглядел на него. Он начинал привязываться к Кевину. Кевин действительно упорно трудился, его можно было назвать сердцем и душой самой тяжелой и грязной работы по перевороту.

— А как широко мы должны думать, Кевин, по твоему мнению?

— Парни, вы не догадываетесь, чем располагаете. У вас есть все возможности собрать кочевников внутри Лаборатории. Это как если бы вы вокруг устроили заставы и дальше могли бы делать что угодно. Почему бы вам не пригласить всех ученых Америки прибыть сюда, чтобы присоединиться к вам?

Оскар вздохнул.

— Кевин, мы пытаемся прокормить и снабдить две тысячи людей. Если у нас будет миллион, наш корабль потонет.

— Нет, ты не потонешь, — сказал Кевин. — Если бы миллион ученых присоединился к тебе, то это была бы не забастовка. Это была бы революция.

Ты мог бы занять не только Федеральную лабораторию. Ты мог бы занять целый город. Может быть, целое графство, большую часть штата.

Пеликанос рассмеялся:

— И каким образом, ты думаешь, мы сможем управлять гигантской ордой ученых?

— Вы использовали бы кочевников. Кто еще знает, как управлять гигантской ордой людей без денег? Откройте тамбуры и пообещайте им защиту. Проведите рекламные экскурсии, покажите им все эти симпатичные растения и животных. Пролы станут гигантской группой поддержки для твоего яйцеголового контингента.

Слушай, это народная сила, уличная власть. Это оккупационная армия, вы можете использовать ее точно так же, как Хью.

Оскар рассмеялся.

— Да они все бы здесь разрушили!

— Несомненно, они могли бы это сделать — но не будут, если им здесь понравится. Тогда они, напротив, станут заботиться о порядке. Возможно, даже построят здесь еще один купол, больше нынешнего.

Оскар заколебался. Идея насчет строительства почему-то сейчас не пришла ему в голову. А ведь она ему всегда нравилась. Строительство

было лучшим, что ему удавалось организовать во время предвыборной кампании. Большинство политических деятелей не умело создавать роскошные отели, используя программное обеспечение и тяжелый физический труд, но у тех, кто это умел, было огромное преимущество. Оскар обдумывал идею строительства большего по размерам купола и находил ее восхитительной.

— Насколько больше?

— А насколько больше он должен быть? — спросил Пеликанос.

— Ну, сколько кочевых пролов можно подключить к нашей строительной команде?

— Ты хочешь, чтобы я подсчитал? — сказал Кевин.

— Бросьте, это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Пеликанос. — Несомненно, с помощью распределительной сборки мы могли бы увеличить купол. Но мы никогда бы не решились доверить его кочевникам. Они все — в карманах Хью.

Кевин фыркнул.

— Регуляторы находятся в карманах Хью, но, о господи, эти парни отнюдь не единственные пролы вокруг. Ребята, вы провели слишком много времени в Бостоне. Вайоминг был в огне! Пролы

и диссиденты рассыпаны по всей стране! Их миллионы!

Оскар попробовал рассмотреть предложение Кевина более серьезно.

— Армия безработных кочевников, строящая гигантские купола… Ты знаешь, это действительно вдохновляющий образ. Мне было бы очень жаль отклонить эту идею. Это настолько современно, фотогенично и нелинейно.

Пеликанос прищурился.

— Кевин, а кто среди пролов самый крутой?

— Ну, самые крутые — Регуляторы. Они через Хью пользуются государственной поддержкой. Это они разбили федеральную авиабазу. Так что они, должно быть, самая сильная орда вокруг — это каждый знает. Но, в общем, есть еще Модераторы. Модераторы — большая орда. Плюс они ненавидят Регуляторов.

— Почему? — спросил Оскар, подаваясь вперед с ожившим вдруг интересом.

Кевин пожал плечами.

— Почему одна толпа всегда ненавидит другую толпу? Кто-то увел чью-то подругу, кто-то вскрыл чьи-то телефоны. Они — толпа. Там нет никаких законов. Так что они должны враждовать друг с другом. Это племенное. Племена всегда так

живут.

Пеликанос поскреб челюсть.

— Ты знаешь, Оскар, нет сомнений, что Коллаборатория намного более привлекательное место, чем какая-то жалкая федеральная авиабаза.

— Ты абсолютно прав, Йош. У этого купола своя привлекательность.

Наступила продолжительная тишина.

— Время для кофе, — объявил Оскар, вставая. — Давайте вернемся к действительности, парни. Забудем пока прекрасные синие небесные купола и обратимся к нашей повестке дня! На повестке дня у нас — мягко отстранить от власти тех, кто пытался эксплуатировать федеральных исследователей. В конце сегодняшнего дня Конгресс утвердит бюджет Коллаборатория в сумме приблизительно вдвое меньшей, чем в прошлом году. Но зато люди из Лаборатории получат прямую власть. Так что давайте начнем что-нибудь действительно осуществимое. Мы будем держать Лабораторию в рабочем состоянии, но без всех этих взяточников и прихвостней. Это должно быть совершенно замечательно. Это будет нечто такое, чем мы можем очень гордиться. Он потягивал кофе.

— Но если ситуация выйдет из-под контроля и мы поступим так, как предлагает Кевин… Ну, на самом деле, подозреваю, что это возможно. Раз Хью смог осуществить свой план с базой ВВС, значит, возможно и то, о чем мы говорим. Но это не выполнимо для нас, потому что нет тормозов. У меня нет на них управы, я не могу управлять событиями. У меня нет полномочий. Я только штатный сотрудник Сената!

— Раньше это никогда тебя не останавливало, — сказал Кевин.

— Ну, я признаю, что, Кевин, но… Ну хорошо, мне не по душе эта идея, потому что это плохая идеология. Я член федерально-демократической партии. Мы разумная партия реформ. Мы не революционный авангард, мы не можем все оставить на идиотов, которые по собственной воле стали маргиналами. Для этого у меня слишком много разного рода возражений. Невозможно управлять огромной толпой обычными федеральными средствами.

Кевин фыркнул:

— А вот для Хью возможно!

— Хью — губернатор! У Хью — законодательная и судебная власть. Хью был избран народом, он выиграл последние выборы с семьюдесятью

двумя процентами при девяностопроцентной явке! Я не могу себе позволить того, что может он, у меня нет власти! Я — не фокусник! Я только новичок и штатный сотрудник Сената. Я не могу самовольно двигаться в какую-то сторону потому лишь, что это теоретически возможно. Черт, я даже не могу спать со своей подружкой! Кевин посмотрел на Пеликаноса.

— Йош, разве ты не можешь устроить так, чтобы этот бедный ублюдок мог спать с подружкой? Она поняла бы ситуацию. А то у него из-за этого сильно сузился кругозор.

— Хорошо, это выполнимо, — сказал Пеликанос. — Ты мог бы уйти из Сенатского комитета по науке и занять здесь должность официального главы администрации Греты. Я не думаю, что кто-либо будет возражать против Греты, спящей с одним из ее штатных сотрудников. Ну то есть технически это сексуальные домогательства, но…

Оскар недовольно нахмурился.

— Я не оставлю Сенатский комитет по науке! Как вы не понимаете, чего стоит уломать тех, кто ползает за кулисами в Вашингтоне. Это невероятно трудно сделать по Сети. Если ты не в Вашингтоне и не встречаешься с ними лицом к лицу, они просто сбрасывают тебя со счетов. Мне

в течение трех недель пришлось посылать цветы проклятой сисадминше!

— Хорошо, тогда мы вернулись назад к тому, с чего начали, — сказал Пеликанос уныло. — Мы все еще не знаем, что нам делать, у нас все еще нет денег.

В три часа утра Оскар сидел, просматривая графики будущих слушаний в Сенате, когда кто-то постучал в его двери. Он поглядел на Кевина, который мирно храпел на кровати. Оскар взял пластмассовый пистолет, проверил, наполнен ли шприц, и незаметно направился к двери.

— Кто? — тихо прошептал он.

— Я. — Это была Грета. Оскар открыл дверь.

— Входи. Что тут делаешь? Ты сошла с ума! — Да.

Оскар вздохнул.

— Ты проверяла одежду? Там нет жучков? За тобой никто не наблюдал? Не разбудить бы моего телохранителя! Поцелуй меня!

Они обнялись.

— Я понимаю, что веду себя ужасно, — прошептала она. — Но я не могу заснуть. Я отпустила всех сотрудников и осталась одна, это так редко теперь бывает. И вдруг поняла, что знаю, чего хочу. Я хочу быть с Оскаром.

— Это невозможно, — сказал он, просовывая руку под ее рубашку. — Рисковать всем, что есть, — это действительно дурацкий риск.

— Я знаю, что мы не можем больше встречаться, — сказала она, прислонясь к стене и закрыв глаза от счастья. — Они наблюдают за мной каждую секунду.

— Мой телохранитель спит прямо в этой комнате.

— Я пришла сюда, чтобы поговорить, — сказала она, вытягивая у него рубашку из брюк.

Он ввел ее в ванную, закрыл дверь.

— Только чтобы поговорить, — повторила она. Она поставила сумочку на раковину. — Я принесла тебе кое-что.

Оскар запер дверь ванной и включил душ, чтобы шум заглушил их голоса.

— Небольшой подарок, — сказала она. — Поскольку мы теперь не можем быть вместе. И я не могу больше выдерживать этого.

. — Я приму холодный душ, — объявил он, — на всякий случай, а то Кевин может заподозрить. Мы можем говорить, но тихо.

Он начал расстегивать свою рубашку.

Грета порылась в сумке и вытащила обернутую бумагой и перевязанную лентами коробку.

Она положила коробку на край ванны, затем обернулась к Оскару и со значением посмотрела на него. Оскар швырнул рубашку на холодные плитки пола.

— Быстрее, — поторопила она, переступая через свое нижнее белье.

Они бросили пару полотенец на пол. Он подхватил ее под коленки, задрал их и как сумасшедший приступил к делу. Это взаимное безумие заняло сорок секунд и закончилось пыхтением, напоминающим прибывающий на станцию поезд.

Он перевел дыхание и слабо улыбнулся.

— Мы только притворимся, что инцидента никогда не было. Ладно?

— Хорошо, — сказала она, руки у нее дрожали. — Хотя мне теперь гораздо лучше. — Она поднялась и натянула юбку. Потом подняла коробку и протянула ему: — Это — тебе. С днем рождения.

— У меня нет дня рождения, — сказал он.

— Да, я знаю это. Поэтому принесла тебе особый подарок.

Он нашел штаны, оделся и взял подарок. Его несколько встревожило, что коробка на ощупь казалась горячей. Он снял безвкусную оберточную бумагу и маленькую фанерную крышку. В

коробке лежало теплое серое вещество, окружающее маленькое изогнутое устройство. Он отделил подарок от горячей упаковки.

— Это наручные часы, — сказал он.

— Примерь их! — сказала она с нетерпеливой улыбкой.

Он снял с запястья классический японский хронометр и надел часы Греты. Часы цвета жженой охры были горячими и липкими. Он исследовал зеленоватые пылающие цифры. Они отставали на шесть минут.

— Эта вещь как будто сделана из желе.

— Это и есть желе! Это нейрочасы! — сказала она. — Единственные в мире! Мы сделали это в Лаборатории.

— Удивительно!

— Держу пари, что так! Слушай. Каждый мозг млекопитающего имеет встроенные биологические часы. В мозгу мыши они находятся в харизматическом ядре. Так что мы размножили ткань этого ядра и положили на гелевую основу. Те цифры — чувствительные к ферменту клетки, специальные гены светлячка! И, Оскар, мы связали эти кусочки с нервной сетью, которая автоматически вычисляет среднее из совокупной ошибки. Даже при том, что это полностью орга-

нические часы, они показывают точное время! Пока их температура на уровне температуры крови, конечно.

— Феноменально.

— Да, ты должен подкармливать их. Это небольшая пачка там — сыворотка бычьей крови. Ты только кипятишь ее пару секунд раз в неделю и вводишь через небольшую трубочку. — Она остановилась. — Достаточно одной-двух капель.

Оскар покрутил запястье, рассматривая прозрачный ремешок. Они сделали зубец и застежку из мышиной косточки.

— Это — большое техническое достижение, не так ли?

— Да, и не позволяй им остывать, а то они умрут. И если ты захочешь их переустановить, надо щелкнуть заплаткой в низу корпуса и положить их на солнечный свет. Мы поместили там ретинальные клетки. Когда на них падает солнечный свет, они выпускают глютамат. Который воздействует на рецепторы. Которые производят оксид азота. Который активизирует ферменты. Которые добавляют фосфат к ядерному белку. Белок посылает генетическое сообщение, и гены переустанавливают нейроны в часах!

— Так, а нет ли у тебя, хм, документации на это

изделие?

Она заколебалась.

— А, ладно, не бери в голову все это. Ты ведь не специалист. Тебе нет нужды понимать, как они работают.

Оскар посмотрел на кошмарное изделие. Оно прилипло к его запястью, как сырая печенка.

— Это — часы к дню рождения, — провозгласил он. — Спасибо, что, несмотря на все неприятности, вы нашли время сделать для меня часы. Своими собственными руками.

— Я очень рада, что ты доволен.

— Доволен? Да это самый прекрасный подарок на день рождения, который я когда-либо получал.

Ее брови слегка дрогнули.

— Но ты не считаешь их… уродливыми?

— Уродливыми? Святые небеса, нет, конечно! Еще шажок-другой, и вы можете их выставлять на рынок. Я предвижу, что они будут пользоваться большим спросом.

Она довольно рассмеялась.

— Ха! Точно. Я так и сказала лабораторной команде, когда мы их делали. Мы наконец придумали кассовое изделие для потребителя, которое имеет реальный рыночный спрос!

Оскар был тронут.

— Понятно. Значит, тебя теребили в течение многих лет относительно того, чего не может сделать «чистая наука», верно? Как будто они имели право управлять твоим воображением потому лишь, что оплачивают твои счета. Хорошо, я открою тебе маленький секрет. Нет и не было никогда такой вещи, как «чистая наука». «Чистая наука» — это злая ложь, это убийственное мошенничество, подобное «чистому правосудию» или «чистой свободе». Желание никогда не чисто, и желание знания — только другой вид желания. Никогда не существовало отрасли знания настолько чистой и абстрактной, что она не могла опуститься и загрязниться. Она вздохнула.

— Я никогда не знаю, что делать, когда ты начинаешь так говорить. А мне так хотелось поделиться с тобой тем, о чем я думала последнее время.

— Попробуй.

— Это… это… Ты хочешь чего-то, но знаешь, что это плохо. Так что ты отрицаешь это, и хочешь этого, и отрицаешь — но это слишком соблазнительно. Так что ты сдаешься, и затем это случается. Но когда это случается, оно оказывается не столь ужасным, как ты думал. Вовсе даже не

плохим. Фактически хорошим. Оно оказывается действительно хорошим. Замечательным. Оно делает тебя лучше. Ты становишься лучше. Ты становишься более сильным. Ты лучше понимаешь себя. Ты в контакте с собой. Ты не отвергаешь самого себя. Ты не отрешенный и чистый. Ты действующий и живой, и ты — часть реального мира. Ты знаешь, чего ты хочешь.

Оскар почувствовал, как в нем поднимается чувство абсолютного мужского триумфа. Это продолжалось три секунды, потом он замер, остановившись в нехорошем предчувствии.

— Любовная интрига не всегда персики и сливки, — осторожно сказал он.

Она посмотрела на него в чрезвычайном удивлении.

— Оскар, милый, я говорю не о сексе! Это все очень хорошо, и я счастлива, но ни ты, ни я не можем получить все сексуальные ощущения в мире, и это не меняет положения вещей. Я хочу сказать, что ты преподнес мне настоящий подарок, поставив меня у власти. И теперь я действительно знаю, что означает власть. Впервые в моей жизни я могу говорить с людьми. Когда они все там передо мной, большая толпа моих людей, я могу сказать им правду. Я могу убеждать их,

могу вести их. Я стала лидером, нашла свой собственный голос. У меня реальная власть. Думаю, я всегда хотела этого и в то же время сопротивлялась, потому что думала, что это плохо. Оказалось — ничего подобного! Теперь я знаю, что такое власть, и мой Бог, это действительно хорошо! И мне хочется ее еще и еще.

В конце второй недели пребывания Греты на посту директора она уволила целиком отдел Обработки материалов. Это освободило много ценного места в помещениях их Лаборатории, которые располагались у восточной стены купола рядом с комплексом инженерии растений. Долго бедствовавшие ботаники были приведены в восторг открывшейся перед ними перспективой. Закрытие ненасытной Лаборатории материалов было также финансовым благом для всего Коллаборатория. И значительным благом для отеля Оскара. В отель хлынули лабораторные сборщики оборудования и мимолетные посредники, налетевшие в Буну, как только новости о распродаже оборудования просочились в Сеть.

Большинство ученых из Лаборатории материалов мрачно смирились со свершившимся фактом. Большинство, но только не доктор Дэвид Чандер. Чандер с самого начала примкнул к забастовке и

многому научился.

Теперь, сопротивляясь собственному увольнению, он прибег к тактическим методам забастовочного комитета. Используя суперклей, он намертво прикрепил оборудование к скамьям Лаборатории и забаррикадировался внутри помещения. Он засел там и категорически отказывался покинуть здание.

Кевин выступал за введение в действие гидравлического тарана и уничтожения Чандера. Федеральная полиция Коллаборатория была слишком запутана и подавлена и не решалась на это самостоятельно. Кевин был бы рад сыграть роль линчевателя, но Оскар счел это плохим прецедентом для нового режима Лаборатории. Он не одобрял такие конфронтации. Это было непрофессионально, это не его стиль.

Вместо этого он решил действовать методами убеждения.

Оскар и Кевин подошли к лаборатории Чандера, расположенной на третьем этаже, и Оскар назвал себя. Он терпеливо подождал, пока Чандер разбирал баррикаду за дверью Лаборатории. Тогда Оскар проскользнул внутрь, оставив рассерженного Кевина в фойе.

Чандер немедленно снова начал строить бар-

рикаду у двери.

— Позвольте мне помочь, — вызвался Оскар.

Он помог Чандеру закрепить демонтированную ножку стула в склеенных суперклеем подставках у двери.

В отличие от большинства аборигенов Коллаборатория, Чандер имел приличный вид — носил деловой костюм и галстук, солидную шляпу. Сейчас его смуглое лицо казалось пепельным, глаза опухли от напряжения.

— Я задавался вопросом, хватит ли ей нахальства встретиться со мной, — сказал он, прикусывая пухлую нижнюю губу. — Не могу сказать, что удивлен, увидев вас.

Оскар открыл пластиковый пакет.

— Я принес некоторые запасы для сидячей забастовки, — сказал он. — Замороженный устричный суп, немного риса…

— Вы что, не знаете, что я объявил голодовку?

— Я не слышал, — солгал Оскар.

— Заставьте их включить мои телефоны в лаборатории снова, и вы услышите множество интересного о моих проблемах.

— Но именно поэтому я прибыл сюда лично, — сказал Оскар радостно. — Чтобы услышать все это прямо из ваших уст.

— Я не могу этого вынести, — объявил Чандер. — Она уничтожает дело всей моей жизни, это вопиющая несправедливость. Я могу тут ждать столь же долго, как и вы. Я умею делать кое-что из того, что умеете вы. У меня есть друзья и сторонники, заинтересованные покровители из федеральных структур. Я — честный человек. Как только мои слова дойдут до них, вам несдобровать.

— Но я из Сенатского комитета по науке, — сказал Оскар. — Конечно, Сенат проявляет интерес к вашему тяжелому положению. Давайте сядем, и вы мне изложите все по порядку.

Оскар осторожно присел на частично разрушенный стул, достал бумажную записную книжку и классическую авторучку.

Чандер подтянул пластмассовую корзину и со стоном устроился на ней.

— Видите ли, Конгресс не будет помогать мне. Конгресс безнадежен, они там никогда не понимают технических проблем. Суть в том… у меня есть крупная разработка, есть серьезные результаты. Это не пустые слова. Это не выдумка, не попытка скомбинировать что-то, чтобы сорваться с крючка, у меня действительно настоящее техническое новшество! Я разрабатываю его в

течение двух лет!

Оскар заглянул в свои записи.

— Доктор Чандер… была проведена общая ревизия производительности, здесь, в Коллаборатории. Другие отделы прошли те же самые проверки: отдел Генетической фрагментации, отдел NMR… Ваш отдел пережил пять реорганизаций за четыре года. Этот ваш производственный рекорд воистину плачевен.

— Я не отрицаю этого, — сказал Чандер. — Но это был саботаж.

— Это интересное обвинение.

— Слушайте, это длинная, мрачная история, но… Видите ли, фундаментальная наука и корпоративное субсидирование никогда не сочетаются. Мои проблемы вообще не относятся к науке, они все касаются менеджмента. Мы занимаемся здесь обработкой органических материалов, ищем новые, биологически обоснованные решения традиционных технических проблем. Здесь есть большие возможности. Наша проблема — корпоративное субсидирование из Детройта. — Чандер вздохнул. — Я не знаю, почему привлекли поддерживать нашу работу автомобильную промышленность. Это было не мое решение. Но с тех пор как они вступили в дело, пять лет назад, они

разрушили все, что мы делаем. Они требуют от нас результатов, сокращая наши графики и изменяя наши планы доставки. Они вмешиваются во все. Они засылают к нам поврежденных мозгами автомобильных деятелей, которые неожиданно сваливаются нам на голову, крадут редких животных, излагают идиотские футуристические сценарии и мелют чепуху. Мы прошли здесь через все круги ада: повторную разработку, трудоустройство уволенных, целевой менеджмент, полное обслуживание клиента и еще черт знает что! Все вообразимые виды преследования.

— Но промышленность снабжала вас финансами.

Это ваши корпоративные спонсоры. Нельзя добиться федерального финансирования по вашему заказу. Если вы не в состоянии удовлетворить собственных спонсоров, то почему вы еще здесь?

— Почему я здесь? — спросил Чандер. — Это просто! Это очень простая вещь! Я здесь из-за энергии.

— Да что вы?

— Электродвижущая сила! Моя команда и я исследовали новые источники энергии для американской транспортной промышленности. И мы создали новую рабочую модель. Это

— митохондриевая АТФ нового поколения. С трансдукцией сигнала, фосфориляцией белка, с распределением потенциала по мембране… Слушайте, вы хоть знаете, что такое митохондрия?

— Я слышал этот термин.

— Митохондрия — это клеточная электростанция. Она производит энергию из аденозинтрифосфата, это основная причина, по которой мы можем жить и дышать. У митохондрии микроскопические размеры. Но вообразите, что митохондрии были бы, — тут Чандер рывком раздвинул руки в стороны, — где-то в метр.

— Так что, вы размножили часть ячейки и сделали ее размером в метр?

— Я никогда не умел хорошо объяснять науку неспециалистам… Нет, конечно, это не метр. Это не митохондрия вообще. Это биомеханическое устройство, которое использует мембраны и структуру митохондрии. Там соблюдается пропорциональное соотношение, то, что нужно, для промышленности. Это гигантская вафля, скомпонованная из мембраны и желатиновой матрицы. Это не живое существо, а биологический аппарат, превращенный в электрохимическую батарею. На нем можно везти автомобиль, даже грузовик! И он работает на сахаре.

— Так вы создали автомобильный двигатель, работающий на сахаре?

— Вот теперь вы ухватили суть! Вот именно! Сахар, вода и еще несколько элементов. Полностью органический и полностью утилизуемый. Никакого сгорания, никаких выбросов и никаких токсинов! И он работает при комнатной температуре.

— Так что, еще один новый автомобильный двигатель? Это прекрасно. Их ведь уже множество на рынке — гидродвигатель, паровой, на жидком азоте. А как со скоростью и ускорением?

Чандер ударил кулаком в воздух.

— Это как удар! Как удар кулака! Митохондрии отлично с этим справляются! Быстро, чисто! Это действительно работает!

— А какие сложности?

— Никаких! Все работает прекрасно! Ну, это будет работать лучше, когда мы разберемся с дефектами опытного образца… Есть некоторые проблемы с осмотическим давлением… о, еще, если батарея инфицируется, то довольно быстро сгнивает. Но это пустяковые проблемы. Реальная проблема состоит в том, что Детройту не нужно наше изделие. Они не будут пускать его в производство.

— Итак, вы достигли большого успеха, — сказал Оскар. — Тогда объясните кое-что. Ваша Лаборатория имела частного финансирования больше, чем любая другая в отделе материалов, но вы так ничего и не продали. Товарооборот у вас был меньше, чем в любой другой Лаборатории, хотя вы были основным исследователем…

— Они все шпионы! — вскричал Чандер. — Они шпионы и саботажники! У меня не было выбора, их надо было увольнять.

— Я заметил, что остальные сотрудники Лаба не присоединились к вашей персональной забастовке.

— Они пали духом. Они знают, что отдел собрались закрыть. Они знают, что весь их тяжкий труд ни во что не выльется.

Плечи Чандера поникли.

— Это примечательная история. Но я должен проверить ваши сведения о корпорации.

— Конечно. Валяйте. Его зовут Рон Гриего, он проектный менеджер по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам в Детройте.

Оскар заморгал глазами.

— Это не Рональд К. Гриего?

— Так вы знаете Рона Гриего?

— Думаю, что да, — сказал Оскар хмурясь. — Подозреваю, что мы сможем разрешить все вопросы довольно быстро.

Покинув доктора Чандера, который смягчился в конце настолько, что начал есть, Оскар и Кевин укрылись под защитой пышной листвы к северу от здания генетической фрагментации. Оскар позвонил секретарю команды Гриего в Детройте.

— Простите за беспокойство, мадам, но, думаю, господин Гриего захочет поговорить со мной. Пожалуйста, сообщите Рону, что это Оскар Вальпараисо, класс тридцать седьмого года, и что у меня срочное государственное дело.

Гриего откликнулся через пять минут. Он и Оскар обменялись осторожными шутками.

— Подался в конце концов в семейный автомобильный бизнес, а, Рон?

— Именно для того отец посылал меня в Гарвард, — сказал Гриего. — Что за ужасная телефонная связь?

— Шифрование и маршрутизация. Жаль. Слушай, это относительно Бунского национального коллабора-тория.

— Я слышал, ты закрыл Лаб, — радостно сказал Гриего. — Большая забастовка продолжается. Это, конечно, наносит удар по нашим исследованиям,

но я не хочу, чтобы ты волновался. Мы здесь в автобизнесе понимаем неприятности, возникающие в работе. Если мы сможем лоббировать в Конгрессе бюджет на прежнем уровне, то, полагаю, переживем потерю нашей Лаборатории в Буне.

— Прости, но это будет нелегко, Рон.

— Зато будет легче тебе, — сказал Гриего. — Закройте лавочку, увольте всех. Заприте двери, все, закончено, всё в прошлом. Что может быть легче?

— О, это достаточно легко для меня, — я хотел сказать, это будет не так легко для тебя.

— Я мог бы догадаться, — застонал Гриего. — Вальпараисо, ну почему с тобой никогда не бывает легко? Что у тебя против нас? В чем там дело?

— Я просто пытаюсь связать концы с концами. Поверь мне, Рон, я могу тебя понять. Для тебя ведь наверняка это был сущий кошмар — узнать по Сети, что какая-то команда сумасшедших построила волшебную сахарную батарею.

— О боже.

— Слушай, Рон, расслабься. Припомни, как я скрыл тех двух проституток от полиции кампуса? Я никогда тебя не закладывал, и я не планирую

этого теперь. Только будь откровенным со мной. Это все, чего прошу.

Повисла длинная, тяжелая пауза.

Потом Гриего разразился яростной речью:

— Кончай разговаривать со мной тоном «великого и могучего», мистер Третий-в-нашем-классе. Ты думаешь, легко управлять корпоративным отделом исследований и разработок? Это было прекрасно и легко, пока не появился тот парень. Господи, никто не мог предположить, что проклятый сахарный двигатель будет работать. Дьявольское изобретение — гигантский микроб в коробке! Мы создаем автомобили, мы не занимаемся разведением гигантских микробов! И тут они выкидывают этот сумасшедший трюк и… Ну, это просто делает нашу жизнь невозможной! Мы — классическая промышленность, мы работаем с металлом! У нас все схвачено — сырье, топливо, запасные части, дилеры… Мы не можем сообщить в лицо нашим топливным поставщикам, что заменяем их сахарной водой! Поставщики топлива — часть нашего бизнеса! Это будет все равно что отпиливать собственную ногу!

— Я знаю, что такое сращивание управления и совместное владение акциями, Рон. Я сидел рядом с тобой в бизнес-школе, помнишь? Огра-

ничься главным — что там насчет батареи?

— Из всех автомобильных компонентов у батарей самый высокий уровень прибыли. На них мы делаем деньги. Ты не можешь делать реальные деньги где-нибудь еще в нашем бизнесе. Корейцы производят автодетали из соломы и бумаги, но мы не сможем поддерживать промышленность, когда автомобили станут дешевле тележки в универсаме! Что скажут профсоюзы? Под угрозой великая американская традиция! Автомобиль определяет Америку: сборочная линия, пригороды, кинотеатры для автомобилистов под открытым небом, автомобиль с форсированным мотором, подростковый секс — все, что делает Америку великой! Мы не можем перевернуть все это вверх дном из-за того, что кто-то слишком умный соорудил двигатель из кишок! Этот парень — угроза обществу! Его надо остановить.

— Спасибо за это, Рон. Теперь понятно. Так объясни мне: зачем ты взялся за это проклятое финансирование?

— Если бы все было просто! Есть федеральный указ — вкладывать капитал в корпоративные исследования и разработки. Это часть нашего вклада в федеральный бюджет. У нас, как предполагается, есть торговая защита, и мы, как

предполагается, делаем скачок и обгоняем наших и иностранных конкурентов. Но если мы делаем рывок и обгоняем проклятых корейцев, наша промышленность исчезнет полностью. Люди будут делать автомобили за то время, пока они жарят тост. Пролы будут строить автомобили из биоотходов и компоста на заднем дворе. Мы будем обречены.

— Так ты хочешь сказать, что вы достигли огромного научного успеха, но это убьет твою промышленность как отрасль?

— Да. Вот именно. Точно. Не только нас. У нас акционеры, у нас рабочие. Мы не можем допустить, чтобы отрасль исчезла, как это произошло с компьютерами. Господи, это полное безумие, это сумасшествие. Все равно что перерезать собственное горло.

— Рон, успокойся, ладно? Я с тобой. Спасибо за откровенность, я понял ситуацию. Теперь у меня сложилась цельная картина. — Оскар вздохнул. — Видишь ли, Рон, истинная основная проблема — взаимодействие торговли и науки. Я много думал об этом последнее время и теперь понимаю, что игра с большой наукой в старинном стиле теперь уже ненадежна. Только дикари и конгрессмены могут полагать, что наука — есте-

ственный друг торговли. Наука никогда не была другом торговли. Правда не имеет друзей. Иногда интересы науки и торговли могут совпадать на время, но это не брак. Это — опасная связь.

— Ты абсолютно прав, — с большим пылом подтвердил Гриего.

— Рон, мне грустно видеть, что ты пошел на это. Если ты не хочешь финансировать разработки и исследования, то ты в своем праве, и ты не должен бы потакать федеральным бюрократам, которые не понимают реальной динамики частного предприятия. И самое главное, ты, конечно, не хочешь и дальше тратить впустую свое и мое время, занимаясь саботажем и всякими другими играми против Федеральной лаборатории. Это утомительное и совершенно непродуктивное занятие. Мы серьезные игроки, Рон. Люди, подобные нам, должны договориться, как зрелые личности, и найти определенное решение.

Гриего испустил громкий вздох прямо в телефон.

— Хорошо, Оскар. Ты можешь закончить свои сладкие речи. Что ты собираешься со мной сделать?

— Ну, я мог бы предать гласности всю эту уродливую историю. Тогда начались бы рассле-

дования, и слушания в Сенате, и обвинительные акты, и масса других утомительных и неприятных дел. Но предположим, что я этого не делаю. Предположим, я лично гарантирую тебе это чудо — батарея этого парня исчезает куда-нибудь на край света. И все, что ты потратишь на это, — лишь пятьдесят процентов нынешнего уровня инвестиций.

— Я сказал бы, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Нет, Рон. Это новое ведение дел здесь, в Коллаборатории. Ведь тебе не нужен научный прогресс в американской автомобильной промышленности. Вас уже тошнит от этого прогресса. Вы, ребята, сейчас национальное достояние и историческое сокровище, вроде стада бизонов. Вас надо защитить от угрозы фундаментальных исследований. Поэтому, вместо того чтобы платить федеральным ученым за фундаментальные исследования, ты должен заплатить им, чтобы они ими не занимались. Это гарантирует, что твоя промышленность не заглохнет окончательно.

— Это звучит красиво, — сказал Гриего задумчиво. — Но законно ли это?

— Почему нет? Твоя практика саботажа точно незаконна, но вы избегали неприятностей на

протяжении ряда лет. Мое предложение — поддерживать статус-кво.

— Хорошо, мне надо поговорить с отцом по поводу всего этого.

— Перекинься парой слов с вашими шишками, Рон. Сообщи отцу и другим членам правления, что, если они не примут мое предложение как есть, я двину интеллектуальную элиту всей Лаборатории целиком на этот проект. И мы будем отгружать сахарные двигатели уже в следующем июне. В ореоле гласности и сиянии рекламы! — Он повесил трубку.

— Ты действительно предполагал, что все так повернется? — спросил Кевин. Он слушал разговор с большим интересом.

— Я не знаю, — сказал Оскар. — Мне повезло, я просто знал, на что ловится добрый старый Ронни, и весь план — чистая и вдохновенная импровизация. Крайне странный боковой ход, но он снимает нас с трех или четырех крючков сразу. Мы можем наконец быть спокойны за финансирование. Рон будет счастлив, мы будем счастливы, несчастен лишь бедняга Чандер, но Чандер был обречен так или иначе. Он посмел использовать против меня мои собственные методы!

— Ты не сможешь защитить автомобильную промышленность от фундаментальных научных открытий.

— Кевин, пробудись! Разве ты не видишь, чего я только что добился? Впервые люди платят нам не за работу, а за то, чтобы мы не работали! Это подлинно новый источник власти. Впервые федеральные ученые имеют реальное экономическое оружие, они могут применить право войны к своим врагам. Кому нужны эти новые двигатели! Ты когда-нибудь видел автомобиль на атомном топливе? То, что это технически возможно, не значит, что это будет сделано.

: — Люди все равно сделают это, так или иначе. Твои политические деятели не смогут остановить поток технического знания. Народ использует это независимо от того, что говорит правительство.

— Кевин, я знаю это. Я — живое тому доказательство, именно это и сделало меня тем, кем я являюсь сегодня.

В два ночи 20 января кто-то постучал в дверь гостиничного номера Оскара. Это был Фред Диллен, их швейцар и прачка. Фред был пьян: команда праздновала долгожданное официальное приведение к присяге сенатора Бамбакиаса, было произнесено много патриотических тостов

в честь новой администрации президента Два Пера. Фреда сопровождала невысокая белая женщина лет тридцати, которая несла оборудование для скорой медицинской помощи.

— На вечеринке начались скандалы и драки?

— Оскар, этой леди нужен ты, — сказал Фред.

— Яне знала, в каком вы номере, — сдержанно пояснила медработница. — Мне пришлось пройти через толпу пьяных.

— Я рад, что вы добрались, а в чем проблема?

— Одна из женщин повредила лодыжку. Сломана кость. Но она говорит, что не хочет в нашу клинику. Она не сказала, как ее зовут, и не предъявила IQ. Сначала она хочет поговорить с вами.

— А в какую клинику вы хотели ее поместить? — спросил Оскар.

— Ну, мы хотели забрать ее в Бунскую амбулаторию. А она хочет только в Коллабораторий, но мы не можем ее туда везти — все эти гигантские тамбуры и меры безопасности, и, кроме того, мы юридически не имеем права обслуживать больных внутри федерального здания.

— А что случилось, как она умудрилась сломать ногу?

— Она утверждает, что гуляла где-то рядом по дороге и обо что-то споткнулась. — Медработница

смотрела на Оскара с отвращением. — Слушайте, все это против инструкций. Большинство людей, когда ломают ногу, счастливы видеть санитарную машину. А она требует от меня найти парня по фамилии Вальпараисо. Ну я вас нашла. Вы собираетесь что-то делать? Если нет, то adios, muchacho.

— Нет, пожалуйста, подождите, я пойду с вами. — Оскар посмотрел на бейдж медработницы. — Большое спасибо за беспокойство, за то, что нашли меня, госпожа Уиллис.

— Ну хорошо, — сказала она и улыбнулась. — Может, все не так уж плохо.

Оскар нашел жакет, бумажник и пару ботинок. Поглядел на дремлющего Кевина. По правилам безопасности он должен был разбудить телохранителя, чтобы тот спустился с ним вниз в инвалидном кресле, но шел третий час ночи, трудяга Кевин на этот раз был пьян как свинья. Оскар проверил в кармане телефон и вышел в зал. Он тихо закрыл дверь и вручил Уиллис двадцать экю.

Уиллис положила деньги в оранжевый карман.

— Muchas gracias, amigo.

— Я надеюсь. Грета в порядке, — сказал Фред

с тревогой.

— Постарайся не волноваться, — сказал ему Оскар. Фред не отличался особым умом, но был лояльным и добросердечным человеком. — Ты можешь вернуться на вечеринку. Пусть этот небольшой инцидент останется в секрете. Так что ничего никому не рассказывай, ладно?

— О, — сказал Фред. — Хорошо. Никаких проблем, Оскар.

Оскар и госпожа Уиллис спустились по лестнице в холл.

Голландская музыка с вечеринки эхом отдавалась в холле.

— Наверное, очень приятный отель, — заметила Уиллис.

— Спасибо. Может быть, вы захотите это проверить в выходные?

— На мою зарплату? У меня нет возможностей бывать в таких классных местах.

— Если вы будете сдержанны по отношению к этому маленькому происшествию, мэм, я приглашу вас и любого вашего знакомого на три дня в наш отель. С полным пансионом.

— Хмм, классное предложение. Эта Гретель, должно быть, много значит для вас.

Уиллис повела Оскара по выложенной дорожке

на улицу. Белая санитарная машина размером с лимузин ждала под соснами с выключенными огнями. Дверь водителя была открыта. Уиллис радостно махнула рукой водителю, и тот с видимым облегчением ответил ей тем же жестом.

— Она лежит сзади, на носилках, — сказала Уиллис. — Довольно скверный перелом. Позвольте дать хороший совет, compadre, — не позволяйте больше своей подружке гулять по дорогам в темноте.

— Я уверен, что это хороший совет, — сказал Оскар.

Он встал на бампер, вглядываясь внутрь санитарной машины. Грета лежала на полотняных носилках, руки за головой.

Уиллис мощным ударом под зад запихнула Оскара в машину и захлопнула за ним двери. Санитарный фургон тронулся с места. Внутри было темно как в могиле.

— Эй! — позвал Оскар.

Машина двигалась на полной скорости, трясясь на гидравлических рессорах.

— Грета!

Никакого ответа. Он пополз в темноте вглубь, пытаясь ее найти. Шаря руками, он уперся в лежащее на носилках тело. Грета была без сознания.

Но она была жива, она дышала.

Оскар быстро вытащил телефон. Его не удивило, что аппарат не отвечает. Но цифровое табло светилось в темноте, и можно было оглядеться. Он поднес телефон к лицу Греты. Лицо у нее было холодным. Для надежности ей заклеили рот липкой лентой, руки были скованы тонкими пластмассовыми полицейскими наручниками. И конечно, с лодыжкой было все в порядке.

Задняя часть фургона походила на санитарную машину, но только на первый взгляд. Там находились разбитые носилки, но не было никаких приборов жизнеобеспечения. Окон в фургоне не имелось. Фальшивая санитарная машина была вложена в жестяные ножны, как стеклянная банка в металлический термос. Они заманили его в бронированный термос.

Пользуясь слабым светом телефона, он ногтями медленно очистил ленту со рта Греты и поцеловал ее в неподвижные губы. В фургоне было очень холодно. Оскар забрался на носилки, обнял Грету, прижался к ней, пытаясь согреть своим телом. Он был потрясен, обнаружив, как сильно жаждет заботиться о ней. Она была такой по-человечески беспомощной.

Значит, им предназначено исчезнуть. Вот так

просто. Они доставили кому-то слишком много неприятностей, истощили терпение каких-то игроков. Теперь убийцы везут их к кладбищу. Они будут их мучить, оскорблять, а после похоронят, пустив предварительно пулю в затылок. Или, возможно, отравят газом, а потом кремируют. И у этих мерзавцев останутся на память видеозаписи их тайной и мучительной смерти.

Оскар поднялся с носилок. Он лег на спину и начал ногами усердно пинать переднюю переборку. Он стучал изо всех сил, чтобы стук, пройдя сквозь слой пористой пластмассы, достиг железа. Он усердно пробивался сквозь пластмассу. Наконец прогулочный гроб завибрировал от барабанного гула. Это был прогресс. Оскар с повышенным энтузиазмом продолжал дубасить стенку.

Ожил с потрескиванием расположенный где-то сзади динамик.

— Ты не мог бы потише, а?

— А что иначе будет? — спросил Оскар.

— Слушай, не нарывайся, compadre! — раздалось из динамика. Это была Уиллис. — Если ты не можешь нас видеть, это не значит, что мы не видим тебя! Мы следим за каждым твоим движением. И по правде сказать, лучше бы ты не вертелся около нее, пока она без сознания. Это

извращение.

— Ага, ты, наверное, решила, что я здесь совсем беспомощен. Но я все еще жив. Я могу задушить ее до смерти. А потом сказать, что это вы ее убили.

Уиллис засмеялась.

— Господи, вы только послушайте этого типа! Если ты выкинешь какую-нибудь дурацкую штучку, мы просто пустим газ, чтобы ты отключился. Ты бы успокоился там, а? Не мы твоя проблема. Мы ничего не собираемся с тобой делать. Мы только служба доставки.

— У меня куча денег, — сказал Оскар. — Держу пари, вы бы не отказались.

Ответа не последовало.

Он переключил внимание на Грету. Обыскал ее карманы, но не нашел ничего, чем можно было бы разрезать металл. Попробовал уложить ее поудобнее. Приподнял ноги, помассировал связанные запястья, погладил виски.

Прошло полчаса, и она, застонав, очнулась.

— У меня очень кружится голова, — хрипло сказала она.

— Я знаю.

Она пошевелилась.

— Оскар?

— Нас похитили.

— О! Да, я вспомнила. — Грета напряглась. — Они сказали мне, что у тебя травма. Что ты хочешь меня видеть. А когда я вышла из купола, они просто… схватили меня.

— И со мной то же самое, — сказал Оскар. — Они использовали нас как приманку друг для друга. Наверное, следовало быть более подозрительными. Хотя зачем? Невозможно жить, всех вокруг подозревая! И нет способа предусмотреть все на свете.

— Что они собираются с нами делать? — спросила Грета.

Оскар взбодрился и ожил. Он уже выбрался из черной пропасти страха и отчаяния и теперь беспокоился, чтобы Грета не провалилась туда же.

— Я не могу сказать ничего определенного, потому что не знаю, кто они. Но у них не было цели нас изувечить, так что, наверное, мы им для чего-то нужны. Все эти уловки с маскировкой и санитарной машиной и прочее. Это не те сумасшедшие, что раньше нападали на меня. — Он повысил голос: — Эй! Привет! Вы бы сообщили, чего хотите от нас!

Никакого ответа.

— Они могут слышать все, что мы говорим, — сказал он ей. — Здесь жучки, конечно.

— Хорошо, а могут ли они видеть, что мы делаем? Здесь черно как в бочке.

— Могут. Думаю, у них инфракрасные камеры. Грета обдумывала это в течение некоторого времени.

— Я очень хочу пить, — сказала она наконец.

— Жаль.

— Это сумасшествие, — сказала она. — Они собираются убить нас?

— Грета, это только предположение.

— Это гангстеры. Они собираются избавиться от нас. Значит, я скоро умру. — Она вздохнула. — Я всегда задавалась вопросом, что я буду делать, если узнаю, что вскоре умру.

— Действительно? — сказал Оскар. — Я никогда об этом не задумывался.

— Ты не задумывался? — Она пошевелилась. — Как ты мог не думать об этом? Это такой интересный вопрос. Обычно я придумывала себе, что я буду как Эвариста Галуа, ты знаешь, математик. Я записала бы все мои самые глубокие мысли и гипотезы в надежде, что кто-то поймет когда-нибудь… Знаешь, смерть универсальна, но знать, когда ты умрешь, — редкая привилегия. И поскольку никогда точно не может быть известно, когда ты умрешь, надо потратить пару

часов и составить завещание. Правильно? Это рациональное заключение, учитывая факты. Я так и сделала однажды — когда мне было одиннадцать. — Она перевела дыхание. — К сожалению, с тех пор я больше не повторяла этот опыт.

— Это плохо. — Он понял, что Грета крайне испугана. Она стала болтливой. Собственные его страхи исчезли полностью. Они были побеждены вспыхнувшим в нем страстным инстинктом защитника. Это чувство опьяняло. Он готов был абсолютно на все, готов был использовать любой, даже самый незначительный шанс, чтобы спасти ее.

— Но мне уже не одиннадцать лет. И теперь я знаю, что взрослые делают в этой ситуации. Это не имеет никакого отношения к большим идеям. Это побуждает тебя к сексу.

Это была совершенно неожиданная мысль, и Оскар сравнил бы ее со спичкой, упавшей на пропитанные нефтью тряпки. Это было так убедительно, что он не смог ничего ответить. Он чувствовал напор одновременно страха и возбуждения, настолько сильный, что у него стала раскалываться голова. В ушах стоял звон, руки зудели.

— Так, — шептала она горячо, — если бы я не

была привязана…

— По правде сказать, — он тяжело дышал, — я не против этого…

Заговорил динамик.

— Ну-ка прекратите там. Что за гнусность вы затеяли?

— Эй! Секундочку, — возразил мужской голос. — Пусть они расслабятся.

— Ты спятил? — сказала Уиллис.

— Девочка, ты не была на войне. Вечером накануне боя, прежде чем отправиться на смерть, — черт, да ты хочешь чего угодно! Чего угодно, только в юбке.

— Ха! — крикнул Оскар. — Так что, тебе не нравится? Заходи сюда и попробуй останови нас.

— Не выводите меня из себя.

— Что ты можешь нам сделать? Нам теперь нечего терять. Ты знаешь, что мы возлюбленные. Конечно, это наша тайна, но от тебя нам нечего скрывать. Ты только соглядатай. Нам на тебя плевать. Иди к черту. Мы можем делать что хотим.

— Это мне никогда не приходило в голову, — рассмеялась Грета. — Действительно, мы не заставляем их смотреть, что мы делаем. Они вынуждены наблюдать за нами.

— Черт, я хочу посмотреть на них, — сообщил

похититель. — Мне нравится, как они держатся! Я даже включу для них музыку.

— Убери руки от радио! — скомандовала Уиллис.

— Заткнись! Я могу вести машину и смотреть, что они делают.

— Я выпущу газ.

— Ты что, свихнулась? Не делай этого. Эй! Санитарная машина круто свернула. Оскара резко бросило в сторону, он сильно ударился головой о переборку. Тут машина остановилась.

— Вот до чего ты довел!

— Не заводись, — проворчал мужчина. — Мы успеем вовремя.

— Нет, если ты сломал рулевую ось, ты — рогатый идиот.

— Не нуди, дай мне сообразить. Сейчас я все проверю. — Задребезжала открывающаяся дверь.

— Я сломал руку! — завопил Оскар. — У меня сильное кровотечение!

— Да прекратишь ты когда-нибудь, тоже умник нашелся! — выкрикнула Уиллис. — Господи, с ним одна головная боль! Зачем создавать трудности? Придется вас вырубить. — Раздалось злое шипение газа. ,

Оскар очнулся в темноте от сильного скрежета

металла. Он лежал на спине, голова была горячей и кружилась, на его груди было что-то тяжелое.

Раздался новый скрип, и алмазно-острый клин солнечного света упал на него. Он обнаружил, что лежит на дне гроба с Гретой, растянувшейся у него на груди. Он вылез из-под нее, с трудом отодвинув ее ноги в сторону. Это усилие отозвалось резкой болью в глазах. Отдышавшись, Оскар яснее разобрался в ситуации. Он и Грета все еще находились внутри санитарной машины. Но машина перевернулась набок. Он теперь лежал на стене фургона. Грета повисла над ним, все еще прикованная наручниками к подпоркам носилок, которые были теперь частью крыши.

Кто-то постучал в бок машины. Внезапно одна из створок открылась, и в проеме показалась стриженная ежиком голова молодого человека в комбинезоне.

— Эй, — сказал он. — Вы живы?

— Да. Ты кто?

— Да никто! Дьюи. Оскар сел.

— Что происходит, Дьюи?

— Я не знаю, но ты удачливый парень, коли остался жив. А что с леди? Она в порядке?

Грета обвисла на запястьях, ее голова была закинута назад, глаза закатились.

— Помоги нам, — сказал Оскар и закашлялся. — Помоги нам, Дьюи. Я могу тебе заплатить.

— Конечно, — сказал Дьюи. — То есть независимо от того, что ты сказал. Вылезай оттуда!

Оскар выполз из задней части санитарной машины. Дьюи поймал его за руку и помог встать на ноги. Оскар чувствовал судорожную тошноту и головокружение.

Разрушенная санитарная машина валялась на грязной дороге неподалеку от заболоченного берега реки. Было раннее утро, холодное и туманное.

В воздухе воняло горелой обивкой. Санитарная машина была искорежена прямым попаданием какого-то снаряда — возможно, минометного. Взрыв снес машину с дороги, она опрокинулась в красную грязь. Обгорелый двигатель почернел, были видны куски металла и обугленная расплавленная пластмасса.

— Что случилось? — спросил Оскар. Дьюи пожал плечами, глаза его горели.

— Эй, господин, это тебе лучше знать! Кто-то, я уверен, стрелял черт знает из какой задницы вчера вечером. Это все, что я знаю.

Дьюи был очень молод, лет семнадцать. Одноствольная охотничья винтовка болталась за его

спиной. Древний ржавый пикап стоял поблизости, на нем были номера штата Техас. В кузове помещался разбитый мотоцикл.

— Твой грузовик? — спросил Оскар.

— Ага!

— У тебя есть ящик с инструментами? Что-нибудь, чем можно снять наручники?

— У меня есть резак. Есть буксировочная цепь. Там, на ферме, у отца, есть даже сварочное оборудование!

— Ты хороший человек, так я понимаю, Дьюи. Интересно, можно ли позаимствовать твои инструменты на время, чтобы освободить мою подругу.

Дьюи вдруг посмотрел на него с беспокойством.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке, мистер? У тебя из ушей течет.

Оскар закашлялся. Немного воды. Воды — это было бы неплохо. Он коснулся щеки, почувствовал вязкую массу свернувшейся крови и внимательно поглядел вниз на берег реки. Прекрасно было бы обмыть голову в холодной воде. Это была блестящая идея. Это казалось совершенно необходимым, главным, в чем он нуждался.

Он побрел через толстые коричневые тростни-

ки, ноги по лодыжку вязли в холодной грязи. Он нашел чистый просвет между тростниками, зачерпнул руками воду и вылил на окровавленную голову. Крови было много.

Выше правого уха оказался глубокий порез, который тут же дал о себе знать острой болью. Он несколько раз облил себя речной водой, приседая и зачерпывая воду, пока не промыл порез. На расстоянии двадцати метров виднелся результат другой аварии — наполовину затопленная цистерна, как сначала решил Оскар, но затем понял, к большому удивлению, что это маленькая субмарина, с пулевыми отверстиями в боку. Она лежала наполовину утонувши в грязь, вокруг расплывались радужные масляные круги.

Оскар вскарабкался наверх. Подходя к санитарной машине, он заметил, что ветровое стекло разбито и что осколки стекла забрызганы кровью. Больше никаких следов.

Изнутри фургона раздавались приглушенные звуки. Оскар заглянул внутрь. Дьюи отчаялся распилить наручники и теперь разрезал металлическую подпорку носилок. Он согнул металлическую рамку и снял с нее наручники.

Оскар помог вынести Грету на дневной свет. Ее руки посинели, с запястья была содрана кожа.

Двойная газовая атака, автомобильная авария, обстрел. Грете нужно было в больницу. В хорошую, безопасную больницу. Больница — превосходная идея для них обоих.

— Дьюи, как далеко отсюда до Буны?

— Буна? Приблизительно тридцать миль, если мерить по тому пути, как летят вороны. — Дьюи позволил себе пошутить.

— Я дам три сотни долларов, если ты подвезешь нас до Буны.

Дьюи раздумывал недолго.

— Да, залезайте.

Телефон Оскара никак не мог поймать сигнал от станции в Буне. Они остановились в бакалее в крошечной деревне Голгофа, штат Техас, где он купил кое-что из медицинских препаратов и попытался позвонить по местному телефону-автомату. Телефонной связи с Лабораторией не было. Он не мог дозвониться даже до отеля в Буне.

Грета пришла в сознание, но у нее очень сильно болела голова, к тому же тошнило. Ей следовало лежать неподвижно, и единственное место, где ее можно было уложить, — в кузове пикапа, рядом с мотоциклом.

Оскар молча смотрел в окно. Ему не нравился

сонный пейзаж Восточного Техаса. Сосны, болото, ручьи, еще больше сосен, еще более обширное болото, еще один ручей. Здесь никогда ничего не происходило, ничего не могло произойти. Но кое-что важное наконец случилось.

Не доезжая четыре мили до Буны, они увидели летящий им навстречу на бешеной скорости ржавый, взятый напрокат, автомобиль. Он промчался мимо, завизжали тормоза, машина развернулась, потом нагнала их, неистово гудя.

Дьюи, невозмутимо жевавший что-то, напоминающее стебли сахарного тростника, сплюнул в окно желтые ошметки.

— Ты знаешь этого парня? — спросил он.

— Твое ружье работает? — спросил в ответ Оскар.

— Ну да, моя винтовка в порядке, но ни за какие доллары я не буду стрелять.

Их преследователь высунул голову из окна автомобиля и замахал рукой. Это был Кевин Гамильтон.

— Притормози, — сказал Оскар, — это мой знакомый.

Оскар вышел из пикапа и приоткрыл заднюю дверцу. Грета сидела согнувшись пополам, ей было плохо. Он подошел к Кевину, который,

открыв дверцу своей машины, что-то кричал диким голосом.

— Не ездите в Буну! — вопил Кевин.

— Я тоже рад тебя видеть, — сообщил Оскар. — Ты не поможешь мне перенести Грету? Давай положим ее на заднее сиденье. Она до сих пор дрожит.

— Да? — спросил Кевин, пристально глядя на пикап. Дьюи только что слез с водительского кресла, придерживая винтовку рукой. Кевин мгновенно спрыгнул на землю, доставая на ходу огромный хромированный револьвер.

— Остынь! — приказал Оскар. — Это дитя у нас на платежной ведомости.

Он с тревогой посмотрел на пистолет. Оскар никогда не подозревал, что у Кевина есть подобная игрушка. Пистолеты были вне закона и могли стать источником бесконечных неприятностей.

Кевин без звука убрал пистолет, затем прохромал к другой машине. Они помогли Грете выползти из пикап-чика и перенесли ее на заднее сиденье взятого напрокат автомобиля. Дьюи стоял, прислонясь к пикапу и жуя сахарный тростник, и терпеливо ждал.

— Почему с пистолетом, Кевин? У нас и без этого проблем достаточно.

— Я в бегах, — ответил Кевин. — В Лаборатории опять переворот, нас выкинули, там копы.

— Ладно, забудем о пистолете. У тебя есть деньги?

— Признаться, да. Я вроде как обчистил кассу отеля, прежде чем удрать.

— Так. Ты можешь дать ребенку три сотни долларов? Я обещал — ему.

— Да без проблем. — Кевин наклонился и нашарил под сиденьем туго набитый саквояж. Он посмотрел на Грету.

— А где ваши туфли, доктор Пеннингер?

— Они в грузовике, — простонала Грета. Она была очень бледна.

— Позвольте мне позаботиться об этом, — сказал Кевин.

Он прохромал назад к пикапу, сердечно перебросился несколькими словами с Дьюи и вручил ему пачку неустойчивой американской валюты. Потом вернулся, захватив туфли Греты, завел машину и тронулся в направлении от Буны. Они оставили Дьюи, стоящего на осыпающейся обочине и пялящегося с недоверчивой улыбкой на пачку денег.

Отъехав на некоторое расстояние, Кевин сверился с дешевым китайским навигационным

экраном, церемонно опустил вниз окошко со стороны водителя и швырнул туфли Греты через дорогу.

— Полагаю, мне пора объяснить, как я вас нашел, — сказал Кевин. — У меня прослушка в ваших туфлях, доктор Пеннингер.

Оскар переварил эту информацию, затем посмотрел на собственные ноги.

— В моих ботинках тоже?

— Ну да, но только у тебя в диапазоне коротких волн. И не такие, как у нее.

— Ты поместил подслушивающие устройства в мои ботинки? — прокаркала Грета.

— Да. Да ничего же особенного. И я не единственный парень, кто так делает. В ваших туфлях уже было шесть других жучков, установленных в каблуках и швах. Очень хорошие устройства — думаю, их поставили игроки намного более крутые, чем я. Я бы мог их убрать, но потом решил, что я не та фигура… В конце концов, может, мне удастся прийти к какому-то джентльменскому соглашению с ними — надо поддерживать солидарность.

— Не могу поверить, что ты это сделал! — воскликнула Грета. — Я думала, мы заодно.

— С вами? — спросил Кевин прищурившись. —

Я телохранитель Оскара! Никто не говорил, что я ваш телохранитель. Вы что, платите мне жалованье? Да вы даже и не разговариваете со мной! Мы с вами просто живем в разных мирах!

— Расслабься, Кевин, — сказал Оскар. Он опустил ветровое стекло, повернул к себе сломанное зеркальце и осторожно дотронулся до огромной корки крови на волосах. — Очень мило с твоей стороны продемонстрировать такую предприимчивость в трудных обстоятельствах. Это был ужасный день. Однако теперь у нас появились новые возможности. Благодаря тебе мы восстанавливаем тактическую инициативу.

Кевин вздохнул.

— Невероятно, что ты можешь все еще извергать такое дерьмо, даже с покалеченной головой. Но знаешь, хотя мы в ужасной ситуации, я чувствую себя хорошо в дороге. Это привычная жизнь. Я провел много времени, убегая от полицейских на раздолбанных тачках. Старая игра…

— Расскажи, что произошло в Лаборатории, — попросил Оскар.

— Ну, мне не потребовалось много времени, чтобы вычислить, что вы похищены, — по моим видеокамерам безопасности, по тому, что твои телефоны не отвечали. Ну и жучки в туфлях док-

тора. Так что я поднял башку от экрана лэптопа и посмотрел в окна, что там с реальностью. Там были копы из отдела шерифа, они бродили снаружи. В три часа утра. Нездоровое зрелище… Время для сценария Б, запланированного изъятия сумм.

— То есть ты ограбил гостиницу и убежал? — сказала Грета, поднимая голову.

— Он аккумулирует капитал, чтобы обеспечить себе свободу действий, — сказал Оскар.

— Это был лучший ход при таких обстоятельствах, — сказал Кевин мрачно. — Я много раз видел, как обезглавливают перевороты. Классика. У племени,

8… 380 которое причиняет большие неприятности, должен быть харизматический лидер. Если ты разумный, современный полицейский, ты не будешь избивать людей на улицах, это старомодно и плохо выглядит. Ты выбираешь нужную цель. Надо ударить по вождю, замазать его так или иначе… Насилие над детьми — довольно хороший ход, сатанинские ритуалы… Любая гадость. А потом ты похищаешь вождя. Так что, когда его приспешники начинают искать^ куда же делась Пчелиная Королева, вы их окружаете. После этого, даже если мистер Потрясный Парень возвращается, его поклонников уже нет.

— Они не стали бы с нами этого делать, — возразила Грета. — Мы не толпа, мы — ученые.

Кевин рассмеялся.

— По поводу вас обоих даже слов не хватает. Вы и есть самый главный скандал. Вы удрали вместе вчера вечером, и, кстати, кто-то очистил кассу Лаборатории. Ужасное затруднение для всех ваших друзей. В то время как члены вашей команды и забастовочный комитет чешут в затылке, полицейские из Коллаборатория всех окружают. Поскольку вас нет, то некому опровергнуть то, что говорят копы.

— Хорошо, но я знаю, что сказать им в ответ! — воскликнула Грета, мучительно пытаясь подвигать руками в наручниках. — Я вернусь и расскажу всем, как было!

— Тише, тише, — сказал Оскар. — Чьих рук это дело?

— Я тоже об этом думал, — сказал Кевин. — У кого достанет злобы и силы, чтобы похитить двух известных людей? И затем распространение этой дезинформации…

— Хью! — воскликнул Оскар.

— А кто еще? Так вот, я и подумал, что я против Зеленого Хью ничто, правильно? И кто поможет мне противостоять Хью? Полицейские из Лабора-

тории? Они — люди Хью. Полицейские из Буны? Забудь об этом, они слишком тупы. Техасские рейнджеры, может быть? Рейнджеры — жутко крутые ребята, но они не поверили бы мне, я не техасец. Тогда я подумал о сенаторе Бамбакиасе — он хороший парень, и, по крайней мере, он реально приведенный к присяге сенатор. Однако он не совсем в себе. В общем, я готов был обналичить деньги и отправиться в солнечную Мексику. И вот тут, когда я уже собрался, меня вдруг стукнуло — что, черт возьми, я теряю? Позвоню-ка я президенту.

— Президенту Соединенных Штатов? — переспросила Грета.

— Ну да, ему. Так что я так и сделал. Оскар задумался.

— Когда ты так решил?

— Я позвонил в Белый дом утром, в четыре часа. Оскар кивнул.

— Гм-м. Понятно.

— Только не говори мне, что ты в самом деле говорил с Президентом, — заметила Грета.

— Конечно я не говорил с Президентом! Президент спит в четыре утра! Я могу сообщить вам, кто бодрствует в четыре утра в отделе национальной безопасности Белого дома. Молодой военный

помощник из штата Колорадо. Он новый парень в команде. И это было его первое дежурство. Оказалось, его не так уж трудно достать — особенно если учесть, что вызовы шли по двадцати или тридцати телефонам одновременно.

— И что ты сообщил новому помощнику Президента по национальной безопасности? — мягко подтолкнул его Оскар.

Кевин взглянул на навигационный пульт и забрал круто влево, на дорогу, уходящую в лес.

— Ну, я сказал ему, что губернатор штата Луизиана только что похитил директора Федеральной лаборатории. Я должен был немного приперчить историю, чтобы заинтересовать бандой Хью, ну, я добавил, что ее держат в заложниках, что там французские секретные агенты, ты понимаешь, всякое такое. Ну, прибавил еще немного сочных деталей. К счастью, этот парень знал о пробяеме с авиабазой в Луизиане, о дыре в радарном охвате и прочем. Понимаешь, этот парень, он полковник из Колорадо-Спрингс, у них там Военно-воздушная академия. Кажется, они там здорово разозлились из-за истории с базой. Они ненавидят Хью за то, что он выставил военно-воздушные силы на посмешище.

— Так что, этот полковник поверил твоей исто-

рии? — сказал Оскар.

— Черт, я не знаю. Но сказал мне, что посмотрит результаты наблюдения, и если они соответствуют тому, что я рассказал, то разбудит президента.

— Удивительно, — сказала Грета, неожиданно для себя заинтересовавшись этой историей. — Они никогда не стали бы будить старика из-за такого дела.

Оскар ничего не сказал. Он пробовал представить себе вероятные последствия, если бы президентская команда национальной безопасности нажала «кнопку» в четыре утра в первый день работы. Какие чудища могли бы вылезти из потрескавшегося американского военно-развлекательного комплекса? Может быть много разных вариантов из старого американского имперского репертуара: отряды «Дельта», силы быстрого реагирования, «ягорские тюлени», высоко-орбитальные, антитеррористические, быстро развертывающиеся, злобно гавкающие мачо и суперголоворезы на психостимуляторах… Да… Но в современной политической реальности никого из них не будут использовать. Элита военных убийц — из давно прошедшей эпохи, всего лишь украшение парадов. Все, что они могут, —

бегать трусцой вокруг подземных секретных баз, задирая ноги и делая зарядку. Читать плохие исторические технотриллеры да смотреть, как медленно ржавеют их жизни…

В общем, с ними все понятно. Только ведь и само понимание происходящего может измениться. После пережитого сегодняшней ночью Оскар почувствовал, что живет в каком-то другом мире.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Оскар, — наши похитители назначили ей встречу на берегу реки Сабин вчера вечером. Они планировали перевезти нас контрабандным путем через границу штата и передать команде головорезов Хью. Но были расстреляны в темноте с американских самолетов. Скорее всего, какая-то отборная часть, спецназ типа «Тигров», они неожиданно напали на людей Хью вечером и разнесли их в куски.

— Почему они это сделали? — Грета была потрясена. — Они должны были использовать другие средства и арестовать их.

— Воздушный десант — не полицейские. Они подлинные фанатики спецназа, они все еще используют реальное оружие! И когда они обнаружили в реке шпионящую французскую субмарину, то, должно быть, вышли из себя.

Воображаю их реакцию. Если ты тяжеловооруженный американец на «черном вертолете» и видишь секретную субмарину, крадущуюся по американской реке… Ну, ты просто нажимаешь на спусковой механизм.

Брови Греты сдвинулись к переносице.

— Ты действительно видел субмарину, Оскар?

— О да! Я не могу поклясться, что она была французской, но то, что это не американская, совершенно точно. Американцы не строят эффектные небольшие субмарины. Мы любим размахнуться, наши подлодки размером с городской квартал. Кроме того, все сходится. У французов тут авианосец недалеко от берега. Они пускают эти аппараты, что летают над протоками… Конечно, это была французская подлодка. Несчастные ублюдки!

— Ты знаешь, — сказал Кевин, — в общем-то я не сторонник «заслона и порядка», но мне нравится Два Пера. Смотри, что он сделал! Звонишь, они будят его в четыре, являются, и твоя проблема решена еще до рассвета! Этот новый Президент — парень что надо! Старый парень никогда не потянул бы эти дела. Это — исполнительная власть в действии, вот как!

— Я не думаю, что перестрелка между феде-

ральными секретными агентами и представителями штата — то, о чем мечтал Президент в свой первый день официального вступления в должность, — заметил Оскар. — Это не то направление, куда должна двигаться американская демократия.

— Ой, да ладно тебе! — ухмыльнулся Кевин. — Это терроризм! Ты не можешь вести мягкую политику по отношению к террористам, иначе этому дерьму не будет конца! Ублюдки получили то, что заслужили! Именно это нужно нам в Коллаборатории. Нам нужна железная рука, чтобы справиться с этими мерзавцами… — Кевин нахмурился, вцепившись руками в руль. Там двенадцать паршивых полицейских, в Лаборатории. Они бездельничают в течение десяти лет, только прослушивают телефоны и собирают штрафы. Мы могли бы вышвырнуть этих сукиных сынов!

— Ты заговорил совсем по-новому, — заметил Оскар.

— Шеф, я никогда не знал, что я могу запросто говорить с Президентом. Вы же понимаете, я — прол, хакер, фрик. И я признаю это. Но когда доживешь до моего возраста, тебе надоедает эта постоянная игра,

8… 385 кто кого перехитрит! Тебя уже просто утомляет необходимость все время убегать. Я хочу сказать вам, доктор Пеннингер, если бы вы позволили мне обеспечивать вашу безопасность, вы быстро бы добились изменений.

— Вы говорите, мистер Гамильтон, что хотите быть руководителем безопасности Лаборатории?

— Нет, конечно, но… — Кевин остановился, изумленный. — Ну да! Да, конечно, я вполне соответствую этой должности! Я гожусь для этой проклятой работы! Сделайте меня представителем федеральной власти. Посадите меня на этот чертов полицейский бюджет. Дайте мне все бляхи и жезлы. Черт, да, я могу!

— Хорошо, — сказала она. — Я — директор Лаборатории, и я лежу у тебя на заднем сиденье в наручниках. Я не вижу, чтобы кто-то еще, кроме тебя, выражал желание мне помочь и в дальнейшем.

— Я смогу это сделать, доктор Пеннингер, клянусь, что смогу. Я мог бы даже сейчас занять Коллабораторий, если бы нас было побольше… — Он пожал плечами. — Хорошо, думаю, мы сейчас здесь покружим и потом попробуем дозвониться.

— Я никогда не двигаюсь без цели, — ответил

Оскар.

— Так, шеф, ты знаешь, куда мы едем? Куда же?

— А где здесь поблизости самый большой лагерь Модераторов?

9.

Кантонская ярмарка в Техасе проводилась с середины XIX века. Каждый уик-энд перед первым понедельником месяца здесь собирались торговцы, коллекционеры, завсегдатаи блошиного рынка и зеваки. Народ съезжался за сотни миль, чтобы в течение трех дней потолкаться на рынке, поторговаться, сбыть что-то с рук, обменять или прикупить. Естественно, что кочевники-пролы переняли этот старый, многим привлекающий обычай.

Они вписались в общий поток машин, направлявшихся по дороге на северо-восток к временному палаточному городку. Старомодная машина Кевина выглядела естественно среди цистерн, платформ, автобусов кочевников.

Оскар и Грета могли теперь осмотреть свои раны и слегка привести себя в порядок. На Грете все еще были наручники. Они сидели вместе на заднем сиденье, а на переднем Кевин жевал бутерброд и вытирал запотевшие от их дыхания холодные стекла автомобиля.

Осмотр ранений был медленным и интимным процессом. Он включал в себя нежное расстегива-

ние рубашек, задержку дыхания, сочувственное пощелкивание языком и наложение антисептических мазей. Они были в таком состоянии, которое при нормальных обстоятельствах потребовало бы тщательного медицинского осмотра и нескольких дней постельного режима. Голова кружилась и болела от нокаутирующего газа. К сожалению, побочное следствие газового отравления лишь частично снималось ласковыми поглаживаниями и нежными поцелуями.

Грета переносила боль стоически. Она и Оскара заставила принять свое фирменное снадобье: шесть таблеток аспирина, четыре ацетаминофена, три полные ложки белого сахара и сорок микрограммов лизергиновой кислоты. Эта смесь, по ее авторитетному заверению, должна была их взбодрить.

Под вечер они оставили переполненное шоссе и свернули на восток по темной и грязной сельской дороге. Потом они припарковались и стали ждать. Не прошло и часа, как к ним присоединился Йош Пеликанос, который приехал на взятом напрокат автомобиле со спутниковой антенной.

Пеликанос был, как всегда, на высоте. Он привез им лэптопы, кредитные карточки, пакеты первой помощи, два чемодана одежды, пластико-

вые распылители, новые телефоны и, последним по списку, но отнюдь не по значению, длинный резак по железу.

Кевин, имевший самый богатый опыт в обращении с полицейскими наручниками, занялся наручниками Греты, а Оскар тем временем переодевался внутри просторного и светлого авто Пеликаноса.

— Вы похожи на трех зомби! Я надеюсь, ты знаешь, на что идешь, — мрачно пробурчал Пеликанос. — В Лаборатории творится черт-те что!

— Как отреагировала наша команда? — спросил Оскар, осторожно сбривая щетину вокруг глубокой рваной раны над ухом.

— Ну, некоторые с забастовочным комитетом, кое-кто скрывается в гостинице. Мы можем все еще входить и выходить из Лаборатории, но это ненадолго. Ходят слухи, что они опечатают все помещения. Полицейские Коллаборатория собираются подавить забастовку. Там копы из Буны и шерифы из графства, все крутятся вокруг отеля, а комитет Греты слишком испуган, чтобы оставить Хотзону… И знаешь, Оскар, наши сторонники сильно смущены. Там ходят слухи, что вы преступники, что вы отказались от них. Люди деморализованы.

— Клеветническая пропаганда? И какие ходят слухи? — спросил Оскар.

— Ну, вопли по поводу тайного бегства были истошные. Да это обычное дело — кто не воспламенится, когда все подано под соусом секса? Я думаю, что, в принципе, это ход, которого мы всегда ожидали. Они распространяют фотографию — ты и Грета в Холли-Бич.

— Так я и знал, что те полицейские в Луизиане имели телефото. — Оскар вздохнул. — Я так и думал!

— Но этот скандал не прошел в серьезную прессу. Мне беспрестанно звонили журналисты, но никто так и не получил никаких подтверждений. Всем известно, что это стандартный ход — постараться примазать секс. В Коллаборатории не относятся к этому серьезно. Каждый в Буне и так знает про вас с Гретой. Нет, серьезным ударом стало обвинение в растрате. Вот это действительно наповал. Поскольку деньги на самом деле уплыли из Лаборатории.

— Сколько он украл? — сказал Оскар.

— Он украл все работы! Лаборатория — банкрот. Это ужасно! Это даже не просто банкротство, а финансовый коллапс, потому что бюджет всей Лаборатории, все отчеты исчезли. Я никогда не

видел ничего подобного. Нет ни единой копии, они выгребли все. Система ничего не может, ее нельзя исправить и модернизировать, она выдает полную ерунду. Это полная финансовая лоботомия.

— Американские инфовоенные вирусы, — сказал Оскар. — Хью использовал то, что добыл на базе ВВС.

— Ясно, это военные разработки, — Пеликанос кивнул. — С их помощью можно свергнуть правительство любого государства. У компьютеров Лаборатории не было шанса устоять.

— Как много времени надо, чтобы ты смог восстановить функциональные возможности системы? — сказал Оскар.

— Ты смеешься? Я не волшебник! — Пеликанос был задет. — Я только бухгалтер! Я не могу восстановить ущерб от сетевой атаки! Кстати, я думаю, кто-то отслеживал и мою работу. Все файлы, к которым я обращался в течение двух месяцев, были уничтожены. Думаю, что они внедрили в мой лэптоп программу слежения. Я не могу доверять собственной персоналке! Не могу доверять даже тем файлам, которые находятся вне Сети!

— Прекрасно, Йош, я согласен, что это не в твоей власти. Так в чьей? Кто может нам помочь?

Пеликанос с видимым усилием обдумывал вопрос.

— Ну, для начала тебе нужна приличная команда по восстановлению компьютеров, чтобы прочесать все программы строчка за строчкой… Нет, забудь об этом. Одно только исследование и описание повреждений потребовало бы нескольких лет. И стоило бы целого состояния. Давай исходить из того, что записи уничтожены. Нам сейчас дешевле будет вообще выбросить эту систему и начать все по новой на пустом месте.

— Кажется, я понял, — сказал Оскар. — Хью постоянно присваивал деньги Лаборатории. Он разрушил Федеральную лабораторию с помощью военных сетевых программ только ради того, чтобы избавить свою администрацию от обвинений в коррупции. Чудовищно! Это просто кошмар. Надо быть совершенно бессовестным человеком, чтобы пойти на такое. Ладно, но, по крайней мере, мы знаем, что происходит. Пеликанос опять вздохнул.

— Нет, Оскар, и это еще не все. Те сотрудники из отдела Раскрутки всегда были лучшими союзниками Хью. Они знали, что будут следующими, с кем разделается Грета, так что вчера вечером они восстали. Их банда начала контр забастовку.

Они плотно заперлись и забаррикадировали здание Раскрутки. Там творится нечто ужасное, это просто оргия разрушения. Они крадут все данные, которые могут достать, и уничтожают все остальное. Когда все будет сделано, они переберутся в новые научные лаборатории Хью в Луизиане. И они пытаются убедить других, чтобы те ушли с ними.

Оскар кивнул, переваривая новости.

— Понятно. Вандализм. Воровство и уничтожение федеральной информации. Промышленный шпионаж. Все люди из Раскрутки должны быть немедленно арестованы и привлечены к суду.

Пеликанос сухо рассмеялся.

— Как же! — сказал он.

— Игра еще не закончена, — сказал Оскар. — Раз план с нашим похищением провалился, значит, тактическая инициатива вновь в наших руках. Хью не знает, где мы. По крайней мере, мы полностью вне его досягаемости.

— Так куда мы двинемся? Куда нам теперь, ? В Бостон? В Вашингтон?

— Ну… — Оскар потер подбородок. — Следующие шаги Хью очевидны, верно? Он собирается разграбить Коллабораторий точно так же, как он сделал это с базой ВВС. Благодаря инфовоенно-

му нападению у нас теперь нет денег. Скоро не останется никаких запасов, никакого продовольствия… Тогда он напустит на нас большую толпу пролов, чтобы занять «нефункциони-рующее» сооружение, и все будет кончено.

— Да, скорее всего.

— Но он не сверхчеловек, Йош. Нет, беру назад свои слова, поскольку я уверен, что Хью — сверхчеловек. Однако и у Хью бывают проколы, в противном случае Грета и я томились бы сейчас в какой-нибудь тайной тюрьме среди смарадных болот.

Наручники Греты разломились и упали с таким громким стуком, что было слышно даже стоящему снаружи Оскару. Грета открыла заднюю дверь драндулета Кевина и выбралась наружу, чтобы присоединиться к ним. Она подошла к машине Пеликаноса и заглянула в окно водителя, потирая воспаленные запястья.

— Какие планы? — поинтересовалась она.

— Мы можем использовать элемент неожиданности, — сказал Оскар. — И извлечь из этого все возможное.

— Когда я смогу вернуться в Лабораторию? Я действительно хочу туда возвратиться.

— Мы вернемся. Но это будет очень трудно. Нам

придется занять Коллабораторий силой.

Пеликанос уставился на Оскара, как на сумасшедшего. Грета, потирая холодные руки, тоже с тревогой взглянула на него.

— Вот это уже настоящий разговор! — воскликнул Кевин, рубанув кулаком воздух.

— Это выполнимо, — заявил Оскар. Он открыл дверцу машины и вылез наружу, на пронизывающий зимний ветер. — Я знаю, что это звучит как полный бред, но Грета все еще законный директор. Копы из Коллаборатория — это отнюдь не первоклассные военные отряды, а всего лишь горстка служащих.

— Ты не можешь потребовать от сотрудников Лаборатории, чтобы они напали на полицию, — сказала Грета. — Они просто не согласятся на это. Это незаконно, безнравственно, неэтично, непрофессионально… И, кроме того, разве это не опасно?

— По правде сказать, Грета, я уверен, что твои ученые с удовольствием прикончили бы парочку копов, однако я принимаю твое возражение. Ученых нам придется слишком долго уговаривать. Моя собственная небольшая команда тоже отнюдь не склонные к анархии уличные бойцы. Но если мы не сможем восстановить порядок

в Лаборатории сразу же, сегодня же, то твоя администрация обречена. И твоя Лаборатория обречена. Так что мы должны рискнуть. Это критическая ситуация, она требует немедленного разрешения. Мы должны физически захватить Коллабораторий. Что нам нужно в данный момент, так это группа жестких революционных desperados. — Оскар перевел дыхание. — Так что нам надо поехать на барахолку и нанять нужных людей.

Исходя из соображений безопасности, они отказались от приличного автомобиля Пеликаноса, забрались в не лицензированный драндулет Кевина и тронулись в путь. Первым препятствием был блокпост Модераторов к югу от Кантона. Техасские пролы, стоящие у пропускного пункта на дороге, разглядывали их с любопытством. Шляпа Оскара была сдвинута набекрень, чтобы прикрыть повязку на голове. Кевин был небрит и раздражителен. Грета сидела со сложенными на груди руками, прикрывая запястья. Пеликанос по виду напоминал предпринимателя.

— Вы въезжаете в штат? — спросил Модератор. Это был молодой белый с веснушчатым лицом и голубыми пластмассовыми волосами, наушниками, восемью деревянными ожерельями и

сотовым телефоном.

На нем был замшевый жакет, а на ногах — пластиковое подобие гигантских сапог.

— Да! — сказал Кевин, проделывая одновременно целую серию разных тайных знаков.

Модератор наблюдал за ним с некоторым смущением.

— Вы бывали раньше в Техасе?

— Мы все слышали о барахолке Кантона, — уверил его Кевин. — Это известное место.

— Пять долларов за парковку. — Модератор быстро взял пластмассовые наличные и приклеил стипер к их ветровому стеклу. — Просто следите за звуковыми сигналами от стипера, они доведут вас до паркинга. Удачной ярмарки!

Они медленно въехали в город. Кантон был обычным городишком Восточного Техаса, здесь стояли в основном скромные двух — и трехэтажные здания: бакалея, клиники, церкви, рестораны. По улицам бродили оживленные толпы пролов. Несмотря на огромное множество людей, движение казалось чрезвычайно хорошо организованным. Конечно, все полностью игнорировали светофор, но перемещались аккуратно, не скапливаясь и не толкаясь. Создавалось впечатление, что огромная толпа, двигаясь по

улицам, исполняет сложный и затейливый танец.

Кевин припарковался под сосной в зимнем загоне, и они вышли из машины. Солнце исступленно сияло, но ветер был северный и морозный. Они присоединились к маленькой толпе и пошли на ярмарку.

Огромный палаточный городок состоял в основном из возвышающихся тут и там пластиковых башен из квадратных тентов, натянутых на каркасы. Самыми большими сооружениями были шапито, покрытые поляризованной прозрачной пластиковой пленкой, закрепленной на высоких веретенообразных столбах.

Кевин купил четыре набора клипс для всех.

— Наденьте их.

— Зачем? — спросила Грета.

— Поверьте мне, я знаю, что надо делать в таких местах.

Оскар защелкнул зажим на левом ухе. Устройство испускало тихий бессловесный гул, напоминающий довольный лепет трехлетнего ребенка. Пока человек передвигался в одном направлении с толпой, тихое бормотание продолжалось, как будто его сопровождал необычный малолетний дружок, что гудел прямо в ухо. Однако, если

ему предстояло столкнуться с потоком толпы, довольное бормотание приобретало ворчливые интонации. Если он не сходил с пути, бормотание обращалось в крик.

Где-то в отдалении компьютерная система следила за движением потоков людей и управляла ими с помощью мягких подсказок. Уже через несколько минут Оскар просто перестал обращать внимание на этот тихий ропот, хотя и продолжал слышать его. Невнятное бормотание было столь по-детски настойчиво, что человек начинал автоматически двигаться в нужном направлении. Скоро все четверо перемещались и свободно, и избегая столкновений. А поскольку клипсы на рынке носили все, то скопления людей мгновенно рассеивались, будто бабочки, сдуваемые ветром.

Люди плотно заполнили территорию ярмарки, толпа была неестественно текучей. Очереди возле палаток-закусочных были небольшими. Туалеты никогда не переполнялись людьми. Дети никогда не терялись.

— Я должен найти тут человека, с которым можно поговорить серьезно, — сказал Кевин. — Когда мы с ним договоримся, я позвоню.

Он повернулся и захромал вдаль.

— Я хочу помочь тебе, — сказал Оскар, догоняя его. Кевин обернулся.

— Слушай, я ведь шеф безопасности?

— Конечно.

— Так вот это вопрос безопасности. Если ты хочешь помочь, то иди и стереги свою подругу. Удостоверься, что никто не украдет ее на сей раз.

Оскар был раздражен, ему было неприятно, что он оказался нежелательным человеком в махинациях Кевина. С другой стороны, беспокойство Кевина имело серьезные основания — Оскар был единственным человеком в этой толпе, одетым в богатый костюм-тройку плюс шляпу и ботинки. Он был слишком приметной фигурой.

Оскар оглянулся через плечо. Грета уже исчезла.

Он быстро нашел Пеликаноса, и после четырех минут паники они отыскали Грету — она бродила по длинному проходу между палаток и столов, на которых были выложены огромные груды подержанных электродеталей.

— Почему ты ушла от нас и бродишь бог знает где?

— Я не брожу! Это ты где-то бродишь.

— Нам нужно держаться вместе, Грета.

— Я думала, что мой дружок здесь, — сказала

она, дотронувшись до микрофона в ухе.

Она потрогала небольшой медный поднос, полный всякой дребедени. Потом перевела взгляд на соседний стол, где громоздились сверкающие коробки с разноцветными проводами, платами, каркасами, модульными адаптерами.

Оскар с интересом разглядывал содержимое картонной коробки, доверху набитой электродеталями. Большая часть изделий была из грязновато-белой пластмассы, но многие из них сделали кочевники.

Он вытащил из коробки электрическую плату. Она была отштампована из прессованной травы. Отработанная целлюлоза имела шероховатую поверхность, как у гипса.

Грета с увлечением рассматривала прилавки, и даже Оскар, вопреки всему, тоже заинтересовался. Он не предполагал, что кочевники умеют изготавливать настолько сложные изделия. Оскар огляделся вокруг. Весь длинный проход, где они стояли, был забит осколками исчезнувшей компьютерной и телефонной промышленности — ничего не стоящее барахло с яркими наклейками давно ушедших в прошлое торговых марок: «Новое в коробке: Страта б и 12».

Здесь были давно забытые деловые программы.

Картриджи для несуществующих принтеров. Неэргономичные мыши и джойстики, гарантировавшие медленное разрушение сухожилий запястья… И фантастическое количество софта, кажущаяся ценность которого была сведена на нет последней экономической войной.

Но это было неудивительно. Удивительно было то, что среди этого древнего барахла находилось очень много новых марок изделий кочевников. Они создавали собственные функциональные вещи, которые не были промышленным мусором. Они походили на промышленный мусор, но были созданы новыми некоммерческими методами. Там, где раньше использовалась дорогая нефтехимия, в дело пустили солому и бумагу. Давно не было фирм с наемными служащими, их заменили безработные фанатики, имеющие дешевое оборудование, сложные сети и бездну свободного времени. Прежде дорогие, а теперь уже ничего не стоящие устройства были мало-помалу заменены почти идентичными некоммерческими и даже имеющими новую марку.

У стола с радиожучками стояли мужчина и женщина в высоких головных уборах и с раскрашенными лицами, выбирая себе что-то. На прилавке были разложены подслушивающие

устройства всех видов и калибров: крупные базовые комплекты, нашлепки на одежду, липкие паразиты, устройства, которые можно спрятать в зубах, и целая коробка миниатюрных, размером с ноготь, жучков. Кому же, как не кочевникам, постоянно безработным, можно на досуге наслаждаться, терпеливо слушая, сопоставляя, а потом продавая жирные кусочки подслушанного диалога?

— Давай-ка пройдем туда, дальше. — Грета подтолкнула Оскара. Глаза ее горели, волосы были взъерошены. — Там медицина!

Они продрейфовали в царство торговли медпрепаратами и медицинским оборудованием. Рыночные столы здесь были завалены щипцами, хирургическими ножницами, сосудистыми зажимами, герметично запечатанными перчатками, выпущенными еще в период СПИДа, уже давно исчезнувшего. Грета раздумывала, глядя на прилавок, где валялись зажимы для костей, сверхдешевые южно-китайские очки для операций и небольшие упаковки стерильного силиконового крема.

— Мне нужны наличные, — сказала она ему внезапно. — Дай взаймы.

— Что с тобой? Зачем тебе это барахло? Ты же

не знаешь, откуда все это.

— Именно поэтому! — Она нахмурившись глядела на него. — Видишь ли, я ведь заведовала отделом Оборудования. Если они продали налево протеиновые сейвенгеры, то я должна об этом знать.

Она подошла к хозяину стола, который сидел за лэптопом и хихикал над самодельными мультиками.

— Эй, мистер, сколько стоит вот этот цитометр? Провинциал оторвался от экрана.

— Он работает?

— Я не знаю. Он вроде гудит нормально, когда его включаешь.

Появился Пеликанос. Он купил для Греты подержанный жакет — ужасную спортивную хламиду черных и фиолетовых цветов.

— Спасибо, Йош, — сказала она и скользнула в мешковатую одежду. Стоило ей надеть эту ужасную вещь, доходящую ей вверху до подбородка, как Грета немедленно стала неотъемлемой частью местного пейзажа. Она теперь смотрелась совершенно нормально среди местного бедствующего народа.

— Как жаль, что я не могу привезти Сандру, — сказал Пеликанос спокойно. — Сандре здесь бы

понравилось. Если бы не наши неприятности…

Оскар, стоя перед прилавком, не думал о валявшемся на нем старье. Он беспокоился о Кевине и пытался разработать подходящий план на случай, если Кевин не сумеет установить полезный контакт, или на худший случай, если Кевин просто исчезнет.

Но Грета бродила посреди прилавков с искренним энтузиазмом. Она полностью отвлеклась от боли и забот.

Копните любого ученого и найдете страстного коллекционера всякого компьютерного хлама.

Нет, это было даже глубже. Грета оказалась в своей стихии. Оскар на миг представил себе, что было бы, если бы он женился на Грете. Выбор оборудования был частью ее работы, а работа — ядром ее жизни. Их жизнь наполнилась бы ситуациями вроде этой. Ему пришлось бы покорно следовать за ней по пятам, чтобы, поддерживать компанию, пока она будет занята вещами, которые ему никогда не понять. Ее отношения с внешним миром кардинально отличались от его собственных. Она любила техническое оборудование, но не имела никакого вкуса. Это был бы ад. Они спорили бы о ее ужасных идеях относительно занавесок. Дешевый столовый сервиз

или настольная скатерть тоже превратились бы в проблему.

Телефон зазвонил. Это был Кевин.

Оскар, следуя его инструкциям, нашел палатку, где Кевин встретился с нужным человеком. Это место было трудно не заметить. Продолговатый купол из крашеной парашютной ткани прикрывал двухместный легкий самолет и шесть велосипедов. Сотни разноцветных нитей свисали из швов купола. Дюжина пролов сидела на мягких пластмассовых коврах. В одном углу пятеро из них деловито верстали газету.

Кевин сидел и болтал с человеком, которого он представил как генерала Бенингбоя. Бенингбою было лет пятьдесят, в длинной бороде сверкала седина, на голове красовалась грязная ковбойская шляпа. Гуру кочевников носил рабочие брюки с искусной ручной вышивкой, мешковатый свитер и древние военные шнурованные ботинки.

— Здрасте, — сказал генерал. — Добро пожаловать на рынок Кантона. Пристраивайтесь на полу.

Оскар и Грета сели на ковер, где уже сидел Кевин в одних носках, рассеянно массируя воспаленные ноги. Пеликанос не пошел на переговоры. Пеликанос ждал их на безопасном расстоянии. Он

стоял там на случай непредвиденной ситуации.

— Твой друг заплатил круглую сумму, чтобы купить час моего времени, — заметил Бенингбой. — Он рассказал мне одну историю. И теперь, когда я вижу вас… — Он глубокомысленно посмотрел на Оскара и Грету. — Да, это имеет смысл. Считаем, что я покупаю его историю. Так, что я могу сделать для вас всех?

— Нам нужна помощь, — сказал Оскар.

— О, я знал, что услышу нечто в этом роде, — кивнул генерал.

— Ну, нас никогда и не просят о помощи, пока не попадут в петлю. То и дело богатые идиоты сваливаются на нас неожиданно прямо с неба. У них обычно весьма причудливые представления о том, что мы можем сделать для них. Какой-нибудь гениальный план, который, конечно же, может быть выполнен только пресловутыми отбросами общества. Что-нибудь вроде выращивания героина… Или продажи алюминиевого сайдинга.

— Нет, генерал. Вы поймете, как только услышите мое предложение.

Генерал уселся поудобнее, скрестив ноги.

— Это может поразить вас, мистер Вальпараисо, но фактически мы, ничего не стоящие отбросы

рода человеческого, заняты в основном нашей собственной жизнью! Сегодня первый понедельник в Кантоне. Мы радуемся празднику. У меня есть к тому же серьезные вопросы, например… устройство канализации и водопровода. Здесь за три дня перебывали сотни тысяч людей. Вы comprende?

Бенингбой погладил бороду.

— Пойми, приятель, я не волшебный джин, что выскакивает из бутылки. Я не выпрыгну из бутылки потому лишь, что я тебе нужен. У меня есть и свои собственные проблемы. Меня сейчас называют генералом, но когда-то я был самым настоящим мэром! Я был избран мэром два срока подряд в Порт-Мэнсфилд в Техасе. Прекрасная маленькая община на побережье — пока нас не смыло.

Пожилая женщина в пушистой одежде зашла в палатку. Она тщательно завязала два узла на свисающей нити и молча вышла из палатки.

— Видишь ли, сынок — и доктор Пеннингер, — генерал кивнул Грете, — мы все герои нашей собственной истории. Вы говорите мне, что у вас большая проблема, черт, у всех нас много проблем.

— Давайте их обсудим, — предложил Оскар.

— Я хотел бы дать сначала небольшой совет вам, помешанным на карьере профессионалам. Почему бы вам попросту не бросить все это? Просто оставить карьеру, уйти! Разве ты наслаждаешься жизнью? Разве ты живешь в окружении друзей? Ты, наверное, даже не знаешь, что такое настоящие друзья! И есть ли в мире хоть одна человеческая душа, которой ты можешь доверять? Не отвечайте! И сам знаю. Вы выглядите как проигравшие, как неудачники. Впечатление такое, будто вас долго жевали койоты. У вас кризис, и вы хотите, чтобы я помог… Черт, но люди, подобные вам, всегда сами создают себе проблемы! Вы сами — ходячая проблема. Когда вы очнетесь? Ваша система не работает. Ваша экономика не работает! Ваши политические деятели никуда не годны. Ничего не работает. С вами все кончено.

— Время еще есть, — сказал Оскар.

— Мистер, ты никогда не преуспеешь в той игре. У вас замечательный шанс покончить с прежней жизнью. Вы исчезли, вас нет. Вас занесло на край света. Ну и что? Вы можете здесь мягко приземлиться! Идите и отдыхайте! Сожгите одежду! Сожгите проклятые дипломы! Выбросьте ваши ID! На вас жалко смотреть! А ведь вы хорошая,

очаровательная, талантливая пара… Слушайте, еще не слишком поздно для вас бросить все и выбрать жизнь! Вы сейчас ископаемые! Но вы могли бы прекрасно жить, если бы знали, что такое настоящая жизнь.

— Но я действительно должна вернуться в Лабораторию! — проговорила Грета.

— Ну что ж, я сделал попытку, — сказал Бенингбой, разводя руками. — Послушайте, если бы у вас хватило ума прислушаться к прекрасному совету, который я вам дал, вы бы уже сегодня вечером ели вместе с нами острый пряный суп и, возможно, потом бы потрахались. Нет-нет, не возражайте старому Бенингбою! Я намного старше вас, и я видел намного больше, чем вы, и что я в итоге понимаю? Для вас я просто грязный клоун в странной одежде. И поскольку какой-то богатый янки из чужого города собирается совершить чудовищное преступление, он нуждается во мне, чтобы было кого потом арестовывать, не так ли?

— Генерал, позвольте я вкратце обрисую вам ситуацию, — предложил Оскар.

Он начал рассказ. Бенингбой слушал с удивительным терпением.

— Хорошо, — сказал Бенингбой наконец. — Допустим, что мы входим и захватываем для

вас этот гигантский стеклянный купол, полный учеными. Признаю, это очень привлекательная идея. Мы, Модераторы, очень хорошие, мирные люди, мы все — любовь и тепло. Так что мы могли бы запросто сделать это — просто чтоб ублажить тебя. Но нам-то что от этого?

— Деньги, — сказал Оскар. Бенингбой зевнул.

— Лаборатория обеспечивает себя сама. Там есть и продовольствие, и защита, — предложила Грета.

— Да, конечно, но лишь до тех пор, пока вы не вернулись к власти. Как только все закончится, у вас будет обычный режим управления.

— Давайте смотреть на вещи трезво, — сказал Оскар. — Вы толпа. Мы должны нанять людей, чтобы поддержать нашу трудовую забастовку. Это традиционная комбинация, не так ли? Разве для вас это так трудно?

— Копы Лаборатории очень напуганы, и их мало, — подсказала Грета. — Они едва ли даже владеют оружием.

— Слушайте, у нас есть продовольствие и защита. Чего у нас нет, так дырок от пуль. Или своры разъяренных федералов на хвосте.

Оскар предпринял следующий ход. Ему приходилось не раз иметь дело с людьми, у которых

были совершенно чуждые ему приоритеты. Модераторы состояли из радикалов, диссидентов, отщепенцев, но и с ними можно было так или иначе договориться.

— Я могу сделать тебя известным, — сказал он. Бенингбой сдвинул шляпу на затылок.

— Да? Как?

— Я — профессионал и могу обеспечить широкое освещение событий в Сети. Коллабораторий — очень известное место. Доктор Пеннингер — нобелевский лауреат. Все это тянет на крупный политический скандал. Все очень драматично. Плюс голодовка Бамбакиаса и нападение Регуляторов на американскую базу ВВС. Твои Модераторы могли бы получить превосходную прессу. Это была бы полная противоположность тому ужасу, который сотворили Регуляторы.

Бенингбой глубокомысленно размышлял. Он вытащил три маленьких бруска вещества, похожего на цветной мел, положил их на маленькую плиту полированного точильного камня, достал перочинный нож и начал размалывать бруски в разноцветный порошок.

Потом тяжело вздохнул.

— Мне в самом деле неприятно сознавать, что есть веревочка, за которую может потянуть

шустрила вроде тебя. Всем известно, что мы, Модераторы, дружим с Регуляторами.

— Конечно, я знаю это, генерал!

— Мы любим Регуляторов подобно братьям и сестрам. А с тобой у нас нет ничего общего. За исключением того, что… Хорошо, мы — Модераторы, потому что мы используем сеть Модераторов. А Регуляторы используют интерфейс Регуляторов, с программным обеспечением Регуляторов и собственными протоколами. Я не думаю, что чайник вроде тебя разбирается в этом.

— Я разбираюсь, — сказал Кевин, впервые за все время вступая в разговор.

— Мы имели обыкновение ладить с Регуляторами. Они — цивилизованное племя. Но эти креольские дубы слишком кичатся своей генетикой, и к тому же они получили поддержку Зеленого Хью… Они начали задирать нос перед другими, стали совершать набеги на другие племена, и если вы спросите меня, то я считаю, что их устрично-вуду-команда слишком увлекается газами и ядами…

Почувствовав слабину, Оскар пошел в атаку.

— Генерал, я не прошу, чтобы вы напали на Регуляторов. Я только прошу, чтобы вы сделали то же, что сделали Регуляторы, но исходя из более

достойных побуждений и при более благоприятных обстоятельствах.

Генерал Бенингбой разделил размолотый порошок на прямые полоски и стал ссыпать одну за другой в маленькую флягу с желтым жиром. Он размешал жир указательным пальцем и тщательно втер в кожу за ушами.

Потом подумал и кивнул.

— Ладно. Я рискую своей честью. Меня называют «генерал», я завоевал доверие тяжким трудом на протяжении многих лет. Возможно, я потеряю все, что построил, одним махом. Но ладно, я дам вам пять взводов.

— Пятьдесят Модераторов? — нетерпеливо воскликнул Кевин.

— Угу. Пять взводов, пятьдесят людей. Конечно, я не могу обещать, что наши отряды смогут удержать ту Лабораторию, если последует контрудар со стороны федеральных войск, но то, что они смогут захватить ее, — наверняка.

— Эти парни достаточно дисциплинированы? — осторожно спросил Оскар.

— Они — не парни, приятель. Это девочки-подростки. Мы посылаем парней, наших молодых людей, когда идем на серьезные дела. Слушай, наши молодцы — крутые парни. Они убивают

людей. Мы известное альтернативное общество, мы не можем позволить себе убивать мародеров. А у девчонок, помимо холодной головы на плечах, есть еще тот плюс, что к несовершеннолетним, если их поймают, отнесутся более снисходительно.

— Я не хочу показаться неблагодарным, генерал, но не уверен, что вы поняли серьезность нашей ситуации.

— Нет, — сказала Грета. — Девочки-подростки — идеальный вариант!

— Тогда я представлю вас некоторым из наших полевых командиров. И вы можете договориться о тактике и вооружении.

Назад в Буну Оскар ехал в фальшивом церковном автобусе, переполненном тремя взводами солдат-кочевников. Он мог бы поехать с Кевином, но ему хотелось посмотреть на свои боевые отряды. Было почти невозможно предположить, что девочки между четырнадцатью и семнадцатью способны нанести поражение полиции.

Девочки были прилежны и тихи, больше всего они напоминали гимнасток. Взводы делились на подразделения по пять человек, которыми руководили пожилые женщины. Эти сержанты взвода — по виду приличные старые леди — казались совершенно безопасными и безобидными.

Они все выглядели безопасными, потому что переоделись и перекрасились. Кочевницы сняли свои обычные наряды из кожи и пластика. На головах у них красовались маленькие шляпки, на ногах ортопедические ботинки. Юные воительницы тщательно замазали свои татуировки цветным воском, причесали и пригладили волосы, оделись в яркие жакеты, брюки наподобие леггинсов. Армия Модераторов походила на девичью хоккейную команду, главные интересы которой — добыть молочный шоколадный коктейль.

Как только автобусы и их солдаты успешно проехали через восточные ворота, взятие Коллаборатория было делом решенным. Оскар наблюдал в оцепенелом удивлении, как первый взвод захватил и разрушил полицейский автомобиль.

Двое полицейских в автомобиле охраняли один из тамбуров Хотзоны, где забастовочный комитет ожидал выселения. Неожиданно самая юная из пяти девочек хлопнула руками и испустила душераздирающий вопль. Взбудораженные копы выскочили из автомобиля и помчались на помощь. Тут они попали в искусно расставленные силки и упали, а две другие девочки хладнокров-

но пульнули в них из распылителей, приклеив к земле.

Второй взвод девочек объединенными усилиями перевернул крошечный полицейский пикап на крышу и разбил веб-камеры слежения и приборные панели.

Кевин, по его личному настоянию, возглавил нападение на здание, где размещалось отделение полиции. Вклад Кевина состоял в том, чтобы разговорить сидящую внизу женщину-сержанта, пока тридцать юных девиц не войдут в здание, переговариваясь между собой и хихикая. Улыбающиеся полицейские доверчиво появились в холле, чтобы выяснить, что происходит, и были атакованы. Для обученных коммандос они оказались легкой добычей: резкий рывок за запястья, жесткая подсечка — и вот они уже валяются на полу, едва дыша и уже в наручниках.

Модераторы захватили федеральное сооружение за сорок минут. Уже в шесть тридцать переворот был удачно завершен.

Однако была допущена одна тактическая оплошность. Шефа службы безопасности Коллаборатория не было на рабочем месте, дома его тоже не обнаружили. Там были только его жена и двое детей.

Оказалось, что он проводил время в пивном баре с любовницей, пьяный. Девочки-подростки не могли войти в бар, не привлекая внимания. Они попробовали выманить его из бара, но в темноте перепутали и захватили не того человека. Шеф безопасности сумел избежать плена.

Два часа спустя он объявился в бронированном грузовичке перед зданием службы безопасности. Он отчаянно размахивал сотовым телефоном и боевым дробовиком.

Оскар вышел на переговоры.

Оскар стоял перед резиновым бампером приземистого бронированного грузовичка, предназначенного для разгона демонстраций. Он помахал руками перед окошком, показывая, что безоружен, и позвонил руководителю службы безопасности по одному из телефонов.

— Что, черт возьми, вы собираетесь делать? — требовательно спросил шеф безопасности.

Оскар, конечно же, помнил его имя. Шефа звали Митчелл С. Карнес.

— Извините, Карнес, сложилась чрезвычайная ситуация. Сейчас все под контролем. Никто не собирается наносить вам вред.

— Это я должен заниматься чрезвычайными ситуациями, — заявил шеф безопасности.

— Вы и ваши люди как раз и были чрезвычайной ситуацией. Так как вчера директор Пеннингер была похищена, боюсь, ваша команда потеряла ее доверие. Однако Лаборатория теперь вновь в руках официально назначенных властей. Так что вы все освобождены от обязанностей и посидите под замком, пока мы не разберемся в этом до конца.

— О чем, спрашивается, вы говорите? Вы не можете меня уволить. Это не в вашей компетенции.

— Шеф, я отлично знаю. Но это ничего не меняет. Да вы только посмотрите на нас! Я стою здесь, пытаясь вести разумные переговоры, тогда как вы прячетесь внутри броневика и размахиваете ружьем. Мы оба взрослые люди, давайте признаем это. Кризис преодолен. Сдайте оружие и выйдите из машины.

Карнес озадаченно заморгал. Он пил весь день и не до конца отдавал себе отчет в серьезности ситуации.

— Послушайте, то, что вы говорите, — бред! Одно дело трудовая забастовка, или компьютерные вирусы, или даже сетевая война. Но это вооруженный переворот! Вам не уйти от неприятностей, после того как вы напали на полицейских. Вы

будете арестованы.

— Митч, я согласен. Признаюсь, я думал об этом. Я готов сдаться законным властям сразу же, как только мы сможем определить, кто они. Они обнаружатся рано или поздно. Но тем временем, Митч, ведите себя нормально, ладно? Все ваши коллеги — внизу в камере.

— Оскар, вы не можете арестовать меня! Это противозаконно.

— Митч, расслабьтесь. Несомненно, вы можете пойти на принцип. Но если вы просидите в этом грузовике с заряженным дробовиком всю ночь, то чего, спрашивается, добьетесь? Это ничего не изменит. Все уже закончилось. Выходите из машины.

Карнес вылез из грузовика. Оскар достал пару наручников, посмотрел на пластмассовые ремни, пожал плечами и положил их обратно в карман.

— Нам ведь это не нужно, не так ли? Мы взрослые люди. Давайте просто пройдем.

— Вы мне никогда не нравились, — заявил Карнес, шагая рядом с Оскаром. — Я никогда не доверял вам. Но вы все же походили на разумного парня.

— Я и есть разумный парень. — Оскар похлопал копа по погонам зенитной артиллерии, которые

тот носил. — Понимаю, шеф, все это кажется нарушением порядка, но я все еще верю в закон. Я только должен выяснить, где тут закон и порядок.

После того как бывший шеф безопасности был благополучно заключен в тюрьму, Оскар встретился с Кевином и Гретой в занятом ими отделении полиции.

Девочки-кочевницы вновь оделись в своем обычном стиле: плетеные пояса, жезлы, укороченные френчи.

— Ты распространил наше заявление в Коллаборатории?

— Конечно, — сказал Кевин. — Я обзвонил всех в Лаборатории, а Грета все объяснила в прямом эфире. Твое заявление — хорошая подача, Оскар. Это звучит действительно… — он сделал паузу, подыскивая подходящее слово, — успокаивающе.

— Успокоиться — это хорошо. Мы к завтрашнему утру сделаем новые плакаты с объявлением, что забастовка закончена. Люди нуждаются в передышке, пусть символической. «Забастовка окончена» — такое заявление сразу сбивает жар.

Кевин, преисполненный энтузиазма, сполз с кожаного стула и, встав на четвереньки, залез в

стоящий на полу большой шкаф с выдвижными ящиками.

Там было свалено телекоммуникационное оборудование и покрытые пылью мотки оптоволоконных цветных проводов.

— Очень милая старая телефонная система! На нее, конечно, можно навешать жучков, но она еще ничего, у нее куча клевых особенностей, которые никто никогда не использовал.

— А почему все это здесь пылится? — удивился Оскар.

— О, я все это налажу и подключу. У меня никогда не было еще столь полного контроля над коммутатором. Пара недель, и здесь все будет работать как часы. — Кевин встал, отряхивая пыль с рук. — Я думаю, хорошо бы мне надеть одну из местных полицейских форм. Никто не будет возражать, если я буду носить униформу полицейского?

— А зачем тебе это? — спросил Оскар.

— Ну, девочки-кочевницы имеют униформы. Я теперь руководитель службы безопасности, правильно? Как я могу управлять нашими отрядами, если у меня нет формы?

Оскар покачал головой.

— Насчет девочек — спорный момент, Кевин.

Теперь, когда они захватили для нас Лабораторию, нам лучше бы спровадить этих маленьких ведьм как можно быстрее.

Кевин и Грета обменялись взглядами.

— Мы только что обсуждали эту проблему.

— Они действительно хороши, эти девочки, — сказала Грета. — Мы взяли Лабораторию, и никто при этом не убит. Хорошо, когда переворот происходит бескровно.

Кевин нетерпеливо кивнул.

— Мы все еще нуждаемся в этих отрядах, Оскар. Ведь есть еще банда опасных мятежников Хью, которые засели в здании Раскрутки. Мы должны выколупать их оттуда! Так что нам придется прибегнуть к тяжелым средствам воздействия — эластичным кнутам, перечному газу, ультразвуковым излучателям… Слушай, это будет класс! — Кевин потер руки.

— Грета, не слушай его… Мы не имеем права причинять серьезный вред этим людям. Мы теперь у власти, так что должны вести себя ответственно. У нас трудности со сторонниками Хью, но мы будем поступать так, как это делают нормальные власти. Заклеим двери, отключим их от Сети и телефонных линий и будем морить голодом. Сильные меры были бы серьезной ошиб-

кой. С этого момента нам надо побеспокоиться о том, что скажет Вашингтон.

Длинное лицо Греты стало холодным.

— К черту Вашингтон! Они никогда не делают ничего полезного. Они не могут защитить нас. Я устала от них и их лицемерия.

— Минуточку! — обиженно воскликнул Оскар. — Я — из Вашингтона. Я был полезен.

— Хорошо, ты — исключение. — Она сердито растирала кожу на запястьях. — Но после того, что случилось со мной сегодня, я знаю, чего я не хочу. У меня нет больше иллюзий. Мы не можем доверять никому, кроме нас самих. Кевин и я решили, что надо захватить шлюзовые тамбуры и запечатать все сооружение. Оскар, я хочу, чтобы ты ушел в отставку. Тебе лучше уйти в отставку прежде, чем люди из Вашингтона уволят тебя. — Она ткнула в его сторону длинным паучьим пальцем. — Нет, прежде, чем они арестуют тебя! Или предъявят тебе обвинение. Или привлекут к ответственности. Или похитят. Или просто решат убить.

Он в тревоге пристально поглядел на нее. Она выглядела очень плохо. Кожа щек и лба блестела, как недавно очищенная луковица.

— Грета, давай немного прогуляемся? Ты вы-

глядишь переутомленной. Мы должны обсудить ситуацию.

— Нет, больше никаких разговоров. Я уже выросла. Я не позволю больше отравлять меня газом и надевать наручники, если только они не явятся сюда на танках.

— Любимая, никто сейчас не использует танки. Танки — вооружение двадцатого столетия. Власти не должны пускать в ход столь сильное средство. Мир уже далеко ушел вперед. Если они захотят выкурить нас отсюда, они будут только…

Оскар замолк на полуслове. У него еще не было времени посмотреть на ситуацию глазами властей. Эта ситуация не давала поводов для оптимизма. Грета Пеннингер и ее сторонники только что захватили охраняемую Биолабораторию. Это было защищенное от взрывов и пронизанное подземными ходами место. Здесь были сотни видов животных, которые могли служить живым источником продовольствия. Сооружение имело независимое водоснабжение, собственное электропитание и даже собственную воздушную атмосферу. Финансовые угрозы и эмбарго бессмысленны, потому что финансовые системы уже давно разрушены сетевыми вирусами. Карманные революционеры Греты

захватили СМИ. У них средства производства. На их стороне стояли разбуженные народные массы, испытывающие глубокое недоверие к внешнему миру. Под их контролем была могучая крепость.

Грета уже отвернулась и обратилась к Кевину.

— Когда мы сможем выбросить эти паршивые телефоны пролов и восстановить нашу обычную систему?

Кевин вовсю демонстрировал свою полезность.

— Я должен буду удостовериться, что это совершенно безопасно… Сколько программистов вы мне дадите?

— Я сама отберу персонал по телесвязи. А ты, может быть, найдешь, где мне устроить офис здесь, в отделении полиции? Мне придется проводить здесь много времени.

Кевин усмехнулся:

— Эй, вы здесь босс, доктор Пеннингер!

— Мне нужно отдохнуть, — вдруг сообразил Оскар. — Возможно, просто выспаться. Сегодня был очень тяжелый день.

Они игнорировали его. Они были заняты собственными делами. Он вышел из отделения полиции. Пока он брел, покачиваясь, через затемненные сады к вырисовывающейся вдали

громаде Хотзоны, усталость навалилась на него со злым метаболическим натиском. Внезапно все, происходившее сегодня, предстало перед ним как чистейшее безумие. Он был похищен, отравлен газом, его бомбили, он путешествовал сотни миль в дурацких разбитых машинах, он заключил сомнительный союз с бандой социальных изгоев, его оклеветали и обвинили в растрате… Он арестовал полицию Кол-лаборатория, он уговорил вооруженного беглеца капитулировать… А теперь его возлюбленная и опасно-неуравновешенный шеф службы безопасности объединились за его спиной.

Это было плохо. Очень плохо. Но и это еще не было самым ужасным. Завтра он должен будет убедить массы, что все было правильно, дать объяснение случившемуся, чтобы так или иначе оправдать свои действия.

Внезапно он понял, что не сможет этого сделать. Он почувствовал себя подавленным. Слишком много на него навалилось. Психическая перегрузка. Он ранен, у него черные, синие и зеленые синяки, он голоден, утомлен, перенапряжен и травмирован, его нервная система гудит от недостатка адреналина. И все же в глубине души он испытывал удовлетворение от сегодняшних

событий.

Потому что он превзошел самого себя.

Да, верно, он допустил грубую ошибку, дав себя похитить. Но после этого он взял ситуацию под контроль, преодолев все кризисы с удивительным самообладанием, и нигде не подкачал. Каждый ход был правильным ходом в правильно выбранный момент времени, каждый выбор был вдохновенным выбором. Только их было слишком много. Он чувствовал себя, как фигурист, выполняющий бесконечный ряд тройных акселей. Он почувствовал внезапную потребность в защите. Физическая защита. Запертые двери и долгая-долгая тишина.

О возвращении в отель даже нечего и думать. Там его ждут люди, вопросы, неприятности. Оставалась Хотзона.

Он потащился к тамбуру Хотзоны, где двое пожилых сержантов из кочевников развлекались игрой в чертика на веревочке. У них были самодельные длинные резинки, вытянутые из химического волокна. Оскар отрывисто поздоровался с женщинами и вошел в пустые залы Хотзоны.

Он искал место, чтобы скрыться. Темный чулан для оборудования был бы идеален. Нужно

решить только еще один маленький вопрос, прежде чем он забьется в щель и расслабится. Ему нужен лэптоп. Это была успокаивающая мысль: отступление в запертый чулан с лэптопом, чтобы выдержать. Это была инстинктивная реакция на невыносимый кризис. Так он делал начиная с шестилетнего возраста.

Он оставил запасной лэптоп в лаборатории Греты. Оскар поплелся туда. Прежний штаб забастовки, когда-то блиставший стерильной чистотой, ныне носил на себе следы тайных политических маневров — здесь, было грязно, повсюду были разбросаны газеты, огрызки еды, записки, бутылки, разное барахло. Вся комната пропиталась запахом паники. Оскар нашел лэптоп, наполовину захороненный под грудой лент и каталогов. Он взял его и засунул под мышку. Слава Богу!

Его телефон зазвонил. Он рефлекторно ответил. — Да?

— Какая удача! Поймать Продавца Мыла с первой попытки! Как там дела, Мыльный? Все под контролем?

Это был Зеленый Хью. Сердце Оскара замерло, он постарался сосредоточиться.

— Да, спасибо, губернатор.

Как же Хью смог дозвониться сюда по внутреннему телефону Лаборатории? Ведь Кевин уверял, что их телефоны непробиваемы.

— Я надеюсь, что ты не возражаешь против позднего телефонного звонка, mon ami.

Оскар медленно опустился на пол, прислонившись спиной к металлической дверце шкафа.

— Нив коем случае, ваше превосходительство. Мы живем, чтобы служить.

— Это очень мило с твоей стороны, Мыльный! Позволь мне сообщить тебе, где я сейчас. Я лечу в чертовом вертолете выше берега реки Сабин и разглядываю, что тут произошло при атаке с воздуха.

— Не может быть, сэр.

— МОЖЕТ! — заорал Хью. — Те сукины дети смели моих людей! Черные вертолеты с ракетами и автоматическим оружием убивали американских граждан! Это была бойня!

— Имелись ли несчастные случаи, губернатор? Я подразумеваю, помимо той неудачливой французской субмарины?

— ЧЕРТ, ДА! Там были несчастные случаи! — Хью почти визжал. — Как могло обойтись без несчастных случаев? Лес с обеих сторон реки был полон Регуляторов. Полный провал операции!

Слишком много скрытых посредников портят бульон! Полный прокол! Черт возьми, да я никогда не приказывал, чтобы те кретины засовывали тебя и гениальную девчонку внутрь фальшивой санитарной машины!

— Нет, ваше превосходительство?

— Черт нет! По плану они должны были терпеливо ждать и подловить вас, когда вы спешили на свидание. В таком контексте похищение имело бы смысл. Вечная проблема, у кочевников очень слабый контроль. Это не то, что я хотел, мальчик! Я хотел лишь показать всем: ты, я и твоя возлюбленная сидим, скрестив ноги, с бумажными зонтиками на фужерах. Я думал, что мы проведем «научную конференцию на высшем уровне», которая закончится, как я рассчитывал, полным улаживанием наших конфликтов.

Оскар сощурил горевшие глаза.

— Но у похитителей на дороге случилась авария. Они прибыли с опозданием. Ваш комитет по приему, очевидно, забеспокоился. И когда неожиданно появился федеральный спецназ, последовало крутое столкновение.

Хью промолчал.

Оскар почувствовал, что начинает частить, что тон его голоса повышается, превращаясь в

жалобный скулеж.

— Губернатор, я надеюсь, вы верите мне, когда я говорю, что сожалею об этом даже больше, чем вы. Я понимаю, что вы получили бы значительное политическое преимущество, если бы ваши агенты смогли поймать нас в момент скандального свидания. У нас тогда было бы мало возможностей обратиться за помощью, это была бы весьма эффективная комбинация с вашей стороны. Но давайте рассмотрим факты. Вы не имели право похищать директора Лаборатории и федеральное должностное лицо. Это вам не игра. Боевые выкрутасы с политической точки зрения — глупость. К ним редко кто прибегает в реальной жизни.

— Ух! Но ты, кажется, управлял нападением коммандос, детка?

— Губернатор, когда я прибыл сюда два месяца назад, мысль о том, что мне придется захватывать Лабораторию с помощью вооруженных отрядов, даже не могла прийти в голову. Но, учитывая обстоятельства, у нас просто не было другого выхода. А теперь давайте рассмотрим нашу с вами ситуацию. Она перегружена посторонними факторами. Это не только вы, я, сенатор Бамбакиас, бастующие ученые и ваша пятая ко-

лонна внутри Лаборатории. Даже в таком составе это сложная ситуация! Но теперь сюда добавляются федеральный спецназ, полу вменяемые Регуляторы, вооруженные девочки-подростки, софтверные атаки, клеветнические нападки… Все вышло из-под контроля… — Горло Оскара сжалось от спазма. Он отдернул телефон от лица. Потом решительно прижал телефонную трубку снова, будто приставляя к уху дуло пистолета, и продолжил: — Это может мне стоить карьеры в Сенате. Я предполагаю, это слишком мелко, чтобы я упоминал об этом, но я наслаждался работой! Я сожалею об этом. Очень.

— Сынок, все в порядке. Успокойся. Я знаю, что может означать для такого молодого человека, как ты, карьера в Сенате. Со мной было то же самое, когда я занялся политикой. Я был главой администрации сенатора Дугала, штат Техас, когда мы построили эту Лабораторию.

— Губернатор, как мы дошли до этого? Почему вы так стараетесь перехитрить меня? Почему вы не пригласили меня, чтобы обсудить все частным образом? Я пришел бы, чтобы увидеться с вами. Я провел бы с вами переговоры. Я был бы счастлив.

— Никуда бы ты не пришел. Твой сенатор не

позволил бы.

— Я не сказал бы ему. И пришел бы на встречу, потому что вы главный игрок. Мне необходимо говорить с игроками, или я никогда ничего не добьюсь.

— Значит, тот бедный ублюдок действительно готов — вздохнул Хью. — Раз ты уже не заботишься о Бамбакиасе, а собираешься работать за его спиной. Бедный, старомодно-напыщенный мальчишка. — … Я никогда не имел ничего против него! Черт, да я обожаю яйцеголовых либеральных янки, которые не умеют даже припарковать свой велосипед! И зачем только, бога ради, он влез в эту дерьмовую стычку на базе? Я не мог спустить такое! Я не могу позволить какому-то сенатору-новичку ставить мне палки в колеса! Голодовка — да ради бога, но — черт возьми — я не собирался морить его голодом! У него вообще нет здравого смысла! Ты умный паренек, ты должен был это знать.

— Я знал, что он идеалист.

— Так зачем ты его протолкнул?

— Он был единственный, кто согласился нанять меня для проведения предвыборной кампании, — сказал Оскар.

Хью хрюкнул.

— Ладно! Тогда ладно! Теперь я понимаю. Значит, это ты стоял за всем этим. Но какого черта ты натравил его на меня? Да кто ты такой? Что, черт возьми, ты вынюхиваешь в моей любимой научной лаборатории? Ты даже не знаешь толком, чем они там занимаются. Ты даже не подозреваешь, чего они стоят!

— Почему же, я знаю, — сказал Оскар. — Они делают здесь что-то очень важное для вас.

— Ну да, мне нужна та Лаборатория! Мне нужны эти люди. Несомненно, у них есть кое-что. Иначе я не стал бы так суетиться. И я хотел вам это продемонстрировать…

— Губернатор, не надо мистифицировать меня. Я отлично понимаю, что вы планировали для нас. Грета и я исчезли бы бесследно в ваших соляных копях, где ваши промышленные шпионы развивают нейротехнологии. У вас есть какие-то крупные достижения в этой сфере, они имеют отношение к управлению мозгом. Как здесь управляют животными. Мы превратились бы в зомби. Мы стали бы вашими деферализованными домашними животными и соглашались бы со всем, что бы вы ни говорили.

В трубке раздался лающий смех.

— Что? Да за кого ты меня принимаешь? За Мао

Цзэдуна? Мне не нужны роботы с промытыми мозгами! Мне нужны умные люди! Как можно больше умных людей! Ты что, не понимаешь?

— Так я ошибаюсь?

— Ты ошибаешься во мне, я люблю свой штат! Я люблю моих людей! Несомненно, ты презираешь Луизиану, мистер Гарвардская школа бизнеса! По-твоему, здесь все коррумпированы, здесь слишком жарко, здесь половина территории под водой, здесь все крайне убого, все отравлено пестицидами и нефтяными отходами! Половина людей говорит на неправильном языке, но, черт побери, люди-то здесь настоящие! У моих людей есть душа, в них живет особый дух, они — подлинный живой народ! Мы не такие, как остальные люди в США, которые слишком устали и слабы, чтобы бороться за достойное будущее. — Хью громко откашлялся и возобновил рев в телефон. — Они называют меня «губернатор-жулик»! Ну а каким еще я могу быть? Все их чрезвычайные комитеты совершенно незаконны и неконституционны! Ты только посмотри на этого нового Президента! Парень хочет выжить меня из моего собственного штата! Черт, этот Президент хотел бы убить меня! Моя жизнь находится теперь под постоянной угрозой! Я с опаской гляжу в небо, как

бы не оказаться поджаренным этими чертовыми рентгеновскими лазерами! И ты, ты думаешь, что я хочу лоботомировать лауреата Нобелевской премии! Всемогущий Бог, зачем мне это? Что я с этого, по-твоему, могу получить?

— Губернатор, если бы вы рассказали об этом раньше, я думаю, мы могли бы прийти к пониманию.

— Какого черта я стал бы что-то сообщать тебе? У тебя нет никакого поста! Тебя невозможно принимать в расчет! Ты — политический кошмар, игрок без истории и без власти! Если бы не ты, все было бы удачно! Авиабаза была бы моей. Лаборатория была бы моей. И все было бы мирно и тихо.

Кевин появился на пороге Лаборатории. На нем был полицейский мундир.

— Один момент, губернатор, — сказал Оскар. Он закрыл трубку рукой. — Кевин, как ты меня отыскал?

— В телефонах есть жучки с указателем местоположения.

Оскар покрепче зажал трубку в кулаке.

— Ты никогда не сообщал мне об этом.

— Тебе не надо знать о таких вещах. — Кевин нахмурился. — Оскар, слушай! Нам надо скорее

в пресс-центр. Президент Соединенных Штатов находится на линии.

— Ого! — Оскар отнял руку от телефона. — Извините меня, губернатор. Я не могу продолжить наш разговор — я должен говорить по телефону с Президентом.

— Ну и дела! — возопил Хью. — Сегодня что, все не спят?

— До свидания, губернатор. Я очень ценю ваш звонок.

— Подожди! Подожди. Прежде чем ты совершишь какую-нибудь глупость, я хочу, чтобы ты знал, что ты можешь приехать и поговорить со мной. Прежде, чем все выйдет из-под контроля… В следующий раз давай сначала переговорим.

— Хорошо знать, что у нас есть такая возможность, ваше превосходительство.

— Детка, слушай! Последнее: как губернатор штата Луизиана, я всячески поддерживаю генетические отрасли промышленности. Для меня не существует никаких проблем, связанных с твоим происхождением!

Оскар повесил трубку. Нервы гудели, как дребезжащий электрический трансформатор. Глаза горели, окружавшие голые стены давили на него. Он хлопнул Кевина по плечу.

— Как твои ноги, Кевин?

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— У меня кружится голова.

Он фыркнул. Сердце стучало как автомат.

— Должно быть, аллергия, — сказал Кевин. — Все, кто работает в Хотзоне, зарабатывают аллергию. Профессиональная болезнь.

Слова Кевина доносились издалека, будто их разделяли световые годы.

— Угу, почему ты говоришь об этом, Кевин?

— Знать о профессиональном риске — первый шаг к тому, чтобы стать профессионалом в деле обеспечения безопасности.

Состояние Оскара не походило на аллергию. Скорее на сотрясение мозга. Возможно, это был побочный эффект парализующего газа. А может быть, начало тяжелого гриппа. Ему было плохо. Очень плохо. Он спрашивал себя, сможет ли все это пережить. Его сердце внезапно сорвало удар и начало биться, будто пойманная моль. Он споткнулся и чуть не упал.

— Я думаю, мне нужен врач.

— Несомненно, парень, позже. Сразу же, как только ты поговоришь с Президентом.

Оскар сморгнул. Глаза щипало, они слезились.

— Я не могу даже видеть.

— Выпей какой-нибудь антигистамин. Слушай, мужик, ты не можешь свалиться прямо сейчас, потому что это — Президент. Улавливаешь? Это большая игра. Если ты не сможешь успокоить его по поводу того, что произошло на реке Сабин, со мной все кончено. Я буду белым террористом, точь-в-точь как мой отец. И с тобой тоже будет кончено, и с доктором Пеннингер, вы оба будете жариться на огне. Ты понял? Ты должен уладить это!

— Верно, — сказал Оскар, выпрямляя спину. Кевин был абсолютно прав. Это ключевой момент в его карьере. Президент ждет его для разговора. Промах недопустим. А тут еще мерцательная аритмия.

Кевин провел его через тамбур Хотзоны. Затем по телефону, оплетенному клубком проводов, вызвал такси. Прибыл целый флот из двенадцати пустых машин. Кевин выбрал одну и направился к пресс-центру вверх на лифте.

Кевин ввел его в зеленую комнату, где Оскар опустил голову в раковину. Он разваливался на части. В горле и груди свербило. Руки онемели. Он весь покрылся гусиной кожей. Но поток холодной воды, льющейся на затылок, слегка взбодрил его.

— Есть расческа? — спросил Оскар.

— Тебе не нужна расческа, — ответил Кевин, — президентский звонок идет через головной шлем.

— Через что? — сказал Оскар. — Виртуальная реальность? Ты шутишь! Эта штука никогда не работала.

— Во всех федеральных лабораториях были установки VR. Остались от какого-то широкополосного проекта тысячелетней давности. Такие же есть в Белом доме.

— И ты действительно знаешь, как управлять этой штуковиной?

— Черт, нет! Мне пришлось прочесать пол-Лаборатории, чтобы найти хоть кого-то, кто бы смог ее включить. Теперь там сидит целая толпа народу. Они все знают, что звонит президент.

Оскар посмотрел на себя в зеркало, пытаясь успокоить дыхание и немного сбить пульс. Потом вошел в студию, где ему натянули на голову каску, похожую на шлем для глубоководного плавания.

Президент наслаждался прогулкой через янтарные волны у подножия великолепных Скалистых гор в штате Колорадо. Оскар после некоторого замешательства понял, что это фон одного из рекламных роликов Президента. Очевидно, это был

лучший виртуальный фон, который новый персонал Белого дома мог обеспечить для звонка.

Леонард Два Пера представлял собой разительный контраст многим поколениям красивых американских политических деятелей. У президента были огромные плоские скулы, большой нос, узкий, плотно сжатый рот. Длинные черные и седые волосы струились ниже плеч. Настороженные глаза казались широко расставленными, как у рыбы-молота.

— Мистер Вальпараисо? — обратился к нему Президент.

— Да. Добрый вечер, господин Президент.

Президент молча, пристально глядел на него. В глубине его зрачков Оскар увидел собственное отражение.

— Как ситуация в Лаборатории? Вы и директор, доктор Пеннингер, находитесь в безопасности?

— Пока все хорошо, сэр. Мы запечатали купол. На нас было совершено серьезное сетевое нападение, в результате чего оказалась разрушенной вся бухгалтерия, обрезано большинство телефонных и компьютерных линий. У нас есть проблемы с группой недо вольных, занимающих одно из зданий. Но ситуация на данный момент, кажется, стабилизировалась.

Президент какое-то время размышлял. Он поверил тому, что рассказал Оскар. Но это его не обрадовало.

— Я хотел бы еще кое-что знать, молодой человек. Во что вы втянули меня? Почему потребовалась французская субмарина и три сотни креольских партизан, чтобы похитить вас и какого-то невролога?

— Губернатор Хьюгелет хотел нас видеть. У него есть планы заполучить эту Лабораторию, господин Президент. У него много свободных рабочих рук, больше, чем он может занять.

— Ну, он не может завладеть Лабораторией.

— Нет, сэр?

— Нет, он не может ею завладеть. И вы тоже. Поскольку она принадлежит стране, черт возьми! Что, черт возьми, вы делаете! Вы не имеете права с помощью Модераторов захватывать власть в Федеральной лаборатории! Это превышение ваших полномочий! Вы организатор кампании, у вас исключительно попечительская роль! Вы не Дэвид Крокет.

— Господин Президент, я полностью согласен. Но у нас не было выбора. Зеленый Хью представляет собой явную угрозу. Он действует в союзе с иностранцами. Он полностью контролирует

свой штат и теперь начал военные стычки на границах. Что еще я мог сделать? Мой штатный сотрудник безопасности информировал ваш офис национальной безопасности. Тем временем я предпринял шаги, какие мог.

— К какой партии вы принадлежите? — спросил президент.

— Я член федерально-демократической партии, сэр.

Президент ответил не сразу. Президентской партией было Социально-патриотическое движение, соцпаты.

Соцпаты были ведущей фракцией в левом традиционном блоке, который также включал социал-демократов, коммунистическую партию, Власть народу, Рабочую Америку и дряхлую Демократическую партию. В левом традиционном блоке в последнее время было меньше идеологического беспорядка, чем обычно. Они оказались способны объединиться, чтобы захватить пост американского Президента.

— Значит, Бамбакиас — от штата Массачусетс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Что ты в нем нашел?

— Я любил его. Он имеет воображение, и он не

взяточник.

— Хорошо, — сказал Президент, — что я не душевнобольной сенатор. Я ваш Президент. Я только что приведенный к присяге Президент, и у меня наивный неопытный персонал, который легко одурачить жуликам со связями среди белой мафии. А теперь, благодаря вам, я еще и человек, который, к несчастью, был вынужден убить несколько дюжин людей. Некоторые из них были иностранными шпионами. Но большинство — наши граждане.

Несмотря на высказанное им сожаление, Президент, судя по выражению лица, был готов убивать снова.

— Господин Вальпараисо, я хочу, чтобы вы выслушали меня очень внимательно. У меня примерно четыре, может быть, три недели. Еще есть политический капитал. Когда закончится мой «медовый месяц», я окажусь перед всеми этими судебными процессами, конституционными кризисами, дворцовыми переворотами, отставками, банковскими скандалами и махинациями чрезвычаек, через которые проходили все американские президенты последних двадцати лет. И я намерен это выдержать. Но у меня нет денег, потому что страна в разрухе. Я не могу

доверять Конгрессу, не могу доверять чрезвычайным комитетам. Я не могу доверять даже моему собственному партийному аппарату. Я главнокомандующий, но не могу доверять вооруженным силам. У меня есть лишь один источник прямой президентской власти — армия духов, армия-призрак.

— Да, господин Президент.

— Мои духи мне преданы! Они только что расстреляли множество людей, но по крайней мере они не политические деятели и делают то, что им приказывают. И так как они призраки, они официально не существуют. Так что, если все вовлеченные стороны будут держать рты на замке, мне никому не придется объяснять, что произошло вчера вечером на луизианскои границе. Вы понимаете меня?

— Да, сэр.

— Я хочу, чтобы первое, что вы сделали завтра утром, — подали в отставку в комитете Сената. Вы не можете заниматься махинациями и называть себя штатным сотрудником Конгресса. Забудьте про Сенат и забудьте про вашего бедного друга сенатора. Вы пират, и для вас единственный путь выжить — присоединиться к моему совету национальной безопасности. Это второе, что

вы должны сделать. С этого момента вы будете работать на Президента. Вы будете общаться непосредственно со мной. Ваш новый пост будет называться советник по национальной безопасности.

— Я понимаю, сэр, и, если я могу себе позволить сказать, мне кажется, это хороший анализ ситуации.

Оскару и в голову не могло прийти отказаться от предложенной работы. Новая должность означала разрыв с командой Бамбакиаса, это был также конец кропотливой закулисной работы в сенатском комитете по науке. Но конечно, он был согласен на все, чтобы работать на Президента. Поскольку это означало прыжок совсем к другим высотам власти — высотам, где возможности выбора цвели вокруг, подобно горным эдельвейсам.

— Спасибо за ваше предложение, господин Президент. Я польщен. Я принимаю его с удовольствием.

— Вы были ковбоем. Это плохо. Ужасно плохо. Однако с этого времени вы — мой ковбой. И чтобы удостовериться, что неблагоприятных инцидентов больше не будет, я пришлю вам первоклассный армейский полк, который гаран-

тирует охрану Лаборатории. Вы можете ожидать их к семнадцати часам, завтра.

— Да, господин Президент.

— Вам также перешлют подготовленное заявление для выступления вашего директора перед камерами. Это внесет ясность, кто есть кто и что к чему. Теперь вы будете выполнять только прямые распоряжения главнокомандующего. Вы будете удерживать Лабораторию от посягательств губернатора Хьюгелета. Вы защитите информацию и сохраните персонал, вы удержите от развала Лабораторию, пока я не разберусь, почему этот человечишко так жаждет завладеть ею. Если вы будете действовать успешно, я переведу вас на работу в Белый дом. Если вы потерпите неудачу, мы оба погорим. Причем вы в первую очередь. Вам все ясно?

— Совершенно ясно, господин Президент.

— Добро пожаловать в очаровательный мир исполнительной власти.

Президент исчез. Волны янтаря долго колебались после его ухода.

Оскар с усилием вырвал голову из виртуального шлема и оказался в самом центре внимания двух сотен людей.

— Ну что? — потребовал Кевин, размахивая

микрофоном. — Что он говорил?

— Он нанял меня на работу, — объявил Оскар. — Я теперь сотрудник Совета национальной безопасности.

Кевин вытаращил глаза.

— Правда? Оскар кивнул.

— Президент нас поддерживает! Он посылает сюда отряды, чтобы защитить нас!

Толпа радостно взревела, люди пришли в крайний восторг. Их реакция имела некий оттенок истерики. Фарс, трагедия, триумф, все происходило слишком быстро, они были как пьяные. Все, что они могли делать в нынешний момент, так это толкать друг друга в бока телефонными трубками.

Кевин отключил микрофон и отбросил его в сторону.

— Он говорил что-нибудь обо мне? — спросил он с тревогой. — Насчет моего звонка вчера вечером и все такое?

— Да, он упомянул тебя, Кевин. Он конкретно упомянул тебя.

Кевин тут же обратился к человеку, что стоял ближе всего к нему. Это оказалась Лана Рамачандран. Лана была вытащена из душа и примчалась в пресс-центр в одном халате и шлепанцах

на босу ногу.

— Президент заметил меня! — сообщил ей Кевин громким голосом, выпрямляясь в полный рост. — Он говорил обо мне! Я действительно кое-что значу! Я имею значение для Президента.

— Бог мой, ты безнадежен! — ответила Лана, ощетинившись. — Как ты мог сделать такое с бедным Оскаром?

— Сделать что?

— Да посмотри на него, дурак! Он же горит!

— Он не горит, — поправил ее Кевин, окинув Оскара оценивающим взглядом. — Но у него, возможно, высокая температура.

— А что это у него на голове! Ты должен был его защищать, ты его телохранитель, ты, глухой ублюдок! Ты его убил! Он ведь сделан, как и ты, из плоти и крови!

— Нет, он — нет, — обиженно сказал Кевин. Его телефон зазвонил. Он ответил:

— Да?

Кевин выслушал сообщение и спал с лица.

— Ага, дурак вырядился в полицейского, — зарычала Лана. — Оскар, что с тобой? Скажи что-нибудь. Дай я пощупаю твой пульс. — Она схватила его запястье. — Мой бог! Кожа просто горит!

Ворот халата Ланы распахнулся. Оскар разглядел полукруг сморщившейся коричневой кожи вокруг соска. По нему вдруг прошла сильная, сумасшедшая волна сексуального возбуждения. Он не контролировал себя.

— Мне надо лечь, — сказал он.

Лана смотрела на него, закусив губу. Ее телячьи глаза наполнились слезами.

— Почему они не сказали, что тебе плохо? Бедный Оскар! Никто даже не позаботился о тебе!

— Может быть, немного холодной воды, — пробормотал он.

Лана нашла его шляпу и мягко прикрыла ему голову.

— Я заберу тебя отсюда.

— Оскар! — вскричал Кевин. — Южные ворота открыты! Лаборатория захвачена! Сотни кочевников!

Оскар отозвался немедленно: «Модераторы или Регуляторы?» Но слова звучали тарабарщиной. Язык внезапно раздулся и стал огромным. Как будто во рту было целых два языка.

— Что будем делать? — требовательно спросил Кевин.

— Уйдите от него! Позвольте ему выжить! — завопила Лана. — Кто-нибудь, да помогите же мне!

Ему нужна помощь!

После того как Оскар оказался в клинике Коллаборатория, медицинский персонал отреагировал так же, как всегда реагировали на Оскара медики: полное замешательство и вежливое бездействие. У Оскара было множество признаков болезни, но поставить диагноз оказывалось невозможным, поскольку его метаболизм просто не был вполне человеческим. Температура подскочила, сердце частило, кожа потрескалась, кровяное давление зашкалило. Учитывая такой необычный фон, невозможно было прописать курс лечения.

Впрочем, аккуратная повязка на голове, ледяной пакет и несколько часов тишины сделали свое дело. Оскар наконец провалился в оздоровляющий сон. Он проснулся в полдень, чувствуя себя утомленным и разбитым, но по крайней мере вновь контролирующим свое тело. Сидя на больничной койке, он потягивал томатный сок и просматривал новости по лэптопу. Кевина не было. Лана настояла, чтобы и остальные члены команды оставили Оскара в покое.

Через час к Оскару ввалилась нежданная группа посетителей. Четверо волосатых кочевников ворвались в его палату. Первым был генерал Бенингбой. Три бандита помоложе имели жутко

зловещий вид в своей боевой раскраске.

Генерал принес ему большой букет. Ветки падуба, желтые нарциссы и омела. Цветочная символика была очевидна.

— Здрасте, — сказал Бенингбой, приспосабливая букет. — Слышал, ты плохо себя чувствуешь, вот решил зайти с моими мальчиками, ободрить тебя.

Оскар задумчиво рассматривал захватчиков. Он был рад видеть их. У него сразу повысилось настроение.

— Это очень мило с вашей стороны, генерал. Присаживайтесь.

Бенингбой присел в ногах кровати, которая тревожно заскрипела под его весом. Трое сопровождающих, игнорируя стулья, пристроились на полу. Старший занял пост у дверей.

— Не генерал. Капрал. Теперь я капрал Бенингбой.

— Почему такое понижение в должности?

— Очень просто. Я послал пятьдесят девочек сюда на захват Лаборатории. У них отцы, матери, братья, сестры и дружки. Я подверг их любимых опасности. И, ну, в общем, это в значительной степени подорвало доверие ко мне. Годы усилий пошли прахом!

Оскар кивнул.

— Я так понимаю, это имеет отношение к вашей репутации и сетям доверия?

— Ага. Верно.

— Кажется абсурдным, что вас понизили в должности, когда нападение было таким успешным.

— Ну, теперь… — Бенингбой скосил глаза в сторону. — Я мог бы возместить часть моего потерянного престижа, если можно будет показать, что мы, Модераторы, получили выгоду от этой опасной деятельности.

— Ага.

— Пока мы не получили ничего, кроме бессонной ночи для взволнованных семейств наших отважных воинов.

— Капрал, вы правы. Ваша помощь была неоценима, и пока еще мы не дали вам ничего взамен. Я подтверждаю, что в долгу перед вами. Я человек слова. Вы помогли нам, когда мы в этом нуждались. И я хочу помочь вам, капрал Бенингбой. Только скажите мне, что вам нужно.

Бенингбой, улыбаясь в бороду, обернулся к одному из компаньонов.

— Ты слышал? Красивая речь, не так ли? Все записал на ленту?

— Все, — прорычал головорез.

Бенингбой опять обратился к Оскару.

— Я припоминаю, что ты обещал Модераторам прекрасное освещение в прессе — про то, что мы собирались быть рыцарями и паладинами федерального закона порядка, и все прочее по поводу Регуляторов… И не то чтобы я сомневался относительно твоего подтвержденного присягой слова, господин президентский научный советник, сэр, но я решил, что с четырьмя сотнями Модераторов в Лаборатории…

— Ты сказал, что это было стимулом, — подсказал головорез номер два.

— Это самое слово! Стимул!

— Очень хорошо, — сказал Оскар. — Лаборатория находится в ваших руках. Ваши отряды заняли ее вчера вечером. Это не входило в наше первоначальное соглашение, но я понимаю ваши соображения. Надеюсь, что и вы сможете понять мои. Я говорил с Президентом Соединенных Штатов вчера вечером. Он сказал мне, что пришлет сюда федеральные отряды.

— В самом деле?

— Да. Он обещал, что первоклассная десантная бригада прилетит сегодня вечером.

— Слушай, но это же Два Пера. — Бенингбой

вздохнул. — Я не говорю, что старый Джеронимо специально лгал тебе, но он славится такими ходами. Мы, Модераторы, находились в штате Колорадо, когда Два Пера был губернатором. Он всегда уверял, что пришлет национальную гвардию и восстановит так называемый общественный порядок… Иногда он и вправду делал это для сохранения равновесия. Но…

— Так ты утверждаешь, что Президент не пошлет отряды?

— Нет. Я лишь говорю, что мы не планируем уходить, пока эти так называемые отряды не обнаружатся. Правду сказать, мы, вероятно, не уйдем даже после того, как они обнаружатся. Я не уверен, что ты улавливаешь ситуацию. Ты же из Массачусетса. Но у нас, Модераторов, были деловые отношения с губернатором Колорадо. Он нам кое-что должен.

— Это интересное утверждение, капрал.

— Мы, кочевники, держимся тех мест, где никто другой не может выжить. Это иногда делает нас довольно полезными. Особенно учитывая, что в Вайоминге был недавно пожар.

— Понятно. — Оскар помолчал. — Почему вы говорите мне об этом?

— Хорошо, сэр, мне очень не нравится волно-

вать человека, когда он чувствует себя плохо… Но, по честному, ты единственный человек, которому я могу это сказать. Мы только что прослушали лекцию из уст твоего так называемого директора. Эта женщина нас вообще не слышит! Она понятия не имеет, как живут другие люди! Мы хотели объяснить ей, что мы держим все в руках и она полностью зависит от нашего милосердия и так далее, но она только следит за моими губами и, как только они перестают шевелиться, начинает напыщенную речь об интеллектуальных свободах, о прогрессе науки и бог знает о чем еще… Она действительно странная. Она странно себя ведет, странно выглядит, прямо ведьма, а не женщина. Тогда мы пробовали поговорить с твоим так называемым шефом полиции… Что это за парень?

— Что вас в нем смущает, капрал?

Бенингбой действительно смутился, но потом ответил прямо:

— Не то чтобы я имею что-нибудь против белых! Я хочу сказать, конечно же, есть приличные законопослушные белые. Но посмотри на статистику! Белые — рекордсмены среди белых воротничков по преступлениям. Или посмотри, кто прибегает к насилию. Белые — наиболее склонная к насилию этническая группа в Америке. Все эти

поджоги, бомбежки, крутые парни с оружием…

Оскар какое-то время обдумывал эти слова. Его всегда оскорбляло, когда его друзья американцы обсуждали выходки «белых людей». Не имелось такой прослойки, как «белые люди». Это был стереотип, подобный «лицу испанской национальности». Во всей остальной части мира перуанец был перуанцем, а бразилец — бразильцем. Только в Америке эти люди юридически стали «лицами испанской национальности». Оскар сам чаще всего проходил как «испанское лицо», хотя его этническое происхождение правильнее было бы называть как «нечеловеческое».

— Вам следует понять моего друга Кевина, — сказал он. — Кевин — необработанный бриллиант.

— Хорошо. Конечно. Я уважаю людей, что стоят за своих друзей, — сказал Бенингбой. — Но, Оскар, они — та причина, по которой мы здесь появились. Потому что ты единственный человек, кто может говорить с нами. Ты единственный, кто понимает, что происходит!

10.

Оскар теперь работал на Президента Соединенных Штатов. Его новое положение было для него чрезвычайно полезно, учитывая, что он имел дело с двумя тысячами наивных ученых под куполом в Восточном Техасе. С практической стороны это, однако, еще более усложнило и без того непростую жизнь Оскара.

Вскоре он обнаружил, что фактически не является официальным советником по национальной безопасности. Стандартная проверка, проведенная командой Белого дома, тут же выявила персональную проблему Оскара. Это была серьезная помеха, поскольку Президент в настоящее время не мог нанять на работу того, кто был, по существу, изготовлен в подпольной латиноамериканской генной лаборатории. Прием на работу даже одного такого сотрудника был бы плохим прецедентом.

Так что хотя Оскар оставил пост в Сенатском комитете по науке, он не получил официальной должности в Совете национальной безопасности, а просто был «неофициальным советником». Он не был должностным лицом, занимающим место

в правительстве, и даже не получал зарплату.

Несмотря на уверения Президента, никакая «отборная» армия США не прибыла в Буну. По всей видимости, президентский указ был издан, но развертывание частей отсрочили на неопределенный срок из-за проблем с бюджетом и нехватки персонала. Эти проблемы — неукомплектация персоналом и бюджет — конечно, имели место, поскольку носили хронический характер, но была и политическая подоплека. Армия США как учреждение становилась очень упрямой, когда речь шла о потенциальных сражениях против американских гражданских лиц. Официально военные не участвовали в перестрелке на реке Сабин. И армия не стремилась ввязываться в политические распри ради того, чтобы осчастливить СНБ.

Чтобы соблюсти приличия, Оскару сказали, что подполковник из СНБ скоро прибудет с первоклассной командой морских летчиков. Но его появление было также отсрочено из-за неожиданных внешнеполитических событий.

Американские поставщики фаст-фуда случайно отравили множество голландских граждан плохо стерилизованным мясом для гамбургеров. В отместку разгневанные голландские фанатики

разгромили несколько ресторанов. Учитывая напряженные голландско-американские отношения, это был серьезный скандал, близкий к объявлению войны. Президент, оказавшись лицом к лицу со своим первым внешнеполитическим кризисом, бушевал, требовал репараций и формальных извинений. При таких обстоятельствах военные беспорядки внутри США были совсем не той темой, которой бы активно занималась администрация.

В Коллаборатории все были разочарованы. Однако Оскар держался. Хотя он был раздражен тем, что не получил официальную должность, но удивления не испытывал. Он не питал иллюзий, что президентский аппарат работает лучше, чем другие аппараты современного американского правительства. Кроме того, его сомнительный статус давал и очевидные преимущества. Несмотря ни на что, Оскар был теперь гораздо более могуществен, чем когда-либо прежде. Он стал закулисным игроком со всеми полномочиями.

Оскар быстро стал своим среди сотрудников Овального кабинета. Он изучил их досье, запомнил нужные имена, изучил, откуда и как идет информация, и сумел утвердиться там с помощью скромных просьб о небольших услугах. Это

были действительно незначительные услуги, но тщательно спланированные — так что тот, кто решил бы их не оказывать, вызвал бы большое недовольство у персонала Белого дома. Таким образом Оскар добивался своего.

Он решил одну местную проблему, убрав из Кол-лаборатория полицейских. Прежняя полиция Коллаборатория была вывезена за границы Техаса в немаркированном грузовом вертолете. Они были переданы федеральному тренировочному центру в Западной Виргинии. Полицейские Коллаборатория не были уволены, но бюджет их крошечного агентства был сведен к нулю, и персонал просто исчез навсегда в лабиринтах федеральных переводов по службе.

Это оставило Коллабораторий без рабочего бюджета для местной полиции. Впрочем, все было в русле текущих событий, поскольку в Коллабораторий теперь вообще не имелось бюджета. Все работали бесплатно, жили за счет бартера и продажи лишнего оборудования из офиса.

Дни, последовавшие вслед за тем, оказались наиболее интенсивными и продуктивными во всей политической карьере Оскара. Ситуация в Лаборатории была невозможной. Требовались гениальные организаторские способности, чтобы

привести все в порядок. Оскар не был гениален от природы. Однако взамен этого он мог работать практически без сна.

Первой серьезной задачей было успокоить гигантскую орду Модераторов. Модераторов следовало убедить не ломать и не разворовывать оборудование Лаборатории. Оскар ловко обошел эту проблему, проинформировав Модераторов, что они теперь являются полными владельцами местного оборудования. Конечно, они могли просто все разрушить, если им хочется, но тогда выйдут из строя все системы жизнеобеспечения, испортится атмосфера и все очаровательные редкие животные умрут. Лаборатория превратится в пустыню под стеклянным колпаком. Однако если они будут поддерживать мир, то станут обладателями генетического рая, где можно жить на открытом воздухе без палаток.

Аргументы Оскара были приняты. Конечно, не обошлось без нескольких уродливых инцидентов, когда пролы похитили и сделали барбекю из особенно вкусных животных. Но ужасное зловоние, шедшее от костра, доказало им, что открытый огонь в пределах купола вреден для каждого. Через несколько дней начали появляться определенные признаки стабилизации.

Был образован новый комитет, задачей которого было формирование условий сосуществования между учеными и пролами. В него входила Грета, главы подразделений, Кевин, сам Оскар и члены команды Оскара, а также великое множество разнообразных гуру, вождей племен и других представителей контингента Бенингбоя. Этому новому управляющему органу надо было дать имя. Он не мог называться забастовочным комитетом, хотя бы потому, что это название уже использовалось. Очень быстро он стал известен как Чрезвычайный комитет.

Оскар сожалел об этом, поскольку ненавидел и презирал все чрезвычайные комитеты, но термин имел одно большое преимущество: его значение никому не нужно было объяснять. Население Америки уже привыкло к разрушению политических институтов, которые заменялись чрезвычайными комитетами. Наличие в Коллаборатории Чрезвычайного комитета легко понимал каждый. Это могло даже интерпретироваться как некий престижный шаг — крошечный Коллаборатория пережил такое же грандиозное крушение, как американский Конгресс.

Оскар отменил использование плакатов, которые ранее применялись как PR-средство.

Забастовка была закончена, и новый режим в Лаборатории требовал нового графического взгляда, свежих идей в средствах массовой информации. После мозгового штурма, проведенного его командой, Оскар остановился на использовании громкоговорителей. Все важные переговоры, которые велись в Чрезвычайном комитете, должны были транслироваться через полдюжину громкоговорителей, расположенных в различных общественных местах в пределах купола.

Это было мудрым решением. У громкоговорителей был необязательный, временный статус, и они вносили дух стихийности. Люди могли мягко подключаться к потоку политической агитации и покидать его. Древняя технология создавала спокойное информационное окружение. Люди могли интересоваться кризисом ровно в той степени, как им хотелось.

Благодаря использованию громкоговорителей персонал Коллаборатория и захватчики-пролы имели равный доступ к информации. В качестве дополнения в разных местах были установлены сделанные со вкусом синие пластмассовые «мыльницы» — для того, чтобы особо глупые или особо сердитые люди могли благополучно высказать свое недовольство. Мало того, что это

был клапан безопасности и полезная проверка реакций, это, по контрасту, придавало самому Чрезвычайному комитету вид солидный и ответственный.

Кампания в средствах массовой информации была особенно полезна для создания имиджа капитана (бывшего генерала, бывшего капрала) Бенингбоя. Вживую или на видео лидер пролов выглядел сумасшедшим. Однако у него был глубокий голос с отеческими интонациями. По громкоговорителям Бенингбой излучал набожную жизнерадостность Санта-Клауса.

Было бы неверным считать, что Модераторы были просто сборищем крутых и отверженных. Дороги Америки могли, к сожалению, похвастать многими отчаянными и отчаявшимися людьми, но Модераторы не были толпой бродяг. Модераторы не были даже «бандой» или «племенем». В принципе Модераторов можно было считать неправительственной сетевой организацией. Они преднамеренно одевались и говорили как дикари, но их структура была ортогональна к обычной американской культуре.

Заправилам потребительского общества никогда не приходило в голову, что потребительство в качестве политической идеологии может в один

прекрасный день привести к более серьезной нестабильности системы, чем даже коммунизм. Но нестабильность росла, а страна разрушалась. Гражданское общество было подорвано безжалостным господством денег. Когда общественная сфера стала полностью приватизированной, американская культура начала задыхаться. Люди не только терпели крах, но и были доведены до сумасшествия рекламой и безжалостно вторгавшимися в их жизнь коммивояжерами. Увеличение агрессивной рекламы заставило многих отказываться от своей индивидуальности.

Перестало быть приятным считать себя американским гражданином. Беспричинно множились банкротства, становясь своего рода коммерческой изменой. Бегство от налогов стало спортом. Многие американские граждане просто отказались так жить. Они собирались, публично жгли лицензии, выбрасывали исполнительные листы и отправлялись в дорогу. Пролы считали себя единственно свободными американцами.

Кочевничество когда-то было опорой человеческого существования, жизненным укладом, на базе которого стали возможны технологические новшества. Ныне кочевничество стало альтернативным образом жизни тех, для кого жить по

старомодным политическим и экономическим стандартам было невозможно.

Так или примерно так считал Оскар. У него, как богатого жителя Новой Англии, не было особых политических причин интересоваться пролами. Они редко голосовали. Но он не имел никакого предубеждения против пролов как социальной группы. Они были не более странны и непонятны, чем ученые. Теперь стало ясно, что пролы — мощный ресурс реальной власти, и, насколько он знал, только один американский политический деятель завербовал и поддерживал пролов. Зеленый Хью.

После умиротворения Модераторов следовало примирить ученых Коллаборатория с их присутствием. Ключевым моментом объяснений Оскара было отсутствие выбора в данном вопросе.

Ученые Коллаборатория всегда имели устойчивую федеральную поддержку, они никогда не требовали никаких дополнительных средств. Теперь не существовало никаких федеральных грантов. Это было плохо, но еще хуже оказалось то, что бухгалтерия лаборатории была разрушена сетевой атакой. Они даже не могли восстановить финансовую отчетность.

Настроение в Лаборатории повысилось, когда

сотрудникам стало известно, что президент знает об их тяжелом положении. Президент даже послал директору Лаборатории подготовленную речь, которая была пересказана Гретой. Однако в этой речи было одно заметное упущение: деньги. Официальное сообщение для печати представляло собой длинный благодарственный гимн президентским талантам по восстановлению общественного порядка. Финансирование Коллаборатория не было проблемой, которую должен решать Президент. За национальные дотации отвечал Конгресс, но, несмотря на огромные усилия, бюджет все еще не был утвержден.

Для Федеральной научной лаборатории это было огромное бедствие, но пролы воспринимали его как самое обычное дело.

Так что — объяснил Оскар Чрезвычайному комитету — это вопрос симбиоза. И симбиоза можно добиться. Смело обрубив связи с обычной политической действительностью, гибридное население Коллаборатория могло свободно плавать в пределах их стеклянного пузыря. У них не было денег, но оставались электрогенераторы, воздух, продовольствие, они были защищены от непогоды. Им были не страшны никакие бури, а так как теперь отсутствовал и федеральный

надзор за их работой, они могли полностью сконцентрироваться на их любимых проектах. Сейчас они имели возможность заниматься подлинной научной работой. Это было огромное достижение, почти Шангри-Ла. Все, что еще им было нужно, — снять внутренние противоречия.

После выступления Оскара наступило длительное молчание. Все члены Чрезвычайного комитета глядели на него в крайнем удивлении. Кворум составили Грета, ее главное доверенное лицо и покровитель Альберт

Гаццанига, сам Оскар, Йош Пеликанос, капитан Бенинг-бой и представитель Модераторов — парень по имени Омбавей Тадди Флэгбой.

— Оскар, ты меня поражаешь, — сказала Грета. — У тебя невероятный талант говорить о невозможных вещах так, что они начинают казаться нормальными и приемлемыми.

— Что здесь кажется невозможным?

— Все! Лаб — федеральное сооружение! Эти Модераторы вторглись сюда силой. Они заняли наше здание. Они здесь незаконно. Мы не можем помогать им и поощрять незаконное вторжение! Как только Президент пришлет отряды, мы будем арестованы. Мы будем уволены.

— Этого не случилось в Луизиане, — сказал

Оскар. — Почему это должно случиться здесь?

Гаццанига ответил:

— Дело в том, что Конгрессу и чрезвычайным комитетам в действительности никогда не нужна была та авиабаза в Луизиане. Они никогда не заботились о ней, поэтому и не приняли необходимых мер.

— Они точно так же не заботятся о вас, — заверил его Оскар. — Верно, что Президент выразил интерес, но послушайте, это было целую неделю назад! Неделя в течение военного кризиса — это вечность! Федеральных отрядов здесь нет. Потому здесь нет военного кризиса, военный кризис для Президента — в Голландии, а не в Восточном Техасе. Он не собирается развертывать отряды внутри страны, когда идет эскалация холодной войны с Голландией. Если бы мы лучше соображали, мы поняли бы, что именно Модераторы наша армия. Они лучше, чем федеральные силы.

— Мы не можем позволить себе предоставлять убежище тысяче неплатежеспособных гостей, — сказал Пеликанос.

— Йош, забудь на минуту о красных чернилах. «Мы не должны позволить себе предоставить им». Это они кое-что предоставляют нам. Они могут кормить и одевать нас, и все, что мы должны

сделать, — разделить с ними наше убежище и дать им политическое прикрытие. Это реальная красота чрезвычайной ситуации, понимаешь? Мы можем продолжать жить так, сколько нам захочется! Это апофеоз забастовки. В течение забастовки мы все отказывались делать что-нибудь, кроме научной работы. Теперь, когда у нас чрезвычайное положение, ученые могут продолжать заниматься наукой, в то время как Модераторы будут исполнять роль благосклонного, сочувствующего гражданского населения. И мы игнорируем все остальное! Все, что раздражало нас в прошлом, ушло. Все бессмысленные коммерческие притязания, и правительственный надзор, и хитроумные подрядчики… Все это больше не имеет для нас никакого значения!

— Но кочевники ничего не понимают в науке, — сказал Гаццанига. — Зачем они будут поддерживать ученых, когда им проще награбить добра и уйти?

— Эй, — сказал Бенингбой. — Я кое-что понимаю в науке, парень! Вернер фон Браун! Отличный пример. Доктор фон Браун был таким же, как и ты, большим уродливым толстяком! Они направили бы его в Дахау так или иначе, если бы он не стал работать на них, так что он

тоже кое-что выиграл, собирая свои «Фау-2».

— О чем, черт возьми, он говорит? — требовательно спросил Гаццанига. — Почему он всегда вот так выражается?

— Вот что такое наука! — сказал Бенингбой. — Наука — это доказательство математических связей между явлением А и явлением В. Разве это так трудно? Ты действительно думаешь, что все это не моего ума дело? Я могу рассказать тебе о вещах, которые выше твоего понимания, сынок, о выживании в тюрьме, например. Ты, как и все прилизанные люди, просто растеряешься в столкновениях с квантовой реальностью, если кто-то возьмет да отберет у тебя твои книжки.

— Нет, ничего не получится, — сказала Грета. — Мы даже говорим на разных языках. У нас нет ничего общего, — трагическим тоном воскликнула она. — Только посмотрите на лэптоп, который он носит! Он сделан из соломы!

— Почему я единственный, кто видит очевидное? — спросил Оскар. — У вас на удивление много общего. Посмотрите на оборудование кочевников — те же автоклавы, установки для каталитического крекинга! Они используют биотехнологию. И компьютерные сети. Они выживают за счет этого!

Лицо Греты окаменело.

— Да, но… Ненаучно.

— Но они живут точно так же, как и вы, — за счет своей репутации. Вы — два наиболее некоммерческих сообщества Америки. И оба сообщества базируются на репутации, уважении и престиже.

Гаццанига нахмурился.

— Это что, социологическая классификация? Социология — это не точная наука.

— Но это правда! Вы, ученые, вы хотите стать Наиболее Часто Цитируемыми и добиться почестей и вознаграждения. В то время как Модераторы, подобно нашему капитану, хотят быть сетевыми гуру. Плюс к этому ни один из вас не имеет ни малейшего понятия о том, как надо одеваться! Кроме того, даже при том, что вы — и те и другие — непосредственно ответственны за катастрофу, которая постигла наше общество, вы невероятно изворотливы в том, чтобы представлять себя в качестве невинных жертв. Вы бесконечно скулите и стонете, что нет никого достаточно крутого или умного, чтобы вас понять. Вы никогда не убираете за собой. Вы никогда не берете на себя ответственность. И именно поэтому люди, которые фактически управляют этой

страной, обращаются с вами, как с детьми!

Они смотрели на него, потрясенные до глубины души.

— Я говорю разумные вещи, — повысил голос Оскар, перекрикивая сердитое гудение. — Я не занимаюсь разглагольствованиями. Я могу посмотреть на вас со стороны, чего вы, запертые в изолированных башнях субкультур, просто не в состоянии сделать. Было бы бесполезно с моей стороны заниматься мягким педалированием. Вы в кризисе, вот в чем суть. Вы — и те и другие — разошлись с остальной частью общества в способах выживания. Вам необходимо преодолеть глупые предубеждения и объединиться в одну мощную коалицию. И как только вы это сделаете, весь мир будет вашим! — Оскар наклонился вперед. Вдохновение сверкало в его глазах, как дневной свет у Платона. — Мы переживем это чрезвычайное положение. Мы можем даже пойти дальше. Мы способны расти!

— Хорошо, — сказала Грета. — Успокойся. Я хочу задать один вопрос. Ведь это кочевники, верно? Что будет, если они в один прекрасный момент решат покинуть нас?

— Ты думаешь, что мы убежим, — прервал ее Бенингбой.

Грета посмотрела на него, раздосадованная, что ее прервали.

— Разве вы не переходите постоянно с места на место? Я думаю, именно это и помогло вам выжить.

— Нет, вы совсем ничего не понимаете! — вскричал Бенингбой. — И вы считаете себя при этом интеллектуалами! Думаете, что можете быть провидцами!

Думаете, что можете дать людям истину и силу, дать знание более высокой реальности! Но кто вы на самом деле? Вы отнюдь не титаны интеллекта. Вы сборище дешевых выродков в смешных одеждах, что когда-то купила вам мамочка. Вы просто толпа попрошаек, что живет по милости правительства. Вы, скулящие тут о том, что грязные идиоты, подобные нам, не могут оценить вас, — хорошо, но что, черт возьми, вы сделали для нас за последнее время? Что вы хотите от жизни, помимо шанса болтаться в своей Лаборатории и смотреть свысока на остальную часть человечества? Вы можете сделать хоть что-то большое, вы, неудачники? Рискните хоть раз в жизни, ради бога. Действуйте, как вы считаете нужным!

— Он действительно сумасшедший, — сказал Гац-цанига, уязвленный и изумленный. — Этот

парень не в ладах с реальной жизнью.

Телефон Флэгбоя зазвонил. Он кратко поговорил, затем передал телефон своему лидеру.

Бенингбой молча выслушал то, что ему сказали.

— Я должен идти, — объявил он резко. — Есть новости. Мальчики захватили пленного.

— Что за пленный? — потребовал ответа Кевин. Как новый полицейский руководитель, Кевин был подозрителен. — Мы уже договорились, что ты не имеешь полномочий кого-то захватывать.

Бенингбой наморщил свой большой мясистый нос.

— Они захватили его в лесу к востоку от города, господин начальник полиции. В нескольких километрах от Коллаборатория, вне твоей юрисдикции.

— Следовательно, он Регулятор, — сказал Оскар. — Он — шпион.

Бенингбой сложил аккуратно свои записи и закрыл лэптоп, потом неохотно кивнул:

— Ага.

— А что вы делаете с захваченными в плен? — спросила Грета.

Бенингбой пожал плечами, у него было мрачное лицо.

— Я думаю, что Комитет должен видеть пленника, — сказал Оскар.

— Оскар прав, — подтвердил Кевин серьезно. — Бенингбой, я не могу позволить, чтобы подозреваемые допрашивались твоими людьми. Давайте допросим его прямо здесь!

— Мы что, Звездная палата? — спросил Гаццанига. Он был ошеломлен. — Мы не можем допрашивать людей!

Кевин насмешливо хмыкнул.

— Хорошо, милый Альберт, ты оправдан! Выйди и купи себе рожок мороженого. Тем временем мы, взрослые, должны побеседовать с этим партизаном.

Грета объявила пятиминутный перерыв. Возбужденные сообщением, услышанным по громкоговорителям, появились другие члены Комитета. Перерыв затянулся на полчаса. Встреча была значительно оживлена импровизированной демонстрацией имущества пленника.

Допрашиваемый Регулятор изображал из себя браконьера. У него был разукрашенный составной лук, который расстроил бы Вильгельма Теля. Стрелы из графита имели самонаводящийся гироскопический прицел и локаторы, GPS. У бойскаута еще были шиповки и альпинистский пояс

— идеальное снаряжение для человека, прячущегося в вершинах деревьев.

Это снаряжение могло бы сойти за обычное для охотника, но у него было и другое: молоток и пакет саботажных шипов для деревьев. Шипы для дерева, с обломанными остриями, были достаточно обычны для радикальных «зеленых», но в его шипах имелись аудиожучки и репитеры для сотовых телефонов. Их можно было вбить глубоко в деревья и оставить там навсегда. И они передавали бы информацию и даже отвечали на обращения по телефону. У них были причудливые маленькие отверстия, через которые они могли подпитывать свои батареи соком деревьев.

Члены комитета с серьезным видом передавали устройства из рук в руки, внимательно их изучая, будто каждый день имели дело с саботажниками. Достав карманный мультитул, Гаццанига вскрыл один из шипов.

— Минуточку, — сказал он. — Эта штука работает на митохондриевых батареях.

— Ни у кого нет митохондриевых батарей, — возразил новый глава отдела Оборудования. — Даже у нас нет митохондриевых батарей, хотя эти проклятые вещи были изобретены здесь.

— Тогда я хочу, чтобы ты объяснил мне, как телефон работает на влажном желе, — сказал Гаццанига. — Знаешь что? Эти шипы, я думаю, похожи на наши мониторы вегетации.

— Это все было изобретено здесь, — сказал Оскар. — Это оборудование Коллаборатория. Только вы никогда не знали, каким образом оно переделывалось для других целей.

Гаццанига положил шип. Затем вытащил вдавленное в него зерно.

— А эта вещица, видишь, как раз то, с чем ассоциируется технология кочевников. Металлолом, очевидно, отечественного производства… Так, и что же это? — Он потряс странной штуковиной около уха. — Гремит.

— Это бомба из мочи, — сообщил Бенингбой.

— Чего?

— Видишь эти отверстия сбоку? Это таймер. Генетически модифицированные зерна. Как только они попадают в горячую воду, семена вспучиваются. Лопается мембрана внутри них, а затем загорается их содержимое.

Оскар исследовал одну из грубых зажигательных бомб. Она была сработана вручную с помощью сверла, молотка и невероятного количества ненависти. Бомба представляла собой

предельно простое зажигательное устройство без движущихся частей, но этого было вполне достаточно, чтобы поджечь здание. Семена генетически спроектированной кукурузы были дешевы и стопроцентно идентичны друг другу. Зерно, подобное этому, было настолько однородно по свойствам, что могло даже использоваться как часы. Это было отвратительное устройство, почти как продукт военной технологии. Как образчик примитивного искусства бомба выглядела впечатляюще. Оскар буквально ощутил кожей искреннее презрение и ненависть, исходящие от нее.

Пленник в наручниках прибыл в сопровождении четырех Модераторов. На нем был длиннополый серо-коричневый камуфляжный костюм. Заляпанные красной глиной шнурованные ботинки. Квадратный нос, большие волосатые уши, густые брови, черные глаза. Это был приземистый и тяжелый человек лет тридцати, с руками, похожими на медвежьи лапы. Небритая челюсть вздулась от удара, на скуле красовался громадный синяк.

— Что с ним случилось? Почему он ранен? — спросила Грета.

— Он упал с велосипеда, — категорично заявил

Бенингбой.

Заключенный молчал. Было очевидно, что он и не собирается говорить. Он стоял посреди зала заседаний, от него пахло лесом и потом, и он буквально излучал презрение. Оскар изучал Регулятора с профессиональным интересом. Этот человек поразительно не вписывался в окружающую обстановку. Он напоминал мощный кипарис, по недоразумению оказавшийся в дебрях лесного болота.

— Ты действительно думаешь, что ты крепкий орешек? — пронзительным голосом спросил Кевин.

Регулятор подчеркнуто не обратил на выкрик никакого внимания.

— Мы заставим тебя заговорить, — прорычал Кевин. — Мы устроили тебе допрос со всякими страшненькими приспособлениями! С электрическими проводочками, спичками и всем прочим.

— Извините меня, сэр, — сказал Оскар вежливо. — Вы говорите по-английски? Parlez-vous francais?

Никакого ответа.

— Мы не собираемся мучить вас, сэр. Мы цивилизованные люди. Мы только хотим, чтобы

вы сообщили, зачем вам понадобилось исследовать окрестности со всем этим оборудованием, с зажигательными устройствами. Если вы сообщите, что вы здесь делали и кто вас послал, мы отпустим вас.

Никакого ответа.

— Сэр, я понимаю, что вы храните верность тем, кто вас направил сюда, но сейчас вы в плену. Вам не следует молчать, оказавшись в таких обстоятельствах. Будет вполне этично, если вы назовете свое имя, номер ID и сетевой адрес. Тогда мы сможем сообщить вашим родственникам, жене, детям, что вы живы и находитесь в безопасности.

Никакого ответа. Оскар терпеливо вздохнул.

— Хорошо, вы не хотите говорить. Я вижу, что я вас утомил. Так что, если вы только покажете, что вы не глухой…

Тяжелые брови Регулятора дернулись. Он посмотрел на Оскара, будто примеряясь, как получше выпустить ему кишки. Наконец он заговорил.

— Хорошие наручные часы, красивые.

— Ладно. — Оскар вздохнул. — Давайте отведем его в здание Раскрутки к приспешникам Хью. Я уверен, им есть о чем поболтать.

Гаццанига был шокирован.

— Как так! Мы не можем отослать этого типа к тем людям! Он очень опасен! Это гнусный кочевник!

Оскар улыбнулся.

— Ну и что? Здесь сотни гнусных кочевников. Забудьте об этом парне. Он нам не нужен. Мы должны серьезно поговорить с нашими собственными кочевниками. Они знают все, что знает он, и даже больше. Плюс наши друзья фактически хотят защитить нас. Мальчики, заберите заключенного.

После этой конфронтации переговоры сразу же переместились на значительно более прочную почву: оборудование и инструменты. Здесь у кочевников и ученых быстро нашлись общие интересы. Их потребность друг в друге была особенно выгодна тем и другим. Бенингбой предоставил трех своих технических экспертов. Грета откомандировала на время ее лучших сотрудников из биотехнологии. Переговоры затянулись до темноты.

Оскар оставил здание, переоделся, чтобы убрать любые подслушивающие устройства, которые цепляются на одежду, затем прошел в один из садов для тайного свидания с капитаном

Бенингбоем.

— Шеф, ты хитер как дьявол, — Бенингбой размышлял вслух, жуя длинную горстку сухих синих лопухов. — Тон встречи полностью изменился, когда привели туда этого жлоба. Интересно, что они сделали бы, если бы он открыл рот и сказал им, что мы поймали его два дня назад.

— О! Но ведь мы оба знали, что Регуляторы никогда не отвечают на допросах, — сказал Оскар. — Я ввел его в игру в надлежащий момент. Нет ничего нечестного в том, чтобы представить нужные факты в пределах надлежащего контекста. В конце концов, ты захватил его, это правда.

Они понизили голоса и прошли на цыпочках мимо дремлющей рыси.

— Видишь ли, призывы к здравому смыслу с учеными не срабатывают. Ученые презирают здравый смысл, они думают, что это иррационально. Чтобы добиться от них чего-то, нужно сильное моральное давление, что-то, чего они не ожидают. Они живут за высоким интеллектуальным забором, который сами же и возвели, — мнение коллег, сложные грамматические конструкции, правильное склонение…

— Я верю тебе, Оскар. Комбинация сработала отлично. Но я так и не понял — почему?

Оскар сделал глубокомысленную паузу. Он наслаждался дружескими беседами с Бенингбоем, который, как выяснилось, был благодарным слушателем. Потрепанный старик, он находился вне закона, много времени провел в тюрьме, но он был также настоящим политическим деятелем регионального масштаба, игроком с горячим южным темпераментом. Оскар чувствовал сильную потребность вкратце объяснить коллеге, что к чему.

— Это сработало, потому что… Хорошо, позволь, я обрисую общую картину. Это действительно большая философская картина. Ты когда-либо задавался вопросом, почему я никогда не пытался напасть на людей Хью, находящихся внутри этой лаборатории? Почему они — все еще держат здание Раскрутки, забаррикадировавшись там? Потому что идет сетевая война. Мы — как группа камней в го. Чтобы выжить в сетевой войне, окруженной группе нужны глаза для наблюдения. Ну ты понимаешь: линии, восприятие, пространство битвы. Мы окружены внутри этого купола, но не полностью, потому что у нас есть меньшая группа врагов под куполом. Я намеренно бросил этого Регулятора к ним, так что теперь у подгруппы есть ее собственный маленький контингент,

состоящий из кочевников, точно так же, как у нас. Видишь ли, люди инстинктивно чувствуют такую симметрию. Это работает на бессознательном уровне. Наличие врагов внутри купола могло бы, казалось, ослабить нас, но факт, что мы допускаем ядро инакомыслия, фактически усиливает нас. Поскольку означает, что мы не склонны к тоталитаризму.

— Да? — сказал Бенингбой скептически.

— Такая вот фрактальная ситуация. Мы находимся под куполом. Зеленый Хью за его стенами полон зловещих планов относительно нас. Но Президент то же самое испытывает по отношению к Хью. Наш новый Президент в своем роде еще более зловещий человек, чем губернатор штата Луизиана. Президент управляет США, нацией, которая вся изранена внутренними переворотами, — это маленький мир, окруженный большим, полным людьми, не испытывающими к нам особо дружеских чувств. Они больше не восторгаются Америкой, и мы не можем доказать им, что мы — их будущее. И затем идет мир… Ну, я думаю, далее уже — мир Греты. Рациональный, эйнштейновско-ньютонианский космос. Космос, объективные наблюдаемые факты. И далее уже за границей научного понимания… все те тем-

ные явления. Метафизика. Воля и идеи. История, возможно.

— Ты действительно веришь во все это барахло?

— Нет, я не верю в это, как в то, что два и два будет четыре. Но для меня это полно смысла, это моя рабочая метафора. Что, разве политические деятели когда-нибудь действительно «знают о чем-то»? История не Лаборатория. Тебе никогда не вступить в одну и ту же реку дважды. Но у некоторых людей есть понимание, что такое политика, а у некоторых — нет. Бенингбой задумчиво кивнул.

— Ты действительно видишь нас как бы со стороны, Оскар?

— Ну, я никогда не был кочевником — по крайней мере, до сих пор. И я никогда не буду ученым. Я могу признать мое невежество, но я не хочу страдать оттого, что чего-то не знаю, я нахожусь у власти, я должен действовать. Знание — только знание. Но управление знаниями — это уже политика.

— Я не о том спрашивал.

— О! — Оскар понял. — Ты спрашивал обо мне.

— Ага.

— Ты имеешь в виду, что я как бы вне челове-

ческой расы?

Бенингбой кивнул.

— Я не мог не заметить этого. Ты всегда был таким?

— Да. По большей части.

— Парень, ты из будущего?

— Нет. Я бы не сказал этого. У меня слишком много кусков выкинули из ДНК.

Оскар понял, что ситуация стабилизировалась, когда вспыхнул сексуальный скандал. Юная солдат-подросток обвинила ученого средних лет в неприличных домогательствах. Инцидент вызвал ужасный шум.

Оскар счел это хорошим знаком. Это означало, что конфликт между двумя популяциями в Коллаборатории вышел на символический психосексуальный, не имеющий политического подтекста уровень. Противостояние разворачивалось теперь по причине глубоко спрятанного недовольства и психического голода, которые не могли быть исцелены и потому в основном принимали неадекватные формы. Но шум был очень полезен, поскольку это означало, что прогресс может быть теперь достигнут на любом другом фронте. Общественная психодрама заняла умы. Реальные проблемы были оставлены людям,

которые были способны делать дело.

Оскар воспользовался возможностью изучить лэптопы Модераторов. Ему подарили один, и он воспринял это как оказанную ему высокую честь. Устройство было упаковано в гибкую зеленую оболочку из пластифицированной соломы. Он весил примерно столько же, сколько пакет поп-корна. И его клавиатура вместо почтенного QWERTYUIOP была плоской, чувствительной и непривычной DHIATENSOR.

Оскар был уверен, что почтенная QWERTYUIOP никогда ничем не будет заменена. Возможно, из-за так называемого «технологического замка». QWERTYUIOP была плохим вариантом клавиатуры — фактически QWERTYUIOP была специально разработана, чтобы препятствовать машинисткам, но усилия, требуемые, чтобы ею овладеть, были настолько велики, что никому не приходило в голову от нее отказаться. Это как с письменным английским, или американской системой мер, или смехотворным дизайном туалетов, — это было ужасно, но стало почти что частью природы. Универсальность QWERTYUIOP закрыла путь к распространению любых альтернативных проектов.

Или так ему всегда казалось. И все же невоз-

можная альтернатива стояла на столе прямо перед ним: DHIATENSOR. Это впечатляло. Это было эффективно. И работало намного лучше, чем QWERTYUIOP.

Пеликанос зашел к нему в гостиничный номер.

— Уже встал?

— Конечно.

— Над чем работаешь?

— Пресс-релиз для Греты. И еще я должен поговорить с Бамбакиасом, я пренебрегал сенатором последнее время. Так что пишу заметки и одновременно учусь печатать. — Оскар сделал паузу. Ему хотелось бы вкратце рассказать Пеликаносу об очаровательных социальных различиях, которые он обнаружил между Модераторами и Регуляторами. На первый взгляд различия между теми и другими потрепанными и грубыми пролами нельзя было обнаружить даже под электронным микроскопом — все их реальные и настоящие поразительные отличия заключались в архитектуре их сетевого софта.

Эпическая борьба разворачивалась на невидимых сетевых полях. Виртуальные племена и общины испробовали буквально тысячи различных конфигураций, обновляя их, обеспечивая,

наблюдая их умирание…

— Оскар, мы должны поговорить серьезно.

— Да. — Оскар отодвинул лэптоп. — Выкладывай.

— Оскар, ты живешь здесь слишком замкнутой жизнью. Ваши заседания в Чрезвычайном комитете и все это время, что ты тратишь, торгуясь с людьми из СНБ, которые не дают тебе покоя целыми днями… Мы оторвались от реальности.

— Ладно. Хорошо.

— Ты был вне Лаборатории в последнее время? В небе толчея почтовых самолетов, которые никому ничего не доставляют. Копы и блокпосты по всему Восточному Техасу.

— Да, мы вызываем сильный интерес у окружающих. Мы пользуемся большой популярностью. Журналисты толкутся здесь в поисках новых сенсаций.

— Я согласен с тобой, это интересно. Но это не имеет никакого отношения к нашим планам. Нынешнее положение ни в каких планах не предусматривалось. Мы, как предполагалось, должны были помочь Бамбакиасу и Сенатскому комитету по науке. Предвыборная команда, предполагалось, здесь отдыхает. Никто не планировал ситуации, когда ты играешь роль закулисной

фигуры при Президенте и одновременно занимаешь федеральное здание с помощью гангстеров.

— Гмм. Ты абсолютно прав, Йош. Это не было запланировано. Но это свершившийся факт.

Пеликанос сел, не зная, куда пристроить руки.

— Знаешь, в чем твоя проблема? Каждый раз, как ты теряешь из виду цель, ты удваиваешь усилия.

— Я никогда не терял из виду цель! Цель состоит в том, чтобы преобразовать американскую науку.

— Оскар, я хорошенько все обдумал. Мне действительно не нравится эта ситуация. С одной стороны, я недолюбливаю Президента. Я член федерально-демократической партии, и я всерьез работал на Бамбакиаса и Блок реформ. Но на этого Президента я работать не хочу, поскольку не согласен с его политикой. Он же коммунист, святые небеса!

— Президент не коммунист. Он барон деревообрабатывающей промышленности, миллиардер, опирающийся также на сеть казино в резервациях.

— Хорошо, но коммунисты входят в его левый традиционный блок. Я не доверяю ему. Мне не нравятся его речи. Мне претит его тактика, когда

он затевает войну с голландцами, чтобы решить свои внутренние дела. Он не наш политик. Он жестокий, трусливый и двуличный человек.

Оскар улыбнулся.

— По крайней мере, он не спит на работе, как это делал предыдущий Президент.

— Лучше Король-Бревно чем Король-Аист, приятель.

— Йош, я знаю, ты не левый, но ты должен согласиться, что левый традиционный блок — намного лучше, чем те сумасшедшие из левого прогрессивного блока.

— Не в этом дело! Бамбакиас доверял тебе, президент же даже не дал тебе реального поста! Он не держит своего слова. Он не помог тебе, когда нам пришлось обратиться к этим Модераторам. Но гангстерская крыша — это бесперспективно.

— Ты не прав.

— Прав. Пролы — даже хуже, чем левые прогрессисты. У них забавный сленг, и забавная одежда, и лэптопы, и биотехнология, все это живописно, но все равно они — мафия! Этот милый старикан, капитан Бе-нингбой… Он нравится тебе, но он совсем не тот, каким ты его себе представляешь. Ты думаешь, что он — очаровательный старый простак, необработанный бриллиант, но это не

так. Он — ультрарадикал и определенно вынашивает собственные планы.

Оскар кивнул.

— Я знаю это.

— И потом Кевин. Ты не уделяешь достаточного внимания Кевину. Ты поставил бандита на место полицейского. Он у тебя вроде карманного Муссолини. Слежка по телефонам, слежка через компьютеры, слежка по видео, все вокруг нашпиговано жучками. Сейчас он набрал команду ищеек из этих кочевых старушек. Это нездоровый подход.

— Но Кевин из Бостона, как и мы, — сказал Оскар. — Интенсивное наблюдение замещает в нем низкие позывы к уличному насилию. Кевин старательно работает, он выполняет все задания. Он действительно хороший работник.

— Оскар, ты немного увлекся. Забудь изящные социальные концепции и всю эту болтовню на публику. Вернись к реальности. Кевин работает здесь потому, что ты платишь ему. Ты платишь всей команде, и эти люди действительно управляют Лабораторией. Никто больше не получает здесь жалованья. Все, что они могут, так это есть то, что им дают пролы, и работать в лабораториях. Я твой бухгалтер и говорю тебе: так больше

продолжаться не может. У тебя нет столько денег, чтобы оплатить революцию.

— Ну, на оплату революции ни у кого денег не хватит.

— Ты несправедлив по отношению к команде. Твоя команда — массачусетские политические работники, а не творцы чудес. Ты не готовил их к роли революционной хунты. Лаборатория не имеет никакой реальной финансовой поддержки. У тебя самого нет жалованья. У тебя нет даже официального поста в правительстве. Коллаборатарий пожирает твой собственный капитал.

— Йош, но деньги всегда можно найти! Что действительно интересно, так это управлять без финансирования! Управление, построенное на престиже. Посмотри, как действуют Модераторы, например. Фактически у них функциональная, основанная на престиже экономика. У них все разработано до мельчайших деталей. Например, они используют австралийскую электронную систему избирательного бюллетеня…

— Оскар, ты хоть когда-нибудь спишь? Ты питаешься нормально? Ты сам хотя бы понимаешь, чем ты тут занимаешься?

— Да, я понимаю. Мы не планировали поначалу то, чем сейчас занимаемся, но это должно быть

сделано. Я ворую одежду у Хью.

— Ты лично враждуешь с губернатором Луизианы.

— Нет. Дело не в этом. Правда заключается в том, что я веду широкомасштабную войну с самым большим политическим провидцем современной Америки. Хью опережает меня на много лет. Он вырастил своих кочевников и теперь добивается их лояльности, строя инфраструктуру. Он поставил дело так, что бездомные бродяги оказались наиболее технически продвинутой группой в его штате. Он стал лидером массового подпольного движения, и он многообещающий деятель, стремящийся сделать научные знания достоянием каждого и каждого превратить в волшебника. Они поклоняются ему, потому что вся структура их сетевой экономики построена на этом. Это — коррупция в фантастическом масштабе, это предприятие настолько не походит на то, что пишут в книжках, что даже не может быть названо коррупцией. Он создал альтернативное общество с альтернативной структурой власти, которая полностью базируется на нем самом, на Зеленом Хью, Болотном Короле. Я работаю здесь быстро и эффективно, но лишь потому, что Хью уже доказал: это работает. Настолько хорошо,

что представляет опасность. Америка в петле, и Зеленый Хью улыбается, создавая тоталитарную нейродиктатуру!

— Оскар, ты понимаешь, как дико это звучит? Ты знаешь, как ужасно ты выглядишь, когда говоришь подобные вещи?

— Я был откровенен с тобой, Йош. Ты знаешь, я всегда был с тобой откровенен.

— Хорошо, ты честен со мной. Но я дальше не могу идти с тобой. Этот путь не для меня. Я не верю в это. Мне жаль.

Оскар посмотрел на него.

— Оскар, это для меня тупик. Мне нужна реальная еда, реальная крыша над головой. Я не могу, зажмурившись, слепо броситься в такую авантюру. У меня на руках жена, о которой я должен заботиться. Но ты, ты во мне больше не нуждаешься. Поскольку я — бухгалтер. В нынешней ситуации у меня нет никакой функции. Никакой роли. Никакой работы. Здесь нечего считать.

— Знаешь что? Мне просто не пришло это в голову. Но подожди, имеются связи, есть определенные перемещения дохода. У нас есть наличные деньги, нам нужно кое-какое оборудование…

— Ты устанавливаешь здесь странный, чужеродный режим. Это не рыночное общество.

Это общество культа. Все основано на людях, смотрящих глубоко в глаза друг другу, а потом выдающих оценки. Это интересно только теоретически, но когда это потерпит неудачу и развалится, то закончится лагерями и чистками, как уже было в Коммунистическую эру. Если ты собираешься идти таким путем, я не могу спасти тебя. Никто не может тебя спасти. И я не хочу быть с тобой, когда этот карточный домик развалится. Поскольку тогда ты сядешь в тюрьму. В лучшем случае.

Оскар слабо улыбнулся.

— Так ты не думаешь, что «врожденные болезни» помогут уйти от наказания?

— Это не шутка! А что будет с твоей командой, Оскар? Как быть с другими? Ты большой человек в предвыборной кампании — у тебя действительно талант. Но это не избирательная кампания. Это даже не забастовка. Это небольшой государственный переворот. Даже если твои люди согласятся остаться с тобой, как ты можешь подвергать их такому риску? Ты не спрашивал их согласия, Оскар!

Оскар выпрямился на стуле.

— Йош, ты прав! Я не могу так поступить со своей командой, это неэтично. Мне надо объяс-

нить им ситуацию. Если они уйдут, это жертва, которую я. должен принять.

— Я получил предложение работать в Бостоне в офисе губернатора, — сказал Пеликанос.

— Губернатор? Вперед! Это тот старый красно-бай из партии «Вперед, Америка»?

— «Вперед, Америка» сейчас поддерживает реформы. Губернатор организует антивоенную коалицию и попросил меня быть казначеем.

— Без шуток? Казначей? Хороший пост для тебя.

— Пацифистское движение имеет большое влияние в Массачусетсе. Оно включает в себя сторонников разных блоков. Кроме того, это то, что нужно. Президент серьезно настроен. Он не блефует. Он действительно хочет войны. Он пошлет военные корабли через Атлантику. Он будет измываться над крошечной страной только ради того, чтобы усилить собственную власть внутри США.

— Ты веришь этому, Йош? Ты действительно так считаешь?

— Оскар, ты и вправду оторвался от жизни. Ты каждую ночь сидишь, копаясь в крошечных различиях между племенами кочевников. Ты знаешь все закулисные интриги внутри этого

стеклянного пузыря. Но ты потерял из виду то, что происходит в действительности. Да, Президент Два Пера вышел на тропу войны! Он требует от конгресса объявления войны! Он собирается ввести военное положение! Он хочет прибрать к рукам военный бюджет. Он разом отменит все чрезвычайные комитеты. И станет настоящим диктатором.

Оскару пришло в голову, что, если бы Президент добился реализации хотя бы половины своих планов, проигрыш в войне с Голландией был бы небольшой платой за успех.

— Йош, я работаю на Президента. Он мой босс, он мой главнокомандующий. Если ты в самом деле так настроен по отношению к Президенту и его планам, то нам нельзя вместе работать.

Пеликанос выглядел несчастным.

— Ладно, именно поэтому я и пришел.

— Я рад. Ты мой лучший и самый старый друг, мое доверенное лицо. Но личные симпатии не помогут преодолеть политические разногласия такого масштаба. Если ты говоришь правду, то наши дорожки расходятся. Ты возвращаешься в Бостон и идешь работать казначеем.

— Мне крайне неприятно, Оскар. Я знаю, что ты нуждаешься во мне, необходимо внимание и

твоему собственному благосостоянию. Ты должен следить за инвестициями. На рынке предвидятся бурные колебания.

— Как всегда. Я смогу управиться с бурей. Я только сожалею о том, что мы расстаемся. Ты был со мной на каждом этапе пути.

— До настоящего времени и не дальше, приятель.

— Возможно, если они, в Бостоне, выставят против меня обвинения, ты сможешь замолвить за меня словечко перед твоим другом губернатором.

— Я буду писать, — сказал Йош, вытирая слезы. — Пойду приберусь на столе.

Оскара сильно взволновал уход Пеликаноса. Учитывая все обстоятельства, этого нельзя было избежать. Грустная необходимость, подобная его собственному вынужденному уходу из лагеря Бамбакиаса, когда он перешел в президентский СНБ. Нельзя вести двойную игру. Можно танцевать на двух табуретах сразу, но стоящий на семи или восьми обречен упасть.

Оскар давно уже не говорил с Бамбакиасом. Популярность безумного сенатора была выше, чем когда-либо. Он восстановил свой первоначальный вес, возможно, даже увеличил. Тренеры его

команды вывозили его на публику, они рискнули даже привезти его раз в Сенат. Но огонь живого ума в нем погас. Теперь его жизнь поддерживалась газетными вырезками и телесуфлерами.

Используя недавно установленный спутниковый телефон СНБ, Оскар связался по видеотелефону с Вашингтоном. У Бамбакиаса был новый секретарь, женщина, которую Оскар никогда прежде не видел. Оскар сумел получить полчаса разговора. Когда запрос наконец прошел, он увидел стоящую перед ним Лорену Бамбакиас.

Лорена выглядела хорошо. Лорена, как всегда, была Лореной, она никогда не выглядела посредственно. Но сегодня она казалась хрупкой и усталой. Лорена страдала.

Его сердце сжалось при виде ее. Он был удивлен, поняв, что искренне соскучился. Он всегда ходил вокруг Лорены на цыпочках, сознавая, что она опасная женщина, но он забыл, как был привязан к ней, как много она значила для него в той старой жизни. Дорогая старая Лорена: богатая, искушенная, аморальная и утонченная. На самом деле это был его тип женщины: типичная богачка, классическая девочка, выросшая на всем готовом, женщина, которая была действительно верным другом и напарницей. Видеть погружен-

ную в горе Лорену причиняло острую боль. Она была подобна красивым ножницам, которыми почему-то решили стричь колючую проволоку.

— Очень мило с твоей стороны позвонить, Оскар, — сказала она. — Твоих звонков нам всегда не хватает.

— Это приятно. Как дела? Расскажите мне, что там происходит.

— О, помаленьку. День за днем. Доктора сказали, что виден большой прогресс.

— Действительно?

— О, удивительно, что могут совершить в американской системе здравоохранения миллионы долларов. Мы прошли все виды странных нейропроцедур. Он повеселел.

— Понятно.

— Он очень весел. Он устойчив. Он доволен.

— Лорена, я когда-либо говорил, как я бесконечно вам сочувствую?

Она улыбнулась.

— Добрый старый Оскар. Знаешь, я уже привыкла. Я справлюсь с этим. Я не представляла себе, что это возможно. Может быть, это и невозможно, но это выполнимо. Ты знаешь, что действительно меня раздражает? Нет, не все эти выражения симпатии, или освещение в печати,

или клубы болельщиков, или что-то подобное… Нет, меня бесят злые дураки, которые полагают, что умственная болезнь — очаровательная, романтичная вещь. Они думают, что сойти с ума — некоторое духовное приключение. Ничего подобного. Это ужасно! Это банально! Я имею дело с тем, кто стал банальным! Мой дорогой муж — наименее банальный человек из всех, кого я когда-либо встречала. Разносторонний, полный воображения, энергичный, умный, обаятельный. А теперь он похож на большого ребенка, не очень умного ребенка, которого можно обмануть и которым можно управлять, но которого невозможно в чем-то убедить.

— Вы смелая женщина. Я восхищаюсь вами! Лорена заплакала. Она утирала глаза наманикюрен-ными пальчиками.

— Вот теперь я плачу, но… Ну, ты не возражаешь против этого? Ты один из тех, кто знал нас раньше.

— Я не возражаю.

Через некоторое время Лорена подняла голову и взглянула на него. Ее хрупкое лицо осветилось.

— Ладно, но ты еще не рассказал мне, как дела у тебя.

— У меня, Лорена? Лучше не бывает! Масса

удивительных вещей. Невероятные события, все совершенно замечательно.

— Ты сильно похудел, — сказала она. — Ты выглядишь утомленным.

— У меня теперь много возни с аллергией. Мне хорошо, пока вокруг много воздушных фильтров.

— Как тебе работается с Президентом? Должно быть, в СНБ очень интересно, когда почти началась война.

Оскар открыл рот. Это было верно, война почти началась. Он работал в Совете национальной безопасности и, несмотря на его неопределенный статус, несмотря на то, что его не интересовала внешняя политика, он много знал о наступающей войне. Он знал, что Президент планирует отправить флотилию линейных кораблей через Атлантику без воздушного прикрытия. Он знал, что Президент решительно настроен и война начнется независимо от того, поддержит его Конгресс или нет. Он знал, что для самонаводящихся дешевых ракет и бесконечного множества автоматических самолетов ржавые корыта, составляющие американский флот, — такая же удобная мишень, как утки на воде.

Он также знал, что может потерять работу или

даже быть обвиненным в шпионаже, если расскажет это жене сенатора.

— Я только советник по науке, — выговорил он наконец. — Сенатор должен знать намного больше об этом, чем я.

— Ты хочешь поговорить с ним?

— Было бы замечательно.

Лорена исчезла из кадра. Оскар открыл лэптоп, быстро сверился с экраном и закрыл его снова.

В кадре появился сенатор. На нем была пижама и длинный синий бархатный халат. Лицо выглядело опухшим, гладким и странно бесформенным, как будто он потерял власть над лицевыми мускулами.

— Оскар! — Бамбакиас быстро приподнялся. — Добрый старый Оскар! Я думаю о тебе каждый день.

— Это приятно слышать.

— Ты добился изумительных вещей там, в этой научной лаборатории. Изумительные вещи. Мне действительно жаль, что я не могу помочь тебе. Возможно, мы могли бы прилететь завтра! Это было бы хорошо — мы получим результаты.

Голос Лорены зазвучал из-за кадра.

— Завтра слушания, Элкотт.

— Слушания, все время слушания. Ладно. Одна-

ко я поддерживаю! Я поддерживаю вас. Я знаю, что происходит, я действительно знаю! Ты добился огромного успеха. У вас нет бюджетного финансирования. Ничего вообще. Дать рабочие места безработным! Гениальный ход! То, о чем ты всегда говорил, Оскар: стоит подтолкнуть политическое противоречие, как оно вылезет с другой стороны. Тогда ты можешь утереть им носы. Хорошая, хорошая тактика.

Оскар был тронут. Сенатор был в состоянии умопомешательства, но когда он кипел энергией, это было легче сносить — тогда в нем, как в старом домашнем зеркале, отражалось прежнее обаяние.

— Вы много сделали для нас. Мы построили гостиницу по вашим планам. Местные жители были очень увлечены этим.

— О, это ничего не значит.

— Нет, серьезно, ваш проект вызвал множество благоприятных отзывов.

— Нет, я думаю, это ерунда. Ты бы видел планы, которые я составлял, когда учился в колледже. Гигантские интеллектуальные марсианские конструкции. Огромные реактивные структуры, сделанные из мембран и перекладин. Их можно было транспортировать на цеппелинах и опус-

кать голодающим в пустыне. Я спроектировал их для конкурса ООН на лучший проект помощи при стихийных бедствиях. Когда США были еще в ООН.

Оскар вопрошающе посмотрел на него.

— Помощь при стихийных бедствиях?

— Они никогда не были построены. Слишком сложно и высокотехнологично для отсталых стран третьего мира, так они сказали. Бюрократы! Я отсидел задницу на том проекте. — Бамбакиас рассмеялся. — Денег для проекта помощи при стихийных бедствиях не было. И никакого спроса. Эту концепцию я позже использовал для небольшого количества стульев. Стулья тоже не пошли. Ничего из этой серии не оценили.

— Сенатор, у нас есть один из тех стульев в офисе директора, здесь, в Лаборатории. Это вызывает у многих благоприятную реакцию. Интересно, а у вас сохранились те планы где-нибудь в архиве, а, Элкотт? Я хотел бы посмотреть их.

— Посмотреть? Черт, да ты можешь их забрать! Это наименьшее, что я могу сделать для тебя.

— Я надеюсь, что вы сделаете это для меня, сенатор. Я серьезно.

— Конечно, забери их! Бери что хочешь! Это будет как бы распродажа моих интеллектуальных

трудов. Знаешь, если мы вторгнемся в Европу, Оскар, это, вероятно, война.

Оскар понизил голос и сказал успокаивающим тоном:

— Я не думаю, Эл.

— Они смеют насмехаться над великими старыми США, эти мелкие голландские ничтожества со своими деревянными башмаками да тюльпанами! Мы — сверхдержава! Мы можем превратить их в пыль.

Лорена вступила в разговор.

— Думаю, пора принять лекарства.

— Я должен знать, что Оскар думает о войне! Я — за! Я — ястреб! Эти красно-зеленые европейцы помыкали нами достаточно долго. Ты так не думаешь, Оскар?

Появилась медсестра.

— Сообщи Президенту мое мнение! — крикнул сенатор, пока медсестра увозила его. — Сообщи Двум Перьям, что я полностью за него.

Лорена вновь появилась в кадре. Она выглядела мрачной и больной.

— У вас теперь много новых служащих.

— А, да. — Она всмотрелась в камеру. — Я никогда не возвращалась с тобой к обсуждению ситуации с Мойрой, не так ли?

— Мойра? Я думал, что мы давным-давно уладили ту проблему, упаковали и засыпали нафталиновыми шариками.

— О, Мойра после того инцидента и тюрьмы вела себя безукоризненно. До тех пор пока не появился Хью. Теперь Мойра работает на него в Батон Руж.

— О нет!

— Это плохо сказалось на нашей команде. Им и так немало пришлось перенести в связи с болезнью сенатора, и когда Хью заполучил нашего прежнего пресс-секретаря… Ну, полагаю, ты можешь вообразить, что последовало.

— Вы потеряли много людей?

— Ладно, мы просто наняли новых, вот и все. — Она посмотрела на него. — Возможно, когда-нибудь ты сможешь вернуться к нам.

— Это было бы хорошо. Кампания переизбрания, возможно.

— Это было бы реальное дело… Ты был так добр с ним. Ты всегда был добр с ним. Что за глупости с его старыми архитектурными проектами? Но он так был тронут, он просветлел.

— Я не пытался повысить ему настроение, Лорена. Мне правда нужны планы зданий. Я хотел бы, чтобы вы удостоверились, что их послали

мне. Думаю, они мне понадобятся.

— Оскар, чем ты в действительности там занимаешься? Я не думаю, что это в интересах федеральных демократов. Совсем не то, что мы планировали.

— Это верно, конечно же, это совсем не то, что мы имели в виду.

— Это все Пеннингер, эта женщина, не так ли? Она тебе не подходит, не твой тип. Ты знаешь, что Мойре известно все о вас с Гретой Пеннингер? Хью тоже.

— Я знаю. И принимаю меры. Хотя это мешает работе.

— Ты выглядишь бледным. Ты должен был остаться с Кларой Эмерсон. Она хоть и из белых, но приятная девочка и подходила тебе. Ты всегда выглядел счастливым, когда был с нею.

— Клара в Голландии.

— Клара возвращается. Война и все такое.

— Лорена… — Он вздохнул. — Вы общались с большим количеством журналистов. И я тоже. Я имел обыкновение спать с Кларой, но Клара журналист, и этим все сказано. Она обеспечила вам хорошую прессу, но это не означает, что она подходит мне. Не надо посылать Клару сюда. Пошлите мне старые архитектурные проекты

Элкотта, те, что он сделал в студенческие годы и которые никогда не приносили ему денег. Я, может быть, их использую. Не посылайте Клару.

— Мне больно видеть, Оскар, как рушатся твои честолюбивые мечты. Я знаю, что это такое, и это хуже, чем ты можешь себе представить. Это ужасно. Я только хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я не могу сейчас позволить себе быть счастливым.

Внезапно она рассмеялась.

— Хорошо. С тобой все в порядке. Со мной тоже. Мы переживем все это. Когда-нибудь нам будет совсем хорошо. Я все еще верю в это. Не раздражайся слишком. Хорошо?

— Хорошо.

Она повесила трубку. Оскар встал и потянулся. Лорена только что насмешничала над ним по поводу Клары. Она дразнила его. Ему удалось на какой-то момент отвлечь ее, вывести из удрученного состояния. Лорена все еще игрок, она всегда воображала, что он в ее команде и она присматривает за ним. Он сумел устроить ей это небольшое развлечение. Это была хорошая идея позвонить им. Он оказал любезность старым друзьям.

Оскар начал ликвидацию своего капитала. Без Пеликаноса, который управлял его счетами и

инвестициями, ему было сложно с ними справиться. Подсознательно он понимал, что деньги теперь для него обуза. Он поощрял тысячи людей отказаться от обычной экономики и перейти на глубоко чуждый им стиль жизни, в то время как сам был защищен своим капиталом. Хью уже высказал на публике несколько колючих комментариев по этому поводу. Тот факт, что Хью сам был мультимиллионером, ничуть не препятствовал его саркастическим выпадам.

Кроме того, Оскар не собирался просто выбросить деньги. Он хотел отдать их на развитие науки.

Отставка и отъезд Пеликаноса произвели глубокое впечатление на его команду. Как мажордом Пеликанос был опорой для других сотрудников, когда сам Оскар становился излишне энергичен.

Оскар собрал своих людей в отеле, чтобы объяснить им ситуацию. Попутно он сообщил, что удваивает жалованье. Команда должна рассматривать это как плату за риск. Они вступали на неизвестную территорию, шли необычным путем. Но если они победят, это будет самый великий политический успех, который они когда-либо видели. Он закончил свое выступление на бодрой ноте.

Отставки последовали немедленно. Они брали выходное пособие и уходили. Уехала Одри Авиценне. Она была слишком скептичным и циничным исследователем оппозиции, чтобы остаться с ним при таких сомнительных обстоятельствах. Уволился Боб Аргов. Он был системным администратором и сформулировал свое недовольство просто — при наличии Кевина Гамильтона и орд Модераторов, которые с пеленок занимались программированием, его присутствие здесь излишне. Покинула его и Ниджи Истабрук, поскольку не было смысла готовить для такой маленькой команды, и, кроме того, теперь основной едой была кухня пролов. Ребекка Патаки также уехала. Она чувствовала себя здесь чужой и скучала по дому в Бостоне.

С Оскаром остались лишь четверо из прежней команды. Фред Диллан, уборщик. Живчик Шоки, администратор и новый мажордом. Секретарь и планировщик Лана Рамачандран. Наконец, имидж-консультант Донна Нуньес, которая объявила, что в новых обстоятельствах создание имиджа для Коллаборатория становится интересным с профессиональной точки зрения. Очень хорошо, мрачно думал Оскар, у него осталось четверо людей, ему надо попросту начинать все

сначала. Кроме того, был Кевин. И было множество полезных людей в пределах Коллаборатория. И он работал для Президента.

Можно попросить помощи в СНБ.

Двумя днями позже прибыла помощь от Совета национальной безопасности. Личная армия Президента наконец прислала военное подкрепление. Военная помощь прибыла в виде молодого подполковника ВВС из. Колорадо. Это был тот самый человек, который сидел на телефоне, когда похитили Оскара, и с которым общался Кевин. Именно он послал вооруженный отряд на помощь Оскару.

Подполковник был прилизанным человеком с прямой фигурой и серо-стальным взглядом. Он носил полную униформу с алым беретом. Он привел с собой три машины. В первой находился пехотный эскадрон быстрого развертывания, солдаты которого тащили обмундирование такого большого веса, что, казалось, едва были способны передвигаться. Во втором и третьем грузовиках ехала пресса, призванная освещать успехи подполковника.

Подполковник совершил круг почета вокруг здания Коллаборатория, якобы проверяя безопасность, но главным образом, чтобы показать себя

охваченным страхом местным жителям. Оскар представил его местным экспертам безопасности: Кевину и капитану Бенингбою.

Во время брифинга Кевин больше молчал и казался обеспокоенным. Бенингбой был более словоохотлив. Капитан Модераторов пустился в подробное перечисление деталей сложного положения Коллаборатория. Буна была расположена всего в двадцати километрах от границы с Луизианой. Глухие болота долины реки Сабин занимали толпы мстительных Регуляторов. Хотя о вертолетной атаке на Регуляторов в официальных новостях не появилось ни слова, это не уменьшило их ярости.

Угроза Буне была реальной. Наблюдатели Регуляторов следили за Лабораторией круглосуточно. Хью поделился с ними своими планами захвата. Он хотел превратить Коллаборатория в разрушенное бесхозное сооружение. Регуляторы были более чем готовы помочь

Хью. Они считали смертельным оскорблением, что Коллаборатория оказал гостеприимство Модераторам.

Этот брифинг привел подполковника в восторг. Испытывая отвращение к бумажной работе и обеспокоенный неприятным замалчиванием его

великолепного нападения, он откровенно рвался в бой. Подполковник прибыл полностью готовым к рейду. Его добровольцы тащили целый арсенал профессионального снаряжения: бронежилеты, снайперские винтовки, поглотители человеческого запаха, защищающие от мин подошвы для ботинок, ночные шлемы видеонаблюдения и даже ультрасовременные замороженные самонагревающиеся консервы.

Подполковник, опросив местных жителей, объявил, что настало время для разведывательного рейда. Команде пресс-службы отводилась роль наблюдателей, кроме того, их вертолеты служили бы для связи и в качестве импровизированного воздушного резерва.

Оскар имел некоторое представление о подполковнике благодаря связям в СНБ, но при личном общении с ним быстро осознал, что он представляет очевидную и реальную опасность как для себя самого, так и для любого человека в пределах, куда может долететь пуля. Подполковник был молод, рьян и глух к уговорам. Он был пережитком пропитанных кровью глубин двадцатого столетия.

Оскар, однако же, предпринял попытку.

— Сэр, тот затопленный лес в долине реки Са-

бин более суровое место, чем вы предполагаете. Это не просто болота, это район, пострадавший от стихийного бедствия. Был ряд серьезных наводнений, из-за чего река Сабин и многие местные сельхозугодья превратились в дикую местность. Это не первозданный лес, а ядовитая пустыня. Он не имеет никакой экономической ценности, так как там растут не обычные, нормальные деревья, а только ядовитые сорняки и гигантские кустарники. Было бы ошибкой недооценивать Регуляторов, когда они находятся на их родной земле. Креольские кочевники — это не только охотники, жители болот и рыбаки, они еще и большие специалисты по подслушиванию.

Все было бесполезно. Подполковник и его люди, впечатлительные военные корреспонденты отбыли следующим утром. Никого из них больше никто никогда не видел.

Три дня спустя капитан Бенингбой объявил о своем отъезде. Он успешно восстановил репутацию, стал опять генералом Бенингбоем и выбрал этот момент, чтобы покинуть Коллабораторий.

Кевин организовал в честь генерала прощальную вечеринку в отделении полиции. Грета и Оскар при полном параде впервые появились на людях вместе. Их похитили вдвоем и вдвоем

спасли, так что их появление рука об руку имело очевидный смысл. Кроме того, это нужно было для укрепления боевого духа.

Грустно, но факт: Грета и Оскар мало о чем могли поговорить друг с другом на прощальном вечере у Бе-нингбоя. Они были оба безнадежно заняты неотложными проблемами управления. Кроме того, Кевин доставил на банкет массу настоящих продуктов. После многих дней, проведенных на биотехнологической пище кочевников, ученые и пролы набросились на еду, как голодные волки.

Оскару было больно, что Бенингбой уходит. Бенингбой крепко выпил. Он отвел Оскара в сторону и откровенно объяснил, почему уходит. Дело было в социальной структуре Сети.

— У нас все было устроено примерно так, как у Регуляторов, — откровенничал Бенингбой. — Мы продвигали лучших и отсеивали остальных. Но они покончили с иерархией: бог солнца, знать, уважаемые — наверху, а внизу, в самом основании, паршивые новички. Мы, Модераторы, используем систему голосования. Так что у нас есть возможность для продвижения — люди наращивают репутации, теряют, а потом зарабатывают снова. Помимо того, — и это глав-

ное, — наша технология предотвращает угрозу устранения вождей. Видишь ли, федералы всегда в конце концов ищут «преступных главарей». Они всегда хотят найти «главного парня в системе», так называемое тайное руководство.

— Я буду действительно скучать по нашим с вами брифингам, — сказал Оскар. Он впервые за долгое время появился публично при полных регалиях: в коротких гетрах, поясе и соответствующей шляпе. Он чувствовал себя за миллион миль от Бенингбоя, как будто получал сигналы с отдаленной планеты.

— Слушай, Оскар, после тридцати лет американской имперской информационной войны каждый в этом проклятом мире разбирается в заговорах и ведет подрывную политическую деятельность. Все мы знаем, как это делается, все мы знаем, как разрушить доминирующую парадигму. Мы — гении оказывать давление и разрушать наши институты. Мы не оставили в целости ни единого работающего учреждения. — Бенингбой остановился. — Я слишком радикально высказываюсь, да? Тебя это не пугает?

— Да нет, ты прав.

— Хорошо, именно поэтому я сажусь в тюрьму. У нас, Модераторов, есть свой человек в государ-

ственном суде в Новой Мексике. Он поможет составить какое-нибудь совершенно нелепое обвинение. Так что я проведу два или три года в безопасности. Я думаю, что, если они смогут спрятать меня в хорошую и безопасную тюрьму, я спокойно переживу то, что вы здесь сделали.

— Вы не говорили про тюрьму, Бенингбой.

— Ты должен попробовать это, amigo. Так живет невидимое американское население. В тюрьмах есть все, что тебе надо. Там масса свободного времени. Странная экономика, основанная на наркотиках и самодельных татуировках. Там хватает времени, чтобы подумать о своих старых ошибках. — Взгляд Бенингбоя стал отрешенным, будто он отдалялся от Оскара, уплывал вдаль на украшенной цветами палубе корабля валькирий в неведомый Авалон. — Кроме того, у некоторых из этих ублюдков плохие зубы. Я снова могу попрактиковаться в лечении зубов. Я тебе говорил, что работал дантистом? Это было до изобретения противокариесной вакцины, которая и уничтожила мою профессию.

Оскар забыл, что Бенингбой был дантистом и имел медицинскую степень. Оскара это встревожило. Уничтожение благородной профессии дантиста — свидетельство социальной ущерб-

ности Америки. Его обеспокоило, что он забыл такую важную вещь про нужного ему человека. Он что, уже стареет в свои двадцать девять? Теряет хватку? Взял на себя слишком много?

— Я ни о чем не сожалею, — сказал Бенингбой, опрокидывая в рот бокал с коктейлем. Я доставил своим людям большие неприятности. Все, что мы сделали, не моя идея, это твоя проклятая идея, — но они-то в этом неповинны. Если ты меняешь жизнь сотен людей, то должен заплатить жестокую цену. Это, ты знаешь, удерживает от подобных попыток. Так что я поступаю благородно. Мои люди понимают, почему я так делаю.

— Вопрос чести? Уплата долгов.

— Правильно. Я нес на себе этот груз, а теперь ухожу в сторону. По крайней мере, мне не грозит судьба Зеленого Хью.

— Что вы имеете в виду?

— Хью не может пойти на попятную, сынок. Он не может снять с себя крест и терновый венец. Он не может отступить и где-то отсидеться. Он объявил себя суперспасителем кротких и обездоленных, а в Америке пристреливают тех, кто выкидывает такие трюки. Так в этой стране заведено. Хью забрался на милю ввысь, но он сделан из мяса. Кто-нибудь убьет Хью. Одинокий

снайпер, засада духов… — Он внезапно бросил на Оскара мутный взгляд. — Я только надеюсь, что он не будет застрелен кем-то из тех, кого я лично знаю.

— Будет очень прискорбно, если губернатору будет причинен вред.

— Да, правда. Оскар откашлялся.

— После вашего отъезда кто остается у вас за главного?

— Ты. Ты же здесь всем командуешь. Или ты еще этого не осознал? Проснись, сынок!

— Слушайте, я не издаю приказы. Я только говорю с заинтересованными сторонами.

Бенингбой фыркнул.

— Хорошо, позволь мне иначе сформулировать вопрос. К кому мне обращаться, когда я должен поговорить с Модераторами?

— Хорошо. — Бенингбой пожал плечами. — Я представлю тебя моему помазанному преемнику.

Бенингбой повел его внутрь отделения полиции. Из-за запертой двери офиса руководителей слышались громкие стоны. Бенингбой открыл дверь. На столе, раскинув голые ноги, лежал Кевин. Две женщины из кочевников делали ему массаж ног. Он был очень пьян, его шляпа нелепо

сползла на затылок.

— Хорошо, леди, — булькнул Кевин. — Достаточно. Спасибо. Правда…

— Твоя плюсна действительно хрустит, — сказала одна из массажисток с достоинством.

— Мы можем отлучиться на час? — спросила вторая.

— О, идите! — Кевин по-царски махнул рукой.

— Вот мой преемник, — сообщил Бенингбой. — Наш новый глава безопасности капитан Скаббли Би.

— Очень приятно, — сказал Оскар. — Отличная новость. Невероятно. Настолько замечательно, я даже не знаю, что и сказать.

Кевин свесил намазанные маслом ноги со стола.

— Я завербовался, парень. Я подписался, теперь я — Модератор.

— Понял, — сказал Оскар. — Новый псевдоним и все прочее. Скаббли Би, я прав? Что это означает? Не Стаббли?

— Нет, Скаббли. Скаббли Би. — Кевин показал на кучку, выползшую из шреддера. — Я только что разрезал на мелкие кусочки мой официальный ID. Я даже не могу передать словами, насколько лучше я сразу себя почувствовал. Это

лучшая партия, которая когда-либо у меня была.

— Что означает Скаббли Би? Это, должно быть, что-то важное, раз звучит так глупо.

Кевин усмехнулся.

— Это для меня — чтобы знать, а для тебя — чтобы выяснить, чурбан.

Бенингбой потряс руку Кевина.

— Я скоро вернусь, — сказал он. — А ты прочисти нос, капитан. Чтобы я в последний раз видел тебя таким пьяным.

— Я не пьян, — соврал Кевин. — Это опьяняющий эндорфин, которым смазывали ноги.

Бенингбой оставил офис, похлопав кочевниц по плечу. Оскар сел.

— Надеюсь, ты не аннулировал свою регистрацию как избирателя.

— Как будто отсутствующий в Бостоне голос чем-то нам поможет.

— Он действительно поставил тебя во главе его людей, находящихся внутри здания?

Кевин зевнул.

— Знаешь, после вечеринки я собирался серьезно поговорить с тобой. Ты пока можешь поесть или выпить. В конце концов, ты оплатил этот банкет.

— Я не собираюсь отнимать у тебя много дра-

гоценного времени, капитан Скаббли Би. Только дружеская беседа.

— Ну, если мы останемся друзьями, называй меня просто Скаббли. — Кевин натянул носки на покрасневшие, сильно пахнущие мазью ноги и театрально передернул плечами.

— Ты хочешь знать, почему он так поступил? Тебе хочется узнать это немедленно. Хорошо. Почему он поставил меня? Он удирает с горячего стула, а меня сажает на свое место, вот почему. Видишь ли, он полагает, что Регуляторы собираются пересечь границу и напасть на нас. Ну, потому что он сам это спланировал. Регуляторы разгромят Коллабораторий, а потом получат по голове от федералов.

— Какая-то слишком уж искусственная комбинация, тебе не кажется?

— Но именно поэтому он сюда пришел. Он ведь появился здесь не оттого, что хотел помочь твоим любимым ученым. Ты слишком прям, ты не понимаешь приоритетов этих парней. Они разочаровались в вас тыщу лет назад. Они не ждут от американского правительства соблюдения законов или справедливости. Они даже не ждут, что правительство когда-нибудь будет нормальным. Вся федеральная система управления давно

отделилась от них и уплыла куда-то. Они думают о правительстве как о плохой погоде.

— Ты не прав, Кевин, я понимаю это.

— Когда они хотят принять меры, они совершают действия, которые имеют для них значение. Другие пролы, вот кто имеет значение. Они — племена, блуждающие по огромной враждебной пустыне из ваших законов и денег. Но Модераторы ненавидят Регуляторов. Регуляторы сейчас в силе. У них поддержка губернатора — он их тайный Великий Дракон. Они разграбили базу ВВС. Модераторы… Все, что они имеют, — несколько дюжин заброшенных городов и национальных парков.

Оскар поощрительно кивнул.

— Тогда пришел ты. Внезапно появился шанс, чтобы занять здешнее место. Эта Федеральная научная лаборатория намного лучше, чем база ВВС. У нее престиж! Захват Лаборатории — сильнейший удар по Регуляторам, потому что их главный человек, Хью, построил ее и думает, что у него есть на нее право. Он сходит с ума из-за зеленого генетического супа и сверхъестественного научного дерьма. Именно поэтому Бенингбой и помог тебе. Именно поэтому он теперь уезжает. Он устроил западню для другой стороны, и, по его

мнению, мы — только отравленная приманка.

— Откуда ты все это можешь знать?

Кевин открыл ящик стола. Он отодвинул большой револьвер и бутылку виски. Отпил из бутылки и вытащил сигарную коробку.

— Я слышал, что он говорил. Посмотри, что здесь. Кевин приоткрыл коробку — она была заполнена разнообразнейшими жучками, звуковыми прослушка-ми с аккуратными рукописными ярлыками.

— Ты знаешь, как трудно полностью проверить здание? Это технически невозможно. Нет способов обнаружить жучки с помощью мониторов, это все дерьмо! Приличный жучок в принципе не может быть обнаружен иначе как вручную. Поэтому я взял большую часть бригады Модераторов и мы пробежались по всем мыслимым поверхностям гребнем с частыми зубцами. Эти жучки как социальная болезнь. Я нашел подслушивающие устройства, которые пролежали четырнадцать-пятнадцать лет. У меня теперь целая коллекция! Только взгляни!

— Очень внушительно.

Кевин щелкнул крышкой сигарной коробки и с торжеством показал содержимое.

— Ты знаешь, что это? Это зло. Это зло, которое

имеет к нам непосредственное отношение. Мы потеряли всякое приличие как люди и как нация, Оскар. Мы слишком далеко зашли со своей технологией, мы потеряли чувство собственного достоинства. Поскольку это средства информации. Это шпионские средства информации. Но мы используем их, потому что хотим быть информированными.

Оскар ничего не сказал. Он никогда не останавливал Кевина, когда тот хотел исповедаться.

— Так что я избавился от всех жучков. И установил свои собственные. Потому что я — хакер, который стал суперпользователем. Я не просто взломал компьютеры. Я взломал всю окружающую среду. Я могу получить доступ ко всему, что происходит здесь, в любое время. Я — полицейский.

— Кевин, ты не собираешься уйти от меня?

— Уйти от тебя? Парень, да я был рожден для этого. Сбылись все мои желания. Но это превращает меня в монстра.

— Кевин, я не думаю, что с тобой все так плохо. И ситуация здесь… это не хаос. Она уже стабилизируется.

— Несомненно, я буду охранять для тебя порядок. Но это не общественный порядок, Оскар. Есть

порядок, но нет никакого закона. Мы позволили вещам выйти из-под контроля. Мы позволили им остаться на стадии становления и сохранить непредсказуемость. Я охраняю порядок, потому что я — тайный тиран. У меня есть все, но я шпион и узурпатор. У меня нет правил. Нет тормозов. Нет чести.

— Но я не могу обеспечить тебя всем, что ты хочешь.

— Ты политический деятель, Оскар. Но ты стремишься быть лучше. Ты должен стать государственным деятелем, ты должен найти способ сделать так, чтобы у меня тоже была честь.

Телефон зазвонил. Кевин застонал, открывая лэптоп.

— А ведь ни у кого нет этого номера телефона, — пожаловался он.

— Я думал, ты уже решил эту проблему.

— Типичное замечание типичного политического деятеля. Чего я добился, так это того, что вставил ряд прерывателей, заглушек, поставил файсвол. — Кевин просмотрел сообщение на лэптопе. — Что, черт возьми, задела?

Кевин подошел к телефону.

— Да?

Около минуты он молча и внимательно слу-

шал. Оскар пока оглядывал офис Кевина. Это был самый невероятный полицейский офис, какие ему когда-либо доводилось видеть. Портреты красоток, грязные кофейные чашки, ритуальные маски, распотрошенные компьютеры и телефоны…

— Это тебя, — объявил наконец Кевин, вручая Оскару телефон.

Его вызывал Жюль Фонтено. Фонтено был сердит. Он не мог поймать Оскара ни по одному доступному телефону. Наконец ему пришлось позвонить в полицейский штаб Коллаборатория через офис Секретной службы в Батон Руж. Он даже разозлился.

— Я приношу извинения за местную систему коммуникаций, Жюль. Тут много изменений с тех пор, как вы оставили нас. Хорошо, что позвонили. Я рад. Чем могу быть полезен?

— Ты все еще помешан на Зеленом Хью? — резко оборвал его Фонтено.

— Я никогда не был «помешан» на Хью. Профессионалы не сходят с ума. Я имел с ним дело.

— Оскар, я уволился. Жизнь отставного меня устраивает, поэтому я очень не хотел звонить, но у меня нет другого выхода.

Что с ним случилось? Это был Фонтено, но его

акцент стал намного сильнее. Создавалось впечатление, будто человек говорит через цифровой кодер «Креольский диалект».

— Жюль, вы знаете, что я всегда уважал ваши советы. Скажите, что вас беспокоит.

— Гаитянские беженцы. Ты понимаешь меня? Лагерь для гаитян.

— Вы сказали «гаитяне»? Вы подразумеваете черных франкоговорящих туземцев Карибского моря?

— Верно! Верующие из Гаити. Хью предоставил им политическое убежище. Построена небольшая образцовая деревня в глуши штата. Они живут теперь в наших болотах.

— Я слышу, Жюль. Эвакуации при стихийном бедствии, гаитянские беженцы, размещение, убежище, французский язык, это очень похоже на Хью. Так в чем проблема?

— Хорошо, дело не в том, что они иностранцы. Религиозные иностранцы. Черные, вуду, религиозные беженцы, многие говорят на креольском диалекте. Но в этом есть еще что-то. Хью сделал что-то странное с этими людьми. Наркотики, я думаю. Или генетика. Они странно себя ведут. Действительно странно.

— Жюль, простите, но я должен удостоверить-

ся, что правильно понял. — Оскар поднял руку и начал подавать отчаянные сигналы Кевину: Запиши Это На Ленту. Открой Лэптоп. Запиши! — Жюль, вы хотите сказать, что губернатор Луизианы использует гаитянских беженцев как подопытных кроликов для поведенческих экспериментов?

— Я не поклялся бы в этом перед судом, потому что я не могу заставить всех приехать сюда и посмотреть *на* них! Тем более что никаких жалоб с их стороны! Они самые счастливые во всем мире гаитяне, черт побери.

— Тогда, должно, быть, нейро. Какая-то изменяющая настроение обработка.

— Возможно. Но это не похоже ни на один из известных наркотиков, о которых я когда-либо слышал. У меня просто нет слов, чтобы должным образом все это описать.

— И вы хотите, чтобы я приехал навестить вас.

— Я этого не говорил, Оскар. Я только говорю… Хорошо, полиция округа куплена, милиция штата куплена, Секретная служба не будет меня слушать. Какие-то гаитяне с бесплодного затонувшего острова! Никому до них нет дела, никто о них не заботится.

— О, Жюль, мне есть до них дело, поверьте.

— Это больше, чем я могу выдержать. Я ночами не спал, все обдумывал, как быть.

— Не волнуйтесь! Вы все делаете правильно. Мне совершенно необходимо предпринять ряд шагов. Как я смогу войти в контакт с вами? Безопасно и конфиденциально?

— Никак! Больше уже никак. Я выбросил все свои телефоны.

— И что же делать?

— Оскар, пойми, я в отставке! И я ни в коем случае не желаю, чтобы мре участие в этой акции всплыло наружу. Я здесь теперь живу и здесь же собираюсь умереть.

— Но, Жюль, так не годится! Вы же понимаете, насколько все серьезно! В игре вы или нет, но я не могу поехать в этот глухой угол без вашей помощи.

— Ладно, я не игрок.

Телефон Коллаборатория отключился. Оскар повернулся к Кевину:

— Ты записал?

— Кто этот мужик?

— Мой прежний шеф безопасности, Жюль Фонтено. Он ведал службой безопасности во время предвыборной кампании Бамбакиаса. Он вышел в отставку как раз перед тем, как я нанял тебя.

Живет сейчас на протоке в дельте реки и рыбачит помаленьку.

— И потчует тебя какой-то состряпанной историей, пытаясь заманить в глухие луизианские топи?

— Точно. И я туда поеду.

— Подожди, парень! Вот ответь мне, что звучит более правдоподобно? Что Хью устроил какой-то странный лагерь на болоте или что твой бывший сторонник, который живет в Луизиане, переметнулся к Хью? Это же ловушка! Они могут тебя похитить как нечего делать! Он ведь уже пытался разок похитить тебя. Они схватят тебя и спокойно скормят крокодилам.

— Кевин, это очень интересная гипотеза. Это правильный ход мысли для шефа безопасности. Однако позволь мне прояснить тебе ту же ситуацию с политической точки зрения. Я хорошо знаю Фонтено. Он много лет работал спецагентом Секретной службы. Я могу доверить этому человеку свою жизнь, жизнь сенатора и жизнь моей команды. Если он сейчас продался Хью и собирается меня похитить, это значит, что Америка, которую я знаю, просто перестала существовать. С нами покончено в любом случае.

— Значит, ты собираешься отправиться в Луи-

зиану, чтобы расследовать на месте эту историю, о которой он толковал?

— Конечно! Вопрос лишь в том, как и когда. Я должен серьезно это обмозговать.

— Отлично, тогда я еду с тобой.

— Зачем?

— По множеству причин. Во-первых, я твой шеф безопасности. Ты мне платишь. Я выполняю ту же работу, что и этот мужик, о котором ты отзываешься с таким уважением. Но в основном потому, что тебе удается все время на несколько шагов обскакать меня. — Кевин хлопнул рукой по столу. — Посмотри на меня! Я умный, ловкий, сообразительный парень. Я хакер! Я без проблем проворачиваю хакерские дела! Обо мне по Сети ходят легенды! Они считают, что это я захватил Федеральную лабораторию. Я могу проникнуть в Сеть Модераторов, я могу подслушать разговор агентов СНБ. Но что бы я ни делал, ты всегда делаешь что-то еще более сумасшедшее! Ты всегда впереди! Я техник, ты политик, и тем не менее ты всегда умудряешься меня обогнать. Ты даже не воспринимаешь меня всерьез!

— Это неправда! Я знаю, чего ты стоишь! Я воспринимаю тебя совершенно серьезно, капитан Скаббли Би!

Кевин глубоко вздохнул.

— Все, чего я прошу, — маленького местечка в твоем предвыборном автобусе. Ладно?

— Мне надо обсудить это с Гретой. Она главный эксперт по нейронауке.

— Хорошо. Секунду. Никаких проблем.

Кевин встал и, расчистив стол перед настольным компьютером, ввел параметры. На экране появилась карта-схема Лаборатории. Он посмотрел на нее и сообщил:

— Доктор Пеннингер находится в сверхсекретной лаборатории на четвертом этаже в отделении Человеческих ресурсов.

— Что? Но Грета должна быть на вечеринке.

— Доктор Пеннингер ненавидит сборища. Она сразу начинает скучать. Разве ты не знаешь? Ей нужно укромное место, где ее бы никто не мог найти, так что я устроил ей секретную комнатку наверху. Она уволила всех этих пустомель, так что там много свободных помещений.

— А откуда ты знаешь, что она именно там?

— Ты смеешься? Я шеф безопасности, а она — директор Лаба, поэтому я всегда знаю, где мой директор.

Пожав всем, кому надо, руки, Оскар вырвался из зала и пошел искать Грету. Благодаря тщатель-

ным инструкциям Кевина найти ее оказалось просто.

Кевин и его пролы соорудили для Греты норку в рабочей части Лаборатории. Оскар нажал нужную комбинацию цифр, и дверь открылась. В комнате было темно. Он увидел Грету, склонившуюся над микроскопом. Мерцание прибора было единственным светлым пятном в темном помещении. Она сидела прильнув к биноку-лярам, на вечернее платье был накинут лабораторный халат, на руках — стерильные перчатки. Комнатка в целом напоминала монашескую келью.

— Это я, — сообщил Оскар.

— А, — откликнулась она и, взглянув на него, кивнула, а потом снова стала смотреть в микроскоп.

— Почему ты ушла с вечеринки?

— А почему бы мне и не уйти? Ты на меня не обращал никакого внимания.

Оскар был удивлен, даже несколько испуган, когда понял, что Грета держится с ним отчужденно.

— Мы же с тобой в комитете сидим целыми днями вместе.

— Но мы никогда не бываем наедине. Ты поте-

рял ко мне интерес. Ты пренебрегаешь мной.

Оскар молчал. Он был заинтересован. Ему внезапно пришло в голову, что он больше радуется, когда женщины начинают торговаться с ним, чем когда у него с ними хорошие любовные или партнерские взаимоотношения. Это была крайне неприятная мысль.

— Грета, мне неприятно это признавать, но ты права. Теперь, когда все уже знают, что мы любовники, мы совсем не встречаемся, совсем не занимаемся друг другом. Мы были вместе на вечеринке, и я бестактно бросил тебя. Я признаю это и сожалею.

— Ты бы себя послушал! Можно подумать, ты выступаешь на комитетской встрече. Мы говорим, друг с другом, будто оба сейчас занимаемся политикой. Ты говоришь со мной, как дипломат. Я читала речи, с которыми выступает Президент, — сплошная ложь. Я провожу свою жизнь в бесконечном политическом кризисе. Я не занимаюсь тем, что мне интересно. Господи, как я ненавижу административную работу! И я чувствую себя виноватой!

— Но почему? Это важная работа. Кто-то должен ее делать. У тебя это хорошо получается. Люди уважают тебя.

— Я никогда не чувствовала за собой вины, когда мы с тобой были на побережье в Холли-Бич и. занимались сексом. Это не было главным в моей жизни, но это было действительно интересно. Красивый молодой человек, с сильно повышенной температурой кожного покрова, — это увлекательно. Гораздо увлекательней, чем наблюдать, как вся моя работа идет насмарку.

— О нет, только не ты! — попросил Оскар. — Не говори мне, что ты собираешься меня бросить. От меня и так все уходят. Они просто не верят, что здесь что-нибудь получится.

Она взглянула на него с внезапной жалостью.

— Бедный Оскар! Вот что тебе приходится выслушивать! Но я чувствую себя виноватой не поэтому. Не потому, что ничего не получится, а потому, что все получилось. Договориться с этими Модераторами… я теперь это понимаю. Наука, в самом деле, должна измениться. Это будет все еще Наука. Она будет такой же интеллектуальной, но ее политическая структура изменится. Вместо того чтобы быть мало оплачиваемыми государственными служащими, мы будем авангардом интеллектуалов-диссидентов, возглавим всех потерявших место в жизни и работу. И это работает на нас. Потому что нам проще иметь дело с

ними, чем с правительством. В пролах нет ничего нового. Они похожи на обычных длинноволосых и бородатых неухоженных студентов колледжа. Мы умеем обращаться с такими ребятами. Нам все время приходилось иметь с ними дело.

Лицо Оскара просветлело.

— Ты уверена?

— Это будет похоже на новую академию, с некоторыми элементами феодализма. Это будет похоже на темные века Средневековья, когда университеты имели собственную территорию, а ученые носили церемониальные жезлы и маленькие квадратные шапочки. И когда в университетах начинались сложности, студенотов просто выкидывали на улицу, и они могли оплакивать утраченное или самостоятельно искать путь в жизни. За одним исключением — сейчас не темное Средневековье, а эра громкоговорителей, эпоха шума. Мы разрушили нашу культуру настолько быстро и настолько удачно, насколько смогли. Мы живем в эпоху шума, и потому нам надо научиться вести себя как ученым, которые живут именно в эту эпоху. Мы больше не будем государственными служащими, которые получают столько денег, сколько попросят, просто потому, что работают на военную промышлен-

ность. Теперь всему этому конец. Отныне мы будем похожи на обычных творцов. Будем как художники или скрипичных дел мастера, со своим небольшим кругом поклонников, которые будут нас поддерживать и почитать нас.

— Чудесно, Грета! Это звучит просто великолепно!

— Мы будем заниматься привлекательной и эротической наукой, с минимальным количеством оборудования. Мы не можем подражать европейцам, которые настолько покрылись ржавчиной, что без конца беспокоятся о последствиях технологического прогресса. Это не по-американски. Мы будем действовать, как Орвилл Райт с его велосипедом. Это будет нелегкий путь. Но мы добьемся нашей свободы. Наша американская свобода означает доверие человеческому воображению.

— Ты настоящий политический деятель. Грета! Ты добилась большого успеха. Я целиком на твоей стороне. — Он почувствовал, как его переполняет гордость.

— Уверена, это могло бы быть замечательно, если бы речь шла о чем-то другом. Мне крайне неприятно, когда это касается науки. Мне жаль, что приходится этим заниматься. Но у меня про-

сто нет выбора.

— А чем ты сама предпочла бы заниматься?

— Что? — спросила Грета. — Я предпочла бы закончить мои записки о торможении выделения ацетил-холина в гиппокампусе. Это все, чего я хотела бы! Я живу и мечтаю, что когда-нибудь этот ужасный беспорядок закончится и кто-то позволит мне делать то, что я хочу.

— Я понимаю, чего ты хочешь. В самом деле понимаю. Это означает, что я теряю тебя.

— Нет. Да. Не имеет значения. Большой план сработает.

— Не вижу как.

— Сейчас я тебе покажу. — Она взяла сумочку и вышла из комнаты. Внезапно зажегся свет. Он услышал шум воды. Оскар вдруг сообразил, что совсем забыл о цели своего визита. О Хью. Хью и его лагерь гаитянских беженцев. Он был абсолютно уверен, что Хью, увлекшись нейронаукой как Следующей Большой Вещью, сделал что-то ужасное. Оскар догадывался, что все это имело какое-то отношение к работе Греты. Сама Грета абсолютно не интересовалась практическим применением того, что делала. Она не выносила интеллектуальных ограничений, связанных с необходимостью заботиться об этом. Она не хоте-

ла наблюдать за бесконечными политическими дрязгами и думать о моральных последствиях научных исследований. Ей это надоело, поскольку не имело никакого отношения к науке. В реакции общества больше не было смысла. Поток инноваций сорвался с тормозов. Что могло случиться с учеными в этом новом мире? Что, черт возьми, должно быть сделано для них?

Она вошла в комнату. В ванной она успела сделать макияж, ее лицо было раскрашено, как у индейца, ступившего на тропу войны.

Он был ошеломлен.

— Это не мое изобретение. Посоветовала твой консультант по имиджу. Я должна была так выйти на прием, но в последний момент смыла краску, потому что мне показалось, я выгляжу просто смешно.

— Ох, напрасно! — он удивленно рассмеялся. — Это красиво. И очень стильно! Поразительно! Это ломает все рамки! Я просто не верю своим глазам!

— Ты всего лишь видишь тридцатишестилетнюю еврейку, которая вырядилась, как спятившее ископаемое.

— О нет! Весь эффект построен на том, что ты — Грета Пеннингер, нобелевский лауреат, —

вот в чем соль. Ты директор Государственной лаборатории, но в раскраске членов городской герильи. — Он прикусил губу. — Повернись-ка. Дай я посмотрю.

Она расставила руки и закружилась по комнате.

— Тебе нравится, да? Я догадываюсь, что это, возможно, не так уж и плохо. Во всяком случае, я выгляжу не хуже Президента.

— Грета… — Он откашлялся. — Ты не поняла, насколько хорошо ты выглядишь. Это сильно действует на меня. Я весь вспотел и горю.

Она посмотрела на него с искренним изумлением.

— Ух, надо же! Говорила же мне мамочка, что хороший макияж всегда привлекает мужчин.

— Послушай, сбрось-ка этот лабораторный халат… Нет, лучше просто сними блузку.

— Подожди минутку! Опусти руки.

— Ты помнишь, когда это было последний раз? Уже прошла целая вечность с тех пор. Я даже не могу припомнить когда.

— Хорошо. Позже! В кровати! И когда твое лицо будет другого цвета!

Он приложил руку к щеке. Щека горела. Удивленный, он дотронулся до своего уха. Уши были

сухие и горячие.

— Ух! — пробормотал он. — Я просто не, в силах устоять.

— Это все макияж, — сказала она.

— Нет, не только. Теперь я понимаю, почему Донна осталась здесь, почему она говорила, что здесь становится все интересней. Эта женщина — маленький гений. Тут не просто забота о внешности. Это такая же, правда, как и то, что клятва целомудрия и монашество — только слова и черная одежда. Конечно, это лишь символ, но он перемещает тебя в другую моральную вселенную.

— Нет, Оскар. Я думаю, ты несколько увлекся.

— Это будет работать. Мы нашли способ, как убежать из коробки, и собираемся вылезть из ящика и пойти войной на врага. Слушай. Я должен съездить в Луизиану.

— Что? Зачем?

— Штат Луизиана действительно работает на нас. Мы продолжим триумфальный тур по штату. Мы заставили Хью и Модераторов обороняться. Мы вольемся туда целой вереницей лимузинов, с максимальным освещением в печати. Мы наймем автобусы кампании, мы устроим тур. Получим грузовики и вертолеты. Это будет ро-

мантично. Мы дадим скандальное, дразнящее интервью. Ты станешь сексуальной звездой науки. Мы изготовим плакаты, футболки, наклейки на бамперы с твоим изображением. Мы будем строить коллаборатории везде, где окажемся. У меня есть масса замечательных проектов от Бамбакиаса, которые мы можем использовать. Мы проведем Марди-Гра в Батон Руж. Мы будем пикетировать администрацию штата. Мы отловим Хью прямо в его логове. Мы сотрем его в порошок.

— Оскар, у тебя что, приступ логореи?

— У меня?

— Мы не можем ехать в Луизиану. Это слишком опасно. Мы не можем оставить Коллаборатории. У нас чрезвычайная ситуация. Люди боятся, они и так покидают нас каждый день.

— Нужно больше людей.

— Мы можем привлечь хоть всех Модераторов, но где мы их разместим?

— Надо расширить Лабораторию. Занять Буну.

— Ты меня пугаешь, когда так говоришь! Он понизил голос:

— Я?

— Немного. — Ее лицо вспыхнуло под боевой раскраской.

Его сердце колотилось, как при артобстреле. Он сделал несколько глубоких вздохов.

— Любимая, я поеду в Луизиану с секретной миссией. Думаю, это может оказаться ключом к решению всех проблем, но я могу и не вернуться. Это, может быть, последняя встреча в нашей жизни. Я знаю, что расстроил тебя. Я знаю, что я не сделал того, чего ты ожидала от меня. Возможно, я уже никогда больше не увижу тебя, но я уезжаю со счастливым сердцем. Я хочу помнить тебя вот такую всегда. Ты настолько дорога мне, что я не могу это даже выразить. Ты какое-то блестящее, сияющее существо.

Она положила руку себе на лоб.

— 0 мой бог! Просто не понимаю, что со мной делается, когда ты вот такой и так убедительно говоришь. Ладно, не возражаю, иди ко мне, снимай одежду. Здесь, во всяком случае, нам хватит места.

11.

После долгого обсуждения Оскар и капитан Скаббли Би решили проникнуть в Луизиану тайно, соблюдая инкогнито. Кевин нагло врал местному Чрезвычайному комитету, что уезжает в вербовочную поездку. Сам Оскар официально даже не покидал Буну. Его заменял двойник — доброволец из Модераторов, с'удовольствием согласившийся переодеться и под видом Оскара провести время в шикарном гостиничном номере, притворяясь печатающим на лэптопе.

Для соблюдения конспирации они решили переправиться в Луизиану на сверхлегком самолете. Эти бесшумные и незаметные устройства были медлительны, непредсказуемы, опасны, вызывали тошноту и были лишены каких-либо удобств. Однако их было трудно засечь, и они спасали от застав и облав. Так как они управлялись с китайских спутников с помощью системы глобального позиционирования, то не было сомнения, что рано или поздно, но самолет прибудет чуть ли не на порог дома Фонтено.

Кевин и Оскар прибегли к глубоко мелодраматическому переодеванию — они оделись в

костюмы воздушных кочевников. Они заимствовали летные костюмы у пары воздушных жокеев Модераторов. Костюмы с заклепками были сделаны из хлопкового фиброволокна. Они были снабжены защитными механизмами, украшены ручной вышивкой и сильно пахли пропиткой для кожи. Кевларовые перчатки, черные резиновые ботинки, большие, подбитые мехом защитные шлемы и небьющиеся летные очки завершали ансамбль.

Оскар дал заключительные наставления добродушному двойнику и втиснул себя в свою маскировку. Он стал существом другой цивилизации. Он не мог устоять перед искушением прогуляться по центру Буны в снаряжении кочевника. Результат его поразил. Оскар был очень известен в Буне, его скандальная личная жизнь была притчей во языцех, а отель, который он построил, стал местной достопримечательностью. Но во время его прогулки по городку в летном костюме, защитных очках и шлеме на него никто не обратил внимания. Окружающие просто скользили по нему взглядом, ни на миг не задерживаясь. Он был чужой.

Кевин и Оскар наметили отъезд на полночь, но Оскар опоздал. Его наручные часы работали

со сбоями. Он приболел, и высокая температура заставила начинку из мышиных мозгов отсчитывать время быстрее. Оскар был вынужден повторно установить часы, как инструктировала его Грета, по солнечному свету, но что-то испортил, и теперь они отставали. Он вышел поздно, и ему потребовалось гораздо больше усилий, чем он ожидал, чтобы подняться на крышу Коллаборатория. Он никогда прежде не был на крыше Лаборатории. Угрюмой и темной февральской ночью снаружи, было пугающе ветрено, дорога казалась бесконечной и утомительной.

Продрогнув до костей, он наконец добрался до самого верха Коллаборатория, но погода начала меняться к худшему. Кевин уже благоразумно отчалил.

Встревоженная его опозданием команда Модераторов помогла Оскару погрузиться в самолет, и он тут же стартовал.

Первый час прошел довольно хорошо. Потом над Гринхаусом он попал в штормовой фронт, идущий в сторону угрюмого Мексиканского залива. Его сильно снесло к Арканзасу. Считывая показания тысяч допплеровских радаров, умное и крайне дешевое небольшое транспортное средство без устали сновало вверх и вниз,

приспосабливаясь к перепадам температуры и переменам ветра, однако с упорством придерживалось назначенного курса. Оскар, вконец измотанный болтанкой, в какой-то момент отключился и в бессильном забытьи как мешок повис на летных креплениях.

Впрочем, для машины это не имело никакого значения. На рассвете Оскар уже трясся над дождливым болотом протоки Техе.

Техе была длиной сто тридцать миль. Эта тихая протока когда-то — приблизительно три тысячи лет назад — была главным руслом реки Миссисипи. В начале двадцать первого столетия, во время одной короткой, но катастрофической весны, Техе, ко всеобщему ужасу, опять превратилась в главное русло Миссисипи. Дикий разлив снес дамбу Гринхауса, слизнул покрытые мхом дубы, очаровательные дома плантаторов времен Гражданской войны, съеденные ржавчиной сахарные заводы, мертвые нефтяные платформы и все остальное, что встретилось на пути. Наводнение разорило города Бро-Бридж, Сент-Мартенвиль и Нью-Иберия.

Долина Техе всегда была миром в себе, болотистой страной, отличной от равнин западного берега Миссисипи, где выращивали рис. Разру-

шение дорог и мостов и последующее огромное расширение худосочного болота вновь вернули Техе в состояние полусонной влажной тишины и забвения. Ручей Техе превратился в одно из самых диких мест Северной Америки.

Трясясь на снижающемся самолете, Оскар бросил быстрый взгляд на новое местожительство Фонтено. Бывший федеральный агент выбрал себе жилье в деревне, состоявшей из разбросанных в беспорядке металлических домов-трейлеров, которые были поставлены на бетонные столбы и окружены надворными постройками и дешевыми генераторами на топливных ячейках. Это была готика американского юга — трущобы для рыбаков, водный лабиринт деревянных доков, заросли лилий, пластиковые лодки-плоскодонки. Розовая заря оттеняла темно-зеленые воды протоки.

Оскар приземлился с впечатляющей точностью — *:* прямо на покатую крышу деревянной лачуги Фонтено. Аппарат стремительно кувыркнулся вниз и упал на землю с хрустом, похожим на звук ломаемых костей. Компьютерный мозг самолета заставил его биться в судорогах, швыряя Оскара из стороны в сторону.

К счастью, Фонтено быстро прихромал из лачу-

ги и помог Оскару усмирить разбушевавшийся механизм. После множества проклятий и усилий они наконец сумели расстегнуть крепления и освободить Оскара. Они умудрились даже сложить аппарат до размера большого каноэ.

— Это действительно ты! — сказал Фонтено, пыхтя и хлопая Оскара по плечу. — Где ты раздобыл этот дурацкий шлем? Ты жутко в нем выглядишь!

— Да, это я. Ты не видел моего телохранителя? Он должен был прилететь раньше.

— Проходи внутрь, — сказал Фонтено.

Фонтено был не тот человек, чтобы жить в металлическом трейлере. Его лачуга была построена из настоящего дерева: старый кедровый сруб, обшитый досками, серая деревянная кровельная дранка на крыше и замысловатые переплетения свай внизу, напоминающие гигантскую паутину. Старую лачугу в свое время переместили поближе к берегу и не так чтобы очень уж аккуратно собрали на новом месте. В просевшем полу зияли здоровенные щели.

В деревянной комнате Фонтено стояла плетеная мебель, висел большой крепкий гамак, а также находились крошечный холодильник и внушительный арсенал рыбацкого снаряже-

ния. Рыболовные устройства и механизмы были выстроены в ряд вдоль задней стены лачуги. Одержимый военной аккуратностью Фонтено разместил их в отдельных шкафчиках. В ближнем шкафу красовалась целая коллекция блестящих искусственных приманок: извивающиеся батареечные устройства, ультразвуковые мигалки, вращающиеся блесны, источавшие феромоны червей воблеры.

— Одну секундочку, — сказал Фонтено, с шумом и треском втискиваясь в тесную заднюю комнату. У Оскара было время, чтобы оглядеться и заметить сильно потрепанную Библию и внушительную груду порожней тары из-под пива. Тут Фонтено вновь появился, таща на буксире Кевина. Кевин был тщательно связан и с кляпом во рту.

— Ты знаешь его? — спросил Фонтено.

— Да. Это мой новый телохранитель.

Фонтено опустил Кевина на плетеную кушетку, которая громко затрещала под его весом.

— Слушай. Я тоже знаю этого парнишку. Я знал еще его папу. Папа имел обыкновение управлять компьютерными системами для правого ополчения. Тяжеловооруженные белые парни, с твердым взглядом и плохой стрижкой. Если ты

нанял сына Гамильтона, чтобы он охранял тебя, ты, должно быть, потерял голову.

— Если быть точным, не я нанимал его, Жюль. Технически говоря, он — федеральный служащий. И он обеспечивает не только мою персональную безопасность. Он работает в системе федеральной безопасности.

Фонтено полез в карман заляпанного грязью комбинезона и вытащил рыбацкий перочинный нож.

— Даже и знать не хочу. Меня это больше не волнует! Теперь это не моя проблема.

Он разрезал клейкую ленту и освободил Кевина, напоследок одним рывком вытащив кляп.

— Извини, парень, — пробормотал он. — Мне, очевидно, следовало поверить тебе.

— Никаких проблем! — сказал вежливо Кевин, потирая липкие запястья и закатив глаза. — Это со мной не впервые!

— Я давно уже отошел от всего этого, — сказал Фонтено. — Здесь такая тихая жизнь, я — вне пределов досягаемости. Мальчики, вы, наверное, хотите есть?

— Превосходная идея, — поддержал Оскар. Мирная общая трапеза была то, что нужно. За любезной улыбкой Кевина скрывалась искренняя

любознательность — взглядом он примерялся, какой удар ножом будет смертельным для Фонтено.

— Немного закуски, — сказал Фонтено, отступая к походной газовой горелке в углу. — Что Бог послал.

Оскар задумчиво наблюдал за Фонтено. Тот был занят приготовлением завтрака. Вид у него был утомленный и огорченный. И вдруг Оскара осенило. Фонтено только пришел в себя после многолетней работы секретным агентом. Призрак проклятой работы наконец отпустил Фонтено и потерял над ним свою власть. Так бывает, когда болезнь отступает от наркомана, пристрастившегося к героину. Но мертвая хватка, что держала его на протяжении долгих лет, мало что оставила самому Жюлю Фонтено. Теперь это был одноногий рыбак на задворках штата Луизиана, преждевременно состарившийся.

Каюту заполнили резкие запахи горячего перечного соуса. У Оскара, ставшего чувствительным к запахам, тут же потек нос. Он поглядел на Кевина, который, замкнувшись в себе, сидел, отдирая прилипшие клочки ленты с запястья.

— Жюль, как рыбалка?

— Это рай! — сказал Фонтено. — Большие лан-

керсы действительно любят глубокие места под Бро-Бридж. Ланкерс питается донным планктоном.

— Я не слыхал о такой рыбе. Что это за «ланкерс»?

— О, местные деятели, что занимались рыбоводством, вывели ее уже давно. Наводнения, отравления и все прочее вытеснили местную рыбу. Техе вся заросла морскими водорослями, примерно как в этом гигантском Мертвом пятне в Заливе. Ну вот, они создали ланкерса, это рыба-пылесос. Большая зубатка с генами тилапии. И ланкерсы выросли большими. Чертовски большими! То бишь это четыре сотни фунтов весу и глаза, как бейсбольные мячи. Видишь ли, ланкерс бесплоден. Он ничем не занят — только ест и растет. Мальчики из Лаборатории подправили ДНК — усилили гормоны роста. Теперь некоторым из тех мальков уже по пятнадцать лет.

— Довольно опасное использование биоинженерии.

— О, ты не знаешь Зеленого Хью! Это далеко не все. Хью очень активно занимался проблемами окружающей среды. Луизиана теперь стала просто другим миром.

Фонтено приготовил завтрак — устричный

омлет и кусочки угря с ядреным рисовым соусом. Соус был не просто острым, а невыносимо острым. Фонтено относился к перцу так, будто считал его основой жизни.

— Изобретение ланкерсов было чрезвычайной мерой. И она сработала. Здешняя протока могла бы превратиться в сточную трубу, а сейчас в ней водятся окуньки. В лес вернулись бурые медведи, в ручье растут водные гиацинты. Даже появились кугуары. Все это не совсем естественная среда, но уже кое-что. Вам налить еще кофе, мальчики?

— Спасибо, — ответил Оскар, который вылил свою первую чашку в щель в полу. — Я должен тебе кое в чем признаться, Жюль. Я беспокоюсь за тебя. Ты ведь как-никак в самом сердце владений Хью. Боюсь, как бы они не решили прийти по твою душу просто потому, что ты работал на сенатора.

— А-а, это! — Жюль сжал челюсти. — Тут ошивались какие-то ребятки в полицейской форме, которые хотели со мной побеседовать. Так что пришлось достать свой федеральный «Хеклер и Кох» и популярно объяснить им, что если я увижу их еще раз, то разряжу его в их задницы. Этого оказалось достаточно.

— Хорошо, — заметил Оскар, нерешительно

ковыряя вилкой омлет.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Фонтено. Оскар впервые видел, чтобы Фонтено был столь словоохотлив, но, очевидно, уйдя в отставку и сидя у ручья, старик просто маялся от одиночества.

— Люди изменились. Они привыкли ходить бизоньими тропами, они больше не носят тугие крахмальные галстуки. Это все из-за распространившихся по стране пестицидов и гормональных отравлений. И вы получили теперь полный набор болезней от загрязнения среды — аллергию и насморк, как у яппи…

Оскар с Кевином обменялись взглядами. Было совершенно непонятно, о чем толкует Фонтено. Старик тем временем продолжал.

— Американцы больше не живут в окружении естественной среды, они даже не подозревают, до чего это замечательно — жить, пока еще ничего не загрязнено и не отравлено. Миллион диких цветов и разные виды растений и жучков, которые здесь с незапамятных времен. Когда я был мальчишкой, здесь водились марлины! Вот вы, вы даже не знаете, что такое марлин.

Со стуком открылась входная дверь. Появилась чернокожая женщина средних лет, несущая большую сумку, полную жестяных банок. На

ней были резиновые ботики, грубая полотняная юбка, блузка с крупным узором из тропических цветов. Голова повязана платком. Она вошла в дом, не сразу заметив сидящих там Оскара и Кевина, и быстро заговорила с Фонтено на креольском диалекте.

— Это Клотиль, — сообщил Фонтено. — Моя экономка.

Он встал, торопливо убирая пустые банки из-под пива и что-то говоря ей по-французски.

Клотиль бросила на Оскара и Кевина неодобрительный взгляд и начала читать нотацию своему нанимателю.

— И это твой шеф безопасности? — прошипел Кевин. — Эта старая развалина?

— Да. Он был прекрасным работником.

Оскар не отрывал взгляда от Фонтено и Клотиль, очарованный разыгрывавшейся у него на глазах сценкой. Они танцевали менуэт, в котором переплетались те расовые, тендерные и экономические противоречия, которые были ему близки. Было очевидно, что в данный момент Клотиль — главный человек в жизни Фонтено. И Фонтено восхищается ею. В ней есть что-то, чего он страстно желает и не может получить. Клотиль, по-видимому, жалеет его, с усердием на

него работает, однако никогда его не примет как своего. Они достаточно близки, чтобы болтать, даже заигрывать друг с другом, но во всем этом есть какая-то трагедия, которая с ними навсегда. Какая-то отравляющая мини-драма, столь же далекая от Оскара и Кевина, как драма театра кабуки.

Оскар чувствовал, что пребывание в доме Фонтено Кевина и его самого не лучшим образом характеризует Фонтено в глазах женщины. Оскар посмотрел на свои забрызганные грязью рукава, перчатки и каску. И вдруг испытал пронзительное, идущее до самой глубины ощущение острого культурного шока.

В каком странном мире он живет! Что за странные люди вокруг — Кевин, Фонтено, Клотиль, да и сам он — в грязном маскировочном наряде. Вот они сидят здесь, завтракают, убирают в доме, в то время как исчезают принципы их моральной вселенной, постоянно меняются правила игры. Что-то плывет от центра к периферии, что-то, напротив, движется к центру, а некоторые части и вовсе выходят за пределы обычного мира. Сколько раз они с Фонтено сидели и завтракали, потом просматривали новые клипы, готовя предвыборную стратегию и выбирая куски канталупа. И все

эти светлые годы уже позади.

Клотиль решительно прошла в глубь дома и забрала тарелки у Кевина и Оскара.

— Я не хочу путаться здесь под ногами, пока ваша домоправительница занимается делом, — любезно произнес Оскар. — Может быть, мы лучше пока прогуляемся и обсудим те вопросы, ради которых приехали сюда?

— Хорошая мысль, — обрадовался Фонтено. — Конечно. Пойдемте наружу.

Они вышли вслед за Фонтено через скрипящую дверь и спустились по деревянным ступенькам.

— Здесь живут хорошие люди, — произнес Фонтено, осторожно оглядываясь через плечо назад. — Они такие настоящие.

— Я очень рад, что у тебя сложились хорошие отношения с соседями.

Фонтено торжественно кивнул:

— Я хожу на мессу. Местные жители организовали по соседству небольшую церковь. Читаю священные книги… Раньше на это не хватало времени, а сейчас мне хочется найти что-то, что придавало бы смысл всему. Настоящий смысл.

Оскар промолчал. Он не был религиозным человеком, хотя на него всегда производили впечатление длинные политические речи иудео-

христиан.

— Жюль, расскажи нам о гаитянском поселении.

— А чего рассказывать? Черт, зачем попусту говорить! Лучше поедем, посмотрите сами! Мы возьмем мой хавви.

Хавви — катер на воздушной подушке — стоял внизу рядом с домом. Это было очень дорогое блюдце-амфибия с непробиваемой пластиковой обшивкой, работающее на спиртовом горючем. Оно все провоняло рыбой, а блестящая обшивка корпуса была там и здесь покрыта чешуей. Выбросив рыбацкие снасти, они все втроем сумели пролезть внутрь, хотя Кевин втиснулся с некоторым трудом.

Перегруженный хавви с громким фырчанием заскользил вниз по протоке. Затем под ними захлюпали заросли лилий, издавая звуки, как будто кто-то полощет горло.

— На этой посудине очень удобно ловить рыбу, — заявил Фонтено. — Хотя люди здесь и посмеиваются над моей большой машиной, но она очень удобна, и я могу передвигаться куда захочу.

— Я правильно понял, что эти гаитяне очень религиозны?

— А, да, — кивнул Фонтено. — У них был лидер, там, на старом месте, где они жили. Потом он их вывел оттуда, как Моисей, а при новом режиме этого парня, конечно, застрелили. Потом они начали творить страшные вещи с его сторонниками, и это вроде как всерьез обеспокоило «Международную амнистию»… Однако… в сущности… никому нет до них дела. Понимаете? Какие-то там гаитяне!

Фонтено убрал руки с руля.

— Кому нужны гаитяне? Затоплены почти все острова. Гаити ушел под воду, так это общая проблема подъема уровня океана. Но Хью… Хью принял близко к сердцу, когда убили этого харизматического лидера. Хью входит во французскую диаспору. Он пытался что-то провернуть через государственный департамент, но у них своих дел по горло. Так что в один прекрасный день Хью просто послал на Гаити рыболовецкий флот и вывез их всех оттуда.

— А как он добился для них виз?

— А его это не волновало. Послушай, ты должен понять, как обычно действует Хью. Хью всегда делает одно, два, три, четыре дела одновременно. Он дал им убежище. Соляные копи. В Луизиане огромные соляные копи. Там этой соли — больше

Эвереста. Копи заброшены уже сотню лет. Там прочные своды, огромные пещеры размером с городское предместье, с потолками высотой в тысячу футов. В наши дни никто не добывает соль. Соль нынче дешевле пыли на дорогах благодаря опреснителям. Так что соль из Луизианы больше никому не нужна. Мертвое производство, как добыча нефти. Мы вырыли эти огромные пещеры, вывезли из них соль, и что осталось? Осталась пустота. Огромные пещеры глубоко под землей. Ну и как их можно теперь использовать? Да, одним только способом — как укрытие, потому что никто не найдет вас под землей. Никакая спутниковая связь. Хью разместил там гаитян, приверженцев этого культа, в одной из огромных пещер — они там уже два года. Он держит это в секрете, так же как и другие свои подземные проекты. Как разработки, связанные с генетикой, — гигантский сом, топливные дрожжи, целакант…

— Целакант? — спросил Кевин.

— Живая ископаемая рыба с Мадагаскара, сынок. Она древнее динозавров. У нее генетика, каку рыбы с другой планеты. Простая, жесткая и примитивная. Вы нарезаете кусочки прошлого и вставляете их прямо в середину следующей

недели — вот рецепт, который изобрел Хью для приготовления похлебки будущего.

Оскар стряхнул брызги со своего непромокаемого летнего костюма.

— Значит, он так странно вел себя с гаитянами неспроста. Ему они нужны для какого-то будущего пилотного проекта.

— Ага, и знаешь что? Он прав.

— Кто, Хью?

— Угу. Хью чудовищно ошибается во всяких мелких вещах, но у него верный нюх на будущее. Видишь ли, у Луизианы в самом деле есть будущее. Скоро весь мир станет похожим на Луизиану. Моря поднимаются, а Луизиана и так всегда была огромным болотом. Мир будущего — это одно огромное жаркое тепличное болото. Полное полуобразованных небритых людей, которые не говорят по-английски, но не забывают рожать детей. Плюс они до ужаса боятся биотехнологий. Вот на что будет похож будущий мир — не только Америка — весь мир. Жаркий, влажный, старый, хитрый, полузабытый, полуразрушенный. Начальство продажно, все приложили к этому руку. Это ужасно, ужасно даже думать об этом! — Фонтено неожиданно усмехнулся. — Но знаешь что? Это можно пережить, в этом можно выжить!

Хорошая рыбалка! Прекрасная еда! Красивые женщины и настоящая музыка!

Им понадобилось два часа, чтобы добраться до лагеря беженцев. Путь катера пролегал среди зарослей камыша, охвативших длинные отмели посреди черной топи. Лагерь гаитян был расположен на островке, куда можно было добраться только на самолете или на вездеходе-амфибии.

Они причалили к берегу, выгрузились и двинулись через заросли травы, доходившие до колена.

Оскар ожидал самого худшего: колючей проволоки, охраны, прожекторов, злых собак. Но деревня эмигрантов с Гаити вовсе не походила на укрепленный лагерь. Это был скорее ашрам, маленькая пустыня для удалившихся от мира религиозных подвижников. Это было тихое сельское поселение с чистенькими, чуть не до белизны выскобленными домиками.

В поселке, должно быть, жило шестьсот — семьсот человек, причем большинство из них были дети. Здесь не было ни электричества, ни водопровода, ни спутниковых тарелок, ни дорог, ни машин, ни телефонов, ни самолетов. Здесь было очень тихо, если не считать доносившихся издалека песнопений, чириканья птичек и редких

ударов топора или стука маслобойки.

Никто никуда не спешил, каждый, по-видимому, был занят делом. Эти люди жили в доиндустриальном ритме. Они буквально жили на земле — не уничтожали ее, превращая в жидкую грязь, а вскапывали ручными орудиями. Они занимались древними ремеслами, представление о которых можно было составить только по картинам и музейным экспонатам. Оскар читал об этом и видел в документальных фильмах, но никогда еще не наблюдал в реальной жизни. Примитивные архаичные обычаи, такие как ручная ковка или прядение пряжи.

Ухоженные садовые участки, множество компостных куч, черные груды земли, пахнущие лесом. Туземцы разводили кур. Куры все были генетическими клонами. Вся имевшаяся у них домашняя птица была одной и той же курицей, только в разных возрастных периодах.

Кроме того, они держали множество клонированных коз. Упрямые бородатые создания с дьявольской мордой, ницшеанские супермены из козлиного народа, бродили вокруг целыми стадами. Здесь были вьющиеся лозы стручкового гороха, высоченная кукуруза, большие бамии, огромных размеров желтые тыквы, гигантский

бамбук, посадки сахарного тростника.

Кое-кто из местных жителей занимался рыбной ловлей и, должно быть, недавно выловил устрашающую рыбину, чей скелет с костями толщиной в руку сейчас лежал на деревянном, размером с автомобильный радиатор, блюде.

Жители небольшой коммуны носили домотканую одежду. Мужчины были одеты в соломенные шляпы, рубашки на пуговицах без воротников и полотняные брюки. На женщинах были длинные платья, закрывавшие лодыжки, белые фартуки и шляпы с широкими полями. У всех был доброжелательный, но отстраненный вид. Похоже, никого из них не беспокоил приход гостей, они полностью ушли в свои ежедневные дела. Однако небольшая группка детей окружила троих чужаков и следовала за ними, хихикая и посмеиваясь.

— Не улавливаю, — признался Кевин. — Я думал, мы найдем здесь нечто, напоминающее концентрационный лагерь. А местные люди, похоже, вполне довольны своей жизнью.

Фонтено неохотно кивнул:

— Да, это сделано специально, чтобы производить приятное впечатление. Это проект Хью. Обеспечивающее себя фермерское хозяйство. Вы

поддерживаете производительность за счет улучшенных сортов кукурузы, усовершенствованных видов животных. Но никакого топлива, никакого углекислого газа. Может быть, они когда-нибудь смогут вернуться на Гаити и научить потомков жить так же.

— Это не сработает, — заявил Оскар.

— Почему? — удивился Кевин.

— Потому что голландцы уже много лет пытаются наладить такое же хозяйство. Всем людям, живущим в индустриальной эпохе, кажется, что они могут заново вернуться к сельской жизни, держа народ в счастливом и невежественном состоянии. Но это не работает. Потому что так жить чересчур скучно.

— Да, — подтвердил Фонтено. — Это как раз то, что не укладывается у меня в голове. Они должны были бы столпиться вокруг нас, выпрашивая денег или батареек для радио — как это обычно бывает. А эти — они вас даже не замечают. Вот, прислушайтесь. Вы слышите эти звуки в отдалении, будто неясное бормотание?

— Песнопения? — спросил Оскар.

— Да, они поют религиозные гимны. Но в основном они просто молятся. Все: мужчины, женщины, дети. Они все время молятся. Я имею

в виду ВСЕ время, Оскар.

Фонтено помолчал.

— Видишь ли, сюда время от времени забредают разные люди со стороны — охотники, рыбаки… Я слышал, что они рассказывают. Они считают этих гаитянских туземцев истинно религиозными людьми, кем-то вроде гаитянских вуду. Но это не так. Видишь ли, я работал в Секретной службе и хорошо разбираюсь в людях. Мы все там немного психоаналитики. Так вот, мне приходилось работать с разными сумасшедшими, с беснующимися толпами и вообще с людьми, которые не в своем уме. Вот потому я могу сказать совершенно точно, что у этих гаитян что-то с головой. Это не психоз. И они не наркоманы. В этом есть что-то от религии, но это не просто религиозность. С ними что-то сделали.

— Нейровоздействие? — спросил Оскар.

— Ага. И они сами знают, что они другие. Они знают, что с ними что-то произошло, пока они были в этих соляных копях. Но они считают, что им было священное откровение. Дух вошел в них, — они называют это «вторым духовным рождением» или «вновь рожденным духом». — Фонтено сдвинул шляпу и вытер пот со лба. — Когда я впервые обнаружил это поселение, я провел

здесь много времени, толкуя с одним из местных. Его зовут Папа Кристоф. Он у них что-то вроде лидера или по крайней мере спикера. Этот парень местная шишка, потому что он на самом деле знает, в чем тут дело. Видишь ли, дух на него подействовал не совсем так, как на других. Кстати, на детей это вообще не действует. Дети остались нормальными. А вот взрослые все время что-то бормочут, глаза у них сияют. И у них появились свои апостолы, вроде этого Кристофа. Мудрецы.

Оскар и Кевин быстро посовещались. На Кевина речь Фонтено произвела большое впечатление. Ему вообще не нравилось находиться в толпе чернокожих посреди непроходимого леса. В голове тут же возникали мысли о каннибализме и тому подобном. Белые… белые никогда не смогут привыкнуть к положению расового меньшинства.

Но Оскар был непреклонен. Раз уж они добрались сюда, им следует непременно побеседовать с Папой Кристофом. Фонтено наконец нашел его — в одном из белоснежных домиков в конце деревни.

Папа Кристоф был старым человеком, голову его украшал шрам от удара мачете. Обвисшая кожа и сгорбленная осанка свидетельствовали о сильном недостатке витаминов. Он выглядел

лет на сто, хотя вряд ли ему было больше шестидесяти.

Папа Кристоф встретил их беззубой усмешкой. Он сидел на трехногой табуретке, стоящей на твердом глинобитном полу хижины. В руках у него был деревянный молоток и железный резец, он сидел перед наполовину вырезанной деревянной скульптурой. Это была статуя святой или мученицы — стройная фигура женщины, чем-то напоминающая картины Модильяни — стилизованное лицо с тонкими чертами, в руках молитвенник, ноги женщины охвачены языками пламени.

На Оскара это неожиданно произвело сильное впечатление.

— Ого! Примитивное искусство! А этот старик силен! Может быть, он продаст мне эту вещь?

— Потише! — пробормотал неслышно Кевин. — И спрячь подальше кошелек!

В единственной комнате хижины было жарко и полно пара, идущего от громадного самогонного аппарата, который стоял в комнате. Первоначально перегонные аппараты не предусматривались в плане построек. Однако гаитяне оказались изобретательным народом и соорудили их самостоятельно из разобранных частей автомобиля.

Судя по запаху, здесь перерабатывали сок сахарного тростника в крепкий ром. Две полки у стены напротив были заставлены стеклянными бутылями, вытащенными со дна протоки. Половина из них была наполнена желтоватым алкоголем и заткнута глиняными пробками, обмотанными тряпками.

Фонтено и старик заговорили по-французски. Перегонный куб работал исправно, из наклонной железной трубки в стеклянную бутыль по капле сочился ром, будто в водяных часах. Папа Кристоф был достаточно дружелюбен. Он разговаривал, одновременно стуча по статуе и бормоча что-то себе под нос все в том же каплеобразном ритме водяных часов.

— Я спросил его насчет скульптуры, — пояснил Фонтено. — Он сказал, это для церкви. Он делает святых для доброго Бога, поскольку добрый Бог всегда с ним.

— Даже в перегонном кубе? — поинтересовался Кевин.

— Вино — часть ритуала, — холодно ответил Фонтено.

Папа Кристоф поднял заостренную обожженную палочку, внимательно посмотрел на статую и прочертил небольшую линию. Перед ним на

широкой кожаной подстилке были разложены рабочие инструменты — шило, самодельная пила, заостренный крюк, ручная дрель. Они были довольно неуклюжи, *но* старый мастер умел с ними обращаться.

Преследовавшая их свита Насмешников мальчишек осталась за дверями хижины, однако один из них, самый младший, осмелился войти внутрь. Папа Кристоф посмотрел на него, улыбнулся своей беззубой улыбкой и издал какие-то торжественные звуки на креольском наречии. Мальчик послушно сел на земляной пол.

— Что это значит? — спросил Оскар.

— Думаю, он просто сказал: «Обезьяны растили своих детей еще тогда, когда здесь не росли авокадо», — предположил Фонтено.

— Что?

— Ну, это пословица.

Маленький мальчик, по-видимому, был испуган тем, что находится среди взрослых, занятых своим делом. Папа Кристоф высек еще что-то на статуе, обращаясь при этом к малышу. Ром капал мерными каплями в почти полную бутылку.

Фонтено указал на мальчика и спросил что-то на французском. Папа Кристоф, снисходительно усмехаясь, сказал: «D'abord vous gette poux-de-bois

manger bouteille, accrochez vos calabasses».

— Что-то насчет жучков, поедающих их бутылки, — осмелился предположить Фонтено.

— Жучки едят его бутылки? — недоверчиво переспросил Кевин.

Кристоф откинулся назад, рассматривая проведенную углем линию. Он был поглощен созерцанием своей статуи. С другой стороны сидящий на полу мальчик, как зачарованный, разглядывал разложенные на коже инструменты.

Малыш потянулся, чтобы схватить блестящее заточенное лезвие. В ту же секунду старик отвел руку назад и схватил на ощупь малыша. Затем Папа Кристоф встал и, подхватив мальчика правой рукой, прижал к себе. В тот же самый момент он сделал два шага вперед и левой рукой снял с полки у стены пустую бутыль.

Развернувшись, он ловко вытащил полную бутыль из-под перегонного куба, заменив ее пустой. Все это время он одновременно добродушно журил мальчишку, висевшего у него под мышкой. Каким-то образом все это Кристоф умудрился проделать с такой точностью, что ни капли рома не пролилось на пол. ,

Старик вернулся и опять сел на трехногий табурет, пристроив мальчика у себя на коленях.

Подняв левой рукой полную бутыль, он задумчиво рассмотрел ее на свет, потом обратился к Фонтено.

У Кевина округлились глаза.

— Что это он такое делал? Что за танцевальные прыжки туда-сюда? Это просто невозможно!

— Что он говорит?

— Я не улавливаю, — ответил Фонтено. — Я слишком был занят его передвижениями. Все это очень странно.

Он что-то спросил Кристофа по-французски.

Кристоф неторопливо ответил. Он вытащил плоскую кипарисовую дощечку и угольный карандаш. Старик начал быстро писать — у него был красивый почерк. Он написал: «Quand la montagne brulle, tout le monde le sait; quand le coeur brulle, qui le sait?» Он писал не глядя, полуотвернув голову, потому что продолжал болтать с мальчиком.

Фонтено перевел: «Когда вулкан извергает огонь, это видно всем, когда в сердце горит огонь, кто об этом знает?»

— Интересная сентенция, — заметил Кевин. Оскар задумчиво кивнул.

— Особенно интересно то, что наш друг может одновременно писать и болтать с ребенком.

— Он одинаково хорошо владеет обеими руками, — предположил Кевин.

— Дело не в этом.

— Он просто очень быстро умеет двигаться, — сказал Фонтено. — Это напоминает фокусника — быстрота рук.

— Нет, и это не то. — Оскар прокашлялся. — Джентльмены, вы не хотите выйти на улицу и побеседовать там? Мне кажется, нам уже пора отплывать.

Они поняли Оскара с полуслова. Фонтено сердечно распрощался с хозяином. Они вышли из хижины и не торопясь двинулись по деревенской улице, провожаемые странными улыбками жителей. Оскар думал о том, как получилось, что оба его телохранителя хромы.

Наконец они добрались до берега, где причалил их катер.

— Так в чем там дело? — поинтересовался Кевин.

— Дело в том, что этот старик может думать одновременно о двух различных вещах.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, тут какое-то вмешательство в нервную систему. Он может совершенно осознанно делать два разных дела одновременно. Он не дал

ребенку пораниться, поскольку ни на секунду не выпускал его из виду. И даже больше: пока он работал резцом, успевал еще следить и за бутылью. Он прислушивался к звуку капель, чтобы успеть заменить бутылку, и в то же время занимался работой. Ведь он даже не посмотрел в ту сторону. Поскольку он просто считал капли!

— То есть у него как бы два мозга, так? — протянул Кевин.

— Нет, у него только один мозг. Но на его внутреннем экране не одно, а два окошка, и он может видеть их оба.

— А-а, мультиплекс.

— В точку. Да, так и есть. Точно.

— Как же у него это получается, — Фонтено недоверчиво покосился на Оскара.

— Моя подружка получила Нобелевскую премию за исследование нейронных основ внимания, — сообщил Оскар. — Считалось, что это еще много лет не найдет практического применения. Так предполагали. Понятно? Уверен, что здесь приложил руку Зеленый Хью.

— А как ты сумеешь доказать, что этот человек действительно может держать в уме две вещи одновременно? Как можно доказать, что он вообще думает?

— Это трудно. Но возможно. Потому что здесь все такие. Поэтому они и не скучают. Поэтому они молятся.

Они ведь молятся непрерывно. И я бы не удивился, если бы выяснилось, что у всех этих молитв какая-то другая цель. Думаю, это своего рода реле между двумя разными потоками сознания. Они рассказывают Богу, о чем они все время думают, таким образом могут прояснить это для самих себя. Вот что Кристоф пытался объяснить нам с помощью пения и плясок вокруг «пылающего сердца».

— Тогда получается, что у них две души, — медленно произнес Фонтено.

— Конечно, — подтвердил Оскар. — Конечно, если вы предпочитаете использовать это слово. Как я хотел бы, чтобы здесь была Грета со своим лабораторным оборудованием. Все сразу стало бы понятным. — Он огорченно покачал головой.

Они подошли к катеру, но Фонтено не спешил уезжать. Он сильно намаялся со своим протезом. Присев на корму, Фонтено тяжело дышал, сняв шляпу. Кевин забрался внутрь и устроил поудобнее ноющие ноги. Пара цапель пролетела неподалеку, в прибрежных вонючих зарослях плескалось у поверхности что-то крупное с мас-

лянисто сверкающими боками.

— Не знаю, что мне делать, — признался наконец Фонтено. Он с укоризной глядел на Оскара, как будто сделанное им открытие было полностью на его совести. — И совсем не понимаю, что мне делать с тобой. Твоя подружка получила Нобелевскую премию, твой охранник — хакер, и вы без предупреждения свалились на крышу моего дома, одетые, как летающие обезьяны.

— Да, конечно. — Оскар помолчал. — Однако все это будет иметь смысл, если мы сможем провести расследование.

— Слушай, не надо меня уговаривать, — сказал Фонтено. — Я привык к здешней жизни и не играю в ваши игры. Я хочу вернуться домой, жить там и умереть там. Если вы втянете меня в свои дела, мне придется сообщить обо всем этом Президенту.

— Я так и думал, что до этого дойдет, — сказал Оскар. — Я работаю на Президента. Я вхожу в Совет национальной безопасности.

Фонтено удивился:

— Ты входишь в администрацию Президента? Работаешь на СНБ?

— Жюль, может, вы перестанете удивляться каждому моему слову. Вы меня этим обижаете.

Почему, по-вашему, я прилетел сюда? И как, вы думаете, я вообще мог догадаться сюда прилететь? И кто другой мог бы разобраться в том, что происходит? Я один-единственный парень на белом свете, который может прилететь полюбоваться на разгул нейровуду черт знает в какой глуши и тут же сообразить, в чем дело.

Фонтено почесал подбородок.

— Так… Ладно, хорошо! Думаю, я с вами. Итак, мистер Супер-эксперт-знающий-все-на-свете, объясните-ка мне вот что. Мы действительно собираемся воевать с Голландией?

— Да. И если Президент узнает о том, что мы здесь нашли, нам предстоит еще и война с Луизианой.

— О господи! Лучше бы я держал рот на замке! Да, лучше было просто молчать.

— Нет, вы все сделали правильно. Хью великий человек, и он провидец, но здесь дело не в Хью. Он не просто южный рубаха-парень с манией величия. Я все понял. Гаитяне для него не просто эксперимент. Он, то есть Хью, сделал что-то странное с самим собой! Что-то очень темное с мозгами.

— И ты собираешься доложить об этом Президенту?

— Да, собираюсь. Потому что наш Президент не такой, как Хью. Он нормален. Просто жесткий, амбициозный политик, правящий твердой рукой, желающий навести в стране порядок, даже если для этого придется сжечь пол-Европы.

Фонтено долго обдумывал услышанное. Потом обернулся к Кевину.

— Эй, Кевин!

— Да, сэр? — подпрыгнул Кевин.

— Не дай им прикончить этого парня!

— Да я и не хотел этой работы! — запротестовал Кевин. — Он не предупредил меня, насколько все это скверно! Правда! Вы хотите стать его телохранителем? Так берите эту проклятую должность!

— Нет, — решительно ответил Фонтено. Они уже забрались внутрь катера и тронулись назад по протоке.

— Он сделал много хорошего для нас, — сказал Фонтено. — Конечно, все, что делал Хью, было в первую очередь ради самого Хью, это всем известно. Но он много сделал для здешних жителей. Он дал толчок к развитию, какого здесь не было столетиями. Он дал надежду на будущее.

— О да, — сказал Оскар, — Хью установил здесь новый порядок, но дело не в том, что новый, а в том, что это порядок. Он занятный парень.

Играет в игры, выступает на публике, покупает всем выпивку и всех веселит. Он получил все: полный контроль над судом и местными законодателями. Коричневорубашечники. Собственные медиа, собственная экономика. Идеология крови и почвы. Секретные склады, полные опасного оружия. Он похищает людей, и целые народности исчезают из поля зрения. Предположим, что в конечном счете у него благие цели. Однако никакие цели не оправдывают применяемых им средств. А теперь он сам на себе испробовал какое-то средство, которое приводит человека в перманентно-шизоидное состояние!

Фонтено вздохнул.

— У меня к вам просьба: если можно, не говорите никому, что это я вас навел. Я не хочу никакой прессы. И я не хочу, чтобы мои соседи узнали, что я предал старину Хью. Это мой дом. Я хочу здесь умереть.

Кевин спросил:

— Вы же уверяли, у этого места такие перспективы. Зачем же тогда умирать, а, старик?

Фонтено посмотрел на него и терпеливо объяснил:

— Дитя, у каждого человека в перспективе смерть. Так устроен мир.

Оскар покачал головой.

— Вы не должны чувствовать себя виноватым. Вы ничем не обязаны Хью.

— Мы все ему должны, черт возьми! Он нас спас! Он спас этот штат. Мы должны ему за москитов, если уж на то пошло.

— Москиты? При чем тут москиты?

— Здесь нет москитов. А мы находимся посреди болот. И нас не кусают. Ведь вы даже не заметили, черт возьми?

— Ладно, что случилось с москитами?

— До того как Хью пришел к власти, они кусали каждую задницу. Москитам очень понравилось глобальное потепление. Когда здесь стало жарче и усилилась влажность, начались массовые эпидемии малярии, лихорадки денге, энцефалита… После большого разлива Миссисипи москиты проникли во все уголки штата. Возникла чрезвычайная ситуация, люди умирали. А Хью тогда только что принял присягу. И он заявил: «Надо действовать! Мы избавимся от них!» И он послал грузовики — не с ДДТ или инсектицидами, как раньше, — никаких отравляющих газов или ядовитых веществ. Нет, это было бы бесполезно. Он послал грузовики с распылителями. Это вроде вакцинации через дыхательные пути. Он

вакцинировал людей. Население Луизианы теперь ядовито для москитов. Наша кровь просто убивает их. Если москит укусит креола, то тут же погибнет.

— Ну надо же! — с энтузиазмом откликнулся Кевин. — Но ведь это не может уничтожить всех москитов?

— Нет, конечно, но эпидемии сразу же прекратились, поскольку зараза не могла больше передаваться от человека к человеку. Хью вообще провел полную вакцинацию — они распылили аэрозоль с воздуха, так что все животные, вообще все, кто дышит, приобрели иммунитет к москитам. Потому что это помогало! От кровососущих здесь умирало множество народа. Тысячи лет они были настоящим бедствием. Но Зеленый Хью всех извел.

Катер двигался дальше. Все трое задумчиво молчали.

— А что это за мошка у вас на руке? — спросил напоследок Кевин.

— А-а! — проворчал Фонтено. — Должно быть, залетела с Миссисипи!

Оскар понимал всю важность увиденного им. Правильно поданные, эти сведения могут породить скандал, который прикончит Хью. Плохо

поданные, они могут привести к концу карьеры Оскара. Они могут даже привести к концу карьеры Президента.

Оскар составил записку — лучший свой отчет — и переправил ее Президенту, надеясь, что она попадет только к нему. Оскару не нравилось, что приходится идти в обход вышестоящих органов, однако он беспокоился о том, чтобы в игру не вступили слишком рьяные, милитаристски настроенные члены СНБ. Их убийственная атака на вертолете, когда он был похищен, спасла его жизнь, но настоящие профессионалы не действуют таким образом.

Оскар изложил Президенту факты, спокойно и разумно, аккуратно и последовательно. Он дал координаты лагеря гаитян и посоветовал послать туда наблюдателя, лучше женщину. Кого-нибудь, выглядящего спокойно и безобидно. Кого-то, кто сможет заснять место и, может быть, даже взять анализы крови.

В течение трех дней Оскар послал множество тревожных запросов, пытаясь получить подтверждение, что его записка получена. Видел ли Президент его докладную? Это имело огромное значение. Это был решающий момент.

Никакого ответа.

Тем временем в Коллаборатории нарастали сложности. Гражданский обслуживающий персонал высказывал свое недовольство. Никто из них теперь не получал жалованья. Они не были учеными, готовыми трудиться ради славы и почета. Они не были и Модераторами, самые преданные из которых шли по стопам ученых. Обслуживающий персонал роптал. Особенно волновались младшие медицинские работники. Они могли найти себе хорошо оплачиваемую работу вне Лаборатории, и вряд ли кто мог от них требовать, чтобы они добросовестно выполняли свои обязанности без денег и материалов.

Долина реки Сабин превращалась все больше в феод Модераторов/Регуляторов. Прежнее патрулирование реки бандами молодых кочевников выродилось в разборки и линчевания. Ситуация усугублялась на глазах, особенно после того, как шерифы городов Джаспер и Ньютон были вынуждены уйти в отставку. Старые техасские шерифы были изгнаны в связи со скандальным взяточничеством. Кто-то перепечатал пространные досье, в которых перечислялись их многолетние заслуги в контрабанде, вымогательстве и проституции — все эти радости жизни были незаконными, но никогда раньше не были особенно непопу-

лярными.

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: гражданские беспорядки в Восточном Техасе тайно организованы Зеленым Хью. Техасские власти должны были заняться этой проблемой, однако всем было известно, что эти власти отличаются большой тупостью. Они вели бесконечные слушания по поводу коррупции в местной полиции, — возможно, они считали, что беспорядки в штате прекратятся в результате бумажной работы, которой они занимались.

Наибольшей неприятностью было провокационное присутствие на границах штата больших отрядов из Европы и Азии. Война, которую затеяла Америка с миниатюрной Голландией, привела к обострению внутренних противоречий. Жестокие конфронтации между преступными группировками — это было то, за что фанаты любили Америку во всем мире. Голландские журналисты были высланы из страны, но французов и немцев оставалось много, особенно в Луизиане. Британия доброжелательно предположила, что Франция тайно снабжает оружием банды Регуляторов, поддерживавших Хью.

Горячие головы среди Регуляторов, помешанные на престиже, были взволнованы получае-

мым по Сети огромным потоком информации. Жизнь молодого поколения Регуляторов была основана на репутации и уважении. Военный кризис разрушал основы экономического равновесия. Кое-кто из них призывал уже обрушиться войной на Модераторов.

Модераторы, по мнению Оскара, были наиболее мягкими и наиболее организованными среди пролов.

Они лучше спроектировали свои сети, которые соответственно лучше работали. Модераторы были более спокойными, менее заметными и гораздо менее склонными к конфронтации. Однако ясно было, что и они, если их подтолкнуть, не остановятся перед убийствами.

На четвертый день после отправки отчета Оскар получил короткое сообщение от Президента. Два Пера в нескольких строках извещал, что докладная дошла и прочитана. Оскар получил приказ никому ничего не говорить.

Через сорок восемь часов разразился мощный скандал. Эскадрон вертолетов США прилетел ночью в центр Луизианы, где приземлился в затерянном среди болот поселке. Два вертолета при этом столкнулись в воздухе и обрушились на крыши домов спящих жителей, причинив боль-

шие разрушения. Были жертвы среди женщин и детей. Сошедшие с ума федералы скандальным образом похитили неизвестное число местных граждан. Четверо федералов разбились при крушении. Их тела Хью продемонстрировал перед камерами европейцев, чтобы были видны черные летные формы с блестящими молниями и устаревшая электроника.

Эксцентричное обвинение так и повисло в воздухе, поскольку администрация Президента, по-видимому, решила не обращать внимания на клоунские выходки луизианского губернатора. Внимание общественности было сосредоточено на американском Военно-морском флоте: атлантическая армада была спущена на воду и послана в Голландию, знамена былой славы гордо развевались и хлопали на ветру. Изящный старый военный корабль выплыл из доков полузатонувшей старой верфи. Все взгляды теперь были прикованы к войне — или, по крайней мере, предполагалось, что прикованы.

За пределами Америки всем было очевидно, даже вечно подозрительным китайцам, что морская атака на Голландию — совершенно абсурдный и смешной жест. Сюжет сатирически обыгрывался в европейской прессе. Встревожены

были, кажется, только голландцы.

Однако в Америке сообщение о войне было воспринято очень бурно. Очнувшись от сонной летаргии в надежде на то, что сможет причинить кому-то вред, Конгресс действительно объявил войну. Военное положение отменяло полномочия чрезвычайных комитетов, и они должны были мирно самораспуститься. Проигнорировавшие решение Конгресса рисковали, что их арестуют. Тем временем улицы заполнили антивоенные демонстрации. Люди искренне были возмущены тем, как извращается Конституция, а нация обесчещена ради внутренних политических выгод.

Прошло двадцать четыре лихорадочных часа войны. После этого администрация Президента обвинила губернатора Луизианы в том, что он, грубо нарушая этику, проводил медицинские эксперименты на незаконно прибывших в США иностранцах. Новость обрушилась на людей как раз посреди барабанного боя и радужных военных надежд. Это был шок, это было ужасно, просто ужасно, немыслимо и невероятно. Главный военврач и глава департамента здравоохранения выступили перед камерами с мрачными лицами, огласив результаты медицинского освидетельствования и представив на обозрение снимки

головного мозга.

Пиаровская атака на Хью была плохо организована, велась на любительском уровне, ей явно недоставало изящества. Однако она была убийственна. Хью удалось выйти сухим из воды после многих скандалов — он либо подкупал, либо запугивал, либо выворачивался тем или иным способом. Но этот скандал перешел все границы. Речь шла о незаметном, беззащитном, лишенном корней маленьком народе, которому преднамеренно залезли в мозги ради технического прогресса. Эта тема была слишком близка и болезненна для большинства американцев. Они не могли просто так ее обойти.

Телефон зазвонил. Оскар мгновенно собрался.

— Ты — грязный ПОДОНОК! — кричал в трубку Хью. — Ты, проклятый янки! Этот народ был совершенно счастлив! Это был рай на земле! Ваши федералы набросились на них в темноте и похитили их! Они их заживо похоронили!

— Добрый вечер, губернатор! Я так понял, вы смотрели вечерний брифинг администрации Президента.

— С тобой все КОНЧЕНО! Выскочка! Я заставлю тебя пожалеть о том, что тебя когда-то клонировали! Я обещал тем людям, что они под моей

защитой! А ты разболтал о них! Я знаю, что это ты! Признавайся!

— Губернатор, конечно же, я признаю это. Давайте поговорим как взрослые люди. Эти новости просочились бы так или иначе, сообщил бы о них я или кто другой. Вы не можете рассчитывать на проведение в течение двух лет тайных нейроисследований на сотнях человеческих особей и в то же время избежать утечки информации. Ученые всегда общаются друг с другом. Даже ваши приручённые специалисты. И даже те выродки, что живут у вас в соляных копях и проводят жестокие эксперименты на иностранцах, даже они общаются с собратьями по профессии. У ученых принято делиться успехами и достижениями. Ясно, что ваши ручные спецы где-нибудь да обронили словцо, болтая с другими нейроисследователями. И конечно, я об этом узнал. И естественно, я сообщил Президенту. Я работаю на Президента. — Оскар прокашлялся. — И можете мне не верить, но я не готовил сегодняшнее выступление. Если бы этим занимался я, все было бы сделано более профессионально.

Интересно, проглотит ли Хью эту быстро сварганенную ложь. Он старался вовсю, чтобы все звучало убедительно. Он хотел прикрыть Фон-

тено, настоящий источник информации. Может быть, и сработает. В любом случае это должно раздражить и отвлечь Хью и подкармливаемых нейрошарлатанов.

— Ты не мог поверить в эту расистскую ложь, которую они наплели насчет моих гаитян. Эти люди не чудовища! Они просто верующие, у них немного странная медицина. Рыбий яд для зомби, вот и все!

— Губернатор, я рыдаю от умиления! Вы что, держите меня за младенца? Или боитесь, что я записываю разговор на ленту? Если вы не хотите говорить всерьез, можете повесить трубку!

— Ну уж нет! — прорычал Хью. — Ты и я зашли слишком далеко. Я всегда могу говорить с тобой, Мыльный Мальчишка!

— Очень хорошо. Я рад, что наше прежнее соглашение все еще в силе. Тогда давайте постараемся обойтись без околичностей.

— По крайней мере, я узнал, что ты имеешь возможность говорить с Президентом. Этот сукин сын не отвечает на мои звонки! На звонки старейшего губернатора Америки! Я был знаком с этим выродком, я встречал его на конференциях губернаторов. Черт подери, я оказал ему массу услуг. Я научил его всему, что он знает о про-лах и

как надо вести с ними дела. Модераторы… А, дьявол, к чему я это говорю! Он убил мой народ! Он их похитил! Скажи Президенту, что он выбрал не того человека. Боксеру веса Пера не убрать меня с дороги! Он получил тогда только восемнадцать процентов голосов! Скажи ему это. Напомни ему, что Хью это не забыл!

— Губернатор, я был бы рад передать ваши сообщения Президенту, но позвольте прежде дать вам один разумный совет? Заткнитесь. С вами все кончено.Президент загнал вас в угол. То, что вы сделали с гаитянами, совершенно немыслимо! Вы сами погубили себя в общественном мнении.

— Так что, по-твоему, мне следовало оставить их тонуть на их острове?

— Да, именно это и следовало вам сделать. Оставить их. Вы не можете стать владельцем народа просто потому, что спасли его от смерти. Вы хотели подтолкнуть к развитию человеческий мозг, вводя необычные наркотики ничего не подозревавшим об этом людям? Так отправляйтесь назад, в 1960-е годы, и присоединяйтесь к ЦРУ! Вы не Бог, Хью! Вы просто чертов губернатор! И вы зашли слишком далеко! Вы не сможете выкрутиться, поскольку в этом деле полно ваших отпечатков — не только пальцев, но и мозгов!

Хью расхохотался.

— Попробуй это докажи!

— Они потребуют, чтобы вы сами прошли PET-сканирование. И тогда обнаружат двойные синхронизированные волны химического распределения, и измененный электрический рисунок в corpus collosum, и все прочее нейробарахло, которое из политиков только вы да я можем выговорить правильно! Они выставят вас как монстра! Народ увидит в вас Франкенштейна! Толпа будет готова разорвать вас на клочки! Речь не о том, что у вас будут политические проблемы, речь о том, что вас убьют!

— Я все это знаю, — спокойно заявил Хью. — Ну и что? Пусть делают что хотят.

Оскар тяжело вздохнул.

— Послушай, Этьен, можно мне тебя так называть? Я чувствую, что мы теперь понимаем друг друга намного лучше… Этьен, пожалуйста, не позволяй им тебя убить. Этого добиться легко, но это совершенно ни к чему. Послушай меня. Я симпатизирую тебе. Я испытываю глубокий профессиональный и личный интерес к политикам-монстрам. Поверь мне, это нисколько не упрощает дела, напротив, только усложняет,

— Ты понимаешь, что я могу устроить тебе

веселенькое время, верно? «Клонированный колумбийский уродец на берегу моря в любовном гнездышке вместе с нобелевским лауреатом».

— Этьен, я не просто клонированный колумбийский уродец. Я профессиональный консультант по проведению политических кампаний. Позволь мне дать тебе профессиональный совет. Сдайся. Отойди в тень. Забери наличку из какого-нибудь чертова фонда и смойся вместе с любимой женой, если она захочет уехать вместе с тобой в изгнание. Устрой себе самовольную ссылку. Понимаешь? Оставь страну. Так бывает. Это традиционный способ. Это законный политический маневр.

— Я не сбегу. Хью так не поступит.

— О да, конечно же, «Хью не способен», черт побери! Перебирайся во Францию на. подводной лодке — я знаю, что у вас их там дюжины в нейтральных водах. Пусть они отвезут тебя на какую-нибудь милую виллу на Эльбе или на острове Св. Елены или куда угодно еще! Возьми с собой надежных телохранителей. Это вполне возможно! Ты будешь хорошо питаться, писать мемуары, загоришь и отдохнешь. А там… там… может быть, в один ненастный день, если все здесь станет еще хуже, чем сейчас… кто знает… может быть,

даже ты на этом фоне будешь смотреться хорошо. Это кажется нездоровым, но я сейчас уже вообще никого не берусь осуждать. Может быть, когда-нибудь преднамеренное наложение шизоидной матрицы на ничего не подозревающих об этом людей будет рассматриваться как политически допустимое. Но, черт возьми, сейчас — нет. Поинтересуйся завтра опросами общественного мнения. Ты погорел.

— Детка, я — Хью. Это ты погорел! Я доберусь до тебя и твоей подружки и до всей вашей Лаборатории, которая, если быть точным, является моей исследовательской лабораторией.

— Не сомневаюсь, что ты можешь попытаться это сделать, но зачем тебе тратить на это время и энергию? Сейчас ты этим уже ничему не поможешь. Я, честно говоря, думал, что у тебя лучшее чутье на такие вещи.

— Сынок, это ты до сих пор не чуешь кое-чего. Я не собираюсь тратить на вас время. Я разделаюсь с вами в свободное время, ковыряясь в ушах или почесывая между делом пузо.

Хью отключил связь.

Теперь, когда война уже была развязана, атмосфера в стране сильно переменилась. От нынешнего президента никто не ожидал такой

прыти. Эксцентричный миллиардер из коренных американцев, он был избран на пост под флагом «Ну-сойдет-и-такой», в надежде, что его хвастливое красноречие сможет как-то удержать общую мораль от дальнейшего падения. Даже Оскар ничего особенного от него не ожидал. Будучи губернатором Колорадо, Два Пера ничем не блистал. Зато, дорвавшись до президентства, тут же показал себя. Стало ясно: это феномен. Он был из тех президентов, чье правление именуют потом эпохой, а жить при которых бывает крайне опасно, хотя интересно.

К несчастью для Зеленого Хью, на поле американской политической жизни мог уместиться лишь, один эксцентрично одетый политический краснобай, жаждущий авторитарной власти. Два Пера вытеснил Хью из Белого дома. И, хуже того, он распознал в Хью реальную угрозу человека, с которым нельзя объединиться. А потому решил разделаться с Хью.

Началась словесная война между Президентом и неугодным губернатором. Хью обвинил Президента в провокационном шпионском наблюдении. Это была истинная правда — небо над Луизианой почернело от толпившихся там всех видов летающих средств, принадлежащих

федералам, пролам, европейцам, азиатам — всем, кто был способен запустить бесплатный самолет с камерой на борту.

В ответ Президент обвинил губернатора в предосудительном сотрудничестве с иностранцами в военное время. Это также была правда, так как первым результатом объявления войны Голландии был массовый приток европейских туристов в Америку. Они уже неведомо сколько не видали государства, ведущего войну, и жаждали воочию увидеть эту удивительную страну, славящуюся еще и тем, что там на блошином рынке продаются полные корзины подслушивающих устройств. Неожиданно все туристы оказались иностранными шпионами.

Затем Президент начал поднимать ставки. Он сурово потребовал возврата оружия и оборудования с разворованной базы ВВС, грозя неизвестным похитителям карательными мерами.

Нет нужды говорить, что никто не отозвался на этот призыв, и оружие с бывшей базы не обнаружилось. Зато губернатор обвинил Президента в государственном заговоре и подготовке военного переворота.

В Сенате США началось длительное расследование деятельности сенаторов, которых подкарм-

ливал Хью. Президент потребовал суда над двумя луизианцами, обвиняя их в двурушничестве. Он объявил также, что будет проведено расследование деятельности всех представителей от Луизианы в правительстве.

Хью в ответ призвал Сенат подвергнуть импичменту Президента, а население — к всеобщей антимилитаристской забастовке, которая должна была парализовать страну.

Оказавшись перед угрозой всеобщей забастовки, Президент объявил в одностороннем порядке о создании добровольных гражданских сил обороны, названных Разведывательным управлением гражданской обороны. На бумаге это странное подразделение являлось Национальным клубом гражданских активистов, который был подчинен только Президенту. У отрядов РУГО не имелось бюджета, а во главе них был поставлен украшенный многими орденами пожилой герой-ветеран, который, кстати, жил в Колорадо и был лично знаком с Президентом. Совершенно случайно он был также Модератором весьма высокого ранга.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что Разведывательное управление гражданской обороны — это и есть Модераторы. РУГО представляло собой гигантскую банду пролов, которую

напрямую поддерживал глава исполнительной власти государства. Итак, Рубикон был перейден. Стало очевидно, что бывший губернатор Колорадо пестовал собственные отряды пролов на протяжении многих лет. Хью держал при себе Регуляторов на заднем плане. Президент же открыто ввел в игру собственную мафию под маркой национального клуба. Президент сделал это позже и, возможно, сильно свой кошелек, но у него было одно преимущество. Он был Президентом.

С этого момента власть Президента стала ощущаться как действительная и даже опасная сила. Это была классическая политическая коалиция, то же самое, было когда-то в средневековой Франции — верхушка объединилась с низами, чтобы прижать к ногтю горделивую и строптивую серединку.

Первой акцией, которую провел Президент с помощью своих полулегальных отрядов, было полное упразднение чрезвычайных комитетов. Это был гениальный ход, поскольку к чрезвычайным комитетам питали ненависть все, их боялись даже больше, чем пролов. Кроме того, чрезвычайные комитеты потеряли свое законное прикрытие и были теперь беспомощны. Атако-

вать новое нелегальное образование с помощью только что легализованного бывшего нелегального образования — это впечатлило американцев. В хитром маневре виделась подспудная симметрия. Это был красивый ход. Рейтинг Президента резко взлетел вверх. Президент впервые за много лет сделал что-то реальное.

Комитеты РУГО применяли тактику морального давления. Они не имели права арестовывать граждан, а потому прибегли к ненасильственным методам — «пикетированию частного лица»: группа до зубов вооруженных людей следовала по пятам за членами чрезвычайных комитетов повсюду, куда бы они ни шли, надзор продолжался днем и ночью. Тактика действовала на нервы не меньше, чем обливание грязью в средствах информации. Слежка, обычный прием разведывательных органов, обычно ведется тайно, но пролы сопровождали своих жертв подчеркнуто открыто. Для них такая работа не составляла труда. Они чувствовали себя в этой ситуации как рыба в воде. У пролов и раньше было некое подобие разведывательной организации — небольшая разбросанная скрытая сеть. Получив поддержку сверху, они объединили свои сетевые ресурсы и сформировали кристально ясную

структуру. Врагам нынешнего Президента негде было укрыться от их постоянного бдительного наблюдения.

Или, по крайней мере, так всем казалось. Пока еще рано было говорить, что президентское РУГО как новая армия действительно имеет прочную власть. Однако даже один намек на ее существование вызвал шок у всей системы. На носу была новая эра. Америка чрезвычайных комитетов осталась в прошлом. Наступала эра войны.

Оскар исследовал все эти изменения с профессиональной точки зрения и попытался уловить общее настроение масс. После чего объявил Грете, что в Коллаборатории больше нет Чрезвычайного положения, они находятся на военном положении.

— И к чему ты это говоришь? — удивилась Грета, сидевшая за полночь на одном из их заседаний Комитета. — Какая разница?

— Огромная!

— Но это же чистая семантика. Мы все те же самые люди. Я тот же самый директор, помоги мне, Боже, и мы все еще являемся Чрезвычайным комитетом, как единственные люди, способные справиться с неразберихой.

— С нынешнего дня мы становимся Военным

комитетом.

— Но это же просто символика!

— Нет, не просто. — Оскар вздохнул. — Я объясню тебе все это популярно. Президент на время кризиса полностью взял власть в свои руки. Он обходит Конституцию. Он урезал права Сената, он уничтожил чрезвычайные комитеты. Для этого он использовал банды социальных отбросов, которые получают приказы лично от него и подчиняются только ему.

— Да, Оскар, мы все это знаем. Мы же не слепые! И я очень огорчена, что Президент решил прибегнуть к таким радикальным методам.

— Грета! Президент подражает нам! Это совершенно то же самое, что сделали мы! Президент делает так потому, что у нас это получилось! Ты страшно теперь популярна. Народ в восторге от того, как ты захватила власть с помощью банды пролов.

Грета была в замешательстве.

— Ох!.. О боже!

— Я должен признаться, что это не самый лучший день для американской демократии. Я признаю, что все это скорее ужасно. Чудовищно. Это может обернуться катастрофой. Но для нашей Лаборатории это чудесная новость. Это означает,

что все мы почти наверняка не будем призваны к ответу, нас не вызовут в суд за то, что мы здесь натворили. Понимаешь? Мы вывернулись! Это чудесный политический подарок нам от нашего главного защитника и благодетеля — господина Президента. Мы теперь на свободе! Все, что нам предстоит делать с нынешнего момента и впредь, так это принимать ту же раскраску, что Президент. С нынешнего дня у нас защитная окраска. Мы больше не сумасшедшие радикалы, мы не бастующая Государственная лаборатория. Мы — лояльные граждане, которые сознательно участвуют в гигантском социальном эксперименте, затеянном Президентом, эксперименте по созданию нового общественного порядка. С сегодняшнего дня мы превращаемся в Военный комитет.

— Но мы не можем быть Военным комитетом! У нас здесь нет войны.

— Ах это! Напротив, есть.

— Нет здесь войны!

— Подожди немного.

Два дня спустя Президент прислал в Буну свои войска. Армия США наконец ответила на его запрос, несмотря на глубокое отвращение к участию в междоусобицах, нарушающих права

американских граждан. К несчастью, присланный пехотный батальон оказался батальоном специального назначения по разрешению конфликтов малой напряженности.

Военные силы США после окончания эры традиционных вооруженных конфликтов поняли, что на смену мечу пришло перо. Меч больше не требовался в эпоху, когда войн не было, а обычная армия могла быть рассеяна в прах дешевыми машинами.

Тогда американская армия затупила мечи и заострила перья. Президентский спецназовский отряд был «76-м батальоном инфовойны и социальной адаптации» и состоял в основном из работников социальных служб. Они специализировались на оказании первой помощи, помощи полиции консультированием в пост-стрессовых ситуациях, облегчении положения пострадавших от природных катаклизмов. Отряд был одет в белые халаты и наполовину состоял из женщин. Никто из них ни разу в жизни не держал в руках оружия, и к тому же их нынешняя боевая операция никем не финансировалась. По правде говоря, они и предыдущие четыре месяца не получали зарплату и были вынуждены продать личное вооружение, чтобы свести концы

с концами.

В Коллаборатории стало тесно. Отлов и поедание редких животных перестали быть исключительными случаями. С появлением под куполом пяти сотен психоаналитиков в сопровождении их собственного пресс-центра многострадальный Коллаборатории оказался перенаселен.

Чтобы чем-то занять вновь прибывших, Оскар послал батальон психологов на осаду засевших в Раскрутке сторонников Хью, которые упрямо не желали прекращать забастовку. Психологи с радостью принялись за работу. Однако Коллаборатории стал похож на громадный улей.

Идеальным решением было бы строительство нового убежища. Модераторы, несмотря на сложные взаимоотношения сотрудничавшие с федералами, разбили палатки за пределами купола. Оскар предполагал построить дополнительные здания, которые соединялись бы с Коллаборатория. В проектах Бамбакиаса по строительству в чрезвычайных условиях были некоторые совершенно удивительные методы строительства. Материалы были доступны. Рабочая сила имелась в избытке.

Вот только не было денег на покупку земли. Коллаборатория был окружен со всех сторон зе-

мельными участками, принадлежащими городу Буна. Городские власти были очень довольны соседством с Коллабораторием и даже гордились тем, что благодаря этому они получили такую известность. Однако вынудить их просто отдать участки Коллабораторию не представлялось возможным. С другой стороны, многие дома вокруг были сданы в аренду на основе нерасторгаемых договоров командам европейских и азиатских журналистов, неправительственных миротворческих организаций и организаций по защите прав человека.

Итак, они застряли. Все опять упиралось в деньги. Они доказали, что наукой можно заниматься и без денег, на чистом энтузиазме, что жизнь превращается в чудо. Но люди все же оставались людьми. В деньгах они нуждались, и даже очень.

Атмосфера накалялась. Несмотря на полную безвредность батальона социальных работников, Хью поднял грязную шумиху в прессе по поводу того, что вблизи границ Луизианы расположены федеральные войска, и обвинил Президента ни много ни мало, а в шпионаже в пользу голландцев и что вообще Президент — это голландский тайный агент. Истерические крики в средствах массовой информации основывались на том,

что когда-то Президент, который в свое время занимался бизнесом, вел торговлю с Голландией. Оппо-спецы Хью накопали огромные досье о контактах Президента в тот период.

Впрочем, все это не имело значения. Только шизоид с раздвоенным сознанием мог предполагать, что Президент является голландским агентом, когда тот же Президент только что объявил Голландии войну и доблестный американский флот плыл к Амстердаму. Когда голландцы взывали о помощи, но никто не откликался.

Мало того что обвинения в шпионаже никого не убедили, они доказали многим из тех, кто прежде скромно отсиживался в стороне, что Хью окончательно спятил. Хью стал опасен, его следовало убрать с официальных должностей любым способом. И тем не менее Хью это не остановило: он провел публичные учения личной милиции, очистил от неугодных полицию и поклялся отомстить всем лицемерам и лжецам на свете.

Оскару и Грете теперь ничто не мешало. Они могли выступать с серьезными предложениями по поводу будущего Лаборатории. После долгих споров, непонимания, после трудных первых недель управления они начали постепенно выигрывать битву, смогли убедить многих в том, что

у Лаборатории есть будущее, а их усилия имеют смысл. Конец чрезвычайных комитетов и начало войны потребовали новой информационной среды. Оскар отключил громкоговорители, которые передавали дискуссии в Чрезвычайном комитете. Военное время требовало речей про «болтуна — находку для шпиона» и про «кровь, пот, слезы и тяжкий труд». Пришла пора прекратить пропаганду в Коллаборатории. Все уже знали, что к чему и каковы ставки. Теперь нужно было защищать то, что построено, и распевать марши.

И одновременно они не могли сделать слишком многого. С уничтожением чрезвычайных комитетов и началом войны ситуация вышла у них из-под контроля. Они перестали быть строителями собственной судьбы. Они теперь уже не держали в руках инициативу. Им оставалось только ждать. Настоящие действия происходили в Вашингтоне, в Гааге, на кораблях военной эскадры, что пересекала бушующую Атлантику, кажется, с наименьшей возможной скоростью. Нация воевала.

Не успели они еще до конца осознать собственную незначительность, как вдруг случилось то, что могло окончиться для них летальным исходом. Глава РУГО прибыл в Буну. Это был

Модератор из Колорадо по имени Фельдмаршал Манчи Менло. Прежнее имя Манчи Мен-ло было Гутьеррес. В далекой юности он был связан с кровавым подавлением попытки переворота в Колумбии и Перу. Манчи Менло начал гражданскую жизнь. Он сильно пил и даже не смог управлять бакалейным магазинчиком. Случайно его забросило на другой конец света, туда, где обитали Модераторы, и тут он нашел себя.

Фельдмаршал Менло — он горячо настаивал на том, чтобы его называли «полевым» именем, — был таким представителем военных, каких Оскар до сих пор не встречал. Прямодушный бородач со скромными манерами. Он излучал какой-то магнетизм, присущий тем, кто лично убил многих людей.

С началом войны Оскар сам получил повышение. Он был теперь официальным членом Совета национальной безопасности. У него была личная ID-карта с голограммой и личный штамп для бланков СНБ, где значилось, что он является «советником-консультантом по науке и технике». Оскар, естественно, был тем человеком, который встретил Фельдмаршала Менло. Когда тот приехал — на мотоцикле, в одиночку, без всякого эскорта, — Оскар представил его Военному

комитету.

Менло объяснил, что приехал сюда, дабы лично все осмотреть. РУГО обсуждало возможность военной атаки на границах Луизианы.

Послушать Менло пришел весь Комитет Коллаборатория в полном составе. Собралось пятнадцать человек, среди которых были Грета, Оскар, Альберт Гаццанига, ставы подразделений Коллаборатория и шесть представителей от Модераторов. Модераторы очень обрадовались новости. Наконец-то, с поддержкой федеральных сил, они смогут врезать Регуляторам так, как те давно заслуживают! Все остальные члены Комитета были, естественно, подавлены новостью. Оскар взял слово.

— Фельдмаршал, хотя я ценю преимущества похода на Луизиану — блестящего похода… ограниченного хирургического рейда, — я все же не вижу, чем поход против американских граждан другого штата может нам помочь. Хотя Хью все еще у власти, но он уже ослаблен. Доверие к нему падает. Это всего лишь вопрос времени, когда внутренние противоречия заставят его уйти с поста.

— Ммм-гмммм… — произнес Фельдмаршал. Гаццанига скривился.

— Страшно подумать, как представит пресса американских солдат, напавших на мирных американских граждан… Это ведь, по сути, гражданская война.

— Мы все будем выглядеть дремучими варварами, — добавила Грета.

— Экономическое эмбарго, моральное давление, остракизм в Сети, инфовойны. Такими способами решаются подобные проблемы, — заключил Гаццанига.

— Понятно, — сказал Фельдмаршал. — Тогда, позвольте, я добавлю одну маленькую, но немаловажную деталь к общей картине. Президент очень сожалеет о том, что вооружение с базы ВВС так и не было возвращено.

Они покивали.

— Но это случилось слишком давно, — сказал Оскар, — и вряд ли является животрепещущей проблемой.

— Это мало кому известно — я хотел бы, чтобы то, что я скажу, не вышло за пределы нашего совещания, — но там, на этой базе ВВС, были специальные ракетные батареи «земля — земля» близкого радиуса действия.

— Ракетные, — задумчиво повторила Грета.

— По данным аэроразведки, эта ракетная бата-

рея спрятана в данный момент в лесу в долине реки Сабин. У нас есть также подтверждающие эти сведения сообщения наших разведчиков, которые предполагают, что метательные снаряды этой батареи снаряжены газовыми боеголовками.

— Газовые боеголовки? — переспросил Гацданига.

— Они были спроектированы для подавляющих газов, — сообщил Менло. — Аэрозоль для утихомиривания толп. К счастью, их радиус действия невелик. Всего пятьдесят миль.

— Понятно, — сказал Оскар.

— Вы здесь, в Буне, являетесь единственным федеральным объектом, который находится в зоне обстрела, в пределах пятидесяти миль.

Никто из сидящих не произнес ни слова. Наконец Грета спросила:

— Расскажите, пожалуйста, как действует ракетная батарея.

— О, это был отличный проект, — ответил Менло. — Прочные ракеты, в основном из пластика, растворяются в воздухе, распыляя аэрозоль. Потом он выпадает в виде тумана, окружая все желатиновыми микросферами. Психотропные агенты внутри сфер, а сферы раскрываются, толь-

ко если попадают на человеческое тело. После нескольких часов на открытом воздухе микропорошок опадает и становится инертным. Но все человеческие существа, оказавшиеся в радиусе его действия, подвергаются его атаке.

— То есть, говоря коротко, это похоже на воздушную вакцинацию? — спросил Оскар.

— Да. Очень похоже. Это хорошее сравнение. Думаю, вы теперь примерно представляете общую картину.

— Что за нездоровые субъекты создают такие вещи! — сказала Грета.

— Ну, это американские военные, специалисты по биологической войне. Некоторые из них придумали эти устройства как раз накануне того, как мы проиграли экономическую войну. — Фельдмаршал Менло вздохнул. — Насколько я понял, эта технология никогда не применялась.

— Значит, он будет бомбить нас этими штуками, — громко резюмировал Оскар.

— Почему вы так думаете?

— Потому что он прячет у себя этих самых специалистов. Он переманил их к себе уже довольно давно, годы назад. Он посадил их в соляные копи, и они работают на него. Психотропный газ — это как раз то, что они использовали, чтобы

захватить базу ВВС. Воздушные вакцинации Хью применял против москитов в дельте реки. Все сходится. Это его методы.

— Мы согласны с таким предположением, — сказал Менло. — Президент потребовал, чтобы Хью вернул газовую батарею, однако без толку. Очевидно, он собирается ее использовать.

— А какова природа субстанции в микросферах? — спросила Грета.

— Скорее всего, психотропик. Если они покроют площадь величиной с город Буну, то у вас может возникнуть проблема: сорок восемь часов общего сумасшествия. Хотя там могут быть и другие вещества, кто их знает.

— И эти ракетные батареи в данный момент направлены на нас?

Менло кивнул.

— Всего одна батарея. Двадцать боеголовок.

— Я вот подумал, — пробормотал Гаццанига, — что, если провести ограниченный хирургический рейд в глубь штата… Нет, не официальных федеральных войск, а, позвольте сказать, компетентных бойцов-ветеранов, замаскированных под Модераторов…

— Совсем другое дело, — сказал глава департамента.

— Конечно.

— Это предотвратит кризис. Увеличит общую безопасность.

— И я так думаю.

— Когда вы начнете атаку, Маршал Менло?

— Через семьдесят два часа, — сказал Фельдмаршал.

Но Хью начал бомбить их через сорок восемь.

Первый ракетный удар пришелся не по куполу Кол-лаборатория, а по западной окраине города Буны. Часть города площадью примерно в четыре футбольных поля заволокло черным гелиевым облаком. Полет биоснарядов и их взрывы были абсолютно беззвучны. Это произошло около трех часов ночи. Германские кинематографисты, остановившиеся в местной гостинице, заметили, что улицы города, крыши домов и окна усыпал тонкий слой черного порошка.

За сим последовала массовая истерия. Последнее время пресса уделяла большое внимание судьбе гаитян, находящихся теперь в Вашингтоне. Газовая атака на Коллабораторий также не осталась без внимания. Новости с заседания Военного комитета Коллаборато-рия, конечно же, сразу просочились — не официально, а в виде слухов. При виде черной пыли, подтверждения

их наихудших опасений, жители города Буны потеряли рассудок. Поступали сообщения о судорогах, конвульсиях, рвоте, икоте. Многие из пострадавших жаловались на раздвоение личности, на появление второго зрения и даже на телепатию.

Команда Коллаборатория, надев респираторы, вышла на сбор порошка, оставшегося после газовой атаки. Они собрали образцы вещества и вернулись под купол, с трудом протолкавшись сквозь толпы обезумевших людей, осаждавших шлюзы Коллаборатория. У ворот было множество крайне неприятных инцидентов, там толпились семьи, потерявшие друг друга в общей суматохе, матери поднимали вверх детей и умоляли о милости и защите.

Около десяти утра в результате лабораторных анализов было установлено, что черный порошок является обычной краской. Это был черный нетоксичный несмываемый полимер. В нем не было никаких психотропных веществ. Сумасшествие городских толп было просто результатом массового психоза. Выстрел по городу оказался мыльным пузырем с черной краской. Это предостережение с черным юмором.

Рейд РУГО против скрытой в лесу батареи был

отменен, так как батарея переместилась. Хуже того, обнаружились еще двадцать батарей в разных местах в окрестностях Луизианы: они были скрыты на фермах, в городах, двигались по дорогам в грузовиках.

Вопреки тому, что научный анализ установил полную безвредность черного порошка, большая часть населения не поверила этому. Хотя и власти штата, и федеральное правительство официально заявили, уто это обычная краска, люди отказывались верить. Большинство было охвачено параноидальной тревогой и страхом, но были и другие.

В последовавшие за этим дни на черном рынке появились в продаже разнообразные варианты порошков в пластиковых упаковках. Сотни людей хлынули в Буну, желая добыть и вдохнуть странный порошок. Распространился слух, что он дарует чудесное исцеление. Люди завалили губернатора Луизианы открытыми письмами, в которых требовали обстрелять их города «освобождающим газом».

Хью полностью отрицал причастность к выстрелам на границе Луизианы. Он отнекивался от какого-либо черного порошка. Он смеялся над сошедшими с ума жителями — что было

нетрудно — и высказывал предположение, что федеральное правительство не справляется со своими обязанностями. Двоих ставленников Хью выкинули из Сената, однако это только развязало ему руки в отношении Вашингтона.

Настроение Хью резко изменилось после того, как на него самого было совершено покушение. Один из людей Хью, который пользовался его доверием, пронес взрывное устройство в здание администрации штата. В результате взрыва у Хью была поранена левая рука, а двое из его приближенных убиты. Это нападение на Хью не было первым в его жизни, но оно оказалось первым почти удавшимся покушением.

Естественно, он подозревал, что за покушением стоит Президент. Оскар сильно сомневался, что Президент стал бы прибегать к столь архаичной и жестокой тактике. После покушения Хью резко натянул поводья, его карающая рука обрушилась на неугодных и в особенности на местных Регуляторов. Ясно было, что козни строит кто-то из своих, из луизианцев, что решили убить амбициозного предводителя, который своими действиями навлек на собственный штат гнев федералов. Регуляторам, в частности, вовсе не улыбалось столкнуться с местью федераль-

ного правительства. Регуляторы за пределами Луизианы, а таких было много, чуяли, откуда дует ветер, и давали понять, что поддерживают квазилегитимность президентского РУГО. Хью сделал многое для пролов в прошлом, но даже пролы разбирались в расстановке политических сил. Зачем погибать вместе с опальным губернатором, когда можно играть весомую роль при нынешнем Президенте?

Ракетная атака на Буну имела одно долговременное последствие. Стало совершенно очевидно, что война вступила в свои права. Черный порошок был первым залпом, всем стало ясно, что город в самом недалеком будущем может подвергнуться новой атаке. Перспектива превращения всех окружающих в сумасшедших маньяков, пусть даже только на сорок восемь часов, удивительным образом прочистила многим мозги.

У Коллаборатория герметичный купол. Под ним безопасно. Однако он не может вместить всех желающих.

Очевидным решением было строительство нового купола. В герметично закрытую крепость должен превратиться весь город.

С планов строительства стряхнули пыль. День-

ги и права владения вдруг потеряли всякое значение. Местные жители, зеваки, ученые, солдаты, Модераторы, мужчины, женщины и дети — все в едином порыве принялись за дело.

Различные фракции имели разные представления о том, как должно выглядеть убежище. Кочевники Модераторы стояли за островерхие тенты или типи. Жители Буны предпочитали здания, похожие на сельскохозяйственные оранжереи. Солдаты отряда социальной службы, которых тренировали оказывать помощь потерпевшим бедствие, привыкли к казармам барачного типа, укрепленным мешками с песком и имеющим походные кухни с переносными флягами для воды. Ученые Коллаборатория со своей стороны пришли в ужас от проектов Бамбакиаса, наилучшим вариантом им казалось прочное, надежное укрытие вроде их собственного купола. Им никогда не приходило в голову, что подобного рода укрытия могут быть легкими, воздушными, переносными, на ходу строящимися и легко передвигающимися. Это была другая архитектура — герметичные эфемерные структуры, которые могли увеличиваться до бесконечности. Купол мог превратиться в своего рода децентрализованную, перекатывающуюся с места на место амебу.

Казалось, нужно время, чтобы взвесить все альтернативы, прийти к удовлетворяющему всех решению и затем вместе приняться за общий главный проект. Мэр Буны, здравомыслящая женщина средних лет, сведущая в оранжереях, прилагала большие усилия, чтобы «держать все под контролем».

Затем разорвались еще два снаряда с краской. Они были лучше нацелены и попали прямо в купол Коллаборатория, засыпав прозрачное покрытие тонким слоем черного порошка. Внутри сооружения наступили сумерки, понизилась температура, пострадали многие растения и животные, а люди помрачнели и разгневались. Оказавшись перед лицом явного, прямо против них направленного удара, они решили, что надо реагировать немедленно.

Все обсуждения разом прекратились. Больше не было времени на болтовню. Решение было принято. И каждый начал строить то, что считал возможным. Они разбились на маленькие группки. Когда проекты пересекались или взаимодействовали, они просто оставляли один проект и строили рядом что-либо еще более впечатляющее. Город Буна — в том виде, в каком он был раньше, — перестал существовать. Ги-

гантский купол будто оброс метастазами и стал напоминать картины Дали. Оранжереи Буны превратились в крытые, соединенные туннелями и перекрытиями сооружения. Целые кварталы города за ночь оказались покрытыми блестящими прозрачными пластиковыми пузырями. Герметичные кирпичные укрытия и бомбоубежища были разбросаны повсюду.

Хью выбрал этот момент для хорошо документированной атаки в прессе на Грету и Оскара. Никаких опровержений не последовало. Хью не мог найти худшего для себя времени для начала подобной кампании. В мирные времена это могло бы стать политическим скандалом. Было бы ужасно узнать, что политический консультант предвыборной кампании (сомнительного генетического происхождения) продвинул свою подружку на место диктатора Федеральной лаборатории, за что она заплатила сексом в пляжном домике в Луизиане.

В Вашингтоне новость вызвала некоторую панику, были опрошены ученые, ранее работавшие в Лаборатории. Ученые сообщили, что очень стыдно женщине спать ради достижения руководящего поста. Однако в Буне шла война. Разоблачение никем в Буне не было воспринято

как разоблачение — это был военный роман. Массы сочувствующих доброжелателей разве что не толкали Оскара и Грету в объятия друг другу. В военное время старые социальные ограничения не действовали. Военно-любовные романы множились повсюду: ученые, женщины Модераторов, европейские журналисты, жители Буны и даже военные — все занимались сексом. Нельзя было потребовать от человеческих существ, трудившихся плечом к плечу на общем строительстве ради защиты от угрозы газовой атаки, чтобы они избегали секса с посторонними.

Кроме того, их руководители занимались тем. же. Это было общественным признанием их собственной социальной мощи. Конечно, все это было нарушением обычных жизненных правил. Но они делали то же самое, что делает любой здоровый человек, и это, собственно, было тем, ради чего предпринимались все усилия. И понятно, что у директора Лаба должен быть страстный секс с генетически сомнительным политиком. Грета была разукрашенной Жанной д'Арк, невестой в военных доспехах времен научных войн.

Народ сочинял анекдоты на эту тему. Эти анекдоты пересказывал Оскару Фред Диллан, один из немногих, кто остался из его прежней команды.

К примеру, Фред рассказывал ему такую политическую притчу о Грете-и-Оскаре:

«Слушай. Грета и Оскар смылись в Луизиану, чтобы заняться сексом в болотной глуши. Они наняли лодку и уплыли туда, где нет жучков и никто не шпионит. И вот они занялись этим в лодке, но Оскар так перевозбудился, что свалился за борт.

Ну, Грета уплыла одна за помощью и обратилась к местным креолам, но там не было и следа Оскара. И вот она ждала целую неделю, а потом к ней приходит креольская делегация:

— Ну, доктор Пеннингер, у нас для вас новости — одна плохая и одна хорошая.

— Давайте сначала плохую.

— Ну, мы нашли вашего дружка, генетического уродца, но, к сожалению, он уже утонул.

— Ох, это очень плохая новость. Это ужасно. Это самое худшее, что могло быть.

— Ну, это не так ужасно, потому что когда мы вытаскивали его из болота, то нашли две огромные корзины крабов!

— Ладно, по крайней мере, вы отыскали тело бедняги… Куда вы его отвезли?

— Ну, вы уж нас простите, мэм, но раньше мы никогда не находили таких хороших крабов, так

что его мы оставили пока что полежать на дне».

Это был очень хороший анекдот для того небольшого сообщества, особенно если учесть скрытый подтекст.

Подобно множеству других политических анекдотов, он, естественно, перенаправлял агрессию, и это была агрессия против него, оставленного на съедение крабам. Притча была популярна, и это было показательно. А смешная сторона была еще более ясной — он прощен за все. Народ не боится его и не ненавидит, как боится и ненавидит Хью. Он был политиком и генетическим уродцем, однако народ странным образом ему симпатизировал.

Общественная репутация Оскара достигла своей вершины. Доказательством этого послужил ответ Президента, когда его спросили, что он думает о сексуальном скандале и о работе Оскара в СНБ. Это был момент, когда Президент мог бы сбросить его вниз и дать молча сожрать его тело маленьким болотным крабам. Но Президент избрал другой путь. Он подчеркнул — вполне справедливо, — что человек не может ничего сделать с тем обстоятельством, что он является генетическим изделием нелегальной южноамериканской лаборатории. Президент сказал,

что было бы лицемерием требовать от такого человека корректного соблюдения сексуальных ограничений, принятых в обществе, особенно тогда, когда другие общественные деятели и вовсе сознательно деформируют собственную мозговую ткань. Далее Президент заявил, что он сам «человеческое существо». И следовательно, у него «как человеческого существа» при виде того, как преследуются любящие сердца, «в горле застревает ком».

Тогда пресса вернулась к обсуждению животрепещущих вопросов войны с Голландией, однако выступление Президента в связи с Оскаром было выдержано в совершенно правильной тональности. Определенные слои населения были встревожены тем, что Президент все время ведет жесткую политику по отношению к внутренним оппонентам. Это внезапное проявление человеческих чувств стало блестящим тактическим ходом.

Оскар достиг наивысшего пика своей карьеры. Президент публично разыграл карту. Обдумывая это, Оскар понял, что именно означает для него эта ситуация. Она означает конец. Он выиграл этот круг на столе, покрытом зеленым сукном, он был младшим козырем, и в этом раунде Пре-

зидент удачно разыграл его козырь. Если он выступит опять, на него спустят собак. Пора возвращаться на свое место в карточную колоду.

Итак: у тебя есть свое место, но не выше. Вот в чем заключался смертельный подтекст президентского выступления. Оскар был полезен, он был умен, но где-то на подсознательном уровне ему все равно не доверяли. Он никогда не станет во главе американского государства.

В Буне Оскар тоже все более отстранялся от дел. Он мог быть агитатором, он был серым кардиналом, но ему никогда не стать королем.

Грета сейчас могла полностью пользоваться славой. Она выступила с просьбой о помощи, и этот ее призыв получил широчайший отклик на национальном уровне. Бомбы или не бомбы, Хью или не Хью, Президент или не Президент, а Буна начала превращаться в «тепличную» метрополию. Она притягивала, как магнитом, самых разнообразных сумасшедших, изобретателей, мечтателей, провалившихся на экзаменах студентов всякого рода гуру, безумных теоретиков, собирателей жучков, любителей строительного моделирования, помешанных на программировании хакеров, архитектурных проектировщиков, короче говоря, всех, кто где-либо недооценивался,

отвергался, был исключен из социума, поскольку их чудовищные идеи не имели коммерческого спроса.

С такими людьми, собравшимися вместе, можно было перевернуть землю. Некоторые из вновь прибывших оказались врагами идеи. Злоумышленники подожгли зеленые насаждения. Сосны пылали, как римские свечи, и удушливый слой дыма заволок Техасскую равнину на многие километры. Однако когда огонь был потушен, жители двинулись на почерневшие поля. Поля были засеяны и использованы. Во многих технологиях по измельчению почвы для биохакеров она должна была быть чуть прожаренной. Зола содержала жизненно необходимые минералы. Выгоревшие лесные чащи оказались естественным гнездом феникса для первого в мире общества «эпохи теплиц».

12.

Военно-морские силы США прибыли к берегам Нидерландов. Война достигла критической точки. Было необходимо что-то делать. Американская армада объявила о морской блокаде портов Роттердама и Амстердама. Поскольку большая часть этих городов находилась под водой, это был скорее демонстрационный жест, чем реальная экономическая угроза.

Похоже, больше военному флоту делать было нечего. Не имелось достаточного количества сухопутных войск или танков, чтобы предпринять высадку на голландский берег. На кораблях стояли дальнобойные орудия, мощности которых хватило бы, чтобы разрушить крупный город, но для Соединенных Штатов предпринять обстрел мирных городов, не оказывающих им военного сопротивления, было немыслимо.

Так что после громких фанфар и шума в прессе война с Голландией оказалась подделкой. Президент довел народ до неистовства, укрепил свое положение и покончил с чрезвычайными комитетами. Он превратил ручных пролов, рассыпанных по стране, в сотовые ячейки ми-

ни-Робеспьеров. Это был внушительный список достижений. Таким образом, был получен аванс, чтобы войну поскорее свернули и закончили.

Эти отступные затрагивали самую неподходящую, казалось бы, фигуру — Элиота Бамбакиаса. Молодой сенатор от штата Массачусетс избрал этот момент, чтобы провести давно ожидаемую поездку в Бунский национальный коллаборатория.

Душевное здоровье сенатора намного улучшилось. Целая серия различных нейросредств наконец принесла результаты — была найдена та спектральная эмоциональная зона, в которой сенатор мог зафиксироваться и прийти в себя. Он стал совсем другим человеком. Более сумрачным, озабоченным и намного более циничным. Он считал свое нынешнее состояние «реалистическим». Он звонил всем, кому следовало, для получения кворума, выполнял другие поручения Комитета. Он гораздо меньше говорил и гораздо больше времени проводил с лоббистами.

Оскар взял на себя хлопоты по устройству персонального визита четы Бамбакиас в Буну. В связи с остановкой военных действий казалось маловероятным, чтобы Хью начал швырять свои бомбы с краской.

Тем временем бешеная страсть к строительству в Буне не утихла. Напротив, отмена ракетной тревоги освободила людей от оговорок, что они занимаются этим, чтобы оградить себя от газовой атаки. Тысячи людей работали на строительстве, имея гарантированное питание, и крышу над головой, и всю возможную поддержку, какую можно было найти в Сети. В городе был строительный бум. Одна группа энтузиастов строила гигантскую пластиковую конструкцию размером с Эйфелеву башню. Они называли это сооружение «Маяк космической истины». Другие любители довели до логического конца идеи геодезических конструкций и воздушных перекрытий и строили аэростаты. Это были огромные самораширяющиеся герметичные пузыри, и если удавалось подсоединить к ним по кабелям пьезоэлектрическую мускулатуру, то они могли отрываться от земли и зависать в воздухе.

Оскар не мог сдержать свое восхищение этими чудесами. Он чувствовал, что Лорена и сенатор также получают удовольствие. Бамбакиас выглядел намного лучше — он буквально светился, хотя, возможно, еще принимал лекарства, — однако пережитый стресс наложил неизгладимый отпечаток на Лорену. Она отяжелела, с трудом

передвигалась, выглядела замкнутой и в присутствии мужа обменялась с Оскаром только несколькими восклицаниями.

Из них двоих говорил только Бамбакиас, однако это не было похоже на его обычную пространную риторику.

— Отель хорош, — заметил он. — Вы отлично справились с отелем. Учитывая местные ограничения.

— О, мы все в восторге от отеля. Я до сих пор в основном ночую там. Но его нельзя сравнить с тем, что сейчас строится в городе.

— Они строят неправильно, — поджал губы сенатор.

— Ну, они ведь любители.

— Это хуже, чем любители. Они не следуют спецификациям. Используют не сертифицированные и не тестированные материалы. Все эти тенты и пилоны в комбинациях, не прошедших испытания, — большая часть их просто разрушится.

— Ну конечно, сенатор, — но они возвели их всего за несколько дней! Позже они научатся строить и построят что-нибудь еще.

— Надеюсь, ты не ожидаешь, что я приму на себя ответственность за это. Я послал тебе эти

схемы, но я никак не ожидал, что они будут реализованы. Раз я утратил свою интеллектуальную собственность, то я не несу ответственность за то, как ее эксплуатируют другие люди.

— Конечно же нет, сенатор! Была война, чрезвычайное положение… Знаете, тут есть одна хорошая сторона. Это, конечно, временные постройки, и все сделано не в классических формах, но они пользуются чрезвычайной популярностью!

Бамбакиас немного посветлел лицом.

— Вот как.

— Людям, которые живут в этих сооружениях, нет никакого дела до архитектурных изысков. Большая часть из них много лет попросту не имела крыши над головой. На них произвело огромное впечатление, что архитектура кочевников может быть такой замысловатой.

— Это не архитектура кочевников. Это мультимас-штабные сооружения для чрезвычайных ситуаций.

— Очень интересное уточнение, Элкотт, но позвольте мне называть это именно так: архитектура кочевников.

— Ты бы прислушался к нему, дорогой, — слабо прошептала Лорена. — У Оскара инстинктивное

чутье на такие вещи.

— Чутье! — недовольно сказал Бамбакиас. — На инстинктах можно прожить всю жизнь, если не собираешься жить долго. А как долго здесь все это останется, Оскар?

— Это? — деликатно переспросил Оскар.

— Ну, все, что здесь творится. Что это вообще такое? Политическое движение или просто большой уличный комитет? Это явно не город.

— Ну… трудно сказать точно, сколько зто продлится…

— Возможно, тебе следует более тщательно это обдумать, — заметил сенатор. Было видно, что ему не хочется все это обсуждать, скорее он выполняет печальный долг. — Ты же понимаешь, я важный член

Сенатского комитета по науке. И мне довольно трудно объяснять коллегам, что здесь происходит.

— О, я так скучаю по Сенатскому комитету, — соврал Оскар.

— Видишь ли, ход вещей здесь напоминает мне развитие Интернета. Это старая компьютерная сеть, возникшая в американской научной среде. Все было очень просто и распространялось повсеместно — не было никакого централизованного

контроля. И обернулось все это самой большой в мире машиной по нелегальному копированию. Китай обожал Интернет, они использовали его против нас. Они разрушили наше экономическое благосостояние. И даже тогда Сеть не исчезла — она просто стала подпитывать все эти бродячие группы — кочевников и диссидентов. Неожиданно они сумели вновь создать мощную структуру, и наконец, когда Президент также принял их сторону… кто знает. Ты улавливаешь параллели? Это тебе что-то говорит?

Оскар чувствовал себя все более и более неловко.

— Ну, я никогда не утверждал, что все здесь происходящее не имело прецедентов в прошлом. Самый большой секрет креативности — это понять, как вы сами скрываете свои источники.

— Ты украл эти идеи у Хью. Ты хочешь выступить под маской Хью?

— Элкотт, такая тактика проверена веками!

— Оскар, Хью — диктатор. Разве не понятно, что такое «экономика престижа»? Это когда все опирается в основном на инстинкт. Они проводят все свое время оказывая друг другу маленькие добровольные услуги. И за это друг друга уважают. А потом кто-то выскакивает из этой среды и

становится большим племенным вождем. Тогда они вынуждены выполнять то, что он прикажет.

— Ну… это сложно. Но да, в целом так.

— И им нет никакого дела до остальной Америки. Совершенно.

— Ну, в общем, для этого все и задумывалось.

— Я имею в виду, что у них нет никакого способа общаться с остальным американским обществом. Они не умеют общаться даже друг с другом. У них нет никаких законов. Никакой конституции. Никаких легальных установлений. Никакого Билля о правах. У них нет никакого способа общения с другими, кроме устрашения либо опустошения. Когда один из них в Сети натыкается на другого, из другого клана, то они начинают смертельно враждовать и убивать.

— Иногда.

— А сейчас ты создал им условия, когда две группы осознали свой взаимный интерес. Научное сообщество — это вторая группа людей, живущих вне государства, вне обычной экономики. Одни жаждут освобождения от преследований, другие — от тягот обычной жизни, и обе эти группы полностью лишены чувства ответственности за других людей. В действительности мы, другие люди, уже не ждем от них ничего. Мы не надеемся

больше, что наука приведет нас в рай или даже просто улучшит нашу жизнь. Наука попросту добавляет сложностей к уже существующим и приводит к еще большей нестабильности. И мы уже не надеемся на бездомных. Мы никак не можем их использовать или сделать более терпимыми, обеспечив более дешевой пищей или кибер-окружением. А ты теперь свел эти группы вместе, и они образовали настоящую коалицию.

— Да, сенатор, я слежу за ходом ваших мыслей.

— И что теперь? Что теперь они будут делать? И что ожидает остальных?

— Черт! Откуда я знаю? — воскликнул Оскар. — Я просто видел, как Хью это делает. Мы были в ссоре с Хью, и это вы подтолкнули меня к конфронтации с ним! Лаборатория была разрушена, она была наполовину в его руках, и он собирался захватить ее полностью. Они бы стали просто… его ставленниками. Я не хотел, чтобы они попали к Хью.

— А какая разница? Если они все равно чьи-то сторонники.

— Разница? Между мной и Хью? Ну хорошо! На этот вопрос я могу ответить точно! Разница вот в чем. Что бы ни делал Хью, это делается исключительно для Хью. С начала и до конца только для

него самого и для большей его славы. Но то, что делаю я, — делаю не для себя. И я не присваиваю себе людей.

— Из-за твоего происхождения.

— Элкотт, все еще хуже. Я вообще не рождался. Вмешалась Лорена.

— Я думаю, мальчики, вам лучше остановиться. Вы уже ходите по кругу. Почему бы нам не перекусить чем-нибудь?

— Я не собирался ранить его чувства, — рассудительно сказал Бамбакиас, — я просто подхожу критически к структуре общества в целом. И я прихожу к выводу, что она ни на чем не держится.

Лорена стиснула руки.

— Да при чем тут Оскар, господи боже! Президент послал бумажные кораблики через Атлантику безо всякого прикрытия. Война скоро закончится. Это ведь не более чем шоу. Тогда и здесь война закончится. Тогда они найдут еще какой-нибудь отвлекающий маневр. Теперь здесь такая жизнь. И нечего поднимать панику.

— Ты права, дорогая. Я извиняюсь, — сказал Бамбакиас.

— Мы собирались здесь отдохнуть. Тебе следует набраться сил перед слушаниями. Я хочу чего-ни-

будь перекусить, Элкотт.

— Она так добра ко мне, — сказал Бамбакиас Оскару и внезапно улыбнулся. — Я уже давно так не увлекался работой. Это прекрасное чувство.

— Оскар всегда на тебя хорошо действует, — сказала Лорена. — Лучше всех. Ты должен быть добрее с ним.

Сенатор и его жена хотели отведать луизианской кухни, это был законный предлог. Они взяли множество лимузинов, куда погрузилась команда сенатора в полном составе, а также состоящие при нем журналисты и многочисленная охрана. Весь караван двинулся в знаменитый ресторан на озере Чарльз в Луизиане. Они получили большое удовольствие, так как ресторан был превосходный, и никто не сомневался — Хью скоро узнает об их поездке.

Они вкусно поели, щедро расшвыривали чаевые, обед был хорош, хотя сенатор, который сидел на транквилизаторах, не мог пить. Зато жена сенатора пила, даже слишком много. Кроме того, они привезли с собой еще одного члена команды — нового пресс-секретаря сенатора Клару Эмерсон.

Затем караван чинно проследовал назад в гостиницу в Буне, и охрана вздохнула с облегчени-

ем. Сенатор с женой удалились на покой, охрана выставила на ночь патрули, а пресс-команда пошла поискать себе занятия и обнаружила оргию модераторов, веселившихся под огромным влажным шатром. Оскар извелся, весь день стараясь избегать Клары, а потом вдруг обнаружил, что сам устроил так, чтобы провести — вечер с бывшей подружкой. Просто чтобы показать, что не переживает. Хотя до сих пор тяжело переживал разрыв.

Итак, Клара тянула из бокала гостиничное шабли, а Оскар, который не пил, взял клубную содовую. Они сидели за маленьким деревянным столиком, в ресторане с Хью, и это вы подтолкнули меня к конфронтации с ним! Лаборатория была разрушена, она была наполовину в его руках, и он собирался захватить ее полностью. Они бы стали просто… его ставленниками. Я не хотел, чтобы они попали к Хью.

— А какая разница? Если они все равно чьи-то сторонники.

— Разница? Между мной и Хью? Ну хорошо! На этот вопрос я могу ответить точно! Разница вот в чем. Что бы ни делал Хью, это делается исключительно для Хью. С начала и до конца только для него самого и для большей его славы. Но то, что

делаю я, — делаю не для себя. И я не присваиваю себе людей.

— Из-за твоего происхождения.

— Элкотт, все еще хуже. Я вообще не рождался. Вмешалась Лорена.

— Я думаю, мальчики, вам лучше остановиться. Вы уже ходите по кругу. Почему бы нам не перекусить чем-нибудь?

— Я не собирался ранить его чувства, — рассудительно сказал Бамбакиас, — я просто подхожу критически к структуре общества в целом. И я прихожу к выводу, что она ни на чем не держится.

Лорена стиснула руки.

— Да при чем тут Оскар, господи боже! Президент послал бумажные кораблики через Атлантику безо всякого прикрытия. Война скоро закончится. Это ведь не более чем шоу. Тогда и здесь война закончится. Тогда они найдут еще какой-нибудь отвлекающий маневр. Теперь здесь такая жизнь. И нечего поднимать панику.

— Ты права, дорогая. Я извиняюсь, — сказал Бамбакиас.

— Мы собирались здесь отдохнуть. Тебе следует набраться сил перед слушаниями. Я хочу чего-нибудь перекусить, Элкотт.

— Она так добра ко мне, — сказал Бамбакиас Оскару и внезапно улыбнулся. — Я уже давно так не увлекался работой. Это прекрасное чувство.

— Оскар всегда на тебя хорошо действует, — сказала Лорена. — Лучше всех. Ты должен быть добрее с ним.

Сенатор и его жена хотели отведать луизианской кухни, это был законный предлог. Они взяли множество лимузинов, куда погрузилась команда сенатора в полном составе, а также состоящие при нем журналисты и многочисленная охрана. Весь караван двинулся в знаменитый ресторан на озере Чарльз в Луизиане. Они получили большое удовольствие, так как ресторан был превосходный, и никто не сомневался — Хью скоро узнает об их поездке.

Они вкусно поели, щедро расшвыривали чаевые, обед был хорош, хотя сенатор, который сидел на транквилизаторах, не мог пить. Зато жена сенатора пила, даже слишком много. Кроме того, они привезли с собой еще одного члена команды — нового пресс-секретаря сенатора Клару Эмерсон.

Затем караван чинно проследовал назад в гостиницу в Буне, и охрана вздохнула с облегчением. Сенатор с женой удалились на покой, охрана

выставила на ночь патрули, а пресс-команда пошла поискать себе занятия и обнаружила оргию модераторов, веселившихся под огромным влажным шатром. Оскар извелся, весь день стараясь избегать Клары, а потом вдруг обнаружил, что сам устроил так, чтобы провести*1* вечер с бывшей подружкой. Просто чтобы показать, что не переживает. Хотя до сих пор тяжело переживал разрыв.

Итак, Клара тянула из бокала гостиничное шабли, а Оскар, который не пил, взял клубную содовую. Они сидели за маленьким деревянным столиком, в ресторане играла музыка — все условия, чтобы поговорить наедине.

— Ну, Клара, как там в Голландии? Наверное, это было очень увлекательно.

— Да. Сначала.

Она очень хорошо выглядела. Он совсем забыл, какая она красивая. Он вообще забыл, что когда-то у него была привычка ухаживать за красивыми женщинами. В роли члена команды Бамбакиаса и вашингтонского пресс-агента Клара была куда больше на месте, чем в Бостоне, в те времена, когда она только начинала работу в политической журналистике. Клара была еще молода. Он совсем забыл, что это значит

— общаться с молодыми, красивыми, нарядно одетыми женщинами. Оказывается, он с ней вовсе не покончил. У него не хватило на это времени. Он просто отложил эту проблему в сторону и попытался забыть про нее.

Он смотрел, как движутся ее губы, затем сосредоточился и постарался вникнуть в то, что она говорила. Она говорила, что нашла свои культурные корни и осознала себя как белая. В Европе было полным-полно янки — перебежчиков и эмигрантов. Пивные погреба были забиты стареющими белыми американцами, оплакивающими свою горькую судьбу и родину, которой управлял полоумный краснокожий. Для Клары в Европе не было ничего романтического. Та часть Европы, которая тонула быстрее всего, никому не могла показаться особенно романтичной.

— Разве что военному корреспонденту. Вроде бы есть такой способ сделать карьеру.

— Тебе это приятно, да? — сказала она. — Тебе нравится меня мучить!

— Что? — Он был поражен.

— Разве Лорена не рассказала про мои злоключения в Голландии?

— Лорена не рассказывает мне о работе в команде. Я больше не состою при Бамбакиасе.

Похоже на то, что у меня сейчас вообще нет своей команды.

Она потягивала вино.

— Все эти команды — жалкое зрелище. Омерзительное. В наши дни люди готовы на все, чтобы обеспечить себе хоть капельку безопасности. Готовы даже продаться в рабство. Любой богач может обзавестись собственной бандой, стоит ему только захотеть. Это настоящий феодализм. Но страна сейчас в такой разрухе, что даже феодальные порядки у нас не работают.

— Я думал, ты хорошо относишься к Лорене. Ты ее всегда отлично раскручивала.

— Ну, она нравилась мне как материал. А как босс… Но что я говорю? Лорена для меня много значит. Она взяла меня на работу, когда я совсем пропадала, она сделала из меня какого никакого игрока в политике. Она не выставила меня вон из-за той голландской истории. У меня классная работа в Вашингтоне, я шикарно одеваюсь и разъезжаю в машине.

— Прекрасно. Ты меня убедила. Расскажи, что с тобой приключилось в Голландии.

— У меня скверные привычки, — сказала Клара, уставясь в скатерть. — Я воображала, что могу пробить себе дорогу в журналистике через

постель. Ну, в Бостоне это срабатывало очень здорово! Но Гаага — это не Бостон. Голландцы не похожи на американцев. Они все еще способны сосредоточенно работать. И им некуда отступать. — Она теребила прядь волос.

— Мне жаль, что ты потерпела неудачу. Я надеюсь, ты не думаешь, что я сержусь из-за того, что наш роман так плохо закончился?

— Конечно, ты сердишься, Оскар. Ты прямо-таки в ярости. Ты обижен, ты меня ненавидишь, но ты слишком хороший игрок и никогда этого не покажешь. Если бы тебе нужно было бросить меня, ты бы меня бросил, и ты меня в самом деле бросил, но, по крайней мере, никто бы тебя не заставил меня распять. Я сделала большую ошибку, когда посчитала, что все политики похожи на тебя.

Оскар промолчал. К чему тратить слова? Она явно собиралась сама все выложить.

— Я напала на свежий след одного скандала. Очень важного скандала холодной войны, колоссального. И был такой голландский замминистра того сего. И все, что мне надо было сделать, — это все у него выманить. И он готов был на это пойти. Потому что он занимался во время холодной войны шпионажем и знал, что я про эти его дела

знаю. А я была журналистка, что тоже, в общем-то, недалеко от шпионажа. И он положил на меня глаз. Но это ничего, потому что, понимаешь, если постараться, у мужчины всегда можно все вытянуть. Это такой комплекс наставника. Он тебе вроде как дядюшка или там профессор, и ты чего-то не знаешь, и вот он тебя сейчас научит. Надо только дать ему немножко поучить тебя, чему он хочет. — Она отхлебнула еще вина.

— Клара, зачем мне тебя судить? Всякое случается. Такова жизнь.

— Знаешь, мы этого не понимаем здесь, в Америке. До нас не доходит, что мы просто геополитическая горилла в восемьсот фунтов весом. Мы настолько выбились из ритма, что все еще мерим фунтами и дюймами. Мы думаем, это очень странно, что с нами воюет банда каких-то людишек с тюльпанами, одетых в деревянные башмаки. Мы похожи на избалованных детей. Мы вроде тех поп-звезд, от которых тащатся подростки. Таких больших, толстых поп-звезд, что раскатывают повсюду в двухтонных розовых кадиллаках, включив стерео на полную громкость и разбрасывая пивные бутылки. До нас не доходит, что есть люди, серьезные цивилизованные люди, которые проводят время в нижнем

городе Амстердама, разглядывая проституток в общедоступных секс-витринах, а город пропитан насквозь наркотиками, и секс на них не действует, и наркотики на них не действуют, потому что это люди очень твердые и очень холодные.

— Это холодный народ, голландцы?

— Холодный и мокрый. И с каждым днем становится все мокрее.

— Я слышал, военный флот собирается применить артиллерию и продырявить их дамбы.

— Понятно, тебе это лучше знать, ты ведь в СНБ, верно?

Зябкий холодок, дуновение как от сухого льда. Оскар почти физически ощутил, как между ними сгущается туманная мгла.

Клара откинулась на спинку кресла.

— Странно пахнет здесь, в Буне, правда? Все эти палатки и укрытия от газа. Под этим большим куполом веет какой-то жутью. Похоже, они здесь никогда не меняют белье.

— Здесь не Бостон. Это побережье Залива. Если тебе не по душе здешние запахи, почему бы не выйти и не прогуляться снаружи.

— Слишком много москитов. Оскар засмеялся.

Клара насупилась.

— Тебе лучше не знать, что случилось со мной

в Голландии. Я там серьезно влипла, вот и все, я оттуда выбралась и была рада без памяти, что выбралась, вот и вея моя история. Мне повезло, что Лорена так великодушна.

— Клара… Мне, право, очень жаль. Война — это жестокая игра, и даже на игрушечной войне бывают свои жертвы. Мне бы ни за что не хотелось, чтобы ты лопала в такое положение.

— Ты мне это говорил. Ты меня предупреждал. Помнишь? А я ответила, что я взрослый человек и сама за себя отвечаю. Мы тогда работали вместе на этих жалких бостонских выборах, где у этого парня было всего-навсего семь процентов. Мы были похожи на младенцев в песочнице. Я тогда думала, все это очень здорово — высший класс! И очень важно, а теперь это кажется таким наивным. И ты там сотворил прямо чудо, и я… ну ладно, сейчас я работаю на сенатора. Так что я считаю, все обстоит прекрасно.

— Да, все переменилось.

— Оскар, почему ты такой противный? Я больше не реагирую на мужчин, я перегорела. А ты похож на такого грязного политикана, что всегда добивается своего, и я думала, что все во мне перегорело и я к тебе равнодушна, но когда я увидела тебя сегодня вечером… ну, это все вер-

нулось ко мне.

— Что вернулось?

— Мы с тобой. Тот чудесный парень, такой милый, такой воспитанный, который был всегда так ласков со мной, и дал мне свой ключ от дома, и объяснял мне про этот забавный старый модерн. Моя старая страсть. Лучший в мире любовник. Мне так тебя не хватает. Мне не хватает даже прикосновения простыни и тепла твоей кожи.

— Клара, зачем ты мне все это говоришь? Ты же знаешь, я связан с другой женщиной. Господи, боже мой, да ведь все на свете знают, что я связан с Гретой Пеннингер.

— Оскар, не может быть, чтобы это было всерьез. С ней? Она из тех женщин, к которым уходят только в отместку. Нет, она даже хуже. Оскар, разве ты не понимаешь? Люди над вами смеются. Она смешно выглядит. Она старая. У нее длинный нос и совсем нет задницы. И с ней не повеселишься. Я хочу сказать, не так, как мы с тобой веселились.

Он выдавил из себя улыбку.

— Да ты и в самом деле ревнуешь! Как не стыдно.

— Почему это ты в нее втюрился? Просто у нее что-то есть, что тебе нужно.

— Клара, хоть ты и журналист, я не думаю, что это тебя касается.

— Я злюсь на тебя, потому что мне грустно и одиноко, и я ревную, и я раскаиваюсь. И еще потому что я напилась. И ты бросил меня. Ради нее.

— Я не бросал тебя. Это ты меня бросила, стоило мне уехать из города, и ты не захотела сесть на самолет и прилететь ко мне и не нашла лучшего способа делать карьеру, чем связаться со злейшими врагами нашей страны.

— Ну, это и вправду лучше, — сказала Клара, презрительно наморщив нос, и ухмыльнулась. — Наконец-то мне удалось задеть тебя за живое.

— Я старался изо всех сил, чтобы все у нас получилось, но ты мне этого не позволила.

— Ну, сейчас уже поздно об этом говорить.

— Конечно, поздно. Она поглядела на часы.

— И время тоже уже довольно позднее.

Оскар глянул на свои часы на мышиных мозгах, которые только что брызнули ему на руку какими-то жидкими отходами и стали показывать чепуху. Было что-то около полуночи.

— Если ты собираешься сопровождать сенатора обратно в Вашингтон, тебе нужно хорошенько выспаться.

— Оскар, я хочу предложить тебе кое-что по-

лучше. Хватит играть со мной. Давай сделаем это прямо сейчас. Я здесь только на эту ночь, это наш лучший шанс. Возьми меня наверх, пойдем в постель.

— Ты пьяна.

— Не так уж я пьяна. Я понимаю, что делаю. Я пьяна как раз настолько, чтобы нам с тобой как следует повеселиться. Помнишь, ты, бывало, смотрел на меня всю ночь напролет. Этими своими большими карими глазами, как у щенка. Знаешь, я не могу устоять, когда ты на меня так смотришь.

— А что потом? — Он поддавался.

— Неважно, что потом. Вернемся в старое доброе время. Ну же, давай. Что в этом плохого? Тебе же самому этого до смерти хочется, а это еще хуже.

— Нет, не хуже. Хуже, если это случится. Это самое плохое. Никто не знает, когда сердце пылает. Но об извержении вулкана узнают все.

Она недоуменно моргнула.

— Что?

Оскар вздохнул.

— Я просто не верю тебе, Клара. Язык у меня хорошо подвешен, и я умею нравиться, но как мужчина я не так уж неотразим. Если б я был

неотразим, ты бы со мной тогда не рассталась.

— Ну послушай, я ведь уже сказала тебе, что мне очень жаль. Перестань мне про это долбить. Хочешь, покажу тебе, как я раскаиваюсь?

— Скажи, кто тебя ко мне подослал? Есть у тебя в сумочке жучки? Разве на тебе прямо сейчас нет прослушки? Ты переметнулась, верно ведь? Тебя завербовали там, в Гааге. Ты иностранный агент. Ты шпионка.

Клара резко побледнела.

— Что с тобой? Ты спятил? Какая-то паранойя! Ты сейчас говоришь, как сенатор, когда ему ударяет в голову.

— Кто я такой — полезный идиот? Идет война! Боже ты мой, да ведь Мата Хари была из Голландии!

— Ты думаешь, мне бы позволили работать на сенатора, если бы я шпионила на Голландию? Ты не знаешь, что сейчас творится в Вашингтоне. Ты вообще хоть о чем-нибудь знаешь, черт подери?

Оскар не сказал ничего. Он наблюдал за ней с убийственным вниманием.

Клара собрала остатки достоинства.

— Ты мне нанес самое настоящее оскорбление. Ты меня смертельно обидел. Я серьезно намерена прямо сейчас с тобой расстаться. Почему ты не

вызовешь мне такси?

— Так это Президент, точно? Ее лицо застыло.

— Это Президент, — сказал он решительно. — И это мы с Гретой Пеннингер. Ситуация тут немного вышла из-под контроля. Для общего спокойствия было бы лучше, если бы мы с ней как можно скорее убрались с вашей дорожки. Тогда бы все удалось. Здешняя моральная атмосфера была бы здорово подпорчена. Модераторов бы сманили в его личную шпионскую сеть, доктор Пеннингер вернулась бы в свою Лабораторию, а грязный политикан, падкий на женщин, был бы разоблачен перед всеми как еще один грязный политикан.

Клара вытерла глаза салфеткой.

— Иди и скажи своему куратору, что я работаю на Президента не потому, что считаю его отличным парнем. Я работаю на него, потому что страна застряла и он привел ее в движение. Я верен ему, потому что я верен родине, и для того, чтобы столкнуть меня с игровой доски, потребуется что-то посильнее, чем пение сирен. Даже если это очень красивая сирена и когда-то я был к ней привязан.

— Достаточно. Я ухожу. Спокойной ночи, Оскар.

— До свиданья.

На следующее утро Бамбакиас улетел из Техаса со всей своей командой, включая и Клару. Никакой огласки не было. Никаких записей этой беседы не появлялось. В сетевых сводках новостей не мелькнуло ни одного кадра о свидании Оскара с бывшей подругой. Так прошло два дня. А затем пришли важные новости с фронта.

Голландцы капитулировали.

Голландский премьер-министр — маленькая женщина, седая и скорбная, выступила с публичным заявлением. Она сказала, что у такой безоружной страны, как Нидерланды, нет надежды выстоять в борьбе со всей вооруженной мощью последней в мире военной сверхдержавы. Она сказала, что для ее народа неприемлема перспектива экологической катастрофы, неизбежной, когда разбомбят их дамбы. Она сказала, что безжалостный ультиматум Америки сломил волю ее страны к сопротивлению.

Она сказала, что ее страна сдается без всяких условий. Она сказала, что Нидерланды объявляют себя открытой страной, что их крошечная армия сложит оружие, что они впустят оккупационные войска. Она сказала, что она и ее кабинет подписали документы о капитуляции и голландское правительство в полночь добро-

вольно уйдет в отставку. Она провозгласила, что война окончена и американцы победили, и она призвала американский народ вспомнить свои славные традиции и проявить великодушие к поверженному противнику.

Речь продолжалась восемь минут. Война была окончена.

В тот знаменательный исторический час Соединенные Штаты охватила буйная радость, которая, однако, скоро утихла, оставив после себя сравнительно мало жертв. Длительные испытания приучили американскую публику быстро оправляться от потрясений. Не прошло и восьми часов, как первые сетевые мудрецы начали объяснять, почему полная победа была неизбежна.

Где победа, там и заслуги. Популярность героя-президента взлетела до облаков, и возражающих не было. Его рейтинг достиг девяноста пяти процентов и оставался на этой отметке, как будто прибитый к мачте.

События не застигли Президента врасплох. Он не терял даром времени: ни дня, ни часа, ни даже пикосекунды. Он взял под свой личный контроль аэропорты внутренних линий, и на следующее утро во всех голландских аэропортах высадились американские войска. Вежливое и сдержанное

голландское население встречало солдат-янки, оглушенных перелетом и выбитых из суточного ритма, размахивая самодельными американскими флагами. Президент провозгласил, что война окончена, — провести это решение через послушный Конгресс было нетрудно, — и возвестил приход новой американской эры, получившей официальное наименование Возвращение к Норме.

Затем, наподобие фокусника-шпагоглотателя, Президент приступил к бескровному преобразованию американских политических институтов.

Изданный им Манифест о Норме был довольно странным документом из двадцати восьми пунктов. Он похитил столько формулировок у бесчисленных политических партий расколотой Америки, что они онемели от изумления. Изложенная там Национальная программа действий почти ничем не напоминала платформу его собственной партии и ничуть не походила на те положения, которые могло бы поддержать основное ядро его избирателей из левого традиционного блока. В президентском истолковании Норма несла в себе что-то, близкое каждому.

Доллар предлагалось решительно девальвировать и снова ввести во всеобщее денежное

обращение. Провозглашалась всеобщая амнистия для всех условно осужденных за преступления, имевшие хотя бы отдаленное отношение к политике. Новая налоговая система должна была выкачивать деньги из супербогачей и всей тяжестью обрушиться на производство, связанное с выбросами углекислого газа. Брошенные и неиспользуемые здания предлагалось одним махом национализировать, с последующей передачей всем желающим хозяйничать в них. Опустевшие городские центры и города-призраки, — а таких было множество, особенно на Западе, — следовало снести до основания и засадить территорию быстро растущими деревьями. Заставы на дорогах отныне рассматривались как акт пиратства и должны были караться без пощады летучими отрядами РУГО, и поскольку эти отряды целиком состояли из самых беззастенчивых бывших грабителей, то считалось, что они сумеют положить конец этой практике.

Была предложена конституционная поправка по созданию новой, четвертой ветви власти для американских граждан, чьим основным местопребыванием были виртуальные сети. Восемьсот семь федеральных полицейских служб Америки предполагалось свести к четырем.

Был разработан всеобъемлющий план реформы блистательной и победоносной американской армии.

Был предложен и новый план реформы национального здравоохранения, основанный почти целиком на более или менее разумной канадской модели. Реально воплощать в жизнь его, однако, не собирались. Он был задуман как отвлекающий маневр для оппозиции, чтобы она могла утешиться, потопив хотя бы одно из президентских начинаний.

Президентская революция не вызвала никакого сопротивления — и менее всего в штате Луизиана. Осознав ураганную мощь нового поворота событий, Зеленый Хью подчинился обстоятельствам.

Хью сложил с себя полномочия губернатора. Он попросил у народа прощения и проливал горючие слезы перед камерой, выражая глубокое раскаяние в прежних злоупотреблениях и обещая с иголочки новую, стопроцентную, согласованную с федеральным руководством политику сотрудничества с Нормой. Его вице-губернатор тоже подал в отставку, но об этом никто не жалел, поскольку он всегда был самой бесцветной из всех пешек Хью.

С подачи Хью Сенат штата быстро утвердил в должности нового губернатора. Это была эффектная молодая чернокожая женщина из Нового Орлеана, бывшая королева красоты, отличавшаяся такой поразительной и неуместной (по крайней мере, для главы исполнительной власти штата) красотой и грацией, что камеры всего мира просто не могли оторвать от нее линз.

Первым шагом нового губернатора как главы исполнительной власти было прощение всех членов прежнего правительства штата, и в первую очередь Зеленого Хью. Его вторым шагом стала легализация отношений с Регуляторами в штате Луизиана — формальных и неформальных. Регуляторы отныне становились законопослушными членами местных органов РУГО, организованных точно по образцу федеральной службы, которую мудрый Президент в своем беспредельном милосердии создал для американской республики. Кроме того, было сказано, что некоторые гаитянские гости штата Луизиана все еще удерживаются в плену федеральными властями, и новый губернатор, будучи сама гаитянского происхождения, просила, чтобы им было оказано снисхождение.

Предприимчивая журналистская команда — очевидно, предупрежденная частным образом

— сумела найти и опросить некоторых граждан Гаити, коротавших время в своем федеральном медицинском загоне.

Гаитяне, вырванные из своих домов и обшариваемые медиками сверху донизу, естественно, выразили самое страстное желание вернуться в свой заболоченный поселок. Их жалобные мольбы звучали чрезвычайно поэтично, даже в переводе. Но в конце концов, это были всего-навсего гаитяне, так что никто не чувствовал особой нужды обращать внимание на их желания. Они остались в своей каталажке для нелегальных иммигрантов, а президент стал выжидать провала очередной креатуры экс-губернатора.

О Бунском национальном коллаборатории и о его одержимых преобразователях Президент не сказал ни слова и не предпринял ровным счетом ничего. Видимо, у него имелось много других забот, более важных и интересных, — а этот Президент был вполне в состоянии присмотреть за тем, чтобы его интересы были четко обозначены и предложены всеобщему вниманию.

Когда война закончилась таким неожиданным и потрясающим образом, массовое паломничество в Буну сначала сбавило темпы, а затем даже поменяло направление. Люди увидели

достаточно. До многих из тех, кто приезжал в Буну поглазеть, или создать себе репутацию всезнайки, или в погоне за модой, — даже до самых легкомысленных из них, — наконец стало доходить, что это столь романтичное, некоммерческое, интеллектуальное и диссидентское «тепличное» общество просто не всем подходит. Жить здесь означало неустанно трудиться. То, что денег не хватало, отнюдь не значило, что не хватало работы, — как раз наоборот.. Застой в науке и повальные неудачи в экономике требовали работы с полной отдачей, непрерывных самоотверженных усилий, при том что многое неизбежно растрачивалось даром: на эксперименты, которые проваливались, на пути, которые вели в тупик, на интеллектуальные соблазны, которые оказывались обманчивыми болотными огоньками.

Под куполом, украшенным трепещущими партийными вымпелами, Буна готовилась по-настоящему заняться наукой. Той наукой, которой люди были снова захвачены с небывалой силой, ибо для них она была искусством для искусства, наукой во славу себя самой. Эта наука была занятием, избранным ничтожным меньшинством населения, для которого удовлетворение ин-

теллектуальных запросов стало единственным смыслом существования. Но жарким воздухом революционного пыла веяло из их замкнутого мирка, и по сравнению с ним холодный воздух реальности казался резким и неприятным.

Работа в Комитете, еще раз сменившем название — теперь он назывался Комитетом Нормы, — по самой своей природе не могла быть столь же волнующей, как чрезвычайная ситуация и война. Сама работа всегда была изматывающей, но заседания иногда бывали на редкость скучными.

Теперь Грета и Оскар с трудом находили короткие минуты, когда им удавалось подумать о себе. Минуты, когда они могли поговорить не на людях. Минуты, когда служебные дела требовали присутствия остальных членов комитета' где-нибудь в другом месте. Минуты, когда они оставались одни.

Оскар оглядел пустующий зал заседаний. Комната выглядела в точности как его душа: пустая, оголенная, чересчур ярко освещенная, заваленная разным казенным хламом.

— Ну вот, Грета. Военные действия наконец-то завершены. Мы победили. Мы захватили власть. Теперь настало время устраиваться, теперь нам нужно учиться управлять. Мы больше не мятеж-

ники, потому что не станем же мы проводить забастовки или марши протеста против самих себя. Мы не можем бунтовать даже против Президента: он нас благосклонно игнорирует — это классический способ пассивного нападения. Он отпускает поводья, собираясь поглядеть — справимся мы или сломаем себе шею. Сейчас мы наконец имеем дело с реальностью. Нам нужно закрепиться на захваченных позициях.

— Я все ждала, когда же ты мне это скажешь. Скажешь, что я наконец свободна. Не обязана больше быть Жанной д'Арк.

— Я сравнивал тебя с Жанной д'Арк, потому что такой образ больше всего подходит женщине, возглавившей героический поход. Ты не Жанна д'Арк. Жанна д'Арк была пятнадцатилетней девушкой, обладающей военным талантом, и с ней говорили голоса. Ты не слышишь голосов. Весь этот оглушительный шум вокруг тебя — не ангельские призывы, а просто очень талантливая и умелая пропагандистская кампания. Жанну д'Арк сожгли на костре. Она была очень популярна, и ее поджарили. Ни того ни другого я для тебя не планировал. Я не хочу, чтобы ты стала знаменитостью и чтобы тебя поджарили, Грета. Нестоящее это дело.

— А чего же ты хочешь от меня, Оскар? Ты хочешь Жанну д'Арк со счастливым концом? Шизоидную крестьянскую девушку, которая выстроит громадный дворец и станет… кем… французской герцогиней? Крестьянской герцогиней в прекрасном парчовом наряде.

— И принца не забудь, ладно?

— Какому принцу действительно нужна будет Жанна д'Арк? Я хочу сказать — надолго.

— Ну, очевидным кандидатом в принцы был бы Жиль де Ре, — но этот парень давно уже вышел из игры. Не заботься об этом, исторические аналогии нас только запутают. Я говорю сейчас о нас с тобой. Все это безумие кончается. Наконец-то. Теперь мы можем остановиться. Нам нужно как-то устраиваться.

Грета закрыла глаза и несколько раз вздохнула. В комнате было тихо, лишь тонко шипел воздушный фильтр. Постоянное напряжение обострило ее аллергию, теперь она всегда носила с собой воздушный фильтр, как дамскую сумочку.

— Значит, в конечном счете все это о нас с тобой.

— Да, так.

— Нет, не так. Позволь, я объясню тебе про нас с тобой. Когда я впервые тебя увидела, я отнеслась

к тебе крайне скептически. Мне не нужны были новые заботы и волнения. А ты все пробовал на мне свои чары. А я думала: зачем это ему надо? Он политик. У меня нет ничего, что нужно этому парню. Я просто зря трачу свою жизнь в правлении, пытаясь достать необходимую аппаратуру. И даже этого мне не удалось добиться. Но затем мне пришла в голову совершенно новая мысль: этот парень действительно влюбился в меня. Он считает меня соблазнительной. Он хочет спать со мной. На самом деле все так просто. — Она перевела дыхание. — И я подумала: вообще-то это плохо. Но, в конце-то концов, в самом худшем случае — что может случиться? Меня застают в постели с этим типом, и я получаю выговор, и меня вышвыривают из правления. Ну и чудесно! Тогда я смогу вернуться в Лабораторию. И, кроме того: посмотри-ка на этого малого! Он молод, красив, он пишет забавные записки, он дарит роскошные букеты. И в нем есть что-то такое особенное.

Она поглядела на него. Оскар не пропускал ни слова. Он чувствовал, что всю жизнь ждал этих признаний.

— Я полюбила тебя, Оскар. Я знаю, это правда, потому что я никогда в жизни никого не ревно-

вала, кроме тебя. Я никогда раньше не позволяла себе такой эмоциональной роскоши. Я люблю тебя, и я восхищаюсь тобой. Ты для меня образец. Я люблю тебя за то, что ты такой, какой есть, всего тебя насквозь с начала и до конца. И мы здорово провели с тобой время. Я ринулась в эту авантюру очертя голову. И я нисколько не боялась, потому что, в конце концов, у тебя есть одно огромное, неоценимое, решающее достоинство. Потому что ты для меня — только на время. Ты не моя судьба. Ты не мой принц. Ты только гость в моей жизни, заезжий торговец. Оскар кивнул.

— Ну, наконец-то мы к этому пришли.

— В самом деле?

— Это совершеннейшая, правда. Я всегда был на время. Я могу дать совет, я могу провести кампанию, я могу прийти и уйти. Меня хватает только на краткосрочные дела, я не способен основать что-нибудь по-настоящему прочное! Мой приемный отец подобрал меня в минутном порыве. У него было четыре жены и миллион подружек: в детстве все женщины проносились мимо меня с такой скоростью, что я не успевал их запомнить. Я был в постоянной лихорадке. Я должен был восстанавливать себя каждое утро. Я завел свое дело, но продал его. Я построил дом,

но он пустой. Я построил гостиницу, но не могу ею управлять. Я построил новое общество, я построил город, чтобы в нем могли жить люди, с башней маяка, и гремящими фанфарами, и развевающимися вымпелами, но сам я до сих пор там не поселился. Я его отец-основатель, но я в нем не остался. Я принц, но я до сих пор не нашел своего королевства. У меня никак не получается где-нибудь остаться.

— О господи.

— Ты улавливаешь, о чем я?

— Оскар, а я, как я могу остаться? Я не могу продолжать по-прежнему. Я вся перегорела. Я сделала то, что следовало сделать, и я не могу сказать, что ты мной воспользовался. Но что-то мной воспользовалось. История мной воспользовалась, и она все еще пользуется мной вовсю. Даже наш роман теперь использован.

— Грета, мы должны сделать одну вещь, и это будет правильно. Мы должны заявить о себе. Давай останемся вместе. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Она опустила голову на руки.

— Ну не надо так, Грета! Выслушай меня. Из этого может выйти толк. Это вполне реально. В сущности, это гениальный ход.

— Оскар, ты меня не любишь.

— Я люблю тебя так, как только способен кого-нибудь любить.

Она уставилась на него с изумлением.

— Это увертка. Блестящая увертка.

— Ты никогда не найдешь другого человека, кто больше бы заботился о твоих интересах. Если найдешь такого и захочешь за него замуж, брось меня ради него! Я этого не боюсь. Этого никогда не будет.

— Господи, как же ты красноречив.

— Это не обман. Я сейчас совершенно честен. Я сделаю из тебя честную женщину. Я наконец бросаю якорь, я беру на себя обязательства. Брак — это замечательное установление. Свадьба — это великолепное символическое представление. Особенно свадьба первых лиц государства. Раньше у нас была военная романтика, а теперь у нас будет мирное бракосочетание, и это все в высшей степени нормально и разумно. Мы устроим большой праздник, мы пригласим всех. Мы обменяемся кольцами, мы разбросаем рис. Мы пустим корни.

— У нас нет корней. Мы сетевые создания. У нас есть только антенны.

— Это будет правильный и вполне уместный

шаг. Это необходимо. В сущности, это единственная реальная возможность для нас обоих куда-нибудь отсюда двинуться.

— Оскар, мы никуда не можем отсюда двинуться. Наша свадьба не может создать прочное общество. Узаконить отношения двоих — это не значит узаконить все сообщество. Оно не может стать законным. Я военный вождь и забастовочный лидер — я была Жанной д'Арк. Никто никогда не избирал меня. Мое правление держится только на силе и умелой пропаганде. Реальная власть здесь у тебя и твоего друга Кевина. А Кевин — это уголовник, дорвавшийся до власти: он наводит ужас, это просто безмозглый громила. Он приносит мне пухлые досье, он запугивает людей и шпионит за ними. Мне все это опротивело. Я становлюсь каким-то чудовищем. Так не может продолжаться, это неправильно. За этим нет будущего.

— Ты много думала над этим, не правда ли?

— Это ты научил меня об этом думать. Ты научил меня думать политически. Ты хороший тактик, Оскар, ты действительно очень умен, ты хорошо разбираешься в людских недостатках и слабостях, но ты совсем не разбираешься в их сильных сторонах и ничего не знаешь об их чи-

стоте и честности. Ты не мыслишь стратегически. Ты знаешь все грязные трюки в го — как ходить камнями в угол и прочее, но ты не воспринимаешь доску в целом.

— А ты воспринимаешь?

— В какой-то мере. Я достаточно знаю о мире, чтобы понимать, что лучшее место для меня — это моя Лаборатория.

— Так ты капитулируешь?

— Как раз наоборот. Я ухожу в то время, когда я в выигрыше. Из того, что здесь затевается, кое-что окажется жизнеспособным, кое-что сохранится. Но это вовсе не новый мир. Это просто новая политическая система. Мы не можем запереться наглухо в недоступном убежище со мной в роли Королевы Термитов. Мне нужно уйти, бросить все это. А потом все это, может быть, будет разрушено до основания и на этом месте построено заново с самого начала что-нибудь совсем другое, прочное и основательное.

— А может быть, выйдет и иначе. Вдруг я все-таки окажусь великим стратегом.

— Дорогой мой, это не так! Ты житейски умен и хорошо соображаешь, но ты молод и не очень-то мудр. Ты не можешь стать королем, женившись на самозваной королеве, которую ты же сам и

сотворил, продвинув ее из пешек. Тебе вообще не нужно быть королем. Это мерзкая должность. В нашем положении нам не нужно еще одного тупого тирана с золотой короной на голове. Нам нужно… нам нужно, чтобы явился такой человек, который может основать новую цивилизацию. Какой-нибудь святой или пророк, немыслимо мудрый, самоотверженный и благородный. Тот, кто сможет извлечь законы из хаоса, и порядок из хаоса, и справедливость из шума, и смысл из общего распада.

— Боже мой, Грета. Никогда раньше я не слышал, чтобы ты так говорила.

Она метнула на него быстрый взгляд.

— Мне кажется, я никогда раньше так и не думала.

— Все, что ты говоришь, — чистая правда. — Это жестокая, холодная правда, и это плохо, до невозможности плохо, это хуже, чем я мог себе представить, но, знаешь ли, я рад, что я теперь все это понял. Я всегда предпочитаю знать, с чем я имею дело. Я отказываюсь признать наше поражение. Я отказываюсь выходить из дела.

Я не хочу расставаться с тобой, я этого не вынесу. Ты единственная женщина, которая меня понимает.

— К сожалению, я слишком хорошо тебя понимаю и поэтому знаю, что есть вещи, которые тебе просто не под силу.

— Грета, не отказывайся от меня. Не бросай меня. Я сейчас добился здесь настоящего прорыва, я на пороге великих достижений. Ты права насчет проблемы диктаторства, это грязная реальность, это фундаментальная политическая проблема. Мы все вымотаны сейчас до предела, мы перегорели, мы погрязли в мелочах. Я согласен, что сиюминутная тактика больше не годится, но просто махнуть рукой на все и уйти — это дезертирство. Нам нужно создать что-то огромное и постоянное, нам нужна более высокая истина. Нет, не более высокая — более глубокая, нам нужно стать на граните. Никаких больше песочных замков, никаких импровизаций. Нам нужен гений. И ты и есть гений.

— Да, но не в том роде.

— Но мы с тобой, мы можем это сделать вместе, вдвоем! Если б у нас только было время действительно собраться с силами, если б мы могли так разговаривать с тобой, как сейчас. Послушай. Ты полностью убедила меня: ты умнее, чем я, ты более реалистична, я с тобой до конца. Мы уйдем отсюда. Мы удерем вместе. Забудь о пышном бра-

косочетании, о кольцах и рисе. Поедем с тобой… ну не то чтобы на остров, они все сейчас тонут… Мы поедем в Мэн. Мы пробудем там месяц, два месяца, пробудем год. Мы выйдем из Сети, мы будем пользоваться ручками и свечами. Мы соберемся там с силами всерьез и вплотную, ни на что не отвлекаясь. Мы напишем Конституцию.

— Зачем? Пусть этим занимается президент.

— Что, этот тип? Ну, это тот еще парень! Он же социалист, он собирается сделать нас здоровыми и практичными, совсем как в Европе. Но мы не европейцы! Америку создал тот народ, которому Европа опротивела до смерти! Для Америки норма не в том, чтобы держать носы в чистоте и отслеживать выбросы углекислого газа. Норма для Америки — это технологические перемены. Конечно, мы временно упустили это из виду, мы перестали об этом заботиться, другие страны нас обманули, они нас обморочили, они хотят, чтобы мир так и жил с холстами Рембрандта и неочищенным рисом до скончания веков, но сейчас мы встали с одра. Перемены в огромном масштабе — вот что нормально для Америки. А то, что нам сейчас нужно, — это плановые перемены, прогресс. Нам нужен прогресс.

— Оскар, ты весь раскраснелся. — Она потяну-

лась к нему.

Он отдернул руку.

— Перестань. Хватит щупать мне пульс. Ты же знаешь, я этого терпеть не могу. Слушай меня внимательно. Я добьюсь того, чтобы этот образцовый в своем роде живой лабораторный стол меня по-настоящему полюбил. Я сделаю это для тебя, Грета. Я говорю совершенно серьезно, мы приступим к этому прямо с завтрашнего утра. Длинные каникулы в Мэне, в какой-нибудь славной романтической хижине. Лана снимет для нас что-нибудь в этом роде, она это умеет.

Ее глаза расширились.

— Что? Завтра? Лана? Глушь? Мы никак не можем отказаться от романтики: Клара и Лана Рамачандран, девчонка из Камасутры.

Оскар смотрел на нее с изумлением.

— Что ты сказала?

— Прошу прощения. Я ничего не хочу сказать дурного о Лане. Лана не виновата в том, что она к тебе неравнодушна. Но я не извиняюсь за то, что сказала о Кларе. Ты выпивал с ней! Кевин сказал мне.

Оскар был ошеломлен.

— Как это получилось, что мы об этом заговорили? Краска гнева залила ей шею и лицо.

— Я всегда думаю про это — я просто никогда не говорю об этом вслух! Клара, и Лана, и жена сенатора, и Мойра — все эти накрашенные, целеустремленные, глянцевые женщины — норовят запустить в тебя когти…

— Перестань, Грета, хватит. Верь мне! Я прошу тебя выйти за меня замуж. Мойра! Пойми же ты наконец. То, что я тебе предлагаю, — это всерьез. Это на самом деле, это прочно и основательно. Скажи мне раз и навсегда, за Мойру ты, что ли, выходишь замуж?

— Что? Мойра — это женщина из твоей команды, так ведь? Она ко мне заходила — старается искупить вину.

— Но Мойра работает на Хью! Когда ты ее видела?

— Она приходила ко мне в служебный кабинет. И принесла совсем новые воздушные фильтры. Они такие милые.

Оскар пристально посмотрел на воздушный фильтр. Он чувствовал, как в нем поднимается ужас. Он давно уже успел привыкнуть к этим безобидным устройствам. Их было множество повсюду. Без них нельзя было обойтись. Они очищали воздух от миазмов ядовитого тумана, они служили защитой от газовой атаки — этого

троянского коня биовойны.

— Грета! Как ты могла принять подарок от этой женщины?

— Она сказала мне, что это подарок от тебя. Потому что он пахнет розами.

Она похлопала по коробочке. Затем подняла на него глаза, и взгляд ее выразил страдание и замешательство — след медленно осеняющей ее ужасной догадки.

— Милый, а я думала, ты знаешь. Я думала, ты знаешь все.

В Коллаборатории было все предусмотрено для борьбы с биологическим заражением. Пришлось закрыть весь административный корпус. Газ, выделявшийся из фильтра-ловушки, был изготовлен при помощи очень остроумной технологии. Это была тонкая взвесь частиц, размером и формой напоминающих пыльцу амброзии. Частицы попадали в носовой проход безболезненно, как понюшка кокаина, после чего их содержимое через барьер просачивалось в мозг и производило там таинственные и колдовские изменения.

Оскар и Грета, с трудом втиснув себя в защитные костюмы, с красными лицами и заплетающейся походкой, были доставлены в клинику Хотзоны. В соответствии с обычным порядком их

сперва тщательно вымыли, а затем осторожно исследовали. Хорошие результаты обнаружены были сразу же: они не умерли. Плохие новости пришли попозже. У них подскочило кровяное давление, лица были налиты кровью, координация движений нарушена. Наблюдались необычные расстройства речи. Кроме того, PET-сканирование показало совершенно ненормальное расположение центров сознательной деятельности — два блуждающих очага возбуждения там, где у нормального человека должен быть только один. К основному ритму мозговых волн добавился еще один отчетливо различимый ритм.

Оскар был медленно и незаметно отравлен как раз тогда, когда он произносил лучшую в своей жизни речь. Мысль о такой подлости привела его в неистовую ярость. И тут обнаружилось еще одно примечательное свойство его отравленного мозга. Он мог в буквальном смысле слова думать о двух вещах сразу, но это давалось ему с таким напряжением, что он почти потерял контроль над своими желаниями.

Сестра предложила ему успокаивающее. Оскар горячо согласился, что он слишком гиперактивен, и подтвердил это пронзительными воплями, выкрикивая оскорбления и два раза лягнув сте-

ну. Немедленно последовала еще одна порция успокаивающего. После чего он снова впал в раздвоенную бессознательность.

В полдень Оскар вновь очнулся, чувствуя себя вялым и в то же время неуравновешенным. Он навестил Грету, которая была помещена в отдельную обеззараженную камеру. Грета провела спокойную ночь. Она сидела в кровати, скрестив ноги и положив руки на колени, прямая как стрела, устремив глаза в пространство. Она ничего не говорила, она даже не видела его. Она не спала. Она бодрствовала и была внутренне сосредоточена на чем-то неописуемо важном.

Сестра стояла на страже, пока Оскар наблюдал за Гретой, одновременно скорбя и радуясь. Скорбя; радуясь; скорбя, радуясь; скорбя радуясь. Она была такая возвышенная, тихая, неотступно занятая преследованием какой-то мысли. Она больше не походила на себя. Прикоснуться к ней было бы святотатством.

В сопровождении сестры Оскар побрел, спотыкаясь, в свою палату. Он спрашивал себя, как этот эффект подействовал на Грету. У разных людей он, похоже, проявляется неодинаково. Наверное, раздвоенное мышление, также как и обычное, может протекать по-разному.

Закрыв глаза, Оскар мог физически прочувствовать это ощущение. В его голову, словно стиснутую обручами, как будто были вложены два пузыря, жидких и мягких. Как два связанных центра инь и ян — мужское и женское начало. Два фокуса внимания — и один из них был каким-то образом впереди, а другой позади, и когда тот, который впереди, пробуждался и становился сознательным, другой прятался сзади. И внутри этих пузырей жили маленькие глаза. Глаза, которые управляли программным обеспечением других потоков сознания, только еще зарождающихся. Как живые иконки, стоило к ним только мысленно прикоснуться, и они приходили в действие.

В палату вошел Кевин. Оскар только услышал его прихрамывание и был уже готов к его появлению; он успел перестроиться за какую-то долю секунды и понял, что нужно открыть глаза и взглянуть.

— Слава богу, ты здесь! — выпалил он.

— Вот это мне нравится, — сказал Кевин, бросив на него взгляд. — Какой энтузиазм!

Сделав над собой усилие, Оскар промолчал. Приложив некоторые старания, он мог сдержаться и преодолеть соблазн выпаливать свои мысли

вслух. Для этого было нужно только прижать язык к верхнему нёбу, стиснуть зубы и равномерно дышать через нос.

— А ты не так уж плохо выглядишь, — задумчиво сказал Кевин. — Румянец чересчур яркий, и шею ты держишь, как жираф на бегу, но помешанным не кажешься.

— А я вовсе и не помешанный. Тут совсем другое.

— Угу. — Кевин взял дезинфицированный металлический стул и удобно разместился, оберегая больные ноги. — Так, хм, шеф, извиняюсь за прокол с безопасностью.

— Всякое бывает.

— Угу. Видишь ли, все эти люди из старой бостонской команды Бамбакиаса — вот в чем проблема. Жена сенатора… она просто лезла из кожи, пытаясь меня убедить, что от меня ждут, чтобы я не раздувал эту историю с пресс-секретарем. У тебя с этой пресс-красоткой была раньше любовь и все такое. Я и думал, гораздо лучше все это похоронить, а потом приходит эта — Мойра Матараццо, тоже пресс-секретарь сенатора, только прежний… Ну я и потерял след. Вот и все. Просто не мог его удержать во всей этой катавасии.

Вся эта бостонская команда, и прежняя коман-

да, и команда ребят из прежней команды; ну кто бы мог удержать след в таком дерьме? Проклятье, я уж даже не знаю, сам я числюсь в твоей команде или уже нет.

— Я понимаю, в чем дело, Кевин. Это побочное следствие того, что можно обозначить, по существу, как влияние социальных процессов наполовину феодального, наполовину правового, децентрализованного, раздробленного, основанного на распределении и отказе в распределении, многофакторного общественного строя.

Кевин вежливо ждал, пока Оскар кончит говорить.

— Вот о чем стоит сказать. Я проследил все передвижения Мойры. В куполе, в административном корпусе, вне купола… Я практически уверен, что она никому из нас больше не подбросила эту свою бомбочку замедленного действия.

— Это Хью. Кевин засмеялся.

— Ну конечно же, это Хью.

— Но затевать все это против нас сейчас… Это выглядит так бессмысленно, так мелочно. После того, как война кончена, после того, как он ушел в отставку. Как раз когда я собирался все это бросить.

— Так, значит, ты это всерьез тогда — насчет

своего ухода.

— Что?

— Я подслушал. Я забыл упомянуть, что я прокрутил записи этого инцидента с ядом. Этой романтической беседы с доктором Пеннингер, которую вы вели, когда вас отравили газом.

— Ты посадил жучков в этот конференц-зал?

— А как же! Я ведь в своем уме. Конечно, я посадил туда жучков. Не то чтобы у меня было время прослушивать каждую проклятую комнату из тех, что я здесь усеял жучками… Но уж если в одной из этих комнат происходит акт террора и биологической войны, тут уж, будь уверен, я прокрутил запись с самого начала. Я ничего не упускаю, Оскар. Я быстро учусь. Я на самом-то деле чертовски хороший коп.

— Никогда не считал тебя хорошим копом, ты просто трепло.

— Ну и ну, опять ты за свое… А знаешь, ты, что у тебя два разных голоса, когда ты говоришь такие противоречивые вещи? Мне надо будет прогнать анализ напряжений, но пари держу, что можно перепутать голосовые характеристики. — Кевин откачнулся назад на стуле и положил ноги в носках на кровать Оскара. Он довольно спокойно отнесся к такому обороту дела. Оскар подумал:

Кевин тогда ведь имел случай наблюдать этот феномен у гаитян. У него было время освоиться с этой идеей.

— Конечно, у меня было время освоиться, — сказал Кевин. — Это очевидно. Ты бормочешь про себя, так что легко узнать, о чем ты думаешь. Я распознал этот синдром, шеф. Подумаешь, большое дело! Я ведь уже освоился с другой твоей проблемой — насчет личного происхождения… Оскар, мы ведь всегда ладили?

— Да.

— Должен сказать, меня по настоящему задело, когда доктор Пеннингер назвала меня безмозглым громилой. Сказала, что я запугиваю людей и шпионю за ними. И ты, шеф, за меня не заступился. Ты ей ничего не сказал.

— Я предложил ей выйти за меня замуж..

— Женщины, — проворчал Кевин. — Их не поймешь. Все они ненормальные. То это мерзкая соблазнительная стервоза вроде Маты Хари, разносящая газовые бомбы… То доктор Пеннингер там внизу — Непреклонная Снежная Королева Вечного Света и Истины…

Я прямо уж не знаю, как угодить этой женщине! Я понимаю так, что хакеры-аналитики вроде меня совершенно то же, что ученые. Все,

что касается скрытого знания, и как его найти, и кто сумеет его получить, и кто добьется славы за открытие. В этом вся наука. Мне нравилось на нее работать. Я расшибался в лепешку для этой женщины, я делал все, что она просила, я для нее делал одолжения, так, что она об этом и не знала. Я на нее смотрел снизу вверх, я ее почитал, черт побери! И что я получаю за всю мою верную службу? Я навожу на нее ужас. Она хочет от меня избавиться. Оскар кивнул.

— Привыкай. Плохи наши дела. Хью с нами покончил. Это казнь. Я еле говорю. Я еле хожу. А Грета… у нее гебефрения. Шизоидно-кататонический транс с потерей речи…

— С этим, шеф, маленькая дополнительная проблема, но ничего страшного. Я все усек. Или я возьму власть прямо сейчас и тогда стану управлять всей этой халабудой, как полицейским государством. Или я… прямо не знаю… смоюсь назад в Бостон воздушной почтой. И конец всему. Хотя из всего этого выйдет забористая хакерская история, верно? Будет чем похвастаться у стойки.

— Ты не можешь все это удержать здесь один, Кевин. Тебе не доверяют.

— Знаю, шеф. Все милости ты распределяешь

сам, а меня используешь, как вышибалу, чтобы запугивать людей. Я знаю, что был вышибалой. И отец мой тоже был вышибалой. Отцы-основатели — это компания мертвых белых мужчин. И все эти парни на горе Рашмор — все они сейчас безмозглые белые. Мы вышибалы. Я привык к этой роли. Ха! Я был рад, что у меня есть работа!

— Кевин, я хочу, чтобы ты мне помог.

— Чем?

— Выбраться отсюда.

— Заметано, босс. Я все еще капитан Скаббли Би. Черт побери, я работал как проклятый, чтобы стать полковником Скаббли Би. Я могу вытащить тебя отсюда. Куда ты хочешь?

— В Батон Руж. Или где там прячется Хью?

— Охо-хо! Послушай, шеф, не то чтобы я сомневался в твоем уме, но у меня есть хорошее контрпредложение. Бостон, пойдет? Добрая старая мутная река! Бикон Хилл, Чарльстаун, Кембридж… Мы с тобой, да мы же с тобой соседи, шеф! Мы живем на одной улице! Мы можем вместе вернуться домой! Вернуться к настоящему пиву в настоящем бостонском баре. Можем сыграть в хоккей.

— Мне нужно поговорить с Хью, — сказал Оскар решительно. — Мне нужно выяснить очень важ-

ный личный вопрос.

Считалось, что Зеленый Хью находится в отставке. Теперь его обязанностью было присутствовать на официальных церемониях и разрезать ленточки. Священнодействовать на публике, сдувая пылинки, в окружении вооруженной стражи, набранной из Регуляторов, было совсем нетрудно, но Хью наслаждался этими спектаклями. Экс-губернатор всегда любил посмеяться. Он умел развлекать народ.

Оскар и Кевин, под видом пролов просочившись через социальные перегородки, затерялись в людском океане и стали выслеживать губернатора. Они шли пешком, останавливаясь по ночам в самых жалких гостиницах, они спали на обочине в палатках, специально закупленных из армейских запасов. Они сожгли свои удостоверения личности и надели соломенные шляпы, резиновые сапоги и комбинезоны. Кевин — хромой парень с гитарой — сходил за старшего. Оскар все время что-то бормотал себе под нос, изображая из себя его придурковатого двоюродного братца. Оскар повесил себе на грудь аккордеон. Даже в этих местах, где когда-то любили аккордеонную музыку, люди их по большей части избегали. Парочка полоумных уличных

музыкантов, бредущая вдоль дороги со своими разбитыми бандурами, каждую минуту готовая разразиться песней, — это было зрелище не для слабонервных.

После всего, что произошло, Оскар был в ярости и мечтал отомстить Хью. Как отомстить — об этом у него было два мнения. У Оскара теперь обо всем было два мнения. С одной стороны, он хотел публично бросить вызов этому человеку. С другой — он хотел его просто-напросто убить. Второе решение казалось ему при данных обстоятельствах вполне разумным, поскольку разные чокнутые бродяги, которым было нечего терять, нередко убивали политических деятелей. По этому вопросу у них с Кевином завязались серьезные споры. Кевин колебался между «за» и «против». Оскар был за и против одновременно.

Проблема, какой стратегии держаться, была исключительно многогранной. Для Оскара было очень трудно перестать о ней думать, с тех пор как он оказался способен рассматривать столько разных аспектов одного вопроса одновременно. Убить Хью. Искалечить Хью, быть может, переломать ему руки. Довести его до инвалидной коляски — все эти варианты он обдумывал одновременно. Ослепить Хью — в этом было что-то

библейски величавое. Но как? Уложить его выстрелом из засады с дальней дистанции? Но это не под силу любителям, никогда не державшим в руках огнестрельного оружия. Стрельба из пистолетов означала верный и быстрый арест. Яд? Это звучало заманчиво, но требовало предварительного планирования и соответствующей подготовки.

— Ты же из СНБ, верно? — сказал ему Кевин, пока они устраивались в палатке под трескотню сверчков, блаженствуя вдали от зловещей и вездесущей, как туман, городской слежки. — Я думал, они там учат вас, ребята, всяким кошмарным штукам с отравленными сигарами.

— Президент не устраивает покушений на своих политических оппонентов. Если бы его на этом поймали, он получил бы импичмент. Такие методы обходятся слишком дорого.

— Но ты ведь тоже президентский агент. Разумное замечание. Кевин прав. Оскар понял, что заплутался в буйных зарослях своего измененного сознания. На следующий день они остановились у какой-то грязной забегаловки рядом с городом Маму и вызвали СНБ по спутниковой связи из платного автомата. Оскару понадобилось довольно много времени, что-

бы дозвониться до своего непосредственного начальника по редко используемой и крайне ненадежной линии, соединяющей Вашингтон с Луизианой. Когда тот наконец подошел к телефону, он был очень сердит. Оскар объявил, что его отравили, что он теперь невменяем, что его умственные способности совершенно расстроены, что его нельзя отныне рассматривать как человека, способного нести ответственность за свои действия, что в таком состоянии он непригоден для государственной службы и потому немедленно, прямо сейчас подает в отставку. Начальник приказал ему вылететь в Вашингтон для полного медицинского обследования. Оскар сказал ему, что теперь он частный гражданин и это не входит в его обязанности. Начальник пригрозил ему арестом. Оскар в ответ указал, что в настоящее время он находится в самом сердце Луизианы, где местное население крайне недружелюбно относится к федеральным агентам. Он повесил трубку. Все было сказано. Он наговорил столько, что натрудил себе язык.

Кевин все больше вовлекался в гущу событий. Он внес еще одно предложение: по его мнению, следовало точно так же разорвать все связи с сенатором Бамбакиасом. Они вышли и не спеша,

пообедали красной фасолью с рисом, а когда вернулись, обнаружили, что телефон-автомат оккупирован бандой хулиганов-Регуляторов на быстроходных пикапах. Они попытались было заработать немного денег игрой на гитаре и аккордеоне, но им было велено убираться вон.

Автостопом они перебрались из Маму в Юнис и снова позвонили в Вашингтон, на этот раз сенатору в его служебный кабинет. Сенатора не было в Вашингтоне. Бамбакиас вылетел в служебную командировку по сбору материалов в недавно завоеванные Нидерланды. Фактически весь Сенатский комитет по международным отношениям уже перенес свою лавочку в Гаагу, в освободившееся здание голландского правительства. Оскар извинился и уже собирался положить трубку, когда сенатор все-таки появился на линии. Его вызвали уже над Атлантикой, разбудив посреди глубокого сна, но он был готов разговаривать.

— Оскар, как я рад, что ты позвонил. Не вешай трубку! Мы все знаем о том, что с тобой случилось. Нас с Лореной от этого прямо лихорадит. Мы намерены обвинить в этом Хью. Я знаю, что будет огласка, поскольку тут замешана Мойра, но я ко всему сейчас готов. Мы не можем позволить

Хью и дальше продолжать свои варварские покушения, это просто чудовищно. В такой стране невозможно жить. Мы должны занять определенную позицию.

— Вы очень добры, сенатор.

— Оскар, слушай меня внимательно. Гаитяне выжили после всего этого, и ты тоже сможешь. Неврологи по всему миру работают над этой проблемой. Они крайне возмущены тем, что случилось с доктором

Пеннингер, для них и для всего их профессионального сообщества это личное оскорбление. Мы хотим, чтобы ты прилетел в Гаагу и испробовал здешние методы лечения. Больницы в Голландии просто превосходные. И вся их инфраструктура выше всяких похвал. О блокпостах никто и не слыхивал. Условия для работы правительства на высшем уровне. Комитет по международным отношениям добился больше здесь, в Гааге, чем за целый год работы в Вашингтоне. У тебя есть шансы, Оскар. Есть надежда. Твои друзья хотят тебе помочь.

— Сенатор, даже если вы поможете Грете, я — особый случай. У меня уникальный генетический набор.

— Это неверно! Ты забыл, что здесь, в Европе,

проживают три датчанки, которые, по существу, являются твоими сестрами. Им известно о твоих проблемах, и они хотят тебе помочь. Я с ними встречался, я беседовал с ними лично. Полагаю, сейчас я понимаю тебя лучше, чем раньше. Скажи ему, Лорена.

Жена сенатора взяла трубку.

— Оскар, послушай Элкотта. Тебе стоит его послушать, это важно для тебя. Я тоже встречалась с этими женщинами. Ты — лучший из этого выводка, это совершенно очевидно, но, во всяком случае, они хотят тебе помочь. Они хотят этого искренне, и мы тоже. Это для нас очень важно. Ты поддерживал нас с Элкоттом в самые черные дни, а теперь наша очередь, вот и все. Пожалуйста, позволь нам помочь тебе.

— Лорена, я не сумасшедший. У Хью что-то похожее длилось по крайней мере два года, а Хью вовсе не сумасшедший. Это просто иной, кардинально отличающийся тип сознания. У меня, правда, бывают некоторые трудности, когда нужно разъяснить свои мысли другим, вот и все.

Голос Лорены внезапно ушел в сторону.

— Уговори его, Элкотт! Он сейчас говорит почеловечески.

Подошел Бамбакиас и заговорил своим сочным

и убедительным баритоном.

— Оскар! Ведь ты профессионал. Ты игрок. А игроки не впадают в ярость. Они просто набирают очки и сравнивают счет, вот и все. Тебе нет никакого смысла бродить по Луизиане в сопровождении какого-то белого, террориста-хакера с уголовным прошлым. Игроки так себя не ведут. Мы намерены уличить Хью; это потребует времени, но мы его припрем к стенке. Хью совершил роковую ошибку — он отравил члена президентского СНБ. Плевать мне, что у Хью голова забита всякими турбокомпрессорами и автозажигателями. Оскорбить Два Пера, отравить газом человека из его штата — это очень глупо. Президент человек очень суровый, и, что в данном случае еще важнее, он на деле доказал, что лучше разбирается в политической игре, чем какой-то экс-губернатор маленького южного штата.

— Я слушаю вас, сенатор. Кажется, в том, что вы говорите, что-то есть.

Бамбакиас медленно выдохнул.

— Слава богу.

— Я раньше не особенно задумывался о Голландии. То есть о том, что у нее такой большой потенциал. Я хочу сказать, мы ведь теперь владеем Голландией, так ведь?

— Да, это верно. Видишь ли, Голландия — это новая Луизиана. Луизиана — это вчерашний день! Мы с тобой были правы, уделяя ей внимание раньше, там были серьезные трудности, но этот жульнический штат сейчас на заднем плане. Голландцы — вот за кем в действительности будущее. Это серьезная, хорошо организованная, деловая нация, люди, которые последовательно, методически и разумно решают проблемы с климатом и окружающей средой. Хочешь верь, хочешь нет, но они впереди Соединенных Штатов в целом ряде областей, особенно в банковском деле. Луизиана перешла все границы. Это несолидно. Эти луизианские ракоеды просто фантазеры и психи. Нам сейчас нужна серьезная политическая организация, нам нужно возвратиться к норме. Хью — это человек вчерашнего дня, он отстал от жизни. Этот придурок умеет только заговаривать зубы. То там, то здесь он подбрасывает всякие технические новшества — словно вываливая время от времени груду плохо переваренных идей, можно увеличить сумму человеческого счастья. Это чистейшая демагогия, это сумасбродство. То, что нам нужно, — это здравый смысл и политическая стабильность, и разумная, эффективная политика. Вот для чего

существует правительство.

Оскар распробовал это необычайное заявление, прокручивая его в голове. Он чувствовал, как в нем беззвучно пересыпаются и заново выстраиваются мысли и воспоминания, словно камешки калейдоскопа.

— Вы на самом деле сейчас другой, правда, Элкотт?

— Прошу прощения?

— Я хочу сказать, тот курс лечения диетой и режимом, который вы проделали. Он полностью изменил вас как личность. Теперь вы реалистичны. Вы разумны и рассудительны. Вы скучны.

— Оскар, я не сомневаюсь, что у тебя есть на этот счет всякие интересные соображения, но сейчас не время болтать. Давай не будем отвлекаться. Обещай мне, что ты приедешь к нам в Гаагу. Для нас с Лореной ты не чужой, ты член нашей семьи — мы оба чувствуем, что в такие времена мы заменяем тебе семью.

— Хорошо, сенатор, похоже, я немного погорячился. Вы никогда не нарушали слова в отношении меня, и я очень тронут приглашением. Но сейчас я должен все это обдумать, я не готов принять решение.

— Замечательно. Я всегда знал, что у тебя есть

здравый смысл. А теперь пока, а то мне кажется, что мы говорили слишком долго, я боюсь, эта линия не слишком надежна.

Оскар обернулся к Кевину.

— Сенатор говорит, эта линия ненадежна. Кевин пожал плечами.

— Ну случайный телефон на дороге. Это все же большой штат. Вряд ли Хью прослушивает все телефоны в штате.

Два часа спустя их арестовала луизианская полиция.

Зеленый Хью присутствовал на праздновании в Ла-файете. Он и часть его охранников из полулегальной старой гвардии стояли на балконе отеля, наблюдая за народным весельем. Внизу на площади в почти полной тишине стотысячная толпа в наушниках танцевала, строила текучие, калейдоскопически меняющиеся узоры, повинуясь инструкциям через наушники. Они, казалось, двигались свободно, но в то же время находились под контролем — что-то неслышно и невидимо направляло их движения. Это была вакханалия, но строго организованная вакханалия.

— Понимаешь, я просто обожаю народные фестивали, — сообщил Хью, опираясь на изогнутые перила балкона. — Вы, янки, молодые и

цветущие, вам надо давать иногда возможность потанцевать.

— Я не танцую, — заявил Кевин.

— Какая жалость, что Модератор так раздражается из-за своей больной ноги. — Хью, прищурясь, взглянул на солнце и поправил края соломенной шляпы. — Не понимаю, зачем ты вообще захватил с собой мальчишку. Он не фигура.

— Ничего, я подпорка для фигуры. Я утираю слюни с его подбородка.

Оскар и Кевин были одеты в белые тюремные одежды. Руки скованы за спиной. Их притащили на балкон на глазах веселящегося внизу народа, но, похоже, никто не обратил на это внимания. Может быть, Хью проводил большую часть своей жизни беседуя на балконах с закованными в наручники арестантами.

— Я думал, ты сначала позвонишь, — обратился Хью к Оскару. — Мне казалось, мы достигли с тобой понимания: ты звонишь мне и проясняешь обстановку, если у нас возникают маленькие разногласия.

— О, мы надеялись, губернатор, на личную аудиенцию, просто немного отвлеклись.

— Сочетание гитары и аккордеона особенно красиво. Ты не играешь на аккордеоне, Оскар?

Диатонические гаммы и все такое?

— Я пока новичок.

— О, ты поразишься, до чего просто можно обучиться игре. Смертельно просто играть и петь. Играть и танцевать. Черт, да можно играть и диктовать финансовые заметки!

— Для начала было бы неплохо развязать ему руки, — заметил Кевин.

— Должно быть, в Массачусетсе совсем мягкий тюремный режим, раз этот хромоножка позволяет себе выступать. Я скажу тебе, что, хотя мы вас раздели догола, проверили каждое отверстие у вас на теле и поковырялись под ногтями, — все это не значит, что я собираюсь развязать руки этому сопляку-хакеру, который может вживить себе под кожу колчанчик с отравленными стрелами или чего там еще… Вам известно, что t+a меня было совершено пять покушений за последние две недели? Все эти чертовы Модераторы вышли на охоту за старым Хью… все они жаждут стать полковником таким-то или генералом таким-то, но я не позволю, все это мне надоело.

— Может быть, мы зря тогда стоим здесь на открытом балконе? — спросил Оскар. — Видите ли, меня тоже пытаются убить, и мне бы не хотелось, чтобы случайно подстрелили вас вместо меня.

— Вот для того я и поставил здесь, сынок, команду телохранителей! Они не так умны, как ты, но зато люди верные. Знаешь что. Мыльный Мальчик? Ты мне нравишься. Я люблю эти самодельные изделия — изготовленные, но не нашедшие коммерческого применения. Я тобой серьезно заинтересовался, я даже получил кое-какие образцы твоей кожи. Черт возьми, да у меня будет квадратный метр твоей кожи, когда ты окажешься в моих соляных копях. У меня будет ее столько, что можно натянуть на большой барабан. Ты — совершенный образчик. Настоящая помесь — немного того, немного сего, кое-что убавили, это сместили. И что самое интересное — никаких интронов! А ведь я слышал, что люди не могут выжить без интронов.

— Я не могу рекомендовать вам это, губернатор. В этом есть свои технические недостатки.

— А, знаю, знаю, у тебя есть свои маленькие слабости, мозглячок. Я попытаюсь тебе немного облегчить жизнь. Пройдем медицинские тесты, проверим твою ДНК. Я вовсе не хочу причинить тебе вред. — Хью искоса взглянул на Оскара. — Ты ведь слышишь меня, а? Тебя ведь все это *не* смущает, а?

— Нет, губернатор. Я слушаю вас очень вни-

мательно.

— Ты ведь понял, что я не шучу насчет твоей ДНК?

— Вы что, собираетесь клонировать его для создания армии? — встрял Кевин.

— Спасибо, у меня уже есть армия. — Хью поднял руку и похлопал ласково по тяжело провисшему хлопковому пиджаку. — В нынешние дни каждый должен быть вооружен, чтоб выжить. — Он опять обернулся к Оскару. — Вот в чем проблема с этими Модераторами. Они — банда пролов, эта твоя ночная армия. Все идет нормально, они обладают силой, властью над массами, все отлично. Они помогают взобраться на вершину, понятно? Добиться чего-то серьезного. В конце концов ты получаешь возможность установить свои правила, добиться действительного преобразования жизни обычных людей. — Хью фыркнул. — А потом неожиданно приходит новый Президент, который соизволит обратить на них свое королевское внимание и бросает им одну-две подачки, как кости собакам. И вот они уже выворачиваются из себя, лижут ему пятки, боготворят его носки и брюки. Они готовы ради него идти войной на своих братьев. Мне от этого становится плохо.

— Этот парень игрок. У него есть талант, Хью.

— Что за черт! Этот парень — голландский агент! Он продал свою страну! Или ты вправду думаешь, что голландцы сдались бы так легко? Без единого выстрела? Ведь мы же говорим о голландцах. Да когда неприятель вступал на их землю, они готовы были умереть, защищая свою страну просто с палками в руках! Они приняли все так легко потому, что сами придумали эту проклятую комбинацию!

— Это интересная теория, губернатор.

— Ты должен как-нибудь поговорить с французами, если тебя интересуют теории. Французы в этом большие специалисты. Мы, американцы, кажемся им занятными, вроде клоунов, им смешно все, что мы делаем. Но они побаиваются Голландии. Вот в чем проблема современной Америки. Мы остановились, мы не знаем, куда двигаться дальше. Черт, мы привыкли к тому, что двигали вперед всю мировую науку… лидировали во всех областях. А страны вроде Франции были великими безо всякой науки. Они просто делают особый сыр и читают

Расина. Но если вообразить себе Америку без науки, то получится одна большая Небраска. Мы получим страну, живущую в шалашах. Ну, эти

ребята в шалашах хотя бы чего-то хотят. Дайте им возможность заниматься наукой. Позвольте им работать.

— Это, пожалуй, еще более интересная теория.

— Ох, ладно, да. Ты веришь мне, — выпалил Хью. — Ты украл мои одежды, ты, несчастное дитя! Ты украл мою Лабораторию! Ты украл результаты моей работы! Но есть еще одна чертовски важная вещь, о которой ты не знал и потому не мог украсть! Так что я тебе ее отдал!

— Понятно.

— Ты не можешь обвинить Хью в недостатке великодушия. Ты разоблачил меня во всеуслышание во всей этой проклятой прессе. Ты науськал на меня своего сенатора. Сумел настроить против меня Президента. Ты деловой парень. Но знаешь что? У тебя нет ДУХА, детка! У тебя нет ДУШИ! Ты не способен ВЕРИТЬ! В твоей целенаправленной голове нет ни одной свежей идеи. Ты устроил облаву на бобровую нору, ты хотел разрушить гнездо и уничтожить выводок бобрят. Ну так у меня для тебя новость, Мыльник! Теперь ты сам настоящий бобер!

— Губернатор, это очаровательно. Вы сказали, что изучали меня. Я могу уверить вас, что также вас изучал. И многому научился. Вы человек

фантастической энергии и таланта. Но что мне непонятно, так это почему вы выражаете свои требования в столь абсурдной и нецивилизованной форме.

— Сынок, это объясняется просто. Это потому, что я грязный бедняк, невежественный дикарь из болотной топи. Двадцать первый век не принес нам ничего элегантного сюда, в эту глушь. Они забрали нашу нефть, они выловили нашу рыбу, они отравили землю, они превратили Миссисипи в гигантскую сточную канаву, которая загрязняет залив на сотни миль вокруг. Потом начались ураганы, стало подниматься море. Какого черта вы требуете от нас там, в своем Бостоне! Мы имеем право жить не хуже других, мы имеем право на будущее! Мы, креолы, жили здесь четыре сотни лет! И мы хотим, чтобы здесь жили наши дети! Если бы у тебя были мозги, ты бы сразу бросил беднягу архитектора и пришел бы работать на меня.

— Мне не нравятся ваши методы.

— Черт возьми, но ты сам использовал такие же! Ты использовал то же самое! Черт, я не особо забочусь о методах! Ты бы принес мне лучшие методы! Ты бы выболтал их мне! Попробовал бы меня убедить!

— Эй, Хью, а как насчет меня? У меня тоже есть методы.

— Ты — прошлогодняя новость, мистер Белый. Ты сейчас нанят на работу, тебе посчастливилось с этой чертовой работой. Дай мне поговорить с Генетическим Чудом, мы сейчас достигнем понимания. Это уже для взрослых.

— Эй, Хью, — продолжал настаивать Кевин. — Мои методы все еще работают. Я разоблачил вас с этими гаитянами. Я выяснил это и переправил их за границу штата.

Хью презрительно повел бровями и опять обратился к Оскару.

— По моему мнению, мы сейчас в одной лодке. Если я удержу за собой Коллабораторий, я смогу распространить новое понимание в широком масштабе. В действительности я уже делаю это. Я уже сделал людей своего штата наиболее умным, наиболее способным и творческим народом на всем белом свете. Ты немного расстроил мои планы, но, черт, это уже в прошлом. Сейчас у тебя нет другого выхода, как помочь Хью. Ты рвался к власти со скрежетом зубовным, ты выискивал благоприятные возможности и скрывал свое прошлое. Сейчас ты вдвойне урод. Но! Если ты сейчас присоединишься к Хью и если приведешь на

мою сторону свою любимую подружку, которая является источником множества достижений, тогда ты получишь возможность жить дальше и расти хоть до небес.

— Прежде всего мне хотелось бы перестать сердиться, Этьен.

— Пф! Настоящие игроки никогда не сердятся! К чему ты навешиваешь на меня все грехи? Я на самом деле признаю тебя. Мне нравится твое происхождение! Слушай, я добился в конце концов всего того, что ты сам планировал. Если Америка обустроится и придет в норму, тогда ты будешь в лучшем случае с самого краю. Ты всегда будешь сидеть прижав нос к стеклу и любоваться на то, как другие пьют шампанское. Тебе нечего будет делать. Ты превратишься в тень, ты будешь, незаметен, и так будет продолжаться до самой смерти. Но, сынок, если примешь участие в начинающейся революции человеческого сознания, то ты получишь этот чертов Массачусетс, я подарю его тебе.

— Эй, Хью! Хо! Ты всегда был таким сумасшедшим или только после наркотика?

Хью игнорировал вмешательство Кевина, хотя складка на его лбу стала жестче.

— Я понимаю, ты можешь повести на меня

атаку за то, что я сделал. Валяй! Расскажи всем, что ты теперь урод вдвойне. Расскажи всем, что прежняя любовница сенатора, — а Мойра сейчас во Франции, кстати, — отомстила тебе за гнусный трюк, которым ты прикрывал его задницу. Твое выступление на публике будет напоминать выступление шпагоглотателей или пожирателей огня, ты примешь весь огонь на себя. Или просто найди здравомыслящее решение и переходи ко мне в офис. Ты будешь делать совершенно то же самое, что делал до сих пор. Но вместо болтовни о том, как народ будет жить по-новому, — черт возьми, слова вообще ничего не стоят, — ты будешь просто вдувать в людей этот новый путь. И когда ты так сделаешь, они уже не смогут повернуть назад. Так же, как ты, сынок. Как и ты, они уже никогда не вернутся назад.

— И зачем, спрашивается, мне превращать тысячу людей в генетических уродцев и делать их несчастными?

— Никаких несчастий! Наука на самом деле работает! Это великое достижение!

— Эй, Хью! Заткнись, болван! Я знаю этого парня. Ты никогда не сделаешь его счастливым! Он даже не знает смысла этого слова! Ты ничего не можешь добиться с ним — ты сделал ему вдвое

хуже!

Хью потерял терпение и небрежно махнул телохранителям. Пара вооруженных охранников внезапно появилась из глубины затененной комнаты. Кевин замолк.

— Освободи ему руки и принеси шляпу и плащ, — сказал Хью, обращаясь к охране. — Он вступает в игру. Мы должны серьезно поговорить.

Телохранитель освободил Оскару руки. Оскар потер запястья. Тот же охранник накинул ему на плечи какой-то темный плащ поверх тюремной одежды.

Хью придвинулся к нему поближе.

— Оскар, давай поговорим начистоту. То, чем ты сейчас обладаешь, — великий дар. Конечно, это немного трудно на первых порах, примерно как учиться держать равновесие при езде на велосипеде. Мультизадачность — вот в чем дело. Я не говорю, что мы достигали совершенства. Ничто, достигнутое техническими средствами, не совершенно. Но это вполне реальная вещь, работающая в реальной жизни. Она ускоряет частоту биений сердца, она немного ускоряет скорость мышления. И это мультизадачность, так что ты начинаешь делать что-то одно, и дело

идет вперед… И тут вдруг выскакивает другое… И ты получаешь два одновременно идущих потока мышления. Это поразительно в своем роде. Поэтому ты останавливаешься и пытаешься вернуться к нормальной работе мозга. Но при этом ты даешь своим старым мозгам хорошую встряску, и ты должен потом заново перезагрузиться.

— Понятно.

— Слушай, я с тобой откровенен. Конечно, там имеются некоторые языковые проблемы, и иногда ты начинаешь бормотать. Но, сынок… ты дважды человек! Ты можешь думать одновременно на двух языках. Если ты потренируешься, ты сможешь делать удивительные вещи двумя руками одновременно. И самое лучшее, мальчик, — это когда ты ведешь два поезда мышления, и они вдруг начинают обмениваться пассажирами. Это и есть интуиция, то есть когда ты знаешь, что-то, но не можешь понять, откуда это пришло. Все происходит в подсознании. Это мышление, о котором ты не подозреваешь. Но когда ты к этому привыкаешь, идеи начинают идти потоком. Они смешиваются. Они обогащают друг друга. Они придают друг другу богатство и изящество. Это уже вдохновение. И это самое прекрасное ощущение, какое ты можешь испытать. Единственная

проблема — иногда идеи настолько смущающе велики, что у тебя появляются проблемы с повышенной импульсивностью, ты не можешь ее контролировать.

— Да, я заметил эту маленькую проблему.

— Ну, сынок, большинство людей прячет свой свет под колпаком, они никогда не действуют импульсивно. Вот почему на их могилах нет памятников. Настоящий игрок берет инициативу на себя, он — человек действия. Я признаю, эта проблема с импульсивностью — заболевание. Вот почему крупные игроки нуждаются в политических советниках и даже делают себе таких.

— Хе-ээй! — завопил вдруг Кевин. Он был сыт по горло Хью. Кевин неожиданно обратился к огромной толпе внизу. — Эй! Народ! Он травит вас! Он хочет превратить вас в сумасшедших зомби!

Телохранители схватили Кевина и начали его избивать.

— Они пытают меня! — отчаянно закричал Кевин. — Копы меня избивают!

Хью обернулся.

— Черт возьми, Бузу, не лупи его на глазах у всех. Сначала втащи в комнату. И ты, Зак, не спеши первым делом пустить в ход свои знаменитые кулаки. Используй дубинку. Для того они

и предназначены.

Несмотря на связанные руки, Кевин не собирался стоять на месте. Он начал метаться по балкону, бросаясь из стороны в сторону. Его вопли не помогли. Толпа внизу слушала только свои наушники. Но не все там танцевали, некоторые смотрели наверх.

Бузу вытащил дубинку. Кевин получил чувствительный удар. Бузу сделал полшага назад, споткнулся о ноги другого охранника и неожиданно зацепился за железные ножки белого балконного стула. Он неловко свалился на спину, другой охранник бросился вперед, но, натолкнувшись на растянувшегося Бузу, также упал на колени.

— 0, черт! — прорычал Хью. Он быстро сунул руку в пиджак, вытащил хромированный автоматический пистолет и невозмутимо выстрелил в Кевина. Пуля попала в верхнюю часть грудной клетки, от сильного удара связанного Кевина отбросило к низеньким перилам балкона, его тело перевернулось в воздухе и рухнуло на землю.

Крайне удивленный Хью подошел к перилам и заглянул вниз. Хромированная сталь сверкала в его руке. Толпа, увидев в руках у него оружие, в страхе разбежалась.

— Ух-ох, — невнятно просипел Хью.

— Так и непонятно, что мне с ним делать, — пожаловался Президент. — Он убил человека на глазах многотысячной толпы, и все же у него до сих пор имеются приверженцы. Я бы с удовольствием посадил его в тюрьму, но, боже мой, мы уже стольких посадили, что скоро они составят основную часть населения.

Оскар и Президент США гуляли по саду Белого дома. Розовый сад, так же как и Белый дом, регулярно очищался от жучков. Это не слишком помогало. Однако если постоянно передвигаться, то можно было поговорить без опасений.

— Ему всегда не хватало понимания, что такое порядочность, господин Президент. Все знают, что Хью зашел слишком далеко, так считают даже в Луизиане. Но они будут ждать, пока он не умрет, прежде чем рискнут выдвинуть против него какие-то обвинения.

— Как вам нравится Вашингтон, Оскар? Он стал совсем другим городом, правда?

— Должен признаться, господин Президент, меня беспокоит присутствие в американской столице иностранных войск.

— Совершенно с вами согласен. Но это разрешает все проблемы. Люди, что роют норы на улицах,

толпы демонстрантов, забаррикадировавшие целые кварталы… никакое правительство не способно выжить в такой обстановке. И я не могу послать американские войска — они будут с надлежащим усердием вылавливать разрозненные сетевые банды. А голландцы очистят улицы, даже если понадобятся десятилетия. Они упорный народ.

— Город стал совсем другим, сэр. Более опрятным.

— Вы бы поселились здесь, верно? При нормальном жаловании. Если администрация Белого дома вам бы это предложила?

— Да, сэр, я могу жить везде, куда меня призывает долг.

— Ну, это, по крайне мере, не Луизиана.

— На самом деле, господин Президент, мне очень нравится Луизиана. Там прекрасная атмосфера во многих смыслах. У меня очень яркие воспоминания о пребывании в Луизиане. Я начинаю думать об этом штате как о своей второй родине.

— Вот как?

— Понимаете, голландцы, когда начался подъем уровня моря, восприняли это с отчаянием. Думаю, что-то подобное было и в Луизиане. Я был

поражен, когда увидел, как много можно понять, просто лежа на дне болота.

Президент пристально посмотрел на него.

— Но вы не собираетесь сами тонуть в болоте.

— Только, если случайно, сэр.

— В прежнем нашем разговоре, Оскар, я сказал, что, если вам удастся наладить дела в Коллаборатории, я найду вам пост в Белом доме. С тех пор ваша карьера развивалась весьма интересным образом, но у меня нет никаких сомнений в вашей лояльности. Мне не нужны слепые фанатики, так же как и скандалисты, мы сейчас уже восстанавливаем конституционный порядок. Я хочу покончить с деятельностью невидимок-ковбоев, вернуть их на место. Сейчас я уже могу управлять страной — даже если прибегаю иногда к помощи голландских войск — и когда я покину Овальный кабинет, после меня останется здоровое, ответственное, порядочное и благопристойное государство. У меня есть роль и для вас в предстоящих делах по восстановлению порядка. Вы хотите послушать какая?

— От всей души.

— Как вы хорошо знаете, у нас шестнадцать проклятых политических партий в стране! И я не собираюсь идти на перевыборы, имея в качестве

противников каких-то там соцпатов! Мы нуждаемся в консолидации политических сил! Мы должны разбить вдребезги все эти размножившиеся партизанские направления и установить практическую, действующую, разумную биполярную систему. Это будет Нормализация против всего остального.

— Понятно, сэр. Это очень напоминает старые времена. А вы хотите быть правым крылом или левым крылом?

— Я хочу быть нижним крылом] Оскар. Я стою ногами на земле, и я знаю, где я стою. Все остальные могут быть верхними крыльями. Все они могут порхать в воздухе, высказывать высокотехнологичные, сумасшедшие куриные идеи, но никто из них не сможет сесть на землю, чтобы не разбиться. Земля будет моя.

— Господин Президент, поздравляю вас с блестящей формулировкой. У вас сейчас есть возможности, и вы можете попытаться реализовать все, что вы задумали. Это вполне осуществимо.

— Вы так думаете? Хорошо. Это и есть ваша роль. Вы будете осуществлять посредничество между Белым домом и конгрессом, будете посредником в управлении текущей партийной структурой. Вы выкинете радикалов и сумасшед-

ших и организуете их в летающее воздушное крыло.

— А я не отношусь к нижнему крылу, сэр?

— Оскар, нижнее крыло есть только тогда, когда есть верхнее. Ничего не будет работать, если я не создам оппозицию самому себе. Верхнее крыло — самая важная часть игры. Это верхнее крыло должно сверкать. Оно должно быть оригинальным и знаменитым. Оно может быть пророческим. Оно должно почти что иметь смысл. И оно не должно никогда, даже частично, работать.

— Понятно.

— Я особенно озабочен коалицией пролов и ученых. Эти люди не знают удержу ни в чем. Они уже потрясли наших промышленников, угрожая им своими исследованиями. Они являются единственным действительно новым и сильным движением в современной политике. Они не могут быть в моем лагере. Я не могу их купить или уговорить. Они унаследовали радикалистскую традицию, идущую из прошлого, когда мотив исследовательской деятельности был главной движущей силой, которая преобразовывала западное общество на протяжении почти шести веков. Уничтожить их было бы преступлени-

ем, все равно что лоботомировать страну. Но позволить им жить так дальше — нездоровая позиция.

Президент глубоко вздохнул.

— Поскольку дополнительные доходы от их исследований построили американский капитализм, тот, что позже потерпел крушение, привели к подъему уровня мирового океана, отравлению поверхностного слоя почвы, разрушению озонового слоя, проникновению радиоактивных элементов, привели к росту народонаселения, к прекращению роста населения, к пожару в Вайоминге… да нет, даже хуже. Намного хуже. Теперь они собираются исследовать наши мозги подобно девственному Новому миру. Кто-то должен всерьез заняться этими людьми. Я подозреваю, что вы как раз подходите для этой цели.

— Думаю, что понимаю вас, сэр.

— Они совершенно не ориентируются в политической реальности, но распахивают двери, ведущие за пределы человеческого сознания, и их надо остановить. Я думаю, здесь нужны тонкие меры. Нечто привлекательное. Нечто сулящее известность. Что-нибудь, что заставит их перестать быть новым вариантом Франкенштейна и придаст артистизм. Современная поэзия — это было

бы идеально. Стоит гроши, вызывает огромное возбуждение в малых социальных группах и не имеет никакого социального эффекта. Потом, я думаю, абстарктная математика. Ничего практического, что-нибудь сложное и абстрактное.

— Вы не можете положиться на математику, сэр. Она всегда оборачивается каким-нибудь практическим приложением.

— Тогда компьютерная симуляция. Крайне, крайне трудоемкая вещь, сложная, детальная симуляция, которая никогда не будет иметь ничего общего с реальностью.

— Думаю, это ближе к тому, чтобы получить задуманный вами результат, однако сейчас в науке никто не принимает кибернетику всерьез. Эта линия исследований прекращена, это неуклюже и не модно. Даже биоисследования и генетика сейчас более распространены. Все, что связано с познанием, сэр. Это последнее, что у них осталось.

— Вы, должно быть, переживаете по этому поводу. Возможно, вам удастся убедить их попробовать заняться чем-то более изящным…

— Господин Президент, есть одна проблема. Вы просите меня внедриться туда и предать их?

— Оскар, я прошу вас просто быть политиком.

Это не дело — распахивать двери неизвестно куда, за пределы человеческого мышления! Это не наша работа. Наша работа — установить справедливость, способствовать спокойствию внутри страны и повышению общего благосостояния! Этой цели нам, политикам, никак не удается достичь. Знаете что? Это крайне неприятная вещь — наблюдать, как целая нация сходит с ума. Но так и происходит. С самой великой некогда страной, самой великой на земле! Япония, Германия, Россия, Китай… а у нас, американцев, больше ни гроша в кармане. Мы едва держимся на ногах. Мы были удачливы раньше. Это могло бы повториться в будущем.

— Сэр, вы не считаете, что научное сообщество — в том виде, как оно есть, — должно быть оповещено об этом. Они ведь тоже граждане, не правда ли? Они скорее даже умные граждане, если их чуточку ограничивать. Честно говоря, сам я не думаю, что обманывать их — хорошая тактика в долговременном плане.

— В долговременном плане мы все умрем, Оскар.

— Господин Президент, вы предложили мне воистину сказочную работу. Я сознаю ее важность. Я очень признателен вам за доверие. Я

даже предполагаю, что у меня есть способности, чтобы справиться с ней. Но прежде, чем я дам согласие на это — как это лучше назвать? Некий макиавеллизм, наверное, — мне нужно узнать одну вещь. Мне нужно, чтобы вы откровенно прояснили мне лишь один вопрос. Вы на ставке у гол-ландев?

— Голландия никогда ничего мне не платила.

— Но у вас есть какое-то соглашение с ними, так?

— На словах… Мне надо бы свозить вас в Колорадо. Я бы вам показал наш строевой лес. Вы знаете, с тех пор как тамошние американцы связались с наркотиками и казино, мы начали понемногу выкупать кусочки этой нашей великой страны. Дешевые кусочки, во многом слишком разрушенные для какого-либо коммерческого использования. Если бы они остались в том же виде достаточно долго, примерно семь поколений, то они восстановились бы. Но они никогда уже не вернутся к первозданному состоянию. Тотальное загрязнение. Будущее болото, заполненное изготовленными чудищами, — это не восстановление природы. Мы истребили бизонов, цветы, природный растительный покров, мы продали их по дешевке, и это ушло навсегда. Это ужасно. Совер-

шенно ужасно. Это напоминает скрытые жертвы войны. Это висит на Америке, как на Германии висит геноцид, а на южных штатах — рабовладение. Мы превратили наших братьев в игрушки. И голландцы правы. Они правы, как права любая нация, чьи дома скрылись под водой, у них есть моральное право, этическое право, физическое право. Да, мы растранжирили свой природный газ. Мы сами представляем для себя огромную проблему. Так что да, я собираюсь использовать голландцев в качестве местных полицейских, не всех, конечно, только наиболее разумных. И этого невозможно было бы достичь, если бы они нас завоевали. Это можно было достичь только, если бы мы завоевали их страну.

— Значит, вы голландский агент?

— Оскар, мы господствуем над ними. Они капитулировали. Мы являемся большой и медленно погружающейся в воду страной, которая завоевала маленькую, быстро тонущую страну. Это реальность, это мир, в котором мы живем.

— Господин Президент, я согласен с вами. Я очень рад, что узнал правду. Эта правда разбивает вдребезги все мои честолюбивые мечты, но я рад, что узнал наконец правду. Это самая большая ценность, которая у меня есть, и я не

капитулирую. Я отказываюсь от вашей работы.

— Ну, тогда тебе не видать работы в этом городе, сынок, я об этом позабочусь.

— Да, я знаю, господин Президент. Спасибо за любезность.

Миссисипи делила Новый Орлеан на две части. Река придавала городу грубоватый шарм. Обособленность французского квартала после превращения его в остров еще усилилась, он стал напоминать почти что Венецию, если учесть, что здесь тоже плавали на гондолах.

Официальное праздничное шествие по Кэнел-стрит было хорошо организовано, но на Бурбон-стрит народ веселился вовсю, сюда стекались нарядные толпы людей, не имевших никаких других забот, кроме развлечений.

Грета отошла от зеленых облупленных ставней вглубь гостиничной комнаты.

— Как здесь хорошо! — сказала она.

Оскар радовался нарядной толпе, собравшейся на Марди-Гра. Ему было легко в той же степени, в какой трезвый человек способен чувствовать себя непринужденно среди огромной веселой толпы пьяных людей. Среди них, но никогда не вместе с ними. Так было с ним всю жизнь.

— Знаешь, я мог бы достать билеты на один из

этих праздничных кораблей. Чтобы пошвырять в толпу бусы, безделушки и бесплатные программные продукты. Это было бы забавно.

— Положение обязывает, — пробормотала она.

— Это местный праздник. Очень старый, еще в середине девятнадцатого века местные раскупали заранее все места на танцы. Но мне сказали, что достать место на корабле можно.

— Может быть, в следующем году, — сказала она.

Тихий скрип донесся со стороны обшитых панелями красного дерева дверей. Служащие отеля в белых фраках с бутоньерками в петлице появились с передвижным сандаловым столиком. Устрицы, лед, шампанское. Грета ушла в спальню переодеться к ужину. Официанты безмолвно растелили скатерть, зажгли свечи в канделябрах, открыли бутылки, протерли стаканы. Оскар терпеливо ждал, когда они покинут холл. Потом потушил свет.

Грета вернулась и оценивающе рассматривала канделябры. Она была одета в темно-коричневое платье, сделанное по старинной модели — до Гражданской войны 1861 года — на лице у нее была маска из перьев. Эта маска сильно на него подействовала. Он действительно любил маски.

Даже в самой гуще неуклюжего празднества она оставалась потрясающей.

— А шоколадные трюфели? — спросила она.

— Я не забыл. Позже… — Оскар поднял свой бокал с шампанским, любуясь золотыми пузырьками.

— Ты все еще не пьешь?

— Ты начинай. Я буду любоваться. В полглаза.

— Я буквально один глоточек, — сказала она, облизнув широкую верхнюю губу виднеющуюся из-под маски. — У меня проблемы с неуправляемыми импульсами…

— Чего ты тянешь. Это же Марди-Гра.

Она села за стол. Они легонько чокнулись бокалами. На столе красовались миниатюрные хрустальные блюдца с хреном.

— Я не говорила тебе, что сделала клеточную очистку?

— Ты шутишь!

— Я не хотела, ты знаешь. Но потом начались проблемы с кровяным давлением, риск удара… Так что я прочистила мозговую ткань.

— И как это? Расскажи?

— По ощущениям — ничего особенного. Очень обычно. Как будто попадаешь в двухцветный мир. Я должна буду еще раз это сделать. Я теперь

не боюсь. — Она положила руки на стол. — А как у тебя? Ты умеешь останавливаться?

— Я совершенно не хочу это останавливать. Это работает на меня.

— Это плохо для тебя.

— Нет. Мне нравится раздвоенность. Это как раз та сторона нашего дара, что мне по душе. Все эти человеческие слабости вроде расовой ненависти, этнических предрассудков… Не то чтобы они полностью исчезают, понимаешь, но новые проблемы так велики, что старые просто теряют свое значение. Кроме того, я теперь могу делать две вещи одновременно. Я стал гораздо более эффективным. Я могу делать свои дела все то время, пока занимаюсь легализацией.

— Так ты опять вернулся к бизнесу?

— Да, я всегда тяготел к этому. — Оскар вздохнул. — Это очень по-американски. И это мой единственный путь к признанию. С серьезным капиталом я могу финансировать кандидатов, проводить судебные процессы, учреждать фонды. Совсем не надо волноваться насчет денег и ходить, приплясывая и добывая пенни. Когнитология скоро станет промышленной отраслью. Мощной, переворачивающей все американской индустрией. Когда-нибудь она станет самой круп-

ной отраслью.

— Ты собираешься превратить мою науку в промышленность? Когда сейчас это считается просто незаконной деятельностью? Когда люди считают сумасшедшими всех, кто имеет к ней отношение?

— Ты не сможешь остановить меня, — сказал Оскар, понижая голос. — Никто не сможет остановить меня. Я буду двигаться медленно, очень мягко, очень спокойно, так что ты сначала даже не почувствуешь этого. Легкое дуновение. Очень нежно, очень тонко. Я возьму реальность абстрактного знания и перенесу ее в наш грязный мир, полный крови и пота. Это не будет уродливо или нелепо, но покажется красивым и Неизбежным. Люди будут желать, жаждать этого. В конце концов, они будут кричать, требуя этого. И тогда, Грета, я полностью овладею этим.

Долгая тишина. Грету, сидевшую на стуле, била крупная дрожь, маска из птичьих перьев чуть приспустилась, но она не решалась встретиться с ним глазами. Грета взяла серебряную вилку, ткнула ее в серый шарик, лежащий у нее на тарелке, и положила вилку обратно на стол.

Затем взглянула на него испытующе.

— Ты стал выглядеть старше.

— Я знаю. — Он улыбнулся. — Позволь, я надену маску.

— Но ведь это правильно, что я о тебе беспокоюсь! Разве не так?

— Все правильно… но не во время Марди-Гра. — Он рассмеялся. — Если ты хочешь беспокоиться, то беспокойся лучше о тех, кто собирается перебежать мне дорогу.

Он проглотил устрицу.

Последовало долгое молчание. Он привык к ее молчанию. Молчание Греты имело вкус и запах — он мог ощущать все оттенки ее молчания.

— По крайней мере, я теперь снова могу работать в Лабе, — пробормотала она. — Теперь мне даже не страшно, если придется заниматься административной работой. Конечно, я бы предпочла заниматься своим делом. Это единственное, о чем я сожалею. Просто хотелось бы, чтобы у меня было больше времени, и я смогла бы стать еще лучше.

— Но ты и так лучше всех.

— Я старею, я это чувствую. Неистребимая всепоглощающая страсть к знанию — этот божественный дар — он оставляет меня. Потому я лросто стремлюсь быть лучше, вот и все. Они мне говорят, что я гений, но я всегда, всегда недоволь-

на собой. И я ничего не могу с этим поделать.

— Это, наверное, тяжело. А ты не хотела бы иметь собственную лабораторию, Грета? Это было бы менее хлопотно, ты могла бы заниматься там, чем хочешь.

— Нет, спасибо.

— Я мог бы построить для нас с тобой чудное местечко где-нибудь в Орегоне?

— Нет, спасибо, я знаю, ты мог бы построить целый институт для нас, но я не хочу сидеть у тебя в кармане.

— Ты такая гордая, — уныло сказал он. — Это все можно устроить. Я мог бы жениться на тебе.

Она покачала головой.

— Мы не женимся.

— Ты могла бы уделять мне хотя бы неделю в квартал. Это совсем немного — четыре недели в год.

— Мы не сможем с тобой заниматься друг другом целых четыре недели в году. Потому что мы бродяги по натуре. Ни ты, ни я не созданы для брака. Даже если мы поженимся, выяснится, что мы хотим чего-то другого, большего.

— Ну ладно. Это верно. Конечно, я бы хотел большего.

— Я могу тебе рассказать, как это могло бы

сработать, потому что я не раз наблюдала, как это происходило у других. Ты, Оскар, превращаешься в жену научного деятеля. Я продолжаю вкалывать по восемьдесят часов в неделю, но все же ты можешь обо мне позаботиться, поскольку я кручусь где-то рядом. Возможно, мы могли бы взять ребенка. Но у меня никогда не хватало бы времени на него, я бы мучилась чувством вины и покупала бы ему подарки к Рождеству. Ты мог бы присматривать за домом, следить за финансами и даже заботиться, чтобы моя известность продолжала оставаться Достаточно широкой. Кроме того, ты бы готовил для нас и так далее. Вероятно, это удлинило бы тебе жизнь.

— Ты думаешь, что для меня это звучит ужасно, — ответил Оскар. — Но это не ужасно в том смысле, как ты думаешь. Это как раз вполне аутентично. Проблема в том, что это невозможно. Я не умею поддерживать семью. Я не могу обустроить дом. Мне это никогда толком не удавалось. Я не могу сидеть на месте. У меня были три интрижки с разными женщинами с прошлого августа. Раньше женщины у меня следовали одна за другой, но больше так не получается. Теперь это мультизадачный режим. И, подарив тебе обручальное кольцо, я все равно не смогу измениться. Я это

понял только сейчас, и признаю это. Это сильнее меня, я не смогу себя контролировать.

— Терпеть не могу других твоих женщин! — сказала она. — Однако могу себе представить, что они должны чувствовать по отношению ко мне. Это приносит некоторое удовлетворение.

Он поморщился.

— Ты даже не делаешь меня счастливой. Ты наоборот все усложняешь. Я приезжаю к тебе на празднование Марди-Гра как женщина, которая стремится на праздник, чтобы встретиться со своим любовником!

— Это так ужасно?

— Да, это ужасно! Теперь это становится еще более болезненным. Однако отрезвляет.

— Грета, как ты думаешь, у нас есть будущее?

— Я не твое будущее. Здесь будет к ночи другая женщина, она будет красиво одета и сильно пьяна. Она будет заниматься сексом со своим дружком, а если от нее потребуют ответа, скажет: «К черту все это!» Она будет полна праздничным настроением Марди-Гра. У нее есть будущее. А у меня — нет. Я никогда не была твоим будущим. Меня здесь нет по-настоящему. Я просто присутствую.

— Наверное, я более человечен, — заметил

Оскар. — Я, по крайней мере, стараюсь подавать факты более мелкими порциями.

— Мы никогда не поженимся, но со временем все это уже не будет иметь значения. Я стану прогуливаться с тобой по пляжу. У меня будут к тебе какие-то чувства, просто как к личности, такие спокойные и простые. И если я доживу до чего-либо подобного, это станет настоящим концом моей жизни. Это будет старость, это будет полное увядание.

Оскар встал с места и подошел к стеклянным дверям. Это было самое горькое признание, какое ему довелось услышать, потому что он был абсолютно уверен в том, что так все действительно и сложится, когда она постареет. Мудрость и общие интересы. Но это будет у нее с кем-то другим. Не с ее любовником. С каким-нибудь студентом, а может быть, с биографом. Но не с ним. Он вышел наружу, стиснув кулаки, и оперся на нарядную решетку балкона.

Большая организованная процессия двигалась по Бурбон-стрит под голубыми и белыми флагами известного мультинационального банка. Мрачные неулыбчивые участники шествия были одеты в трехцветные длиннополые пиджаки, на ногах у них были сверкающие отполированные

ботинки. Какая-то группа, одетая в те же пиджаки, стала швырять в толпу мелкие деньги, однако пролы просто отбрасывали эти подачки прочь.

— Посмотри на эту сценку, — улыбнулся Оскар. Грета присоединилась к нему.

— Я смотрю, все развлекаются. Пятидолларовая бумажка, утяжеленная рыбацким грузилом, взлетела над улицей и врезалась в плечо Оскара. Он развернул ее. Это были настоящие пять долларов, все правильно.

— Надо бы запретить все это, так можно и изувечить людей ненароком.

— Фу! Не ворчи! Я прекрасно себя чувствую. Давай лучше пойдем и разложим кровать.

Она повлекла его в спальню. Воздух вокруг них, казалось, сгустился от напряжения.

— Можно, я не буду снимать маску? Он снял пиджак.

— О да! Эта маска и есть ты.

Он принялся за дело особенно тщательно. Он приготовился выполнить все на высоком уровне. В течение их долгой разлуки он не раз представлял себе их встречу. Он разработал многоуровневую эротическую схему со множеством подпрограмм. Простыни намокли от пота, кровь ударила ей в голову. Со странным криком она

вдруг сорвала с лица маску, прыжком соскочила с кровати и выбежала из комнаты.

Оскар в тревоге помчался за ней. Грета отчаянно потрошила свою сумку. Наконец, вытащила карандаш.

— Что за… — начал он.

— Т-ссс! — она быстро начла писать что-то на обложке путеводителя по Новому Орлеану.

Оскар нашел банный халат и накинул ей на плечи, потом надел штаны, выпил полбутылки ледяной минералки. Когда пульсация внутри прекратилась, он вернулся на балкон.

На Бурбон-стрит разыгрывались исключительно интересные сценки. Балконы, что тянулись вдоль фасада отеля, были заполнены людьми: там стояли четыре женщины и трое мужчин. Между женщинами, что стояли на балконах, и мужчинами, что столпились на улице, разыгрывалась увлекательная игра.

Женщины показывали незнакомцам грудь в обмен на пластиковые украшения. Мужчины хрипло выкрикивали свои пожелания и швыряли в качестве выкупа бусы. Женщины на улице могли демонстрировать свои прелести мужчинам, стоящим на балконе, а женщины на балконах демонстрировали себя толпе на улице.

Это был узаконенный веками ритуал, разыгрываемый как по нотам. Странные и старомодные игры, напоминавшие обычай придерживать даму под локоть в танце.

Симпатичная рыжуха с соседнего балкона собрала вокруг себя большую толпу обожателей. Она поцеловала ухмыляющегося пьяного дружка, стоящего рядом с ней и откинулась, позвякивая громадным количеством золотых, зеленых и малиновых бус, висевших у нее на шее, а затем игриво притронулась к застежке блузы. Толпа взревела, хором требуя демонстрации.

Помучив их и доведя до неистовства, она перекинула связку бус через плечо и обнажила грудь. На это стоило посмотреть. Один из поклонников медленно, но решительно поднял руку и погладил ее сосок. Оскар почувствовал себя как рыбка, которая заглотила крючок.

Он вернулся в гостиничную комнату. Грета уже оторвалась от записей. У нее был бледный и задумчивый вид.

— Что все это значит? — спросил Оскар.

— Странная штука. — Она отложила карандаш в сторону. — Я думала. Я была способна думать о нейрологии, когда мы занимались сексом.

— Да?

— Ну, это было больше похоже на дремы о нейрологии. Ты меня возбудил до крайности, и я была правда на самом краю… ты понимаешь ведь, как ты себя чувствуешь, когда ты на самом краю? И я думала о волновом воздействии на глиальные клетки. И вдруг меня осенило, что стандартный кальциевый волновой метод никуда не годится, что есть лучший способ описать деполяризацию, и я почти ухватила эту мысль, я почти уловила идею и тут застряла. Застряла там на краешке. И я не могла ни отпустить ее, ни двинуться дальше, а наслаждение росло. И тут мои мозги буквально захрипели, и я почти потеряла сознание. И вот тогда меня озарило, это было как сверкающий поток. И тогда я спрыгнула с кровати, чтобы все записать. Он подошел к столу.

— И на что это похоже?

— О! — Грета быстро убрала листочки. — Это просто еще одна идея. Я имею в виду, что когда я рассмотрела это на бумаге, то поняла, что на самом деле гли-альный синситиум никак не может вести себя так. Это умная мысль, но она не подкрепляется исследованиями. — Она вздохнула. — Но это было такое потрясающее чувство. Когда это произошло. Господи, если бы так всегда происходило!

— Но ты не собираешься так поступать каждый раз?

— Нет. У меня просто нет такого количества идей. — Она посмотрела на него, ее губы раздвинулись в улыбке. — А у тебя есть еще идеи?

— Ну да.

— И какие?

Он придвинулся к ней поближе.

— Разные штучки, которые я могу проделать с тобой.

Они забрались опять в кровать. На этот раз она потеряла сознание. Он не заметил, как она ускользнула из реальности, поскольку ее тело продолжало двигаться спокойно и ритмично, хотя глаза закатились. Когда она заговорила, он тоже сразу потерял сознание.

— Ты со мной? — глухо прошептала она.

— Да, я здесь, — сказал Оскар, стараясь говорить сквозь судорожные движения тела. Они оба ушли из области сознательного вглубь, в невидимые области, и едва были способны оттуда проявлять себя внешне. Но они выбрали хороший момент. Их вспотевшие тела уже замедляли свое движение, погружаясь в мягкую релаксацию. Им было легко, вокруг них расстилался озаренный лунным светом океан сексуальности, омывавший

далекие берега. Они могли дышать вместе.

Когда они проснулись, было около десяти часов вечера. Огни с улицы проникали сквозь шторы и ложились цветными пятнами на потолок. Грета потянулась и зевнула, потерлась коленом о его ногу.

— Как приятно, когда после этого проваливаешься в сон.

— Да, похоже, это входит у нас с тобой в привычку.

— Я думаю, это хорошо. — Она вылезла из кровати. — Душ… — Ее голос стал почти неслышен, когда она вышла. — Ого! У них есть даже биде! Отлично!

Оскар пошел за ней.

— Можно принять душ. Потом одеться, — довольно сказал он. Занятия любовью были позади, им всегда предшествовало напряженное ожидание, которое несколько тяготило. Но сейчас он чувствовал себя отлично. Они оба очистились, напряжение ушло, они могли радоваться друг другу.

— Давай наденем маски и выйдем выпить где-нибудь кофе. Я тебя проведу по улицам, это будет забавно.

— Хорошая идея. — Она посмотрела в зеркало

на смятую прическу и поморщилась. — Один бокал мартини — уже много.

— Ты прекрасно выглядишь. Я отлично себя чувствую. Я чувствую себя счастливым.

— И я тоже. — Она встала под душ.

— Это выходные, — рассеяно сказал он. — У нас с тобой просто маленькие каникулы, мы можем жить этим моментом, просто жить, как нормальные люди.

Они оделись и вновь вышли на балкон. Все балконы были теперь полны народа, незнакомые люди дружелюбно улыбались. Стоило Грете появиться, как с улицы послышались выкрики и откровенно мужские предложения.

Глаза Греты, спрятанные под маской, изумленно расширились.

— О, господи, — пробормотала она, — я всегда знала, что вы, мужчины, ждете от женщин, но стоять вот так и выкрикивать это вслух… Прямо не верится.

— Ты можешь продемонстрировать свои прелести, если тебе хочется. Они подарят тебе за это бусы.

Она задумалась.

— Я могу это сделать, но только если ты спустишься вниз и будешь кричать.

— Это редкая возможность. Дай-ка я найду камеру.

Она соблазнительно улыбнулась.

— Мистер, не забудьте бросить мне мои бусы. И они должны быть очень красивые.

— Я принимаю вызов, — ответил Оскар.

Нить с зелеными и золотыми бусинками полетела с улицы в сторону Греты. Она попыталась схватить ожерелье, но не удержала и уронила. Прямо под ними на мостовой какой-то человек среднего возраста, с усами, торчащими из-под маски, прыгал, размахивал руками и кланялся Грете. Он махал обеими руками так отчаянно, будто сигналил самолету.

— Посмотри на этого чудака, — усмехнулся Оскар. — Он просто сходит с ума по тебе.

— С ним уже есть девушка, — ответила Грета. Человек и его улыбающаяся подружка пробрались сквозь толпу и оказались непосредственно перед балконом.

— Доктор Пеннингер! — закричал мужчина. — Эй! Покажите нам ваши мозги!

— О, черт! — сердито сказал Оскар. — Это наверняка папарацци.

— Эй, Оскар, — громко крикнул мужчина, снимая маску. — Посмотри сюда! Послушай!

— Ты знаешь этого человека? — спросила Грета.

— Нет… — Оскар вдруг выпрямился. — Эй! Знаю! Это Йош! Это Йош Пеликанос. — Он перегнулся через перила и закричал: — Йош! Привет!

— Посмотрите! — кричал Йош, указывая на брюнетку в маске, что стояла рядом с ним. — Глядите! Это Сандра!

— О чем он говорит? — спросила Грета.

— Это его жена, — восторженно промолвил Оскар. — Это его жена Сандра. — Он приложил руки рупором ко рту и выкрикнул. — Сандра! Привет! Рад тебя видеть!

— Мне лучше! — радостно отозвалась Сандра. — Мне намного лучше!

— Это замечательно! — кричал Оскар. — Чудесно! Поднимайтесь к нам, Йош! Поднимайтесь и выпейте с нами!

— Нет времени! — выкрикнул Пеликанос. Его жена удалялась по улице, ее увлекала за собой толпа. Пеликанос поймал ее за руку, прикрывая от людского потока. Она, казалось, чувствовала себя немного неуверенно на людях, что было неудивительно, учитывая девять лет, проведенных в клинике для психически больных.

— Мы спешим заняться любовью! — сообщила

она им с сияющей улыбкой.

— Да благословит вас Бог, доктор Пеннингер! — крикнул напоследок Пеликанос, махая им рукой и удаляясь. — Вы гений! Спасибо вам за то, что вы есть! Спасибо за то, что вы такая!

— Кто эти люди? — удивленно спросила Грета. — И почему ты их приглашал зайти?

— Это мой мажордом. И его жена. Она болела шизофренией.

— Что было с его женой? — она помолчала. — А-а, это должно быть NCR-40 аутоиммунный синдром. Сейчас это лечится. С ней все будет хорошо.

— Тогда и с ним все будет хорошо.

— Он выглядел нормально, когда перестал прыгать. Даже симпатично.

— Я его просто не узнал. Я никогда прежде не видел его счастливым. — Оскар помолчал. — Это ты сделала его счастливым.

— Ну возможно, я заслуживаю доверия. — Она улыбнулась. — Я не хочу сказать, что у меня не было намерений сделать его счастливым. Наука гордится многими вещами, которые вовсе не собиралась совершать. Наука не становится лучше от того, что ее достижения иногда помогают людям. Но, с другой стороны, это может означать,

что наука на самом деле способна точно так же причинять человечеству вред.

— Не уверен, что могу согласиться с тобой. Это не политический образ мысли.

Грета сделала большой глоток шампанского. Мужчины на улице по-прежнему кричали, пытаясь привлечь ее внимание, но она по-королевски игнорировала выкрики.

— Посмотри на меня, — внезапно сказала она. Длинными пальцами она разгладила маску из перьев. Ее глаза в прорезях вдруг начали вращаться в противоположных направлениях.

Оскар подскочил.

— Ух ты! Как ты это делаешь?

— Научилась. После долгих тренировок. Я теперь могу даже видеть две вещи одновременно. — Глаза ее крутились и вращались, как хвост хамелеона.

— Боже! А как это сделать? Ты просто думаешь об этом, да? Просто не верится! Ну-ка, посмотри на меня. Двумя глазами… А теперь одним. Господи, это самая потрясающая штука, какую я когда-либо видел. Просто волосы встают дыбом. Милая, ну покажи еще раз, как они двигаются! Господи, я должен заснять это на пленку!

— Тебя это не пугает? Я ведь еще никому этого

не демонстрировала.

— Меня это устрашает! Я просто каменею! От восторга! Ну почему, почему только я один понимаю, до чего это сексуально! — Он засмеялся. — Ты сводишь меня с ума! Поцелуй меня!